H. ant. 439 t/3

18
11

Библіотека Сергіево-Посадской Гимназіи.

№8
№1954

Л 1
2370

12

22930 / 10

ПРОПИЛЕИ.

СБОРНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ П. ЛЕОНТЬЕВЫМЪ.

КНИГА III.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

съ дополненіями.

№ 8
№ 1954
СЕРГІЕВО-ПОСАДСКОЙ ГИМНАЗІИ

МОСКВА.
1857.

29950
/10

ПРОПИЛЕИ.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

ПО КЛАССИЧЕСКОЙ ДРЕВНОСТИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

П. ЛЕОНТЬЕВЫМЪ.

№ 1954

Bayerische Staatsbibliothek München

КНИГА III.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАТКОВА И К°.

1858.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Октября 19-го 1856 года.

Цензоръ *Н. Фонъ-Крузе.*

Напеч. съ изд. 1853 г. безъ перемѣнъ.

Fgl/80(6242)

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Переводы, разборы и описанія памятниковъ, изслѣдованія, характеристики, очерки.

Стран.

Хвастливый воинъ, комедія Плавта, переводъ съ латинскаго. *С. Д. Шестакова* 3

Очерки древнѣйшаго періода греческой философіи. *М. Н. Каткова.* 61

Критическія разысканія о законодательствѣ Алкмеонида Клисѳена. *М. С. Куторги* 145

О древнеклассическомъ намятникѣ, перевезенномъ изъ Рима въ Порѣчье. Записка Президента Императорской Академіи Наукъ *Графа С. С. Уварова* 188

Римъ. Его же 195

Письма изъ Рима и Неаполя *А. А. Авдѣева* 209

День въ римскомъ циркѣ. *Августа Данца* 245

Римскія женщины по Тациту (Агриппина младшая и Поппея Сабина). *П. Н. Кудрявцева* 271

Баіи. *Н. Б–го* 337

Родословіе дома Цезарей 348

Керчь и Тамань въ іюлѣ мѣсяцѣ 1852 года. *П. В. Беккера* . . 349

Собраніе древностей г. Монферрана. *Б. В. Кёне* 383

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Свѣдѣнія о трудахъ новѣйшихъ ученыхъ по части классической древности.

Исторія Греціи до персидскихъ войнъ. (Начало достовѣрной исторіи. Геллада и Геллены. Два средоточія этого періода: Спарта и Аѳины). *Издателя* 3

Чтенія Нибура о древней исторіи. *Т. Н. Грановскаго* 155

Августъ Бёкъ. *Издателя* 191

Замѣчанія на одну рецензію. *М. Каткова*. 207

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ПЕРЕВОДЫ, РАЗБОРЫ И ОПИСАНІЯ ПАМЯТНИКОВЪ, ИЗСЛѢДОВАНІЯ, ХАРАКТЕРИСТИКИ, ОЧЕРКИ.

ХВАСТЛИВЫЙ ВОИНЪ.

КОМЕДІЯ ПЛАВТА.

ПЕРЕВЕЛЪ СЪ ЛАТИНСКАГО

С. ШЕСТАКОВЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

—

Пиргополиникъ, воинъ.
Артотрогъ, его паразитъ.
Палестріонъ, слуга ~~Плевсикла~~.
Периплекоменъ, старикъ.
Филокомасія, любовница ~~Плевсикла~~.
Плевсиклъ, молодой человѣкъ.
Сцеледръ, рабъ Пиргополиника.
Лукріонъ, мальчикъ его же.
Акротелевтія, дѣвушка.
Мильфидиппа, ея служанка.
Мальчикъ.
Каріонъ, поваръ Периплекомена.

Дѣйствіе происходитъ въ Эфесѣ. Сцена представляетъ улицу, на которой находятся дома Пиргополиника и Периплекомена.

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ I.

Пиргополиникъ, Артотрогъ.

Пиргополиникъ. Смотрите, чтобы щитъ мой блестѣлъ чище солнца, когда̀ лучи его жгутъ въ полуденное время, чтобы, когда нужда случится, если будетъ война, чтобы онъ блескомъ ослѣпилъ въ бою глаза врагамъ. Хочу утѣшить я мой мечъ, чтобъ онъ не плакалъ и не скорбѣлъ о томъ, что я такъ давно уже ношу его празднымъ, не даю ему работы, бѣдному, когда ему такъ сильно хочется покрошить враговъ. Но гдѣ же Артотрогъ?

Артотрогъ. Здѣсь онъ, стоитъ подлѣ мужа сильнаго и счастливаго, мужа красоты царственной, воителя, предъ которымъ самъ Марсъ не смѣлъ бы молвить слова, или дѣла свои сравнить съ твоими.

Пиргополиникъ. Не тотъ ли это, котораго я спасъ въ поляхъ Горгонидонскихъ, гдѣ Бомбомахидъ, Нептуновъ внукъ, былъ главнымъ полководцемъ?

Артотрогъ. Помню, помню. Ты говоришь о томъ, что̀ былъ съ золотымъ оружіемъ, котораго полки однимъ дыханіемъ разсѣялъ ты, какъ вѣтеръ листья иль солому съ крыши.

Пиргополиникъ. Ну, это еще ничего!

Артотрогъ. И подлинно, что ничего въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ я еще скажу, *(въ сторону)* чего ты не дѣлалъ. Если кто видѣлъ когда-нибудь человѣка лживѣе или хвастливѣе вотъ этого молодца, тотъ пусть беретъ меня себѣ; я согласенъ идти къ тому въ кабалу, коли тамъ не черезчуръ голодаютъ , сидя на одномъ несчастномъ сырѣ.

Пиргополиникъ. Эй! гдѣ ты?

Артотрогъ. Вотъ онъ! Ну да вотъ хоть какъ ты слону-то въ Индіи руку переломилъ однимъ ударомъ кулака.

Пиргополиникъ. Какъ? руку?

Артотрогъ. То бишь, ногу, хотѣлъ я сказать.

Пиргополиникъ. А вѣдь я еще не изо всей силы ударилъ.

Артотрогъ. Разумѣется! вѣдь еслибы ты немножко понатужился, рука твоя прошла бы черезъ кожу, черезъ кишки и черезъ голову слона.

Пиргополиникъ. Не надо теперь объ этомъ.

Артотрогъ. Да и не стóитъ, правда, тебѣ разсказывать-то мнѣ. Я вѣдь знаю всѣ твои доблестные подвиги. *(Въ сторону)* Охъ! желудокъ причиняетъ мнѣ всѣ эти кручины: надобно ушамъ слушать, чтобы зубамъ не пришлось попусту щелкать. Вотъ и поддакивай, что̀ ему ни вздумается соврать.

Пиргополиникъ. А то, знаешь, что̀ я хочу сказать?

Артотрогъ. А, знаю, знаю. Помню, такъ точно, было это!

Пиргополиникъ. Что̀ такое?

Артотрогъ. Все, что̀ тебѣ угодно.

Пиргополиникъ. Есть у тебя дощечки?

Артотрогъ. Нечего и спрашивать. Разумѣется, есть, и стиль есть *).

Пиргополиникъ. Ты тотчасъ готовъ исполнить мое желаніе.

Артотрогъ. Мнѣ слѣдуетъ характеръ твой давно ужь знать, и стараться — твои желанія предупреждать.

Пиргополиникъ. Что̀ же? ты помнишь?

Артотрогъ. Помню, помню. Сто пятьдесятъ въ Киликіи, сто въ Крифіолатроніи, тридцать Сардійцевъ, шестьдесятъ Македонянъ, всѣхъ этихъ ты въ одинъ день убилъ.

Пиргополиникъ. Сколько же это всего-то?

Артотрогъ. Семь тысячъ!

Пиргополиникъ. Такъ и должно быть: хорошо сосчиталъ.

Артотрогъ. А вѣдь не написано у меня. Это я такъ помню.

Пиргополиникъ. Славная у тебя память, право.

Артотрогъ. Обѣды твои напоминаютъ мнѣ.

Пиргополиникъ. Если ты будешь всегда такимъ, какъ до сихъ поръ былъ, ты всегда будешь сытъ, всегда будешь обѣдать у меня.

*) Древніе употребляли для письма навощенныя дощечки, на которыхъ писали палочкой, съ одной стороны завостренной (стилемъ).

Артотрогъ. А въ Каппадокіи-то ты однимъ ударомъ убилъ было пятьсотъ, еслибы не тупъ былъ мечъ твой. Помнишь?

Пиргополиникъ. Ужь мнѣ надоѣло убивать, я и оставилъ ихъ жить.

Артотрогъ. Да что̀ мнѣ разсказывать тебѣ, что̀ всѣ ужь люди знаютъ, что ты одинъ на землѣ Пиргополиникъ, непобѣдимый доблестью, и красотою, и славными дѣлами! Какъ женщины всѣ тебя любятъ! Да и какъ не любить такого красавца? Вотъ хоть тѣ, напримѣръ, что вчера поймали меня за плащъ.

Пиргополиникъ. А что̀ онѣ тебѣ вчера говорили?

Артотрогъ. Да онѣ спрашивали: что̀ это, Ахиллесъ, говорятъ, съ тобою? Нѣтъ, говорю, это братъ его. Тутъ другая, ахъ, говоритъ, какой красивый, благородный видъ у него! Посмотри, говоритъ, какъ пристали къ нему эти длинные волосы! Ахъ, говоритъ, какъ счастливы тѣ женщины, которыя съ нимъ знакомы!

Пиргополиникъ. Такъ онѣ и говорили?

Артотрогъ. Да какъ же не такъ-то, когда онѣ обѣ умоляли меня, чтобы я провелъ тебя сегодня мимо ихъ, какъ чудо какое?

Пиргополиникъ. Это большое несчастье — быть слишкомъ красивымъ мущиной.

Артотрогъ. Надоѣли мнѣ: просятъ, умоляютъ, нельзя ли какънибудь тебя видѣть, къ себѣ зовутъ; мнѣ нельзя исполнять твоихъ порученій.

Пиргополиникъ. Но время ужь, кажется, идти на площадь, чтобы раздать жалованье солдатамъ, которыхъ я вчера набралъ здѣсь. Царь Селевкъ очень просилъ меня, чтобы я набралъ и нанялъ ему солдатъ. Я положилъ посвятить нынѣшній день на это.

Артотрогъ. Ну такъ пойдемъ.

Пиргополиникъ. Слѣдуйте за мной, тѣлохранители.

ДѢЙСТВІЕ II.

ЯВЛЕНІЕ I.

Палестріонъ *(одинъ)*.

Если вы захотите послушать, я готовъ разсказать вамъ содержаніе комедіи. А если кто не хочетъ слушать, пусть встанетъ и выйдетъ вонъ, чтобы было гдѣ сѣсть тому, кто хочетъ слушать. — Теперь я разскажу и содержаніе комедіи, которую мы сейчасъ будемъ

играть, и скажу имя комедіи. По-гречески она называется ἀλάζων; по-латыни мы переводимъ это *gloriosus* (хвастунъ). Городъ этотъ Эфесъ; оттуда и воинъ этотъ, мой баринъ, который ушелъ сейчасъ на площадь, хвастунъ безстыдный, скверный, лживый, развратный. Онъ разсказываетъ обыкновенно, что за нимъ всѣ женщины гоняются. А въ самомъ дѣлѣ онъ служитъ посмѣшищемъ всѣмъ; стóитъ показаться ему, и всѣ хохочутъ. Веселыя женщины дѣлаютъ ему обыкновенно гримасы, показывая, будто посылаютъ ему поцѣлуи. Я впрочемъ недавно у него служу, и разскажу вамъ также, какъ я попался къ нему въ рабство — отъ того, кому служилъ прежде. Слушайте: теперь-то я начну содержаніе комедіи. Былъ у меня господинъ въ Аѳинахъ, прекрасный молодой человѣкъ. Онъ любилъ одну дѣвушку, тоже изъ Аѳинъ, и она его любила. А ужь это извѣстное дѣло, что взаимная любовь — самая лучшая. По очень важному дѣлу государственному посланъ онъ былъ въ Навпактъ. Во время его отсутствія пріѣзжаетъ въ Аѳины вотъ этотъ солдатъ, знакомится съ любезною моего господина, начинаетъ поддѣлываться къ ея матери, принося ей часто разную провизію, вино, вещицы. Такимъ-то манеромъ сдѣлался онъ ея искреннимъ. А потомъ, какъ представилась оказія, онъ и утеръ ей носъ, матери-то дѣвушки, которую любилъ мой господинъ. Разъ, тайно отъ матери, схватилъ онъ дочь, на корабль, да и былъ таковъ. Вотъ онъ и привезъ ее сюда въ Эфесъ противъ воли. Я какъ только узналъ, что баринова любезная увезена изъ Аѳинъ, ту же минуту сыскалъ судно, и отправляюсь въ Навпактъ объявить своему господину объ этомъ происшествіи. Только-что мы вышли въ море (ужь, видно, богамъ было такъ угодно), нападаютъ на наше судно разбойники и забираютъ насъ. Такъ и пропалъ я, прежде чѣмъ успѣлъ увидѣть своего господина. Тотъ, который взялъ меня, подарилъ меня этому воину. Только-что онъ привелъ меня въ свой домъ, тутъ я и вижу бариновуто любезную, что̀ была въ Аѳинахъ. Какъ увидѣла она меня, и мигнула мнѣ, чтобы я не узнавалъ ея и не называлъ по имени. Потомъ, какъ представился случай, и жалуется она мнѣ на свою несчастную долю; говоритъ, что ей хочется убѣжать изъ этого дома въ Аѳины, что она все любитъ того моего господина, что̀ былъ въ Аѳинахъ, и никого такъ не ненавидитъ, какъ этого солдата. Какъ узналъ я такое расположеніе дѣвушки, взялъ, написалъ потихоньку письмецо, и далъ одному купцу отвезть господину моему, что̀ въ Аѳинахъ. Я писалъ ему, чтобъ онъ пріѣзжалъ сюда. Онъ не пренебрегъ этимъ извѣстіемъ. Теперь онъ ужь здѣсь, и остановился

вотъ тутъ рядомъ, у одного знакомаго отца своего, славнаго старичка. Этотъ старичекъ и услуживаетъ теперь гостю, помогаетъ намъ и дѣломъ и совѣтомъ. Вотъ я и устроилъ тутъ теперь славную штуку, чтобы дать средство видѣться любовникамъ. Въ комнатѣ, которую далъ воинъ своей наложницѣ, съ тѣмъ, чтобы никто туда не входилъ, кромѣ ея самой, пробилъ я стѣну, чтобы былъ женщинѣ проходъ изъ нашего дома въ домъ сосѣда. И старикъ знаетъ объ этомъ: онъ и мысль-то эту далъ. Есть у меня тутъ товарищъ, человѣкъ немного стоющій, котораго воинъ приставилъ сторожемъ къ наложницѣ. Ему мы такую хитрую фабрику подведемъ, куриную слѣпоту на глаза наведемъ, такъ что онъ, что̀ увидитъ — не увидитъ. А потомъ, чтобы вы не были въ заблужденіи, женщина эта будетъ сегодня двухъ представлять: одну — здѣсь у насъ, другую — у сосѣда. Будетъ-то одна и та же, только покажется, что другая. Такимъ-то маперомъ мы и утремъ носъ этому приставу. Но вотъ дверь стукнула тутъ у сосѣда. Вотъ онъ самъ выходитъ. Вотъ онъ и есть, тотъ славный старикъ, о которомъ я говорилъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Периплекоменъ, Палестріонъ.

Периплекоменъ *(къ слугамъ)*. Если вы не переломаете ноги кому бы то ни было, кого увидите впередъ изъ чужихъ на нашей крышѣ, такъ я выкрою ремни изъ вашихъ спинъ. Что̀ это такое? Сосѣди будутъ подсматривать, что̀ у меня въ домѣ дѣлается! Слышите, что̀ я вамъ приказываю: если вы увидите на нашей крышѣ кого-нибудь — изъ солдатовыхъ, кромѣ Палестріона, такъ и столкните его на улицу. Пусть себѣ говоритъ, что онъ ищетъ голубя, или курицу, или обезьяну; если вы не заколотите его до смерти, то вамъ худо будетъ. Постарайтесь, чтобы не могли они послѣ грѣшить противъ закона объ азартной игрѣ, чтобъ безъ пятокъ *) пировали дома.

Палестріонъ. Не знаю, что̀ это сдѣлала наша прислуга старику, что онъ велитъ пятки отбить моимъ товарищамъ. Меня впрочемъ онъ исключилъ, а что̀ съ другими прочими будетъ, мнѣ все равно. Подойду я къ нему.

*) Въ подлинникѣ игра словъ непереводимая: lex talaria — противъ азартной игры въ кости; *tali* — и кости и пятки.

Периплекоменъ. Кажется, это ко мнѣ идетъ кто-то?

Палестріонъ. Что̀ подѣлываешь, Периплекоменъ?

Периплекоменъ. Какъ кстати! А мнѣ очень хотѣлось тебя видѣть.

Палестріонъ. Что̀ такое? Что̀ за исторія у тебя съ нашими?

Периплекоменъ. Пропали мы.

Палестріонъ. Что̀ тамъ такое?

Периплекоменъ. Все дѣло открылось.

Палестріонъ. Какое дѣло?

Периплекоменъ. Сейчасъ не знаю кто-то изъ вашихъ съ крыши видѣлъ черезъ имплувіумъ *) гостя моего и Филокомасію, какъ они цѣловались тамъ у меня.

Палестріонъ. Да кто видѣлъ-то?

Периплекоменъ. Да не знаю. Такъ онъ скоро успѣлъ убраться.

Палестріонъ. Ну, пропалъ я, коли такъ.

Периплекоменъ. Когда онъ уходилъ, я и кричу ему: эй, ты, говорю, что̀ ты тамъ дѣлаешь на крышѣ? Обезьяну ищу, отвѣчаетъ онъ мнѣ, — и ушелъ.

Палестріонъ. Горе мнѣ бѣдному, приходится погибнуть изъ-за ничтожнаго скота. А Филокомасія и теперь еще у тебя?

Периплекоменъ. Когда я выходилъ, она была тамъ.

Палестріонъ. Если она еще у тебя, вели, пожалуста, ей перейдти поскорѣй домой, чтобы ее видѣла дома прислуга, если она не хочетъ насъ, рабовъ, видѣть преданными всѣмъ мученіямъ за ея любовь.

Периплекоменъ. Я сказалъ ужь ей это. Еще что̀ не хочешь ли?

Палестріонъ. Хочу. Вотъ что̀ скажи ей, чтобы никакъ не отступала отъ женскаго права, но чтобы помнила женскія хитрости и притворство.

Периплекоменъ. Какъ это?

Палестріонъ. Чтобы того, кто видѣлъ ее у тебя, убѣдила она, что онъ не видалъ. Если станетъ ее уличать, пусть подъ клятвою увѣряетъ, что это не такъ. Если даже сто разъ ее видѣли, все-

*) Въ срединѣ всякаго римскаго дома былъ небольшой дворикъ, открытый для воздуха и дождя. Отверстіе въ крышѣ, чрезъ которое проходилъ свѣтъ въ этотъ дворикъ, называлось имплувіумъ. Дворикъ этотъ былъ окруженъ галлереей, изъ которой были двери въ разныя комнаты. Филокомасія и Плевсиклъ сидѣли, значитъ, въ этой галлереѣ; Сцеледръ, заглянувъ черезъ имплувіумъ, могъ ихъ видѣть.

таки должна говорить, что неправда. Хитрой женщинѣ огороднику нечего кланяться: дома у ней цѣлый садъ съ приправами всѣхъ хитростей; дома ротъ, языкъ, обманъ, хитрость, дерзость; дома коварство, дома лесть, дома притворство.

Периплекоменъ. Я скажу ей это, если она еще тамъ. Но что̀ это такое, Палестріонъ, что ты разсуждаешь самъ съ собою?

Палестріонъ. Погоди немножко, пока я соберусь съ мыслями и придумаю, что̀ мнѣ дѣлать, какую хитрую штуку подготовить этому хитрому рабу, который видѣлъ ее здѣсь, какъ она цѣловалась, такъ чтобы онъ видѣлъ — не видѣлъ.

Периплекоменъ. Поищи. А я между тѣмъ отойду отъ тебя сюда. — Посмотрите-ка на него, какъ онъ стоитъ тамъ одинъ съ такимъ озабоченнымъ видомъ. Вотъ онъ постукиваетъ пальцами въ грудь, какъ будто сердце хочетъ вызвать наружу. Вотъ онъ повернулся; вотъ лѣвая рука на лѣвомъ боку, правой по пальцамъ высчитываетъ, бьетъ по правому боку. Видно не находитъ, что̀ нужно. Вотъ защелкалъ пальцами: трудно видно. Часто перемѣняетъ положеніе. Вотъ головою мотаетъ: видно не годится, что̀ придумалъ. Что̀ бы то ни было, ужь онъ недоваренаго не дастъ, а коли что̀ дастъ, такъ хорошо сварено. Вотъ онъ строитъ: подперъ подбородокъ рукою, словно колонною. Прочь съ этой постройкой, не нравится она мнѣ: слышалъ я, что такое положеніе принималъ римскій поэтъ, при которомъ безпрестанно были два сторожа *). Вотъ хорошо, красиво стоитъ, какъ слѣдуетъ рабу въ комедіи. Ужь онъ теперь не успокоится до тѣхъ поръ, пока не придумаетъ, что̀ надобно; нашелъ, кажется. Ну, чтожь ты дѣлаешь? Не спи, проснись, коли не хочешь сегодня подъ розгами здѣсь бодрствовать. Тебѣ говорю. Аль не слышишь, хитрецъ, что я съ тобой говорю? Палестріонъ! Не спи, говорю тебѣ; проснись, говорю; ужь разсвѣло, говорю.

Палестріонъ. Слышу!

Периплекоменъ. Развѣ не видишь, что враги къ тебѣ подходятъ, до спины твоей добираются? Составляй планъ! Скорѣй ищи помощи. Быстро тутъ надобно дѣйствовать, а не медленно. Предупреди какъ-нибудь враговъ или веди свое войско въ тылъ. Спѣши напасть на враговъ; приготовь защиту нашимъ. Перерѣжь врагамъ сообщенія, а себѣ обезопась дороги, чтобы вѣрно могли дойдти запасы къ тебѣ и твоимъ полкамъ. Вотъ о чемъ заботься теперь; дѣло не терпитъ отсрочки. Найди, придумай что-нибудь. Ну, подавай ско-

*) Линдеманъ думаетъ, что Плавтъ говоритъ здѣсь о печальномъ положеніи поэта Невія въ тюрьмѣ.

рѣе хитрый планъ, чтобы то, что̀ видѣли, не видѣли, чтобы то, что̀ было, не было. Великое дѣло ты, человѣкъ, начинаешь; великія укрѣпляешь ты стѣны. И если ты одинъ скажешь, что берешь это дѣло на себя, намъ можно быть увѣреннымъ, что мы разобьемъ враговъ.

Палестріонъ. Говорю, беру.

Периплекоменъ. А я отвѣчаю, что ты сдѣлаешь, что̀ хочешь.

Палестріонъ. Да благословитъ тебя Юпитеръ за это!

Периплекоменъ. Подѣлись же со мною, другъ, своею находкой.

Палестріонъ. Слушай и молчи, пока я буду вводить тебя въ область моихъ хитростей, чтобы мои планы зналъ и ты такъ же, какъ я.

Периплекоменъ. Они будутъ цѣлы въ сердцѣ моемъ, и ты можешь взять ихъ оттуда, когда захочешь.

Палестріонъ. Господинъ мой обтянутъ кожей слона, а не своей; ума у него не больше, чѣмъ въ камнѣ.

Периплекоменъ. Это я самъ знаю.

Палестріонъ. Теперь вотъ какую поведу я хитрую штуку. Скажу ему, что къ Филокомасіи пріѣхала сюда изъ Аѳинъ съ любовникомъ родная сестра ея, такъ на нее похожая, какъ двѣ капли воды, что остановились они у тебя въ гостяхъ.

Периплекоменъ. Славно, прекрасно! Я доволенъ твоею выдумкой.

Палестріонъ. Теперь, если мой товарищъ станетъ доказывать на Филокомасію, что онъ видѣлъ ее тамъ у тебя, какъ она цѣловалась съ другимъ, — я и буду утверждать, что онъ видѣлъ у тебя ту другую сестру, какъ она обнималась и цѣловалась съ своимъ любезнымъ.

Периплекоменъ. Прекрасно! И я то же самое скажу, если меня спроситъ солдатъ.

Палестріонъ. Но говори, смотри, что онѣ удивительно похожи другъ на друга. И Филокомасію надобно научить, чтобы и она знала, чтобы не сконфузилась, если ее спроситъ солдатъ.

Периплекоменъ. Отлично хитрая штука! Ну, а если солдатъ захочетъ ихъ видѣть обѣихъ вмѣстѣ, что̀ дѣлать?

Палестріонъ. Это пустяки. Тысячу причинъ можно придумать: дома нѣтъ, гулять пошла, спитъ, одѣвается, моется, обѣдаетъ, занята, некогда, не можетъ. Сколько хочешь резоновъ, только бы намъ вотъ теперь этого раба довести до того, чтобы онъ вѣрилъ, что говоритъ правду, когда самъ будетъ лгать.

Периплекоменъ. Быть по-твоему. Хорошо.

Палестріонъ. Ступай же теперь къ себѣ, и, если она еще тамъ, вели ей сейчасъ же перебѣжать домой, разскажи ей все это и научи, чтобы она поддерживала нашу выдумку о родной сестрѣ.

Периплекоменъ. Ужь я ее тебѣ представлю отлично ученою. Еще нѣтъ ли чего?

Палестріонъ. А еще — иди!

Периплекоменъ. Иду.

Палестріонъ. И я пойду домой, и постараюсь развѣдать, кто это изъ нашихъ слугъ искалъ сегодня тамъ обезьяну. Нельзя, чтобъ онъ не сказалъ кому-нибудь изъ домашнихъ, что онъ видѣлъ, какъ Филокомасія цѣловалась тутъ у сосѣда съ чужимъ молодцомъ. Мнѣ знакомъ нравъ: не могу молчать о томъ, что̀ одинъ знаю. Если найду, кто видѣлъ, и подведу подъ него всѣ мои машины. Все готово; съ бою возьму человѣка; успѣхъ вѣрный. А если такъ не найду, чутьемъ, какъ охотничья собака, пойду слѣдить до тѣхъ поръ, пока не наслѣжу лисицы. Но вотъ застучала дверь у насъ. Теперь я замолчу; потому что вотъ выходитъ изъ дому мой товарищъ, сторожъ Филокомасіи.

ЯВЛЕНІЕ III.

Сцеледръ, Палестріонъ.

Сцеледръ. Если только не во снѣ это я ходилъ сегодня по крышѣ, то навѣрное знаю, что видѣлъ тутъ у сосѣда Филокомасію, баринову любезную, какъ она себѣ бѣды ищетъ.

Палестріонъ. Такъ вотъ кто видѣлъ ее, какъ она цѣловалась, если я не обслушался!

Сцеледръ. Кто здѣсь?

Палестріонъ. Твой товарищъ. Что̀ подѣлываешь, Сцеледръ?

Сцеледръ. Я радъ, что встрѣтился съ тобой, Палестріонъ.

Палестріонъ. А что̀, развѣ есть какое дѣло? Говори.

Сцеледръ. Боюсь.

Палестріонъ. Чего боишься?

Сцеледръ. Да чтобы намъ, сколько насъ тутъ ни есть прислуги, не наскочить сегодня на большую бѣду, право.

Палестріонъ. Ну, ужь ты одинъ скачи. А я прочь отъ этихъ скачковъ.

Сцеледръ. Ты, можетъ, не знаешь, какое у насъ дѣло-то новое приключилось?

Палестріонъ. Какое тамъ дѣло?

Сцеледръ. Безстыдное.

Палестріонъ. Ну, такъ знай самъ себѣ. Мнѣ не говори: знать не хочу.

Сцеледръ. Нельзя, чтобы ты не зналъ. Я долженъ сказать тебѣ. — Сегодня пошелъ я за нашей обезьяной вотъ на ихъ крышу.

Палестріонъ. Право, Сцеледръ, негодный человѣкъ шелъ за негоднымъ звѣремъ.

Сцеледръ. Да погубятъ тебя боги!

Палестріонъ. Тебя—будетъ приличнѣе, такъ какъ ты началъ говорить.

Сцеледръ. Случайно заглянулъ я черезъ имплувіумъ сюда къ сосѣду: и вижу тамъ Филокомасію, — цѣлуется не знаю съ какимъ-то чужимъ молодцомъ.

Палестріонъ. Что̀ слышу я отъ тебя, Сцеледръ?

Сцеледръ. Я видѣлъ.

Палестріонъ. Ты самъ?

Сцеледръ. Самъ вотъ этими двумя моими глазами.

Палестріонъ. Поди ты! Небылицу расказываешь ты, и не видалъ ты.

Сцеледръ. Да развѣ я слѣпъ, по-твоему?

Палестріонъ. Объ этомъ лучше спросить тебѣ у лѣкаря. А я тебѣ вотъ что̀ скажу: ты эту исторію такъ не поднимай: твоей головѣ и твоимъ ногамъ уголовное дѣло готовишь. Если ты не зажмешь свой глупый ротъ, тебѣ два случая погибнуть.

Сцеледръ. Какъ два?

Палестріонъ. А вотъ какъ. Во-первыхъ, если ты ложно обвинишь Филокомасію, то бѣду наживешь. Во-вторыхъ, если и правда это, тебѣ же бѣда: ты вѣдь приставленъ сторожемъ къ ней.

Сцеледръ. Что̀ со мной будетъ, я не знаю; а что̀ я видѣлъ это, такъ я навѣрное знаю.

Палестріонъ. Опять, несчастный?

Сцеледръ. Что̀ ты хочешь, чтобъ я тебѣ говорилъ, если не то, что̀ я видѣлъ? Да она и теперь еще тамъ, у сосѣда.

Палестріонъ. Ой-ли! а не дома?

Сцеледръ. Поди, посмотри самъ. Я не требую, чтобы мнѣ на слово вѣрили.

Палестріонъ. Хорошо. Я посмотрю. *(Уходитъ и вскорѣ возвращается.)*

Сцеледръ. Я подожду тебя здѣсь. А вмѣстѣ постерегу, когда эта коровка придетъ сюда въ хлѣвъ съ пастбища. Что̀ мнѣ теперь дѣлать? Воинъ приставилъ меня къ ней сторожемъ. Теперь, если я докажу, пропалъ я; промолчу — тоже пропалъ, если это откроется. Что̀ можетъ быть хуже женщины? Пока я былъ на крышѣ, она вотъ ужь и въ гости изволила отправиться. Какая вѣдь дерзость, право! Что̀, если воинъ узнаетъ это, вѣдь онъ, пожалуй, домъ этотъ вверхъ дномъ поставитъ, а меня на висѣлицу. Что̀ ни будетъ, лучше помолчу, чѣмъ такъ пропадать. Не могу же я усторожить ту, которая сама себя продаетъ.

Палестріонъ. Сцеледръ, а Сцеледръ! Есть ли кто другой на землѣ такой дерзкій, какъ ты? Родился ли кто на свѣтѣ несчастнѣе тебя?

Сцеледръ. Что̀ такое?

Палестріонъ. Хочешь ты: я выколю тебѣ глаза, которыми ты видишь то, чего нигдѣ нѣтъ?

Сцеледръ. Какъ, нигдѣ?

Палестріонъ. Ну, не куплю я теперь твоей жизни за орѣхъ пустой.

Сцеледръ. Что̀ такое?

Палестріонъ. Что̀ такое? Ты еще спрашиваешь!

Сцеледръ. Отчего мнѣ не спрашивать?

Палестріонъ. А отчего ты не велишь отрѣзать себѣ этотъ языкъ твой болтливый?

Сцеледръ. Зачѣмъ мнѣ велѣть?

Палестріонъ. Филокомасія-то дома. А ты увѣрялъ, что видѣлъ, какъ она у сосѣда цѣловалась и обнималась съ другимъ.

Сцеледръ. Удивительно мнѣ, что ѣшь лебеду, когда хлѣбъ дешевъ *).

Палестріонъ. Что̀ такое тамъ?

Сцеледръ. Да то, что ты подслѣповатъ.

Палестріонъ. Ты-то, барабанная шкура, слѣпъ, а ужь не подслѣповатъ; потому что вонъ она—дома.

Сцеледръ. Какъ, дома?

Палестріонъ. Право же дома.

Сцеледръ. Поди-ты. Ты забавляешься надо мной, Палестріонъ.

Палестріонъ. Такъ, значитъ, руки у меня запачканы.

Сцеледръ. Отчего такъ?

*) Въ подлинникѣ: lolium, которое считалось вреднымъ для глазъ.

Палестріонъ. Оттого, что я грязью забавляюсь.

Сцеледръ. Бѣда да придетъ на твою голову!

Палестріонъ. На твою придетъ она непремѣнно, Сцеледръ; я это тебѣ обѣщаю, если ты глаза не перемѣнишь свои да языкъ. Но вотъ застучала наша дверь.

Сцеледръ. А я на ту дверь смотрю. Вѣдь ей негдѣ больше перейдти оттуда сюда, какъ прямой дорогой.

Палестріонъ. Да вѣдь она дома, Сцеледръ. Не знаю, какое это зло тебя подмываетъ!

Сцеледръ. Я самъ себѣ вижу, самъ себѣ смыслю, самъ себѣ вѣрю больше всего. Никто меня не убѣдитъ въ томъ, что ея нѣтъ теперь въ этомъ домѣ. Вотъ здѣсь стану противъ двери, чтобы она какъ-нибудь не ускользнула, чтобъ мнѣ не прозѣвать.

Палестріонъ *(въ сторону)*. Мой теперь этотъ человѣкъ. Ужь я его съ этого поста собью. *(Къ Сцеледру)* Хочешь ты, я сдѣлаю, что ты самъ сознаешься въ томъ, что ты глуповидъ?

Сцеледръ. Ну, сдѣлай.

Палестріонъ. Что ты ничего не понимаешь, что у тебя глазъ нѣтъ?

Сцеледръ. Хочу.

Палестріонъ. Ты вѣдь говоришь, что баринова любовница теперь тамъ?

Сцеледръ. И доказываю, что я видѣлъ, какъ она цѣловалась тутъ съ чужимъ мущиной.

Палестріонъ. Ты знаешь, что отъ насъ къ сосѣду нѣтъ никакого прохода?

Сцеледръ. Знаю.

Палестріонъ. Ни террасы, ни сада, развѣ черезъ имплувіумъ пролѣзть?

Сцеледръ. Знаю.

Палестріонъ. Чтожь, если она дома, если ты увидишь ее выходящею отъ насъ, изъ дома, сто́ишь ты, чтобы тебя палками поколотить хорошенько?

Сцеледръ. Сто́ю.

Палестріонъ. Смотри же на эту дверь, чтобы она потихоньку отъ тебя не проскользнула оттуда сюда къ намъ.

Сцеледръ. Я такъ и сдѣлаю.

Палестріонъ. Въ одну минуту я тебѣ представлю ее сюда на улицу.

Сцеледръ. Ну, представь. — Хочу я знать, видѣлъ ли я то, что̀ я видѣлъ, или онъ сдѣлаетъ то, что̀ обѣщаетъ, что она дома. У меня вѣдь свои глаза, и не прошу я ихъ ни у кого на прокатъ. Но этотъ все къ ней подлащивается; онъ ей самый близкій человѣкъ у насъ. Первый зовется къ обѣду; первому похлебка дается. Вѣдь трехъ лѣтъ еще, кажется, нѣтъ, какъ онъ у насъ, а изъ нашей прислуги никого нѣтъ, кому бы лучше было. Но мнѣ надо дѣлать свое дѣло — наблюдать за этой дверью. Стану тутъ противъ: такъ-то они меня ужь никакъ не проведутъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Филокомасія.

Палестріонъ. Помни же то, что̀ я тебѣ говорилъ.

Филокомасія. Удивительно, что ты столько разъ напоминаешь.

Палестріонъ. Но я боюсь, что въ тебѣ не довольно хитрости.

Филокомасія. Десять нехитрыхъ женщинъ научу я хитрости, у меня ея довольно, предовольно. Ну, начинай же теперь свои хитрости. А я отойду отъ тебя.

Палестріонъ *(къ Сцеледру)*. Ну, что̀, Сцеледръ?

Сцеледръ. Свое дѣло дѣлаю. — У меня есть уши: говори, что̀ хочешь.

Палестріонъ. Я думаю, что тебѣ вотъ такимъ манеромъ придется скоро идти за ворота городскія *) съ колодкой на рукахъ.

Сцеледръ. За что̀ это?

Палестріонъ. А вотъ посмотри налѣво. Кто эта женщина?

Сцеледръ. Боги безсмертные! Вѣдь это баринова любовница.

Палестріонъ. Мнѣ, покрайности, такъкажется. Ну, теперь когда угодно....

Сцеледръ. Что̀, когда угодно?

Палестріонъ. Пропадай, провались проворнѣй.

Филокомасія. Гдѣ этотъ добрый слуга, который меня, совершенно невинную, ложно обвинилъ въ постыдномъ дѣлѣ?

Палестріонъ. Вотъ онъ! Вотъ онъ мнѣ сказалъ.

Филокомасія. Какъ это ты говорилъ, что видѣлъ меня тутъ у сосѣда, злодѣй, какъ я обнималась?

Палестріонъ. Онъ сказалъ, что съ чужимъ молодцомъ.

Сцеледръ. Сказалъ, это правда.

*) За воротами Эсквилинскими въ Римѣ казнили рабовъ.

Филокомасія. Ты меня видѣлъ?

Сцеледръ. Вотъ этими самыми глазами.

Филокомасія. А вотъ скоро ихъ не будетъ, этихъ глазъ, которые больше видятъ, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ видятъ.

Сцеледръ. Никогда ты не застращаешь меня такъ, чтобъ я сказалъ, что не видѣлъ того, что̀ видѣлъ.

Филокомасія. И я-то глупая дура, что разговариваю съ этимъ сумасшедшимъ; его просто нужно повѣсить, право.

Сцеледръ. Не грози: и безъ того знаю, что висѣлица будетъ моей могилой. Тамъ умерли и предки мои: отецъ, дѣдъ, прадѣдъ, пращуръ. А глазъ мнѣ не выколешь своими угрозами. — Но два слова, Палестріонъ. Скажи, пожалуста, откуда она вышла сюда?

Палестріонъ. Откуда жь, какъ не изъ дому?

Сцеледръ. Изъ дому!

Палестріонъ. Меня видишь?

Сцеледръ. Вижу. Но удивительное дѣло, какъ это она могла проскользнуть. Террасы нѣтъ у насъ, ни саду, ни окна безъ рѣшетки. — А вѣдь я тебя видѣлъ здѣсь у сосѣда навѣрное.

Палестріонъ. Ты продолжаешь еще, мошенникъ, взносить на нее ту же напраслину?

Филокомасія. А право, кажется, не ложнымъ выходитъ сонъ, что̀ этой ночью приснился мнѣ.

Палестріонъ. Чтожь ты видѣла во снѣ?

Филокомасія. Скажу сейчасъ; пожалуста, слушайте: приснилось мнѣ этой ночью, что пріѣхала изъ Аѳинъ въ Эфесъ съ своимъ любовникомъ родная сестра моя, и что она остановилась здѣсь у сосѣда.

Палестріонъ. Палестріоновъ расказывается сонъ. Продолжай.

Филокомасія. Я радуюсь, что сестра пріѣхала, но черезъ нее же терплю величайшее подозрѣніе; вижу я во снѣ, что одинъ изъ домашнихъ моихъ доказываетъ на меня, что видѣлъ меня, будто я цѣловалась съ чужимъ; а цѣловалась-то моя родная сестра съ своимъ собственнымъ другомъ. Такъ и снилось мнѣ, что ложно оклеветали меня....

Палестріонъ. Не то же ли самое и на яву съ тобой дѣлается, что̀ ты во снѣ видѣла, какъ разсказываешь. Право, какъ это все сбывается! Поди теперь въ домъ и помолись богамъ. Я думаю, что это надо разсказать воину.

Филокомасія. Непремѣнно. Я не позволю, чтобъ на меня даромъ понапрасну взносили разныя скверности.

Сцеледръ. Что это я надѣлалъ! Боюсь; спина такъ вся и чешется.

Палестріонъ. Знаешь ты теперь, что ты пропалъ?

Сцеледръ. Теперь вѣрю, что она дома. Гдѣ бы она ни была, положу себѣ смотрѣть на эту дверь.

Палестріонъ. А скажи, пожалуй, Сцеледръ, какой сонъ-то видѣла она, точь въ точь, какъ ты заподозрилъ ее въ томъ, будто видѣлъ ее, какъ она цѣловалась.

Сцеледръ. Ты думаешь, что я не видалъ ее?

Палестріонъ. Опомнись, право, пора тебѣ. Ну, если это до барина дойдетъ, вѣдь ты пропалъ.

Сцеледръ. Теперь только чувствую я, что у меня темнота какая-то въ глазахъ

Палестріонъ. Да это давно ужь понятно, если она все здѣсь у насъ была.

Сцеледръ. Не знаю, что̀ говорить: видѣлъ, не видѣлъ.

Палестріонъ. Право, ты своею глупостію совсѣмъ было погубилъ насъ. Ты хотѣлъ быть вѣрнымъ господину, а самъ было пропалъ. Но у сосѣда дверью стукнули. Замолчу.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же.

Филокомасія *(выходитъ изъ дома Периплекомена и говоритъ къ служанкѣ, остающейся дома)*. Положи огонь на жертвенникъ. Съ радости я хочу благодарить Діану Эфесскую и покурить ей аравійскимъ ароматомъ, за то, что она сохранила меня въ бурныхъ мѣстахъ Нептуновыхъ, гдѣ отъ грозныхъ волнъ много натерпѣлась я.

Сцеледръ. Палестріонъ, Палестріонъ!

Палестріонъ. О Сцеледръ, Сцеледръ, что̀ тебѣ надобно?

Сцеледръ. Вотъ эта женщина, которая только-что вышла отсюда, не баринова ли это любовница, Филокомасія? или это не она?

Палестріонъ. Она, кажется. Право, она. Но удивительное дѣло, какъ это она могла перейти сюда, если только это она.

Сцеледръ. Развѣ у тебя еще сомнѣніе есть, что это она?

Палестріонъ. Кажется, она. Подойдемъ, кликнемъ ее.

Сцеледръ. Эй, чтожь это такое, Филокомасія? Что̀ тебѣ должны въ этомъ домѣ? Какое дѣло тутъ у тебя? чтожь ты молчишь? Съ тобой говорю.

Палестріонъ. Нѣтъ, самъ съ собою: она ничего не отвѣчаетъ.

Сцеледръ. Тебѣ говорю, безстыдница, развратница, что̀ шляешься по сосѣдямъ?

Филокомасія. Кому это ты говоришь?

Сцеледръ. Кому жь, какъ не тебѣ?

Филокомасія. Что̀ ты за человѣкъ, и какое у тебя дѣло со мной?

Сцеледръ. Гм! ты еще спрашиваешь меня, кто я?

Филокомасія. Какъ же мнѣ не спрашивать, когда я не знаю?

Палестріонъ. Ну, такъ я кто, коли ты его не знаешь?

Филокомасія. Досадный человѣкъ, кто бы ты ни былъ, и ты, и этотъ.

Сцеледръ. Такъ ты не знаешь насъ?

Филокомасія. Ни того, ни другаго.

Сцеледръ. Боюсь я очень.

Палестріонъ. Чего ты боишься?

Сцеледръ. Чтобы не погубить намъ себя какъ-нибудь. Она говоритъ, что не знаетъ ни меня, ни тебя.

Палестріонъ. Хочу я теперь, Сцеледръ, спросить, что̀ мы, наши или чужіе? ужь не подмѣнилъ ли насъ кто-нибудь изъ сосѣдей потихоньку?

Сцеледръ. Я, покрайности, нашъ.

Палестріонъ. И я. Худа ты хочешь себѣ, дѣвка. Тебѣ говорю. Эй, Филокомасія!

Филокомасія. Что̀ ты, съ ума сошелъ что ли, что называешь меня чужимъ именемъ?

Палестріонъ. Э! а какъ же тебя зовутъ?

Филокомасія. Меня зовутъ Глицерой.

Сцеледръ. Неправда. Чужое имя берешь, ты Филокомасія, поди ты, злодѣйка! ужь очень негодно ты поступаешь съ моимъ господиномъ.

Филокомасія. Я?

Сцеледръ. Ты, да, ты.

Филокомасія. Я, которая вчера вечеромъ пріѣхала въ Эфесъ изъ Аѳинъ съ моимъ любовникомъ, молодымъ Аѳиняниномъ?

Сцеледръ. Скажи мнѣ, что̀ у тебя за дѣло здѣсь въ Эфесѣ?

Филокомасія. Я слышала, что здѣсь моя родная сестра; ее пріѣхала я отыскивать.

Сцеледръ. Хитра ты.

Филокомасія. Нѣтъ, право, скорѣй глупа, что разговариваю съ вами. Пойду я.

Сцеледръ. Я не пущу тебя уйдти.

Филокомасія. Пусти.

Сцеледръ. Нѣтъ, не пущу. Дѣло явное.

Филокомасія. Ну, такъ у меня руки застучатъ, а у тебя щеки, если ты меня не пустишь.

Сцеледръ *(къ Палестріону)*. Что же ты такъ стоишь, чтобы тебя нелегкое взяло? Что не подержишь ее съ другой стороны?

Палестріонъ. Что мнѣ накликать бѣду на свою спину? Почемъ я знаю, можетъ-быть это и не Филокомасія, а другая, съ ней схожая.

Филокомасія. Пустишь ты меня, или не пустишь?

Сцеледръ. Нѣтъ, а если охотой не пойдешь, такъ я тебя силой, противъ воли, потащу домой.

Филокомасія. Здѣсь у меня чужой домъ; мой домъ въ Аѳинахъ.

Сцеледръ. Но здѣсь господинъ.

Филокомасія. А мнѣ дѣла нѣтъ до этого твоего дома, и до васъ тоже, я не знаю, что̀ вы за люди.

Сцеледръ. Условіе сдѣлаемъ. Я не пущу тебя, если ты не дашь мнѣ слово и клятву, что ты пойдешь сюда въ домъ, когда тебя отпущу.

Филокомасія. Ты насильно меня заставляешь. Кто бы ты ни былъ, даю тебѣ слово въ томъ, что, если ты пустишь меня, я пойду туда, куда велишь.

Сцеледръ. Ну, вотъ я и пустилъ тебя.

Филокомасія. А я вотъ и ушла.

Сцеледръ. Ты поступила по женской чести.

Палестріонъ. Сцеледръ, выпустилъ ты добычу изъ рукъ; а вѣдь она, что хочешь, она, барина нашего любовница. Хочешь ли ты отважно поступить?

Сцеледръ. Что̀ дѣлать мнѣ?

Палестріонъ. Вынеси мнѣ, поди, мечъ сюда.

Сцеледръ. Что̀ ты хочешь дѣлать съ нимъ?

Палестріонъ. Ворвусь прямо въ домъ: коли застану, кто цѣлуется тамъ съ Филокомасіей, тутъ же на мѣстѣ изрублю.

Сцеледръ. Такъ ты думаешь, что это она?

Палестріонъ. Что̀ тутъ думать? она, совершенно она; а какъ она ловко притворялась! Ступай, вынеси мнѣ мечъ.

Сцеледръ. Въ одну минуту здѣсь будетъ.

Палестріонъ. Ни у коннаго воина, ни у пѣшаго нѣтъ столько смѣлости, чтобы на все такъ самонадѣянно рѣшиться, какъ женщины. Чего онѣ не дѣлаютъ? Какъ она хитро повела обѣ роли! Какъ ловко натянула носъ своему осторожному сторожу, товарищу моему! Счастливо очень, что проходъ есть въ стѣнѣ!

Сцеледръ. Эй, Палестріонъ, не нуженъ мечъ-то.

Палестріонъ. Какъ? Что̀ тамъ такое?

Сцеледръ. Дома вонъ баринова-то любовница.

Палестріонъ. Что̀? дома?

Сцеледръ. Лежитъ на постели.

Палестріонъ. Ну, такъ попался жь ты въ бѣду, коли такъ.

Сцеледръ. Отчего же?

Палестріонъ. Оттого, что ты осмѣлился тронуть эту женщину отъ сосѣда.

Сцеледръ. Еще больше боюсь я, право. А вѣдь это ея сестра, должно-быть, родная.

Палестріонъ. Ну, да. Ее-то ты и видѣлъ тамъ, какъ цѣловалась. Теперь это дѣло ясное, что это она была.

Сцеледръ. Вотъ бѣда-то была бы мнѣ, еслибы я сказалъ барину.

Палестріонъ. Ну, если ты уменъ, такъ будешь молчать. Слугѣ надобно больше знать, чѣмъ говорить. Я уйду отъ тебя, чтобъ не совѣтываться съ тобой больше. Пойду сюда къ сосѣду: не нравится мнѣ этотъ шумъ, что̀ ты затѣялъ. Если баринъ придетъ и спроситъ меня, я здѣсь буду, позови меня тогда.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Сцеледръ и Периплекоменъ.

Сцеледръ. Ушелъ себѣ,—и о господскомъ дѣлѣ вовсе не старается, какъ будто онъ и не слуга. Наша теперь тутъ дома; я самъ сейчасъ нашелъ ее дома лежащею. Надо теперь стараться замѣчать.

Периплекоменъ. Право, эти люди считаютъ меня не мущиной, а бабой, рабы этого сосѣда. Гостья моя, которая вчера пріѣхала сюда изъ Аѳинъ съ моимъ гостемъ, женщина благородная и свободная, была здѣсь на улицѣ затронута и оскорблена!

Сцеледръ. Пропалъ я! Прямо ко мнѣ идетъ. Боюсь, что за это дѣло мнѣ плохо придется, судя по словамъ этого старика.

Периплекоменъ. Подойду къ этому человѣку. Ты ли, Сцеледръ, злодѣйская голова, осмѣлился оскорбить тутъ, передъ самымъ домомъ моимъ, мою гостью?

Сцеледръ. Выслушай меня, пожалуста, сосѣдъ.

Периплекоменъ. Мнѣ слушать тебя?

Сцеледръ. Я хочу оправдаться.

Периплекоменъ. Тебѣ ли оправдаться передо мной, послѣ того какъ ты сдѣлалъ такое скверное дѣло! Или потому, что вы нанимаетесь солдатами у другихъ, вы думаете, что вамъ что̀ угодно можно дѣлать, разбойникъ?

Сцеледръ. Позволишь ли?...

Периплекоменъ. Клянусь богами! Если тебя не отдерутъ розгами порядкомъ, чтобы наказаніе продолжалось отъ утра до вечера, за то, что ты переломалъ у меня доски на крышѣ, когда гонялся тамъ за обезьяной, достойнымъ тебя звѣремъ; за то, что смотрѣлъ оттуда, какъ гость мой, обнявши свою любезную, цѣловалъ ее; за то, что ты осмѣлился оклеветать въ безчестномъ поступкѣ любовницу твоего господина, женщину скромную, а на меня взнести такое подлое дѣло; за то еще, что ты тропулъ мою гостью передъ моимъ домомъ;—если, говорю я, за все за это не дадутъ тебѣ палочнаго наказанія: то я твоего господина такъ преисполню безславіемъ, какъ море не бываетъ полно волнъ при большомъ вѣтрѣ.

Сцеледръ. Я такъ смущенъ, Периплекоменъ, что не знаю, что̀ мнѣ дѣлать, тебя ли обвинить, или извиниться передъ тобой; если точно та, которая у тебя, не наша, а другая; если я не нашу видѣлъ; — я вѣдь даже и теперь не знаю, что̀ видѣлъ. Такъ та твоя похожа на нашу, если только это не одна и та же.

Периплекоменъ. Поди ко мнѣ, посмотри; вотъ и узнаешь.

Сцеледръ. Можно развѣ?

Периплекоменъ. Какъ же, коли я тебѣ велю. Ступай себѣ, не бойся.

Сцеледръ. Хорошо, я пойду. *(Сцеледръ уходитъ и тотчасъ же возвращается).*

Периплекоменъ. Эй, Филокомасія, бѣгомъ скорѣе къ намъ перебѣги: такъ нужно. А послѣ, когда Сцеледръ выйдетъ отъ насъ, опять назадъ къ вамъ домой перебѣги скорѣй. Теперь-то я боюсь, чтобы она какъ-нибудь не испортила. Если онъ не увидитъ женщины, всѣ наши хитрости откроются.

Сцеледръ. Боги безсмертные! она, хоть и не она! болѣе похожей женщины и боги, я думаю, не могутъ создать.

Периплекоменъ. Ну, что̀ теперь скажешь?

Сцеледръ. Я заслужилъ наказаніе.

Периплекоменъ. Ну, какъ же? она это?

Сцеледръ. Не она, хоть и она.

Периплекоменъ. Да видѣлъ ты у меня-то?

Сцеледръ. Видѣлъ и ее, и гостя, и какъ они обнимались и цѣловались.

Периплекоменъ. Чтожъ, она?

Сцеледръ. Не знаю.

Периплекоменъ. А хочешь знать?

Сцеледръ. Желалъ бы.

Периплекоменъ. Поди же теперь, сейчасъ же, къ себѣ домой; посмотри, дома ли ваша.

Сцеледръ. Да, ты хорошій совѣтъ мнѣ далъ. Я сейчасъ выйду къ тебѣ. *(Уходитъ.)*

Периплекоменъ. Клянусь Поллуксомъ, никогда не видалъ я, чтобы издѣвались надъ какимъ-нибудь человѣкомъ такимъ удивительнымъ образомъ. Но вотъ онъ выходитъ.

Сцеледръ *(возвратясь)*. Заклинаю тебя, Периплекоменъ, богами и людьми, моею глупостію и твоими колѣнами.

Периплекоменъ. О чемъ ты просишь меня?

Сцеледръ. Чтобы ты простилъ моему незнанію и неразумію. Теперь только узналъ, что я былъ глупъ и слѣпъ, что поступалъ необдуманно: Филокомасія вѣдь дома.

Периплекоменъ. Ну что̀ теперь, колодникъ? Видѣлъ обѣихъ?

Сцеледръ. Видѣлъ.

Периплекоменъ. Подавай сюда господина.

Сцеледръ. Признаюсь, что я заслужилъ величайшее наказаніе, что причинилъ обиду твоей гостьѣ. Но я думалъ, что это баринова любовница, къ которой баринъ приставилъ меня сторожемъ; потому что нельзя взять изъ одного колодезя двѣ капли воды, такъ похожія, какъ похожи наша и та гостья твоя. Признаюсь я и въ томъ, что посмотрѣлъ къ тебѣ въ домъ съ крыши черезъ имплувіумъ.

Периплекоменъ. Какъ же не признаться тебѣ въ томъ, что̀ я самъ видѣлъ?

Сцеледръ. И видѣлъ, какъ твоя гостья у тебя цѣловалась.

Периплекоменъ. Видѣлъ?

Сцеледръ. Видѣлъ. Что̀ запираться! Но я думалъ, что я видѣлъ Филокомасію.

Периплекоменъ. Неужели же ты считалъ меня такимъ не-

годнымъ человѣкомъ, чтобы я позволилъ у себя въ домѣ такъ явно нанесть обиду своему сосѣду?

Сцеледръ. Теперь только я понимаю, когда узналъ все дѣло, что я поступилъ, какъ безумный; но вѣдь я сдѣлалъ это не съ злымъ намѣреніемъ.

Периплекоменъ. Нѣтъ, не хорошо; потому что рабу надобно и глаза, и руки, и языкъ держать на привязи.

Сцеледръ. Если я послѣ этого дня промычу что-нибудь, хотя бы что̀ навѣрное зналъ, тогда вели меня замучить; я самъ отдамъ себя тебѣ. — А теперь прошу тебя простить меня.

Периплекоменъ. Ну, такъ и быть, забуду свое сердце; прошу тебя, не буду думать, что это сдѣлалъ ты съ злымъ намѣреніемъ.

Сцеледръ. А тебя боги да вознаградятъ за это!

Периплекоменъ. Смотри же ты, держи напередъ языкъ крѣпче: даже то, что̀ будешь знать, не знай, что̀ будешь видѣть, не замѣчай.

Сцеледръ. Ты добру меня учишь. Я такъ и буду поступать. Но ты простилъ меня?

Периплекоменъ. Ступай себѣ.

Сцеледръ. Не прикажешь ли еще чего?

Периплекоменъ. Не говори, что меня знаешь.

Сцеледръ *(въ сторону)*. Надуваетъ онъ меня. Какъ онъ милостиво простилъ меня! Знаю я, чего онъ хочетъ: чтобы воинъ засталъ меня дома, когда воротится вдругъ съ форума домой. Оба они, и этотъ, и Палестріонъ, хотятъ продать меня. Я давно ужь это вижу и знаю. Нѣтъ, право, не полѣзу я въ эту ловушку за приманкой. Убѣгу лучше куда-нибудь и скроюсь на нѣсколько дней, пока замолчатъ эти смуты и гнѣвъ поутихнетъ. Теперь довольно зла наготовилъ я себѣ языкомъ. Нѣтъ, однакоже, пойду домой, что̀ ни будетъ. *(Уходитъ)*.

Периплекоменъ. Онъ ушелъ. Знаю я, что убитая свинья гораздо лучше живой *). Ну, не дуракъ ли, право, этотъ, если довели его до того, что онъ не видѣлъ того, что̀ видѣлъ? Вотъ его глаза, и уши, и умъ къ намъ перешли. До сихъ поръ все шло хорошо. Славно помогла намъ женщина. Пойду опять въ сенатъ: Палестріонъ вѣдь теперь у меня дома, а Сцеледръ ушелъ. Теперь можно собрать полный сенатъ. Пойду туда; чтобы въ отсутствіе мое не раздѣлили они провинцій **).

*) Въ подлин. игра въ словѣ: *Sapere* — быть умнымъ и быть вкуснымъ.

**) Въ домѣ Периплекомена теперь Палестріонъ, который заправляетъ всею·

ДѢЙСТВІЕ III.

ЯВЛЕНІЕ I.

Палестріонъ, Плевсиклъ, Периплекоменъ *(выходятъ изъ дома Периплекомена).*

Палестріонъ. Погодите выходить немножко, Плевсиклъ; дайте мнѣ напередъ посмотрѣть, нѣтъ ли гдѣ засады собранію, которое мы хотимъ имѣть. Теперь надобно выбрать надежное мѣсто, чтобы непріятель не могъ подслушать наше совѣщаніе. Вѣдь и хорошій планъ — не хорошъ, если онъ врагу въ пользу; а не можетъ не быть вредно мнѣ то, что̀ врагу полезно. И частенько хорошій планъ врагу достается, если неосторожно и неосмотрительно выбрано мѣсто для совѣщанія. А если враги узнали твой планъ, такъ твоимъ же собственнымъ планомъ и ротъ тебѣ запираютъ, и руки связываютъ, да и дѣлаютъ тебѣ то, что̀ ты имъ хотѣлъ сдѣлать. Но посмотрю, нѣтъ ли тутъ справа или слѣва какого-нибудь охотника, который бы могъ разставить ушастыя сѣти для нашего совѣщанія. Нѣтъ, все пусто до конца улицы. Вызову. Эй, Периплекоменъ, Плевсиклъ, выходите!

Периплекоменъ. Здѣсь мы, по твоему приказанію.

Палестріонъ. Хорошими людьми легко командовать. Но вотъ что̀ я хочу спросить: если мы поведемъ дѣло по тому плану, который мы тамъ придумали....

Периплекоменъ. Лучше быть ничего не можетъ.

Палестріонъ. Ну, а тебѣ какъ?

Плевсиклъ. Можетъ ли мнѣ не нравиться то, что̀ вамъ нравится. Кто же мнѣ больше тебя добра хочетъ? Кто мнѣ болѣе свой?

Периплекоменъ. Ты говоришь хорошо.

Палестріонъ. Ему и слѣдуетъ такъ, право.

Плевсиклъ. Но вотъ что̀ сушитъ меня, мучитъ мою душу и тѣло.

интригой. Тамъ должны теперь собраться всѣ лица, участвующія въ интригѣ. на совѣтъ. Этотъ-то совѣтъ и называетъ здѣсь Периплекоменъ сенатомъ. Въ этомъ совѣтѣ должны были назначаться роли всѣмъ лицамъ, участвовавшимъ въ интригѣ обмана Пиргополиника Въ римскомъ сенатѣ между прочимъ дѣлились между сенаторами-чиновниками по жребію подвластныя Риму провинціи. — Периплекоменъ сравниваетъ здѣсь раздѣленіе ролей съ раздѣленіемъ провинцій.

Периплекоменъ. Что тамъ тебя такое мучитъ?

Плевсиклъ. Да то, что я тебѣ, человѣку въ такихъ лѣтахъ, навязываю на шею ребяческія дѣла, ни тебѣ, ни твоимъ достоинствамъ неприличныя, и что ты всѣми силами изъ уваженія ко мнѣ стараешься объ томъ, помогаешь мнѣ въ моей любви и дѣлаешь такія дѣла, которыхъ возрастъ этотъ болѣе бѣгаетъ, нежели ищетъ. Стыдно мнѣ, что я причиняю тебѣ на старости лѣтъ такое безпокойство.

Периплекоменъ. Ты, человѣкъ, любишь какъ-то по новому; если только тебѣ стыдно, такъ ты не любишь; ты скорѣе тѣнь любовника, нежели любовникъ.

Плевсиклъ. Мнѣ ли безпокоить человѣка такихъ лѣтъ изъ-за моей страсти?

Периплекоменъ. Что ты толкуешь тутъ? Такъ ли ужь я кажусь тебѣ старымъ, такимъ могильнымъ? Неужели тебѣ кажется, что я ужь слишкомъ долго живу на свѣтѣ? Вѣдь мнѣ не болѣе еще пятидесяти четырехъ лѣтъ: глазами вижу еще ясно, руками проворенъ, ногами двигаюсь.

Палестріонъ. Если у него волосы и сѣдые, такъ сердцемъ онъ еще не старикъ: въ немъ есть еще врожденная сила духа, которая не измѣнитъ сама себѣ.

Плевсиклъ. Я испыталъ, что это точно такъ, какъ ты говоришь Палестріонъ, клянусь Поллуксомъ; снисходительность его дѣйствительно юношеская.

Периплекоменъ. Когда больше испытаешь, гость, еще лучше узнаешь мою готовность служить тебѣ.

Плевсиклъ. Что ужь узнавать извѣстное?

Периплекоменъ. Я сдѣлаю тебѣ больше угожденій, чѣмъ обѣщаю. На самомъ себѣ испытай; не ищи въ другихъ. Вѣдь кто самъ не любилъ, тому досадно смотрѣть, какъ страдаетъ любящій. А я еще до сихъ поръ имѣю въ тѣлѣ своемъ нѣсколько страсти и влаги, еще не совсѣмъ высохъ, не совсѣмъ отказался отъ предметовъ, доставляющихъ пріятность и удовольствіе. Я буду тебѣ пожалуй забавнымъ шутникомъ, собесѣдникомъ самымъ снисходительнымъ; никогда я не бываю спорщикомъ въ бесѣдѣ; умѣю кстати между собесѣдниками воздержать себя отъ неприличія, умѣю и сказать, что и сколько слѣдуетъ, и помолчать, гдѣ надобно, когда другой говоритъ; не плюю, не харкаю, не сморкаюсь безпрестанно; на пиру не трогаю я чужой любовницы, не беру прежде другихъ лакомаго куска, не перехватываю стакана; во время попойки на пиру не за-

вожу ссоры. Если кто-нибудь тамъ мнѣ непріятенъ, я не принимаю участія въ разговорѣ, ухожу домой; за столомъ стараюсь быть какъ можно любезнѣе. Наконецъ, я родился въ Эфесѣ, а не въ Апуліи, не въ Анимулѣ *).

Плевсиклъ. О, славный старикъ, если онъ имѣетъ всѣ тѣ качества, которыя упомянулъ; клянусь Поллуксомъ, онъ воспитанъ самой Венерой.

Палестріонъ. Право, не найдешь другаго человѣка такихъ лѣтъ, кто бы болѣе на все годился, кто бы такъ много сдѣлалъ для друга.

Плевсиклъ. Клянусь Поллуксомъ! какъ всѣ качества собраны для удовольствія! Давай мнѣ трехъ людей съ такимъ характеромъ; на вѣсъ золота купилъ бы ихъ.

Периплекоменъ. Я сдѣлаю, что ты самъ сознаешься, что я еще юноша сердцемъ: такъ много во всѣхъ дѣлахъ окажу я тебѣ разныхъ услугъ. Нужно ли будетъ тебѣ свидѣтеля суроваго, сердитаго? я къ твоимъ услугамъ. Нужно тихаго? ты найдешь во мнѣ человѣка тише моря безмолвнаго, мягче вѣтра южнаго. Если захочешь, веселаго собесѣдника доставлю я тебѣ въ себѣ, — парасита перваго сорта, и притомъ отличнаго знатока въ съѣстныхъ припасахъ; потомъ, если поплясать нужно, никакой плясунъ не поравняется со мной въ ловкости.

Палестріонъ. Чего пожелалъ бы ты къ этимъ отличнымъ качествамъ, еслибы тебѣ пришлось желать?

Плевсиклъ. Чтобы за его услугу могъ я воздать должную благодарность, равно какъ и тебѣ; вы оба теперь сильно безпокоитесь ради меня, это я вижу. Но мнѣ совѣстно, что я заставляю тебя такъ много тратиться для меня.

Периплекоменъ. Безтолковъ ты. Вѣдь если потратишься для злой жены или для врага, такъ это трата; а что̀ тратится для добраго пріятеля и гостя, такъ это чистая прибыль, — точно также какъ прибыль для мудраго, если потратишься на священныя дѣла. По милости боговъ есть у меня довольно, чтобы принимать тебя у себя, какъ слѣдуетъ: ѣшь, пей, веселись со мной и не отказывай себѣ ни въ чемъ. Домъ мой свободенъ; я то̀же свободенъ, — и хочу

*) Эфесъ славился изяществомъ жизни; Апулійцы извѣстны были своею грубостію и необразованностію; Анимула небольшой городокъ въ Апуліи, жители котораго, полагать надобно, болѣе другихъ Апулійцевъ отличались грубостію.

свободно жить. Вѣдь мнѣ можно было по богатству, которое я имѣю, по милости боговъ, взять жену хорошаго рода — и съ приданымъ; но не хочу впустить къ себѣ въ домъ, кто бы ворчалъ на меня.

Плевсиклъ. Отчего ты не хочешь? Вѣдь очень хорошее дѣло дѣтей имѣть.

Периплекоменъ. Клянусь Геркулесомъ, это правда; но быть свободнымъ, — это еще лучше. Вѣдь хорошую жену гдѣ найдешь (и едва ли гдѣ была такая)? А неужели же я возьму къ себѣ въ домъ такую, которая бы никогда не сказала мнѣ: купи, мужъ, шерсти, я сдѣлаю тебѣ плащъ мягкій и теплый, да тунику хорошую для зимы, чтобы не мерзнуть тебѣ этою зимой? Такого слова никогда не услышишь отъ жены; а разбудитъ тебя она до пѣтуховъ, да скажетъ: дай-ка, мужъ, мнѣ, чѣмъ мать подарить 1-го числа марта, дай на кушанье, на платье, дай, что̀ подарить въ праздникъ Минервы (квинкватруи) заклинательницѣ, истолковательницѣ сновъ, предсказательницѣ, гадальщицѣ. Бѣда, какъ она наморщитъ брови, если ничего не пошлешь всѣмъ этимъ. Тамъ не обойдется дѣло безъ того, чтобъ не подарить сколько-нибудь старухѣ, совершающей очистительные обряды. Тамъ сердится нянька, что ничего не получила; тамъ бабка повивальная жалуется на меня, что ей мало прислано. Еще что̀? А развѣ ты ничего не намѣренъ послать кормилицѣ, что̀ рабовъ кормитъ? Вотъ эти-то и многія другія подобныя траты женскія отвращаютъ меня отъ женитьбы на женщинѣ, которая бы пѣла мнѣ подобныя пѣсни.

Палестріонъ. Боги благоволятъ тебѣ, клянусь Геркулесомъ: вѣдь если разъ потеряешь свободу, не легко поставишь себя опять на ту же точку.

Плевсиклъ. Ты человѣкъ умный: и о себѣ можешь придумать, и о другомъ. Но похвально и то, если человѣкъ хорошаго рода и съ хорошимъ состояніемъ воспитываетъ дѣтей, себѣ и своему роду памятникъ.

Периплекоменъ. Но если у меня много родныхъ одного рода, зачѣмъ мнѣ дѣти? Теперь я живу хорошо и счастливо, какъ хочу, какъ душѣ угодно; послѣ смерти моей имѣніе мое назначу роднымъ, раздѣлю между ними. Они и ухаживаютъ за мной, смотрятъ мнѣ въ глаза, предупреждаютъ мои желанія. Они у меня ужь прежде разсвѣта спрашиваютъ, какъ я спалъ. Ихъ-то я и буду имѣть вмѣсто дѣтей. Даже подарки мнѣ присылаютъ. Если приносятъ жертву, то мнѣ даютъ бо̀льшую часть, нежели себѣ; зовутъ на праздникъ; зовутъ къ себѣ обѣдать, ужинать. Тотъ считаетъ себя

несчастнымъ, кто прислалъ мнѣ меньше всѣхъ. Другъ передъ другомъ спорятъ они подарками; а я про себя думаю: знаю, на имѣніе мое ротъ разѣваютъ, оттого такъ наперерывъ и присылаютъ подарки.

Палестріонъ. Прекрасно все это; ты очень хорошо видишь и понимаешь твое положеніе. Если тебѣ хорошо, такъ у тебя и дѣти есть, — двойни, тройни.

Периплекоменъ. Клянусь Поллуксомъ, еслибы я имѣлъ дѣтей, я бы имѣлъ довольно мученій черезъ нихъ. Постоянно мучился бы я сердцемъ. Лихорадка у кого изъ нихъ, — я сейчасъ думать, что вотъ умретъ; упалъ какъ-нибудь съ лошади или такъ хмѣльной, — я въ страхѣ, не сломилъ ли онъ себѣ шеи или ноги.

Палестріонъ. Вотъ этотъ человѣкъ сто́итъ богатства и долгой жизни, который и имѣніе бережетъ, и живетъ самъ хорошо, и друзьямъ — въ удовольствіе.

Плевсиклъ. О какой милый человѣкъ! да падетъ на меня гнѣвъ боговъ и богинь, если я неправду говорю. Надо было богамъ такъ устроить, чтобы не всѣ люди по одному образцу жили, какъ товару цѣну опредѣляетъ хорошій торговый староста: хорошій товаръ и цѣну имѣетъ хорошую, а который негоденъ, такъ въ убытокъ вводитъ хозяина. Такъ надо было бы богамъ и жизнь людскую раздѣлить: кто доброе сердце имѣетъ, тому дать жизнь долгую, а которые безчестны и злы, у тѣхъ скоро отнимать жизнь. Еслибы боги такъ устроили, то и людей дурныхъ было бы меньше, да и не такъ бы смѣло рѣшались на дурныя дѣла, а потомъ для честныхъ людей хлѣбъ былъ бы дешевле.

Периплекоменъ. Кто обвиняетъ устроеніе боговъ, тотъ глупъ и неразуменъ. Но теперь пора ужь оставить это; — теперь хочу я пойдти за съѣстнымъ, чтобы угостить тебя, гость, получше въ своемъ домѣ и повкуснѣе, какъ прилично твоему и моему достоинству.

Плевсиклъ. Я ужь не говорю, что мнѣ совѣстно, что я вовлекъ тебя въ такія издержки. Но всякій непремѣнно наскучитъ пріятелю, коли проживетъ у него дня три сряду. — А если онъ загостится сряду дней десять, такъ ужь и тяжело дому; хозяинъ хоть и ничего, такъ слуги начинаютъ ворчать.

Периплекоменъ. Я такихъ слугъ завелъ, которые бы мнѣ служили, гость, а не командовали мною, какъ подчиненнымъ. Если имъ непріятно, что̀ мнѣ доставляетъ удовольствіе, такъ я живу по своей волѣ, и имъ, волей-неволей, нужно дѣлать то, что̀ имъ досадно. Теперь я пойду туда, куда хотѣлъ, за припасами.

Плевсиклъ. Если ужь ты рѣшился. Но пожалуста, покупай немного, не трaться слишкомъ; мнѣ довольно, что хочешь.

Периплекоменъ. Поди ты съ этой старою и древнею рѣчью. Вѣдь эта рѣчь твоя, гость дорогой, право самая простонародная: простолюдины вѣдь, когда сядутъ за столъ, когда ужь ужинъ поданъ, такъ говорятъ: зачѣмъ это нужно было, хозяинъ, тратиться такъ для насъ? клянусь Геркулесомъ, ты неблагоразумно поступилъ, вѣдь этого достаточно было бы хоть десятерымъ. Винятъ хозяина за то, что для нихъ накуплено много припасовъ, а сами все съѣдятъ.

Плевсиклъ. Клянусь Поллуксомъ, бываетъ такъ.

Палестріонъ. Какъ онъ хорошо и ясно все понимаетъ!

Периплекоменъ. Но эти же люди никогда не говорятъ, если много на столъ подано: вели снять это; вели унесть это блюдо; прими этотъ окорокъ, не надо его; унеси эту свинину; этотъ угорь хорошъ и холодный. Возьми! поди, неси! ты никогда не услышишь, чтобы кто изъ нихъ на этомъ настаивалъ. Но съ жадностію бросаются, перегнутся совсѣмъ на столъ, когда достаютъ.

Палестріонъ. Хорошій человѣкъ! какъ хорошо описалъ дурные нравы!

Периплекоменъ. И сотой части еще не сказалъ я противъ того, что̀ могъ бы сказать, еслибы досужно было.

Палестріонъ. Надо, стало, напередъ кончить то, что̀ у насъ дѣлается. Теперь послушайте-ка вы, оба. Мнѣ нужна твоя помощь, Периплекоменъ; я придумалъ славную штуку, какъ намъ окарнать вплоть до кожи нашего длинноволосаго воина, и дать милому Филокомасіи средство увезти ее и владѣть ею.

Периплекоменъ. Желалъ бы я, чтобъ ты сказалъ намъ это средство.

Палестріонъ. А я желалъ бы, чтобы ты далъ мнѣ вотъ этотъ перстень твой.

Периплекоменъ. На что̀ онъ нуженъ?

Палестріонъ. А вотъ когда онъ будетъ у меня въ рукахъ, такъ я дамъ отчетъ въ моей фабрикѣ.

Периплекоменъ. На, возьми, пользуйся.

Палестріонъ. Ну, теперь возьми отъ меня отчетъ въ придуманной хитрости.

Периплекоменъ. Мы оба слушаемъ тебя съ незаложенными ушами.

Палестріонъ. Баринъ мой такой волокита, что подобнаго другаго, думаю я, не было да и не будетъ.

Периплекоменъ. Я то же думаю.

Палестріонъ. Вотъ и разсказываетъ онъ обыкновенно, что красота его выше Александровой, что всѣ женщины въ Эфесѣ сами гоняются за нимъ.

Периплекоменъ. Клянусь Поллуксомъ, многіе желаютъ теперь, чтобы ты лгалъ объ немъ; но я знаю, что это точно такъ, какъ ты говоришь; и потому, Палестріонъ, какъ можно короче...

Палестріонъ. Не можешь ли ты найдти какую-нибудь женщину красивой наружности, но которой бы и душа и тѣло были полны коварства и обмана?

Периплекоменъ. Свободно-рожденную, или отпущенницу?

Палестріонъ. Это все равно; только бы такую представилъ ты, которая любитъ деньги, у которой умъ есть: объ сердцѣ не говорю; потому что ни у одной нѣтъ.

Периплекоменъ. Мытую ты хочешь или такую, которая еще не мылась *)?

Палестріонъ. Сухую, сочную, какъ можно красивѣе и моложе.

Периплекоменъ. Есть у меня вотъ тутъ одна кліентка, молодая дѣвушка. Но зачѣмъ тебѣ она?

Палестріонъ. Ты приведешь ее къ себѣ въ домъ, и приведешь ее убранную — какъ благородную женщину, чтобы голова была убрана, чтобы были у ней длинные волосы и головной уборъ. И должна она выдавать себя за твою жену. Такъ и настроить ее.

Периплекоменъ. Не понимаю, что̀ ты затѣваешь?

Палестріонъ. А вотъ сейчасъ поймешь. А есть у ней служанка какая-нибудь?

Периплекоменъ. Есть, и очень ловкая.

Палестріонъ. И она намъ нужна. Такъ ты настрой эту женщину, чтобы выдавала она себя за твою жену и показала, что она безъ памяти влюблена въ этого воина. И служанку такъ настрой,— будто бы эта женщина дала своей дѣвушкѣ перстень, а та мнѣ, чтобы передать воину, — какъ-будто я въ этомъ дѣлѣ посредникъ.

Периплекоменъ. Слышу. Не кричи мнѣ въ уши, какъ глухому.

Палестріонъ. Ну, хорошо, если слышишь. Я этотъ перстень отнесу прямо солдату, и скажу ему, что перстень принесенъ мнѣ отъ твоей жены съ тѣмъ, чтобы свести ее съ нимъ. — Онъ вѣдь у насъ ужь такой человѣкъ, бѣдняга; сейчасъ и захочетъ. Вѣдь онъ ни о чемъ другомъ не думаетъ, кромѣ волокитства, — совсѣмъ безпутный.

*) То-есть родившую уже или нѣтъ.

Периплекоменъ. Еслибы ты самому солнцу поручилъ искать, и оно не нашло бы тебѣ двухъ женщинъ болѣе годныхъ для этого дѣла, какъ тѣ, которыхъ я тебѣ представлю. Будь спокоенъ.

Палестріонъ. Ну, такъ ступай и хлопочи. Теперь ты, Плевсиклъ, послушай.

Плевсиклъ. Слушаю.

Палестріонъ. Ты вотъ что̀ сдѣлай. Когда солдатъ воротится домой, ты не называй ее Филокомасіей.

Плевсиклъ. А какъ же мнѣ ее называть?

Палестріонъ. Глицерой.

Плевсиклъ. Именно такъ, какъ мы ужь условились?

Палестріонъ. Тсъ! ступай!

Плевсиклъ. Помню. Но что̀ же въ этомъ для нашего дѣла?

Палестріонъ. Скажу, когда будетъ нужно: пока молчи. Теперь пока старикъ нашъ дѣлаетъ дѣло, а тамъ скоро и твоя очередь придетъ выступить на сцену.

Плевсиклъ. Ну, такъ я пойду въ домъ.

Палестріонъ. Иди, и постарайся получше исполнить мои наставленія.

ЯВЛЕНІЕ II.

Палестріонъ и Лукріонъ.

Палестріонъ. Ну, какую я заварилъ кашу! Какія машины устроилъ! Ужь вырву я сегодня любезную у воина, если моя рота хорошо построена. Но вызову я того. Эй, Сцеледръ, коли не занятъ, выйди-ка сюда, на улицу; Палестріонъ тебя зоветъ.

Лукріонъ. Сцеледру некогда.

Палестріонъ. Что̀ же?

Лукріонъ. Хлебаетъ сонный.

Палестріонъ. Что̀? хлебаетъ?

Лукріонъ. То бишь, храпитъ, хотѣлъ я сказать; но такъ какъ похоже хлебать и храпѣть....

Палестріонъ. О, о, такъ Сцеледръ спитъ тамъ дома?

Лукріонъ. Не носомъ только; имъ онъ громко кричитъ. Тайкомъ дотронулся онъ до стаканчика: вылилъ въ себя нашъ ключникъ кружку нардовой наливочки.

Палестріонъ. А ты, злодѣйская душа, ты, который у него подключникомъ, ты что̀ же? а?

Лукріонъ. Что̀ тебѣ нужно?

Палестріонъ. Какъ это смѣлъ онъ заснуть?

Лукріонъ. Глазами, думаю.

Палестріонъ. Не объ томъ спрашиваютъ, скверность ты этакая. Поди сюда! Бѣда тебѣ, если ты не скажешь мнѣ всей правды. Ты доставалъ ему вино?

Лукріонъ. Нѣтъ.

Палестріонъ. Запираться?

Лукріонъ. Да вѣдь онъ мнѣ не велѣлъ говорить. Право, я не наливалъ ему осьми шкаликовъ въ кружку, и онъ не пилъ послѣ обѣда грѣтаго вина *).

Палестріонъ. И ты не пилъ?

Лукріонъ. Сквозь землю провалиться, если я пилъ, если я могъ пить.

Палестріонъ. Отчего же?

Лукріонъ. Да я только хлебнулъ: ужь очень было горячо, горло обожгло.

Палестріонъ. Одни пьяны, а другіе рады хоть уксусъ винный пить.— Хорошему ключнику порученъ погребъ, нечего сказать, да и подключникъ-то хорошъ!

Лукріонъ. Чтожь такое? Вѣдь и ты то же бы дѣлалъ, еслибы погребъ тебѣ былъ порученъ. А теперь ты оттого и завидуешь, что самому нельзя того же дѣлать.

Палестріонъ. А прежде онъ бралъ когда-нибудь вино? Говори, гадость ты этакая. Да чтобъ ты зналъ, такъ я тебѣ скажу: если ты солжешь, каналья, бѣда тебѣ!

Лукріонъ. Да, скажи тебѣ! Ты же послѣ и выдашь, что я сказалъ тебѣ, чтобы прочь меня отъ погреба; чтобы другой былъ подключникъ, который бы тебѣ наливалъ.

Палестріонъ. Нѣтъ, я не сдѣлаю этого, клянусь Поллуксомъ. ну, говори смѣлѣй.

Лукріонъ. Никогда не видалъ я, чтобъ онъ бралъ; а вотъ какъ бывало: онъ мнѣ приказывалъ, а я ужь и бралъ послѣ.

Палестріонъ. У, часто тамъ перевертывались боченки!

*) Комическое въ словахъ Лукріона состоитъ въ томъ, что онъ, отрицая то, что̀ было, тѣмъ самымъ обнаруживаетъ истину. Шкаликъ — hemina $^1/_{96}$ амфоры или 10 унцій вина.

Лукрiонъ. Нѣтъ, клянусь Геркулесомъ, не такъ часто перевертывались боченки. Но въ погребѣ есть мѣсто скользкое, а тутъ ведерка подлѣ боченковъ; эта ведерка часто разъ десять въ день наполнялась, — и я видалъ ее, и полную, и пустую; вотъ когда эта ведерка наливалась, тогда только и наклонялись боченки.

Палестрiонъ. Ступай, ступай домой теперь. Вы въ погребѣ вакханалiю дѣлаете; а я вотъ сейчасъ приведу барина съ площади, клянусъ Геркулесомъ.

Лукрiонъ. Пропалъ я! замучитъ меня баринъ, когда придетъ домой и узнаетъ эти дѣла, за то, что я ему не сказалъ прежде. Убѣгу я куда-нибудь, право, и хоть на день отъ бѣды. *(Къ зрителямъ.)* Не сказывайте этому, прошу васъ.

Палестрiонъ. Куда ты это?

Лукрiонъ. Меня послали въ одно мѣсто. Я сейчасъ ворочусь.

Палестрiонъ. Кто тебя послалъ?

Лукрiонъ. Филокомасiя.

Палестрiонъ. Иди, да скорѣй назадъ приходи.

Лукрiонъ. Я прошу тебя однакожь, чтобы ты принялъ въ мое отсутствiе на себя часть бѣды, если только она раздѣлится. *(Уходитъ.)*

Палестрiонъ. Я сейчасъ понялъ, какую штуку сдѣлала наша бабенка. Сцеледръ спитъ, такъ она этого помощника своего сторожа и услала изъ дому, чтобы въ это время сюда сходить. Хорошо. Но вотъ Периплекоменъ ведетъ женщину, которую я поручилъ ему найти. Хорошенькая! Клянусь Геркулесомъ, сами боги помогаютъ намъ въ этомъ дѣлѣ. Какъ она прилично одѣта! Ну, это дѣло идетъ на ладъ.

ЯВЛЕНIЕ III.

Периплекоменъ, Акротелевтiя, Мильфидиппа, Палестрiонъ.

Периплекоменъ. Я объяснилъ ужь дома тебѣ, Акротелевтiя, и тебѣ, Мильфидиппа, въ чемъ все дѣло. Если вы еще не поняли хорошо эту фабрику хитростей, такъ я хочу, чтобъ вы снова выслушали. А если поняли, такъ объ другомъ поговоримъ.

Акротелевтiя. Большая глупость и неосторожность была бы съ моей стороны идти въ чужое дѣло или обѣщать тебѣ мое участiе, еслибы не умѣла я въ этой мастерской быть хитрой и ловкой.

Периплекоменъ. Но все-таки лучше, если тебѣ напомнить.

Акротелевтiя. Но я не понимаю, зачѣмъ напоминать такой

женщинѣ, какъ я. Вѣдь это только потеря времени. Когда мои уши выслушали только частичку твоей рѣчи, я тебѣ тотчасъ же сказала, какъ лучше обдѣлать солдата.

Периплекоменъ. Но умъ хорошо, а два лучше. Я вѣдь часто видалъ и многихъ, которые не попадали на прямой путь и не находили его.

Акротелевтія. Но если женщинѣ нужно сдѣлать что-нибудь дурное и коварное, такъ тутъ ужь у ней память безсмертная и вѣчная, тутъ она все помнитъ. Если же нужно что-нибудь сдѣлать хорошее и честное, такъ тутъ бываетъ, что онѣ вдругъ дѣлаются забывчивыми, не могутъ помнить.

Периплекоменъ. Вотъ поэтому-то я и боюсь, что вамъ и то и другое сдѣлать приходится; вѣдь что̀ вы обѣ сдѣлаете дурнаго солдату, мнѣ будѣтъ полезно.

Акротелевтія. Не бойся, если только не нарочно можемъ мы сдѣлать что-нибудь добраго: нарочно не сдѣлаемъ.

Периплекоменъ. Такими вамъ и слѣдуетъ быть. Ступайте за мной.

Палестріонъ. Чтожь я медлю? нейду имъ на встрѣчу?

Периплекоменъ. Какъ кстати ты встрѣтился, Палестріонъ. Вотъ тѣ, которыхъ ты велѣлъ мнѣ принести, и въ томъ видѣ.

Палестріонъ. Я радъ тебя видѣть въ добромъ здоровьѣ, Периплекоменъ. Она очень хорошо одѣта. Хорошо удружилъ. — Палестріонъ кланяется Акротелевтіи.

Акротелевтія. Кто это, скажи пожалуста, что̀ называетъ меня по имени, какъ знакомую?

Периплекоменъ. А это нашъ архитекторъ.

Акротелевтія. Здравствуй, архитекторъ.

Палестріонъ. Будь здорова. А скажи мнѣ, что̀ онъ нагрузилъ тебя наставленіями?

Периплекоменъ. Обѣихъ веду я къ тебѣ хорошо настроенныхъ.

Палестріонъ. Желалъ бы я слышать, какъ,— боюсь, чтобъ вы нѐ ошиблись въ чемъ.

Периплекоменъ. Но наставленія вѣдь твои; я своего ничего нѐ прибавилъ.

Акротелевтія. Ну, ты хочешь сыграть штуку надъ воиномъ, твоимъ бариномъ.

Палестріонъ. Ты сказала.

Акротелевтія. Ну, такъ это дѣло подготовлено хорошо, умно, ловко и остроумно.

Палестріонъ. Я хочу, чтобы ты выдала себя вотъ за его жену.

Акротелевтія. Такъ и будетъ.

Палестріонъ. Чтобы ты притворилась, будто ты влюблена въ солдата.

Акротелевтія. Такъ и будетъ.

Палестріонъ. И дѣло это будто бы ведется черезъ меня и твою служанку.

Акротелевтія. Ты могъ бы быть хорошимъ гадателемъ; потому что ты говоришь то, что̀ исполнится.

Палестріонъ. Служанка твоя принесла будто бы мнѣ вотъ этотъ перстень, чтобы я передалъ его отъ тебя солдату.

Акротелевтія. Именно такъ.

Периплекоменъ. Зачѣмъ еще напоминать то, что̀ онѣ хорошо помнятъ?

Акротелевтія. Оно лучше: подумай только, любезный патронъ, вѣдь если хорошій архитекторъ поставилъ только хорошо очерченный остовъ корабля, то легко ужь сдѣлать корабль, если онъ заложенъ. Теперь основаніе уже положено и утверждено хорошо; и съ моей, и съ твоей стороны есть строители и рабочіе, опытные въ своемъ дѣлѣ: и если не остановитъ насъ поставщикъ матеріаловъ и дастъ намъ все, что̀ нужно, то (я знаю нашу натуру) корабль скоро будетъ готовъ.

Палестріонъ. А знаешь ты солдата, моего барина?

Акротелевтія. Удивительно, что ты спрашиваешь объ этомъ. Какъ же не знать мнѣ того, котораго терпѣть никто не можетъ, этого хвастливаго, завитаго, раздушеннаго волокиту?

Палестріонъ. Ужь не знаетъ ли и онъ тебя?

Акротелевтія. Онъ меня никогда не видалъ; какъ же ему знать меня, кто я такая?

Палестріонъ. Дѣло говоришь. Тѣмъ лучше можетъ все сдѣлаться.

Акротелевтія. Ты дай только мнѣ человѣка, а ужь о прочемъ не безпокойся. Если я не одурачу его отличнымъ манеромъ, я виновата, — чѣмъ хочешь отвѣчаю.

Палестріонъ. Теперь, Периплекоменъ, ты уведи ихъ къ себѣ въ домъ, а я пойду, поищу его на площади и дамъ ему этотъ перстень, и скажу, что я получилъ его отъ твоей жены, которая будто умираетъ отъ любви къ нему. Когда мы воротимся съ нимъ съ площади, такъ ты вышли ее *(указываетъ на служанку)* такъ, какъ будто она потихоньку къ нему послана.

Периплекоменъ. Сдѣлаемъ все; не безпокойся.

Палестріонъ. Постарайтесь вы только, а я ужь приведу его сюда хорошо навьюченнымъ. *(Уходитъ.)*

Периплекоменъ. Счастливаго пути. Добраго успѣха! *(Къ Акротелевтіи.)* Ну, если я успѣю въ томъ, чтобы мой гость получилъ сегодня любезную солдата и отправился бы съ нею въ Аѳины, если мы сегодня это дѣло сдѣлаемъ, какой подарокъ я тебѣ пришлю!

Акротелевтія. Если та женщина сама поможетъ, то я надѣюсь, что намъ все отлично удастся. Если мы соединимъ наши хитрости, то не боюсь я, что мы будемъ побѣждены коварствомъ противниковъ.

Периплекоменъ. Пойдемте же ко мнѣ, чтобы обдумать это хорошенько, чтобы аккуратно и ловко исполнить то, что̀ намъ нужно,—чтобы не было какого замѣшательства, когда придетъ солдатъ.

Акротелевтія. Ты самъ останавливаешь.

(Периплекоменъ, Акротелевтія и Мильфидиппа уходятъ.)

ДѢЙСТВІЕ IV.

ЯВЛЕНІЕ I.

Пиргополиникъ и Палестріонъ.

Пиргополиникъ. Пріятно, когда все идетъ по желанію, что̀ ни дѣлаешь. Вотъ я сегодня послалъ къ царю Селевку парасита моего отвесть отсюда солдатъ, которыхъ я нанялъ для царя Селевка, чтобы они защищали его царство, а я между тѣмъ отдохнулъ бы здѣсь спокойно.

Палестріонъ. Ты бы лучше о своихъ-то дѣлахъ думалъ, чѣмъ о Селевкѣ. Вотъ какой тебѣ новый случай богатый представляется черезъ меня.

Пиргополиникъ. Хорошо, я оставлю всѣ дѣла въ сторонѣ и слушаю тебя. Говори: уши мои въ твоей власти.

Палестріонъ. Посмотри-ка кругомъ, нѣтъ ли тутъ какого охотника подслушать нашъ разговоръ; мнѣ велѣно вѣдь это порученіе секретно передать.

Периплекоменъ. Нѣтъ, никого нѣтъ.

Палестріонъ. Прежде всего получи отъ меня вотъ этотъ задатокъ — любви.

Пиргополиникъ. Что̀ это? отъ кого?

Палестріонъ. Отъ одной прехорошенькой женщины, которая любитъ тебя и ищетъ твоей прекрасной красоты. Ея служанка дала мнѣ сегодня этотъ перстень, чтобы я передалъ его тебѣ.

Пиргополиникъ. Что̀ же она благородная или отпущенница?

Палестріонъ. Эва! посмѣлъ ли бы я придти къ тебѣ отъ отпущенницы, когда ты и благороднымъ-то всѣмъ не можешь угодить, которыя желаютъ твоего знакомства.

Пиргополиникъ. Что̀ она замужняя, или вдова?

Палестріонъ. И замужняя и вдова.

Пиргополиникъ. Какъ это одна и та же женщина можетъ быть и замужнею, и вдовой?

Палестріонъ. А такъ, что она молодая замужемъ за старикомъ.

Пиргополиникъ. А! славно!

Палестріонъ. Собой чудо какъ хороша.

Пиргополиникъ. Смотри, не лги.

Палестріонъ. Да она одна и достойна твоей красоты.

Пиргополиникъ. Клянусь Геркулесомъ, по твоимъ словамъ, должно быть она очень хороша. Но кто же она такая?

Палестріонъ. Жена вотъ нашего сосѣда, старика Периплекомена. Она умираетъ отъ любви къ тебѣ и желаетъ разойтись съ старикомъ. Теперь она велѣла просить и умолять тебя, чтобы ты далъ ей позволеніе сойдтись съ тобой.

Пиргополиникъ. Клянусь Геркулесомъ, я не противъ этого, если только она хочетъ.

Палестріонъ. Да она-то очень хочетъ.

Пиргополиникъ. А что̀ же сдѣлаемъ мы съ тою, которая дома?

Палестріонъ. Да ты отпусти ее отъ себя: пусть идетъ, куда хочетъ. Кстати сестра ея родная пріѣхала сюда въ Эфесъ съ матерью и зоветъ ее.

Пиргополиникъ. Что̀ ты говоришь? мать ея пріѣхала въ Эфесъ?

Палестріонъ. Говорятъ тѣ, которые знаютъ.

Пиргополиникъ. Клянусь Геркулесомъ, славный случай мнѣ отдѣлаться отъ женщины.

Палестріонъ. А хочешь ты поступить хорошо?

Пиргополиникъ. Говори, давай совѣтъ.

Палестріонъ. Хочешь ты ту теперь же отпустить такъ, чтобы она отошла отъ тебя съ благодарностію?

Пиргополиникъ. Очень хочу.

Палестріонъ. Ну, такъ вотъ что̀ слѣдуетъ тебѣ сдѣлать: богатства у тебя довольно; вели ей взять себѣ золото и украшенія, какія ты ей подарилъ, и отправиться съ ними, куда ей угодно.

Пиргополиникъ. Мнѣ нравится это, что̀ ты говоришь; смотри однакожь, чтобы мнѣ ту не потерять, и чтобъ эта не измѣнила слову.

Палестріонъ. Поди ты, шутникъ! Какъ же она можетъ сдѣлать это, когда она любитъ тебя, какъ глаза свои?

Пиргополиникъ. Меня и Венера любитъ.

Палестріонъ. Тсъ! Отворяются двери. Отойди сюда въ сторонку. Это ея лодочка, которая выходитъ сюда вѣстницей.

Пиргополиникъ. Кто эта лодочка?

Палестріонъ. Это служанка той. Она-то принесла мнѣ и перстень, который я тебѣ далъ.

Пиргополиникъ. Клянусь Поллуксомъ, хорошенькая женщина.

Палестріонъ. Это обезьяна въ сравненіи съ тою. Видишь ли, какъ она высматриваетъ и прислушивается?

ЯВЛЕНІЕ II.

Мильфидиппа, Пиргополиникъ и Палестріонъ.

Мильфидиппа *(въ сторону)*. Вотъ передъ домомъ сцена, гдѣ мнѣ нужно играть комедію. Притворюсь, будто я ихъ не вижу и не знаю, что они здѣсь.

Пиргополиникъ. Молчи. Послушаемъ, будетъ ли рѣчь обо мнѣ.

Мильфидиппа. Нѣтъ ли кого здѣсь близко такого, который больше заботится о чужихъ дѣлахъ, чѣмъ о своихъ, который можетъ подсмотрѣть, что̀ я дѣлаю, у кого есть свой ужинъ *)? Боюсь я, чтобы не помѣшали мнѣ какъ-нибудь такіе люди, чтобъ не помѣшали госпожѣ, когда она тайно придетъ сюда. Она горитъ страстью, она любитъ этого отличнаго и красиваго мущину, воина Пиргополиника.

Пиргополиникъ. Никакъ и эта влюблена въ меня? Она хвалитъ мою красоту.

Палестріонъ. Клянусь Поллуксомъ, она не дурно говоритъ: рѣчь ея не нуждается въ золѣ.

Пиргополиникъ. Какъ это?

*) Т. е. кому нечего заботиться о себѣ, есть время заниматься чужими дѣлами.

Палестрiонъ. Потому что она говоритъ чисто, не грязно. Но вѣдь пока она о тебѣ говоритъ, она и не касается ничего грязнаго.

Пиргополиникъ. И сама она слишкомъ хороша, очень красивая женщина. У меня, Палестрiонъ, ужь сердце бьется.

Палестрiонъ. Что̀ ты! Прежде, чѣмъ ты увидѣлъ своими глазами ту?

Пиргополиникъ. Своимъ глазамъ вѣрю въ томъ, что̀ вижу. Пока нѣтъ стерляди, такъ и налимъ нравится *).

Палестрiонъ. А эту ужь пожалуста, не люби ты: она мнѣ обручена. Если та сегодня будетъ твоею женой, тотчасъ я возьму эту.

Пиргополиникъ. Чтожь ты не поговоришь съ нею?

Палестрiонъ. Ну такъ ступай сюда за мною.

Пиргополиникъ. Я слѣдую за тобой, какъ рабъ.

Мильфидиппа. О если бы мнѣ увидѣть того, для кого я вышла сюда!

Палестрiонъ. Будетъ все тебѣ по желанiю. Надѣйся, не робѣй. Есть одинъ человѣкъ, который знаетъ, гдѣ тотъ, котораго ты ищешь.

Мильфидиппа. Кого это я слышу?

Палестрiонъ. Участника твоихъ плановъ и намѣренiй.

Мильфидиппа. Ну, такъ я не скрываю то, что̀ скрываю.

Палестрiонъ. Даже еслибы ты и скрывала, не скрыла бы.

Мильфидиппа. Какимъ образомъ?

Палестрiонъ. Отъ невѣрныхъ ты скрываешь, а я тебѣ вѣренъ.

Мильфидиппа. Ну, дай мнѣ знакъ, что ты нашего полка.

Палестрiонъ. Одна женщина любитъ одного.

Мильфидиппа. Ну, это еще ничего; это и многiя.

Палестрiонъ. Но не многiя посылаютъ перстень съ своего пальца въ подарокъ.

Мильфидиппа. Ну вотъ я теперь и знаю. Теперь ты съ горки свелъ меня на ровное мѣсто. Но тутъ есть, кажется, кто-то?

Палестрiонъ. Хочешь — есть, хочешь — нѣтъ.

Мильфидиппа. Поди ко мнѣ сюда.

Палестрiонъ. На короткую или на долгую рѣчь?

Мильфидиппа. На три слова.

Палестрiонъ *(къ воину)*. Я сейчасъ къ тебѣ ворочусь.

Пиргополиникъ. Чтожь это? Я и буду тутъ стоять такъ, съ моею красотой и съ моими дѣлами?

*) Въ подлинникѣ: mullus — дорогая морская рыба и lacerta — ящерица.

Палестріонъ. Потерпи и постой. Вѣдь для тебя я хлопочу.

Пиргополиникъ. Поскорѣй, я мучусь отъ нетерпѣнія.

Палестріонъ. Потихоньку. Ты знаешь вѣдь, что этотъ товаръ не скоро торгуется.

Пиргополиникъ. Ну, ну, дѣлай, какъ тебѣ удобнѣе.

Палестріонъ *(въ сторону)*. Камня не найдешь глупѣе этого человѣка. — Я ворочусь къ тебѣ въ одну минуту. *(Къ Мильфидиппѣ.)* Чего ты хочешь отъ меня?

Мильфидиппа. Я прихожу къ тебѣ съ тѣмъ планомъ, который недавно отъ тебя получила.

Палестріонъ. Что она будто бы умираетъ отъ любви къ нему.

Мильфидиппа. Помню это.

Палестріонъ. Ты должна похвалить его красоту и лицо, сказать что-нибудь о его доблестяхъ.

Мильфидиппа. Къ этому я приготовилась, какъ показала тебѣ уже прежде.

Палестріонъ. Смотри же на меня, и лови съ моихъ словъ.

Пиргополиникъ. Да позаботься же обо мнѣ-то сколько-нибудь. Поди сюда сейчасъ!

Палестріонъ. Я здѣсь. Что̀ прикажешь?

Пиргополиникъ. Что̀ она тебѣ расказываетъ?

Палестріонъ. Да она говоритъ, что та мучится, бѣдная, и убиваетъ себя слезами, что тебя не видитъ, съ тобой не можетъ быть. Для этого самаго и послана эта сюда.

Пиргополиникъ. Вели ей подойдти.

Палестріонъ. А знаешь, какъ тебѣ поступать? Прикинься гордымъ, покажи видъ, будто тебѣ не хочется. На меня закричи, зачѣмъ я тебя такъ доступнымъ дѣлаю.

Пиргополиникъ. Помню и послушаюсь твоего совѣта.

Палестріонъ *(громко)*. Такъ позвать эту женщину, которая тебя ищетъ?

Пиргополиникъ. Пусть подойдетъ, если ей что̀ надобно.

Палестріонъ. Если тебѣ нужно, подойди сюда, женщина!

Мильфидиппа. Красавецъ, здравствуй!

Пиргополиникъ. Это мое прозвище. Да исполнятъ боги твое желаніе!

Мильфидиппа. Съ тобой чтобъ жизнь прожить....

Пиргополиникъ. Слишкомъ многаго хочешь.

Мильфидиппа. Не мнѣ; не о себѣ говорю я, но о госпожѣ моей, которая умираетъ отъ любви къ тебѣ.

Пиргополиникъ. Много и другихъ, которыя того же хотятъ, да не дается имъ.

Мильфидиппа. Клянусь Касторомъ, не удивительно, что ты такъ дорого себя цѣнишь, такой красивый мущина, отличный доблестію и дѣлами. Былъ ли когда другой, болѣе достойный назваться человѣкомъ?

Палестріонъ *(въ сторону)*. Клянусь Геркулесомъ, онъ не слишкомъ человѣченъ; я думаю, въ коршунѣ больше человѣческаго.

Пиргополиникъ *(про себя)*. Такъ какъ она меня хвалитъ, то мнѣ надобно прикинуться гордымъ.

Палестріонъ *(къ Мильфидиппѣ)*. Видишь-ты, какъ надулось это животное? *(Къ Пиргополинику.)* Что же ты не отвѣчаешь ей? Вѣдь она отъ той, о которой я тебѣ говорилъ.

Пиргополиникъ. Отъ какой той? За мной такъ много ухаживаютъ, что я не могу помнить всѣхъ.

Мильфидиппа. Отъ той, которая обнажаетъ свои пальцы, чтобы твои украсить. Вотъ этотъ самый перстень отъ той, которая желаетъ твоей любви, принесла я ему, а онъ тебѣ отдалъ.

Пиргополиникъ. Чего же ты теперь хочешь, женщина? говори.

Мильфидиппа. Чтобы ты не презрѣлъ ту, которая къ тебѣ стремится, которая живетъ теперь твоею жизнію, для которой въ тебѣ одномъ надежда — жить ей или не жить.

Пиргополиникъ. Чего же она хочетъ теперь?

Мильфидиппа. Поговорить съ тобой, коснуться тебя. Погубитъ она свою душу, если ты не поможешь ей. Прошу тебя, Ахиллесъ мой, не откажись сдѣлать то, о чемъ прошу тебя. Спаси ее, красавецъ! Окажи милость, не будь жестокъ, завоеватель городовъ, побѣдитель царей!

Пиргополиникъ. А, клянусь Геркулесомъ, досадно. Сколько разъ, околотень, запрещалъ я тебѣ обѣщать такъ всѣмъ безъ разбору?

Палестріонъ. Слышишь ты, женщина? Я вѣдь говорилъ тебѣ и прежде, и теперь еще разъ говорю: этотъ баранъ не станетъ даромъ хлопотать со всякою свинкой.

Мильфидиппа. Ему дадутъ, чего ни потребуетъ.

Палестріонъ. Талантъ филипповиковъ *) нужно ему дать. Меньше ни отъ кого не возьметъ.

Мильфидиппа. А, клянусь Касторомъ, это слишкомъ дешево!

*) Филипповики — золотыя монеты, чеканенныя при Филиппѣ, которыя были въ большомъ обращеніи въ Греціи. Талантъ ф. — 3 филипповика, вѣсомъ по 2 драхмы (на наши деньги рублей 130 — 140 сер.).

Пиргополиникъ. У меня нѣтъ врожденной жадности: я самъ довольно богатъ. У меня болѣе тысячи мѣръ филиппова золота.

Палестріонъ. А серебра у него горы, а не кучи. Этна не выше.

Мильфидиппа. А, какъ онъ лжетъ!

Палестріонъ. Каково я пошучиваю?

Мильфидиппа. А я? каково мажу его по губамъ?

Палестріонъ. Ловко.

Мильфидиппа. Но отпусти меня, пожалуста, поскорѣе.

Палестріонъ. Скажи жь ей что-нибудь, сдѣлаешь ты, или не сдѣлаешь? Что же ты мучишь ту несчастную, которая никогда не сдѣлала тебѣ ничего дурнаго?

Пиргополиникъ. Вели ей самой выйдти сюда къ намъ. Скажи, что̀ я сдѣлаю все, что̀ она хочетъ.

Мильфидиппа. Ты поступаешь, какъ должно, когда соглашаешься съ ея желаніемъ....

Палестріонъ (*въ сторону*). Соли довольно у этой въ умѣ!

Мильфидиппа. И когда ты не презрѣлъ моихъ просьбъ и склонился на нихъ. (*Къ Палестріону.*) Что̀? каково играю?

Палестріонъ. Клянусь Геркулесомъ, я не могу удержаться отъ смѣху.

Мильфидиппа. Поэтому я и отвернулась отъ тебя.

Пиргополиникъ. Ты не знаешь, женщина, какую я честь ей оказываю.

Мильфидиппа. Знаю, и ей скажу это.

Палестріонъ. На вѣсъ золота могъ онъ другой продать свои труды.

Мильфидиппа. Въ этомъ я тебѣ вѣрю.

Палестріонъ. Ты знаешь ли? Страшныхъ воителей раждаютъ отъ него женщины. Дѣти восемьсотъ лѣтъ живутъ.

Мильфидиппа. Полно тебѣ, пустомеля!

Пиргополиникъ. Даже тысячу лѣтъ, не умирая, живутъ отъ вѣка до вѣка.

Палестріонъ. Я нарочно меньше сказалъ, чтобы она не подумала, что я лгу передъ нею.

Мильфидиппа. Охъ, умираю! Сколько же лѣтъ онъ самъ будетъ жить, если сыновья его такъ долго живутъ?

Пиргополиникъ. Я родился на другой день послѣ того, какъ Юпитеръ родился отъ Опсы.

Палестріонъ. Еслибы онъ родился однимъ днемъ ранѣе Юпитера; то онъ имѣлъ бы царство на небѣ.

Мильфидиппа. Охъ, довольно, довольно! Отпустите меня живую, если можно.

Палестріонъ. Что̀ же ты нейдешь, когда уже данъ тебѣ отвѣтъ?

Мильфидиппа. Пойду и приведу сюда ту, для которой я хлопочу. Не прикажешь ли чего?

Пиргополиникъ. Чтобъ не былъ я еще прекраснѣе: такъ моя красота безпокоитъ меня.

Палестріонъ. Что̀ же ты тутъ стоишь теперь? Что нейдешь?

Мильфидиппа. Иду.

Палестріонъ. Смотри же, скажи умно и съ чувствомъ. Слышишь?

Мильфидиппа. Сердце у ней запрыгаетъ.

Палестріонъ (*къ Мильфидиппѣ тихо*). Если Филокомасія здѣсь, то скажи ей, чтобы она шла домой, что онъ здѣсь.

Мильфидиппа. Она тутъ съ моею госпожей: онѣ изподтишка подслушивали нашъ разговоръ.

Палестріонъ. Это хорошо. Теперь по разговору этому онѣ еще лучше будутъ знать, что̀ надо дѣлать.

Мильфидиппа. Ты останавливаешь меня.

Палестріонъ. Я ухожу, и не останавливаю тебя, и не трогаю тебя, и не....

Пиргополиникъ. Вели поскорѣе ей выйдти; мы напередъ позаботимся вотъ о чемъ.... (*Мильфидиппа уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

Пиргополиникъ и Палестріонъ.

Пиргополиникъ. Что̀ посовѣтуешь ты мнѣ, Палестріонъ, насчетъ наложницы? Вѣдь никакимъ образомъ эту нельзя принять въ домъ прежде, чѣмъ ту отпущу.

Палестріонъ. Чтожь ты спрашиваешь меня, что̀ тебѣ дѣлать? Я вѣдь сказалъ ужь тебѣ, какъ это сдѣлать самымъ лучшимъ образомъ. Пусть возьметъ себѣ золото и все платье, что̀ ты ей сдѣлалъ, пусть все съ собой увезетъ. Ты скажешь ей притомъ, что теперь самый удобный случай ей отправиться въ отечество. Скажи ей, что ея родная сестра и мать здѣсь, вмѣстѣ съ которыми она можетъ весьма удобно отправиться домой.

Пиргополиникъ. Какъ ты знаешь, что онѣ здѣсь?

Палестріонъ. Потому что я собственными глазами своими видѣлъ здѣсь ея сестру.

Пиргополиникъ. Ты видѣлся съ ней?

Палестріонъ. Видѣлся.

Пиргополиникъ. Чтò, какъ она тебѣ показалась? хороша?

Палестріонъ. Ты все хочешь получить.

Пиргополиникъ. Гдѣ же мать ихъ? Какъ говорила сестра?

Палестріонъ. Корабельщикъ, который ихъ привезъ, сказывалъ мнѣ, что она лежитъ на кораблѣ съ опухшими глазами. А корабельщикъ этотъ остановился вотъ у нихъ.

Пиргополиникъ. А этотъ чтò? не дуренъ?

Палестріонъ. Поди ты. Вѣдь это мущина. Объ томъ-то дѣлѣ теперь подумай.

Пиргополиникъ. Я хочу, чтобы ты поговорилъ съ ней объ этомъ дѣлѣ, какъ ты мнѣ совѣтовалъ. Вѣдь у тебя съ ней разговоръ хорошо сводится.

Палестріонъ. Отчего же мнѣ, а не тебѣ самому лучше пойдти къ ней и поговорить о своемъ дѣлѣ? Ты скажешь, что тебѣ необходимо жениться, что родственники совѣтуютъ, друзья понуждаютъ.

Пиргополиникъ. Такъ ты думаешь?

Палестріонъ. Отчего же мнѣ такъ не думать?

Пиргополиникъ. Ну, такъ я пойду домой. А ты между тѣмъ здѣсь у дверей посмотри, чтобы вызвать меня, когда та выйдетъ.

Палестріонъ. Ты только позаботься о томъ, чтò хочешь дѣлать.

Пиргополиникъ. Что заботиться? ужь это кончено: если волею не захочетъ, насильно вонъ выгоню.

Палестріонъ. Нѣтъ, этого не дѣлай. Лучше пусть она отойдетъ отъ тебя по-добру; да дай ей то, о чемъ я тебѣ говорилъ: золото, украшенія, которыя ты ей сдѣлалъ, пусть возьметъ.

Пиргополиникъ. Клянусь Геркулесомъ, я не противъ.

Палестріонъ. Я думаю, что ты легко упросишь ее. Но иди же въ домъ; полно тебѣ стоять тутъ.

Пиргополиникъ. Я слушаюсь тебя. *(Уходитъ.)*

Палестріонъ. Не кажется ли вамъ, что онъ не похожъ на того сластолюбиваго воина, котораго я вамъ описалъ прежде? Теперь надобно, чтобы вышли ко мнѣ Акротелевтія съ служанкою и Плевсиклъ. О Юпитеръ! какъ случай мнѣ всегда помогаетъ! Вонъ, вижу я, выходятъ всѣ вмѣстѣ отъ сосѣда тѣ, которыхъ видѣть я всего болѣе желалъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Акротелевтія Мильфидиппа, Плевсиклъ, Палестріонъ.

Акротелевтія. Идите за мной. Да посмотрите, нѣтъ ли тутъ какого посторонняго свидѣтеля.

Мильфидиппа. Никого нѣтъ, кромѣ того, котораго мы ищемъ.

Палестріонъ. А я васъ ищу.

Мильфидиппа. Что̀ дѣлаешь, архитекторъ нашъ?

Палестріонъ. Я архитекторъ? Поди ты!

Мильфидиппа. Что̀ же?

Палестріонъ. Да я передъ тобой не сто̀ю того, чтобы гвоздь вбить въ стѣну.

Акротелевтія. Вотъ оно какъ!

Палестріонъ. Ужь какая она ловкая и хитрая! Какъ она славно воина обточила!

Мильфидиппа. Мало еще.

Палестріонъ. Не теряй надежды. Все дѣло уже въ рукахъ у насъ. Вы только помогайте, какъ начали. Воинъ пошелъ теперь домой просить свою наложницу, чтобы она ѣхала въ Аѳины съ сестрою и съ матерью.

Акротелевтія. Браво, браво!

Палестріонъ. Онъ даритъ ей даже золото и украшенія, которыя ей сдѣлалъ, только бы она уѣхала отъ него: такъ я ему посовѣтовалъ.

Плевсиклъ. Такъ это очень легко, если она хочетъ, и онъ того же желаетъ.

Палестріонъ. А развѣ ты не знаешь, что именно тогда, когда изъ глубокаго колодезя поднимешься до верху, и бываетъ самая большая опасность, какъ бы сверху опять не упасть? Такъ и это дѣло теперь у самаго верха колодезя: если какъ-нибудь пронюхаетъ воинъ, ничего отсюда и не унесешь. Теперь надобно какъ можно хитрѣе вести дѣло.

Плевсиклъ. Дома вижу я для этого дѣла довольно лѣсу: три женщины, четвертый ты самъ, пятый я, шестой старикъ.

Палестріонъ. Сколько у насъ хитростей поднято! Навѣрное знаю, что любой городъ можно взять такими хитростями. Помогайте только.

Акротелевтія. Для того-то мы и пришли къ тебѣ; не хочешь-ли что̀ сказать намъ?

Палестріонъ. Хорошо. Теперь тебѣ я вотъ какую дамъ службу.

Акротелевтія. Полководецъ! черезъ меня сдѣлаешь ты все, что̀ захочешь, если только по силамъ мнѣ.

Палестріонъ. Я хочу, чтобы воина поддѣли красиво, остроумно чисто.

Акротелевтія. Клянусь Касторомъ, это не служба, а удовольствіе, что̀ ты мнѣ приказываешь.

Палестріонъ. Ты знаешь, какъ?

Акротелевтія. Мнѣ надо притвориться, будто я умираю отъ любви къ нему.

Палестріонъ. Именно.

Акротелевтія. И будто бы ради этой любви я оставляю моего мужа и желаю съ нимъ въ бракъ вступить.

Палестріонъ. Все по порядку разсказала. Одно только пропустила. Ты скажи, что этотъ домъ — твое приданое, что старикъ развелся съ тобою и выѣхалъ изъ него; а то нашъ солдатъ побоится войдти въ чужой домъ.

Акротелевтія. Это не дурно придумалъ ты.

Палестріонъ. А когда онъ выйдетъ сюда, тутъ ты покажи, будто ты ни во что не ставишь свою красоту въ сравненіи съ его красотою. что ты благоговѣешь передъ его богатствомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ похвали его видъ, красоту, пріятность его фигуры. Довольно тебѣ?

Акротелевтія. Понимаю. Довольно ли тебѣ, если я тебѣ такую совершенную работу представлю, что ты не будешь въ состояніи не одобрить?

Палестріонъ. Довольно. *(Къ Плевсиклу.)* Теперь ты послушай, что̀ я тебѣ прикажу.

Плевсиклъ. Говори.

Палестріонъ. Какъ только вотъ она уйдетъ въ домъ; то ты немедленно являйся сюда въ одеждѣ моряка: въ коричневой шляпѣ, съ шерстяной повязкой на глазахъ *), въ коричневомъ плащѣ (такой вѣдь обыкновенный цвѣтъ у моряковъ), завязанномъ на лѣвомъ плечѣ такъ, чтобы рука была обнажена, — подпоясанный чѣмъ-нибудь, — притворись, будто ты кормчій. А у старика у этого все это есть: потому что у него есть рыбаки.

Плевсиклъ. Ну, что̀ же, когда я такъ одѣнусь? Ты ужь скажи, что̀ мнѣ нужно дѣлать?

Палестріонъ. Ты придешь сюда и будешь звать Филокомасію

*) Culcitam ob oculos laneam; Плевсиклъ притворяется, что у него глаза болятъ.

отъ имени ея матери, чтобы она тотчасъ съ тобой отправилась къ гавани, если намѣрена ѣхать въ Аѳины, и чтобы велѣла нести на корабль, если есть какая кладь. Скажи, что если она тутъ же не пойдетъ, то ты отправишься съ своимъ кораблемъ, потому что вѣтеръ попутный.

Плевсиклъ. Эта выдумка мнѣ нравится. Продолжай!

Палестріонъ. Тутъ онъ будетъ ее уговаривать, чтобы она спѣшила, чтобы не задерживала мать.

Плевсиклъ Умный ты человѣкъ!

Палестріонъ. Я скажу ей, чтобы она попросила меня въ помощь себѣ, чтобы отнести поклажу къ гавани. Онъ велитъ мнѣ идти съ нею къ гавани. А я, если хочешь знать, тутъ же съ тобой и отправлюсь въ Аѳины.

Плевсиклъ. И когда будешь тамъ, то я трехъ дней не допущу тебя быть рабомъ; сейчасъ же будешь свободнымъ.

Палестріонъ. Ступай же скорѣе, и наряжайся.

Плевсиклъ. Больше ничего?

Палестріонъ. Это только помни.

Плевсиклъ. Я иду.

Палестріонъ. И вы идите въ домъ сейчасъ же; я знаю, онъ скоро выйдетъ сюда изъ дому.

Акротелевтія. Твои приказанія для насъ законъ.

Палестріонъ. Идите же, пожалуста. А вотъ кстати и дверь отворяется. Веселъ выходитъ: упросилъ. Разѣваетъ, бѣдный, ротъ на то, чего и нѣтъ совсѣмъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Пиргополиникъ, Палестріонъ.

Пиргополиникъ. Убѣдилъ я Филокомасію въ томъ, что̀ хотѣлъ и какъ хотѣлъ, чтобы она уѣхала отъ меня.

Палестріонъ. Отчего ты такъ долго былъ тамъ?

Пиргополиникъ. Никогда я не думалъ, что эта женщина такъ меня любитъ, какъ я сегодня узналъ.

Палестріонъ. Что же тамъ?

Пиргополиникъ. Какъ она много говорила! Какая скучная матерія была! Но наконецъ я убѣдилъ, какъ мнѣ хотѣлось; подарилъ ей все, чего она хотѣла, что требовала, — и тебя ей подарилъ.

Палестріонъ. И меня? Какъ же мнѣ жить будетъ безъ тебя?

Пиргополиникъ. Не робѣй. Я отпущу тебя на волю. Я вѣдь старался, какъ только могъ, упросить ее, чтобы она отправилась и не увозила тебя; — но она настояла.

Палестріонъ. Буду надѣяться на боговъ, а потомъ на тебя. Однакоже, хотя мнѣ и прискорбно то, что придется лишиться такого прекраснаго господина, какъ ты, по крайней мѣрѣ, пріятно мнѣ, что по твоей доблести и красотѣ, по моему старанію, съ сосѣдкой этой, которую я теперь сватаю тебѣ, сойдется дѣло.

Пиргополиникъ. Да что̀ тутъ говорить? Я тебѣ дамъ свободу, и деньгами награжу, если ты устроишь это дѣло.

Палестріонъ. Ужь я сдѣлаю, что оно устроится.

Пиргополиникъ. Но я не могу дождаться.

Палестріонъ. Надобно быть терпѣливѣе. Укроти сердце, чтобъ не одолѣвала его страсть. Но вотъ она сама выходитъ сюда.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Акротелевтія, Мильфидиппа, Пиргополиникъ и Палестріонъ.

Мильфидиппа *(тихо къ Акротелевтіи)*. Вотъ онъ, воинъ здѣсь, госпожа.

Акротелевтія. Гдѣ онъ?

Мильфидиппа. Налѣво посмотри. Но взгляни искоса, чтобы онъ не подумалъ, что мы его видимъ.

Акротелевтія. Вижу. Клянусь Поллуксомъ, теперь-то время намъ изъ хитрыхъ хитрѣйшими сдѣлаться.

Мильфидиппа. Тебѣ начинать.

Акротелевтія *(громко)*. Умоляю тебя, ты съ нимъ самимъ видѣлась? *(Тихо.)* Не щади голоса, чтобъ онъ слышалъ.

Мильфидиппа. Клянусь Поллуксомъ, я съ нимъ самимъ говорила спокойно, сколько мнѣ было угодно, безъ помѣхи, по моему произволу, какъ хотѣлось.

Пиргополиникъ. Слышишь, что̀ она говоритъ?

Палестріонъ. Слышу. Какъ она рада, что видѣлась съ тобой!

Акротелевтія. О, какая ты счастливая женщина!

Пиргополиникъ. Какъ она меня любитъ!

Палестріонъ. Ты достоинъ того!

Акротелевтія. Клянусь Касторомъ, ты удивительныя вещи разсказываешь, будто ты видѣла его и разговаривала съ нимъ. Къ нему, говорятъ, какъ къ царю, доступъ бываетъ чрезъ письмо, или чрезъ вѣстника.

Мильфидиппа. Да и мнѣ, клянусь Поллуксомъ, едва была возможность подойдти къ нему и поговорить.

Палестріонъ. Какъ ты знаменитъ у женщинъ!

Пиргополиникъ. Чтожь дѣлать, когда Венера такъ хочетъ?

Акротелевтія. Благодарю Венеру, и вмѣстѣ прошу и молю, чтобы дано было мнѣ обладаніе тѣмъ, котораго я люблю, къ которому стремлюсь, чтобы былъ онъ благосклоненъ ко мнѣ, чтобы не отказалъ мнѣ въ томъ, чего я желаю.

Мильфидиппа. Я надѣюсь, что будетъ по твоему желанію. Хотя и многія его ищутъ, но онъ презираетъ ихъ и отдаляетъ отъ себя всѣхъ, кромѣ тебя одной.

Акротелевтія. Оттого-то и мучитъ меня страхъ, что онъ гордъ, чтобы, увидѣвши меня, не перемѣнилъ онъ своего намѣренія, чтобы его красота не заставила вдругъ пренебречь моею фигурой.

Мильфидиппа. Онъ этого не сдѣлаетъ, будь спокойна.

Пиргополиникъ. Какъ она себя мало цѣнитъ!

Акротелевтія. Я боюсь, не слишкомъ ли много о моей красотѣ наговорила ты.

Мильфидиппа. Нѣтъ, я старалась, чтобы ты оказалась на самомъ дѣлѣ прекраснѣе, нежели онъ думаетъ.

Акротелевтія. Если онъ не захочетъ имѣть меня женою, я обниму его колѣна и буду умолять его. Если не смогу умолить его, то сама себѣ смерть нанесу. Я знаю, что не могу жить безъ него.

Пиргополиникъ. Вижу, что надобно удержать эту женщину отъ смерти. Не подойдти ли мнѣ?

Палестріонъ. Ни, ни! ты унизишь себя, если самъ себя сначала предложишь. Пусть сама придетъ, поищетъ тебя, подождетъ, помучится ожиданіемъ. Неужели ты хочешь уничтожить ту славу, которую ты имѣешь? Не дѣлай этого, пожалуста! Я знаю, что ни одному смертному не случалось быть такъ безумно любимымъ, кромѣ двухъ, тебя да Фаона лесбосскаго.

Акротелевтія. Ахъ, Мильфидиппа моя, поди же къ нему въ домъ, вызови его сюда, или мнѣ самой пойдти?

Мильфидиппа. Подождемъ лучше, пока кто-нибудь выйдетъ.

Акротелевтія. Я не могу долѣе ждать. Я пойду.

Мильфидиппа. Двери заперты.

Акротелевтія. Я выломаю двери.

Мильфидиппа. Съ ума ты сошла.

Акротелевтія. Если онъ любилъ когда-нибудь, или если его

умъ соотвѣтствуетъ его красотѣ, то онъ великодушно проститъ мнѣ, если я сдѣлаю что̀ по любви.

Палестріонъ. Смотри, пожалуй, какъ эта несчастная совсѣмъ потерялась отъ любви.

Пиргополиникъ. Со мною то же дѣлается.

Палестріонъ. Молчи, чтобъ не услышала она.

Мильфидиппа. Что̀ же ты стала, какъ окаменѣлая? Что̀ не стучишь въ двери.

Акротелевтія. Потому что тамъ нѣтъ того, кого я хочу.

Мильфидиппа. Почему ты знаешь?

Акротелевтія. Знаю, клянусь Поллуксомъ, знаю. Носъ по запаху чувствовалъ бы, еслибы онъ былъ въ домѣ.

Пиргополиникъ. Отгадала. За то, что она любитъ меня, Венера дала ей способность угадывать.

Акротелевтія. Не знаю, гдѣ-то здѣсь близко находится тотъ, котораго я желаю видѣть: такъ и пахнетъ имъ.

Пиргополиникъ. Клянусь Поллуксомъ, она носомъ лучше видитъ, нежели глазами.

Паллстріонъ. Любовь ослѣпила ее.

Акротелевтія. Держи меня, прошу тебя.

Мильфидиппа. Зачѣмъ?

Акротелевтія. Чтобы не упасть мнѣ.

Мильфидиппа. Отчего это?

Акротелевтія. Потому что я стоять не могу: такъ потемнѣло въ глазахъ.

Мильфидиппа. Клянусь Поллуксомъ, ты видѣла воина.

Акротелевтія. Да.

Мильфидиппа. Я не вижу, гдѣ онъ

Акротелевтія. Еслибы ты любила, то видѣла бы.

Мильфидиппа. Клянусь Поллуксомъ, я люблю его столько же, сколько и ты, если ты позволишь.

Палестріонъ. Всѣ женщины до одной тебя любятъ, какъ только какая увидитъ.

Пиргополиникъ. Я не знаю, ты слышалъ ли отъ меня, или нѣтъ: я вѣдь внукъ Венеры.

Акротелевтія. Мильфидиппа моя! Заклинаю тебя, поди къ нему, поговори съ нимъ.

Пиргополиникъ. Какъ она боится меня!

Палестріонъ. Вотъ та идетъ къ намъ.

Мильфидиппа. Я къ вамъ.

Пиргополиникъ. А мы къ тебѣ.

Мильфидиппа. Вотъ я привела свою госпожу, какъ ты приказалъ.

Пиргополиникъ. Вижу.

Мильфидиппа. Вели же ей подойдти къ себѣ.

Пиргополиникъ. Я ужь рѣшился не ненавидѣть ее, какъ другихъ, такъ какъ ты упросила меня.

Мильфидиппа. Клянусь Геркулесомъ, если она подойдетъ къ тебѣ поближе, она не въ состоянiи будетъ ни одного слова сказать. Когда она на тебя смотритъ, въ это время глаза отрѣзываютъ ей языкъ.

Пиргополиникъ. Надо мнѣ, вижу, помочь страданьямъ женщины.

Мильфидиппа. Видишь, какъ она испугалась, какъ только увидѣла тебя.

Пиргополиникъ. И съ мужами вооруженными то же дѣлается: не удивляйся, что женщина дрожитъ. Но чего же она хочетъ отъ меня?

Мильфидиппа. Чтобы ты къ ней пошелъ: она хочетъ жизнь прожить съ тобою.

Пиргополиникъ. Какъ же мнѣ идти къ ней, когда она замужемъ? мужа надобно бояться.

Мильфидиппа. Да она выгнала его отъ себя.

Пиргополиникъ. Какъ? какъ это могла она сдѣлать?

Мильфидиппа. Потому что этотъ домъ ея приданое.

Пиргополиникъ. Такъ ли это?

Мильфидиппа. Клянусь Поллуксомъ, такъ.

Пиргополиникъ. Такъ вели ей идти домой. Я скоро буду къ ней.

Мильфидиппа. Смотри, не заставь себя долго ждать, не мучь ея бѣдное сердце.

Пиргополиникъ. Не заставлю. Ступайте.

Мильфидиппа. Мы идемъ.

Пиргополиникъ. Но что̀ это я вижу?

Палестрiонъ. Что̀ ты видишь?

Пиргополиникъ. Не знаю, вотъ кто-то идетъ въ одеждѣ моряка.

Палестрiонъ. Ну, этотъ насъ ищетъ конечно. Это корабельщикъ.

Пиргополиникъ. А это онъ ту пришелъ звать отсюда, вѣроятно?

Палестрiонъ. Должно быть, такъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Плевсиклъ, Палестріонъ, и Пиргополиникъ.

Плевсиклъ. Еслибы я не зналъ, что и другіе много дѣлали неприличнаго, побуждаемые любовью, то мнѣ стыднѣе было бы идти въ этомъ нарядѣ ради любви. Но такъ какъ я слышалъ, что многіе ради любви сдѣлали много недостойнаго и неприличнаго порядочному человѣку: не говорю ужь о томъ, какъ Ахиллесъ равнодушно смотрѣлъ на пораженіе и смерть своихъ согражданъ.... Но вотъ Палестріонъ стоитъ съ воиномъ: мнѣ надобно на другое оборотить свою рѣчь. — Дѣйствительно женщина родилась отъ самой медленности: никакая остановка не можетъ, кажется, быть болѣе той, которая бываетъ изъ-за женщины. Это ужь, думаю я, бываетъ такъ по привычкѣ. Теперь я иду вотъ за этою Филокомасіей. Но вотъ и дверь. Постучу. Эй, есть ли кто тутъ?

Палестріонъ. Молодецъ, что̀ тебѣ надо? Зачѣмъ стучишь?

Плевсиклъ. Я къ Филокомасіи пришелъ отъ ея матери. Если хочетъ она отправиться, такъ пусть идетъ теперь же. Она всѣхъ задерживаетъ. Мы хотимъ отплыть.

Пиргополиникъ. Давно ужь все готово. Эй, Палестріонъ! Возьми помощниковъ себѣ, чтобы они отнесли вмѣстѣ съ тобой золото, украшеніе, одежду, всѣ драгоцѣнности. Тамъ все приготовлено, что̀ я ей подарилъ.

Палестріонъ. Иду.

Плевсиклъ. Пожалуста, поспѣши.

Пиргополиникъ. Онъ медлить не будетъ. Но что̀ это такое, скажи на милость, что̀ съ твоимъ глазомъ?

Плевсиклъ. У меня есть глазъ.

Пиргополиникъ. Но я объ лѣвомъ говорю.

Плевсиклъ. Сейчасъ скажу. Вотъ видишь: по милости моря, я не пользуюсь этимъ глазомъ: еслибъ я подалѣе держалъ себя отъ моря, то пользовался бы имъ такъ, какъ другимъ. Но они медлятъ слишкомъ долго.

Пиргополиникъ. Вотъ они, выходятъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Палестріонъ, Филокомасія, Плевсиклъ и Пиргопилиникъ.

Палестріонъ. Да будетъ ли сегодня конецъ твоимъ слезамъ, скажи на милость?

Филокомасія. Какъ же мнѣ не плакать, когда я оставляю тотъ домъ, гдѣ я жила такъ счастливо?

Палестріонъ. Видишь ли ты человѣка, что̀ пришелъ къ тебѣ отъ сестры и отъ матери?

Филокомасія. Вижу.

Пиргополиникъ. Слышишь, Палестріонъ?

Палестріонъ. Что̀ прикажешь?

Пиргополиникъ. Чтожь ты не велишь вынесть все, что̀ я ей подарилъ?

Плевсиклъ. Здравствуй, Филокомасія!

Филокомасія. Здравствуй и ты.

Плевсиклъ. Мать и сестра велѣли тебѣ кланяться и пожелать здоровья.

Филокомасія. И имъ желаю того же.

Плевсиклъ. Онѣ просятъ, чтобы ты шла скорѣе: вѣтеръ попутный, надо паруса распускать. Еслибы у матери глаза были здоровы, она сама пришла бы со мною.

Филокомасія. Я иду, хотя и неохотно. Обязанность дочери принуждаетъ меня.

Плевсиклъ. Умно разсуждаешь.

Пиргополиникъ. Еслибы она не пожила со мной, то и теперь глупа была бы.

Филокомасія. Мучусь я, что должна разстаться съ такимъ мужемъ. Вѣдь ты какую угодно женщину можешь сдѣлать умною, такъ что польются изъ нея острыя рѣчи. И я была горда все это время, потому что съ тобой жила; а теперь вижу я, что мнѣ надобно отказаться отъ этой гордости.

Пиргополиникъ. Не плачь.

Филокомасія. Не могу, когда тебя вижу.

Пиргополиникъ. Полно, утѣшься.

Филокомасія. Я знаю какъ мнѣ прискорбно.

Палестріонъ. Не удивляюсь я нисколько, Филокомасія, что ты жила здѣсь съ удовольствіемъ: его красота, нравъ, доблесть привязали къ нему твое сердце. Вотъ я и рабъ, да плачу, когда смотрю на него, какъ подумаю, что мы разстаемся.

Филокомасія. Умоляю тебя, позволь обнять тебя, прежде чѣмъ отправлюсь.

Пиргополиникъ. Можно!

Филокомасія. О глаза мои! о сердце мое!

Палестріонъ. Поддержи, пожалуста, ее, чтобы не упала.

Пиргополиникъ. Что̀ тамъ такое?

Палестріонъ. Ей, бѣдной, дурно сдѣлалось, когда она отошла отъ тебя.

Пиргополиникъ. Эй, бѣгите туда, принесите воды!

Палестріонъ. Не нужно воды, уйди лучше: не попадайся, пожалуста, ей на глаза, когда она придетъ въ себя.

Пиргополиникъ. Головы слишкомъ близко они держатъ. Не нравится мнѣ это. Что̀ ты дѣлаешь, злодѣй?

Плевсиклъ. Я пробовалъ, дышетъ она или нѣтъ.

Пиргополиникъ. Ухо надо было придвинуть.

Плевсиклъ. Пожалуй, если хочешь, я пущу ее.

Пиргополиникъ. Нѣтъ, держи.

Палестріонъ. Но я плачу, несчастный.

Пиргополиникъ. Выходите и выносите сюда все, что̀ я ей подарилъ.

Палестріонъ. Еще разъ прежде отъѣзда прощаюсь съ тобой, ларъ нашъ! живите и будьте здоровы, мои товарищи! помяните добрымъ словомъ меня и тогда, когда я не буду съ вами.

Пиргополиникъ. Ну, Палестріонъ, пожалуста, будь спокойнѣе!

Палестріонъ. Охъ, не могу я не плакать, разставаясь съ тобою!

Пиргополиникъ. Ты долженъ перенесть эту разлуку спокойнѣе.

Палестріонъ. Знаю я, отчего болитъ у меня сѐрдце.

Филокомасія. Но что̀ это? Что̀ я вижу? Свѣтъ, здравствуй!

Плевсиклъ. Ты очнулась наконецъ?

Филокомасія. Кого это я обняла? Погибла я — въ себѣ ли я?

Плевсиклъ. Не бойся, радость моя!

Пиргополиникъ. Что̀ тамъ такое?

Палестріонъ. Память ее оставила. Боюсь я, чтобы это не вышло наружу.

Пиргополиникъ. Чего ты боишься?

Палестріонъ. А вотъ, чтобъ тебѣ кто въ порокъ не поставилъ, что мы такъ явно понесемъ это все по городу.

Пиргополиникъ. Свое, а не чужое, я подарилъ. Я не слишкомъ уважаю всѣхъ этихъ людей. Ну, идите съ богомъ.

Палестріонъ. Я для тебя же это говорю.

Пиргополиникъ. Вѣрю.

Палестріонъ. Такъ прощай, будь здоровъ!

Пиргополиникъ. Прощай. Будь и ты здоровъ.

Палестріонъ. Идите скорѣе. Я васъ догоню, только поговорю еще немножко съ господиномъ. Хотя ты всегда считалъ другихъ слугъ болѣе тебѣ вѣрными, нежели меня; однако я благодарю тебя за все, и, еслибы тебѣ было угодно, то я охотнѣе желалъ бы быть у тебя рабомъ, нежели отпущенникомъ у другаго.

Пиргополиникъ. Не отчаявайся.

Палестріонъ. Увы мнѣ, когда подумаю, какъ нужно перемѣнить теперь характеръ: женскій нравъ долженъ я изучать, забыть— военный.

Пиргополиникъ. Старайся быть хорошимъ человѣкомъ.

Палестріонъ. Не могу; — всю охоту потерялъ.

Пиргополиникъ. Ну, иди, догоняй ихъ, не задерживай.

Палестріонъ. Будь здоровъ.

Пиргополиникъ. И ты будь здоровъ

Палестріонъ. Помни же, прошу тебя. Если я, можетъ-быть, сдѣлаюсь свободнымъ, то я пришлю извѣстить тебя: не оставь меня тогда.

Пиргополиникъ. Это мнѣ не свойственно.

Палестріонъ. Подумай, какъ я былъ вѣренъ тебѣ. Если ты это сдѣлаешь, тогда только узнаешь, кто для тебя хорошъ, кто дуренъ.

Пиргополиникъ. Я знаю и часто замѣчалъ это; но хотя и прежде я видѣлъ это, теперь однакожь еще болѣе.

Палестріонъ. Знаешь, но послѣ скажешь, что сегодня-то и оказалась вся правда.

Пиргополиникъ. Едва удерживаюсь я, чтобъ не велѣть тебѣ остаться.

Палестріонъ. Этого не дѣлай. Скажутъ, что ты обманщикъ, лживый человѣкъ, что нѣтъ въ тебѣ нисколько правды. Скажутъ, пожалуй, что у тебя нѣтъ, кромѣ меня, ни одного слуги. Вѣдь я посовѣтывалъ бы тебѣ и самъ, еслибы можно было прилично это сдѣлать. А то нельзя: не дѣлай этого, говорю я.

Пиргополиникъ. Ну, иди; ужь такъ и быть, нечего дѣлать.

Палестріонъ. Такъ прощай!

Пиргополиникъ. Лучше идти съ веселымъ духомъ.

Палестріонъ. Еще разъ прощай *(уходитъ)*.

Пиргополиникъ. Прежде этого я считалъ его самымъ плохимъ слугою, и вотъ нахожу, что онъ былъ мнѣ вѣренъ. Какъ подумаю

я самъ съ собою: глупо я сдѣлалъ, что отпустилъ его. Пойду теперь однако же сюда къ любви моей. Но кто это выходитъ оттуда? Дверь застучала.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Мальчикъ и Пиргополиникъ.

Мальчикъ. Не говорите мнѣ: я знаю свое дѣло. Ужь я найду его, гдѣ бы онъ ни былъ. Поищу, трудовъ не пожалѣю.

Пиргополиникъ. Это меня онъ ищетъ. Пойду на встрѣчу этому мальчику.

Мальчикъ. Э, тебя-то я и ищу. Здравствуй, мужъ прекраснѣйшій, осыпанный болѣе другихъ дарами счастія, о которомъ два бога особенно заботятся.

Пиргополиникъ. Какіе два?

Мальчикъ. Марсъ съ Венерою.

Пиргополиникъ. Умный мальчикъ!

Мальчикъ. Она умоляетъ, чтобы ты шелъ къ ней въ домъ: тебя хочетъ, тебя ищетъ, умираетъ отъ нетерпѣнія видѣть тебя. Спаси любящую. Что же ты стоишь? Что нейдешь въ домъ?

Пиргополиникъ. Иду.

Мальчикъ. Теперь онъ самъ попался въ сѣти. Засада приготовлена, старикъ стоитъ ужь въ позиціи, чтобы тотчасъ напасть на волокиту, который такъ гордится красотою, что думаетъ, что всякая женщина, какъ только увидитъ его, такъ ужь и любитъ. А на самомъ-то дѣлѣ его ненавидятъ и женщины, и мущины. Пойду теперь туда въ суматоху. Я слышу крикъ въ домѣ.

ДѢЙСТВІЕ V.

Периплекоменъ, Пиргополиникъ, Каріонъ, Сцеледръ.

Периплекоменъ. Ведите его. Если будетъ упираться, такъ поднимите его на воздухъ и вытащите вонъ! Сдѣлайте, чтобъ онъ былъ среди неба и земли! Разорвите его!

Пиргополиникъ. Периплекоменъ, умоляю тебя!

Периплекоменъ. Клянусь Геркулесомъ, напрасно умоляешь. Смотри, Каріонъ, чтобы ножикъ твой у тебя былъ хорошо наточенъ.

Пиргополиникъ. Пропалъ я!

Периплекоменъ. Еще нѣтъ! рано говоришь это.

Каріонъ. Налетѣть мнѣ на него что ль?

Периплекоменъ. Пусть побьютъ его прежде палками.

Каріонъ. И хорошенько.

Периплекоменъ. Какъ ты смѣлъ подъѣзжать къ чужой женѣ, безстыдникъ?

Пиргополиникъ. Клянусь богами! не я начиналъ: ко мнѣ пришли.

Периплекоменъ. Лжетъ: бей его!

Пиргополиникъ. Погоди, пока разскажу.

Периплекоменъ. Что̀ же вы перестали?

Пиргополиникъ. Позволь мнѣ сказать слово.

Периплекоменъ. Говори.

Пиргополиникъ. Меня просили придти сюда къ тебѣ.

Периплекоменъ. Какъ же ты смѣлъ? Вотъ тебѣ!

Пиргополиникъ. Ой, ой! ужь довольно били! Помилуй!

Каріонъ. Когда же мнѣ рѣзать?

Периплекоменъ. Когда угодно. Растяните его, какъ птицу крылатую!

Пиргополиникъ. Умоляю тебя, выслушай же ты мои слова, прежде чѣмъ начнутъ рѣзать меня.

Периплекоменъ. Говори, пока ты еще не сдѣлался ничего не стоющимъ человѣкомъ.

Пиргополиникъ. Я думалъ, что она вдова. Такъ служанка говорила мнѣ, что̀ была посредницей.

Периплекоменъ. Клянись, что ты никому не сдѣлаешь вреда за то, что тебя били сегодня, ни за то, что тебя будутъ бить, если мы отпустимъ тебя цѣлымъ, Венеринъ внучекъ!

Пиргополиникъ. Клянусь Діаною и Марсомъ, что я не буду мстить никому за то, что былъ сегодня здѣсь битъ; и думаю, что это по дѣломъ мнѣ досталось; и если я уйду отсюда цѣлымъ, то это еще хорошо по тому, какъ я виноватъ.

Периплекоменъ. А если ты не исполнишь этого?

Пиргополиникъ. Да буду я тогда всю жизнь безчестнымъ.

Периплекоменъ. Поколотите его еще, а потомъ нужно пустить его, я думаю.

Пиргополиникъ. Да благословятъ тебя боги за то, что ты сказалъ за меня доброе слово!...

Каріонъ. Ну, такъ дай намъ мину золота.

Пиргополиникъ. За что̀?

Каріонъ. За то, что мы отпустимъ тебя, Венерина внучка, цѣлымъ; иначе ты не уйдешь отъ насъ, чтобъ не....

Пиргополиникъ. Дамъ, дамъ.

Каріонъ. Умно. Что̀ касается до туники, хламиды и меча, такъ ужь и не надѣйся. Ничего отсюда ты не понесешь. Побить его еще, или ужь ты отпускаешь его?

Пиргополиникъ. Умоляю васъ! я ужь и такъ мягкій сталъ отъ ударовъ.

Периплекоменъ. Развяжите его!

Пиргополиникъ. Благодарю тебя.

Периплекоменъ. Если я еще разъ застану тебя здѣсь, такъ ужь ты такъ не отдѣлаешься.

Пиргополиникъ. Я ничего не могу сказать противъ.

Периплекоменъ. Пойдемъ, Каріонъ!

Пиргополиникъ. Вотъ мои рабы! Что Филокомасія ужь уѣхала? Скажи мнѣ.

Сцеледръ. Давно.

Пиргополиникъ. Увы мнѣ!

Сцеледръ. Еще болѣе сказалъ бы ты, если бы зналъ, что̀ я знаю. Вѣдь тотъ, что̀ имѣлъ повязку на глазахъ, не корабельщикъ былъ.

Пиргополиникъ. А кто же?

Сцеледръ. Любовникъ Филокомасіи.

Пиргополиникъ. Какъ это ты знаешь?

Сцеледръ. Знаю. Потому что, когда они вышли за городъ, то все цѣловались да обнимались.

Пиргополиникъ. Горе мнѣ, бѣдному! Вижу я, что меня надули. Злодѣй Палестріонъ, это онъ втянулъ меня въ эту ловушку.

Сцеледръ. И по дѣломъ, думаю я. Если бы и съ другими волокитами то же случалось, то меньше было бы развратниковъ, больше было бы страху, меньше объ этихъ вещахъ хлопотали бы.

Пиргополиникъ. Пойдемъ домой!

Пѣвецъ *(къ зрителямъ)*. Похлопайте!

(Занавѣсъ поднимается).

ОЧЕРКИ ДРЕВНѢЙШАГО ПЕРІОДА ГРЕЧЕСКОЙ ФИЛОСОФІИ.[1)]

СОДЕРЖАНІЕ И ХОДЪ МЫШЛЕНІЯ.

I.

Мышленіе ко всему относится посредствомъ понятій; каждое понятіе представляетъ въ себѣ нѣчто, *то что есть*, τὸ τί ἐστι, но, то, что̀ есть не въ актѣ собственнаго бытія, а именно въ актѣ понятія. Поэтому̀, представляющееся въ понятіи не есть нѣчто дѣйствительное, по сколько представляется въ понятіи, а напротивъ нѣчто противуположное дѣйствительности. Съ другой же стороны то, что̀ представляется въ понятіи, не можетъ быть чуждымъ тому, что̀ раскрывается въ дѣйствительности: напротивъ логическое совпадаетъ съ дѣйствительнымъ. Хотя человѣческое мышленіе можетъ создавать формы, не существующія въ дѣйствительности, однако при всемъ безконечномъ разнообразіи представленій, при всей небузданности фантазіи, сохраняются въ основѣ общіе типы, вѣчные и незыблемые. Произволъ простирается только на видовое и частное, но произволу нѣтъ мѣста относительно всеобщаго. Въ безконечности мыслимаго есть то, что̀ съ необходимостью мыслимо. Безъ этого необходимо-мыслимаго невозможно человѣческое разумѣніе. Это его натура, которая представляется сама собою, какъ только начинается мышленіе, и выражается отъ начала, прежде чѣмъ могла быть какая-нибудь философія. Не встрѣчаемъ ли мы все необходимое, всѣ категоріи, всѣ отношенія, безъ которыхъ не возможенъ никакой актъ мышленія,— въ языкѣ? Не есть ли языкъ самая полная логика прежде всякой логики, философія прежде всякой философіи, мышленіе прежде всякаго мышленія?

1) См. Пропилеи, кн. I. отд. I. стр. 305.

Логически или идеально созерцаемый космосъ является какъ нѣчто вѣчное, или, лучше, какъ нѣчто, ни въ какомъ отношеніи не находящееся ко времени, какъ отвлеченное настоящее. Въ немъ ничто не *произошло*, а все *происходитъ* или существуетъ идеально, въ одномъ представленіи. Въ немъ можно различать предыдущее и послѣдующее, начальное и производное, простѣйшее и сложнѣйшее, но все лишь въ одномъ представленіи, созерцаніи, понятіи, а не въ дѣйствіи, не въ бытіи. Всякое число, напримѣръ, предполагаетъ свои факторы и съ необходимостію вытекаетъ изъ нихъ; но мы чувствуемъ, что здѣсь рѣчь идетъ не о дѣйствительномъ происхожденіи, а объ отношеніи чисто логическомъ или идеальномъ, хотя въ дѣйствительности это отношеніе и обнаруживается какъ законъ. Замѣчая тождество между отношеніями мыслимаго и отношеніями дѣйствительности, мы можемъ легко сбиваться и смѣшивать одно съ другимъ даже тамъ, гдѣ они совершенно между собою разнятся; ибо нѣтъ бо́льшаго различія, какъ между существованіемъ въ дѣйствительности и существованіемъ въ представленіи, въ понятіи, въ возможности. Относительно частныхъ вещей такое смѣшеніе либо вовсе не можетъ быть, либо бываетъ какъ патологическій случай въ душевной жизни, сюда не принадлежащій и не представляющій никакого интереса для исторіи познанія. Но такое смѣшеніе весьма часто бываетъ по отношенію ко всеобщему и всецѣлому, къ тому, что̀ не подлежитъ нашимъ чувствамъ. Каждый мыслящій при малѣйшемъ вниканіи замѣтитъ въ себѣ готовность къ такому смѣшенію. Исторія философіи представляетъ въ огромныхъ размѣрахъ это явленіе, и въ наше время совершенно явственное различеніе того и другаго не легко дается и еще такъ недавно колебалось и терялось въ философскихъ системахъ.

Понятіе логическаго космоса было, какъ кажется, впервые съ нѣкоторою опредѣленностью высказано въ пиѳагорейской школѣ. Это — знаменитая пиѳагорейская теорія чиселъ. Логическій космосъ выразился какъ порядокъ чиселъ. На языкѣ пиѳагорейцевъ числа значатъ то же самое, что̀ на языкѣ Платона и на нашемъ значатъ идеи, понятія.

Приведемъ изъ Филолаевыхъ фрагментовъ нѣкоторыя относящіяся сюда мѣста. «Число имѣетъ натуру законодательную и предводительную и учительную [1]). Еслибы не было числа и его сущности, никакая вещь не могла бы быть познаваема ни въ отношеніи къ

1) Νομικὰ γὰρ ἁ φύσις ἁ τῶ ἀριθμῶ καὶ ἁγεμονικὰ καὶ διδασκαλικά. Stob. Ecl. philosoph. 1, 2, 3. Бёкъ Philolaos p. 141.

себѣ ни въ отношеніи къ другому [1]). Число приводитъ вещи въ гармонію съ душею, такъ что раждается согласіе между душею и вещами, и подобное подобнымъ можетъ быть познано, и все становится доступнымъ для ощущенія [2]). Не только въ вещахъ демоническихъ и божественныхъ господствуетъ природа и сила числа, по равно и въ дѣлахъ и словахъ человѣческихъ, во всѣхъ искусствахъ, ремеслахъ и въ музыкѣ [3]). Лжи никакой не пріемлетъ природа числа и гармонія; ложь чужда имъ. Ложь и зло (зависть, φθόνος) принадлежитъ безграничному, немыслимому въ природѣ. Ложь никоимъ образомъ не дышетъ въ число [4]). Оно враждебно ей по натурѣ, но истина сродна и присуща роду числа [5]). Все познаваемое имѣетъ въ себѣ число [6]). Ничто не можетъ быть мыслимо и познаваемо безъ него [7])».

Первоначально представленіе мыслимаго и представленіе дѣйствительнаго должны были находиться въ простомъ безразличіи: т. е. мышленіе не опредѣляло, не рѣшало, логическимъ ли происхожденіемъ оно занято или происхожденіемъ дѣйствительнымъ. Но такъ какъ въ этомъ простомъ первоначальномъ безразличіи возможность хаотическаго смѣшенія была не исключена, то при дальнѣйшихъ движеніяхъ философской мысли скоро встрѣчаемъ мы слѣды такого смѣшенія. Такъ въ пиѳагорейской же школѣ говорится, что происхожденіе міра не есть происхожденіе во времени (историческое, бытійное), но происхожденіе идеальное, логическое, по понятію (κατ' ἐπίνοιαν). То, что̀ абсолютно отличаетъ дѣйствительный міръ, какъ дѣйствительный, сглаживается, и онъ исчезаетъ за логическимъ космосомъ, который оказывается въ этомъ отрицаніи бытійнаго, историческаго значенія міра.

Въ послѣдствіи времени это колебаніе и броженіе мышленія въ

1) Οὐ γὰρ ἦς δῆλον οὐθενὶ οὐθὲν τῶν πραγμάτων οὔτε αὐτῶν ποθ' αὑτὰ οὔτε ἄλλω ποτ' ἄλλο, εἰ μὴ ἦς ἀριθμὸς καὶ ἁ τούτω ἐσσία. Ibid.

2) Νῦν δὲ οὗτος (sc. ὁ ἀριθμὸς) κаττὰν ψυχὰν ἁρμόζων αἰσθάσει πάντα γνωστὰ καὶ ποτάγορα ἀλλάλοις.... ἀπεργαζεται.... Ibid.

3) Ἴδοις δὲ καὶ οὐ μόνον ἐν τοῖς δαιμονίοις καὶ θείοις πράγμασι τὰν τῶ ἀριθμῶ φύσιν καὶ τὰν δύναμιν ἰσχύουσαν, ἀλλὰ καὶ ἐν τοῖς ἀνθρωπικοῖς λόγοις καὶ ἔργοις πᾶσι παντᾶ, καὶ κατὰ τὰς δαμιουργίας τὰς τεχνικὰς πάσας καὶ κατὰ τὰν μουσικάν.... Ibid.

4) Ψεῦδος δὲ οὐθὲν δέχεται ἁ τῶ ἀριθμῶ φύσισ οὐδὲ ἁρμονία· οὐ γὰρ οἰκεῖον αὐτοῖς ἐντί τᾶς γὰρ ἀπείρω καὶ ἀνοήτω καὶ ἀλόγω φύσιος το ψεῦδος καὶ ὁ φθόνος ἐντί· ψεῦδος δὲ οὐδαμῶς ἐς ἀριθμὸν ἐπιπνεῖ. Ibid.

5) Οἰκεῖον καὶ σύμφυτον τᾷ τῶ ἀριθμῶ γενεᾷ... Ibid.

6) Πάντα γα μὰν τὰ γιγνωσκόμενα ἀριθμὸν ἔχοντι. Stob. Ecl. philosoph. I, p. 456. Бёкъ Philolaos, p. 58.

7) Οὐ γὰρ ὁτιῶν οἷόντε οὐθὲν οὔτε νοηθῆμεν οὔτε γνωςθῆμεν ἄνευ τούτω. Ibid.

смѣшеніи отвлеченно-мыслимаго съ дѣйствительнымъ вынуждаетъ нѣкоторыя усилія установить болѣе правильныя отношенія между ними. Сохранившійся у Стобея пиѳагорейскій фрагментъ, приписываемый Ѳеано̀, знаменитой въ преданіи пиѳагорейской женщинѣ, но, по всему вѣроятію, довольно поздній и даже очень поздній, говоритъ, что Геллены несправедливо думаютъ, будто Пиѳагоръ производилъ дѣйствительность изъ числа: только то, по его ученію, должно мыслить, что все произошло по числу, то есть, по образу происхожденія числа. Въ самомъ дѣлѣ, въ пиѳагорейской школѣ можно наслѣдить два направленія, изъ которыхъ одно остается при совершенномъ безразличіи между представленіемъ мыслимаго и представленіемъ дѣйствительнаго, а потому еще и не смѣшиваетъ ихъ, какъ бы не имѣя къ тому времени. Это — древнѣйшее направленіе; и если первые пиѳагорейцы не говорили, что міръ произошелъ изъ числа, то говорили, какъ навѣрное можно утверждать, по всѣмъ указаніямъ, что все происходитъ изъ тѣхъ же верховныхъ началъ, изъ какихъ изливается философскій порядокъ идей. Сознаніе чувствовало и тамъ и тутъ одни и тѣ же верховныя начала и, — не смотря на все различіе сферъ, различіе, которое тогда не могло еще быть уловлено и выражено, — одни и тѣ же законы, одни и тѣ же типы. Другое направленіе выработалось въ послѣдствіи; къ нему-то между прочимъ принадлежитъ и выше приведенный предполагаемый фрагментъ Ѳеано̀. Оно принимаетъ логическій порядокъ какъ прототипъ; отношеніе между логическимъ и реальнымъ выражается какъ подражаніе (μίμησις). Очень вѣроятно, что это направленіе образовалось уже подъ вліяніемъ другой болѣе развитой философской системы, именно системы Платона, у котораго то же самое отношеніе выражается словомъ причастіе (μέθεξις). Вещи въ своихъ отношеніяхъ какъ бы подражаютъ или становятся причастны логическимъ отношеніямъ, выражающимся въ нихъ какъ законъ.

То, что у пиѳагорейцевъ называется числомъ, у Гераклита является подъ именами предопредѣленія (εἱμαρμένη), слова, мысли, общаго (τὸ ξυνόν). «Мы вдыхаемъ въ себя это общее и чрезъ то становимся разумны, сознательны. Когда мы бодрствуемъ, мы причастны ему; когда спимъ, тогда оно погасаетъ въ насъ, мы разобщаемся съ нимъ, и у каждаго тогда свой міръ. Просыпаясь и сообщаясь съ нимъ, душа, какъ потухшій уголь, загорается снова и становится разумною» [1]. — Ниже мы разсмотримъ это представленіе въ другомъ отно-

[1]) Секстъ Эмпирикъ adv. Math. VII, 129.

шеніи; здѣсь же мы приводимъ его для того, чтобы видѣть, въ какомъ образѣ представлялось разумѣніе Гераклиту, одному изъ главныхъ мыслителей архаическаго времени. Разумъ непосредственно представляется въ самомъ мірѣ, какъ «одержащее его могущество» или какъ собственное его устройство (διακόσμησις). Разумѣніе, мышленіе, философія есть не что̀ иное, какъ его изъясненіе [1]).

Во всемъ этомъ мы видимъ, какое объективное значеніе имѣлъ разумъ для древнихъ мыслителей. Логическое прямо созерцается въ дѣйствительномъ; но мы можемъ прибавить, что и дѣйствительное въ свою очередь улетучивается въ логическое. Логическій космосъ имѣлъ уже отвлеченную самостоятельность въ мышленіи эфесскаго философа, при всей объективности этого мышленія; онъ имѣлъ въ немъ эту самостоятельность, такъ же какъ и въ пиѳагорейскомъ мышленіи, хотя не такъ опредѣленно выразился, какъ тамъ въ теоріи чиселъ.

«Міръ есть игра. Зевсъ играетъ движеніями Геймармены» [2]). Эти гераклитовскія выраженія внезапно раскрываютъ передъ нами то созерцаніе, которое особенно утвердилось въ индійскомъ спиритуализмѣ. Передъ духомъ играетъ Майя, и все, что̀ ни есть, есть не что̀ иное, какъ радужный міръ призраковъ, въ которомъ является передъ нимъ она въ созерцаніи, — и міръ, лишенный всякой дѣйствительности, не имѣющій въ основѣ своей акта самостоятельнаго бытія, заключенный въ этой играющей созерцательной мощи, не существуетъ въ смыслѣ выразительнаго латинскаго слова: existentia (non ex-sistit, не выступаетъ).

Но въ гелленскомъ философѣ это представленіе не могло установиться, какъ въ индійской мысли: оно не имѣло такой силы, какъ тамъ, и въ иномъ окруженіи, вѣроятно, имѣло и иное значеніе. Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь одинъ изъ тѣхъ пунктовъ, въ которыхъ Гераклитъ соприкасается съ орфическими идеями. Такое представленіе только проглядываетъ въ гелленскомъ мышленіи, а не господствуетъ, какъ въ индійскомъ. Тамъ только не удалена возможность такого представленія; въ индійскомъ же мышленіи эта возможность энергически выразилась и утвердилась.

У Элеатовъ прямо отрицается всякая возможность происхожденія. «Сущее (говоритъ Парменидъ) не произошло и не прейдетъ. Въ немъ нѣтъ ни прошедшаго, ни будущаго; оно есть, настоящее все за разъ,

[1]) Секстъ Эмп. adv. Math. VII. 133. Это же видимъ мы и въ слѣдующемъ мѣстѣ, приведенномъ у Діогена Лаэртія IX, 1: «Въ одномъ мудрость: разумѣть мысль, думу, γνώμην, которая одна управляетъ всѣмъ черезъ все.»
[2]) Клим. Александр. Paed. I, 5 p. 90

единое безъ перерыва» [1]). «Крѣпко созерцай это отсутствующее, по уму присутствующее».

Λεῦσσε δ'ὅμως ἀπεόντα νόῳ παρέοντα βεβαίως [2]).

«Мышленіе и то, о чемъ мышленіе, есть одно и то же.»

Τωὖτὸν δ'ἐστὶ νοεῖν τε καὶ οὕνεκεν ἔστι νόημα [3]).

Какъ рѣшительно и явственно выразилось здѣсь тождество между мышленіемъ и бытіемъ, тождество, которое составляетъ одно изъ главныхъ и основныхъ убѣжденій философіи! Мышленіе и сущее, по истинѣ, не разнятся между собою: это исходный пунктъ философіи. То, что̀ съ необходимостью мыслимо, согласуется съ тѣмъ, что̀ есть; но сущее представляетъ нѣчто болѣе, нежели просто мыслимое, и это нѣчто болѣе есть самый актъ бытія, дѣйствительность бытія. Это абсолютное различіе между мыслимымъ и сущимъ должно быть вторымъ основнымъ убѣжденіемъ философіи, но у Элеатовъ это различіе заслонялось, какъ бы поглощалось тѣмъ тождествомъ, которое неопровержимо, но имѣетъ одностороннее значеніе.—Въ пиѳагорейской логикѣ было допущено движеніе и происхожденіе. Они созерцали порядокъ чиселъ въ процессѣ его идеальнаго происхожденія. Но діалектика Элеатовъ не могла двинуть свое разумѣемое сущее (νόῳ παρέοντα), и покорные ей, они отказались признать возможность движенія. Въ нихъ мы видимъ первое энергическое выраженіе логической послѣдовательности.

Когда «кони», управляемые дѣвами Геліадами, вознесли Парменида [4]) въ среду эѳира, туда, гдѣ расходятся пути ночи и дня, богиня, тамъ сидящая, приняла его и сказала ему: «Радуйся, что правда привела тебя на этотъ путь, удаленный отъ торной дороги людей. Ты долженъ узнать все, и достовѣрной истины крѣпкое сердце, и мнѣнія смертныхъ, лишенныя истины, полныя лжи.»

Эти мнѣнія смертныхъ, лишенныя истины и полныя лжи — это дѣйствительность съ ея движеніями и измѣненіями. Парменидъ не отказывается ступить и на этотъ путь. Другая половина его поэмы говоритъ о происхожденіи (περὶ φύσεως), и примыкаетъ совершенно къ прочимъ физіологическимъ системамъ. Но этотъ предметъ лишенъ для него интереса и истины. Интересъ и истина со-

1) Οὐδέποτ' ἦν οὐδ' ἔσται, ἐπεὶ νῦν ἔστιν ὁμοῦ πᾶν,
Ἓν ξυνεχές. Стихъ 59 и 60 по Карстену и Брандису. У Симпл. in Phys. f. 31, a, b.

2) Стихъ 89. Ѳеодоретъ, Therapeut., serm. I. p. 13. Sylb.

3) Стихъ 93. Симплиц. въ привед. мѣстѣ.

4) Мы разсказываемъ здѣзь содержаніе пролога его поэмы, который сохранился у Секста Эмпирика, adv. Mathem. VII, 111.

средоточены для Элеата на томъ «неподвижномъ въ предѣлахъ своихъ великихъ узъ» [1]), въ которомъ его мышленіе не встрѣчаетъ никакой возможности перехода ни назадъ, ни впередъ (ἄναρχον, ἄπαυστον) [2]) ибо «сильная необходимость держитъ сущее въ цѣпяхъ предѣла и не пускаетъ его никуда (ἀμφὶς ἐέργει)» [3]. Парменидъ и не переходитъ отъ этого недвижно-сущаго къ объясненію дѣйствительности, онъ просто объявляетъ, что все, за тѣмъ у него слѣдующее, — только «смертное мнѣніе». — «Я оканчиваю теперь (говоритъ онъ) слово и мысль объ истинѣ: за тѣмъ узнай смертное мнѣніе, слушая обманчивый складъ моихъ повѣствованій.»

....κόσμον ἐμῶν ἐπέων ἀπατηλὸν ἀκούων [4]).

—

Перейдемъ теперь къ нашей главной задачѣ, и постараемся изложить дѣло въ общихъ и главныхъ чертахъ, удаляя все, что можетъ затемнить его. Мы не будемъ уже возвращаться къ тому пункту, котораго теперь коснулись мимоходомъ, и будемъ разсматривать начало и ходъ мышленія по древнимъ системамъ, не спрашивая, къ какому порядку относится это мышленіе, логическому или бытійному; потому что эти оба порядка еще не выступили въ своей полной опредѣленности; смѣшенія между ними получаютъ иной полнѣйшій смыслъ съ другой точки зрѣнія, именно въ общей связи того процесса, котораго понятіе развивалось въ системахъ.

Мы удержимъ за этимъ процессомъ названіе, которымъ онъ характеризуется въ самихъ системахъ и вообще въ древности, названіе физіологическаго и физическаго. Мы можемъ назвать его также космогоническимъ, не дѣлая строгаго различія между нимъ и ѳеогоническимъ, который развивался въ миѳологическомъ сознаніи древняго человѣчества. Идея физическаго процесса плѣнила умы древнихъ мыслителей; въ ней они вращались, переходя отъ одного пункта къ другому, и не имѣя силы надъ нею возвыситься. Въ наше время всякій человѣкъ, рожденный въ христіанствѣ, находитъ въ себѣ идею творенія; онъ можетъ не разумѣть ея, но она въ немъ присутствуетъ. Древніе физіологи не имѣли этой идеи, по крайней мѣрѣ, не имѣли ея въ полной силѣ и чистотѣ. Объятые сами физическимъ процессомъ (ибо ѳеогоническій процессъ, о которомъ мы упо-

[1]) . ..ἀκίνητον μεγάλων ἐν πείρασι δεσμῶν. Стихъ 81. Симплицій, in Phys. f. 9 и въ др. м.

[2]) Ibid.

[3]) Ibid.

[4]) Стихъ III Симпл. in Phys. f. 9; f. 7, 6.

мянули, по своей сущности есть не что̀ иное, какъ подчиненіе человѣческаго сознанія физическимъ или космическимъ силамъ), они пробудились къ мышленію, заключенному въ его предѣлахъ. Хотя и въ языческомъ сознаніи сохранилось смутное представленіе, какъ мы это увидимъ ниже, о Творцѣ и твореніи; но твореніе заслонялось для нихъ природою, и космогонія была для нихъ физіологіей.

Каждая изъ главныхъ физіологическихъ системъ древней философіи соотвѣтствуетъ какой-либо изъ послѣдовательныхъ фазъ физіологическаго процесса; въ каждой выразился какой-либо моментъ его, и каждая смотритъ на все съ точки зрѣнія того момента, который въ ней выразился.

Но здѣсь мы должны оговориться и предупредить одно важное недоразумѣніе. Кто будетъ пристальнѣе и глубже вникать въ дѣло, тотъ можетъ найдти, что не всегда полнѣйшее воззрѣніе принадлежитъ позднѣйшему времени, какъ бы слѣдовало ожидать, еслибы точно развитіе философскихъ системъ представляло постепенность, соотвѣтственную процессу, въ нихъ выражавшемуся.

Относительно этого надобно замѣтить слѣдующее: во 1-хъ, философское развитіе, принадлежащее опредѣленной частной эпохѣ, не можетъ быть разсматриваемо какъ всеобщій, всецѣлый процессъ. Оно проходитъ параллельно съ другими развитіями, которыя болѣе или менѣе дѣйствуютъ на него и возмущаютъ его. Цѣлое небо въ своемъ циклѣ невозмутимо ничѣмъ извнѣ, но движенія отдѣльныхъ системъ подвержены взаимнымъ возмущеніямъ. Философское развитіе, въ занимающую насъ эпоху, представляетъ только начатки человѣческаго разумѣнія; это сила еще неокрѣпшая и не имѣющая полной самостоятельности, безпрерывно вовлекаемая въ сферу чуждыхъ тяготѣній.

Во 2-хъ, философскому развитію предшествуетъ и даже объемлетъ его другое движеніе, которое наполняло далекія до-историческія эпохи и выражалось въ миѳологическихъ системахъ, образующихъ одно цѣлое. Мы не можемъ здѣсь касаться его значенія, скажемъ только: философское разумѣніе могло начаться лишь тогда, когда великое миѳологическое развитіе пришло къ своей послѣдней фазѣ. Въ своемъ концѣ, развитіе миѳологическаго сознанія, по содержанію, долженствовало быть несравненно богаче первыхъ начатковъ философскаго сознанія. Въ философскомъ сознаніи долженъ былъ повториться тотъ же во многихъ отношеніяхъ процессъ, который происходилъ въ религіозномъ сознаніи языческаго человѣчества; ибо мышленіе о космогоніи, выражавшееся въ

философскихъ системахъ, находится въ рѣшительной объективной аналогіи съ сознаніемъ ѳеогоническимъ. Орфическія системы, колебавшіяся между ѳеогоническими и космогоническими представленіями и примыкавшія съ одной стороны къ мистеріямъ, съ другой къ философіи, должны были заключать въ себѣ гораздо болѣе, нежели собственно философскія представленія, имъ современныя или даже за ними слѣдовавшія. Мы не говоримъ о самихъ мистеріяхъ, въ которыхъ, какъ должно думать, сосредоточивался весь смыслъ миѳологіи.

Отсюда понятно, что независимо отъ собственнаго развитія философіи, могло со стороны проникать въ нее сознаніе, принадлежащее совсѣмъ иному порядку. Можно ожидать, что древнѣйшіе мыслители, подверженные въ большей степени внушеніямъ миѳологіи, когда область философскихъ понятій не успѣла еще вполнѣ обособиться, могли высказывать иногда такія представленія, которыя, по своему значенію въ философіи, принадлежатъ другимъ, гораздо дальнѣйшимъ моментамъ.

Послѣ этихъ замѣчаній приступимъ къ дѣлу. Сначала изложимъ общее представленіе космогоническаго процесса по всѣмъ древнимъ системамъ. Мы будемъ при этомъ поступать такъ, какъ естествоиспытатели при изученіи природы. Группируя и анализируя фрагменты, мы посредствомъ наведенія будемъ изъ нихъ извлекать ихъ содержаніе, ихъ основной смыслъ. Повторимъ сказанное прежде: наша забота будетъ состоять не въ томъ, что̀ истиннаго или ложнаго было сказано древнимъ мышленіемъ, а въ томъ, чтобы самимъ не сказать о немъ чего-либо ложнаго.

II.

Начало всякаго перехода, всякаго движенія. есть нѣчто по натурѣ своей двойственное, двусмысленное, могущее быть такъ и иначе: это пиѳагорейская неопредѣленная двоица, діада (ἀόριστος δυάς). Она говоря пиѳагорейски, даетъ лѣствицу, — т. е. условливаетъ переходъ [1]), —къ раскрытому космосу, —къ числу, говоря также языкомъ пиѳагорейцевъ, у которыхъ, какъ мы знаемъ, подъ числомъ разумѣется космосъ, безразлично и идеальный и реальный. Она выходитъ изъ скрытаго, внутренняго состоянія: prima protractio [2]), πρόοδος,

[1]) Ἐπιβάδραν τῷ ἀριθμῷ ἐπιδοῦσα.... Io. Lydus de Menss. p. 108.

[2]) Макробій Somn. Scip. l. 12.

προέλευσις [1]). Потому она называется элевсиною (ἐλευσύνη, начало движенія, исхожденія) и тождественна съ элевсинскими богинями. Въ ней добро и зло; она есть источникъ раздѣленія и согласія; она есть могущество (δύναμις) и страдательность (τλημοσύνη); она есть равное и праведное (ἴσον, Δίκη), она природа; но она же ложь, раздоръ и споръ, безграничное, неровное, она — смерть [2]).

Хотя прямо нигдѣ не говорится, но посредствомъ наведенія изъ относящихся сюда мѣстъ можно различать двоякое выхожденіе діады: одно космогоническое, другое ѳеогоническое. Въ первомъ отношеніи ея выхожденіе есть средство раскрыть космосъ. Она — субстанція, ὑποκείμενον всѣхъ вещей. Въ вѣчности все доступно только божественному познанію, а не человѣческому. «Сущность вещей, будучи вѣчною, допускаетъ только божественное, а не человѣческое познаніе [3]).» Первоначально, діада заключена въ первой верховной монадѣ [4]), въ томъ только одному божественному знанію вѣдомомъ единствѣ, въ томъ первомъ космосѣ, который ни для какого другаго сознанія не проявлялся, кромѣ божественнаго, въ непроявленной гармоніи, говоря словомъ Гераклита [5]). Но есть міръ, который раскрытъ для человѣческаго познанія. «Нельзя было ни чему изъ сущихъ и нами познаваемыхъ быть познаваемымъ, еслибы она, эта сущность, не легла въ основу вещей, изъ которыхъ сложился міръ [6])».

Во второмъ отношеніи, ѳеогоническомъ, она выходитъ не изъ перваго единства, но изъ единства, происшедшаго въ раскрытомъ космосѣ, изъ единства, къ которому прибылъ космогоническій процессъ. Это единство есть «Гестія всецѣлаго — центральный огнь — домъ Дія и Матерь боговъ — святилище, связь и мѣра природы [7]).» Эта Гестія всецѣлаго, центръ космоса; называется также охраною Дія, Зановымъ зáмкомъ [8]) (Διὸς φυλακή, Ζανὸς πύργος). Сюда конечно относится ѳеологуменъ, встрѣчаемый у Филолая, что все объ-

1) Joh. Lydus de menss. p. 108.

2) У Никомаха Theologum. arithmet. въ эксцерптѣ Фотія. Thes. Antiqq. Grr. Tom. XI. p. 1351.

3) Филолай: ἁ μὲν ἐστὼ τῶν πραγμάτων ἀΐδιος ἔσσα καὶ αυτὰ μὲν ἁ φύσις θείαν τε καὶ οὐκ ἀνθρωπίναν ἐνδέχεται γνῶσιν.... Стобей Ecl. p. 458. Бёка fr. 4.

4) Cf. Симпл. ad. Arist. Phys. f. 39 a.

5) 'Αρμονίη ἀφανὴς φανερῆς κρείττων.» Плутархъ de Anim. procreat. p. 1026, у Шлейермахера fr. 36.

6) Οὐχ οἷόντ' ἦς οὐθενὶ τῶν ἐόντων καὶ γιγνωσκομένων ὑφ' ἁμῶν γνωσθῆμεν, μὴ ὑπαρχούσας αὐτᾶς ἐντὸς τῶν πραγμάτων, ἐξ ὧν ξυνέστα ὁ κόσμος.... Филолай, ibid.

7) Филолай у Стобея Ecl. 1, 22, 8. p. 468; 23, 1, p. 488. у Бека NN 10, 11.

8) Аристотель de Caelo II, 13.

емлется божествомъ какъ бы въ оградѣ (ἐν φρουρᾷ πάντα ὑπὸ τοῦ θεοῦ περιειλῆφθαι [1]). Чтò это центральное единство всецѣлаго, этотъ космосъ, объятый божественною оградою, долженъ быть отличаемъ отъ первоначальнаго единства, видно изъ того, что *срединное единство* (τὸ ἓν ἐν τῷ μέσῳ) характеризуется какъ «первое слаженное» (τὸ πρῶτον ἁρμοσθέν) [2]). Слово *слаженное* (ἁρμοσθέν) явно показываетъ, что здѣсь рѣчь идетъ о происшедшемъ единствѣ: то, чтò слажено, было прежде еще не слажено. Къ тому же, понятіе центральнаго единства предполагаетъ бытіе периферическое, и слѣдовательно относится уже къ раскрытому, происшедшему космосу. Чтò же касается до слова *первое* (πρῶτον), то здѣсь можно понимать его какъ первое относительно ѳеогоническаго процесса, на который прямо указываетъ выраженіе μήτηρ θεῶν, *матерь боговъ*. Эта Діева охрана вводитъ насъ совершенно въ область миѳологіи. Выше сказано, что діада отождествляется съ элевсинскими богинями. «По сказанію ѳеологовъ (говоритъ Проклъ [3]), передавшихъ намъ священнѣйшія элевсинскія совершенія, Кора (Дѣва) пребываетъ горѣ въ обителяхъ матери, въ мѣстѣ неприступномъ. Тамъ она дѣва въ единеніи съ Діемъ; тамъ она пребываетъ въ невинной тишинѣ дома [4]) (сл. филолаевскія выраженія: ограда, домъ и пр.). Тамъ она «снуетъ порядокъ небесныхъ вещей» [5]), или какъ въ другомъ мѣстѣ, «снуетъ творческую силу раздѣльнаго бытія» [6]). Но «она выходитъ изъ своей обители, изъ своего дома, и оставляетъ недоконченною свою ткань, и тогда она похищается и умыкается въ бракъ и въ брачныхъ сопряженіяхъ раждаетъ, дабы одушевилось и все то, что допускается къ жизни» [7]).

Приведенныя изъ Прокла мѣста, какъ по всему кажется, пере-

1) Аѳенагоръ Legat. p. Christ. 6 p. 25 Oxf., у Бека N 19.

2) Филолай у Стоб. Ecl. I, 22, 8, у Бека N 10.

3) Theol. VI. 11. 471.... ἡ τῶν θεολόγων φήμη τῶν τὰς ἁγιωτάτας ἡμῖν ἐν Ἐλευσῖνι τελετὰς παραδεδωκότων ἄνω μὲν αὐτὴν ἐν τοῖς μητρὸς οἴκοις μένειν φησὶν, οὕς ἡ μήτηρ αὐτῇ κατεσκεύασεν ἐν ἀβάτοις.

4) Проклъ in Tim. V, 307.... νύμφην τε εἶναί φησι, καὶ ταῦτα τῷ Διὶ συναφθεῖσαν καὶ μένειν ἐν οἰκείοις ἤθεσι.

5) Id. ibid. καὶ ὑφαίνουσαν τὸν διάκοσμον τῶν οὐρανίων.

6) Id. in Theol. l. c. ὅθι συνάπτεται τῷ Διὶ καὶ μετ᾽ ἐκείνου τὸν δημιουργὸν τῶν μεριστῶν ὑφίστησι.

7) In Tim. l. c. προελθοῦσαν δὲ ἀπὸ τῶν ἑαυτῆς οἴκων ἀτελεῖς τε καταλείπειν τοὺς ἱστοὺς καὶ ἁρπάζεσθαι καὶ γαμεῖσθαι καὶ γαμηθεῖσαν γεννᾷν ἵνα ψυχώσῃ καὶ τὰ ἐπείσακτον ἔχοντα ζωήν.

даютъ намъ вѣрно элевсинскій θеологуменъ. Эти пластическія выраженія, смыслъ и характеръ θеологумена, все свидѣтельствуетъ, что неоплатоникъ совершенно пассивно передавалъ его, не разбавлялъ своею водою и вообще ничего своего къ нему не прибавилъ, за что̀ и заслуживаетъ полную благодарность историка. Мы знаемъ объ этомъ элевсинскомъ миθѣ не изъ одного Прокла. Съ разными варіяціями этотъ миθъ встрѣчается во̀ многихъ свидѣтельствахъ, но, какъ намъ кажется, у Прокла онъ переданъ въ своемъ лучшемъ видѣ. Вышедшая Кора раждаетъ Загрея, (Ζὰν, ἀγρεύς?), который въ страшной борьбѣ седмикратно, или на семь частей, разрывается титанами, и есть не что̀ иное, какъ выраженіе всего θеогоническаго процесса, который кончается тѣмъ, говоря языкомъ того же миθа, что уцѣлѣвшее сердце Загрея становится источникомъ новой жизни, въ которой онъ зараждается, какъ Діонисъ.

Тождество діады съ обѣими великими богинями, μεγάλαι θεαί, Матерью и Дочерью, также приводитъ къ мысли о различеніи двоякаго значенія діады, космогоническаго и θеогоническаго, или діады космогонической и діады θеогонической. Можно думать, что Деметра есть діада первобытнаго единства и совпадаетъ съ индійскою Маіей. Что̀ же касается до Коры или Персефоны, то она знаменуетъ собою выхожденіе изъ произведеннаго единства, выхожденіе вторичное, въ которомъ двусмысленная ея натура принимаетъ характеръ противоположности добра и зла. Въ первомъ своемъ значеніи, діада, какъ Деметра, какъ первая элевсина, могла быть представляема подъ видомъ матери слѣдующей элевсины. Первое происхожденіе дозволено предвѣчнымъ сущимъ, второе происхожденіе дозволено сущимъ производнымъ. Первое есть начало міра вообще, второе начало исторіи человѣчества.

Впрочемъ, рѣшительнаго и ясно-выраженнаго различенія не было у Греческихъ θеологовъ; напротивъ, хотя то и другое дано было въ сознаніи, однако сознаніе не владѣло своимъ содержаніемъ и не исключало возможности смѣшенія и хаотическаго представленія, что̀ мы и видимъ въ древнихъ фрагментахъ, требующихъ особеннаго труда и обширной индукціи, чтобы разрѣшить хаосъ представленій и изъяснить сущность дѣла.

По особенной точкѣ зрѣнія своего физіологическаго мышленія, пиθагорейцы и самъ Филолай давали этимъ догматамъ чуждое имъ значеніе. Мы не можемъ не замѣтить, что напримѣръ это «центральное единство» получаетъ у Филолая астрономическій характеръ, который мало вяжется съ первоначальнымъ θеологическимъ

смысломъ этого догмата. Вокругъ этого «престола и связи вселенной» вращаются звѣзды, и земля какъ одна изъ звѣздъ, и извѣстное пиѳагорейское противуземіе (ἀντιχθών), и все небо. Что это астральное значеніе принесено сюда субъективнымъ мышленіемъ Филолая и другихъ пиѳагорейцевъ, ясно видно для всякаго, кто имѣетъ навыкъ къ подобнаго рода изслѣдованіямъ и захочетъ вникнуть въ дѣло. Выраженія, каковы «стража, ограда, домъ, зàмокъ, престолъ Зевса» или «матерь боговъ», далѣе самое названіе діады «элевсиною», все несомнѣнно носитъ на себѣ миѳологическій отпечатокъ, все совершенно какъ по формѣ, такъ и по смыслу, совпадаетъ съ элевсинскимъ миѳомъ, котораго мы сейчасъ коснулись, и астрономическое значеніе есть случайная примѣсь въ умѣ пиѳагорейскаго мыслителя или, какъ можетъ-быть вѣрнѣе сказать, частное примѣненіе, частное воззрѣніе, образовавшееся въ пиѳагорейской школѣ.

—

Пойдемъ далѣе. Неопредѣленная двоица служитъ, какъ сказано, только переходомъ къ числу, или къ раскрытому космосу. Сама она не есть число и должна быть отличаема отъ опредѣленнаго числа двухъ. Выходя изъ перваго всеобъемлющаго единства, она превращается въ бытіе всеисключающее, безграничное.

Мы знаемъ, что неопредѣленная двоица называется также хаосомъ [1]). Явно, что такъ называется она уже послѣ перехода, въ полученномъ ею качествѣ безграничнаго бытія. Слово хаосъ (отъ χάω, χαίνω) имѣетъ основнымъ и собственнымъ значеніемъ — зіять. Это зіяющая бездна, бытіе безпредѣльное, въ которомъ ничто не различимо. Другое значеніе хаоса, какъ смѣшенія и броженія, въ которомъ тоже ничто не различимо, потому что все течетъ, ничто не можетъ остановиться и утвердиться, хаосъ вражды и безпорядка элементовъ, какъ мы обыкновенно употребляемъ это слово, принадлежитъ позднѣйшему моменту, о которомъ рѣчь впереди.

Съ представленіемъ первоначальнаго хаоса неразрывно соединяется представленіе эѳира. Вотъ слово, которое такъ часто встрѣчается и играетъ такую роль въ орфическихъ фрагментахъ. Аристотель нападаетъ на Анаксагора за то, что этотъ мыслитель употребляетъ

[1]) Syrian. in Met. XIII, p. 1086: indeterminatam dualitatem, quam Chaos Pythagoras in sacro sermone vocavit....

слово эѳиръ въ смыслѣ огня. «Древніе (говоритъ Аристотель [1]) назвали эѳиромъ верхнюю область, разумѣя подъ этимъ словомъ θεῖν ἀεί, т. е. непрерывное движеніе, бѣгъ, а Анаксагоръ (продолжаетъ онъ) употребляетъ это имя вовсе неправильно въ смыслѣ огня.» Какъ ни вѣрно въ одномъ отношеніи это замѣчаніе Аристотеля, такъ съ другой стороны не совсѣмъ справедлива его полемика противъ Анаксагора. Хотя великій стагирскій мыслитель говоритъ здѣсь о реченіи своего роднаго языка, но этимологія есть наука лишь нашего времени. Этимологическое производство, предлагаемое Аристотелемъ, не такъ легко можетъ быть принято, какъ Анаксагорово производство слова αἰθήρ отъ глагола αἴθω [2]) горѣть. Αἰθήρ составлено совершенно аналогически съ другимъ греческимъ словомъ πρηστήρ. Какъ первое происходитъ отъ αἴθω, такъ второе отъ πρήθω. Понятіе огня, въ какомъ бы то ни было смыслѣ, какъ кажется, есть природное значеніе этого слова въ языкѣ. Съ другой же стороны свидѣтельство Аристотеля, что подъ эѳиромъ исконни и существенно разумѣлась область безпрерывнаго движенія и бѣга, заслуживаетъ полнаго уваженія. Мы увидимъ ниже, какъ блистательно подтверждается это свидѣтельство. Значеніе этого «бѣга» такъ существенно эѳиру, что даже и въ самомъ значеніи огня, которое ему безспорно принадлежитъ, главное и собственно мыслимое есть этотъ «вѣчный бѣгъ», такъ существенно, что можно даже соблазниться этимологіею Аристотеля и производить отъ ἀεὶ θεῖν если не эѳиръ, то αἴθειν, къ которому ближе всего находится эѳиръ, и видѣть въ словѣ αἴθειν, какъ это ни смѣло, контракцію изъ ἀεὶ θεῖν. Конечно представленіе этого первобытнаго огня у древнихъ мыслителей не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, что мы обыкновенно зовемъ огнемъ. Это представленіе особенно счастливо въ древней философіи: съ особеннымъ стараніемъ устанавливаютъ мыслители его отличительную сущность; съ различныхъ сторонъ возвращаются они къ нему и строго опредѣляютъ его значеніе, такъ что ошибиться въ этомъ значеніи невозможно.

Ни при чемъ такъ комически не выказывается ограниченность мышленія, лишеннаго всякой силы выйдти изъ круга привычныхъ понятій, чтобы вникнуть въ смыслъ философскаго представленія, какъ при этомъ пунктѣ о первоначальномъ огнѣ. Всякій школь-

1) De Caelo. I. 3, p. 270 b.... αἰθέρα προσωνόμασαν τὸν ἀνωτάτω τόπον ἀπὸ τοῦ θεῖν ἀεὶ τὸν ἀΐδιον χρόνον, θέμενοι τὴν ἐπωνυμίαν αὐτῷ. Ἀναξαγόρας δὲ κατακέχρηται τῷ ὀνόματι τούτῳ οὐ καλῶς· ὀνομάζει γὰρ αἰθέρα ἀντὶ πυρός.

2) См. Симплицій in Phys. f. 27, 6.

никъ готовъ издѣваться надъ древними невѣждами, которые толкуютъ объ огнѣ, какъ о какой-то силѣ, о чемъ-то само по себѣ существующемъ, о чемъ-то простомъ, тогда какъ огонь есть только феноменъ горѣнія, условленный нѣкоторымъ отношеніемъ кислорода къ другимъ газамъ. Никто однакоже не позаботится вникнуть, въ такомъ ли смыслѣ употребляли свое слово философы, въ какомъ его употребляютъ ихъ ученые критики. Тотъ ли это огонь, которымъ они обжигаютъ себѣ руки? Точно ли были древніе философы такъ малосмысленны, что поверхностное явленіе принимали за сущность? Невѣжество, неученость, незнаніе и другія тому подобныя любезныя качества могутъ придаваться лишь тому, кто находится въ извѣстномъ отношеніи къ какой-либо наукѣ. Невѣжда напр. по части химіи или физики есть тотъ, кто вращается въ сферѣ этихъ наукъ и употребляетъ ихъ понятія, но не владѣетъ ими, смѣшиваетъ и искажаетъ ихъ элементы несвойственными соединеніями. Тотъ же, кто ни въ какомъ отношеніи къ этимъ наукамъ не находится и мыслитъ совершенно въ иныхъ категоріяхъ, въ иныхъ понятіяхъ, долженъ быть прежде всего понимаемъ и судимъ съ той точки зрѣнія, на которой самъ находится.

Впрочемъ, даже и передъ трибуналомъ нашего естествознанія. древніе мыслители вовсе не покажутся такими невѣждами, если только мы сами не захотимъ быть относительно ихъ невѣждами и примемъ къ свѣдѣнію все, что̀ относится къ дѣлу. Древніе философы вовсе не походятъ на дѣтей, которыя сознаютъ только то, что̀ дѣлается въ глазѣ или въ ухѣ. «Огонь (говоритъ Гераклитъ [1]) не есть то, что̀ мы видимъ при горѣніи, не пламя, но ξηρὴ ἀναθυμίασις,»—выраженіе, которое какъ нельзя легче можно перевести нашимъ обыкновеннымъ словомъ *газъ*. Что для древнихъ физіологовъ огонь заключался не въ феноменѣ видимаго горѣнія, видно изъ того, что они нерѣдко употребляли для одного и того же значенія, и слово πῦρ, огонь, и слово ἀήρ, воздухъ, что̀ въ послѣдствіи очень затрудняло компиляторовъ и историковъ [2]).

Въ различныхъ исторіяхъ философіи весьма легко и спокойно, однимъ характеристическимъ словомъ, показываются отличія древнихъ системъ. Въ чемъ напр. заключается ученіе Θалеса? Въ томъ, отвѣчаютъ, что начало всего есть вода. Анаксимандръ признаетъ началомъ безпредѣльное. А за нимъ слѣдовавшій Анакси-

[1]) Іоаннъ Филопонъ de Anima p. 7.

[2]) Секстъ Эмпирикъ adv. Mathem. X, 233. ib. IX, 360.

менъ во главу всего поставляетъ воздухъ. Гераклитъ производилъ всѣ вещи изъ огня. Эмпедоклъ полагалъ за основу всего не одну какую-либо стихію, но бралъ для этого всѣ четыре стихіи: огонь, землю, воду и воздухъ. Что можетъ быть этого проще? И пишущему исторію легко и пріятно, и читающему не менѣе пріятно купить такою дешевою цѣною знаніе цѣлаго періода исторіи философіи. Жаль только, что и достоинство покупки соотвѣтствуетъ дешевизнѣ цѣны. Читающій, затвердивъ имена философовъ въ соединеніи съ характеристическими чертами ихъ системъ, узналъ черезъ это тотъ или другой курсъ исторіи философіи, и съ этимъ мы можемъ его поздравить. Если же онъ думаетъ, что пріобрѣлъ знаніе самой исторіи философіи въ ея дѣйствительности, то, къ сожалѣнію, онъ очень ошибается. Мы это увидимъ ниже. Теперь замѣтимъ только, что огонь Гераклитовъ и Анаксименовъ воздухъ въ сущности одно и то же представленіе. Подвергаясь процессу измѣненія, говоритъ Анаксименъ [1]), первобытный воздухъ превращается въ воздухъ (стихійный), въ воду и т. д.; но восходя обратнымъ процессомъ къ себѣ, онъ вновь становится эѳиромъ и огнемъ. Точно также и Гераклитъ: онъ называетъ это возвращеніе основно-сущаго къ первобытному своему состоянію улетучиваніемъ (ἀναθυμίασις), — и называетъ это основно-сущее столько же огнемъ, сколько и воздухомъ. Наконецъ это основно-сущее характеризуется такимъ выраженіемъ, которое вдругъ переноситъ насъ въ совершенно иную сферу понятій. Этотъ первобытный огонь и воздухъ, этотъ эѳиръ называется прямо духомъ и душою, τὸ πνεῦμα, какъ у Анаксимена, ψυχή, какъ у Гераклита, по свидѣтельству Аристотеля [3]). То же же самое у пиѳагорейцевъ [4]).

Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ духъ, эта душа, должны быть понимаемы не въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы преимущественно употребляемъ эти понятія, разумѣя подъ ними бытіе внутреннее, самообладающее, существенно свободное. Космическое начало имѣетъ у нихъ

[1]) Симплицій in Phys. f. 32. Оригенъ Philosoph. c. 7. Германъ irris. gent. phil. c. 3. τὸ πᾶν ἐστὶν ἀήρ, καὶ οὗτος πυκνούμενος καὶ συνιστάμενος ὕδωρ καὶ ἀὴρ γίνεται ἀραιούμενος καὶ διαχεύμενος αἰθὴρ καὶ πῦρ....

[2]) Секстъ Эмпир. adv. Math. IX, 360; X, 533.

[3]) De Anima 1, 2. Выпишемъ это классическое мѣсто: καὶ Ἡράκλειτος δὲ τὴν ἀρχὴν εἶναί φησι ψυχήν, εἴπερ τὴν ἀναθυμίασιν, ἐξ ἧς τἆλλα συνίστησιν, καὶ ἀσωματώτατον δὴ καὶ ῥέον ἀεί.... т. е. «Начало, по Гераклиту, есть — *душа* изъ которой все состоитъ — нѣчто совершенно *невещественное* и вѣчно текущее».

[4]) Напримѣръ, Филолай, у Аристотеля Phys. 14, 6; у Бека № 12

значеніе духа потому, что противополагается вещественному и тѣлесному, которое изъ него выводится, но въ которомъ оно не состоитъ первоначально; оно держится въ созерцаніи на высотѣ, съ которой не хочетъ сойдти, на высотѣ, не доступной ни для какого чувства, свободное отъ всякой пассивности, словомъ, какъ нѣчто активное, дѣйственное, между тѣмъ какъ понятіе матеріяльнаго состоитъ именно въ томъ, что оно существуетъ не само по себѣ, а лишь по отношенію къ другому, высшему роду бытія. Понятіе вещественнаго, какъ вещественнаго, не можетъ имѣтъ мѣсто тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о бытіи совершенно однородномъ. Итакъ, согласно съ указаніемъ системъ, мы должны представлять себѣ космическое начало какъ бытіе нѣкоторымъ образомъ духовное, какъ духъ, но духъ внѣшній, въ своей совершенной безграничности не имѣющій силы владѣть собою, бытіе экстатическое. Это бытіе именно соотвѣтствуетъ тому, что̀ въ пиѳагорейской системѣ называется безпредѣльнымъ, какъ это у насъ показано выше. Безпредѣльное положено въ основу космоса. Впрочемъ пусть не думаютъ, чтобы это обозначеніе «безпредѣльнаго» было только принадлежностью пиѳагорейской системы. Оно принадлежитъ всѣмъ системамъ. Оно встрѣчается и у орфиковъ и есть одно изъ немногихъ словъ, оставшихся намъ отъ іонійскаго Анаксимандра; наконецъ оно встрѣчается повсюду и есть классическое выраженіе греческой философіи.

Мы не ограничимся однако приведенными мѣстами. Для того, чтобы занимающее насъ представленіе выступило передъ нами въ своей полной выразительности, мы осмотримся еще въ системахъ и приведемъ для соображенія новыя мѣста. Натура космической сущности рѣзко обозначается слѣдующимъ сильнымъ словомъ эфесскаго мыслителя: міръ въ своей основѣ есть огнь вѣчно живой (τὸ πῦρ ἀεὶ ζῶον) [1]. Въ этомъ признакѣ «вѣчно живаго» еще яснѣе высказывается, что̀ надобно разумѣть здѣсь подъ огнемъ. Выраженіе ἀεὶ ζῶον, вѣчно, т. е. существенно живое находится въ соотвѣтствіи съ ἀεὶ θέον, существенно-бѣгущее, что̀, по свидѣтельству Аристотеля, лежитъ въ основѣ понятія эѳира. Сюда же принадлежитъ и это ἀεὶ κινάτον, такъ часто встрѣчаемое въ пиѳагорейскихъ фрагментахъ, «вѣчно движимое», или (принимая эту форму κινάτον въ смыслѣ средняго, возвратнаго залога, на что̀ рѣшается и Бекъ) [2] «движущееся».

1) Климентъ Алекс. Stromat. v. p. 599, у Шлейерм. fr. 25.
2) Philolaos, p. 172.

Изъ многихъ свидѣтельствъ видно, что мыслители, говоря объ этомъ основносущемъ, объ этомъ огнѣ, впадаютъ изъ представленія космогоническаго въ ѳеогоническое. Анаксимандръ, говоритъ Оригенъ [1]), производитъ изъ безпредѣльнаго воздуха все происходящее и происшедшее и будущее, боговъ и демоническія силы (θεοὺς καὶ θεῖα), и говоритъ, что онъ вѣчно движется (κινεῖσθαι δὲ ἀεί). То же самое свидѣтельствуетъ Цицеронъ [2]). У Стобея встрѣчается мѣсто [3]), въ которомъ тоже говорится, что Анаксименъ называлъ этотъ гиперфизическій воздухъ божествомъ (хотя, какъ видно изъ Цицероновскаго мѣста, производнымъ: eumque gigni. l. l).

Почти то же самое знаемъ мы и объ Анаксимандрѣ, съ тою только разницею, что у него это единое по натурѣ начало является расторгнутымъ на безчисленное множество. Безчисленныя небеса, безчисленныя астральныя силы, называлъ онъ прямо богами [4]).

У пиѳагорейцевъ тому срединному огню, о которомъ была рѣчь выше [5]), противуполагается огонь периферическій внѣшній [6]), который съ другой стороны противуполагается вещественному бытію. Область этого невещественнаго, но внѣшняго огня, называется олимпомъ, по сцѣпленію идей, не совсѣмъ обыкновенному [7]). Такъ какъ космогонія приняла у нихъ видъ космографіи, притомъ преимущественно со стороны астрономической, то совершенно подобно тому, какъ локализируется у нихъ центральная гармонія, локализируется и этотъ внѣшній духъ.

Читатель видитъ, что мы не прибавляемъ ни одной черты отъ себя, но передаемъ только то, что̀ говоритъ сама исторія философіи, и передаемъ только такъ, какъ она сама выражается. Наше дѣло состоитъ въ томъ, чтобы сгруппировать все относящееся къ извѣстному моменту, и тѣмъ сосредоточить на немъ сколь можно болѣе свѣта.

То, что̀ суждено служить матеріею для осуществленія космоса, представляется прежде всего какъ бытіе однородное и притомъ исключающее всякой другой родъ бытія. Эту-то исключительность выражаетъ преимущественно характеръ огня, который ему дается.

[1]) Philosoph. c. 7.
[2]) De Nat. Deor. 1, 10.
[3]) Ecl. phys. p. 56.
[4]) Цицеронъ ibid. Стобей ib. Плутархъ Plac. I ч. 11.
[5]) См. стран. 70 и 71.
[6]) Филолай у Стобея Ecl. I. 23, 1, p. 488; у Бека № 11.
[7]) Филолай ibid.

Мышленіе, въ первомъ моментѣ этого представленія, не видитъ, не знаетъ еще его отношенія къ другому, къ будущему. Но это только моментъ, и скоро открывается переходъ къ дальнѣйшему.

Оно безпредѣльно, и въ этой безпредѣльности оказывается первое склоненіе къ матеріализаціи Въ древней философіи понятіе безпредѣльнаго противополагается понятію опредѣляющей силы и отличается отъ бытія, въ которомъ безпредѣльность дана за одно съ опредѣляющею силою. Въ этомъ смыслѣ безпредѣльное, безграничное, значитъ бытіе, неспособное владѣть собою, экстатическое. Оно находится въ безпрерывномъ и неразрѣшимомъ противорѣчіи. По своей невещественной натурѣ, оно ищетъ сосредоточиться и войдти въ себя, но не можетъ по своему безсилію найдтись само собою. Потому оно существенно все предано движенію, и движенію коловратному, которое ищетъ центра и не можетъ сойти съ периферіи. Вотъ значеніе эѳира, какъ области непрерывнаго бѣга и движенія, это вѣчно бѣгущее, вѣчно движущееся древней философіи, о чемъ мы говорили и о чемъ будемъ еще говорить ниже. «Безпредѣльное непрестанно носилось круговратно.»

.... τὸ δ' ἀπειρέσιον κατὰ κύκλον
'Ατρύτως ἐφορεῖτο [1])

Не сходя съ мѣста, мышленіе открываетъ новый видъ въ значеніи безпредѣльнаго какъ безчисленнаго. Безграничность (τὸ ἄπειρον), на языкѣ древней философіи, значитъ также безчисленность, множество, ни съ какой стороны не замкнутое. Единое, поскольку безпредѣльно, есть въ то же время и безчисленное, безконечно-множественное; единое и вмѣстѣ многое (ἓν καὶ πολλά) есть классическое выраженіе древней философіи. По самой необходимости своей натуры, это сущее представляется мышленію какъ многое и какъ безчисленно-многое. Но это многое есть то же, что и единое; въ каждомъ изъ безчисленнаго существуетъ и движется одно и то же.

Единое, говоритъ Гераклитъ своимъ обычнымъ энергическимъ и рѣзкимъ словомъ,—единое разносится и сносится, распадаясь совпадаетъ съ собою, разъединяясь соединяется; будучи однимъ, оно является многимъ, и будучи множественнымъ, оно остается однимъ [2]). Въ смыслѣ этого геракли-

[1]) Орфическій стихъ. У Прокла in Cat. p. 79.

[2]) Платонъ. Sophist., τὸ ἕν.... διαφερόμενον αὐτὸ αὑτῷ ξυμφέρεσθαι, τὸ ὂν πολλά τε καὶ ἕν ἐστιν, διαφερόμενον γὰρ ἀεὶ ξυμφέρεται. Сл. Плутархъ. δε εἰ p. 329. «σκίδνησι καὶ πάλιν συνάγει».

товскаго выраженія нельзя сомнѣваться. Платонъ, у котораго оно сохранилось, приводитъ его именно въ показанномъ смыслѣ, какъ единое и многое вмѣстѣ. Совершенно подобное мѣсто, съ нѣкоторыми новыми, не менѣе рѣшительными чертами, уцѣлѣло въ извѣстномъ мнимо-аристотелевскомъ трактатѣ de Mundo. Это выраженіе почти непереводимо; смыслъ его слѣдующій: **держи вмѣстѣ и цѣлое и нецѣлое, соединенное и разъединенное, изъ всего одно и изъ одного все** [1]).

—

Остановимся здѣсь и сообразимъ все найденное. Мышленіе уже съ самаго начала открываетъ въ этой первично-происшедшей сущности двойство. Какъ единое и въ то же время безчисленное, какъ стремленіе къ центру, къ внутреннему сосредоточенію, и какъ немощь, удерживающая его на периферіи, во внѣшности, это начало является для мышленія въ одномъ отношеніи какъ бытіе духовное, въ другомъ какъ сѣмя, какъ начатокъ матеріялизаціи, какъ materia prima. Первые признаки его будущей неизбѣжной матеріялизаціи оказываются созерцанію въ его безсиліи сосредоточиться, въ его немощи остаться недѣлимымъ. Такъ какъ это безсиліе условливается безграничностью, безпредѣльностью (въ античномъ значеніи этого термина): то вотъ причина, почему въ орфической космогоніи, хаосъ, выражающій именно эту безграничность, берется какъ начало страдательное и противополагается эѳиру какъ началу дѣйственному. Одно и то же начало представляется какъ двоякое, или раздѣляется на два относительно-противоположныя начала: эѳиръ и хаосъ, изъ которыхъ первый какъ духъ, какъ огнь вѣчно-живой и вѣчно-движущійся, знаменуетъ исключительность и активность его бытія, а второй какъ безграничность, немощь, означаетъ пассивность, готовность (однако же, должно прибавить, въ первый моментъ еще весьма отдаленную готовность) къ подчиненію и матеріялизаціи. Эти два начала не суть по истинѣ два начала, два бытія, но только два противоположныя тяготѣнія одной и той же сущности, два качества, которыя одинаковымъ образомъ въ данномъ моментѣ повторяются въ безчисленности этого экстатическаго бытія. Понятіе хаоса является здѣсь какъ пунктъ, къ которому примыкаетъ даль-

[1]) «Συνάψειας οὖλα καὶ οὐχὶ οὖλα, συμφερόμενον καὶ διαφερόμενον, συνᾷδον καὶ διᾷδον καὶ ἐκ πάντων ἓν καὶ ἐξ ἑνὸς πάντα». C. 5.

нѣйшее измѣненіе. Отъ того-то хаосъ мало по малу принялъ значеніе броженія, хотя въ этомъ значеніи онъ относится къ моменту позднѣйшему. Безграничность является здѣсь первымъ начаткомъ того, что̀ послѣ представляется въ мышленіи, какъ броженіе и смѣшеніе.

Совершенно то же самое видимъ мы и у пиѳагорейскихъ мыслителей. Въ ихъ системѣ основное космическое начало распалось на двое. Эти *двое* не суть два начала въ собственномъ, въ истинномъ значеніи (κυρίως) слова; но двѣ, какъ выражаются позднѣйшіе коментаторы, состихіи, двѣ принадлежавшія другъ другу противоположности, которыя чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе обособляются и отличаются другъ отъ друга [1]).

Эти двѣ противоположности служили пиѳагорейскому мышленію двумя высшими категоріями, подъ которыя оно подводило всѣ противоположности. Высшее въ каждой противоположности подводится подъ категорію единаго, которое здѣсь — то же самое, что̀ орфическій эѳиръ, противоположный хаосу; низшее, худшее подводится подъ категорію двойственнаго, не-единаго, или множественнаго. Обѣ онѣ находятся между собою первоначально въ такой связи, какъ правое и лѣвое [2]). Въ другихъ видахъ противоположенія онѣ болѣе обособляются для мышленія. Такъ, болѣе рѣшительное различіе между ними, у пиѳагорейцевъ, и въ другихъ системахъ, является въ противоположности неба и земли, свѣта и тьмы (ночи), теплаго и холоднаго, сухаго и влажнаго, мужескаго и женскаго. Подъ первымъ членомъ противоположенія разумѣется естественная активность, духовное свойство первично-происшедшей сущности; подъ вторымъ представляется ея большее или меньшее тяготѣніе къ матеріализаціи, словомъ, то же, что̀ выражается и другими видами противоположности, каждымъ съ большею или меньшею рѣшительностью.

Очевидно, что чѣмъ ближе къ первому моменту, тѣмъ менѣе рѣ-

[1]) Симпл. ad. Arist. phys. fol. 39 a. *Καὶ οἱ πυθαγόρειοι δὲ οὐ τῶν φυσικῶν μόνον, ἀλλὰ καὶ πάντων ἁπλῶς μετὰ τὸ ἓν, ὃ πάντων ἀρχὴν ἔλεγον, ἀρχὰς δευτέρας καὶ στοιχειώδεις τὰ ἐναντία ἐτίθεσαν, αἷς καὶ τὰς δύο συστοιχίας ὑπέταττον, οὐκέτι κυρίως ἀρχαῖς οὔσαις. γράφει δὲ περὶ τούτων ὁ Εὔδωρος τάδε· κατὰ τὸν ἀνοτάτω λόγον φατέον τοὺς πυθαγορικοὺς τὸ ἓν ἀρχὴν τῶν πάντων λέγειν, κατὰ δὲ τὸν δεύτερον λόγον δύο ἀρχὰς τῶν ἀποτελουμένων εἶναι, τό, τε ἓν καὶ τὴν ἐναντίαν τούτῳ φύσιν· ὑποτάσσεσθαι δὲ πάντων τῶν κατ' ἐναντίωσιν ἐπινοουμένων τὸ μὲν ἀστεῖον τῷ ἑνὶ, τὸ δὲ φαῦλον τῇ πρὸς τοῦτο ἐναντιουμένῃ φύσει.*

[2]) Евдоръ ibid.

шительно высказывается противоположность, присущая космогоническому началу, страдательное менѣе выступаетъ, а выступаетъ болѣе дѣйственное; по чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе выступаетъ страдательное и закрываетъ собою, какъ хитономъ, говоря орфическимъ словомъ [1]) (которое повторяется и у Демокрита [2]), горящую силу внѣшняго духа.

Матеріализація космическаго начала представляется какъ рядъ послѣдовательныхъ моментовъ, какъ ступени лѣствицы, по которымъ оно нисходитъ. Эти степени нисхожденія суть стихіи. Слово стихія употребляется нами въ смыслѣ простѣйшаго вещества, на которомъ останавливается анализъ. Хотя дѣйствительно слово: стихія, издревле приняло сказанное значеніе простѣйшаго по качеству, тѣмъ не менѣе однако первоначальное этимологическое значеніе этого слова не совсѣмъ таково. Въ греческомъ языкѣ τὸ στοιχεῖον, τὰ στοιχεῖα, происходя отъ στείχω (слово равное во всѣхъ отношеніяхъ нѣмецкому steigen, ступать), выражаетъ собственно рядъ ступеней, рядъ послѣдовательныхъ переходовъ. Древніе физіологи разумѣли стихіи именно въ этомъ смыслѣ, т. е. какъ лѣствицу, по степенямъ которой нисходитъ сущность, назначенная лечь въ основу космоса. Этотъ процессъ нисхожденія, деградаціи, у Гераклита [3]) прямо характеризуется какъ κάτω ὁδὸς, ходъ въ низъ, нисхожденіе, которому соотвѣтствуетъ путь вверхъ, ἄνω ὁδὸς, или обратное восхожденіе: это, какъ онъ учитъ, два противоположныя и противоборственныя направленія, которыми поддерживается господствующій повсюду дуализмъ и борьба.

Космическій огонь долженъ погаснуть, внѣшняя душа должна умереть, чтобы могла начаться природа, чтобы могло появиться раздѣльное, разнообразное бытіе. Такъ выражается Гераклитъ. Первый начатокъ матеріализаціи представляется имъ какъ появленіе влажности [4]). Влажность или вода есть погасшій огонь [5]): напряженность первопроисшедшаго бытія опадаетъ и нейтрализуется; оно лишается всякой самости, погасаетъ, и его погасаніемъ дается возможность существованію вещей, дается имъ мѣсто. Но

[1]) У Дамасція Quaest. p. 380.

[2]) Плутархъ Placit. II, 6, 396.

[3]) Діог. Л. IX, 9.

[4]) Τὸ πῦρ ἐξυγραίνεσθαι.... Діог. Л. ibid.

[5]) Плутархъ, I, 3, 23. Τούτου (sc. πυρὸς) κατασβεννυμένου κοσμοποιεῖσθαι τὰ πάντα.... Климентъ Алекс. Strom. V, 14, p. 599. Πῦρ ἀειζῶον.... ἀποσβεννύμενον.... ibid. «πυρὸς τροπαὶ πρῶτον θάλασσα».

такъ какъ огонь и душа у Гераклита выражаетъ одно и то же представленіе, то еще иначе и еще болѣе энергически выражаетъ онъ этотъ путь внизъ. Огонь умираетъ. Каждая ступень (стихія) нисхожденія есть смерть предыдущаго и жизнь послѣдующаго: смерть этому огню есть происхожденіе воды[1]). Воздухъ живетъ смертію огня, вода живетъ смертію воздуха; въ свою очередь вода, умирая, даетъ мѣсто землѣ. Все является какъ замѣна того огня, той души[2]), и все вымѣнивается на него какъ вымѣниваются вещи на золото[3]). Но когда это сущее, путемъ вверхъ, загорается снова, или снова оживаетъ, то вещи гибнутъ, раздѣльное умираетъ, и уже единая первичная сущность является какъ замѣна всего прочаго[4]).

Здѣсь мы снова имѣемъ случай видѣть, какъ поверхностны обыкновенные толки о древнихъ физіологахъ, приписывающіе каждому изъ нихъ какъ бы въ монополію одну стихію. Что та степень или тотъ видъ бытія первичной сущности, которая характеризуется въ древней физіологіи водою или влажностью, есть условіе природы, условіе происхожденія вещей (τῆς φύσεως), это вовсе не есть ученіе, исключительно принадлежавшее Θалесу. Это представленіе лежало въ общей системѣ, всѣ въ этомъ отношеніи говорятъ то же самое. Мы сейчасъ видѣли это у Гераклита. То же самое и почти одинаковымъ образомъ говорится у Анаксимена. Онъ видитъ въ различныхъ стихіяхъ измѣненіе (ἀλλοίωσις) одной и той же сущности — эθира, духа, огня, воздуха. Сжимаясь, связываясь, охлаждаясь, эта сущность становится стихійнымъ воздухомъ, потомъ водою, которою условливается возможность земнаго бытія, и наоборотъ, разрѣжаясь, развязываясь, принимая свое горящее свойство, она отнимаетъ эту возможность[5]).

1) Клим. Алекс. VI, 2. p. 624. ψυχῇσι θάνατος ὕδωρ γενέσθαι. См. также Филона de Mundo incorrupt. ψυχῆς θάνατον ὕδωρ γενέσθαι.... Максимъ Тирскій Diss. XXV, стран. 200. μεταβολὴν ὁρᾷς σωμάτων καὶ γενέσεων, ἀλλαγὴν ὁδῶν ἄνω καὶ κάτω, κατὰ τὸν Ἡράκλειτον, καὶ αὖθις αὖ ζῶντας μὲν τὸν ἐκείνων βίον, ἀποθνήσκοντας δὲ τὴν ἐκείνων ζωήν. Ζῇ πῦρ τὸν γῆς θάνατον, καὶ ἀὴρ ζῇ τὸν πυρὸς θάνατον, ὕδωρ ζῇ τὸν ἀέρος θάνατον, γῆ τὸν ὕδατος».

2) Діог. Л. IX... πυρὸς ἀμοιβὴν τὰ πάντα....

3) Плутархъ de εἰ, p. 388. πυρὸς ἀνταμείβεσθαι πάντα καὶ πῦρ ἁπάντων, ὥσπερ χρυσοῦ χρήματα καὶ χρημάτων χρυσός.

4) Плутархъ l. c.

5) Симпликій in Arist. phys. f. 32. Ἀναξιμένης ἀραιούμενον μὲν τὸν ἀέρα πῦρ γίνεσθαί φησι, πυκνούμενον δὲ ἄνεμον, εἶτα νέφος, εἶτα ἔτι μᾶλλον ὕδωρ, εἶτα γῆν, εἶτα λίθους, τὰ δὲ ἄλλα ἐκ τούτων ἐπὶ γὰρ τούτου μόνου Θεόφραστος ἐν τῇ Ἱστορίᾳ τὴν μάνωσιν εἴρηκε καὶ τὴν πύκνωσιν. δῆλον δὲ ὡς καὶ ἄλλοι τῇ μανότητι

Точно также касательно значенія воды училъ Анаксимандръ. У него говорится о первой влажности, противной огню, которая,—какъ можно при соображеніи прочаго выводить изъ Плутархова пересказа [1]), не совсѣмъ вѣрнаго и отчетливаго, — отличается, какъ предкосмическая, отъ той влажности, которая, какъ ея остатокъ, видоизмѣненный новыми условіями, существуетъ въ природѣ. Влажность, вода, говоритъ онъ, такъ же какъ и Θалесъ, даетъ возможность родиться живымъ существамъ: въ ней они впервые происходятъ [2]).

—

Теперь мы остановимся и спросимъ: какъ древніе физіологи собственно разумѣли эти стихіи? Имѣли ли они въ виду непосредственно чувственныя явленія, или говоря объ нихъ, разумѣли нѣчто существенное, отъ нихъ отличное и только означающее себя ими? Какъ высказали мы выше, въ самомъ началѣ [3]), такъ скажемъ и теперь: различные роды сознанія были здѣсь всѣ слитно и не имѣли еще времени разойдтись и разграничиться. Творческое созерцаніе разума, почерпающее свои элементы изъ внутренняго сознанія, непосредственно выражалось въ представленіяхъ внѣшняго сознанія, и наоборотъ, факты внѣшнихъ представленій не были такъ разобщены съ чувствомъ и смысломъ внутренняго, чтобы не сотрясать болѣе или менѣе его струнъ и не возбуждать въ душѣ мыслителя умозрительныхъ представленій. Впрочемъ, нельзя не замѣтить, въ самой архаической физіологіи, нѣкотораго различія въ представленіи этихъ основныхъ переходовъ и стихій, различія, которое не было еще особенно высказано, или лучше сказать, не было еще предметомъ особаго ученія, но открывается въ намекахъ и наконецъ въ ходѣ самихъ системъ.

—

καὶ πυκνότητι ἐχρῶντο· καὶ γὰρ Ἀριστοτέλης περὶ πάντων τούτων εἶπε κοινῶς ὅτι τὰ ἄλλα γεννῶσι πυκνότητι καὶ μανότητι, πολλὰ ποιοῦντες τὰ ἐκ τῆς μιᾶς ὕλης. Оригенъ Philosoph. c. 7. ὅταν δὲ εἰς τὸ ἀραιότερον διαχυθῇ, πῦρ γίνεσθαι, μέσως δὲ ἐπὰν εἰς ἀέρα πυκνούμενον ἐξ ἀέρος νέφος ἀποτελεσθῇ κατὰ τὴν πίλησιν. ἔτι δὲ μᾶλλον ὕδωρ, ἐπὶ πλεῖον πυκνωθέντα γῆν, καὶ εἰς τὸ μάλιστα πυκνώτατον λίθους. ὥστε τὰ κυριώτατα τῆς γενέσεως ἐναντία εἶναι, θερμόν τε καὶ ψυχρόν. Cf. Плутархъ de Primo Frigido p. 947.

1) Плутархъ Placit. III, 16. Ἀναξίμανδρος τὴν θάλασσάν φησιν εἶναι τῆς πρώτης ὑγρασίας λείψανον, ἧς τὸ πλεῖον μέρος ἀνεξήρανε τὸ πῦρ, τὸ δὲ ὑπολειφθὲν διὰ τὴν ἔκκαυσιν μετέβαλεν.

2) Id. ibid. V, 19. Ἀναξίμανδρος ἐν ὑγρῷ γεννηθῆναι τὰ πρῶτα ζῷα (φησί).

3) См. стран 308. 1 кн. Пропилеевъ, Отд. I.

Здѣсь будетъ не неумѣстно сдѣлать небольшой экскурсъ о томъ, какое значеніе для древнихъ физіологовъ имѣло чувственное представленіе. Хотя самосознаніе впервые возведено на степень философскаго начала геніемъ Сократа; однакоже никто не можетъ понимать это такимъ нелѣпымъ образомъ, чтобы самая дѣятельность внутренняго сознанія была имъ создана впервые. Она принадлежность человѣческой природы и создана не человѣкомъ. Не должно также думать, что и понятіе этой дѣятельности впервые родилось въ Сократѣ. Оно было специфически опредѣлено и отличено Сократомъ, и въ этомъ отношеніи точно какъ бы создано имъ, но вообще, въ родовой неопредѣленности, было и до него. Да и какъ могло возникнуть, хотя и въ первыхъ начаткахъ, мышленіе автономическое, безъ этого понятія? Это «познай себя самого» (γνῶθι σαυτόν) встрѣчается въ аполлоновской мудрости, вдохновлявшей Пиѳагора, и въ сужденіяхъ семи мудрецовъ, преимущественно Ѳалеса [1]). Въ общемъ значеніи Гераклитовскаго «я учился у себя самого» находится также и это значеніе. Наконецъ, оно подразумѣвается во всѣхъ системахъ, если и не вездѣ встрѣчается въ фрагментахъ формально выраженнымъ. Что̀ же касается до умственнаго созерцанія, до умозрѣнія, то самый фактъ существованія древней философіи уже обличаетъ его присутствіе въ древнихъ физіологахъ. Вспомнимъ о пиѳагорейской теоріи чиселъ, объ элеатской умосозерцаемой, умопредставляемой сущности, объ этомъ отсутствующемъ для чувствъ, (ἀπέοντα), но присутствующемъ уму (νόῳ παρέοντα). «Созерцай умомъ, говоритъ Эмпедоклъ [2]), а не глазами.»—«Плохи свидѣтели, говоритъ Гераклитъ [3]), глаза и уши людей, имѣющихъ варварскія души.» Истина, стало-быть, не въ глазѣ и не въ ухѣ, но во внутреннемъ сознаніи души.

Чѣмъ далѣе шло развитіе мышленія, тѣмъ мнительнѣе оно становилось. Въ элеатской школѣ, какъ мы видѣли, подвергнутъ систематическому сомнѣнію внѣшній опытъ или, лучше сказать, вовсе отрицается истина его показаній. Но особенно замѣчателенъ въ этомъ отношеніи Демокритъ. Вотъ относящіяся сюда воззрѣнія абдерскаго мыслителя:

«Все чувственное есть не что̀ иное, какъ измѣненіе, процессъ, происходящій въ чувствующемъ существѣ; разнообразіе чувственнаго

1) Діог. Л. I, 40.

2) Τὴν (sc. φιλίαν) σὺ νόῳ δέρκευ, μηδ' ὄμμασιν ἧσο τεθηπώς.

3) «Κακοὶ μάρτυρες ἀνθρώποισιν ὀφθαλμοὶ καὶ ὦτα βαρβάρους ψυχὰς ἐχόντων.» У Секста Эмпир. adv. Mathem. VII, 126. У Шлейермах. № 22.

есть не что̀ иное, какъ само же ощущеніе въ своемъ процессѣ, въ своемъ измѣненіи, и изъ него раждается представленіе (φαντασία). Поистинѣ сущее пребываетъ за предѣлами ощущенія; только взаимныя отношенія между сущими, вотъ что единственно можемъ мы извлекать изъ чувственныхъ представленій: само же сущее въ нихъ не заключается. Всѣ чувства, начиная съ зрѣнія, не столько среда знанія, сколько мрака; ими болѣе скрывается, нежели открывается. Только мышленіе можетъ вести къ знанію, оно отчасти можетъ раскрыть, что̀ закрыто мракомъ чувственныхъ представленій, и мышленіе должно быть отличаемо отъ нихъ. Истина въ глубокомъ колодезѣ [1]).»

Всего приведеннаго, кажется, очень достаточно, чтобы видѣть, какъ было бы невѣжественно считать древнихъ мыслителей за дѣтей или за грубыхъ эмпириковъ. Мы видимъ, до какихъ тонкостей они доходили даже въ выраженіи своего мышленія, и потому, возвращаясь къ тому пункту, отъ котораго сдѣлали это отступленіе, мы можемъ, уже на одномъ этомъ основаніи, смѣло признать, что въ мышленіи древнихъ физіологовъ было различеніе между обыкновеннымъ смысломъ стихій и тѣмъ, въ какомъ они говорили о переходахъ космической сущности.

—

Приглядываясь къ выраженію этихъ переходовъ, находимъ, что они выражаются двоякимъ образомъ. Въ одномъ отношеніи мысли-

[1]) Θеофрастъ de Sensu 63. *Τῶν δ'ἄλλων αἰςθητῶν οὐδενὸς εἶναι φύσιν, ἀλλὰ πάντα πάθη τῆς αἰσθήσεως ἀλλοιουμένης, ἐξ ἧς γίνεσθαι τὴν φαντασίαν, οὐδὲ γὰρ τοῦ ψυχροῦ καὶ τοῦ θερμοῦ φύσιν ὑπάρχειν, ἀλλὰ τὸ σχῆμα μεταπίπτον ἐργάζεσθαι καὶ τὴν ἡμετέραν ἀλλοίωσιν ... ἐτὶ δ'αὐτοὺς μεταβάλλειν.... διάθεσις αἰτία τῆς φαντασίας.* Секстъ Эмпирикъ adv. Mathem. VII, 135. *Ἡμεῖς δὲ τῷ μὲν ἐόντι οὐδὲν ἀτρεκὲς συνίεμεν, μεταπίπτον δὲ κατὰ σώματος διαθήκην, καὶ τῶν ἐπεισιόντων καὶ τῶν ἀντιστηριζόντων.... ἐτεῇ μεν νῦν ὅτι οἷον ἕκαστόν ἐστιν ἢ οὐκ ἔστιν, οὐ συνίεμεν, πολλαχῇ δεδήλωται.* ibid. 138. *ἐν δὲ τοῖς κανῶσι δύο φησὶν εἶναι γνώσεις, τὴν μὲν διὰ τῶν αἰσθήσεων, τὴν δὲ τῆς διανοίας· ὧν τὴν μὲν τῆς διανοίας γνησίην κατάγει, προςμαρτυρῶν αὐτῇ τὸ πιστὸν εἰς αληθείας κρίσιν, τὴν δε διὰ τῶν αἰσθήσεων σκοτίην ὀνομάζει.... Λέγει δὲ κατὰ λέξιν. «γνώμης δὲ δύο εἰσὶν ἰδέαι, ἡ μὲν γνησίη ἡ δὲ σκοτίη. καὶ σκοτίης μὲν τάδε σύμπαντα, ὄψις ἀκοὴ ὀδμὴ γεῦσις ψαῦσις· ἡ δὲ γνησίη ἀποκεκριμένη (ἀποκεκρυμμένη) ταύτης»* etc. Idem. Hypotyp. I, 213. *«ἐτεῇ δε οὐδὲν ἴδμεν· ἐν βυθῷ γὰρ ἡ ἀλήθεια»* cf. Цицеронъ Acad. IV. 10, 23. Секстъ Эмпир. adv. Math. VII. 135. *«νόμῳ γλυκὺ καὶ νόμῳ πικρόν, νόμῳ θερμόν, νόμῳ ψυχρόν, νόμῳ χροιή. ἐτεῇ δὲ ἄτομα καὶ κενόν».* Также *«δηλοῖ μὲν δὴ καὶ οὗτος ὁ λόγος ὅτι ἐτεῇ οὐδὲν ἴσμεν περὶ οὐδενός, ἀλλ' ἐπιῤῥυσμίη ἑκάστοισιν ἡ δόξις.»*

тели, именно Гераклитъ, находятъ приличнымъ слово смерть. Въ другомъ, этотъ процессъ представляется болѣе простымъ образомъ, какъ сжатіе. Нельзя ли принимать одно выраженіе за фигуральное, другое за обыкновенное? Но Гераклитъ вовсе не думаетъ украшать свой слогъ фигурами: это не въ его духѣ. Онъ мыслитъ непосредственно и собственно подъ своими выраженіями. Онъ воплощаетъ въ нихъ, — и то не совсѣмъ,—а ужь конечно не одѣваетъ и еще менѣе рядитъ свою мысль.

Сказанное выраженіе встрѣчается у него часто. Къ тому же оно употребляется у него въ такой связи, которая не допускаетъ думать, чтобы оно употреблялось фигурально. Съ своей точки зрѣнія, Гераклитъ дѣлаетъ обширныя примѣненія этого понятія о смерти. Онъ учитъ [1]), опираясь въ этомъ на ѳракійскихъ орфиковъ, что души умираютъ въ рожденіи живыхъ существъ. Мы живемъ говоритъ онъ, смертію душъ, но когда мы умираемъ, оживаютъ онѣ, и живутъ.—И такъ, устраняя всякую фигуральность въ употребленіи этого представленія, мы должны принять его такъ, какъ оно намъ дается и видѣть въ немъ другое представленіе, отличное отъ того, которое встрѣчается также у самого Гераклита, именно отъ представленія сжатія. Если у одного и того же мыслителя даны два выраженія, которыя хотя и относятся къ одному и тому же предмету, но по своей силѣ не совпадаютъ, и оба употребляются въ собственномъ значеніи; то мы имѣемъ право думать, что они относятся къ предмету не въ одномъ и томъ же смыслѣ, или служатъ къ обозначенію различныхъ моментовъ представляемаго дѣла. Процессъ сжатія, какъ условіе перехода вещества изъ одного состоянія въ другое, изъ летучаго въ жидкое, изъ жидкаго въ твердое, есть фактъ эмпирическаго естествовѣдѣнія. При извѣстномъ давленіи атмосферы газъ становится жидкостію, и вода превращается въ твердое тѣло. То отношеніе, которое наблюдается въ частности эмпирическимъ естествовѣдѣніемъ, представлялось древними фізіологами, какъ всеобщій космическій процессъ, которымъ условлены различныя степени или стихіи. Въ сжатіи силою давленія одно тяготѣетъ къ другому; когда давленіе уменьшается, то одно

[1]) Секстъ Эмпирикъ Hypotyp. III, 230. ὁ δὲ Ἡράκλειτός φησιν ὅτι καὶ «τὸ ζῆν καὶ τὸ ἀποθανεῖν, καὶ ἐν τῷ ζῆν ἡμᾶς ἐστὶ καὶ ἐν τῷ τεθνάναι». ὅτε μὲν γὰρ ἡμεῖς ζῶμεν τὰς ψυχὰς ἡμῶν τεθνάναι καὶ ἐν ἡμῖν τεθάφθαι· ὅτε δὲ ἡμεῖς ἀποθνήσκομεν, τὰς ψυχὰς ἀναβιοῦν καὶ ζῆν. cf. Philo Alleg. Leg. 1. «ζῶμεν τὸν ἐκείνων θάνατον, τεθνήκαμεν δὲ τὸν ἐκείνων βίον».

спѣшитъ отъ другаго, и все разрѣшается сначала въ летучее состояніе, и наконецъ, какъ учатъ древніе физіологи, въ то безграничное бытіе, которое поставляется ими, какъ первый терминъ. Это безграничное бытіе все предано движенію, непрерывному бѣгу. Что̀ разумѣлось древними мыслителями цѣлью этого бѣга? Въ фрагментахъ мы не находимъ прямыхъ и ясныхъ указаній, но мы позволимъ себѣ обратиться за отвѣтомъ на этотъ вопросъ къ Платону. Хотя мы и ограничили настоящее наше изслѣдованіе однимъ древнѣйшимъ періодомъ; однако, такъ какъ между періодами, непосредственно другъ за другомъ слѣдующими, при всемъ существенномъ ихъ различіи есть и существенная связь, то для полноты излагаемой нами системы и можно и должно принять нѣсколько къ свѣдѣнію Платона. Развивая въ своемъ Тимеѣ космогоническую систему, онъ во многихъ отношеніяхъ примыкаетъ къ нашимъ фрагментамъ.

Есть въ Тимеѣ мѣсто [1]) о двоякаго рода круговратномъ движеніи. Платонъ различаетъ вопервыхъ круговратное движеніе натуры тождественной, недѣлимой, самостоятельной, какъ бы духовной (τῆς ταυτοῦ φύσεως); вовторыхъ, круговращеніе натуры, лишенной самости, дѣлимой, — натуры, въ которой все другъ друга исключаетъ, и все относится какъ *другое* къ *другому* (ἡ θἀτέρου φύσις).

Первое движеніе, движеніе натуры самостоятельной или тождественной, и есть тотъ бѣгъ чистаго эѳира. Цѣль этого движенія есть сосредоточеніе; это движеніе есть стремленіе удержаться въ самомъ себѣ, въ своей чистой активности. Но это сосредоточеніе оказывалось мышленію невозможнымъ по хаотической безграничности этого бытія. Неотразимая необходимость, выражающаяся въ собственной немощи этого бытія, удерживаетъ его на периферіи, и недостижимая цѣль выразилась въ круговратности движенія. По Платону, это круговращеніе бытія тождественнаго представляется какъ внѣшнее, которымъ объемлется другое. Силою центростремительною является здѣсь собственное стремленіе движущагося, силою центробѣжною — необходимость, не допускающая его къ центру. Давая этому круговращенію болѣе общее значеніе и разумѣя подъ нимъ не просто фигуру круга, но и болѣе общее, метафизическое отношеніе, какое оно и имѣетъ у Платона, — мы можемъ выразить это отношеніе еще такимъ образомъ: стремящееся стремится удержаться въ единствѣ, но въ своей хаотической безграничности оно расторгается на без-

[1]) Tim. 36.

численность, собирается и снова расторгается (συμφερόμενον διαφερόμενον, διαφερόμενον συμφερόμενον, какъ у Гераклита).

Второй кругъ противоположенъ первому; слѣдовательно въ немъ должно находиться обратное отношеніе въ условіяхъ движенія. Если въ первомъ собственное стремленіе движущагося есть стремленіе къ центру, то во второмъ собственное стремленіе есть бѣгъ отъ центра. Если въ первомъ необходимость и немощь удерживаетъ силу стремящуюся къ центру и парализируетъ это стремленіе; то во второмъ наоборотъ необходимость должна, вопреки его собственно центробѣжному стремленію, влечь его къ центру. Этотъ центръ, этотъ пунктъ тяготѣнія вынужденнаго, тяготѣнія вслѣдствіе немощи, есть *другое*. Одно по необходимости тяготѣетъ къ другому, а предоставленное себѣ, оно бѣжало бы прочь въ безграничность. Это движеніе свойственно бытію, уже приведенному въ пассивное состояніе. По Платону, это бытіе непосредственно граничитъ съ тѣлеснымъ и собственно вещественнымъ [1]) и вообще, согласно съ точкою зрѣнія Платона, имѣетъ меньшее достоинство, нежели первое, въ которомъ преобладаетъ активность и самостоятельность. Движеніемъ другаго вращаются, по Платону, планеты,—солнечная система, какъ мѣсто, гдѣ преобладаетъ пассивность [2]).

Представленіе смерти у Гераклита, какъ кажется, соотвѣтствуетъ этому перевороту въ движущихъ силахъ круговращенія. Его огонь, или душа умираетъ, когда лишается своей центростремительности, и обращенная въ противную сторону, становится натурою центробѣжною. Переходы въ области центробѣжнаго бытія выражаются уже сжатіемъ. Здѣсь безчисленное утверждается въ своей безчисленности, и каждое пассивно тяготѣетъ къ другому. Каждое въ этомъ бытіи, утверждаясь въ своей отдѣльности, становится пассивнымъ относительно другаго и означаетъ тѣмъ, что вся сила этого расторгнутаго бытія становится безсиліемъ относительно другой, превозмогающей силы.

[1]) Tim. 34.

[2]) Ibid. 38.

III.

Аристотель [1]) упрекаетъ древнѣйшихъ мыслителей въ томъ, что они мало заботились о началѣ, условливающемъ измѣненіе, о началѣ движущемъ, образующемъ, что вообще начала представлялись ими неясно, смутно и сбивчиво. Правда, говоритъ онъ, сущность дѣла сама собою наводила ихъ на слѣдъ; но они мыслили темно и неопредѣленно, они походятъ на бойцовъ, неопытныхъ въ дѣлѣ. Какъ неопытные бойцы, махая вокругъ, дѣлаютъ иногда ловкіе удары, но не по правиламъ искусства; такъ и они говорятъ будто безъ сознанія, не умѣютъ употреблять своихъ началъ, не умѣютъ владѣть ими.

То, что̀ представляется подъ понятіемъ матеріи, говоритъ еще Аристотель [2]), не можетъ, какъ такое, быть причиною своихъ измѣненій. Такъ, напримѣръ, дерево или мѣдь не есть причина своего преобразованія. Дерево не дѣлаетъ кровати, мѣдь не дѣлаетъ статуи; но нѣчто другое есть причина этихъ измѣненій. Искать этой причины, продолжаетъ Аристотель, значитъ искать того другаго начала, того, которое я обозначаю, какъ движущее начало, какъ то, откуда движеніе. Доселѣ Аристотель.

Прежде вникнемъ, въ какомъ смыслѣ должно быть понимаемо это требованіе Аристотеля, и въ какомъ смыслѣ можетъ оно относиться къ древнѣйшимъ физіологическимъ системамъ. Конечно, мертвое дерево и металлъ не сами преобразуются въ вещи, изъ нихъ сдѣланныя; но мы видѣли, что materia prima древними физіологами разумѣется не какъ нѣчто пассивное, не какъ мертвое вещество. Напротивъ, это бытіе разумѣлось какъ нѣчто само по себѣ активное, какъ нѣчто само по себѣ движущееся, какъ «огнь существенно живой», какъ духъ и душа. Зачѣмъ же, кажется, древнимъ физіологамъ было искать еще другаго, движущаго начала?

Оно было необходимо для нихъ, по скольку ихъ сознанію представлялось понятіе процесса, τῆς φύσεως. Это понятіе не могло бы возникнуть въ ихъ мышленіи, не могло бы быть мыслимо, еслибъ не представлялось особо то другое начало, о которомъ говоритъ Аристотель. Смутно или не смутно, такъ или иначе, но оно

[1]) Met A. III, IV.

[2]) I.*I. III.

непремѣнно должно было обозначиться въ мышленіи. Процессъ немыслимъ посредствомъ односторонняго движенія; необходимо представить двустороннее движеніе, чтобы представить процессъ. Одна сила совершила бы движеніе съ безконечною скоростію, мгновенно; но чтобы движеніе продолжалось какъ процессъ, въ извѣстной послѣдовательности и постепенности, необходимы двѣ силы, изъ которыхъ одна тяготѣла бы въ одну сторону, другая въ другую, и чтобы одна дѣлала упоръ и противодѣйствовала другой. Это въ полной мѣрѣ сознавалось древними физіологами, но никѣмъ изъ нихъ не было высказано съ такою энергіею, какъ Гераклитомъ. Все слагается, все образуется, говоритъ онъ, вслѣдствіе противостремленія, противодвиженія [1]). Съ истиннымъ энтузіазмомъ Гераклитъ провозглашаетъ мысль объ этой противоположности, составляющей сущность процесса. Онъ называетъ противоборство (πόλεμος) источникомъ, владыкою, отцемъ всего, и порицаетъ Гомера за то, что тотъ молился: «да погибнетъ раздоръ и въ безсмертныхъ и смертныхъ». Онъ проклялъ этимъ, говоритъ эфесскій мудрецъ, жизнь природы, ибо все получаетъ происхожденіе изъ битвы и антипатіи, изъ противоположныхъ влеченій, и все исчезаетъ безъ этой противоположности [2]). Да и самая гармонія, говоритъ онъ, тѣмъ прекраснѣе, чѣмъ сильнѣе противоположность началъ, ее составляющихъ [3]). Это приводитъ насъ къ пиѳагорейскому положенію, совершенно подобному, что гармонія космоса состоитъ изъ началъ, другъ другу противоположныхъ и какъ бы имѣющихъ разныя назначенія (μὴ ἰσοτελῆ) [4]).

Поищемъ теперь, какъ искали доселѣ, слѣдовъ тѣхъ безотчетныхъ ударовъ, которые, какъ говоритъ Аристотель, вырывались у древнихъ мыслителей.

Сила, причиняющая движеніе процесса, т. е. движеніе впередъ, противоположная обратному стремленію назадъ, отличалась, хотя и

[1]) Ἐκ τῆς ἐναντιοδρομίας. Стобей Eclog. phys. p. 58. διὰ τῆς ἐναντιοτροπῆς. Діог. Л. IX, 7.

[2]) Плутархъ de Is. et Osir. p. 370. Ἡράκλειτος μὲν γὰρ ἄντικρυς πόλεμον ὀνομάζει πατέρα καὶ βασιλέα καὶ κύριον πάντων, καὶ τὸν μὲν Ὅμηρον εὐχόμενον,

Ἔκ τε θεῶν ἔριν ἔκ τ' ἀνθρώπων ἀπολέσθαι

λανθάνειν φησὶ πάντων γενέσει καταρώμενον ἐκ μάχης καὶ ἀντιπαθείας τὴν γένεσιν ἐχόντων. cf. Симпл. in Arist. Categ. 34. f. 104, b. διὸ καὶ μέμφεται τῷ Ὁμήρῳ — οἰχήσεσθαι γάρ φησι πάντα.

[3]) У Арист. Eth. III, 2. у Шлейерм. fr. 33. Ἐκ τῶν διαφερόντων καλλίστην ἁρμονίην.

[4]) Филолай у Стоб. Ecl p. 458, у Бека № 4.

смутно, въ нашихъ системахъ. Мы можемъ, приглядываясь зорко, наслѣдить ее въ фрагментахъ. — Прежде всего бросается въ глаза орфическое представленіе *времени*, которое у орфиковъ употребляется не какъ отвлеченное нарицательное, но какъ собственное имя. Всякій процессъ происходитъ во времени и имъ объемлется, и потому само собою для выраженія движущей силы процесса вспадало имъ на умъ время, которое, будучи взято не въ отвлеченіи, а въ дѣйствительности, есть не что̀ иное, какъ самое представленіе движенія и процесса.

Въ орфической мудрости это начало, мыслимое подъ именемъ времени, представлялось какъ «причина раскрытія божественныхъ вещей [1])». У орфиковъ оно называется самою первою изъ причинъ [2]). Обращаясь къ Платонову Тимею, находимъ тамъ, что время въ происшедшемъ космосѣ есть выраженіе самой вѣчности [3]). Въ платоническомъ трактатѣ, Тимей Локрскій, читаемъ: «непроисшедшее время, которое называютъ вѣчностью [4])». Это самое понятіе, по свидѣтельству Прокла [5]), характеризуется у древнихъ ѳеологовъ какъ ἅπαξ ἐπέκεινα, то, что̀ абсолютно предсуществуетъ, что̀ находится по ту сторону, прежде всякаго двойства. Оно по своей натурѣ первѣе эѳира и хаоса [6]).

У Ферекида Сирскаго вмѣстѣ съ понятіемъ «космогонической основы», подъ именемъ Хѳоніи (χθὼν, χθωνίη земля), были поставлены два другія начала подъ именами Хроноса (времени) и Зевса [7]). Осматриваясь въ остаткахъ другихъ орфическихъ смѣшенныхъ космогоній, встрѣчаемъ опять это представленіе Хроноса въ соединеніи съ именемъ Геракла [8]). Этотъ Хроносъ-Гераклъ напоминаетъ намъ чисто миѳологическихъ Кроноса и Геракла; но мы, не желая нару-

[1]) Проклъ in Parm. VII, 230. τὸ αἴτιον τῆς εκφάνσεως τῶν θείων 'Ορφεὺς χρόνον ὠνόμασεν.

[2]) Id. Theof. l. 28, 68. Τοῖς ὀρφικοῖς τὸ πρώτιστον αἴτιον χρόνος προσείρηται

[3]) Платонъ Tim. 37, 38.

[4]) Timaeus Locr. s. de An. m. p. 97, 20.

[5]) In Grat. 64.

[6]) Проклъ in Tim. II, 117.... ἀπὸ τοῦ χρόνου τόν τε αἰθέρα καὶ τὸ χάος ὑπέστησε.... Дамасцій Quaest. p. 133. 'Ορφεὺς μὲν αἰθέρα καὶ χάος μετὰ τὸν χρόνον.... Сюда принадлежитъ замѣчательное мѣсто у византійскаго Малалы IV, 81. Ἔστι δὲ ἅπερ 'Ορφεὺς ἐξέθετο ταῦτα, ὅτι ἐξ ἀρχῆς ἀνεδείχθη τῷ χρόνῳ ὁ αἰθὴρ ὑπὸ τοῦ θεοῦ δημιουργηθεὶς καὶ ἐντεῦθεν κἀκεῖθεν τοῦ αἰθέρος ἦν χάος, καὶ νὺξ ζοφερὰ πάντα κατεῖχε καὶ ἐκάλυπτε τὰ ὑπὸ τὸν αἰθέρα.... Тоже у Кедрина T. I, 57. только вмѣсто χρόνῳ стоитъ κόσμῳ.... ἐντεῦθεν δὲ καὶ ἐντεῦθεν....

[7]) Діог. Лаерт. I, 119. Дамасц. de Princ. p. 384.

[8]) Аѳенагоръ, Legat. c. 15.

шать единство настоящаго нашего изученія, не поддадимся этому напоминанію и не будемъ мимоходомъ касаться области, требующей особаго вниманія и особаго плана для разсмотрѣнія. Мы не будемъ также слѣдить за этимъ представленіемъ и по *смѣшеннымъ* орфическимъ ѳеокосмогоніямъ. Въ отрывкахъ орфическаго мышленія, это представленіе не только сбивчиво и неорганически раскрывается, но и, какъ многое другое, крайне безобразно.

Вообще надобно сказать, что представленіе движущаго начала подъ видомъ времени не могло быть удовлетворительно. Это представленіе оставляетъ слишкомъ большую неопредѣленность въ умѣ, и не можетъ служить для выраженія чистаго начала. Но что орфики и Ферекидъ хотѣли словомъ χρόνος выразить именно начало движущее, условливающее измѣненія и преобразованія, это явно. У Ферекида именно Хроносъ своимъ дѣйствіемъ образуетъ стихіи и причиняетъ матеріялизацію космогонической сущности. У орфиковъ, Хроносъ, предшествующій этой космогонической сущности, причиняетъ ея первоначальное раздвоеніе въ эѳиръ и хаосъ, и онъ же потомъ образуетъ изъ эѳира хаотическое яйцо:

> ἔπειτα δ' ἔτευξε μέγας Κρόνος (sc. χρόνος) αἰθέρι δίῳ
> ὤεον ἀργύφεον.... [1]).

Замѣтимъ также, что у Ферекида Хроносъ является, какъ противникъ и побѣдитель враждебнаго Офіонея, который низвергается имъ въ воду Огена.

То же понятіе, которое смутно разумѣлось въ представленіи времени, обозначается еще, какъ необходимость, ἀνάγκη. Такъ напримѣръ у Гераклита. Сюда же болѣе или менѣе относится и парменидовская необходимость, «держащая сущее въ цѣпяхъ предѣла» (см. выше, стран. 67), какъ это еще яснѣе будетъ въ послѣдствіи. Этотъ же характеръ имѣетъ анаксимандровское «τάξις τοῦ χρόνου» (законъ, чинъ времени). Этимъ представленіемъ необходимости мышленіе хочетъ выразить неотразимую силу, которою условливается ходъ измѣненія, силу, которая, несмотря ни на какой упоръ, дѣлаетъ свое. Чтобы превозмогать противоположную силу, движущее начало должно, по естеству своему, быть къ тому способнымъ. Натура его должна быть такова, чтобы это превозможеніе доставалось ему само собою, и оно представляется какъ само въ себѣ неизмѣнное и неимѣющее никакой двойственности, какъ необходимость; оно насту-

[1]) Дамасцій Quaest. 147.

паетъ безъ всякаго колебанія, прямо, неотразимо. Для представленія природы, мышленіе не могло обойдтись безъ этой необходимости въ непрерывномъ, логическомъ послѣдованіи моментовъ.

Наконецъ, то же понятіе съ большею ясностію и опредѣленностію выражается у пиѳагорейцевъ подъ именемъ опредѣляющаго или даже образующаго (какъ въ предполагаемомъ Архитовомъ, позднѣйшемъ фрагментѣ). Это обозначеніе почти совпадаетъ съ платоновскими и аристотелевскими понятіями.

«Сущее (говоритъ Филолай) есть необходимо либо нѣчто безграничное, либо нѣчто опредѣляющее, либо то и другое вмѣстѣ [1])». Здѣсь высказывается противоположность безграничнаго и опредѣляющаго, какъ противоположность абсолютная. То же, въ выраженіяхъ нѣсколько отличныхъ и отзывающихся болѣе позднимъ временемъ, говорится въ предполагаемо-Архитовомъ фрагментѣ [2]). «Необходимо быть двумъ началамъ сущаго: одно служитъ основою, подлежащею сущностію, мѣстомъ осуществленія; другое есть причина того, чему слѣдуетъ быть, осуществиться, выразиться.»

Должно однако замѣтить, что въ этомъ Архитовскомъ фрагментѣ «начало образующее» представляется безразлично съ такъ-называемою «конечною причиною», и въ этомъ отношеніи, не смотря на бо́льшую опредѣленность выраженій, значительно уступаетъ приведенному выше Филолаеву фрагменту, гдѣ различены слѣдующія начала: начало безпредѣльнаго бытія, соотвѣтствующее «пріемлющей основѣ» Архитовскаго фрагмента; опредѣляющее начало, и наконецъ начало, соединяющее въ себѣ безграничность съ опредѣляющею силою. Впрочемъ и филолаевскія начала такъ мало развиты, такъ скудно обозначены и такъ сбивчивы въ своихъ примѣненіяхъ, что едва-едва возбуждаютъ соотвѣтственное себѣ мышленіе и болѣе походятъ на изреченіе, котораго смыслъ стемнѣлъ, на формулу, возникшую безъ яснаго сознанія и повторяемую по преданію.

Традиціональный характеръ пиѳагорейскаго мышленія оказывается во всемъ: не двигаясь само, а только передаваясь въ своихъ резуль-

1) *Ἀνάγκα τὰ ἐόντα εἶμεν πάντα ἢ περαίνοντα ἢ ἄπειρα, ἢ περαίνοντά τε καὶ ἄπειρα.* Стобей Ecl. I, 22, 7, 3 p. 454; 11, 12, p. 298. Діог. Л. VIII, 5. Проклъ in Tim. I, p. 26. Никомахъ Arithm. II, p. 59. Боетій Arithm. II, 32. У Бёка № 1.

2) *Ἀνάγκα δύο ἀρχὰς ἦμεν τῶν ὄντων... Διὰ τοῦτο καὶ τὰ τέχνᾳ, καὶ τὰ φύσει γινόμενα δύο τούτων πρᾶτον μετείληφεν, τᾶς τε μορφῶ καὶ τᾶς ὠσίας. Καὶ ἁ μὲν μορφῶ ἐντι αἰτία τῶ τόδε τι ἦμεν· ἁ δ᾽ὠσία τὸ ὑποκείμενον, ὑποδεχόμενον τᾶς μορφῶ.* δ'Стобей Eclog. I, cap. XLIII. У Орелли Opp. Graec. vet. Tom. 2, p. 269, 270.

татахъ отъ одного другому, оно и въ себѣ представляетъ все какъ данный результатъ; пиѳагорейская космогонія, какъ неоднократно было замѣчено, походитъ болѣе на космографію. То, что̀ Аристотель говоритъ вообще объ архаическихъ мыслителяхъ, особенно идетъ къ пиѳагорейцамъ: они не употребляютъ тѣхъ началъ, которыя сформулированы въ ихъ мышленіи, или употребляютъ ихъ очень сбивчиво, какъ это мы еще явнѣе увидимъ на слѣдующемъ пиѳагорейскомъ мѣстѣ.

Аристотель [1]) свидѣтельствуетъ, что въ пиѳагорейской философіи говорилось слѣдующее: «небо едино, но въ него проникаетъ пустота, разъединяющая его, расторгающая его на многое; вмѣстѣ съ этимъ раздѣленіемъ проникаетъ въ него время; проникаетъ же это раздѣленіе и время изъ безграничнаго, внѣшняго духа. Это же самое представляется въ созерцаніи чиселъ: начало, раздѣляющее натуры чиселъ, проникаетъ въ монаду, внося въ нее пустоту.

Въ этой краткой, сжатой, какъ бы умершей связи словъ, сказано много, но такъ темно и спутанно, что нужна особенная операція, чтобы добиться въ нихъ толку. Откуда происходитъ эта сбивчивость? Такъ ли первоначально замыслилась эта связь представленій, и въ такомъ видѣ носилась между самими пиѳагорейцами? или тутъ виноватъ референтъ? Никакъ нельзя подумать, чтобы Аристотель говорилъ наобумъ. Съ другой же стороны было бы слишкомъ несправедливо сложить всю вину на первыхъ и произнести приговоръ не на собственныхъ словахъ подсудимыхъ, а на показаніи другаго лица, какого бы впрочемъ довѣрія оно ни заслуживало. Аристотель могъ почерпнуть свое показаніе не совсѣмъ изъ чистаго источника, могъ при суммарной краткости выраженія упустить какую-либо черту. Сверхъ того, надобно замѣтить, что Аристотель передаетъ чужія философемы всегда какъ критикъ, и въ своей критикѣ поступаетъ всегда строго юридически. Ему нѣтъ дѣла до того, что̀ чувствовалось въ основѣ сознанія; онъ смотритъ лишь на предикаты сознанія, на то, что̀ формально высказано въ мышленіи. Отсюда нѣкоторая жесткость въ его сужденіяхъ, нѣкоторая

[1]) У Стобея Ecl. Phys. I, p. 380. Ἐν δὲ τῷ περὶ τῆς Πυθαγόρου φιλοσοφίας πρώτῳ γράφει (sc. Ἀριστοτέλης) τὸν οὐρανὸν εἶναι ἕνα, ἐπεισάγεσθαι δ'ἐκ τοῦ ἀπείρου χρόνον τε καὶ πνοήν, καὶ τὸ κενόν, ὁ διορίζει ἑκάστων τὰς χώρας ἀεὶ Arist. Phys. IV, 6. Εἶναι δ'ἔφασαν οἱ Πυθαγόρειοι κενόν, καὶ ἐπεισιέναι αὐτὸ τῷ οὐρανῷ ἐκ τοῦ ἀπείρου πνεύματος, ὡς ἀναπνέοντι καὶ τὸ κενόν, ὅ διορίζει τὰς φύσεις, ὡς, ὄντος τοῦ κενοῦ χωρισμοῦ τινος τῶν ἐφεξῆς καὶ διορίστως· καὶ τοῦτ' εἶναι πρῶτον ἐν τοῖς ἀριθμοῖς· τὸ γὰρ κενὸν διορίζειν τὴν φύσιν αὐτῶν.

придирчивость и какъ бы даже недоброжелательство въ передачѣ чужой мысли, что̀ особенно замѣтно изъ его отношенія къ Платону и что̀ навлекало на него нареканіе въ несправедливости. Извѣстно какъ отзывался въ этомъ отношеніи объ Аристотелѣ Баконъ. Эта кажущаяся несправедливость всегда впрочемъ была лишь выраженіемъ слишкомъ формальной, слишкомъ юридической справедливости. Но приступимъ къ разбору дѣла.

Что̀ значитъ проникающая откуда бы то ни было, куда бы то ни было пустота? Что̀ значитъ пустота, вдыхаемая небомъ, или монадою чиселъ? Подлагать подъ эти выраженія первый смыслъ, непосредственно пробуждаемый ими въ умѣ, нельзя: потому что выйдетъ не смыслъ, а безсмыслица, и такое подложеніе будетъ вовсе не дѣломъ ума. — Осматриваясь въ системахъ, находимъ это же понятіе раздѣляющей пустоты въ Демокритѣ; пустота характеризуется у него также, какъ не-сущее, ничто, μηδέν; она дана вмѣстѣ съ атомами и раздѣляетъ ихъ. Мы знаемъ также, что Демокритъ опирался въ этомъ на пиѳагорейскомъ ученіи. По всему видно, что тамъ и тутъ имѣемъ мы одно и то же понятіе. Подходя ближе къ самимъ себѣ, находимъ и въ категоріяхъ нашего мышленія нѣчто подобное. Въ нашемъ естествознаніи мыслится также вмѣстѣ съ атомами это пустое подъ именемъ поръ. Но въ нашемъ естествознаніи оно употребляется какъ непосредственно данное, безъ всякаго размышленія.

Одинъ изъ самыхъ общихъ вопросовъ, наиболѣе подвергавшихся сужденію въ древнихъ системахъ, былъ вопросъ о значеніи не-сущаго (τοῦ μὴ ὄντος). Съ одной стороны казалось нелѣпымъ, совершенно невозможнымъ, допустить ничто, какъ нѣчто существующее; съ другой, являлась необходимость въ этомъ понятіи для представленія движенія, множественности, раздѣльности и всякаго измѣненія. Элеаты, чуждаясь понятій множественности, происхожденія и движенія, находили совершенно немыслимымъ понятіе несущаго. Демокритъ, напротивъ, съ особеннымъ выраженіемъ, вопреки элеатскимъ мыслителямъ, утверждалъ, что не-сущее столь же реально, какъ и сущее. Извѣстно, какой блестящей діалектикѣ подвергается этотъ самый вопросъ у Платона, окончательно восторжествовавшаго надъ неподвижною, окованною сущностію элеатской системы.

Для людей, незнакомыхъ съ задачами и языкомъ философіи, подобный вопросъ можетъ показаться крайне страннымъ, а особенно страннымъ долженъ онъ показаться въ выраженіяхъ древняго мышленія. Вотъ почему мы на немъ остановимся нѣсколько подолѣе.

Вопервыхъ, приблизимъ нѣсколько смыслъ этого вопроса къ нашимъ понятіямъ, замѣнивъ выраженія, не совсѣмъ намъ привычныя, другими. Намъ привычнѣе вопросъ о положительномъ и отрицательномъ, нежели о сущемъ и не-сущемъ. Множественность, напримѣръ, не мыслима безъ понятія отрицательно-сущаго. Во многомъ одно другое исключаетъ; одно не есть другое. Это *не есть* существуетъ, слѣдовательно, такъ же какъ и то, что̀ есть. Движеніе, измѣненіе, непосредственно вызываютъ это понятіе. То, что̀ является вновь, прежде не было; то, что̀ уступаетъ мѣсто другому, исчезаетъ. Мы употребляемъ же, при самомъ обыкновенномъ способѣ выраженія, слова; *ничто*, *не есть*, *уничтожаться;* отрицаніе такъ же необходимо для нашего выраженія, какъ и утвержденіе; безъ него не можемъ мы сдѣлать шага.

Но съ другой стороны, при нѣкоторомъ настроеніи, мысль можетъ прійдти въ замѣшательство отъ понятія объ отрицательно-сущемъ: допустить бытіе того, что̀ не есть, не будетъ ли самымъ нестерпимымъ для мышленія противорѣчіемъ? Мы должны различать двоякаго рода затрудненія при этомъ вопросѣ: затрудненіе праздной діалектики, словопренія, и затрудненіе собственно философское, возникающее изъ самаго мышленія. Праздная діалектика, какъ относительно этого пункта, такъ и вообще, могла имѣть мѣсто лишь къ концу занимающаго насъ періода, когда уже выработались всѣ формальныя условія мышленія, и діалектика легко становилась достояніемъ каждаго, какъ простое орудіе, годное для всякой цѣли. Мы не будемъ здѣсь пускаться въ разсмотрѣніе разнаго рода діалектическихъ затрудненій, относящихся къ этому вопросу. Обратимъ вниманіе на его собственно философское, существенное значеніе.

Выше замѣчено, что затрудненіе мысли, при вопросѣ объ отрицательно-сущемъ, выразилось преимущественно въ мыслителяхъ элеатскихъ, между которыми главное мѣсто, какъ вообще, такъ и въ этомъ отношеніи, принадлежитъ Пармениду.

Путь высшаго знанія (учитъ Парменидъ) приводитъ къ понятію положительно-сущаго и не понимаетъ отрицательно-сущаго; наоборотъ, путь лживаго знанія не понимаетъ положительно-сущаго и приводитъ къ отрицательному. Отрицательно-сущаго нельзя поистинѣ ни представить, ни выразить [1]). А потому поистинѣ можно

[1]) Стихъ 33—40.

Εἴ δ'ἄγ' ἐγὼν ἐρέω, κομίσαι δὲ σὺ μῦθον ἀκούσας,
Αἵπερ ὁδοὶ μοῦναι διζήσιός εἰσι νοῆσαι·
Ἡ μέν, ὅπως ἔστι τε, καὶ οὐκ ἔστι μὴ εἶναι,

Bayerische Staatsbibliothek München

мыслить лишь бытіе не произшедшее и не преходящее, лишь бытіе однородное, недвижное, бытіе, не имѣющее ни прошедшаго, ни грядущаго, настоящее все заразъ, единое безъ перерыва. Откуда, въ самомъ дѣлѣ, могло бы возникнуть сущее? Я не дамъ тебѣ сказать: изъ небытія. Небытіе не мыслимо, не выразимо.... [1]) Бытіе не раздѣльно, потому что въ немъ нѣтъ никакой разности; оно совершенно едино, тождественно; въ немъ нѣтъ никакихъ неровностей, оно все полно и цѣльно. Оно недвижно, безначально, безконечно: истинное разумѣніе отметаетъ далеко всякую мысль о началѣ или концѣ. Само въ себѣ незыблемо и неизмѣнно покоится сущее...» [2]).

Совершенно противоположное воззрѣніе раскрывается у Демокрита и Левкиппа:

«Положительное существуетъ не болѣе, чѣмъ страдательное, или пустое; не-сущее столько же реально, сколько полное, сущее... [3]) Повсюду пустое и полное присутствуютъ равномѣрно [4]). Цѣлое не есть нѣчто непрерывное, но разрознено пустымъ, чѣмъ однако не

Πειθοῦς ἐστὶ κέλευθος, ἀληθείη γὰρ ὀπηδεῖ·
Ἡ δ', ὡς οὐκ ἔστι τε καὶ ὡς χρεών ἐστι μὴ εἶναι
Τὴν δή τοι φράζω παναπειθέα ἔμμεν ἀταρπόν·
Οὔτε γὰρ ἂν γνοίης τό γε μὴ ἐόν, — οὐ γὰρ ἀνυστόν, —
Οὔτε φράσαις.

[1]) Стихъ 56—64.

.... Μόνος δ' ἔτι μῦθος ὁδοῖο
Λείπεται, ὡς ἔστι. ταύτῃ δ' ἐπὶ σήματ' ἔασι
Πολλὰ μάλ', ὡς ἀγένητον ἐὸν καὶ ἀνώλεθρόν ἐστιν,
Οὖλον μουνογενές τε, καὶ ἀτρεμὲς ἠδ' ἀτέλεστον·
Οὔ ποτ' ἔην οὐδ' ἔσται, ἐπεὶ νῦν ἔστιν ὁμοῦ πᾶν
Ἕν ξυνεχές. τίνα γὰρ γέννην διζήσεαι αὐτοῦ;
Πῇ πόθεν αὐξηθέν; οὔτ' ἐκ μὴ ἐόντος ἐάσω
Φάσθαι σ' οὐδὲ νοεῖν· οὐ γὰρ φατὸν οὐδὲ νοητόν
Ἐστὶν ὅπως οὐκ ἔστι........................

[2]) Стихъ 77—85.

Οὐδὲ διαιρετόν ἐστιν, ἐπεὶ πᾶν ἐστὶν ὅμοιον,
Οὐδέ τι πῇ μᾶλλον τό κεν εἴργοι μιν ξυνέχεσθαι,
Οὐδέ τι χειρότεθον· πᾶν δὲ πλέον ἐστιν ἐόντος·
Τῷ ξυνεχὲς πᾶν ἐστὶν, ἐὸν γὰρ ἐόντι πελάζει.
Ἀυτὰρ ἀκίνητον μεγάλων ἐν πείρασι δεσμῶν
Ἐστίν, ἄναρχον, ἄπαυστον, ἐπεὶ γένεσις καὶ ὄλεθρος
Τῆλε μάλ' ἐπλάγχθησαν, ἔπωσε δὲ πίστις ἀληθής·
Τωὐτόν δ' ἐν τωὐτῷ τε μένον καθ' ἑωυτό τε κεῖται.
Οὕτως ἔμπεδον αὖθι μένει..........

[3]) Аристотель Met. A. 4.

[4]) Id. ibid. Г. 5.

Bayerische Staatsbibliothek München

нарушается единство сущности.... [1]) Поистинѣ—все вмѣстѣ и положительное и отрицательное....» [2])

Сдѣлаемъ здѣсь нѣсколько пояснительныхъ замѣчаній. Понятіе не-сущаго имѣетъ двоякое значеніе. Вопервыхъ, оно выражаетъ чистое, простое отрицаніе (А *есть* А *и не есть* В), и въ этомъ смыслѣ неразрывно соединяется съ понятіемъ множественности во всѣхъ его соприкосновеніяхъ, какъ напр. въ понятіяхъ пространства, времени, движенія и т. п. Представляя себѣ многое, въ какомъ бы то ни было смыслѣ, мы необходимо отличаемъ одно отъ другаго, и прибѣгаемъ къ отрицанію; всякое опредѣленіе заключаетъ въ себѣ отрицаніе. — Такъ какъ всякая множественность можетъ быть возведена, какъ къ своему высшему выраженію, къ двойству и противоположности, то понятіе отрицательнаго въ двойствѣ и противоположности находитъ свою истинную реальность. Вся нелѣпость, все противорѣчіе въ мысли о бытіи небытія исчезаетъ при соображеніи понятія противоположности: отвлеченно-мыслимое отрицаніе оказывается въ дѣйствительности подъ отношеніями противоположности и разности во всѣхъ ея видахъ.

Но кромѣ такого относительнаго значенія, рѣчь о небытіи въ философскомъ мышленіи можетъ имѣть значеніе абсолютное. Возможно употреблять понятіе небытія, какъ выраженіе чего-то противоположнаго бытію вообще. Если въ такомъ значеніи понятіе небытія употребляется не какъ праздное слово, то что̀ же можемъ мы разумѣть подъ понятіемъ чего-либо противоположнаго бытію вообще? Что̀ можемъ мы положить противу бытія? Бытію, говоря неопредѣленно, безъ всякаго дальнѣйшаго обозначенія, мы, поистинѣ, ничего противоположить не можемъ. Но если мы подъ бытіемъ будемъ выразительно разумѣть бытіе дѣйствительное, то бытію въ дѣйствительности естественно противополагается бытіе въ возможности. Понятіе возможности есть единственное понятіе небытія какъ чего-либо абсолютно-противоположнаго бытію.

Наконецъ, въ заключеніе, мы должны коснуться еще одного зна-

[1]) Id. de Coel. A. 7.

[2]) Галенъ de Elem. sec. Hipp. I, p. 46 sq. *κατὰ δὲ τὴν ἀλήθειαν ἓν καὶ μηδὲν ἐστι τὰ πάντα.* Вмѣсто *ἕν*, какъ кажется, слѣдуетъ читать *δέν*: это послѣднее слово, весьма странное, есть собственная выдумка Демокрита для означенія положительнаго бытія. Слово же *δέν* очевидно образовано изъ слова *μηδέν* посредствомъ отсѣченія отрицательной частицы *μή*. Сл. Плутарха adv. Colot. p. 1109. *ὁ Κολώτης ἐσφάλη περὶ λέξιν τοῦ ανδρὸς (τοῦ Δημοκρίτου) ἐν ᾗ διορίζεται μὴ μᾶλλον τὸ δὲν ἢ τὸ μηδὲν εἶναι....*

ченія въ разсматриваемомъ понятіи. Доселѣ мы не различали бытіе, и существо, сущее (τὸ εἶναι и τὸ ὄν), какъ то, что̀ находится въ бытіи. Въ противоположность сущему, въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, можетъ быть названо не-сущимъ всякое бытіе, лишенное внутренней самообладающей сущности. Здѣсь рѣчь касается уже не бытія, и не-сущее въ этомъ смыслѣ значитъ отрицаніе не бытія, а сущности. Таково понятіе матеріи, вещества: вещество вообще безразлично и страдательно, оно служитъ только средою, мѣстомъ, говоря античнымъ терминомъ, для существъ, которыя въ немъ реализируются [1]). Въ этомъ смыслѣ вещество, взятое отвлеченно, не есть что-либо сущее, а напротивъ не-сущее (τὸ μὴ ὄν).

Подобныхъ различеній, конечно, мы напрасно бы стали искать въ первоначальномъ періодѣ философскаго мышленія. Строгое и выраженное различеніе понятій возможно лишь въ полныхъ и развитыхъ системахъ, какими греческая философія увѣнчалась въ послѣдствіи, въ системахъ Платона и Аристотеля. То, чего мы теперь коснулись слегка, для сообщенія большей ясности нашимъ изслѣдованіямъ, строгій умъ Аристотеля выразилъ и разграничилъ съ величайшею отчетливостію. Понятія возможности и дѣйствительности развиты и высказаны имъ въ безсмертныхъ формулахъ. Кто, не чуждый философскому мышленію и знакомый съ его исторіею, не знаетъ Аристотелевскихъ δύναμις и ἐνέργεια (τὸ δυνάμει ὄν, τὸ ἐνεργείᾳ ὄν), терминовъ, которые въ своей латинской формѣ, какъ потенція и актъ, навсегда усвоены философіи, и служатъ ключомъ къ раскрытію самыхъ сложныхъ ея системъ? Не меньшую значительность имѣютъ и другіе термины стагирскаго мыслителя, на первый взглядъ крайне странные, но въ которыхъ, будто въ магическихъ талисманахъ, запечатлѣны живыя и дѣйствительныя силы, сжата цѣлая связь, цѣлая система понятій. Сюда между прочимъ относятся его τὸ τί ἐστι, τὸ τί ἦν εἶναι, ἐντελέχεια и т. д. — Что же касается до мыслителей занимающей насъ эпохи, то можно не совсѣмъ неудачно сказать, что всѣ они въ совокупности объемлются общею системой, которая идетъ черезъ нихъ, не сосредоточиваясь ни въ одномъ изъ нихъ. Яснаго различенія основныхъ понятій — повторимъ — не могло быть у мыслителей, фрагментарныхъ не по одному только тому, что ихъ писанія сохранились лишь въ отрывкахъ, но еще болѣе по самому свойству ихъ мышленія; ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ въ своемъ

[1]) См. выше Архитовскій фрагментъ стр. 94.

умѣ полной системы, свободно обозрѣваемой со всѣхъ сторонъ, и потому ни одинъ изъ нихъ, какъ выражается Аристотель (см. выше), не владѣетъ своими началами. Но тѣмъ не менѣе всеобщія и основныя понятія должны были дѣйствовать въ ихъ мышленіи; ибо безъ нихъ не можетъ держаться никакая система, и, хотя тайно отъ самихъ мыслителей, эти понятія должны были властвовать надъ ихъ умами.

Послѣ этихъ пояснительныхъ замѣчаній, которыя казались намъ неизбѣжными въ ходѣ нашихъ разысканій, возвратимся къ тому пункту, отъ котораго мало-по-малу и незамѣтно отдалились, именно къ той загадочной пиѳагорейской философемѣ, переданной Аристотелемъ, въ которой говорится о дыханіи, вносящемъ въ единое бытіе множественность и раздѣляющемъ натуры.

Разберемъ внимательнѣе это мѣсто. Вопервыхъ, различимъ два главныя понятія: единство и раздѣляющее, расторгающее дѣйствіе. Единство представляется и отвлеченно, какъ монада чиселъ въ логическомъ порядкѣ, и подъ видомъ единаго неба, въ порядкѣ физіологическомъ (физическомъ). Небо есть то же самое, что̀ эѳиръ: выраженіе бытія невещественнаго. Но съ представленіемъ этого невещественнаго бытія соединяется, какъ мы видѣли, представленіе немощи, хаотической безграничности (хѳона, земли). Это бытіе не можетъ удержаться въ своей исключительности, въ своемъ единствѣ, и въ этой немощи его таится, какъ уже замѣчено прежде, необходимость измѣненія и перехода; это первый пунктъ движенія впередъ, это первый начатокъ дѣйствія движущей силы процесса. Въ двойственности эѳира-хаоса отражается двойство противоположныхъ началъ, изъ которыхъ одно должно стать матеріею, мѣстомъ (τόπος, выраженіе въ этомъ смыслѣ классическое) дѣйствія для другаго. Страдательность одного начала находится въ прямомъ отношеніи къ дѣйственности другаго, ему противоположнаго. Мысль естественно уловляетъ дѣйствующее начало прежде всего тѣми признаками, которые ей оказывались въ бытіи, подверженномъ дѣйствію. Эпитеты, характеризующіе это бытіе въ той мѣрѣ, въ какой оно уступаетъ началу противоположному, легко переносятся на это послѣднее.

Понятно, какъ могли смѣшаться и слиться представленія безграничнаго и раздѣляющаго начала. Безграничность, какъ выраженіе матеріи, совпадаетъ съ дѣлимостію, которою также обозначается матерія. Сила, вынуждающая космогоническое бытіе принять эти свойства, низводящая «этотъ огнь», «этотъ духъ» «путемъ внизъ» (ὁδὸς κάτω) до степени бытія страдательнаго, служащаго только

Насъ завлекло бы слишкомъ далеко разсмотрѣніе этихъ трехъ именъ. Ограничиваемся однимъ лишь указаніемъ, и переходимъ къ дальнѣйшему.

На этомъ новомъ бытіи, за которымъ у орфиковъ удерживается преимущественно имя Фанета, мышленіе не успокоивается. Формы этого бытія чудовищны. Оно является, какъ многоглавый драконъ, и должно перейдти новый кризисъ, чтобы явился космосъ въ своемъ надлежащемъ видѣ. Съ орфическимъ представленіемъ этой чудовищной природы совпадаютъ Эмпедокловы «типы, въ которыхъ смѣшивались всѣ натуры». — «Сначала, говоритъ онъ, произошли типы неразвитые, всѣ природы въ себѣ совмѣщающіе (οὐλοφυεῖς). Они не являли благовиднаго, вожделѣннаго тѣла, состоящаго изъ членовъ» (μελέων ἐρατὸν δέμας).... [1]) Расписывая это представленіе своимъ плодовитымъ словомъ, Эмпедоклъ говоритъ, какъ руки возникали безъ плечъ, глаза безъ чела [2]); какъ возникали чудища съ двумя лицами, или съ двумя туловищами, бычьи изчадія съ человѣчьимъ лицомъ, и наоборотъ люди съ бычьими головами [3]). Все это весьма сходствуетъ съ орфическимъ «дракономъ, имѣющимъ львиныя и бычьи головы, и лицо какого-то божества» [4]).

Орфики продолжали идти путемъ миѳологическихъ представленій. Безобразное и чудовищное бытіе Фанета было, какъ они выражались, поглащено Зевсомъ, который затѣмъ воспроизвелъ отъ себя космосъ въ его окончательномъ видѣ.

Зевсъ — представленіе чисто-миѳологическое; но оно является въ древнѣйшемъ философскомъ мышленіи въ значеніи конечной причины. Какъ вообще всѣ метафизическія понятія, такъ равно и это, могли быть сформулированы лишь въ послѣдствіи. Извѣстно, какое значеніе понятіе конечной причины, или цѣли, имѣетъ въ системѣ

ἀκούσας ἐκ τῆς μαντείας ἐξεῖπε Μῆτιν, Φάνητα, Ἠρικεπαῖον, ὅπερ ἑρμηνεύεται βουλή, φῶς, ζωοδοτήρ· εἰπὼν ταύτας τὰς τρεῖς θείας τῶν ὀνομάτων δυνάμεις μίαν εἶναι δύναμιν καὶ ἓν κράτος τοῦ μόνου θεοῦ, ὃν οὐδεὶς ὁρᾷ.... Мал. IV. 31. Кедр. Т. 1, р. 57.

1) Οὐλοφυεῖς μὲν πρῶτα τύποι χθονός ἐξανέτελλον....
Τοὺς μὲν πῦρ ἀνέπεμπε θέλον προς ὅμοιον ἱκέσθαι,
Οὔτε τί πω μελέων ἐρατὸν δέμας ἐμφαίνοντας κτλ.
Симпл. ad. Arist. phys. f. 86, 6.

2) Γυμνοὶ δ'ἐπλάζοντο βραχίονες εὔνιδες ὤμων,
Ὄμματά τ'οἰ ἐπλανᾶτο πενητεύονα μετώπων.
Симпл. in l. de Coelo f. 144, 6.

3) Πολλὰ μὲν ἀμφιπρόσωπα καὶ ἀμφίστερνα φύεσθαι
Βουγενῆ ἀνδρόπρωρα, τὰ δ'ἔμπαλιν ἐξανατέλλειν ἀνδροφυῆ βούκρανα· κτλ. Эліанъ Hist. anim. XVI. 29.

4) Дамасц. р. 381. Аѳенагоръ 18 р. 18 Gall.

Аристотеля. Здѣсь оно господствуетъ надъ всѣмъ и есть движущая душа всей системы. Платоновы идеи въ совокупности своей прямо подходятъ подъ это же понятіе, — и извѣстно также, какое значеніе въ Платоновой системѣ имѣютъ «идеи». Анаксагоровъ «разумъ» (νοῦς) есть это же понятіе. Анаксагоръ первый съ особенною энергіей провозгласилъ на чисто-философскомъ языкѣ это начало. Вся движущая сила для него, какъ для Аристотеля, сосредоточивалась въ представленіи разума, какъ причины конечной; ибо разумъ не можетъ иначе дѣйствовать и двигать, какъ въ значеніи цѣли, идеи.

Нѣсколько словъ будутъ не лишними для поясненія этого начала. Причина движенія можетъ быть двоякая. Одну можно назвать причиною реальною, производящею (causa efficiens); другая же есть причина идеальная, или конечная (causa finalis). Первая дѣйствуетъ, вторая является какъ цѣль дѣйствія, какъ конецъ, которымъ оно увѣнчивается. Рука художника есть причина дѣйствующая; но идея, воплощаемая имъ, причина конечная. Ради идеи поднимается рука, и хотя рука производитъ движеніе, но источникъ ея собственнаго движенія есть идея. Область конечной причины не ограничивается одною человѣческою дѣятельностію. Высшая степень во всякомъ развитіи является какъ цѣль, какъ конецъ, повершеніе низшихъ. То, къ чему стремится дѣятельность, то, на чемъ она успокоивается, то, что̀ въ ходѣ процесса, въ потокѣ измѣненій, остается и пребываетъ, какъ вѣчный моментъ, то, что̀ по сущности своей быть долженствуетъ, есть причина конечная. Въ ней мѣра всему, въ ней истина, красота, благо, — и благо, какъ у Платона, есть ея высшее выраженіе.

Выше приведена нами одна философема изъ Филолаевыхъ фрагментовъ, въ которой исчисляются главныя начала сущаго: «сущее есть (сказано тамъ) либо нѣчто безпредѣльное, либо нѣчто опредѣляющее, либо безпредѣльное и опредѣляющее вмѣстѣ». Раздѣлительная форма этого положенія показываетъ ясно, что въ немъ имѣлось въ виду высказать полную систему началъ. Очевидно, что изъ этихъ трехъ родовъ сущаго, послѣдній, въ которомъ вмѣстѣ съ безграничностью совмѣщается опредѣляющая сила, т. е. бытіе, само себя опредѣляющее, свободное, самовладѣющее, — соотвѣтствуетъ «причинѣ конечной». У позднѣйшихъ пиѳагориковъ, находившихся подъ вліяніемъ платонизма, это начало обозначается словомъ τὸ δέον, «должное, долженствующее быть» [1]). Безъ этого «должнаго» всякая

[1]) См. наприм. фрагменты Ѳеагеса пиѳагорейца у Орелли. Т. I, p. 319 sq. «.... οὐδὲν γὰρ ἄτερον ἀλαθινὰ ἀρετὰ, εἰ μὴ ἕξις τῶ δέοντος.... τὸ δὲ δέον

вещь, всякое дѣло есть хаосъ, въ которомъ нѣтъ ни мѣры, ни предѣла; «должное» устанавливаетъ средину, удерживаетъ крайности; съ наступленіемъ «должнаго» является во всемъ порядокъ, красота, космосъ.

Здѣсь будетъ умѣстно коснуться еще разъ одного древнѣйшаго ѳеолога, примыкающаго къ орфикамъ. Мы говоримъ о Ферекидѣ Сирскомъ. Выше упоминами мы объ немъ, и приводили его философемы. У него довольно ясно, хотя и въ миѳологической формѣ, высказываются тѣ же главныя начала философскаго мышленія. Эти начала, какъ мы уже видѣли, выражаются у него именами: Хѳоніи, Хроноса и Зевса [1]. Очевидно, что значеніе дѣйствующей причины изъ этихъ трехъ началъ принадлежитъ Хроносу; ибо въ системѣ Ферекида Хроносъ производитъ стихіи [2]. Значеніе Хѳона или Хѳоніи не менѣе очевидно: это начало матеріи. Что же касается до Зевса, то смыслъ, соединявшійся для Фередика съ этимъ именемъ, обнаруживается изъ слѣдующихъ словъ его, сохраненныхъ Климентомъ Александрійскимъ: «Зевсъ производитъ ткань великую и прекрасную, и на ней изображаетъ землю и Огенъ и обители Огеновы» [3]. Оставляя въ сторонѣ довольно темное слово Огенъ, укажемъ еще на одно мѣсто у Климента, относящееся къ Ферекиду и пополняющее вышеприведенныя слова: «Ткань производится на крылатомъ деревѣ» (дубѣ) [4]. Очевидно, что миѳологическому мышленію Ферекида подъ этимъ образомъ представлялась причина конечная, представлялись типы, долженствующіе осуществиться, міръ идей, предносящійся реальному происхожденію.

—

Прежде чѣмъ перейдемъ къ дальнѣйшей и послѣдней задачѣ нашей, сообразимъ главныя черты того процесса, который развивался въ мышленіи древнихъ «физіологовъ».

αὐτὸ ἐόν, ὅπερ δέει ἦμεν, καὶ ἄκρον ἂν ὑπάρχοι καὶ μέσον, ἄκρον μέν, ὅτι οὔτ' ἀφαιρέσιος οὔτε προσθέσιος δέεται, μέσον δὲ ὅτι μεταξὺ ἐντι τᾶς ὑπερβολᾶς καὶ τᾶς ἐλλείψιος. Ἔχει δὲ τὸ δέον καὶ μὴ δέον ποτ' ἄλλαλα οὕτως, ὥσπερ τὸ ἴσον καὶ ἄνισον, καὶ τὸ τεταγμένον καὶ ἄτακτον, ταῦτα δ' ἐντὶ ἀμφότερα τὸ πεπερασμένον καὶ τὸ ἄπειρον....»

1) Ζεὺς μὲν καὶ Χρόνος εἰς ἀεὶ καὶ Χθὼν ἦν. Χθονίῃ δὲ ὄνομα ἐγένετο Γῆ, ἐπειδὴ αὐτῇ Ζεὺς γέρας διδοῖ. Діог Л. I, 119.

2) Дамасцій de principiis c. 14. p. 257.... Τὸν δὲ χρόνον ποιῆσαι ἐκ τοῦ γόνου ἑαυτοῦ πῦρ καὶ πνεῦμα καὶ ὕδωρ....

3) Stromm. 6, p. 621: Φερεκύδης ὁ Σύριος λέγει· Ζὰν ποιεῖ φάρος μέγα τε καὶ καλόν. καὶ ἐν αὐτῷ ποικίλλει γῆν καὶ τὰ Ὠγήνου δώματα.

4) Ibid. p. 642 A. Τί ἐστιν ἡ ὑπόπτερος δρῦς καὶ τὸ ἐπ' αὐτῇ πεποικιλμένον φάρος; Вмѣсто «дуба» (δρῦς) у Максима Тирскаго сказано «дерево» (δένδρον). Dissert. XXIX p. 304. Dav. 3.

Этотъ процессъ, какъ мы видѣли, состоитъ въ преодолѣніи того первичнаго бытія, которое характеризуется какъ «огонь», бытія противоположнаго и враждебнаго живой природѣ. Первая фаза есть раздвоеніе этого бытія: съ одной стороны, или, если такъ можно выразиться, въ одной части своей оно оказываетъ духовныя активныя свойства (эѳиръ), въ другой — готовность перейдти въ бытіе страдательное (хаосъ). Различныя степени матеріализаціи, стихіи, являются различными степенями преодолѣнія первичнаго бытія. Огненное начало одѣвается «облакомъ», облекается «хитономъ» матеріи (выраженія орфическія, приведенныя выше [1]): но преодолѣваемое начало противится этой деградаціи. Возникаетъ борьба, — и все происходящее среди этой борьбы носитъ на себѣ отпечатокъ вражды и безпорядка [2]): эпоха хаотическаго броженія. Борьба въ своемъ продолженіи ознаменовывается противоположными торжествами. Въ этой борьбѣ начало, враждебное космосу, является, какъ гнѣвъ, вражда, споръ (*κότος, νεῖκος, ἔρις* Эмпед.); начало, устрояющее космосъ — гармонія (какъ у пиѳагорейцевъ, у Гераклита), любовь (*ἔρος*, какъ преимущественно у орфиковъ), дружба (*φιλία*, какъ у Эмпедокла). «На сколько споръ забѣжитъ впередъ, говоритъ Эмпедоклъ, — на столько подвигается и дружба, разумная, заботливая, съ безсмертнымъ стремленіемъ... Когда начало враждебное взойдетъ въ силу (*εἰς τῖμας*), тогда оно неотразимо какъ судьба... Во гнѣвѣ все несется розно... Когда же гнѣвъ низвергается въ преисподнюю глубину, и въ срединѣ утверждается дружба, тогда все сходится при всемъ разнообразіи въ одинъ цѣльный міръ... Въ дружбѣ все сходится и другъ друга желаетъ.»

Эта гармонія міра есть тотъ родъ бытія, въ которомъ противоположности совмѣщаются (безграничность сочетается съ опредѣляющею силою, какъ у Филолая), разумъ, разрѣшающій хаотическое смѣшеніе и выводящій все на свѣтъ въ надлежащемъ благоустройствѣ (какъ у Анаксагора).

[1]) *Νεφέλη*, облако, въ этомъ смыслѣ такъ же встрѣчается у орфиковъ, какъ и *χιτών*· См. между прочимъ Дамасція Quaest. p. 380. Облекаясь въ хитонъ тѣла, оно условливаетъ проявленія органической формы и сознанія. Такой смыслъ имѣютъ слѣдущія слова Эмпедокла· «Древній достопочтенный огнь (*τὸ ὠγύγιον πῦρ*), будучи заключенъ въ менингѣ (въ оболочкѣ мозга), излилъ, въ тонкихъ покровахъ, круглое чадо, зрящее око.»

[2]) *Ὦ δειλὸν θνητῶν γένος, ὢ δυσάνολβον*, — восклицаетъ Эмпедоклъ, — *ἐξ ἐρίδων ἔκ τε στοναχῶν ἐγένεσθε*! На языкѣ Эмпедокла *τὰ θνητὰ* означаетъ вообще «вещи, творенія, существа производныя».

IV.

Наша окончательная задача — представить очеркъ древнѣйшихъ системъ греческой философіи въ ихъ послѣдовательномъ преемствѣ, какъ моменты одного общаго развитія, какъ степени одной системы.

Здѣсь намъ предстоитъ открыть и высказать преобладающее понятіе каждой особой системы, и показать, какъ все въ системѣ подчиняется ему и съ нимъ согласуется. Въ первой части нашего труда мы касались только внѣшнихъ историческихъ данныхъ; изложивъ ихъ особо, мы безпрепятственно могли заняться вопросами, относящимися собственно къ мышленію, мы очистили мѣсто для внутренней исторіи философскихъ системъ. Затѣмъ, мы старались, при сличеніи всѣхъ системъ, всѣхъ фрагментовъ архаическихъ мыслителей, воспроизвести основныя черты той общей системы, которая проходила черезъ всѣ школы, и въ каждомъ мыслителѣ выражалась какимъ-либо изъ своихъ моментовъ. Мы пользовались фрагментами различныхъ системъ, какъ матеріаломъ для извлеченія изъ нихъ общей системы; отдѣльныя системы сливались для насъ въ общей. Теперь предстоитъ намъ обозначить отдѣльныя системы въ ихъ внутреннемъ различіи, которое скрывается гораздо глубже ихъ единства.

Первое мѣсто во внутреннемъ послѣдованіи системъ занимаютъ пиѳагорейцы, которые и въ хронологическомъ отношеніи должны быть относимы къ началу.

Намъ весьма часто приходилось упоминать о неподвижности пиѳагорейскаго ученія, о чисто традиціональномъ его характерѣ, объ отсутствіи того начала автономіи, которое только и даетъ философскому содержанію собственно философскій видъ, силу и значеніе. Соображая при этомъ хронологическія данныя, мы съ полнымъ основаніемъ можемъ принять пиѳагорейскую школу за самые отдаленные начатки философіи въ занимающій насъ періодъ. Правда, по хронологическимъ указаніямъ, къ самымъ первымъ начаткамъ относится также и ученіе Ѳалеса, или даже, какъ почти во всѣхъ курсахъ исторіи философіи, съ Ѳалеса начинается изложеніе философскихъ системъ. Мы также въ первой части нашего

труда, начали съ него при разсмотрѣніи данныхъ внѣшней исторіи. Но мы видѣли, какъ трудно установить съ совершенною точностію хронологическія отношенія того времени; при изученіи же внутренней исторіи системъ, вовсе не возможно и не должно основываться на этихъ отношеніяхъ; довольно брать ихъ только къ соображенію.

Пиѳагорейская школа потому уже носитъ на себѣ характеръ болѣе архаическій, чѣмъ Ѳалесъ и другіе однородные ему мыслители, что въ этой школѣ явственно высказывалось направленіе организовать изъ себя нѣчто подобное ѳеократической кастѣ; общее единство поглощало въ ней все индивидуальное, между тѣмъ какъ іонійскіе мыслители не стѣсняются никакимъ внѣшнимъ единствомъ: въ нихъ высказывается начало личной самостоятельности; въ ихъ жизни и мышленіи обнаруживается характеръ болѣе свѣтскій, свободный отъ всякихъ ѳеократическихъ влеченій. Уже это одно даетъ имъ, во внутренней послѣдовательности системъ, мѣсто не столь отдаленное, какъ то, которое занимаетъ пиѳагорейская школа; все заставляетъ видѣть въ нихъ выраженіе момента позднѣйшаго. Еслибы и дѣйствительно можно было несомнѣнно доказать, что Пиѳагоръ (лицо полумиѳическое) родился позднѣе Ѳалеса, то все же духъ, выразившійся въ пиѳагорейской школѣ, по своему значенію, принадлежитъ къ моменту болѣе отдаленному, и въ самомъ дѣлѣ, соприкасается съ такими сферами, которыя или вовсе не имѣютъ ничего общаго съ философіею, или должны быть относимы къ самымъ первымъ и почти безразличнымъ ея начаткамъ.

Но самый главный признакъ, по которому пиѳагорейскую школу должно относить къ отдаленнѣйшей эпохѣ, состоитъ въ томъ, что Пиѳагоръ и его непосредственные ученики ничего не писали и ничего не оставили, и что всѣ преданія объ нихъ носятъ характеръ таинственный и полумиѳическій. Главнымъ источникомъ для изученія пиѳагорейской мудрости служатъ фрагменты Филолая; но мы должны вспомнить, что Филолай жилъ и принадлежалъ къ пиѳагорейскому союзу, когда этотъ союзъ получилъ другое значеніе. Филолай былъ уже современникомъ Сократа. Извлекая изъ фрагментовъ Филолая данныя для характеристики пиѳагорейской школы, мы должны тѣмъ не менѣе видѣть въ немъ человѣка позднѣйшаго времени, который жилъ и мыслилъ посреди совершенно иной дѣйствительности. Хотя мысль его во многомъ сохранила архаическій характеръ; однако самое то, что онъ открыто училъ и излагалъ свое ученіе, свидѣтельствуетъ о присутствіи въ немъ другихъ, не совсѣмъ уже древне-пиѳагорейскихъ побужденій. Мно-

гія части его ученія, нѣкоторыя выраженія и мысли, не имѣемъ мы права непосредственно и безъ всякой критики относить къ первоначальной эпохѣ пиѳагорейскаго союза. Другіе же еще позднѣйшіе пиѳагорейцы находились явно, какъ намъ уже и приходилось замѣчать, подъ вліяніемъ Платоновой и даже Аристотелевой системы.

Вслѣдъ за этими пояснительными замѣчаніями приступимъ прямо къ дѣлу. Руководствуясь показанными признаками, мы начнемъ съ пиѳагорейской школы. Мы уже знакомы съ ея внѣшнею исторіей; намъ также извѣстны, изъ разсмотрѣнія общаго состава философскихъ представленій, ея философемы. Теперь постараемся уловить тотъ моментъ въ развитіи общей системы, который выражался въ системѣ пиѳагорейской и далъ ей отличительный характеръ.

При сличеніи всѣхъ пиѳагорейскихъ фрагментовъ, легко выясняется одна общая имъ всѣмъ черта: это математическая форма представленія. Эта черта оказывается уже при самомъ поверхностномъ взглядѣ на пиѳагорейскую школу, и была всѣми замѣчаема. Еще въ древности, первый историкъ философіи, Аристотель, говоритъ въ этомъ отношеніи слѣдующее [1]): «Такъ называемые пиѳагорейцы были особенно преданы математическимъ понятіямъ, и первые дали имъ ходъ; вращаясь въ этихъ понятіяхъ, они признавали математическія начала за начала всего сущаго.» Въ самомъ дѣлѣ, большая часть приведенныхъ уже нами отрывковъ пиѳагорейской мудрости запечатлѣны этимъ характеромъ, который Аристотель называетъ математическимъ. Припомнимъ прежде всего то значеніе, какое у Филолая имѣетъ понятіе числа [2]). Припомнимъ также, что всѣ главные термины пиѳагорейской философіи суть термины по преимуществу математическіе. Таковы, напримѣръ, монада (единица, единство), діада (двоица, двойство), и другія, отъ числъ заимствованныя наименованія; весьма обыкновенны также обозначенія геометрическія; наконецъ музыка, гармоника, въ своихъ ариѳметическихъ отношеніяхъ, и созерцаніе астрономическое, которое въ сущности совпадаетъ съ созерцаніемъ математическимъ: все это, повторяемъ заставляетъ, согласно съ Аристотелемъ, признать за пиѳагорейскою наукой математическій характеръ, какъ преимущественно ей свойственный.

Но отсюда одинъ шагъ (извѣстно, что до смѣшнаго и нелѣпаго одинъ шагъ) къ тому, чтобъ провозгласить Пиѳагора и его послѣдова-

[1]) Met. A. 5.

[2]) См. выше стран. 62 и 63.

телей за ученыхъ, которые съ успѣхомъ разрабатывали науки математическія и астрономію: любители этихъ столь полезныхъ знаній сложились въ одно общество для вящшихъ успѣховъ въ своихъ занятіяхъ; они вмѣстѣ дѣлали выкладки и повѣряли другъ друга, и производили астрономическія наблюденія; конечно, эти наблюденія еще весьма несовершенныя, но судя по невѣжеству того времени, когда еще не была издана въ свѣтъ Лапласова «Небесная Механика», и не существовало Россова телескопа, нельзя отказать имъ въ уваженіи. Къ сожалѣнію (прибавляютъ), они, несмотря на свои ученыя занятія, все еще оставались дѣтьми своего времени, и примѣшивали къ своимъ понятіямъ, къ своимъ математическимъ и астрономическимъ воззрѣніямъ, разнаго рода нелѣпости и миѳологическія бредни; рядомъ съ понятіями совершенно здравомысленными, вдругъ встрѣчаешь престранныя сумасбродства; вотъ, напримѣръ, какъ здраво толкуютъ они о движеніи земли: великая истина, провозглашенная въ новое время Коперникомъ, была имъ отчасти знакома, такъ что нельзя не подивиться, какъ далеко опередили они не только всѣхъ своихъ современниковъ, но даже всѣхъ ученыхъ, процвѣтавшихъ послѣ Пиѳагора въ продолженіе многихъ столѣтій, и даже тысячелѣтій; и что же, однако? все это и тому подобное зарыто у нихъ въ такихъ нелѣпостяхъ, что едва-едва изъ грубой массы всякаго рода сумасбродствъ, удается промыть нѣсколько крупинокъ чистаго золота: у тѣхъ же пиѳагорейцевъ встрѣтишь и какой-то центральный огонь, и Зевсовъ домъ, и Матерь боговъ, и какую-то область Олимпа, и миѳологическія божества, приводимыя въ связь съ геометрическими построеніями.

Подобныя разсужденія знакомы всѣмъ, кто знакомъ съ литературою исторіи философіи. Кстати, припомнимъ здѣсь одно особенно курьозное толкованіе пиѳагорейскаго ученія, изъ весьма извѣстнаго курса исторіи философіи. Генрихъ Риттеръ съ удивительною плодовитостію слова, съ ученою важностію, еще болѣе удивительною, и весьма краснорѣчиво, развиваетъ математическое воззрѣніе пиѳагорейцевъ слѣдующимъ образомъ: «Пиѳагорейская теорія чи-«селъ имѣетъ цѣлію объяснить тѣлесное изъ основъ не тѣлесныхъ: «эти основы суть математическія точки, которыя не суть еще тѣла, «и всѣ относящіяся сюда показанія убѣждаютъ насъ, что пиѳаго-«рейцы объясняли себѣ тѣлесное бытіе изъ точекъ, составляющихъ «послѣднее опредѣленіе тѣлъ, что̀ уже заключается въ самомъ вы-«раженіи: *предѣлъ*. Опредѣляющее вообще, по ихъ понятіямъ, отно-«сительно тѣлесныхъ вещей есть не что иное, какъ множество то-

«чекъ, которыя какимъ-либо образомъ слагаются въ пространствѣ; «и положеніе, что всѣ вещи состоятъ изъ чиселъ, въ нихъ содер-«жащихся, значитъ, что всѣ вещи сложены изъ точекъ, или простран-«ственныхъ единицъ, которыя въ совокупности составляютъ число.»

И эта галиматья развивается почтеннымъ историкомъ на многихъ страницахъ, и составляетъ главное содержаніе всей главы о пиѳагорейской философіи. Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи выписать отсюда еще нѣсколько строкъ, и просимъ замѣтить этотъ важный тонъ, эти тяжеловѣсные пріемы, съ которыми почтенный ученый разрабатываетъ свою плодотворную мысль, озарившую столь яркимъ свѣтомъ славную въ древности пиѳагорейскую мудрость. «Уяснивъ себѣ такимъ образомъ значеніе опредѣляющаго,» продолжаетъ Риттеръ,—«мы никакъ не можемъ затрудняться значеніемъ «безпредѣльнаго, противуположнаго опредѣляющему. Если опредѣ-«ляющее означаетъ самые крайніе концы, то безграничное озна-«чаетъ середину между предѣлами, промежутокъ.... Пиѳагорейцы «нуждались въ этомъ понятіи промежутка для того, чтобы пред-«ставить себѣ пространство наполненнымъ единичными числами. «Сами по себѣ эти единицы, въ воззрѣніи пиѳагорейцевъ, суть истин-«ныя геометрическія точки, слѣдовательно онѣ не тѣлесны, и еслибы «кто захотѣлъ сложить двѣ такія единицы, то изъ нихъ никакъ не «могло бы произойти тѣло, даже не могла бы возникнуть линія, ибо «слагая то, что̀ не имѣетъ протяженія, съ другимъ, тоже не имѣю-«щимъ протяженія, мы не получимъ протяженія. Отсюда ясно, какъ «необходимо было пиѳагорейцамъ другое начало для того, чтобы «произвести тѣло, имѣющее протяженіе по всѣмъ тремъ направле-«ніямъ... Это другое начало есть безграничное: вступая въ середину, «становясь промежуткомъ, оно образуетъ протяженіе.... Пиѳагорей-«цы представляли себѣ первую единицу окруженною безграничнымъ, «или пустымъ; безграничное было для нихъ мѣстомъ этой единицы. «Но съ тѣмъ вмѣстѣ допускали они въ этихъ столь между собою «разрозненныхъ противуположностяхъ стремленіе соединиться. Вслѣд-«ствіе этого, единица, начало опредѣляющее, притягиваетъ къ себѣ «и втягиваетъ въ себя ближайшую къ ней часть безпредѣльнаго. «Пиѳагорейцы называли это вдыханіемъ безконечнаго, или безконеч-«нымъ вдыханіемъ, посредствомъ котораго пустое входило въ міръ «и раздѣляло вещи. Отсюда ясно, что единица пиѳагорейцевъ перво-«начально представлялась какъ совершенно цѣльная, нераздѣльная «величина, способная однакожь, посредствомъ раздѣляющаго пустаго пространства, распасться на множество вещей. То же самое слѣ-

«дуетъ разумѣть и о безграничномъ: само по себѣ оно не имѣетъ «раздѣленія, дѣлится же на многія части лишь вслѣдствіе того, «что входитъ въ опредѣляющее» [1]).

Но довольно. Надобно признаться, что такое объясненіе само требуетъ объясненія, и едва ли не труднѣе можетъ быть объяснено, чѣмъ вся пиѳагорейская мудрость. Непонятная странность этого объясненія состоитъ именно въ ужасномъ, вопіющемъ смѣшеніи обыкновенныхъ, обиходныхъ представленій съ представленіями метафизическими. Единица, или точка находится въ безграничной сферѣ; втягиваетъ въ себя эту безграничность, распадается вслѣдствіе этого на многія вещи, и образуются тѣла и т. д. Спрашивается, въ какой головѣ могло родиться такое праздномысліе? Нельзя оговориться тѣмъ, что пиѳагорейцы принадлежатъ къ весьма отдаленному времени. Отдаленностью времени можно было бы объяснять лишь отдаленность мышленія, несходство его съ нашимъ, сочетаніе понятій намъ непривычное. Пиѳагорейцы могли въ своемъ мышленіи увлекаться интересами намъ чуждыми, и теряться въ воззрѣніяхъ, намъ непривычныхъ и не легко доступныхъ; — тѣмъ болѣе, что вообще философскія системы, даже намъ современныя, не легко даются, требуютъ особаго подготовленія и не могутъ быть разобраны посредствомъ обиходныхъ понятій. Но объясненіе, выше приведенное нами, представляетъ намъ этихъ древнихъ мыслителей какими-то мальчиками школьниками, которые отъ нечего дѣлать, по уходѣ учителя, умничаютъ надъ маленькимъ запасомъ своихъ математическихъ свѣдѣній. Est modus in rebus — и такой вздоръ не могъ бы прійдти въ голову ни одному зрѣлому человѣку, къ какому бы времени онъ ни принадлежалъ.

Возвратимся къ дѣлу. Замѣчаемый всѣми, математическій характеръ пиѳагорейской системы отнюдь не есть слѣдствіе того, что пиѳагорейцы занимались преимущественно математикой, или даже сколько-нибудь ею занимались. Напротивъ мы убѣждены, что они не могли ею заниматься, по той весьма уважительной причинѣ, что математика, какъ особая наука, извѣстная намъ подъ этимъ именемъ, въ ихъ время вовсе не существовала. Какъ у пиѳагорейцевъ, такъ и въ другихъ системахъ древности, напримѣръ у платониковъ, математическіе элементы являются въ такихъ сочетаніяхъ, въ такой связи, въ такомъ смыслѣ, которые не имѣютъ ничего общаго съ математикой. Постараемся объясниться какъ

[1]) Риттеръ, Geschichte der Philosophie alter Zeit. 2-te Aufl. Hamburg, 1836. Том. I, p. 405 sqq.

можно вразумительнѣе. Реченія одного и того же языка могутъ служить къ выраженію всевозможныхъ представленій, къ выраженію мыслей самыхъ разнородныхъ. Вотъ двѣ рѣчи, два смысла самые разнородные: разорвите связь реченій, отъ которой зависитъ опредѣленный смыслъ, данный имъ въ рѣчи, — и вы получите неопредѣленные элементы, готовые войдти въ любое сочетаніе, принять всякій смыслъ и духъ. Одно и то же слово, употребленное въ различныхъ или противоположныхъ сочетаніяхъ, оказываетъ различную или противоположную силу. Термины математическіе, прежде чѣмъ образовалась особая наука, носящая это именованіе, не могутъ имѣть той связи, того смысла, того духа, какой имѣютъ они въ этой наукѣ. Тѣ представленія, изъ которыхъ развивалась область особаго вѣдѣнія математики, существовали прежде этого вѣдѣнія, — а потому требуется, чтобы критикъ, изучающій отдаленное мышленіе, смотрѣлъ на эти термины не какъ на термины, изъ математики взятые; требуется, чтобы онъ умѣлъ отвлечься отъ того спеціальнаго значенія, отъ того духа, какой имѣютъ они въ математикѣ, какъ спеціальной наукѣ; онъ долженъ перенестись въ то созерцаніе, которое существовало прежде всякой математики и даже прежде всякой спеціальной науки. Слова «число», или «единица», или «двоица» и т. д. употребляются пиѳагорейцами совсѣмъ въ иномъ духѣ, нежели въ математикѣ, и никакъ не должно соблазняться тѣмъ, что тѣ же слова служатъ собственно математическими терминами; въ противномъ случаѣ неминуемо произойдутъ нелѣпости въ родѣ тѣхъ, какія привели мы выше для образца: математическая точка, вдыхающая въ себя безграничное и пустое пространство, и т. п. Виновники этихъ нелѣпостей, вовсе нечувствуя своего авторства, съ похвальною скромностію приписываютъ ихъ самимъ мыслителямъ.

Итакъ, усматривая въ пиѳагорейскомъ мышленіи этотъ, такъ называемый, математическій характеръ, мы должны устранить и самую тѣнь математики, какъ особой науки. Въ этомъ преобладаніи математическихъ терминовъ мы должны видѣть нѣчто другое. Если пиѳагорейцы употребляли выраженія, какъ единица, или единство, двойство или двоица, и т. п., то и мы во многихъ случаяхъ употребляемъ эти самыя выраженія вовсе не въ смыслѣ собственно математическихъ терминовъ.

При этомъ должны мы сообразить еще слѣдующее обстоятельство. Пиѳагорейцы непосредственно соприкасались съ мистеріями и ѳеологическими сказаніями. Вотъ почему умозрѣніе ихъ по своему

содержанію далеко превосходитъ ту точку зрѣнія, на которой могли находиться они какъ мыслители. Многія положенія, встрѣчаемыя въ пиѳагорейскихъ фрагментахъ и уже знакомыя нашимъ читателямъ, не составляютъ исключительной принадлежности пиѳагорейской школы. Надобно отличать общій смыслъ этихъ положеній отъ того особеннаго, собственно пиѳагорейскаго характера, какой принимаютъ они у этихъ мыслителей, и весьма часто общее значеніе этихъ положеній, ихъ первоначальное содержаніе, находится въ совершенномъ разладѣ съ этимъ особымъ примѣненіемъ. Намъ весьма часто приводилось говорить о преобладающей склонности пиѳагорейцевъ давать всему астральное (не говоримъ астрономическое, во избѣжаніе недоразумѣній) значеніе. Довольно припомнить то значеніе, какое получила у нихъ идея центральнаго единства, центральнаго огня. Въ самомъ дѣлѣ, эта идея, явно почерпнутая изъ ѳеологическихъ сказаній, не можетъ никакъ, по своему первоначальному смыслу, согласоваться съ тѣмъ примѣненіемъ, съ тѣмъ особеннымъ значеніемъ, въ какомъ встрѣчается у Филолая [1]). Вотъ это-то особенное значеніе и надобно слѣдить для уясненія особеннаго значенія пиѳагорейской мысли, и достаточно весьма легкаго наведенія, чтобы оно обнаружилось само собою.

Всего лучше можетъ познакомить насъ съ точкою зрѣнія пиѳагорейцевъ собственное ихъ воззрѣніе на міръ.

Пиѳагорейскій міръ есть не что иное, какъ пространство неба съ его неизмѣнными и вѣчными движеніями. Сюда былъ устремленъ умственный взоръ пиѳагорейцевъ; все прочее примѣшивалось къ ихъ воззрѣнію случайно, болѣе или менѣе подлаживаясь къ его тону. Вращаясь въ этихъ сферахъ, мысль ихъ сама собою принимала тотъ математическій характеръ, который такъ бросается въ глаза при первомъ взглядѣ на пиѳагорейскую школу. Тому центральному единству, той внутренней гармоніи, о которой сейчасъ мы упоминали, противополагается у пиѳагорейцевъ верхняя область (τὰ ἀνωτάτω), подъ именемъ Олимпа. Что идея этой «внутренней гармоніи» не есть существенная принадлежность пиѳагорейской системы, а лишь случайно примѣшалась къ ней изъ мышленія совсѣмъ иного порядка, — это достаточно доказывается уже тѣмъ, что она не имѣетъ никакихъ послѣдствій въ самой этой системѣ. Принимая эту идею, пиѳагорейцы не знаютъ, куда ее дѣть. Заставляя обращаться вокругъ этого центральнаго огня все небо, планеты,

[1]) См выше стран. 71

солнце, луну, землю и противоземіе, они забываютъ его, и сами, повинуясь влеченію своей мысли, уносятся въ свою верхнюю область, въ пустынную гармонію ея числъ и движеній. Несмотря на таинственное и какое-то великое значеніе центральнаго единства, оно, можно сказать, не имѣетъ у нихъ мѣста, — и хотя верхняя область такъ-называемаго ими Олимпа противоположна этому внутреннему бытію, этому дому Дія, въ ней однако полагаютъ они все божественное. Здѣсь вращаются, говоритъ Филолай, по свидѣтельству Стобея, девять божественныхъ тѣлъ: небо, планеты и съ ними солнце, луна, земля и противоземіе. Верхняя область есть бытіе чистое, свободное отъ стихійныхъ измѣненій и смѣшеній (εἰλικρίνεια τῶν στοιχείων). Еще какъ бы выше Олимпа, пиѳагорейцы полагаютъ то безграничное огненное начало, тотъ внѣшній духъ, о которомъ была у насъ рѣчь при изложеніи общей системы. Этотъ огонь есть первый моментъ въ физіологической системѣ, за которымъ непосредственно слѣдуетъ Олимпъ пиѳагорейскій. Этотъ Олимпъ есть не что̀ иное, какъ небесная твердь: миріады непрерывно вращающихся (бѣгающихъ) силъ. Къ Олимпу, къ небесной области въ тѣснѣйшемъ значеніи, примыкаютъ низшія области планетъ, солнца, луны, земли и противоземія. Собственно говоря, и эти области существенно не отличаются, въ глазахъ пиѳагорейцевъ, отъ вѣчно-движущихся силъ небесной тверди. Земля имѣла для нихъ преимущественно звѣздное значеніе. Они отвлекали отъ ея значенія стихійнаго, или обращали на него гораздо меньшее вниманіе. Бытіе стихійное и собственно физическое, область подлунная, «гдѣ господствуютъ производительныя силы, любящія измѣненіе», область движенія и жизни, не привлекала къ себѣ ихъ мышленія; вся эта область, въ ихъ глазахъ, не имѣла никакого интереса для разума. «Мудрость», говоритъ Филолай, по свидѣтельству Стобея [1]), «мудрость относится лишь къ верхней области (къ области метеоровъ, какъ выражались пиѳагорейцы, разумѣя подъ этимъ словомъ не то, что̀ мы обыкновенно подъ нимъ разумѣемъ, но міръ астральный, небо съ его движеніями); а въ той области, гдѣ раждаются и происходятъ вещи, можетъ возникнуть только доблесть». Къ верхней области собственно относилось названіе космоса, порядка; а бытіе измѣняющееся было въ ихъ глазахъ областью безпорядка (ἡ ἀταξία). Смыслъ приведеннаго мѣста очевиденъ. Филолай хочетъ сказать, что разумъ, мышленіе, философія (мудрость) исключительнымъ предметомъ сво-

[1]) Стобей Ecl. phys. p. 494.

имъ имѣютъ лишь міръ астральный; что̀ же касается до подлуннаго міра превращеній и измѣненій, то для разума онъ какъ бы не существуетъ; теоретическаго значенія онъ не имѣетъ, а имѣетъ лишь практическое значеніе: тутъ лишь поприще для дѣятельности (доблести), а не для знанія (мудрости). «Мудрость совершенна», прибавляетъ Филолай, «а доблесть не совершенна».

Итакъ непрерывныя и неизмѣнныя движенія небесныхъ сферъ были исключительнымъ предметомъ пиѳагорейской мудрости. Теорія чиселъ и гармоника находили здѣсь себѣ ближайшее примѣненіе. Пиѳагорейцы опредѣляли отношенія и взаимную зависимость небесныхъ сферъ интервалами своей музыкальной гармоніи. Астральныя кругообращенія производили, — какъ пиѳагорейцы были убѣждены, — звуки, гармонію, — и если мы не слышимъ этой гармоніи, прибавляли они, то это потому, что мы постоянно и непрерывно, отъ самой колыбели, слышимъ ее; такъ какъ весь міръ являлся ихъ умозрѣнію миріадами круговращающихся сферъ, и земля не имѣла для нихъ иного значенія, кромѣ астральнаго, то ученіе о движеніи земли весьма естественно возникаетъ въ пиѳагорейской школѣ. Вовсе неудивительно, что пиѳагорейцы толковали о круговращеніи земли, между тѣмъ какъ другіе, современные имъ или даже позднѣйшіе мыслители ничего объ этомъ движеніи не говорятъ. Круговращеніе земли было, если такъ можно выразиться, навязано пиѳагорейцамъ ихъ точкою зрѣнія; они были вынуждены къ этому представленію самымъ свойствомъ своего мышленія, тѣмъ моментомъ общей системы, которому они служили выразителями.

У Стобея сохранился одинъ весьма интересный фрагментъ изъ книги Филолая, къ сожалѣнію, очень испорченный и перемѣшанный съ выраженіями самого пересказчика. Благодаря Беку, это мѣсто читается теперь довольно легко и со смысломъ. Мы приведемъ изъ него существенныя черты, которыя дополнятъ намъ характеристику пиѳагорейскаго воззрѣнія на міръ:

Въ мірѣ, единомъ и цѣльномъ, есть область движенія и область измѣненія. Тамъ, гдѣ господствуетъ движеніе, нѣтъ измѣненія. Область неизмѣннаго бытія простирается отъ души, объемлющей всецѣлое, до луны; область измѣняемаго—отъ луны до земли. Движущее совершаетъ свое круговратное движеніе (περιπολεῖ) отъ вѣка до вѣка: это астральныя существа. Существа подлунной области подчинены движенію астральныхъ существъ. Бытіе астральное есть бытіе вѣчно-движущееся, вѣчно-бѣгущее; ему противоположно бы-

тіе вѣчно-страдательное (вещественное). Первое есть поприще разума и души; послѣднее — мѣсто происхожденія (рожденія) и измѣненія. Первое есть бытіе высшее, божественное, господствующее; послѣднее — бытіе низшее, подчиненное. Первое остается вѣчно себѣ равнымъ и тождественнымъ; а бытіе раждающееся и умирающее множественно (многообразно). Міръ астральный есть міръ силъ (τὰ θεῖα), невещественный, непрерывно и вѣчно движущійся. Въ мірѣ подлунномъ все раждается и умираетъ [1]). — Душа въ человѣкѣ подобна тѣмъ вѣчнымъ силамъ, которыя неизмѣнно совершаютъ свой круговратный бѣгъ. Какъ начало вѣчно-движущееся, она есть то же, что̀ и всякая астральная сила [2]).

Изо всего приведеннаго ясно оказывается, какой моментъ общей физіологической системы преимущественно выразился въ пиѳагорейской школѣ. При изложеніи общей системы мы видѣли, что представленіе безграничнаго бытія, духа, полагаемаго въ основу космоса, непосредственно вело къ представленію безчисленнаго множества силъ, наполняющихъ небо и преданныхъ вѣчному бѣгу и движенію. Философское мышленіе пиѳагорейцевъ поглощено созерцаніемъ этого астральнаго міра. Все прочее, что̀ встрѣчается въ ихъ мышленіи, занесено въ него изъ ѳеологическихъ представленій; ибо пиѳагорейцы были особенно близко къ этой области, и столько же, если не болѣе, принадлежатъ ей, сколько философіи. Но относительно ѳеологическихъ представленій они, какъ видно изъ всего, были лишь передавателями даннаго; между тѣмъ какъ въ области своихъ от-

[1]) Stob. Ecl. Phys. p. 422. Ἔχει δὲ καὶ «τὰν ἀρχὰν τᾶς κινάσιός τε καὶ μεταβολᾶς ὁ κόσμος εἷς ἐὼν καὶ συνεχὴς καὶ φύσι διαπνεόμενος καὶ περιαγεόμενος ἐξ ἀρχιδίω.» καὶ τὸ μὲν «ἀμετάβλαστον» αὐτοῦ, τὸ δὲ «μεταβάλλον» ἐστί· καὶ τὸ μὲν ἀμετάβολον «ἀπὸ τᾶς τὸ ὅλον περιεχούσας ψυχᾶς μέχρι σελάνας» περαιοῦται, τὸ δὲ μεταβάλλον «ἀπό τᾶς σελάνας μέχρι τᾶς γᾶς.» ἐπεὶ δέ γε «καὶ τὸ κινέον ἐξ αἰῶνος ἐς αἰῶνα περιπολεῖ, τὸ δὲ κινεόμενον ὡς τὸ κινέον ἄγει,» οὕτω διατίθεσθαι· «ἀνάγκα τὸ μὲν ἀεικίνατον, τὸ δὲ ἀειπαθὲς εἶμεν, καὶ τὸ μὲν νόω καὶ ψυχᾶς ἀνάχωμα πᾶν, τὸ δὲ γενέσιος καὶ μεταβολᾶς· καὶ τὸ μὲν πρᾶτον τᾷ δυνάμει καὶ ὑπερέχον, τὸ δ' ὕστερον καὶ καθυπερεχόμενον· τὸ δ' ἐξ ἀμφοτέρων τούτων τῶ μὲν ἀεὶ θέοντος θείω, τῶ δὲ ἀεὶ μεταβάλλοντος γεννατῶ, κόσμος.» διὸ καὶ «καλῶς ἔχειν» ἔλεγε «κόσμον εἶμεν ἐνέργειαν ἀΐδιον θεῶ τε καὶ γενέσιος κατὰ συνακολουθίαν τᾶς μεταβλαστικᾶς φύσιος.» καὶ ὁ μὲν ἐς ἀεὶ διαμένει κατὰ τὸ αὐτὸ καὶ ὡσαύτως ἔχων, τὰ δὲ καὶ γινόμενα καὶ φθειρόμενα.

[2]) Мы присоединяемъ, для пополненія этого филолаевскаго мѣста, философему Алкмеона, близкаго къ пиѳагорейцамъ, сохраненную Аристотелемъ. De anima I, 2. Ἀλκμαίων φησὶ ψυχὴν ἀθάνατον εἶναι διὰ τὸ ἐοικέναι τοῖς ἀθανάτοις· τοῦτο δ' ὑπάρχειν αὐτῇ ὡς ἀεὶ κινουμένῃ· κινεῖσθαι δὲ καὶ τὰ θεῖα ἅπαντα συνεχῶς ἀεὶ, σεληνην, ἥλιον, ἀστέρας καὶ τὸν οὐρανὸν ὅλον.

влеченныхъ созерцаній астральнаго міра, они являются самодѣятельными мыслителями. Въ каждомъ мыслителѣ есть начало, въ которомъ сосредоточиваются его умственныя силы, и къ этому началу тяготѣетъ невольно все, чего онъ ни касается. Понятіе астральнаго міра, съ его неизмѣнными и вѣчными движеніями, было самостоятельнымъ понятіемъ пиѳагорейской школы, — и мышленіе ихъ само собою, подъ вліяніемъ этого понятія, выражалось въ математическихъ формахъ, въ числовыхъ отношеніяхъ. Математическія отношенія раскрываются именно лишь въ созерцаніи безграничнаго пространства и времени; здѣсь мѣсторожденіе математическихъ понятій; отсюда, отъ этого созерцанія, они первоначально отвлечены.

Перейдемъ теперь къ мыслителямъ іонійскимъ. Если въ пиѳагорейской школѣ встрѣчаемъ мы господство астрально-математическаго созерцанія, то у древнѣйшихъ спорадическихъ мыслителей Іоніи, Ѳалеса, Анаксимандра, Анаксимена, Гераклита, замѣтно, какъ это созерцаніе смѣняется другимъ. Въ ихъ мышленіи господствуетъ представленіе стихійныхъ переходовъ космической субстанціи. Въ пиѳагорейскомъ мышленіи основное бытіе вращается какъ миріады астральныхъ силъ; въ мышленіи четырехъ поименованныхъ Іонійцевъ совершается матеріялизація космической субстанціи: она переходитъ изъ одной стихіи въ другую. Созерцаніе этихъ переходовъ преимущественно занимаетъ ихъ умы. Почти всѣ уцѣлѣвшіе отъ нихъ фрагменты относятся къ этому созерцанію. Бытіе безграничное (учили они) постепенно переходитъ изъ одного состоянія въ другое, овеществляется, теряетъ самостоятельность, гаснетъ, и погасая, даетъ мѣсто вещамъ, природѣ. Вода есть смерть того огня; ею открывается возможность бытія вещественнаго; вода умираетъ въ землѣ, — и земля выражаетъ собою здѣсь не что иное, какъ начало этого вещественнаго бытія. Земля для іонійскихъ мыслителей имѣетъ не астральное, а стихійное значеніе. Вотъ почему они ничего не говорятъ о круговращеніи земли; вотъ почему она не теряется для нихъ въ миріадахъ небесныхъ тѣлъ, вращающихся вокругъ таинственнаго центра. Повсюду чувствуешь, что представленіе астральнаго бѣга не сосредоточиваетъ въ себѣ ихъ мышленія, не есть для нихъ представленіе центральное. Они говорятъ о «небесныхъ богахъ», разумѣя подъ ними звѣздныя начала, но какъ о чемъ-то для ихъ мышленія постороннемъ. Это представленіе вовсе не дѣйствуетъ и не обнаруживается никакими послѣдствіями въ ихъ системахъ. Даже въ самомъ созерцаніи неба, сторона математическая, или, лучше

сказать астральная, уступаетъ въ нихъ мѣсто сторонѣ физической, или стихійной. Земное начало не только не подчиняется астральному, но является даже съ какимъ-то преимуществомъ передъ нимъ. Согласно съ Гесіодовскою космогоніею, у нихъ земля раждаетъ небо; изъ земли возникаетъ самое вещество звѣздъ [1]); земля даетъ тотъ хитонъ, въ который облекаются невещественныя движенія, наполняющія пустыню неба. Земля, равно какъ и вода, имѣетъ для нихъ значеніе не особой планеты, но извѣстнаго рода бытія. Въ созерцаніи своемъ они останавливаются на представленіи воды и земли, въ которыхъ умираетъ предкосмическій огонь, и даетъ мѣсто рожденію вещей. Но какъ предшествующій моментъ астральнаго бытія не увлекаетъ ихъ мышленія, такъ и это послѣдующее рожденіе вещей остается для ихъ мышленія только крайнимъ терминомъ, за который оно не простирается. Матеріялизируя субстанцію, низводя ее до этого крайняго термина, они снова разрѣшаютъ оковы ея плѣна; «путь внизъ» безпрерывно смѣняется у нихъ «путемъ верхъ». Мысль этихъ спорадическихъ Іонійцевъ занята безпрерывными переходами; она не успокоивается ни на чемъ, и едва достигаетъ своего крайняго термина, какъ снова поднимается къ первоначальному состоянію; предкосмическій огонь умираетъ въ водѣ и землѣ, но огонь загорается снова, и въ немъ умираютъ начатки природы. Это безпрерывное нисхожденіе и восхожденіе, это безостановочное колебаніе между смѣняющимися состояніями, это вѣчное возниканіе и изчезаніе— вотъ міръ Ѳалеса, Анаксимандра, Анаксимена, Гераклита. Это броженіе, эта «текучесть» составляетъ жизнь и душу ихъ мышленія. Съ особенною ясностію выражается этотъ характеръ въ послѣднемъ изъ четырехъ. Стóитъ только взглянуть на отрывки Гераклитовой рѣчи , — этотъ характеръ рѣзко бросится самъ собою въ глаза. Гераклитъ — пишутъ объ немъ древніе — не признаетъ никакого покоя, ничто не удерживается имъ, ничто не пребываетъ, и все течетъ. Эта Гераклитовская «текучесть» обратилась даже въ пословицу.

Нисколько не удивительно, что въ Гераклитѣ рѣзче, чѣмъ въ прочихъ трехъ мыслителяхъ, принадлежащихъ къ одному съ нимъ воззрѣнію, высказывается это воззрѣніе. Гераклитъ является во всемъ съ характеромъ необыкновенно энергическимъ. Онъ сильнѣе

[1]) Γεγονέναι δέ (Ἀναξιμένης φησὶ) τὰ ἄστρα ἐκ γῆς διὰ τὸ τὴν ἰκμάδα ἐκ ταύτης ἀνίστασθαι, ἧς ἀραιουμένης τὸ πῦρ γίνεσθαι, ἐκ δὲ τοῦ πυρὸς μετεωριζομένου τοὺς ἀστέρας συνίστασθαι. Ориг. Philosoph. c. 7.... Καὶ τὸν ἥλιον καὶ τὴν σελήνην καὶ τὰ λοιπὰ ἄστρα τὴν ἀρχὴν τῆς γενέσεως ἐκ γῆς ἔχειν. Плутархъ у Евсевія Praep. Evang. I, 8. См. также Ориг. Philosoph. c. 6. Стобея Ecl. Phys. I, p. 500.

прочихъ, и въ немъ все высказывается съ особенною силою. Онъ мыслитель первостепенный, и естественно, что въ немъ должна была сосредоточиться вся сила того момента физіологической системы, котораго онъ былъ представителемъ. Три остальные мыслителя слишкомъ блѣдны, и заслоняются Гераклитомъ. Первенство Гераклита между ними не слѣдуетъ объяснять тѣмъ, что отъ него осталось болѣе фрагментовъ, чѣмъ отъ прочихъ. Напротивъ, потому-то онъ и оставилъ по себѣ болѣе богатую память, что былъ ихъ богаче. Мы съ своей стороны увѣрены, что въ фрагментахъ древнѣйшихъ мыслителей и преданіяхъ объ ихъ ученіи сохранилось все характеристическое и существенное.

Но признавая Гераклита полнѣйшимъ и лучшимъ выразителемъ того воззрѣнія, которое родило его съ Θалесомъ, Анаксимандромъ и Анаксименомъ, мы не хотимъ однако забыть за нимъ этихъ послѣднихъ. Сходясь въ одномъ общемъ воззрѣніи, они однако и разнятся между собою. Какъ ни зыбки ихъ очертанія, какъ ни скудна память объ нихъ, можно однакоже, если внимательно всматриваться, открыть въ нихъ нѣкоторыя особенности. Постараемся по возможности характеризировать этихъ четырехъ физіологовъ, или лучше сказать, стихіологовъ, заимствуя характеристическія черты изъ ихъ собственныхъ фрагментовъ, или изъ преданія объ ихъ мышленіи.

Мысль Θалеса кажется какъ бы недавно вышедшею изъ экстатическаго состоянія, и еще полною воспоминанія объ немъ. «Все въ мірѣ исполнено душъ и демоническихъ силъ; все исполнено духовъ и отшедшихъ душъ (героевъ, какъ называлъ ихъ Θалесъ) [1].» Этимъ созерцаніемъ силъ и началъ еще какъ бы подавлено понятіе бытія пассивнаго, вещественнаго, несущественнаго: недаромъ преданіе умѣло сохранить о мышленіи древняго милетскаго мудреца только это слово, похожее на невольное восклицаніе, да еще скудное слово о водѣ [2]). Дѣло не въ томъ, что Θалесъ имѣлъ представленіе объ этихъ силахъ, объ этихъ демоническихъ существахъ, дѣло только въ томъ, что Θалесъ былъ менѣе ихъ свободенъ отъ этого представленія; дѣло въ томъ, что понятіе пассивнаго и не существеннаго бытія, понятіе τοῦ μὴ ὄντος, несущаго, которое какъ бы открываетъ мѣсто для логическаго мышленія, и даетъ ему самостоятельное отношеніе къ міру, было въ немъ явленіемъ недав-

[1]) Аристотель de Anima I, 5 p. 411. Діогенъ Лаертій I, 27. Сл. Аθенагора Legat. c. 21.

[2]) Плутарха de Plac. I, 3: Стобей Ecl. ph. I p. 290. Іустинъ мученикъ Cohort. ad. Gr. p. 7. ed Par. Сл. Аристотеля Metaph. 1, 3.

нимъ и не имѣло еще значительной силы. Оно едва высказывается въ смутной и скудной философемѣ о водѣ, какъ началѣ рожденія вещей [1]. Будь эта философема словомъ установившейся и крѣпкой мысли, она бы уцѣлѣла въ собственномъ видѣ или въ болѣе полномъ преданіи. Эта-то неопредѣленность мысли и сообщаетъ Θалесу, какъ физіологу, характеръ по преимуществу архаическій въ сравненіи съ другими однородными мыслителями.

Войдемъ теперь въ міръ Анаксимандра. Основа всему, которую, какъ свидѣтельствуетъ преданіе, Анаксимандръ первый обозначилъ общимъ именемъ *начала* (ἀρχή) [2], имѣющаго здѣсь значеніе субстанціи (τοῦ ὑποκειμένου), основа всему — «безграничное». Умъ Анаксимандра погруженъ въ это «безграничное», въ это «начало», въ это «не старѣющее, не умирающее, не гибнущее и все обдержащее [3]»; онъ ничего не знаетъ о происхожденіи этого бытія, оно для него непосредственно данное, не производное. Изъ нея, изъ этой безграничной субстанціи все происходитъ, всѣ небеса и всѣ міры въ нихъ, и въ нее же все обращается....» [4] Но вмѣстѣ съ безграничною субстанціею непосредственно представляется ему и сила вѣчнаго движенія». Если все происходитъ изъ этого основнаго бытія, смягчаемаго до пассивной влажности, то все происходитъ силою движенія. Это движеніе характеризуется у Анаксимандра, какъ «чинъ, порядокъ времени [5]». Силою движенія возникаютъ въ «безграничномъ» опредѣленія; движеніе выдѣляетъ въ немъ противоположности, вноситъ въ него различіе; словомъ, это движеніе, это время, представляется, какъ сила процесса [6]. Но съ другой стороны, мысль

[1]) Симплицій in Phys. f. 6. Оригенъ Philosoph. c. 6.

[2]) Аристот. Phys. Ausc. III, b. 4 p. 203, 4. Ориг. l. l.... *ἀΐδιον εἶναι καὶ ἀγήρω, ἣν καὶ πάντας περιέχειν τοὺς κόσμους.*

[3]) Плутархъ у Евсевія Pr. Fv. *ἐξ οὗ δή φησι τούς τε οὐρανοὺς ἀποκεκρῖσθαι καὶ καθόλου τοὺς ἅπαντας ἀπείρους ὄντας κόσμους.*

[4]) Гермій Irris. c. 4.... *'Αναξίμανδρος τοῦ ὑγροῦ πρεσβυτέραν ἀρχὴν εἶναι λέγει τὴν ἀΐδιον κίνησιν, καὶ ταύτῃ τὰ μὲν γεννᾶσθαι τὰ δὲ φθείρεσθαι.* Симплицій in Phys. f. 9, b. *τὴν ἀΐδιον κίνησιν αἰτίαν εἶναι τῆς τῶν ὄντων γενέσεως — ἔλεγεν.*

[5]) Приведемъ здѣсь немногія уцѣлѣвшія слова самого Анаксамандра, у Симпл. in Phys. f. 6: «*ἐξ ὧν δὲ ἡ γένεσίς ἐστι τοῖς οὖσι, καὶ τὴν φθορὰν εἰς ταῦτα γίνεσθαι κατὰ τὸ χρεών· διδόναι γὰρ αὐτὰ τίσιν καὶ δίκην ἀλλήλοις τῆς ἀδικίας κατὰ τὴν τοῦ χρόνου τάξιν.*» т. е. «Откуда происходятъ сущія, туда же и гибнутъ по необходимости, воздавая другъ другу возмездіе за уклоненіе отъ праваго пути, по чину времени».

[6]) Аристотель Phys. ausc. I, 4. *ὡς δ' οἱ φυσικοὶ λέγουσι, δύο τρόποι εἰσίν, οἱ μὲν γάρ.... οἱ δ' ἐκ τοῦ ἑνὸς ἐνούσας τὰς ἐναντιότητας ἐκκρίνεσθαι, ὥσπερ 'Αναξίμανδρός φησι,* cf. Симплицій in Arist. phys. f. 32. B. f. 6.

Анаксимандра еще не ясно усматриваетъ силу процесса. Понятіе движенія, въ смыслѣ процесса, здѣсь еще слишкомъ неопредѣленно и сомнительно. Есть многое въ Анаксимандровомъ движеніи, доказывающее, что онъ понималъ движеніе въ смыслѣ поступательномъ, какъ процессъ. «Безграничное» силою того, что̀ Анаксимандръ называетъ «вѣчнымъ движеніемъ», измѣняется; въ немъ возникаютъ качественныя различія; изъ нѣдръ его выдѣляются противоположности, обозначаемыя преимущественно словами «теплаго и холоднаго, сухаго и влажнаго[1])»: это ходъ матеріялизаціи. Мы уже знакомы съ этими противоположностями изъ разсмотрѣнія общей системы. Теплое и холодное здѣсь все равно, что̀ положительное и отрицательное. Въ первомъ выражается стремленіе космогоническаго начала удержаться въ своей силѣ; во второмъ необходимое тяготѣніе, лишающее его духовныхъ свойствъ и низводящее его на степень простой среды для осуществленія космоса, на степень вещества. Еще болѣе оказывается это значеніе движенія, какъ процесса изъ того, что оно совпадаетъ съ понятіемъ времени, которымъ выдѣляется и выводится на свѣтъ все скрытое во мракѣ первичнаго бытія. Но съ другой стороны мы замѣчаемъ, что мысль Анаксимандра не можетъ еще удержаться на понятіи процесса; она невольно впадаетъ въ круговратное движеніе[2]).

Слѣды астральнаго воззрѣнія замѣтны еще у Анаксимандра въ этихъ небесахъ, въ этихъ небесныхъ богахъ[3]); но видно также, что это воззрѣніе есть для него какъ бы прошедшій моментъ. Стихійное явно уже преобладаетъ у него надъ астральнымъ[4]). Мысль

[1]) Симплицій in Phys. f. 32. b.... ἐναντιότητες δέ εἰσι θερμὸν ψυχρὸν ὑγρὸν καὶ αἱ ἄλλαι.

[2]) Плутархъ у Евсевія pr. Ev. .. τὴν φθορὰν γίνεσθαι καὶ πολὺ πρότερον τὴν γένεσιν ἐξ ἀπείρου αἰῶνος ἀνακυκλουμένων πάντων αὐτῶν.

[3]) Стобей Ecl. Phys. p. 56.... τοὺς ἀπείρους οὐρανοὺς θεούς. Плутархъ Placit. I, 7, 11.... τοὺς ἀστέρας οὐρανίους θεούς.

[4]) Плутархъ у Евсевія Pr. Ev. I, 8. φησὶ δὲ τὸ ἐκ τοῦ ἀϊδίου γόνιμον θερμοῦ τε καὶ ψυχροῦ κατὰ τὴν γένεσιν τοῦδε τοῦ κόσμου ἀποκριθῆναι, καί τινα ἐκ τούτου φλογὸς σφαῖραν περιφῦναι τῷ περὶ τὴν γῆν ἀέρι, ὡς τῷ δένδρῳ φλοιόν. ἧστινος ἀποῤῥαγείσης καὶ εἴς τινας ἀποκλεισθείσης κύκλους ὑποστῆναι τὸν ἥλιον καὶ τὴν σελήνην καὶ τοὺς ἀστέρας. Θеодоритъ Serm. IV. p. 530. συστήματα ἄττα τοῦ ἀέρος ἔφη τρυχοειδῶν πεπελημένα πυρὸς ἔμπλεα εἶναι (τὰ ἄστρα).... cf. Стобея Ecl. phys. p. 510. Оригена Phylosoph. c. 6. Изъ этихъ свидѣтельствъ, при всей ихъ ихъ смутности, совершенно явствуетъ, что мысль Анаксимандра была преимущественно обращена не столько на астральную, сколько на стихійную сторону бытія. Но въ нашихъ глазахъ особенно въ этомъ отношеніи интересно слѣдующее мѣсто изъ Стобея (Ecl. Phys. p. 500): Ἀναξίμανδρος (φησι) ἐκ θερμοῦ καὶ ψυχροῦ μίγματος (τὸν οὐρανὸν εἶναι), т. е. «по воззрѣнію Анаксимандра, небо есть смѣсь теплаго и холоднаго.» Нельзя сомнѣваться въ значеніи этой смѣси теплаго и холод-

этого физіолога поражена наиболѣе представленіемъ возникающей и усиливающейся противоположности въ тяготѣніяхъ его «начала» или субстанціи.

Преданіе довольно отчетливо свидѣтельствуетъ, что «происхожденіе у Анаксимандра не въ измѣненіи стихійной сущности, а въ выдѣленіи противоположныхъ тяготѣній силою вѣчнаго движенія» [1]). Онъ занятъ не столько стихійными переходами (*ἀλλοίωσις τοῦ ὑποκειμένου*), сколько «этимъ выдѣленіемъ противоположностей, присущихъ безграничной и въ то же время невещественной субстанціи, противоположностей теплаго и холоднаго, сухаго и влажнаго» [2]).

Это созерцаніе противоположныхъ тяготѣній, выступающихъ изъ безразличія, смѣшалось для преданія съ представленіемъ хаотическаго броженія, изъ котораго въ моментъ гораздо позднѣйшій выдѣляется организація космоса, съ представленіемъ, принадлежащимъ Эмпедоклу и Анаксагору.

Выразить и поставить на первый планъ понятіе о перехожденіи субстанціи изъ одного состоянія въ другое (*ἀλλοίωσις τοῦ ὑποκειμένου*) было дѣломъ Анаксимена. Этотъ физіологъ уже весь преданъ созерцанію стихійныхъ измѣненій.

Анаксименъ былъ занятъ преимущественно процессомъ стихійныхъ превращеній. Понятіе матеріялизаціи выразилось у него вполнѣ. Любимыми терминами Анаксимена были: «сжатіе и разрѣшеніе» [3]), какъ выраженіе тѣхъ превращеній, какимъ въ его умѣ подвергалась космическая сущность. Земное начало, какъ послѣдняя степень матеріялизаціи, высказывается у него гораздо опредѣленнѣе, чѣмъ у его предшественника Анаксимандра. Соберемъ воедино черты его ученія.

Подлежащая міру сущность, субстанція, вѣчнодвижущаяся, не-

наго: небо, въ мысли Анаксимандра, является уже поприщемъ осуществленія; оно является ему какъ смѣсь невещественнаго и вещественнаго.

[1]) Арист. Phys. I. 4. *ὡς δ' οἱ φυσικοὶ λέγουσι, δύο τρόποι εἰσίν. οἱ μὲν γὰρ ἓν ποιήσαντες τὸ ὂν σῶμα τὸ ὑποκείμενον.... τἆλλα γεννῶσι πυκνότητι καὶ μανότητι πολλὰ ποιοῦντες.... οἱ δ' ἐκ τοῦ ἑνὸς ἐνούσας τὰς ἐναντιότητας ἐκκρίνεσθαι, ὥσπερ Ἀναξίμανδρός φησι.* Симплицій in Phys. f. 6 *οὗτος (Ἀναξίμανδρος) δὲ οὐκ ἀλλοιουμένου τοῦ στοιχείου τὴν γένεσιν ποιεῖ, ἀλλ' ἀποκρινομένων τῶν ἐναντιῶν διὰ τῆς ἀϊδίου κινήσεως.* Id. ibid. f. 32, b.... *οὐδὲ κατὰ ἀλλοίωσιν τοῦ ὑποκειμένου.... ἀλλὰ κατὰ ἔκκρισιν.*

[2]) Симплицій I. I. *ἐνούσας τὰς ἐναντιότητας ἐν τῷ ὑποκειμένῳ ἀπείρῳ, ὄντι ἀσώματι* (т. е. *ἀσωμάτῳ*), *ἐκκρίνεσθαί φησιν Ἀναξίμανδρος, πρῶτος αὐτὸν ἀρχὴν ὀνομάσας τὸ ὑποκείμενον κτλ.*

[3]) *πύκνωσις καὶ ἀραίωσις, πυκνότης καὶ μανότης* — термины, встрѣчающіеся почти во всѣхъ свидѣтельствахъ объ ученіи Анаксимена.

доступная для чувствъ, матеріялизуется (становится явною), когда возникаетъ въ ней противоположность холоднаго и теплаго, когда она становится влажностію [1]); движеніе, которому она подвергается, есть ходъ измѣненій (процессъ) [2]). Есть среднее состояніе между огненнымъ бытіемъ эѳира и стихіями, степенями бо́льшаго или меньшаго сжатія [3]). Это среднее состояніе Анаксименъ называлъ воздухомъ; но, какъ замѣчено было выше, отличалъ его отъ стихійнаго [4]). Когда возобладаетъ въ этомъ невещественномъ воздухѣ начало «холоднаго», тогда онъ овеществляется и становится стихійнымъ воздухомъ, и нисходитъ далѣе до воды и земли. Такъ какъ это понятіе сжатія и обратно разрѣшенія, въ силу котораго все снова улетучивается въ первобытный недоступный воздухъ, который самъ въ свою очередь, при дальнѣйшемъ разрѣшеніи, превращается въ эѳиръ, — такъ какъ это понятіе было центральнымъ и самымъ яснымъ въ умѣ Анаксимена, то онъ естественно прилагалъ его ко всему и все разсматривалъ въ его свѣтѣ.

У Анаксимена гораздо болѣе, чѣмъ у Анаксимандра, астральное уступаетъ стихійному. Во всемъ, что извѣстно намъ отъ Анаксимена, нѣтъ почти ничего, что̀ обнаруживало бы присутствіе астральнаго воззрѣнія въ его умѣ. Движеніе почти постоянно имѣетъ у него значеніе сжатія и расширенія. Въ звѣздахъ, почитаемыхъ за «небесныхъ боговъ», онъ созерцаетъ не астральную ихъ сторону, а стихійную. Для него эти небесныя силы уже совершенно облеклись въ хитонъ земли или матеріи. Вспомнимъ значеніе «неба» и «земли» въ другихъ космогоніяхъ, значеніе, котораго коснулись мы при изложеніи общей системы: небо означаетъ невещественную и какъ бы духовную натуру основной сущности міра, земля же означаетъ

[1]) Оригенъ, Philosoph. c. 7. *τὸ δὲ εἶδος τοῦ ἀέρος τοιοῦτον. ὅταν μὲν ὁμαλώτατον ᾖ, ὄψει ἄδηλον, δηλοῦσθαι δὲ τῷ ψυχρῷ καὶ τῷ νοτερῷ καὶ τῷ κινουμένῳ.* Пересказами, подобными приведенному, мы должны пользоваться не безъ критики и не безъ размышленія.

[2]) Id. ibid. *οὐ γὰρ μεταβάλλειν ὅσα μεταβάλλει, εἰ μὴ κινοῖτο· πυκνούμενον γὰρ καὶ ἀραιούμενον διάφορον φαίνεσθαι.*

[3]) Симплицій in Phys. Arist. f. 32.... *Ἀναξιμένης ἀραιούμενον μὲν τὸν ἀέρα πῦρ γίνεσθαί φησι, πυκνούμενον δὲ ἄνεμον, εἶτα νέφος, εἶτα ἔτι μᾶλλον ὕδωρ, εἶτα γῆν, εἶτα λίθους, τὰ δὲ ἄλλα ἐκ τούτων.* Почти то же передаетъ и Оригенъ (Philosoph. c. 7), прибавляя только, что эти превращенія происходятъ *κατὰ τὴν πόλησιν*, и заключая слѣдующимъ замѣчаніемъ: *ὥστε τὰ κυριώτατα τῆς γενέσεως ἐναντία εἶναι, θερμόν τε καὶ ψυχρόν.*

[4]) Гермій Irris. gentil. philis. c. 3. p. 70. *Ἀναξιμένης ὑπολαβὼν ἀντικέκραγεν· ἀλλ' ἐγώ σοί φημι, τὸ πᾶν ἐστιν ἀήρ, καὶ οὗτος πυκνούμενος καὶ ξυνιστάμενος ὕδωρ καὶ ἀὴρ γίνεται, ἀραιούμενος δὲ καὶ διαχεόμενος, αἰθὴρ καὶ πῦρ, εἰς δὲ τὴν αὐτοῦ φύσιν ἐπανιών, ἀὴρ ἀραιός, εἰ δὲ καὶ πυκνωθῇ, φησίν, ἐξαλλάσσεται.*

матеріялизацію этой натуры. Первоначально по космогоническимъ воззрѣніямъ преобладаетъ невещественное, и противоположное тяготѣніе выражается только какъ беграничность или безчисленность; потомъ беретъ верхъ матеріялизація, земля, и уже небо, въ новомъ матеріализованномъ видѣ, является какъ нѣчто изъ земли происшедшее. У Анаксимандра небо является еще только смѣсью «холоднаго и теплаго», т. е. въ мышленіи этого физіолога матеріялизація еще колеблется, и астральное не совсѣмъ еще забыто за стихійнымъ; ему какъ бы вспоминается еще небо, какъ единство, исполненное круговратныхъ движеній, въ его еще невещественномъ видѣ. Въ Анаксименѣ почти вовсе забыто это небо; онъ сжимаетъ свой воздухъ до земной стихіи и уже изъ нея раждаетъ небо [1]). Онъ говоритъ уже о земныхъ натурахъ, посящихся въ пространствѣ и о какомъ-то крайнемъ «земномъ» вращеніи звѣздъ [2]).

Общее метафизическое представленіе земли у Анаксимена само собою перенеслось на объясненіе земли въ тѣснѣйшемъ смыслѣ. Какъ понятіе земнаго стало въ его умѣ центральнымъ понятіемъ, такъ и въ объясненіи своемъ видимаго міра представлялъ онъ землю центромъ, вокругъ котораго все вращалось.

Переходимъ теперь къ воззрѣнію эфесскаго мыслителя.

Гераклитъ, примыкая отчасти къ милетскимъ физіологамъ, имѣетъ однако, какъ мы уже имѣли случай прежде замѣтить, самостоятельное значеніе. Кругозоръ его шире, система его полнѣе и опредѣленнѣе. Если физіологическая точка зрѣнія Гераклита (не забудемъ, что онъ былъ также и ѳеологъ) существенно та же самая, какую замѣчаемъ мы и у Милетцевъ, то онъ гораздо болѣе овладѣлъ ею, чѣмъ они, и высказалъ во всей силѣ все, что̀ могъ онъ съ этой точки обозрѣвать умственно.

Понятіе процесса является въ его мышленіи главнымъ и центральнымъ. Никто изъ древнихъ мыслителей не былъ такъ пораженъ этимъ понятіемъ, какъ Гераклитъ. Онъ весь ему преданъ. Но процессъ является у него еще только подъ видомъ борьбы между противоположными тяготѣніями. Для полнаго понятія процесса, какъ движенія идущаго впередъ, необходимо представленіе цѣли, конца, которымъ опредѣляется его направленіе. Представленіе космической борьбы и всеобщаго дуализма было такъ сильно въ мышленіи Ге-

[1]) См. примѣч. на стр. 120.

[2]) Плутархъ Plac. II, 11.... τὴν περιφορὰν τὴν ἐξωτάτω γηΐνην.

раклита, что какъ бы не давало ему ни времени ни мѣста подумать о томъ, что̀ всякому движенію, всякой дѣятельности даетъ истинное значеніе процесса. Въ исторіи человѣческаго мышленія должно имѣть въ виду весьма важный фактъ, котораго мы коснемся теперь, при случаѣ. Если умъ человѣческій не видитъ вполнѣ предмета, его занимающаго, то это большею частію происходитъ не оттого, что ему недостаетъ необходимыхъ понятій, а оттого, что въ немъ одно какое-либо изъ этихъ понятій получаетъ черезмѣрную силу, и до такой степени стѣсняетъ прочія, что они или вовсе не появляются или появляются какими-то праздными тѣнями, не дѣйствуя и не оказывая никакихъ послѣдствій. Такую силу имѣло для Гераклита представленіе противоборства и борьбы, необходимое для представленія процесса; но само по себѣ недостаточное. Впрочемъ мы встрѣчаемъ въ фрагментахъ эфесскаго мудреца слово о гармоніи, которая возникаетъ изъ противоборства состязающихся силъ и покоится на этомъ противоборствѣ. Но представленіе этой гармоніи проходитъ легкою тѣнью посреди этого поприща всеобщей борьбы, этихъ вѣчныхъ погасаній и замираній, и вѣчныхъ вспыхиваній космическаго огня, этихъ непрерывныхъ нисхожденій и восхожденій, этихъ влеченій въ противныя стороны.

При изложеніи общей системы намъ такъ часто приходилось говорить о Гераклитѣ и пользоваться его философемами, что изъ всего приведеннаго нами можно составить достаточно полное понятіе объ его системѣ. Намъ только остается собрать раздѣльныя черты въ одинъ образъ, для точнѣйшаго обозначенія того мѣста, которое Гераклитъ занимаетъ въ развитіи общей системы, и для полнѣйшей характеристики этого мыслителя.

Споръ противоположныхъ движеній есть начало и конецъ всему, или лучше созерцаніемъ этого спора вытѣсняется у Гераклита какъ представленіе конца, такъ и представленіе начала. Весь міръ есть не что иное, какъ этотъ споръ. Все разнообразіе бытія условлено различными степенями преобладанія того или другаго движенія. Мы знаемъ уже, въ чемъ состоятъ эти движенія: это «путь вверхъ» и «путь внизъ». Одна и та же космическая сущность, находясь въ различныхъ состояніяхъ, является сама себѣ противоположною. Мы чувствуемъ, что въ умѣ Гераклита борются два начала и оспариваютъ другъ у друга бытіе. Эти начала какъ бы скрыты за сценою своихъ дѣйствій и борьбы. Самъ мыслитель не распознаетъ ихъ, и служитъ только какъ бы театромъ для ихъ борьбы.

Мы уже знаемъ, что Гераклитъ въ представленіи космическихъ

измѣненій не ограничивается простымъ «сжатіемъ и разрѣшеніемъ», хотя и это представленіе у него встрѣчается, но прибѣгаетъ къ другимъ, болѣе сильнымъ, выраженіямъ «смерти и жизни». Выше мы уже касались значенія послѣднихъ терминовъ и старались показать ихъ отличіе отъ первыхъ. Здѣсь мы только посмотримъ, какія послѣдствія производятъ эти понятія смерти и жизни въ міровоззрѣніи Гераклита. Разнообразіе міра представляетъ различныя степени, различныя состоянія жизни и смерти. Вещество есть состояніе смерти: это μή ὄν, не-сущее. Это представленіе совершенно привычно и намъ; мы весьма обыкновенно говоримъ о «мертвомъ веществѣ». Но мыслитель не ограничивается только такимъ поверхностнымъ взглядомъ, онъ идетъ глубже. Что̀ является мертвымъ, то не могло быть такимъ отъ начала. Что̀ умерло, то прежде жило,— и въ веществѣ угасъ «живой огонь». Далѣе вещи въ мірѣ не всѣ одинаковы: однѣ кажутся совершенно погруженными въ смерть, другія представляютъ какъ бы колебаніе между жизнію и смертію. Въ однихъ существахъ преобладаетъ, и преобладаетъ въ большей или меньшей степени, «сухость», «огонь»; въ другихъ напротивъ «влажность», «вода». Отсюда само собою объясняется безчисленное разнообразіе. Съ этимъ понятіемъ Гераклитъ идетъ повсюду, и ко всему прилагаетъ его. «Сухая душа», говоритъ онъ, напримѣръ, обращаясь отъ космическихъ процессовъ къ наблюденію людей, — «сухая душа самая лучшая и самая мудрая; какъ молнія разсѣкаетъ облако, такъ сухая душа возжигаетъ тѣло» [1]). Въ этой сухости полагалъ онъ между прочимъ отличіе гелленской натуры отъ варварской; чѣмъ страна суше, тѣмъ мудрѣе и лучше раждаются въ ней люди [2]). Въ этихъ афоризмахъ видимъ мы, какъ далеко простиралъ Гераклитъ примѣненіе своего метафизическаго понятія.

Но спрашивается, какъ же Гераклитъ объяснялъ себѣ движеніе, пративоположное «живому огню», откуда выводилъ онъ эту необходимость погасанія и смерти, которая влечетъ «живой огонь» «путемъ внизъ» въ состояніе вещества? На это мы не встрѣчаемъ у него отвѣта. «Путь вверхъ» и «путь внизъ» являются ему непосредственно данными, и хотя встрѣчаются у него слѣды нѣкоторыхъ ѳеологуменовъ, простирающихся далѣе; но они не оказываютъ замѣтнаго вліянія на его физіологическую систему. Въ его фрагмен-

[1]) Плутархъ Rom. p. 35. Стобей Serm. V, p. 74. у Шлейермахера Фрагм. 59 и 61. Сл. также Фраг. 60 и 62.

[2]) Евсевій Pr. Ev. VIII, 14, у Шл. Фр. 60.

тахъ одно только представляется для отвѣта на предложенные выше вопросы; это его понятіе «геймармены», предопредѣленія, и потомъ, можетъ-быть, то, что̀ онъ называлъ «игрою Зевса».

Астральную область удерживаетъ Гераклитъ въ ея чистотѣ, какъ моментъ, который находитъ мѣсто въ его системѣ. Это область невещественныхъ силъ, душъ, боговъ, — и въ томъ отношеніи онъ примыкаетъ къ пиѳагорейцамъ. Изъ этой области, обрѣтающейся за предѣлами земнаго (матеріяльнаго) бытія и исполненной единаго и вмѣстѣ многаго, ниспадаетъ душа и погребается въ тѣлахъ. Въ рожденіи человѣка какъ бы повторяется общій космическій «путь внизъ». — «Когда мы раждаемся, то въ насъ умираютъ души, а когда мы умираемъ, онѣ возникаютъ». «Мы живемъ смертію боговъ, а умираемъ ихъ жизнію» [1]).

Сейчасъ приведенныя выраженія нашего мыслителя наводятъ насъ на слѣдующее соображеніе: Если «живой огонь» умираетъ въ вещахъ, то въ свою очередь вещи умираютъ въ жизни огня. Онѣ живутъ его смертію и умираютъ его жизнію. Слѣдовательно жизнь не есть исключительная принадлежность той первичной сущности, которую необходимость влечетъ путемъ внизъ въ вещество; она оказывается и въ веществѣ. Тѣлесное же бытіе есть смерть огня, но оно живетъ этою смертію. Мы видимъ, что членами противоположенія является не «жизнь и смерть», а жизнь и жизнь или смерть и смерть. Есть слѣдовательно два рода жизни: жизнь невещественнаго огня и жизнь совершенно противуположнаго свойства, проявляющагося въ тѣлесномъ. Гераклитъ не останавливается на этомъ соображеніи и не дѣлаетъ изъ своего собственнаго положенія никакихъ подобныхъ заключеній. Вещество, происшедшее отъ овлажненія или отъ угашенія «живаго огня», онъ оживляетъ и одушевляетъ снова этимъ же огнемъ, который вселяется въ тѣло, какъ его душа.

Удерживая въ своей системѣ, какъ моментъ, созерцаніе астральное, Гераклитъ, подобно своимъ предшественникамъ, относилъ область этого созерцанія за предѣлы видимаго, вещественнаго міра. «Вѣчно-живой огонь», въ безчисленности своихъ движущихся силъ, объемлетъ (какъ «не старѣющее и не гибнущее начало» у Анакси-

[1]) Сектъ Эмпирикъ Hipotyp. III, 230. См. выше въ изложеніи общей системы. Сл. Гераклида Alleg. Hom. c. 24: «θεοὶ θνητοί τ' ἄνθρωποι ἀθάνατοι (т. е. ἄνθρωποι θεοὶ θνητοί, θεοί τ' ἄνθρωποι ἀθάνατοι) ζῶντες τὸν ἐκείνων θάνατον, θνήσκοντες τὴν ἐκείνων ζωήν.»

мандра) міръ стихійныхъ измѣненій и переходовъ. Стихійный міръ сплотняется и сжимается по направленію къ срединѣ, къ центру, и чѣмъ ближе къ периферіи, тѣмъ болѣе разрѣшаются узы космической души, и въ полной свободѣ своей представляется она за периферіей, какъ внѣшній духъ. Сюда, невольнымъ тяготѣніемъ въ умѣ Гераклита, какъ мы то видѣли у пиѳагорейцевъ, переносится все метафизическое, высокое, божественное, разумъ и мудрость. Изъ этого «обдержащаго» происходитъ душа и погружается въ тѣло; изъ него вдыхается людьми сознаніе и мышленіе. Гераклиту естественно было помѣстить здѣсь, въ области внѣшняго духа, разумность и мудрость; эта недоступная область была ему единственнымъ, по крайней мѣрѣ единственно яснымъ представленіемъ духовнаго начала; другаго духовнаго бытія, кромѣ внѣшняго, онъ не имѣлъ еще, такъ сказать, времени уловить и представить себѣ, по крайней мѣрѣ не уловлялъ его своимъ физіологическимъ умозрѣніемъ. Человѣкъ самъ по себѣ не разуменъ, восклицаетъ Гераклитъ: разумность и сознаніе — въ обдержащей душѣ, откуда приходитъ ему разумъ [1]).

Но съ другой стороны, онъ ни мало не былъ преданъ астральному созерцанію, подобно пиѳагорейцамъ. Эта область, при всемъ возвышенномъ значеніи своемъ для его мысли, оставалась однако для нея въ сторонѣ. Она была преимущественно, если не исключительно, занята споромъ враждующихъ между собою направленій отъ периферіи къ срединѣ и отъ средины къ периферіи, или сверху внизъ и снизу вверхъ. Восходя къ той высшей для него области, умъ его носился однако непрерывно въ этой одержимой отвсюду средѣ, на этомъ поприщѣ противоборства и измѣненій, какъ мы уже это видѣли. Все, что мы встрѣчаемъ у Милетцевъ, находится и у Гераклита, только въ болѣе опредѣленномъ и полномъ видѣ. Если Анаксимандръ останавливался мыслію преимущественно на возниканіи противоположныхъ стремленій въ безграничномъ бытіи основнаго начала, если, далѣе, Анаксименъ былъ болѣе всего занятъ представленіемъ стихійнаго измѣненія; то у Гераклита и то и другое находитъ полнѣйшее выраженіе: онъ созерцаетъ борьбу противоположныхъ стремленій и объясняетъ изъ ней всѣ измѣненія и переходы.

[1]) Сектъ Эмп. adv. Math. VII, 127. VIII. 286: *φησὶ τὸ μὴ εἶναι λογικὸν τὸν ἄνθρωπον, μόνον δ' ὑπάρχειν φρενῆρες τὸ περιέχον.*

Но такъ какъ въ мышленіи Гераклита не оказываетъ замѣтнаго дѣйствія понятіе цѣли, понятіе «долженствующаго быть», которымъ повершается и успокоивается всякое развитіе, то у него все существующее является вѣчнымъ, непрерывнымъ теченіемъ, изъ котораго ничто не выходитъ. Онъ не понималъ покоя, отдыха и твердаго состоянія, но во всемъ видѣлъ одно непрерывное теченіе. Мысль объ этомъ непрерывномъ теченіи находила себѣ въ Гераклитѣ многія энергическія и поразительныя выраженія, какъ напримѣръ: все есть и вмѣстѣ не есть; все какъ вода въ рѣкѣ, ежеминутно утекающая и притекающая, такъ что дважды перейдти ее нельзя, ибо въ послѣдующій моментъ она не то, что̀ была въ предыдущій [1]).

Заключимъ эту характеристику Гераклита нѣкоторыми весьма интересными чертами, свидѣтельствующими о томъ, какъ развито уже было въ Гераклитѣ философское самосознаніе мысли. Независимо отъ необходимости, заставлявшей его видѣть непосредственный источникъ разумности и сознательности въ томъ началѣ, которое онъ, вмѣстѣ съ другими физіологами, называетъ «объемлющимъ, одержащимъ» (τὸ περιέχον), Гераклитъ удивительно яркими чертами характеризуетъ разумность. Существенный характеръ разума видитъ онъ въ его всеобщности: то только можетъ быть разумно и истинно, что̀ совпадаетъ со всеобщимъ, божественнымъ разумомъ; напротивъ, все то не можетъ быть разумно, что̀ не имѣетъ этого признака всеобщности. Судія истины есть разумъ, а чувства сами по себѣ не даютъ еще истины. Мы должны, учитъ эфесскій мыслитель, покорствовать всеобщему, а не стараться о томъ, чтобы имѣть свое отдѣльное мнѣніе. Разумные люди, продолжаетъ онъ, должны стоять на всеобщемъ, какъ городъ на законѣ; всѣ человѣческіе законы питаются однимъ божественнымъ [2]).

Переходимъ къ Элеатамъ.

Господствующая мысль этой школы есть отрицаніе движенія, множественности, природы (происхожденія). Въ этомъ отрицаніи состоитъ вся особенность элеатской школы.

[1]) Фрагм. 72 по Шлейермахеру: «ποταμοῖς τοῖς αὐτοῖς ἐμβαίνομέν τε καὶ οὐκ ἐμβαίνομεν, εἶμεν τε καὶ οὐκ εἶμεν». Сл. фр. 20; также Евсевія Pr. Ev. XV, 20: ποταμοῖσι τοῖσιν αὐτοῖσιν ἐμβαίνουσιν ἕτερα καὶ ἕτερα ὕδατα ἐπιῤῥεῖ.

[2]) Секстъ Эмп. adv. Matth. VII, 126, 132 (δεῖ ἕπεσθαι τῷ κοινῷ. Оригенъ c. Cels. VI, p. 203, у Шлейерм. фрагм. 66. «Ἦθος γὰρ ἀνθρώπειον μὲν οὐκ ἔχει γνώμας, θεῖον δὲ ἔχει.» Стобей Serm. IV, p. 48. «ξὺν νόῳ λέγοντας ἰσχυρίζεσθαι χρὴ τῷ ξυνῷ πάντων, ὅκωσπερ νόμῳ πόλις.... τρέφονται γὰρ πάντες οἱ ἀνθρώπινοι νόμοι ὑπὸ ἑνὸς τοῦ θείου»).

Смыслъ этого отрицанія можетъ-быть толкуемъ весьма разнообразно. Стóитъ только взять элеатскія философемы отвлеченно отъ той исторической связи, въ которой онѣ развились, и мы очутимся съ ними на воздухѣ, и неопредѣленной ихъ общности можемъ давать самыя разнообразныя примѣненія, какъ это обыкновенно и дѣлается. Но именно относительно элеатской школы, болѣе нежели въ какомъ-либо другомъ пунктѣ изучаемаго нами періода исторіи философіи, необходимо держаться исторической почвы. Воззрѣніе элеатское получитъ и опредѣленный смыслъ и неожиданную занимательность, когда будетъ взято, какъ моментъ развитія физіологической системы.

Мы видѣли два противоположныя влеченія въ космической сущности и борьбу между ними. Въ Гераклитѣ обѣ враждующія силы удерживаются совмѣстно, и враждебное соприсутствіе ихъ выражается въ этомъ безпокойномъ, непрерывномъ потокѣ измѣненій, которымъ отличается физіологія эфесскаго мыслителя. У него ни та, ни другая сила не торжествуетъ окончательно.

Въ мышленіи Элеатовъ утверждается одно изъ этихъ противоположныхъ началъ; другое отрицается и исключается. Которое же удерживается, и которое исключается? Исключается то начало, которымъ условливается «рожденіе вещей», многообразная природа, исключается движущая сила космогоническаго процесса, и удерживается начало, противящееся образованію космоса. Мышленіе элеатское есть какъ бы реакція и возстановленіе той первоначальной сущности, которая поколебалась въ умозрѣніи милетскихъ физіологовъ и была вынуждена подчиниться дѣйствію начала противоположнаго. Въ Элеатахъ мысль энергически и упорно возвращается къ созерцанію того однороднаго бытія (μουνογενές), которое, по смыслу общей системы, было въ нéй первымъ терминомъ. И такъ какъ возвращеніе къ первоначальному созерцанію было у Элеатовъ реакціей, то это созерцаніе не представляетъ у нихъ того спокойнаго характера, какимъ оно отличается у пиѳагорейцевъ. Пиѳагорейцы были преданы созерцанію области неизмѣнныхъ и вѣчныхъ движеній, но не отрицали возможности другаго бытія. Напротивъ они признавали «область природы, любящей измѣненія», но видѣли въ ней лишь царство безпорядка, бытіе подчиненное, неспособное быть предметомъ мудрости. Въ пиѳагорейскомъ мышленіи незамѣтно никакихъ слѣдовъ борьбы, никакого стремленія подавить стремленіе противоположное, и въ пользу одного начала исключить другое. У нихъ мирно господствуетъ одно начало и не

противится отдаленному и слабому дѣйствію другаго. Что̀ же касается до Элеатовъ, то возвращаясь къ первому термину системы, они уже не могутъ оставаться спокойными созерцателями. Въ нихъ одно изъ борющихся началъ собираетъ всю свою силу и съ напряженіемъ исключаетъ все, что̀ можетъ казаться ему противоположнымъ. Всѣ, даже самые отдаленные признаки соприсутствія другаго начала устраняются, и усиленно возстановляется характеръ бытія, отъ котораго мышленіе уже отдалилось. Всѣ признаки, которыми это бытіе характеризуется, высказываются и утверждаются, какъ такіе, а не другіе. Всякая возможность иного бытія тщательно устраняется. Такое настроеніе мышленія естественно способствовалало развитію діалектики, которая, по свидѣтельству Аристотеля, впервые возникла въ элеатской школѣ. Свое положеніе элеатскіе мыслители должны были необходимо держать какъ постулатъ, доказывать и подтверждать его, оспаривая и отвергая все съ нимъ несогласное. Съ другой стороны весьма понятно, почему діалектика элеатская имѣетъ только отрицательное значеніе и совершенно безплодно вращается какъ бы на одномъ мѣстѣ; ясно также, чѣмъ она отличается отъ позднѣйшей діалектики Сократа, который находилъ, что эти мыслители, «заключавшіе все въ одномъ», своимъ положеніемъ, равно какъ и своимъ отрицаніемъ, говорятъ одно и то же, и потому при всей кажущейся діалектикѣ своей не могутъ сойдти съ мѣста.

Ксенофанъ примыкаетъ непосредственно по своему физіологическому воззрѣнію къ милетскимъ мыслителямъ. Въ его мышленіи происходилъ тотъ же самый процессъ матеріялизаціи, какой мы видѣли у нихъ. Ксенофанъ также созерцалъ ту всеобщую космическую противоположность, которая обозначалась ими, какъ противоположность «сухаго и влажнаго», и самъ обозначалъ ее этими же терминами [1]). Онъ также видѣлъ, въ этомъ началѣ влажности, начало земнаго бытія, и также производилъ пзъ этого начала вещественную одежду неба [2]). Въ немъ мысль уже достаточно смягчалась, какъ и у іонійскихъ стихіологовъ, — онъ самъ былъ стихіологъ, — и благодаря этой мягкости, мышленіе его было способно, какъ видно изъ нѣкоторыхъ слѣдовъ въ преданіяхъ объ немъ, присматриваться съ цѣлію познанія къ явленіямъ дѣйствительнаго міра. Такъ напримѣръ раковины и другіе продукты моря, замѣченные

[1]) Іоаннъ Филопонъ in Arist. Phys. d. p. 2.

[2]) Стобей Ecl. phys. p. 522. См. у Карстена p. 162. sqq.

имъ въ сицилiйскихъ каменоломняхъ и другихъ мѣстахъ, послужили ему для примѣненiя его метафизическихъ воззрѣнiй; такъ какъ землѣ, въ порядкѣ стихiйныхъ измѣненiй, предшествуетъ вода, то Ксенофанъ нѣсколько грубымъ поворотомъ (называлъ же его Аристотель μικρὸν ἀγροικότερος) своего общаго положенiя, объяснялъ отсюда это явленiе [1]). Конечно, колофонскiй рапсодъ не былъ ни ученикомъ, ни учителемъ милетскихъ физiологовъ или Гераклита. Во всѣ умы вторгалась одна общая система, съ своими терминами, и Ксенофанъ былъ отчасти выразителемъ того же самаго момента въ этой системѣ, которому были вполнѣ преданы его iонiйскiе соотечественники. Мы говоримъ отчасти, потому что Ксенофану выпалъ жребiй быть представителемъ другаго настроенiя, и тѣмъ положить начало особой школѣ. Въ этомъ процессѣ стихiйныхъ измѣненiй, онъ почувствовалъ призывъ остановиться. Разнообразiе возникавшихъ передъ его мыслiю явленiй помутилось, и онъ невольно сосредоточился на одномъ представленiи или, лучше сказать, на представленiи единаго (τοῦ ἑνός). «Куда ни обращу взоръ, все разрѣшается и сливается въ одно», говоритъ онъ или заставляетъ его говорить силлографъ Тимонъ [2]). Мысль его потеряла путь къ разнообразной живой природѣ. Ему стала непонятна возможность движенiя, происхожденiя, измѣненiя, и вообще всякая возможность, всякая потенцiяльность. Унесенный «путемъ вверхъ», онъ какъ бы забылъ обратный путь, и остался въ недоступной области чистаго бытiя. «Взирая на цѣлое небо, онъ говоритъ, что это единое есть божество» [3].

Впрочемъ реакцiя, которая представляется намъ въ первоначальникѣ элейской школы и вообще въ этой школѣ, не есть простое уничтоженiе предыдущихъ представленiй. Эта реакцiя, какъ и всякая реакцiя, необходимо предполагаетъ то, что̀ вызвало ее Элеатское созерцанiе единой сущности, повторимъ, не было тѣмъ непосредственнымъ созерцанiемъ, какое мы открываемъ въ древне-пиѳагорейской школѣ. То, что̀ высказано нами выше по этому поводу, должно быть пополнено еще слѣдующими соображенiями. Хотя въ мышленiи элеатскомъ и выражается возвращенiе къ первому термину системы; однако тѣмъ не менѣе въ ходѣ цѣлой системы оно представляетъ собою моментъ позднѣйшiй. Возвращаясь изъ сти-

[1]) Оригенъ Philosoph. c. 4.

[2]) Секстъ Эмпирикъ Hypotyp. I, 224.

[3]) Аристотель Metaph. A, cep. 5, 21: Ξενοφάνης δὲ πρῶτος τούτων ἑνίσας... εἰς τὸν ὅλον οὐρανὸν ἀποβλέψας τὸ ἓν εἶναί φησι τὸν θεόν.

хійныхъ измѣненій, отъ начатковъ матеріялизованнаго бытія, къ строгому и исключительному единству, элеатское мышленіе выражаетъ собою тотъ моментъ системы, который непосредственно слѣдуетъ за представленіемъ стихійныхъ переходовъ. При внимательномъ вникаціи мы усмотримъ, что господствующее понятіе элеатской школы соотвѣтствуетъ тому, что̀ въ представленіяхъ орфическихъ является подъ видомъ космическаго яйца (см. выше). Это тотъ κύτος, пузырь, въ которомъ стягивается и удерживается развитіе космоса. Это то самое единство, которое объемлетъ возникающее разнообразіе и какъ бы поглощаетъ его; та самая закруглившаяся и круговратно носящаяся безпредѣльность. Это, словомъ, представленіе хаоса, въ смыслѣ смѣшенія начинающихъ выдѣляться и не могущихъ выдѣлиться элементовъ, и притомъ представленіе этого смѣшенія, взятое со стороны невозможности выдѣлиться, со стороны того единства, которое держитъ вмѣстѣ и нейтрализуетъ множественность, стремящуюся выйдти на свѣтъ. Выше, при изложеніи общей системы, приводили мы относящуюся сюда философему Анаксагора о смѣшеніи, въ которомъ «всѣ вещи были вмѣстѣ». Этотъ самый моментъ, въ ходѣ общей системы, какъ намъ кажется, выразился въ элеатской школѣ или, лучше сказать, создалъ эту школу.

Приведемъ теперь тѣ черты главнаго понятія элеатской школы, которыя иначе не могутъ быть объяснены, какъ съ точки зрѣнія, нами сейчасъ указанной. Ксенофанъ, характеризуя свое представленіе «единаго», обозначаетъ его терминомъ «шаровидное» [1]). Уже одно это выраженіе даетъ цвѣтъ общему воззрѣнію этой школы. «Сущее», говоритъ Парменидъ, главный представитель элеатской школы, «сущее неподвижно въ предѣлахъ своихъ великихъ узъ» [2]). «Законъ (δίκη) не ослабляетъ связей, держащихъ бытіе и не дозволяющихъ ему измѣняться» [3]). «Сильная необходимость держитъ бытіе въ цѣпяхъ предѣла и сжимаетъ его со всѣхъ сторонъ» [4]). «Оно подобно сферѣ, совершенно круглой» [5]). «Оно пребываетъ въ своихъ предѣлахъ, со всѣхъ сторонъ равное» [6]).

[1]) Діог. Л. IX, 19: *οὐσίαν θεοῦ σφαιροειδῆ.*

[2]) Стихъ 81 Karsten: *Αὐτὰρ ἀκίνητον μεγάλων ἐν πείρασι δεσμῶν.*

[3]) Стихъ 69: *. . . . Τοὔνεκεν οὔτε γενέσθαι*
οὔτ' ὄλλυσθαι ἀνῆκε δίκη, χαλάσασα πέδῃσιν,
ἀλλ' ἔχει.

[4]) Стихъ 85: *. . . κρατερὴ γὰρ ἀνάγκη*
πείρατος ἐν δεσμοῖσιν ἔχει τέ μιν ἄμφις ἐέργει.

[5]) Стихъ 102: *Παντόθεν εὐκύκλου σφαίρης ἐναλίγκιον ὄγκῳ*
μεσσόθεν ἰσοπαλὲς πάντῃ.

[6]) Стихъ 108: *ἢ γὰρ παντόθεν ἶσον ὁμῶς ἐν πείρασι κυρεῦ.*

Мы знаемъ, что Парменидъ, сосредоточивая все свое мышленіе на этомъ представленіи, видя только въ немъ достойный предметъ мудрости, касается однако и вопроса объ измѣненіи основной сущности, о происхожденіи вещей. Обратимъ теперь вниманіе на эту часть его системы. Если разсматривать ученіе элейскихъ мыслителей отвлеченно, внѣ связи съ общимъ ходомъ физіологическаго процесса, то эта часть Парменидовой системы не могла бы быть приведена ни въ малѣйшее соотношеніе съ главнымъ понятіемъ школы; и наоборотъ, при помощи этой связи, она совершенно удовлетворительно объясняется.

Парменидъ указываетъ прежде всего на ту самую космическую противоположность, съ которою мы уже такъ часто встрѣчались. Элеатъ, говоря объ этой противоположности, видитъ въ ней, конечно, нѣчто чуждое своему мышленію, и потому не прямо учитъ объ ней, а какъ бы ссылается на другихъ. «Допускаютъ два вида сущаго, изъ коихъ одинъ принимать не слѣдуетъ, и принимающіе его заблуждались. Эти два вида считаются противоположными, и знаки (обозначенія) даны имъ совершенно различные. Одинъ — эѳирный огонь, легкій, свободный (ἀραιόν), совершенно себѣ тождественный, и отличный отъ другаго, противоположнаго. Другой же противоположный видъ — темная ночь, густое, тяжелое тѣло» [1]). «Такъ какъ все обозначается свѣтомъ и ночью, то все исполнено вмѣстѣ и свѣта и ночи темной».... [2]). «Въ срединѣ находится женское начало (ἡ Δαίμων), управляющее всѣмъ, начало гнуснаго рожденія и смѣшенія, соединяющее мужеское съ женскимъ и наоборотъ женское съ мужескимъ» [3]). «Она дала начало (μητίσατο) первому изъ божествъ, Эроту» [4]).

[1]) Стихъ 112—118: Μορφὰς γὰρ κατέθεντο δύο γνώμης ὀνομάζειν·
τῶν μίαν οὐ χρεών ἐστι, ἐν ᾧ πεπλανημένοι εἰσίν
ἀντία δ' ἐκρίναντο δέμας καὶ σήματ' ἔθεντο
χωρὶς ἀπ' ἀλλήλων· τῇ μὲν φλογὸς αἰθέριον πῦρ
ἤπιον ἐόν, μέγ' ἀραιόν, ἑωυτῷ πάντοσε τωὐτόν,
τῷ δ' ἑτέρῳ μὴ τωὐτόν· ἀτὰρ κἀκεῖνο κατ' αὐτό
ἀντία νύκτ' ἀδαῆ, πυκινὸν δέμας ἐμβριθές τε.

[2]) Стихъ 121—124: Αὐτὰρ ἐπειδὴ πάντα φάος καὶ νὺξ ὀνόμασται
καὶ τὰ κατὰ σφετέρας δυνάμεις ἐπὶ τοῖσί τε καὶ τοῖς
πᾶν πλέον ἐστὶν ὁμοῦ φάεος καὶ νυκτὸς ἀφάντου,
ἴσων ἀμφοτέρων ἐπεὶ οὐδετέρῳ μέτα μηδέν.

[3]) Стихъ 125—130: Αἱ γὰρ στεινότεραι ποίηντο πυρὸς ἀκρίτοιο
αἱ δ' ἐπὶ ταῖς νυκτός, μετὰ δὲ φλογὸς ἵεται αἶσα.
ἐν δὲ μέσῳ τούτων Δαίμων ἣ πάντα κυβερνᾷ
πάντα γ' ἄρα στυγεροῖο τόκου καὶ μίξιος ἀρχὴ
πέμπουσ', ἄρσενι θῆλυ μίγεν τό τ' ἐναντίον αὖθις
ἄρσεν θηλυτέρῳ.

[4]) Стихъ 131: Πρώτιστον μὲν Ἔρωτα θεῶν μητίσατο πάντων.

Реакція въ общемъ ходѣ системы могла въ мыслителѣ выразиться не иначе, какъ признаніемъ реагирующаго начала за единственно-истинное, все же противоположное этому началу должно было представляться тому же мыслителю не иначе, какъ лишеннымъ истины. Въ одномъ, въ первомъ, Элеаты должны были видѣть всю истину, въ другомъ — призракъ; и такимъ образомъ, въ представленіи своемъ, первому они какъ бы силились возвратить всю дѣйствительность, все бытіе, и отнять дѣйствительность у противоположнаго. Далѣе, объявляя неистиннымъ и призрачнымъ бытіе природы, Элеатъ, входя въ эту призрачную область и по необходимости касаясь присущаго ей дуализма, не можетъ однако удержаться, чтобы не сказать: «изъ двухъ видовъ этой противоположности одинъ не слѣдовало бы допускать: онъ ведетъ къ заблужденію». Этотъ видъ условливается тяготѣніемъ къ матеріялизаціи, къ природѣ: это то, что̀ онъ называетъ «темною ночью». Даже въ этой призрачной области, допуская по необходимости присущую ей противоположность, онъ не хотѣлъ бы однако допустить одну изъ двухъ сторонъ этой противоположности. Зато въ другой части этой же противоположности онъ не могъ не узнавать своего кореннаго начала; его онъ допускаетъ охотно, подъ именемъ «свѣта, эѳира, огня, въ немъ усматриваетъ онъ существенный признакъ своего начала: «этотъ огонь есть бытіе совершенно равное, тождественное себѣ». Такимъ образомъ Элеатъ какъ бы невольно внесъ то, что̀ признавалъ за единственно-истинное, въ область призраковъ. Онъ незамѣтно увлеченъ теченіемъ процесса, и во всемъ происходящемъ признаетъ соприсутствіе сущаго и не сущаго, свѣта и ночи. Но ему противна сила происхожденія вещей, и онъ съ омерзѣніемъ говоритъ объ ея дѣйствіяхъ.

Элейскіе мыслители, какъ мы видимъ отсюда, усматривали теченіе процесса далѣе того пункта, до котораго простиралось мышленіе іонійскихъ стихіологовъ.

Природа въ своемъ тѣснѣйшемъ значеніи является Пармениду уже вблизи, какъ нѣчто предстоящее. Но усматривая «рожденіе» вещей, онъ отвращается отъ него съ омерзѣніемъ, и не имѣя другой возможности устранить этотъ нежеланный для него моментъ, отрицаетъ его истинность.

Мелиссъ и Зенонъ были вооруженными защитниками своей школы. Особенно Зенонъ, этотъ Паламедъ элеатскій, былъ ревностнымъ и сильнымъ ея поборникомъ. Всѣ извѣстія объ немъ не имѣютъ другаго содержанія, кромѣ діалектическихъ аргументовъ. Онъ прославился въ древности своими доводами въ пользу «единаго недвижнаго

сущаго, и противъ понятія множественности и движенія. Онъ-то въ элеатской школѣ былъ представителемъ той діалектики, которая къ ней возводится. Если Ксенофанъ былъ первымъ виновникомъ элеатскаго монизма, ученія объ единомъ, если Парменидъ былъ выразителемъ этого ученія, то въ Зенонѣ преимущественно олицетворился бранный духъ этого ученія, олицетворилась претительная сила, не допускающая развитія и измѣненія. По свидѣтельству Платона, онъ говорилъ, что ратуетъ противъ тѣхъ, которые осмѣивали Парменидово «единое», какъ понятіе вовлекающее мысль въ нелѣпыя противорѣчія, и доказываетъ, что предположеніе множественнаго ведетъ къ противорѣчіямъ еще болѣе нелѣпымъ. Зеноновы аргументы, сохранившіеся до сего времени въ курсахъ логики въ числѣ паралогизмовъ, или даже софизмовъ, слишкомъ извѣстны и не требуютъ подробнаго разсмотрѣнія. Кромѣ своего общаго значенія, эти аргументы совершенно согласуются съ тѣмъ значеніемъ, какое элеатская школа имѣла въ общемъ ходѣ физіологической системы.

Теперь мы должны перейдти къ Эмпедоклу. Стóитъ только изложить главныя черты его ученія, чтобы ясно усмотрѣть, какое мѣсто занимаетъ этотъ мыслитель относительно физіологической системы.

Степени матеріялизаціи, стихіи, являются въ его системѣ, какъ данное. Онъ уже не говоритъ о тѣхъ переходахъ, которымъ должна была подвергаться космическая сущность. Результатъ этихъ измѣненій для него есть уже дѣло прошедшее. Эмпедоклъ классифируетъ стихіи какъ четыре вида бытія, которымъ придаетъ онъ еще миѳическія обозначенія: блестящаго Зевса, живительной Геры, Алдонея и Нестиды [1]). Онъ представляетъ себѣ эти начатки природы первоначально въ соединеніи, въ формѣ сферы (сфероса), соотвѣтствующей космическому яйцу орфиковъ [2]). Но Эмпедоклъ не останавливается на единствѣ, которое исключаетъ возможность происхожденія и развитія вещей. Напротивъ, онъ видитъ въ этомъ единствѣ лишь точку отправленія для мышленія; главный же интересъ его заклю-

[1]) Секстъ Эмпирикъ adv. Math. IX, 962.

[2]) Стихъ 23 (Штурцъ): ἀλλ'ὅγε παντόθεν ἶσος ἔφυ καὶ πάμπαν ἀπείρων σφαῖρος, κυκλοτερὴς, κώνῃ περιηγέι γαίων.

Весьма замѣчательна форма σφαῖρος вм. σφαίρη. Очень вѣроятно, что въ употребленіи этой необыкновенной формы есть особое значеніе. Эмпедоклъ можетъ-быть имѣлъ въ виду означить мужескою формою реченія активную силу начала, препятствующаго развитію и держащаго все въ неразрѣшенномъ единствѣ.

чается въ разрѣшеніи этого единства. Въ Эмпедоклѣ это единство расторгается; въ его мышленіи совершается то, что у орфиковъ является, какъ разрывъ темнаго, скрытаго и замкнутаго состоянія, обозначаемаго у нихъ образомъ яйца, пузыря и т. п. Это напряженное единство было для Эмпедокла чревато многообразіемъ будущаго развитія, и въ немъ самомъ уже усматривалъ онъ начало этого развитія. Энергія процесса, какъ борьба противоположныхъ стремленій, характеризуется у Эмпедокла словомъ «споръ», и этотъ «споръ», возникая изъ своего плѣна, является началомъ новаго потока измѣненій. «Споръ» разрываетъ связывающее единство, и «все въ разнообразныхъ видахъ стремится врозь» [1]).

Это разрѣшеніе космической сферы и выдѣленіе разнообразнаго бытія природы, — вотъ предметъ, служившій центромъ для мышленія Эмпедокла. Все прочее, какъ предыдущее, такъ и послѣдующее, входитъ въ его мышленіе косвенно. Разсмотримъ теперь ближе это центральное представленіе Эмпедокловой системы. Процессъ происхожденія разнообразнаго бытія условливается не однимъ расторгающимъ началомъ, но вмѣстѣ и началомъ соединяющимъ, примиряющимъ. Это послѣднее называется у Эмпедокла, какъ мы уже знаемъ, «дружбою» (φιλίη φιλότης), «любовью» (στοργή), также гармоніей. Представленіемъ примиряющаго начала понятіе процесса опредѣляется вполнѣ; это начало соотвѣтствуетъ причинѣ конечной и завершаетъ процессъ. Понятіе органической природы не могло и возникнуть безъ этого представленія. Выдѣленіе, обособленіе частей требуетъ возсоединенія. Разрозненное силою «спора», сохраняя относительную самостоятельность, вступаетъ въ новую связь и подчиняется высшему единству, которое даетъ всему свое мѣсто и назначеніе.

Итакъ, въ системѣ Эмпедокла мы видимъ уже соприсутствіе всѣхъ условій всеобщаго космическаго процесса. Главное мѣсто въ его системѣ занимаетъ природа органическая. Онъ занятъ преимущественно созерцаніемъ формъ возникающей природы. Мы видѣли уже выше, при изложеніи общей системы, какъ онъ характеризуетъ исчадія «спора» въ образованіяхъ органической природы. Это тотъ міръ, который подъ тройственнымъ именемъ Фанета, Метисъ, Эрикепея, произошелъ у орфиковъ изъ ихъ космогоническаго яйца, міръ, въ которомъ соприсутствуютъ всѣ начала, его зиждущія, но въ которомъ начала не пришли въ правильное соотношеніе между собою, потому — міръ чудовищныхъ формъ, носящихъ на себѣ отпечатки вражды. Большее

[1]) Стихъ 74: ἐν δὲ κότῳ διάμορφα καὶ ἄνδιχα πάντα πέλονται.

или меньшее преобладаніе спора или дружбы опредѣляетъ характеръ возникающихъ формъ. Чѣмъ болѣе преобладаетъ дружба, тѣмъ совершеннѣе являются формы. Природа неорганическая относится къ области «спора» [1]). Съ господствомъ спора соединяется преобладаніе огня. «Образованіе земли», говоритъ Эмпедоклъ, «предоставила Киприда огню». Дружба же своимъ преобладающимъ элементомъ имѣетъ влажность [2]). Въ организмахъ болѣе совершенныхъ «споръ нисповергается въ глубину», огонь скрывается внутрь, и какъ внутренняя сила становится дѣятелемъ жизни и разумѣнія [3]).

Платонъ, говоря въ одномъ мѣстѣ о Гераклитѣ и Эмпедоклѣ, характеризуетъ мышленіе послѣдняго какъ «мягкое» (Μοῦσαι Σικελικαὶ μαλακώτεραι) въ сравненіи съ Гераклитовымъ суровымъ и рѣзкимъ. Характеръ мягкости совершенно свойственъ мышленію Эмпедокла. Но греческое слово μαλακός, которымъ Платонъ характеризуетъ Эмпедокла, кромѣ мягкости, означаетъ еще «слабость, изнѣженность».

[1]) Симплицій in libr. de Coelo f. 144.

«γυμνοὶ δ' ἐπλάζοντο βραχίονες εὔνιδες ὤμων
ὄμματα τ' οἰ' ἐπλανᾶτο πενητεύοντα μετώπων».

ὅτε τοῦ νείκους ἐπεκράτει λοιπὸν ἡ φιλότης,

«ταῦτά τε συμπίπτεσκον ὅπη συνέκυρσεν ἕκαστα».

Стихъ 220 по Штурцу: Τοῦτον μὲν βροτέων μελέων ἀριδείκετον ὄγκον.
Ἄλλοτε μὲν Φιλότητι συνερχόμεν' εἰς ἓν ἅπαντα
γυῖα, τὰ σῶμα λέλογχε βίου θαλέθεντος ἐν ἀκμῇ·
ἄλλοτε δ' αὖτε κακῇσι διατμηθέντ' Ἐρίδεσσι
πλάζεται ἄνδιχ' ἕκαστα περὶ ῥηγμῖνι βίοιο.

Стихъ 203 (Шт.): ἡ δὲ χθὼν τούτοισιν ἴση συνέκυρσε μάλιστα
Ἡφαίστῳ τ' ὄμβρῳ τε καὶ αἰθέρι παμφανόωντι,
Κύπριδος (т. е. φιλότητος) ὁρμισθεῖσα τελείος ἐν λιμένεσσιν,
εἴτ' ὀλίγον μεῖζόν γ' εἴτε πλέον ἐστὶν ἔλασσον
ἐκ τῶν αἷμά τε γέντο καὶ ἄλλα δὲ εἴδεα σαρκός.

См. Аристотеля de Caelo III, B. 27: ἔνια, ἐξ ὧν συνίσταται τὰ κατὰ φύσιν συνιστάμενα σώματα, λέγω δ' οἷον ὀστᾶ καὶ σάρκας. καθάπερ Ἐμπεδοκλῆς φησι γίνεσθαι ἐπὶ τῆς φιλότητος.

[2]) Плутархъ de Primo frig. p. 952. Παρέσχεν Ἐμπεδοκλῆς ὑπόνοιαν, ὡς τὸ μὲν πῦρ Νεῖκος οὐλόμενον, σχεδύνην δὲ Φιλότητα τὸ ὑγρὸν ἑκάστοτε προσαγορεύων.
Симпл. in Ar. de Caelo. f. 128.

Ὡς δὲ τότε χθόνα Κύπρις ἔπειτ' ἐδείκνυεν ὄμβρῳ,
Ἡ δὲ ὑποπνείουσα θοῷ πυρὶ δῶκε κρατῦναι.

[3]) Стихъ 136 (Шт.): Επεὶ Νεῖκος μέν ἐνέρτατον ἵκετο βένθος
δίνης, ἐν δὲ μέσῃ Φιλότης στροφάλιγγι γένηται·
ἐν τῇ δὴ τάδε πάντα συνέρχεται ἓν μόνον εἶναι
οὐκ ἄφαρ, ἀλλὰ θέλυμνα συνίσταται ἄλλοθεν ἄλλο.

Этотъ послѣдній стихъ весьма замѣчателенъ. Въ немъ высказывается существенный характеръ органическаго единства, неисключающаго многоразличія и особенности частей.

Стихъ 280: Ὡς δὲ τό τ' ἐν μήνιγξιν ἐεργμένον ὠγύγιον πῦρ,
λεπτῇσιν ὀθόνῃσιν ἐχεύατο κύκλοπα κούρην...

Въ нѣкоторомъ отношеніи и эти признаки приличествуютъ Эмпедоклову мышленію [1]). Аристотель въ свою очередь замѣчаетъ, что ему недостаетъ послѣдовательности, что «споръ» у него часто исполняетъ назначеніе дружбы, а дружба—спора [2]). Не входя въ подробное разсмотрѣніе этого замѣчанія, мы не можемъ однако не замѣтить, что дружба Эмпедокла, служа къ организаціи существъ, является также и причиною ихъ гибели. Такъ сферосъ, изъ котораго дѣйствіемъ спора произошло разнообразное бытіе, возстановляется въ теченіи времени въ силу того же начала, которое называется у Эмпедокла дружбою, этого могущественнаго дѣятеля при образованіи органическаго міра.

Эмпедоклъ не былъ еще достаточно силенъ, чтобы обозрѣвать полную систему, не смѣшивая понятій. Дружба, употребляя его терминъ, дѣйствительно должна служить къ возстановленію единства въ разрозненныхъ элементахъ. Гдѣ является она, «тамъ все становится единствомъ», говоря его словами. Это единство есть высшая цѣль всякаго процесса, и въ немъ состоитъ истинное значеніе всякаго организма. Но гармонія, слѣдующая за споромъ, единство, согласующее въ себѣ разнородные элементы, есть нѣчто совершенно противоположное тому единству, которое представляется какъ первый терминъ, единству, которымъ не допускается ничто другое. Въ благоустроенномъ космосѣ все обособляется до послѣдней возможности, и вмѣстѣ все является единымъ и цѣльнымъ. Какъ можно усматривать изъ нѣкоторыхъ намековъ въ фрагментахъ Эмпедокла и въ извѣстіяхъ объ немъ у позднѣйшихъ писателей, онъ смѣшивалъ эти два противоположныя понятія единства [3]). Подобно Гераклиту, онъ, какъ кажется, представлялъ себѣ періодическія возниканія и изчезанія космоса. Во всякомъ случаѣ имъ не устранена возможность смѣшенія высшаго единства съ тѣмъ исключительнымъ единствомъ «сфероса», которое таило въ себѣ начатки живаго развитія, не дозволяя имъ высвободиться. Вотъ почему начало «дружбы» у Эмпедокла есть понятіе сомнительное.

Эмпедоклъ, согласно съ своею общею точкою зрѣнія, старается опредѣлить смыслъ происхожденія и гибели существъ. Онъ отправляется отъ элементовъ данныхъ и не задаетъ себѣ вопроса объ ихъ началѣ. Сферосъ, въ которомъ скрыты начатки всяческаго образованія, вотъ самый первый терминъ, далѣе котораго не прости-

[1]) Платонъ Sophist. 242.

[2]) Metaph. A, 5, A, 10.

[3]) См. всѣ относящіяся сюда мѣста у Штурца стр. 278 слѣд.

рается его взоръ. Когда скрытые элементы выявляются въ своемъ разнообразіи и потомъ вступаютъ между собою въ опредѣленныя сочетанія, тогда раждаются всяческія существа; когда сочетанія расторгаются, тогда существа гибнутъ. Эмпедоклъ съ особеннымъ усиліемъ старается утвердить это воззрѣніе, и часто возвращается къ нему [1]).

Оставляя въ сторонѣ нѣкоторыя частности его ученія, мы не можемъ однако не коснуться, въ заключеніе, нѣкоторыхъ сторонъ его мышленія вообще. Въ немъ уже замѣтенъ переходъ отъ архаической эпохи къ позднѣйшему времени. Мысль Эмпедокла, согласно съ его значеніемъ въ общей физіологической системѣ, обращается съ участіемъ къ области живой природы. Въ его фрагментахъ замѣчаемъ мы слѣды обширныхъ наблюденій надъ ея формами [2]). Сколько намъ извѣстно, у Эмпедокла впервые встрѣчается терминъ совершенно соотвѣтствующій нашему «развитіе» (διάπτυξις) [3]). Съ другой стороны нельзя не замѣтить въ немъ много архаическаго. Укажемъ между прочимъ на одинъ характеристическій терминъ, обыкновенно имъ употребляемый. Эмпедоклъ еще не знаетъ выраженія «вещи», какъ употребляется оно у насъ. Вмѣсто этого выраженія, намъ такъ привычнаго, архаическіе мыслители употребляли слово: «сущія» (τὰ ὄντα). Что же касается до Эмпедокла, то любимый терминъ его для этого понятія есть «смертныя» (τὰ θνητά).

Переходимъ къ Анаксагору.

Точкою отправленія Анаксагоръ имѣлъ то же что̀ и Эмпедоклъ.

[1]) Стихъ 34 (Шт.): δίπλ' ἐρέω, τοτὲ μὲν γὰρ ἓν ηὐξήθη μόνον εἶναι
ἐκ πλεόνων, τοτὲ δ' αὖ διέφυ πλέον' ἐξ ἑνὸς εἶναι·
δοιὴ δὲ θνητῶν γένεσις, δοιὴ δ' ἀπόλειψις.

Сл. стихъ 48.

Стихъ 105 (Шт.): ἄλλο δέ τοι ἐρέω· φύσις οὐδενός ἐστιν ἁπάντων
θνητῶν, οὐδέ τις οὐλομένου θανάτοιο τελευτή,
ἀλλὰ μόνον μίξις τε διάλλαξίς τε μιγέντων
ἐστί, φύσις δὲ βροτοῖς ὀνομάζεται ἀνθρώποισιν.

Стихъ 112: οἱ δ' εὖτ' ἢ κατὰ φωτῶν μισγέντ' ἐς φάος ἔλθῃ
ἢ κατὰ θηρῶν ἀγροτέρων γένος ἢ κατὰ θάμνων,
ἠὲ καὶ οἰωνῶν, τότε μὲν τὸ λέγουσι γενέσθαι·
εὖτε δ' ἀποκριθῶσι, τὸ δ' αὖ δυσδαίμονα πότμον
ἔν γε νόμῳ καλέουσι· νόμῳ δ' επίφημι καὶ αὐτός.

Стихъ 149: τῶν δέ τε μισγομένων, χεῖτ' ἔθνεα μυρία θνητῶν,
παντοίαις ἰδέῃσιν ἀρηρότα, θαῦμα ἰδέσθαι.

[2]) Сл. напр. стихи 249—273.

[3]) Αυτὰ γάρ ἐστιν ταῦτα δὶ ἀλλήλων δὲ θέοντα γίνεται ἀλλοιωτά· τὰ γὰρ διάπτυξις ἀμείβει.

Но Анаксагоръ характеризуетъ первый терминъ своей системы гораздо опредѣленнѣе, чѣмъ Эмпедоклъ, и какъ въ этомъ, такъ и во всемъ прочемъ, обнаруживаетъ настроеніе мысли болѣе свободной отъ архаическаго характера.

Геллены, говоритъ онъ, совершенно совпадая въ этомъ отношеніи съ Эмпедокломъ, Геллены употребляютъ неправильно выраженія: происходить и гибнуть. Никакая вещь ни раждается, ни уничтожается. Но существующія вещи могутъ соединяться между собою и разъединяться; соединенія же и разъединенія неправильно называются происхожденіемъ и уничтоженіемъ [1]).

Замѣтимъ здѣсь употребленіе слова вещи (χρήματα). Употребленіе этого термина весьма обыкновенно у Анаксагора; въ его фрагментахъ встрѣчается оно впервые и принадлежитъ ему наравнѣ съ другими ему современными и позднѣйшими мыслителями, какъ Діогенъ Аполлонійскій и Демокритъ.

Всѣ вещи, или, какъ еще иначе выражается Анаксагоръ, сѣмена всѣхъ вещей, были первоначально вмѣстѣ, въ смѣшеніи между собою [2]).

Замѣтимъ здѣсь историческій способъ изложенія: «были», который оказывается и въ другихъ мѣстахъ системы. Такъ далѣе выражается онъ тѣмъ же способомъ: «разумъ началъ двигать».

Въ этомъ смѣшеніи все причаствовало всему, т. е. все между собою сопроникалось совершенно безразлично. Многое и всяческое въ этомъ смѣшеніи, сѣмена всѣхъ вещей, всяческіе виды, качества (цвѣта) и настроенія (ἡδοναί) были, какъ нѣчто единое. Ничто, никакое качество не проявлялось, потому что всякому проявленію препятствовало смѣшеніе (σύμμιξις), — смѣшеніе влажнаго и сухаго, теплаго и холоднаго, свѣтлаго и темнаго, и земли многой соприсущей, и безпредѣльнаго множества сѣменъ совершенно различныхъ, одно другому не подобныхъ. Когда все было въ такомъ состояніи, то должно разумѣть, что все было одно [3]).

[1]) Τὸ δὲ γίνεσθαι καὶ ἀπόλλυσθαι οὐκ ὀρθῶς νομίζουσιν οἱ Ἕλληνες· οὐδὲν γὰρ χρῆμα οὐδὲ γίνεται οὐδὲ ἀπόλλυται, ἀλλ' ἀπὸ ἐόντων χρημάτων συμμίσγεταί τε καὶ διακρίνεται. Καὶ οὕτως ἂν ὀρθῶς καλοῖεν τὸ, τε γίνεσθαι συμμίσγεσθαι καὶ τὸ ἀπόλλυσθαι διακρίνεσθαι. Фр. XVII. Schorn.

[2]) Ὁμοῦ πάντα χρήματα ἦν, ἄπειρα καὶ πλῆθος καὶ σμικρότητα· καὶ γὰρ τὸ σμικρὸν ἄπειρον ἦν. Καὶ πάντων ὁμοῦ ἐόντων οὐδὲν ἔνδηλον ἦν ὑπὸ σμικρότητος· πάντα γὰρ ἀήρ τε καὶ αἰθὴρ κατεῖχεν, ἀμφότερα ἄπειρα ἐόντα· ταῦτα γὰρ μέγιστα ἔνεστιν ἐν τοῖσι σύμπασι καὶ πλήθεϊ καὶ μεγάθεϊ. Фр. I.

[3]) Τουτέων δὲ οὕτως ἐχόντων χρὴ δοκέειν ἒν εἶναι πολλά τε καὶ παντοῖα ἐν πᾶσι

Аристотель, переводя на свою терминологію понятія древнѣйшихъ мыслителей, не иначе обозначаетъ это скрытое состояніе бытія, какъ своимъ терминомъ «потенція» (σύναμις, συνάμει ὄν) [1]). Въ этомъ потенціяльномъ состояніи разнообразіе естества было и вмѣстѣ не было. Однако, тѣмъ не менѣе, потенціяльность, о которой можетъ здѣсь идти рѣчь, не есть чистая потенціяльность. Сѣмена всяческаго представляются въ Анаксагоровомъ единствѣ, или смѣшеніи, какъ нѣчто дѣйствительно существующее; но каждое, ни относительно себя, ни относительно другаго не можетъ имѣть никакой самостоятельности, не проявляется, и потому какъ бы вовсе не существуетъ. Въ этомъ представленіи является съ характеромъ дѣйствительнаго актуальнаго существованія только единство, смѣшеніе; то же, что̀ скрыто въ этомъ единствѣ, полнота разнообразія, индивидуальнаго развитія, существуетъ только въ возможности, динамически (δυνάμει ὄν). Вообще терминъ «безграничное» въ послѣдней инстанціи совпадаетъ съ Аристотелевскою потенціей. Въ первоначальной противуположности, о которой говорено было выше, эѳира и хаоса или безграничности, это послѣднее представленіе есть не что иное, какъ потенція. Эѳиръ обозначается терминомъ «актъ», «энергія», а безграничность терминомъ «потенція, δυναμις». Понятіе бытія матеріяльнаго именно соединяетъ въ себѣ оба эти признака. Состояніе матеріи есть въ одномъ отношеніи дѣйствительность, въ другомъ же отношеніи оно есть пассивность, недѣйствительность, возможность.

Анаксагорово единство есть выраженіе матеріялизованнаго бытія. Оно представляетъ собою возможность будущаго, возможность, которая до извѣстной поры стѣсняется противодѣйствіемъ начала, не хотящаго стать пассивною средою, а потому держащаго все въ слитномъ безразличіи.

Но наступаетъ пора, и дѣйствіе высшаго начала, которому оно

τοῖσι συγκρινομένοισι καὶ σπέρματα πάντων χρημάτων καὶ ἰδέας παντοίας ἔχοντα καὶ χροίας καὶ ἡδονάς. Фр. III.

Πρὶν δὲ ἀποκριθῆναι ταῦτα, πάντων ὁμοῦ ἐόντων οὐδὲ χροιὴ ἔνδηλος ἦν οὐδεμίη· ἀπεκώλυε γὰρ ἡ σύμμιξις ἁπάντων χρημάτων τοῦ τε διεροῦ καὶ τοῦ ξηροῦ καὶ τοῦ θερμοῦ καὶ τοῦ ψυχροῦ καὶ τοῦ λαμπροῦ καὶ τοῦ ζοφεροῦ καὶ γῆς πολλῆς ἐνεούσης καὶ σπερμάτων ἀπείρων πλῆθος οὐδὲν ἐοικότων ἀλλήλοισιν· οὐδὲ γὰρ τῶν ἄλλων οὐδὲν ἔοικε τῳ ἑτέρῳ τὸ ἕτερον. Τουτέων δὲ οὕτως ἐχόντων ἐν τῷ σύμπαντι χρὴ δοκέειν ἓν εἶναι πάντα χρήματα. Фр VI.

[1]) Аристотель Met. Α, 2. Сл. ib. 6.

противится, проникаетъ въ него, разрѣшаетъ его и овеществляется въ немъ. Анаксагоръ обозначаетъ это высшее бытіе терминомъ «разумъ» (ὁ νοῦς).

Дѣйствіе этого высшаго начала объясняетъ Анаксагоръ такимъ образомъ: разумъ приводитъ въ движеніе безразличное единство; оно обращается само въ себѣ отъ этого дѣйствія, и мало-по-малу, вслѣдствіе такого обращенія, выявляются скрытыя качества, виды, настроенія, вещи; единство размыкается и становится источникомъ живаго разнообразія природы. Дѣйствіе разума, учитъ Анаксагоръ, сначала крайне-слабое и отдаленное, возрастаетъ и усиливается постепенно. Результаты соотвѣтствуютъ большей или меньшей близости движущаго начала [1]).

Полноту скрытаго въ единствѣ бытія Анаксагоръ представлялъ себѣ какъ безпредѣльное множество элементовъ, которые обозначалъ онъ общимъ терминомъ «гомеомеріи» (ὁμοιομέρια, ὁμοιομέρειαι, ὁμοιομερῆ στοιχεῖα), терминомъ, который впрочемъ не встрѣчается въ собственныхъ фрагментахъ Анаксагора, но приписывается ему почти всѣми референтами его ученія, съ такимъ единогласіемъ, что нельзя сомнѣваться въ подлинности этого термина. Это, переводя буквально, равночастные элементы, или элементы, имѣющіе одинаковый составъ. Аристотель [2]) объясняетъ эти выраженія такимъ образомъ: равночастные элементы суть тѣ, по Анаксагору, которые состоятъ изъ частей совершенно тождественныхъ своему цѣлому, такъ что каждая часть носитъ одно и то же имя съ своимъ цѣлымъ, напр. капля крови и масса крови и т. п., словомъ это то, что̀ мы называемъ механическими частями въ отличіе отъ химическихъ.

Въ Анаксагоровой мысли замѣчаемъ мы впервые воззрѣнія относительныя. Она становится способною къ понятіямъ спеціяльнымъ, къ сужденію и сравненію. Такъ, напримѣръ, говоритъ Анаксагоръ о своихъ элементахъ: «Въ маломъ нѣтъ самаго малаго, а есть меньшее; нѣтъ также и самаго великаго, но есть большее большаго, — и многое равно малому; каждое есть и великое и малое [3])».

[1]) Ἐπεὶ ἤρξατο ὁ νόος κινέειν, ἀπὸ τοῦ κινεομένου παντὸς ἀπεκρίνετο, καὶ ὅσον ἐκίνησεν ὁ νόος, πᾶν τοῦτο διεκρίθη· κινεομένων δὲ καὶ διακρινομένων ἡ περιχώρησις πολλῷ μᾶλλον ἐποίεε διακρίνεσθαι. Фр. VII. Καὶ πρῶτον ἀπὸ τοῦ σμικροῦ ἤρξατο περιχωρῆσαι, ἔπειτε πλέον περιεχώρεε καὶ περιχωρήσει ἐπὶ πλέον. Фр. VII.

[2]) De Gener. et Corrupt. I, 1: τὰ ὁμοιομερῆ στοιχεῖα τίθησιν, οἷον ὀστοῦν καὶ σάρκα καὶ μυελόν, καὶ τῶν ἄλλων ὧν ἑκάστου συνώνυμον τὸ μέρος ἐστί.

[3]) Οὔτε τοῦ σμικροῦ γέ ἐστι τό γε ἐλάχιστον, ἀλλ' ἔλασσον αἰεί· τὸ γὰρ ἐὸν οὐκ ἔστι τὸ μὴ οὐκ εἶναι· οὔτε τὸ μέγιστον, ἀλλὰ καὶ τοῦ μεγάλου αἰεί ἐστι μέζον· καὶ

Выше сравнивали мы Анаксагора съ Эмпедокломъ. Если, не ограничиваясь этимъ послѣднимъ, мы распространимъ сравненіе далѣе и припомнимъ главныя фазы, пройденныя прежде мышленіемъ, то намъ еще яснѣе предстанетъ значеніе клазоменскаго мыслителя и опредѣленнѣе обозначатся его представленія. Онъ такъ далекъ отъ астральнаго созерцанія, что «небесные боги» древнѣйшихъ мыслителей превратились для него въ простыя каменныя массы, тяжелыя и свѣтящіяся по причинѣ вращенія (сопротивленія и уступленія) эѳира; онѣ насильно увлекаются стремленіемъ и напряженіемъ обращенія [1]).

Анаксагоръ еще менѣе, чѣмъ Эмпедоклъ, могъ быть занятъ созерцаніемъ стихійныхъ переходовъ. Онъ предполагаетъ, какъ мы видѣли, безчисленные элементы. Впрочемъ, это представленіе безчисленныхъ элементовъ не есть нѣчто совершенно новое. Въ самомъ первомъ моментѣ созерцанія открывается, какъ мы видѣли, эта безчисленность. Но безчисленность первоначальнаго созерцанія много разнится отъ безчисленности Анаксагоровой системы. Безчисленное множество силъ, въ которыхъ вращается первоначальное бытіе, представляется какъ одно и то же, какъ нѣчто совершенно однородное. Что̀ же касается до Анаксагоровыхъ элементовъ, то въ нихъ предъизображены всѣ возможныя различія. Они принадлежатъ къ различнымъ степенямъ; различаются между собою качествами, настроеніями, видами. Въ этихъ начаткахъ природы предполагается, въ различныхъ отношеніяхъ и мѣрахъ, совокупное участіе всѣхъ причинъ всеобщаго процесса.

Обратимся теперь еще разъ къ Анаксагорову представленію движущаго начала, къ его знаменитому представленію «Разума».

Вотъ характеристическіе термины, которыми Анаксагоръ обозначаетъ это царственное начало: это начало самовладѣющее (*αὐτοκρατές*); не смѣшанное ни съ чѣмъ, но совершенно самостоятельное; оно существуетъ не въ другомъ, но само въ себѣ, иначе оно терялось бы въ общемъ смѣшеніи и не могло бы исполнять своего назначенія,

ἴσον ἐστὶ τῷ σμικρῷ πλῆθος, πρὸς ἑωυτὸ δὲ ἕκαστόν ἐστι καὶ μέγα καὶ σμικρόν. Фр. VI.

[1]) Плутархъ Lysandr. c. 12. *Εἶναι δὲ καὶ τῶν ἄστρων ἕκαστον οὐκ ἐν ᾗ πέφυκε χώρᾳ· λιθώδη γὰρ ὄντα καὶ βαρέα λάμπειν μὲν ἀντερείσει καὶ περικλάσει τοῦ αἰθέρος, ἕλκεσθαι δὲ ὑπὸ βίας σφιγγόμενα δίνῃ καὶ τόνῳ τῆς περιφορᾶς....* Сл. Оригена Philosoph. c. 8; Діогена Л. II, 12. — Платонъ de Legib. XII, p. 967: *τὰ πρὸ τῶν ὀμμάτων πάντα αὐτοῖς ἐφάνη, τὰ κατ' οὐρανὸν φερόμενα, μεστὰ εἶναι λίθων καὶ γῆς καὶ πολλῶν ἀψύχων σωμάτων.*

не могло бы вызывать вещи къ дѣйствительности и совершенству; оно причастно только совершеннѣйшимъ натурамъ; только одушевленное достигаетъ разума и становится ему причастнымъ; разумъ есть знаніе, предъ которымъ все раскрывается [1]).

Не смотря однако на эти яркія и сильныя черты, опредѣляющія Анаксагорово представленіе разума, оно не свободно отъ нѣкоторой сбивчивости. Платонъ [2]) и Аристотель [3]), несмотря на всѣ эти признаки, ясно свидѣтельствущіе, что̀ собственно разумѣлъ клазоменскій мыслитель подъ своимъ понятіемъ разума, не находятъ, чтобы эти признаки оправдывались на дѣлѣ въ его системѣ. Мы не будемъ здѣсь входить въ ихъ полемику, и взвѣшивать силу ихъ замѣчаній; укажемъ только на главную, по нашему мнѣнію, причину сбивчивости въ этомъ господствующемъ представленіи Анаксагоровой системы. Изложенные признаки опредѣляютъ значеніе «разума», какъ причины конечной. Онъ есть то, къ чему все стремится, и въ достиженіи чего все находитъ свое относительное совершенство. Но тѣмъ не менѣе въ немъ смѣшаны два разнородныя представленія: представленіе причины производящей и представленіе причины конечной. Анаксагоръ, пораженный этимъ послѣднимъ представленіемъ, которое раскрылось ему такъ блистательно, не сформулировалъ полной системы началъ, и тѣмъ менѣе могъ опредѣлить отношенія между ними. Полагая источникъ всеобщаго движенія въ разумѣ и понимая разумъ, какъ причину конечную, Анаксагоръ не могъ однако довольствоваться однимъ этимъ представленіемъ при объясненіи космическихъ измѣненій. За это собственно нельзя упрекать его; существенный же недостатокъ его состоитъ въ томъ, что не опредѣлено, какого рода дѣйствіе принадлежитъ въ процессѣ разуму. Какъ цѣль, какъ пунктъ, къ которому все стремится, ра-

[1]) Τὰ μὲν ἄλλα παντὸς μοῖραν μετέχει, νόος δέ ἐστι ἄπειρον καὶ αὐτοκρατὲς καὶ μέμικται οὐδενὶ χρήματι, ἀλλὰ μοῦνον αὐτὸ ἐφ' ἑωυτοῦ ἐστιν. Εἰ μὴ γὰρ ἐφ' ἑωυτοῦ ἦν, ἀλλά τεῳ ἐμέμικτο ἄλλῳ, μετεῖχεν ἂν ἁπάντων χρημάτων, εἰ ἐμέμικτό τεῳ· ἐν παντὶ γὰρ παντὸς μοῖρα ἔνεστιν, ὥσπερ ἐν τοῖσι πρόσθεν μοι λέλεκται· καὶ ἂν ἐκώλυεν αὐτὸν τὰ συμμεμιγμένα, ὥστε μηδενὸς χρήματος κρατέειν ὁμοίως, ὡς καὶ μοῦνον ἐόντα ἐφ' ἑωυτοῦ. Ἔστι γὰρ λεπτότατόν τε πάντων χρημάτων καὶ καθαρώτατον καὶ γνώμην γε περὶ παντὸς πᾶσαν ἴσχει καὶ ἰσχύει μέγιστον. Ὅσα τε ψυχὴν ἔχει καὶ τὰ μέζω καὶ τὰ ἐλάσσω, πάντων νόος κρατέει καὶ τῆς περιχωρήσιος τῆς συμπάσης νόος ἐκράτησεν, ὥστε περιχωρῆσαι τὴν ἀρχήν. — — Καὶ τὰ συμμισγόμενά τε καὶ ἀποκρινόμενα καὶ διακρινόμενα, πάντα ἔγνω νόος. Фр. VI по Шорну.

[2]) Phaedo p. 97, 98.

[3]) Metaph. A, 4; A, 10.

зумъ не самъ собою реализируется, но посредствомъ измѣненій, съ необходимостію условливаемыхъ другою, непосредственно дѣйствующею, причиною. Разумъ можетъ условливать движеніе лишь посредствомъ другой производительной причинности, къ которой Анаксагоръ хотя и прибѣгалъ для своихъ объясненій, но которая не была выразительно обозначена имъ. Впрочемъ, такъ какъ его гомеомеріи имѣютъ, судя по всему, преимущественно значеніе начатковъ органической природы, то при такомъ воззрѣніи всего естественнѣе было ему видѣть источникъ движенія въ разумѣ, какъ причинѣ конечной; ибо въ органической области собственно и оказывается причинность этого рода.

—

Мышленіе, созерцавшее космогоническій процессъ, переходя въ немъ отъ одного момента къ другому, само находилось въ процессѣ своего рода и подвергалось измѣненіямъ. Можно сказать, что все, представлявшееся мышленію, какъ бы происходило и съ нимъ самимъ. Сначала мы застигаемъ мысль въ состояніи близкомъ къ экстатическому; она является совершенно однородною и подобною тому единому бытію, которое видѣли мы какъ исходный пунктъ космогонической системы. Всѣ понятія являются, какъ одно понятіе. Но вотъ однородность мышленія прерывается; въ немъ возникаютъ различныя опредѣленія, и оказываются противуположныя тяготѣнія. Завязываются узлы понятій, образующихъ особенные роды познанія и разумѣнія. Мышленіе мало-по-малу отрывается отъ представленій всеобщаго, подавлявшихъ его, и во множествѣ разнородныхъ представленій, ограничивающихъ взаимно другъ друга, пріобрѣтаетъ самостоятельность, независимость, способность судить и составлять, путемъ частнаго наблюденія и наведенія, практическія понятія.

Обратимъ теперь вниманіе на мыслителей, которыми окончательно заключается архаическій періодъ. Кромѣ Демокрита и Левкиппа, или такъ называемой школы атомиковъ, сюда принадлежитъ, вмѣстѣ съ Анаксагоромъ, и Діогенъ Аполлонійскій.

Мышленіе Діогена Аполлонійскаго по своему содержанію представляетъ мало интереса. Онъ отправляется отъ даннаго разнообразія міра и ищетъ возвести его къ единству. Его мышленіе вступаетъ такимъ образомъ на путь анализа и наведенія, и обнаруживаетъ пріемы, свидѣтельствующіе о такомъ настроеніи мышленія, какого не представляли намъ древнѣйшіе физіологи.

«При началѣ всякаго разсужденія», пишетъ Діогенъ, приступая къ своему трактату о природѣ, «слѣдуетъ указать несомнѣнное начало, и требуется, чтобы изложеніе было просто и строго» [1]).

Мы видимъ въ этихъ немногихъ словахъ мышленіе, способное рефлектировать, т. е. обращаться на самого себя, и отдавать себѣ отчетъ въ своихъ правилахъ.

Далѣе:

«Мнѣ кажется, говоря вообще, что всѣ существа обособляются отъ одной и той же сущности, и суть въ самихъ себѣ одно и то же. Это объясняется весьма легко. Ибо еслибъ все находящееся въ семъ мірѣ, какъ-то земля, вода и все прочее, что̀ является какъ существующее въ семъ мірѣ, было по существу своему совершенно одно отъ другаго отлично, а не было напротивъ лишь многообразными измѣненіями одной и той же сущности, то различныя не могли бы взаимно сопроникаться, смѣшиваться и причинять другъ другу пользу или вредъ. Не могло бы растеніе расти изъ земли, не могло бы животное раждаться, никакая вещь не могла бы происходить, если бы въ основѣ всего не находилась одна и та же сущность. Будучи видоизмѣненіемъ одного и того же, каждое является, какъ нѣчто иное и особое, и каждое восходитъ къ одному и тому же» [2]).

Эта основная сущность намъ уже знакома. Діогенъ обозначаетъ ее словомъ воздухъ. Но намъ интересно видѣть методъ, какимъ поступаетъ здѣсь мыслитель. Не менѣе интересенъ этотъ способъ выраженія, который отзывается духомъ совершенно иного времени, и въ которомъ мы легко узнаемъ привычные намъ пріемы и обороты.

Это замѣчаніе имѣетъ для насъ еще тѣмъ бо̀льшую занимательность, что Діогенъ Аполлонійскій вовсе не принадлежитъ къ числу умовъ, особенно одаренныхъ; мы не можемъ объяснять этотъ новый языкъ оригинальностію его ума и вообще его личными свойствами. Фрагменты его ученія, а равно и преданія объ немъ, не свидѣтель-

[1]) *Λόγου παντὸς ἀρχόμενον δοκέει μοι χρεὼν εἶναι τὴν ἀρχὴν ἀναμφισβήτητον παρέχεσθαι, τὴν δὲ ἑρμηνείην ἁπλῆν καὶ σεμνήν.* Фр. I Schorn,

[2]) *Ἐμοὶ δὲ δοκέει, τὸ μὲν ξύμπαν εἰπεῖν, πάντα τὰ ἐόντα ἀπὸ τοῦ αὐτοῦ ἑτεροιοῦσθαι καὶ τὸ αὐτὸ εἶναι· καὶ τοῦτο εὔδηλον. Εἰ γὰρ τὰ ἐν τῷδε τῷ κόσμῳ ἐόντα νῦν γῆ καὶ ὕδωρ καὶ τἆλλα, ὅσα φαίνεται ἐν τῷδε τῷ κόσμῳ ἐόντα, εἰ τουτέων τι ἦν τὸ ἕτερον τοῦ ἑτέρου ἕτερον ἐὸν τῇ ἰδίῃ φύσεϊ, καὶ μὴ τὸ αὐτὸ ἐὸν μετέπιπτε πολλαχῶς καὶ ἠτεροιοῦτο, οὐδ' ἂν οὔτε μίσγεσθαι ἀλλήλοισιν ἠδύνατο οὔτε ὠφέλησις τῷ ἑτέρῳ οὔτε βλάβη.... οὐδ' ἂν οὔτε φυτὸν ἐκ τῆς γῆς φῦναι οὔτε ζῶον οὔτε ἄλλο γενέσθαι οὐδὲν, εἰ μὴ οὕτω συνίστατο ὥστε τωὐτὸ εἶναι· ἀλλὰ πάντα ταῦτα ἐκ τοῦ αὐτοῦ ἑτεροιούμενα ἄλλοτε ἀλλοῖα γίνεται καὶ ἐς τὸ αὐτὸ ἀναχωρέει.* Фр. II Schorn.

ствуютъ ни объ особенной даровитости, ни объ оригинальности. Содержаніе его ученія, повторимъ, весьма не интересно и скудно; но это замѣченное нами новое настроеніе его мышленія есть плодъ времени, результатъ развитія. Онъ, говоря согласно съ содержаніемъ его ученія, вдыхалъ въ себя съ воздухомъ этотъ тонъ мысли, этотъ складъ рѣчи.

Дабы еще болѣе оцѣнить значеніе времени, къ которому принадлежитъ Діогенъ, припомнимъ, что современникомъ его былъ Гиппократъ, отецъ медицины, первый представитель частнаго познанія, отвлекаемаго отъ опредѣленной группы явленій, а потому и властвующаго надъ нею какъ законъ. Сюда же принадлежитъ ученикъ Анаксагора, Архелай, котораго древніе признавали предшественникомъ Сократа относительно нравоученія. Міръ собственно человѣческій не могъ еще быть предметомъ мышленія въ теченіе архаическаго періода. Какъ въ человѣкѣ завершается космогонія, такъ и первыхъ начатковъ мышленія, относящагося къ человѣческому въ его собственныхъ предѣлахъ, можно ожидать лишь въ концѣ физіологическаго развитія.

Сюда же наконецъ принадлежалъ и Демокритъ. Если сообразимъ все относящееся къ этому мыслителю, все, что̀ было высказано имъ, или что̀ было объ немъ высказано въ древности, то онъ предстанетъ намъ полнымъ олицетвореніемъ духа той сферы мышленія, которая такъ широко развивается въ наше время подъ именемъ индуктивнаго познанія. Мы узнаемъ въ немъ всѣ категоріи, такъ привычныя намъ въ этой сферѣ мышленія. Вотъ почему Баконъ Веруламскій, провозгласившій въ новое время начало спецификаціи наукъ и индуктивнаго метода, узналъ себя въ мыслителѣ абдерскомъ, даже сквозь туманъ столькихъ вѣковъ, ихъ раздѣлявшихъ. Баконъ обращался къ Демокриту мимо всѣхъ другихъ представителей мысли и разумѣнія въ древнемъ мірѣ; лишь въ одномъ Демокритѣ привѣтствовалъ онъ духъ того познанія, которому суждено было такъ богато и плодотворно развиться въ новое время. Въ самомъ дѣлѣ, въ лицѣ Демокрита и другихъ близкихъ ему по времени мыслителей, философія впервые высвободила изъ себя область частныхъ познаній, и вслѣдствіе этого пріобрѣла въ послѣдствіи возможность развиваться сосредоточеннѣе и сильнѣе въ своей собственной области.

Демокритъ, подобно прочимъ современнымъ ему мыслителямъ, отправлялся отъ даннаго множества разнообразныхъ явленій, окружающихъ насъ въ дѣйствительномъ мірѣ. Предположеніе, служившее ему главнымъ источникомъ объясненія и орудіемъ анализа, не

было что-либо исключительно ему свойственное. Напрасно считаютъ Демокрита первымъ виновникомъ понятія «атомовъ». Даже у самыхъ отдаленныхъ мыслителей архаическаго времени встрѣчаемъ мы однородное представленіе. Даже въ представленіи первоначальнаго единства, какъ мы видѣли, не исключалась множественность, а напротивъ единое непосредственно представлялось какъ всеобщее начало, живущее въ безконечномъ множествѣ единицъ. Только мыслители элейскіе, по особой свойственной имъ настроенности, отвергали всякое понятіе множественности. Всѣ же прочіе признавали единое и многое вмѣстѣ, ἓν καὶ πολλά.

Особенность Демокрита (а также и Левкиппа) относительно этого представленія состоитъ лишь въ томъ, что множественность была у него на первомъ планѣ и какъ бы заслоняла всеобщее единство. Однако онъ былъ еще настолько философъ, что не терялъ и всеобщаго изъ виду. Согласно съ близкимъ къ нему по времени Діогеномъ, онъ утверждалъ, что безчисленныя единицы, составляющія міръ, имѣютъ одну и ту же натуру, что въ нихъ выражается одна и та же сущность [1]). Въ этихъ единицахъ Демокритъ видѣлъ основаніе всякой реальности; въ каждой изъ нихъ видѣлъ онъ нѣчто твердое, не преходящее, не гибнущее [2]). Демокритъ называлъ эти основныя реальности атомами. Слово атомъ на греческомъ языкѣ значитъ то же, что̀ латинское индивидуумъ, «недѣлимое», которое есть не что иное какъ лишь почти буквальный переводъ греческаго термина. Въ нашемъ словоупотребленіи термины «атомъ» и «индивидуумъ» совершенно разрознились, и выражаютъ собою два смысла совершенно разнородные. Но въ сущности въ своемъ первоначальномъ значеніи, эти два слова суть одно слово. Въ греческой терминологіи атомъ употребляется совершенно въ томъ же смыслѣ, какъ мы употребляемъ индивидуумъ. У насъ различіе между этими двумя словами, греческимъ «атомъ» и его латинскимъ переводомъ, заключается въ томъ, что первое преимущественно относится къ веществу, а второе къ нравственному міру, а также въ томъ, что первымъ означается послѣдній предѣлъ реальнаго дѣленія, а вторымъ послѣдній предѣлъ дѣленія логическаго (родъ, видъ, индивидуумъ: родъ дѣлится на виды, видъ на недѣлимыя). Что касается до Демокрита, то онъ не имѣлъ въ виду этихъ различій, и терминъ «атомы» могъ значить у него равно и то и другое.

[1]) Симплицій in Arist. Phys. f. 10: ὁμοουσίους τὰς ἀρχάς (т. е. τὰς ἀτόμους): f. 35, b. τὸ εἶδος αὐτῶν καὶ τὴν οὐσίαν ἓν ὑπέθεντο καὶ ὡρισμένον.

[2]) Плутархъ adv. Colot. p. 1111: μήτε πάσχειν μήτε μεταβάλλειν τὰς ἀτόμους ὑπὸ στεῤῥότητος. Діогенъ Л. II, 41: ἀπαθῆ ἀναλλοίωτα διὰ τὴν στεῤῥότητα.

Въ представленіи атомовъ видятъ обыкновенно послѣднюю степень матеріялизма. Такое мнѣніе основано на спутанности понятій. Напротивъ, если вникнуть въ дѣло глубже, то окажется, что это представленіе есть совершенная противуположность матеріялистическому воззрѣнію. Понятіе вещества предполагаетъ совершенную пассивность, вслѣдствіе этого безпредѣльную дѣлимость. Понятіе атома, индивидуума, напротивъ означаетъ нѣчто не подлежащее дѣленію, неразрѣшимое единое. Но въ нашихъ обиходныхъ понятіяхъ, употребляемыхъ безотчетно и понавыку, мы легко замѣняемъ понятіе «атома» понятіемъ частицъ, на которыхъ какъ бы только случайно (какъ бы по лѣности или по усталости) останавливается нашъ анализъ. На эти частицы, простыя произведенія нашей собственной дѣятельности, нашего анализа, мы переносимъ, не заботясь о собственномъ противорѣчіи, съ одной стороны тотъ же самый характеръ пассивнаго вещества, которое непосредственно подлежитъ нашимъ чувствамъ, а съ другой, незамѣтнымъ подлогомъ, значеніе существенно недѣлимой единицы.

Демокритъ училъ, что единая всеобщая сущность является въ особыхъ единицахъ «опредѣленною» [1]). Каждое недѣлимое имѣетъ свой образъ и по своему выражаетъ въ себѣ всеобщую сущность [2]). Въ такомъ воззрѣніи мы не можемъ не замѣтить существеннаго отличія отъ первоначальнаго представленія множественности. Недѣлимыя Демокрита представляютъ собою не одну основную сущность, но и дѣйствіе другаго начала, начала опредѣляющаго. Каждое есть нѣчто опредѣленное, имѣющее свой образъ, и слѣдовательно каждое представляетъ собою извѣстное отношеніе между главными началами.

Опредѣляя взаимнодѣйствіе атомовъ между собою, Демокритъ учитъ, «что дѣйствующее и страждущее (т. е. подверженное дѣйствію) должны быть однородны; ибо различныя не могутъ принимать другъ отъ друга дѣйствіе; если же различныя взаимно дѣйствуютъ другъ на друга, то это происходитъ не поскольку они различны, а поскольку они между собою тождественны». Подобное, учитъ онъ далѣе, дѣйствуетъ на подобное, и сродное стре-

[1]) См. на предыдущей стр. Симпл. in Phys. f. 35. b.

[2]) Аристотель de Gener. et Corrupt. I, 7. *Δημόκριτος δὲ παρὰ τοὺς ἄλλους ἰδίως ἔλεξε μόνος. φησὶ γὰρ τὸ αὐτὸ καὶ ὅμοιον εἶναι τό τε ποιοῦν καὶ τὸ πάσχον. οὐ γὰρ ἐγχωρεῖν τὰ ἕτερα καὶ διαφέροντα πάσχειν ὑπ' ἀλλήλων, αλλα κἂν ἕτερα ὄντα ποιῇ τι εἰς ἄλληλα, οὐχ ᾗ ἕτερα ἀλλ' ᾗ ταὐτόν τι ὑπάρχει, ταύτῃ τοῦτο συμβαίνειν αὐτοῖς.*

мится другъ къ другу, и каждая изъ формъ, входя (ἐκκοσμούμενον, оригинальное, выразительное слово) въ новое сочетаніе, производитъ новое расположеніе [1]).

Терминъ «формы» (σχήματα, ἰδέαι, или по мѣстному абдерскому парѣчію ῥυσμοί) [2]) значитъ въ терминологіи Демокрита то же самое, что̀ и атомы. Это лишь другое выраженіе для того же понятія. Но оно свидѣтельствуетъ о значеніи основныхъ единицъ въ умѣ Демокрита. Столько же существенно имъ опредѣленіе формы, сколько матеріяльное начало, имъ всѣмъ общее и подчинившееся въ нихъ этому опредѣленію, которому обязаны онѣ своею особностію. Идей, или формъ, предполагается неопредѣленное множество. Ими-то атомики объясняли все разнообразіе міра.

Наконецъ основныя единицы, атомы, формы, обозначаются еще словомъ «полное» (τὸ πλῆρες или τὰ ναστά), и въ этомъ смыслѣ противополагаются «пустому», или, что все то же, словомъ «сущее» въ противоположность «не-сущему». Вмѣстѣ съ атомами, какъ положительнымъ выраженіемъ реальности, существуетъ актъ, ихъ раздѣляющій, и это раздѣляющее дѣйствіе выражается подъ видомъ пустоты между атомами [3]). Оно есть также реальность, но реальность отрицательная, оно производится силою, существующею не менѣе той, которая составляетъ сущность «полнаго» [4]). Это—отрицательное начало, вторгающееся въ первичное начало (какъ мы видѣли выше въ пиѳагорейской философемѣ) и вынуждающее его существовать въ безконечномъ множествѣ единицъ. Благодаря этой пустотѣ, становится возможнымъ движеніе и измѣненіе.

Атомы, безконечно разнообразные, сочетаются между собою и

[1]) Симплицій in Phys. f. 7. πεφυκέναι τὸ ὅμοιον ὑπὸ τοῦ ὁμοίου κινεῖσθαι, καὶ φέρεσθαι τὰ συγγενῆ πρὸς ἄλληλα, καὶ τῶν σχημάτων ἕκαστον εἰς ἑτέραν ἐκκοσμούμενον σύγκρισιν ἄλλην ποιεῖν διάθεσιν.

[2]) Аристотель Metaph. A, 4, p. 985, b.

[3]) Ibid. Λεύκιππος δὲ καὶ ὁ ἑταῖρος αὐτοῦ Δημόκριτος στοιχεῖα μὲν τὸ πλῆρες καὶ τὸ κενὸν εἶναί φασι, λέγοντες τὸ μὲν ὄν, τὸ δὲ μὴ ὄν. De Gener. et Corr. I, 8: παμπλῆρες (παμπληθές). Симплицій: τὴν γὰρ τῶν ἀτόμων οὐσίαν ναστὴν καὶ πλήρη ὑποτιθέμενος ὂν ἔλεγεν εἶναι. Сл. Стобея Ecl. Phys. p. 306. Λεύκιππος Μιλήσιος ἀρχὰς καὶ στοιχεῖα τὸ πλῆρες καὶ τὸ κενὸν, Δημόκριτος τὰ ναστὰ καὶ κενὸν. О терминахъ δὲν и μηδὲν, см. Плутарха adv. Col. p. 1109. Сл. Галена de Elem. sec. Hipp. I, p. 46: δὲν μὲν τὰς ἀτόμους ὀνομάζων, μηδὲν δὲ τὸ κενόν.

[4]) Плутархъ l. l. ὁ Κολώτης ἐσφάλη περὶ λέξιν τοῦ ἀνδρὸς (Δημοκρίτου), ἐν ᾗ διορίζεται μὴ μᾶλλον τὸ δὲν ἢ τὸ μηδὲν εἶναι, δὲν μὲν ὀνομάζων τὸ σῶμα, μηδὲν δὲ τὸ κενόν, ὡς καὶ τούτου φύσιν τινὰ καὶ ὑπόστασιν ἰδίαν ἔχοντος.

образуютъ безчисленныя качества, усматриваемыя нами въ мірѣ. Характеръ, качество каждаго сочетанія (сложенія, *συμπλοκή*, переплетенія, *περίπλεξις* [1]), условливается, во 1-хъ, самыми формами, т. е. отличительною особностію каждаго атома, во 2-хъ, порядкомъ ихъ послѣдованія или совмѣщенія (*διαθιγή*, абдерское реченіе), въ 3-хъ, ихъ положеніемъ (оборотомъ, *τροπή*) [2]. Видимое, осязаемое, вкушаемое и вообще чувствуемое есть въ сущности не что̀ иное, какъ основныя единичныя формы и ихъ взаимное расположеніе [3]. Такъ огонь есть въ сущности такое бытіе, въ которомъ основная форма есть сферическая [4]. Такую же форму Демокритъ придаетъ и бытію души [5].

[1]) Аристотель de Coelo III, 4 (p. 393, a, 5): *τῇ τούτων συμπλοκῇ καὶ περιπλέξει πάντα γεννάσθαι.* У Симплиція (in Arist. de Coelo f. 150) говорится о словѣ *ἐπάλλαξις: τὴν δὲ συμπλοκὴν Ἀβδηρῖται ἐπάλλαξιν ἐκάλουν, ὥσπερ Δημόκριτος.* Оригенъ Philos. c. 12: *ἀλλήλοις συμπλέκεσθαι τὰ ὁμοιοσχήμονα καὶ παραπλήσια τὰς μορφὰς καὶ περιπλεχθέντων εἰς ἕτερα γίνεσθαι, αὔξειν δὲ καὶ φθίνειν διὰ τὴν ἀνάγκην.*

[2]) Аристотель Metaph. A, 4, p. 985. *Καὶ καθάπερ οἱ ἐν ποιοῦντες τὴν ὑποκειμένην οὐσίαν τἆλλα τοῖς πάθεσιν αὐτῆς γεννῶσι, τὸ μανὸν καὶ τὸ πυκνὸν ἀρχὰς τιθέμενοι τῶν παθημάτων, τὸν αὐτὸν τρόπον καὶ οὗτοι τὰς διαφορὰς αἰτίας τῶν ἄλλων εἶναί φασιν. ταύτας μέντοι τρεῖς εἶναι λέγουσι, σχῆμά τε καὶ τάξιν καὶ θέσιν· διαφέρειν γάρ φασι τὸ ὂν ῥυσμῷ καὶ διαθιγῇ καὶ τροπῇ μόνον· τούτων δὲ ὁ μὲν ῥυσμὸς σχῆμά ἐστιν, ἡ δὲ διαθιγὴ τάξις, ἡ δὲ τροπὴ θέσις· διαφέρει γὰρ τὸ μὲν Α τοῦ Ν σχήματι, τὸ δὲ ΑΝ τοῦ ΝΑ τάξει, τὸ δὲ Ζ τοῦ Ν θέσει.* Arist. de Gener. et Corr. I, 2, p. 315, b. 9: *ἐπεὶ δ' ᾤοντο τἀληθὲς ἐν τῷ φαίνεσθαι, ἐναντία δὲ καὶ ἄπειρα τὰ φαινόμενα, τὰ σχήματα ἄπειρα ἐποίησαν, ὥστε ταῖς μεταβολαῖς τοῦ συγκειμένου τὸ αὐτὸ ἐναντίον δοκεῖν ἄλλῳ καὶ ἄλλῳ, καὶ μετακινεῖσθαι μικροῦ ἐμμιγνυμένου, καὶ ὅλως ἕτερον φαίνεσθαι ἑνὸς μετακινηθέντος· ἐκ τῶν αὐτῶν γὰρ τραγῳδία καὶ κωμῳδία γίνεται γραμμάτων.*

[3]) Симпл. in Arist. Phys. f. 8: *οἱ δὲ περὶ Λεύκιππον καὶ Δημόκριτον τὰ ἐλάχιστα πρῶτα σώματα ἄτομα καλοῦντες, κατὰ τὴν τῶν σχημάτων αὐτῶν καὶ τῆς θέσεως καὶ τῆς τάξεως διαφορὰν τὰ μεν θερμὰ γίνεσθαι καὶ πυρεῖα τῶν σωμάτον, ὅσα ἐξ ὀξυτέρων καὶ λεπτομερεστέρων καὶ κατὰ ὁμοίαν θέσιν κειμένων σύγκειται τῶν πρώτων σωμάτων, τὰ δὲ ψυχρὰ καὶ ὑδατώδη, ὅσά ἐκ τῶν ἐναντίων, καὶ τὰ μὲν λαμπρὰ καὶ φωτεινά, τὰ δὲ ἀμυδρὰ καὶ σκοτεινά.* Секстъ Эмпирикъ adv. Matth. VII, 135: *Δημόκριτος δὲ, ὅτι μὲν ἀναιρεῖ τὰ φαινόμενα ταῖς αἰσθήσεσι καὶ τούτων λέγει μηδὲν φαίνεσθαι κατὰ αλήθειαν ἀλλὰ μόνον κατὰ δόξαν, ἀληθὲς δὲ ἐν τοῖς οὖσιν ὑπάρχειν τὸ ἀτόμους εἶναι καὶ κενόν. «νόμῳ (γάρ φησι) γλυκὺ καὶ νόμῳ πικρόν, νόμῳ θερμόν, νόμῳ ψυχρόν, νόμῳ χροιή· ἐτεῇ δὲ ἄτομα καὶ κενόν». ἅπερ νομίζεται μὲν εἶναι, [καὶ] δοξάζεται [τὰ αἰσθητά], οὐκ ἔστι δὲ κατὰ ἀλήθειαν ταῦτα, ἀλλὰ τὰ ἄτομα μόνον καὶ τὸ κενόν, ἐν δὲ τοῖς Κρατυντηρίοις, καίπερ ὑπεσχημένος ταῖς αἰσθήσεσι τὸ κράτος τῆς πίστεως ἀναθεῖναι, οὐδὲν ἧττον εὑρίσκεται τούτων καταδικάζων. φησὶ γάρ, «ἡμεῖς δὲ τῷ μὲν ἐόντι οὐδὲν ἀτρεκὲς συνίεμεν, μεταπίπτον δὲ κατά τε σώματος διαθήκην, καὶ τῶν ἐπεισιόντων καὶ τῶν ἀντιστηριζόντων.« καὶ πάλιν φησίν· «ἐτεῇ μὲν νῦν ὅτι οἷον ἕκαστόν ἐστιν ἢ οὐκ ἔστιν, οὐ συνίεμεν, πολλαχῇ δεδήλωται».*

[4]) Аристотель de Coelo III, 4: *τῷ πυρὶ τὴν σφαῖραν ἀπέδωκεν.*

[5]) Аристотель de Anima A, 2. *τῶν κινουμένων τι τὴν ψυχὴν ὑπέλαβον εἶναι ὅθεν*

Отличительная черта Демокрита (а вѣроятно и единомысленнаго ему Левкиппа) состоитъ именно въ томъ, что онъ уже не занятъ, какъ заняты всѣ предшествовавшіе мыслители, всеобщимъ процессомъ. Этимъ мышленіе Демокрита какъ бы выдѣляется изъ философіи, для которой главный интересъ заключается во всеобщемъ. Выше сказано уже было у насъ, что у Демокрита на первомъ планѣ — множественность и особность; каждое изъ множественнаго есть особое единство. Что̀ же касается до всеобщаго, черезъ нихъ проходящаго, единства, то оно выразилось у него лишь въ сознаніи единой всѣмъ атомамъ сущности. Но эта единая всеобщая сущность не обращаетъ къ себѣ мышленія Демокрита. Она является ему, какъ нѣчто прошедшее, и потому не оказываетъ никакой энергіи, не есть нѣчто дѣйствующее. Бытіе съ этой точки зрѣнія является не какъ нѣчто непрерывное, а какъ нѣчто существенно раздѣльное (discretum). Изъ одного (т. е. изъ каждаго атома), говоритъ Демокритъ, нельзя сдѣлать многаго; такъ точно и изъ многаго не можетъ произойдти совершенно единое [1]). Такое воззрѣніе условливается соприсутствіемъ двухъ всеобщихъ началъ. Одно изъ нихъ соотвѣтствуетъ первичной космической основѣ, расторгаемой и матеріялизуемой силою процесса; другое — эта самая сила процесса. Въ мышленіи Демокрита первое начало является окончательно побѣжденнымъ; сила, ему противоположная, выразилась въ совершенномъ его расторженіи, въ существованіи безчисленной совокупности единицъ, непреходящихъ и неизмѣнныхъ, безконечно разнообразныхъ и болѣе или менѣе матеріялизованныхъ, хотя и не лишенныхъ своей существенной активности. Мышленіе Демокрита есть какъ бы нѣчто среднее между этими двумя всеобщими началами, какъ бы общій продуктъ ихъ. Оно не восходитъ къ нимъ, но объемлется и держится ими.

Такимъ образомъ условленное состояніе мышленія принадлежитъ всякому частному познанію. Вотъ почему Демокритъ такъ

Δημόκριτος μὲν πῦρ τι καὶ θερμόν φησιν αὐτὴν εἶναι· ἀπείρων γὰρ ὄντων σχημάτων καὶ ἀτόμων τὰ σφαιροειδῆ πῦρ καὶ ψυχὴν λέγει, οἷον ἐν τῷ ἀέρι τὰ καλούμενα ξύσματα, ἃ φαίνεται ἐν ταῖς διὰ τῶν θυρίδων ἀκτῖσιν, ὧν τὴν πανσπερμίαν στοιχεῖα λέγει τῆς ὅλης φύσεως. ὁμοίως δὲ καὶ Λεύκιππος. τούτων δὲ τὰ σφαιροειδῆ ψυχήν, διὰ τὸ μάλιστα διὰ παντὸς δύνασθαι διαδύνειν τοὺς τοιούτους ῥυσμούς, καὶ κινεῖν τὰ λοιπὰ κινούμενα καὶ αὐτά, ὑπολαμβάνοντες τὴν ψυχὴν εἶναι τὸ παρέχον τοῖς ζῴοις τὴν κίνησιν.

[1]) Аристотель de Coelo III, 4. φασὶ (Λεύκ. καὶ Δημόκρ.) εἶναι τὰ πρῶτα μεγέθη πλήθει μὲν ἄπειρα, μεγέθει δὲ ἀδιαίρετα, καὶ οὔτ' ἐξ ἑνὸς πολλὰ γίγνεσθαι οὔτε ἐκ πολλῶν ἕν.

близокъ мышленію, дѣйствующему въ наше время въ сферѣ этого познанія.

Горизонтъ Демокритова мышленія опредѣляется даннымъ разнообразіемъ опыта. Дѣятельность его состоитъ въ разложеніи даннаго въ опытѣ и въ возведеніи его къ простѣйшимъ элементамъ, не подлежащимъ дальнѣйшему разложенію и невольно преднаходимымъ въ умѣ; и обратно—въ объясненіи данныхъ явленій посредствомъ этихъ элементовъ.

Движеніе присуще элементамъ. Каждый атомъ движется и вліяетъ на движеніе другихъ атомовъ. Всякое видоизмѣненіе въ ихъ движеніи, въ ихъ порядкѣ или положеніи, условливается съ необходимостью предшествующимъ дѣйствіемъ. Законъ производящей причинности (nexus causalis, causa efficiens) впервые нашелъ въ Демокритѣ энергическаго провозгласителя, какъ, спустя не одно тысячелѣтіе, послѣ него нашелъ онъ другаго выразителя въ лицѣ Бакона Веруламскаго.

Замѣчательно слѣдующее замѣчаніе о Демокритѣ, которое находимъ у Симплиція въ его схоліяхъ на Аристотелеву Физику, почерпнутое имъ у Эвдема. Вотъ оно: «Демокритъ, какъ кажется, относительно космогоніи допускаетъ случай; но въ частныхъ предметахъ онъ случая не допускаетъ и ищетъ всему причины. Ищешь ли ты клада, — рой землю; хочешь ли, чтобы выросла маслина, — посади ее прежде; плѣшивому ушибла голову черепаха, — взгляни на верхъ: тамъ орелъ, который ринулъ черепаху съ высоты и т. д.» [1]). Демокритъ, какъ видно изо всего, что̀ отъ него осталось, вовсе не касался космогоніи, или всеобщаго происхожденія вещей. Недѣлимые элементы, со всѣми присущими имъ свойствами, являются у него какъ непосредственно данное, онъ далѣе не восходитъ и ограничивается ими, а потому они невольно представляются, какъ нѣчто случайное. Въ частныхъ же предметахъ, во всемъ, что̀ происходитъ въ мірѣ, необходимое основаніе для объясненія представляютъ элементы и ихъ отношенія между собою; такъ что въ оборотѣ явленій причинность не прерывается, и въ этомъ отношеніи, со стороны

[1]) f. 74.... ἐκεῖνος (Δημόκριτος) γὰρ κἂν ἐν τῇ κοσμοποιΐᾳ ἐδόκει τῇ τύχῃ χρῆσθαι ἀλλ' ἐν τοῖς μερικωτέροις οὐδενός φησιν εἶναι τὴν τύχην αἰτίαν, ἀναφέρων εἰς ἄλλας αἰτίας, οἷον τοῦ θησαυρὸν εὑρεῖν τὸ σκάπτειν ἢ τὴν φυτείαν τῆς ἐλαίας, τοῦ δὲ καταγῆναι τοῦ φαλακροῦ τὸ κρανίον, τὸν ἀετὸν ῥίψαντα τὴν χελώνην, ὅπως τὸ χελώνιον ῥαγῇ. οὕτως γὰρ ὁ Εὔδημος ἱστορεῖ.

причинности, дѣйствительность является снова какъ continuum, какъ нѣчто непрерывное.

Демокритъ говорилъ, что для него величайшее счастіе открыть виновную связь въ какомъ бы то ни было явленіи: «найдти одну этіологію лучше мнѣ, чѣмъ получить царство Персидское» [1]). «Люди, говоритъ также Демокритъ, создали себѣ призракъ случая для прикрытія собственнаго неразумія; мысль по натурѣ своей враждебна случаю» [2]). Левкиппъ сказалъ въ своей книгѣ о разумѣ (περὶ Νοῦ, если только эта книга не принадлежитъ самому Демокриту): «никакая вещь не происходитъ случайно, безъ причины; но все происходитъ на какомъ-либо основаніи и по необходимости» [3]).

Точка зрѣнія Демокрита условливала также то, что этотъ мыслитель чуждался причины конечной [4]). Вотъ еще новая черта сходства его съ Бакономъ, который въ свое время былъ рѣшительнымъ противникомъ изысканія причинъ конечныхъ въ реальномъ познаніи. Causarum finalium inquisitio sterilis est et tanquam virgo diis consecrata nihil parit, говоритъ творецъ «Новаго Органа».

Коль скоро мышленіе отвлекается отъ созерцанія всеобщаго, и входитъ въ предѣлы частнаго познанія, то вмѣстѣ съ другими всеобщими началами, упраздняется и начало, ради котораго, говоря Аристотелевскимъ терминомъ, происходитъ всякое развитіе, начало завершающее, идея блага. Въ эмпирическомъ изученіи природы умъ ищетъ раскрывать производящія причины явленій, идетъ, такъ сказать, назадъ, а не впередъ, восходя къ источникамъ явленія и стараясь овладѣть условіями, при коихъ оно можетъ совершаться. Эмпирическое знаніе всегда имѣетъ цѣль практическую; оно предназначается къ примѣненію, и если здѣсь бываетъ рѣчь о теоріи, то лишь о теоріи въ относительномъ смыслѣ, какъ о сводѣ понятій, покрывающихъ только извѣстную частную группу явленій.

Впрочемъ при разсмотрѣніи явленій природы, понятіе цѣли находитъ примѣненіе въ органическомъ мірѣ. И чѣмъ далѣе восходитъ испытатель въ органическомъ мірѣ, тѣмъ болѣе дѣла находитъ въ его умѣ это понятіе цѣли. Въ мірѣ человѣческомъ, соб-

[1]) Евсевій Pr. Ev. XIV, 27.

[2]) Ibid. «ἄνθρωποι τύχης εἴδωλον ἐπλάσαντο πρόφασιν ἰδίης ἀνοίης· φύσει γὰρ γνώμῃ τύχη μάχεται». Сл. Стобея Ecl. Eth. p. 344.

[3]) Стобей Ecl Phys. p. 160: λέγει (Λεύκιππος) ἐν τῷ περὶ Νοῦ· «οὐδὲν χρῆμα μάτην γίγνεται, ἀλλὰ πάντα ἐκ λόγου τε καὶ ὑπ' ἀνάγκης».

[4]) Аристотель de Gener. Anim. V, 8. 6. Δημόκριτος δὲ τὸ οὗ ἕνεκα ἀφεὶς λέγειν, πάντα ἀνάγει εἰς ἀνάγκην οἷς χρῆται ἡ φύσις οὖσι μὲν τοιούτοις...

ственно духовном, цѣлью измѣряется все, и причинность идеальная служитъ здѣсь источникомъ реальнаго объясненія.

Абдерскій мыслитель не имѣлъ предъ собою богатой многосложной системы познаній, разрабатываемыхъ каждое въ своихъ предѣлахъ и слагающихся для наблюдателя въ одно громадное цѣлое, въ которомъ отдѣльныя части взаимно пополняютъ другъ друга и восходятъ для мыслителя къ верховнымъ началамъ всякаго разумѣнія. Въ его умѣ появилось лишь впервые скудное и отдаленное начало такой спецификаціи познанія. Въ немъ, точно какъ космосъ въ Анаксагоровомъ смѣшеніи, всѣ они были, какъ нѣчто неразвитое, какъ нѣчто сперматически существующее, все вмѣстѣ какъ одно. Достаточно усмотрѣть въ немъ нѣкоторыя умственныя наклонности и побужденія, составляющія характеръ мышленія, направленнаго на частное. При этомъ мы не могли не замѣтить того, что онъ первый выразилъ исключительное направленіе мышленія на изысканіе связи причинъ и дѣйствій, собирая его дѣятельность въ отдѣльныя группы понятій, и тѣмъ отвлекая его отъ всецѣлаго.

Нѣкоторые ставятъ Демокриту въ вину отсутствіе идеальной винословности въ его системѣ. Можно также, если кому угодно, упрекать его и въ томъ, что онъ отвлекъ мышленіе отъ главнаго предмета философіи, отъ представленія всеобщаго. Но такой упрекъ придется дѣлать всякому развитію, которое, отдѣляясь отъ общаго теченія, находитъ себѣ особое русло и, протекая новымъ путемъ, вызываетъ къ жизни многое, безъ него невозможное. Напротивъ такое выдѣленіе равно плодотворно и для развитія вновь возникающаго и для продолженія прежняго общаго развитія. Съ первымъ раждается нѣчто новое, долженствующее принести свой плодъ; что̀ же касается до послѣдняго, то оно становится глубже и истиннѣе, самосознательнѣе и внутренно біобрѣтогаче, ибо праетъ бо̀льшую опредѣленность. Вспомнимъ, что мышленіе, выдѣлившееся въ Демокритѣ изъ философскаго развитія, однородно съ тѣмъ, которое дѣйствуетъ нынѣ во множествѣ реальныхъ познаній, ведущихъ къ плодотворнѣйшимъ результатамъ, посреди которыхъ философское разумѣніе не только не уничтожается, но пріобрѣтаетъ впервые возможность найдти свои истинныя цѣли и средства.

Заключимъ характеристику Демокрита еще одною замѣчательною чертою. Какъ новый признакъ новаго настроенія мысли является въ абдерскомъ мыслителѣ ясность его воззрѣнія на міръ. Онъ требовалъ, чтобы человѣкъ умственно былъ свободенъ отъ всякаго страха,

и не смущался «дейсидемоніей» (боязнію чуждыхъ, темныхъ силъ) [1]. Онъ самъ видитъ въ себѣ явленіе новаго времени и отличаетъ себя отъ «древнихъ», говоря объ ихъ воззрѣніи на міръ, какъ о чемъ-то для себя постороннемъ. «Старинные люди, говоритъ онъ, по свидѣтельству Секста Эмпирика, замѣчая различныя явленія въ области метеоровъ, какъ громъ, молнію, соединенія звѣздъ, затмѣнія солнца и луны, считали боговъ причинами этихъ явленій [2]).

Однако мы будемъ имѣть ошибочное мнѣніе о Демокритѣ, если представимъ себѣ, что онъ походилъ на такъ-называемыхъ раціоналистовъ нашего времени. Мы не должны вопервыхъ забывать, что онъ принадлежитъ своему, а не нашему времени; а вовторыхъ, должны знать, что для него міръ не былъ шахматною доской, въ которой разочтены всѣ ходы, или учебникомъ, въ которомъ все размѣщено по главамъ и параграфамъ. Ученіе его объ атомахъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, носитъ на себѣ отпечатокъ мысли и живой умственной дѣятельности. Онъ былъ мыслитель, и не долженъ быть относимъ къ одной категоріи съ людьми, какого бы то ни было времени, которые гордятся титломъ ученыхъ и болѣе или менѣе его заслуживаютъ, но умственная дѣятельность которыхъ состоитъ только въ переборѣ затверженныхъ разъ навсегда понятій. Въ этомъ отношеніи онъ снова сходится съ Бакономъ, который, обращая мышленіе къ реальному познанію, видѣлъ во глубинѣ всякой реальности жизнь и силу и предписывалъ приравнивать понятія къ дѣйствительности, а не дѣйствительность къ понятіямъ.

Демокритъ, уча хранить спокойствіе духа, не отрицалъ однако возможности нѣкоторыхъ ирраціональныхъ отношеній. Онъ требовалъ только, чтобы человѣкъ собиралъ силы своего разума и не поддавался подобнымъ, чуждымъ ему, вліяніямъ. Онъ допускалъ напримѣръ существованіе особыхъ началъ, которыя вторгаются въ человѣка, могутъ, каждое согласно своей сущности, причинять или добро или зло. Эти начала, образы (*εἴδωλα*, идолы) могутъ, по Демокриту, раскрывать будущее. Отъ одного человѣка могутъ они, по его же воззрѣнію, переходить, какъ реальныя силы, въ другаго [3]).

[1]) Діогенъ Л. IX, 45.

[2]) Секстъ Эмпирикъ adv. Math. IX, 24.

[3]) Секстъ Эмпирикъ adv. Math. IX, 19. *Δημόκριτος δὲ εἴδωλά τινά φησιν ἐμπελάζειν τοῖς ἀνθρώποις, καὶ τούτων τὰ μὲν εἶναι ἀγαθοποιά, τὰ δε κακοποιά, ἔνθεν καὶ εὔχεται εὐλόγων τυχεῖν εἰδώλων· εἶναι δὲ ταῦτα μεγάλα τε καὶ ὑπερμεγέθη.... προσημαίνειν δὲ τὰ μέλλοντα τοῖς ἀνθρώποις θεωρούμενα καὶ φωνὰς ἀφιέντα. ὅθεν*

Отъ Демокрита сохранилось нѣсколько изреченій, свидѣтельствующихъ о глубинѣ его ума и жизненности воззрѣнія. Мы разумѣемъ его мысли о поэтѣ. «То поистинѣ прекрасно, говорилъ онъ, что̀ поэтъ создаетъ въ энтузіазмѣ и въ священномъ вдохновеніи» [1]. Также: «поэтъ не можетъ быть великъ безъ энтузіазма» [2]. Говоря о Гомерѣ, онъ выразился такъ: «Гомеръ, одаренный божественною природой, создалъ міръ сказаній» [3].

Демокритомъ, какъ продуктомъ, вышедшимъ изъ развитія философскаго разумѣнія въ архаическій періодъ, замыкается этотъ періодъ. Мышленію, возникшему въ Демокритѣ, не суждено было принести богатыхъ плодовъ въ древнемъ мірѣ; но мы должны вспомнить, что и все то развитіе, изъ котораго произошелъ Демокритъ, представляетъ только начатки разумѣнія.

Въ слѣдующее за симъ время греческая философія достигаетъ высшаго своего совершенства и раскрываетъ впервые величіе и силу мысли, которыя возвышаютъ ее до степени явленія всемірнаго. Во главѣ этого новаго времени стоитъ Сократъ, въ которомъ духъ философскаго разумѣнія ожилъ для новаго высшаго развитія.

М. Катковъ.

τούτων αὐτῶν φαντασίαν λαβόντες οἱ παλαιοὶ ὑπενόησαν εἶναι θεόν, μηδενὸς ἄλλου παρὰ ταῦτα ὄντος θεοῦ τοῦ ἄφθαρτον φύσιν ἔχοντος. Плутархъ Sympos. V. 7.

1) Климентъ Александр. Strom. VI, p. 698 «ποιητὴς δὲ ἅσσα μὲν ἂν γράφῃ μετ' ἐνθουσιασμοῦ καὶ ἱεροῦ πνεύματος, καλὰ κάρτα ἐστίν».

2) Цицеронъ de Divin. I, 37: negat sine furore Democritus quemquam poëtam magnum esse posse.

3) Діонъ Хрисостомъ Or. 53: Ὅμηρος φύσεως λαχὼν θεαζούσης ἐπέων κόσμον ἐτεκτήνατο παντοίων».

КРИТИЧЕСКІЯ РАЗЫСКАНІЯ

о

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВѢ

АЛКМЭОНИДА КЛИСѲЕНА.

—

РАЗСУЖДЕНІЕ ПЕРВОЕ

О ДАРОВАНІИ ГРАЖДАНСКАГО ЗВАНІЯ МЕТИКАМЪ [1]).

—

I.

Въ сочиненіи о Государствѣ [2]), Аристотель упоминаетъ между прочимъ о преобразованіяхъ, произведенныхъ Алкмэонидомъ Клисѳеномъ въ Аѳинской республикѣ, и о дарованіи имъ права гражданства многимъ жителямъ Аттики, не пользовавшимся прежде этимъ преимуществомъ. Аристотель не разсказываетъ съ подробностію этого событія, но, слѣдуя своему правилу, приводитъ его только въ доказательство предмета, которымъ онъ занимается, и который онъ разсматриваетъ съ разныхъ точекъ зрѣнія. Послѣ изгнанія тиран-

[1]) По желанію автора въ этой статьѣ удержанъ употребляемый имъ способъ написанія греческихъ именъ, отличный отъ принятаго въ «Пропилеяхъ». *Изд.*

[2]) Аристот. о Государствѣ: III, 1, 10.

новъ, говоритъ онъ, Клисѳенъ помѣстилъ въ филы многихъ чужеземцевъ и рабовъ метиковъ.

Это указаніе греческаго философа-политика, несмотря на свою краткость, имѣетъ весьма большое значеніе и уже давно обратило на себя вниманіе многихъ филологовъ и историковъ. Послѣдуемъ ихъ примѣру и постараемся отыскать точный смыслъ мѣста, считающагося, по всей справедливости, весьма темнымъ.

Приведемъ собственныя слова древняго писателя. Онъ говоритъ: Ἀλλ' ἴσως ἐκεῖνοι μᾶλλον ἔχουσιν ἀπορίαν, ὅσοι μετέσχον μεταβολῆς πολιτείας, οἷον Ἀθήνησιν ἐποίησε Κλεισθένης μετὰ τὴν τῶν τυράννων ἐκβολήν· πολλοὺς γὰρ ἐφυλέτευσε ξένους καὶ δούλους μετοίκους.

Послѣднее выраженіе: ἐφυλέτευσε ξένους καὶ δούλους μετοίκους представляло издателямъ большія затрудненія и казалось имъ испорченнымъ. Они надѣялись объяснить его посредствомъ перемѣны текста и дѣлали разнаго рода исправленія. Всѣхъ болѣе одобрено было мнѣніе, предложенное первыми толкователями Аристотеля, Леонардомъ Бруни изъ Арецца [1]) и флорентинскимъ ученымъ Петромъ Ветторіо [2]), которые вставляли частицу καὶ между словами δούλους и μετοίκους и читали: ἐφυλέτευσε ξένους καὶ δούλους καὶ μετοίκους. Это чтеніе принялъ Ламбинъ [3]) и его другъ и послѣдователь Рамюсъ [4]), а за ними Ф. А. Вольфъ [5]) и многіе другіе.

Другаго рода исправленіе предложилъ Валькенаръ [6]), который въ своихъ замѣчаніяхъ къ Иродоту приводитъ слова Аристотеля, но только совершенно ихъ переставляя. Онъ говоритъ, что надобно читать: ἐφυλέτευσε δούλους καὶ ξένους μετοίκους, и подтверждаетъ свое

[1]) Leonardo Bruni Aretinus перевелъ на латинскій языкъ сочиненіе Аристотеля о Государствѣ около 1345 года, но его трудъ былъ изданъ послѣ его смерти въ 1478 году во Флоренціи, in folio.

[2]) Petr. Victorii Com. in VIII lib. Aristotelis de optimo reipublicae statu. Florent. 1576 in fol.

[3]) Латинскій переводъ Ламбина изданъ въ первый разъ въ 1567 году въ Парижѣ.

[4]) Рамюсъ (Ramus), убитый въ Варѳоломеевскую ночь, не успѣлъ самъ напечатать своего изданія; но оно было исполнено Клавдіемъ Марномъ (Claude Marne) въ 1601 году въ Франкфуртѣ in 8⁰.

[5]) F. A. Wolfii Prolegomena in orationem Leptineam, издан. въ Reiskii Apparatus crit. et exeget. ad Demosthenem ed. Schaefer. (Lond. 1826) Томъ III. стр. 19. прим. 43.

[6]) Ирод. V, 66. (Изд. Швейггейзера, Томъ VI, стр. 65).

мнѣніе стихомъ Аристофана [1]), въ котомъ упоминаются ξένοι μετοίκοι. Валькенару слѣдуетъ Нибуръ [2]), только пишетъ эти слова въ порядкѣ, болѣе приближающемся къ тексту, именно: ἐφυλέτευσε ξένους μετοίκους καὶ δούλους. Я думаю однако, что такое насильственное перемѣщеніе совершенно произвольно и никогда не можетъ быть принято при объясненіи древнихъ писателей; оно служитъ только доказательствомъ, что толкователь не понялъ разбираемаго имъ мѣста.

Наконецъ г. Гётлингъ, сомнѣваясь въ дарованіи рабамъ права гражданства, полагаетъ необходимымъ, или вычеркнуть слово δούλους, или вмѣсто его написать πολλούς. [3]). Такое измѣненіе текста Аристотеля мы считаемъ ничѣмъ неоправданнымъ и устраняемъ его какъ вовсе излишнее; но сомнѣніе г. Гётлинга о возведеніи рабовъ въ званіе аѳинскихъ гражданъ, по нашему мнѣнію, основательно и справедливо. Противъ него приводятъ обыкновенно свидѣтельство Андокида, который говоритъ, что Аѳиняне часто давали гражданство рабамъ и разнаго рода пришельцамъ [4]). Но эти слова не могутъ служить опроверженіемъ мысли г. Гётлинга, потому что Андокидъ указываетъ здѣсь не на общее правило или законъ аѳинскій, по которому рабы и пришельцы принимались бы въ сословіе гражданъ, но упоминаетъ только о нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ, которые могли встрѣтиться, не измѣняя въ сущности аѳинскихъ постановленій. Не забудемъ также, что ораторъ ходатайствовалъ о самомъ себѣ и слѣдовательно не столько заботился объ исторической истинѣ, сколько о произведеніи хорошаго впечатлѣнія на своихъ слушателей. Наконецъ во всей аѳинской исторіи нѣтъ ни одного событія, которое бы хотя нѣсколько относилось къ подобной наградѣ, такъ что совершенное и постоянное исключеніе рабовъ отъ гражданства остается несомнѣннымъ.

Впрочемъ какъ ни остроумны эти исправленія, они однако весьма далеки отъ истины, потому что основаны не на точныхъ и положительныхъ указаніяхъ, а только на однихъ предположеніяхъ. Всѣ же, напротивъ того, рукописи, несмотря на свое разнообразіе, представляютъ текстъ въ томъ видѣ, какъ мы сообщили выше, безъ

[1]) Аристоф. Всадники, стихъ 347 (Didot.).

[2]) Niebuhr: Römische Geschichte (2-е изд.). Томъ II, стр. 346 примѣч. 702.

[3]) Aristotelis Politicorum libri octo ed. Goettling, pag. 349: Vehementer dubito de servis civitate donatis. Aut delendam esse censeo δούλους vocem, aut scribendum καὶ πολλοὺς μετοίκους.

[4]) Андокидъ, о возвращеніи, § 23: Ὁρῶ δὲ ὑμᾶς πολλάκις καὶ δούλοις ἀνθρώποις καὶ ξένοις παντοδαποῖς πολιτείαν διδόντας.

малѣйшаго отступленія. Видя такое единогласное чтеніе, нельзя кажется думать о перемѣнѣ словъ Аристотеля, а только надобно стараться объяснить ихъ.

Толкованія новѣйшихъ филологовъ не могутъ быть приняты еще по слѣдующей причинѣ. Извѣстно, что, на основаніи Солоновыхъ учрежденій, четвертый классъ Аѳинянъ не пользовался правами гражданъ и пріобрѣлъ ихъ только въ послѣдствіи, по предложенію Аристида. Если же этотъ классъ, состоявшій изъ ремесленниковъ, мореходцевъ и купцовъ, которые были часто весьма зажиточны и имѣли въ оборотѣ большіе капиталы, но не были только владѣтелями поземельной собственности; если эти Аѳиняне оставались внѣ гражданства даже во время нашествія Ксеркса, — то возможно ли предположить, чтобы Клисѳенъ, еще до персидскихъ войнъ, рѣшился дать права гражданъ рабамъ и оставить обширный классъ свободныхъ жителей въ прежнемъ положеніи? Такой поступокъ былъ бы совершенно несогласенъ съ историческимъ ходомъ событій въ древней Греціи и Римѣ.

II.

Изъ разбора означенныхъ мнѣній выводится естественнымъ образомъ, что выраженіе Аристотеля δοῦλοι μετοίκοι составляетъ одно цѣлое и не можетъ быть раздѣлено частицею καὶ; что оно не означаетъ рабовъ, никогда не пользовавшихся въ Аѳинахъ правомъ гражданства; и что, наконецъ, подъ нимъ разумѣется особенный классъ жителей Аттики, исторія котораго до этихъ поръ еще не изслѣдована. Скажемъ нашу мысль яснѣе: мы полагаемъ, что текстъ вовсе не испорченъ, не требуетъ никакого измѣненія и содержитъ въ себѣ кромѣ того одно изъ самыхъ драгоцѣнныхъ извѣстій, которыя только заключаются въ этомъ сочиненіи нашего писателя. Разсмотримъ теперь приведенное нами мѣсто.

Здѣсь прежде всего обращаетъ на себя вниманіе слово ἐφυλέτευσε, употребленное Аристотелемъ для означенія раздачи права гражданства, въ томъ самомъ смыслѣ, какъ еслибы онъ сказалъ: πολιτείαν ἔδωκε. Оно показываетъ, что оба выраженія: быть членомъ филы и быть гражданиномъ, или вступить въ филу и пріобрѣсть гражданство, совершенно равносильны и однозначущи, и что слѣдовательно званіе гражданина соединено было съ званіемъ

филета. Оно объясняетъ кромѣ того и самое учрежденіе филъ Клисѳеномъ. Этотъ законодатель далъ колѣнамъ двоякое назначеніе: онъ раздѣлилъ первоначально всѣхъ гражданъ на десять филъ, а потомъ, сообразно съ ними, и всю Аттику на 10 частей; каждая фила занимала потому отдѣльный участокъ земли, но состояла только изъ однихъ гражданъ, прочіе же жители были къ ней, такъ сказать, приписаны, относились къ ней по своему мѣстопребыванію, но не были филетами. Это указаніе Аристотеля вполнѣ подтверждается свидѣтельствомъ Иродота, хотя впрочемъ столь же краткимъ, какъ и разбираемое нами мѣсто. Разсказывая объ изгнаніи Писистратидовъ и о послѣдовавшихъ за тѣмъ преобразованіяхъ, историкъ прибавляетъ, что Клисѳенъ раздѣлилъ на десять филъ Аѳинянъ, состоявшихъ прежде изъ четырехъ [1]). Замѣтимъ здѣсь выраженіе Иродота: онъ говоритъ не о странѣ, не объ Аттикѣ, но объ Аѳинянахъ, т. е. гражданахъ, которые и были, по его словамъ, раздѣлены на десять колѣнъ. Учрежденіе десяти округовъ въ Аттикѣ зависѣло уже отъ сихъ колѣнъ и столь тѣсно съ ними согласовалось, что оба одинаково носили названіе филъ. Въ этомъ отношеніи Клисѳенъ не сдѣлалъ, по моему мнѣнію, никакого существеннаго нововведенія: филы, по прежнему, были отдѣлами гражданъ и округами страны, но только прежде ихъ было четыре, а теперь десять.

Представленное нами толкованіе словъ Аристотеля не можетъ кажется встрѣтить противорѣчія по своей простотѣ и естественности, но желая еще болѣе подтвердить свою мысль, приведемъ одно мѣсто Иродота, которымъ всякое сомнѣніе уничтожается. Мы разумѣемъ его повѣствованіе о принятіи Минійцевъ, потомковъ Аргонавтовъ, въ число спартанскихъ гражданъ. Разсказывая здѣсь о событіи, подобномъ тому, о которомъ упоминаетъ Аристотель, Иродотъ употребляетъ выраженіе, совершенно соотвѣтствующее выраженію нашего писателя. Иродотъ говоритъ, что Минійцы, расположенные на горѣ Таигетѣ, объявили Спартанцамъ свое желаніе жить вмѣстѣ съ ними, участвуя въ государственныхъ званіяхъ и владѣя помѣстьями [2]). Такъ какъ государственныя званія были занимаемы только одними гражданами, то здѣсь и разумѣется вступленіе въ ихъ сословіе, или пріобрѣтеніе правъ гражданства. Лакедэмоняне,

[1]) Ирод. V, 66. *Κλεισθένης... τετραφύλους ἐόντας Ἀθηναίους, δεκαφύλους ἐποίησε*, т. е. Клисѳенъ четыреколѣнныхъ Аѳинянъ сдѣлалъ десятиколѣнными.

[2]) Ирод. IV. 145: *δέεσθαι τε οἰκέειν ἅμα τούτοισι, μοιρὰν τε τιμέων μετέχοντες καὶ τῆς γῆς ἀπολαχόντες.*

продолжаетъ онъ, опредѣлили исполнить ихъ просьбу и «принявъ Минійцевъ, роздали имъ земли и помѣстили въ филы» [1]). Такимъ образомъ изъ словъ Иродота и Аристотеля выводится слѣдствіе, что званіе гражданина было соединено съ званіемъ филета.

III.

Опредѣливъ значеніе слова ἐφυλέτευσε, обратимся къ разбору прочей части разсматриваемаго нами мѣста.

Въ началѣ третьей книги Аристотель занимается рѣшеніемъ вопроса, что̀ есть государство, и называетъ его обществомъ гражданъ, согласно съ понятіями, принятыми во всѣхъ республикахъ древней Греціи. Это опредѣленіе онъ объясняетъ потомъ еще точнѣе, присовокупляя, что граждане должны обладать такою собственностію, которая бы доставляла имъ необходимыя для жизни средства, или, какъ онъ выражается, довольство жизни (αὐτάρκεια ζωῆς) [2]). Аристотель не говоритъ, что̀ онъ разумѣетъ подъ послѣднимъ условіемъ, но, сообразивъ разныя мѣста его «Политики», въ которыхъ онъ ясно высказываетъ взглядъ свой, нельзя сомнѣваться, что онъ имѣлъ въ виду только поземельную собственность, т. е. владѣніе помѣстьемъ. Онъ повторяетъ нѣсколько разъ, что такое владѣніе необходимо для жизни, что гражданинъ долженъ жить въ довольствѣ, не заниматься ни рукодѣліемъ, ни промыслами, не быть ремесленникомъ и вообще не трудиться для насущнаго пропитанія; ибо, прибавляетъ онъ, покой необходимъ какъ для пріобрѣтенія добродѣтели, такъ и

[1]) Δεξάμενοι δὲ τοὺς Μινύας, γῆς τε μετέδοσαν, καὶ ἐς φυλὰς διεδάσαντο.

[2]) III, 1, 2: ἡ γὰρ πόλις πολιτῶν τι πλῆθός ἐστιν. — Далѣе III, 1, 8: Πόλις δὲ τὸ τῶν τοιούτων (Πολιτῶν) πλῆθος ἱκανὸν πρὸς αὐτάρκειαν ζωῆς, ὡς ἁπλῶς εἰπεῖν. Это мѣсто было объясняемо различно. Г. Дидотъ переводитъ въ своемъ изданіи: Civitatem autem, ut simpliciter dicam, talium hominum multitudinem tantam, quanta satis sit ad copiam plenam nihilque foris requirentem rerum ad vitam degendam necessariarum. Но это толкованіе придаетъ Аристотелю мысль, которую онъ, по моему мнѣнію, не хотѣлъ выразить. Другой издатель, г. Штаръ, перевелъ буквально, но только непонятно. Онъ пишетъ: Staat aber, eine Anzahl solcher Bürger, welche zur Selbstgenügsamkeit des Lebens hinreichend ist. Всѣхъ ближе передалъ смыслъ этого мѣста Бартелеми-Сентъ-Илеръ, который говоритъ: j'entends positivement par l'état cette masse d'hommes, qui n'ont pas besoin de travailler pour fournir aux necessités de leur existence. Я думаю, что Аристотель указываетъ здѣсь на доходы съ поземельной собственности.

для занятія государственными дѣлами [1]). Всѣ эти мысли тѣсно связаны между собою и съ предыдущими, и составляютъ съ ними логическое цѣлое, которое, какъ одно начало, проникаетъ все ученіе древняго философа-политика. Онъ примѣняетъ его также къ имуществу и говоритъ положительно, что поземельная собственность должна принадлежать только однимъ гражданамъ [2]). Итакъ очевидно, что подъ гражданами, пользующимися довольствомъ жизни, Аристотель разумѣлъ владѣтелей земли, или помѣщиковъ, и что, по его мнѣнію, только они одни и должны составлять государство.

Это положеніе есть существенная часть Аристотелевой «Политики» и служитъ точкою зрѣнія, съ которой философъ смотритъ на предметы, относящіеся къ государству. Онъ обращается прежде всего къ вопросу о разныхъ условіяхъ, требуемыхъ отъ лица, носящаго званіе гражданина, и разсуждаетъ въ самомъ началѣ о необходимости происхожденія отъ родителей, принадлежащихъ къ сему сословію. Это требованіе онъ подвергаетъ строгому разбору и старается доказать его неосновательность, признавая вполнѣ всѣхъ тѣхъ гражданами, которые имѣютъ право участвовать въ государственныхъ званіяхъ. Притомъ, говоритъ онъ, нельзя требовать подобнаго происхожденія отъ людей, бывшихъ первыми основателями какого-нибудь города.

Объяснивъ значеніе гражданина и устранивъ условія, казавшіяся невѣрными, Аристотель переходитъ къ учрежденіямъ Клисѳена и упоминаетъ объ нихъ слѣдующимъ образомъ: «скорѣе можетъ родиться сомнѣніе относительно тѣхъ, которые пріобрѣли гражданство посредствомъ государственнаго переворота, какъ наприм. въ Аѳинахъ поступилъ Клисѳенъ по изгнаніи тиранновъ, который ввелъ въ филы чужеземцевъ и рабовъ метиковъ. Спорный вопросъ объ нихъ состоитъ не въ дѣйствительности ихъ гражданскаго зва-

[1]) 1, 2, 3: Ἐπεὶ οὖν ἡ κτῆσις μέρος τῆς οἰκίας ἐστὶ, καὶ ἡ κτητικὴ μέρος τῆς οἰκονομίας· ἄνευ γὰρ τῶν ἀναγκαίων ἀδύνατον καὶ ζῆν καὶ εὖ ζῆν. II, VI, 2: Ὅτι μὲν οὖν δεῖ τῇ μελλούσῃ καλῶς πολιτεύεσθαι τὴν τῶν ἀναγκαίων υπάρχειν σχολήν, ὁμολογούμενόν ἐστιν. III, 3, 2: ἡ δὲ βελτίστη πόλις οὐ ποιήσει βάναυσον πολίτην. Εἰ δὲ καὶ οὗτος πολίτης, ἀλλὰ πολίτου ἀρετήν, ἣν εἴπομεν, λεκτέον οὐ παντὸς οὐδ' ἐλευθέρου μόνον, ἀλλ' ὅσοι τῶν ἔργων εἰσὶν ἀφειμένοι τῶν ἀναγκαίων. VII, 8, 5. ἀναγκαῖον γὰρ εὐπορίαν ὑπάρχειν τοῖς πολίταις. VII (IV Barthelemy St. Hilaire), 8, 2: ἐν τῇ κάλλιστα πολιτευομένῃ πόλει...... οὔτε βάναυσον βίον οὔτ' ἀγοραῖον δεῖ ζῆν τοὺς πολίτας. ἀγεννὴς γὰρ ὁ τοιοῦτος βίος καὶ πρὸς ἀρετὴν ὑπεναντίος. οὐδὲ δὴ γεωργοὺς εἶναι τοὺς μέλλοντας ἔσεσθαι πολίτας· δεῖ γὰρ σχολῆς καὶ προς τὴν γένεσιν τῆς ἀρετῆς καὶ πρὸς τὰς πράξεις τὰς πολιτικάς.

[2]) VII (IV), 8, 5: Ἀλλὰ μὴν καὶ τὰς κτήσεις δεῖ εἶναι περὶ τούτους (πολίτας).

«нія, но въ законномъ или незаконномъ его пріобрѣтеніи». Въ этихъ словахъ заключается собственный взглядъ Аристотеля на это событіе, и притомъ очевидно, что преобразованія Клисѳена противорѣчили его убѣжденіямъ, и что онъ находилъ ихъ вредными Аѳинской республикѣ. Онъ не отвергаетъ самаго гражданства новыхъ людей, но сомнѣвается въ законности переворота, доставившаго имъ права и преимущества высшаго класса [1]). Философъ старается представить свое мнѣніе въ совершенной ясности и къ прежнему вопросу присоединяетъ новый, еще болѣе подтверждающій мысль его. Если, говоритъ онъ, кто-нибудь достигъ гражданскаго званія незаконно, то гражданинъ ли онъ въ собственномъ смыслѣ, такъ какъ противозаконность и подлогъ понятія равносильныя [2]) ? Послѣднее выраженіе показываетъ, что онъ видѣлъ въ Клисѳеновыхъ гражданахъ людей, которые какъ бы вторглись въ чуждое сословіе.

Аристотель не приводитъ и здѣсь никакихъ причинъ въ доказательство своего мнѣнія, но мы кажется не ошибемся, принявъ ту же самую, о которой говорили выше: мы разумѣемъ поземельную собственность. Аристотель не сочувствуетъ къ постановленіямъ Клисѳена потому, что они доставили гражданское званіе людямъ, не владѣвшимъ поземельнымъ имуществомъ и слѣдовательно лишеннымъ тѣхъ условій, которыя, по его понятію, необходимы истинному гражданину. Разсматриваемое съ этой точки зрѣнія, извѣстіе Аристотеля пріобрѣтаетъ весьма большую важность, показывая главную сущность учрежденій Клисѳена. Эти учрежденія произвели совершенный переворотъ въ Аѳинахъ: Клисѳенъ потрясъ республику въ самомъ основаніи, нарушилъ прежнія государственныя начала и внесъ новыя, до того вовсе не принятыя. Между имъ и Солономъ различіе очень велико: преобразованія послѣдняго были только бо́льшимъ распространеніемъ прежде существовавшаго порядка; законами Клисѳена напротивъ измѣнено было самое политическое начало, господствовавшее до того въ Аѳинахъ. Другими словами: Клисѳенъ уничтожилъ правило, по которому званіе гражданина соединено было неразрывными узами съ владѣніемъ землею.

Извѣстно, что подъ словомъ государство древніе Греки разумѣли общество однихъ гражданъ, и что они не считали его членами тѣхъ жителей страны, которые не носили сего имени. Послѣдніе были

[1]) III, 1, 10: *δῆλον ὅτι πολίτας μὲν εἶναι φατέον καὶ τούτους.*

[2]) III, 1, 10: Καίτοι *καὶ τοῦτό γε ἔτι προσαπορήσειεν, ἆρ' εἰ μὴ δικαίως πολίτης, οὐ πολίτης, ὡς ταὐτὸ δυναμένου τοῦ τ' ἀδίκου καὶ τοῦ ψευδοῦς.*

только приписаны къ государству, но его не составляли: государствомъ были граждане. Это понятіе о государствѣ сохранилось въ такомъ видѣ во всѣ времена политической независимости греческихъ республикъ; но условія, требуемыя въ Аѳинахъ отъ гражданина, нѣсколько разъ измѣнялись. До Клисѳена это званіе соединено было съ владѣніемъ поземельной собственности, такъ что оба выраженія: гражданинъ и помѣщикъ, были вполнѣ равносильными. Такое соединеніе составляло главное начало, на которомъ утверждалась тогда Аѳинская республика, и которое сохранялось до конца шестаго столѣтія, когда послѣдовалъ означенный переворотъ. Итакъ займемся изученіемъ этого предмета.

IV.

Прежде всего необходимо упомянуть о тѣхъ сословіяхъ, на которыя раздѣлялись свободные жители Аттики незадолго предъ законодательствомъ Солона [1]). Этотъ вопросъ не представляетъ никакого затрудненія, такъ какъ извѣстія греческихъ писателей ясны и не противорѣчатъ одно другому. Аристотель въ отрывкѣ, сохранившемся у Платонова схоліаста, и Діонисій Аликарнасскій въ Римской Археологіи говорятъ, что Аѳиняне состояли изъ двухъ сословій, которыхъ послѣдній называетъ евпатридами (Εὐπατρίδαι) и димотами (Δημοτικοί) и сравниваетъ ихъ съ патриціями и плебеями [2]). На это дѣленіе указываетъ также Плутархъ, въ жизнеописаніи Солона, гдѣ подъ словомъ димъ (Δῆμος) онъ разумѣетъ весь народъ исключая евпатридовъ [3]). Но сословіе димотовъ состояло въ свою очередь также изъ нѣсколькихъ классовъ, которыхъ Аристотель [4]) и Миридъ Аттикистъ (Μοῖρις ἀττικιστής) [5]), сообразно ихъ

[1]) C. F. Herman: Griechische Staatsalterthümer (3-е изд. 1841 г.) § 98, стр. 215 слѣд.

[2]) Scholiast. Platon. Axioch. p. 465. Діонисій Аликар. Римск. Археол. II, 8.

[3]) Солонъ глава XIII, 4 (Didot): Ἅπας μὲν γὰρ ὁ δῆμος ἦν ὑπόχρεως τῶν πλουσίων. Сравн. жизнь Ѳисея, глава 24, 2: Ἐπιων οὖν ἀνέπειθε κατὰ δήμους καὶ γένη.

[4]) Ἀριστοτέλης φησὶ, τοῦ ὅλου πλήθους διῃρημένου Ἀθήνησιν εἴς τε τοὺς γεωργοὺς καὶ τοὺς δημιουργούς....

[5]) Въ Словѣ Γεννηταὶ (Moeridis atticistae lexicon ed. Piersonus. L. B. 1759. 8° стр. 107). Это мѣсто требуетъ подробнѣйшаго разсмотрѣнія. Миридъ говоритъ: Γεννηταὶ, καὶ τὸ πρᾶγμα καὶ τὸ ὄνομα. εἰσὶ δὲ οἱ γεννηταὶ τοίονδέ τι. ἡ πόλις ἡ τῶν Ἀθηνῶν τὸ παλαιὸν διεκεκόσμητο διχῶς, εἴς τε τοὺς γεωργοὺς καὶ τοὺς δημιουργούς. οὗτοι δὲ πάλιν διῄρηντο εἰς φυλὰς δ'. Но въ его словахъ такъ много противорѣчія, что трудно отыскать настоящій смыслъ. Сначала онъ указываетъ на двоякое раздѣленіе государства или города, а потомъ говоритъ, что генниты, т. е. евпатриды составляли четыре филы. Слѣдовательно, по его мнѣнію,

занятіямъ и образу жизни, подводятъ подъ два разряда и называютъ земледѣльцами (γεωργοί) и ремесленниками (δημιουργοί). Это подраздѣленіе упоминается и другими греческими писателями, только съ нѣсколько измѣненными именами; такъ что вмѣсто γεωργοί употребляется иногда слово ἀγροῖκοι, но еще чаще γεωμόροι. Послѣднее имя было кажется офиціяльнымъ. Такимъ образомъ вообще въ Аттикѣ было три [1]) сословія: евпатриды, геоморы и диміурги, и ихъ учрежденіе Плутархъ [2]) приписываетъ, какъ из-

въ государствѣ находились только земледѣльцы и ремесленники, а евпатриды были исключены вовсе. Миридъ никогда не могъ написать что-нибудь подобное, а потому очевидно, что это мѣсто искажено переписчиками. Г-нъ Германъ (Griechische Staatsalter. стр. 217 9) замѣтилъ весьма справедливо, что приведенный Платоновымъ схоліастомъ отрывокъ Аристотеля можетъ служить къ объясненію словъ Мирида. И дѣйствительно, сравнивая эти два мѣста, кажется, нельзя сомнѣваться, что лексикографъ заимствовалъ не только свѣдѣніе, но и самое изложеніе у философа-политика. На этомъ основаніи, мы полагаемъ, что вмѣсто словъ ἡ πόλις ἡ, надобно читать τὸ μὲν πλῆθος, употребленное Аристотелемъ. Принявъ это чтеніе, мы получимъ отличный смыслъ и одно изъ самыхъ драгоцѣнныхъ извѣстій о древнѣйшей исторіи Аѳинскаго государства. Такъ исправленное мѣсто Мирида означаетъ: «Народъ (собственно толпа) аѳинскій, въ древности раздѣлялся двояко: на земледѣльцевъ, и ремесленниковъ; родичи же, т.е. генниты (οὗτοι δὲ) напротивъ распредѣлены были въ четырехъ филахъ.» Здѣсь подъ словомъ толпы или народа разумѣются димоты, состоявшіе изъ геоморовъ и диміурговъ; а подъ геннитами евпатриды. Изъ свидѣтельства нашего грамматика выводится такимъ образомъ, что въ древней Аттикѣ, до учрежденія 10-ти колѣнъ, находилось собственно два сословія: роды (γένη) и димъ (δῆμος), но что въ то же время было въ послѣднемъ два класса: геоморы и диміурги. Но это мѣсто Мирида важно еще и въ другомъ отношеніи. Мы старались доказать въ одномъ изъ прежнихъ разсужденій (Колѣна и Сословія Аттическія, С.-Петербургъ 1838. стр. 57. Во французскомъ переводѣ Г. Шопена, Essai sur l'organisation de la tribu dans l'antiquité, trad. du russe par Chopin. Paris 1839. стр. 81), что филы состояли только изъ однихъ евпатридовъ, т. е. гражданъ, и что димоты были къ нимъ приписаны, но не были филетами, до тѣхъ поръ пока не пріобрѣли права гражданства. Разсмотрѣнное мѣсто Мирида совершенно подтверждаетъ наше мнѣніе.

[1]) Полидевкъ въ Ономастикѣ, VIII, 9 стр. 111: Τρία δὲ ἦν τὰ ἔθνη πάλαι Εὐπατρίδαι, Γεωμόροι, Δημιουργοί. Діодоръ Сицил. 1, 28, §§ 4 и 5 (Didot.): ἔτι δὲ τὴν πολιτείαν τὴν αὐτὴν ἐσχηκέναι τάξιν καὶ διαίρεσιν τῇ παρ' Αἰγυπτίοις, εἰς τρία μέρη διανεμηθεῖσῃ. καὶ πρώτην μὲν ὑπάρξαι μερίδα τοὺς εὐπατρίδας καλουμένους.... δευτέραν δὲ τάξιν γενέσθαι τὴν τῶν γεωμόρων.... τελευταίαν δὲ μερίδα καταριθμηθῆναι τὴν τῶν δημιουργῶν τῶν τὰς βαναύσους τέχνας μεταχειριζομένων и пр. Срав. Etymologicum mag. pag. 395, 51: Εὐπατρίδαι ἐκαλοῦντο οἱ αὐτὸ τὸ ἄστυ οἰκοῦντες καὶ μετέχοντες βασιλικοῦ γένους, τὴν τῶν ἱερῶν ἐπιμέλειαν ποιούμενοι· Γεωργοὶ δὲ οἱ τῆς ἄλλης χώρας οἰκήτορες· Ἐπιγεώμοροι δὲ τὸ τεχνικὸν ἔθνος. Исихій въ словѣ: Αγροιῶται· ἀγροῖκοι καὶ γένος Ἀθήνῃσιν, οἱ ἀντιδιεστέλλοντο πρὸς τους Εὐπατρίδας· ἦν δὲ τὸ τῶν γεωργῶν καὶ τρίτον τὸ τῶν δημιουργῶν.

[2]) Плутархъ жизнь Ѳисея гл. 25, 2 (Didot): πρῶτος ἀποκρίνας χωρὶς Εὐπατρίδας καὶ Γεωμόρους καὶ Δημιουργούς.

вѣстно, царю Ѳисею. Различіе между этими сословіями, относительно политическихъ правъ, было весьма велико, и всѣ преимущества предоставлены было евпатридамъ. Они владѣли помѣстьями, вступали въ государственную службу и завѣдывали дѣлами правительственными, судебными и религіозными; прочіе жители, геоморы и диміурги, весьма долгое время не пользовались ни однимъ изъ сихъ преимуществъ и начали пріобрѣтать ихъ только въ шестомъ столѣтіи, по предложенію Солона. Однако ихъ равенство съ евпатридами произошло не вдругъ, но вводимо было постепенно и принято окончательно опредѣленіемъ гражданскаго собранія при Аристидѣ, спустя цѣлое столѣтіе послѣ Солона.

Въ слѣдствіе закона, представленнаго Аристидомъ, прежнія сословія пали и никогда не встрѣчаются въ послѣдствіи; вмѣсто нихъ мы находимъ въ Аттикѣ два класса жителей: гражданъ (πολῖται) и не гражданъ. Всѣ вышеозначенныя права принадлежали только первымъ, а потому слово гражданинъ, πολίτης, означало въ 5-мъ и 4-мъ вѣкѣ то же самое, что евпатридъ, Εὐπατρίδης, въ столѣтіяхъ предъидущихъ. Если это новое слово мы употребимъ для означенія сословій Аѳинской республики предъ Солономъ, то можемъ сказать, что только евпатриды были тогда гражданами, но ни геоморы, ни диміурги не принадлежали къ этому классу. Мы сказали выше, что въ республикахъ древней Греціи существовало кромѣ того правило, по которому государство считалось состоящимъ только изъ гражданъ; прочіе же жители страны были къ нему причислены, такъ сказать, приписаны, но не были настоящими его членами. Это правило относилось не только къ маленькимъ республикамъ, состоявшимъ изъ одного города съ его окрестностями, но и къ самымъ важнѣйшимъ, какъ напр. Спарта, Ѳивы и другія. Въ Лаконскомъ государствѣ, послѣ завоеванія Мессиніи, находилось тридцать тысячъ семействъ періиковъ и нѣсколько сотъ тысячъ рабовъ, но республику составляли только 9,000 собственно Спартанцевъ или Дорянъ. Въ такомъ же состояніи видимъ и Аттику, гдѣ, предъ Солономъ, только евпатриды были дѣйствительными членами государства и имѣли въ своихъ рукахъ верховную власть.

Плутархъ говоритъ, что аѳинскія сословія были учреждены Ѳисеемъ: можетъ-быть онъ хотѣлъ сказать, что въ царствованіе этого государя они уже существовали въ Аттикѣ, ибо нѣтъ сомнѣнія, что они образовывались постепенно, въ теченіе весьма долгаго времени. Мы постараемся теперь представить какъ первое начало ихъ, такъ и перемѣны, которымъ они подвергались въ продолженіе мно-

гихъ столѣтій, отъ самаго нашествія Іонянъ на Аттику и покоренія ими сей страны. Мы полагаемъ, что происхожденіе аѳинскихъ сословій относится къ означенному завоеванію, но не будемъ однако останавливаться на этомъ событіи, потому что занимались уже имъ подробно въ другомъ мѣстѣ и остаемся при результатахъ, полученныхъ прежними розысками. Только къ доказательствамъ, приведеннымъ въ нашемъ рузсужденіи объ аттическихъ колѣнахъ [1]), присоединимъ еще новое, заимствованное изъ греческаго языка. Древніе писатели употребляютъ всегда слово ἔθνος для названія сословія; но это слово означаетъ также поколѣніе, или племя [2]). Изъ этого двойственнаго смысла слова ἔθνος мы заключаемъ, что оба понятія, т. е. сословіе и поколѣніе, были для Грековъ равносильными, и что слѣдовательно сами Аѳиняне видѣли въ своихъ двухъ первобытныхъ сословіяхъ два различныхъ поколѣнія.

V.

Но рѣшеніе вопроса о происхожденіи сословій государства, зависитъ отъ точнаго знанія вообще поселеній или мѣстопребываній народа, а потому обратимся къ этому предмету и постараемся разсмотрѣть, какимъ образомъ аѳинское народонаселеніе распредѣлено было въ Аттикѣ, и какія мѣста жительства находились въ этой странѣ въ глубокой древности?

Драгоцѣнное извѣстіе о первобытныхъ поселеніяхъ сообщаетъ Ѳукидидъ въ трехъ мѣстахъ своей исторіи. Описывая положеніе Спарты, онъ говоритъ, что городъ построенъ былъ по древнему еллинскому обычаю и состоялъ изъ отдѣльныхъ слободъ [3]). Этотъ старинный обычай онъ опредѣляетъ съ точностію въ 5-й главѣ первой книги, гдѣ притомъ разсуждаетъ не объ одномъ какомъ-либо городѣ, но объ Еллинахъ вообще, и говоритъ, что они жили въ древности въ слободахъ, *κατὰ κώμας*; на него же онъ намекаетъ и въ 94-й главѣ 3-й книги, при разсказѣ объ образѣ жизни Этольцевъ [4]).

[1]) Колѣна и Сословія Аттическія. СПБ. 1838. стр. 24, 46 слѣд.

[2]) Henr. Stephanithes. lingvae graecae, ed. Hases. v. (tom. III, pag. 182).

[3]) Ѳукид. 1, 10, 2: *ὅμος δὲ οὔτε ξυνοικισθείσης πόλεως οὔτε ἱεροῖς καὶ κατασκευαῖς πολυτελέσι χρησαμένης, κατὰ κώμας δὲ τῷ παλαιῷ τῆς Ἑλλάδος τρόπῳ οἰκισθείσης* и пр.

[4]) Ѳукид. 1, 5, 1: *Οἱ γὰρ Ἕλληνες τὸ πάλαι.... ἐτράποντο πρὸς λῃστείαν.... καὶ προσπίπτοντες πόλεσιν ἀτειχίστοις καὶ κατὰ κώμας οἰκουμέναις* и пр.

III, 94, 4: *Τὸ γὰρ ἔθνος μέγα μὲν εἶναι τὸ τῶν Αἰτωλῶν καὶ μάχιμον, οἰκοῦν δὲ κατὰ κώμας ἀτειχίστους.*

Извѣстіе Ѳукидида дополняется Стравономъ и другими греческими писателями, имѣвшими случай коснуться этого предмета. Стравонъ представляетъ древнѣйшее состояніе Греціи въ такомъ же видѣ какъ сей историкъ, называетъ первыя жилища слободами и приписываетъ построеніе городовъ позднѣйшему времени [1]). Географъ повторяетъ это замѣчаніе нѣсколько разъ при описаніи отдѣльныхъ частей Пелопониса и какъ бы подтверждаетъ общее положеніе свое. Мы приведемъ здѣсь два мѣста, замѣчательныя преимущественно потому, что одно относится къ городу, другое къ цѣлой области. «Илида (Ἦλις, ιδος), говоритъ Стравонъ [2]), не существовала во время Омира; округъ занятъ былъ слободами, которыя очень поздно, послѣ войны съ Персами, соединились въ одинъ городъ и приняли общее названіе Илиды.» Тотъ же самый переходъ отъ слободы къ городу происходилъ и въ Эгіалеи, извѣстной болѣе подъ именемъ Ахаіи. Тамъ, по словамъ нашего писателя [3]), Іоняне жили въ слободахъ, и городовъ не было вовсе; только въ послѣдствіи ихъ построили Ахайцы. Стравонъ идетъ еще далѣе и, въ третьей книгѣ своей Географіи, высказываетъ прекрасную мысль, что города не только являются поздно, но образуютъ человѣка и смягчаютъ нравы [4]).

Сообщенныя нами выписки Стравона и Ѳукидида показываютъ, что извѣстія этихъ двухъ писателей совершенно согласны между собою, и что справедливость ихъ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Въ нихъ виденъ притомъ отголосокъ общаго ученія о постепенномъ ходѣ поселеній, распространеннаго между образованными людьми древней Греціи. Это ученіе изложено въ систематическомъ видѣ Аристотелемъ въ первой книгѣ Политики и служитъ

[1]) Страв. стр. 338: *σχεδὸν δὲ καὶ τοὺς ἄλλους τόπους τοὺς κατὰ Πελοπόννησον πλὴν ὀλίγων, οὓς κατέλεξεν ὁ ποιητὴς οὐ πόλεις ἀλλὰ χώρας ὀνομάζει, συστήματα δήμων ἐχούσας ἑκάστην πλείω ἐξ ὧν ὕστερον αἱ γνωριζόμεναι πόλεις συνῳκίσθησαν.*

[2]) Страв. стр. 336: *Ἦλις δὲ ἡ νῦν πόλις οὔ πω ἔκτιστο καθ' Ὅμηρον, ἀλλ' ἡ χώρα κωμηδὸν ᾠκεῖτο.*

[3]) Страв. стр. 386: *Οἱ μὲν οὖν Ἴωνες κωμηδὸν ᾤκουν, οἱ δ' Ἀχαιοὶ πόλεις ἔκτισαν.*

[4]) Страв. стр. 151; и стр. 163. Издатели Стравона во французкомъ переводѣ замѣчаютъ къ первому мѣсту слѣдующее: Strabon répète plus bas cette même observation, en y ajoutant que ce sont les villes qui civilisent les hommes. En effet, l'xpérience de tous les temps a prouvé qu'il n'y a que les grandes réunions d'hommes qui adoucissent les moeurs. Aussi les termes de *politesse*, *civilité*, *urbanité*, derivent-ils du mot *πόλις*, une ville, en latin civitas ou urbs. Et comme ces qualités precieusses pour la vie sociale, dégénerent aussi en duplicité, quand ces réunions deviennent trop nombreuses, on a donné à ce vice le nom d'*astuce*, du mot *ἄστυ*, qui designe également *une ville*. Géographie de Strabon traduite en français (par De la Porte du Theil, Coray et Gosselin. 5 vol. 4° Paris 1805 — 1819) 1-й томъ стр. 435.

доказательствомъ вѣрности нашего взгляда. Аристотель признаетъ первоначальнымъ обществомъ и мѣстомъ жительства *οἰκία*, дворъ, и считаетъ прочія поселенія только дальнѣйшимъ его распространеніемъ. Изъ соединенія нѣсколькихъ дворовъ, говоритъ онъ, произошла *κώμη*, слобода, а изъ многихъ слободъ составился наконецъ городъ [1]).

Разсматривая эти мнѣнія Θукидида, Стравона, Аристотеля, мы убѣждаемся, что греческіе ученые обладали обширными и весьма точными свѣдѣніями о первоначальныхъ поселеніяхъ страны своей, и что они дошли до результатовъ, совершенно соотвѣтствующихъ историческимъ событіямъ другихъ народовъ, указаннымъ новѣйшими изслѣдованіями. Такъ напр. въ Германіи встрѣчаются тѣ же мѣста жительства и въ такой же постепенности, какъ въ древней Греціи; они называются: mansus, villa, stadt. Этотъ примѣръ подтверждаетъ еще болѣе мысль, которую мы старались доказать уже давно въ другомъ сочиненіи, что первобытное, или такъ-называемое колѣнное состояніе народа, основано у всѣхъ племенъ на однихъ и тѣхъ же началахъ и разнится только въ нѣкоторыхъ частностяхъ [2]).

VI.

Уже изъ однихъ приведенныхъ нами мѣстъ древнихъ писателей можно безошибочно заключить, что и въ Аттикѣ народонаселеніе распредѣлено было сообразно съ общимъ еллинскимъ обычаемъ; но мы имѣемъ для того и положительныя свидѣтельства. Схоліастъ Θукидида и сочинитель Большаго Этимологическаго Словаря говорятъ, что Аѳиняне въ старину жили въ слободахъ, *κωμηδὸν* или *κατὰ κώμας* [3]). Остановимся теперь на этомъ предметѣ

[1]) Арист. о Государствѣ, I, 1, 6: *Ἐκ μὲν οὖν τούτων τῶν δύο κοινωνιῶν οἰκία πρώτη.* Тамъ же I, 1, 7: *Ἡ δ' ἐκ πλειόνων οἰκιῶν κοινωνία πρώτη χρήσεως ἕνεκεν μὴ ἐφημέρου, κώμη.* Тамъ же I, 1, 8: *Ἡ δ' ἐκ πλειόνων κωμῶν κοινωνία τέλειος πόλις.*

[2]) Колѣна и Сословія Аттическія. Сравн. Политическое Устройство Германцевъ. Намъ пріятно видѣть, что г. Гротъ, авторъ новѣйшей и превосходно написанной исторіи Греціи, согласенъ съ нашимъ мнѣніемъ и его принимаетъ: Geschichte Griechenlands von Georg Grote, übersetzt von Meiszner. (Leipzig. 1851. 8), 2-го тома, 1-е отд. стр. 50.

[3]) Схоліастъ Θукид. I, 5, къ слову *Πόλεσιν ἀτειχίστοις: εἶπε γὰρ ἀτειχίστων ὄντων, ὥσπερ ἦν ἡ Ἀττικὴ πάλαι, κατὰ κώμας οἰκουμένη.* Большой Этимол. въ словѣ *Ἐπακρία χώρα. Ἀθηναίους πάλαι κωμηδὸν οἰκοῦντας* и пр.

и разсмотримъ древнѣйшее состояніе слободъ въ Аттикѣ и перемѣны, которымъ онѣ подвергались въ теченіе времени.

Мы уже сообщили слова Аристотеля, который, описывая слободу, *κώμη*, сказалъ, что она состояла изъ нѣсколькихъ дворовъ, *ἐκ πλειόνων οἰκιῶν*, и была, по существу своему, какъ бы дальнѣйшимъ ихъ распространеніемъ [1]). Этотъ писатель занимается также съ большимъ вниманіемъ устройствомъ двора, разлагаетъ его на составныя части относительно внутренняго быта и признаетъ поземельную собственность, или владѣніе землею, самою необходимою его частью [2]). Философъ объясняетъ съ точностію мысль свою и не оставляетъ никакого сомнѣнія. Употребляя слово часть, онъ не разумѣетъ какую-нибудь случайную принадлежность предмета, но такъ-называемую составную часть, т. е. принадлежность столь необходимую, что предметъ безъ нея существовать не можетъ, и наоборотъ, она сама не имѣетъ значенія безъ предмета. Части, говоритъ Аристотель [3]), зависятъ отъ цѣлаго; если напр. человѣкъ, какъ цѣлое, лишается жизни, то не остается ни ноги, ни руки. Такимъ образомъ изъ свидѣтельства философа проистекаетъ, что поземельная собственность относится къ числу главныхъ или основныхъ частей двора, и что слѣдовательно безъ нея нѣтъ ни двора, ни слободы, въ политическомъ смыслѣ этихъ словъ. Такое положительное и опредѣленное указаніе Аристотеля необходимо заставляетъ насъ прежде всего показать значеніе поземельной собственности, по понятію древнихъ Грековъ и въ особенности Аѳинянъ.

VII.

Начало поземельной собственности относится къ самому древнему и первобытному состоянію общества и происходитъ въ одно время съ послѣднимъ. Дѣйствительно, вездѣ, гдѣ встрѣчаемъ человѣка, находимъ его уже владѣтелемъ земли. На нее онъ обращаетъ свой трудъ и стараніе; она доставляетъ ему средства къ жизни, отъ нея зависитъ и его положеніе въ обществѣ. Нѣтъ притомъ никакого сомнѣнія, что первоначальное состояніе человѣка было

[1]) Арист. о Госуд. I, 1, 7: *μάλιστα δὲ κατὰ φύσιν ἔοικεν, ἡ κώμη ἀποικία οἰκίας εἶναι.*

[2]) 1, 2, 3: *Ἐπεὶ οὖν ἡ κτῆσις μέρος τῆς οἰκίας ἐστὶ.*

[3]) 1, 1, II: *Τὸ γὰρ ὅλον πρότερον ἀναγκαῖον εἶναι τοῦ μέρους· ἀναιρουμένου γὰρ τοῦ ὅλου, οὐκ' ἔσται πούς, οὐδὲ χείρ.*

земледѣльческимъ, а рыбная ловля и охота занятіемъ второстепеннымъ и отчасти позднѣйшимъ. Въ такомъ видѣ изображаются люди въ священныхъ книгахъ Моисея. Многіе писатели доказывали, что общество проходило разныя степени, что человѣкъ сдѣлался прежде всего рыболовомъ и охотникомъ, познакомился потомъ съ скотоводствомъ и только въ послѣдствіи времени узналъ хлѣбопашество. Этотъ систематическій переходъ неестественъ и совершенно противорѣчитъ свѣдѣніямъ о патріархальномъ бытѣ, пріобрѣтеннымъ въ новѣйшее время.

Собственность есть дѣйствіе человѣческаго разума и проистекаетъ отъ той изъ его способностей, которая называется волею. Подчиняясь разумной волѣ человѣка, предметъ дѣлается зависимымъ, т. е. собственностію или имуществомъ. Разумъ обнимаетъ все въ природѣ, а потому воля распространяется на множество предметовъ, и кругъ ея дѣйствій весьма обширенъ: торговля, промыслы, земледѣліе, а также науки, искусства и литература поступаютъ въ вѣдѣніе человѣка и доставляютъ ему имущество. Но такое разнообразіе является очень поздно и служитъ признакомъ общества образованнаго; въ младенческомъ состояніи народа человѣкъ видитъ предъ собою только землю, на которую онъ можетъ перенесть свою волю и обратить въ собственность; а потому мы встрѣчаемъ въ первобытномъ обществѣ только имущество поземельное. Это имущество, какъ произведеніе воли и слѣдовательно разума, какъ достояніе пріобрѣтенное умственною и тѣлесною дѣятельностію, имѣетъ весьма высокое значеніе и составляетъ, говоря съ Аристотелемъ, неотъемлемую часть человѣка; оно, можно сказать, есть самъ человѣкъ. Но такъ какъ люди созданы для жизни общественной и не могутъ существовать отдѣльно, то и естественно, что поземельная собственность должна была сохранить и дѣйствительно сохраняла въ обществѣ ту же важность и то же значеніе, которыя она имѣла для человѣка. Вотъ причина, почему очень рано утвердился обычай, на основаніи котораго требовалось владѣніе поземельнымъ имуществомъ отъ всѣхъ принимавшихъ участіе въ дѣлахъ общественныхъ. Этотъ обычай оставался очень долго въ полной силѣ и даже сдѣлался въ послѣдствіи положительнымъ закономъ. Такъ напр. въ древней Греція изданы были подобные законы во всѣхъ государствахъ, намъ извѣстныхъ, и ими опредѣлялось, что тѣ только были гражданами, т. е. членами общества, которые владѣли землею. Всѣхъ продолжительнѣе сохранялся такой законъ въ республикѣ Спартанской.

VIII.

Столь же любопытные факты представляютъ разысканія о происхожденіи поземельной собственности. Всѣмъ извѣстно, что имущество раздѣлялось на государственное, принадлежащее правительству, и на частное, находящееся во владѣніи жителей страны. Мы займемся только послѣднимъ и постараемся опредѣлить его значеніе въ древней Греціи. Этотъ вопросъ можетъ быть, по нашему мнѣнію, рѣшенъ удовлетворительно, такъ какъ въ новѣйшее время найдены и объяснены самыя точныя и вѣрныя свидѣтельства о запятіи земель въ первобытномъ обществѣ. Правда, что эти извѣстія относятся не къ Грекамъ и Римлянамъ, а къ Германцамъ, но они могутъ однако служить сравненіемъ и даже въ нѣкоторомъ смыслѣ руководить при изслѣдованіяхъ о древнихъ Грекахъ, потому что въ общественныхъ учрежденіяхъ младенческаго состоянія народовъ усматривается весьма большое сходство. Мы изложили этотъ предметъ въ сочиненіи о политическомъ устройствѣ Германцевъ, изданномъ за 15 предъ симъ лѣтъ, и позволяемъ себѣ выписать мѣсто, въ которомъ заключается основная мысль сего вопроса[1]).

«Происхожденіе поземельнаго имущества частныхъ лицъ, говорили мы, есть одинъ изъ самыхъ любопытныхъ и самыхъ важныхъ предметовъ историческихъ. Онъ заслуживаетъ особеннаго вниманія уже потому, что имъ вообще занимались очень мало, и что мнѣнія ученыхъ еще не утвердились. Обыкновенно полагаютъ, что въ пріобрѣтеніи имѣній, въ началѣ общества, не было никакого правила, что всякій занималъ по своему произволу встрѣтившуюся ему землю, и что слѣдовательно право сильнаго руководило людьми при первыхъ поселеніяхъ. Этотъ взглядъ совершенно противорѣчитъ положительнымъ историческимъ извѣстіямъ о древней Германіи. Напротивъ, свидѣтельства, почерпаемыя у Юлія Цезаря, Тацита и въ собственныхъ германскихъ законахъ, называемыхъ Правдами, приводятъ къ убѣжденію, что первоначально вся вновь занятая земля разсматривалась собственностію цѣлаго общества какъ одного правственнаго лица, выражаемаго въ новѣйшее время правительствомъ; что каждый пріобрѣталъ свой участокъ не своевольно, но по назна-

[1]) Политическое Устройство Германцевъ до шестаго столѣтія. СПБ. 1837. 8°, стр. 54 сл. Г. Шопенъ перевелъ это разсужденіе на французскій языкъ и напечаталъ какъ 3-ю часть сочиненія о колѣнахъ: Essai, и пр. См. выше стр. 154.

ченію колѣннаго собранія; и что потому всѣ владѣнія были въ зависимости отъ общества или государства, т. е. что не было частной поземельной собственности, а только общественная или государственная.

«Юлій Цезарь, видѣвшій Германцевъ въ первобытномъ состояніи, описываетъ ихъ народомъ кочующимъ и прибавляетъ, что ни у кого изъ нихъ нѣтъ собственныхъ, опредѣленныхъ полей, и что назначеніе послѣднихъ зависитъ отъ правителей, которые раздѣляютъ вновь занятую страну между родами [1]). Тацитъ, наблюдавшій Германцевъ слишкомъ сто лѣтъ послѣ Цезаря, нашелъ ихъ весьма измѣнившимися. Онъ описываетъ ихъ осѣдлыми и упоминаетъ уже о частныхъ владѣніяхъ, но образъ раздѣленія земель представляетъ совершенно согласно съ Цезаремъ. Поля, говоритъ онъ, занимаются обществомъ, ab universis, по числу обрабатывателей, pro numero cultorum, и потомъ уже раздаются всѣмъ, по достоинству или значенію каждаго, secundum dignationem [2]). Употребленіе слова: ab universis, которое означаетъ здѣсь общество, міръ, и есть безъ сомнѣнія переводъ нѣмецкаго слова Gemeinde, община, подтверждаетъ вѣрность взгляда и точность Тацита, потому что колѣнное собраніе рѣшало, подобно всѣмъ прочимъ общественнымъ дѣламъ, и раздѣленіе земель. Тотъ же фактъ выводится наконецъ и изъ германскихъ Правдъ, составленныхъ послѣ паденія Западной Римской имперіи во вновь учрежденныхъ королевствахъ. Помѣстное владѣніе является тамъ уже вполнѣ устроеннымъ и основаннымъ вездѣ по одному образцу, на одномъ общемъ началѣ. Правительство, т. е. король и прочіе предводители, брали у Римлянъ треть всѣхъ земель, раздѣляли ихъ на участки и раздавали потомъ, по жребію, sortes, между свободными. Эти участки однако не дѣлались полною собственностію частныхъ лицъ, но поступали только въ наслѣдственное пользованіе или владѣніе, оставались въ зависимости отъ правительства и даже не могли быть ни проданы, ни вообще отчуждаемы самимъ владѣльцемъ по собственному его произволу [3]).

[1]) C. J. Caesar, De bello gallico, IV, 1: Sic neque agricultura, nec ratio, neque usus belli intermittitur: sed privati ac separati agri apud eos nihil est; neque longius anno remanere uno in loco, incolendi caussa, licet. Тамъ же VI, 22: neque quisquam agri modum certum, aut fines habet proprias; sed magistratus ac principes in annos singulos gentibus cognationibusque hominum qui una coierint, quantum et quo loco visum est, agri attribuunt atque anno post alio transire cogunt.

[2]) Tacit. Germ. c. 26: Agri pro numero cultorum ab universis per vices occupantur, quos mox inter se secundum dignationem partiuntur.

[3]) Lex Burgundionum titul. LXXXIV, 1.

«Принявъ такое происхожденіе частнаго владѣнія, весьма легко уже будетъ найдти причину его политическаго значенія, которое вовсе не было случайнымъ, но необходимымъ, вытекающимъ изъ сущности самаго дѣла. Такъ какъ вся земля была общественною, то слѣдовательно владѣльцами участковъ, розданныхъ по жребію могли быть тѣ только свободные люди, которые составляли самое общество и были настоящими его членами. Но извѣстно, что общество произошло отъ стремленія людей къ собственному охраненію и защитѣ, а потому и членами первобытнаго общества признавались только мужи, бывшіе въ состояніи защищать какъ себя самихъ, такъ и все общество. Эти самые мужи сходились иногда вмѣстѣ для совѣщанія о внутреннихъ дѣлахъ своихъ, для рѣшеія войны и мира и для прекращенія тяжбъ и споровъ. Такія сходки называются колѣнными собраніями или вѣчемъ. Итакъ, тѣ только свободные, которые пользовались правомъ защиты и правомъ участія въ вѣчѣ, тѣ только были членами общества, и имъ однимъ принадлежала поземельная собственность, признанная міромъ и утвержденная опредѣленіемъ мірской сходки или колѣннаго вѣча. Однимъ словомъ, право владѣнія тѣсно и неразлучно связано было съ правами защиты и вѣча: всѣ три составляли одно цѣлое. Если этому понятію дадимъ другое выраженіе, то получимъ: помѣстье придавало своему владѣтелю политическое значеніе; оно вводило его въ сферу гражданственности, государства; оно дѣлало его полнымъ, гражданиномъ.

«Это свойство поземельной собственности прекрасно выражается и въ тѣхъ словахъ, которыя служили у Германцевъ для ея означенія:

1. какъ участокъ, полученный жребіемъ, помѣстье называется Алодомъ, Alodis, что̀ происходитъ отъ слова Hloth, Loot, Lut, Loos, т. е. жребій;
2. какъ владѣніе воина, пользующагося правомъ защиты, оно именуется Варою или Верою, Wara, Were, отъ слова Varjan, защищать. Совокупность же правъ воина на помѣстье, его законное надъ нимъ господство, извѣстно подъ именемъ Gewere, Gewehre;
3. помѣстье, какъ собственность, пріобрѣтенная не насиліемъ, а правомъ (secundum legem), передаваемая по наслѣдству, опредѣленному законами и признанная колѣннымъ вѣчемъ, носитъ названіе Echtes Eigen;

и 4. наконецъ зависимость имущества отъ общества или государства усматривается въ двухъ словахъ, часто встрѣчающихся въ

письменныхъ памятникахъ древней Германіи: а) въ словѣ Halder [1]) (въ латинскихъ грамматикахъ possessor, possessio), означающемъ помѣщика, но указывающемъ болѣе на пользованіе, нежели на настоящую собственность; и б) въ названіи terra salica, которое употребляется также въ смыслѣ помѣстья, но значитъ собственно: земля Салійская или земля, принадлежащая Салійскимъ Франкамъ, ими покоренная и занятая; другими словами, земля общественная, т. е. имущество франкскаго государства».

Ограничимся этою выпискою и укажемъ только на главные результаты, выводимые изъ этихъ разысканій. Наши изслѣдованія показываютъ:

1. что земля занимаема была первоначально только правительствомъ, а не частными людьми;
2. что помѣстья принадлежали государству, что не было частной поземельной собственности, а только государственная, и что частная собственность произошла несравненно позднѣе;
и 3. что помѣстье, бывъ въ зависимости отъ общества и тѣсно съ нимъ связанное, пріобрѣтало политическое значеніе, которое выражалось въ разныхъ имъ носимыхъ названіяхъ.

Это мнѣніе, изложенное нами въ 1837 году, подтверждено было самостоятельными критическими изслѣдованіями французскаго ученаго, г. Жиро, который въ превосходномъ сочиненіи своемъ о правѣ собственности у Римлянъ, напечатанномъ въ 1838 году, дошелъ до одинаковаго съ нами результата. Разсмотрѣвъ значеніе поземельнаго имущества у разныхъ народовъ древности, г. Жиро говоритъ, что вся земля занятой страны дѣлалась собственностію цѣлаго общества, покровительствовавшаго только право владѣнія каждаго, и что частное имущество произошло въ послѣдствіи [2]). Это сходство въ основ-

[1]) Употребляется въ фризійской Правдѣ. во II отдѣлѣ въ 5-мъ параграфѣ. См. Asega-Buch, ein alt-friesisches Gesetzbuch der Rüstringer, herausgegeben von Wiarda (Berlin 1805 4°). Стр. 88, 113 и 149.

[2]) Recherches sur le droit de propriété chez les Romains, par Charles Giraud. Aix. 1838. Въ 1-мъ томѣ. стр. 4: L'action naturelle, mais eclairée, de l'homme sur les objets matériels qui l'entourent, a donc produit la propriété. Elle a été appliquée à la terre, d'abord par simple occupation temporaire, et par droit dérivé de la culture, ensuite par l'organisation d'un droit national ou de tribu, où la société naissante a retenu la propriété générale du territoire et protégé les droits de chacun à une juste possession, à titre privatif; et enfin de cette qualité de propriété publique, elle s'est élevée au caractère de propriété privée, c'est-à-dire propre à chaque homme, en sa seule qualité d'homme.

ныхъ началахъ, достигнутое различными путями и совершенно одно отъ другаго независимыми разысканіями убѣждаетъ какъ въ истинѣ результата, такъ и въ вѣрности самихъ изысканій.

IX.

Происхожденіе поземельнаго имущества въ древней Греціи не можетъ быть опредѣлено съ тою точностію и послѣдовательностію какъ у Германцевъ, потому что объ немъ нѣтъ подобныхъ современныхъ извѣстій. Но этотъ недостатокъ пополняется отчасти писателями позднѣйшими, у которыхъ встрѣчаются иногда указанія, справедливѣе говоря намеки, позволяющіе судить о первобытномъ состояніи Еллиновъ. Кромѣ того въ нѣкоторыхъ республикахъ сохранялись очень долгое время, какъ остатокъ древности, старинныя преданія, обычаи и даже самыя политическія учрежденія. Они были часто описываемы, но эти описанія дошли до насъ въ весьма небольшомъ числѣ и только отрывочно; однако такъ какъ немногія уцѣлѣвшія сообщены первыми еллинскими писателями, то не подвержены сомнѣнію и весьма высоко цѣнятся: они проясняютъ темныя времена младенческаго общества.

Одно изъ такихъ драгоцѣнныхъ извѣстій находится у Исократа въ рѣчи Архидама и относится къ нашествію Ираклидовъ и покоренію Дорянами трехъ областей Пелопонниса. Упомянувъ о предшествовавшихъ дѣйствіяхъ потомковъ Иракла, объ ихъ правахъ на Аргосъ, Лакедэмонъ и Мессинію и объ отвѣтѣ, данномъ имъ Пиѳіею, Исократъ говоритъ, что Ираклиды, «собравъ войско, всю землю отдали въ общее достояніе (εἰς τὸ κοινὸν) воинамъ» [1]). Эти слова Исократа невольно напоминаютъ выраженіе Тацита: agri ab universis occupantur, и обнаруживаютъ большое сходство въ первобытномъ состояніи Дорянъ и Германцевъ. Они показываютъ, что земля не была занимаема воинами произвольно, но поступала въ общее владѣніе, т. е. дѣлалась имуществомъ государственнымъ, а не частнымъ. Этотъ разсказъ Исократа подтверждается свидѣтельствомъ Поливія, слова котораго имѣютъ тѣмъ большій вѣсъ, что произнесены не случайно, но съ размышленіемъ и какъ результатъ историческихъ разысканій: цѣль Поливія была показать различіе въ учрежденіяхъ

[1]) Исокр. Архидамъ стр. 119 и 120 (Didot): *καὶ στρατόπεδον συστησάμενοι, τὴν μὲν ἰδίαν χώραν εἰς τὸ κοινὸν τοῖς συνακολουθήσασιν ἔδοσαν* и пр.

Рима, Спарты, Крита и другихъ странъ. Историкъ разбираетъ мнѣнія прежнихъ писателей, находитъ три отличія Лаконіи отъ Крита и наконецъ, исчисляя ихъ по очереди, говоритъ, что «первую особенность Спартанской республики составляютъ постановленія, относящіяся къ помѣстьямъ, на основаніи которыхъ никто не можетъ «имѣть болѣе другаго, но всѣ граждане владѣютъ равными участ-«ками земли государственной» [1]). Мы перевели здѣсь словомъ: государственная земля, выраженіе πολιτικὴ χώρα, употребленное въ этомъ мѣстѣ Поливіемъ, и принимаемъ мнѣніе тѣхъ, которые въ спартанской πολιτικὴ χώρα видятъ ager publicus римскій. Г. Германъ говоритъ, что подъ этимъ словомъ разумѣется земля, находящаяся во владѣніи гражданъ [2]). Это замѣчаніе ученаго изслѣдователя совершенно справедливо, и никто не будетъ ему противорѣчить; но такъ какъ граждане составляли правительство и государство, то и выраженія: земля государственная и земля гражданская будутъ равносильными. Подобная зависимость помѣстій отъ государства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и политическое значеніе помѣстья, находились также и у Римлянъ, какъ показали новѣйшіе изслѣдователи римскаго права и между прочимъ Пухта, излагающій эту мысль въ томъ самомъ видѣ, какъ и мы ее представили [3]): новое доказательство справедливости нашего мнѣнія.

X.

Исократъ упоминаетъ также и о способѣ пріобрѣтенія земель Дорянами, но очень коротко и неопредѣлительно, болѣе намекая, чѣмъ описывая. «Доряне, говоритъ онъ въ Панаѳинэйской рѣчи своей, завладѣли полями, лишивъ прежнихъ жителей законной ихъ собственности» [4]). Это указаніе дополняетъ Павсанія въ разныхъ мѣ-

[1]) Поливій VI, 45, 3. Τῆς μὲν δὴ Λακεδαιμονίων πολιτείας ἴδιον εἶναί φασι πρῶτον μὲν τὰ περὶ τὰς ἐγγαίους κτήσεις, ὧν οὐδενὶ μέτεστι πλεῖον, ἀλλὰ πάντας τοὺς πολίτας ἴσον ἔχειν δεῖ τῆς πολιτικῆς χώρας.

[2]) C. F. Hermann: Antiquitatum Laconicarum libelli quatuor (Marburgi 1841 4⁰) pag. 172: πολιτικὴν autem χώραν, quam Polybius dicit, id est civibus non perioecis assignatam, parvissime intellexit (Kortümius) de agro publico etc.

[3]) Puchta: Cursus der Institutionen (Leipzig 1841. 8). Томъ I, стр. 129: Es ist altes römisches Recht, dass erobertes Land und erbeutetes Gut dem Staat erworben ist, und erst durch seine Vermittelung an den Einzelnen kommen könne.

[4]) Исокр. Панаѳ. стр. 270 (§ 177 Didot): τὰς χώρας ἀφείλοντο τοὺς δικαίως κεκτημένους.

стахъ своего описанія Еллады. Изъ его разсказа видно, что Ираклиды царствовали во всѣхъ покоренныхъ областяхъ, удаливъ силою оружія Пелопидовъ и многія важнѣйшія семейства [1]), но что большая часть народонаселенія оставалась въ странѣ, принужденная однако удѣлить часть своихъ помѣстій побѣдителямъ. Такъ, по его словамъ, поступили Доряне въ Фліунтѣ (Φλιοῦς, οῦντος) и Мессиніи, а Оксилъ (Ὄξυλος) съ Этольцами въ Илидѣ (Ἦλις, ιδος) [2]). Впрочемъ есть примѣры и болѣе тягостныхъ условій, наложенныхъ на побѣжденныхъ. Спартанцы присвоили себѣ всѣ земли покоренныхъ и владѣли ими во время оратора Исократа [3]); Аѳиняне, по извѣстію Иродота [4]), разбивъ Халкидцевъ, присоединили всю ихъ область къ государственному имуществу республики и отдали ее 4000 своихъ согражданъ; они послѣдовали той же политикѣ и противъ Лесвійцевъ, отпавшихъ отъ нихъ въ войну пелопоннисскую: Ѳукидидъ [5]) повѣствуетъ, что земля раздѣлена была на 3000 участковъ, изъ коихъ триста посвящены были богамъ, а остальные розданы клирухамъ. Но такое насильственное завладѣніе всею поземельною собственностію встрѣчается только въ послѣдствіи и было вынуждаемо сильною междоусобною войною, въ древности напротивъ нѣтъ слѣдовъ подобныхъ дѣйствій, такъ что обычай, сообщаемый Павсаніею, былъ вѣроятно господствующимъ.

Пріобрѣтенныя такимъ образомъ поля дѣлились на равные участки и раздавались воинамъ. Объ этомъ раздѣлѣ упоминаютъ многіе греческіе писатели и между прочимъ Платонъ, Исократъ и Поливій. Слова перваго весьма замѣчательны. «Самое наибольшее противодѣйствіе, говоритъ Платонъ, испытывали законодатели, когда намѣревались ввести между гражданами равенство поземельнаго имущества.... но у Дорянъ это дѣло устроилось прекрасно и безъ

[1]) Павс. II, 18, 7 и 8.

[2]) Павс. II, 13, 1: *Τῶν δὲ Φλιασίων τοῖς μὲν ἃ προεκαλεῖτο Ῥηγνίδας ἐφαίνετο ἀρεστά, μένοντας ἐπὶ τοῖς αὑτῶν βασιλέα Ῥηγνίδαν καὶ τοὺς σὺν ἐκείνῳ Δωριεῖς ἐπὶ ἀναδασμῷ γῆς δέχεσθαι.*

IV, 3, 6: *Μεσσηνίων δὲ τῶν ἀρχαίων οὐκ ἐγένετο ὑπὸ τῶν Δωριέων ὁ δῆμος ἀνάστατος, ἀλλὰ βασιλεύεσθαί τε συγχωροῦσιν ὑπὸ Κρεσφόντου καὶ ἀναδάσασθαι πρὸς τοὺς Δωριέας τὴν γῆν.*

V, 4, 2: *Τὴν δὲ βασιλείαν ἔσχεν Ὄξυλος καὶ Ἐπειοὺς τοὺς ἀρχαίους τὰ μὲν ἄλλα εἴασεν ἐπὶ τοῖς αὑτῶν μένειν, συνοίκους δέ σφισι τοὺς Αἰτωλοὺς ἐπὶ ἀναδασμῷ τῆς χώρας ἐπεισήγαγε.*

[3]) Исокр. Панаѳ. стр. 286 (Didot): *αὐτοὶ δὲ τὰς κτήσεις ἁπάσας τὰς ἐκείνων τότε κατασχόντες ἔτι καὶ νῦν ἔχουσιν.*

[4]) Ирод. V, 73—78. См. Исторію Аѳинской республики стр. 43.

[5]) Ѳукид. III, 50, 2.

споровъ: они раздѣлили землю миролюбиво.» [1]) Это свидѣтельство Философа подтверждаютъ Исократъ и Поливій, представляющіе сходно съ нимъ это событіе и употребляющіе даже одинаковыя выраженія [2]).

По какимъ способомъ производился раздѣлъ, и какъ земли поступали въ частное владѣніе? На этотъ вопросъ древніе писатели положительно не отвѣчаютъ; но принявъ въ соображеніе какъ нѣкоторыя, частію случайныя, указанія, такъ и самое названіе участковъ, едвали можно сомнѣваться, что для раздачи употреблялся жребій. Исократъ говоритъ, что каждый изъ Ираклидовъ получилъ себѣ область по жребію (οἱ μὲν Ἄργος λαχόντες καὶ Μεσσήνην), и съ нимъ совершенно согласенъ Павсанія, разсказывающій кромѣ того съ подробностію, какъ брошенъ былъ жребій, и какую употребилъ Кресфонтъ хитрость для пріобрѣтенія Мессиніи [3]). Обычай раздѣлять землю по жребію выразился и въ самомъ названіи помѣстья, значащагося на еллинскомъ языкѣ κλῆρος, т. е. жребій. Если справедливо, что слово служитъ выраженіемъ понятія, то также справедливо, что одинаковыя названія предметовъ у разныхъ народовъ показываютъ сходство и въ тѣхъ учрежденіяхъ, которыя ими означаются. Видя такимъ образомъ, что у Грековъ и Германцевъ подъ жребіемъ, κλῆρος и alodis, разумѣется помѣстье, мы можемъ заключить, что, въ первобытномъ ихъ состояніи, земля раздавалась по жребію. Можемъ присоединить еще, что и въ еврейскомъ языкѣ, слово גּוֹרָל (гораль) означаетъ жребій и помѣстье.

XI.

Посредствомъ жребія земля переходила во владѣніе частныхъ людей и принадлежала имъ какъ имущество, но не переставала однако удерживать свое государственное значеніе. Участки передава-

[1]) Платонъ о законахъ III, 6 (стр. 684): Οὐκ ἦν τοῖς νομοθέταις ἡ μεγίστη τῶν μέμψεων, ἰσότητα αὐτοῖς τινὰ κατασκευάζουσι τῆς οὐσίας.... τοῖς δὲ δὴ Δωριεῦσι καὶ τοῦθ' οὕτως ὑπῆρχε καλῶς καὶ ἀνεμεσήτως, γῆν τε ἀναμφισβητήτως διανέμεσθαι и пр.

[2]) Исокр. Панаѳ. стр. 279 (Didot): Ταῦτα δὲ πράξαντας τῆς χώρας, ἧς προσῆκεν ἴσον ἔχειν ἕκαστον и пр. Поливій VI, 48, 3: Ἡ μὲν γὰρ περὶ τὰς κτήσεις ἰσότης. Сравн. VI, 45, 3.

[3]) Павс. IV, 3, 4.

лись тѣмъ только свободнымъ, которые составляли общество и были настоящими его членами. Эти свободные вмѣстѣ шли на войну, вмѣстѣ разсуждали о внутреннихъ дѣлахъ своихъ, производили судъ и расправу и рѣшали споры; они же, по языческому обычаю, совершали и жертвоприношенія. Они были слѣдовательно воинами, судьями и жрецами; а теперь, покоривъ страну и занявъ землю, они стали наконецъ владѣльцами земель. Такимъ образомъ помѣстье могло принадлежать только тѣмъ мужамъ, которые пользовались тремя означенными правами, и служило потому признакомъ ихъ званія. Но чрезъ то оно пріобрѣтало большое политическое значеніе и дѣлалось неотъемлемою, или, говоря точнѣе, составною частію общества. Эту тѣсную связь между ними прекрасно излагаетъ Аристотель въ 7-й книгѣ своей «Политики». Онъ говоритъ, что поземельная собственность есть достояніе только гражданъ; а гражданами онъ называетъ тѣхъ, которые участвуютъ въ управленіи общества и исполняютъ званія жреца и воина [1]).

Подобно какъ у Германцевъ, встрѣчаются у древнихъ Грековъ разныя выраженія для означенія помѣстья.

Въ смыслѣ недвижимаго имущества или поземельной собственности вообще употребляется слово ἔγγειος οὐσία или φανερὰ οὐσία.

Какъ участокъ, полученный жребіемъ, оно носитъ названіе κλῆρος.

Но помѣстье въ настоящемъ смыслѣ сего слова, т. е. какъ владѣнье, принадлежащее гражданину и дающее ему многія преимущества, какъ имущество признанное и охраняемое правительствомъ и передаваемое въ наслѣдство, называется κτῆσις.

Наконецъ совокупность правъ свободнаго на помѣстье, его законное надъ нимъ господство означаются словами: ἔγκτησις и ἔμπασις или ἔππασις (ἔπασις) [2]).

XII.

Мы привели здѣсь слово ἔγκτησις, ἔμπασις, въ значеніи, несколько отличающемся отъ общепринятаго. Генрихъ Валуа опредѣлилъ

[1]) Аристот. о Государствѣ VII (IV у Бартелеми Сентъ-Илера) 8, 5: Φανερὸν δὲ καὶ ὅτι δεῖ τὰς κτήσεις εἶναι τούτων (т. е. τῶν πολιτῶν).

Тамъ же, 6: ὑπὸ γὰρ τῶν πολιτῶν πρέπει τιμᾶσθαι τοὺς θεούς.

Тамъ же, 9, 6: ὅτι οὖν δεῖ τὴν χώραν εἶναι τῶν ὅπλα κεκτημένων καὶ τῶν τῆς πολιτείας μετεχόντων.

[2]) Исихій: Ἐμπάσεις. Ἐγκτήσεις.

его правомъ владѣнія въ чуждомъ государствѣ [1]), и его толкованіе раздѣляютъ Ванъ Дале, Бёкъ, К. Ф. Германъ и другіе новѣйшіе ученые [2]). Къ этому значенію Гемстергейсъ присоединилъ еще другое и доказывалъ, что словомъ ἔγκτησις выражается не только право владѣнія, но также само владѣніе или помѣстье [3]). Мнѣнію Гемстергейса слѣдуютъ Шёманъ и Мейеръ [4]), но мы не можемъ съ нимъ согласиться, потому что ни въ одномъ остаткѣ древности, ни у писателей, ни въ надписяхъ, нигдѣ ἔγκτησις не встрѣчается въ смыслѣ помѣстья, possessio, и никогда не смѣшивается съ κτῆσις и κτῆμα, означающими имущество. Объясненію Гемстергейса противится кромѣ того и самое употребленіе сего слова. Еслибы древніе разумѣли подъ ἔγκτησις помѣстье, то и пользовались бы этимъ словомъ такъ же, какъ словами κλῆρος, κτῆσις и другими подобными, т. е. употребляли бы его самостоятельно и не нуждались бы въ дальнѣйшемъ его опредѣленіи; они поступали однако иначе и присоединяли всегда дополненіе, такъ что у Димосѳена, Ксенофонта и въ надписяхъ говорится безъ исключенія: γῆς καὶ οἰκίας ἔγκτησις [5]). Очевидно, что дѣло идетъ не о самой поземельной собственности, а только о правѣ. Но и въ толкованіи Валуа есть оттѣнокъ, который мы также принять не можемъ. Правда, что ἔγκτησις употребляется древними всегда въ смыслѣ правовладѣнія, но только не ограничиваясь указаніемъ на владѣніе въ чуждой странѣ, что̀ выражается посредствомъ (ἔγκτημα [6]), а какъ право владѣнія вообще, безъ всякаго частнаго примѣненія. Внимательный разборъ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ упоминается объ этомъ предметѣ, убѣж-

[1]) Henr. Valesii Emendationum lirbi quinque (ed. Petr. Burmannus. Amstelod. 1740 4), pag. 110: jus comparandi agros et domos in hac regione (i. e. apud Byzant.).

[2]) Anto. Van Dale Dissertationes IX (Amstel. 1702. 4) p. 778 sq. Boeckhii Corpus Inscript. Graecar. tom. 1, p. 725 C. F. Herman: Griech. Staatsalterthümer стр. 265 и 257.

[3]) Tiber. Hemsterhusius, въ примѣчаніи къ Исихію (Hesychii Lexicon ed. Alberti. L. B. 1746. Томъ I, стр. 1197) въ словѣ ἐμπασμῷ: et proprie quiqem ἔγκτησις possessio in aliena regione acquisita, ejusque acquirendae jus ex foederum pactis conventis.

[4]) Meier und Schömann: Der attische Process, стр. 491.

[5]) Димосѳ. о вѣнцѣ, стр. 256 (§ 91 Didot); Ксенофонтъ, Еллинск. Истор. V, 2, 19; Corpus inscriptt. graec. ed. Boeckhius, vol. I, n. 1562, 1563 1564, 1565, 1566, 1567, vol. II, n. 2267, 2269, 2330, 2333, и пр.

[6]) Lex. rhet. Bekk. An. p. 260, 4: Ἐγκτήματα κτημάτων διαφέρει· κτήματα μὲν ἐστιν ἃ ἔχουσί τινες ἐν τῇ οἰκείᾳ γῇ, ἐγκτήματα δὲ εἰ ἐν ἀλλοτρίᾳ γῇ τινι ὑπάρχει. Димосѳенъ, объ Алоннисѣ стр. 88 (§ 42. Didot): Ἑαυτῶν φασι τὴν χώραν οὖσαν οἰκεῖν καὶ οὐχ ὑμετέραν, καὶ τὰ μὲν ὑμέτερα εἶναι ἐγκτήμαθ' ὡς ἐν ἀλλοτρίᾳ, τὰ δὲ αὑτῶν κτήμαθ' ὡς ἐν οἰκείᾳ.

даетъ въ справедливости нашего мнѣнія. Слово ἔγκτησις сохранилось преимущественно въ грамотахъ, которыми подтверждались награды за услуги, оказанныя городу, или частными людьми, или другимъ городомъ. Между ними замѣчательна грамата Византійцевъ, данная Аѳинянамъ и сообщенная Димосѳеномъ въ рѣчи о вѣнцѣ. Приведемъ собственныя слова оратора. «Димъ Византійцевъ и Перинѳійцевъ опредѣлилъ пожаловать Аѳинянамъ право брачныхъ «союзовъ, званія гражданина, владѣнія землею и дворомъ, почетнаго «мѣста на играхъ, присутствія въ совѣтѣ и екклисіи при совѣщаніяхъ и освобожденія отъ всѣхъ государственныхъ повинностей для «тѣхъ, которые пожелаютъ жить въ городѣ.» Здѣсь всѣ права исчисляются одинаково и безъ различія; такъ что нельзя замѣтить никакого особеннаго оттѣнка въ отдѣльныхъ словахъ: здѣсь опредѣляется съ разныхъ сторонъ одно и то же понятіе. Но такъ какъ извѣстно, что ἐπιγαμία, πολιτεία, προεδρία и т. д. означаютъ не право брака, гражданства, почетнаго мѣста въ чуждомъ государствѣ, а право брака и пр. вообще, безъ примѣненія къ мѣстности, то слѣдовательно и словами ἔγκτησις γῆς καὶ οἰκίας выражается также вообще право владѣнія помѣстьемъ.

Такимъ образомъ ἔγκτησις соотвѣтствуетъ германскому Gewehre.

XIII.

До этихъ поръ наши разысканія основаны были на точныхъ и положительныхъ свидѣтельствахъ древнихъ писателей; но теперь мы приступаемъ къ предмету, о которомъ очень мало извѣстій и даже немногія сохранившіяся темны и встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ, безъ всякой связи между собою. Мы говоримъ о древнѣйшемъ устройствѣ слободъ въ Аѳинской республикѣ. Этотъ предметъ представляетъ большія трудности и можетъ быть изложенъ преимущественно посредствомъ аналогіи. Постараемся найдти связь между разбросанными частями и привесть ихъ въ цѣлое.

Въ древнихъ греческихъ преданіяхъ говорится единогласно, что въ Аттикѣ царствовали наслѣдственные государи, имѣвшіе свое мѣстопребываніе въ столицѣ, Аѳинахъ. Подлѣ нихъ были вельможи, владѣвшіе помѣстьями и завѣдывавшіе высшими судебными и правительственными званіями. Прочее же свободное народонаселеніе страны распредѣлено было въ слободахъ или комахъ, состоявшихъ изъ отдѣльныхъ дворовъ, которымъ принадлежали собственные участки поземельнаго имущества. Комы были въ нѣкоторомъ смыслѣ об-

щинами: ихъ жители (κωμῆται) сходились вмѣстѣ, совѣщались о дѣлахъ своихъ и творили судъ и расправу; они были также воинами, носили оружіе и защищали свою землю; они же наконецъ присутствовали при религіозныхъ обрядахъ и совершали жертвоприношенія богамъ своимъ. Въ такомъ положеніи находилась Аттика до нашествія Еллиновъ при царѣ Ерехѳеѣ (Ἐρεχθεύς). Въ правленіе сего государя, когда возгорѣлась война между Аѳинянами и Ѳракійцами, занявшими Елевсинъ, прибыли Іоняне, какъ союзники Ерехѳея, пошли войною противъ Евмолпа (Εὔμολπος) и нанесли ему совершенное пораженіе. Эта помощь куплена была однако дорогою цѣною. Іоняне утвердились тогда въ Аттикѣ и, по преданію, сохранившемуся у Стравона, ихъ предводитель Ксуѳъ (Ξοῦθος) занялъ сѣверо-восточный округъ, называемый Тетраполемъ, а сынъ его Іонъ сдѣлался даже правителемъ всего государства [1]). Извѣстіе Стравона подтверждается Иродотомъ [2]); и нѣтъ сомнѣнія, что Іоняне завладѣли всею страною, стали въ ней господствовать и изъ пеласгійской преобразовали ее въ еллинскую.

Нашествіе Іонянъ на Аттику сопровождалось большими измѣненіями въ государственныхъ учрежденіяхъ и послужило началомъ происхожденію двухъ классовъ: побѣдителей и побѣжденныхъ, которые долгое время оставались противоположными и не сближались между собою. Оно разстроило прежнее положеніе аттическихъ слободъ, введя въ нихъ новыхъ людей, вторгнувшихся силою. Прежніе комиты (κωμήτης, μῆται) должны были принять пришельцевъ въ собственную слободу свою и удѣлить имъ часть своихъ земель (γῆν ἀναδάσασθαι, γῆς ἀναδασμός). Они лишились кромѣ того званія гражданъ, не присутствовали на мірскихъ сходкахъ и потеряли возможность пріобрѣтать правительственныя должности. Вмѣстѣ съ тѣмъ и самое недвижимое имущество ихъ утратило политическое значеніе свое и осталось простою поземельною собственностію, не дававшею своимъ владѣльцамъ никакихъ ни правъ, ни преимуществъ. Такимъ образомъ настоящими членами слободы или комитами стали теперь побѣдители; побѣжденные же напротивъ обрабатывали только поля свои и составили классъ такъ-называемыхъ синиковъ (σύν-

[1]) Стравонъ стр. 383 (VIII, 1): Ξοῦθος δὲ τὴν Ἐρεχθέως θυγατέρα γήμας, ᾤκισε τὴν τετράπολιν τῆς Ἀττικῆς, Οἰνόην, Μαραθῶνα, Προβαλινθον καὶ Τρικόρυθον. Τῶν δὲ τούτου παίδων Ἀχαιὸς μὲν φόνον ἀκούσιον πράξας, ἔφυγεν εἰς Λακεδαίμονα καὶ Ἀχαιοὺς τοὺς ἐκεῖ κληθῆναι παρασκεύασεν. Ἴων δὲ, τοὺς μετ' Εὐμόλπου νικήσας Θρᾷκας, οὕτως ηὐδοκίμησεν, ὥστ' ἐπέτρεψαν αὐτῷ τὴν πολιτείαν Ἀθηναῖοι. Сравн. Павсан. I, 31, 3,

[2]) Ирод. 1, 57 и 143; V, 66; VIII. 44.

οικοι), сожителей, т. е. людей жившихъ въ комѣ вмѣстѣ съ гражданами,

Подобное устройство существовало во всѣхъ республикахъ Греціи, было вездѣ слѣдствіемъ завоеванія и представляется у Исократа общимъ еллинскимъ постановленіемъ. Упоминая о покореніи Дорянами Пелопонниса и о занятіи ими Спарты, Аргоса и Мессиніи, ораторъ говоритъ [1]), что оба послѣднихъ города управлялись сообразно съ прочими греческими государствами, но въ Спартѣ напротивъ утвердился порядокъ, отличный отъ другихъ республикъ. Исократъ показываетъ опредѣлительно, въ чемъ состояла эта особенность Лакедэмона, и продолжаетъ: «у прочихъ Еллиновъ противники (т. е. побѣжденные) оставались въ государствѣ синиками и участвовали во всемъ, кромѣ власти правительственной; Спартанцы же поступили иначе: они обратили димотовъ въ періиковъ и утѣсняли ихъ какъ рабовъ» [2]). Описывая здѣсь политическія учрежденія, относившіяся вообще ко всѣмъ Еллинамъ, Исократъ не исключалъ безъ сомнѣнія и Аттику, тѣмъ болѣе, что онъ самъ былъ Аѳинянинъ и знакомъ съ исторіею своего отечества. Еслибы въ древнѣйшемъ состояніи Аттики онъ видѣлъ что-нибудь отличное отъ другихъ республикъ, то непремѣнно бы имъ занялся и упомянулъ объ немъ. Въ его рѣчи однако нѣтъ ничего подобнаго, а потому мы примѣняемъ его разсказъ къ Аѳинамъ, и въ аттическихъ слободахъ находимъ также двойственное населеніе, смѣшанное изъ пришельцевъ Іонянъ и прежнихъ жителей синиковъ.

Итакъ, вскорѣ послѣ завоеванія, аттическія слободы находились въ слѣдующемъ положеніи. Онѣ состояли изъ отдѣльныхъ дворовъ, изъ коихъ въ однихъ жили побѣдители пришельцы, въ другихъ

[1]) Исокр. рѣчь Панаѳин. § 177 (стр. 270 Didot.): οἱ μὲν Ἄργος λαχόντες καὶ Μεσσήνην παραπλησίως διῴκουν τὰ σφέτερ' αὐτῶν τοῖς ἄλλοις Ἕλλησι.

[2]) Тамъ же: τοὺς μὲν γὰρ ἄλλους συνοίκους ἔχειν ἐν τῇ πόλει τοὺς στασιάσαντας καὶ κοινωνοὺς ἁπάντων πλὴν τῶν ἀρχῶν καὶ τῶν τιμῶν..... αὐτοὺς δ' οὐδὲν τούτων ποιεῖν..... τὸν δὲ δῆμον περιοίκους ποιήσασθαι, καταδουλωσαμένους αὐτῶν τὰς ψυχὰς οὐδὲν ἧττον ἢ τὰς τῶν οἰκετῶν. Это мѣсто Исократа затрудняло толкователей и не было еще до сихъ поръ объяснено въ точности. Но его легко понять, при сравненіи съ слѣдующими словами Павсаніи V, 4, 2: Κρατήσαντος δὲ τοῦ Πυραίχμου τήν τε βασιλείαν ἔσχεν Ὄξυλος καὶ Ἐπειοὺς τοὺς ἀρχαίους τὰ μὲν ἄλλα εἴασεν ἐπὶ τοῖς αὐτῶν μένειν, συνοίκους δὲ σφισι τοὺς Αἰτωλοὺς ἐπὶ ἀναδασμῷ τῆς χώρας ἐπεισήγαγε. Подъ синиками (συνοικοι) разумѣются здѣсь у Исократа и Павсаніи жители страны, покоренные пришельцами и принужденные удѣлить имъ часть земель своихъ, но оставленные однако въ прежнемъ мѣстопребываніи своемъ; περίοικοι напротивъ называются люди, поселенные насильственно въ окрестностяхъ жилищъ побѣдителей.

прежніе комиты, сдѣлавшіеся теперь синиками. Каждому изъ дворовъ принадлежалъ независимый участокъ земли, бывшей полною собственностію владѣльца. Но земля побѣдителей была помѣстьемъ, соединеннымъ съ правомъ, называемымъ ἔγκτησις; она была освобождена отъ платы податей, пріобрѣтена побѣдою и раздѣломъ (ἐπὶ ἀναδασμῷ τῆς χώρας) и роздана воинамъ поровну и по жребію, отъ чего и называлась клиромъ (κλῆρος). Земля же синиковъ напротивъ была податною (ὑποτελής?) и не пользовалась никакими преимуществами. Впрочемъ въ эти отдаленныя и патріархальныя времена нельзя искать той опредѣленности въ политическихъ учрежденіяхъ, которая составляетъ принадлежность общества устроеннаго и образованнаго. Многое зависѣло отъ произвола, и притомъ извѣстно, что кромѣ обыкновенныхъ воиновъ были предводители и вельможи (ἡγεμόνες, γέροντες, ἄνακτες), получившіе безъ сомнѣнія въ свой удѣлъ болѣе обширныя земли; были также богатыя и древнія семейства между побѣжденными, которыя успѣли сохранить свои имѣнія; были наконецъ весьма многіе знатные иностранцы, которымъ оказывали гостепріимство и дарили равномѣрно помѣстьями [1]). Несмотря однако на этотъ хаосъ, въ общемъ устройствѣ видно одно начало.

XIV.

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію перемѣнъ, происшедшихъ во внутреннемъ составѣ аттическихъ комъ.

Подобно прочимъ греческимъ республикамъ, существовали въ Аѳинахъ многія государственныя повинности, называемыя τὰ τέλη и наложенныя на всѣхъ жителей страны. Эти повинности были предметомъ постоянной заботливости правительства и безпрерывно распространялись и усовершенствовались. Въ особенности онѣ были разнообразны [2]) въ пятомъ и въ четвертомъ вѣкѣ, когда расходы достигли самой высокой степени. Онѣ были однако распредѣлены равномѣрно между жителями и взимались законно. Что̀ же касает-

1) Ѳукид. 1, 2, 6. Свида въ словѣ Περιθοῖδαι.

2) Схоліастъ Аристоф. Лягушки стр. 368 (Didot): τὸ τέλος ἐξαχῶς λέγεται· σημαίνει γὰρ τὸ στρατιωτικὸν σύνταγμα, τὸ τῶν πραγμάτον πέρας, τὴν ταῖς πόλεσιν φοιτῶσαν πρόσοδον, τὸ ἀξίωμα, τὸ δαπάνημα, καὶ τὴν μυστικὴν καὶ οὕτω τελοποιὸν ἑορτήν. Смотр. Fragmenta Euripidis Polyidus XI (636) въ собраніи Дидота.

ся до временъ, предшествовавшихъ Солону, то хотя онѣ не были тогда столь обширны и многочисленны какъ въ послѣдствіи, но не многимъ облегчали народъ, такъ какъ въ ихъ исполненіи не было строгаго порядка, и произволъ господствовалъ вѣроятно очень часто. Между ними преимущественно заслуживаютъ вниманіе: 1) военная служба (*ἡ στρατεία*) и 2) денежные взносы (*φόροι*).

Военная служба была главною обязанностію и распространялась не только въ древности, но и въ послѣдующія времена, вообще на всѣхъ жителей Аттики; ее исполняли, по свидѣтельству Діодора [1]), геоморы. Она была весьма тягостна для мелкихъ владѣльцевъ, которые, при частыхъ войнахъ, не успѣвали обрабатывать надлежащимъ образомъ своихъ полей и подвергались кромѣ того непріятельскимъ нападеніямъ.

Не менѣе трудны были и денежные взносы [2]), особенно по совершенной своей неопредѣлительности. Сюда принадлежатъ: во 1-хъ, судные сборы, *θέμιστες*, т. е. плата, взимаемая за судебныя рѣшенія (*κατὰ τὸ δίκαιον*) и вручаемая царю, какъ верховному судьѣ въ государствѣ; и во 2-хъ, такъ называемыя дарственныя приношенія, *δῶρα* или *δωτῖναι*, упоминаемыя у Омира и соотвѣтствующія налогамъ, извѣстнымъ въ феодальное время подъ именемъ вспомоществованій, auxilia.

Исполненіе всѣхъ сихъ повинностей было крайне обременительно для мелкихъ владѣльцевъ и вовлекало ихъ, подобно римскимъ плебеямъ, въ долги, которые они часто не были въ состояніи выплатить и подвергались потому всѣмъ послѣдствіямъ, отъ того происходившимъ. Богатые помѣщики пользовались такимъ положеніемъ слабыхъ людей и еще болѣе притѣсняли ихъ. Они употребляли всѣ средства къ расширенію своихъ имѣній и дѣйствительно успѣвали въ своихъ намѣреніяхъ, безпрерывно пріобрѣтая новыя земли.

Многіе изъ свободныхъ людей продавали свои участки, или отдавали ихъ въ уплату долговъ, сами же искали службы у богатыхъ и дѣлались ремесленниками; число ихъ быстро увеличивалось, и они составили въ послѣдствіи обширный классъ народонаселенія подъ названіемъ диміурговъ (*δημιουργοί*).

1) Діод. 1, 28, 5: *δευτέραν δὲ τάξιν γενέσθαι τὴν τῶν γεομόρων τῶν ὀφειλόντων ὅπλα κεκτῆσθαι καὶ πολεμεῖν ὑπὲρ τῆς πόλεως.*

2) Схоліастъ къ Иліад. IX, 156: *Ὅσα δεῖ βασιλέα λαμβάνειν παρὰ τῶν ὑπηκόων, εὐχόλως δώσουσι· τοῦτ' ἔστι καὶ ὑποταγέντες αὐτῷ κατὰ τὸ δίκαιον λαμπροὺς τελέσουσι φόρους.* Ср. C. F. Hermann: Griech. Staatsalterthümer стр 128 и Terpstra: Antiquitas homerica (L. B. 1831. 8°) стр. 71.

Другіе напротивъ старались пріобрѣсть себѣ сильнаго покровителя, который могъ бы защитить ихъ отъ насилія и притѣсненій, приносили большія пожертвованія и, въ надеждѣ достигнуть постояннаго спокойствія, рѣшались даже на уступку собственныхъ земель своихъ. Они обращались къ какому-нибудь могущественному лицу, преимущественно близкому сосѣду, передавали ему поземельное свое имущество и поступали въ совершенную его зависимость. Принимая ихъ въ число людей своихъ, помѣщикъ возвращалъ имъ прежнюю землю, или назначалъ имъ другой участокъ, но уже не въ собственность, а только во владѣніе или пользованіе. Этотъ классъ жителей называется въ Аттикѣ метиками (μέτοικοι).

XV.

Употребляя здѣсь слово μέτοικος въ означенномъ смыслѣ, мы уклоняемся нѣсколько отъ общепринятаго мнѣнія. Два знаменитыхъ французскихъ ученыхъ, Генрихъ Этьенъ въ своемъ словарѣ [1]) и Сентъ-Круа [2]) въ разсужденіи о метикахъ, указали то значеніе слова μέτοικος, которому теперь слѣдуютъ всѣ новѣйшіе филологи. Они разумѣютъ пришельцевъ, поселившихся въ чуждомъ государствѣ и постоянно живущихъ въ немъ подъ покровительствомъ законовъ, но устраненныхъ отъ гражданскихъ званій [3]). Это значеніе совершенно вѣрно и основано на точныхъ указаніяхъ ораторовъ и грамматиковъ, но принадлежитъ кажется только позднѣйшему времени, т. е. четвертому и отчасти пятому столѣтію, когда, по предложенію Аристида, всѣ свободные жители Аттики получили право гражданства, и когда, слѣдовательно, прежнія названія должны были измѣниться. Нѣтъ сомнѣнія, что въ старину слово μέτοικος имѣло другое, весьма опредѣлительное значеніе и не относилось къ иностранцамъ. Еслибы оно принималось только въ смыслѣ иностранца,

[1]) Thesaurus graecae linguae ab Henrico Stephano constructus. Nova ed. Paris. Μέτοικος: advena ,accola; μέτοικοι, qui principum jussu in aliam civitatem poenae causa transferuntur et quorum praedia publicantur. Μέτοικοι sunt, qu latine dicuntur incolae, qui in aliena civitate longae morae causa habitant, nec habent jus civitatis, nec honores civiles capiunt, tributum tamen pendunt, quod μετοίκιον dicitur.

[2]) S-te Croix, Sur les méteques въ Mémoires de l'Académie des Inscriptions, Томъ 48, стр. 177.

[3]) Вестерманнъ въ Real-Encyclopädie v. Pauly, Walz, Tafel, Томъ IV, стр. 1898. К. Ф. Германъ: Griech. Staatsalterthümer, стр. 254 слѣд. Бёкъ: Staatshaushaltung и пр.

то зачѣмъ присоединяли къ нему еще слово ξένος и писали ξένος μέτοικος [1])? Не служитъ ли такое соединеніе доказательствомъ, что эти два слова означали два различныхъ состоянія? И дѣйствительно очень часто и притомъ у лучшихъ греческихъ писателей: Ѳукидида, Аристофана, Исократа, Ксенофонта, Плутарха, ξένοι противополагаются μετοίκοις [2]). Выраженіе ξένος μέτοικος позволяетъ притомъ сдѣлать еще другое замѣчаніе: оно показываетъ, что не μετοίκος былъ ξένος, но что ξένος напротивъ вступалъ въ сословіе μετοίκων; иначе надобно было бы сказать μέτοικος ξένος. Но чѣмъ же были первоначально метики? Этотъ вопросъ не представитъ большой трудности, если при рѣшеніи его обратимъ вниманіе на этимологію слова, укажемъ въ точности общій основный смыслъ его и сравнимъ съ другими подобными выраженіями, т. е. σύνοικος и περίοικος. Принявъ все сіе въ соображеніе, мы кажется не ошибемся, если будемъ разумѣть подъ метиками людей, живущихъ подъ защитою и покровительствомъ другаго лица (или въ послѣдствіи общества), не владѣющихъ собственною, независимою землею, но обрабатывающихъ поля своего защитника и покровителя (отдѣльнаго лица, или цѣлаго общества) и обязанныхъ потому исполнять нѣкоторыя повинности. Наше толкованіе подтверждается притомъ мѣстомъ Исократа въ «Панигирикѣ», гдѣ ораторъ восхваляетъ аѳинскую игемонію и говоритъ, что «Аѳиняне считали притѣсненіемъ удалять отъ государственныхъ должностей неимущихъ, предоставлять неограниченную власть одной части соотечественниковъ, а другую обращать въ метиковъ и посредствомъ закона лишать природныхъ гражданъ ихъ гражданскаго званія» [3]). Эти слова Исокра-

[1]) Такъ напр. у Аристофана, Всадн. стихъ 347 (Didot): Εἴ που δικίδιον εἶπας εὖ κατὰ ξένου μετοίκου и пр., у Софокла Эдипъ Царь 452 (Didot): ξένος λόγῳ μέτοικος.

[2]) Ѳукид. IV, 90: ὁ δὲ Ἱπποκράτης ἀναστήσας Ἀθηναίους πανδημεὶ, αὐτοὺς καὶ τοὺς μετοίκους καὶ ξένων ὅσοι παρῆσαν и пр. Аристоф. Лисистрата ст. 580 (Didot): καταμιγνύντας τούς τε μετοίκους κεἴ τις ξένος ἢ φίλος ὑμῖν.

Миръ, ст. 296: Ἀλλ, ὦ γεωργοὶ κἄμποροι καὶ τέκτονες
καὶ δημιουργοὶ καὶ μέτοικοι καὶ ξένοι и пр.

Исократъ, о Мирѣ стр. 163, § 20 (Didot): Ὀψόμεθα δὲ τὴν πόλιν διπλασίας μεν ἢ νῦν τὰς προσόδους λαμβάνουσαν, μεστὴν δὲ γιγνομένην ἐμπόρων καὶ μετοίκων, ὧν νῦν ἐρήμη καθέστηκεν.

Кромѣ того Ксеноф. Эллинск. Истор. V, 1, 12. Плутархъ о слушаніи § 2 (Didot).

[3]) Исокр. «Панигир.» стр. 62 (§ 105 Didot): δεινὸν ἡγούμενοι τοὺς ταῖς οὐσίαις ἐνδεεστέρους, τὰ δ' ἄλλα μηδὲν χείρους ὄντας, ἀπελαύνεσθαι τῶν ἀρχῶν, ἔτι δὲ κοινῆς τῆς πατρίδος οὔσης τοὺς μὲν τυραννεῖν, τοὺς δὲ μετοικεῖν καὶν φύσει πολίτας ὄντας νόμῳ τῆς πολιτείας ἀποστερεῖσθαι.

та показываютъ, что метиками назывались тѣ изъ Аѳинянъ, которые были соотечественниками (κοινῆς τῆς πατρίδος οὔσης) гражданъ, принадлежали прежде къ ихъ сословію и только въ послѣдствіи принуждены были изъ него выйдти. А такъ какъ званіе гражданина соединено было съ владѣніемъ независимымъ помѣстьемъ, то слѣдовательно и классъ метиковъ составляли жители, утратившіе право собственности надъ обрабатываемою ими землею.

XVI.

Подобныя событія происходили не въ одной только древней Греціи, но во многихъ другихъ странахъ Европы и притомъ въ разное время и независимо одно отъ другаго. Сюда принадлежитъ напримѣръ появленіе такъ называемыхъ колоновъ (coloni) въ римской имперіи въ четвертомъ вѣкѣ послѣ Р. Х.

Изслѣдованія господъ Ноде, Савиньи, Бауди ди Весме и Фоссати [1]) представили въ столь ясномъ свѣтѣ состояніе римскихъ колоновъ, бывшее до нихъ темнымъ и запутаннымъ, что намъ остается только руководиться трудами этихъ писателей и сообщить вкратцѣ выведенные ими результаты. Въ царствованіе Константина В. упоминается въ имперіи обширный классъ народонаселенія, который составлялъ особенное сословіе, стоявшее какъ бы въ срединѣ между свободою и рабствомъ и называвшееся rustici, inquilini, tributarii, originarii, но преимущественно coloni. Они носили часто имена liber и даже ingenuus, пользовались правомъ брака, jus connubii, и могли пріобрѣтать собственное имущество; но съ другой стороны были подвержены тѣлеснымъ наказаніямъ, не могли приносить жалобы на своего помѣщика, были приписаны къ землѣ (servi terrae) и находились подъ защитою и покровительствомъ своего господина (dominus, possessor), котораго считали представителемъ, patronus. Коло-

[1]) Naudet: Des changemens opérés dans toutes les parties de l'administration de l'empire romain, sous les règnes de Dioclétien, de Constantin et de leurs successeurs jusqu'à Julien. 2 vol. 8. Paris 1817. Томъ II, стр. 105—115.

Savigny: Ueber den römischen Colonat (въ Abhandlungen der Berliner Academie der Wissenschaften), Berlin 1825. Новое изданіе въ Vermischte Schriften von F. C. von Savigny (Berlin 1850. 8). Томъ II, стр. 1—67.

Carlo Baudi di Vesme e Spirito Fossati: Vicende delle proprietà in Italia dalla caduta dell' imperio romano fino allo stabilimento dei feudi. Torino. 1836. 4, стр. 39—45.

ны обязаны были обрабатывать землю, вручать помѣщику извѣстную часть полученныхъ произведеній и исполнять разныя повинности.

Происхожденіе этого сословія прекрасно описываетъ марсельскій пресвитеръ Сальвіанъ, въ сочиненіи De Gubernatione Dei, составленномъ въ половинѣ пятаго столѣтія [1]). Онъ жалуется на чрезвычайную тягость поземельныхъ податей, разсказываетъ притѣсненія, которымъ подвергались поселяне и опустошенія, производимыя набѣгами Германцевъ, и представляетъ вообще положеніе жителей въ самомъ ужасномъ видѣ. Сальвіанъ показываетъ также и слѣдствія подобнаго состоянія и говоритъ, что многіе бѣдные люди приведены были въ величайшую крайность и, не имѣя возможности вносить налоги, принуждены искать прибѣжища у богатыхъ: они передавались имъ съ своимъ имуществомъ, поступали въ ихъ зависимость и изъ свободныхъ дѣлались колонами [2]).

XVII.

Другое событіе, объясняющее также происхожденіе метиковъ, принадлежитъ западной Европѣ и совершилось въ 9-мъ и 10-мъ столѣтіяхъ; оно еще тѣмъ замѣчательнѣе, что объ немъ нѣтъ разногласія между новѣйшими учеными.

Извѣстно, что послѣ смерти Карла В. обширная его монархія не долго сохраняла свое единство и уже при его внукахъ распалась. Это распаденіе было не только внѣшнимъ, т. е. раздѣленіемъ на нѣсколько особенныхъ царствъ; но и внутреннимъ, ибо въ каждомъ изъ государствъ, преимущественно въ слѣдствіе раздачи такъ называемыхъ immunitates и быстраго прекращенія алодій, измѣнившихся въ феоды, образовалось весьма большое число самостоятельныхъ обществъ. Такая перемѣна сопровождалась сильными потря-

1) Salvianus: De Gubernatione Dei, lib. V, cap. 8 и 9 (въ Salviani et Vincentii opera, ed. Baluzius cd. 4. Pedeponti, vulgo Stadt am Hoff, prope Ratisbonam, 1742, 4, стр. 103 и слѣд.

2) Salv. cap. 8 (стр. 104): Tradunt se ad tuendum protegendumque majoribus, dedititios se divitum faciunt et quasi in jus eorum ditionemque transcendunt. Далѣе (стр. 106) онъ прибавляетъ: Itaque nonnulli eorum, de quibus loquimur, qui aut consultiores sunt, aut quos consultos necessitas fecit, cum domicilia atque agellos suos, aut pervasionibus perdunt, aut fugati ab exatoribus deserunt, quia tenere non possunt, fundos majorum expetunt et coloni divitum fiunt. См. Савиньи стр. 46.

сеніями и переворотами, которые уничтожили прежнія, то того существовавшія учрежденія западной Европы, и ввели новыя, послужившія основаніемъ феодальной системѣ. Въ числѣ этихъ нововведеній усматривается одно, имѣющее, по нашему мнѣнію, нѣкоторое сходство съ событіемъ, происшедшимъ въ Аттикѣ. Мы говоримъ объ уступкѣ мелкими алодіальными владѣльцами собственнаго поземельнаго своего имущества другимъ лицамъ.

Еще у древнихъ Германцевъ существовалъ обычай, по которому воины вступали добровольно въ зависимость какого-нибудь предводителя, извѣстнаго своею храбростію и предпріимчивостію, и составляли его дружину (comitatus, Gefolge). Они считали его своимъ Старѣйшимъ или Главою, senior, назывались его Вѣрными, fideles antrustiones [1]), сражались подъ его знаменемъ, подвергались съ нимъ всѣмъ опасностямъ, но и раздѣляли вмѣстѣ добычу. Это обыкновеніе сохранялось постоянно и въ послѣдствіи во всѣхъ государствахъ, основанныхъ Германцами въ провинціяхъ Западной Римской имперіи. Свободные люди, владѣвшіе небольшими участками земли, обращались къ болѣе сильнымъ и могущественнымъ, избирали ихъ своими покровителями (patronus) и господами (seigneur) и давали имъ присягу въ вѣрности и покорности (fidelitas et homagium). Такое добровольное поступленіе одного лица въ зависимость другаго называется въ грамотахъ и лѣтописяхъ среднихъ вѣковъ commendatio или recommendatio. Оно было признано правительствомъ, утверждено законами и сдѣлалось государственнымъ постановленіемъ [2]).

Къ этому учрежденію присоединилось другое, столь же значительное по своимъ послѣдствіямъ.

Между повинностями (munus), которыя обязаны были нести алодіальные владѣльцы [3]), самыми главными были военная служба, militia, heribannum, justitia, т. е. участіе въ судахъ колѣна или гау (das Gaugericht). Эти повинности не представляли первоначально большихъ затрудненій, но потомъ онѣ стали весьма тягостными по причинѣ безпрерывныхъ и продолжительныхъ войнъ въ 8-мъ столѣтіи и всеобщаго безначалія и междоусобій, происходившихъ въ 9-мъ вѣкѣ. Во время сихъ смутъ, важнѣйшіе сановники, какъ духовные,

[1]) Слово Antrustio происходитъ отъ trustis или Treue — вѣрность.

[2]) Guizot: Essai sur l'histoire de France (Paris. 1824. 8) стр. 111, 121. 166—176. Dönniges: das deutsche Staatsrecht und die deutsche Reichsverfassung. 1-ter Theil (Berlin 1842. 8) стр. 95, 220 и слѣд.

[3]) Guizot: Essai, стр. 96—108.

такъ и свѣтскіе, испрашивали у короля и дѣйствительно получали такъ называемыя immunitates, т. е. льготныя грамоты, по которымъ ихъ помѣстья устранялись отъ подчиненности графу и составляли самостоятельное владѣніе, зависѣвшее уже прямо отъ самого короля. Такое владѣніе носитъ также названіе immunitas. Въ немъ баронъ завѣдывалъ властію судебною, исполнительною и военною и былъ полнымъ, почти независимымъ господиномъ [1]).

Эти оба учрежденія, commendatio и immunitates, произвели большую перемѣну въ политическомъ бытѣ западной Европы. Мелкіе алодіальные владѣльцы подвергались столь сильнымъ притѣсненіямъ, что обращались часто въ нищету, теряли все свое достояніе. Карлъ В. заботился объ облегченіи ихъ участи и издалъ въ ихъ пользу нѣсколько законовъ [2]), но не успѣлъ въ своихъ намѣреніяхъ: насилія продолжались попрежнему. Тогда многіе изъ нихъ искали защиты у людей сильныхъ и старались поступить въ ихъ immunitas. Для того они не только исполняли commendatio, принося присягу въ fidelitas и homagium, но передавали также новому seigneur собственную свою землю. Это послѣднее дѣйствіе называется traditio. Такимъ образомъ чрезъ commendatio и traditio свободный алодіальный владѣлецъ переходилъ въ immunitas и дѣлался вассаломъ; онъ

[1]) Eichhorn: deutsche Staats- und Rechts-Geschichte (4-ое изд. Götting. 1834. 8), Томъ 1, стр. 734—747. Laboulaye: Histoire du droit de propriété foncière en occident. (Paris. 1839. 8) стр. 322—332.

[2]) Capitul. Caroli Magn. An. 805, cap. 16. (Pertz: Monumenta Germaniae historica tom. III, legum tom I. Hanov. 1835. fol. отр. 134): De oppressione pauperum liberorum hominum, ut non fiant a potentioribus per aliquod malum ingenium contra justitiam oppressi, ita ut coacti res eorum vendant aut tradant.

Cap. An. 811. de expeditione exercitali (Pertz, стр. 168), cap. 2: Quod pauperes se reclamant expoliatos esse de eorum proprietate. Et hac aequaliter clamant super episcopos et abbates et eorum advocatos, et super comites et eorum centenarios. Cap. 3: Dicunt etiam, quod quicumque proprium suum episcopo, abbati, vel comiti, aut judici, vel centenario dare noluerit, occasiones quaerunt super illum pauperum, quomodo eum condemnare possint, et illum semper in hostem faciant ire, usque dum pauper factus, volens nolens suum proprium tradat aut vendat; alii vero qui traditum habent, absque ullius inquietudine domi resident.

Марькульфъ (Marculfi Formulae, lib. 1, cap. 28, въ Baluzii Capitularia regum Franconum ed. Pet. de Chiniac. Parisiis 1780. folio стр. 389) сохранилъ образецъ бумаги, которую короли писали графамъ и въ которой приказывали исполнить просьбу вѣрнаго (fidelis), приносившаго жалобу на несправедливое завладѣніе его землею. Тамъ говорится: Ille rex vir inluster illo Comiti. Fidelis Deo propitio noster ille ad praesentiam nostram veniens clementiae regni nostri suggessit eo quod pagensis vester ille eidem terram suam in loco nuncupante illo per fortiam tulisset et post se retineat injuste, et nullam justitiam ex hoc apud ipsum consequi possit, и т. д.

получалъ, правда, обратно свой участокъ, но уже не какъ собственность, а только для пользованія: онъ былъ въ числѣ людей, homines, своего seigneur, или, какъ его называли иначе, suserain [1]).

XVIII.

Итакъ изъ этимологіи слова μέτοικος, изъ указаній греческихъ писателей и наконецъ изъ сравненія съ подобными событіями другихъ народовъ, мы убѣждаемся, что древними метиками были свободные владѣльцы небольшихъ участковъ, которые отдѣлились отъ слободы, κώμη, передались со всѣмъ своимъ поземельныхъ имуществомъ другому лицу и поступили въ число людей его.

Этотъ переходъ произвелъ большую перемѣну въ первоначальномъ устройствѣ аттическихъ комъ.

Мы видѣли, что слобода была соединеніемъ нѣсколькихъ дворовъ, которыхъ владѣльцы составляли въ нѣкоторомъ смыслѣ общину и принимали участіе въ дѣлахъ, къ ней относящихся. Теперь, въ слѣдствіе сего нововведенія, древняя кома распалась. Метики отдѣлились отъ общины, перестали быть ея членами и зависѣли отъ лица, которому подчинились. Послѣдній называется въ Аттикѣ προστάτης, представитель. Онъ защищалъ ихъ предъ судомъ; отвѣчалъ за всѣ повинности и былъ вполнѣ ихъ главою. Богатые владѣльцы пріобрѣли большую силу посредствомъ метиковъ, но они ею однако не довольствовались и старались увеличить еще болѣе свое значеніе. Нѣкоторые дѣйствительно достигали своей цѣли и успѣвали обратить жителей цѣлой комы въ своихъ метиковъ. Сюда принадлежатъ тѣ аристократическія фамиліи, именами которыхъ называются многіе аттическіе димы, какъ напримѣръ: Филаиды (Φιλαΐδαι), Евпириды (Εὐπυρίδαι), Пэониды (Παιονίδαι), Ифэстіады Ἡφαιστιάδαι или Ἰφιστίαδαι), Вутады (Βουτάδαι), Лакіады (Λακιάδαι) Переѳиды (Περιϑοιδα) и другіе. Эти патронимическія названія димовъ служатъ, по нашему мнѣнію, указаніемъ, что вся занимаемая ими мѣстность населена была нѣкогда метиками и принадлежала означеннымъ фамиліямъ. Въ доказательство можно привесть свидѣтельство Ефора, сохраненное Свидою [2]). Онъ говоритъ,

[1]) Dönniges: deutsches Staatsrecht, стр. 90—95, 225—233.

[2]) Въ словѣ Περιϑοῖδαι.

что Периѳиды, димъ Иніидской филы, былъ удѣломъ этого рода и отъ него получилъ свое имя. Подобныя названія не должны впрочемъ нисколько удивлять. Такъ какъ метики были, можно сказать, людьми своего простата, то ничего не могло быть естественнѣе, что какъ ихъ самихъ, такъ и ихъ мѣстопребываніе означали его именемъ. Въ этомъ отношеніи представляютъ большое сходство съ патронимическими аѳинскими димами названія германскихъ городовъ, оканчивающихся на ing и славянскихъ мѣстечекъ на вичъ. Всѣ они показываютъ, что мѣсто населено было людьми того лица, чье имя оно само носитъ. Такимъ образомъ Frigisingas (окончаніе a или as есть древняя форма множественнаго), нынѣ Freisingen означаетъ людей Frigiso, Friaso или Freaso; Ottingas, нынѣ Oettingen — люди Оттона; Strupingas или Strubinga, нынѣ Straunbing—люди Strupo или Strubo и т. д. [1]). То же самое видимъ и въ славянскихъ названіяхъ на вичъ. Петровичи означаетъ людей Петра; Климовичи — Клима и тому подобное. Слѣдовательно подъ димомъ Филаиды разумѣется округъ, въ которомъ жили люди Филаидовъ; другими словами, что прежніе комиты сдѣлались метиками этого дома.

Не всѣ однако владѣльцы земель поступали въ это званіе; были многіе, которые не хотѣли разстаться съ своими участками и лишиться своей свободы. Эти люди сближались между собою тѣснѣе прежняго, защищали одинъ другаго и наконецъ составляли отдѣльныя общины, извѣстныя подъ именемъ димовъ (δῆμος). Они часто вооружались противъ евпатридовъ, окруженныхъ рабами и метиками, и старались въ свою очередь присоединить къ себѣ какъ можно болѣе сосѣдей; иногда вѣроятно случалось, что вся прежняя кома преобразовывалась въ подобный димъ.

XIX.

Итакъ происхожденіе метиковъ сопровождалось распаденіемъ древнихъ аѳинскихъ слободъ и введеніемъ новаго помѣстнаго устройства. Въ нѣкоторыхъ слободахъ народонаселеніе раздѣлилось: часть жителей была метиками, другая димотами (δημότης), такъ что на одномъ мѣстѣ находились два различныхъ общества; нѣкоторыя же

[1]) Zeuss: die Herkunft der Bayern von den Markomannen (München 1839. 8) стр. XII и XXIII.

комы напротивъ совершенно исчезли и измѣнились, однѣ въ жилища метиковъ, другія наконецъ въ димы.

Слѣдствіемъ этого событія было наконецъ прекращеніе двухъ прежнихъ классовъ, побѣдителей и побѣжденныхъ, и происхожденіе сословій, остававшихся въ республикѣ до законодательства Солона.

Помѣщики, пріобрѣтшіе метиковъ, или даже безъ нихъ распространившіе свои владѣнія и утвердившіе свое политическое значеніе, составили высшій классъ народонаселенія, евпатридовъ.

Всѣ вообще земледѣльцы причислялись къ сословію геоморовъ; они были лично свободны, но по своему состоянію однако различны и подраздѣлялись на два отдѣльныхъ класса: вольныхъ хлѣбопашцевъ, называвшихся димотами, и метиковъ, жившихъ въ помѣстьяхъ евпатридовъ.

Наконецъ третье сословіе состояло изъ диміурговъ, т. е. людей, не имѣвшихъ никакой поземельной собственности и не обрабатывавшихъ поля, но занимавшихся ремеслами.

Мы замѣтили выше, что эти сословія не могли произойдти быстро и мгновенно, но что они утверждались постепенно, въ продолженіе весьма долгаго времени. Вмѣстѣ съ ихъ окончательнымъ устройствомъ пало прежнее рѣзкое различіе между побѣдителями и побѣжденными, ибо въ каждомъ изъ означенныхъ состояній находились и прежніе жители страны и ихъ завоеватели, Іоняне. По крайней мѣрѣ нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ числѣ евпатридовъ было много семействъ отчасти пеласгійскихъ, отчасти пришельцевъ. Въ доказательство довольно привесть Исихія, который сообщаетъ имена десяти димовъ и называетъ ихъ природными (ἰθαγενεῖς, γένος Ἀθήνησι ἰθαγενῶν), т. е. древними аттическими, въ противоположность родамъ іонійскимъ. Таковы суть: Эгиротомы (Αἰγειρότομοι), Діогиниды (Διογενίδαι), Зевксантиды (Ζευξαντίδαι), Исихиды (Ἡσυχίδαι), Θавлониды (Θαυλωνίδαι), Кифисіи (Κηφισιεῖς), Коллиды (Κολλίδαι), Кодіи (Κωδύης). Коліи (Κολιεῖς), Спевсандриды (Σπευσανδρίδαι) [1]). Если къ этимъ 10-ти родамъ прибавимъ нѣсколько другихъ, которые переселились въ Аттику изъ разныхъ странъ, какъ напр. Алкмэониды (Ἀλκμαιωνίδαι), Андроклиды (Ἀνδροκλεῖδαι), Гефирэи (Γεφυραῖοι), Евмолпиды (Εὐμολπίδαι) Кирики (Κήρυκες), Евниды (Εὐνεῖδαι), Еврисакиды (Εὐρυσακίδαι), Филаиды (Φιλαΐδαι), Пэониды (Παιονίδαι), Периθиды (Περιθοῖδαι), Писистратиды (Πεισιστρατίδαι), то получимъ довольно

[1]) Исихій подъ именами этихъ фамилій. Meier: de gentilitate attica (Halis 1835. 4) cap. XVII, pag. 38—54.

значительный списокъ фамилій, которыя хотя и были евпатридами, но не происходили отъ завоевателей. Несмотря однако на то, сословіе евпатридовъ было вполнѣ іонійскимъ. Фамиліи побѣжденныхъ приняли обычаи и языкъ побѣдителей, сами сдѣлались Іонянами, вступили въ ихъ филы и такъ преобразовались, что вся Аттика, по свидѣтельству Иродота [1]), изъ пеласгійской стала іонійскою, т. е. еллинскою.

XX.

Намъ предстоитъ теперь показать дальнѣйшую судьбу метиковъ.

Подчиняясь богатымъ помѣщикамъ, метики надѣялись найдти спокойствіе и защиту и дѣйствительно въ началѣ находили; но скоро однако начались притѣсненія, и ихъ постигла та же участь, которой подверглись колоны въ римской имперіи и нисшіе вассалы въ средніе вѣка. Сальвіанъ, слова котораго мы привели выше, описываетъ яркими красками положеніе первыхъ. Печально видѣть, говоритъ онъ, что слабымъ оказывается защита съ цѣлію пріобрѣсть собственную выгоду, и что бѣдные дѣлаются еще бѣднѣе чрезъ покровительство. Ибо всѣ, которые повидимому находятъ защиту, передаютъ своимъ защитникамъ все почти свое имущество, и ихъ сыновья лишаются отцовскаго достоянія. Но всего печальнѣе, прибавляетъ Сальвіанъ далѣе, что къ одному злу присоединяется еще другое. Ибо ихъ принимаютъ какъ пришельцевъ, а владѣютъ ими какъ своими, такъ что вольные люди обращаются въ рабовъ [2]). Изъ этого, хотя нѣсколько ораторскаго, изложенія видно, что колоны, добровольно передавшіеся вмѣстѣ съ участкомъ земли своей какому-нибудь лицу и бывшіе сначала свободными, дѣлались постепенно

[1]) Грод. 1, 57; VIII, 44.

[2]) SALVIANUS. De gubern. Dei, V, 8, стр. 104: Illud grave ac peracerbum est, quod hac lege tueri pauperes videntur ut spolient, hac lege defendunt miseros, ut miseriores faciant defendendo. Omnes enim hi, qui defendi videntur, defensoribus suis omnem fere substantiam suam prius quam defendantur addicunt; ac sic, ut patres habeant defensionem, perdunt filii haereditatem.

V, 9, стр. 106: Illud gravius et acerbius, quod additur huic malo saevius malum.... Nam quos suscipiunt ut extraneos et alienos, incipiunt habere quasi proprios; quos esse constat ingenuos, vertuntur in servos.

зависимы [1]), и безпрерывно удалялись отъ прежняго своего состоянія. Они потому и называются въ римскихъ законахъ servi terrae [2]). Равнымъ образомъ и тѣ мелкіе алодіальные владѣльцы среднихъ вѣковъ, которые вступали въ званіе вассаловъ, утрачивали вмѣстѣ съ имуществомъ свободу, были въ совершенномъ распоряженіи своихъ сузереновъ и встрѣчаются даже очень часто подъ именемъ рабовъ, хотя по законамъ они и не принадлежали къ сословію послѣднихъ.

Въ такомъ же состояніи были и аѳинскіе метики. Угнетаемые своими простатами, они потеряли прежнія права свои и стояли какъ бы въ срединѣ между свободными и рабами (μεταξὺ ἐλευθέρων καὶ δούλων). Они были свободными метиками (μέτοικοι) по своему происхожденію, по рабами (δοῦλοι) по положенію въ обществѣ. Этотъ классъ людей и разумѣетъ, по нашему мнѣнію, Аристотель подъ словомъ δοῦλοι μέτοικοι.

Но въ сословіи метиковъ находился еще особенный отдѣлъ, образовавшійся въ теченіе весьма долгаго времени и упоминаемый также Аристотелемъ. То были иностранцы (ξένοι), прибывшіе въ Аттику и жившіе подъ защитою аѳинскихъ законовъ. Они напоминаютъ тотъ классъ жителей западной Европы, который извѣстенъ въ средніе вѣка подъ именемъ hospites [3]). Иностранцы пріѣзжали съ разными цѣлями: одни занимались торговлею, другіе ремеслами, многіе же оставались земледѣльцами. Послѣдніе селились или въ помѣстьяхъ богатыхъ гражданъ, или даже въ окрестностяхъ городовъ и обрабатывали землю за извѣстную плату. Этотъ классъ людей назывался въ Аттикѣ ξένοι μέτοικοι.

Представивъ происхожденіе сословій Аѳинской республики и въ особенности метиковъ, мы можемъ обратиться теперь къ объясненію мѣста Аристотеля, приведеннаго въ началѣ разсужденія. Это объясненіе потребуетъ только нѣсколько словъ, такъ какъ оно проистекаетъ естественно изъ прежнихъ изслѣдованій и не представитъ болѣе трудностей. Писатель говоритъ: πολλοὺς γὰρ ἐφυλέτευσε ξένους καὶ δούλους μετοίκους. Здѣсь слово μετοίκους относится въ одинаковой мѣрѣ и къ ξένους и къ δούλους и означаетъ, что законами Клисѳена полу-

1) Глав. IX, стр. 106: nam suscipiuntur ut advenae, fiunt praejudicio habitationis indigenae.

2) Савиньи: стр. 12, 14, 15.

3) Gaupp: Die germanischen Ansiedlungen und Landtheilungen in den Provinzen des römischen Westreiches (Breslau. 1844. 8) стр. 577—581.

чилъ право гражданства весь классъ метиковъ, какъ ξένοι μέτοικοι, такъ и δοῦλοι μέτοικοι.

Заключимъ предшествовавшія разысканія слѣдующимъ выводомъ.

Во 1-хъ, предъ законодательствомъ Солона, свободное народонаселеніе Аѳинской республики состояло изъ трехъ сословій: евпатридовъ, геоморовъ и димiурговъ; изъ нихъ геоморы подраздѣлялись на димотовъ и метиковъ, а потому собственно было четыре класса.

И во 2-хъ, права и преимущества гражданства принадлежали тогда однимъ евпатридамъ; но въ теченіи вѣка отъ Солона до Аристида они распространены были равномѣрно и на прочіе три класса, однако не вдругъ и не на всѣ вмѣстѣ, но постепенно и въ разное время. Законами Солона стали гражданами геоморы, владѣвшіе собственными, независимыми участками земли; Клисѳенъ причислилъ къ нимъ метиковъ; а по предложенію Аристида пріобрѣли гражданское званіе даже и ремесленники, димiурги.

Михаилъ Куторга.

О ДРЕВНЕ-КЛАССИЧЕСКОМЪ ПАМЯТНИКѢ,

ПЕРЕВЕЗЕННОМЪ ИЗЪ РИМА ВЪ ПОРѢЧЬЕ.

Записки Президента Императорской Академіи Наукъ, графа С. С. Уварова [1]).

—

Пластическіе памятники, посвященные тайному богослуженію въ классической древности, должны быть, по самой своей сущности, чрезвычайно рѣдки, потому что единственнымъ назначеніемъ этихъ памятниковъ могла быть только выставка ихъ въ мѣстахъ, опредѣленныхъ для мистерій, куда позволенъ былъ доступъ однимъ только посвященнымъ. Въ этомъ отношеніи, порѣцкій памятникъ въ высшей степени любопытенъ и чрезвычайно важенъ. Напрасно хотѣли присвоить ему погребальный характеръ: его форма, совершенно овальная, и барельефы, которыми онъ сплошь окруженъ со всѣхъ сторонъ, ведутъ къ противоположному заключенію. Винкельманъ ограничился только тѣмъ, что назвалъ его *урной*, или *овальной урной* [2]). Впрочемъ, важность памятника зависитъ не столько отъ назначенія, которое ему приписываютъ, сколько отъ окружающихъ его барельефовъ. Ученые, занимавшіеся изслѣдованіемъ тайнаго

[1]) Въ подлинникѣ напечатана въ *Bull. histor. philol.* томъ IX, № 8, подъ заглавіемъ: Notice sur le monument antique de Poretsch. Здѣсь перепечатана изъ Ученыхъ Записокъ И. А. Н. по 1-му и 3-му Отдѣленію, см. томъ 1, выпускъ 1, стр. 51. Читатели замѣтятъ, что это тотъ же памятникъ, о которомъ была помѣщена въ 1-мъ томѣ этого Сборника статья Издателя. *Ред.*

[2]) Ничто однакожь не оправдываетъ двусмысленнаго названія *урны*, если не предположить, что авторъ хотѣлъ только избѣжать необходимости употребить слово «саркофагъ».

богослуженія древнихъ, нисколько не будутъ сомнѣваться, что дѣйствительнымъ назначеніемъ памятника было служить чашею, бассейномъ, или вообще какимъ бы то ни было хранилищемъ священной воды, которая всегда играла важную роль въ церемоніяхъ мистерій. Четыре львиныя головы, параллельныя одна другой, еще болѣе подтверждаютъ, что таково было его истинное назначеніе, потому что головами льва всегда завершались только бассейны, фонтаны, водопроводы и проч., и всѣмъ извѣстно, что употребленіе архитектоническихъ украшеній, совершенно изъятое отъ произвола художника, было у древнихъ подчинено постоянному правилу, неизмѣнной, строго соблюдаемой нормѣ. Тѣмъ, которые, въ порѣцкомъ памятникѣ непремѣнно хотятъ видѣть погребальную урну или саркофагъ, трудно будетъ объяснить, почему этотъ памятникъ не имѣетъ продолговатой и четвероугольной формы саркофаговъ, и почему окружающіе его сплошные барельефы не оставляютъ, какъ въ большей части извѣстныхъ мраморныхъ саркофаговъ, гладкой стороны, которою саркофаги ставились къ стѣнѣ, и до которой обыкновенно не прикасался рѣзецъ художника. Въ огромномъ количествѣ мраморныхъ саркофаговъ, разсѣянныхъ въ Италіи, и особенно въ залахъ Ватикана, не найдется, сколько я знаю, ни одного памятника въ этомъ родѣ, лишеннаго продолговатой четвероугольной формы: даже позднѣйшіе порфировые саркофаги, отполированные со всѣхъ сторонъ, не представляютъ въ этомъ отношеніи ни малѣйшаго исключенія изъ общей освященной формы. Впрочемъ вопросъ этотъ, способный занять археолога, представляетъ только второстепенный интересъ для антикварія: его вниманіе неизбѣжно поглощено будетъ отвлеченнымъ, или религіознымъ смысломъ единственнаго памятника, который мы намѣрены описать.

Не заходя вдаль, здѣсь необходимо прежде всего утвердить внутреннюю связь, существовавшую между мистеріями Цереры и Вакха. При первомъ воззрѣніи на предметъ, связь эта казалась мнѣ сомнительною: но впослѣдствіи, послѣ зрѣлаго размышленія, я долженъ былъ признать ее безъ всякихъ ограниченій въ своемъ «Опытѣ объ элевсинскихъ таинствахъ» [1]. Ученый другъ мой, профессоръ Крейцеръ, принимаетъ мое мнѣніе во всѣхъ своихъ изслѣдованіяхъ, и

[1]) См. Essai sur les mystères d'Eleusis, Section VI (въ собраніи сочиненій графа С. С. Уварова, изданномъ Императорскою Академіею Наукъ подъ заглавіемъ: Etudes de Philologie et de Critique. St.-Pétersbourg, 1843. На русскомъ языкѣ «Опытъ объ элевсинскихъ таинствахъ» напечатанъ въ февральской книжкѣ Современника за 1847 годъ).

покойный г. Сильвестръ де Саси, воспоминаніе о которомъ навсегда останется для меня драгоцѣннымъ, соображается также съ моимъ взглядомъ на этотъ предметъ (Recherches sur les mystères du Paganisme, par St.-Croix. 2-me édit., publiée par M. le baron de Sacy. Paris, 1817. T. II, p. 72). Съ того времени мысль о тождествѣ элевсиній и діонисіакъ была принята единодушно, и сліяніе этихъ двухъ формъ богослуженія, выясняясь по мѣрѣ того, какъ идея двухъ божествъ достигала постепенно большей высоты, становится теперь фактомъ, которому нѣтъ болѣе противниковъ.

Полезно въ настоящемъ случаѣ припомнить этотъ фактъ, представляющій неопровержимое доказательство, что тайное ученіе о поклоненіи Вакху есть не иное что, какъ ученіе о мистеріяхъ Цереры. Съ этой точки зрѣнія, порѣцкій памятникъ представляетъ синтетическій символъ, бывшій нѣкогда общимъ для элевсиній такъ же, какъ и для діонисіакъ.

Барельефы на порѣцкомъ памятникѣ, несмотря на то, что искусство соединило ихъ удивительнымъ образомъ, рѣзко однакожь раздѣляются на два эпизода. Съ одной стороны, Вакхъ Өивянинъ, Вакхъ, сынъ Юпитера и Семелы, богъ винограда, народное божество, столько любимое Греками. Окруженный свитою упившихся сатировъ, онъ идетъ къ Аріаднѣ, чтобы раздѣлить съ нею ложе; сатирискъ сдергиваетъ покрывало, скрывавшее лицо Аріадны. Вся композиція запечатлѣна вакхическимъ характеромъ, и все въ ней имѣетъ отношеніе къ чувственнымъ наслажденіямъ; все сообразно съ народными идеями; все свидѣтельствуетъ о торжествѣ вещественнаго сладострастія.

Станьте теперь на противоположной сторонѣ: вы увидите тѣ же лица, совершенно однакожь преобразованныя; ту же сцену, но совершенно различную: вы увидите рѣшительную противоположность первой сценѣ. Это уже не сынъ Семелы, богъ вина и грубаго разгула: это — Іакхъ, третій Вакхъ [1]), новый богъ, качаемый на колѣняхъ у Цереры (Διόνυσος ἐπὶ τῷ μαστῷ, Suidas): онъ сдѣлался ея аколитомъ и воспитанникомъ [2]). Онъ уже не полунагой, какъ прежде: широкій плащъ (peplos), сдерживаемый большимъ поясомъ, покрываетъ его тѣло съ головы до ногъ. У него — длинные

[1]) Въ исчисленіи различныхъ Вакховъ, Вакхъ Загрей, Египтянинъ, занимаетъ первое мѣсто; Вакхъ Өивянинъ, сынъ Семелы, второе; третье мѣсто принадлежитъ Вакху мистерій, и онъ называется Іакхомъ.

[2]) Sophocl. in Antigon. v. 1103—1110. Pindar in Isthm. VII, 3. Софоклъ и Пиндаръ были адептами великихъ мистерій.

и широкіе рукава, какъ на мантіяхъ жрецовъ: онъ первосвященникъ, и въ этомъ смыслѣ, онъ держитъ священный сосудъ, откуда изливается таинственное питіе посвященія. Сатиры и фауны окружаютъ его здѣсь, какъ и тамъ, но въ ихъ костюмѣ — большія перемѣны, и самъ Силенъ покрытъ мантіей. Аріадна опять лежитъ у ногъ бога, но уже отнюдь не приглашаетъ его къ сладострастію; совсѣмъ напротивъ: она протягиваетъ ему руку и требуетъ, чтобы онъ поднесъ къ ея губамъ божественной влаги, содержащейся въ сосудѣ. Насупротивъ Аріадны, у ногъ Вакха-Іакха, лежитъ Геркулесъ на кожѣ немейскаго льва. Страшная палица выпала изъ рукъ Геркулеса: онъ совершенно пьянъ, и не можетъ болѣе держать священнаго напитка[1]); сатиры и фауны смотрятъ на него съ изумленіемъ и ироніею; Іакхъ, спокойный и величавый, едва удостоиваетъ своимъ вниманіемъ Геркулеса, который представляетъ высшій символъ матеріяльной силы; но теперь онъ лишенъ своихъ обычныхъ свойствъ и подверженъ осмѣянію спутниковъ бога-первосвященника. Вся эта сцена запечатлѣна покойнымъ и возвышеннымъ стилемъ.

Боковыя стороны, которыми соединяются двѣ главныя сцены, представляютъ, въ самыхъ художественныхъ формахъ, символы искусствъ, возникшихъ въ слѣдствіе общаго развитія образованности. Трагедію олицетворяетъ классическое жертвоприношеніе козла; комедію — сатиръ, который несетъ связку масокъ, прицѣпленныхъ одна къ другой; нимфы граціозными позами олицетворяютъ пляску. Все здѣсь есть, все что̀ составляло у древнихъ обыкновенную свиту церемоній тайнаго богослуженія: есть даже египетскій *псилъ*, укрощающій зміевъ. Ничего нельзя сравнить съ удивительнымъ искусствомъ, съ какимъ расположены всѣ фигуры. Нѣтъ ни малѣйшаго пробѣла въ общей группѣ: чтобы обставить Вакха, сына Семелы, всѣми характеристическими лицами его свиты, эпизодическая сцена представляетъ молодаго фауна, вынимающаго занозу изъ ноги стараго сатира. Истинность выраженія и утонченность рѣзца доведены здѣсь до возможной степени совершенства, и этотъ маленькій эпизодъ, уже самъ по себѣ, составляетъ пластическое произведеніе первоклассной красоты.

Послѣ этого простаго и точнаго описанія порѣцкаго памятника, нужно ли еще возвышать его важность въ глазахъ всякаго, знако-

[1]) Тѣ, которымъ эта гипотеза покажется слишкомъ смѣлою, должны будутъ въ упоеніи Геркулеса видѣть только простыя послѣдствія отъ избытка вина: это въ сущности не измѣнитъ аллегоріи.

маго съ изученіемъ классической древности? Какое болѣе неопровержимое свидѣтельство, какой другой пластическій памятникъ и какой авторитетъ писателя могутъ живѣе и нагляднѣе выражать противоположность, существовавшую между простонароднымъ и таинственнымъ богослуженіемъ древнихъ? Смѣлость, съ какою воспроизведено на мраморѣ двойственное ученіе, раздѣлявшее древній міръ, можетъ быть объяснена не иначе, какъ самымъ назначеніемъ памятника: только въ глубинѣ храмовъ, посвященныхъ тайному богослуженію, могло найдти мѣсто это чудное произведеніе художника, который самъ былъ посвященъ въ религіозныя мистеріи. Великое употребленіе, какое, въ церемоніяхъ мистерій, дѣлали изъ очистительной воды, одно только удовлетворительнымъ образомъ объясняетъ назначеніе этого памятника, и нѣтъ почти никакого сомнѣнія, что онъ былъ скрытъ въ тѣни самаго святилища, откуда строго исключали всѣхъ непосвященныхъ.

Остается теперь объяснить въ короткихъ словахъ, какимъ образомъ этотъ памятникъ, быть-можетъ единственный въ своемъ родѣ, могъ быть почти неизвѣстенъ для антикваріевъ, несмотря на то, что онъ, въ продолженіе многихъ вѣковъ, находился въ самомъ центрѣ Рима. Это обстоятельство объясняется нѣкоторыми подробностями относительно внѣшней исторіи памятника, находящагося передъ нашими глазами. Около половины XVIII вѣка, когда изученіе древности въ Италіи, подъ сильнымъ вліяніемъ Винкельмана, подверглось совершенному перерожденію, классическая наука едва только приступала къ изслѣдованію религіозныхъ идей въ древнемъ мірѣ. Меурсіусъ оставилъ книгу о тайномъ поклоненіи въ элевсинскихъ мистеріяхъ; другіе ученые касались мимоходомъ различныхъ предметовъ этого богослуженія: общее вниманіе, слишкомъ живо занятое наружною формой, еще не углублялось въ лабиринтъ миѳологическихъ понятій, и не принималось отыскивать, подъ изящною формой, важнаго и серьознаго смысла, таинственно закрытаго странными символами, часто непостижимыми съ перваго взгляда. Такъ Винкельманъ — авторитетъ котораго въ Италіи еще столько силенъ, что всякій древній памятникъ, упоминаемый въ его сочиненіяхъ, безспорно, по одному этому, пріобрѣтаетъ двойную цѣнность — Винкельманъ, разсматривая памятникъ въ Альтемскомъ палаццѣ, былъ пораженъ только пьянымъ Геркулесомъ, и дальше этого обстоятельства не простеръ своихъ изслѣдованій. Послѣдователи Винкельмана, никогда не достигавшіе высоты, на которой стоялъ этотъ знамени-

тый археологъ, всѣ устремились по данному имъ направленію и продолжали копать проведенную имъ бразду. Затѣмъ наступили войны французской революціи и постепенныя завоеванія различныхъ италіянскихъ государствъ. Около этого времени умеръ кардиналъ Альтемсъ, владѣлецъ палацца и галлереи, носившихъ его имя. Послѣ него остались только боковые наслѣдники, жившіе въ Германіи: они явились на сдѣланный вызовъ, и во владѣніе наслѣдствомъ введенъ тотъ изъ нихъ, кто по приговору суда, былъ объявленъ ближайшимъ родственникомъ кардинала. Съ той поры, доступъ въ альтемскій палаццъ становился болѣе и болѣе затруднительнымъ, и его коллекціи, запертыя для публики, были почти забыты. По истеченіи многихъ лѣтъ, возникъ процессъ между многочисленными членами фамиліи Альтемсъ, и права кардинальскаго наслѣдника сдѣлались предметомъ юридическаго спора. Процессъ этотъ, какъ говорили мнѣ въ Римѣ, тянулся очень долго, и результатъ его былъ тотъ, что владѣлецъ сокровищъ кардинала объявленъ лишеннымъ полученнаго имъ наслѣдства, и права его перешли на другую вѣтвь этой фамиліи. Когда произошла эта перемѣна, вдругъ узнали, что многіе изъ драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ исчезли изъ палацца, и между ними — *овальная урна:* въ этомъ увѣряли меня въ Римѣ свѣдущіе люди, достойные вѣры. Я въ свою очередь могу засвидѣтельствовать, что, въ 1843 году, мнѣ показывали овальную урну въ углу оставленной іезуитами церкви на площади Навонской, и что безъ нѣкоторыхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, отчасти безъ благосклоннаго содѣйствія правительства, мнѣ бы никогда не удалось вывезти изъ Рима этотъ памятникъ, включенный въ такъ-называемый *тѣсный* (stretta) реэстръ, содержащій исчисленіе предметовъ, которые, ни подъ какимъ видомъ, не могутъ быть вывозимы безъ вѣдома верховной власти. Прибавляю еще, что, пріобрѣтая овальную урну, я встрѣтилъ сильное соперничество со стороны луврскаго античнаго музея, представителемъ котораго былъ баронъ Тэйлоръ, и со стороны г. Вагена, которому прусское правительство поручило закупать въ Италіи предметы искусства и древности: какъ отличные знатоки въ этихъ предметахъ, они не могли, конечно, составить ошибочнаго понятія относительно важности альтемскаго памятника и относительно изящныхъ, характеризующихъ его, красотъ.

Цѣль настоящей записки — познакомить антикваріевъ и художниковъ съ существованіемъ одного изъ важнѣйшихъ памятниковъ древности, который, по стеченію особенныхъ обстоятельствъ, пере-

селился изъ римскаго дворца въ окрестности Москвы. Памятникъ этотъ, по всему праву, можетъ считаться еще *неизданнымъ*, несмотря на то, что Винкельманъ, въ свое время, указываетъ на *овальную урну*. Я намѣренъ издать отчетливое описаніе его, какъ скоро опытный художникъ пособитъ мнѣ своимъ рѣзцомъ воспроизвести это прекрасное произведеніе древности съ такимъ вкусомъ и вѣрностію, какія необходимы для произведеній этого рода.

Нужно ли прибавлять, что гостепріимныя двери порѣцкаго дома отворены для всѣхъ, являющихся туда во имя искусства и науки?

РИМЪ.[1]

···· Che sola a se stessa somiglia....
Petrarca,

Чего не писано о Римѣ, и однакожь въ какой книгѣ начертанъ вполнѣ его образъ? Впечатлѣнія всегда выносили изъ него болѣе или менѣе личныя; они во многомъ зависятъ отъ предубѣжденія наблюдателя и отъ избранной имъ точки зрѣнія. Римъ какъ неподвижный берегъ: мимо него не сутсяволны; онъ все не измѣненъ, только онѣ смѣняютъ другъ друга.

Есть два способа видѣть Римъ и Италію: надобно посвятить имъ бо̀льшую часть своей жизни и съ любовію изучать ихъ во всѣхъ подробностяхъ, или же удовольствоваться общимъ ихъ видомъ, схваченнымъ налету. Кому пришлось ограничиться послѣднимъ способомъ, тотъ долженъ также ограничиться выводомъ болѣе или менѣе точнымъ изъ общаго впечатлѣнія; можетъ-быть, этотъ поспѣшный взглядъ, этотъ взоръ, напряженный и страстный, обращенный на Италію и особенно на Римъ, представляетъ въ окончательномъ результатѣ болѣе живости и вѣрности, чѣмъ долгое и копотливое изученіе, часто теряющееся въ мелочахъ. Я не знаю ничего безплоднѣе утонченныхъ разысканій антикваріевъ о томъ или другомъ темномъ мѣстѣ изъ римской топографіи; къ чему поведетъ названіе зданія, опредѣленіе разрушенной дороги, отъ надгробнаго памятника отбитый камень, когда ускользаетъ мысль, лежащая въ цѣломъ, когда не осязается многообразная сложность всего состава, когда деревья, по выраженію нѣмецкаго поэта, мѣшаютъ видѣть лѣсъ?

Одна превосходная страница въ письмѣ Шатобріана къ Фонтану очаровательно передаетъ впечатлѣніе римской Кампаньи; только я желалъ бы устранить изъ нея запустѣніе Тира и Вавилона. По моему, римская Кампанья не предана запустѣнію, она только не воздѣлана

* Изъ Etudes de Philologie et de Critique par M. Uvaroff, Président de l'Academie imperiale des sciences etc. etc. 2-ème édition. Paris. 1845. Переводъ сдѣланъ А. К. Ивановымъ. *Ред.*

и безмолвна; это—земля, уставшая отъ производительности и отдыхающая,—самая приличная рама для картины Рима, строгій и мирный саркофагъ для великаго трупа города, который не умретъ

Шатобріанъ съ восхищеніемъ говоритъ о красотѣ линій римскаго небосклона, о чудномъ блескѣ атмосферы; весьма справедливо замѣчаетъ онъ, что тѣни никогда не бываютъ тамъ тяжелы и черны. Въ самомъ дѣлѣ, воздушное очарованіе, облекающее городъ и окрестности, въ какой бы часъ дня на нихъ ни смотрѣть, есть явленіе, превосходящее всѣ усилія кисти или пера; не знаю ни одной картины и ни одной страницы, гдѣ былъ бы переданъ этотъ эффектъ. Скажу одно, что при римскихъ художникахъ остается все-таки неотъемлемое преимущество, что они понимаютъ свѣтъ и тѣнь своей родины гораздо вѣрнѣе, чѣмъ другіе. Такъ точно иногда въ небрежныхъ выраженіяхъ римскаго простолюдина случается встрѣтить болѣе живую оцѣнку окружающихъ васъ памятниковъ, чѣмъ въ изысканныхъ, со всѣмъ тщаніемъ выработанныхъ описаніяхъ нашихъ путешественниковъ.

Всѣ единогласно говорятъ о печали, лежащей на Римѣ; не знаю, радость ли, ощущенная мною при вступленіи въ него, обманула меня, но Римъ не показался мнѣ печальнымъ. Когда я послѣ проходилъ по via Appia до памятника Цециліи Метеллы, или когда въ другой разъ по via Numentana я пришелъ на Нарсесовъ мостъ чрезъ Аніо и взглянулъ, при заходѣ солнца, съ высоты священной горы на римскую равнину — всѣ чувства мои были затронуты, но это было такое состояніе, что я не въ силахъ описать его; во всякомъ случаѣ, обиходное слово печаль плохо выразитъ упоительное ощущеніе спокойствія и внутренняго наслажденія, порождаемое этою великолѣпною картиной.

Нѣтъ ничего непріятнѣе и сбивчивѣе, какъ заученныя обычныя фразы объ Италіи. Если послушать большую часть путешественниковъ, можно представить себѣ Италію какимъ-ты пѣвучимъ островомъ, землею изобилія, гдѣ безпечное и легкомысленное населеніе утопаетъ въ чувственныхъ наслажденіяхъ. По привычкѣ смотрятъ на Италіянцевъ, какъ на изнѣженное племя, какъ на цѣлый народъ скомороховъ, выплясывающій тарантеллу и напѣвающій аріи Россини. Это совершенно ложно,—все измѣнилось въ Италіи. Теперешніе Итальянцы начинаютъ даже не походить на Итальянцевъ Гёте, самаго вѣрнаго живописца этой прекрасной страны. Италія Казановы, живая, вѣтреная, смѣющаяся, умерла, какъ черныя и красныя одежды на картинахъ Каналетто. Въ настоящее время Итальянецъ

серьозенъ, задумчивъ, почти печаленъ; Италія — страна порядка, размышленія, внутренней жизни; страна, занятая разгадываніемъ довольно темной загадки своихъ историческихъ судебъ. Этимъ чувствомъ запечатлѣно духовное настроеніе высшихъ классовъ, а равно и физіономія классовъ среднихъ и простонародья. Римское племя все еще самое итальянское изъ всѣхъ; посмотрите на римскаго *fachino* съ прекрасными агатовыми волосами, блестящими на солнцѣ, съ темнымъ оттѣнкомъ въ цвѣтѣ лица, но безъ красноты и смуглоты, съ смышленымъ взоромъ, съ мускулистымъ сложеніемъ и легкою таліею, посмотрите на него, когда онъ съ художническимъ инстинктомъ набрасываетъ себѣ на плечо бархатную куртку; всѣ черты его выражаютъ тогда и гордость, и мягкость, совсѣмъ не совмѣстныя съ понятіемъ о простолюдинѣ. Въ высшемъ сословіи, не говоря о высшемъ духовенствѣ, нѣкоторыя лица, и я могъ бы назвать ихъ, прилежно и успѣшно занимаются науками и литературою; только непремѣнно во всѣхъ литературныхъ трудахъ проглядываетъ у нихъ непритворность, сопутствующая и всѣмъ дѣйствіямъ ихъ жизни. Если они предаются изученію любимаго предмета, то всегда безъ тщеславія, а съ единственною цѣлью личнаго образованія. Пренебрегая шумною популярностью, не поддаваясь господству журналисма, тиранна Европы, они никогда не разсчитываютъ на мнѣніе. Не безъ усилія удается открыть, сколько высокаго образованія и развитой цивилизаціи заключено въ такой простотѣ пріемовъ и понятій.

Отъ этихъ слегка выраженныхъ общихъ замѣчаній если мы перейдемъ къ Риму въ частности, насъ встрѣтятъ невѣрности еще болѣе разительныя. Общепринятыя мнѣнія опровергаются на каждомъ шагу. Такъ церковь Св. Петра толпою путешественниковъ восхваляется или порицается по печатнымъ книгамъ, а она далеко не изучена съ настоящей точки зрѣнія Все переговорено о несвязности въ планѣ, о плохомъ вкусѣ Мадерны и Бернини, о недостаткѣ въ цѣломъ и проч., и проч., но такіе критики говорятъ очень мало. Горе тому, кто судить будетъ объ этомъ чудѣ безъ глубокаго разумѣнія и искусства, и Италіи! Вопервыхъ, смотря только съ художественной стороны, кто въ состояніи не замѣтить, что недостатки въ подробностяхъ поглощаются великолѣпіемъ цѣлаго? Нѣтъ сомнѣнія, витые столбы балдахина, композиція каѳедры — странны и не принадлежатъ ни одному ордену; статуи Бернини и его учениковъ страдаютъ манерностію стиля неправильнаго и причудливаго; есть памятники и вовсе посредственные. Но остановитесь въ срединѣ

этого созданія архитектуры, я готовъ былъ сказать, на завязкѣ поэмы, потому что храмъ Св. Петра великая поэма, и вы увидите, что эти ошибки и смѣлости въ сущности возвышаютъ блескъ цѣлаго. Ни одинъ художническій глазъ не дерзнетъ пожелать чего-либо другаго на мѣсто того, что̀ есть. Цѣнить Св. Петра по правиламъ Витрувія то же, что осуждать Аріоста по учебнику реторики. Кто смотритъ на предметы съ большей высоты и глазомъ болѣе проницательнымъ, для того эта чудная базилика выказываетъ самымъ ощутительнымъ образомъ переворотъ въ католической идеѣ XVI вѣка. Стиль церковной архитектуры въ Италіи разнообразится до безконечности; она приняла всѣ стили и жила собственною жизнію еще до уставленныхъ правилъ; она понесла на себѣ и выказываетъ всѣ измѣненія одной великой мысли, которую она представляетъ на разныхъ степеняхъ ея постепеннаго развитія. Картезіанскій монастырь въ Павіи, соборъ Миланскій, Пизанскій, Св. Зенонъ Веронскій, Св. Петроній Болонскій, Св. Маркъ Венеціянскій, — всѣ, очевидно, принадлежатъ къ эпохамъ, когда художникъ созидалъ зданіе, какъ поэтъ слагалъ поэму; то было время, когда искусство еще не знало границъ, и фантазія художника играла правилами, или не знала ихъ. Пусть говорятъ, что названныя нами зданія не примыкаютъ ни къ какому стилю, или, лучше, у каждаго изъ нихъ свой особенный стиль; этотъ періодъ въ архитектурѣ, который мы можемъ обозначить именемъ Данта, безспорно, выражаетъ религіозную и политическую идею времени. Что̀ можетъ быть прекраснѣе, величественнѣе, религіознѣе Картезіанскаго монастыря? очаровательнѣе внутренности Миланскаго собора? строго-величавѣе соборовъ Пизанскаго и Флорентинскаго или блистательнѣе и смѣлѣе Св. Марка? Никогда религіозное чувство не возносилось до такой высоты; никогда политическое могущество не высказывалось съ такою энергіею, никогда также вѣра Западной Церкви не уставлялась такъ повелительно, не была столько жизненна и такъ торжественна, какъ въ ту эпоху, когда воздвигались эти зданія. Послѣ промежуточнаго періода, а его слѣды можно обозначить шагъ за шагомъ, вгнѣздился въ умы, подъ многоразличными формами, духъ сомнѣнія; тогда религіозная идея, подкопанная реформою, потеряла свою власть надъ умами, и искусство, вслѣдствіе противнаго исхода, лишилось своей свободы. Никогда не вступаешь въ храмъ Св. Петра безъ мысли о Лютерѣ: его тѣнь, кажется, блуждаетъ подъ портиками Льва X. Храмъ Св. Петра есть какъ бы мировая сдѣлка религіозная и мировая сдѣлка художническая. Исчезла живая и горячая вѣра,

колебалась строгость догмата, отъ всѣхъ сторонъ стремились умы съ шумными кликами къ неизвѣстному; надобно было ладить съ этимъ движеніемъ, идти на помощь ослабѣвающей вѣрѣ, окружить ее всѣми обаяніями, всѣмъ мірскимъ великолѣпіемъ искусства. И вотъ соборъ Св. Петра быстро охватываетъ и увлекаетъ воображеніе, какъ поэтъ Феррары, между тѣмъ какъ Картезіанскій монастырь Павіи поражаетъ испугомъ и дѣйствуетъ на сердце, какъ пѣснь Данта. Всему свое время; оба зданія рельефно выставляютъ господствующую мысль соотвѣтственныхъ имъ эпохъ. XVI вѣкъ, безразсудный и блестящій, религіозный и скептическій, революціонный и охранительный, весь кажется воплощеннымъ, съ самымъ рѣдкимъ смысломъ, въ твореніяхъ Микель-Анджело, Браманте и Бернини.

Если что̀ возбуждаетъ вниманіе въ Римѣ, такъ это неоцѣнимыя услуги, оказанныя папствомъ искусству. Изъ двухъ Римовъ, рядомъ лежащихъ и, можно думать, равно умершихъ, великій папскій Римъ среднихъ вѣковъ равняется смѣло съ Римомъ древнимъ. Очевидно, что папы спасли для насъ все, что̀ мы еще видимъ отъ древняго міра; въ Ватиканѣ открыли они ему убѣжище; и, точно, ничто не можетъ сравняться съ впечатлѣніемъ, какое производитъ этотъ обширный дворецъ, до половины запустѣлый. Отъ восхитительнаго внутренняго портика (Cortile), воздвигнутаго по рисункамъ Рафаэля, отъ сторожей его, еще одѣтыхъ въ костюмы Микель-Анджело,—до блестящихъ галлерей, населенныхъ необозримою толпою образцовыхъ твореній, все носитъ печать минувшаго величія и восторженной любви къ родинѣ и искусствамъ; и когда, наконецъ, Пій VI и Пій VII не оставили ни одного пустаго мѣста въ предѣлахъ Ватикана, тогда Григорій XVI, несмотря на затрудненія настоящаго времени, превращаетъ дворецъ Св. Іоанна Латеранскаго въ новый музей и возрождаетъ изъ пепла базилику Св. Павла. Я имѣлъ счастіе слышать, какъ въ немногихъ простыхъ, но сильныхъ словахъ говорилъ достопочтенный первосвященникъ о наслѣдственной обязанности, какъ бы возложенной на папскій престолъ, быть послѣднимъ хранителемъ послѣдней славы Рима.

Изъ всѣхъ наслажденій, какія представляетъ Римъ для друга искусствъ, по моему, самое живое и неожидаемое, это — посѣщеніе Ватикана при свѣтѣ факеловъ. Такая ночь, проведенная въ кругу древняго міра, *nox Vaticana*, не слишкомъ дорого куплена годами усилій и лишеній. Уже при самомъ приближеніи ко дворцу обнимаетъ душу торжественное настроеніе: надъ нашими головами темная лазурь италіянскаго неба и живое отраженіе звѣздъ, какъ на куполѣ

Св. Петра, такъ и въ чудныхъ фонтанахъ, что̀ уже цѣлые вѣка стремятся вверхъ и ниспадаютъ съ шумомъ; внизу, при входѣ въ портикъ, папскіе швейцары, которыхъ можно скорѣе назвать Микель-Анджеловскими, принимаютъ иноземнаго посѣтителя съ факелами въ рукахъ и ведутъ его въ галлереи, тамъ—отборный цвѣтъ древняго міра, какъ будто вызванный среди мрака и принужденный предстать предъ страстные взоры нежданнаго незнакомца: все сообща производитъ сильное, необъяснимое впечатлѣніе, близкое къ умиленію. Мраморъ во сто кратъ прекраснѣе, обольщеніе живѣе, эффектъ увлекательнѣе, чѣмъ при дневномъ свѣтѣ; мысль вся переносится на это волшебное видѣніе; ничто ея не смущаетъ, развѣ только слышится слабое журчаніе прелестнаго бельведерскаго фонтана, да какъ будто нечаянно проскользнетъ промежь портиковъ мѣсячный лучъ за своею долей на этомъ ночномъ празднествѣ. Почти ни одного слова не было проронено между мною и тремя моими спутниками во все это медленное шествіе по Ватикану; въ самомъ дѣлѣ, ощущаешь какъ бы опасеніе, чтобы не возмутить невыразимой прелести всего окружающаго. Удивительное искусство въ расположеніи факеловъ, удачно разсчитанное освѣщеніе ими и возможность разнообразить точку зрѣнія по желанію — придаютъ статуямъ степень одушевленія, недоступную описанію; онѣ кажутся какъ будто разбуженными среди ихъ сна, и не знаю, какая-то стыдливость повидимому облекаетъ эти формы, разоблаченныя въ самыхъ сокровенныхъ своихъ изгибахъ. Не одно художническое чувство воскресаетъ съ неожиданною силою, воскресаютъ вмѣстѣ съ нимъ всѣ впечатлѣнія жизни, всѣ думы зрѣлаго возраста, всѣ мимолетныя мечты юности; среди этой волшебной толпы, воображеніе, нѣжно возбужденное, созерцаетъ какъ будто во снѣ прозрачныя черты, неопредѣленные образы любимѣйшихъ предметовъ, таинственные отголоски самыхъ дорогихъ впечатлѣній сердца; невольно наполняются глаза слезами, и никто не выходилъ изъ этой ограды, не благословляя судьбы за то, что она приберегла — для избранныхъ умовъ — несравнимую ни съ чѣмъ радость, какъ будто въ полное вознагражденіе за всю усталь долгаго странствованія, можетъ-быть, даже за нѣкоторую часть обманутыхъ надеждъ въ протекшей жизни.

Въ продолженіе этого ночнаго посѣщенія Ватикана, особенное вниманіе наше привлекали поочередно: Фавнъ съ маленькимъ Бахусомъ въ рукахъ, Стыдливость, Демосфенъ, Нилъ, Дисколболъ, Венера присѣвшая, Мелеагръ, колоссальный Юпитеръ, бюстъ Юпитера и бюстъ Августа въ молодости, наконецъ во главѣ всего Апол-

лонъ и Лаокоонъ, эти два изваянія по преимуществу. На другой день утромъ я прежде всего поспѣшилъ въ Ватиканъ: все было прекрасно, блестяще, великолѣпно; но то не было уже ночное волшебство, благоговѣйное вызываніе, какъ въ предшествовавшій вечеръ.

Единственное зрѣлище, издалека приближающееся къ описанному, это—видъ Колизея при лунномъ свѣтѣ. Вообще, и никто не понималъ того лучше древнихъ, памятники зодчества, ваянія и даже живописи изумительно сколько выигрываютъ, если смотрѣть на нихъ ночью. Тогда естественное или искусственное освѣщеніе придаетъ особенно зданіямъ единственный характеръ величія. Въ этомъ можно увѣриться, отправившись ночью къ храму Св. Петра или къ Колизею. Колизей, при дневномъ свѣтѣ, трудно возсоздать себѣ въ мысли, но онъ гармонируетъ съ темнотою и чудно освѣщается лучами итальянской луны, которую аббатъ Галіани весьма основательно предпочитаетъ солнцу сѣверныхъ странъ. Тогда, въ самой срединѣ арены образуется какъ бы безмѣрный очагъ блеска, онъ постепенно ослабѣваетъ, проходя сквозь своды и повалившіяся галлереи, а прозрачные пары, скрадывая послѣдніе планы, производятъ самый чарующій эффектъ. То же явленіе и съ фасадомъ Св. Петра: при лунномъ свѣтѣ онъ, кажется, растетъ и принимаетъ характеръ покойный и величественный, тогда какъ среди дня непріятно поражаютъ не совсѣмъ согласныя и тревожныя его формы. Величественная колоннада становится еще величественнѣе, когда луна выкраиваетъ и обрисовываетъ ея дивныя красоты.

Но я замѣчаю, что, говоря о Ватиканѣ, я упомянулъ только о музеѣ статуй: картинный музей не менѣе удивителенъ; въ немъ только до шестидесяти картинъ, но тридцать изъ нихъ образцовыя творенія, а четыре или пять чудеса искусства. Во главѣ всѣхъ блистаетъ Преображеніе, образцовое произведеніе Рафаэля, творца только образцовыхъ произведеній; его Св. Дѣва Фолиньо и Доминикиново знаменитое Причащеніе Св. Іеронима красуются въ той же залѣ. Рафаэль имѣетъ право на спеціяльное изученіе, а изучать его можно только въ предѣлахъ отъ Флоренціи до Рима. Напрасно пытались распредѣлить его жизнь, какъ художника, на три преемственныя манеры; тщетныя хлопоты: у Рафаэля было не три только манеры, у него ихъ было тридцать, у него были всѣ. Онъ и рисовщикъ въ такой степени, какимъ не былъ никто, ни даже Леонардо да Винчи, единственный опасный въ этомъ соперникъ его славѣ; онъ и колористъ столько же сколько Тиціанъ, но колористъ вѣрный безъ желанія ослѣплять, безъ изысканности; онъ возвы-

шенный композиторъ въ ватиканскихъ фрескахъ; потомъ вдругъ и живописецъ обиходныхъ житейскихъ предметовъ, живописецъ тщательно отдѣлывающій мелочи, отличающійся щеголеватою оконченностію: свидѣтельство на то въ чудномъ *Suonatore di violino* во дворцѣ Sciarra Colonna, гдѣ мѣху и бархату позавидовалъ бы не одинъ Фламандецъ, а голова затмѣваетъ все, что̀ только произвелъ отличнѣйшаго Веласкезъ. Рафаэль обнялъ всѣ части искусства.

Однѣ ватиканскія фрески сто̀ятъ сами по себѣ путешествія въ Римъ. Надобно спѣшить разсмотрѣніемъ ихъ, пока время не совсѣмъ изгладило ихъ слѣды; разрушительное дѣйствіе его слишкомъ замѣтно: такъ превосходнѣйшая изъ нихъ, Аѳинская Школа, уже совсѣмъ погибаетъ; скорѣе угадываешь, чѣмъ видишь эффектъ цѣлаго; очертанія неопредѣленны и ускользаютъ въ глазахъ, а краски съ каждымъ днемъ пропадаютъ болѣе и болѣе. Но и въ настоящемъ своемъ видѣ она все еще прекраснѣйшая въ мірѣ фреска, — послѣднее слово этого рода живописи, какъ Преображеніе послѣднее слово живописи масляными красками. Чтобы убѣдиться, до какой высокой степени достигъ Рафаэль, какъ колористъ, достаточно видѣть въ тѣхъ же самыхъ залахъ Освобожденіе Св. Петра, Совѣщаніе о Святомъ Причащеніи и Св. Льва, идущаго на встрѣчу Аттилѣ, три фрески, сохранившіяся лучше другихъ. Когда помышляешь, что Рафаэлевы фрески пропадаютъ, что Тайная Вечеря Леонардо да Винчи въ Миланѣ существуетъ какъ призракъ, готовый лѣтъ черезъ двадцать исчезнуть, что Страшный Судъ въ Сикстовой капеллѣ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе чернѣетъ, что въ большей части итальянскихъ церквей картины великихъ мастеровъ быстро уничтожаются отъ небреженія: тогда съ горестію предвидишь, что уже близко то время, когда и о новой живописи, столь великой, останется только письменное преданіе, и когда Рафаэль, Микель-Анджело и Леонардо станутъ въ уровень съ Паррасіемъ и Апеллесомъ, которыхъ тщетно вызываютъ ученые, и которыхъ память сохраняется въ двухъ-трехъ эпиграммахъ и немногихъ мѣстахъ Плинія. Рафаэлевы фрески въ наружной галлереѣ, прелестный эпизодъ изъ его прелестной зодческой поэмы, довершаютъ грандіозную идею художественнаго генія въ высшемъ его выраженіи. Точно также, по выходѣ изъ Сикстовой капеллы, надобно спѣшить въ церковь Св. Петра in Vincoli, чтобы созерцать Микель-Анджелова Моисея, лучшее произведеніе изъ мрамора въ новѣйшемъ ваяніи. Повсюду въ Римѣ чувствуешь потребность схватывать налету каждый день, *carpere diem*, по выраженію Горація;

ко всему примѣшивается невольный страхъ, смутное опасеніе за будущность.

Изо всѣхъ частныхъ галлерей въ Римѣ самая блестящая, безспорно, галлерея Боргезе, какъ и дворецъ Боргезе самое великолѣпное изъ жилищъ; она одна, по крайней мѣрѣ въ этомъ родѣ, не смотритъ осиротѣло, и одна обличаетъ на каждомъ шагу присутствіе домохозяевъ. Я не намѣренъ перечислять всѣ сокровища этого собранія, гдѣ находится одинъ первостепенный Рафаэль и чудный Тиціанъ; спѣшу сказать нѣсколько словъ о знаменитой виллѣ Боргезе: это любимое гулянье, Елисейскія Поля Римлянъ, одно изъ тѣхъ огромныхъ владѣній, какія скопляло римское дворянство во времена своего могущества. Народное гулянье въ виллѣ Боргезе, въ первыхъ числахъ октября, живо напечатлѣно въ моемъ воспоминаніи. Въ этотъ день князь Боргезе сзываетъ римскій народъ къ себѣ на праздникъ, и римскій народъ занимаетъ едва треть садовъ, окружающихъ виллу; тамъ дивишься вѣжливому обхожденію сколько хозяина съ гостями, столько же и гостей съ хозяиномъ. Вообразите, что отъ двадцати до тридцати тысячъ народу столпилось въ одномъ саду, гдѣ все такъ убрано, усыпано пескомъ, украшено дерномъ, обсажено деревьями; что всѣ эти тысячи тѣснятся на конныхъ ристаніяхъ, на представленіяхъ эквилибристовъ, на выставкахъ животныхъ: а князь Боргезе не пожалуется намъ, чтобы у него гдѣ-нибудь былъ сломанъ сучокъ на деревѣ или помятъ цвѣтокъ. Представьте себѣ, что этотъ народъ, трудно рѣшиться назвать его чернью или даже простонародіемъ, что почти весь онъ состоитъ изъ красивыхъ мущинъ, опрятно одѣтыхъ, съ быстрымъ и смышленымъ взоромъ; здѣсь сильные Транстиберинцы и ихъ жены, смугловатыя, съ черными глазами; всѣ веселятся, всѣ тѣшатся, какъ бы по наслѣдственному инстинкту, тѣми же зрѣлищами, которыя такъ любили ихъ предки. Въ этотъ день не бываетъ никакого безпорядка, потому что въ этотъ день каждый изъ народа въ той мысли, что онъ особенно, самъ по себѣ, приглашенъ княземъ Боргезе; такое общее убѣжденіе угадываешь по гордости, съ какою тогда держитъ себя римскій житель, по крайней вѣжливости въ его обхожденіи, по ловкости, съ какою, какъ будто плащъ, накинута у него на плечо бархатная куртка, а лента въ его шляпѣ играетъ по вѣтру. Не забудьте при этомъ, что вооруженная сила вся состоитъ изъ пяти или шести жандармовъ, а когда, по окончаніи игръ, вы увидите, какъ народъ почтительными восклицаніями прощается съ хозяиномъ, привѣтливымъ и вели-

кодушнымъ, а потомъ разойдется въ порядкѣ и безъ шума, тогда вы почувствуете въ глубинѣ своего сердца, какъ человѣкъ, живую симпатію къ этому благородному племени; никакое униженіе, никакая нравственная чернота не могли исказить его, и оно все сохраняетъ нерушимый свой типъ — подобно монетамъ своимъ предковъ: и онѣ не поддались тренію, и подъ ржавчиною еще выказываютъ начальныя буквы Цезаря или профиль Марка Аврелія.

Много другихъ богатыхъ виллъ окружаетъ городъ; я назову одну, виллу *Doria Pamphili;* это угрюмая и гордая обитель: ей уже нѣтъ мѣста въ римской жизни, какова она теперь. Но какъ пройдти молчаніемъ виллу *Albani*, пріютъ ученаго и вельможи, колыбель археологіи, гдѣ Винкельманъ произвелъ превосходнѣйшія изъ своихъ изслѣдованій, а Менгсъ украсилъ стѣны своими картинами? Вліяніе ученаго антикварія на ученаго кардинала и отношеніе альбанскаго музея къ основанію музеевъ въ Ватиканѣ представляютъ любопытную эпоху въ исторіи памятниковъ древности. Никогда обстоятельства столько не благопріятствовали собирателю, сколько кардиналу Александру; зато и собраніе его, отчасти перешедшее въ руки правительства, заключаетъ еще въ себѣ множество драгоцѣнностей, прекрасный базальтовый бюстъ Юпитера, нѣсколько отличныхъ статуй, вазы, прелестные треножники, объясненные Винкельманомъ. Распредѣленіе покоевъ, превосходный цѣлебный воздухъ, устройство сада во вкусѣ времени, все одно къ одному образуетъ изъ виллы Albani такое обиталище, какому невольно позавидуешь; никакая другая вилла кромѣ того не выставляетъ такъ тонко и оригинально общественнаго положенія римскаго кардиналата около средины прошедшаго столѣтія. Обходя дворецъ, и сады, я, казалось, видѣлъ самого кардинала, какъ онъ, окруженный своею свитою путешественниковъ, антикваріевъ и художниковъ, оперся, по домашнему, на плечо друга своего Винкельмана и съ жаромъ толкуетъ съ нимъ; такія одушевленныя бесѣды теперь были бы поучительны и учены, а тогда онѣ создавали новую науку. Всѣ лица вокругъ нихъ намъ знакомы, и воображеніе безъ большаго усилія рисуетъ картину, гдѣ, среди роскоши, раздольной и, пожалуй, не совсѣмъ умѣстной князя церкви раскрываются образованность ума, проницательность сужденій и страстная любовь къ искусствамъ, общая принадлежность всѣхъ обитателей виллы Albani; эта любовь, которую самъ владѣлецъ довелъ до оригинальнаго энтузіасма. Подъ старость онъ ослѣпъ, но художественный тактъ его былъ столь изощренъ, что онъ ощупью опредѣлялъ характеръ и красоты статуи; часто видали его,

разсказывали мнѣ, какъ онъ проѣзжалъ въ большомъ своемъ экипажѣ, а съ боку у него торсо какой-нибудь греческой статуи; какъ-то разъ, говорятъ, не могъ онъ довезти изъ Ватикана своего товарища по коллегіи только потому, что у него въ каретѣ помѣщался обломокъ Діаны Охотницы. И теперь, когда замеръ вкусъ къ искусствамъ, когда римская багряница охотно спускается на плеча средняго сословія, въ рядахъ котораго церковь всегда по преимуществу набиралась, и теперь, смотря на виллу Albani, подумаешь, что кардиналъ Александръ только-что покинулъ свое роскошное жилье и отправился разыскивать слѣдъ новаго мрамора или разбирать новую надпись, до чего онъ страстный охотникъ. О виллѣ Albani приложено попеченіе болѣе, чѣмъ о всѣхъ другихъ; она перешла по наслѣдству въ руки графа Кастельбарко, который, какъ можно судить, хорошо знаетъ обязанности, налагаемыя подобнымъ наслѣдствомъ.

Когда я пишу эти строки, предо мною стоитъ восхитительный трофей моего путешествія по Италіи, изящная овальная урна изъ дворца *Altemps.* При созерцаніи этого драгоцѣннаго памятника греческаго искусства, я охотно поддаюсь мысли, что Винкельманъ, говорящій о немъ въ своихъ сочиненіяхъ, долженъ былъ видѣть его въ бесѣдѣ съ кардиналомъ Альбани, и что замѣчательные рельефы вокругъ него дали поводъ не къ одному тезису между этими двумя великими знатоками, имя которыхъ навсегда останется драгоцѣннымъ для друзей искусства и древности. А самъ художникъ, изваявшій нѣкогда это превосходное произведеніе, не могъ подозрѣвать, что сначала оно попадетъ въ руки какихъ-нибудь Римлянъ, достаточно ославленныхъ варварами, а потомъ, много вѣковъ спустя, ему придется украшать труженическій пріютъ ученыхъ занятій другаго варвара въ странѣ гиперборейской, которой самое имя было неизвѣстно Грекамъ. Удивительная судьба художественныхъ произведеній — переходитъ изъ страны въ страну, отъ поколѣнія къ поколѣнію, подобно тому, какъ бѣгуны *(cursores)* Лукреція, пустившись разъ, передаютъ изъ рукъ въ руки зажженный факелъ. Въ этомъ смыслѣ особенно можно прибавить съ поэтомъ: *et vitai lampada tradunt.* Жизнь народа не состоитъ ли вполовину изъ искусства, вполовину изъ могущества политическаго? Когда недоставало одной изъ этихъ стихій, тогда общественная жизнь была не полна; если же народы не причастны ни той, ни другой стихіи, то они не входятъ въ область исторіи.

Кромѣ этихъ несчетныхъ музеевъ, посвященныхъ искусствамъ, Римъ обладаетъ первоклассными учрежденіями по части наукъ: ва-

тиканская библіотека одна изъ прекраснѣйшихъ въ свѣтѣ по весьма значительному числу рукописей и по выбору книгъ, и прекраснѣе всѣхъ по великолѣпію отведеннаго ей помѣщенія. Несмотря на всѣ толки, она легко доступна для иностранцевъ, и привѣтливость хранителей ея равняется ихъ знаніямъ. Я видѣлъ отличный экземпляръ на веленевой бумагѣ Хименесова Полиглотта, поднесенный при посвященіи Льву X, Флорентинскаго Гомера, *princeps*, также на веленевой бумагѣ, чрезвычайно красивый; любовался на прелестныя рукописи, украшенныя миніатюрами дона Джуліо Кловіо, котораго Итальянцы называютъ Рафаэлемъ миніатюръ; съ ними можетъ сравняться только часословъ того же художника, видѣнный мною въ Неаполѣ, истинный перлъ. Послѣ книгъ и рукописей въ Ватиканѣ, которыя я обозрѣлъ бѣгло, боясь своей страсти къ библіографіи, всего любопытнѣе собраніе образцовъ старинной грекоитальянской церковной живописи; это неоцѣнимое сокровище. Для основательнаго изученія библіотеки и коллекцій Ватикана долгій рядъ годовъ былъ бы едва достаточенъ.

Коллегія Пропаганды, основанная Урбаномъ VIII, есть учрежденіе достойное уваженія всякаго религіознаго и мыслящаго человѣка, къ какому бы исповѣданію онъ ни принадлежалъ. Отдѣльно отъ высокаго назначенія распространять Евангеліе по всему лицу земли, нѣтъ сомнѣнія, что и со стороны только филологической никакое свѣтское заведеніе въ Европѣ не можетъ съ нимъ сравниться. Число учениковъ отъ ста до ста двадцати; ихъ содержатъ щедро и заботливо; здѣсь видишь Китайца подлѣ Ирландца, абиссинскаго отрока, почти чернаго, рядомъ съ бѣлокурымъ сыномъ Германіи. Начальники заведенія пригласили меня осмотрѣть его во всей подробности, начиная съ музея Borgia, богатаго рукописями арабскими, коптскими и сирійскими, и оканчивая дортуарами и внутренними покоями. Общій столъ этихъ юныхъ воспитанниковъ, собравшихся сюда отъ четырехъ вѣтровъ, имѣетъ въ себѣ что-то благоговѣйное и трогательное; мнѣ представляли ихъ поименно одного за другимъ; они принадлежатъ ко всѣмъ племенамъ земнаго шара, кромѣ славянскаго, представителями котораго были только двое или трое Болгаръ. Дисциплина заведенія показалась мнѣ отличною, и на всѣхъ лицахъ выражалось здоровье и довольство, невольно бросающіяся въ глаза.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Рима лежитъ множество городковъ съ славными именами и мѣстечекъ живописныхъ и очаровательныхъ: Фраскати, Альбано и особенно Тиволи, древній Тибуръ,

нѣкогда столь любезный музамъ. Для него надобно отдѣлить особенный день и провести его тамъ весь; поѣздка наша туда оставила во мнѣ пріятнѣйшія воспоминанія. До Тиволи равнина безплодна и однообразна; но едва достигнешь высотъ, ощущаешь въ душѣ особенное движеніе при мысли, что попираешь мѣсто, на которомъ отпечатлѣлся весь великій августовъ вѣкъ. Прежде всего должно осмотрѣть громадныя работы, исполненныя въ нынѣшнее царствованіе для отведенія рѣки Аніо и предохраненія города Тиволи отъ неизбѣжнаго разрушенія. Трудъ гигантскій! Онъ ставитъ имя Григорія XVI наряду съ именами славнѣйшихъ его предшественниковъ. Изъ средины этихъ подземныхъ сводовъ видишь предъ собою, съ одной стороны, храмъ Весты и храмъ Сивиллы; съ другой, водопадъ, котораго пѣна, разбиваясь въ солнечныхъ лучахъ, играетъ тысячью призматическихъ цвѣтовъ. Потомъ, по обыкновенію предпринимается большая прогулка на ослѣ вокругъ водопадцевъ, вдоль противоположнаго берега на всемъ его протяженіи. Нѣтъ ничего прелестнѣе, какъ совокупный видъ водопада и окружающихъ его большихъ и меньшихъ каскадовъ, увѣнчанныхъ еще развалинами Меценатова дворца, хотя индустріалисмъ, одна изъ глубокихъ ранъ современнаго общества, уже превратилъ его въ заводъ. По дорогѣ вамъ показываютъ развалины домовъ Катулла и Горація; но чтобы быть тронуту ими, надобно смотрѣть глазами поэзіи, потому что воображенію приходится возсоздавать то, чего не берется утверждать наука антикварія. Наконецъ, въ заключеніе этого восхитительнаго дня, подымаются въ виллу д'Есте, пышное созданіе кардинала Ипполита д'Есте, покровителя Аріоста, нѣкогда королевское жилище, покинутое, вѣкъ тому назадъ, моденскими герцогами и теперь въ состояніи совершеннаго забвенія, на что̀ жаловался уже президентъ де-Броссъ. Передняя сторона дворца обсажена исполинскими кипарисами; часть ихъ порублена, а остальные еще образуютъ величавый подъѣздъ; самый дворецъ въ высокомъ стилѣ Браманте. Охотно рисуешь себѣ то время, когда въ этомъ дворцѣ и его садахъ жилъ еще кардиналъ Ипполитъ съ своимъ сластолюбивымъ дворомъ, слушалъ въ тѣни этихъ самыхъ кипарисовъ плѣнительныя фантазіи *Мессера Лодовико* и восхищался, по собственному признанію, только веселою ихъ стороною. Если вилла Albani напоминаетъ общественное положеніе князя церкви въ XVIII вѣкѣ, то вилла д'Есте служитъ мѣриломъ его могущества въ XVI. Нельзя осматривать эти развалины, — въ самомъ дѣлѣ, дворецъ и сады ежеминутно готовы превратиться въ груду мусора—безъ неодолимаго чувства горести; невольно говоришь себѣ,

что еслибы вилла д'Есте, минуя рукъ моденскихъ герцоговъ, перешла въ наслѣдіе папскаго престола, жилище кардинала Ипполита сохранили бы съ тѣмъ же почтительнымъ попеченіемъ, какое всегда прилагаетъ римское правительство къ охраненію стараго, когда не созидаетъ новаго—заслуга, вся важность которой можетъ быть оцѣнена только въ Италіи. Это сожалѣніе ощущаешь въ виллѣ д'Есте, равно какъ и въ Фарнезинѣ: и та и другая рушатся въ развалины: только потому, что ихъ не касается благотворная бдительность папской власти.

Нельзя не сказать, отеческое попеченіе, священный долгъ, наслѣдственно принимаемый на себя каждымъ римскимъ первосвященникомъ, беречь, и для себя и для другихъ, *urbi et orbi*, сокровища искусства среди останковъ невозвратно исчезнувшаго міра, невыразимая красота неба, множество воспоминаній, на каждомъ шагу возникающихъ изъ самой земли, сладость жизни, наконецъ, животворное дуновеніе мира и терпимости, которое вдыхаетъ здѣсь чужеземецъ:—все это превращаетъ Римъ въ достояніе всей мыслящей вселенной и образуетъ изъ него отечество для тѣхъ, для кого уже свѣтъ отечество. Римъ есть мирное пристанище, всегда открытое и павшему величію, и заблудившемуся уму, самымъ высокимъ и самымъ скромнымъ страданіямъ; въ немъ не забываютъ своихъ бѣдствій, но переносятъ ихъ съ большею твердостію; у печали есть свой стыдъ на этой землѣ, омоченной кровію и слезами. Тамъ, гдѣ перестрадало столько людей, гдѣ сгибло столько поколѣній, тамъ каждый одерживаетъ свои чисто-личныя ощущенія. Человѣкъ, мыслящій и впечатлительный, человѣкъ, приготовленный изученіемъ и наклонностями къ этому великому зрѣлищу, скоро отождествляется съ нимъ. Быть въ Римѣ — почетное воспоминаніе; удалиться изъ него безъ глубокаго сожалѣнія — невозможно. Хотя не оставляешь въ немъ страстной привязанности, хотя никакой и не выносишь изъ него, все же сердце сжимается, когда снова проѣзжаешь черезъ *porta del Popolo* уже въ обратный путь къ родному очагу. Въ эту послѣднюю минуту Римъ становится въ вашихъ глазахъ какъ бы нѣжно-любимымъ лицомъ: къ нему простираешь руки, а онъ, кажется, бросаетъ издали прощальный взглядъ чужеземному страннику, котораго принималъ въ свои стѣны и укрывалъ своею тѣнью.

Порѣчье, близь Москвы, Августъ 1844.

ПИСЬМА
ИЗЪ РИМА И НЕАПОЛЯ.

I.

Римъ, 9-го января ст. ст. 1852.

Если все мое странствованіе доселѣ можно назвать плаваніемъ болѣе или менѣе благопріятнымъ къ той цѣли, съ какою оно совершалось, то я торжественно могу сказать, что съ пріѣздомъ въ Римъ — достигнулъ берега. Отрадна была эта мысль, преобладавшая во тьмѣ въ первую ночь моего пріѣзда; подъ ея вліяніемъ долго не могъ я уснуть и какъ будто не вѣрилъ тому, что я дѣйствительно въ Римѣ: но каково же было на слѣдующее утро, при освѣщеніи римскаго солнца, это первое впечатлѣніе города, неистощимаго, неисчерпаемаго въ своихъ прелестяхъ, когда я случайно добрелъ на monte Pincio и увидалъ очаровательную панораму Рима! Тутъ, не видавши еще такъ-сказать деталей этого огромнаго цѣлаго, я не только предчувствовалъ, но уже ясно понималъ, что здѣсь именно обѣтованная земля искусства новѣйшихъ временъ, на которой оно ростетъ и зрѣетъ, и плодится, и множится своими произведеніями, — и для этого столь же необходимо римское небо и римское солнце, какъ и вѣковые памятники во всѣхъ родахъ, эти великія могилы минувшаго, послужившія въ свою очередь колыбелями нѣсколькихъ послѣдующихъ эпохъ въ искусствѣ. Понятно стало мнѣ и то, какъ здѣсь худож-

ники, пришельцы земель чуждыхъ, живутъ десятками лѣтъ, и эти годы проходятъ для нихъ, какъ сладкій сонъ, незамѣтно; живутъ они, все еще недовольно насладившись счастливою жизнію въ трудѣ безъ заботы: трудъ дѣлается для нихъ легчайшимъ и пріятнѣйшимъ бременемъ, взлелѣянный вліяніемъ той производительности, которая пораждается во всякомъ художникѣ природою, климатомъ и искусствами, его окружающими. Сладко жить въ Римѣ, скажу еще болѣе, какъ ни горька мысль о смерти на чужбинѣ, но здѣсь, кажется, и умереть было бы не дурно.

Но человѣкъ созданъ для общенія съ человѣкомъ. Истина восклицанія: «*се что добро или что красно, во еже жити, братіе, вкупѣ*», никогда не испытывается такъ живо, какъ во время путешествія безъ товарища, когда подчасъ не съ кѣмъ бываетъ сказать слова на языкѣ человѣческомъ, не только подѣлиться мыслями и чувствами. Вотъ почему, прежде нежели я принялся въ Римѣ за специяльное обозрѣніе его памятниковъ, я посвятилъ первый день моего пребыванія на отыскиваніе соотечественниковъ. Прошедши вдоль по очаровательной горѣ Пинчіо мимо Французской Академіи, я сошелъ внизъ по *скалинатѣ*, этой не менѣе диковинной лѣстницѣ, на Испанскую площадь (Piazza di Spagna), главное средоточіе современной жизни Рима. Здѣсь въ началѣ улицы Кондотти были у меня разомъ три данныя къ открытію слѣдовъ нашихъ молодыхъ артистовъ, живущихъ въ Римѣ: это двѣ кофейныя и ресторанъ, постоянно ими посѣщаемые. Въ одной изъ кофеенъ нашелъ я живописца Орлова, уже одиннадцатый годъ живущаго въ Римѣ, и тотчасъ же познакомившись съ нимъ, съ восторгомъ узналъ отъ него, что въ Римѣ находится теперь мой московскій знакомецъ, путешествующій на собственный счетъ, архитекторъ Кл. Я посѣтилъ до обѣда мастерскую Орлова, вдоволь налюбовался превосходными работами этого даровитаго художника, съ которыми вѣроятно въ скоромъ времени будетъ имѣть возможность познакомиться и московская публика, и оттуда отправился въ извѣстный всѣмъ Русскимъ, жившимъ въ Римѣ, ресторанъ Лепре. Здѣсь я нашелъ Кл., сидящаго за обѣдомъ. Остатокъ моего перваго дня въ Римѣ прошелъ въ пріятной бесѣдѣ съ прежнимъ знакомцемъ, истиннымъ художникомъ въ душѣ и на дѣлѣ. Мы говорили о родной сторонѣ, изъ которой я былъ для него первымъ вѣстникомъ со времени его отъѣзда болѣе нежели за годъ передъ симъ; много говорили и о Римѣ, потому что мнѣ нужно было напередъ обдумать и составить планъ для слѣдующихъ дней. Я запасся планомъ вѣч-

наго города и путеводною книгой, но съ перваго же дня убѣдился въ неудобствѣ странствованія по книгѣ. Путеводитель не разсчитываетъ ни времени, которое нужно для осмотра разныхъ достопримѣчательностей и собраній, ни времени, въ которое бываетъ къ нимъ открытъ доступъ. Поэтому, расположить странствованіе по Риму съ наименьшею потерею времени, чтобы видѣть въ продолженіи нѣсколькихъ дней, хотя и безъ системы, все замѣчательное,— дѣло не маловажное.

Подобно всѣмъ путешественникамъ не могъ и я не заплатить общей дани интересу, внушаемому если не изящными формами, то колоссальностію размѣровъ, — и началъ съ храма Св. Петра. Интереснѣйшее, что̀ встрѣчается на пути къ этому храму, лежащему за Тибромъ на Ватиканскомъ холмѣ, это древній мавзолей Гадріана въ теперешней крѣпости Св. Ангела; но собственно отъ этого мавзолея видны только нижніе ряды каменной облицовки, и то обезображенные временемъ: вся верхняя часть позднѣйшая. Тѣмъ не менѣе впечатлѣніе убѣгающей круглой линіи на зданіи такого колоссальнаго размѣра необыкновенно сильно.—По одной изъ двухъ параллельныхъ улицъ вышелъ я на площадь, лежащую передъ храмомъ, и крайне сожалѣлъ, что весь кварталъ домовъ, раздѣляющихъ эти двѣ улицы, не былъ сломанъ, чтобы открыть видъ площади и передняго фасада храма на большемъ отъ него разстояніи.

Органъ зрѣнія, передающій впечатлѣнія нашему мозгу, у всѣхъ устроенъ, безъ сомнѣнія, весьма различно, и потому всякій видитъ по-своему. Не думая нисколько поставлять своего мнѣнія закономъ для другихъ, я только хочу разсказать, какъ я самъ видѣлъ и чувствовалъ. Съ перваго взгляда фасадъ грандіозенъ и кажется такимъ же громаднымъ, каковъ онъ есть въ дѣйствительности. Тутъ должна замолкнуть критика, но ненадолго. Колоннадъ, окружающихъ лежащую передъ нимъ площадь, онъ не убиваетъ своею величиною, какъ это кажется на всѣхъ его видахъ, сдѣланныхъ большею частію по птичьему полету [1]). Углубленіе центральнаго пункта площади, гдѣ стоитъ обелискъ, вслѣдствіе покатости къ нему мостовой со всѣхъ сторонъ, много сокращаетъ видимую величину площади. Сквозныя полукруглыя колоннады, окружающія съ двухъ сторонъ эту овальную площадь, находятся, какъ извѣстно, въ значительномъ отдаленіи отъ передняго фасада храма; обращенные къ храму концы этихъ колоннадъ не соприкасаются съ переднимъ фасадомъ храма и

[1]) A vol d'oiseau, особый родъ перспективныхъ видовъ.

14*

соединены съ его углами прямыми галлереями съ окнами и пилястрами. Въ этихъ-то галлереяхъ особенно много страннаго. Онѣ идутъ отъ колоннадъ къ храму въ линіяхъ расходящихся и дѣлаютъ съ переднимъ фасадомъ храма острые углы. Такую необычайность могъ дозволить себѣ только Бернини, искавшій въ архитектурѣ театральныхъ эффектовъ; онъ имѣлъ въ виду, какъ говорятъ, будто бы то, чтобы галлереи въ перспективѣ казались параллельными. Оправдать ихъ можно развѣ тѣмъ, что еслибы оставить между концами полукруглыхъ колоннадъ промежутки равные всей ширинѣ главнаго фасада храма, то колоннады при настоящихъ размѣрахъ площади должны были бы утратить много своей круглоты. Еще болѣе странно и можно сказать до крайности непріятно поражаетъ глазъ, что галлереи эти не горизонтальны, а имѣютъ такое же наклоненіе, какъ поверхность площади. Отъ этого линіи карнизовъ галлерей, составляющія однакоже продолженіе карнизовъ колоннадъ, ломаются въ перспективѣ и обличаютъ жалкое и неудачное стремленіе къ противуестественности и ложнымъ эффектамъ въ томъ искусствѣ, которое болѣе нежели какое-либо другое должно быть основано на законахъ правдивости и здраваго смысла. Конечно, можно еще найдти нѣкоторую объяснительную причину этой странности въ томъ, что галлереи заключаютъ въ себѣ пандусы, изъ которыхъ одинъ ведетъ въ Ватиканъ и сокращаетъ собою его лѣстницы [1]); но искусство неисчерпаемо въ своихъ способахъ, и ловкій художникъ всегда долженъ найдти естественное средство выйдти изъ затрудненія.

Въ преддверіи храма передъ боковою аркой стоитъ конная статуя Карла Великаго, а за нею въ углубленіи арки устроена какая-то театральная кулиса, и вдобавокъ мраморная, составляющая фонъ для помянутой статуи!

Три двери, изъ которыхъ одна отпирается только во время юбилеевъ, ведутъ во внутренность. Здѣсь, въ этомъ колоссѣ архитектуры, которому наше время не знаетъ подобнаго, не только не сдѣлано ни малѣйшаго разсчета на эффектъ колоссальнаго цѣлаго, но можно сказать, потерянъ всякій разсчетъ самый необходимый. Нужно убѣжденіе, нужно почти осязательное доказательство, чтобы удостовѣриться, что все видимое въ самомъ дѣлѣ такъ громадно, какъ оно есть въ дѣйствительности. Есть простѣйшее къ тому средство: заслоните рукою отъ глазъ всю верхнюю часть свода и стѣнъ

[1]) Пандусами (pente douce) называется, на условномъ языкѣ архитектуры, наклоненная плоскость, замѣняющая собою лѣстницу со ступенями.

такъ, чтобы видѣть не болѣе того, что̀ находится на высотѣ человѣческаго роста, — и громадность храма васъ поразитъ; но отнимите руку — и все снова исчезло. Интересны нѣкоторыя представляющіяся глазу особенности линейной перспективы, происходящія отъ колоссальности размѣровъ: напримѣръ пониженіе прерванныхъ боковыми арками горизонтальныхъ карнизовъ главнаго нефа [1]) такъ сильно, что почти не вѣрится, чтобы двѣ импосты [2]) одной и той же боковой арки находились на равной высотѣ. Излишнимъ почитаю распространяться о вкусѣ внутреннихъ украшеній храма Св. Петра, живо характеризующихъ время ихъ созданія, но весьма далекихъ отъ чистаго изящества. Справедливая оцѣнка ихъ давно уже сдѣлана людьми, заслуживающими всякаго довѣрія. Укажу только на сужденіе издателя памятниковъ новаго Рима, Латарульи, не удѣлившаго, вслѣдствіе основательнѣйшихъ побужденій, храму Св. Петра мѣста въ своемъ изданіи.

«Храма Св. Петра, — несмотря на то, что онъ былъ обширнымъ поприщемъ для талантовъ многихъ превосходныхъ художниковъ, несмотря на то, что надъ нимъ работали одинъ вслѣдъ за другимъ самые первоклассные архитекторы, — мы не помѣстили въ нашемъ собраніи. Это колоссальное произведеніе, созданное подъ вліяніемъ несчастной мысли и ложныхъ правилъ, не могло, кажется, возбудить высокаго вдохновенія въ искусныхъ преемникахъ того самаго Браманте, творенія котораго по большей части были однакоже образцовыми произведеніями архитектуры. Можно придти къ мысли, что всѣ эти художники, по примѣру перваго, изнемогли подъ бременемъ тяжкой задачи. Въ планѣ храма Св. Петра осуждаютъ слишкомъ обыкновенное расположеніе, натянутыя формы и дурное соблюденіе пропорцій. Фасадъ его тоже служитъ предметомъ многихъ основательныхъ порицаній; въ немъ не достаетъ рельефности и нѣтъ ни одной рѣшительной части. И нефъ не укрывается отъ критики: онъ обширенъ, но въ немъ нѣтъ того величественнаго вида, который счастливое вдохновеніе умѣетъ сообщить даже самымъ малымъ вещамъ. Напрасно станемъ мы искать въ этомъ ве-

[1]) Нефомъ или кораблемъ называется внутреннее пространство, имѣющее форму удлиненнаго прямоугольника и ограниченное съ обѣихъ сторонъ подпорами крыши, т. е. стѣнами или рядами колоннъ и столбовъ. Храмы, въ которыхъ есть два продольныхъ ряда колоннъ, имѣютъ три продольныхъ нефа; гдѣ четыре ряда колоннъ, тамъ пять нефовъ. Въ храмахъ, имѣющихъ крестообразную форму, продольный нефъ пересѣкается поперечнымъ нефомъ, или однимъ или нѣсколькими.

[2]) Импоста—карнизная часть столба или стѣны, служащихъ опорою для арки.

ликомъ творенiи высокаго полета мысли, который выходитъ за предѣлы человѣческаго и соотвѣтствовалъ бы предположенной здѣсь цѣли. Въ цѣломъ вы не найдете ни порывовъ генiя, ни того совершеннаго согласiя между намѣренiемъ и исполненiемъ, которое такъ высоко цѣнится, наконецъ вы не найдете и той нѣжности, и прiятности въ подробностяхъ, которыя обнаруживали бы художника, руководимаго чувствомъ прекраснаго. Одни только своды заслуживаютъ въ этомъ отношенiи почетное исключенiе: украшенiя ихъ очень замѣчательны, какъ по приличiю, такъ и по вкусу.—Итакъ, въ нашихъ глазахъ храмъ Св. Петра не есть образцовое произведенiе архитектуры, несмотря на то, что онъ одно изъ самыхъ торжественныхъ доказательствъ могущества и твердой воли человѣка; конечно, онъ не можетъ не удивлять, но удивляетъ болѣе своими колоссальными размѣрами, не имѣющими ничего себѣ подобнаго, своимъ неслыханнымъ богатствомъ и неимовѣрными трудностями, которыя нужно было преодолѣть при сооруженiи его. Впрочемъ всякая хула замолкаетъ, и дурныя впечатлѣнiя разсѣеваются, какъ скоро предашься созерцанiю этого дивнаго купола, чуда науки и поэзiи, этого возвышеннаго творенiя, одинъ взглядъ на которое приводитъ уже въ смущенiе, и которое своею неизмѣримостью, согласнымъ блескомъ своихъ мозаикъ, изящностью своихъ очертанiй и удивительнымъ выполненiемъ раждаетъ въ душѣ тотъ несказанный восторгъ, который ощущаетъ она лишь при созерцанiи великихъ произведенiй природы [1]).»

Итакъ если вопросъ о достоинствахъ вкуса, преобладающаго въ украшенiяхъ, есть дѣло рѣшенное, то остается развѣ сказать о впечатлѣнiи, производимомъ роскошью матерiяльнаго исполненiя; она занимаетъ не послѣднее мѣсто въ такомъ искусствѣ, какова архитектура. Если мѣстами и большею частiю зритель находится подъ исключительнымъ ея влiянiемъ при видѣ стѣнъ, одѣтыхъ разноцвѣтными мраморами, мозаикъ, которыми покрыты паруса [2]) и самые коподы, то тѣмъ сильнѣе однакожь дѣйствуетъ на глазъ и здѣсь встрѣчающееся противорѣчiе въ бѣдной отдѣлкѣ средняго нефа, пилястры котораго и раздѣляющiя ихъ части стѣнъ остаются

[1]) Edifices de Rome moderne, dessinés et publiés par Latarouilly. Paris 1840. in-4° стр. 20.

[2]) Парусами (pendentifs) называются мысообразные концы паруснаго свода, служащiе основанiемъ куполу и по большей части украшаемыя изображенiями Евангелистовъ. Парусным сводомъ — полусферическiй сводъ, отъ котораго съ четырехъ сторонъ отдѣлены отвѣсными плоскостями четыре отрѣзка

подъ грубою клеевою окраскою и страшно дисгармонируютъ со всѣмъ остальнымъ. Не могу умолчать о пріятномъ впечатлѣніи, произведенномъ на меня мозаичными копіями съ первоклассныхъ произведеній живописи, которыя украшаютъ престолы всѣхъ придѣловъ. Смотря на нихъ, какъ-то чувствуешь монументальность, приличную храму, съ которымъ они составляютъ нѣчто цѣлое, тогда какъ живопись всегда принадлежитъ нѣкоторымъ образомъ сама себѣ, особенно если она на доскахъ или полотнѣ, а не на стѣнахъ. Мозаики въ парусахъ и куполахъ безспорно должны занять первое мѣсто между украшеніями храма Св. Петра даже и со стороны изящной; на нихъ только и можно успокоить глазъ, терзаемый повсюду рельефностію и многосложною пестротою архитектурныхъ украшеній. Вотъ элементъ того вкуса, который мы относимъ ко времени упадка въ искусствѣ, но который всегда и по справедливости будетъ занимать первенствующее мѣсто между другими родами украшеній, приличныхъ христіянскому храму.

Послѣ обычной дани наибольшему изъ храмовъ христіянскихъ и поклоненія религіозной святынѣ, въ немъ сохраняемой, но совершенно сокрытой отъ глазъ, мнѣ необходимо было впечатлѣніе Рима древняго, и я поспѣшилъ на Капитолій. Гора Капитолійская какъ бы составляетъ въ настоящее время границу, за которою Римъ древній свободно отдѣляется отъ Рима новаго, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ онъ имъ поглощенъ. На этой границѣ, у воротъ къ древнему Риму, достойно сторожитъ его священные остатки конная бронзовая статуя одного изъ его императоровъ, Марка Аврелія....

И я наконецъ наслаждался лицезрѣніемъ этихъ немногихъ, но величественныхъ остатковъ форума, позлащенныхъ временемъ; и передо мною царственно возвышался за ними Колизей, какимъ-то гигантомъ, котораго будто не въ силахъ было похоронить время и расхищеніе! Другая колоссальная груда развалинъ окружала Палатинъ, но она представляла видъ самый неопредѣленный: разрушеніе перешло уже за тотъ предѣлъ, когда въ зданіи, какъ въ обезображенныхъ частяхъ трупа, не только изчезаетъ всякая художественная форма, но уже нѣтъ и связи между массами; мало того, почти можно сказать, что нѣтъ уже болѣе выраженія какой-либо формы въ этихъ массахъ, все сгладилось съ поверхностію горы и покрылось растительностію. Только съ противоположной стороны горы, обращенной туда, гдѣ нѣкогда находился такъ называемый Великій Циркъ, Circus Maximus, видно еще доселѣ все величіе развалинъ,

живописно увѣнчанныхъ трельяжами плюща; много фантастическихъ образовъ рисуется глазу при видѣ этихъ грудъ кирпича, этихъ столбовъ и арокъ, но уже безсильно воображеніе человѣка возсоздать ихъ въ первобытномъ видѣ.

Совсѣмъ иначе представляется Колизей. Онъ еще въ состояніи перенести воображеніе почти за 18 столѣтій и представиться какъ бы живымъ колоссомъ; сто́итъ только удалиться въ улицу св. Іоанна Латеранскаго, — и очарованіе овладѣваетъ вполнѣ; перспектива, ограничиваемая шириною улицы, представляетъ глазамъ часть зданія, вполнѣ сохранившуюся, обрисовывая въ то же время очаровательный, не выражаемый ни однимъ архитектурнымъ чертежемъ, профиль его фаса́да. Нужно ли говорить, что воображеніе дополняетъ все то, что̀ закрывается съ лѣвой стороны домами улицы, — и въ этой забывчивости является нетерпѣливое желаніе поспѣшить къ ея началу, чтобы скорѣе обнять взоромъ всю эту громаду, эллиптическая линія которой, можно-сказать, такъ пріятно ласкаетъ и вмѣстѣ успокоиваетъ зрѣніе? И какое глубокое соображеніе и вмѣстѣ вѣрный разсчетъ на эффектъ можно видѣть, разсматривая въ натурѣ эти пропорціи и детали! Они равно хороши для всѣхъ разстояній; уже вблизи можно разгадать, какъ второстепенныя дѣленія и детали подчинены главнымъ; это еще болѣе подтверждается на извѣстномъ разстояніи: они исчезаютъ изъ виду, и черезъ это усиливаются общія массы, образуемыя главными дѣленіями; съ другой стороны эти послѣднія, хотя разочтены для большаго отдаленія, но тѣмъ не менѣе способствуютъ гармоніи цѣлаго и вблизи. — Для поддержанія частей зданія, подвергающихся разрушенію, въ настоящее время производятся довольно дѣятельныя работы.

Послѣ созерцанія этихъ краснорѣчивыхъ остатковъ римскаго форума, послѣ той очаровательной панорамы семихолмнаго Рима, которая представляется съ высоты капитолійской башни, хотѣлось мнѣ заглянуть въ тѣ немногія архитектурныя внутренности, которыя намъ оставилъ Римъ древній. Одинъ только Пантеонъ въ состояніи былъ удовлетворить этому желанію, но и тотъ лишенъ лучшихъ своихъ украшеній. Широко и привольно глазу подъ его величавымъ куполомъ, для котораго какъ будто строено все зданіе, которому здѣсь все принесено на жертву. Не нужно закидывать головы, чтобъ имъ любоваться, онъ всегда передъ глазами вашими. Этому храму, гдѣ, какъ говорятъ, соединено было поклоненіе всѣмъ божествамъ міра языческаго, — искавшаго, можетъ-быть, въ этомъ соединеніи различныхъ поклоненій, дополняющихъ взаимные

недостатки, одного совершеннѣйшаго, но не достигнутаго язычествомъ, вѣрованія,—не счастливо ли дана ему эта всесовершеннѣйшая, все увѣнчивающая архитектурная форма, которой первообразъ показанъ человѣку въ лазуревомъ сводѣ неба, видимо вѣнчающемъ роскошный храмъ вселенной?

Трудно послѣ Пантеона указать на зданіе, внутренность котораго своими стройными и грандіозными размѣрами переселяла бы воображеніе также легко въ цвѣтущую эпоху античнаго искусства — не для археолога, создающаго для себя свой Римъ на основаніи изысканій, но для человѣка, съ жадностію домогающагося случая подчиниться вліянію счастливаго впечатлѣнія,—чтобы насладиться имъ на мѣстѣ и вынести его съ собою.

Если въ неудачныхъ произведеніяхъ нашего времени внѣшняя блестящая оболочка не въ состояніи бываетъ уничтожить несчастное впечатлѣніе дисграціознаго цѣлаго, то и наоборотъ счастливые общіе размѣры въ цѣломъ, грандіозность, проглядываютъ иногда въ древнихъ зданіяхъ и послѣ всѣхъ позднѣйшихъ передѣлокъ и измѣненій. Истина эта подтверждается тѣмъ впечатлѣніемъ, которое производитъ внутренность бывшей пинакотеки [1]) термъ Діоклетіана, обращенная, по совѣту Микель-Анджело, папою Піемъ IV-мъ въ церковь Santa Maria degli Angeli, — хотя изо всего того, что̀ усматривается въ этой внутренности, одинъ только гранитъ колоннъ, приставленныхъ къ стѣнамъ и поддерживающихъ стрѣльчатый сводъ[2]), украшалъ древнюю пинакотеку, все же прочее приняло позднѣйшую оболочку. Древніе мраморные капители замѣнены новыми гипсовыми; Микель-Анджело нашелся вынужденнымъ значительно поднять помостъ, и потому древнія базы колоннъ и мозаичный полъ остались въ землѣ, а къ стержнямъ колоннъ придѣланы новыя гипсовыя базы. Украшенія стѣнъ и сводовъ также всѣ изъ времени Микель-Анджело и нисколько не соотвѣтствуютъ грандіознымъ остаткамъ древняго міра. Что̀ же остается отъ него, какъ не одна только общая форма стѣнъ, сводовъ и оконъ, — и однакожь зритель неволь-

[1]) Пинакотека у Грековъ и Римлянъ почти то же, что у насъ картинная галлерея.

[2]) Стрѣльчатымъ сводомъ называются два коробовые свода, взаимно пересѣкающіеся. Вдоль залы пинакотеки идетъ такъ-называемый коробовой сводъ (полуциркульный, то-есть дугообразное продолженіе вверхъ двухъ параллельныхъ продольныхъ стѣнъ); этотъ продольный коробовой сводъ пересѣкается такими же поперечными сводами, перекрывающими пространство между каждыми двумя колоннами. Изъ этихъ-то пересѣченій образуется упомянутый въ текстѣ стрѣльчатый сводъ.

не поражается удивленіемъ при видѣ этихъ счастливыхъ пропорцій, которымъ, безъ сомнѣнія, много еще повредило возвышеніе пола. Фасадъ этого главнаго зданія термъ сохранился въ такой степени, что служитъ почти единственнымъ матеріяломъ для реставрацій и прочихъ термъ. Я говорю о боковомъ фасадѣ возвышающейся средины зданія, составлявшей собственно пинакотеку. Много интереснаго и вмѣстѣ грандіознаго въ этомъ боковомъ фасадѣ, гдѣ выходитъ рядъ огромныхъ оконъ съ дугообразною вершиной, соотвѣтствующихъ расположенію внутреннихъ поперечныхъ сводовъ и надъ каждымъ изъ нихъ стѣна возвышается на подобіе фронтона.

О другихъ термахъ еще труднѣе составить себѣ понятіе, сколько-нибудь опредѣленное, по уцѣлѣвшимъ развалинамъ; отъ великолѣпныхъ термъ Каракаллы, въ высшей степени интересныхъ по своему плану, не уцѣлѣло ни колоннъ, ни украшеній стѣнныхъ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ зданія видны еще остатки сохранившейся подъ слоемъ земли половой мозаики, собственно такъ называемой римской, изъ мелкихъ кусочковъ мрамора двухъ цвѣтовъ, бѣлаго и чернаго, набранныхъ по рисункамъ довольно односложнымъ. Поверхность половъ утратила свою горизонтальность отъ осадки грунта. Замѣчательно, что въ одной изъ залъ одинъ слой мозаики настланъ сверхъ другаго, какъ можно заключить, для исправленія неровности перваго, при чемъ измѣненъ и самый рисунокъ.

Вообще развалины термъ Каракаллы, считающіяся самыми огромными въ Римѣ по поверхности мѣста, ими занимаемаго, представляютъ въ настоящее время нестройную, обезображенную массу кирпичныхъ сооруженій, въ которыхъ кое-гдѣ уцѣлѣли еще своды, видны ниши и впадины, но все это утратило первобытную блестящую свою оболочку и частію совершенно разрушилось, до того что только при безпрестанныхъ справкахъ съ планомъ разгадывается ихъ расположеніе.

Нѣчто совершенно иное представляютъ на взглядъ термы Тита, построенныя на развалинахъ Золотаго дворца Неронова. Хотя по тѣмъ немногимъ частямъ, которыя находятся внѣ земли и состоятъ большею частію изъ весьма высокихъ и длинныхъ корридоровъ, перекрытыхъ коробовыми сводами, почти невозможно реставрировать ихъ плана, за то уцѣлѣвшая расписка сводовъ даетъ весьма опредѣленную идею о вкусѣ украшеній и состояніи искусства того времени. Здѣсь встрѣчается особенность, на которую нельзя не обратить вниманія, это — мелкость и нѣжность живописныхъ орнаментовъ, хотя, по значительной высотѣ комнатъ, они довольно

удалены отъ глаза. Тѣмъ замѣчательнѣе дѣлается эта особенность, касающаяся собственно внутренности, что во всемъ, относящемся къ фасадамъ, разсчетъ на частный эффектъ каждаго украшенія въ отдѣльности привелъ въ послѣдствіи къ тому, что стали исполнять всѣ скульптурные орнаменты съ необыкновенною рѣзкостію, сила тѣней достигалась съ помощію искусственныхъ углубленій въ фонѣ и т. п. Въ отрытой части дворца Неронова показываютъ атріумъ, посреди котораго стояла колоссальная порфировая чаша, перенесенная въ Ватиканскій музей. Нельзя не изумиться при видѣ этой громады, выдѣланной изъ самаго прочнаго матеріяла, представляющаго едва побѣдимую трудность въ обработкѣ, матеріяла, на который ни время, ни климатъ не имѣютъ рѣшительно никакого вліянія. Много кромѣ того сокровищъ искусства античнаго уже найдено въ этихъ развалинахъ, и при всемъ томъ въ настоящее время это едва ли не самое интересное мѣсто для дальнѣйшихъ разрытій, такъ какъ большая часть зданія дворца Неронова, служившаго основаніемъ термамъ Тита, находится и донынѣ подъ землею. На этотъ конецъ имѣютъ въ виду дѣлать новые раскопы.

Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ, что еще въ древнемъ Римѣ въ его цвѣтущую эпоху одно разрушенное зданіе служило основаніемъ для другаго, одно застраивалось другимъ. Итакъ, безконечное перерожденіе, обновленіе въ формахъ было какъ бы завѣтною участью вѣчнаго города. Недостатокъ мѣста заставлялъ цезарей скупать дома дорогою цѣною у частныхъ людей для своихъ форумовъ; протекли вѣка, — и остатки этихъ великолѣпныхъ форумовъ загромождены опять домами новаго поколѣнія гражданъ. Время взяло свое: новый Римъ какъ будто выросъ изъ земли на томъ же мѣстѣ и поглотилъ собою остатки древняго Рима. Ни въ одномъ городѣ это соединеніе двухъ противоположныхъ элементовъ не представляется столь разительнымъ. Вы видите улицу съ дугообразнымъ направленіемъ, и узнаете, что въ составъ ея вошли стѣны какого-нибудь амфитеатра. Многія уцѣлѣвшія стѣны древнихъ зданій совершенно поглощены новыми; такъ, искавши мавзолей Августа, обращенный въ настоящее время въ циркъ Корсо, гдѣ теперешній Римскій народъ смотритъ на маленькіе фейерверки, fuochetti, — я не могъ подойдти къ нему ни съ одной стороны. Другія античныя зданія какъ бы проглядываютъ сквозь новѣйшія застройки. Напримѣръ превосходный остатокъ наружной стѣны Марцеллова театра служитъ отчасти фасадомъ одного весьма обыкновеннаго дома.

Неистощимый запасъ многосторонняго интереса заключаетъ въ

себѣ эта колоссальная гробница давно-минувшихъ столѣтій, и невольно должно сознаться, что для изученія всѣхъ сторонъ ея необходимо нужны цѣлые годы, а можетъ-быть и весь вѣкъ человѣческій. Наблюдая его съ одной только стороны художественной, я однакожь нѣкоторымъ образомъ считаю себя въ правѣ между прочимъ обратить вниманіе другихъ и на нѣкоторыя особенности, которыя, выходя изъ общей сферы усвоеннаго нами понятія о древнихъ памятникахъ, открываютъ собою частичку непроницаемой завѣсы, лежащей на всемъ, до насъ не дошедшемъ. Эти особенности архитектуры должны быть тѣмъ интереснѣе въ нашъ вѣкъ, бизсильный создавать новыя архитектурныя идеи, что мы имѣемъ передъ глазами примѣры, какъ нѣсколькимъ мало извѣстнымъ мотивамъ греческой архитектуры геніяльный Шинкель умѣлъ дать самое блестящее развитіе въ своихъ проектахъ.

Изъ зданій, на которыя хочу я между прочимъ указать, одно извѣстно подъ названіемъ дома Пилатова, другое—храмъ Бахуса.

Храмъ Бахуса за воротами Св. Себастіана представляетъ замѣчательный образецъ соединенія двухъ матеріяловъ—мрамора и кирпича, непосредственно входящихъ въ составъ его наружныхъ украшеній; кромѣ того здѣсь видно значительное отступленіе отъ общепринятой формы греческаго храма, усвоенной съ нѣкоторыми измѣненіями Римлянами, — и отступленіе это тѣмъ еще интереснѣе, что оно произошло вслѣдствіе перемѣны конструкціоннаго способа и матеріяловъ. Внутренность храма перекрыта коробовымъ сводомъ изъ полнаго центра, и вслѣдствіе этого на фасадѣ храма, на высотѣ, соотвѣтствующей своду,— надъ мраморнымъ архитравомъ, поддерживаемымъ перистилемъ изъ четырехъ коринѳскихъ колоннъ и обходящимъ вокругъ по стѣнамъ всего зданія, — вмѣсто обыкновеннаго фриза видна продолженная кирпичная стѣна, оканчивающаяся роскошнымъ карнизомъ изъ кирпича съ модильйонами, соотвѣтствующими ордену.

Домъ Пилатовъ есть въ своемъ родѣ нѣчто весьма оригинальное, какъ по общему сочиненію фасада, такъ и по знаменательности нѣкоторыхъ деталей, которыми строитель желалъ ясно проявить идею самой конструкціи зданія. Народное повѣрье, придавшее этому зданію названіе дома Пилатова, имѣетъ весьма мало вѣроятія уже потому, что стиль скульптурныхъ орнаментовъ видимо принадлежитъ къ самой поздней эпохѣ искусства; фасадъ представляетъ во второмъ этажѣ галлерею, состоящую изъ ряда очень частыхъ оконъ съ полуциркульными арками, свѣшивающуюся спереди и съ одного уцѣ-

лѣвшаго бока (остальные рузрушены) на каменныхъ трагштейнахъ (или какъ у насъ обыкновенно ошибочно говорятъ кронштейнахъ), детали которыхъ испещрены скульптурными порѣзками. Надъ трагштейнами сведены плоскія дугообразныя перемычки, служащія опорою стѣнамъ галлереи. Нижній этажъ состоитъ изъ ряда кирпичныхъ колоннъ, какъ бы задѣланныхъ въ послѣдствіи стѣною и представляющихъ довольно безобразную массу, которая мало вяжется съ остальнымъ. На боковомъ фасадѣ видно заложенное древнее отверстіе, плоская перемычка котораго, какъ бы для бо́льшаго обозначенія своего конструкціоннаго смысла, заключена въ рамку, состоящую изъ карнизной части. Очевидно, что нельзя допустить такого употребленія формы безъ вліянія мысли. Вообще вся постройка представляетъ взору совершенно незнакомую ему архитектуру, хотя, къ сожалѣнію, нельзя сдѣлать заключенія о полнотѣ цѣлаго, потому что не сохранилось продолженія главной стѣны надъ выступающею галлереею.

II.

Неаполь 19-го февраля ст. ст.

Въ первомъ письмѣ изъ Рима я остановился на впечатлѣніяхъ, произведенныхъ на меня его древними величавыми остатками времени языческаго; мнѣ оставалось вслѣдъ за тѣмъ перейдти къ общему очерку дошедшихъ до насъ остатковъ древняго Рима христіянскаго и заключить характеристикой памятниковъ цвѣтущаго вѣка возрожденія. Но обстоятельства измѣняютъ мою систему. Для сбереженія малаго количества времени, которымъ вообще не богато мое путешествіе, я поспѣшилъ поѣздкою въ Неаполь, съ тѣмъ однакоже, чтобы на возвратномъ пути посвятить еще недѣлю Риму собственно для обозрѣнія его окрестностей и нѣкоторыхъ болѣе отдаленныхъ памятниковъ, которыхъ еще не видалъ. И такъ, чтобы полнѣе и безошибочнѣе передать вамъ результатъ моего обозрѣнія христіянскихъ памятниковъ Рима, я откладываю сообщеніе о томъ до возвра-

щенія моего въ Римъ; теперь же, при разсмотрѣніи остатковъ Помпеи и Геркуланума, опять обращусь къ міру античному и буду стараться правдиво передать впечатлѣніе дѣйствительности, какъ она представилась моему глазу, конечно уже прежде знакомому со всѣмъ тѣмъ, что теперь удалось видѣть.

Два дня и одну ночь употребилъ я на переѣздъ изъ Рима въ Неаполь; не могу къ сожалѣнію дать удовлетворительнаго отчета о красотахъ природы, встрѣчаемыхъ на этомъ пути, потому что весь первый день лилъ проливной дождь, а среднюю часть пути я проѣзжалъ ночью. Изъ Капуи отправился я по желѣзной дорогѣ, чтобы до захожденія солнца увидать Неаполь, но выгадалъ весьма немного времени: частыя станціи замедляютъ поѣздъ, притомъ же желѣзная дорога отъ Капуи до Неаполя описываетъ дугу, тогда какъ шоссе идетъ прямо. Солнце отрадно свѣтило на небѣ, и южная природа уже видимо оживала подъ его лучами; по несчастью сильнѣйшая головная боль отнимала у меня всякую возможность любоваться окрестностью. Нельзя однакоже было не обратить вниманія на красивую общимъ видомъ Казерту съ огромнымъ полуциркульнымъ зданіемъ дворца. Но что можетъ сравниться съ видомъ Везувія, который такъ величественно рисовался на свѣтломъ небосклонѣ съ дымящеюся своею вершиною? Когда я былъ въ городѣ, стало уже смеркаться; слѣдующіе за тѣмъ два дня лилъ безъ милосердія дождь, — и оставалось удовлетворяться посѣщеніемъ Бурбонскаго музея.

Кому не знакомо это драгоцѣнное собраніе сокровищъ, дошедшихъ до насъ черезъ разысканія въ Помпеи и Геркуланумѣ? Оставляя въ сторонѣ интересъ археологическій и вообще интересъ науки, знакомящей насъ съ мельчайшими подробностями домашняго быта древнихъ, нельзя не подчиниться вліянію высокой художественности, преобладающей въ формахъ этихъ домашнихъ утварей и принадлежностей вседневной жизни. Если въ архитектурныхъ памятникахъ Помпеи и Геркуланума мы иногда видимъ, что форма уже измѣняетъ законамъ изящнаго, то здѣсь очевидно, что она была принята и усвоена изъ другаго, лучшаго времени. Другая сторона, удовлетворяющая любознательности, собственно техническая, также не менѣе интересна. Кто не слыхалъ о помпейскомъ самоварѣ? И дѣйствительно, онъ не только заслуживаетъ вниманіе, но намъ, Русскимъ, нельзя на него смотрѣть безъ особаго сердечнаго сочувствія, неразлучнаго съ воспоминаніемъ о родимой сторонушкѣ, изобильной самоварами, отъ которыхъ валитъ паръ столбомъ, и лиственный настой навод-

няетъ желудки земляковъ. Все видимое усовершенствованіе самовара XIX столѣтія противъ самовара, который уцѣлѣлъ отъ I вѣка, состоитъ въ томъ, что труба въ нижней части дѣлается шире, чѣмъ въ верхней, и потомъ, что она выводится наружу, тогда какъ въ помпейскомъ самоварѣ она оканчивается наравнѣ съ вмѣстилищемъ для воды и не имѣетъ зольника. Очевидно, что усиленіе тяги воздуха по мѣрѣ возвышенія трубы было древнимъ незнакомо. Впрочемъ нельзя не подивиться и тому, что и въ наше время, при повсемѣстномъ, довольно распространенномъ употребленіи чая, этимъ несравненнымъ удобствомъ самовара пользуемся едва ли не мы одни Русскіе, потому что кипяченіе воды на спирту въ чайникѣ, употребляемое въ Германіи и Франціи, ровно никуда не годится. Смотря на другіе приборы, употребляемые для походной кухни, убѣждаемся, что самоваръ былъ наибольшею степенью прогресса; все прочее представляетъ совершенное невѣдѣніе законовъ теплотвора, терпящаго видимую потерю при употребленіи этихъ снарядовъ. Кухонные приборы также убѣждаютъ насъ и въ томъ, что Помпейцамъ не чужды были заливныя, кремъ и желе, или что-нибудь да въ этомъ родѣ. Что̀ касается до ихъ лампочекъ (доселѣ употребляемыхъ во всемъ Римѣ), то, несмотря на многія ихъ неудобства, онѣ такъ увлекательны своею формою, что я готовъ предпочесть ихъ всѣмъ нашимъ карселямъ, солнечнымъ и экономическимъ лампамъ, составляющимъ предметъ украшенія гостиныхъ и кабинетовъ.

Не могу умолчать о странномъ распоряженіи начальства музея, сдѣлавшемъ уже около 8 мѣсяцевъ совершенно недоступною ту комнату, гдѣ находится знаменитая статуя Венеры Каллипиги, одно изъ знаменитыхъ сокровищъ музея. Дверь комнаты, какъ мнѣ сказали, не открывается ни для кого, и любопытство путешественника можетъ только частію удовлетворяться замочною скважиной, прямо противъ которой стоитъ Венера, обращенная притомъ къ зрителю лучшею своею стороною.

Погода наконецъ къ намъ умилостивилась, и первую загородную поѣздку я посвятилъ Геркулануму. Немного, весьма немного отрыто изъ города, залитаго лавою, и еще менѣе осталось на мѣстѣ, чтобы характеризовать архитектурный его вкусъ. Кому извѣстно устройство древнихъ театровъ, театръ Геркуланума не представитъ ни лучшаго, ни полнѣйшаго образца, потому что въ обнаруженныхъ частяхъ онъ лишенъ почти всѣхъ своихъ украшеній; одно, что̀ довольно хорошо сохранилось, и что̀ даетъ нѣкоторое наглядное по-

нятіе о вкусѣ и степени искусства, это — входная арка, боковыя стѣнки которой покрыты подобіемъ канелюръ [1]); продолженная въ толщину арки мраморная капитель, украшенная листьями, замѣняетъ импосту. Съ наружнаго фаса по сторонамъ ея сохранились пилястры также съ канелюрами; они покрыты желтою, а боковыя стороны арки красною глянцовою восковою краскою. Часть города, находившаяся подъ пепломъ и совершенно обнаруженная, не представляетъ никакихъ видимыхъ особенностей противъ Помпеи.

Слѣдующій за тѣмъ день послѣ полудня посвятилъ я Везувію. Можно ли было не отдать должной дани удивленія этому какъ бы одушевленному исполину изъ царства природы неорганической, который дышетъ пламенемъ и опустошеніемъ? По желѣзвой дорогѣ отправился я въ Портичи, оттуда пошелъ въ Резину, гдѣ взялъ верховую лошадь съ проводникомъ, и пустился по направленію къ горѣ. Нѣтъ никакихъ средствъ пріучить свой глазъ опредѣлять разстоянія въ мѣстахъ гористыхъ. Изъ Портичи Везувій кажется ближе, чѣмъ наши московскія Воробьевы горы съ половины Дѣвичьяго поля. Я не хотѣлъ вѣрить ни книгѣ, которая у меня лежала въ карманѣ, ни словамъ проводника; что для этой эксурсіи нужно было по крайней мѣрѣ шесть часовъ времени, и вотъ пришлось повѣрить это на дѣлѣ. Сначала по тѣснымъ переулкамъ, потомъ между каменныхъ стѣнокъ, раздѣляющихъ виноградные сады, взбирались мы на покатость горы, довольно еще отлогую, частію по испорченной и разломанной мостовой, частію по отвердѣвшему волнообразному потоку лавы; наконецъ сады и загородки кончились, и глазамъ представилась вправо ужасающая пустыня, покрытая ноздреватою окалиною, составляющею верхнюю кору опустошительнаго потока. Такимъ образомъ добрались мы до такъ называемаго эрмитажа — жилища отшельниковъ; вблизи его находится метеорологическая обсерваторія, террасы которой весьма красиво обложены ноздреватою окалиною. Здѣсь дорога сдѣлалась еще затруднительнѣе, и наконецъ, у подошвы самой горы, нужно было оставить лошадь и взбираться пѣшкомъ. И тутъ снова глазъ обманывается разстояніемъ. Казалось, что вершина горы была уже не далеко, но чтобы ея достигнуть, нужно было еще употребить цѣлый часъ времени. Нельзя себѣ вообразить что-либо труднѣе и утомительнѣе этого пути: сначала нужно было взбираться по сыпучему вулканическому песку, назы-

[1]) Канелюрами или ложками называются жолобообразныя бороздки, идущія снизу вверхъ по стержнямъ колоннъ и пилястровъ.

ваемому обыкновенно пепломъ, потомъ кое-какъ карабкаться по лавѣ, что было нѣсколько сноснѣе, но пути этому не предвидѣлось конца; туманное покрывало облаковъ легло непроницаемою завѣсой на все окружающее насъ. Силы мои истощились, и бодрость духа исчезла; неутомимый проводникъ, которому, казалось, было ни почемъ это странствіе, потому что онъ при началѣ пути подгонялъ мою лошадь, самъ поспѣвая бѣжать за нею, теперь перекинулъ черезъ свое плечо ремень и, давъ мнѣ его въ руку, тащилъ меня отчасти такимъ образомъ на гору. Снова показалась наконецъ лазурь небеснаго свода, а вмѣстѣ съ тѣмъ окружавшія насъ облака были уже подъ ногами; черезъ нѣсколько времени вершина горы была достигнута. И вотъ оно — это неизъяснимое ощущеніе, которое овладѣваетъ человѣкомъ, когда онъ кажется изолированнымъ отъ цѣлой природы посреди безмолвнаго воздушнаго пространства и небольшой поверхности вершины горы, покрытой вулканическими изверженіями и дымящейся подъ его ногами! Здѣсь все чуждо живучей натуры человѣка; онъ не видитъ цѣпи, которая бы связывала его съ остальнымъ твореніемъ. Внизу плаваютъ облака, какъ бы довершая эту картину смѣшенія стихій, бывшаго при началѣ міроздданія. Тамъ, гдѣ они разбѣгаются, является взору яркая синева дали, иногда позлащенной лучами солнца, но земные предметы представляютъ не простую панораму отдаленнаго вида, — нѣтъ, это уже какъ будто что-то чуждое, едва доступное невооруженному глазу, это скорѣе — панорама земли съ аэростата, нѣчто въ родѣ географической карты, которую, по мелкости масштаба, едва можно разбирать. Море представлялось чѣмъ-то безпредѣльнымъ, сливаясь съ воздушнымъ пространствомъ, и у подошвы горы какъ будто была грань видимаго земнаго творенія. — Горячій воздухъ, проникнутый сѣрнымъ запахомъ, обвѣвалъ меня у отверстія большаго кратера, образовавшагося во время изверженія 1848 года. На самой поверхности горы сквозь множество маленькихъ продушинъ струился дымокъ, и лава подъ ногами нашими была такъ горяча, что можно испечь яйцо, — каковой опытъ Англичане и дѣлаютъ, какъ увѣрялъ мой чичероне. Обратное путешествіе совершается иначе; можно сказать, что мы не сошли съ горы, а скатились, употребивъ на то не болѣе 5 или 8 минутъ времени, скатились прямою дорогой по вулканическому песку, который, осыпаясь, способствуетъ скорости шаговъ, такъ что едва успѣваешь поднимать ноги. При ночномъ сумракѣ пространство, залитое лавою, еще мрачнѣе и безотраднѣе; мнѣ чудилось, что я странствую по

лунѣ, которая должна представлять что-нибудь весьма похожее на то, что̀ у меня находилось передъ глазами. Проѣхавши жилище эремитовъ, проводникъ предложилъ мнѣ другую дорогу, употребляемую экипажами; она нѣсколько продолжительнѣе, за то несравненно удобнѣе. Въ то время какъ я съѣзжалъ по спускамъ, расположеннымъ зигзагами, проводникъ мой пересѣкалъ ихъ по прямому направленію. Такимъ образомъ возвратились мы въ Резину уже ночью.

На слѣдующій день я предпринялъ разомъ довольно многосложную и отдаленную экскурсію, которую началъ съ обозрѣнія Помпеи. Станція желѣзной дороги, доведенной по этому направленію до Ночеры, находится саженяхъ въ 30-ти отъ стѣнъ древняго города. Прошедши небольшую улицу, я былъ уже на форумѣ. Что̀ сказать объ общемъ впечатлѣніи Помпеи? Кто посвятилъ себя изученію искусства, кому коротко знакомы фоліанты Мазуа и Цана, и кто въ каждой детали и каждомъ орнаментѣ найдетъ своихъ старинныхъ знакомыхъ, тому интересно повѣрить это собственными глазами, — интересно, но не болѣе, потому что самый оригиналъ въ томъ видѣ, какъ онъ теперь, не раскроетъ глазамъ его болѣе и даже едва ли покажетъ все то, что̀ успѣли вмѣстить въ себѣ книги. Способъ архитектурнаго исполненія всѣхъ помпейскихъ построекъ такой бѣдный и непрочный, что при всѣхъ мѣрахъ къ сохраненію того, что̀ отрыто, чрезъ столѣтіе конечно не останется и половины. Вотъ почему добросовѣстныя изданія архитектурныхъ памятниковъ Помпеи неоцѣненны для потомства. По той же самой причинѣ, понятія, составленныя по рисункамъ, едвали не пространнѣе и богаче того, что̀ усматривается въ самомъ оригиналѣ.

Вотъ почему всѣ отзывы, какіе мнѣ случалось слышать отъ людей, хотя и не посвященныхъ въ тайны искусства, но добросовѣстныхъ, были весьма невыгодны для Помпеи. Обошедши по возможности всю отрытую часть города и повѣривши въ натурѣ прежде усвоенныя себѣ о немъ понятія, я могу сказать, что улица Гробницъ есть въ натурѣ едва ли не самое интереснѣйшее, даже и по исполненію; здѣсь почти все изъ мрамора, и это было причиною, что улица Гробницъ сохранилась лучше другихъ. Много испорченъ городъ еще въ древности реставраціею послѣ перваго разрушенія, произведеннаго землетрясеніемъ; всѣ эти поправки и передѣлки колоннъ изъ одного ордена въ другой дѣлались штукатуркою и носятъ на себѣ печать видимаго упадка искусства.

Отобѣдавъ въ тратторіи Діомеда, названной въ честь помпей-

скаго гражданина, и подкрѣпивъ себя стаканомъ лакрима-кристи, я отправился съ первымъ поѣздомъ въ Ночеру, а оттуда въ омнибусѣ въ Салерно. На слѣдующее утро я посѣтилъ базилику Св. Евангелиста Матѳея и противъ чаянія нашелъ въ ней много интереснаго: пространный четырехъ-угольный дворъ, окруженный византійскими аркадами на античныхъ колоннахъ, предшествуетъ входу въ базилику; къ нему примыкаетъ древняя колокольня въ византійскомъ вкусѣ. Къ сожалѣнію, на аркадахъ надстроенъ въ позднѣйшее время съ трехъ сторонъ второй этажъ; но, при всемъ томъ, дворъ этотъ даетъ лучшее понятіе о своемъ назначеніи—уединять отъ всего мірскаго, чтобы приготовить къ молитвѣ, нежели тѣ дворы, которые мнѣ случилось видѣть въ базиликахъ римскихъ. Внутренность базилики, равно и крипты или подземельной части ея, гдѣ подъ престоломъ почиваютъ мощи Евангелиста, къ сожалѣнію не сохранила своего первобытнаго вида и носитъ печать позднѣйшей передѣлки. Все, что осталось отъ древнихъ ея украшеній на стѣнахъ, — это мозаика въ нишѣ, находящейся въ задней стѣнѣ храма противъ праваго продольнаго нефа. Она представляетъ вверху колоссальную фигуру Спасителя во весь ростъ съ крыльями ангела, — ниже рядъ святыхъ, въ срединѣ которыхъ Евангелистъ Матѳей. Фигура Спасителя замѣчательна по своему достоинству, и въ особенности по выраженію лика и очерку цѣлой фигуры, и превосходитъ далеко всѣ мозаики римскихъ базиликъ, а потому заслуживаетъ особенное вниманіе особъ, занимающихся иконографіею первыхъ вѣковъ христіянства. Кромѣ того невольно останавливаютъ вниманіе древній большой амвонъ для пѣнія, архіерейское сѣдалище и пасхальный свѣщникъ: они украшены богатою мозаикой съ золотомъ, инкрустированною въ бѣломъ мраморѣ и извѣстною подъ названіемъ opus Alexandrinum. Возвышенный амвонъ, служащій въ настоящее время для помѣщенія мѣховъ органа, поддерживается гранитными колоннами.

Поѣздка изъ Салерно въ Пестумъ требовала цѣлаго дня, а такъ какъ на слѣдующій вечеръ мнѣ слѣдовало уже быть въ Неаполѣ, то я предпочелъ возвратиться чрезъ Амальфи. Притомъ, смотря на памятники древности не испытующимъ взглядомъ археолога, но любящимъ окомъ художника, и разумѣя въ архитектурѣ греческой, какою является она въ цвѣтущее время своего развитія, всесовершеннѣйшую красавицу, исполненную граціи и нѣжности формъ, я убоялся того впечатлѣнія подавляющей массивности, которое должны оставлять храмы Пестума, хотя и извѣстны мнѣ нѣкоторые цѣнители, или собственно грамотѣи искусства, которые не только

признаютъ за достоинство такую массивность, но ею именно и восхищаются.

Въ Амальфи отправился я моремъ на большой лодкѣ. Когда мы сдѣлали большую часть пути, около неприступныхъ скалистыхъ береговъ сталъ подниматься вѣтеръ, и морская волна начала побрасывать насъ какъ ничтожную свою игрушку. Нисколько не будучи обязанъ быть свидѣтелемъ всѣхъ усилій, какія дѣлали гребущіе противъ своенравной стихіи, я предпочелъ выйдти на берегъ въ ближайшемъ селеніи и сдѣлать остальную часть пути пѣшкомъ. Море—вообще элементъ враждебный моимъ началамъ, для которыхъ нужно незыблемое основаніе. Я шелъ вдоль морскаго берега, по дорогѣ, огороженной каменною стѣнкой; меня окружали сады лимоновъ и померанцевъ и самая живописная и вмѣстѣ населенная мѣстность. Жилища поселянъ носили на себѣ печать южнаго характера; здѣсь болѣе нежели гдѣ нибудь архитектура есть собственное произведеніе климата. Стѣны изъ бѣлаго камня не имѣютъ никакого карниза и оканчиваются террасою, изъ-за которой выглядываетъ форма свода, покрывающаго внутренность, и безъ котораго въ лѣтній зной не было бы пріюта; терраса и сводъ залиты сверху цементомъ. Въ селеніи Миноръ обратила на себя мое вниманіе наружность церкви; въ ней нѣтъ ничего собственно стильнаго, но въ ней случайно выразился первообразъ формы, усвоенной стилемъ византійскимъ, перешедшимъ въ наши древнія церкви. Коробовые своды, перекрывающіе ея боковыя капеллы, расположенныя вдоль средней части по обѣимъ сторонамъ, выходятъ наружу; они не маскированы никакою крышею, а сами составляютъ крышу зданія; это производитъ на боковыхъ фасадахъ наши такъ называемые кокошники, по крайней мѣрѣ если не точное ихъ повтореніе, то видимый и несомнѣнный ихъ первообразъ. Итакъ, вотъ подъ какимъ небомъ родилась форма, которую мы себѣ усвоили, хотя, и при тщательной желѣзной покрышкѣ, намъ трудно бываетъ съ нею ладить.

Я достигъ Амальфи, когда уже смерклось, въ сопровожденіи цѣлой свиты провожатыхъ, отъ которыхъ въ Италіи нѣтъ никакой возможности отдѣлаться, потому что они навязываются съ своими услугами и пристаютъ къ иностранцу волею и неволею, надѣясь взять деньги за мнимый трудъ. Итальянское far niente хочетъ также кушать, а такъ какъ бродить отъ одного мѣста до другаго легче всякой работы, то чуть ли не половина итальянской націи превратилась въ чичероне, и едва ли здѣсь это бездѣлье не болѣе вознаграждается, нежели настоящій трудъ. Переночевавъ въ весьма

опрятной гостинницѣ капуциновъ, я на слѣдующее утро осмотрѣлъ соборъ, гдѣ подъ престоломъ крипты почиваютъ мощи патрона нашего отечества Св. Апостола Андрея Первозваннаго. Сквозь отверстіе, загороженное рѣшетками на передней и задней сторонѣ престола, видна мраморная плита, покрывающая гробницу, и на ней теплится лампада. Крипта, равно какъ и внутренность бизилики, не сохранила уже древней отдѣлки. Въ фасадѣ базилики много живописнаго; въ особенности хороша колокольня и аркады передняго портика. Но вообще стиль архитектуры, въ составъ котораго вошли оживы [1]), мнѣ весьма не по душѣ; тутъ много уже натянутаго и мало естественности, — это такъ называемый нормано-византійскій стиль. По осмотрѣ собора я отправился въ Равеллу, одну изъ окрестностей Амальфи, замѣчательную развалинами сарацинскихъ построекъ. Такъ какъ Амальфи расположено въ ущельи между крутыхъ и неприступныхъ горъ, то въ какую бы то сторону ни идти, все неизбѣжно взбираться на гору, что̀ довольно утомительно. Отъ огромнаго дворца Руфало осталось нѣсколько отдѣльныхъ частей, обезображенныхъ позднѣйшими пристройками и весьма плохо сохранившихся. Въ церкви Пантелеймона сохранились изъ древностей одна каѳедра, архіерейское сѣдалище и бронзовыя двери. Замѣчателенъ фасадъ церкви Св. Іоанна своимъ тройственнымъ византійскимъ алтаремъ; такія особенности нужно бы рисовать, но ограниченное мое время не позволяло мнѣ, къ несчастію, этого дѣлать. Забравшись въ такое неприступное отовсюду мѣсто, какъ Амальфи, нужно было подумать, какъ оттуда выбраться, чтобы къ вечеру попасть въ Неаполь. Мнѣ предложили отправиться чрезъ Кастелламаре, куда доведена изъ Неаполя желѣзная дорога, а до Кастелламаре не было другаго пути, какъ черезъ гору Св. Ангела. Небо съ утра было совершенно безоблачно, и я ласкалъ себя надеждою, что съ горы Св. Ангела буду наслаждаться подобною же панорамою, какъ съ Везувія. Изъ ближайшей деревни привели мнѣ осла съ проводникомъ, и за часъ до полудня я пустился въ путь; почти не удаляясь отъ Амальфи, поднимались мы все выше и выше по горнымъ тропинкамъ, расположеннымъ зигзагами, наконецъ перебрались черезъ вершину ближайшихъ къ Амальфи горъ, и физіономія мѣстности перемѣнилась; почва была изъ слоя чернозема вмѣсто каменистой и покрыта деревьями, лишенными листьевъ. Здѣсь была уже совершенно другая температура воздуха, даже не зеле-

[1]) Оживы—арки, составленныя изъ дугъ, сходящихся въ вершинѣ угломъ.

нѣла трава; однѣ только распространяющія благовоніе фіалки и ранніе крокусы возвѣщали близость весны. По несчастію, насъ окружили облака, и нельзя было любоваться панорамою; впрочемъ она не можетъ имѣть ничего общаго съ тѣмъ, что̀ представляется съ Везувія. Путешествіе это, продолжавшееся ровно 5 часовъ, имѣло много утомительнаго, потому что почти безпрестанно нужно было слѣзать и идти пѣшкомъ за невозможностію проѣхать даже и на ослѣ; съѣзжать съ горъ было еще труднѣе, чѣмъ взбираться. Наконецъ въ 4 часа мы достигли Кастелламаре, и съ первымъ поѣздомъ я возвратился въ Неаполь.

Изъ Неаполя я ѣздилъ еще въ Бари, мѣсто почиванія мощей Св. Николая Чудотворца. Объ этой поѣздкѣ не пишу къ вамъ, потому что уже писалъ о ней къ г-ну редактору Московскихъ Вѣдомостей [1]).

Возвратясь изъ Бари, я пробылъ еще день въ Неаполѣ. До сихъ поръ я не говорилъ еще о впечатлѣніи, которое произвелъ на меня общій видъ города; я не хотѣлъ этого дѣлать, пока не посѣтилъ монастыря Св. Мартина, находящагося на высотѣ подлѣ самой цитадели. Панорама Неаполя далеко превосходитъ панораму всякаго другаго города: на ней, можно сказать, глазъ покоится, не встрѣчая для себя непріязненнаго ни по формамъ, ни по цвѣтности; тутъ уже нѣтъ не только этихъ противныхъ зеленыхъ крышъ, которыя по несчастію у насъ въ такой чести, да и совсѣмъ нѣтъ крышъ по большей части, такъ что глазъ встрѣчается съ однѣми горизонтальными плоскостями террасъ. Рѣшительно нельзя дать себѣ отчета, почему всѣ эти, часто обезображенныя, простыя и безъискусственныя формы, которыя встрѣчаемъ въ городахъ южной Италіи, эти закопченыя трубы и брантмауеры, всѣ какъ будто просятся подъ карандашъ, и дѣйствительно такъ живописно укладываются подъ нимъ на бумагѣ, что изъ самаго ничтожнаго предмета составляется интересный рисунокъ, — новизна ли это впечатлѣнія для нашего глаза, или дѣйствительно живописность массъ вслѣдствіе безъискусственнаго проявленія формы, или еще что другое? Счастливо италіянское небо, что подъ нимъ все приходитъ въ какую-то гармонію, все дѣлается изящнымъ, — и тотъ же человѣкъ открываетъ въ душѣ своей иныя ощущенія....

—

[1]) См. Моск. Вѣд. 8-го мая 1852 года.

III.

Римъ, 27-го февраля 1852 года.

Послѣ трехъ съ половиною недѣль отсутствія снова возвратился я въ Римъ съ тѣмъ пріятнымъ ощущеніемъ, какое мы испытываемъ при ожидаемой встрѣчѣ съ прежнимъ интереснымъ знакомцемъ. Спутниками моими на этотъ разъ, вслѣдствіе счастливой случайности, были Русскіе, именно три моряка съ брига Я . . , стоявшаго на неаполитанскомъ рейдѣ. Плавая по Средиземному морю для обученія команды и пріобрѣтенія навыка въ своей наукѣ, и испытавъ около береговъ Мальты и Сициліи всю причудливость морской волны, которая сутокъ по трое сряду не давала имъ покоя, они воспользовались кратковременнымъ отдыхомъ, чтобы посѣтить Римъ. Удивительно сближаетъ людей чужбина: нельзя пересказать, какъ мы взаимно были довольны этою встрѣчею и черезъ нѣсколько минутъ уже были на всѣхъ правахъ давнишняго знакомства. Въ Римѣ, съ первымъ шагомъ на улицу Кондотти, мы встрѣтили нашихъ художниковъ, которыми земляки также были приняты съ восторгомъ, и мозаичистъ Сиверсъ вызвался познакомить ихъ съ Римомъ.

Пересмотрѣвъ все, что̀ осталось въ церквахъ римскихъ отъ первыхъ вѣковъ, я могу сказать, что только двѣ изъ нихъ даютъ нѣкоторый намекъ о внутреннемъ видѣ базиликъ языческихъ, въ которыхъ христіянство устроило первоначально свои церкви, — это базилика Св. Агнесы, замѣчательная по своей верхней галлереѣ, которой не имѣютъ другія базилики, и базилики Св. Лаврентія, въ составъ которой вошелъ внутренній портикъ, взятый изъ языческаго храма. Колонны этого портика стоятъ на уровнѣ съ помостомъ крипты и въ то же время подходятъ подъ общій антаблементъ колоннъ базилики; надъ ними находится верхняя галлерея, и это придаетъ перспективѣ много необычайнаго [1]). Въ числѣ украшеній

[1]) На прилагаемомъ рисункѣ (табл. V) изображены разрѣзъ (№ 1) и планъ (№ 2) Агнесы и разрѣзъ (№ 4) и планъ (№ 5) Лоренцо. *Ред.*

во всѣхъ прочихъ базиликахъ, кромѣ колоннъ, большею частію гранитныхъ и заимствованныхъ изъ языческихъ храмовъ, отъ христіянскаго искусства времени съ IV-го по XIII-е столѣтіе остались только мозаическія украшенія; уцѣлѣли они на всѣхъ почти абсидахъ или полукруглыхъ нишахъ задней стѣны поперечнаго нефа, а въ нѣкоторыхъ и на другой, лежащей противъ абсиды аркѣ, называемой тріумфальною. Одна базилика S-ta Maria Maggiore удержала еще на боковыхъ стѣнахъ средняго нефа мозаическія изображенія, но они не представляютъ уже сплошной однообразной поверхности мозаики, какую безъ сомнѣнія составляли въ началѣ, а отдѣльныя мозаическія картины, обдѣланныя въ форму компартиментовъ во время послѣдней внутренней передѣлки этой церкви. Весьма замѣчательны и совершенно своеобразны уцѣлѣвшія древнія украшенія стѣнъ главнаго нефа надъ арками въ базиликѣ Св. Сабины; они заключаются въ обкладѣ мраморными плитами трехъ цвѣтовъ, бѣлаго, зеленаго и темно-краснаго, которымъ по бо̀льшей части дана форма квадратовъ въ вертикальномъ направленіи діагонали и прямоугольниковъ, такъ что общій характеръ этой обдѣлки принадлежитъ еще совершенно къ украшеніямъ античнымъ, хотя представляетъ уже видимый упадокъ искусства. Это одна изъ весьма немногихъ базиликъ, оставшаяся съ открытыми стропилами, хотя разумѣется ихъ нельзя принимать за древнія; отъ дерева нельзя и требовать такой долговѣчности; тутъ вина уже въ самомъ матеріялѣ. Во всѣхъ прочихъ базиликахъ устроены въ замѣнъ прежнихъ стропилъ потолки, украшенные глубокими касетонами всѣхъ возможныхъ видовъ и большею частію богато раззолоченые. Нужно ли говорить, какъ мало соотвѣтствуютъ эти потолки своею видимою тяжестію легкости продольныхъ стѣнъ, имѣющихъ единственнымъ своимъ основаніемъ тонкія колонны? Это замѣчаніе оправдано и самымъ дѣломъ: очень часто колонны, бывшія не въ состояніи выносить тяжесть новыхъ потолковъ, должны были задѣлывать въ каменные столбы, какъ напримѣръ въ базиликѣ Іоанна Латеранскаго и другихъ. Что касается до подробностей внутренняго устройства, относящихся къ богослуженію, то онѣ сохранились весьма во многихъ базиликахъ и чрезвычайно интересны, какъ по формѣ, такъ равно и по богатству украшеній, состоящихъ изъ александрійской мозаики, набранной въ бѣломъ мраморѣ. Во многихъ видны амвоны для чтенія Евангелія и Апостола, пасхальные свѣщники, состоящіе почти всегда изъ витой колонны, украшенной мазаикой, мраморные налои, епископскія сѣдалища съ сопрестоліями; кромѣ того въ базиликѣ Климента ин-

тересно большое возвышенное пространство, обгороженное мраморнымъ барьеромъ и служившее безъ сомнѣнія мѣстомъ для клира [1]). Мозаичные полы сохранились въ наибольшемъ количествѣ и едвали не лучше всего прочаго.

Объ украшеніяхъ фасадовъ можетъ дать весьма удовлетворительное понятіе мозаика на золотомъ фонѣ верхней части передняго фасада базилики S-ta Maria in Trastevere. Она помѣщена на выгнутой поверхности стѣны, замѣняющей антаблементъ подъ самою крышею. Остатки подобной же мозаики видны и на фасадѣ Св. Іоанна въ Латеранѣ; они теперь находятся внутри верхней наружной галлереи, придѣланной въ послѣдствіи. Древній наружный карнизъ съ модильйонами уцѣлѣлъ лучше всего въ базиликѣ Св. Цециліи за Тибромъ и въ базиликѣ Св. Климента. Къ одному изъ лучшихъ украшеній внѣшняго вида базиликъ должно отнести атріумы и такъ называемые кіостры. Древній атріумъ, или открытый дворикъ передъ главнымъ входомъ съ портикомъ внутри, уцѣлѣлъ только одинъ при базиликѣ Св. Климента, но и тотъ незначителенъ, по своимъ размѣрамъ и плохой архитектурѣ. Изъ кіостровъ, — которые состояли изъ дворика, окруженнаго портикомъ или галлереею изъ маленькихъ колоннокъ, соединенныхъ арочками и разставленныхъ попарно на сплошномъ цоколѣ, — самые лучшіе находятся при базиликахъ Св. Павла-внѣ-стѣнъ и Св. Іоанна Латеранскаго [2]), но они къ сожалѣнію потерпѣли страшныя поврежденія. Первымъ варварствомъ была надстройка вторыхъ этажей, которыхъ не въ состояніи были вынести тонкія колонки, и потому оказалось во многихъ мѣстахъ необходимымъ поддѣлывать сплошные столбы и контрфорсы. Наконецъ расхищены и самые кусочки мозаики, набранной въ колонкахъ, такъ что въ кіострѣ Св. Павла едва можно обнять и дополнить воображеніемъ блескъ и великолѣпіе первобытнаго вида.

Изучая архитектуру древняго Рима, нельзя не обратить особеннаго вниманія на античные фрагменты, употребленные при постройкѣ базиликъ. Каждая особенность, встрѣчающаяся тутъ, и которой мы не знали прежде примѣра, уже расширяетъ кругъ нашихъ понятій о той многосторонности, которая является въ деталяхъ архитектуры римской. Для примѣра укажу на канелюры одной колонны въ базиликѣ Св. Агнесы, такъ оригинальныя по своему довольно сложному профилю, что представляютъ единственный обра-

[1]) Планъ базилики Св. Климента на рисункѣ № 3.

[2]) Разрѣзъ кіостра и планъ базилики Св. Іоанна Латеранскаго см. на рисункѣ №№ 6 и 7.

зецъ варіацій въ этомъ родѣ. Чтобы судить о степени совершенства деталей, до котораго достигало искусство въ древнемъ Римѣ, стоитъ только взглянуть на іоническія капители наружнаго портика базилики Св. Лаврентія; онѣ поспорятъ изящностію своего исполненія съ деталями первоклассныхъ памятниковъ искусства греческаго; то же можно сказать и о капители одной колонны во внутренности той же базилики, о той, на которой изображена ящерица, монограмма греческаго архитектора Савроса, по Винкельману [1]).

Когда послѣ внимательнаго обозрѣнія столькихъ базиликъ со всѣми древнѣйшими подробностями, стараешься, сколько можно, представлять ихъ воображенію своему въ первобытномъ блескѣ, невольно зараждается въ душѣ вопросъ: приближаются ли онѣ своимъ устройствомъ къ выраженію идеи, называющей церковь христіянскую храмомъ Божіимъ, — и внутреннее чувство даетъ отвѣтъ отрицательный. Въ самомъ уже фасадѣ есть что-то мрачное или скорѣе печальное; возвышающіяся стѣны средняго нефа съ длинною двускатною крышею представляютъ неизмѣнное однообразіе. Нельзя не найдти живописнаго въ этихъ изолированныхъ колокольняхъ, хотя ихъ многочисленные этажи съ утоненіемъ, едва замѣтнымъ для глаза, представляютъ постоянно однѣ и тѣ же арочки на колонкахъ и горизонтальные пояски, составляющіе дѣленія этажей. Но обнявъ все въ цѣломъ, мы скорѣе найдемъ во внѣшнемъ видѣ базиликъ выраженіе другой стороны въ значеніи христіянскаго храма. Это домы молитвы, бесѣдованія съ Богомъ; человѣкъ уединяется отъ всего мірскаго, входя въ уединенный атріумъ базилики.

То же однообразіе господствуетъ и въ расположеніи внутренности, кромѣ двухъ примѣровъ, о которыхъ я упомянулъ выше. Нельзя также не сознаться, что какъ ни живописны — и сами по себѣ, и еще болѣе при тѣхъ средствахъ, какія они даютъ архитектору для украшеній, — эти стропильные потолки, перекрывающіе всѣ три нефа, они однакоже мало соотвѣтствуютъ идеѣ храма. Я не говорю о незыблемости и неразрушимости, потому что припоминаю себѣ бронзовыя стропила великолѣпнѣйшихъ базиликъ языческихъ.

Нѣтъ спора, что многое говоритъ и въ пользу базиликъ. Нельзя признать ихъ планъ неудобнымъ для христіянскихъ церквей при со-

[1]) Σαῦρος — ящерица.

временныхъ требованiяхъ католическаго богослуженiя. Величава вообще эта полуциркульная абсида съ полусферическими сводами и возвышеннымъ помостомъ. Это было судейское мѣсто въ судилищѣ языческомъ, обращенномъ въ храмъ всемiрнаго Судiи, — и на томъ самомъ мѣстѣ, откуда произнесено было осужденiе Богочеловѣка на крестную смерть, приносится нынѣ безкровная жертва!

Но безспорно въ иной странѣ и нѣсколько позднѣе было суждено христiянству силою творчества создать тѣ разнообразныя расположенiя своихъ храмовъ, которымъ отдали уже пальму первенства всѣ образованные Европейцы нашего времени, и которымъ не можетъ не принести должной дани удивленiя, кто только немного знакомъ съ планами Св. Софiи, Сергiя и Вакха Константинопольскихъ, Св. Виталiя въ Равеннѣ, Св. Марка въ Венецiи и еще небольшой церкви Св. Фоски, которую мнѣ случилось видѣть на островѣ Торцелло въ окрестности Венецiи. Вмѣстѣ съ этими, можно сказать, генiяльными планами расположенiя явилась въ этотъ такъ-называемый вѣкъ упадка формъ, но процвѣтанiя идеи, новая, дотолѣ небывалая вещь въ наукѣ строительной. Это — куполъ съ трибуномъ, не на круглой уже стѣнѣ, а на парусахъ, идущихъ съ четырехъ-угольнаго основанiя, или съ четырехъ только столбовъ.

Мнѣ остается еще говорить объ архитектурныхъ произведенiяхъ собственно такъ называемаго Рима новаго, о томъ новомъ Римѣ, который безспорно занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ исторiи искусства по художественному совершенству мастерскаго исполненiя. Я разумѣю архитектурные памятники временъ возрожденiя искусствъ XV и XVI вѣковъ, тотъ идеалъ, къ которому въ особенности стремятся мои почтенные собраты, русскiе архитекторы. Римъ почитается столицею этой архитектуры, и успѣхъ превосходнаго изданiя Латарульи, еще неконченнаго, и уже повторяемаго, показываетъ ту степень обще-европейскаго интереса, которою эти памятники пользуются.

Излишне было бы исчислять огромное количество зданiй этого времени, разбросанныхъ по всему Риму и его окрестностямъ; достаточно назвать только тѣ, въ которыхъ наиболѣе выражаются различныя стороны тогдашняго архитектурнаго направленiя, и на нихъ провѣрить собственнымъ впечатлѣнiемъ, что̀ именно можетъ быть предметомъ изученiя для современныхъ архитекторовъ.

Церкви и палацщы внутри города и дома на виллахъ, — вотъ три рода зданiй, преимущественно встрѣчающiеся въ архитектур-

ныхъ произведеніяхъ времени возрожденія. Количество церквей римскихъ таково, что обзоръ только тѣхъ, которыя по чему либо замѣчательны, возьметъ уже весьма много времени. Фасадами своими онѣ не славятся, потому что, рѣшительно можно сказать, нѣтъ фасадовъ, которые были бы вполнѣ достойны своей эпохи. Всѣ они довольно однообразны, украшены почти всегда изобиліемъ колоннъ или пилястровъ, не представляютъ ничего ни стильнаго, ни самобытнаго, и мало видоизмѣняются въ своихъ мотивахъ. Причину этого легко разгадать, если допустить, что передній фасадъ, составляя только наружную оболочку задней церковной стѣны, былъ почти всегда дѣломъ произвола архитектора и мало видоизмѣнялся расположеніемъ внутренности. Если нельзя указать тому очевидныхъ примѣровъ въ Римѣ, то въ Генуѣ, Флоренціи и Венеціи можно доселѣ видѣть внѣшнія стѣны многихъ церквей, лишенныя всякой наружной оболочки. Что касается до наибольшей части плановъ внутренняго расположенія, то, за исключеніемъ весьма немногихъ примѣровъ, они вышли всѣ изъ расположенія базиликъ первыхъ вѣковъ христіянства; то же дѣленіе на три нефа съ абсидою на концѣ, съ большимъ поперечнымъ нефомъ, надъ пересѣченіемъ котораго съ продольнымъ основался трибунъ съ куполовъ. Коллонны, поддерживающія въ базиликахъ арки и стѣны средняго нефа, замѣнены здѣсь столбами различной формы; мѣсто стропилъ и потолковъ заступили своды. Въ каждомъ промежуткѣ между столбами помѣщаются отдѣльныя капеллы съ ихъ престолами — самобытное произведеніе католицизма; ихъ назначеніе, какъ можно видѣть изъ употребленія,—служить мѣстомъ надгробныхъ памятниковъ кардиналовъ и богатѣйшихъ гражданъ. Поэтому украшенія бываютъ здѣсь всегда роскошнѣе, нежели въ среднемъ нефѣ и на главнвмъ престолѣ.

Общій характеръ внутреннихъ украшеній въ церквахъ не представляетъ ничего отличительно церковнаго, что̀ бы замѣтно отдѣляло ихъ отъ всего житейскаго; здѣсь виденъ уже вкусъ времени, равно во всемъ разлившійся. Вѣкъ возрожденія искусствъ, безотчетно и изобильно творившій въ экстазѣ своего художественнаго порыва, вызваннаго произведеніями міра античнаго, не можетъ быть подчиненъ тому критическому воззрѣнію, которое въ наше время доходитъ путемъ разсужденія до причины и внутренняго смысла каждой вещи.

Тѣмъ не менѣе большая часть церквей римскихъ поражаютъ своимъ великолѣпіемъ, происходящимъ столько же отъ роскоши мате-

ріяловъ, сколько и отъ изящной отдѣлки; здѣсь живопись и скульптура не щадили ничего, чтобы придать болѣе блеска и великолѣпія наряду старшей сестры своей — архитектуры. Каждая почти церковь есть музей художественныхъ произведеній; когда запрестольные образа показываютъ, отдергиваютъ занавѣски, и этимъ свидѣтельствуютъ, что имъ придается болѣе художественное, нежели религіозное значеніе. Нужно ли говорить, какъ мало соотвѣтствуетъ скульптура, по общепринятымъ нами Русскими и въ этомъ случаѣ совершенно основательнымъ понятіямъ, олицетворенію христіанской святыни? Здѣсь она взяла на себя трудъ — олицетворить всѣ подвиги вѣры, борьбу духа съ плотію и т. п., и очевидно перешла предѣлы своей возможности. Фасады и внутренности наполнены статуями и рельефами, которыми совершенно замѣнился для народа ощутительный недостатокъ иконъ.

Не входя въ дальнѣйшія подробности, я поспѣшу назвать церковь Іезуитовъ, начатую архитекторомъ Виньолою и оконченную ученикомъ его Делапортою. Своимъ великолѣпіемъ она превосходитъ всякое понятіе, какое только возможно себѣ составить о великолѣпіи. На стѣнахъ глазъ не видитъ ничего кромѣ мраморовъ самыхъ рѣдкихъ; одинъ престолъ съ колоннами изъ лаписъ-лазули, другой изъ мрамора, дотого необыкновеннаго, что при видѣ его трудно повѣрить, чтобы природа могла быть такова въ своихъ произведеніяхъ. Присоедините къ этому стройные и легкіе размѣры въ цѣломъ, роскошно убранные касетонами своды, и въ нихъ еще фрески, — и тогда вы составите себѣ нѣкоторое понятіе о томъ образчикѣ римскихъ церквей времени возрожденія, послѣ котораго уже излишне будетъ называть что̀ либо другое.

Перехожу къ дворцамъ, которыми преимущественно можетъ гордиться то время. Сколько блестящихъ именъ окружаетъ меня, соперничая о первенствѣ! Но первенство уже отдано одному, и отдано по справедливости, такъ что трудно что̀ либо сказать противъ этого. Брамапте съ своимъ нѣжнымъ тонкимъ ощущеніемъ красоты формъ, съ спокойствіемъ, господствующимъ въ цѣлой концепціи его фасадовъ, и разумностію ихъ сочиненія, такъ отличенъ отъ всѣхъ своихъ современниковъ, что зданія его какъ будто составляютъ самобытную эпоху въ архитектурѣ. Въ нихъ проявляется и вкусъ наиболѣе очищенный и изящные профили деталей, дотого обдуманныхъ и вѣрно расчитанныхъ для стройности цѣлаго, что ихъ нельзя измѣнить, какъ говорится, ни на волосъ. Знаменитая Браман-

това Канцелярія и дворецъ Жиро (Giraud) — вотъ два зданія, въ которыхъ наиболѣе выразилась особенность его архитектуры. На нихъ глазъ нашъ свободно отдыхаетъ, это масса совершенно умиренная, но въ то же время не лишенная характерности [1]). Лучшимъ украшеніемъ римскихъ дворцовъ служатъ внутренніе дворы, состоящіе изъ открытыхъ галлерей съ аркадами въ два или три этажа. Между ними дворъ Брамантовой Канцеляріи занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ по легкости и чистотѣ стиля своихъ аркадъ, поддерживаемыхъ гранитными колоннами. Если зданіямъ Браманте можно сдѣлать замѣчаніе, то развѣ за отсутствіе силы, которая составляетъ отличительное достоинство другихъ его современниковъ; въ его зданіяхъ она уступаетъ мѣсто нѣжности и граціи. — Послѣ произведеній Браманте первенство безъ сомнѣнія принадлежитъ дворцу Массими; вслѣдъ за Брамантомъ идетъ другое знаменитое имя Бальтазара Перруцци. Дворецъ Массими его chef d'oeuvre. Въ этомъ зданіи, линія передней стѣны фасада не прямая и не ломаная, а составляетъ отрѣзокъ легкой дуги. Трудно допустить, чтобы такая форма произошла свободно изъ причудливой фантазіи архитектора; вѣроятно, этого требовало дугообразное направленіе улицы. И при этихъ-то условіяхъ, на которыя архитекторы нашего времени страшно, можетъ-быть, стали бы жаловаться, создалось лучшее произведеніе Перруцци. Здѣсь испытывается другаго рода ощущеніе, нежели при видѣ зданій Браманте; здѣсь приводятъ въ восторгъ стройныя, сильныя и вмѣстѣ смѣлыя очертанія деталей. Я конечно сказалъ бы прежде всего о грандіозности цѣлаго, еслибы весь передній фасадъ можно было обнять глазомъ на извѣстномъ разстояніи, но къ сожалѣнію тѣснота улицы не позволяетъ этого сдѣлать. Въ срединѣ фасада — открытая ложа; изъ нея главный входъ, который ведетъ чрезъ нижнія сѣни на внутренній дворикъ, убранный античными рельефами и бюстами. Сѣни перекрыты коробовымъ сводомъ съ касетонами. Но что̀ это за касетоны и что̀ въ нихъ за орнаменты!—Здѣсь, кстати или нѣтъ, остановлюсь на томъ, чѣмъ въ особенности обезсмертилъ себя вѣкъ возрожденія искусствъ, это — введеніе очаровательной высоко-художественной манеры въ орнаментикѣ. Дѣленіе на планы, дающее преимущество главнымъ частямъ, эти постепенно смягчающіеся и

[1]) Не могу умолчать здѣсь о современномъ сколкѣ съ Брамантовыхъ зданій, о части дворца князя Голицына на Piazza Nicosia, съ честью выдерживающей сравненіе съ своими оригиналами.

наконецъ какъ бы сливающіеся съ фономъ и едва уже замѣтные выступы составляютъ такую прелесть и очарованіе, которыя невольно увлекаютъ глазъ. Нѣкоторые античные фрагменты въ музеяхъ не позволяютъ предполагать, чтобы стиль этихъ орнаментовъ былъ самобытнымъ произведеніемъ времени возрожденія. Для счастливыхъ художниковъ того времени все окружающее составляло одну обширную студію, и достаточно было одного уцѣлѣвшаго обломка временъ античнаго процвѣтанія, чтобы возродить на плодотворной почвѣ тѣ красоты искусства, которыя сокрыло отъ насъ неумолимое время.

Начавши съ Канцеляріи дворцовъ Жиро и Массими свой бѣглый обзоръ корифеевъ въ зданіяхъ новаго Рима, я можетъ-быть слишкомъ подчинился внушеніямъ разсудка и погрѣшилъ противъ внутренняго чувства, которое всегда находится подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія. Еслибы меня спросили, который изъ дворцовъ поразитъ своимъ величіемъ человѣка, не посвященнаго изученіемъ въ тайны искусства, то отвѣтъ на это будетъ одинъ, надѣюсь, не у одного меня, но и у всѣхъ, кто только бывалъ въ Римѣ, — это конечно дворецъ Фарнезе. На небольшой площади, украшенной двумя фонтанами, стоитъ зданіе, кажущееся какимъ-то колоссомъ, исполненнымъ силы, твердости и спокойнаго величія. Концепція его проста; въ ней нѣтъ ни пилястровъ, ни выступовъ; однѣ только сильныя рустики на углахъ и по ряду оконъ въ каждомъ изъ трехъ этажей съ относящеюся къ нимъ обдѣлкою, — вотъ почти все, что̀ составляетъ фасадъ; но все это увѣнчано короною безпримѣрнаго по величинѣ своей карниза [1], и эта корона придаетъ фасаду царственное величіе. Антоніо де Сангалло былъ творцемъ всего передняго фасада. Въ немъ нельзя не дивиться стройности и силѣ деталей, ихъ пропорціональности, однимъ словомъ всему тому, въ чемъ видна рука великаго мастера; но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не подвергнуть легкой критикѣ нѣкоторыя части обдѣлки оконъ. Впрочемъ, чтобы вѣрно оцѣнить Фарнезскій дворецъ, надобно знать его оригинальную исторію. Когда передній фасадъ былъ доведенъ до карниза, то папа Павелъ III, бывшій изъ фамиліи Фарнезе, объявилъ конкурсъ собственно на одинъ карнизъ. Между конкуррентами явился и Микель-Анджело Буонаротти, проэктъ котораго преимуществен-

[1]) Свѣсъ его со стѣны равняется 2 арш. $4^3/_4$ вершк., при высотѣ строенія нѣсколько менѣе 15 саженъ (29,575 метра).

не понравился папѣ. Это оскорбило самолюбіе Сангалло, надѣявшагося быть единственнымъ довершителемъ зданія. Поэтому онъ медлилъ его окончаніемъ, и вскорѣ за тѣмъ послѣдовавшая его кончина оставила дворецъ не конченнымъ. Разсказываютъ, что Микель-Анджело, которому было поручено исполнить карнизъ сообразно составленному имъ чертежу, сдѣлалъ предварительно деревянную модель его въ натуральную величину и поставилъ ее на мѣсто; народъ толпами двигался ко дворцу смотрѣть на модель карниза; восторгъ былъ всеобщій. Послѣ этого Микель-Анджело было поручено окончаніе зданія. Но такъ какъ по преклонности лѣтъ онъ не могъ лично заниматься работами, то ближайшимъ исполнителемъ былъ, подъ его руководствомъ, молодой Виньола, и ему-то, кажется, слѣдуетъ приписать строгую пропорціональность всѣхъ частей карниза, между тѣмъ какъ на окнахъ верхняго этажа внутренняго двора видна печать того испорченнаго вкуса и дурныхъ формъ, которыми постоянно отличался въ архитектурѣ Микель-Анджело, никогда не бывшій знаменитымъ архитекторомъ, какъ у насъ нѣкоторые привыкли называть его въ своихъ сказаніяхъ объ исторіи искусства.

Я уже упоминалъ, что къ совершеннѣйшимъ произведеніямъ архитектуры времени возрожденія должно отнести устройство внутреннихъ дворовъ. Они занимаютъ большею частію средину зданія или бываютъ окружены имъ съ трехъ сторонъ, а съ четвертой ограждены однѣми аркадами; поэтому форма ихъ — или квадратъ, или нѣсколько продолговатый четыреугольникъ. Открытыя галлереи изъ арокъ идутъ въ два, иногда и въ три этажа; остающіяся части стѣнъ, въ промежуткахъ между арками, украшены во многихъ дворцахъ античными барельефами, медальонами и бюстами. Нельзя себѣ ничего представить увлекательнѣе перспективы этихъ атріумовъ новаго времени, чему не мало способствуютъ ихъ широкіе размѣры. Это — неизбѣжное впечатлѣніе при первомъ шагѣ во внутренность дворца, неизбѣжное потому, что всѣ входы и лѣстницы приведены ко двору, а онъ уже сообщается съ улицею чрезъ роскошный проѣздъ или переходъ въ видѣ сѣней, находящійся по большей части въ срединѣ главнаго фасада.

Если и между всѣхъ прекрасныхъ дворовъ римскихъ искать совершеннѣйшаго, руководствуясь въ этомъ случаѣ впечатлѣніемъ на чувство, то конечно нужно зайдти на дворъ Боргезскаго дворца, и очарованіе будетъ полнымъ. Попарно поставленныя гранитныя колонны поддерживаютъ два этажа открытыхъ аркадъ, съ трехъ

сторонъ маскирующихъ дворецъ, а съ четвертой сквозныхъ; надъ ними окружаетъ дворъ съ трехъ сторонъ третій этажъ дворца, между тѣмъ какъ четвертая сторона (надъ сквозными аркадами) остается на высотѣ третьяго этажа свободною.

Должно впрочемъ сказать, что городскіе дворцы еще не представляютъ въ устройствѣ своемъ всей плодовитости варіацій, какою обладали архитектурные таланты того времени. Она преимущественно нашла себѣ поприще въ загородныхъ виллахъ. Архитектура виллъ, можетъ быть не такъ стильная, не такъ чистая въ своихъ формахъ, отличается удивительною игривостью въ общемъ составѣ всѣхъ своихъ принадлежностей; она необыкновенно нарядна въ своемъ роскошномъ, иногда и драгоцѣнномъ уборѣ, состоящемъ часто изъ антиковъ. Она и должна была быть нарядна, потому что здѣсь, между купами зелени, между шпалерами цвѣтущихъ лавровъ, на ней одной сосредоточивается все ваше вниманіе. Здѣсь видны совсѣмъ не тѣ уже пріемы; они измѣнились сообразно съ другими условіями эффекта: здѣсь нѣтъ болѣе большихъ гладкихъ поверхностей, которыя въ городѣ должны давать отдыхъ глазу, утомляемому постояннымъ однообразіемъ городскихъ строеній; тутъ все наполнено, все раздѣлено множествомъ впадинъ, выступовъ и раскреповокъ. Въ примѣръ такой архитектуры укажу на виллы Памфили, Альбани, Массими и даже частію на самую виллу Пію въ саду Ватиканскомъ. Но что̀ можетъ сравниться съ очаровательностью ихъ расположенія, гдѣ отъ одной эффектной перспективы переходишь къ другой и не выходишь изъ состоянія очарованія? Здѣсь всѣмъ такъ разумно и вмѣстѣ талантливо воспользовался художникъ, и неровностью мѣстности, и украшеніемъ растительности. Архитектура здѣсь явилась вполнѣ хоровожатаемъ всего, что̀ только относится къ внѣшней изящной формѣ, взята ли она отъ природы или отъ искусства. Здѣсь дѣлается понятною красота стриженыхъ шпалеръ изъ вѣчнозеленыхъ деревьевъ. При той обширности размѣровъ, съ которою устроены большею частію виллы, необходимо, чтобы общія линіи сада гармонировали своею грандіозностію съ монументальнымъ характеромъ зданія, которое здѣсь является въ свойственномъ ему видѣ; это не загородный домъ современнаго европейскаго вельможи, замаскированный въ англійскій котеджъ (cottage), въ швейцарскую хижину или въ русскую крестьянскую избу, чтобы казаться интереснѣе. Для котеджа и для хижины конечно нуженъ англійскій садъ, или другими словами, — искусно поддѣланная сельская природа, гдѣ вы набредете на вла-

дѣльческій домъ какъ будто невзначай. Для загороднаго дворца въ собственномъ смыслѣ всѣ аксессоары должны быть устроены такъ, чтобы возвысить главное, и эта регулярность садовъ и цвѣтниковъ, эти арабески, квадраты и а-ла-греки римскихъ виллъ, выдѣланные изъ кустовъ бужбона, составляютъ необходимое дополненіе архитектуры и усиливаютъ полноту общаго впечатлѣнія.

—

Послѣ четырехъ-недѣльнаго въ оба раза пребыванія наступилъ наконецъ грустный день разставанія съ Римомъ. Хотѣлось мнѣ еще бросить послѣдній взглядъ на его величавые остатки, въ послѣдній разъ насладиться ихъ лицезрѣніемъ, чтобы на вѣкъ напечатлѣть ихъ въ душѣ своей, и я отправился бродить по Риму, не опредѣливъ никакого плана своей прогулкѣ; — это было желаніе обнять весь Римъ однимъ разомъ. Вотъ я на Квириналѣ, прохожу площадь Монте-Кавалло, знаменитую своими античными конями; вотъ громадный дворецъ Квиринальскій — произведеніе вѣка возрожденія искусствъ—и передъ нимъ одинъ изъ многочисленныхъ египетскихъ обелисковъ, разставленныхъ по всему Риму. Шаги мои направляются къ Форуму, но проходя мимо полуоткрытыхъ воротъ виллы Колонны, гдѣ распускающаяся плакучая акація и цвѣтущій лавръ возвѣщаютъ римскую весну, я не могу не зайдти въ садъ этой виллы: самый обрывъ горы покрытъ густою растительностью, и сквозь эти кущи деревъ хорошо бросить взглядъ на ту часть вѣчнаго города, которая примыкаетъ къ подошвѣ Квиринала. Итакъ, я вступилъ въ садъ Колонны. Но что это за колоссальные монолиты виднѣются въ концѣ дорожки? Это какъ-будто остатки произведенія исполиновъ, — а въ самомъ дѣлѣ не болѣе, какъ нѣсколько обломковъ антаблемента, принадлежавшаго, какъ полагаютъ, къ храму Солнца [1]). Храмъ, какъ видно, былъ коринѳскаго ордена. Роскошные модильоны украшаютъ обломки карниза, и могучая римская арабеска изъ акантовыхъ листьевъ проходитъ вдоль по фризу; это все такіе размѣры, которые нельзя ставить въ параллель ни съ однимъ изъ классическихъ остатковъ древняго Рима, это какъ-будто уцѣлѣвшее мѣрило для составленія идеи о томъ масштабѣ, до котораго доходили памятники римскаго стиля. Его характеромъ были преимущественно сила, грандіозность и величіе, вышедшія непо-

———

[1]) Архитравъ имѣетъ въ высоту не менѣе 2 аршинъ.

средственно изъ идей того народа, которому суждено было называться властителемъ вселенной.

При выходѣ изъ виллы услужливый кустодъ показалъ мнѣ остатки тутъ же находившихся термъ Константиновыхъ. Остатки состоятъ изъ нѣсколькихъ комнатъ со сводами, стоящихъ въ углубленіи сравнительно съ теперешнею поверхностью горы, которая безъ сомнѣнія возвысилась отъ груды развалинъ.

Но надобно было спѣшить, и я устремился къ форуму. На его позлащенныхъ и сглаженныхъ вѣками развалинахъ догорали теперь послѣдніе лучи заходившаго солнца; это погруженіе во мракъ ночи вѣковыхъ свидѣтелей блеска и величія современной имъ жизни какъ бы знаменовало для меня ту темную завѣсу времени, которая отдѣляетъ отъ насъ весь актъ дѣйствія античнаго прошедшаго, оставившій намъ по себѣ въ этихъ разбросанныхъ памятникахъ какъ бы обезображенныя кулисы послѣ оконченнаго представленія.

Окруженный сумракомъ ночи, съ грустію сходилъ я по широкимъ ступенямъ Капитолія въ тѣсныя улицы новаго города, переселяясь изъ міра мечты въ горькій міръ дѣйствительности.

Всему, что̀ оставлялъ я въ Римѣ въ сферѣ формы, собственно бездушной, но служащей орудіемъ одушевленныхъ идей человѣка, послѣдній долгъ былъ отданъ; оставалось проститься съ друзьями — другая потребность души, и теперь я шелъ по темнымъ улицамъ Рима къ палаццу Миніанелло, къ тому изъ друзей, кто наканунѣ этого дня разстался преждевременно съ жизнію. Это былъ молодой М., страдавшій аневризмомъ; въ Римѣ онъ былъ постояннымъ спутникомъ нашего небольшаго кружка на всѣ загородныя прогулки, во всѣхъ обзорахъ замѣчательностей Рима; глубоко сочувствуя всему прекрасному, онъ составлялъ душу нашего общества; друзьями разстались мы уже при отъѣздѣ моемъ въ Неаполь; радушные проводы Москвича нашелъ я у него въ кругу общихъ нашихъ трехъ пріятелей, художниковъ К., К. и С., и когда, возвратившись, я видѣлъ его уже безъ надежды на жизнь, то привѣтомъ его были слова: «дайте мнѣ вашу московскую руку». Тогда былъ часъ, когда совершалась по обрядамъ нашей церкви панихида по усопшемъ; тутъ присутствовали и тѣ изъ художниковъ нашихъ, которые не были близко знакомы съ покойникомъ, но пришли отдать послѣдній долгъ умершему на чужбинѣ соотечественнику.

Медленнымъ шагомъ потянулись мы всѣ оттуда по улицѣ Кондотти на Корсо, и такъ какъ раннимъ утромъ слѣдующаго дня я долженъ былъ оставить Римъ, то долго за полночь длилась наша

оживленная бесѣда, согрѣтая тѣмъ пламенемъ, которое поддерживалось единствомъ любви, пониманія и вѣрованія въ прекрасное. Полные сладкихъ надеждъ, ожидающихъ человѣка на полѣ его дѣятельности, разстались мы до слѣдующей случайной встрѣчи въ морѣ житейскомъ, всѣ проникнутые и одушевленные одною мыслію — жить для избраннаго искусства.

А. Авдѣевъ.

ДЕНЬ ВЪ РИМСКОМЪ ЦИРКѢ.

(СТАТЬЯ АВГУСТА ДАНЦА [1]).

— Populus qui dabat olim
Imperium, fasces, legiones, omnia, nunc se
Continet atque duas tantum res anxius optat,
Panem et Circenses.

Juvenalis.

— Here the buzz of eager nations ran,
In murmur'd pity, or loud roar'd applause,
As man was slaughter'd by his fellow man.
And wherefore slaughter'd? wherefore, but because
Such were the bloody Circus' genial laws,
And the imperial pleasure!

Byron.

Во время императора Траяна одинъ богатый гражданинъ Вьенны, города въ нынѣшней Франціи, завѣщалъ значительную сумму денегъ на ежегодныя игры. Требоній Руфинъ, бывшій въ то время во главѣ городоваго правленія Вьенны, воспротивился исполненію этой части его завѣщанія. Привязанные къ зрѣлищамъ всякаго рода, жители Вьенны отстаивали завѣщаніе, и дѣло дошло наконецъ до императора, который назначилъ для его изслѣдованія особую коммиссію и

[1]) Эта статья г. Данца, профессора въ Іенѣ, была помѣщена въ извѣстной нѣмецкой литературной газетѣ Morgenblatt въ №№ 7, 8 и 9 на 1852 годъ. Передаемъ ее въ переводѣ, сдѣланномъ А. И. Георгіевскимъ, съ небольшими выпусками. *Ред.*

самъ принялъ въ ней предсѣдательство. Большинство членовъ этой коммиссіи, соглашаясь съ мнѣніемъ Руфина, не дозволило ежегодныхъ игръ въ Віеннѣ на томъ основаніи, что онѣ такъ же развратили бы нравы жителей этого города, какъ римскія игры были причиною нравственной порчи всѣхъ народовъ міра.

Съ этимъ рѣшеніемъ коммиссіи вполнѣ согласно мнѣніе благороднѣйшихъ Римлянъ со временъ Августа до Гадріана; всѣ они единодушно считали игры и битвы цирка главнѣйшею причиною и источникомъ испорченности вкуса и суровости нравовъ. И мы, узнавши, какое мѣсто занимали эти игры въ жизни римскаго народа во время имперіи, и какую безумную страсть внушали ему, должны будемъ согласиться съ мнѣніемъ благороднѣйшихъ людей того времени. Выслушаемъ сначала свидѣтельство Амміана Марцеллина, историка, жившаго въ началѣ пятаго вѣка по Р. Х.: «Богатые и знатные (разсказываетъ онъ) ни о чемъ больше не говорятъ, какъ только о лошадяхъ и ристаніяхъ, о великолѣпныхъ постройкахъ и рѣдкихъ лакомствахъ, а праздная толпа повидимому живетъ лишь для того, чтобъ пить, играть въ кости и гоняться за зрѣлищами и скачками. Ея храмъ, ея обиталище, ея народное собраніе, цѣль всѣхъ ея желаній — арена цирка. На всѣхъ площадяхъ, на всѣхъ перекресткахъ, на всѣхъ широкихъ улицахъ видны толпы людей въ сильнѣйшихъ движеніяхъ; подумаешь, что между ними рѣшаются важныя спорныя дѣла: но спросить всѣхъ этихъ престарѣлыхъ мужей, которыхъ видишь въ толпѣ, чего они такъ сильно желаютъ и домогаются,—выйдетъ, что судьба имперіи, по ихъ мнѣнію, зависитъ отъ исхода предстоящаго ристанія. Когда же наступаетъ давно желанный день игръ, весь народъ еще задолго до восхожденія солнца стремится изъ жилищъ своихъ въ циркъ; въ своей поспѣшности онъ опередилъ бы пущенныя взапускъ колесницы: дотого всякій боится потерять свое мѣсто между зрителями. Исходъ ристаній, побѣда того или другаго цвѣта, занимаетъ весь городъ, повергаетъ весь народъ въ тревожное ожиданіе, и бо́льшая часть зрителей проводитъ отъ того безсонныя ночи.»

И это описаніе вовсе не преувеличенно; сами сенаторы, по свидѣтельству Клавдіана, вмѣсто того, чтобы совѣщаться о дѣлахъ государственныхъ, забывались дотого, что тратили свои засѣданія на пренія о коняхъ и возницахъ, пѣвцахъ и актерахъ, и отлагали настоящіе предметы разсужденія до другаго времени.

Во время имперіи вся жизнь римскаго народа вращалась около однихъ общественныхъ празднествъ и игръ цирка. Для того, чтобы

вполнѣ оцѣнить гибельное вліяніе послѣднихъ, вспомнимъ, что уже во время агоніи римской республики онѣ, вмѣстѣ съ безденежною раздачею хлѣба, были главнѣйшимъ средствомъ въ рукахъ честолюбцевъ, искавшихъ власти. Для достиженія этой цѣли нужно было угождать римской городской толпѣ, удовлетворяя всѣмъ ея потребностямъ и прихотямъ, — а эта толпа, простиравшаяся въ первое время имперіи до 1,250,000 человѣкъ, состояла почти вся изъ бѣдняковъ, у которыхъ не было никакой собственности, никакихъ средствъ существованія, потому что, гордые своимъ званіемъ римскихъ гражданъ, всякую работу и всякій промыселъ считали они ниже своего достоинства и въ то же время хотѣли жить не только беззаботно, но еще среди веселій. Такому положенію и такимъ склонностямъ римскаго народонаселенія цезари старались удовлетворять раздачею хлѣба по самымъ дешевымъ цѣнамъ и доставленіемъ разныхъ удобствъ жизни и безпрерывныхъ увеселеній. Уже Августъ содержалъ или поддерживалъ половину городскаго народонаселенія раздачею хлѣба и денегъ; и эта раздача происходила не единовременно, не въ рѣдкіе лишь случаи скоропреходящей дороговизны, но постоянно, ежегодно, такъ что чье имя однажды было внесено въ листы, тотъ всю жизнь пользовался благодѣяніями казны. Можно сказать не боясь преувеличенія, что бо́льшая часть римскаго народонаселенія состояла на жалованьи Августа. Въ годы голода и дороговизны щедрость его доходила до того, что онъ безденежно раздавалъ хлѣбъ на бо́льшую часть года всѣмъ гражданамъ Рима. Вмѣстѣ съ тѣмъ бѣднѣйшее городское населеніе съ невѣроятною щедростью надѣлялось и деньгами. При счастливыхъ событіяхъ эти денежные подарки (congiaria) раздавались въ размѣрахъ еще болѣе обширныхъ. Такъ въ короткій промежутокъ семнадцати лѣтъ трижды одарялъ Августъ все мужское населеніе Рима, включая въ него и малыхъ дѣтей, каждаго по 400 сестерцій (около 20 руб. серебр.), что̀ составляло каждый разъ огромную сумму, почти въ 12 милліоновъ руб. серебр.

Еще неумѣреннѣе были требованія римскихъ жителей относительно удовольствій и увеселеній разнаго рода. Жить безъ заботъ и наслаждаться безъ труда — вотъ цѣна, которою искупалось забвеніе историческихъ воспоминаній. И по тому же закону, который увлекаетъ луну въ обращеніи земли, нравственный упадокъ Рима увлекалъ всѣ города и провинціи Имперіи на ту же гибельную стезю. Наслажденіе сдѣлалось послѣднею цѣлью жизни, и кто доставлялъ его въ наибольшей мѣрѣ, тотъ становился властелиномъ міра.

Еще въ концѣ республиканскаго періода начались великолѣпныя сооруженія съ цѣлью доставить удобства и наслажденія жителямъ Рима. Цезари, сооружая неизмѣримыя по величинѣ и великолѣпію термы, не имѣли, по мѣткому замѣчанію Нибура, другой цѣли въ виду, какъ доставить народу въ стѣнахъ самаго города тѣ же удовольствія и увеселенія, какія прежде доступны были только богатымъ вдали отъ Рима, въ Баіяхъ и въ виллахъ на берегу моря. Всѣ наслажденія и пріятности жизни на водахъ, всѣ эти гимнастическія упражненія, игры и изысканныя забавы, къ которымъ влекла мода праздный народъ,—все это соединялось въ предѣлахъ тѣхъ громадныхъ зданій, гдѣ каждый могъ гулять и искать удовольствій съ утра до вечера. Тогда какъ въ прежнее время отдѣльныя лица домогались народной милости тѣмъ, что доставляли ему на нѣсколько дней право безмездно пользоваться баней и масломъ, современникъ Августа Агриппа воздвигъ для всегдашняго безденежнаго пользованія тѣ термы, художественное великолѣпіе которыхъ восхваляется всѣми древними. Однакожь и ихъ слава померкла передъ громаднѣйшими и великолѣпнѣйшими послѣдующими постройками, и наконецъ почти въ каждомъ округѣ города воздвигнуты были императорами драгоцѣнныя термы, колоссальныя развалины которыхъ еще и теперь повергаютъ насъ въ удивленіе.

Уже въ послѣдніе дни республики во всѣхъ частяхъ города въ обворожительномъ блескѣ возникали величавыя зданія для увеселеній народа. Такъ на короткій срокъ одного мѣсяца Маркъ Скавръ соорудилъ деревянный театръ, который вмѣщалъ до 80,000 зрителей. Сцена была украшена 360 колоннами изъ драгоцѣннѣйшаго мрамора и 3,000 статуй изъ бронзы; всѣ стѣны были одѣты мраморными плитами, мозаикой и позолочеными досками. По случаю похоронныхъ праздниковъ въ честь отца, Цезарь доставилъ трибуну К. Скрибонію Куріону средства на сооруженіе двухъ знаменитыхъ по своей величинѣ деревянныхъ театровъ. Оба соприкасавшіеся своею заднею стороной полукруга съ мѣстами для зрителей могли быть въ одно мгновеніе съ 20 тысячами зрителей обращены такъ, что по отпаденіи сцены они составляли одинъ громадный амфитеатръ.

Во времена имперіи троякимъ образомъ удовлетворялась страсть народа ко всякимъ зрѣлищамъ. Долгое время для сценическихъ представленій сооружался на короткій срокъ театръ изъ дерева, иногда, какъ показываетъ примѣръ Скавра, съ необыкновеннымъ великолѣпіемъ, и тотчасъ же по окончаніи представленій назначался

въ сломку. Еще во время Помпея нравы были такъ строги, что, построивши первый каменный театръ, онъ счелъ за нужное вверху его воздвигнуть храмъ Венерѣ Побѣдительницѣ, чтобы мѣста для зрителей казались лѣстницею къ этому храму. Но и во время величайшаго процвѣтанія римской роскоши для этихъ менѣе любимыхъ сценическихъ игръ служили во всей громадной столицѣ лишь три театра, если не причислять къ нимъ четвертаго меньшаго — одеона, назначеннаго для музыкальныхъ концертовъ и потому крытаго. Многочисленнѣе были цирки, въ которыхъ давались зрѣлища, съ бо́льшею страстью любимыя римскимъ народомъ. Наконецъ три колоссальные амфитеатра были построены лишь съ тою цѣлію, чтобы здѣсь съ бо́льшимъ удобствомъ наслаждался народъ тѣми же зрѣлищами, которыя прежде давались въ циркѣ.

До 533 года отъ основанія города въ Римѣ былъ одинъ только циркъ, который, по своей громадности, до позднѣйшаго времени назывался «величайшимъ» (Circus maximus). Этотъ циркъ, первое заложеніе котораго приписывается старшему Тарквинію, простирался вдоль по лощинѣ между Палатинскимъ и Авентинскимъ холмами въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находятся небольшая церковь Santa Maria въ Космединѣ и садъ Рончіани. Первое устроеніе этого цирка Тарквиніемъ едвали состояло въ какихъ либо сооруженіяхъ: безъ сомнѣнія въ то время было только отгорожено и выровнено мѣсто для бѣга коней и колесницъ. Каждому изъ 30 старинныхъ отдѣловъ римскаго народа назначено было особое мѣсто, на которомъ они уже сами строили для себя сѣдалища (fori, spectacula). Это было не что иное, какъ деревянныя подмостки, служившія на время игръ. Младшій Тарквиній вѣроятно первый построилъ настоящее зданіе цирка; но только въ 425 году были устроены вмѣстилища (carceres) для колесницъ, которыя замыкали собою возвышавшіяся другъ надъ другомъ мѣста для зрителей, какъ теперь занавѣсъ отдѣляетъ сцену отъ зрителей. Эти карцеры, построенные первоначально изъ дерева, потомъ изъ туфа, накопецъ изъ мрамора, назывались также oppidum, крѣпостцей, потому что спабжены были стѣнами и небольшими башенками. Въ нихъ до начала бѣга стояли колесницы и лошади, и кромѣ того было множество отдѣленій для звѣрей всякаго рода.

Со времени Цезаря и Августа колоссальное зданіе цирка становилось все болѣе и болѣе блестящимъ и великолѣпнымъ. Діонисій Галикарнасскій такъ его описываетъ: «Съ теченіемъ времени этотъ циркъ сталъ красивѣйшимъ зданіемъ въ цѣломъ Римѣ. Вну-

треннее пространство его, на которомъ происходили ристанія, и которое, будучи усыпано пескомъ, называлось ареной, простиралось на 2187 ф. въ длину и около 650 ф. въ ширину; такимъ образомъ все зданіе занимало около 5 осьминниковъ земли [1]). Вокругъ арены возлѣ мѣстъ для зрителей тянется каналъ (эврипъ) шириною въ 10 ф. и во столько же глубиною, весь наполненный водой. Только съ той стороны, гдѣ карцеры, нѣтъ такого рва. За этимъ рвомъ вокругъ всей арены [2]) идутъ три соприкасающіеся ряда камеръ со сводами. Надъ крайнимъ рядомъ камеръ возвышаются еще два этажа такихъ же камеръ, а надъ среднимъ рядомъ — одинъ этажъ. По верху этихъ камеръ со сводами, въ видѣ трехъ-ярусанаго амфитеатра окружающихъ арену, устроены мѣста для зрителей, идущія снизу вверхъ на подобіе лѣстницъ. Въ двухъ нижнихъ ярусахъ эти мѣста сдѣланы изъ камня, въ верхнемъ — изъ дерева.»

Послѣднимъ обстоятельствомъ объясняется, почему циркъ не разъ могъ быть жертвою пожаровъ, и какимъ образомъ при Антонинѣ Благочестивомъ во время игръ въ честь Аполлона (ludi Apollinares) одна часть ступеней обрушилась, при чемъ погибло до 1,100 зрителей. На этихъ ступеняхъ, по показанію Діонисія, могло помѣститься до 150 тысячъ зрителей, по Плинію же —до 260 тысячъ [3]). Передъ арками карцеровъ стояли двѣ небольшія статуи Меркурія; онѣ держали цѣпь или канатъ, не позволявшій конямъ выдвигаться впередъ, пока не давался сигналъ для начала ристаній. Вмѣсто цѣпи или каната проводилась иногда борозда, наполнявшаяся известью; за ней *мораторы* держали лошадей до времени бѣга. Эта линія служила также для обозначенія конца бѣга. По срединѣ арены, почти во всю длину, ея шла стѣна, *спина* (spina), въ 12 футовъ шириною и 4 фута вышиною. По обоимъ ея концамъ стояли три небольшія колонны, *меты* (metae), служившія цѣлію. Между ними и каналомъ съ трехъ сторонъ и карцерами съ четвертой могли свободно проѣзжать четыре колесницы рядомъ. Верхняя поверхность

[1]) Тридцатной мѣры; точнѣе 1,421,550 □ римскихъ футовъ.

[2]) Т. е. кромѣ той стороны, гдѣ карцеры.

[3]) Нѣкоторые думаютъ, что вмѣсто этого числа должно читать 160 тысячъ. Впрочемъ можетъ-быть Плиній и Діонисій имѣютъ въ виду не одно и то же время, а извѣстно, что позднѣйшія пристройки значительно увеличили вмѣстительность цирка. Императоръ Траянъ, обновившій циркъ, хвалился тѣмъ, что въ немъ по возобновленіи могутъ помѣститься всѣ Римляне.

Примѣч. переводчика.

этой оси цирка (spina) украшалась статуями. При первой метѣ (meta), которая обращена была къ карцерамъ, стояли другія семь небольшихъ колоннъ, на вершинѣ которыхъ находились овальные шарики, называвшіеся яйцами, ova. Для того чтобъ отмѣчать, сколько разъ объѣхали колесницы вокругъ спины, каждый разъ снимался съ этихъ колоннъ одинъ такой шарикъ. Каждое ристаніе состояло изъ семи круговъ около спины; поэтому тотъ оставался побѣдителемъ, кто при седьмомъ кругѣ скорѣе другихъ достигалъ меты. Семь такихъ круговъ назывались однимъ выпускомъ, missus. Въ особенныхъ случаяхъ, преимущественно же когда кромѣ ристаній предполагались еще и другія игры въ циркѣ, спина снималась, и меты и ova оставались однѣ на аренѣ.

Во всѣхъ этихъ играхъ древности можно замѣтить существенное различіе между Греками и Римлянами. У Грековъ самые знатные люди сами принимали участіе въ играхъ, Римляне же до паденія республики оставались только зрителями. Въ первыя времена республики считалось несовмѣстнымъ съ достоинствомъ гражданина даже и то, когда онъ давалъ своихъ коней для игръ цирка. Самыя игры производились на счетъ республики, отдѣльныхъ сановниковъ или, въ послѣдствіи, императоровъ, но возницами и бойцами выступали только рабы. Только къ концу республики между знатными Римлянами нашлись охотники лично участвовать въ играхъ.

На ряду съ играми циркъ употреблялся еще и для того, чтобы выказать любовь къ пышности и расточительность цезарей. Такъ Пробъ велѣлъ пересадить на середину арены множество огромныхъ, вырытыхъ съ корнемъ деревъ; этотъ волшебный лѣсъ былъ наполненъ тысячью страусовъ, сернъ, ланей и дикихъ вепрей, — и все это предоставлено въ добычу народу. При Каринѣ циркъ былъ обращенъ въ ѳракійскую гору, украшенъ дорогими плодовитыми деревьями и орошенъ источникомъ, который низвергался на арену съ самой вершины скалы.

Эти отдѣльныя черты, переданныя намъ изъ разныхъ временъ, могутъ дать нѣкоторое понятіе о томъ, что̀ происходило въ римскомъ циркѣ. Но только подробныя извѣстія о безумной къ этимъ играмъ страсти Калигулы даютъ возможность перенестись на цѣлый день въ римскій циркъ и мысленно пережить всѣ приготовленія къ нему, всѣ радости, и горестныя явленія, какими этотъ день сопровождался. Мелкіе камни, которые я собралъ для этой мозаической картины, суть достовѣрныя данныя, и при ихъ соединеніи я позволилъ себѣ только то, что̀ позволено — ежели можно сравни-

вать малое съ великимъ — ландшафтному живописцу, изображающему какой-нибудь пейзажъ напамять съ помощію своего альбома и не навлекающему на себя порицанія, ежели для наполненія пустаго перваго плана онъ помѣститъ дерево, котораго нѣтъ въ дѣйствительности. Я только предполагалъ, что то, что̀ *каждый разъ* случалось, случилось и въ тотъ день, который я пытался изобразить, и думаю, что отъ этого нисколько не пострадаетъ *внутренняя* истина.

—

Я избираю для такого изображенія блестящую эпоху игръ при императорѣ Каіѣ, болѣе извѣстномъ подъ именемъ Калигулы. Калигула имѣлъ счастіе, по смерти своего предшественника Тиберія, найдти въ казнохранилищѣ около 150 милліоновъ рубл. серебромъ, а чернь римская вмѣняла ему въ особую заслугу, что онъ въ девять мѣсяцевъ истратилъ эту огромную сумму на увеселенія и празднества всякаго рода. Онъ предположилъ себѣ въ полномъ и еще невиданномъ блескѣ возвратить Римлянамъ тѣ увеселенія, которыхъ они, къ великому своему прискорбію, лишены были въ мрачное правленіе Тиберія. Онъ постановилъ — достойнымъ образомъ воскресить эти игры въ день своего рожденія, 31-го августа.

Превосходныя дороги, устроенныя его предшественниками и соединявшія бо̀льшую часть римскаго царства съ столицею міра, давали возможность, съ помощью императорскихъ почтъ, отвсюду, даже изъ самыхъ отдаленныхъ провинцій Имперіи, съ невѣроятною быстротою собрать все то, чѣмъ цезарь надѣялся изумить своихъ Римлянъ. По всей Имперіи пришли въ движеніе легкія двухколесныя, запряженныя тремя мулами, колымаги (cisia), служившія обыкновенно для пассажировъ и нагружаемыя не болѣе какъ двумя стами фунтами; это движеніе имѣло цѣлью или возложить на правителей провинцій покупки, предположенныя цезаремъ, или возвѣстить по всей Имперіи о предстоящемъ празднествѣ и вызвать въ Римъ на состязаніе искуснѣйшихъ возницъ, бойцовъ и укротителей звѣрей. Намѣстники африканскихъ и азіятскихъ провинцій получили приказаніе немедленно устроить ловли звѣрей, и самыхъ дикихъ и рѣдкихъ изъ нихъ въ клѣткахъ доставить въ Римъ, либо на корабляхъ, либо на четырехъ-колесныхъ телѣгахъ, запрягавшихся восемью мулами и перевозившихъ обыкновенно тяжелую почту съ одной станціи на другую. Намѣстники должны

были озаботиться и тѣмъ, чтобы ни въ одномъ городѣ не было остановки звѣрямъ и ихъ вожатаямъ болѣе какъ на семь дней.

Какъ ни полны были императорскія конюшни, однакожь римскіе богачи спѣшили выхлопотать себѣ у императора такъ-называемую evectio, т. е. позволеніе безденежно пользоваться почтовыми учрежденіями Имперіи для того, чтобъ отвсюду — изъ Италіи, Сициліи, Каппадокіи и Аравіи — вывозить благороднѣйшихъ лошадей для предстоящихъ состязаній. Правда, лошади, назначаемыя для ристаній, покупались и содержались на счетъ государства, однакожь партіи цирка, богатые частные люди и самъ императоръ имѣли еще собственныхъ своихъ лошадей и выставляли ихъ на состязаніе въ циркѣ. Такія лошади были не старше пяти лѣтъ, безукоризненнаго склада и цвѣта, и потому цѣна имъ никогда не бывала ниже 1,500 рублей серебромъ на наши деньги. И несмотря на то, по увѣренію Варрона, такихъ лошадей было въ Римѣ не менѣе 400 тысячъ. Въ цѣломъ Римѣ не было другаго разговора кромѣ какъ о предстоящихъ играхъ, и чѣмъ болѣе приближался день игръ, чѣмъ болѣе узнавались новыя покупки, тѣмъ оживленнѣе становился споръ объ исходѣ бѣговъ и о предполагаемыхъ побѣдителяхъ. На огромныя суммы бились объ закладъ о торжествѣ того или другаго возницы. Праздная чернь обступала городскія ворота, чтобъ посмотрѣть на рѣдкости, отвсюду привозимыя для увеселенія народа.

Еще большее оживленіе замѣтно было въ тѣхъ кружкахъ, которые принимали прямое участіе въ играхъ. Наиболѣе заняты были въ продолженіе цѣлыхъ мѣсяцевъ до начала игръ владѣтели возницъ и сами возницы.

Для того, чтобы сдѣлать яснымъ устройство игръ, которое со всѣми своими злоупотребленіями продолжалось до времени Юстиніана и при немъ было поводомъ къ великому мятежу въ Константинополѣ, во время котораго Юстиніанова гвардія изрубила 30,000 человѣкъ, необходимо прибавить слѣдующія черты. Великія игры въ циркѣ давались на счетъ государства, или назначенными для того высшими сановниками на собственный ихъ счетъ; но сами наѣздники или возницы, aurigae, правившіе колесницами въ циркѣ, были или рабы, или вольноотпущенники и чужестранцы, которые пріѣзжали въ тотъ городъ, гдѣ давались игры цирка. Большинство авригъ было всегда изъ рабовъ, и ими промышляли богатые Римляне. Владѣтель большаго числа такихъ несвободныхъ возницъ назывался dominus gregis, т. е. господинъ труппы, отряда возницъ, а труппа, находящаяся подъ его властью, называ-

лась familia quadrigaria (quadriga — колесница, запряженная четырьмя конями). Тѣ, кто обязанъ былъ на свой счетъ давать игры (editores ludorum), нанимали на время игръ у этихъ владѣтелей столько возницъ, сколько требовалось, а вмѣстѣ съ ними и лошадей, ливреи, колесницы и все нужное для игръ. Содержатели возницъ имѣли во времена имперіи право безмезднаго пользованія почтами, для того чтобы изъ всѣхъ странъ древняго міра собирать въ Римъ лучшихъ лошадей и искуснѣйшихъ возницъ или вербовать ихъ черезъ своихъ повѣренныхъ въ ближайшихъ къ Риму мѣстностяхъ. — Самый бѣгъ сначала состоялъ въ состязаніи только двухъ колесницъ, возницы которыхъ различались разнаго цвѣта одеждою, бѣлою и красною. Въ послѣдствіи, когда обыкновенно пускались четыре колесницы рядомъ, прибавлены были еще два цвѣта, свѣтло-голубой и свѣтло-зеленый. Невинное участіе, какое сначала принималъ народъ въ торжествѣ того или другаго цвѣта, при императорахъ стало причиною неистовыхъ раздоровъ для всего римскаго народонаселенія. Когда начали давать игры въ колоссальныхъ размѣрахъ, содержатели возницъ стали соединяться въ компаніи или общества; такихъ обществъ, по числу разноцвѣтныхъ ливрей на возницахъ, было обыкновенно четыре, и они назывались factiones или партіями цирка. А послѣ того какъ значительнѣйшіе граждане стали лично принимать участіе въ играхъ, и болѣе богатые Римляне держали на свой счетъ авригъ и колесницы, чтобы пускать ихъ на состязанія въ циркѣ, то въ знатномъ обществѣ обратилось въ моду брать сторону того или другаго цвѣта и посѣщать манежи (stabula) той или другой партіи; даже сами императоры открыто принимали сторону одного изъ главныхъ цвѣтовъ, голубаго или зеленаго. Люди хорошаго тона непремѣнно должны были записываться членами въ той или другой партіи. Наконецъ цвѣтамъ цирка придавали и мистическое значеніе: такъ напримѣръ борьба зеленыхъ и голубыхъ должна была означать борьбу земли и моря, борьба всѣхъ четырехъ цвѣтовъ — борьбу четырехъ временъ года и т. п.

Тѣ авриги, которые не были рабами, но за плату нанимались у одной изъ партій, хотя и держались обыкновенно одного какого-нибудь цвѣта, однакожь за бо́льшую плату нерѣдко продавали свои услуги другой, даже враждебной, партіи. Такъ на многочисленныхъ надписяхъ, сохранившихъ память и славу знаменитыхъ возницъ, нерѣдко означены побѣды, которыя одинъ и тотъ же возница одерживалъ то въ пользу одного, то въ пользу другаго цвѣта. Свободный же Римлянинъ, объявившій себя однажды въ пользу ка-

кой либо партіи, не могъ уже перемѣнить ее на другую, не навлекая на себя позорнаго имени «перебѣжчика». Всѣ Римляне, за немногими исключеніями, принадлежали къ одной изъ этихъ, такъ правильно установленныхъ, партій, и въ позднѣйшее время вожди партій употребляли своихъ приверженцевъ въ политическихъ и церковныхъ распряхъ, чтобы съ ихъ помощію достигнуть своихъ личныхъ цѣлей.

Каждая изъ этихъ четырехъ партій имѣла свой особый конный дворъ или манежъ (stabulum), въ которомъ хранилась вся ея утварь и стояли лошади. Въ этихъ же манежахъ жили и многочисленныя, принадлежащія партіи, служащія лица. Во главѣ ихъ стоялъ quaestor factionis; онъ завѣдывалъ приходомъ и расходомъ, и выигранныя суммы раздѣлялъ между содержателями возницъ. Возлѣ нихъ жили принадлежавшіе особо каждой партіи медики, которые оказывали пособіе потерпѣвшимъ или на состязаніяхъ въ циркѣ, или во время предшествующихъ тому упражненій. Margaritarii имѣли подъ своимъ сбереженіемъ дорогія вещи и украшенія, tentores — платья авригъ; наконецъ ремесленники всякаго рода должны были заботиться о починкѣ и поновленіи платья и колесницъ. При такомъ устройствѣ императоры имѣли возможность безъ всякаго приготовленія давать блестящія игры (subiti ludi).

Въ этихъ-то манежахъ началось безпрерывное, живое движеніе, лишь только императоръ Кай назначилъ игры. Возницы и новыя лошади были тщательно обучаемы, а лучшихъ изъ нихъ подвергали заклинаніямъ чародѣевъ. Покровители той или другой партіи проводили здѣсь все свое время, чтобъ вдоволь надивиться успѣхамъ возницъ и дрессировкѣ лошадей. Самъ императоръ, могущественный покровитель зеленой партіи и до безумія преданный играмъ, по цѣлымъ днямъ, съ утра до вечера, оставался въ конюшняхъ и въ нихъ даже располагался обѣдать. Въ числѣ императорскихъ коней особенно замѣчателенъ былъ одинъ конь благороднѣйшей породы, по имени Инцитатъ. Онъ былъ любимцемъ Калигулы, часто получалъ отъ него приглашеніе въ гости, и когда ему случалось принимать свой кормъ у императора, то овесъ и питье подавались ему не иначе, какъ въ золотой посудѣ. Въ мраморномъ стойлѣ своемъ Инцитатъ ѣлъ изъ яслей, сдѣланныхъ изъ слоновой кости, и императоръ подарилъ ему наконецъ, кромѣ пурпуровой попоны и недоуздка, украшеннаго драгоцѣнными камнями, цѣлый домъ, вполнѣ меблированный и снабженный нужною прислугой: знатныхъ Римлянъ, которыхъ цезарь принуждалъ ухаживать за

своею любимою лошадью, Инцитатъ приглашалъ къ себѣ въ гости и, въ вознагражденіе за ихъ вѣжливость, великолѣпно ихъ угощалъ.

Среди этихъ приготовленій къ ристаніямъ привозились мало-помалу въ Римъ и тѣ звѣри, которые пойманы были въ отдаленнѣйшихъ провинціяхъ, и содержались въ огромномъ каменномъ зданіи, назначенномъ для ихъ жительства и дрессировки (vivarium). Оно находилось внѣ города между Номентанскими и Тибурскими воротами, и до сихъ поръ его развалины еще свидѣтельствуютъ о чрезмѣрной его величинѣ. Кайй Цезарь измѣнилъ всегдашній обычай, не велѣлъ напередъ показывать народу рѣдчайшихъ звѣрей, и допустилъ исключеніе лишь одной громадной змѣи, которая не должна была участвовать въ давно ожиданныхъ играхъ. Звѣри назначаемые для травли оставались въ своихъ клѣткахъ; тѣ же, которые должны были изумлять народъ своею дрессировкой, были поручаемы звѣреукротителямъ, mansuetariis. Эти мастера начинали свое дѣло съ того, что вымазывали пасть дикимъ львамъ, медвѣдямъ, пантерамъ, особымъ сокомъ, именно chalcanthum; этотъ сокъ, по замѣчанію Эліана, имѣлъ такую вяжущую силу, что звѣри становились неспособными кусаться. Для дальнѣйшей выучки Филостратъ даетъ слѣдующее наставленіе: «Берегитесь бить дикихъ звѣрей, вы возбудите въ нихъ чувство мести; но и не ласкайтесь къ нимъ слишкомъ много и не обходитесь съ ними боязливо, ибо иначе станутъ надменны и не послушны; чтобъ сдѣлать ихъ ласковыми и ручными, должно ихъ гладить рукою.» Далѣе Эліанъ упоминаетъ способъ вполнѣ укрощать ихъ голодомъ и разнообразіемъ корма. До какого искусства доходили эти мансуэтаріи въ дѣлѣ укрощенія, показываетъ примѣръ Аннона, левъ котораго носилъ поноску подобно собакѣ, и еще болѣе примѣръ льва Вероники, который, по разсказу Эліана, служилъ ей вмѣсто горничной (ancilla ornatrix), разглаживалъ языкомъ морщины, обѣдалъ съ нею за однимъ столомъ, умѣренно и съ обычными разстановками. Эліанъ увѣряетъ даже, будто онъ видѣлъ слона, который писалъ хоботомъ на доскѣ латинскія буквы и всегда правильно.

Возлѣ этого звѣринца ежедневно толпились любопытныя массы народа, чтобы въ предвкушеніи назначеннаго празднества насладиться по крайней мѣрѣ стонами и громовымъ рычаніемъ рѣдкихъ животныхъ. Калигула самъ наблюдалъ за успѣхами своихъ дикихъ питомцевъ и далъ при этомъ ужасающій образчикъ своей жестокости. Его біографъ Светоній разсказываетъ, что при одномъ такомъ случаѣ смотритель звѣринца жаловался Калигулѣ на дороговизну

скота, припасаемаго для прокормленія такого множества дикихъ звѣрей. Калигула равнодушно отвѣчалъ, что въ такомъ случаѣ должно кормить звѣрей преступниками. Преступники были вытащены изъ темницъ и поставлены въ залѣ въ одинъ длинный рядъ передъ цезаремъ. Случилось такъ, что на обоихъ концахъ этого ряда узниковъ, содержавшихся за различныя преступленія, стояли лысые. Не обращая вниманія на вину каждаго, Калигула приказалъ отъ одной лысой головы до другой, то есть, цѣлый рядъ, бросить на пищу звѣрямъ.

Вотъ приближается день игръ. Со всѣхъ сторонъ міра стекаются въ Римъ зрители, и Марціалъ совершенно справедливо спрашиваетъ, гдѣ тотъ народъ, который бы не имѣлъ своего представителя въ числѣ зрителей. Ѳракійцы, Сарматы, Египтяне, Арабы, сыны Ливійской пустыни и Эѳіопляне—всѣ сбираются въ Римъ. Домы богатые и знатные наполняются гостями, становятся еще многолюднѣе, чѣмъ бывало во времена Цицерона, который уже тогда говорилъ о Сизеннѣ, что во время игръ цирка домъ его былъ наполненъ знатнѣйшими гостями. Кто не находилъ пристанища въ домѣ своего друга, того помѣщали гдѣ-нибудь на ночь вблизи цирка: въ этомъ и состояла главнѣйшимъ образомъ услужливость хозяина относительно гостей. Наконецъ приходитъ вечеръ наканунѣ праздника, и толпы любопытныхъ изъ ближайшихъ окрестностей Рима стекается въ городъ. Ночной шумъ все усиливается вокругъ цирка. Конюшня роскошнаго Инцитата находилась возлѣ самаго цирка, а такъ какъ на утро онъ долженъ доказать свою силу, то цезарь боится за ночное спокойствіе своего любимца. Онъ отправляетъ отрядъ войска для соблюденія глубочайшей тишины вблизи конюшни. Только въ залахъ несчастныхъ преступниковъ, которые на другой день должны вынести смертельный бой съ дикими звѣрями, только здѣсь еще слышенъ оглушающій шумъ. Изъ мрачныхъ темницъ выпустили ихъ въ пространныя залы, для того чтобы, по суровому обычаю того времени, наканунѣ страшной борьбы, угостить ихъ на государственный счетъ всѣмъ, что только пожелаетъ ихъ безчувственность или отчаяніе.

Около полуночи городская толпа уже ломится съ шумомъ въ циркъ, чтобъ занять лучшія даровыя мѣста (loca gratuita). Всадники и знатныя дамы среди суматохи. Шумъ при вторженіи въ циркъ и борьбѣ за мѣста и дикое бушеваніе въ темныхъ, безконечныхъ пространствахъ цирка пробудили отъ сна Калигулу. Такъ какъ на другое утро онъ намѣренъ былъ лично открыть игры въ качествѣ

возницы, то онъ имѣлъ столько же правъ на отдохновеніе ночью, какъ Инцитатъ, и потому велѣлъ безпокойную толпу выгнать палками изъ цирка. Въ темнотѣ ночи и въ толпѣ бѣжавшихъ отъ ударовъ задавлены были двадцать римскихъ всадниковъ и столько же дамъ, кромѣ (такъ разсказываетъ Светоній) безчисленнаго множества простыхъ людей. Но любопытство Римлянъ нисколько не было остановлено этимъ ужаснымъ произшествіемъ. На разсвѣтѣ дня циркъ былъ весь наполненъ, какъ и прежде.

Разсмотримъ теперь пока до начала игръ огромное зданіе цирка. Мы стоимъ у большаго входа, у самаго крайняго изгиба полукруга. Справа и слѣва у насъ два меньшіе входа. Главныя большія ворота ведутъ въ средину арены, и черезъ нихъ вступаетъ пышная помпа, которою открываются игры, на арену. Надъ этими большими воротами находится maenianum, ложа императора. Прямо противъ нихъ, на другомъ концѣ цирка, видно большое зданіе съ тринадцатью входами, обращенными на арену, изъ которыхъ средній значительно больше всѣхъ другихъ. Этотъ средній входъ назначенъ для возвращенія въ oppidum скаковыхъ лошадей, колесницъ и прочаго аппарата игръ; остальныя двѣнадцать воротъ назначены для выпуска на арену колесницъ, лошадей и дикихъ звѣрей. Большое зданіе надъ этими тринадцатью входами заключаетъ въ себѣ частію квартиры служащихъ при циркѣ, частію ложи (maeniana). Если мы взглянемъ — все еще стоя передъ циркомъ — вверхъ на внѣшнюю сторону окружающаго арену зданія, то стѣны цирка состоятъ изъ трехъ одинъ надъ другимъ лежащихъ рядовъ аркъ столь большаго размѣра, что высота наружныхъ стѣнъ цирка возвышается надъ самыми высокими зданіями. Въ самомъ нижнемъ ряду, лежащемъ на землѣ, находятся разныя лавки и мастерскія, и всякая потребность сластолюбивыхъ и расточительныхъ Римлянъ находитъ себѣ здѣсь удовлетвореніе; во второмъ ряду находятся жилища, а третій, верхній рядъ, образуетъ широкую крытую галлерею.

Вотъ ужь наступилъ день, и прежде, чѣмъ войдемъ мы во внутренность цирка, мы прогуляемся по этимъ аркадамъ, въ которыхъ огромное населеніе Рима находитъ всѣ предметы своего потребленія, отъ самыхъ простыхъ до самыхъ изысканныхъ изобрѣтеній роскоши. Съ обѣихъ сторонъ главныхъ воротъ первое мѣсто подъ этими арками занимаютъ лавки съ съѣстными припасами всякаго рода, булочныя, лавки съ галльскою солониною и ветчиною, съ соленою морскою рыбой изъ Испаніи. Рядомъ съ ними лавки съ гре-

ческимъ медомъ и греческимъ виномъ, которое вытѣснило итальянское вино съ тѣхъ поръ, какъ Лукуллъ, воротившись изъ Азіи, велѣлъ раздать его сто тысячъ ведеръ. За этими винными магазинами слѣдуютъ лавки съ лакомыми для римскихъ сластолюбцевъ кушаньями; въ нихъ продаются фригійскіе пѣтухи, испанскіе павлины, мелосскіе журавли и откормленныя устрицы изъ Лукринскаго озера. Далѣе продаются дорогія приправы или специи индійскія: корица, имбирь, благоухающій нардъ и драгоцѣнныя листья малабатра и бетеля, которые употреблялись для куреній и были такъ дороги, что фунтъ ихъ стоилъ около 65 рублей серебромъ, что̀ однакоже не удержало Нерона обратить въ дымъ, при погребеніи Поппеи, столько этихъ дорогихъ благовоній, сколько Аравія могла произрастить ихъ въ годъ.

Во всѣхъ этихъ лавкахъ при самомъ началѣ дня начался шумъ и толкотня; но пусты еще тѣ болѣе отдаленныя лавки, въ которыхъ большой свѣтъ находилъ удовлетвореніе всѣмъ прихотямъ своего туалета. Только начинаютъ открываться лавки съ дорогими шелковыми матеріями, привезенными съ острова Коса, съ матеріями всякаго рода, отъ самаго тонкаго муслина до самой грубой пестрой выбойки, какую доставляли въ Римъ египетскіе купцы; выставляютъ свои товары ювелиры, драгоцѣнные камни изъ Индіи и перлы изъ Нелькинды; выставляются дорогія хрустальныя вещи и сосуды изъ мурры (драгоцѣнная глина, родъ фарфора: за одинъ изъ такихъ сосудовъ Титъ Петроній заплатилъ около 450,000 рублей серебромъ); наконецъ на самомъ краю длиннаго ряда открываются косметическіе магазины для римскихъ дамъ, съ румянами, помадами, съ коробочками, въ которыхъ хранится истертая въ порошокъ пемза, назначенная для того, чтобъ выглаживать кожу римскихъ дамъ по снятіи тѣста изъ пшеничной муки и ослинаго молока, которымъ онѣ на ночь покрывали свое лицо для сохраненія свѣжести и цвѣта лица.

Между тѣмъ циркъ наполнился вплоть до самаго верхняго ряда, и вотъ мы черезъ большія ворота входимъ на арену. Вмѣсто обыкновеннаго песку усыпана она нынѣ истолченнымъ въ порошокъ зеленымъ малахитомъ, яркая зелень котораго пестрится красными полосами киновари; потому что цезарь, ревностный приверженецъ зеленой партіи, съ которою соединилась красная, въ первый разъ нынѣ хочетъ выступить какъ возничій, и притомъ въ ливреѣ зеленой партіи, prasina factio.

Кругомъ арены, за исключеніемъ той стороны, откуда выбѣга-

ютъ колесницы, обходитъ эврипъ, этотъ наполненный водою каналъ, имѣющій десять футовъ ширины и столько же глубины, окруженный стѣною въ двѣнадцать футовъ вышины, вокругъ которой идутъ перила, а за ними сидятъ сенаторы; въ первый разъ нынѣ на ихъ каменныхъ скамьяхъ лежитъ по подушкѣ (pulvillus). За ихъ мѣстами поднимаются лѣстницею вверхъ пятьдесятъ рядовъ мѣстъ, до самой верхней галлереи, которая образуетъ самый высокій ярусъ цирка. Мѣста всѣ каменныя, они имѣютъ 1 футъ 4 дюйма вышины и $2^1/_2$ фута ширины. Они такъ широки для того, чтобы можно было входящимъ пройдти къ своимъ мѣстамъ сзади другихъ, которые пришли и сѣли прежде. Эти ряды мѣстъ раздѣлены на отдѣленія лѣстницами, ведущими въ циркъ изъ 64 дверей. Всякое такое отдѣленіе между двумя лѣстницами называется клиномъ, cuneus, и императоры, равно какъ и сановники, которые давали игры, берегли часто всѣ мѣста одного такого отдѣленія для чужестранцевъ и друзей. Двери, которыми входили на лѣстницы, идущія между мѣстами для зрителей, такъ-называемыя vomitoria, вели въ пространные корридоры, родъ нашихъ фойе, широкими выходами, по широкимъ лѣстницамъ; онѣ были такъ хорошо расположены, что никогда при выходѣ не могло быть тѣсноты. Вдоль рядовъ, у ногъ сидящихъ зрителей, проведены небольшіе желоба, чтобы отводить воду, въ случаѣ, если внезапный дождь польется въ некрытый циркъ.

Все еще приходятъ новые зрители, и назначенные для указанія мѣстъ designatores съ своими ликторами стараются сохранить порядокъ. Друзья императора приходятъ поздно, въ надеждѣ на сбереженныя для нихъ мѣста, и видятъ, что ихъ мѣста уже заняты; они обращаются къ одному изъ дезигнаторовъ, и тотъ посылаетъ одного изъ своихъ ликторовъ сказать дерзкому, занявшему чужое мѣсто: «surge» (встань). Но и кромѣ того безпрастанно бываетъ перемѣна мѣста. Марціалъ оставилъ намъ живое изображеніе того, какъ дезигнаторъ Лекцій гонялъ какого-то Наннея. Этому Наннею какъ-то удалось пробраться на мѣста всадниковъ. Съ мѣста на мѣсто гоняетъ его Лекцій до самаго края скамьи всадниковъ, гдѣ онъ одною половиной тѣла сидитъ, а другою виситъ на воздухѣ, такъ что осматривающему мѣста дезигнатору онъ можетъ сказать, что стоитъ, и въ то же время похвастать передъ другими, что сидѣлъ между всадниками. Уже ночью втѣснялись бѣднѣйшіе Римляне въ циркъ, дабы занять лучшія нижнія мѣста и уступить ихъ потомъ за извѣстную плату тѣмъ, которые опаздывали. Болѣе

богатые Римляне, которымъ не хотѣлось еще ночью доставать себѣ мѣста, охотно платили за мѣста этимъ спекуляторамъ, которые и назывались потому locarii. Этотъ промыселъ былъ не безъ выгоды, и не малое число бѣдныхъ Римлянъ не занимались въ продолженіи года ничѣмъ другимъ: они первые захватывали мѣста и никогда не смотрѣли сами на зрѣлище.

Прежде чѣмъ позаботимся мы занять для себя удобное мѣсто, посмотримъ еще разъ, стоя внизу на аренѣ, на этотъ огромный приливъ зрителей. Прямо надъ ареною сидятъ сенаторы въ полной формѣ, безъ которой дезигнаторъ не пуститъ ихъ на сенаторскія мѣста; но отъ солнца и дождя надѣли они поверхъ своего сенаторскаго платья толстый плащъ съ капуцею (paenula). Молодые сенаторы, какъ послушные ученики своего учителя въ наукѣ любви, поэта Овидія, предпочли неузнанные сѣсть въ болѣе отдаленныхъ рядахъ, гдѣ въ пестромъ смѣшеніи всѣ состоянія старались убить время до начала игръ въ разговорахъ и шуткахъ всякаго рода. Позади зрителей начинается дѣятельность различныхъ промысловъ, получившихъ свое начало частію отъ безнравственности большаго города, частію отъ предразсудковъ и скуки. Дѣятельнѣе всѣхъ математики, которые стараются сократить длинное время для ожидающихъ зрителей предсказаніями за небольшую плату. Народъ называлъ общимъ именемъ математиковъ всѣхъ странствовавшихъ въ Римѣ предсказателей, халдеевъ и маговъ. Самыя строгія мѣры сената и императоровъ не могли очистить городъ отъ этихъ промышленниковъ; наказанія, имъ назначаемыя, возвышали только вѣру въ ихъ искусство, такъ что наконецъ ловкій магъ сталъ необходимою принадлежностію знатнаго дома. Между ними толкаются мальчики, прибыльно торгующіе самыми простыми вещами. Одинъ предлагаетъ орѣхи, другой другія лакомства, третій носитъ кувшинъ съ водою.

Наконецъ по долгомъ ожиданіи одинъ изъ зрителей возвѣщаетъ, что праздничная помпа двинулась и скоро будетъ у цирка. Группа болтающихъ расходится; всѣ спѣшатъ къ своимъ мѣстамъ. Возьмемъ и мы одно мѣсто, откуда можно было бы обозрѣть начинающіяся игры. Звукъ трубъ возвѣщаетъ прибытіе императора, и вслѣдъ за тѣмъ показывается начало необозримой процессіи: идутъ ликторы и императорскіе тѣлохранители — конные и пѣшіе, за ними ѣдетъ самъ цезарь въ цвѣтахъ зеленой партіи на колесницѣ изъ слоновой кости, запряженной шестью лошадьми въ рядъ. Цезарь самъ правитъ лошадьми; подлѣ него находится какъ служитель въ зеленой

ливреѣ Вителлій, въ послѣдствіи бывшій тоже императоромъ. При вступленіи цезаря на арену, перваго императора, который лично принимаетъ участіе въ ристаніяхъ, поднимаются сенаторы и слагаютъ пенулу. Раздается громко несканчаемый крикъ народа. Еще при первыхъ императорахъ образовался въ Римѣ особенный обычай встрѣчать императора (при его вступленіи въ публичное собраніе) льстивыми восклицаніями въ опредѣленномъ числѣ и въ гармоническомъ риѳмѣ. Чтобы не было недостатка при этомъ въ числѣ повтореній, чтобы не было ошибки въ тактѣ, по всему цирку разставлены были люди, которые должны были монотонно пѣть эти привѣтствія, а за ними уже повторялъ ихъ unisono народъ. Съ педантическою точностію разсказываетъ намъ объ этомъ Вописк въ жизнеописаніи младшаго Клавдія. Когда Клавдій вступилъ въ циркъ, то ему прокричали шестьдесятъ разъ: «да сохранятъ тебя боги для насъ!» — сорокъ разъ: «мы всегда желали такого цезаря, какъ ты!» — наконецъ восемьдесятъ разъ: «ты нашъ отецъ, братъ, другъ, ты хорошій сенаторъ и истинный цезарь!»

Когда народъ привѣтствовалъ Калигулу подобными восклицаніями, цезарь, медленно объѣзжая кругомъ арену, благодарилъ хлыстомъ (flagello veneratur). Сто колесницъ, запряженныхъ четвернею, слѣдовали за императоромъ; шествіе замыкали двѣ колесницы, изъ которыхъ одна запряжена была четырьмя верблюдами, другая четырьмя слонами. Медленно, при радостныхъ восклицаніяхъ народа, подвигалась эта процессія къ противоположнымъ воротамъ, чтобы начать ристаніе изъ малыхъ воротъ карцеровъ. Цезарь въ зеленомъ платьѣ самъ открываетъ ристаніе; считая недостойнымъ вступать въ состязаніе съ рабами, онъ велитъ тремъ сенаторамъ одѣться въ платье прочихъ партій и быть своими конкуррентами. Семь разъ должны колесницы объѣхать мету, отправляясь отъ лѣвой стороны къ правой. Калигула остался побѣдителемъ. Народъ, по странному обычаю цирка, съ радостными восклицаніями бросалъ вверхъ платье, безъ котораго можно было обойдтись. Тертулліанъ замѣчаетъ, что въ избыткѣ удовольствія нѣкоторые энтузіасты скидали съ себя все, и по окончаніи игръ, оставляли циркъ вовсе безъ платья.

Неронъ первый пріобрѣлъ славу формальной организаціи клакёровъ въ циркѣ. Когда онъ пѣлъ въ неапольскомъ театрѣ, случайно въ гавани находилось множество кораблей, пришедшихъ изъ Египта съ хлѣбомъ. Матросы и люди, находившіеся на этихъ корабляхъ, восхищенные тѣмъ, что видѣли своего кесаря пѣвцомъ на сценѣ, выразили свое удовольствіе особымъ музыкальнымъ шумомъ

по александрійскому обычаю. Неронъ, обрадованный этимъ новымъ способомъ одобренія, не хотѣлъ отказаться отъ этого удовольствія и въ Римѣ. По возвращеніи своемъ, онъ выбралъ самыхъ молодыхъ и сильныхъ всадниковъ и кромѣ того пять тысячъ изъ простыхъ гражданъ, крѣпкорукихъ въ собственномъ смыслѣ слова, велѣлъ обучить ихъ тремъ способамъ александрійскаго рукоплесканія (imbrices, bombi и testae) и начальникамъ этихъ клакёровъ платилъ по 2,300 руб. серебр. жалованья.

Калигула, довольный славою побѣдителя двухъ - трехъ сенаторовъ въ кучерскомъ искусствѣ, и своею неловкостью сдѣлавши хромымъ на всю жизнь Вителлія, смотрѣлъ теперь на ристанія изъ императорской ложи. Между тѣмъ въ карцерахъ кинутъ былъ жребій, кому изъ возницъ начинать ристаніе. Когда жребій опредѣлилъ первыхъ четырехъ по одному изъ каждой партіи, открылись четверо малыхъ ворóтъ карцеровъ, и четыре колесницы выѣхали нѣсколько шаговъ впередъ до цѣпи, которую держали двѣ небольшія статуи Меркурія. Колесницы были запряжены четвернею лошадей въ рядъ, изъ которыхъ двѣ были въ дышлѣ (equi jugales), а другія двѣ, какъ мы говоримъ, бѣжали на пристяжкѣ (equi funales). Лучшая лошадь должна была быть на лѣвой сторонѣ отъ кучера, потому что при поворотѣ около меты ей приходилось дѣлать самый малый изгибъ. Оттого во многихъ надписяхъ, въ которыхъ упоминаются имена одержавшихъ побѣду возничихъ и лошадей, называется всегда имя только одной этой лошади. Въ числѣ другихъ жребій выпалъ также возничему Цецинны Волатеррана, богатаго всадника и приверженца голубой партіи. Во время путешествія въ Римъ изъ своего помѣстья въ Греціи, онъ бралъ на дорогѣ въ домъ каждаго своего пріятеля по ласточкѣ и теперь ласточкамъ этимъ повязалъ на шею гóлубыя ленты. Когда, по окончаніи ристанія, его лошади одержали побѣду, и возничій получилъ изъ рукъ судей состязанія золотой вѣнокъ, тогда, при величайшемъ удовольствіи зрителей, выпустилъ онъ ласточекъ, и онѣ полетѣли изъ цирка по домамъ своимъ съ вѣстью о побѣдѣ.

Когда жгучее римское солнце августа мѣсяца поднялось выше стѣнъ цирка, цезарь приказалъ покрыть циркъ огромнымъ шелковымъ покрываломъ, великолѣпно вышитымъ золотомъ. Но около полудня, когда двадцать разъ уже перемѣнилось по двѣ пары возничихъ, цезарь вдругъ повелѣлъ снять покрывало и запретилъ зрителямъ оставлять циркъ. Съ четверть часа наслаждался цезарь мученіемъ Римлянъ, и потомъ далъ новый знакъ. Въ ту же минуту

покрылся циркъ густымъ влажнымъ облакомъ. Огромные напосы подъ ареною и въ верхней галлереѣ цирка оросили все пространство мелкимъ дождемъ благовонныхъ водъ. Въ то же время по маленькимъ желобкамъ въ ногахъ зрителей потекли ручьи благоухающей кроковой эссенціи, и тѣнистое покрывало снова закрыло циркъ, какъ будто Калигула хотѣлъ дать Римлянамъ вкусить нѣсколько адскихъ мукъ и потомъ возвратить ихъ къ наслажденіямъ рая.

Въ полдень кончился бѣгъ колесницъ, взмокшія лошади были вымыты и вычищены, и раздѣлены награды. Получившему первую награду давали золотой вѣнокъ и болѣе 1,500 руб. сереб. звонкою монетой, получившему вторую и третью награду — соразмѣрно менѣе. При каждомъ ристаніи слѣдовательно раздавалось 25 первыхъ, 25 вторыхъ и 25 третьихъ наградъ. Несвободные возничіе отдавали свои награды квестору общества, который и раздѣлялъ ихъ потомъ между членами общества. Глашатай провозглашалъ имена побѣдителей, и Калигула давалъ побѣдителямъ, принадлежавшимъ къ зеленой партіи, кромѣ обыкновенныхъ наградъ, еще дорогихъ лошадей.

Въ промежутокъ времени, когда игры въ полдень прекратились, зрители обыкновенно оставляли циркъ, чтобы позавтракать въ съѣстныхъ лавкахъ. Въ день рожденія Калигулы свидѣтели его побѣды должны были быть его гостями. Онъ самъ завтракалъ съ своими друзьями и любимцами въ императорской ложѣ. Для другихъ зрителей, какъ это было уже при Тиберіѣ, тысяча столовъ со всѣми возможными яствами поставлены были на аренѣ, и цезарь изъ своей ложи наслаждался пестрымъ смѣшеніемъ и суматохою сенаторовъ, всадниковъ, дамъ и черни, которыя послѣ двѣнадцатичасоваго лишенія со всею энергіею голода боролись вокругъ императорскихъ столовъ.

Но вотъ столы припяты, и зрители возвратились на свои мѣста. Скоро начнется охота. Начинается она такъ-называемою безкровною охотою, гдѣ показывается изумленному народу только послушаніе дрессированныхъ звѣрей. Укротители звѣрей выходятъ сначала съ двумя львами и съ извѣстнымъ числомъ зайцевъ; львы преслѣдуютъ зайцевъ, ловятъ ихъ и снова пускаютъ ихъ бѣжать. Мальчики разъѣзжаютъ кругомъ на буйволахъ; въ эврипѣ рыбы приходятъ и уходятъ на голосъ своихъ приставовъ; по огромному канату, протянутому съ верхней галлереи цирка внизъ на арену, съѣзжаетъ одинъ на слонѣ. Канатъ снимаютъ, выносятъ на арену шесть столовъ, кладутъ передъ каждымъ два матраца, на столахъ въ золо-

тыхъ и серебряныхъ сосудахъ ставятъ кушанья. Изъ карцеровъ выходятъ двѣнадцать слоновъ, шесть въ мужской, шесть въ женской одеждѣ; попарно идутъ они и садятся за столы и по данному знаку начинаютъ обѣдъ. Заключаются эти забавы, какъ пишетъ Эліанъ, ристаніемъ обезьянъ, которыхъ Римляне всегда привѣтствовали съ необыкновенною радостію. Четыре обезьяны, одѣтыя въ цвѣта четырехъ партій цирка, съ хлыстами наподобіе возничихъ, привязываются къ четыремъ неукротимымъ лошадямъ. Императоръ подаетъ знакъ, и безконечный смѣхъ сопровождаетъ несчастныхъ всадниковъ, при скачкѣ которыхъ остается нерѣшеннымъ, всадникъ ли болѣе досаденъ лошади, или лошадь всаднику.

Шесть часовъ уже продолжаются игры, и усталые зрители требуютъ болѣе пикантнаго. Вотъ подаютъ знакъ къ кровавой охотѣ.— До сихъ поръ игры въ циркѣ представляли только видъ удовольствій пышной столицы великаго государства. Исключивъ расточительный блескъ и почти баснословную роскошь, можно было бы вообразить себѣ возможность подобныхъ забавъ и въ столицахъ настоящаго міра. Описаніе происходящаго внутри цирка не столько поражаетъ насъ странностію явленій, сколько сходствомъ этихъ явленій въ древнемъ и новомъ мірѣ. Наше изумленіе возбуждается только утонченностію наслажденія и тѣми огромными средствами, которыя на это употреблялись. Совсѣмъ другой видъ представляютъ удовольствія послѣполуденныя. Ужасныя забавы, которыми народъ римскій утѣшался съ такою необъяснимою охотою, такъ далеки отъ образа мыслей и чувствованій нашего времени, что еслибы истина этихъ страшныхъ разсказовъ не была внѣ всякаго сомнѣнія, мы были бы готовы принять ихъ за сновидѣнія безумнаго. Мы съ намѣреніемъ опускаемъ здѣсь второй день игръ, когда цезарь, въ своей ненасытной страсти къ кровавымъ сценамъ, заставилъ сражаться на жизнь и смерть не отдѣльныхъ только бойцовъ, человѣкъ противъ человѣка, какъ было прежде, но цѣлыя толпы, тысячи противъ тысячей, такъ что мертвые, крюками таскаемые съ арены, цѣлыми кучами наполнили большой залъ цирка, гдѣ складывались трупы (такъ называемый spoliarium). Двадцать шесть всадниковъ были убиты въ одинъ день въ этомъ театральномъ побоищѣ подъ тѣмъ ничтожнымъ предлогомъ, что они моты и выступили въ гладіаторскомъ бою безъ позволенія цезаря. Огромнаго роста женщины и маленькіе карлики, собранные изъ всѣхъ провинцій Имперіи для этой ужасной забавы, должны были, какъ разсказываетъ одинъ современникъ Домиціана,

сражаться другъ съ другомъ на жизнь и смерть «для удовольствія бога войны и богини храбрости».

Но возвратимся опять въ циркъ, гдѣ начинается первое явленіе кровавой драмы, въ своемъ послѣднемъ актѣ превосходящей все, что̀ только можетъ придумать самый кровожадный духъ.

Первый актъ кровавой охоты составляетъ бой враждебныхъ звѣрей. Открываются въ карцерахъ двѣ клѣтки; изъ одной выбѣгаетъ на арену бѣшеный слонъ, возбужденный спиртными напитками; изъ другой вырывается другой колоссъ, носорогъ, раздраженный горячимъ желѣзомъ и громомъ трубъ. Начинается бой, и носорогъ остается побѣдителемъ. Служители цирка тащатъ съ арены слона съ распоротымъ животомъ, еще трепещущаго и стонущаго. Послѣ того носорогъ низлагаетъ еще огромнаго медвѣдя и уводится, привѣтствуемый народомъ, какъ побѣдитель. Теперь отворяются ближайшія къ эврипу ворота карцеровъ, и съ изумленіемъ видитъ народъ устремившуюся въ воды эврипа исполинскую нильскую лошадь; въ неравной бой съ нею вступаетъ медвѣдь. Въ заключеніе боя звѣрей между собою, отворяются вдругъ всѣ двери карцеровъ, и множество медвѣдей, львовъ, тигровъ, гіеннъ и леопардовъ выбѣгаютъ на арену и разрываютъ другъ друга въ ожесточенномъ бою. Діонъ Кассій говоритъ, что въ этотъ день рожденія Калигулы истреблено такимъ образомъ восемьсотъ различныхъ звѣрей. Убитые, полуразорванные звѣри выносятся и бросаются на улицы. «Голодная толпа римской черни, vulgus ignobile (какъ говоритъ Апулей), которой отказано было въ счастіи быть въ самомъ циркѣ, стоитъ голодная у его входовъ, ревомъ своимъ аккомпанируетъ радостнымъ восклицаніямъ, раздающимся изъ цирка, и съ жадностію нападаетъ на мертвыхъ и полумертвыхъ звѣрей, чтобы утащить къ себѣ домой этотъ лакомый обѣдъ.» — «Потому что необразованная бѣдность», говоритъ тотъ же Апулей, «безъ разбора ѣстъ все, что только наполняетъ желудокъ, и охотнѣе всего таскаетъ въ свою берлогу жирныхъ медвѣдей.»

Начинается второй актъ кровавой охоты. Въ одну минуту пятьдесятъ страусовъ, 32 жирафа, 20 зебровъ, 15 лосей, 100 оленей, 20 слоновъ, 40 дикихъ лошадей, 60 буйволовъ наполняютъ арену а 36 крокодиловъ — эврипъ. На арену выходятъ охотники, обитатели всѣхъ странъ древняго міра, всякій со своимъ оружіемъ, какъ требуетъ обычай его страны и родъ охоты, которою онъ занимается. Этотъ примѣръ еще подалъ Сулла, который, впервые введя въ циркъ львиную охоту, выписалъ также и охотниковъ изъ

Абиссиніи. Одни носятъ ножикъ, дротики и стрѣлы, другіе сѣти и силки. Какъ страстный охотникъ, цезарь самъ принимаетъ участіе въ этой охотѣ; онъ стрѣляетъ изъ своей ложи звѣрей, подбѣгающихъ близко. Охота кончилась. Арена покрыта трупами рѣдкихъ звѣрей, и ожидающая передъ циркомъ толпа съ ревомъ изумленія хватаетъ невиданные еще никогда куски и съ торжествомъ тащитъ дорогую добычу по улицамъ Рима, возбуждая зависть въ тѣхъ, которые, столь же жадные, были не столь счастливы.

До сихъ поръ разрывали только звѣри другъ друга, до сихъ поръ народъ удивлялся только искусству охотниковъ, несомнѣнныхъ побѣдителей въ бою съ звѣрями. Въ крови, потоками своими покрывшей дорогую насыпь арены изъ малахита и киновари, не было еще ни одной капли крови человѣческой. Зрители устали смотрѣть на этотъ кровавый бой; чтобы не побѣдила ихъ усталость, нужно было новое, сильнѣйшее раздраженіе. Огромныя лужи крови засыпаются свѣжимъ пескомъ и приготовляется бой людей съ кровожадными звѣрями.

Эти бойцы, называвшіеся bestiarii, были или преступники, присужденные къ этой казни, или paraboli, отчаянные смѣльчаки, которые за деньги нанимались тѣми, которые давали игры; подобно гладіаторамъ, давали они страшную клятву не прежде оканчивать бой, какъ со смертію звѣря или своею собственною. Какъ преступники, такъ и эти охотники обучались въ особенныхъ школахъ различнымъ родамъ боя. Преступникъ, приговоренный къ битвѣ съ звѣрями, долженъ былъ сражаться, пока погибалъ; если въ продолженіи года онъ не былъ разорванъ, то онъ погибалъ въ spoliarium, т. е. въ той залѣ цирка, гдѣ собираемы были мертвыя тѣла. Ремесло добровольныхъ бойцовъ за деньги противъ звѣрей было въ презрѣніи до позднѣйшаго времени. Но при императорахъ выходили на этотъ бой со звѣрями даже молодые всадники, не бравшіе за это денегъ, изъ одного молодечества; уже при погребеніи дочери Цезаря между преступниками вышелъ на этотъ бой сынъ одного претора.

Первую часть этой кровавой забавы составляла охота безъ оружія. Начинали три bestiarii съ тремя буйволами. Каждый боецъ выбиралъ себѣ буйвола, на котораго онъ нападалъ и потомъ бѣжалъ отъ него. Искусство бойца состояло въ ловкости и умѣньи не уставать, а конецъ боя въ томъ, что боецъ прыгалъ на спину измученнаго продолжительнымъ преслѣдованіемъ звѣря, по шеѣ буйвола спускался къ его головѣ и, сильно дернувши его за рога, повергалъ на землю.—Послѣ этой игры, которая оканчивалась довольно невинно,

выступали бойцы противъ львовъ и медвѣдей, вооруженные только большими полотнами и крѣпкими сѣтями; такой боецъ, постоянно убѣгая передъ своимъ страшнымъ противникомъ, старается набросить на него полотно такъ, чтобы утащить звѣря въ клѣтку безъ вреда себѣ. Теперь бой сталъ уже не такъ выгоденъ для человѣка: не одинъ боецъ лежитъ поверженный и разорванный на части своимъ неумолимымъ противникомъ. Въ народѣ пробудилась жажда крови; и цезарь даетъ давно желанный знакъ къ открытію послѣдняго, самаго отвратительнаго акта кровавой охоты. Къ этому страшному бою приведены сотни плѣнныхъ изъ всѣхъ частей государства; вооруженные ножами и мечами, выходятъ они на арену. Отворяются клѣтки карцеровъ, и 200 голодныхъ медвѣдей и 400 другихъ звѣрей изъ Африки, львы, тигры и гіенны, съ страшнымъ ревомъ и воемъ бросаются на свои жертвы. Въ одну минуту противники встрѣтились и вступили въ бой. Крикъ и ревъ сражающихся, страшные вопли людей, разрываемыхъ звѣрями, и стонъ раненыхъ звѣрей почти заглушаются неистовыми криками народа. Побѣдивши въ одномъ бою, боецъ обращается къ народу съ мольбою избавить его отъ втораго бою, но глухъ къ его просьбамъ народъ, ослѣпленный безумною страстію къ кровопролитію. Неумолимый, даетъ онъ знакъ, что боецъ долженъ сражаться до смерти.

На этотъ разъ бой былъ несчастенъ для бестіаріевъ; они погибли всѣ, и недоставало плѣнныхъ, чтобы продолжать бой съ оставшимися звѣрями. Калигула, который еще въ дѣтствѣ ничѣмъ такъ не утѣшался, какъ зрѣлищемъ мукъ и казней преступниковъ, при чемъ онъ, какъ самъ послѣ хвасталъ, пріобрѣлъ ту твердость, съ которою глазъ не отворачиваясь можетъ смотрѣть на самыя ужасающія вещи, — Калигула смотритъ на страшное побоище, гдѣ львы и гіенны разрываютъ и пожираютъ полуживыхъ еще бойцовъ. Ему кажется, что голодъ звѣрей еще не удовлетворенъ, что не довольно еще текло крови, и онъ даетъ страшное приказаніе, которое, къ чести человѣческой природы, можно было бы счесть вымысломъ, еслибы Діонъ Кассій не подтвердилъ истину этого происшествія во всѣхъ подробностяхъ, — онъ приказываетъ, чтобы служители цирка схватили дюжину изъ средины бѣднаго народа, который, не имѣя опредѣленныхъ мѣстъ, съ жаднымъ любопытствомъ тѣснился на лѣстницахъ, и бросили ихъ на съѣденіе звѣрямъ. При исполненіи этого повелѣнія, оцѣпенѣлъ отъ ужаса римскій народъ, безчувственный впрочемъ ко всякому мученію бойцовъ. Но ни одинъ не осмѣлился сдѣлать даже мины просьбы, не говоря уже о какомъ

нибудь выраженіи неудовольствія голосомъ. Празднество дня рожденія Калигулы, повидимому, требовало такой жертвы.

Наконецъ и эта часть послѣполуденныхъ забавъ римскаго народа кончилась. Оставшіеся въ живыхъ звѣри горячимъ желѣзомъ вгоняются назадъ въ карцеры. Разорванные трупы бойцовъ крючьями стаскиваются съ арены въ то огромное spoliarium, о которомъ не разъ уже было говорено; трупы звѣрей выбрасываются голодной толпѣ у дверей цирка.

Страшная сцена, наполнившая нѣмымъ ужасомъ даже привыкшую къ крови публику римскаго цирка, должна была быть истреблена изъ памяти Римлянъ послѣднимъ актомъ игръ, и богаче и блистательнѣе чѣмъ когда нибудь этотъ день заключенъ былъ охотою direptionis causa, т. е. подарками народу разныхъ драгоцѣнныхъ вещей.

Во второй разъ напоенная кровью арена усыпается свѣжимъ пескомъ. Въ срединѣ ея находится большое мѣсто, продолговатый четвероугольникъ, покрытый досками, *пегма;* подъ нимъ пространная галлерея съ машинами для вытягиванія изъ глубины на высоту арены разнаго рода предметовъ. Крыша пегмы снимается, и поднимается оттуда небольшой лѣсъ зеленыхъ деревьевъ. Къ этимъ деревьямъ привязано множество рѣдкихъ птицъ. Въ то же время тысяча страусовъ, еще болѣе оленей, свиней, дикихъ овецъ и домашней птицы всякаго рода и величины выгоняются изъ всѣхъ дверей цирка. Отворяются ворота на обоихъ концахъ цирка, и жаждущая этой минуты толпа впускается на арену: всякій можетъ брать, что̀ доставитъ ему счастье, ловкость и сила. Огромное поле арены, недавно еще покрытое трупами, превращается теперь въ сцену безумной и смѣшной драки. Зрители цирка наслаждаются теперь комическимъ зрѣлищемъ, какъ одни тянутся за высоко повѣшенною добычею, какъ другіе ловятъ летающихъ птицъ, третьи гоняются за свиньями, толкаются, отнимаютъ другъ у друга. Громкій смѣхъ, безконечная радость! Но этого мало; чтобы увеличить суматоху, изъ императорской ложи и изъ ложей надъ карцерами кидаютъ въ народъ тессеры, т. е. марки съ назначеніемъ обѣдовъ въ трактиръ, денегъ, хлѣба, мебели и всякаго рода утвари. Въ мѣста сенаторовъ, linia dives, чтобы этихъ достойныхъ господъ не исключить изъ общей драки, бросаются геммы, перлы, разнаго рода украшенія, а при позднѣйшихъ императорахъ бросались даже билеты на полученіе въ подарокъ рабовъ, домовъ и небольшихъ помѣстьевъ. Несмотря на выгоды этихъ подарковъ, Сенека совѣтуетъ всякому бла-

горазумному оставлять циркъ тотчасъ какъ только начинается раздача этихъ подарковъ, потому что вѣрнѣе всего можно разсчитывать только на толчки и раны. Наконецъ, чтобы поднять до высшей степени комизмъ этой драки на аренѣ, бросаютъ въ толпу платья, отъ самыхъ простыхъ и грубыхъ до самыхъ тонкихъ и изящныхъ; самый счастливый приноситъ домой какой-нибудь лоскутъ отъ нихъ, какъ бы образчикъ, чтобы показать своимъ домашнимъ, что вотъ какую славную вещь досталъ-было онъ себѣ.

Между тѣмъ наступилъ вечеръ. Цезарь поднимается съ своими друзьями изъ ложи, чтобы посвятить остатокъ дня сластолюбію. Съ шумомъ пустѣетъ пространство цирка; народъ, еще спорящій за остатки выброшенной добычи, сгоняется съ арены, и огромное зданіе цирка снова тихо и уединенно поднимается въ полумракѣ теплой лѣтней ночи. Ночная тишина прерывается только стукомъ повозокъ, на которыхъ обезображенные трупы бойцовъ арены перевозятся изъ подвала цирка на вѣчный покой.

РИМСКІЯ ЖЕНЩИНЫ ПО ТАЦИТУ.

АГРИППИНА МЛАДШАЯ И ПОППЕЯ САБИНА[1]).

Происходила смѣна поколѣній. Въ Августовомъ домѣ не стало болѣе никого изъ поколѣнія, современнаго Германику: оно кончилось смертію Клавдія. И даже изъ другаго, слѣдующаго за нимъ, которое открывалось Калигулою, уцѣлѣла лишь сестра его, Агриппина, еще не кончившая счета съ судьбою. Наступала очередь молодыхъ подростковъ, Британика, Нерона: они стояли теперь во главѣ новаго поколѣнія, которому назначено было смѣнить современниковъ Клавдія и Калигулы. Мачиха одного, мать другаго, Агриппина одна во дворцѣ цезарей представляла въ своемъ лицѣ прошлое, по крайней мѣрѣ отживающее.

Какъ же разберутся между собою ролями — люди новаго поколѣнія и та, которая одна оставалась еще между ними представительницею стараго? Удержатъ ли первые за собою по праву принадлежащее имъ мѣсто, или, несмотря на свои лѣта, все еще останутся безотвѣтными недорослями, уступивъ старшему члену дома не только почетъ, но и самую власть и все вліяніе?

Намъ уже довольно извѣстны свойства Агриппины, частію — ея сына и пасынка. По этимъ свойствамъ, нѣтъ ни малѣйшаго повода предполагать, чтобы Агриппина когда-нибудь добровольно отказа-

[1]) См. предыдущія статьи Т. I. стр. 257. Т. II. Отд. I. стр. 178.

лась отъ тѣхъ или другихъ выгодъ своего положенія. И въ самомъ дѣлѣ, она вовсе и не думала замѣчать происходившей передъ нею смѣны поколѣній. У нея были свои, совершенно особенные, счеты. Она не имѣла обычая измѣрять пройденное; она считала только тѣ стадіи, которыя лежали *передъ* цѣлію, и чѣмъ ближе подходила къ ней, тѣмъ меньше чувствовала усталости. Для той тяжести, которую оставляютъ на плечахъ прожитыя лѣта, Агриппина была всего менѣе чувствительна. Гордое чувство успѣха, какими бы средствами онъ ни былъ достигнутъ, восполняло для нея недостающую свѣжесть и бодрость юности. Женщина, которая ничего не пожалѣла, чтобы подойдти какъ можно ближе къ власти, могла ли думать объ уступкахъ кому бы то ни было, когда эта власть была наконецъ въ ея рукахъ? Агриппина хотѣла властвовать и властвовать безъ раздѣла. Сенатъ римскій недаромъ поспѣшилъ отличить ее даже отъ знаменитой ея прабабки, Ливіи, опредѣливши ко вдовѣ Клавдія, въ знакъ особеннаго почета, двухъ ликторовъ, тогда какъ вдовѣ Августа едва позволено было имѣть при себѣ и одного: это опредѣленіе сената состоялось въ то же самое время, какъ въ немъ разсуждаемо было о посмертныхъ почестяхъ умершему, но еще не погребенному цезарю [1]). Агриппинѣ не надобно было осушать слезъ, чтобы принять присвоенные ей знаки достоинства. Не боялась она, что тѣнь Клавдія придетъ смутить ея полновластіе, и въ высокомъ титулѣ, который доставила своему сыну, видѣла не болѣе, какъ только ручательство крѣпости своей же собственной силы. Сама полная страсти, она не хотѣла и подумать о томъ, что другіе также могутъ быть способны—если не къ страстнымъ порывамъ, то къ весьма нетерпѣливымъ движеніямъ. Въ упоеніи своего торжества, Агриппина не только не видѣла около себя ни враговъ, ни совмѣстниковъ, но въ первыя минуты, казалось, простирала свою спокойную увѣренность даже и на будущее время. Не отъ утомленія, а отъ чувства полной безопасности она готова была даже предаться безпечности. Каковъ бы ни былъ пройденный путь, трудный или легкій, но какъ скоро цѣль достигнута, естественно желать остановиться и отдаться удовольствію отдохновенія. Такъ было и съ Агриппиною. Пока впереди не было еще новой цѣли, она полагала, что можетъ довольствоваться своею настоящею властію и успокоиться на ней. Подозрѣніе засыпало, и самая бдительность ея, доселѣ неусыпная, нечувствительно склонялась къ по-

[1]) См. Tac. Ann. I. XIII. c. 2; cp. 1, 14.

кою. Мать цезаря была выше робкихъ опасеній и не нуждалась болѣе въ помощи безпокойной интриги.

Въ нѣкоторомъ отношеніи Агриппина была права, когда думала, что ничто болѣе не мѣшаетъ ей успокоиться на вновь полученной власти. Отъ прямыхъ наслѣдниковъ Клавдія, повидимому, нечего было опасаться — не только сильнаго противодѣйствія, но и простаго противорѣчія этому, ничѣмъ не насыщающемуся женскому властолюбію. Британникъ былъ слишкомъ загнанъ, чтобъ смѣть возвысить свой голосъ: за милость счелъ бы онъ и то̀, еслибы его хотя оставили въ покоѣ, съ самимъ собою. Неронъ, если взять въ соображеніе его лѣта и свойства, не могъ не быть счастливъ уже и тѣмъ, что̀ имѣлъ: его личныя требованія никогда еще далѣе и не простирались. Онъ, правда, ужь вышелъ изъ дѣтства и отрочества, но у него, какъ видно, не народилось еще ни важныхъ мыслей, ни заботъ: вовсе не думая о своемъ назначеніи, онъ попрежнему предавался своимъ любимымъ занятіямъ — рисованію, рѣзьбѣ, пѣнію, наѣздничеству. Вообще, не сдѣлавшись въ собственномъ смыслѣ художникомъ, онъ впрочемъ попрежнему показывалъ много этой механической ловкости и такъ-сказать внѣшней даровитости, которыя обличаютъ рѣшительныя артистическія наклонности, и которыя обнаружились въ немъ еще съ раннихъ лѣтъ. Конечно, не для выраженія высокихъ идеаловъ, которыхъ въ немъ вовсе не было, — онъ предпочиталъ свойственные искусству пріемы и издерживалъ на нихъ большую часть своего времени ради упражненія прирожденныхъ ему способностей, которыя просили себѣ дѣятельности. Призваніе было особеннаго рода: безъ всякаго матеріяла для творчества, обрабатывать артистически лишь одну внѣшнюю форму, въ томъ или другомъ родѣ искусства. Титло и самый постъ цезаря должны были льстить Нерону особенно потому, что давали много свободы, еще болѣе простора для любимыхъ его занятій. Что̀ же касается до внутренняго содержанія, того, которое особенно образуетъ человѣка въ лучшемъ значеніи слова, то «глава римскаго юношества» не могъ много похвалиться въ этомъ отношеніи. Мы имѣли уже случай замѣтить, какъ не удалось его воспитаніе. Даже отъ самаго даровитаго и безспорно самаго благонамѣреннаго изъ своихъ наставниковъ, онъ, по несчастію, могъ заимствовать опять только внѣшнюю форму, болѣе способность говорить, нежели мыслить, болѣе слова, нежели убѣжденія. Со словъ ли Сенеки, или самъ собою, онъ въ состояніи былъ говорить публично прекрасныя рѣчи, точнѣе сказать, весьма громкія фразы, не имѣя въ душѣ ни

малѣйшей симпатіи къ самому дѣлу. Послушать Нерона, какъ онъ ораторствовалъ въ день похоронъ своего отца, такъ можно было подумать, что Клавдій былъ великъ не только заслугами своихъ предковъ, своимъ рѣдкимъ счастьемъ въ дѣлахъ государственныхъ, но и своимъ умомъ и прозорливостію [1]). Это говорилъ тотъ самый юноша, который въ другое время, ради остраго словца, не посовѣстился сказать, что грибы, отъ которыхъ умеръ отецъ его, есть любимое кушанье боговъ! Несмотря на то, что рѣчь блистала красотами слога (она была написана рукою самого мастера), несмотря даже на важность минуты, слушатели, которые всѣ были современники Клавдія и хорошо знали его ограниченность, не могли удержаться отъ улыбки при этой риторической выходкѣ: въ такомъ яркомъ противорѣчіи была она съ истиною. — Оставалась еще для Нерона школа жизни, и есть признаки, что онъ и тутъ показалъ себя не совсѣмъ неспособнымъ ученикомъ; но, къ сожалѣнію, изъ жизни, современной Клавдію и Агриппинѣ, можно было вынести все — кромѣ нравственнаго чувства. А воспріимчивость у него была; умѣлъ же онъ войдти въ виды своей матери, помогъ ей мало-по-малу затереть Британникаи на конецъ совершенно столкнуть его съ дороги; извѣстно также, что, когда матери понадобился ложный обвинитель, Неронъ не прочь былъ оказать ей и эту услугу [2]). Нельзя сказать, чтобы уже изъ самыхъ первыхъ опытовъ своей жизни онъ вынесъ окончательно злыя наклонности: этого не было, безъ сомнѣнія; да и самый возрастъ его едва ли былъ способенъ къ тому. Злыя наклонности всего естественнѣе объясняются сильными страстями, худо направленными; но что̀ за сильныя страсти въ юношѣ, который только-что пережилъ семнадцатую весну? Онѣ были впереди, равно какъ и наша рѣчь объ нихъ. Не злыя наклонности вынесъ Неронъ изъ своего первоначальнаго окруженія, изъ-подъ опеки матери, а скорѣе совершенное безразличіе въ отношеніи къ добру и злу. Какъ было ему научиться отличать зло, когда оно проникло во всѣ поры общества, закралось въ самую семью, когда отъ него несвободны были ни отношенія мужа къ женѣ, ни матери къ сыну? Въ глазахъ Нерона, зло въ разныхъ его видахъ практиковалось какъ самая обыкновенная и безразличная вещь, не возбуждая противъ себя ни гласнаго негодованія, ни протеста: продавались, подкупали или обносили другихъ, явно льстили са-

[1]) Ibid. c. 3.

[2]) См. вторую статью, стр. 30—31.

мымъ наглымъ образомъ, тайно подкладывали ядъ, и этимъ путемъ выходили въ люди, устраивали свое благосостояніе. Тутъ и съ доброю волей не долго было сбиться съ толку; что̀ же оставалось дѣлать тому, кто вступалъ прямо въ эту жизнь, не получивъ напередъ никакой твердой внутренней основы, съ однимъ формальнымъ образованіемъ и съ преждевременно развившимися артистическими способностями? Оставалось только выбирать, что̀ найдется по вкусу, и пользоваться всѣмъ, что̀ нравится, не справляясь ни съ какими иными требованіями, кромѣ своихъ личныхъ наклонностей. Власть могла пригодиться Нерону какъ вѣрное средство для разныхъ цѣлей, которыя могли представиться ему въ послѣдствіи, но сама по себѣ она занимала его очень немного. Едва заступивъ мѣсто своего вотчима, онъ поспѣшилъ предоставить своей матери управленіе какъ домомъ, такъ и государствомъ [1]). На первое время Агриппина и не желала ничего болѣе.

Не всѣ впрочемъ при дворѣ новаго цезаря были такъ равнодушны, какъ онъ самъ, къ происшедшей перемѣнѣ, не всѣ потеряли надежды на лучшій порядокъ въ будущемъ. Самые близкіе къ нему люди, Афраній Бурръ и Анній Сенека, хотя Агриппинѣ обязаны были всего болѣе своимъ возвышеніемъ, не легко уже мирились съ ея безпощаднымъ властолюбіемъ. Безъ особенной энергіи, безъ глубокой вѣры въ свое призваніе, оба они однако были несравненно выше того, что̀ ихъ окружало, одинъ — своими честными намѣреніями, другой — тѣми возвышенными идеалами, которые онъ носилъ въ своей душѣ, и которымъ въ эпоху упадка остаются вѣрны лишь немногіе избранные. Пока живъ былъ Клавдій, они молчали, потому что ничего больше не ждали отъ изжившаго свое время старика, они обыкновенно сложа руки смотрѣли на все происходившее около нихъ и только-что не мѣшались съ ложными обвинителями, держа себя отъ нихъ въ отдаленіи. Но именно потому, что они терпѣли, въ нихъ накопилось нетерпѣніе. Въ сущности, смерть Клавдія не производила ощутительной перемѣны; но тѣ, которые еще мечтали о возвращеніи лучшихъ временъ, готовы были привязать свои надежды хотя только къ одному имени новаго цезаря, чтобы не оставаться долѣе при прежнемъ безвыходномъ положеніи. Напрасно было бы думать о низложеніи всесильной Агриппины; весьма позволительно было ожидать, что молодой цезарь не захочетъ идти по ея слѣдамъ, что въ рукахъ другихъ

[1]) Suet. Ner. 9: Matri summam omnium rerum publicarum privatarumque permisit.

по крайней мѣрѣ онъ сможетъ еще сдѣлаться орудіемъ добра. Руководители юности цезаря хотѣли бороться его именемъ не столько лично противъ Агриппины, сколько противъ ея необузданной свирѣпости [1]).

Разсчетъ былъ впрочемъ не на одну только юность Нерона. Безъ сомнѣнія, одни лѣта не могутъ еще составить достаточнаго ручательства за добрый нравъ человѣка, особенно въ эпоху всеобщаго паденія нравовъ. У воспитателей цезаря могли быть и другія данныя, полученныя наблюденіями надъ самыми свойствами его природы. Кому, напримѣръ, какъ не Сенекѣ, было лучше знать его воспріимчивость? Немногіе могли поравняться съ Нерономъ легкостію усвоенія. Ему повидимому не стоило большаго труда усвоить себѣ даже пріемы оратора и всю развязность его языка; стóитъ вспомнить защитительныя рѣчи, говоренныя имъ публично, когда ему едва исполнилось 16 лѣтъ [2]). Правда, что онъ усвоивалъ себѣ больше формы, нежели содержаніе, что въ его рѣчахъ главную роль играли слова, имъ ловко заученныя, а не мысли, которыя обыкновенно принадлежали другому, и что наконецъ первые его опыты въ публичномъ краснорѣчіи скорѣе показываютъ незастѣнчивость нрава юноши, нежели способность его серіозно входить въ предметъ. Стало-быть, воспріимчивость была чисто внѣшняя: равнодушный къ содержанію, Неронъ легко принималъ памятью, головою, безъ всякаго участія сердца; ему нравилась роль, онъ любилъ дѣйствіе, въ которомъ могъ показать себя, нисколько не заботясь объ его характерѣ. Чтò же? Значитъ — не вѣря много искренности, надобно было стараться дѣйствовать на его тщеславіе. Чего не способенъ взять на себя тщеславный человѣкъ, ради того только, чтобы удержать за собою видную роль, которая, какъ онъ надѣется, привлечетъ къ нему общественное вниманіе! Желаніе *казаться* часто бываетъ гораздо нетерпѣливѣе, чѣмъ желаніе *быть* тѣмъ или другимъ. Воспитатели Нерона, люди, близкіе къ нему, должны были понимать это лучше, нежели кто-нибудь. Пристрастіе молодаго цезаря къ интереснымъ позамъ, вообще къ сценическому въ жизни, не могло укрыться отъ ихъ внимательнаго взора, потому что составляло одно изъ преобладающихъ свойствъ юноши. Что Бурръ и Сенека вовсе не были ослѣплены имъ, не создавали себѣ изъ него будущаго идеальнаго героя, видно уже изъ рѣшимости ихъ снис-

[1]) Ann. XIII, 2. Certamen utrique unum erat contra ferociam Agrippinae.

[2]) См. статью вторую, стр. 27.

ходить къ нѣкоторымъ его слабостямъ, чтобы не сказать — порочнымъ наклонностямъ, которыя тогда начинали въ немъ обнаруживаться. Они имѣли причины не разсчитывать болѣе на привязанность Нерона къ Октавіи, и потому въ планъ ихъ входило между прочимъ — не стѣснять его съ чувственной стороны, чтобы тѣмъ легче управлять его волею [1]). Ясно, что они думали удержать главное направленіе за собою, а именемъ и выставкою Нерона хотѣли пользоваться какъ щитомъ для своей безопасности.

Былъ притомъ со стороны самого Нерона довольно важный личный мотивъ, предрасполагавшій его войдти въ виды тѣхъ, которые были и хотѣли остаться его руководителями. Вмѣстѣ съ Агриппиною возвышалось и вліяніе Палласа, ея стараго сообщника. Чувство силы заставило счастливаго отпущенника забыть его происхожденіе и придало ему много этой высокомѣрной, заносчивой спѣси, которая такъ легко прививается къ тварямъ, ничтожнымъ внутренно и только слѣпому случаю и избытку низости обязаннымъ нѣкоторою значительностію въ обществѣ. Нарциссъ былъ послѣдній, который еще смѣлъ думать объ открытой борьбѣ не только съ Палласомъ, но и съ его всесильною покровительницей. Когда же не стало и его, когда Агриппина болѣе не знала совмѣстниковъ въ цѣлой Имперіи, мнимый потомокъ аркадскихъ царей возмечталъ о себѣ еще больше и забылъ всякую умѣренность. Если иныхъ ужасало начинавшееся самовластіе Агриппины, то Нерона оскорблялъ особенно спѣсивый видъ наглаго отпущенника. Въ характерѣ молодаго цезаря было уже на столько независимости, что онъ не могъ не почувствовать своего униженія, когда даже такіе люди, какъ Палласъ, позволяли себѣ безнаказанно величаться передъ нимъ. Неудивительно, что Палласъ своею нескромностію заслонялъ въ его глазахъ самое лицо матери. Но чѣмъ больше Неронъ отбивался отъ одной партіи, тѣмъ больше было въ немъ готовности принять систему дѣйствія, изобрѣтенную другою стороной для противодѣйствія первой.

Придуманная система дѣйствія была хорошо принаровлена къ лицамъ и обстоятельствамъ. Изобрѣтатели ея не смѣли и помышлять о томъ, чтобы открыто возстать противъ Агриппины, устремить на нее прямое нападеніе. Для подобнаго начинанія нужно было имѣть, кромѣ необходимыхъ средствъ, еще большой запасъ самоувѣренности, въ которой у нихъ особенно чувствовался недо-

[1]) Tac. ibid.: Af. Burrus et An. Seneca—juvantes invicem, quo facilius lubricam principis aetatem, si virtutem aspernaretur, voluptatibus concessis retinerent. Cp. Dio Cassius, 61, 4.

статокъ. Они не безъ основанія предпочитали косвенный способъ дѣйствія, состоявшій въ томъ, чтобы, не показывая никакого вида сопротивленія Агриппинѣ, даже не начиная съ ней ссоры, стараться понемногу расположить народъ въ пользу молодаго цезаря, составить его имени популярность, болѣе или менѣе заслуженную, и потомъ уже дѣйствовать черезъ него для дальнѣйшихъ цѣлей. Если не самъ Неронъ, то популярное его имя должно было послужить главною опорою ихъ дѣйствій въ будущемъ. Въ ожиданіи того времени, руководители цезаря хотѣли отъ него, чтобы онъ въ своемъ поведеніи и въ своихъ словахъ былъ по возможности органомъ болѣе кроткихъ и болѣе человѣчныхъ началъ, нежели тѣ, которыя были положены въ основаніе предшествующаго правленія. Нерону не стоило большаго труда принаровиться къ понятіямъ этого рода: они уже и прежде не разъ бывали на языкѣ его. Дѣло много еще облегчалось тѣмъ, что всякій разъ, какъ только представлялся ему случай говорить публично, Сенека обыкновенно бралъ на себя трудъ не только изготовить самыя мысли, но и облечь ихъ въ приличную форму. Особенно искусно составлена была рѣчь, произнесенная цезаремъ въ сенатѣ по окончаніи всѣхъ печальныхъ обрядовъ, которыми по римскому обычаю нужно было почтить память умершаго. Назначеніемъ ея повидимому было открыть новую эру внутренняго управленія, для котораго она содержала въ себѣ и полную программу. Тацитъ сохранилъ намъ краткій перечень ея содержанія [1]. Уже съ самыхъ первыхъ словъ чувствуется желаніе оратора пріобрѣсти полное расположеніе почтеннаго собранія, къ которому обращена рѣчь. Прежде всего цезарь старается утвердить мнѣніе о законности своей власти и привязать къ ней самыя лестныя ожиданія: эта власть не присвоена насильственно — она предоставлена ему согласіемъ сената и войска; для начала добраго правленія нѣтъ недостатка ни въ высокихъ образцахъ, ни въ мудрыхъ совѣтникахъ; въ прошедшемъ—одни только прекрасные задатки: отъ всей прежней жизни цезаря не осталось ни одного кроваваго или горькаго воспоминанія; нѣтъ на душѣ его ни старой обиды, ни ненависти, слѣдовательно и нѣтъ мысли о какомъ-нибудь мщеніи. Еще больше приспособленія къ требованіямъ и видамъ господствующихъ сословій, еще больше видимой готовности на всѣ пожертвованія ради общей пользы — въ той части рѣчи, гдѣ ораторъ излагаетъ свой планъ внутренней политики, котораго онъ намѣренъ держаться въ

[1]) Ann. XIII, 4; cp. Suet. Ner. 10.

открывающейся для него правительственной дѣятельности. Конецъ всѣмъ злоупотребленіямъ, отъ которыхъ еще недавно такъ много терпѣла Имперія; конецъ беззаконному суду, отдающему обвиненнаго на жертву его обвинителя, причемъ выигрываетъ лишь малое число избранныхъ; впредь при дворѣ цезаря не должно имѣть мѣста никакое лицепріятіе; между фискомъ и государственною казною положено будетъ строжайшее различеніе, какъ было при Августѣ; сенату возвратятся его старыя преимущества; онъ сохранитъ за собою управленіе своими провинціями, равно какъ и право избранія новыхъ членовъ въ свое сословіе; себѣ самому цезарь предоставляетъ лишь главное распоряженіе войсками и тѣми провинціями, въ которыхъ они расположены.

Сенатъ пришелъ въ восторгъ отъ такой неожиданной благосклонности. И въ самомъ дѣлѣ, нельзя было лучше угадать его тайныя желанія, больше польстить его честолюбію. Состоявшимся вслѣдъ за тѣмъ сенатскимъ опредѣленіемъ положено было вырѣзать рѣчь цезаря на серебряныхъ доскахъ и обнародовать ее для всеобщаго свѣдѣнія [1]). Когда потомъ сенатъ, на основаніи этой самой рѣчи, сдѣлалъ робкій опытъ приложенія возвращенной ему власти, попытка его, къ удивленію, удалась вполнѣ, и онъ не имѣлъ повода жаловаться на раннее разочарованіе. Пункты, предложенные сенату на разсужденіе, были довольно щекотливаго свойства. Первый изъ нихъ касался обычнаго вознагражденія, которое получалъ за свои услуги адвокатъ, т. е. ораторъ, принимавшій на себя защиту какого-нибудь дѣла передъ судомъ. Несмотря на формальныя запрещенія, этотъ обычай такъ вошелъ въ нравы народа, что пересиливалъ самый законъ. Сенатъ однако не усомнился своимъ авторитетомъ отмѣнить всякое вознагражденіе. Слѣдующій вопросъ былъ о квесторахъ, на которыхъ лежала тяжелая повинность — при вступленіи въ должность давать народу на свой счетъ одно изъ любимыхъ его зрѣлищъ, т. е. бой гладіаторовъ. Здѣсь была трудность совершенно инаго рода: квесторы искали себѣ освобожденія отъ такого обязательства, насчетъ котораго существовало опредѣленное постановленіе, утвержденное волею Клавдія [2]). Мѣра чисто противоположнаго свойства была бы не только въ высшей степени непопулярна, но нѣкоторымъ образомъ показала бы даже неуваженіе къ памяти умершаго. Въ этомъ именно смыслѣ и возражала Агрип-

[1]) Dio Cass. 61, 3.
[2]) См. Ann. XI, 22.

пина, когда рѣшеніе наклонялось въ пользу квесторовъ. Но, несмотря на ея противорѣчіе, сенатъ отмѣнилъ прежнее постановленіе, предоставивши квесторамъ полную свободу относительно зрѣлищъ, которыя до сихъ поръ были для нихъ обязательными. Самъ цезарь остался вѣренъ своему обѣщанію: ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ онъ не хотѣлъ ничѣмъ связать свободнаго рѣшенія сенаторовъ. Онъ пошелъ еще далѣе въ выраженіи своего доброжелательства, согласно съ началами, высказанными имъ въ той же знаменитой рѣчи. Ему, казалось, не стоило никакого усилія надъ собою — принявши на себя самое зачинаніе (иниціативу), нѣкоторые обременительные налоги отмѣнить совершенно, другіе значительно понизить, также уменьшить на цѣлыя три доли преміи, которыя выдавались обвинителямъ, свидѣтельствовавшимъ о нарушеніи стараго закона противъ безбрачія [1]). Отъ него же конечно зависѣло и то, что произведена была раздача денегъ народу, мѣсячныхъ припасовъ преторіанскимъ когортамъ, и сверхъ всего — многимъ недостаточнымъ людямъ сенаторскаго сословія назначены были годовые оклады (столовыя деньги?). Однимъ словомъ, Неронъ такъ вошелъ въ указанную ему *роль*, что однажды, когда принесли ему для подписанія смертный приговоръ какому-то преступнику, онъ воскликнулъ во всеуслышаніе, съ видомъ неподдѣльнаго филантропическаго чувства: «какъ желалъ бы я не умѣть писать вовсе!» [2]) И когда потомъ сенатъ, въ знакъ свой признательности, опредѣлилъ ему публичную благодарность, онъ просилъ пріостановить рѣшеніе, скромно возражая: «когда еще заслужу.»

Какія прекрасныя чувства, какое превосходное начало правленія — могъ бы подумать всякій, еслибы дѣло шло о лицѣ безъименномъ, или еслибы не было другихъ данныхъ для обсужденія той же самой дѣятельности. Какъ видно, что юноша прошелъ черезъ добрую школу, что онъ принялъ ея наставленія не просто только памятью, или разсудкомъ, а прямо къ сердцу! При такомъ сердцѣ и при такомъ направленіи, чего нельзя ожидать отъ него въ будущемъ? Великолѣпныя надежды, если только въ чертахъ театральной маски можно читать дѣйствительныя свойства скрытаго за нею человѣка, или отъ роли актера — дѣлать заключенія объ личномъ его характерѣ...

Агриппина не показывала ни сочувствія возбужденнымъ надеж-

[1]) Suet. Ner. c. 10; ср. Ann. III, 25.
[2]) Suet. ibid.: Quam vellem, inquit, nescire litteras!

дамъ, ни желанія содѣйствовать цезарю въ принятой имъ политикѣ. Все это дѣйствіе было для нея такъ ново: она точно была застигнута имъ врасплохъ и не знала, за что̀ принять его, ни что̀ подумать о немъ. Ея ничѣмъ не оскорбляли, у нея ничего явно не отнимали — ни того вліянія, которымъ она всего болѣе дорожила, ни того почета, которымъ она пользовалась. Лишь однажды, когда рѣшался квесторскій вопросъ, послышалось со стороны Агриппины нѣкоторое противорѣчіе; впрочемъ она вступалась не за себя, — приличіе требовало отъ нея подать голосъ въ пользу такого постановленія, которое освящено было волею ея покойнаго мужа [1]). Себѣ же самой и своему авторитету она до сихъ поръ не видѣла никакого прямаго ущерба. Напротивъ, со стороны руководителей молодаго цезаря приняты были всѣ мѣры предосторожности, чтобы поддержать въ Агриппинѣ увѣренность въ ея безраздѣльномъ полновластіи и удалить отъ ней всякую идею о какомъ бы то ни было противодѣйствіи ея волѣ, хотя бы только въ намѣреніи. Особенно искусно умѣли избѣгать нарушенія тѣхъ формъ, которымъ она сама придавала большой вѣсъ, видя въ нихъ косвенное признаніе своей безъименной власти. Агриппина хотѣла, чтобы сенаторы созываемы были въ самомъ дворцѣ цезаря, — и они сходились сюда безъ всякаго противорѣчія и совѣщались между собою, какъ бы вовсе не подозрѣвая ея тайнаго присутствія въ сосѣдней комнатѣ, за занавѣсомъ, закрывавшимъ входъ въ нее. Въ торжественныхъ случаяхъ она не отпускала цезаря одного, но, по своему старому обычаю, непремѣнно и сама являлась вмѣстѣ съ нимъ передъ публикою, и никто не былъ столько дерзокъ, чтобы позволить себѣ хотя легкое замѣчаніе о неприличности такого поведенія. Однажды — это было во время публичнаго пріема армянскихъ пословъ — она даже покушалась раздѣлить съ сыномъ самое предсѣдательство и ужь готова была занести ногу на ступени того возвышенія, на которомъ находилось мѣсто цезаря. Это было внѣ всѣхъ условій римскаго придворнаго этикета. Всякій въ минуту почувствовалъ всю неловкость положенія, и однако никто, не исключая самого Нерона, не посмѣлъ сдѣлать ни одного противорѣчащаго движенія, или жеста: невольный страхъ, который внушала Агриппина однимъ своимъ появленіемъ, связалъ всѣмъ языкъ и руки. Изъ всѣхъ окружавшихъ цезаря нашелся только Сенека съ своимъ изворотливымъ

[1]) Ann. XIII, 5: Quod quidem adversante Agrippina, tamquam acta Claudii subverterentur, obtinuere patres.

умомъ: онъ тотчасъ далъ знакъ Нерону, и тотъ, будто по чувству сыновняго почтенія, поспѣшно всталъ съ своего мѣста и устремился на встрѣчу матери, предупреждая ее своимъ быстрымъ движеніемъ [1]. Скандалъ былъ благополучно предотвращенъ, а между тѣмъ Агриппина, даже со всею своею притязательностію, не могла пожаловаться ни на какое оскорбленіе: ей только воздана была подобающая честь, какъ виновницѣ дней цезаря.

Всѣ приличія были спасены, совершенно по мысли тѣхъ, которые желали сохранить ихъ до времени, и Агриппина, не видя, или не узнавая враговъ ни противъ, ни около себя, опять осталась при своей гордой самоувѣренности и недѣятельномъ ожиданіи. Оно-то всего болѣе было губительно для нея. Планъ руководителей молодаго цезаря зрѣлъ съ каждымъ днемъ, благодаря столько же его понятливости и умѣнью войдти въ роль, сколько и недостатку сопротивленія. Пока на глазахъ Агриппины держалась повязка, они продолжали дѣйствовать. Неронъ дѣлалъ удивительные успѣхи въ своемъ новомъ искусствѣ. Чувства, которыхъ прежде почти нельзя было и подозрѣвать въ немъ, раскрывались теперь все съ большею и большею очевидностію въ глазахъ всего римскаго народа. Своими тѣсными отношеніями къ сенату онъ воспользовался — кто бы ожидалъ! — для того, чтобы, съ его согласія, поставить изображеніе своего отца, Домиція Агенобарба, и исходатайствовать консульскія почести одному изъ попечителей своего дѣтства, едва извѣстному лишь по имени; между тѣмъ, на всѣ усердные вызовы и предложенія отлить его собственное изваяніе изъ золота или серебра, онъ отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ съ своей стороны. И когда потомъ сенатъ, въ честь Неронова рожденія, положилъ было начинать годъ съ декабря мѣсяца, цезарь изъявилъ желаніе, чтобы сохраненъ былъ прежній порядокъ календаря. Сколько скромности, и вмѣстѣ какая чистота побужденій! Конечно, Домицій Агенобарбъ, какъ человѣкъ, не заслуживалъ чести перейдти въ потомство вмѣстѣ съ своимъ изображеніемъ; но онъ былъ отецъ цезарю: какъ не уважить сыновнее чувство, ищущее возстановленія отцовской памяти? Были и другія рѣшенія, дѣлающія не менѣе чести ихъ виновнику. Казалось, Неронъ способенъ былъ осуществить самыя смѣлыя надежды своихъ руководителей. Когда Антистій, избранный вмѣстѣ съ нимъ въ консулы, хотѣлъ дать обычную присягу въ вѣрности цезарю (jurare in acta principis), какъ это водилось со

[1]) Tac. ibid; cp. Dio, 61, 3.

времени Августа, онъ воспользовался своею властію лишь для того, чтобы формально воспретить своему товарищу подобное дѣйствіе — рѣшеніе, встрѣченное живымъ сочувствіемъ въ сенатѣ. Но болѣе всего поражало въ цезарѣ его великодушное снисхожденіе къ обвиненнымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ презрѣніемъ, которое онъ показывалъ къ обвинителямъ. До насъ дошли несомнѣнные опыты въ этомъ родѣ. Такъ въ одно время послѣдовали два очень важныя обвиненія: одно сдѣлано было противъ сенатора Целера его рабомъ, другое, неизвѣстно кѣмъ, противъ Юлія Денса, принадлежавшаго къ сословію всадниковъ. Историкъ не говоритъ, въ чемъ именно состояло первое; позволительно впрочемъ догадываться, что сенаторъ былъ заподозрѣнъ въ противозаконныхъ дѣйствіяхъ, или словахъ, противъ самого цезаря. Почти не менѣе было опасно второе обвиненіе, которое обличало въ обвиняемомъ не совсѣмъ позволительную преданность къ Британнику. Справедливы, или несправедливы были обвиненія, но съ этой минуты участь Целера и Денса была въ рукахъ цезаря. Что̀ же? онъ первый послѣ Августа сталъ выше личнаго самолюбія и не далъ хода ни одному обвиненію. Ложное обвиненіе, остающееся безъ успѣха и только-что не падающее на голову самого обвинителя! Для Рима, привыкшаго къ самому произвольному нарушенію гражданскихъ правъ вслѣдствіе наговоровъ, не могло быть большей неожиданности. Недаромъ Неронъ выражалъ желаніе подражать Августу: только высокіе и уже забытые образцы первыхъ цезарей могли внушить ему столько чувства справедливости и великодушія. Старыя вины покрывались однимъ снисхожденіемъ вмѣстѣ съ новыми, сенату возвращались прежде изгнанные изъ него члены, и въ рѣчахъ, которыя произносились передъ куріею все тѣмъ же высокимъ ораторомъ, постоянно излагалась та же неистощимая тема о свойствахъ милости и ея благодѣтельномъ дѣйствіи [1]). Положимъ, что пока было больше громкихъ словъ, чѣмъ самыхъ дѣлъ; но едвали бы и справедливо было требовать многаго, когда еще не прошло полнаго года послѣ смерти Клавдія. За то, какая прекрасная перспектива открывалась впереди — по крайней мѣрѣ для тѣхъ, которые въ возвышеніи Нерона видѣли начало новаго, болѣе утѣшительнаго порядка вещей!

Изъ лицъ, окружавшихъ цезаря, развѣ только два человѣка не раздѣляли тѣхъ пышныхъ надеждъ, которыя были возбуждены во многихъ его первыми дѣйствіями и рѣчами. Одинъ изъ нихъ былъ

[1]) См. Ann. XIII, c. 10—11.

самъ воспитатель Нерона, тотъ самый, который лучше другихъ имѣлъ возможность узнать его природу и былъ устроителемъ и душою всей этой великолѣпной махинаціи, поразившей Римлянъ, сенатъ въ особенности, своимъ неожиданнымъ блескомъ. Сенекѣ, съ его тонкимъ смысломъ и знаніемъ людей, труднѣе было обмануться, чѣмъ кому-нибудь. Онъ зналъ настоящую цѣну своему понятливому воспитаннику и не обольщался ни тою легкостію, съ которою онъ вошелъ въ свою роль, ни искусствомъ ея исполненія. Сенека очень хорошо понялъ годность Нерона на то, чтобы, по крайней мѣрѣ до времени, быть способнымъ орудіемъ въ чужихъ рукахъ, и пользовался имъ для осуществленія *своего* плана, пока еще никакой порывъ страсти не вырвалъ юношу изъ-подъ его малонадежнаго вліянія. Какая же была насчетъ его тайная мысль воспитателя, на это есть указаніе одного близкаго къ нему по времени схоліаста. По его увѣренію, Сенека говаривалъ между своими, что, какъ ни воспитывай дикаго звѣря, но сто́итъ только разъ ему попробовать человѣческой крови, чтобы въ немъ тотчасъ же пробудилась врожденная свирѣпость [1]). Впрочемъ, пока ничѣмъ не оправдалось такое страшное предположеніе, руководитель цезаря не имѣлъ никакого повода отступиться отъ своего предпріятія, тѣмъ болѣе, что усилія его начинали уже вознаграждаться желаннымъ успѣхомъ. Другое дѣло — Агриппина. Она также нисколько не раздѣляла общаго увлеченія, потому что давно ужь утратила всякую вѣру въ добро, и въ добрую волю своего сына могла вѣрить всего менѣе; но она даже по разсчету не могла поддерживать направленія, которое было одинаково противно ея выгодамъ, какъ и самымъ инстинктамъ. Ужь довольно промаховъ было сдѣлано съ ея стороны; слишкомъ долго продолжалось ея упоеніе властію, слишкомъ много было пожертвовано ему личною безопасностію. Гордая самоувѣренность помутила умъ Агриппины; высокомѣрное презрѣніе къ мнимому ничтожеству враговъ усыпило ея доселѣ не знавшую покоя дѣятельность. Она допустила обойдти себя, прежде чѣмъ подумала о средствахъ сопротивленія. Еще за ней оставались всѣ ея привилегіи, какъ цезарь сталъ уже силенъ своимъ союзомъ съ римскою куріей, своею популярностію въ цѣломъ городѣ. Умные руководители Нерона, скрывавшіеся за щитомъ его имени, не довольствовались болѣе одними словами: созданнымъ ими призракомъ они уже начинали управлять

[1]) Schol. Juven. 5, 109: Non fore saevo illi leoni quin, gustato semel hominis cruore, ingenita redeat saevitia.

какъ дѣйствительною силой. Какъ ни была ослѣплена Агриппина, она должна была наконецъ почувствовать, что власть уходитъ изъ ея рукъ, та власть, для которой она пожертвовала всѣмъ. Неудивительно, что въ первую минуту послѣ пробужденія ей пришлось сознать и свое безсиліе: такъ велики уже были успѣхи ея противниковъ. Но кто бы повѣрилъ, чтобы Агрипина вдругъ потеряла духъ и навсегда отказалась отъ надежды и желанія возвратить потерянное? Скорѣе потерять жизнь, какъ потеряна была честь. Агриппина не потеряла способности уходить въ себя, не разучилась интригъ. Только теперь ей пришлось бы, можетъ-быть, повести интригу противъ роднаго сына. Но отчего же сынъ былъ бы дороже мужа? Прежде всего и выше всего — свой собственный интересъ, — не честь или доброе имя, которыя давно пущены по вѣтру, а власть и ея преимущества; все прочее — смотря по обстоятельствамъ. Таковы были правила Агриппины отъ начала появленія ея на исторической сценѣ: ей не было причины измѣнить имъ и въ послѣдствіи.

Одно обстоятельство ускорило неизбѣжное столкновеніе, къ которому готовились съ обѣихъ сторонъ. Страннѣе всего — хотя только на первый взглядъ, — что въ то самое время, какъ двѣ партіи разсчитывали на цезаря какъ на способное орудіе для своихъ цѣлей, какъ онѣ, попеременно одна за другою, думали имѣть его въ своей власти, онъ самъ уходилъ отъ нихъ обѣихъ въ сторону, онъ хотѣлъ идти своею собственною дорогой. У него было — какъ мы увидимъ скоро — свое общество, его окружали люди собственнаго его выбора, наконецъ онъ искалъ себѣ развлеченій также по своему вкусу, не спрашиваясь своихъ руководителей. Объясненіе лежитъ очень близко. Способность Нерона къ сценическому искусству въ обширномъ смыслѣ не подлежитъ сомнѣнію. Но одно только выполненіе заученныхъ или усвоенныхъ ролей не можетъ занять, наполнить собою цѣлой жизни: за лицедѣемъ скрывается человѣкъ, а заимствованная роль, какъ бы она ни была хорошо усвоена, никакъ не исключаетъ необходимости своеобразной личной роли, которая вырабатывается каждымъ лицемъ изъ его собственнаго бытія, сообразно съ его свойствами и потребностями. Неронъ также имѣлъ свои жизненные инстинкты, требовавшіе себѣ удовлетворенія помимо искусственной государственной дѣятельности, которой призракъ созданъ былъ для него попечителями его юности. Въ развлеченіяхъ, которымъ онъ не забывалъ предаваться всякій разъ послѣ своихъ государственныхъ трудовъ, сказывалась лучше на-

стоящая, неподдѣльная его природа. Тутъ Неронъ былъ самимъ собою, тутъ впервые проступала начинающаяся его самостоятельность, обнаруживаясь болѣе всего произволомъ, или постепеннымъ уклоненіемъ отъ того, что лежало на немъ какъ обязанность. Еще материнскій авторитетъ не потерялъ своей силы надъ цезаремъ: не любя Агриппины, онъ продолжалъ однако, по привычкѣ, бояться ея; но жена его Октавія уже не внушала ему болѣе никакого чувства. Сильно возбужденная чувственность между тѣмъ искала себѣ выхода въ другую сторону, и скоро нашла его. Отпущенница Клавдія, по имени Акте, родомъ изъ Азіи, приковала къ себѣ вниманіе цезаря, зажгла въ немъ даже нѣкотораго рода страсть къ себѣ [1]). Почти нѣтъ нужды говорить, что отвѣтомъ на эту страсть было полное и самое предупредительное сочувствіе. Акте не имѣла ничего общаго съ тѣми женщинами, которыя стѣсняются чувствомъ долга, или женскою стыдливостію; въ искусствѣ обольщенія она не уступала самымъ опытнымъ Римлянкамъ. Первыя отношенія между нею и цезаремъ завязались подъ покровомъ тайны. Подобравъ себѣ между молодыми Римлянами нѣсколько повѣренныхъ, изъ которыхъ одинъ, по имени Отонъ, принадлежалъ къ благородной фамиліи, а другой, Сенеціонъ, былъ сынъ отпущенника, Неронъ съ ихъ помощію могъ устроить все дѣло совершенно по своему желанію и почти безъ всякой огласки. Онъ былъ молодъ, и весь непотраченный пылъ молодости былъ принесенъ имъ на удовлетвореніе этой страсти, которая была еще первою въ его жизни. Характеръ ея былъ чувственный; но въ вѣкъ Клавдія, Калигулы, Нерона, многіе ли и думали возвыситься надъ чувственностію, хоть для того, чтобы не принадлежать ей исключительно? Оставалась принужденность тайны: но подъ ея легкою тканію еще больше возвышалась цѣна запрещеннаго наслажденія. Въ короткое время голова и сердце Нерона были въ полномъ распоряженіи обольстительной Азіятки. Жизнь безъ Акте казалась ему болѣе невозможною, и онъ уже не шутя думалъ о томъ, чтобы соединиться съ нею открытымъ бракомъ. Друзья цезаря, угождая его пылкому желанію, изготовили для Акте даже небывалую генеалогію, въ которой возводили родъ ея до бывшихъ царей Пергама [2]), Будь она родомъ изъ собственной Греціи, ее можетъ быть также стали бы производить отъ аркадскихъ царей, и тогда, волею или неволею, она попала бы въ родню

[1]) Ann. XIII, c. 12; cp. Dio Cassius, 60, 7.

[2]) См. Suet. Ner. 28; cp. Dio, 60, 7.

Палласу. Что̀ же касается до Октавіи, то никто не позаботился даже предупредить бѣдную женщину, что ей готовятъ преемницу всѣхъ правъ ея на цезаря.

Въ свойствахъ тайны между тѣмъ всегда есть стремленіе выйдти наружу. Тайна Нерона также сдѣлалась скоро общимъ достояніемъ цѣлаго дома, если не проникла еще далѣе. Дѣйствіе, произведенное ея обнаруженіемъ, было не на всѣхъ одинаковое. Легче всѣхъ, равнодушнѣе всѣхъ приняли извѣстіе о связи цезаря съ отпущенницею его снисходительные попечители, Сенека и Бурръ. Къ потачкѣ такого рода они наклонны были и прежде; нѣкоторымъ образомъ она даже входила въ ихъ планъ. Для нихъ давно уже не была тайною антипатія цезаря къ Октавіи; въ то же время, хорошо понимая невозможность бороться съ чувственными его наклонностями, они положили, что гораздо лучше дать ему полную свободу въ этомъ отношеніи, чѣмъ напрасно раздражать его и вооружать противъ себя. Ихъ главная забота состояла въ томъ, чтобы сколько можно долѣе сохранить свой авторитетъ надъ цезаремъ и управлять его именемъ. Они дѣйствительно боялись — знатныхъ женщинъ, которыя своимъ вѣсомъ и нтригами могли бы много повредить ихъ вліянію; а какая-нибудь простая отпущенница, безъ связей и безъ всякихъ политическихъ видовъ, вовсе не казалась опасною [1]). Напротивъ, ничего повидимому не могло случиться счастливѣе: Акте занимала Нерона преимущественно съ чувственной стороны, и между тѣмъ заграждала путь къ его сердцу другимъ женщинамъ. Соображая выгоды своего положенія, Сенека и Бурръ разсчитали, что ихъ собственная польза требуетъ — не противодѣйствовать, а скорѣе содѣйствовать зависящими отъ нихъ средствами къ поддержанію этой связи. Желаніе спасти свое вліяніе и страхъ чужаго дотого увлекли ихъ, что одинъ изъ друзей Сенеки, по имени Анней Серенъ, конечно съ общаго рѣшенія, взялъ на себя роль влюбленнаго въ Акте и дѣлалъ видъ, будто отъ него идутъ всѣ приношенія, которыя она получала втайнѣ отъ щедрости цезаря. Иной бы подумалъ, что — играли или собирались играть комедію; по крайней мѣрѣ тутъ были всѣ необходимые ея элементы: любовная интрига, препятствія, тайна, враги и доброжелатели, и въ добавокъ ко всему — роль смѣтливаго и изворотливаго слуги,

[1]) Tac. ibid.: muliercula (scilicet Acte) nulla cujusquam injuria cupidines principis explente....; metuebaturque ne in stupra feminarum inlustrium prorumperet, si illa libidine prohiberetur.

въ родѣ Лепорелло, который готовъ въ случаѣ нужды представлять даже своего господина, впрочемъ въ его же интересѣ. Послѣдняя досталась на долю самыхъ благонамѣренныхъ: къ сожалѣнію, лучшаго выбора они и не могли сдѣлать для себя при самомъ усердномъ желаніи.

И отъ Агриппины не укрылось то̀, что̀ творилось въ домѣ цезаря, несмотря на двойную ограду, которою думали защититься отъ ея проницательности. Но Агриппина приняла извѣстіе болѣе къ сердцу, нежели другіе. Не сильнѣе подѣйствовалъ бы на нее сильный ударъ, который бы раздался надъ ея головою во время глубокаго сна. Она какъ будто почувствовала около себя змѣю въ самую минуту пробужденія. Это спокойное пребываніе въ чувствѣ своего полновластія, длившееся до сего времени, вдругъ оставило ее на жертву самой мучительной тревогѣ. Опять проснулась въ ней старая безпокойная боязнь, чтобы какой тайный врагъ не подрылся подъ основу ея высокаго положенія въ государствѣ. Агриппина приходила въ ярость при одномъ имени Акте, презрительно называла ее рабынею и поносила другими укоризненными словами. Не то чтобы Акте казалась ей опасна: но она видѣла на ней примѣръ перваго непослушанія сына, она почувствовала, что онъ ускользаетъ изъ твердыхъ рукъ матери. Сенека и Бурръ — по крайней мѣрѣ этого не давали ей замѣчать своимъ поведеніемъ. Теперь или никогда — думала она, рѣшаясь немедленно сдѣлать надъ Нерономъ опытъ призванія и возвращенія его къ сыновнему долгу [1]). Если не удержать на первой, еще не смѣлой попыткѣ своеволія (ибо она была тайная), то придется навсегда считать его потеряннымъ и все свое вліяніе — погибшимъ безвозвратно. Агриппина поняла, что для Нерона пришла пора совершеннолѣтія, что теперь долженъ рѣшиться вопросъ о томъ, на сколько онъ ребенокъ и ребенкомъ останется, и сдѣлала надъ собою усиліе, чтобы ясно поставить свои требованія. Опытъ былъ сдѣланъ и — показалъ въ результатѣ, что Неронъ — достойный сынъ своей матери. Не вдругъ, правда, рѣшился онъ прямо противорѣчить; но чѣмъ болѣе настаивала Агриппина, тѣмъ больше онъ отклонялся отъ нея въ противную сторону. Еще дѣйствовалъ привычный страхъ, но страсть также предъявляла свои права. Спасая свою новую привязанность, Неронъ искалъ около себя защиты и думалъ найдти ее въ тѣхъ, которые были снисходительнѣе къ его слабостямъ. Однимъ словомъ, онъ

[1]) Ibid.: neque poenitentiam filii neque satietatem opperiri.

оторвался отъ матери и болѣе чѣмъ когда-нибудь отдался своему воспитателю и руководителю.

Попытка Агриппины не удалась, но воля ея была опять вызвана изъ бездѣйствія, — та неукротимая воля, которая готова была устлать весь путь свой жертвами, чтобы только быть у цѣли своихъ желаній. Неронъ какъ будто выросъ въ ея глазахъ: онъ дѣйствительно выросъ, потому что выдержалъ кризисъ, не сдавшись на чужую волю, хотя и долженъ былъ на первое время опереться на другаго; ему оставалось сдѣлать только одинъ шагъ, чтобы стать самимъ собою. Но Агриппина не способна была придти въ уныніе отъ одной неудачи. Энергія ея также росла по мѣрѣ того, какъ ее останавливали препятствія. Опытъ жизни еще не отучилъ ее вѣрить въ успѣхъ своего дѣла, смиряться передъ обстоятельствами. Пока былъ твердый упоръ подъ ногами, Агриппина въ состояніи была скорѣе изогнуться до земли, низойдти до самой льстивой угодливости на словахъ, чѣмъ позволить вытѣснить себя другимъ. Когда открытая сила больше не помогала, она приступила къ Нерону съ предложеніемъ своихъ услугъ; она соглашалась, что каждый возрастъ имѣетъ свои законныя требованія, съ видомъ чистосердечія винилась въ томъ, что зашла слишкомъ далеко съ своею неумѣстною строгостію, которой не допускали ни юныя лѣта, ни высокое положеніе цезаря, и въ заключеніе вызывалась даже служить ему въ самой его страсти. Для этой цѣли она назначала свои внутренніе покои, какъ самое вѣрное убѣжище, откуда никакая тайна не могла выйдти наружу [1]). Дальше, конечно, нельзя было простирать снисхожденія къ сыну, потому что оно ужь дошло наконецъ до потворства самымъ грубымъ наклонностямъ чувственной природы человѣка. Должно сознаться, что разсчетъ былъ очень искусный, въ томъ смыслѣ, что былъ направленъ на самую нѣжную сторону человѣческой чувствительности. Чѣмъ можно скорѣе закупить сыновнее чувство, какъ не снисхожденіемъ, уступками въ пользу тайныхъ или явныхъ желаній того лица, въ которомъ оно несомнѣнно присутствуетъ, какъ живое начало? Предположимъ, однако, что именно этой чувствительной стороны, на которую дѣйствіе направлено, и недостаетъ въ человѣкѣ: тогда — къ чему и самое дѣйствіе, какъ бы ни искусно было оно разсчитано? Сама Агриппина, кажется, не расчитывала много на нѣжное чувство сыновней привязанности въ Не-

[1]) Ann. XIII, 13: ...suum potius cubiculum et sinus offerre contegendis quae prima aetas et summa fortuna expeterent. Мѣсто допускаетъ два объясненія: предпочитаемъ то, которое дѣлаетъ менѣе безчестія человѣческой природѣ.

ронѣ: иначе она не нашла бы нужнымъ закрѣплять свои предложенія еще неожиданною готовностію — подѣлиться съ нимъ и всею своею собственностію, всѣмъ богатымъ достояніемъ, которое развѣ немногимъ чѣмъ уступало цезареву. Агриппина конечно знала своего сына не хуже другихъ и недаромъ считала на корыстное чувство въ немъ — по крайней мѣрѣ въ равной степени съ любовію къ матери. Сыновней нѣжности дѣйствительно не оказалось въ Иеронѣ; приманка же, на которую хотѣли его поймать, была еще не по лѣтамъ, вообще пришлась не ко времени. Да къ тому жь бросался въ глаза этотъ слишкомъ рѣзкій переходъ отъ неумѣренной и притомъ неудавшейся строгости къ такой же неумѣренной и излишне торопливой снисходительности. Кто бы и повѣрилъ, что тутъ была хоть тѣнь истины? Если чего и недоразумѣвалъ Неронъ, то легко могли растолковать ему люди опытные, его окружавшіе. Ихъ же собственная польза требовала вразумить его, что Агриппина опасна не одною своею жестокостію, но можетъ-быть не менѣе и своимъ лукавствомъ. Были наконецъ усердные люди, переносившіе цезарю неосторожныя рѣчи его матери, которыя вырывались у нея въ порывѣ негодованія при немногихъ свидѣтеляхъ. Въ этихъ рѣчахъ слышался все тотъ же ни чѣмъ не смиряющійся духъ, какимъ до сего времени проникнуты были всѣ дѣйствія Агриппины. Все это вмѣстѣ производило впечатлѣніе. Поддерживаемый своими совѣтниками, подготовленный ими, Неронъ и самъ почувствовалъ въ себѣ довольно смѣлости или дерзости, чтобы даже оскорбиться поступками матери и на самомъ дѣлѣ показать свою независимость отъ нея. Онъ мужалъ не по днямъ, а по часамъ, онъ росъ по мѣрѣ того, какъ Агриппина умалялась, какъ падало ея всеподавляющее вліяніе. Вдругъ, однимъ повелѣніемъ цезаря, Палласъ былъ низвергнутъ съ той высоты, на которой онъ держался до сего времени довѣренностію своей высокой покровительницы. Ему велѣно было сложить съ себя всѣ титла и все обширное полномочіе, которое соединялось съ ними [1]), и совершенно удалиться отъ дѣлъ. Палласъ не противорѣчилъ: онъ радъ былъ и тому, что отъ него не потребовали отчета за все время управленія, что не заставили поплатиться гораздо дороже за всѣ прежнія злоупотребленія. Только цезарь, говорятъ, посмѣялся ему въ слѣдъ, когда онъ уходилъ изъ дворца, сопровождаемый большою толпою, — что вотъ-де одинъ изъ высшихъ римскихъ сановниковъ, съ честію окончивъ назначенное ему

[1]) Ibid:.. velut arbitrum regni agitat.

время служенія, идетъ сложить свою власть въ руки народа. Счастливъ въ самомъ дѣлѣ былъ Палласъ, что опала пришла къ нему въ такое время, когда Неронъ только-что начиналъ расправлять свои молодыя крылья и еще не привыкъ дѣйствовать ими съ полною свободой!

Еще Агриппина не вѣрила, не хотѣла вѣрить возможности своего униженія. Немилость, поразившая ея довѣреннѣйшаго совѣтника и любимца, почувствовалась ей какъ самое глубокое и нестерпимое оскорбленіе. Нельзя было подойдти ближе къ самымъ завѣтнымъ ея чувствамъ, показать болѣе презрѣнія къ ея падающему авторитету. Агриппина была задѣта за живое и потеряла всякое самообладаніе. Мысль ея стояла еще слишкомъ высоко, когда неожиданный ударъ послѣдовалъ снизу, отъ неопытной и повидимому совершенно безсильной руки. Несказанная ярость овладѣла гордою женщиной. Она забыла всякій разсчетъ, она вся отдалась чувству своей страсти, своего оскорбленія, и думала взять угрозами, чего не могла болѣе сохранить обыкновенными средствами. Воспалительны были рѣчи ея, и потока ихъ не могло остановить даже присутствіе цезаря. Она не хотѣла пощадить въ немъ даже своего сына, своей крови, и въ глаза говорила ему о Британникѣ, какъ объ истинномъ и прямомъ наслѣдникѣ, который одинъ только и имѣлъ право заступить мѣсто своего отца. Неронъ, пришлецъ со стороны, предвосхитилъ у него честь и власть — для того только, чтобы потѣшиться надъ своею матерью! Но она не постоитъ за себя; если ужь на то пошло, она выведетъ наружу все потаенное, не стыдясь раскроетъ всю горькую истину. Пусть узнаютъ люди, и какъ устроился бракъ ея съ Клавдіемъ, и какъ потомъ бѣдный мужъ погибъ отъ отравы, ею приготовленной. Пусть будетъ съ нею, что̀ будетъ; но она не дастъ въ обиду своего пасынка. Она пойдетъ съ нимъ въ лагерь, представитъ войску законнаго его повелителя и сама будетъ говорить за него. Тогда увидимъ — такъ заключала Агриппина свою угрозу — тогда увидимъ, кого больше послушаютъ, дочь ли Германика, когда она станетъ защищать законнаго наслѣдника, или какого-нибудь изувѣченнаго калѣку Бурра, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ, школьнымъ гуворуномъ Сенекою, мечтающаго предписывать законы цѣлому міру [1]). Она была страшна, когда, говоря эти слова, сопровождала ихъ сильными движеніями своихъ рукъ;

[1]) Ibid.: Audiretur hinc Germanici filia, inde debilis rursus Burrus et exsul Seneca, trunca se manu et professoria lingua generis humani regimen expostulantes.

она была еще страшнѣе, когда, истощивъ весь запасъ укоризненныхъ словъ, принялась клясться тѣнями умершихъ и призывать во свидѣтели самыя свои преступленія, что все, сказанное ею, не останется безъ исполненія.

Давно исчезъ женскій стыдъ, самый страхъ не дѣйствовалъ болѣе на женское чувство, и женщина мало-по-малу превращалась въ злую фурію. Погибло все, чѣмъ прежде украшалась жизнь ея, что̀ составляло справедливую гордость Римлянки, не уцѣлѣло и женскихъ инстинктовъ, которые еще заставляютъ дорожить формою, хотя бы для того только, чтобы прикрыть начинающееся растлѣніе нравовъ. Женская страсть усвоила себѣ мужской способъ выраженія: она говорила тѣмъ же грубымъ, насильственнымъ языкомъ, такъ же не стѣснялась никакими приличіями. Самыя тѣсныя кровныя узы стали непрочны, какъ паутинныя нити. Одно порывистое движеніе страсти — и материнская привязанность къ дѣтямъ превращалась въ глубокую, непремиримую ненависть. Мать, поссорившись съ сыномъ, заклинала небо и преисподнюю, чтобы обрушить на его голову всѣ несчастія. Но и сыновья были достойны матерей, ихъ воспитавшихъ. Не заронилось въ нихъ ни одного нѣжнаго чувства, котораго не было въ сердцахъ самихъ воспитательницъ. Примѣры, которые они постоянно имѣли въ глазахъ, не оставались безъ дѣйствія на нихъ. Они также пріучались съ самыхъ малыхъ лѣтъ слѣдовать всѣмъ природнымъ влеченіямъ безъ различія и смотрѣть какъ на своихъ личныхъ враговъ на всѣхъ тѣхъ, которые вздумали бы противиться ихъ наклонностямъ и задерживать ихъ свободное раскрытіе. Лучшія, болѣе чистыя побужденія, если и были знакомы имъ по именамъ, то не имѣли для нихъ другаго значенія, кромѣ археологическаго. Мать, которая откровенно говорила своему сыну, что она ненавидитъ его и желаетъ ему всякаго зла, тѣмъ вѣрнѣе вооружала его противъ себя. Въ поколѣніи, современномъ Нерону, нельзя уже было надѣяться въ подобныхъ случаяхъ на реакцію сыновней любви, потому что, если зародышъ ея и данъ былъ при самомъ рожденіи, то все послѣдующее время онъ оставался совершенно безъ пищи. Одинъ угрожающій жестъ со стороны матери — и этотъ тщедушный зародышъ тотчасъ опускался на самое дно души, тонулъ въ разливѣ другаго, противоположнаго чувства. Агриппина, правда, не походила на другихъ матерей: недостатокъ любви, привязанности въ дѣтяхъ, она заставляла восполнять чувствомъ страха къ себѣ. Неронъ выросъ подъ впечатлѣніями этого рода. Но дѣтскій страхъ держится лишь до полной возмужалости, отпадая при пер-

вомъ самостоятельномъ движеніи человѣка. Есть еще кризисъ, или переходное время между тѣмъ и другимъ состояніемъ: смотря по обстоятельствамъ, оно бываетъ весьма неодинаково, и при извѣстномъ умѣньи обходиться съ людьми можетъ быть продолжено или сохранено по желанію. Въ интересѣ Агриппины было — сколько можно долѣе продержать Нерона въ привычномъ подобострастіи къ себѣ и тѣмъ продлить его нравственное несовершеннолѣтіе; но мы уже видѣли, что она пропустила удобное время безъ всякой пользы для себя и потомъ, безвременностію своихъ требованій, лишь облегчила сыну выходъ изъ прежняго несвободнаго состоянія. Угрозы, къ которымъ Агриппина прибѣгнула послѣ низложенія Палласа, оказались столько же несвоевременны, какъ и жалобы, имъ предшествовавшія: Неронъ чувствовалъ уже себя свободнымъ отъ опеки и не сносилъ самой мысли о ней. Угрозами, отъ кого бы онѣ ни происходили, можно было развѣ только оскорбить его, а не тронуть. Агриппина повредила ими себѣ гораздо болѣе, чѣмъ недавними уступками. Послѣдствія скоро обнаружили ея ошибку.

До того еще не дошло, чтобы сынъ открыто возсталъ противъ своей матери и старался выместить на ней самой все свое неудовольствіе, но оскорбленное самолюбіе хотѣло себѣ жертвы и безъ нея не успокоивалось. Выборъ жертвы впрочемъ былъ уже незатруднителенъ: Агриппина — можно сказать — указала на нее пальцемъ, такъ неосторожно вмѣшавши имя Британника въ свою послѣднюю выходку противъ цезаря. Мы не имѣемъ никакого прямаго основанія думать, что Британникъ дѣйствительно былъ въ заговорѣ съ нею: всего вѣроятнѣе, что озлобленная мать сгоряча схватилась за имя пасынка, какъ за первый попавшійся камень, чтобы бросить имъ въ голову сына. Но для Нерона достаточно было и того, что ему такъ невыгодно напомнили о сводномъ его братѣ. И прежде никогда не любилъ онъ Британника, какъ докучливаго, хотя и безсильнаго, совмѣстника, съ которымъ осужденъ былъ встрѣчаться почти на каждомъ шагу своей жизни: теперь эта застарѣлая нелюбовь перерождалась въ непрощающую ненависть. Кромѣ опасенія, чтобы сынъ Клавдія въ самомъ дѣлѣ не послужилъ, въ рукахъ Агриппины, орудіемъ ея замысловъ, были къ тому и другіе поводы. Британнику, между прочимъ, скоро должно было исполниться четырнадцать лѣтъ — возрастъ, когда римскіе юноши впервые надѣвали на себя тогу, въ знакъ наступившей возмужалости. Политическое возвышеніе Нерона началось съ того же самаго возраста. Еще болѣе чувство личной непріязни между двумя братьями вышло на-

ружу на сатурналіяхъ, которыхъ празднованіе пришлось около того времени. Въ забавахъ, происходившихъ по этому случаю, участвовали также цезарь и его братъ вмѣстѣ съ своими сверстниками. Когда приступили къ выбору цезаря, какъ это было въ обычаѣ, жребій палъ на Нерона. Выбранный получалъ право давать другимъ разныя шуточныя приказанія. Одному онъ говорилъ — ты поди пей, другому—выдь вонъ, или что-нибудь подобное, и каждый спѣшилъ исполнить данный ему приказъ, какъ требовало того обыкновеніе [1]). Дошла очередь и до Британника. Пользуясь своимъ правомъ, Неронъ велѣлъ ему выйдти на середину и спѣть что-нибудь. Онъ нарочно придумалъ такое приказаніе, чтобы сдѣлать брата смѣшнымъ передъ товарищами. Не то чтобы у Британника не было голоса: напротивъ, Неронъ, какъ артистъ, который самъ любилъ похвастаться своимъ пѣніемъ, даже завидовалъ ему въ этомъ отношеніи [2]). Но, къ удивленію, сынъ Мессалины отличался отъ нея противоположнымъ качествомъ, т. е. былъ нѣсколько застѣнчивъ отъ природы, или можетъ-быть только непривыченъ къ шумному обществу, особенно къ такому, въ которомъ языки слишкомъ развязались отъ неумѣренныхъ возліяній. Надобно было ожидать, что онъ сробѣетъ и сдѣлается предметомъ всеобщихъ насмѣшекъ. Однако, сверхъ всякаго чаянія, Британникъ нисколько не смутился и твердымъ голосомъ пропѣлъ стихи, имъ самимъ избранные. Этого мало: пропѣтые стихи такъ хорошо приходились къ его собственному положенію, что всякій тотчасъ могъ примѣнить ихъ къ самому пѣвцу. Богъ вѣсть, откуда взялась въ немъ такая смѣлость; какъ бы то ни было, пѣсня его не осталась безъ дѣйствія. Многіе были тронуты ею не на шутку, и такъ какъ среди ночнаго разгула всѣ стали гораздо откровеннѣе, то впечатлѣніе не скрылось и отъ Нерона, который весь превратился во вниманіе. Какъ артистъ, онъ долженъ былъ еще разъ испытать тяжелое чувство, которое говорило ему о несомнѣнномъ превосходствѣ его соперника; какъ человѣкъ, онъ понялъ, что Британникъ — больше не мальчикъ, и никогда не проститъ ему своей обиды. Было отъ чего исполниться ненависти и злобы. Неронъ увидѣлъ, что смѣяться тутъ вовсе нечему, и тогда же рѣшилъ въ умѣ своемъ, что двухъ пѣвцовъ-соперниковъ не можетъ существовать въ одно время, и что стихи,

[1]) См. Arrian. Diss. Epict. 1, 25.

[2]) Suet. Ner. c. 33: Britannicum, non minus aemulatione vocis, quae illi jucundior suppetebat, quam metu, etc.

пропѣтые Британникомъ на сутурналіяхъ, должны быть и его послѣднею, лебединою пѣснію.

Не удивимся, что цезарь, несмотря на свои молодыя лѣта, такъ скоро пришелъ къ мысли о насильственной смерти того, въ комъ только-что начиналъ видѣть опаснаго совмѣстника себѣ. Въ глазахъ его и въ памяти были смѣлые образцы. Не такъ ли дѣйствовала его мать, когда ей нужно было очистить дорогу? Развѣ задумалась она надъ смертію мужа? развѣ рука ея дрогнула бы, хотя бы пришлось занести ее на роднаго сына? Сынъ Агриппины не былъ ни глухъ, ни слѣпъ въ отношеніи къ тому, что̀ говорилось и дѣлалось вокругъ него. Пришло время, и онъ готовился показать на дѣлѣ, что уроки, имъ собранные, не пропали для него даромъ. Самый способъ дѣйствія, избранный имъ для достиженія цѣли, снятъ былъ очевидно съ прежнихъ образцовъ: убійство тайное, безъ пролитія крови и безъ сильной огласки, — отрава. Даже и орудіе убійства было не новое: та же пресловутая Локуста, которая изготовила послѣднее снадобье для Клавдія, была приглашена и теперь, чрезъ посредство преторіанскато трибуна, которому ввѣренъ былъ надзоръ за нею, — показать свое искусство на новой, почти не менѣе знаменитой жертвѣ. Она, какъ извѣстно, никому не отказывала въ своихъ услугахъ, тѣмъ болѣе, если могла разсчитывать на щедрое вознагражденіе. Вокругъ Британника все были люди продажные, которыхъ закупить не стоило никакого труда. Первый опытъ впрочемъ не удался Локустѣ, потому можетъ-быть, что она еще не принаровилась къ натурѣ своего паціента, или что ядъ былъ медлительнаго свойства. Не лучше было въ свое время и съ Клавдіемъ. Но этотъ случай только раздражилъ и увеличилъ нетерпѣніе Нерона. Было ли его безпокойство одного рода съ тѣмъ, какое испытывала Агриппина, когда недовольно подѣйствовалъ первый пріемъ, данный ея мужу, или въ этомъ нетерпѣніи участвовало также нѣкоторое отвращеніе къ поступку, котораго гнусность все-таки возмущала молодое чувство, хотя воля ему и не противорѣчила? Намъ хотѣлось бы болѣе вѣрить второму предположенію, не имѣя впрочемъ на то другихъ основаній, кромѣ самаго возраста цезаря, его юности. Какъ бы то̀ ни было, онъ остался крайне недоволенъ неуспѣхомъ перваго опыта и грозилъ ускорить судъ и приговоръ надъ отравительницею, которая, по его словамъ, гораздо больше думала о себѣ, о своихъ собственныхъ выгодахъ, чѣмъ о безопасности цезаря; нѣкоторые прибавляютъ, что онъ даже побилъ ее собственною рукою. Локуста поняла, что ей

нечего колебаться въ выборѣ, и обѣщалась, чрезъ своего надсмотрщика, приготовить такой ядъ, который бы дѣйствовалъ не хуже, чѣмъ острiе желѣза. Отобравъ нѣсколько корней испытаннаго достоинства, она явилась съ ними въ жилище цезаря и тамъ, въ личномъ его присутствiи, въ самой его опочивальнѣ, сварила свое губительное зелье, передъ которымъ не могли устоять никакiя жизненныя силы. По крайней мѣрѣ первая проба, сдѣланная надъ нимъ, оказалась вполнѣ удовлетворительною: поросенокъ, которому дали немного этого состава, издохъ на мѣстѣ.

Была застольная бесѣда у цезаря; Агриппина и Октавiя также находились въ числѣ присутствующихъ. Между приглашенными былъ и Британникъ съ своими сверстниками. Всѣ члены Августова дома, сколько ихъ оставалось налицо, собрались вмѣстѣ, какъ будто семейный союзъ ихъ не былъ нарушенъ ни малѣйшею внутреннею враждою. Ни одно неосторожное слово не изобличало того глубокаго раздора, который скрывался подъ этимъ наружнымъ согласiемъ. Британникъ съ сверстниками сидѣлъ за особымъ столомъ; въ отличiе отъ взрослыхъ, имъ подавались и особенныя блюда, болѣе простыя и удобоваримыя. По обычаю, довѣренный служитель отвѣдывалъ напередъ отъ каждаго блюда и потомъ подавалъ его Британнику и его собесѣдникамъ. Одно изъ нихъ показалось такъ горячо, что его тотчасъ же отослали назадъ, чтобы простудить хоть немного. Принесли прохлажденное, и едва только Британникъ попробовалъ его, какъ у него отнялся языкъ, и остановилось дыханiе. Его юные товарищи, сидѣвшiе вмѣстѣ съ нимъ, пришли въ смятенiе. Самые робкiе и слабые духомъ тутъ же встали съ своихъ мѣстъ и спѣшили убраться домой, потому ли, что боялись отравы, или — что̀ было почти не легче — опасались ложнаго обвиненiя. Одинъ изъ нихъ (это былъ Титъ, сынъ Веспасiана), сидѣвшiй рядомъ съ Британникомъ, дѣйствительно не успѣлъ остеречься отъ яда и долго потомъ страдалъ тяжкою болѣзнiю *). Другiе, болѣе смѣлые и твердые, остались какъ-будто пригвожденные на своихъ мѣстахъ и не спускали глазъ съ цезаря, стараясь прочитать на его лицѣ тайну всего случившагося. Цезарь однако не смутился; ему ничего не стоило принять какую угодно личину, смотря по обстоятельствамъ. Оставаясь въ прежнемъ полулежачемъ положенiи, онъ не показалъ ни миною, ни тѣлодвиженiемъ, ни малѣйшаго безпокойства и очень просто совѣтовалъ успокоиться другимъ, говоря,

*) Suet. Tit. 2.

что это — одинъ изъ тѣхъ припадковъ, которымъ братъ его подверженъ былъ еще съ дѣтства, и что, понемногу, онъ самъ собою опять придетъ въ чувство. Удивительный актеръ! Его многоопытная мать далеко не могла сравниться съ нимъ въ этомъ искусствѣ. Лучше нежели кто-нибудь изъ присутствующихъ поняла она, что̀ происходило съ Британникомъ. Ей не нужно было доспрашиваться, чтобы распознать дѣйствіе яда, которое ей хорошо было извѣстно по собственнымъ опытамъ въ томъ же родѣ. Поэтому легко себѣ представить тотъ ужасъ, который овладѣлъ Агриппиною при видѣ безчувственнаго пасынка. Въ немъ она теряла свою послѣднюю опору, съ нимъ погибала и ея доселѣ непоколебимая увѣренность въ своей собственной безопасности. Впервые въ своей жизни почуяла она близость непредвидимой кары, постигала возможность самаго несбыточнаго, — и напрасны были потомъ всѣ ея усилія, чтобы подавить въ себѣ внутреннее волненіе: противъ ея воли, оно сильно проступало наружу и было замѣчено всѣми, какъ вѣрный знакъ, что она сама не участвовала въ преступленіи. Даже кроткая Октавія, при всей своей нѣжной привязанности къ Британнику, на которомъ сосредоточивалась вся ея родственная любовь, лучше умѣла скрыть свои настоящія чувства — не столько по искусству владѣть собою, сколько по силѣ того страха, которымъ постоянно были скованы всѣ ея душевныя движенія. Впрочемъ никто не посмѣлъ выразить гласно свои мрачныя подозрѣнія. Въ угожденіе цезарю, каждый старался принять попрежнему безпечный видъ и за веселою чашею забыть о томъ, что въ то же самое время ужь начиналось разрушительное дѣйствіе смерти надъ однимъ изъ застольниковъ. Черезъ нѣсколько времени, при помощи притворства и другихъ, болѣе сильныхъ средствъ, собесѣдникамъ въ самомъ дѣлѣ удалось нѣсколько разсѣять непріятное впечатлѣніе и возстановить хотя искусственную веселость. — Еще не прошла эта ночь, столько полная скрытой печали и принужденной радости, какъ отъ Британника остался уже одинъ бездушный трупъ. Всѣ нужныя приготовленія, для того чтобы предать землѣ прахъ отжившаго, сдѣланы были заранѣе. На другой день, ненастною порой, тайно вывезли его на Марсово поле и тамъ похоронили безъ шума и безъ всякихъ особенныхъ почестей. Какъ бы въ замѣнъ недостававшихъ слезъ, обильный дождь пролился на свѣжую могилу. Толкуя всѣ явленія природы принаровительно къ обстоятельствамъ, народъ не иначе разсуждалъ и о дождѣ, въ тотъ день пролившемся на землю, и видѣлъ въ немъ прямое выраженіе небеснаго гнѣва, возбужден-

наго братоубійствомъ. Иными глазами смотрѣлъ на все дѣло Неронъ, не только щедро вознаградившій отравительницу, но еще предоставившій ей право открыто заниматься своимъ ремесломъ и даже приготовлять себѣ способныхъ преемниковъ [1]).

Въ Августовомъ домѣ стало еще однимъ членомъ менѣе. Самоистребленіе рода начинало дѣлать замѣтные успѣхи. Безразлично погибали самые дряхлые, какъ и самые незрѣлые въ родѣ, еще не вкусившіе отъ плода жизни. Британникъ по крайней мѣрѣ оставлялъ по себѣ безукоризненную память. Это была, конечно, не личная его заслуга, а скорѣе выгода ранней смерти: Богъ знаетъ, что̀ сталось бы съ нимъ, еслибы онъ дожилъ хотя до половины того возраста, въ которомъ смерть постигла отца его. Какъ бы то ни было, счастливымъ случаемъ, или несчастіемъ, въ семьѣ Клавдія было спасено одно чистое имя — спасено если не для жизни, то для доброй славы по смерти. Таковъ былъ вѣкъ, что почти приходилось выбирать одно изъ двухъ — или раннюю смерть, или безчестную жизнь. Первое досталось на долю потомства Мессалины. Полагая свою безопасность и силу въ преждевременной гибели другихъ, Агриппина и ея сынъ, очевидно, предпочитали для самихъ себя второе назначеніе.

Но въ положеніи матери и сына была въ то же время и большая разница, какъ между восходящею и заходящею звѣздою. Восхожденіе Агриппины давно кончилось: ей бы теперь было только держаться на той высотѣ, на которой она стала, сгубивъ своего мужа, но и то уже становилось ей не подъ силу; между тѣмъ Неронъ все больше и больше выросталъ, по мѣрѣ того, какъ она падала ниже. Оттого Агриппина и падала, что допустила сына стать на свои ноги; не допустить же этого не могла, потому что нельзя было и помышлять о борьбѣ съ силою, которая еще себя не обнаружила и даже ничѣмъ не дала подозрѣвать о своемъ существованіи. Другое дѣло, еслибы Агриппинѣ довелось имѣть передъ собою, вмѣсто неопытнаго юноши, настоящаго противника, котораго силы были бы уже испытаны: навѣрное она приняла бы во время свои мѣры. Но кто бы въ молодомъ Домиціи угадалъ будущаго Нерона? Въ борьбѣ, которую мы разсказали, цезарь лишь впервые испыталъ свои силы; а какъ скоро онѣ обнаружились и доставили ему успѣхъ, естественно было, что онъ получилъ самоувѣренность и хотѣлъ идти далѣе тѣмъ же путемъ. Одинъ успѣхъ носилъ въ себѣ

[1]) Tac. XIII, 17; Suet. Ner. 33.

зародышъ другаго въ томъ же родѣ. Впредь Агриппина могла брать свое только съ боя, но бой уже потому былъ невыгоденъ для нея, что послѣ одной неудачи она потеряла прежнее спокойствіе и вмѣстѣ съ нимъ увѣренность въ побѣдѣ, между тѣмъ какъ силы нежданнаго противника ежеминутно возрастали. Ударъ, поразившій Британника, былъ также косвеннымъ пораженіемъ матери цезаря. Неронъ, напротивъ, съ этой минуты еще крѣпче утверждался на той дорогѣ, на которую вышелъ прежде. Смерть Британника, хотя и безъ пролитія крови, окончательно убивала въ немъ врожденную человѣку боязнь крови. Кризисъ, происходившій въ цезарѣ, разрѣшался полною побѣдой одной стороны. Не чувствуя никакого стыда за свой поступокъ, Неронъ счелъ за нужное объясниться съ Римлянами лишь насчетъ поспѣшнаго погребенія. Имъ точно поспѣшили — сказано было въ эдиктѣ, нарочно изданномъ послѣ смерти Британника — но единственно изъ добраго желанія, слѣдуя священнымъ обычаямъ предковъ, сколько возможно сократить скорбь народа по случаю такой горькой утраты! Цезарь не менѣе всякаго другаго чувствуетъ эту потерю: онъ лишился единственнаго брата, самаго надежнаго своего помощника; но онъ утѣшаетъ себя мыслію, что не будетъ оставленъ въ своемъ сиротствѣ сенатомъ и народомъ, которые въ свою очередь тѣмъ болѣе должны дорожить имъ теперь, что онъ одинъ остается у нихъ представителемъ своего знаменитаго рода. Эдиктъ былъ написанъ рукою опытнаго стилиста — признакъ по которому съ достовѣрностію можно заключать, что Сенека не устранялся отъ всякаго участія въ томъ, что̀ происходило тогда вокругъ него. За именемъ Сенеки, хотя и оно само оставалось не очень замѣченнымъ, скрывались и нѣкоторыя другія имена — тоже людей, такъ или иначе содѣйствовавшихъ цезарю въ исполненіи его намѣреній. Въ отношеніи къ нимъ цезарь не довольствовался одними пышными словами, но, частію изъ признательности къ настоящимъ заслугамъ, частію изъ видовъ на будущія, спѣшилъ излить на нихъ свои дѣйствительныя щедрости. Отказывающихся не было; говорятъ, что даже тѣ изъ приближенныхъ цезаря, которые отличались столько рѣдкою въ то время строгостію нравовъ, не хотѣли пропустить случая и считали вовсе нелишнимъ увеличить свое благосостояніе — кто хорошимъ домомъ, кто богатою виллой [1]). Приводя это обвиненіе, историкъ кажется только изъ сожалѣнія умолчалъ имена Сенеки

[1]) Ann. XIII, 18: Nec defuere, qui arguerent viros gravitatem adseverantes, quod domos villas id temporis quasi praedam divisissent.

и Бурра, чтобы не лишить это безплодное время и послѣдняго права на добрую память въ потомствѣ!

Каждый новый шагъ Нерона впередъ, каждое произвольное его движенiе бросало новую тревогу въ сердце его матери. Никто не былъ чувствительнѣе Агриппины къ оскорбленiямъ, никто не испыталъ ихъ такъ много въ самое короткое время. Ее ужь обходили какъ лицо вовсе ненужное, о которомъ перестаютъ заботиться; ей едва оказывали даже то вниманiе, котораго она въ правѣ была требовать себѣ, какъ мать цезаря. Вѣрный признакъ самообладанiя, внутреннее равновѣсiе, которое нѣкогда составляло главное преимущество Агриппины передъ ея противниками, было ею утрачено, а горечь ощущенiй все копилась и копилась. Внезапная смерть Британника, совершившаяся въ ея глазахъ, разбила въ ней все — даже до чуткихъ инстинктовъ собственной безопасности. Напрасно думали замирить Агриппину и наложить на нее молчанiе богатствомъ приношенiй, которыя были сдѣланы на ея имя. Въ ней опять со дна души поднялись темныя, необузданныя силы, съ которыми нѣтъ ни справы и не можетъ быть никакихъ договоровъ; она потеряла всякiй внутреннiй упоръ, не могла совладѣть ни съ однимъ своимъ чувствомъ, вдругъ хотѣла и отмстить за оскорбленiя и возвратить все потерянное. Изъ дѣтей Мессалины была еще жива дочь ея, Октавiя. Довольно было холодности къ ней Нерона, чтобы она сдѣлалась предметомъ особеннаго вниманiя и нѣжности его матери. Въ то время, какъ мужъ явно отворачивался отъ жены, Агриппина съ горячностiю принимала ее въ свои объятiя. Если нужно было уколоть цезаря, то средство избрано было очень вѣрное. Но Агриппина тѣмъ еще не ограничилась: она держала постоянныя совѣщанiя съ своими друзьями, съ необыкновенною жадностiю и поспѣшностiю собирала деньги отвсюду, гдѣ только могла ихъ взять, какъ бы заготовляя средства для какого чрезвычайнаго предпрiятiя, привѣтливо улыбалась всѣмъ трибунамъ и центурiонамъ, явно заискивала расположенiя старыхъ аристократическихъ фамилiй и старалась соединить около себя всѣ римскiя знаменитости. Вообще Агриппина дѣйствовала такъ, что только слѣпой могъ не догадаться, что она затѣваетъ недоброе. Но что̀ прежде служило выраженiемъ дѣйствительной силы, сознающей свое превосходство, то̀ теперь было крайнею опрометчивостiю, которая идетъ на все очертя голову и не справляясь ни съ своими средствами, ни съ силами противниковъ. Теперь стало яснѣе, чѣмъ когда-нибудь, что даже и Агриппина, увлекшись страстiю, способна забыть всякiй разсчетъ, всякое

благоразуміе. Она сдѣлала двойную ошибку: дала своимъ врагамъ оружіе противъ себя и слишкомъ нескромно обнаружила тайну своей слабости. Неронъ давно уже пересталъ быть мальчикомъ, не понимающимъ выгоды своего положенія; къ матери своей онъ никогда не питалъ другаго чувства, кромѣ страха, и былъ бы очень радъ, еслибы могъ отдѣлаться отъ него навсегда. Не иная была задушевная мысль и его ближайшихъ совѣтниковъ и руководителей. Въ то самое время, какъ Агриппина, поддавшись больному раздраженію, теряла власть надъ своими чувствами, въ цезарѣ зрѣла мужеская рѣшимость. Исполненіе послѣдовало быстро за рѣшеніемъ. Едва ли еще Агриппина подозрѣвала намѣренія сына, какъ у нея отняли почетную стражу изъ римскихъ легіонаріевъ и германскихъ наемниковъ, которою она пользовалась до сего времени, какъ вдова одного цезаря и мать другаго [1]). Это была единственная вооруженная сила, состоявшая въ ея непосредственномъ распоряженіи. Послѣ того Нерону не трудно уже было провести и другую чрезвычайную мѣру относительно матери. Въ силу его приказанія, она должна была навсегда покинуть дворецъ цезарей и переселиться въ домъ одной своей малоизвѣстной родственницы, чтобы вмѣстѣ съ домомъ наслѣдовать и ея скромную долю. Въ минуту рѣшительнаго паденія Агриппина не нашла ничего противопоставить своимъ неутомимымъ противникамъ — ни своего личнаго достоинства и никакого живаго сочувствія со стороны. Все это было безвременно растеряно по дорогѣ жизни, безъ нужды погублено одною всепожирающею страстію. Осталось лишь жалкое безсиліе женщины, да имя вконецъ опозоренное неимовѣрною легкостію преступленій, столько же безплодныхъ, сколько и ужасающихъ своею безчеловѣчностію!

Незавидна доля человѣка, не оставляющаго послѣ долголѣтней жизненной дѣятельности никакого титла на признательную память потомства; во сто разъ печальнѣе участь женщины, которая, удаляясь со сцены дѣйствія, оставляетъ по себѣ неизгладимый слѣдъ въ исторіи — отрицаніемъ женскаго стыда и наглымъ попраніемъ человѣческаго достоинства. Жизненное поприще Агриппины еще не кончилось: она только принуждена была отказаться отъ высокаго положенія въ обществѣ, низойдти въ ряды обыкновенныхъ людей. Позади ея лежала цѣлая обширная дѣятельность; но какое утѣшеніе позволительно было извлечь изъ нея на отраду остальной жизни?

[1]) Ann. XIII, 18; Suet. Ner. 34.

Не повторяя лишній разъ всѣхъ подробностей прошлаго, довольно припомнить тѣ предѣлы, въ которыхъ совмѣщалась вся эта дѣятельность отъ начала ея и до конца. Проникнувъ въ палаты римскихъ цезарей низкимъ обольщеніемъ своего будущаго мужа, Агриппина была наконецъ позорно выгнана изъ нихъ по волѣ своего роднаго сына, который выросъ и воспитался почти на ея глазахъ, подъ ея непосредственнымъ наблюденіемъ, и лучше всѣхъ наставленій усвоилъ себѣ живой примѣръ своей матери!

Послѣдуемъ нѣсколько за Агриппиною и въ самомъ ея изгнаніи. Любопытно знать, какое вліяніе имѣла послѣдняя перемѣна на состояніе ея духа. Положеніе Агриппины во всѣхъ отношеніяхъ было самое безотрадное. Удаленная отъ всякаго участія въ правленіи, лишенная не только власти, но и почета, она не имѣла въ утѣшеніе себѣ даже и семейнаго счастія. У нея былъ сынъ: онъ не хотѣлъ еще прервать всѣхъ сношеній съ матерью, но являлся къ ней скорѣе въ качествѣ оффиціальнаго лица, нежели сына, всегда окруженный толпою центуріоновъ, и едва обмѣнявшись привѣтствіемъ, спѣшилъ отправиться назадъ. Все остальное, что̀ было при дворѣ, рѣшительно повернулось спиною къ изгнанницѣ. Никто даже изъ тѣхъ, которые можетъ быть ей же обязаны были своимъ возвышеніемъ, не хотѣлъ переступить порога ея дома. Послѣ шумной публичной дѣятельности нѣсколькихъ лѣтъ, Агриппинѣ пришлось бы испытать тоску самаго мрачнаго одиночества, еслибы нѣкоторыя изъ ея старыхъ пріятельницъ не рѣшились продолжать свои посѣщенія къ ней даже въ ея уединеніи. Но тотъ бы ошибся глубоко, кто бы вздумалъ объяснять эти отношенія постоянствомъ дружбы и ея неизмѣнностію. Подобныя чувства не находили себѣ ни вѣры, ни признанія въ римскомъ женскомъ обществѣ того времени. Теперь были въ ходу дѣйствующія пружины совершенно противоположнаго рода. Юнія Силана и Домиція Лепида въ особенности были далеко не изъ тѣхъ женщинъ, отъ которыхъ можно было бы ожидать безкорыстнаго участія въ чужомъ несчастіи. Мы уже встрѣчались съ ними въ продолженіи этихъ разсказовъ: первая изъ нихъ знакома намъ еще по своимъ отношеніямъ къ Мёссалинѣ, которая развела ее съ Силіемъ; вторая была старая соперница Агриппины, съ завистію видѣвшая ея возвышеніе и возрастающее вліяніе на цезаря [1]). Юнія Силана имѣла впрочемъ болѣе уважительныя причины жаловаться на Агриппину: потерявши мужа по прихоти одной супруги Клав-

[1]) См. Рим. женщины, ст. 1 и 2.

дія, она потомъ должна была отказаться отъ весьма выгодной партіи вслѣдствіе прямаго недоброжелательства другой. Въ надеждѣ прибрать со временемъ къ своимъ рукамъ богатое наслѣдство Юніи, Агриппина, когда еще была въ силѣ, умѣла совершенно разстроить бракъ ея съ однимъ юношею благороднаго происхожденія, по имени Секстіемъ Африканомъ, разсказавши ему нѣкоторые случаи изъ жизни женщины, съ которою онъ намѣренъ былъ соединить свою судьбу [1]). До сихъ поръ ни Юнія, ни Домиція ничего не могли сдѣлать въ удовлетвореніе своему безсильному чувству; но вотъ и Агриппина узнала въ свою очередь измѣнчивость счастія, и онѣ тотчасъ окружили ее своимъ вниманіемъ, старались повидимому, наперекоръ всѣмъ обстоятельствамъ, доказать ей свое постоянство и доставить необходимое развлеченіе, а между тѣмъ высматривали втайнѣ, съ какой бы стороны можно было нанести ей самый вѣрный ударъ и поразить всего чувствительнѣе. То̀ начинались чисто женскіе счеты, которые также надобно было привести къ окончанію.

Скоро созрѣло противъ Агриппины цѣлое обвиненіе, грозившее самыми ужасными послѣдствіями. Женская ненависть показала при этомъ случаѣ всю свою изобрѣтательность и дерзость нападенія. Во многомъ можно было обвинить Агриппину, не боясь обличенія, напримѣръ въ томъ, что она продолжаетъ оплакивать смерть Британника, разглашаетъ недостойное обращеніе цезаря съ Октавіей, и т. п. Но все это казалось еще не довольно сильно, чтобы раздуть въ Неронѣ гнѣвъ противъ матери. Придумали обвиненіе гораздо болѣе опаснаго свойства — будто бы Агриппина задумала противопоставить Нерону одного отдаленнаго его родственника, также изъ Августовой фамиліи, вступить съ нимъ въ брачный союзъ и черезъ него возстановить свое имя и власть въ государствѣ. Обвиненіе имѣло за себя ту вѣроятность, что Рубеллій Плавтъ, котораго называли сообщникомъ Агриппины, происходилъ въ томъ же самомъ колѣнѣ отъ Друза, въ какомъ Неронъ отъ Германика. Первые пустили въ ходъ этотъ вымыселъ, по внушенію Юніи, ея кліенты, Итурій и Кальвизій, они не затруднились передать его Атимету, отпущеннику Домиціи, а тотъ нашелъ между своими сотоварищами еще одного, по имени Париса, который взялъ на себя самую роль обвинителя. Парисъ, какъ искусный гистріонъ, имѣлъ доступъ прямо къ цезарю; войдя къ нему ночью, когда застольныя возліянія начинали уже производить на него свое дѣйствіе,

[1]) Ann. XIII, 19.

ловкій фигляръ принялъ плачевный видъ и началъ разсказывать таинственную исторію мнимаго заговора. Арлекинада имѣла полный успѣхъ. Такъ нежданно испуганный, Неронъ пришелъ въ совершенное изступленіе и рѣшилъ — не только предать смерти главныхъ виновниковъ измѣны, Агриппину и Рубеллія Плавта, но тотчасъ же лишить всякой власти и Бурра, какъ человѣка, обязаннаго покровительству Агриппины своимъ возвышеніемъ и потому вовсе ненадежнаго. Увѣряютъ, что уже назначенъ былъ и преемникъ Бурру въ главномъ начальствѣ надъ преторіанцами, и что только заступленіе Сенеки могло спасти его отъ внезапной и незаслуженной опалы [1]: лучшее доказательство самостоятельности Сенеки и вообще того умственнаго превосходства, которое онъ неоспоримо имѣлъ надъ своимъ товарищемъ и сообщникомъ своихъ политическихъ плановъ. Дружно работали они общими силами для низложенія Агриппины, но Сенека, по силѣ своей мысли и вліянія на цезаря, очевидно былъ цѣлою головой выше Бурра, который во всемъ этомъ предпріятіи оставался только вѣрнымъ его спутникомъ. Отстоявши товарища, воспитатель цезаря сдѣлалъ еще усиліе, чтобы остановить или хотя только замедлить исполненіе другаго, болѣе фатальнаго приговора. Нечеловѣческая мысль объ убійствѣ матери, представившись разъ встревоженному уму Нерона, держалась въ немъ съ упорствомъ [2]: однако, не умѣя еще довольно противорѣчить настояніямъ своихъ руководителей, онъ наконецъ сдѣлалъ имъ одну важную уступку. Взявши слово съ Бурра — не противиться казни Агриппины, если она дѣйствительно будетъ уличена въ преступныхъ замыслахъ, Неронъ согласился на отсрочку своего жестокаго рѣшенія. Когда сдѣлано было главное, руководителямъ цезаря уже не трудно было убѣдить его въ необходимости правильнаго суда надъ Агриппиною. Они напомнили ему право всякаго обвиненнаго на защиту, поставили на видъ темныя обстоятельства дѣла, сослались на недостатокъ свидѣтелей, на сомнительный характеръ обвинителя, на самую ночь и тревожность перваго впечатлѣнія. Неронъ еще не потерялъ всякаго уваженія къ чужому мнѣнію; доводы, приведенные его довѣреннѣйшими совѣтниками въ пользу Агриппины, не замедлили произвести желаемое дѣйствіе, и тѣмъ рѣшено было ея спасеніе.

На другой день, рано утромъ, Сенека и Бурръ явились въ домъ

[1]) Tac. ibid.: Sed ope Senecae dignitatem Burro retentam.

[2]) Ibid.: Nero trepidus et interficiendae matris avidus.

Агриппины сообщить ей о состоявшемся обвиненіи и потребовать отъ нея объясненія. Чтобы удалить всякое подозрѣніе въ пристрастіи, вмѣстѣ съ ними присутствовали при допросѣ и нѣкоторые другіе отпущенники, пользовавшіеся довѣренностію цезаря. На Бурра, какъ главнаго исполнителя цезаревыхъ приказаній, падала самая тяжелая часть обязанности. Принявъ тонъ слѣдователя, онъ изложилъ всѣ обвинительные пункты, назвалъ по именамъ всѣхъ участниковъ заговора и потомъ перешелъ къ угрозамъ, какъ бы для того, чтобы исторгнуть у виновницы собственное признаніе. Агриппина едва ли была приготовлена къ этой сценѣ; но несмотря на ея нечаянность, несмотря на свое глубокое униженіе, она не смутилась духомъ, не потерялась ни на минуту, и въ отвѣтѣ ея слышалось все презрѣніе, какое питала она къ своимъ обвинителямъ [1]. «Не удивляюсь — былъ отвѣтъ ея Бурру — что Силана, никогда не родивши дѣтей, не понимаетъ и материнской любви. Она думаетъ, что какъ ей ничего не стоитъ перемѣнить любовника, такъ для сердца матери легко возненавидѣть сына! Что нашлись продажные люди, которые въ угоду старой бабѣ готовы подтвердить какое угодно показаніе, такъ я ужь выхожу по вашему злодѣйкою своего сына, и вы готовы его сдѣлать палачомъ своей матери?! Домиціи я бы простила даже ея ненависть ко мнѣ, еслибы она дѣйствительно хотѣла превзойдти меня въ любви къ моему Нерону; но ей непремѣнно нужно сочинить на мой счетъ цѣлую исторію, даже вывести меня на сцену для потѣхи зрителей: не даромъ же она окружена комедіантами! Когда здѣсь хлопотали то объ усыновленіи, то о консульскомъ достоинствѣ, и не жалѣли никакихъ усилій, чтобы открыть человѣку самую широкую дорогу въ имперіи, гдѣ *она* была и что̀ дѣлала? Прохлаждалась нѣгою въ своихъ Баіяхъ!.. Да докажите же по крайней мѣрѣ, что весь этотъ заговоръ — невыдуманный, что вы открыли несомнѣнные слѣды его въ войскѣ, въ провинціяхъ, между рабами, или отпущенниками? Кололи же мнѣ глаза Британникомъ, будто не понимая того, что его успѣхъ былъ бы для меня смертнымъ приговоромъ. Пусть не онъ, а Плавтъ, или какъ бы онъ ни назывался, получитъ власть въ имперіи: что̀ же? развѣ я больше выиграю? развѣ некому будетъ уличить меня — не говорю ужь въ неосторожныхъ словахъ, внушенныхъ можетъ-

[1]) Ann. XIII, 21.

быть излишнею материнскою нѣжностію, но въ такихъ дѣлахъ, что только сынъ можетъ простить ихъ своей матери[1])».

Отвѣтъ былъ достоинъ женщины, у которой не дрогнула рука даже въ ту минуту, когда она занесла ее на своего мужа. Неукротимый духъ Агриппины не смирялся и подъ несчастіями. Не считая за собой никакихъ высокихъ подвиговъ, она была горда — своими громкими преступленіями! Древняя Римлянка меньше гордилась своими дѣйствительными заслугами семьѣ римскаго гражданина и отечеству. На этотъ разъ впрочемъ — едва ли не единственный случай въ цѣлой жизни — Агриппина имѣла еще столько новое для нея преимущество правоты на своей сторонѣ. Наглость и безстыдство обвиненія, ничѣмъ неоправданнаго, вызвали и въ ней нѣчто похожее на чувство собственнаго достоинства. Тѣ, которые пришли къ ней съ запасомъ упрековъ и наставленій, смутились сами передъ ея гордымъ видомъ и еще болѣе смѣлою рѣчью. Этого языка они давно не слыхали, успѣли отвыкнуть отъ него прежде времени. Невооруженные никакими прочными доказательствами, и слишкомъ понадѣявшись на свой офиціяльный характеръ, они дали сбить себя съ перваго разу и послѣ того должны были шагъ за шагомъ отступать передъ своею неробкою соперницей. Агриппина была слишкомъ опытна, чтобы не замѣтить неловкаго положенія своихъ малодушныхъ противниковъ и не извлечь изъ него всей возможной пользы для себя. Она наконецъ истребовала свиданія съ самимъ цезаремъ, и никто уже не взялся противорѣчить ея желанію. Для враговъ павшей Агриппины это было самое чувствительное пораженіе. Несмотря на свою опалу, она еще сохранила нѣкоторое вліяніе на сына, и въ счастливую минуту могла опять овладѣть его волей. За Нерона поручиться было нельзя: захваченный врасплохъ, остывъ отъ минувшаго раздраженія, онъ еще способенъ былъ, по старой привычкѣ, поблѣднѣть при одномъ звукѣ голоса своей матери. Увидѣвъ его, она не стала ни оправдываться передъ нимъ, ни упрекать его въ неблагодарности, а просто-на-просто потребовала отъ него примѣрнаго наказанія дерзкимъ доносчикамъ и наградъ своимъ вѣрнымъ приверженцамъ. И то и другое было исполнено въ скорости и совершенно по ея желанію: на однихъ излились милости, другіе подверглись тяжелымъ лишеніямъ. Силана была приговорена къ ссылкѣ, Итурій и Кальвизій осуждены на изгнаніе, Атимету прочтенъ смертный приговоръ; цезарь

[1]) Ibid.: Sed ea crimina objiciant, quibus nisi a filio absolvi non possum.

отстоялъ только Париса, потому что боялся потерять въ немъ незамѣнимаго товарища своихъ чувственныхъ наслажденій. Домицію вѣроятно спасли ея постоянныя близкія связи съ Августовымъ домомъ. На Рубеллія Плавта пока не было обращено никакого особеннаго вниманія. Сенека и Бурръ также удержали свои прежнія положенія при цезарѣ и конечно немало содѣйствовали къ тому, что Агриппина, начавъ такъ удачно, должна была ограничиться лишь первымъ своимъ успѣхомъ и — по крайней мѣрѣ въ ожиданіи болѣе благопріятной минуты — предоставить сыну полную свободу дѣйствовать по своему собственному усмотрѣнію.

—

Удаленіе Агриппины отъ дѣлъ почувствовалось на многомъ. Всего выгоднѣе отозвалось оно на внутреннемъ управленіи имперіею, которая наконецъ могла вздохнуть нѣсколько свободнѣе, какъ бы освободившись отъ присутствія злаго генія. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ къ ряду замѣчается въ публичной дѣятельности Римлянъ довольно значительное оживленіе. Если не самъ цезарь, то тѣ, которые были сильны его довѣренностію и стояли во главѣ управленія послѣ Агриппины, видимо старались загладить недавнія тяжелыя воспоминанія и положить начало лучшему порядку вещей. Старыя римскія учрежденія, не чувствуя болѣе надъ собою стѣснительнаго гнета, мало-по-малу начинали возвращаться къ обычной свободѣ своихъ движеній. Сенатъ ожилъ первый, и слѣдуя старому обычаю, опять открылъ у себя непринужденныя пренія для всесторонней обработки законодательной мысли. Много здравыхъ и истинно благонамѣренныхъ мыслей было такимъ образомъ высказано уже по первому представившемуся вопросу — о возстановленіи правъ патроновъ на ихъ отпущенниковъ [1]). Дѣйствуя въ согласіи съ сенатомъ и поддерживаемые имъ, римскіе магистраты, консулы и преторы, также могли прибавить вѣсу своимъ распоряженіямъ и поднять нѣсколько свой упавшій авторитетъ; своеволіе трибуновъ, напротивъ того, было значительно ограничено, и они принуждены заключиться въ законные предѣлы своей власти [2]). Такъ воспрещено было имъ простирать судную власть, соединенную съ

[1]) См. Ann. XIII, 26. 27.

[2]) Ibid. c. 28.

трибунатомъ, далѣе города Рима, и приговоры ихъ теряли свою силу, если были произнесены въ домѣ, а не съ публичнаго трибунала. При другомъ случаѣ, особымъ эдиктомъ было отмѣнено разорительное обыкновеніе, въ силу котораго каждый вновь назначенный правитель, вступая въ управленіе своею провинціей, долженъ былъ прежде всего устроить какое-нибудь увеселительное зрѣлище для народа, какъ-то бой гладіаторовъ, травлю звѣрей, и т. п. Это умное распоряженіе имѣло цѣлію положить конецъ почти повсемѣстному злу самаго наглаго лихоимства, которое позволяли себѣ правители подъ благовиднымъ предлогомъ покрытія дѣйствительныхъ, или мнимыхъ издержекъ при подобныхъ представленіяхъ [1]). Другія злоупотребленія по управленію провинціями также не оставались незамѣченными и рѣже проходили совершенно безнаказанно. Старикъ Целеръ, бывшій правителемъ Азіи, только тѣмъ и избавился отъ приговора и осужденія, что, по особенной благосклонности цезаря, могъ протянуть свой процессъ до самой своей смерти [2]). Внѣшнія отношенія были тоже большею частію весьма благопріятны. Германцы пока не безпокоили сѣверныхъ предѣловъ имперіи, а вновь возгорѣвшаяся война съ Пароянами, на Востокѣ, увѣнчала римское оружіе блестящими успѣхами [3]). Въ Корбулонѣ римское войско нашло себѣ вождя, который по военной доблести достойно могъ занять мѣсто между славными именами древности. Судя по всѣмъ этимъ признакамъ, можно бы было подумать, что для Рима возвращаются его лучшія времена, и сулить ему много счастія въ близкомъ будущемъ.

Но, къ сожалѣнію, добрая воля нѣсколькихъ лицъ не могла помочь общему злу: нравы римскіе были неисправимы; порча свила себѣ гнѣздо въ римскомъ обществѣ. Напрасно думали поправить зло возстановленіемъ внѣшняго чина, дисциплиною: Римлянинъ не находилъ ничего въ себѣ самомъ, что̀ бы отвѣчало такому требованію, и покорялся ему только по необходимости. Зато, если случаемъ или самымъ положеніемъ онъ освобождался отъ принужденія, неистовый разгулъ его не зналъ себѣ предѣловъ. Посмотримъ только, что̀ сталось съ Нерономъ послѣ раздѣла его съ Агриппиною, и какъ воспользовался онъ правомъ располагать собою по собственной волѣ. Когда страхъ передъ матерью больше не связывалъ ему

[1]) Ibid. c. 31. Nam ante non minus tali largitione quam corripiendis pecuniis subjectos affligebant; dum quae libidine deliquerant, ambitu propugnant.
[2]) Ibid. c. 33.
[3]) Ibid. c. 34—41; см. также c. 53.

рукъ, тогда обнаружилось ясно, что это была единственная и последняя ограда, которая до сихъ поръ нѣсколько сдерживала его порывы и мѣшала ему быть вполнѣ самимъ собою. Въ немъ самомъ, въ цѣломъ нравственномъ существѣ его не оказалось ничего, что̀ бы могло замѣнить ему чужую опеку. Понятіе о долгѣ повидимому было неизвѣстно ему даже по слуху. Да невидно было ни какихъ признаковъ, чтобы въ немъ сохранилось хоть чувство собственнаго достоинства; или оно осталось не развито до такой степени, что Нерону была чувствительнѣе физическая боль, чѣмъ оскорбленіе его личной чести. Условныя формы приличія существовали для него еще менѣе: его преждевременно созрѣвшій цинизмъ не обѣщалъ имъ ни малѣйшей пощады. Нерона мало обольщала самая власть: онъ только не терпѣлъ чужой власти, потому что она мѣшала ему жить на полной свободѣ. И потому, какъ только вліяніе Агриппины было устранено, Неронъ ударился прямо въ оргію. Но обыкновенная оргія въ четырехъ стѣнахъ, какъ бы она ни была безчинна, не удовлетворяла его больше: ему ужь надобно было вынести ее на улицу, ему нравилось именно то, что онъ можетъ посмѣяться въ лицо надъ общественною скромностію, сколько еще оставалось ея въ народѣ. Дѣйствительно, цѣлый Римъ былъ свидѣтелемъ, какъ умѣетъ цезарь издѣваться надъ всѣми приличіями общественной жизни. Едва только накрывали сумерки, онъ тотчасъ отправлялся, въ сопровожденіи цѣлой ватаги своихъ постоянныхъ застольниковъ, на свои ночныя похожденія по городу. Буйная толпа съ шумомъ пробѣгала по улицамъ, переходила изъ одной корчмы въ другую, наѣдалась, напивалась, и потомъ, обойдя самыя грязныя убѣжища разврата, въ довершеніе потѣхи пряталась около домовъ и выжидала проходящихъ. Попадалась ли женщина — ей не уйдти было отъ наглостей и оскорбленій разнаго рода; выходилъ ли на встрѣчу мирный гражданинъ, запоздавшій на веселой пирушкѣ — на него также бросались изъ темной засады и безъ дальныхъ околичностей провожали пинками; а если, на бѣду, онъ имѣлъ еще дерзость отбиваться, то его тащили къ грязной канавѣ и погружали въ самую тину. Случалось и то, что, наскучивъ выжиданіемъ, разгульная ватага принималась прямо за разбой [1]), ломала замки у лавокъ и забирала съ собой всѣ товары, которые были поцѣннѣе. И всѣ эти безпутныя продѣлки проходили ихъ виновникамъ безнаказанно! Нѣкоторое время, правда, Рим-

[1]) Ann. XIII, 25; ср. Suet. Ner. 26. Dio Cassius 61, 9.

ляне не догадывались, кто бы такъ жестоко потѣшался надъ ними самими и ихъ женами, и если гдѣ удавалось, безъ разбора били всякаго, кто только попадался подъ руку; никто не подозрѣвалъ присутствія между наглыми шалунами самого цезаря, и ему не разъ по томъ приходилось подкрашивать подбитое свое лицо искусственными средствами [1]). Не стыдъ конечно побуждалъ Нерона скрывать свои похожденія отъ публики: актеръ въ душѣ, онъ любилъ играть собою и другими и всюду вносилъ страсть къ мистификаціи. Его занимало недоумѣніе мирныхъ обитателей Рима, которые то и дѣло терпѣли отъ проказъ безыменныхъ ночныхъ шалуновъ и не знали, что̀ подумать о нихъ. Но рано или поздно секретъ Нерона долженъ былъ выдти наружу. Въ Римѣ не было недостатка въ людяхъ, которые, не затрудняясь, могли пойдти по указанному направленію вслѣдъ за цезаремъ: примѣръ его, сдѣлавшись гласнымъ, скоро нашелъ себѣ весьма понятливыхъ подражателей. Явились другіе удальцы, которымъ недоставало только оригинальности, чтобы во всемъ поравняться съ первыми; подобравъ себѣ товарищей, они также начали рыскать по улицамъ и никому не давали прохода. Какъ только наступала ночь, въ городѣ прекращалась всякая безопасность; каждый день приносилъ новые слухи о ночныхъ нападеніяхъ; общее безпокойство возрасло еще болѣе, когда узнали, что между обиженными было нѣсколько знатныхъ Римлянъ, мущинъ и женщинъ! Наконецъ дошло до того, что среди мирнаго времени городъ принималъ видъ непріятельскаго стана. Жаловаться было некому, и жители Рима принуждены были сами вооружаться для своей безопасности. Средство было крайнее, однако въ скоромъ времени принесло ощутительную пользу. Въ одной изъ ночныхъ прогулокъ, Нерону случилось довольно нескромно затронуть жену Юлія Монтана, Римлянина благородной фамиліи. Мужъ не хотѣлъ снести обиды, и будто не узнавъ обидчика, далъ почувствовать ему всю силу своей руки. Цезарь возвратился домой избитый до полусмерти [2]). Удовольствіе отмстить за оскорбленіе жены досталось Монтану очень дорого: ему велѣно было умереть немедля; но и цезарь, получивъ этотъ урокъ, сталъ гораздо осторожнѣе. Не отказываясь вовсе отъ своихъ привычекъ, онъ уже не иначе показы-

[1]) Tac. ibid.: adversus ignaros adeo ut ipse quoque exciperet ictus et ore praeferret. Cp. Plinius, 13, 22. Nero—nocturnis grassationibus converberatam faciem illinens sibi thure ceraque, etc.

[2]) Suet. ibid.: A quodam laticlavio, cujus uxorem attrectaverat, prope ad necem caesus. Cp. Tac., также Dio Cass. I. c.

вался въ ночное время на улицѣ, какъ въ сопровожденіи множества вооруженныхъ трибуновъ и гладіаторовъ, которые слѣдовали за нимъ издали и всякую минуту готовы были ему на помощь. Охота по римскимъ улицамъ, принимаемая съ такими предосторожностями, скоро потеряла половину своей прежней цѣны въ глазахъ Нерона. Недовольный тѣмъ, что потѣха приняла столько принужденный характеръ, онъ искалъ себѣ новаго поприща, гдѣ бы могъ съ большею свободою удовлетворить своей страсти позабавиться на счетъ другихъ. За выборомъ дѣло не стало: прямо съ улицы цезарь перенесъ свой безпокойный юморъ на римскія публичныя зрѣлища, обыкновенно привлекавшія множество народа, незамѣтно мѣшался между зрителями и искусно поджигалъ одну партію противъ другой. Долго таившаяся вражда вспыхивала пожаромъ, присутствующіе брались за что̀ попало, представленіе останавливалось, и начиналась жестокая перепалка скамьями и каменьями. Здѣсь зараждались будущія партіи Зеленыхъ и Синихъ со всѣмъ ихъ безсмысленнымъ задоромъ. Цезарь нисколько не отставалъ отъ другихъ и мѣтилъ такъ ловко, что однажды попалъ одному претору въ самую голову. Схватки, какъ видно, были очень жаркія и не обходились безъ крови; но Римляне выиграли хотя въ томъ отношеніи, что нападенія происходили не изъ-за угла, — удары сыпались при всей публикѣ.

Мудрые руководители Нерона смотрѣли сквозь пальцы на его юношескія забавы. Положимъ, что они имѣли на то свои причины. Въ ихъ интересѣ было прежде всего — занять цезаря тѣмъ или другимъ способомъ, чтобы держать его сколько можно дальше отъ непосредственнаго вмѣшательства въ дѣла внутренняго управленія. Они были правы на столько, на сколько можетъ быть правъ человѣкъ, избирающій изъ двухъ золъ меньшее. Что̀ произошло бы въ государствѣ, еслибы тотъ же своенравный юморъ, который изобрѣлъ ночныя прогулки и кровавыя потѣхи на театральныхъ представленіяхъ, вмѣшался и въ самое управленіе имперіею? Сенека и Бурръ заслуживали благодарности Римлянъ уже и за то, что, несмотря на превратныя наклонности цѣлаго общества, нашли въ себѣ довольно нравственнаго мужества, чтобы даже во власти остаться при своихъ честныхъ намѣреніяхъ и не отчаяться въ ихъ исполнимости. Но они сами, при своихъ высокихъ правилахъ, точно ли успѣли избѣжать заразительнаго растлѣнія, которое тогда, какъ язва, свирѣпствовало во всѣхъ слояхъ римскаго общества? Ихъ благонамѣренность, воспитанная всею мудростію вѣка, помогла ли имъ

спасти чистоту самыхъ побужденій? Ихъ собственные нравы остались ли на столько неприкосновенными, чтобы противиться всѣмъ соблазнамъ высокаго положенія, власти въ особенности? Поступокъ Сенеки съ Публіемъ Суилліемъ и нѣкоторыя другія данныя вовсе не говорятъ въ пользу подобныхъ предположеній. Суиллій былъ человѣкъ далеко не безукоризненной репутаціи. Когда-то былъ онъ въ силѣ, служилъ квесторомъ при Германикѣ, потомъ вкрался въ довѣренность Клавдія, злоупотреблялъ, сколько хотѣлъ, его расположеніемъ, вообще не отличался ни совѣстливостію, ни безкорыстіемъ [1]. Вѣсъ и вліяніе его кончились навсегда смертію Клавдія; но онъ не могъ забыть, что игралъ нѣкогда важную роль и имѣлъ свободный доступъ къ цезарю, и во всѣхъ тѣхъ, которые возвысились послѣ него, видѣлъ или своихъ завистниковъ или недоброжелателей. Строптивость его нрава возрастала вмѣстѣ съ лѣтами; состарѣвшись, Суиллій сталъ еще озлобленнѣе и невоздержнѣе на языкъ. Чѣмъ больше его забывали, тѣмъ больше напоминалъ онъ о себѣ своими неосторожными и неразумными рѣчами. Особенно ненавистенъ ему былъ риторъ Сенека, Богъ знаетъ какими заслугами возвысившійся до значенія и силы перваго совѣтника при молодомъ цезарѣ. Тутъ Суиллій не зналъ никакой мѣры своему злорѣчію. По его словамъ, Сенека былъ человѣкъ безъ всякихъ правилъ, пустой декламаторъ, который только своему пронырству обязанъ быстрымъ возвышеніемъ и обогащеніемъ. Очень понятно, что онъ не жалуетъ друзей Клавдія: вѣдь они были свидѣтелями вполнѣ заслуженнаго имъ позора и хорошо знаютъ настоящую цѣну ему. Великій мастеръ пользоваться невѣжествомъ людей и набивать имъ головы всякимъ вздоромъ, онъ не терпитъ здороваго краснорѣчія старыхъ временъ, которое ему совсѣмъ не подъ силы, и всякаго истиннаго оратора считаетъ своимъ личнымъ врагомъ. Въ чемъ особенныя заслуги Сенеки дому цезарей, какія права его на признательность? Ужь не то ли, что онъ былъ обольстителемъ дочери Германика, внесъ развратъ въ семью Августа? [2]) А какова должна быть эта философія, которая безъ всякихъ другихъ средствъ, кромѣ безусловной довѣренности цезаря къ его воспитателю, дала возможность послѣднему скопить въ какіе-нибудь четыре года триста милліоновъ сестерцій [3])? Секретъ его впрочемъ очень простой: для

[1]) См. Ann. IV, 31; XIII, 42.

[2]) См. статью вторую.

[3]) Tac. ibid.: qua sapientia, quibus philosophorum praeceptis intra quadriennium regiae amicitae ter milies sestertium paravisset? — На наши деньги около 15 милл. р. сер.

этого Сенекѣ нужно было только подобрать къ своимъ рукамъ нѣсколько богатыхъ наслѣдствъ въ Римѣ, да безжалостными поборами въ Италіи и провинціяхъ высосать изъ нихъ лучшіе соки. Человѣку простому, умѣренному, который живетъ лишь своими трудами, конечно никогда не составить себѣ такого состоянія; но онъ скорѣе перенесетъ всякое лишеніе, чѣмъ согласится унизить себя передъ выходцемъ и искать его милости.

Такія и подобныя тому нареканія говорились вслухъ, съ явнымъ намѣреніемъ довести ихъ до свѣдѣнія лица, на которое онѣ были прямо направлены. Нѣтъ спора, что Суиллій дѣйствовалъ хуже чѣмъ опрометчиво: онъ слишкомъ поддался своему ожесточенію, и самъ накликалъ на себя неминучую бѣду. Но, допуская преувеличеніе, едва ли можно заподозрить Суиллія въ совершенной неосновательности всѣхъ его нареканій и обвинить прямо въ клеветѣ. Защищать Сенеку противъ перваго обвиненія, т. е. что онъ находился въ непозволительныхъ связяхъ съ одною изъ сестеръ Агриппины, мы, при всемъ нашемъ желаніи, не можемъ уже и потому, что нашъ историкъ приводитъ его какъ положительный фактъ, и нигдѣ не выражаетъ сомнѣнія въ его истинности [1]). Едва ли также можно рѣшительно отвергнуть, какъ вовсе неосновательное и второе обвиненіе, которое говоритъ о лихоимствѣ Сенеки; по крайней мѣрѣ есть положительныя извѣстія, свидѣтельствующія о его богатствахъ [2]). Пусть пріобрѣтеніе ихъ послѣдовало большею частію съ согласія цезаря, даже по его милости, и совершилось въ болѣе-законныхъ формахъ, нежели какъ показывалъ ожесточенный обвинитель, — но самый фактъ быстраго накопленія въ рукахъ Сенеки множества богатствъ не обличаетъ ли въ немъ сильной любостяжательности? А какъ скоро дана такая наклонность, и обстоятельства очень благопріятствуютъ ея удовлетворенію, трудно представить, чтобы человѣкъ могъ удержаться въ предѣлахъ строгой законности. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Сенека носилъ въ душѣ возвышенные идеалы; но потому ли, что не имѣлъ достаточно твердой воли, или не видѣлъ никакихъ средствъ ихъ осуществленія, и онъ долженъ былъ дѣлать уступки своему времени, и противъ воли самъ принималъ на себя печать его.

Благодаря извѣстному рвенію и неутомимости римскихъ обвинителей, укоризненныя рѣчи Суиллія скоро дошли до слуха самого

[1]) Ср. Dio Cass. 61, 10.
[2]) Ibid.: cp. Ann. XIV, 53 et seqq.

Сенеки. Одни довольствовались тѣмъ, что передали ихъ отъ слова до слова, другіе украсили ихъ прибавленіями своего собственнаго изобрѣтенія. Сомнительно, чтобы строгая честность, не знающая за собою никакого пятна, возмутилась при встрѣчѣ съ наглою клеветою и рѣшилась выдти на судъ съ нею. Еще сомнительнѣе, чтобы человѣкъ, проникнутый чувствомъ своего достоинства, сталъ преслѣдовать клеветника и мстить ему, сознавая все свое превосходство надъ нимъ. Къ сожалѣнію, нельзя того же утверждать о Сенекѣ по отношеніямъ его къ Суиллію. Если и нѣтъ прямаго указанія, что процессъ противъ Суиллія начатъ былъ по желанію Сенеки, то ни изъ чего не видно также, чтобы онъ хотѣлъ быть великодушнымъ съ своимъ безсильнымъ противникомъ. По своему вліянію на цезаря, онъ могъ бы сдѣлать многое для облегченія участи, готовившейся Суиллію; но чувство силы, кажется, взяло въ немъ перевѣсъ надъ другими ощущеніями и заставило его заглушить въ себѣ голосъ снисходительности. Позванный къ суду, Суиллій, сколько могъ, защищался одинъ противъ всѣхъ своихъ обвинителей, которые по первому клику явились во множествѣ и принесли съ собою память даже о многихъ старыхъ злоупотребленіяхъ, относившихся еще ко времени управленія его провинціею. Ему же въ вину поставлены были и тѣ жестокости, которыя нѣкогда производились въ самомъ Римѣ именемъ Клавдія. Наконецъ Суиллію пришлось отвѣчать даже за самыя неистовства Мессалины. Какъ было не пасть подъ бременемъ такихъ обвиненій? Одинокая защита не помогла Суиллію; онъ былъ признанъ виновнымъ и сосланъ на Балеарскіе острова, гдѣ и оставался до конца своей жизни. Ярость обвинителей тѣмъ еще не удовлетворилась: по слѣдамъ отца они хотѣли отправить туда же и сына, но, къ удивленію, были остановлены самимъ цезаремъ, который нашелъ, что уже довольно сдѣлано для отмщенія, и нѣтъ никакой нужды простирать его еще далѣе. Приводя этотъ замѣчательный случай, Тацитъ не упоминаетъ о Сенекѣ ни однимъ словомъ и тѣмъ какъ бы устраняетъ его участіе.

Что сталось между тѣмъ съ римскою женщиной, мы сейчасъ увидимъ изъ нѣсколькихъ примѣровъ. Одинъ изъ нихъ, съ именами для насъ вовсе незнакомыми, такъ поразителенъ, что Тацитъ прерываетъ на время нить своего разсказа, чтобы дать ему мѣсто въ своей исторіи. Это небольшой эпизодъ о Понціи и Сагиттѣ, цѣликомъ взятый изъ римской жизни того времени. Понція была замужняя женщина, когда Октавій Сагитта, народный трибунъ въ Римѣ, воспалился къ ней злою страстію. Цѣною богатыхъ приношеній онъ

не только пріобрѣлъ полную взаимность Понціи, но и склонилъ ее развестись съ мужемъ. По обоюдному соглашенію, они потомъ должны были вступить въ бракъ между собою. Разводъ дѣйствительно не замедлилъ послѣдовать, и восхищенный трибунъ съ нетерпѣніемъ ждалъ того дня, когда любимая имъ женщина вступитъ въ его домъ законною супругою. Понція однако не торопилась исполнить его желаніе: подъ тѣмъ предлогомъ, что отецъ былъ противъ ея намѣренія, она откладывала этотъ желанный день все далѣе и далѣе. Вдругъ Сагитта узнаетъ, что Понція предпочла ему другаго, болѣе выгоднаго жениха, съ которымъ и располагается немедленно вступить въ бракъ. Легко представить себѣ отчаяніе бѣднаго трибуна. Онъ всѣмъ пожертвовалъ своей страсти, почти разорился для Понціи, и въ ту самую минуту, когда надѣялся назвать ее своею, долженъ уступить ее другому! Напрасно онъ осыпаетъ измѣнницу горькими упреками, пробуетъ грозить ей, говоритъ, что отъ ея рѣшенія зависитъ самая жизнь его: она ничѣмъ не тронута, и только смѣется надъ его безсильною страстію. Тогда Сагитта проситъ себѣ, какъ послѣдней милости, чтобы Понція, передъ разлукой, согласились еще на одно свиданіе подъ покровомъ ночи. Римлянку нероновской эпохи нельзя было ни оскорбить, ни удивить подобнымъ предложеніемъ или желаніемъ; напротивъ, оно было совершенно во вкусѣ времени: льстило сладострастію женщины и нисколько не мѣшало ея разсчетамъ. Понція приняла предложеніе. Въ условленную ночь Сагитта явился на урочное свиданіе; съ нимъ не было никого, кромѣ вѣрнаго отпущенника; никто не замѣтилъ кинжала, который былъ скрытъ подъ одеждою трибуна. Понція ждала его лишь съ одною прислужницей. Первая встрѣча отозвалась горечью послѣдней размолвки. Сагитта пришелъ нисколько непримиренный; онъ еще думалъ возвратить все потерянное; дѣло опять не обошлось бесъ ссоры и обидныхъ словъ съ обѣихъ сторонъ. Но мало-по-малу стихли упреки; прежнее чувство опять взяло верхъ, и Понція, забывши свою недавнюю измѣну, предалась ему со всемъ жаромъ. Такъ пролетѣла большая часть ночи; ужь время было подумать и о томъ, чтобы приближающійся разсвѣтъ не открылъ тайны какимъ-нибудь нескромнымъ свидѣтелямъ. Сагитта первый сдѣлалъ движеніе, какъ бы показывая намѣреніе удалиться; Понція оставалась безпечна попрежнему, какъ вдругъ предательскій ударъ недавно ласкавшей ее руки, заставилъ ее вскрикнуть отъ смертельной боли и ужаса. Это была затаенная месть, которая пришла взять свою дань съ измѣны, когда насытилось сладострастіе. При-

бѣжавшая на крикъ прислужница была повергнута новымъ мѣткимъ ударомъ, и убійца могъ ускользнуть изъ дому, никѣмъ непреслѣдуемый. Впрочемъ, отношенія Сагитты къ Понціи были такъ гласны въ Римѣ, что, по первому слуху о совершившемся злодѣяніи, подозрѣніе тотчасъ пало на трибуна. Преданный отпущенникъ взялъ было на себя всю вину, говоря, что онъ хотѣлъ отмстить Понціи за оскорбленіе своего патрона. Но, сверхъ чаянія, нашлись свидѣтели - очевидцы: прислужница, которой достался второй ударъ, скоро оправилась отъ полученной ею раны и разсказала, какъ было все дѣло. Позванный къ суду отцомъ погибшей Понціи, Сагитта долженъ былъ отвѣчать передъ цѣлымъ сенатомъ. Его осудили, и какъ только кончился срокъ его трибуната, отправили въ дальнее заточеніе.

Понція по своимъ душевнымъ свойствамъ и настроенію отнюдь не была исключительнымъ явленіемъ въ римскомъ обществѣ того времени. Между ея современницами, Поппея Сабина, принадлежа въ сущности къ тому же разряду римскихъ женщинъ, по справедливости пользуется еще большею историческою извѣстностію. Тациту обязаны мы многими подробностями, относящимися до ея нрава и жизни. Между предками Поппеи считалось немного знаменитостей. Имя, которое она носила, первоначально принадлежало дѣду ея матери, Поппею Сабину, бывшему консуломъ при Августѣ, и по всему было самое громкое въ цѣломъ родѣ. Отецъ Поппеи былъ человѣкъ незначительный, что̀ впрочемъ не мѣшало ему сдѣлаться, въ свое время, жертвою опасной дружбы Сеяна. Мать пользовалась болѣе выгодною извѣстностію, благодаря своей красотѣ, которая прославила ее на цѣлый городъ. И свою красоту и свою извѣстность она передала по наслѣдству своей дочери. Располагая сверхъ того независимыми средствами, Поппея могла заранѣе разсчитывать на блестящую роль въ будущемъ. Къ этой цѣли и были направлены ея главныя усилія. Съ своими знаменитыми предшественницами она впрочемъ имѣла немного общаго. Ни пылкое увлеченіе Мессалины, ни глубокая страсть Агриппины младшей не были въ свойствахъ ея природы. Кровь ея не воспалялась страстнымъ огнемъ, какъ у Мессалины, и мысль ея не была покорною рабой всепоглощающаго чувства, какъ у дочери Германика. Поппея умѣла смотрѣть за собою гораздо лучше. Говорила ли она или дѣйствовала, мысль у нея постоянно была насторожѣ. Не затѣмъ наблюдала она, чтобы не проступиться въ чемъ передъ требованіями женскаго стыда или чести, но чтобы не даться въ обманъ изъ

легкомыслія, не просмотрѣть гдѣ своей выгоды. Никто лучше ея не умѣлъ пользоваться тѣми средствами, которыя дала ей природа. Она всегда была вооружена — не только на свою защиту, но и на ловлю другихъ, не довольно предусмотрительныхъ, чтобы обходить разставленныя сѣти. Кромѣ прекрасной наружности, она нравилась еще своимъ пріятнымъ умомъ и обращеніемъ. Во всей внѣшности ея нельзя было указать никакого порока. Нисколько не поперечa чувственнымъ наклонностямъ своей природы, Поппея однако не выставляла ихъ нагло на видъ, но всегда искусно прикрывала личиною скромности. Она рѣдко показывалась въ публикѣ, и всякій разъ съ полузакрытымъ лицемъ, для того ли, чтобы сильнѣе разманить устремленные на нее взоры или, можетъ-быть, потому, что это больше шло къ ней. Тамъ, гдѣ другая женщина руководилась бы своимъ женскимъ чувствомъ, у нея на первомъ планѣ былъ самый опредѣлительный разсчетъ. Самое сладострастіе повиновалось у нея выгодѣ [1]). И все это въ такую пору, въ такомъ возрастѣ, когда даже мущина съ врожденнымъ честолюбіемъ не легко покоряетъ всѣ свои дѣйствія одной разсчетливой мысли! Наконецъ и страсть износилась, и Римлянка выходила на сцену, какъ укротительница звѣрей — уже играя страстьми, то раздувая, то погашая ихъ по своимъ видамъ и заранѣе обдуманнымъ цѣлямъ. Тѣ самыя крайности, которыя прежде происходили отъ страстнаго увлеченія, теперь могли имѣть мѣсто вслѣдствіе самаго положительнаго разсчета. Никакая мѣра не опредѣляла болѣе границъ, внутри которыхъ женщина могла дѣйствовать, не отрицая своей природы. Начиналось ничѣмъ неисправимое безразличіе, оставляющее женщинѣ лишь одну внѣшнюю форму въ замѣнъ всѣхъ иныхъ болѣе существенныхъ особенностей.

Понція сошла со сцены слишкомъ рано, пораженная роковымъ ударомъ. Поппея была осторожнѣе ея и шла болѣе вѣрнымъ шагомъ впередъ. Она умѣла дарить свою благосклонность, не подвергая себя опасности даже минутнаго увлеченія; она отдавалась настоящему удовольствію и въ то же время соразмѣряла свои дѣйствія въ будущемъ; никто, можетъ-быть, легче ея не переходилъ изъ однѣхъ рукъ въ другія, но и никто такъ не воспользовался этими переходами для постепеннаго восхожденія, все впрочемъ на одномъ и томъ же поприщѣ. Какъ и Понція, Поппея также была замужняя женщина. Судя по тому, что Криспинъ (такъ назывался

[1]) Unde utilitas ostenderetur, illuc libidinem transferebat.

мужъ ея) нѣкогда занималъ важный постъ начальника преторіанскихъ когортъ [1]), надобно полагать, что положеніе ея въ римскомъ обществѣ того времени было видное. Отъ брака съ Криспиномъ Поппея имѣла уже сына; узы были двойныя, но она чувствовала себя такъ же свободною, какъ и до замужства, и искала только человѣка, на комъ бы могла остановить свой выборъ. Отону, неразлучному товарищу цезаря во всѣхъ его удовольствіяхъ, не стоило большихъ усилій расположить ее въ свою пользу: она сама легко привязалась къ нему, привлеченная столько же его молодостію и блескомъ, сколько близкими связями его съ самимъ цезаремъ. Прошло немного времени, и ужь Криспинъ долженъ былъ, волею или неволею, отступиться отъ своихъ правъ на Поппею, которая развелась съ нимъ, чтобы вступить въ бракъ съ Отономъ. Второе замужство обѣщало быть прочнѣе перваго: привязанность повидимому была взаимная. Самъ въ восторгѣ отъ своей жены, Отонъ не умѣлъ довольно нахвалиться ею Нерону и при всякомъ случаѣ превозносилъ передъ нимъ рѣдкое изящество формъ ея. Онъ сталъ гораздо менѣе дорожить сообществомъ цезаря и нерѣдко покидалъ его среди застольной бесѣды, говоря, что спѣшитъ *къ ней*, что не можетъ быть долго въ разлукѣ съ тою, которая замѣнила ему всѣ блага и осуществила собою лучшія мечты и желанія. Тацитъ колеблется, не зная, чѣмъ лучше объяснить такое поведеніе Отона — силою ли новой его привязанности или нѣкоторыми косвенными видами, желаніемъ возбудить въ цезарѣ новую страсть и тѣмъ еще больше упрочить свое вліяніе на него [2]). Первое объясненіе намъ кажется проще и естественнѣе. По всему видно, что красота Поппеи была самаго обольстительнаго свойства. Отонъ былъ еще молодъ и потому особенно чувствителенъ къ женской красотѣ. Удивительно ли, что первое время онъ весь былъ поглощенъ своею новою страстію и жилъ только ею одною?

Неронъ недолго оставался равнодушнымъ слушателемъ этихъ восторженныхъ похвалъ, въ истинности которыхъ ему не было никакихъ причинъ сомнѣваться. Онъ былъ въ одной порѣ съ Отономъ и однѣхъ съ нимъ наклонностей, что болѣе всего и сблизило ихъ между собою. Вкусъ его былъ одинаково избалованъ, а ограничивать свои желанія онъ умѣлъ еще менѣе. Слыша такъ много о красотѣ Поппеи, и притомъ отъ самаго близкаго къ ней чело-

[1]) Вмѣстѣ съ Гетою. См. вторую статью.

[2]) Ann. XIII, 46. Otho sive amore incensus sive ut accenderet, etc.

вѣка, Неронъ пожелалъ ее видѣть. Желаніе тѣмъ болѣе опасное, что, находясь въ порѣ цвѣтущей молодости и при всѣхъ выгодахъ своего положенія, цезарь однако до сихъ поръ былъ менѣе счастливъ на женщинъ, чѣмъ вѣрный спутникъ его во всѣхъ удовольствіяхъ. Октавія никогда не возбуждала въ немъ никакого чувства. Акте, съ которою онъ до сихъ поръ имѣлъ постоянную связь, удовлетворяла лишь чувственной его сторонѣ; по крайней мѣрѣ нѣтъ ни одного извѣстія, которое бы могло внушить лучшее понятіе о ней. Она могла нравиться, пока человѣкъ горѣлъ первымъ чувственнымъ жаромъ. Между тѣмъ Неронъ возмужалъ уже на столько, что, сверхъ первыхъ чувственныхъ потребностей, въ немъ появились и другія, не иначе успокоивающіяся, какъ на изящныхъ формахъ. Природа его была все-таки артистическая. Акте не занимала его болѣе, буйный разгулъ ему надоѣлъ или обратился въ привычку; ему нужна была новая страсть, которая бы взяла его всего, начавши съ лучшей стороны. Поппея подоспѣла въ настоящее время. Она знала, на что̀ шла, и заранѣе разсчитала каждый свой шагъ. Она подступила къ Нерону очень осторожно, даже съ нѣкоторымъ видомъ робости, будто не довѣряя себѣ и едва считая себя достойною снисходительнаго вниманія цезаря. Во всемъ ея поведеніи не было и тѣни той наглости, которою съ перваго раза такъ много выигрывала соперница ея Азіятка. Съ вкрадчивостію тутъ соединилась еще самая тонкая лесть. Съ своимъ скромнымъ видомъ Поппея однако умѣла дать замѣтить цезарю, что сама неравнодушна къ красотѣ его [1]). Искуснѣе едва ли можно было тогда подойдти къ нему, чтобы заманить его въ свои сѣти. Пріемы, употребленные Поппеею, должны были интересовать его уже самою своею новизною. Въ Неронѣ тотчасъ заговорила страсть; кому бы ни принадлежала эта женщина, онъ хотѣлъ, чтобы она досталась ему. Дружба и ея права не значили ничего передъ такимъ рѣшеніемъ. Всѣ притязанія подобнаго рода были жалкимъ анахронизмомъ въ глазахъ Нерона и современнаго ему поколѣнія. Всякій бралъ свое, гдѣ хотѣлъ, лучше сказать, гдѣ смогъ. Поппея такъ же мало чувствовала себя связанною, какъ и цезарь; его влеченіе какъ нельзя болѣе отвѣчало ея тайному желанію, но она не хотѣла выдти вдругъ изъ своей роли; притомъ ей надобно было обезпечить себя во многихъ отношеніяхъ. Она могла поддаться лишь на столько, сколько было нужно, чтобы раз-

[1]) Ibid. imparem cupidini se et forma Neronis captam simulans.

дражить зародившуюся страсть, сдѣлать ее нетерпѣливѣе и настойчивѣе. Когда Неронъ хотѣлъ удержать ее во дворцѣ долѣе, чѣмъ входило въ ея разсчеты, она начинала противиться, ссылалась на свое положеніе замужней женщины, превозносила Отона, поставляя на видъ его превосходныя качества, образъ жизни, отличныя манеры, и вообще давала замѣтить, что знаетъ цѣну своему мужу [1]). Переходя потомъ къ откровенности, Поппея не скрыла отъ Нерона, что въ сравненіи съ мужемъ смотритъ на него какъ на человѣка неблаговоспитаннаго, и замѣчаетъ въ немъ разныя низкія привычки, которыя, по ея мнѣнію, можно было вынести только изъ постояннаго сообщества съ какою-нибудь презрѣнною служанкою. Она не разумѣла только, но прямо называла Акте по имени. Самолюбіе цезаря уколото было съ двухъ сторонъ [2]). Прежде всего не хотѣлъ онъ потерпѣть подлѣ себя опаснаго соперника, — и Отонъ, безъ котораго до сихъ поръ не обходилось ни одного удовольствія, вдругъ лишился всей благосклонности цезаря. Сначала передъ нимъ затворились двери дворца, а вскорѣ потомъ ему ужь не было больше мѣста и въ самомъ городѣ. Сверхъ всякаго чаянія онъ получилъ въ управленіе отдаленную Лузитанскую провинцію и долженъ былъ немедленно отправиться къ мѣсту своего назначенія. Нѣтъ нужды говорить, что жена за нимъ не послѣдовала. Менѣе извѣстно рѣшеніе, принятое Нерономъ для того, чтобы избѣжать повода къ повторенію втораго упрека. Вѣроятно впрочемъ, что Акте тоже должна была устраниться хотя на время. Тогда Поппея могла свободно занять ея мѣсто при цезарѣ.

Такъ устроивали и перестроивали Римлянки того времени свои житейскія дѣла. Передъ ихъ своенравными желаніями, мѣнявшимися съ каждымъ днемъ, распускались самыя крѣпкія и постоянныя узы, которыми вяжется человѣческое общество. Устранивъ мужа и внушивъ сильную страсть цезарю, Поппея впрочемъ далека была отъ мысли, чтобы для нея уже пришло время успокоиться на лаврахъ. Сама свободная отъ страсти и ея забывчиваго упоенія, она теперь обдумывала планъ, какъ бы устроить свою судьбу прочнѣе и надежнѣе на будущее время. Привязанность къ ней Нерона съ каждымъ днемъ дѣлала новые успѣхи; наконецъ она возрасла до той степени, гдѣ нельзя больше говорить о простомъ увлеченіи, но гдѣ

[1]) Ibid.: si ultra unam alteramque noctem attineretur, nuptam esse se dictitans, nec posse matrimonium amittere, etc.

[2]) Ibid. cp. Suet. Ott. 3.

есть уже мѣсто чувству болѣе серьозному и постоянному, т. е. любви. И въ самомъ дѣлѣ, если Неронъ кого любилъ въ своей жизни, такъ это Поппею. Въ томъ согласны самые близкіе свидѣтели событій, которымъ хорошо извѣстны были его отношенія и къ другимъ женщинамъ [1]). Особенно ясно проступаетъ изъ этихъ свидѣтельствъ различіе новой привязанности Нерона отъ чувственной страсти его къ Азіяткѣ. Чувственность не исключалась, но облагораживалась; Поппея торжествовала прежде всего врожденною граціею и изяществомъ формъ. Не удивительно, что при доброй волѣ она бы еще многое успѣла исправить въ Неронѣ посредствомъ своего вліянія. Но добрая воля въ томъ поколѣніи была рѣдка, какъ и чистота нравовъ. Поппея знала силу своего вліянія, но назначала ему одно только употребленіе — упрочить во что̀ бы то ни стало свое настоящее положеніе. Такого рода задача представляла свои важныя трудности. Предположенная цѣль могла быть достигнута не иначе, какъ брачнымъ союзомъ съ цезаремъ. Между прочимъ самая гордость Поппеи не позволяла ей довольствоваться положеніемъ, которое могло удовлетворить лишь какую-нибудь Акте. Но бракъ былъ невозможенъ, пока не послѣдовало формальнаго развода съ Октавіей, а относительно этого пункта самъ цезарь былъ не совсѣмъ свободенъ, связанный рѣшительнымъ противорѣчіемъ своей матери. Поппея, какъ видно, не надѣялась ни обойдти Агриппину, ни измѣнить ея рѣшеніе въ пользу своихъ видовъ, и положила въ умѣ смѣлое дѣло — устранить препятствіе вмѣстѣ съ его виновницею.

Несмотря на всѣ превратности въ своей судьбѣ, Агриппина все еще не потеряла вѣры въ свою звѣзду и не отчаявалась возвратить прежнее вліяніе на сына. Въ Неронѣ же самая ненависть къ Агриппинѣ не истребила всѣхъ слѣдовъ старой его боязни; какъ человѣкъ ощущеній, безъ всякаго установленнаго образа мыслей, временемъ онъ готовъ былъ поддаться ей снова. Поппея взялась убить въ немъ эту слабость окончательно. То съ упрекомъ, то подъ видомъ шутки, она безпрестанно колола глаза Нерону зависимостію его отъ матери, называла его малолѣтнымъ мальчикомъ, говорила, что не ему управлять другими, когда и собою онъ не можетъ располагать съ полною свободой. Неронъ повидимому пробо-

[1]) Ann. XIV, 1: flagrantior in dies amore Poppeae.... Suet. Ner. 35: Poppeam dilexit unice.

валъ противорѣчить. А въ такомъ случаѣ — тотчасъ возражала находчивая женщина — почему же бы не приступить къ браку? Что жь, или онъ недоволенъ своимъ выборомъ, или избранная его не хороша собою, не знаменитаго рода, и не дала никакихъ залоговъ того, что способна къ истинной привязанности? Нѣтъ, конечно; такъ стало-быть есть люди, которые боятся, что *жена* откроетъ мужу глаза на все, даже на поведеніе его матери, и не дастъ ей въ обиду цѣлый народъ вмѣстѣ съ униженнымъ ею сословіемъ сенаторовъ? Если ужь таково непремѣнное рѣшеніе Агриппины, чтобы ея невѣстка не чувствовала ни малѣйшей любви къ ея сыну, то пусть по крайней мѣрѣ возвратятъ Отону его жену, которую у него отняли: она здѣсь совершенно лишняя. Пусть пошлютъ ее на самый край свѣта — она всюду пойдетъ охотно, лишь бы не быть свидѣтельницею позора цезаря и не участвовать ни душею, ни тѣломъ въ тѣхъ опасностяхъ и томъ униженіи, которыя ему готовятся.

Поппея начинала шуткою, оканчивала жалобными слезами. Всѣ пружины женскаго искусства были приведены ею въ дѣйствіе. Прочія лица, окружавшія Нерона, охотно поддерживали ее въ этомъ отважномъ покушеніи, потому что всѣ не любили Агриппины, и каждый внутренно былъ убѣжденъ, что сила ея ненавистнаго вліянія умретъ развѣ только съ нею самою. Въ послѣднее время Агриппина дѣйствительно превзошла себя нравственнымъ безобразіемъ усилій, употребленныхъ ею для возстановленія потрясеннаго авторитета и пріобрѣтенія прежняго вліянія на сына. Истощивъ всѣ позволительныя и непозволительныя средства, она нашла еще одно, котораго не могло вмѣстить даже развращенное воображеніе ея современниковъ. Жажда власти, кажется, погасила въ ней всѣ другія человѣческія чувства, всякій стыдъ передъ собой и передъ людьми. На вѣру другихъ историковъ, болѣе близкихъ къ описываемымъ событіямъ и потому особенно заслуживающихъ вѣроятія, Тацитъ разсказываетъ, что случалось не разъ — въ извѣстную пору дня, когда уже голова Нерона отъ многихъ возліяній наполнялась парами, и онъ терялъ способность владѣть собою, вдругъ показывалась Агриппина, въ нарядѣ, не отличавшемся большою скромностію, и вела себя въ присутствіи цезаря такъ двусмысленно, что не иначе можно было толковать ея намѣреніе, какъ въ самую дурную сторону. Она въ самомъ дѣлѣ приходила съ готовностію на все, — и Тацитъ знаетъ лишь одинъ голосъ между своими пред-

шественниками, который оправдываетъ ее тѣмъ, что слагаетъ вину прямо на Нерона, между тѣмъ какъ общее мнѣніе было рѣшительно противъ нея [1]). Если вѣрить показанію тѣхъ же самыхъ свидѣтелей, то дѣло не ограничивалось одними намѣреніями, и кто знаетъ, гдѣ бы остановилась эта неслыханная сладострастная оргія, еслибы, съ голоса приближенныхъ къ цезарю, Сенека не принялъ своихъ мѣръ противъ такого вопіющаго извращенія самыхъ первыхъ инстинктовъ нравственной природы. Любопытно, что противъ женскаго коварства орудіемъ тоже была выбрана женщина, и что въ крайнихъ случаяхъ на Нерона скорѣе можно было подѣйствовать страхомъ, чѣмъ какими-нибудь разумными убѣжденіями. Акте, призванная Сенекою, и безпокоясь больше за себя, чѣмъ за Нерона, подоспѣла еще вовремя, чтобы спасти домъ Августа хотя отъ послѣдней степени человѣческаго паденія. Дѣйствуя вѣроятно по внушенію того же умнаго совѣтника, она воспользовалась своимъ невозбраннымъ доступомъ къ цезарю и объявила ему, что, благодаря безстыдному хвастовству матери, въ городѣ знаютъ уже объ его позорѣ, и что въ войскѣ распространяется сильный ропотъ [1]). Инстинктъ самосохраненія заставилъ Нерона опамятоваться. Пришедши въ себя, онъ думалъ, что самая голова его болѣе невѣрна на плечахъ, и съ того времени, не разрывая совершенно съ матерью, однако началъ снова избѣгать ея присутствія и сообщества.

Домашняя тайна повидимому не проникла далеко наружу, но кредитъ Агриппины окончательно былъ потрясенъ даже во мнѣніи ея сына. Ужь онъ разсудкомъ понялъ теперь то, что̀ прежде жило въ немъ какъ чувство страха и слѣпой ненависти, и всякій разъ, какъ только Агриппина сбиралась отлучиться изъ города въ свои загородные сады въ Тускулумѣ или въ Анціумѣ, весьма выразительно давалъ ей замѣтить, что вполнѣ сочувствуетъ ея наклонности къ уединенію. Въ эту благопріятную пору подоспѣла Поппея съ своею страстію, съ своими жалобами и насмѣшками вмѣстѣ. Всѣ обстоятельства расположились такъ, что должны были доставить ей полную побѣду надъ противницею, хотя все еще опасною, но по-

[1]) Ibid: Fabius Rusticus non Agrippinae, sed Neroni cupitum id memorat, sed quae Cluvius eadem ceteri quoque auctores prodiere, et fama huc inclinat.

[2]) Всѣ эти обстоятельства приводятъ къ заключенію, что Акте не имѣла еще соперницы въ благосклонности Нерона во время этихъ событій, и что они произошли прежде, чѣмъ Поппея нашла себѣ доступъ во дворецъ цезарей.

терявшую всякую опору внѣ самой себя. Кумиръ былъ снятъ съ своего возвышеннаго пьедестала, и недоставало лишь послѣдняго удара руки, чтобы совсѣмъ опрокинуть его на землю. Тогда созрѣло въ Неронѣ рѣшеніе, достойное сына той матери, которая подконецъ хотѣла привлечь его къ себѣ проституціею. Или впрочемъ, можно и не сравнивать одного дѣла съ другимъ, потому что каждое изъ нихъ довольно говоритъ само за себя, едва имѣя предшествующія данныя себѣ въ исторіи уклоненій отъ человѣческой природы, и одно другимъ ни сколько не оправдывается. Довольно сказать, что Неронъ, находя жизнь матери, гдѣ бы она ни была, дѣломъ несовмѣстнымъ съ своею личною безопасностію, положилъ сократить срокъ ея дней — желѣзомъ, ядомъ или какимъ ни есть инымъ средствомъ. Сначала рѣшено было употребить ядъ, — по, разсуждая далѣе, нашли въ отравѣ многія неудобства. Вопервыхъ гдѣ дать отраву? Если за столомъ у цезаря, то у всѣхъ еще въ свѣжей памяти была смерть Британника, и никто бы не повѣрилъ случайности новой смерти при тѣхъ же самыхъ обстоятельствахъ. У самой Агриппины? но не представлялось ни малѣйшей вѣроятности, чтобы женщина, которая сама прошла всѣ роды интриги и перепробовала въ своей жизни всѣ преступныя средства, не замѣтила измѣны и допустила обмануть себя въ своемъ собственномъ домѣ. Притомъ же дѣйствіе яда на нее было очень сомнительно, потому что, въ ожиданіи бѣды, она постоянно была вооружена разными противоядіями [1]. Обыкновенное убійство казалось еще опаснѣе. Какъ скрыть его отъ народа, кому поручить исполненіе? и если найдется кто, какое можетъ быть ручательство, что онъ не измѣнитъ оказанной ему довѣренности? Когда всѣ дознанныя средства были отвергнуты, отпущенникъ Аницетъ предложилъ одно новое, нарочно придуманное его изобрѣтательнымъ умомъ для такого затруднительнаго случая. Нѣкогда, еще въ дѣтствѣ Нерона, онъ состоялъ при немъ воспитателемъ, и потомъ — надобно полагать въ награду за свои педагогическія заслуги — сдѣланъ былъ начальникомъ эскадры, стоявшей у Мизенскаго мыса (Misenum). Къ Агриппинѣ была у него старинная вражда. Пользуясь представившемся случаемъ, онъ предложилъ, для вѣрной ея гибели, устроить судно

[1]) Ann. XIV, 3. По словамъ Светонія (Nero, 34), это не было одно только предположеніе; напротивъ, недѣйствительность отравы противъ Агриппины была доказана троекратнымъ опытомъ.

такимъ образомъ, чтобы извѣстная его часть могла по произволу раздвигаться и вдругъ наполняться водою среди самаго моря. Выдумка Аницета, которой первая идея взята была, кажется, съ одного театральнаго представленія [1]), представляла большія выгоды. Кто не знаетъ, съ какими случайностями соединены морскія путешествія? До кого не доходила хотя молва о разныхъ несчастіяхъ, столько обыкновенныхъ на морѣ, о буряхъ, кораблекрушеніяхъ, и т. п.? Отчего же не погибнуть среди моря и Агриппинѣ, подобно многимъ другимъ? Кому придетъ въ голову подозрѣвать дѣло человѣческихъ рукъ, гдѣ все объясняется гораздо проще — естественнымъ дѣйствіемъ стихій? Цезарь, съ своей стороны, не забудетъ почтить память погибшей, поставить ей жертвенники, и всѣ сомнѣнія кончатся. По всѣмъ этимъ соображеніямъ способъ Аницета найденъ былъ самымъ удовлетворительнымъ; оставалось только привести его въ исполненіе.

Наступилъ пятидневный праздникъ Минервы. Недовольная, оставленная почти всѣми, Агриппина располагалась провести эти дни въ своемъ антійскомъ уединеніи и, можетъ-быть, сбиралась на досугѣ строить новые ковы, какъ получила отъ сына письмо, которымъ онъ приглашалъ ее къ себѣ въ Баіи и обѣщалъ полное примиреніе съ матерью. Онъ говорилъ, что послѣ всѣхъ тревогъ и волненій душа его наконецъ жаждетъ мира, покоя, что онъ готовъ съ своей стороны купить этотъ миръ даже цѣною нѣкоторыхъ пожертвованій, что долгъ сына—терпѣливо сносить материнскій гнѣвъ, хотя бы даже и несправедливый. Извѣстно, что Неронъ былъ мастеръ на пышныя фразы. Разсчетъ его на женское легковѣріе оказался очень вѣренъ. Агриппина — или она еще не довольно знала своего сына, или не могла совладать съ своимъ нетерпѣніемъ — ни мало немедля собралась въ дорогу и выѣхала по направленію къ Баіямъ. Неронъ встрѣтилъ ее еще на дорогѣ, подалъ ей руку, обнялъ съ нѣжностію, и потомъ самъ проводилъ въ Баулы (Baulos), свою приморскую виллу, которая лежала между Мизенскимъ мысомъ и Байскимъ озеромъ; здѣсь ждалъ ее корабль, чтобы перевезти отсюда въ Баіи. Поведеніе Нерона при этомъ случаѣ было безукоризненно; ему стоило только попасть въ роль, а въ умѣньи выдержать ее онъ могъ поспорить съ первыми артистами своего времени. Видя его нѣж-

[1]) Cp. Dio Cass. 61, 12.

ность, Агриппина тѣмъ больше повѣрила искренности намѣреній. Знакомъ особеннаго вниманія казалось и то, что судно, назначенное для ея переѣзда въ Баіи, такъ рѣзко отличалось своимъ убранствомъ отъ другихъ, стоявшихъ вмѣстѣ съ нимъ у берега. Какая разница съ простою триремой, которая до сихъ поръ служила ей для морскихъ переѣздовъ! Совершенно удовлетворенная такимъ лестнымъ пріемомъ, Агриппина готова была сейчасъ же сѣсть на корабль и отправляться далѣе, но ее удержалъ богатый ужинъ, нарочно для нея приготовленный въ Баулахъ [1]). Надобно было выиграть время, хотѣли выждать ночи, чтобы подъ ея скромнымъ покровомъ лучше покончить дѣло и схоронить самые концы въ воду. Между тѣмъ отъ этой отсрочки, разсчитанной на болѣе-вѣрную погибель Агриппины, едва не разстроилось все замышленіе. Кто-то изъ ея тайныхъ доброжелателей, вѣроятно улучивъ минуту, когда всякій былъ озабоченъ своимъ желудкомъ, успѣлъ, словомъ или знакомъ, навести ее на мысль о близкой опасности. Не вѣря и вѣря, думая о своей безопасности и боясь недовѣрчивымъ видомъ снова возбудить противъ себя подозрительность сына, Агриппина однако не рѣшилась сѣсть на корабль, который ей такъ нравился, и предпочла удобству морскаго путешествія безпокойную ѣзду въ обыкновенномъ сѣдлѣ. Дорога прошла благополучно, и мать цезаря, обласканная въ Баіяхъ какъ нельзя болѣе, опять успокоилась отъ своего страха [2]). Нельзя описать того предупредительнаго вниманія и той нѣжной заботливости, которыми она была встрѣчена и постоянно окружена во время своего пребыванія въ этомъ знаменитомъ убѣжищѣ, гдѣ римскіе цезари любили отдыхать отъ своей публичной дѣятельности и шума городской жизни. Неронъ былъ почти неотлучно при матери и всегда уступалъ ей самое почетное мѣсто. Онъ, казалось, не могъ довольно наговориться съ нею, то съ самою наивною, почти дѣтскою, простотою давая полную свободу своему языку и болтая безъ церемоніи о чемъ ни попало, то вдругъ дѣлаясь серіознымъ и на-

[1]) По словамъ Діона, ibid. угощеніе въ Баулахъ продолжалось нѣсколько дней.

[2]) Tac. c. 4: *Satis constitit* extitisse proditorem, et Agrippinam gestamine sellae Baias pervectam. *Ibi* blandimentum sublevavit metum. Ясно, что Тацитъ говоритъ о Баіяхъ, тогда какъ другіе (Suet. ibid.) продолжаютъ говорить о Баулахъ, предполагая, что этотъ переѣздъ не состоялся. Выраженіе Тацита: «*satis constitit*»; показываетъ однако, что онъ сличалъ извѣстія и бралъ тѣ изъ нихъ, которыя находилъ болѣе основательными.

чиная разсуждать о важныхъ предметахъ, сообразно съ своимъ настоящимъ возрастомъ и положеніемъ. Такая задушевная бесѣда между ними нечувствительно протягивалась до глубокой ночи. И когда потомъ наступило время разстаться, Неронъ, какъ самый чувствительный и нѣжный сынъ, повисъ на шеѣ у матери, расцѣловалъ у нея глаза и руки [1]). Однимъ словомъ, при помощи искусства и упражненія, онъ до такой степени вошелъ въ свою роль, что неудивительно, если и въ самомъ дѣлѣ разжалобился, когда, прощаясь съ матерью, вспомнилъ, что ей остается жить лишь нѣсколько часовъ, и вообразилъ себѣ близкую ея смерть [2]). Особенно въ важныхъ случаяхъ жизни, актеръ и человѣкъ нерѣдко сливались въ немъ въ одно и то же лицо.

Смерть дѣйствительно стерегла Агриппину на возвратномъ пути ея изъ Байі. Злодѣйство, не удавшееся прежде, должно было совершиться теперь безъ всякаго отлагательства. Неотступныя ласки сына повидимому убаюкали въ матери и послѣднюю безпокойную мысль. Отложивъ всѣ опасенія, она сѣла на тотъ самый корабль, который показался ей столько подозрительнымъ въ Баулахъ. Какъ бы на улику преступленію — говоритъ историкъ — боги послали тихую, ясную ночь: звѣзды, какъ неподкупные свидѣтели, сіяли въ чистомъ небѣ, отражая кроткій свѣтъ свой на гладкой поверхности моря. Плаваніе было самое спокойное и пріятное. Ни Агриппинѣ, ни двоимъ ея спутникамъ не приходила въ голову никакая мысль объ опасности. Одинъ изъ нихъ, нѣкто Креперей (Crepereius Lallus), стоялъ нѣсколько поодаль, отодвинувшись къ кормѣ, между тѣмъ какъ Ацерронія, единственная женщина, сопровождавшая Агриппину въ этомъ роковомъ переѣздѣ, оставалась у ногъ своей госпожи, занимая ее бесѣдою о недавнихъ происшествіяхъ. Осуществились самыя сладкія мечты: сынъ увидѣлъ свои ошибки, и мать снова вступила въ свои права. Вдругъ послышался страшный трескъ надъ головами, и прежде чѣмъ Агриппина и ея спутница могли придти въ себя, крыша, подъ которою были устроены ихъ мѣста, рухнула подъ тяжестію наваленнаго на нее свинца. Креперей всего менѣе былъ защищенъ противъ нечаяннаго удара сверху: онъ тутъ же

[1]) Dio ibid.: περιλαμβάνει τε αὐτὴν καὶ πρὸς τὸ στέρνον προσαγαγὼν καὶ φιλήσας καὶ τὰ ὄμματα καὶ τὰς χεῖρας. Ср. Tac. и Suet.

[2]) Tac. ibid.:.... sive explenda simulatione, seu periturae matris supremus aspectus quamvis ferum animum retinebat.

испустилъ духъ. Агриппина и Ацерронія были счастливѣе: бѣда миновала ихъ, потому что стѣнки полога, за которымъ онѣ сидѣли, оказывались сверхъ ожиданія довольно крѣпки, чтобы выдержать первое давленіе. Затѣмъ долженъ былъ послѣдовать провалъ въ самую воду; но отъ того ли, что первая неудача смутила исполнителей или просто отъ ихъ нерасторопности, механизмъ не повиновался ихъ усиліямъ, и дно корабля не раскрывалось. Кто-то распорядился было гребцами и велѣлъ имъ сильнѣе наклонить судно, но другіе, вѣроятно по незнанію, старались привести его въ обычное равновѣсіе, такъ что тѣ, которые оставались на палубѣ, могли довольно тихо спуститься въ воду. Впрочемъ Агриппина и ея спутница еще нисколько не ушли отъ опасности: напротивъ, она угрожала имъ теперь столько же отъ моря, сколько и отъ людей. Ацерронія повидимому думала лишь объ опасности перваго рода, конечно въ томъ убѣжденіи, что все несчастіе было дѣломъ случая или произошло отъ недостатка предусмотрительности. Она ждала себѣ помощи отъ людей, не воображая найдти между ними самыхъ опасныхъ своихъ враговъ, и громкимъ голосомъ звала спасать «погибающую Агриппину», чтобы, подъ именемъ матери цезаря, лучше дать замѣтить себя въ ночной темнотѣ. Ее дѣйствительно приняли, за кого она хотѣла выдать себя, и въ ту же минуту, какъ бы завидѣвъ морское чудовище, бросились на нее кто съ весломъ, кто съ багромъ, кто съ другимъ орудіемъ. Нѣсколько дружныхъ ударовъ, и мнимая мать цезаря пошла ко дну. Та же самая участь угрожала и настоящей Агриппинѣ, но она имѣла столько присутствія духа, что не обличила себя ни однимъ неосторожнымъ звукомъ, и отдѣлалась лишь одною случайною раною въ плечо. Послѣ того ей оставалось лишь доплыть до первой попавшейся рыбачьей лодки, чтобы уйдти отъ преслѣдованія. Черезъ нѣсколько времени она была уже на пути къ одному изъ своихъ загородныхъ домовъ, находившемуся въ окрестностяхъ [1]).

Собственно говоря, погибель Агриппины была болѣе неизбѣжна, потому что была уже однажды рѣшена въ мысли Нерона. Такъ или иначе, рано или поздно, ей не уйдти было отъ насилія. Вре-

[2]) Разсказъ о спасеніи Агриппины, очевидно, не отличается особенною ясностію; но это зависѣло конечно отъ обстоятельствъ самаго дѣла, о которомъ лишь смутныя и противорѣчащія одно другому извѣстія доходили до Рима.

менная отсрочка прибавила лишь нѣсколько новыхъ сценъ къ драмѣ, впрочемъ совершенно въ духѣ извѣстныхъ намъ дѣйствующихъ лицъ. Любопытно прежде всего наблюдать за Агриппиною. Первымъ ея дѣломъ, какъ только она успокоилась послѣ тревоги, было собрать свои мысли и обдумать все, случившееся съ нею въ ночи. Соображая всѣ обстоятельства, нечаянный вызовъ въ Баіи, необыкновенный почетъ, которымъ ее тамъ окружили, потомъ — это загадочное несчастіе, постигшее судно почти въ виду береговъ, безъ бури и безъ подводныхъ скалъ, далѣе — гибель Ацерроніи и свою собственную рану, она естественно должна была придти къ тому заключенію, что тутъ скрывался самый недобрый умыселъ, и что съ нею хотѣли сыграть самую плохую шутку, которая могла стоить ей головы. Нетрудно было потомъ угадать и главнаго виновника всего коварнаго предпріятія. Какъ же поступила Агриппина, когда ей стало ясно, что она едва не сдѣлалась жертвою самаго гнуснаго заговора? обратилась ли она съ жалобами къ общественному мнѣнію? или съ горькими упреками оскорбленной матери — прямо къ сыну? или наконецъ, убѣгая зла, скрылась гдѣ-нибудь въ далекомъ уединеніи? Не вѣрила она болѣе въ чувствительность сына, въ возможность раскаянія съ его стороны, еще менѣе надѣялась найдти для себя вѣрное убѣжище отъ его мстительной руки, если ужь онъ дѣйствительно рѣшился погубить ее. Кромѣ всего, прямое дѣйствіе было вообще не въ нравѣ Агриппины. Привыкнувъ во всемъ довѣряться интригѣ, она и теперь не нашла лучшаго средства выпутаться изъ своего затруднительнаго положенія, какъ стараться усыпить подозрительность Нерона, чтобы такимъ образомъ выиграть время и, можетъ-быть, снова запутать сына въ свои сѣти. Вслѣдъ за этимъ рѣшеніемъ приступлено было къ самому дѣлу. Особый посланный, отпущенникъ Агеринъ, немедленно отправленъ былъ къ Нерону — *успокоить* его извѣстіемъ, что, благодаря покровительству боговъ и счастливой звѣздѣ своего сына, Агриппина весьма счастливо избѣжала опасности, угрожавшей ей гибелью. Вмѣстѣ съ тѣмъ Агеринъ имѣлъ порученіе просить цезаря отъ имени его матери, чтобы онъ отложилъ свое посѣщеніе больной до другаго времени, такъ какъ въ настоящемъ состояніи ей всего болѣе нуженъ покой. Отпустивъ посланнаго, Агриппина приняла безпечный видъ и старалась показать всѣмъ, что занята единственно излѣченіемъ своей раны, — что̀ впрочемъ не мѣшало ей потребовать къ себѣ завѣщаніе погибшей Ацерроніи и распоря-

диться оставшимися послѣ нея вещами: единственное дѣло — замѣчаетъ историкъ — которое было исполнено ею безъ всякаго притворства.

Не менѣе любопытно посмотрѣть на Нерона въ первыя минуты, когда извѣстное приключеніе на морѣ достигло до его слуха. Онъ узналъ обо всемъ гораздо прежде, чѣмъ посланный его матери могъ исполнить свое порученіе. Отъ него не скрыли, что Агриппина выдержала весь этотъ неискусный маневръ до самаго конца, все видѣла своими глазами и слѣдовательно все должна была понять. При этомъ извѣстіи Неронъ еще разъ испыталъ припадокъ дѣтскаго страха, отъ котораго, казалось, совершенно избавился. Безпокойство, имъ овладѣвшее, было тѣмъ сильнѣе, что онъ нисколько не сомнѣвался въ успѣшномъ исполненіи своего плана и мучился лишь нетерпѣніемъ въ ожиданіи радостной вѣсти. Во мгновеніе оно проникло до послѣдняго его состава. Онъ испугался какъ маленькій сорванецъ, котораго поймали за самою непростительною шалостію, и который ужь готовъ кричать отъ боли, лишь вообразивъ себѣ неминучее наказаніе. Такъ было и съ Нерономъ въ эту минуту. Дрожа и задыхаясь отъ страха, онъ ужь воображалъ, что вотъ-вотъ явится его грозная мать, громко взывая о мщеніи, пойдетъ волновать противъ него рабовъ, войско, проникнетъ въ самый сенатъ, созовётъ весь народъ и, свидѣтельствуясь своею раною, разнесетъ по всему свѣту исторію своего кораблекрушенія. Наконецъ ему казалось, что нѣтъ человѣка безпомощнѣе его. Если не спасутъ Сенека и Бурръ, останется развѣ только погибнуть. Нашъ авторъ не рѣшаетъ, были ли Сенека и Бурръ причастны всему дѣлу, или нѣтъ; онъ знаетъ лишь за достовѣрное, что по первому призыву цезаря, они явились на совѣтъ нисколько не приготовленные [1]. Долго молчали они, не находя отвѣта, — отъ того ли, что не видѣли ни малѣйшей надежды вразумить цезаря, который былъ внѣ себя отъ досады и страха, или и самимъ имъ думалось, что ужь дошло до того, что Нерону не сносить головы, если онъ не предупредитъ матери. Сенека первый прервалъ это молчаливое совѣщаніе — впрочемъ не словами, а выразительнымъ взглядомъ на Бурра, котораго онъ какъ будто спрашивалъ, не нужно ли дать приказъ войску, чтобы однимъ разомъ покончить съ врагами це-

[1]) Ann. XIV, 7: quos statim acciverat, incertum an et ante ignaros. Cp. Dio Cass., l. c.

заря. Бурръ тотчасъ понялъ, въ чемъ дѣло, но довольно тонко отклонилъ отъ себя предложеніе своего товарища, ссылаясь на то, что преторіанцы одинаково преданы *всѣмъ* членамъ Августова дома безъ исключенія, и что, любя особенно память Германика, они всего менѣе согласятся быть орудіемъ истребленія его рода. По его мнѣнію—тотъ, кто затѣялъ все дѣло, долженъ и кончить его, какъ слѣдуетъ. Вызовъ относился прямо къ отпущеннику Аницету, устроителю всего неловкаго плана, который своею неудачею привелъ цезаря въ такое сильное безпокойство. Тотъ отвѣчалъ, ни мало не смутившись, что ждетъ только приказаній. Надобно было видѣть наивную радость Нерона при этой неожиданной развязкѣ столько нерѣшительнаго совѣщанія. Можно бы подумать, что наглый отпущенникъ угадалъ тайную его мысль и вмѣстѣ самое задушевное желаніе, котораго онъ только не смѣлъ высказать. Внѣ себя отъ удовольствія, какъ не задолго передъ тѣмъ отъ страха, Неронъ объявилъ, что лишь съ этой минуты чувствуетъ себя настоящимъ цезаремъ, и въ присутствіи прочихъ совѣтниковъ благодарилъ отпущенника, какъ своего благодѣтеля, которому онъ обязанъ всею своею властію. Никто не осмѣлился возражать, и Аницетъ тутъ же получилъ полномочіе — взявъ съ собою самыхъ благонадежныхъ преторіанцевъ, немедленно отправиться на совершеніе своего подвига! Между тѣмъ возвѣщено было о прибытіи посланнаго отъ Агриппины. Цезарь велѣлъ допустить его къ себѣ безъ малѣйшаго затрудненія: только-что оправившись отъ страха, онъ уже снова чувствовалъ себя актеромъ и въ одно мгновеніе успѣлъ придумать цѣлую театральную сцену. Пока Агеринъ излагалъ данное ему порученіе, онъ очень искусно обронилъ мечъ, упавшій у самыхъ ногъ посланнаго, и тотчасъ потомъ приказалъ схватить его и заключить въ оковы, какъ уличеннаго въ злодѣйскомъ покушеніи. Разумѣется, что эта траги-комическая сцена разыграна была не для одной только потѣхи присутствующихъ. Явленіе нерѣдкое, что чѣмъ меньше законности въ самомъ дѣйствіи, тѣмъ больше стараются прикрыть его наружно-приличными формами. Рѣшивъ въ мысли насильственную смерть Агриппины, Неронъ однако не хотѣлъ прослыть матереубійцею и радъ былъ схватиться хотя бы за самый невѣроятный предлогъ, лишь бы прикрыться имъ на первое время отъ неизбѣжныхъ обвиненій. Еслибы ему удалось пустить въ ходъ молву, что Агеринъ былъ подосланъ къ нему съ преступною цѣлію, тогда и самой смерти Агриппины можно бы было дать такой видъ, что она

сама спѣшила наложить на себя руки, чтобы избѣжать предстоявшаго ей позорнаго обвиненія въ покушеніи на жизнь своего сына.

Много преступныхъ намѣреній прикрыла собою эта страшная ночь: ей же, которая видѣла начало самаго темнаго дѣла вѣка, досталось быть безмолвною свидѣтельницею и его окончанія. Взявъ съ собою небольшой отрядъ войска, вѣрный исполнитель воли цезаря направился къ послѣднему жилищу его матери. Онъ поспѣлъ вовремя. Пока цезарь держалъ совѣтъ съ своими приближенными, молва о несчастіи, постигшемъ Агриппину и ея спутниковъ во время ночнаго плаванія, глухо разнеслась по окрестности и привлекла къ берегу большую толпу народа. Ничего не понимая въ этомъ происшествіи, всякій пришелъ удостовѣриться въ немъ на мѣстѣ, всякій старался пронзить глазами обманчивую темноту ночи. Кто громоздился на мысу, кто взобрался на суда, стоявшія близъ берега; иные даже не побоялись войдти по поясъ въ самую воду. Вопросамъ и крикамъ всякаго рода не было конца. Всѣ любопытствовали знать, что̀ случилось, и никто не умѣлъ ничего отвѣчать навѣрное. Наконецъ зажгли факелы и при свѣтѣ ихъ увидали, что опасность уже миновалась, по крайней мѣрѣ для матери цезаря. Тогда вся толпа любопытныхъ устремилась отъ берега къ дому Агриппины, чтобы поздравить ее съ избавленіемъ отъ опасности. Приди они нѣсколькими минутами ранѣе, — можетъ-быть, исполненіе жестокаго приговора отсрочилось бы еще на неопредѣленное время. Но, подойдя къ дому, они нашли его окруженнымъ со всѣхъ сторонъ крѣпкою военною стражею. Такое неожиданное явленіе не замедлило оказать свое дѣйствіе. При видѣ солдатъ съ угрожающею миною испуганная толпа тотчасъ разсѣялась, какъ робкое стадо. Между тѣмъ Аницетъ, находившійся внутри ограды, неукоснительно дѣлалъ свое дѣло. Выломивъ дверь въ домъ, онъ вошелъ въ комнаты, перевязалъ всѣхъ попавшихся рабовъ и открывалъ себѣ дорогу къ самой опочивальнѣ. Едва нѣсколько человѣкъ оставалось у входа; прочіе разбѣжались, заслышавъ тревогу. Въ комнатѣ, освѣщенной слабымъ огнемъ, лежала Агриппина, полная нетерпѣнія и томительнаго безпокойства, въ ожиданіи вѣстей отъ сына. Агеринъ не возвращался: она съ жадностію прислушивалась къ малѣйшему шороху и съ тайнымъ ужасомъ старалась разобрать какіе-то невнятные звуки, временемъ доносившіеся изъ переднихъ комнатъ въ ея печальное уединеніе. Въ тишинѣ они казались еще поразительнѣе; смыслъ ихъ былъ непонятенъ, но сердце предвѣщало бѣду.

Единственная служанка, бывшая при Агриппинѣ, встала, чтобы выдти на шумъ. И ты меня оставляешь — успѣла только проговорить несчастная дочь Германика, какъ передъ нею стоялъ уже Аницетъ съ двумя своими драбантами. Агриппина узнала ненавистнаго ей отпущенника, прочла, безъ сомнѣнія, въ его минѣ и свой приговоръ, но еще нашла въ себѣ довольно гордости, чтобы встрѣтить его невѣріемъ. Если ты присланъ узнать о моей болѣзни — извѣсти, что я выздоровѣла; если же ты пришелъ на преступленіе... но я никогда не повѣрю, чтобы мой сынъ рѣшился на убійство матери.» Вмѣсто отвѣта, убійцы окружили ея ложе, и одинъ изъ нихъ ударилъ ее палкою по головѣ. Но Агриппина не обезпамятѣла; когда потомъ другой взмахнулъ мечомъ, у нея еще достало духа, чтобы направить смертный ударъ: «бей въ животъ», проговорила она, думая о томъ, какое чудовище выносила она у себя подъ сердцемъ [1]). Послѣдовало нѣсколько ударовъ, и существованіе ея было кончено.

Страшная жизнь оборвалась не менѣе страшною смертію. Размыканная злыми страстями, она не произвела ничего, кромѣ безпощадной ненависти вокругъ себя, и сама же разбилась объ нее. Новое поколѣніе, выросшее среди преступленій, еще менѣе задумывалось надъ ними, чѣмъ старое. Оно утратило и послѣднее нравственное чутье. Прибавляютъ же нѣкоторые — какъ бы въ оправданіе предсмертныхъ словъ Агриппины — будто Неронъ, послѣ смерти матери, имѣлъ еще безпримѣрную наглость отзываться объ ней въ такихъ выраженіяхъ, въ какихъ говорятъ только о продажной женщинѣ [2]). Спѣша скрыть отъ дневнаго свѣта всѣ слѣды преступленія, трупъ въ ту же ночь сожгли и схоронили на скорую руку, и никто, пока живъ былъ Неронъ, не смѣлъ насыпать могильнаго холма надъ остатками его матери. Лишь рука преданныхъ служителей Агриппины сдѣлала въ честь ея небольшую насыпь на мизенской

[1]) Dio Cass. 61, 13: Παῖε ταύτην, ἔφη Ἀνίκητε, παῖε, ὅτι Νέρωνα ἔτεκεν.

[2]) Tac. XIV, c. 9: aspexerit ne matrem exanimem Nero et formam corporis ejus laudaverit, sunt qui tradiderint, sunt qui abnuant. Діонъ Кассій 61, 14, прибавляетъ еще одну черту: Καὶ αὐτήν τε πᾶσαν εἶδε γυμνώσας καὶ τὰ τραύματα αὐτῆς ἐπεσκέψατο, καὶ τέλος πολὺ καὶ τοῦ φόνου ἀνοσιώτερον ἔπος ἐφθέγξατο: εἶπε γὰρ ὅτι οὐδε ἤδειν ὅτι οὕτω καλὴν μητέρα εἶχον. — Мы не рѣшились передать по-русски весь смыслъ приведенныхъ мѣстъ, поражающихъ глубиною разврата даже среди общаго упадка нравовъ въ эпоху цезарей.

дорогѣ, близь старой виллы Юлія Цезаря, которая съ высоты господствуетъ надъ заливомъ. Приводятъ также какъ особенный случай, что одинъ отпущенникъ, по имени Мнестеръ, закололся на кострѣ Агриппины,—неизвѣстно впрочемъ изъ преданности ли своей бывшей госпожѣ или изъ страха неминуемой гибели. Смерть Агриппины напомнила еще ея современникамъ одно старое предсказаніе, которое будто бы сдѣлано было ей халдеями, когда она хотѣла знать отъ нихъ будущую участь своего сына: получитъ власть и убьетъ свою мать. На что̀, говорятъ, Агриппина отвѣчала: пусть убьетъ, лишь бы властвовалъ [1]).

Убійство матери не могло не отозваться, даже и въ организмѣ «чудовища», хотя нѣкоторымъ лихорадочнымъ сотрясеніемъ. Природа его была человѣческая и не могла вдругъ одолѣть въ себѣ врожденнаго ужаса противъ нечеловѣческаго дѣла. Разсказываютъ, что остатокъ роковой ночи проведенъ былъ Нерономъ въ мучительномъ безпокойствѣ. То онъ весь уходилъ въ себя, ни съ кѣмъ не говорилъ ни слова, то вдругъ вскакивалъ какъ безумный, поблѣднѣвъ отъ страха. Страхъ его увеличивался, по мѣрѣ того, какъ приближался разсвѣтъ. Онъ ждалъ, что наступающій день принесетъ съ собою обличеніе и казнь преступнику. Но вмѣсто того къ нему пришли подговоренные Бурромъ военные трибуны и центуріоны съ радостными лицами, поздравить его съ счастливымъ избавленіемъ отъ опасности, которая будто бы грозила ему со стороны матери. Неронъ началъ переходить отъ отчаянія къ надеждамъ. Онъ ободрился еще болѣе, когда узналъ, что въ храмахъ молятся за спасеніе его жизни, и что ближайшіе города Кампаніи по тому же случаю шлютъ къ нему посольства съ изъявленіемъ своей радости. Понемногу цезарь опять сталъ входить въ свою прежнюю роль. Еще нѣкоторое время онъ оплакивалъ смерть матери, показывая притворное презрѣніе къ своей собственной жизни, — потомъ, какъ бы бѣжа докучныхъ мѣстъ, которыя мутили его совѣсть непріятными воспоминаніями, уѣхалъ въ Неаполь и оттуда отправилъ свое знаменитое посланіе сенату. Здѣсь не было больше и рѣчи о сожалѣніи. О мнимомъ посягательствѣ Агриппины на жизнь цезаря говорилось какъ о чемъ-то положительномъ, смерть ея прямо приписывалась самоубійству. Кромѣ того, Неронъ открыто выступалъ

[1]) Ann. XIV, 3. Dio Cass., 61, 2.

обвинителемъ своей матери и за прежніе годы ея жизни. Онъ припомнилъ все — и какъ она хотѣла привлечь на свою сторону преторіанцевъ, чтобы захватить въ свои руки всю власть, и какъ потомъ, мѣшая въ своей злобѣ сенатъ, войско и народъ, старалась выместить на всѣхъ свои неудачи и строила козни достойнѣйшимъ гражданамъ. Не забыто было даже и отдаленное время Клавдія: перечисливъ всѣ безчестныя дѣла, которыми опозорено было его правленіе, цезарь очень искусно далъ замѣтить сенату, что они возможны были только при дѣятельномъ участіи необузданнаго женскаго властолюбія. Въ заключеніе всего, онъ, не обинуясь уже, высказывалъ мнѣніе, что въ неожиданной смерти Агриппины видитъ знакъ особенной благосклонности судьбы къ Римскому народу. Такова была послѣдняя тризна, совершенная Нерономъ въ память своей матери!

Почти не менѣе, впрочемъ, поучителенъ и тотъ пріемъ, который оказанъ былъ этому неподражаемому памфлету, получившему, говорятъ, свою окончательную форму подъ искусною рукою Сенеки [1]), со стороны римскаго сената. Почтенное сословіе, не задумавшись, произнесло свое рѣшеніе. Вопервыхъ, опредѣлены были благодарственныя мольбы за спасеніе цезаря; день, въ который открытъ заговоръ, положено праздновать ежегодными играми, а день рожденія Агриппины — считать между черными днями республики; рѣшивши сверхъ того поставить въ залѣ засѣданій статую Минервы, сенатъ объявилъ ее желаніе, чтобы рядомъ съ покровительницею цезаря было помѣщено и его собственное изображеніе. Недостало лишь одного голоса, чтобы рѣшеніе сената было вполнѣ единодушнымъ; иначе говоря, во всемъ этомъ блистательномъ собраніи, вмѣщавшемъ въ себѣ почти всѣ знаменитыя имена историческаго Рима, нашелся лишь одинъ честный и правомыслящій человѣкъ, который отказался присоединить свой голосъ къ такому безстыдному и позорному приговору. Въ ту самую минуту, когда всѣ наперерывъ спѣшили засвидѣтельствовать на вѣчныя времена свою низкую угодливость цезарю, одинъ сенаторъ, по имени Тразея Петъ, всталъ съ своего мѣста и вышелъ вонъ изъ куріи, оставляя позади себя безмолвный, но краснорѣчивый протестъ и унося въ своей неподкупной душѣ глубокое негодованіе.

[1]) Ann. XIV, 11. Cp. Quintil. 8, 5, 18.

Поппея Сабина, подъ вліяніемъ которой созрѣла въ цезарѣ его безчеловѣчная рѣшимость, повидимому, впрочемъ, ни принимала непосредственнаго участія въ послѣднихъ козняхъ, прекратившихъ дни Агриппины. Изъ словъ нашего историка не замѣчается даже ея присутствія въ Баіяхъ. Въ какой мѣрѣ успѣла она потомъ воспользоваться плодами своей же мысли, читатели увидятъ изъ слѣдующаго разсказа.

П. Кудрявцевъ.

БАИИ.

Littus beatae Veneris aureum Baias,
Baias superbae blanda dona naturae,
Ut mille laudem, Flacce, versibus Baias
Laudabo digne non satis tamen Baias.

Martialis XI, 80.

Можетъ-быть, ни одно мѣсто въ Италіи не наводитъ на путешественника, знакомаго съ давно-минувшею судьбою этого края, столько грусти, какъ Баіи и ихъ окрестности. Смотря на этотъ голый, выжженный солнцемъ берегъ съ двумя или тремя бѣдными рыбачьими хижинами, онъ едва вѣритъ восторженному восклицанію въ одномъ изъ посланій Горація [1]), что «нѣтъ на свѣтѣ мѣста прекраснѣе Байскаго залива», и подобнымъ отзывамъ другихъ римскихъ поэтовъ, между прочими отзыву Марціала, служащему эпиграфомъ этой статьи. А нужно замѣтить, что древніе вообще были довольно холодны къ красотамъ природы; по крайней мѣрѣ подобныя чувства не часто высказываются въ ихъ произведеніяхъ, и мы находимъ у нихъ очень мало описаній различпыхъ мѣстностей.

О Баіяхъ не разъ упоминается въ римской исторіи, но всегда по поводу какого-нибудь печальнаго или ужаснаго событія. Въ Баіяхъ дряхлѣвшая римская республика почувствовала первыя свои предсмертныя судороги: здѣсь составился тріумвиратъ между Цезаремъ, Помпеемъ и Крассомъ. Въ Баіяхъ былъ отравленъ ядомъ

[1]) Epist. I. 1, 83.

Марцеллъ, одна изъ лучшихъ надеждъ Рима въ начальный періодъ имперіи, одна изъ самыхъ отрадныхъ личностей безотраднаго времени; отсюда наконецъ Неронъ отправилъ мать свою Агриппину въ море на кораблѣ, на которомъ она должна была погибнуть.... Но взглянемъ на Баіи съ другой болѣе отрадной стороны.

Вообще берегъ Кампаніи, не даромъ прозванный въ древности счастливою, Campania Felix, считался во времена римскаго владычества однимъ изъ самыхъ очаровательныхъ и веселыхъ мѣстъ въ цѣлой Италіи. Южный зной умѣрялся здѣсь близостію моря, и на каждомъ шагу путешественнику представлялись разнообразныя живописныя мѣстности. Самымъ живописнымъ пунктомъ въ этомъ чудномъ уголку Италіи безспорно были Баіи съ своими окрестностями; природа и искусство соединились здѣсь, чтобы сдѣлать этотъ небольшой городъ однимъ изъ самыхъ привлекательныхъ мѣстъ древняго міра. Передъ Баіями разстилался великолѣпный заливъ, на одной оконечности котораго живописно лежала римская военная гавань Мизенумъ, а на другой находились Puteoli (теперь Пуццоли). Весь берегъ между этими двумя городами представлялъ почти непрерывную цѣпь зданій [1]): здѣсь почти на каждомъ шагу встрѣчались виллы римской знати, очаровательные сады и великолѣпные храмы. Поэтическій характеръ окрестностей байскихъ еще болѣе увеличивался отъ множества преданій и легендъ, которыя соединила съ этими мѣстами народная фантазія. Сами Баіи были основаны, по сказанію, Баіосомъ, спутникомъ Одиссея, сходившаго въ этихъ мѣстахъ въ преисподнюю [2]). Черезъ эти мѣста и герой Виргиліевой поэмы, Эней, проникъ въ адъ. Вблизи Байй находилось безрыбное Авернское озеро, окруженное злокачественною атмосферой, поросшее печальными кипарисами, придававшими ему видъ унылый и мрачный; здѣсь-то былъ этотъ знаменитый въ народныхъ легендахъ спускъ въ подземное царство [3]). Не далеко отъ

[1]) Strabo V, 4. p. 200 Siebenk.

[2]) Strabo V, 4, p. 193 Siebenk.

[3]) Въ древности ни рыбы не переносили воды Авернскаго озера, ни птицы— атмосферы, его окружавшей. Отсюда объясняли древніе и самое имя озера: ἄορνος, т.-е. лишенное птицъ. Такъ Лукрецій VI, 739:

Principio quod Averna vocantur nomine, id ab re
Impositum est, quia sunt avibus contraria cunctis.

Тоже и Виргилій, VI, 235; см. сл. прим. Но теперь подземные боги потеряли свои права на озеро: оно стало обильно рыбой и по крайней мѣрѣ зимою ат-

Авернскаго озера показывали пещеру, знаменитую прорицаніями Сивиллы [1]); здѣсь же находилось и знаменитое рыбой и устрицами, теперь исчезнувшее, Лукринское озеро. Въ пяти римскихъ миляхъ отъ Байі къ сѣверу лажалъ городъ Кумы, замѣчательный какъ древнѣйшая греческая колонія въ Италіи. Наконецъ между Мизенумомъ и Кумами находилось Ахерунтское озеро (теперь Lago Fusaro или della Collucia), черезъ которое, по народному повѣрью, занесенному въ Италію вѣроятно греческими обитателями этихъ мѣстъ, Харонъ перевозилъ въ царство тѣней души умершихъ, а за этимъ озеромъ растилалась очаровательная долина, въ которой живое воображеніе древнихъ Итальянцевъ помѣстило Элисейскія поля [2]). Образованію всѣхъ этихъ преданій много, конечно, способствовала и самая почва этой части Кампаніи. Эта почва имѣла волканическое свойство и изобиловала горячими ключами и сѣрою; грозныя и мрачныя картины природы смѣнялись здѣсь на каждомъ шагу живописными видами и мѣстностями, украшенными всѣми дарами южнаго неба.

Не мудрено поэтому, что Баіи съ своими окрестностями довольно рано сдѣлались любимымъ мѣстопребываніемъ богатыхъ Римлянъ, сосѣднихъ Неаполитанцевъ и другихъ жителей древней Италіи. Всѣ эти эпикурейцы, ставившіе главною цѣлію и задачею

мосфера около него превосходная. Измѣненіе произошло уже въ древности и приписывается тому, что Августъ велѣлъ вырубить лѣсъ, окружавшій озеро. Но и теперь открываются иногда на его днѣ сѣрные ключи, и тогда рыба погибаетъ. Глубины оно имѣетъ по измѣреніямъ нашего времени 400'. На восточномъ его берегу есть развалины античнаго храма, какъ полагаютъ — Плутонова.

[1]) Virg. Aen. VI, 235.

Spelunca alta fuit vastoque immanis hiatu,
Scrupea, tuta lacu nigro, nemorumque tenebris,
Quam super haud ullae poterant impune volantes
Tendere iter pennis: talis sese halitus atris
Faucibus effundens, supera ad convexa ferebat;
Unde locum Craii dixeruut nomine Avernum.

Эта пещера соединяла Авернское озеро съ Кумами. Теперь цѣлы только входы въ нее со стороны Авернскаго озера и со стороны Кумъ; а остальное обрушилось.

[2]) Palus Acherusia; у Виргилія tenebrosa palus, по причинѣ темнаго цвѣта воды. О Харонѣ Вергилій Aen. VI, 298:

Portitor has horrendus aquas et flumina servat.
Terribili squalore Charon.

Элисейскія поля находились, по предположенію ученыхъ, между теперешними Lago Fusaro и Mare morto близь Мизенума. Теперь здѣсь есть развалины сооруженія, похожаго на циркъ. Италіянцы зовутъ ихъ Mercato del Sabato.

жизни наслажденіе, а ихъ было не мало въ римскомъ обществѣ, всѣ любители красотъ природы и поэтическихъ воспоминаній вереницею тянулись сюда провести лѣтній сезонъ, а не рѣдко и зимній, потому что необыкновенная умѣренность климата дѣлала жизнь въ Баіяхъ очень пріятною даже и въ это время; здѣсь круглый годъ цвѣли цвѣты, и созрѣвали фрукты [1]). Вотъ почему весь байскій берегъ былъ застроенъ множествомъ виллъ, принадлежавшихъ римской знати; онъ представлялъ собою какъ бы живую лѣтопись, въ которую вписаны были громкія имена изъ различныхъ періодовъ римской исторіи. Марій, Цезарь, Помпей, Цицеронъ, Гортензій, Лукуллъ имѣли здѣсь свои загородные дома. Въ характерѣ этихъ построекъ замѣчалось большое различіе. Виллы Марія, Помпея и Цезаря рѣзко отличались отъ позднѣйшихъ построекъ; онѣ находились не на самомъ берегу, а на ближнихъ возвышеніяхъ, и походили скорѣе на средневѣковые за́мки и крѣпости, чѣмъ на загородные дома [2]). Само собою разумѣется, что между всѣми этими виллами загородный домъ Лукулла отличался баснословною роскошью; онъ представлялъ собою цѣлый городъ со множествомъ богато украшенныхъ зданій. Цѣлыя горы были срыты для того, чтобы провести морскую воду въ искусственное озеро, устроенное въ виллѣ этого римскаго Ксеркса [3]), какъ называли Лукулла въ Римѣ, и наоборотъ засыпаны были цѣлые морскіе заливы, на мѣстѣ которыхъ возникли великолѣпные мраморные дворцы [4]).

Вообще страсть строиться какъ можно ближе къ морю и даже въ самомъ морѣ, на его ближайшихъ отъ берега отмеляхъ, сильно развита была въ Римлянахъ, въ особенности во время Августа. Чего стоила эта прихоть римскимъ богачамъ, можно судить еще и теперь по колоссальнымъ остаткамъ отъ этихъ построекъ. Эти надводныя виллы не боялись моря съ его бурями, потому что отличались необыкновенною прочностію своихъ фунтаментовъ, надежнымъ цементомъ, для которыхъ служилъ особаго рода песокъ, на-

[1]) Въ этомъ смыслѣ Сенека Ер. LV называетъ одну изъ этихъ виллъ villa totius anni. Это именно вилла того Ватіи, о которомъ мы будемъ говорить ниже.

[2]) Seneca Ep. 51. называетъ ихъ не villae, а castra.

[3]) Xerxes togatus.

[4]) Vellei. II, 33. Вилла Лукуллова замѣчательна между прочимъ и тѣмъ, что въ ней умеръ Тиберій. Валерій Азіатикъ украсилъ ее еще болѣе, и это привлекло на нее вниманіе Мессалины, которая убѣдила Клавдія умертвить Азіатика и вступить во владѣніе великолѣпною виллой. Лежала она близь Мизенскаго мыса.

ходившийся въ окрестностяхъ Байй и Пуццоли. Этотъ песокъ, смѣшанный съ известью, отъ дѣйствія воды получалъ необыкновенную прочность и превращался все въ болѣе и болѣе твердую массу, такъ что сдѣланные при помощи его фундаменты бывшихъ байскихъ надводныхъ виллъ во многихъ мѣстахъ до сихъ поръ еще противятся напору морскихъ волнъ и всесокрушающей рукѣ времени [1]).

Горацій нѣсколько разъ говоритъ и всегда съ горькою ироніею объ этихъ морскихъ виллахъ; онъ смотрѣлъ на нихъ какъ на прихоть и пустой капризъ римскихъ богачей:

Tu locanda marmora
 Locas sub ipsum funus et sepulcri
Immemor struis domos
 Marisque Bajis obstrepentis urges
Summovere littora,
 Parum contentus continente ripa [2]).

Въ «Посланіяхъ», гдѣ Горацій такъ часто и такъ живо рисуетъ намъ непостоянство и минутныя прихоти не только богатаго, но и бѣднаго класса римскаго народонаселенія, онъ пишетъ между прочимъ: «нѣтъ ничего на свѣтѣ, говоритъ богачъ, прекраснѣе Байскаго залива, и вотъ озеро и море уже чувствуютъ любовь поспѣшно сбирающагося къ нимъ на житье барина; но если вдругъ возьметъ надъ нимъ верхъ его непостоянная прихоть, то на завтра же при-

[1]) Этотъ песокъ волканическаго происхожденія; онъ называется теперь Pozzolano или Pozzolana. Вотъ что пишетъ о немъ Витрувій II, 6: Nascitur (genus pulveris) in regionibus Baianis et in agris circa Vesuvium montem, quod commixtum cum calce et caemento non modo ceteris aedificiis praestat firmitates, sed etiam moles, quae construuntur in mari, sub aqua solidescunt. Hoc autem ea ratione fieri videtur, quod sub his montibus et terrae ferventes sunt, et fontes crebri, qui non essent, si non in imo haberent aut de sulphure aut de alumine aut bitumine ardentes maximos ignes. Igitur penitus ignis et flammae vapor per intervenia permanans aut ardens efficit levem eam terram, et ibi tophus qui nascitur, exsurgens est et sine liquore. Ergo cum tres res consimili ratione, ignis vehementia formatae, in unam pervenerint mixtionêm, repente recepto liquore una cohaerescunt, et celeriter humore duratae solidantur, neque eas fluctus, neque vis aquae potest dissolvere.

[2]) Hor. Од. II, 18. Сравн. Од. III, 1:'

Contracta pisces aequora sentiunt
Jactis in altum molibus: huc frequens
 Caementa demittit redemtor
 Cum famulis dominusque terrae
Fastidiosus: sed Timor et Minae
Scandunt eodem quo dominus, neque
 Decedit aerata triremi et
 Post equitem sedet atra cura.

дется вамъ, работники, перенести ваши инструменты въ Теанумъ [1]). Другіе объясняютъ этотъ обычай строиться какъ можно ближе къ морю не прихотью владѣльцевъ этихъ надводныхъ виллъ, а тѣмъ, что они по возможности старались освободиться отъ вреднаго вліянія климата байскихъ окрестностей, который не всѣми считался здоровымъ [2]).

Не одна впрочемъ любовь къ природѣ заставляла Римлянъ охотно мѣнять вѣчный городъ на очаровательныя мѣстности Кампаніи. Въ печальные и страшные періоды римской исторіи укрывались здѣсь многіе богатые Римляне съ тѣмъ, чтобы избавиться отъ преслѣдованій и доносовъ. Имъ страшно было оставаться въ Римѣ, гдѣ въ то время богатство, возбуждавшее алчность временщиковъ, для многихъ нерѣдко было единственнымъ преступленіемъ, единственною причиною казней. Одинъ изъ такихъ осторожныхъ людей, Сервилій Ватія, построилъ себѣ, во время Тиберія, прекрасную виллу въ живописныхъ окрестностяхъ Лукринскаго озера съ тѣмъ, чтобы провести въ ней жизнь свою безъ тревогъ и опасеній, и тихо умереть по слову природы, а не по слову какого-нибудь Тиберіева центуріона. Съ тѣхъ поръ, какъ Ватія оставилъ Римъ и поселился въ своей уютной виллѣ, неизвѣстность сдѣлалась главнымъ его желаніемъ, главною цѣлію его жизни. Онъ не достигъ однако этой цѣли; его осторожность доставила ему напротивъ историческую извѣстность и еще при его жизни вошла въ Римѣ въ пословицу. Всякій разъ какъ падала новая жертва, въ Римѣ говорили: «ты одинъ только умѣешь жить, Ватія» [3]). Съ другой стороны не было недостатка и въ остротахъ надъ осторожнымъ анахоретомъ. Сенека говоритъ, что при жизни Ватіи онъ никогда не могъ про-

[1]) Небольшой городъ въ сѣверовосточной части Кампаніи въ 30 миляхъ (римскихъ) отъ Баій. Озеро, упоминаемое здѣсь, есть озеро Лукринское. Вотъ самыя слова Горація, Еп. 1, 1. 85:

Nullus in orbe sinus Baiis praelucet amoenis,
Si dixit dives, lacus et mare sentit amorem
Festinantis heri, cui si vitiosa libido
Fecerit auspicium, cras ferramenta Teanum
Tolletis, fabri.

[2]) Дѣйствительно вода составляетъ лучшее предохранительное средство отъ италіянской маларіи. Такъ одна ночь, проведенная на понтійскихъ болотахъ, можетъ имѣть слѣдствіемъ неизлѣчимую лихорадку, между тѣмъ какъ въ лодкѣ на каналѣ, проведенномъ черезъ эти болота, можно спать безопасно. См. Niebuhr's Vorträge über alte Länder- u. Völkerkunde, стр. 460.

[3]) L. A. Senecae Epist. LV.

ѣхать мимо его виллы, чтобы не сказать: здѣсь лежитъ Ватія» [1]. Что имѣло болѣе смысла — острота ли Сенеки, или поведеніе Ватіи — рѣшить не трудно. Можетъ-быть, многіе согласились бы охотно похоронить себя заживо въ Лукринской виллѣ Ватіи, но едва ли кто захочетъ кончить такъ, какъ кончилъ Сенека.

До сихъ поръ однако мы еще не обратили вниманія нашихъ читателей на главную характеристическую сторону Байй, которая больше всего содѣйствовала тому, что этотъ небольшой городъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ веселыхъ и шумныхъ мѣстъ въ древней Италіи. Баіи славились своими цѣлебными, въ особенности сѣрными источниками. Сюда Римляне, Неаполитанцы и жители другихъ городовъ Италіи ѣздили на воды. Въ Баіяхъ былъ безпрестанный и постоянный наплывъ посѣтителей, больныхъ и здоровыхъ, изъ которыхъ первые, разумѣется, спѣшили сюда за тѣмъ, чтобы получить облегченіе, а вторые, какъ это водится и въ наше время на минеральныхъ водахъ, имѣли въ виду пріятно провести время. Кромѣ горячихъ сѣрныхъ ключей Баіи обязаны были своею извѣстностію также своимъ паровымъ ваннамъ, устроеннымъ самою природою (naturales sudationes). Многія мѣста въ окрестностяхъ этого города изобиловали сѣрными испареніями; въ другихъ мѣстахъ стоило только немного раскопать землю, чтобы достигнуть той же цѣли. Въ эти углубленія садились больные и тотчасъ же обдавались горячимъ сѣрнымъ паромъ; иногда проводили сѣрные пары посредствомъ трубъ въ дома, служившіе помѣщеніемъ для больныхъ. И теперь еще въ окрестностяхъ Байй довольно много такихъ цѣлебныхъ мѣстъ, но они уже давно не пользуются такою знаменитостію, какъ въ древности. Теперь еще въ этихъ мѣстахъ показываютъ путешественникамъ пещеру, извѣстную подъ именемъ Нероновыхъ бань. Невыносимый, удушливый жаръ за нѣсколько шаговъ уже останавливаетъ желающаго приблизиться къ этой пещерѣ, и живущіе въ этихъ мѣстахъ простые люди обыкновенно за небольшую плату показываютъ путешественникамъ дѣйствіе сѣрнаго пара; полуодѣтые, они входятъ въ пещеру и черезъ нѣсколько секундъ выходятъ оттуда совершенно покрытые потомъ. Изъ древнихъ подробнѣе всѣхъ говоритъ о байскихъ источникахъ Плиній старшій. Мы приведемъ вполнѣ его слова: «Нигдѣ нѣтъ такого обилія минеральныхъ водъ (говоритъ Плиній) какъ въ Байскомъ заливѣ, и нигдѣ воды

[1]) Senec. ibid. At ille latere sciebat, non vivere. — Nunquam aliter hanc villam, Vatia vivente, praeteribam, quam ut dicerem: *Vatia hic situs est.*

не имѣютъ такой разнообразной цѣлительной силы; тамъ есть и сѣрные источники, и квасцовые (aluminis), и соляные, и натровые (nitri), и изъ земляной смолы (bituminis), и смѣшаннаго, кислаго и солянаго, свойства. Есть и такіе, которые приносятъ помощь па́ромъ. И такая въ нихъ сила, что они могутъ нагрѣвать баню и въ ваннахъ заставлять кипѣть холодную воду, что̀ можно видѣть въ баняхъ, называемыхъ Посидіановыми по имени Клавдіева отпущенника. Овощи въ нихъ варятся. Испаренія выходятъ и въ самомъ морѣ, именно въ баняхъ, принадлежавшихъ Лицинію Крассу; изъ средины волнъ возникаетъ спасеніе отъ болѣзней. Воо̆бще эти воды помогаютъ нервамъ, ногамъ (nervis, pedibus, coxendicibus), полезны въ вывихахъ, переломахъ (luxatis fractisve), очищаютъ, залѣчиваютъ раны, помогаютъ въ особенности головѣ и ушамъ; для глазъ цѣлебны цицероновскія. Заслуживаетъ упоминанія вилла, лежащая надъ берегомъ на дорогѣ отъ Авернскаго озера въ Путеоли, извѣстная своимъ портикомъ и рощей и названная Цицерономъ Академіей, по примѣру Аѳинъ; здѣсь онъ написалъ книги, носящія имя Академіи, и соорудилъ себѣ памятники, какъ будто не сдѣлалъ ихъ себѣ во всей вселенной. Въ передней части этой виллы, вскорѣ послѣ смерти Цицерона, когда виллой владѣлъ Антистій Ветусъ, открылись горячіе источники, весьма полезные для глазъ и прославленные стихотвореніемъ Цицеронова отпущенника Лавреи Туллія» [1]).

Несмотря однакоже на то, что байскіе горячіе ключи и паровыя ванны не разъ оказывали благотворное дѣйствіе во многихъ болѣзняхъ, Баіи по временамъ выходили изъ моды, и многіе предпочитали имъ тѣ мѣста, въ которыхъ находились холодные ключи [2]). Такое соперничество этихъ послѣднихъ мѣстъ въ особенности

[1]) N. H. II. XXXI, 2, 2 и 3. Вотъ стихотвореніе Лавреи, сохраненное Пиніемъ:

Quod tua, Romanae vindex clarissime linguae,
 Silva loco melius surgere jussa viret;
Atque Academiae celebratam nomine villam
 Nunc reparat cultu sub potiore Vetus;
Hic etiam apparent lymphae non ante repertae,
 Languida quae infuso lumina rore levant:
Nimirum locus ipse sui Ciceronis honori
 Hoc dedit, hac fontes cum patefecit ope;
Ut, quoniam totum legitur sine fine per orbem,
 Sint plures, oculis quae medeantur, aquae.

[2]) Въ Италіи не было недостатка въ цѣлебныхъ ключахъ, какъ холодныхъ, такъ и горячихъ. Въ особенности много ихъ было въ Кампаніи и Этруріи. Марціалъ (VI, 42) насчитываетъ много мѣстъ, которыхъ воды

было опасно для Байй во время Августа, которому лѣченіе паровыми ваннами едва не стоило жизни. Когда Августъ находился почти въ безнадежномъ положеніи, придворный его врачъ Антоній Муза присовѣтовалъ своему паціенту лѣченіе холодною водою, и онъ былъ спасенъ [1]). Этотъ случай естественно имѣлъ большое вліяніе на публику; всѣ бросились лѣчиться холодною водою, въ Габіяхъ, Клузіумѣ и въ другихъ мѣстахъ, и Баіямъ грозилъ совершенный упадокъ ихъ прежней славы. Между прочимъ Антоній Муза убѣдилъ и Горація, который постоянно страдалъ глазами, оставить байскія воды и перемѣнить методу лѣченія [2]).

Впрочемъ большинство посѣтителей байскихъ водъ, какъ уже выше замѣчено, были люди совершенно здоровые, которые ѣхали на воды съ тѣмъ, чтобы хорошо провести время. И дѣйствительно въ этомъ отношеніи Баіи были, можетъ-быть, самымъ удобнымъ мѣстомъ въ цѣлой Италіи. Чудный климатъ, близость оживленнаго Мизенума, живописныя окрестности, стеченіе множества богатыхъ людей, которые были неистощимы въ изобрѣтеніи удовольствій, — все это оставляло въ посѣтителяхъ байскихъ водъ самыя пріятныя воспоминанія.

Очень жаль, что на основаніи отрывочныхъ показаній древности [3]), нельзя представить полной картины той жизни, которую вели въ Баіяхъ Римляне и жители другихъ частей Италіи. Намъ въ особенности хорошо извѣстна только одна сторона байской жизни, — это развратъ, который являлся здѣсь еще въ болѣе-колоссальныхъ размѣрахъ, нежели въ самомъ Римѣ. Жизнь въ Баіяхъ походила на вѣчныя, нескончаемыя сатурналіи, и порокъ являлся здѣсь большею частію безъ маски. Баіи особенно опасны были для супружеской вѣрности, и, по выраженію Марціала (1, 63), римскія Пенелопы ворочались оттуда домой Еленами. Эту соблазнительную ре-

пользовались большею или меньшею извѣстностію. но первое мѣсто между ними отдаетъ Баіямъ, которыя называетъ principes Baiae. Въ Неаполѣ также были горячіе ключи, которые однако мало посѣщались по причинѣ близости Байй.

[1]) Sueton. in Aug. c. 59 и 81.

[2]) Horat. Epist. 1, 15.

[3]) Эти показанія собраны у Zell въ его Ferienschriften. Erste Samml. Freiburg. 1826, стр. 141 и слѣд. Также у Беккера въ Gallus, 3. V, стр. 53 1-го изданія и у Виланда въ его примѣчаніяхъ къ «Посланіямъ» Горація (1 и 15 посланіемъ 1-й книги). См. Horazens Briefe von Wieland. Leipzig. 1790. Изъ старинныхъ сочиненій см. Andr. Baccius de thermis. Rom. 1622, p. 162.

путацію пріобрѣли Баи довольно рапо. Еще Цицеронъ въ своей рѣчи за Целія, которая была произнесена въ 698 году города, старается оправдаться въ томъ, что онъ взялся говорить въ защиту человѣка, который, между прочимъ, успѣлъ уже побывать въ Баіяхъ [1]). Конечно, эти слова древняго оратора сказаны были иронически, но и изъ этой ироніи можно ясно видѣть, какою славою пользовались Баи въ вѣкъ Цицерона. Потому и Проперцій старается отозвать свою Цинтію изъ этого опаснаго мѣста какъ можно скорѣе, и пишетъ къ ней: «Оставь развратныя Баи; многихъ еще разсоритъ этотъ опасный для непорочныхъ дѣвъ берегъ. Пусть сгибнутъ эти, преступныя въ любви, байскія воды [2]).

Но особенно всею строгостію своей морали вооружился противъ байскихъ водъ философъ Сенека. Этотъ писатель принадлежитъ, конечно, къ числу тѣхъ представителей древней литературы, которымъ не всегда можно вѣрить наслово, когда они разсуждаютъ о нравственности. Сенекѣ суждено было жить въ то печальное время когда добродѣтель, нравственность и другія подобныя слова, утратили свое истинное значеніе и нерѣдко употреблялись какъ пышная фраза или какъ риторическое украшеніе. Несмотря на то, письма Сенеки (51 и 56), въ которыхъ онъ говоритъ о Баіяхъ, не лишены интереса. Это единственный писатель древности, который сообщаетъ намъ нѣкоторыя подробности веселой и разгульной жизни посѣтителей и посетительницъ байскихъ водъ. Однимъ изъ главныхъ удовольствій и развлеченій служили для нихъ, какъ видно изъ писемъ Сенеки, катанья по заливу. Съ утра и до ночи, а не рѣдко и съ ночи до утра, море и озеро Лукринское покрыты были множествомъ богато и со вкусомъ украшенныхъ лодокъ. Въ каждое время дня и ночи берегъ залива оглашался музыкою и пѣснями. Утонченная роскошь доходила здѣсь до того, что все Лукринское озеро во время этихъ прогулокъ бывало усыпано розами [3]). Въ то же время на берегу постоянно можно было встрѣтить веселыя общества пирующихъ подъ открытымъ небомъ.

Самый городъ былъ чрезвычайно оживленъ и отличался постояннымъ шумомъ и толкотнею. Сенека говоритъ, что онъ не могъ

[1]) Cic. pro M. Coelio c. XI.

[2]) Prop. 1, 11. 27. Littora, quae fuerunt castis inimica puellis.

[3]) Впрочемъ выраженіе Сенеки «fluitantem toto lacu rosam» нѣкоторые принимаютъ въ томъ смыслѣ, что самые пирующіе были украшены вѣнками изъ розъ, равно какъ и гондолы или лодки, на которыхъ они катались по озеру.

долѣе двухъ дней выносить этой суматохи. «Что̀ за необходимость (пишетъ онъ) смотрѣть на пьяныхъ, шатающихся на берегу, на этотъ разгулъ катающихся въ лодкахъ, на озера, которыя оглашаются музыкою и пѣснями, и на все, однимъ словомъ, чѣмъ не только грѣшитъ, но что выставляетъ здѣсь какъ бы на показъ необузданный развратъ?» Сенека очень живо изображаетъ намъ свою жизнь въ байской гостинницѣ, которая, къ его несчастію, устроена была надъ самымъ помѣщеніемъ для ваннъ. Здѣсь съ самаго ранняго утра ему не было покоя, то отъ тѣхъ, которые занимались гимнастикою, то отъ жалобъ и стоновъ больныхъ, то отъ служителей и алиптовъ, которые съ большимъ шумомъ бѣгали взадъ и впередъ съ полотенцами и съ разными мазями. Другіе, собравшись въ кружокъ, шумно играли въ мячъ, тамъ кто-то пѣлъ, а другой со всего размаха бросался въ бассейнъ, назначенный для плаванія. Среди этого шума вдругъ подымался страшный крикъ по поводу пойманнаго вора, который, схвативъ чье-нибудь платье, готовъ уже былъ ускользнуть, но схваченъ на мѣстѣ преступленія [1]). И вся эта суматоха еще болѣе увеличивалась отъ разныхъ разнощиковъ, которые на распѣвъ предлагали свои товары, въ особенности пирожки и другія лакомства.

Какой контрастъ съ этимъ вѣчнымъ шумомъ, съ этою роскошною, богатою жизнію представляютъ Баіи въ настоящую пору! Давно уже не раздается здѣсь музыка, давно смолкли пѣсни, исчезли роскошныя виллы, дворцы и храмы. Отъ всего этого осталась груда кирпичей и нѣсколько печальныхъ развалинъ, окруженныхъ злокачественною атмосферой. Только нѣсколько бѣдныхъ рыбачьихъ лачужекъ оживляютъ эту печальную картину, да передъ небольшимъ за̀мкомъ, который построенъ на возвышенности, молчаливо расхаживаетъ истощенный лихорадкою неаполитанскій часовой.

Н. Б — ій.

[1]) Похищеніе платья было очень обыкновеннымъ воровствомъ въ римскихъ баняхъ и купальняхъ, несмотря на то, что присмотръ за нимъ въ этихъ мѣстахъ поручаемъ былъ особымъ сторожамъ, называвшимся capsarii. Въ Пандектахъ есть даже особенный законъ *de furibus balneariis*.

Родословіе дома Цезарей.

К. Юлій Цезарь Октавіанъ Августъ

р. 62 до Р. Х. † 14 по Р. Х., сынъ всадника Октавія и Аціи (дочери Ація и Юліи, меньшей сестры Юлія Цезаря), внукъ Цезаря по матери, усыновленный завѣщаніемъ и съ тѣхъ поръ принявшій имя К. Юлія Цезаря Октавіана; перва супруга — Сервилія, вторая — Клодія, падчерица тріумвира М. Антонія, третья — Скрибонія, сестра Скрибонія Либона, четвертая Ливія, разведшаяся съ первымъ своимъ мужемъ, Тиберіемъ Клавдіемъ Нерономъ, и вступившая въ 38 г. до Р Х. въ бракъ съ Августомъ. Единственная дочь отъ Скрибоніи:

Юлія

р. 39 до Р. Х. † 14 по Р. Х., въ первомъ бракѣ, еще 15 лѣтъ, за Марцелломъ, сыномъ Октавіи, сестры Октавіана (25 до Р. Х.), по его смерти — за М. Випсаніемъ Агриппой, знаменитымъ полководцемъ (23 до Р. Х.) въ третьемъ бракѣ за Тиберіемъ (11 до Р. Х.). Дѣти отъ Агриппы:

К. Цезарь — р. 20 до Р. Х. † 4 по Р. Х., усыновленъ Августомъ въ 17 до Р. Х., супруга Ливія, дочь Друза.

Л. Цезарь — р. 17 до Р. Х. † 2 по Р. Х., усыновленъ Августомъ въ 17 г. до Р. Х.

Юлія — † 28 по Р. Х.

Агриппина старшая — † 33 по Р. Х., супруга Германика.

Агриппа Постумъ — † 14 по Р. Х.

Тиберій Клавдій Неронъ и Ливія Друзилла.

Тиберій — р. 42 по Р. Х. † 37 по Р. Х., усыновленъ Августомъ, по настоянію Ливіи, въ 4 г. до Р. Х.

Друзъ (Неронъ Клавдій) — р. 42 до Р. Х. † 9 до Р. Х.

От Тиберія:

Друзъ Цезарь — † 23 по Р. Х., въ бракѣ съ Ливіей, дочерью Друза; сыновья умерли безъ потомства.

От Друза:

Германикъ — † 19 по Р. Х. усыновленъ Тиберіемъ по волѣ Августа: въ бракѣ съ *Агриппиной старшею*.

Ливія — † 31 по Р. Х., за К. Цезаремъ, сыномъ Агриппы, потомъ за Друзомъ Цезаремъ, сыномъ Тиберія.

Клавдій — р. 10 до Р. Х. † 54 по Р. Х. супр. *Валерія Мессалина* и *Агриппина младшая*.

От Германика:

Агриппина младшая — въ первомъ бракѣ за Кн. Домиціемъ, потомъ за Клавдіемъ; отъ Домиція:

Неронъ — род. 37 по Р. Х., † 68 по Р. Х. усыновленъ Клавдіемъ; первая супруга Октавія, вторая *Поппея Сабина*.

Неронъ Цезарь — супр. Юлія, дочь Друза Цезаря.

Друзъ Калигула — р. 12 по Р. Х. † 41 по Р. Х.

От Клавдія:

Октавія — † 63 по Р. Х.

Британникъ — † 56 по Р. Х.

КЕРЧЬ И ТАМАНЬ

ВЪ ІЮЛѢ МѢСЯЦѢ 1852 ГОДА.

I.

МѢСТОПОЛОЖЕНІЕ КЕРЧИ. КЕРЧЕНСКАЯ ПЛОЩАДЬ. ДРЕВНЯЯ ГРЕЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ ВЪ КЕРЧИ. КЕРЧЕНСКІЙ МУЗЕУМЪ. КУРГАНЫ. ГРОБНИЦА БЛИЗЬ КАРАНТИНА. ЦАРСКІЙ КУРГАНЪ. ЗОЛОТОЙ КУРГАНЪ. КУРГАНЫ БЛИЗЬ ТАТАРСКОЙ СЛОБОДКИ. КАТАКОМБЫ. ГРОБЫ. СПОСОБЫ РАЗРЫТІЯ. ПРОИЗВЕДЕННЫЯ ПРИ МНѢ РАЗРЫТІЯ. ПРОЧІЯ РАЗРЫТІЯ ЭТОГО ГОДА.

Ученымъ и любителямъ древности, живущимъ вдали отъ насъ, должно казаться страннымъ, что всѣ до сихъ поръ явившіяся описанія Керчи и Тамани составлены людьми, которые пріѣзжали въ эти страны издалека, а не тѣми, которые живутъ по близости и, при помощи еженедѣльно отходящаго парохода въ классическую страну Пантикапеи, имѣютъ всѣ средства, безъ большихъ затрудненій, прожить тамъ нѣсколько недѣль. Упрекъ этотъ въ особенности можетъ относиться къ жителямъ Одессы, которые должны бы себя считать обязанными доставлять просвѣщенной публикѣ описанія подобнаго роду и не давать пользоваться однимъ иностранцамъ тѣми средствами, которыя у насъ подъ рукою. Наше молчаніе оправдывается однакожъ обстоятельствами и не можетъ служить доказательствомъ всеобщаго равнодушія жителей юной метрополіи въ дѣлѣ древности. Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей и другіе отдѣльно изданные труды ученыхъ, живущихъ въ Одессѣ, доказываютъ противное. Недостатокъ ученыхъ путешествій по Крымскому полуострову объясняется тѣмъ, что весьма немногимъ удавалось продол-

жить поѣздку свою до Керчи. Южный берегъ Крыма для большинства имѣетъ слишкомъ много привлекательнаго; онъ поражаетъ своею прелестію, и разлука съ нимъ очень трудна. Природа и люди дѣлаютъ очаровательнымъ прибываніе въ этомъ земномъ раю. Очарованіе природы, радушный пріемъ переселившихся туда друзей и знакомыхъ легко могутъ васъ заставить забыть дальнѣйшее путешествіе, и въ особенности для жителя степей грустна мысль, что онъ надолго будетъ лишенъ наслажденія видѣть эти горы и долины лѣса и сады во всемъ ихъ великолѣніи. Поневолѣ не ѣдешь далѣе; часы досуга незамѣтно проходятъ въ наслажденіи чудною природою и въ обществѣ любимыхъ людей, а между тѣмъ дѣла и обязанности зовутъ путешественника снова въ тотъ кругъ, изъ котораго онъ вырвался лишь на нѣсколько недѣль. Я испыталъ на самомъ себѣ и видѣлъ на другихъ, какую силу очарованія имѣетъ Крымъ на степныхъ жителей. И я и другіе, передъ выѣздомъ изъ Одессы, составляли самые подробные планы путешествія по Крыму; а по пріѣздѣ въ Ялту, все забывалось, и путешествіе ограничивалось поѣздками въ сосѣднія мѣста южнаго берега.

Въ этотъ разъ, чтобы избѣгнуть обаятельнаго вліянія Ялты, я отправился сухимъ путемъ изъ Севастополя чрезъ Симферополь и Карасубазаръ въ Ѳеодосію, гдѣ вечеромъ засталъ еще пароходъ. На другой день утромъ я проснулся на керченской рейдѣ, въ виду красиваго приморскаго городка, который на двѣ недѣли долженъ былъ сдѣлаться моимъ мѣстопребываніемъ.

Кто хочетъ себѣ составить наглядное понятіе о мѣстоположеніи Керчи, долженъ вообразить себѣ Керченскій заливъ въ видѣ опрокинутой лошадиной подковы въ направленіи къ сѣверозападу; на мѣстахъ шиповъ находятся два мыса, возвышающіеся надъ всѣмъ проливомъ. Южный мысъ называется Акъ-бурунъ; восточный, кажется, не имѣетъ особеннаго названія, но онъ можетъ быть названъ Карантиннымъ по расположеннымъ не вдалекѣ отъ него зданіямъ карантина. Въ срединѣ этого подковообразнаго залива, нѣсколько болѣе въ сторону къ мысу Акъ-бурунъ, возвышается Мидридатова гора, крутымъ обрывомъ спускаясь къ морю, а хребтомъ уходя въ материкъ. Холмы поодаль одинъ отъ другаго, въ прямой линіи, обозначаютъ продолженіе горы. Камни, покрывающіе вершины этихъ возвышеній, свидѣтельствуютъ объ ихъ волканическомъ происхожденіи. Плоская возвышенность, которая опоясываетъ всю керченскую бухту, покрыта полукругомъ безчисленныхъ кургановъ по направленію отъ мыса Акъ-бурунъ къ Каран-

тинному. Курганы эти уходятъ въ материкъ подобно горѣ Митридата, хребетъ которой раздѣляетъ ихъ на двѣ большія группы. Изъ этихъ двухъ группъ, въ южной кургановъ гораздо менѣе, нежели въ сѣверной. Центръ послѣдней лежитъ выше татарской слободки, но эти курганы не спускаются въ долину, гдѣ находится слободка и не давно разведены сады. То же самое можно сказать и про вторую группу; всѣ курганы идутъ вверхъ по обѣимъ сторонамъ хребта Митридатовой горы. Поэтому я полагаю, что древняя Пантикапея была расположена въ долинѣ по обѣимъ сторонамъ горы, по скатамъ къ морю и по морскому берегу. Несомнѣнность моего предположенія доказывается найденными тамъ надписями и остатками древностей; между тѣмъ какъ теперешняя Керчь, за исключеніемъ ряда зданій по южной сторонѣ Митридатовой горы, расположена большею частію на сѣверномъ берегу залива, тянется вдоль подошвы Матридата и частію возвышается терассами по сѣверному склону горы.

Передъ красивымъ рядомъ домовъ, расположенныхъ по берегу моря, лежитъ большая площадь, которая бываетъ очень оживлена въ торговые дни, особенно по утрамъ. Дикіе звуки языка Татаръ, собирающихся изъ сосѣднихъ мѣстъ, странная смѣсь европейскихъ и азіятскихъ одеждъ съ русскими мундирами и нарядами Черкесовъ, все это до такой степени поражаетъ пріѣзжаго, что онъ на нѣкоторое время забываетъ прошедшее для настоящаго и разсѣянно разсматриваетъ все его окружающее.

Но новость зрѣлища не надолго займетъ путешественника; взорамъ его, разбѣгающимся по сторонамъ, представится небольшая греческая церковь, которая, какъ древнѣйшая на Крымскомъ полуостровѣ, непремѣнно привлечетъ на себя его вниманіе. Наружность церкви не величественна, также какъ и ея внутренность. Незначительный объемъ ея, слабое освѣщеніе, отсутствіе первоначальнаго плана при постройкѣ, смѣсь всѣхъ возможныхъ архитектуръ въ одномъ и томъ же зданіи, все это доказываетъ глубокую древность этой церкви, существующей, можетъ-быть, болѣе тысячелѣтія. Дюбуа (Voyage autour du Caucase V. 114) говоритъ, что онъ видѣлъ надпись, въ которой сказано, что церковь построена въ 757 году по Р. Х. Надпись, по словамъ его, находилась на одной изъ мраморныхъ колоннъ церкви, но я этой надписи не видалъ. Изъ этого не слѣдуетъ однакоже, чтобы извѣстіе Дюбуа было ложно. Можетъ-быть, надпись находилась именно на одной изъ тѣхъ колоннъ, нижняя часть которыхъ въ настоящее время задѣлана деревянною

пристройкою для клироса. Пристройка эта закрываетъ часть колоннъ и именно ту часть, гдѣ дѣйствительно могла быть надпись. Нѣсколько буквъ, выше пристройки, свидѣтельствуютъ о ея существованіи, но ничего не объясняютъ. Пристройку можно было бы снять, хотя и съ большимъ трудомъ, но я, какъ путешественникъ, не имѣлъ на это никакого права, безъ особеннаго разрѣшенія. Священникъ, котораго я спрашивалъ о надписи, не могъ мнѣ сообщить нужныхъ свѣдѣній. Итакъ я полагаюсь на слова Дюбуа и прошу читателей снисходительно принять отъ меня то изслѣдованіе о существованіи надписи, которое я могъ сдѣлать сообразно обстоятельствамъ.

Возвратимся опять на площадь, гдѣ насъ недавно поразило движеніе пестрой толпы. Во время нашего посѣщенія древней греческой церкви, бо́льшая часть народа разошлась. Площадь опустѣла. Невольно мы направляемъ шаги къ Митридатовой горѣ, на вершину которой ведетъ нѣсколькими уступами каменная лѣстница. Она же ведетъ и къ керченскому музеуму. Посѣщеніе послѣдняго любопытно для каждаго путешественника, хотя есть опасность подвергнуться простудѣ при всходѣ на лѣстницу. Подъ палящимъ солнцемъ, отъ котораго нѣтъ защиты, вы, подстрекаемые любопытствомъ, часто оставляете лѣстницу и пробираетесь по боковымъ дорожкамъ, чтобы скорѣе достигнуть цѣли. Наконецъ вы на вершинѣ. Съ нетерпѣніемъ входите вы подъ портикъ, гдѣ стоитъ сторожъ-солдатъ. Вы торопитесь къ двери, которая ведетъ во внутренность святилища, съ нетерпѣніемъ беретесь за ручку замка, — но дверь не отворяется, потому что она заперта, а ключъ у господина директора, который живетъ въ городѣ. Впрочемъ эта неудача не должна привести васъ въ дурное расположеніе духа. Въ замѣнъ вы можете прохладиться на свѣжемъ воздухѣ, полюбоваться прекраснымъ видомъ на городъ и море, осмотрѣть наружность музеума со всѣхъ сторонъ, прогуляться въ тѣни насаженныхъ тамъ деревьевъ, и наконецъ вы возвратитесь въ городъ въ сообществѣ тѣхъ, которые подобно вамъ, не знали, что высоко надъ городомъ простой ключъ отъ двери играетъ такую важную роль.

Если бы музеумъ былъ въ самомъ городѣ, тогда запертая дверь не имѣла бы никакой важности. Его можно было бы посѣтить въ другой разъ въ теченіе дня, что̀, при теперешнемъ положеніи музеума, гораздо затруднительнѣе. Желательно для всякаго любителя древностей, чтобы музеумъ былъ въ городѣ. Безъ потери времени, безъ затрудненій, вы могли бы посѣщать его ежедневно и во вся-

кое время; подробный обзоръ и изученіе древностей музеума не могли бы остаться безъ важныхъ послѣдствій для каждаго.

Но сколько затруднителенъ доступъ къ музеуму, столько величественно положеніе его. Красуясь на вершинѣ Митридатовой горы, этотъ дорическій храмъ представляетъ снизу, и именно съ моря, такой же живописный видъ, какъ и стоящая на самой вершинѣ каменная часовня, которая какъ бы сторожитъ гору и всю окрестную страну, и въ которой покоится прахъ Стемковскаго, человѣка, оказавшаго столько услугъ древностямъ Керчи. За этою часовней находится старинное, теперь упраздненное кладбище. Что въ древности это мѣсто не имѣло подобнаго назначенія, доказываютъ колодцы, найденные К. Р. Бѣгичевымъ, теперешнимъ директоромъ музеума, на вершинѣ Митридатовой горы, изъ коихъ въ иныхъ есть еще вода. Нѣкоторыя части Пантекапеи лежали, безъ сомнѣнія, не далеко отъ этихъ колодцевъ, и потому не удивительно, что на скатѣ горы часто находятъ слѣды древняго поселенія. Чтобы съ самаго начала не испытывать терпѣнія читателя, я не буду входить въ слишкомъ большія подробности, а упомяну лучше о недавно сдѣланной нумизматической находкѣ, которая, можетъ быть, прольетъ нѣкоторый свѣтъ на темное лѣтосчисленіе при послѣднихъ боспорскихъ царяхъ. Я говорю о горшкѣ съ нѣсколькими стами мѣдныхъ монетъ, найденномъ весною этого года на Митридатовой горѣ. Монеты относятся къ царствованію Ѳоѳорсеса, Радамсадеса и Рескупориса. У первыхъ на лицевой сторонѣ грудное изображеніе и имя Ѳоѳорсеса, а на оборотѣ голова римскаго императора и внизу или съ боковъ числа: **AϘΦ** (591), **BϘΦ** (592), **ΓϘΦ** (593), **ΔϘΦ** (594), **ЄϘΦ** (595), **ϚϘΦ** (596), **ZϘΦ** (597), **HϘΦ** (598).

На монетахъ Радамсадеса на липевой сторонѣ грудное изображеніе и имя его, а на оборотѣ голова римскаго императора и внизу, или съ боковъ, числа: **IX** (610), **AIX** (611), **ΓIX** (613), **ЄIX** (615), **ϚIX** (616), **ZIX** (617), **HIX** (618), и **ΘIX** (619).

На монетахъ Рескупориса на лицевой сторонѣ тоже грудное изображеніе и имя этого царя, а на оборотѣ голова римскаго императора и внизу или съ боковъ, числа: **KX** (620), **AKX** (621), **BKX** (622), **ΓKX** (623), **ΔKX** (624) и **ЄKX** (625).

Каждое изъ этихъ чиселъ было на многихъ экземплярахъ находки; что̀ же касается до чиселъ **BIX** (612) и **ΔIX** (614), временъ царствованія Радамсадеса, то, при всемъ огромномъ количествѣ этихъ мѣдныхъ монетъ, которыхъ цѣлый мѣшокъ, этихъ чиселъ не было ни на одномъ экземплярѣ.

Керченскій музеумъ выстроенъ на подобіе храма Ѳесея въ Аѳинахъ, украшенъ шестью дорическими колоннами по фасаду и имѣетъ по девяти съ боковъ. По своему величественному положенію онъ привлекаетъ къ себѣ взоры преимущественно предъ всѣми зданіями и конечно прежде всего посѣщается каждымъ путешественникомъ, а по числу собранныхъ въ немъ древностей онъ даетъ самое скорое и вѣрное понятіе о жизни древней Пантикапеи. Но цѣли посѣщенія я достигнулъ только въ половину, потому что при обозрѣніи разнообразныхъ предметовъ не могъ ни отъ кого узнать ни мѣста, ни образа находки и прочихъ подробностей. Знать это необходимо для составленія себѣ настоящаго понятія обо всемъ томъ, что относится къ жизни древнихъ обитателей этихъ мѣстъ. При сличеніи, по видимому, маловажныхъ данныхъ, при сравненіи подобныхъ, но въ разныхъ мѣстахъ найденныхъ предметовъ, при специяльномъ описаніи каждой находки и при точномъ опредѣленіи мѣста оной, мнѣ кажется, можно получить удивительные результаты. Поэтому мы должны упомянуть съ благодарностію, что теперь ведется точный журналъ всѣмъ открытіямъ, что на каждой найденной вещи, подъ нумеромъ кратко описанной въ журналѣ, наклеенъ соотвѣтствующій нумеръ, что съ древностей, назначенныхъ для отправленія въ Петербургъ, снимаются точныя копіи для храненія въ музеумѣ, что журналъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ отсылается для обнародованія въ Одесское Общество Исторіи и Древностей, и наконецъ, что приготовляется большая специяльная карта, гдѣ будетъ означенъ цифрами или буквами каждый курганъ отдѣльно. Такая заботливость о древностяхъ обѣщаетъ наукѣ самые богатые плоды и пробуждаетъ въ насъ чувство истинной благодарности къ Великому нашему Монарху, который ввѣрилъ высшій надзоръ надъ всѣми разрытіями въ Россіи лицу, которое, при специяльныхъ познаніяхъ и при рѣдкомъ рвеніи къ дѣлу, умѣло дать новую жизнь изслѣдованію древности, по всѣмъ ея отраслямъ.

Часть керченскихъ древностей находится внѣ музеума и расположена подъ колоннами у внѣшнихъ стѣнъ зданія. Мы начнемъ съ нихъ. Кромѣ нѣсколькихъ кусковъ мрамора отъ древняго фриза, нѣсколькихъ капителей и разбитыхъ колоннъ безъ надписей, ихъ составляютъ преимущественно надгробные памятники изъ тамошняго камня, съ грубыми барельефами. На многихъ изъ нихъ прежде существовали надписи, изглаженныя уже временемъ, которыхъ нельзя теперь разобрать. Эти надписи, кажется, состояли просто изъ именъ умершихъ, съ прибавленіемъ: **ΧΑΙΡΕ** или **ΧΑΙΡΕΤΕ**.

Изъ камней, лучше обдѣланныхъ и лучше сохранившихся, упомяну о слѣдующихъ: 1. Сидящая женская фигура, вправо, съ стоящимъ подлѣ нея ребенкомъ съ урной въ рукахъ. Подъ обѣими трехстрочная надпись, изъ которой можно только прочесть последнее слово: **ΧΑΙΡΕ**; 2. Конная мужская фигура, у которой на плечахъ виситъ колчанъ, и за нею — другая конная фигура; 3. Мущина и женщина en face, стоящіе подъ крышеобразнымъ украшеніемъ, держа другъ друга за руку; 4. Сидящая женщина, вправо, предъ которой стоитъ мущина съ продолговатымъ щитомъ въ лѣвой рукѣ и съ копьемъ въ правой; 5. Женщина подъ покрываломъ, en face, около которой съ каждой стороны стоитъ по дитяти; 6. Нѣсколько украшенныхъ арабесками надгробныхъ камней, которые, кажется, стояли надъ могилою въ прямомъ положеніи; всѣ безъ надписей, только на одномъ изъ нихъ: **ΜΗΤΡΟΔΩΡΟΣ**; 7. Надгробный камень обломанный съ обѣихъ сторонъ, на которомъ два компартимента по серединѣ раздѣляются надписью:

ΛΑΟΔΙΚΗΓΥΝΗ	*Λαοδίκη, γυνή*
ΘΕΟΦΙΛΟΥΧΑΙΡΕ	*Θεοφίλου, χαῖρε.*

На верхнемъ компартиментѣ сидитъ на сѣдалищѣ съ ручками изъ сфинксовъ богато одѣтый мущина; на лѣвой сторонѣ стоитъ жена его, а на правой женская фигура съ урною; на нижнемъ компартиментѣ двое мущинъ верхомъ одинъ за другимъ; отъ нихъ сохранились только верхнія части: у перваго за плечами еще виденъ колчанъ. Работа въ горельефѣ лучше нежели на другихъ камняхъ; размѣры во всѣхъ фигурахъ правильнѣе, лица выразительные и, словомъ сказать, все сдѣлано съ нѣкоторымъ вкусомъ и искусствомъ. 8. Сюда относятся также два льва, лежащіе при входѣ въ музеумъ, и 9. Памятникъ, болѣе двухъ аршинъ въ вышину и болѣе аршина въ ширину, который образуетъ прямоугольникъ и, кажется, служилъ базисомъ для статуи и былъ найденъ г. Бѣгичевымъ около таманской пристани. На одной сторонѣ этого памятника находится двѣнадцатистрочная греческая надпись, которая, какъ я полагаю, еще неизвѣстна, и потому я снялъ съ нея точную копію. Изъ буквъ, не вездѣ въ цѣлости сохранившихся, и недостающихъ въ началѣ и въ концѣ каждой строки, я прочелъ слѣдующее:

1.	**ΑΓΑΘΗΙΤΥΧΗΙ**	*Ἀγαθῇ τύχῃ*
2.	**ΕΚΠΡΟΓΟΝΟΝΒΑΣ**	*(Τὸν) ἐκ προγόνων βασ(ι)–*
3.	**ΝΒΑϹΙΛΕΑΜΕΓΑΝ**	*(λέω)ν βασιλέα μέγαν (Τι)–*
4.	**ΕΡΙΟΝΙΟΥΛΙΟΝΡΗΣ**	*(β)ερίον Ἰούλιον Ρησ(κού)–*

5.	ΡΙΝΦΙΛΟΚΑΙΣΑΡΑΚ	(πο)ριν φιλοκαίσαρα κ(αὶ)
6.	ϽΡΟΜΑΙΟΝΕΥΣΕΒ	(φιλο)ρώμαιον, εὐσεβ(ῆ),
7.	\ΙΟΣΤΕΛΕΣΕΙΝ	Ἰούλ)ιος Τελεσεῖν(ος)
8.	ΚΛΕΟΠΙΣΤΟΥΠΟΝ	Κλεοπίστου, ...
9.	ΑΙΝΕΩΚΟΡΟΥΤΟΝ	(κ)αὶ νεωκόρου, τὸν
10.	ΑΥΤΟΥΕΥΕΡΓΕΤΗΝ	(ἑ)αυτοῦ εὐεργέτην
11.	ΕΝ ΤΩ ΖΜΦΕΤΕΙ	ἐν τῷ ΖΜΦ ἔτει
12.	Ν ΠΩΡ Ι ΑΙΩΝ	

Хотя здѣсь не мѣсто пополнять и объяснять съ филологическою точностію надпись эту, во многихъ мѣстахъ не полную и въ последней строкѣ изгладившуюся, но моимъ читателямъ показалось бы страннымъ, еслибы я здѣсь не сказалъ ничего о содержаніи ея и не намекнулъ бы на важнѣйшее. Изъ реставрированныхъ мною почти вполнѣ одиннадцати первыхъ строкъ явствуетъ, что «нѣкто Юлій Телесиносъ, сынъ неокора Клеописта, изъ благодарности къ своему благодѣтелю, отъ царскихъ предковъ происходившему, благочестивому великому царю Тиберію Юлію Рескупорису, другу императора и народа римскаго, на этомъ пьедесталѣ стоящую статую воздвигъ въ 547 году». Годъ, означенный по боспорской эрѣ, соотвѣтствуетъ 250-му нашего лѣтосчисленія, когда царствовалъ въ Боспорѣ Рескупорисъ VI (по другимъ V, носящій здѣсь, какъ и нѣкоторые изъ его предшественниковъ, прозваніе Тиберія Юлія. Означеніе года, которое часто встрѣчается на монетахъ, какъ мнѣ кажется, на камнѣ монумента является здѣсь въ первый разъ.

Можетъ-быть мы уже слишкомъ занялись древностями, находящимися внѣ музеума, но я считалъ обязанностью не умалчивать о нихъ потому, что въ извѣстныхъ мнѣ описаніяхъ древностей Керчи о нихъ или не говорится ничего, или слишкомъ кратко. За то гораздо кратче будетъ описаніе древностей, находящихся внутри музеума, о нихъ много уже было говорено другими полнѣе настоящаго, отчасти потому, что керченскій музеумъ обладалъ тогда еще многими древностями, которыя отправлены въ Императорскую коллекцію въ Петербургъ, отчасти потому, что собранныя тогда другими свѣдѣнія были, вѣроятно, точнѣе тѣхъ, которыя я могъ получить. Я ничего не узналъ ни о мѣстѣ, ни о времени находокъ, ни о подробностяхъ, сопровождавшихъ каждую изъ нихъ, и потому мнѣ неизвѣстно, откуда каждая находка, и что̀ было найдено вмѣстѣ, и что̀ отдѣльно; словомъ, у меня не было руководства, и я остался только при такомъ убѣжденіи, что въ окрестностяхъ Керчи найдено много древностей, и что онѣ сохраняются въ музеумѣ. Само собою

разумѣется, что это не удовлетворяетъ любознательнаго изслѣдователя. Я надѣялся, что, познакомившись съ мѣстностью Керчи, получу самыя подробныя свѣдѣнія о главнѣйшихъ находкахъ, и что такимъ образомъ посѣщеніе мое керченскаго музеума не останется безъ послѣдствій, для меня особенно важныхъ. Хотя я и не достигнулъ вполнѣ этой цѣли, однакожь разсматривалъ музеумъ съ внутреннимъ удовольствіемъ и пріятною надеждою, что при основательномъ планѣ новѣйшихъ раскоповъ и при точномъ описаніи найденныхъ вещей необходимыя свѣдѣнія будутъ легко доступны для каждаго изслѣдователя. Наука навѣрно много выиграетъ при этой системѣ, потому что она получитъ матеріялы, отъ которыхъ можно ожидать вполнѣ удовлетворительныхъ результатовъ.

Внутренность музеума состоитъ изъ большой залы, которая освѣщается черезъ стеклянпую крышу. По стѣнамъ стоятъ шкафы за стекломъ и передъ ними столики, тоже за стекломъ; въ первыхъ сохраняются древности большаго размѣра, въ послѣднихъ — меньшаго. Между первыми особенно привлекаютъ вниманіе расписанныя греческія вазы. Числомъ и достоинствомъ онѣ не слишкомъ замѣчательны, потому что лучшія и важнѣйшія изъ нихъ отправлены въ Петербургъ, даже нѣсколько изъ описанныхъ г. Ашикомъ въ сочиненіи: Боспорское царство. За то весьма много простыхъ сосудовъ, которые попадаются во всѣхъ возможныхъ видахъ и наполняютъ цѣлыхъ два шкафа; не менѣе многочисленны находящіеся въ третьемъ шкафу алебастровые и глиняные унгвентаріи, слезницы и другія стеклянныя вещи; много также въ одномъ изъ шкафовъ разной утвари; тутъ есть бронзовыя зеркала, мѣдные сосуды для жертвоприношеній, разной величины стригили, ножи, щипцы и много другихъ мелочей. Въ столикахъ болѣе всего боспорскихъ монетъ, но между ними нѣтъ рѣдкихъ, а золотыя монеты боспорскихъ царей, по большей части, какъ мнѣ кажется, фальшивыя; другой столикъ занятъ хорошо сохранившимися деревянными ящиками и полнымъ баннымъ приборомъ, съ губкою, щеткою и деревяннымъ гребешкомъ. Посреди залы находятся два постава подъ стеклянными колпаками, гдѣ лежатъ золотыя драгоцѣнныя вещи, какъ-то: кольца, частію гладкія, частію украшенныя рѣзными камнями, браслеты и ожерелья, золотые листы, застежки и другія украшенія. На стѣнѣ, выше шкафовъ, размѣщены вдѣланные въ стѣну надгробные камни съ барельефами и надписями. Они высѣчены изъ туземнаго камня, и по виду и работѣ не много отличаются отъ тѣхъ, о которыхъ мы говорили подробнѣе при описаніи

камней, находящихся подъ колоннами музеума. Камни эти, по большей части, описаны г. Ашикомъ въ вышеупомянутомъ его сочиненіи; находящіяся на нихъ надписи заключаютъ въ себѣ только имена, отчества и простое **ΧΑΙΡΕ** или **ΧΑΙΡΕΤΕ**. Здѣсь возникаетъ вопросъ, кто изображенъ на этихъ надгробныхъ камняхъ, умершіе или оставшіеся въ живыхъ? Во многихъ случаяхъ нельзя рѣшить этого вопроса положительно, но по нѣкоторымъ находящимся въ музеумѣ надгробнымъ камнямъ несомнѣнно, что фигуры преимущественно изображаютъ умершихъ, или отдѣльно, или вмѣстѣ съ оставшимися въ живыхъ. Напримѣръ находится слѣдующая надпись подъ изображеніемъ сидящей женщины, у которой по бокамъ стоитъ по ребенку и всадникъ, съ колчаномъ за плечами:

ΚΑΛΛΙΣΤΡΑΤΙΑ	*Καλλιστρατία*
ΓΥΝΗ ΠΑΠΟΥ	*γυνὴ Πάπου*
ΧΑΙΡΕ	*χαῖρε*

Не есть ли сидящая женщина покойница, всадникъ — ея мужъ, а два ребенка — оставшіеся послѣ матери — сироты? Напротивъ того читаемъ подъ двумя мужскими фигурами, которыя, стоя, другъ другу подаютъ руку:

ΒΑΚΧΙΕΒΑΓΕΟΣ	*Βάκχιε Βάγεως*
ΚΑΙ ΥΙΕΒΑΚΧΙΕ	*καὶ υἱὲ Βάκχιε*
ΧΑΙΡΕΤΕ	*χαίρετε.*

и можемъ заключить, что оба умершіе, отецъ и сынъ, изображены безъ всякаго намека на живыхъ.

Мнѣ показалось страннымъ, отчего въ керченскомъ музеумѣ такъ мало находится ручекъ отъ глиняныхъ сосудовъ съ надписями. Происходитъ ли это отъ того, что ихъ мало попадалось при разрытіи, или что ими пренебрегали, считая ихъ неважными? Послѣднее мнѣ кажется вѣроятнѣе, потому что въ Ольбіи и въ другихъ мѣстахъ онѣ встрѣчаются во множествѣ. Почему же ихъ нѣтъ въ Керчи? На одной изъ этихъ ручекъ я прочелъ:

	ΓΛΑΥΚΙΑ	*Γλαυκία(ς)*
	ΑΣΤΥΝΟΜΟΥΤΟ	*Ἀστυνόμου, τοῦ*
	ΠΑΣΙΧΑΡΟΥ	*Πασιχάρου,*
на другой:	ΘΑΣΙΩΝ	*Θασίων*
	ΣΟΝΝΑΣ	*Σόννας.*

на третьей надъ кадуцеемъ Гермеса: **ΙΜΑ**.

на четвертой между кормой корабля:

ΘΑΣΙΩΝ *Θασίων*

ΔΙΑΓΟΡΑΣ *Διαγόρας.*

Между нѣсколькими кирпичами, которые служили для покрытія могилъ, и изъ которыхъ каждый величиною почти въ два квадратные фута, толщиною въ палецъ и съ каймою въ дюймъ, я могъ только прочесть на одномъ буквы:

ΣΙΛΙΚΗ.

На другихъ или не было буквъ, или онѣ были такъ стерты, что при всемъ моемъ стараніи я не могъ ничего разобрать.

Несмотря на недостатокъ свѣдѣній о мѣстѣ открытія керченскихъ древностей, всѣмъ однакоже извѣстно, что древности музеума, по большой части, найдены въ древнихъ могилахъ вблизи города, и потому эти могилы должны прежде всего обратить на себя наше вниманіе. Приступимъ къ описанію тѣхъ, которыя въ Керчи всѣмъ извѣстны и прежде другихъ посѣщаются путешественниками. Найденныя въ нихъ сокровища не находятся уже теперь въ Керчи. Въ настоящее время они занимаютъ почетное мѣсто въ богатомъ собраніи Императорскаго Эрмитажа. Это есть ихъ достойное хранилище, а не музеумъ маленькаго города, гдѣ немногіе могутъ ихъ видѣть и оцѣнить. Поэтому я не въ состояніи описать эти драгоцѣнныя вещи и, ссылаясь на книги гг. Дюбуа и Ашика, только познакомлю читателей съ мѣстностью и съ постройками, гдѣ найдены эти древности.

Мы начнемъ наше обозрѣніе съ восточной оконечности Керченскаго залива, близь которой выстроенъ теперешній карантинъ. Онъ соединяется съ городомъ посредствомъ шоссе въ четыре версты длиною и занимаетъ значительное пространство. Въ сообществѣ услужливаго карантиннаго чиновника мы прошли черезъ нѣсколько обширныхъ дворовъ, засаженныхъ деревьями и окруженныхъ зданіями, въ которыхъ живутъ карантинные чиновники, находятся пакгаузы, окурная, комнаты для путешественниковъ, выдерживающихъ карантинъ, и достигли наконецъ до карантинной башни, высоко стоящей надъ моремъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этой башни, въ направленіи къ Еникале, лежитъ могила, о которой говоритъ Дюбуа (кн. V. стр. 232), и которая хотя уже давно была открыта, и вещи изъ нея вынуты, но въ его время въ ней еще стоялъ мраморный саркофагъ съ красивыми рельефами и съ искусно-сдѣланною крышкою. Подробное описаніе Дюбуа и приложенные къ его сочиненію рисунки возбуждаютъ любопытство осмотрѣть самому

это произведеніе древняго искусства. Но я не нашелъ его ни въ музеумѣ, ни въ Керчи и, вѣроятно этотъ великолѣпный саркофагъ изъ паросскаго мрамора присоединенъ къ петербургской коллекціи. Обтесанные камни, которые лежатъ въ нѣсколько слоевъ на землѣ, прежде считались, по мнѣнію нѣкоторыхъ, остатками древняго храма. Но это предположеніе оказалось ложнымъ, съ того времени, какъ случайно узнали, что подъ камнями и по сторонамъ находится пустота. При дальнѣйшемъ разрытіи дошли до двухъ подземныхъ комнатъ, гдѣ оказались слѣды древнѣйшаго разрытія. Въ одной изъ этихъ комнатъ найденъ описанный Дюбуа саркофагъ, который уже не былъ въ цѣлости. Обѣ комнаты, неправильной фигуры, вырублены въ скалѣ и материкѣ. Простота въ отдѣлкѣ гробницы, кажется, должна насъ привести къ заключенію, что саркофагъ, несмотря на свои наружныя украшенія и мастерскую отдѣлку, заключалъ въ себѣ прахъ богатаго частнаго человѣка. Одна изъ комнатъ служила въ новѣйшее время мѣстомъ для пороховаго магазина. Ходъ въ нее и лежащую за нею комнату идетъ чрезъ новую пристройку по лѣстницѣ. Я не рѣшаюсь утверждать, вмѣстѣ съ г. Дюбуа, что эта могила принадлежала городу Мирмекіону. Въ другое время мнѣ представится случай говорить объ этомъ подробнѣе. Теперь только упомяну, что нѣсколько времени тому назадъ, при постройкѣ новой куриной, найдено въ землѣ много обломковъ и нѣсколько монетъ.

Отправимся теперь къ такъ-называемому Царскому кургану, котораго прежнія драгоцѣнности наглядно представилъ намъ Дюбуа (V. 194 — 227) въ описаніи и рисункахъ главнѣйшихъ предметовъ. Мы въ особенности должны быть ему благодарны, потому что ни одной изъ этихъ драгоцѣнностей теперь нѣтъ въ Керчи, и мы принуждены были ограничиться посѣщеніемъ мѣста находки. Царскій курганъ лежитъ отъ карантина почти въ верстѣ къ сѣверу и не отличается ни величиною, ни высотою отъ прочихъ, кругомъ лежащихъ кургановъ, а потому тѣмъ удивительнѣе, что въ немъ сохранялись остатки царской гробницы. Дорога ко входу идетъ по ровному мѣсту между лежащими въ нѣсколько слоевъ обтесанными камнями. Самый входъ находится между двухъ стѣнъ, вышиною почти въ сажень, сложенныхъ изъ тесанныхъ камней, съ выпуклостями посрединѣ. На этихъ двухъ вертикальныхъ, параллельно между собою построенныхъ стѣнахъ, лежатъ гладко обтесанные камни въ два или три аршина въ длину и въ одинъ футъ въ вышину. Всѣ камни лежатъ по обѣ стороны одинъ на другомъ, уступами въ два вершка. Та-

кимъ образомъ выходитъ нѣчто въ родѣ крыши безъ свода, и вся постройка, съуживаясь на нѣсколько саженей въ вышину, покрыта горизонтально лежащими камнями. Упомянутымъ ходомъ, длиною въ тридцать шаговъ, и отъ четырехъ до пяти сажень въ вышину, мы достигаемъ до четыреугольной комнаты, вышиною въ двѣ сажени. Надъ комнатою расположены, въ видѣ круга, камни, толщиною въ одинъ футъ, которые, постепенно сближаясь, идутъ къ верху двѣнадцатью слоями и составляютъ такимъ образомъ сводъ, прикрытый однимъ камнемъ. Оригинальность и великолѣпіе этой постройки поразительны, и хотя въ ней нѣтъ уже остатковъ царскаго гроба, однако всякій будетъ смотрѣть съ удивленіемъ на массу камней, которые, держась собственною своею тяжестію, устояли въ продолженіе тысячелѣтій. Желательно, чтобы эта постройка противилась еще долго разрушительному вліянію времени, дабы и слѣдующее поколѣніе могло удивляться колоссальному зданію давно прошедшихъ временъ.

Между всѣми курганами первое мѣсто по величинѣ и высотѣ занимаетъ такъ называемый Золотой курганъ. Онъ получилъ это названіе отъ существующаго преданія, что въ немъ находились несмѣтныя сокровища. Войдти въ него пытались многіе, но тщетно, потому что огромные куски камня, лежащіе по всей вершинѣ кургана, чрезвычайно затрудняли раскапываніе. Также затруднительно и безполезно было раскапываніе снизу, потому что курганъ, имѣя въ діаметрѣ нѣсколько сотъ футовъ, занимаетъ большую площадь, и нельзя было угадать съ какой стороны начать, чтобы достигнуть желаемой цѣли. Такимъ образомъ всѣ мечтали о сокровищахъ Золотаго кургана, но никто ихъ не видѣлъ, никто не владѣлъ ими; однакожь, не смотря на все это, не теряли надежды на открытіе драгоцѣнностей. Безпрестанныя, въ разныхъ направленіяхъ предпринятыя раскопки, привели наконецъ, въ 1832 году, къ открытію, съ юговосточной стороны, входа, черезъ который послѣ многихъ затрудненій достигли до самой средины кургана. Можно себѣ представить ожиданія, съ какими вошли въ круглое зданіе, верхняя часть котораго возвышалась египетскимъ сводомъ, подобнымъ тому, о которымъ мы упоминали подробно при описаніи Царскаго кургана, и какъ грустно были обмануты ожиданія всѣхъ, когда въ этой комнатѣ, въ которую проникли съ такимъ трудомъ, ничего не оказалось! Всѣ послѣдующія розысканія были также тщетны, и до сихъ поръ неизвѣстно, что̀ могло заключаться въ этой колоссальной подземной постройкѣ, и для чего наружныя стороны ея защищены

такъ тщательно. Этотъ въ народныхъ преданіяхъ прославленный курганъ не оправдываетъ своего названія, но, несмотря на то, каждый посѣщаетъ его, чтобы подивиться гигантской постройкѣ, загадочной и единственной въ своемъ родѣ. Золотой курганъ, находящійся въ цѣпи холмовъ Митридатовой горы, которые идутъ отъ моря въ материкъ, отстоитъ отъ берега верстъ на пять или на шесть и расположенъ надъ садами гг. Скаси и Гущина; у подошвы его лежитъ дорога въ Θеодосію. До сихъ поръ только ползкомъ можно было пробираться ко входу во внутренность строенія, изъ котораго васъ обдаетъ ледянымъ холодомъ; а потому думали въ этомъ году очистить путь, открытый въ 1832 году и заваленный камнями и землею, и такимъ образомъ доставить удобный доступъ любителямъ древности къ этому удивительному зданію. При первомъ моемъ посѣщеніи Золотаго кургана этою работою занимались 8-мь арестантовъ, и я надѣялся, что она будетъ окончена во время моего пребыванія въ Керчи. Но это не исполнилось; скоро оказалось, что такое предпріятіе не только могло повредить древней постройкѣ, но и подвергало опасности жизнь работающихъ отъ падающихъ сверху камней. Разумѣется, планъ былъ измѣненъ, и дѣло кончилось тѣмъ, что уравняли дорогу, ведущую въ глубину, и тѣмъ, хотя немного, облегчили для посѣщающихъ входъ въ строеніе.

До сихъ поръ я знакомилъ читателей съ тѣми надгробными памятниками, которые находятся въ отдаленномъ разстояніи отъ Керчи и открыты уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Теперь займемся многочисленною группою могилъ, которыя лежатъ непосредственно вблизи отъ Керчи и всегда служили и теперь служатъ мѣстомъ находокъ. Это та самая группа, о которой мы уже замѣтили выше, и которая идетъ на сѣверъ отъ Митридатова хребта по направленію между горою и лежащею внизу Татарскою слободой. Сдѣланные здѣсь раскопы не обнаружили ничего особеннаго и не привели къ открытію никакой значительной подземной постройки, кромѣ катакомбъ, о которыхъ я сейчасъ буду говорить. Все замѣчательное и любопытное, безъ сомнѣнія, тотчасъ же было вынуто изъ нихъ, а самыя могилы были забыты. Вотъ почему чѣмъ древнѣе была раскопка, тѣмъ труднѣе сдѣлать правильное заключеніе о внутреннемъ расположеніи этихъ гробницъ. Дождь съ теченіемъ времени смылъ землю опять въ ямы и этимъ уничтожилъ слѣды отрытыхъ гробницъ. Кучи земли, еще не поросшей травою, доказываютъ, что раскопы были дѣланы по всѣмъ направленіямъ, но я не видѣлъ ни системы, ни плана въ этомъ хаосѣ. Кажется, что

при раскапыванiи больше обращали вниманiя на величину кургановъ и работали то тамъ, то сямъ. Эта непослѣдовательность при работѣ не могла способствовать ни къ познанiю мѣстности древней Пантикапеи, ни къ наукообразному изученiю найденныхъ предметовъ. Поэтому можно радоваться, что при новѣйшихъ раскопахъ слѣдуютъ уже правильной системѣ. Несмотря ни на величину, ни на наружный видъ кургановъ, ихъ разрываютъ одинъ за другимъ и нѣтъ сомнѣнiя, что при этомъ способѣ разрытiя, и при веденiи журнала о каждой раскопкѣ, достигнутъ результатовъ самыхъ удовлетворительныхъ.

Между могилами сѣверной группы заслуживаютъ подробнаго описанiя катакомбы. Это комнаты, вырубленныя въ здѣшнемъ песчанникѣ, съ неправильно-сведенными потолками; онѣ служили въ позднѣйшее время и, можетъ-быть, даже во времена христiянства, мѣстомъ погребенiя. Ихъ число, какъ меня увѣряли, свыше нѣсколькихъ сотенъ. Весьма было бы любопытно узнать съ точностiю, гдѣ именно онѣ находятся. Слѣдовало бы означить на специяльной картѣ большаго размѣра каждую катакомбу, чтобы тотчасъ можно было узнать, какiя именно мѣста въ позднѣйшее время были кладбищемъ. Тѣ, которыя я обозрѣлъ, лежатъ почти всѣ вблизи Татарской слободки и состоятъ, по большей части, изъ двухъ или трехъ комнатъ, соединенныхъ маленькими отверстiями, сквозь которыя скорѣе можно пролѣзть, нежели пройдти. Въ каждой изъ этихъ комнатъ находится по три высѣченныхъ изъ камня возвышенiя, имѣющихъ подобiе ложа. Каждое изъ этихъ возвышенiй длиною въ три аршина, полтора аршина въ ширину и едва пол-аршина въ вышину. Надъ серединою всякаго ложа вырублено въ стѣнѣ маленькое углубленiе, которое теперь хотя пусто, но вѣроятно служило мѣстомъ для сосуда, лампы или чего-нибудь подобнаго. Мертвыхъ клали на эти каменныя ложа безъ гробовъ и, по большей части, на каждомъ по одному. Но бывали исключенiя: въ одной, при мнѣ открытой, катакомбѣ лежали въ двухъ отдѣльныхъ комнатахъ на одномъ ложѣ по два скелета, между тѣмъ какъ на всѣхъ другихъ было по одному. Катакомбы, обыкновенно разсматриваемыя какъ фамильные склепы, кажется, не только принадлежатъ къ позднѣйшему времени, но и были мѣстомъ погребенiя людей бѣдныхъ. Въ противномъ случаѣ онѣ не были бы такъ просто и грубо отдѣланы. Фамильные склепы людей богатыхъ, напротивъ того, должны быть красивѣе и великолѣпнѣе, что̀ доказывается катакомбою, открытою весною этого года тоже въ сѣверной группѣ, но ближе къ городу.

Катакомба эта состоитъ изъ двухъ четвероугольныхъ комнатъ, изъ которыхъ вторая больше первой. Объ комнаты не вырублены грубо въ песчаникѣ, но сложены изъ правильныхъ камней и выштукатурены. Надъ стѣнами второй комнаты, высотою въ двѣ сажени, образуется египетскій сводъ изъ камней, лежащихъ слоями, съ уступами въ каждомъ. Штукатурка стѣнъ служила для фресковъ, которые отъ дѣйствія воздуха теперь почти совсѣмъ изгладились. На стѣнѣ противъ входа до сихъ поръ еще видны, но неясно, контуры двухъ всадниковъ, а на одной изъ боковыхъ стѣнъ нѣсколько птицъ. Квадраты изъ черныхъ линій, пересѣкающихся подъ прямыми углами, занимали, кажется, всѣ стѣны, и въ каждомъ было по птицѣ. Судя по скуднымъ остаткамъ, можно заключить, что это были простыя, но съ большимъ вкусомъ сдѣланныя украшенія. Въ обѣихъ комнатахъ вмѣстѣ нашли до сорока деревянныхъ гробовъ, которые не заключали въ себѣ ничего кромѣ праха мертвыхъ, разсыпавшагося при открытіи. Отсутствіе всякихъ древностей въ такомъ большомъ фамильномъ склепѣ могло бы показаться страннымъ, но дѣло объяснилось просто, когда убѣдились, что уже прежде проникали въ склепъ черезъ дѣйствительный входъ, между тѣмъ какъ теперь пробрались въ катакомбу черезъ сводъ.

Въ гробницахъ, о которыхъ мы будемъ говорить теперь, больше разнообразія, чѣмъ въ упомянутыхъ катакомбахъ. Склепы богатыхъ выложены правильно, между тѣмъ какъ могилы бѣдныхъ суть простыя ямы, вырубленныя въ скалѣ или вырытыя въ землѣ. Эти могилы или просто засыпались землею, или покрывались большими плитами, или надъ ними строили возвышенія изъ кирпича, въ родѣ крышъ; въ могилы послѣднихъ двухъ разрядовъ земля не попадала и, вотъ почему, при осторожномъ вскрытіи, находятъ въ нихъ только такое количество земли, сколько ея могло насыпаться сквозь щели. Во одномъ и томъ же курганѣ встрѣчается часто по нѣскольку гробовъ, въ расположеніи коихъ я не замѣтилъ ни порядка, ни симметріи. Они расположены то по одной, то по другой сторонѣ кургана и имѣютъ между собою только то общее, что въ каждомъ гробѣ находится по одному скелету. Въ каменныхъ склепахъ людей богатыхъ скелеты лежатъ въ гробахъ, которые попадаются или по одиначкѣ или по нѣскольку. Въ формѣ гробовъ много разнообразія, и еслибы мы имѣли вѣрные снимки со всѣхъ доселѣ найденныхъ, то уже одинъ видъ и обдѣлка каждаго могли бы насъ привести къ любопытнымъ выводамъ. Самые большіе и безобразнѣйшіе суть, безъ сомнѣнія, древнѣйшіе. Всѣ они имѣютъ

видъ ящиковъ и такъ просторны, что вмѣсто одного мертваго въ нихъ могли бы помѣщаться трое или четверо. Вообще они въ вышину по одному и по полтора аршина, аршинъ въ ширину и, смотря по величинѣ мертваго, два или три аршина въ длину. Они всѣ безъ крышекъ. Стороны гробовъ не съуживаются ко дну, какъ въ нашихъ, но сдѣланы подъ прямымъ угломъ и въ одинаковомъ разстояніи и уголовы и у ногъ покойниковъ. Первое исключеніе изъ этой нормальной формы гробовъ встрѣтилось между сорока помянутыми гробами, которые только въ три четверти аршина въ вышину и шире въ головахъ, чѣмъ въ ногахъ: но бока ихъ были тоже подъ прямымъ угломъ, а не наклонные. Гробы отличаются не только формою, но и матеріяломъ, изъ котораго построены: нѣкоторые сдѣланы изъ кедра, другіе изъ кипарису, а иные изъ можжевельника. Дерево часто такъ хорошо сохранилось, что гробы могли бы годиться еще и теперь. Наружная сторона досокъ, по большой части, гладкая, но попадались и такіе гробы, которые были украшены рѣзьбою. Такой гробъ найденъ былъ въ этомъ году въ Керчи во время моего пребыванія въ Тамани. Въ гробахъ находятъ часто, и особенно въ ногахъ, рѣдко по бокамъ, волошскіе лѣсные орѣхи, миндаль и каштаны. Если ихъ много въ гробѣ, то они обыкновенно собраны въ небольшой корзинѣ, въ чашкѣ, или въ глиняномъ сосудѣ. Слезницы и глиняная посуда встрѣчаются, по большей части, въ ногахъ, гораздо рѣже въ углахъ, около головы; часто у мертваго во рту монета, покрытая мѣдянкою, отъ которой окрашены и самые зубы; у другихъ монета въ рукѣ. Жаль, что такимъ образомъ найденныя монеты не хранятся отдѣльно. По нимъ, съ нѣкоторою вѣроятностію, можно бы опредѣлить древность могилы, такъ какъ должно полагать, что въ гробы клали монеты, бывшія въ обращеніи, а не древнія. Около рукъ находятся, по большей части, унгвентаріи, то изъ алебастра, то изъ глины; послѣдніе или гладкіе, или украшены, по черному грунту, арабесками или пальмовыми листами бѣлаго и краснаго цвѣта.

Прежде чѣмъ приступимъ къ обозрѣнію вещей, найденныхъ въ гробахъ въ этомъ году, до августа мѣсяца, я долженъ сказать нѣсколько словъ о новомъ способѣ разрытія. Прежде обыкновенно старались проникнуть во внутренность кургана, то дѣлая отверстія съ одной стороны, то разрывая его въ прямомъ или крестообразномъ направленіи. Теперь же стараются срѣзать по возможности весь курганъ, чтобы изслѣдовать его во всѣхъ направленіяхъ. Работа начинается сверху, гдѣ дѣлаютъ четвероугольное углубленіе

въ нѣсколько сажень. Не выходя изъ границъ верхняго квадрата, насыпь, образующую курганъ, выбрасываютъ до тѣхъ поръ, пока не достигнутъ материка. Такимъ образомъ или прямо попадаютъ на гробъ, или проникаютъ до боковаго его входа. Когда гробъ найденъ, его очищаютъ съ величайшею осторожностію; тогда кто-нибудь спускается внизъ, и по останкамъ и другимъ признакамъ, замѣтя положеніе мертваго, начинаетъ изслѣдованіе съ ногъ и мало по малу доходитъ до головы. При этомъ онъ перебираетъ прахъ и землю ножемъ, ищетъ зарытыхъ вещей и вынимаетъ найденное безъ всякаго поврежденія.

При большомъ количествѣ гробовъ, открытыхъ въ этомъ году, я боюсь выдти за предѣлы этой статьи и утомить вниманіе читателей описаніемъ всѣхъ открытій поодиначкѣ. Я ограничусь обзоромъ тѣхъ гробовъ, при открытіи которыхъ я самъ присутствовалъ; а что̀ касается до другихъ, то упомяну только о вещахъ, которыя между открытіями этого года преимущественно обращаютъ на себя вниманіе. Мѣстность, гдѣ сдѣланы эти открытія, та же сѣверная группа кургановъ, лежащихъ надъ Татарскою слободкой. Я могъ бы означить ихъ съ точностію не иначе, какъ на большой спеціальной картѣ; за недостаткомъ ея замѣчу только, что открытые при мнѣ гробы находятся не далеко отъ города, выше двухъ первыхъ мельницъ, между тѣмъ какъ другіе, здѣсь не описываемые, лежатъ дальше къ Татарской слободкѣ. О первыхъ скажемъ слѣдующее:

1. Въ могилѣ, шириною въ три четверти аршина, и въ три аршина длины, покрытой необтесаннымъ камнемъ, найдены два небольшіе глиняные сосуда грубой работы и мѣдная пряжка. Первые стояли у ногъ покойнаго, пряжка лежала по серединѣ. Отъ самаго покойнаго ничего не осталось; кости обратились въ прахъ. При всемъ томъ, судя по длинѣ гроба можно полагать, что въ немъ былъ похороненъ мужчина, бѣдность котораго доказывается какъ простотою сосудовъ, такъ и отсутствіемъ всякихъ украшеній въ могилѣ. Пряжка принадлежитъ къ истлѣвшему поясу, который вѣроятно опоясывалъ умершаго; по этому-то она и найдена по срединѣ гроба.

2. Гораздо любопытнѣе другая могила, покрытая землею, въ которой хотя не осталось никакихъ слѣдовъ покойнаго, но найдена была ваза съ двумя ушками, въ четыре вершка въ вышину; ваза эта вполнѣ заслуживаетъ вниманія. Вопервыхъ, я почитаю ее произ-

веденіемъ туземнымъ, вовторыхъ, представленный на ней сюжетъ новъ. Глина для сосуда навѣрно взята по сосѣдству, потому что она не такъ тонкозерниста, какъ та, изъ которой обыкновенно дѣлались такъ называемыя этрусскія вазы, и не имѣетъ того блеску, которымъ отличаются передъ другими греческія вазы. Отдѣлка вазы доказываетъ, что горшечное искусство въ Пантикапеѣ было не на низкой степени развитія, и еще болѣе убѣждаемся мы въ этомъ, разсмотрѣвъ рисунки на вазѣ, сдѣланные акварелью. На лицевой сторонѣ изображены два воина съ щитами, въ битвѣ съ двумя змѣями; фигура, стоящая на лѣво, уже обвита змѣею и представлена падающею; напротивъ того фигура направо, съ прекраснымъ лицомъ и украшенная фригійскою шапкою, храбро защищаетъ себя поднятымъ ножемъ противъ змѣи, находящейся между обоихъ воиновъ и стремящейся на него; видно, что онъ выйдетъ изъ борьбы побѣдителемъ. Живопись всей группы состоитъ изъ разныхъ красокъ; фригійская шапка желтая, такъ же какъ и ремни на оборотной сторонѣ щитовъ. На задней сторонѣ вазы, гдѣ все изображено только въ черномъ очеркѣ, представлены два лица въ одеждѣ и гермесовъ столпъ, подъ которымъ фаллусъ. Подъ ручками расположены арабески.

3. Переходимъ теперь къ кургану, въ которомъ найдено три могилы. Первая покрыта тремя большими плитами и надгробнымъ памятникомъ, шириною въ аршинъ, высотою въ аршинъ и два вершка и длиною въ два аршина съ половиной. Въ могилѣ найденъ скелетъ въ деревянномъ тонкомъ гробу, совершенно истлѣвшемъ. По костямъ, почти совсѣмъ обратившимся въ прахъ, никакъ нельзя было заключить, мущина или женщина похоронена въ этой могилѣ; но по величинѣ гроба можно предполагать, что это могила женщины. Такое предположеніе подтверждается вещами, найденными въ могилѣ, и надписью на надгробномъ камнѣ. Золотой листокъ, длиною въ два вершка, въ палецъ шириною, съ дырочками по обоимъ концамъ, должно почитать украшеніемъ женскаго наряда, и такъ какъ онъ найденъ въ головахъ, то, быть можетъ, служилъ головнымъ уборомъ; въ двѣ дырочки, вѣроятно, проходилъ снурокъ и привязывалъ листокъ къ волосамъ. На надгробномъ памятникѣ изъ песчаника представлена en face стоящая женщина съ покрытыми головою и корпусомъ; правая рука ея на тѣлѣ, а лѣвая подъ одеждою; влѣво отъ нея стоитъ дитя съ похоронною урной; вся группа находится подъ крышеобразнымъ украшеніемъ. На камнѣ, въ одинъ аршинъ и два вершка въ длину и въ девять или десять вершковъ въ ширину, слѣдующая надпись:

ΜΑΓΥΝΗ	Μᾶ, γυνὴ
ΗΡΑΚΛΕΩΝΟΣ	Ἡρακλέωνος,
ΧΑΙΡΕ	χαῖρε.

Я уже прежде замѣтилъ, что на надгробныхъ памятникахъ преимущественно изображались покойные, и признаю поэтому въ фигурѣ стоящей женщины покойную жену Гераклеона; слогъ ΜΑ должно почитать или именемъ покойницы, или сокращеніемъ имени болѣе длиннаго. Надпись, древность которой доказывается особою формою буквъ, сохранилась въ цѣлости, и потому слогъ ΜΑ нельзя принимать за окончаніе какого-либо имени, стоявшаго выше. Судя по величинѣ второй могилы, въ три аршина въ длину, можно бы допустить предположеніе, что въ ней похороненъ мущина. Но найденныя въ могилѣ стеклянныя бусы, серьги, маленькая маска фавна и фаллусъ, висящій на кольцѣ вмѣсто амулета, доказываютъ, что это могила женщины. Въ головахъ у покойницы стоялъ простой глиняный сосудъ съ однею ручкой и узкимъ горломъ, обрисованный тремя параллельными горизонтальными кружками желтаго цвѣта и грубыми украшеніями около горлышка; у ногъ слезница и стклянка изъ фіолетоваго стекла. Въ этой могилѣ не было гроба; трупъ, не защищенный плитами отъ земли, совершенно истлѣлъ. Третья, наконецъ, могила, хотя покрытая камнями, была пуста, и даже кости покойнаго обратились въ прахъ.

4. Въ могилѣ, въ два аршина въ длину, въ три четверти въ ширину, высѣченной въ камнѣ и покрытой большими камнями, у ногъ покойника, совсѣмъ истлѣвшаго, за исключеніемъ нѣсколькихъ костей, найдены стклянка, слезница и четыре маленькія чашки изъ темнаго стекла, каждая въ одинъ дюймъ въ діаметрѣ; у головы находились бусы, частію изъ темной массы, частію изъ стекла; нѣкоторыя были позолочены. По срединѣ нашли пару серебряныхъ колецъ, изъ которыхъ одно, чрезвычайно тонкое, сломалось, когда его вынимали, а другое, гораздо толще, найдено было на кости мизинца. Какъ величина могилы, такъ и хранившіяся въ ней вещи, доказываютъ, что это могила или женщины или дѣвицы.

5. Наконецъ упомяну о могилѣ, которая возбудила надежду на богатыя находки, но на дѣлѣ не оправдала ея. Подъ большими камнями, которые съ трудомъ были сняты, открыли гробъ, длиною въ три съ четвертью аршина, полтора аршина въ вышину и въ аршинъ шириною, но въ немъ, кромѣ заржавленнаго куска желѣза, вѣроятно остатка оружія, и кромѣ обратившихся въ прахъ костей покойнаго, рѣшительно ничего не найдено.

Объ остальныхъ, при мнѣ разрытыхъ курганахъ нельзя сказать ничего особеннаго. Всѣ они болѣе или менѣе похожи на могилы вышеописанныя, и найденные въ нихъ предметы обыкновенно были глиняные сосуды, которыхъ есть сотни въ керченскомъ музеумѣ.

Гораздо любопытнѣе тѣ древности, которыя были открыты въ курганахъ надъ Татарскою слободкой, частію весною настоящаго года, частію во время моего пребыванія въ Тамани. Послѣднія, до дальнѣйшаго объ нихъ распоряженія, хранились у князя Д. И. Гагарина, нынѣшняго керченскаго градоначальника, а первыя были временно выставлены у К. Р. Бѣгичева, теперешняго директора музеума; и тѣ и другія будутъ въ послѣдствіи отправлены въ Императорскій Эрмитажъ, или перейдутъ на сохраненіе въ керченскій музеумъ.

Всѣ вещи, найденныя въ іюлѣ мѣсяцѣ этого года, мнѣ удалось часто разсматривать въ гостепріимномъ домѣ его сіятельства г. градоначальника, но я исчислю только тѣ, которыя заслуживаютъ описанія по своей рѣдкости. Вопервыхъ упомяну о сдѣланной съ большимъ вкусомъ чашкѣ изъ темнаго стекла, въ которое впущены змѣеобразныя украшенія изъ бѣлаго стекла. Чашка эта, въ шесть дюймовъ въ діаметрѣ, съ выемками на наружной сторонѣ, доказываетъ намъ, до какой удивительной степени совершенства древніе успѣли довести обработку стекла. Особенное достоинство этой древности состоитъ въ отличномъ ея сохраненіи; съ перваго взгляду легко принять ее за произведеніе новѣйшихъ временъ; только при внимательномъ разсмотрѣніи замѣчается нѣсколько тонкихъ полосокъ, гдѣ стекло начинаетъ откалываться тоненькими слоями. Что найденныя при разрытіяхъ стеклянныя вещи теряютъ свою первоначальную крѣпость и гладкость, это легче всего замѣтить на стеклянномъ сосудѣ съ длиннымъ горломъ, свѣтлозеленаго цвѣта. По всей наружной сторонѣ сосуда отдѣлялось нѣчто въ родѣ коры, которая ломалась при малѣйшемъ прикосновеніи и приставала къ пальцамъ теплой руки. Напротивъ того, другой стеклянный сосудъ и четвероугольный стеклянный стаканъ, оба изъ бѣлаго стекла и оба найденные въ головахъ у покойнаго, вовсе не потеряли своей первоначальной крѣпости. То же самое можно сказать о слезницахъ и о другомъ стаканѣ, похожемъ на наши стаканы для воды, но несравненно легче и тоньше теперешнихъ. Что касается до золотыхъ вещей, слѣдующія возбудили мое особенное вниманіе: пара искусно

сдѣланныхъ подвѣсокъ, нѣсколько золотыхъ перстней съ рѣзными камнями (на одномъ изъ нихъ изображена стоящая Паллада, а на другомъ скарабей, разныя женскія украшенія и различные золотые листки, которые, вѣроятно, были нашиты на платьяхъ. Кромѣ того я почитаю въ числѣ необыкновенныхъ находокъ двѣ глиняныя выпуклыя урны темнаго цвѣта, одна въ полоскахъ, а другая гладкая, каждая съ тремя ушками, и каждая наполнена сожженными человѣческими костями. Особеннымъ искусствомъ работы отличаются нѣкоторыя статуэтки изъ обожженной глины (terra cotta), а именно: стоящая женщина, въ богатомъ облаченіи; Амуръ, цѣлующій Психею (въ двухъ экземплярахъ); маленькая маска сладострастнаго Фавна. Изъ множества простыхъ глиняныхъ сосудовъ я обратилъ вниманіе на маленькую вазу, въ два вершка вышины, гдѣ на черномъ грунтѣ изображена красными чертами миловидная головка. Наконецъ упомяну о надгробномъ камнѣ, на которомъ изображены рельефомъ, подъ крышеобразнымъ украшеніемъ, ѣдущій влѣво всадникъ съ опущеннымъ колчаномъ, а передъ нимъ — стоящее дитя. Надъ группою читаются слова:

ΑΛΕΞΑΝΔΡΕ	Ἀλέξανδρε
ΕΡΩΤΟΣΧΑΙΡΕ	Ἔρωτος χαῖρε.

Употребленіе звательнаго падежа въ прилагательномъ ΕΡΩΤΟΣ на ος, во избѣжаніе повторенія буквы ε во всѣхъ трехъ словахъ, не такъ странно, какъ употребленіе самаго слова ἐρωτός, которое не встрѣчается у древнихъ писателей. Можетъ быть, нужно читать это слово съ маленькимъ измѣненіемъ буквы Ω на Α, ΕΡΑΤΟΣ. Ошибки противъ языка, находимыя такъ часто въ надписяхъ и происходящія, по большей части, отъ невѣжества скульпторовъ, могли бы дать нѣкоторое вѣроятіе этому предположенію, еслибы мы не предпочли принять слово ΕΡΩΤΟΣ за родительный падежъ отчества ΕΡΩΣ.

Заключу описаніе керченскихъ древностей разсказомъ о посѣщеніи моемъ г. Бѣгичева, у котораго сохраняются въ отдѣльномъ шкафу, сдѣланномъ изъ досокъ древняго гроба, всѣ предметы, найденные весною этого года. Тутъ привлекъ на себя особенное мое вниманіе глиняный сосудъ, сѣраго цвѣта, вышиною въ два съ половиною фута, широкій по серединѣ и съуживающійся къ верху, съ тремя ручками, и наполненный сожженными человѣческими костями. Акварельный рисунокъ почти совсѣмъ изгладился, но за то на одной сторонѣ видны слова, изображенныя безъ всякаго искусства:

ΚΑΘΑΡΑΙ *Καθαραὶ*
ΛΕΠΡΑΙ *λέπραι.*

По моему мнѣнію, подъ этими словами должно разумѣть бренные остатки, хранящіеся въ урнѣ и какъ бы очищенные черезъ огонь. Впрочемъ въ такомъ случаѣ очень замѣчательно метафорическое примѣненіе слова: λέπραι, какъ наружной болѣзненной нечистоты, къ тѣлу человѣческому вообще. Въ другомъ мѣстѣ, на горлышкѣ видны буквы ΑΑΓΟϹΡΙΖ, которыхъ я не могу объяснить. Сосудъ, совершенно въ такомъ же родѣ, только съ четырьмя ушками и съ надписью, вполнѣ изгладившеюся, я видѣлъ еще прежде у князя Гагарина. Не знаю, есть ли между ними какое-нибудь отношеніе, но они одинаковой древности. Послѣ этой вышеописанной урны, я бѣгло осмотрѣлъ большое количество алебастровыхъ или раскрашенныхъ глиняныхъ унгвентаріевъ, слезницъ, лампъ и другихъ мелочей изъ обожженной глины и остановился наконецъ на цѣломъ собраніи греческихъ вазъ, украшенныхъ большею частію пантикапейскимъ грифономъ, пальмовыми листьями и арабесками. Я не буду говорить о нихъ. Въ замѣнъ того я желалъ бы занять своихъ читателей подробнымъ описаніемъ вазъ съ сложными изображеніями, но къ сожалѣнію описаніе безъ рисунковъ будетъ весьма недостаточно. При всемъ томъ рѣшаюсь упомянуть о главнѣйшихъ и желаю, чтобы за моимъ неполнымъ очеркомъ послѣдовало въ скоромъ времени подробное описаніе съ точными рисунками. По моему мнѣнію, замѣчательнѣйшія изображенія слѣдующія:

1. На лицевой сторонѣ вазы, въ шесть съ половиною вершковъ въ вышину, съ двумя ушками, изображенъ, красною краскою по черному грунту, обнаженный Бахусъ, въ сидячемъ положеніи, съ ѳирсомъ въ рукахъ; передъ нимъ, по правую сторону, стоитъ вакханка въ облаченіи, съ бубномъ въ рукѣ; за нею крылатый геній, держащій въ рукахъ нѣчто похожее на ленту, касается земли только носками. На задней сторонѣ вазы представлены двѣ одѣтыя и другъ къ другу лицомъ обращенныя фигуры, изъ которыхъ стоящая справа держитъ бубенъ, а стоящая слѣва уронила его. Надъ фигурами и подъ ними идетъ кайма, а подъ ушками — украшенія изъ арабесковъ.

2. На вазѣ, вышиною въ пять вершковъ и три четверти, по черному грунту на лицевой сторонѣ изображено красною краской слѣдующее: на склонившуюся влѣво фигуру, бѣлаго цвѣта, вакханка въ облаченіи, стоя съ лѣвой стороны, дѣлаетъ возліяніе изъ сосуда. Направо сидитъ обнаженный Бахусъ съ ѳирсомъ въ правой

рукѣ, съ головою, обращенною влѣво. На задней сторонѣ вазы представлены двѣ фигуры въ облаченіи, одна противъ другой, занятыя жертвоприношеніемъ на стоящемъ между ними жертвенникѣ. Надъ фигурами и подъ ними кайма.

3. На лицевой сторонѣ вазы, въ пять съ половиною вершковъ, съ двумя ручками, красною краскою по черному грунту изображена сидящая вакханка съ ѳирсомъ въ правой рукѣ; лѣвою она опирается на бубенъ и обратила голову къ стоящему налѣво сатиру. Направо отъ нея стоитъ другая вакханка, которая поднятою лѣвою рукой манитъ сатира. На задней сторонѣ изображены двѣ фигуры, изъ которыхъ лѣвая держитъ жертвенный ножъ, а правая указываетъ на стоящую между ними колонну. По обѣимъ сторонамъ фигуръ, также какъ и по краямъ, украшенія.

4. На лицевой сторонѣ вазы, въ четыре съ половиною вершка, видимъ на черномъ грунтѣ красною краской изображенную Амазонку, ѣдущую верхомъ вправо и поражающую копьемъ бѣлаго грифона съ красными крыльями; повидимому, она останется побѣдительницею. На задней сторонѣ, двѣ другъ противъ друга стоящія фигуры. Красивая кайма опоясываетъ изображеніе.

5. Подобное же изображеніе, красною краскою по черному грунту, встрѣчаемъ на лицевой сторонѣ вазы, въ шесть съ половиною вершковъ. Здѣсь тоже Амазонка, ѣдущая вправо, въ борьбѣ съ бѣлымъ грифономъ съ красными крыльями, но щитъ Амазонки упалъ, копья нѣтъ, и вѣроятно грифонъ побѣдитъ. На задней сторонѣ двѣ одѣтыя фигуры, изъ которыхъ лѣвая держитъ урну, а правая опахало. По краямъ вазы и по обѣимъ сторонамъ изображеній — кайма.

6. На лицевой сторонѣ вазы, въ пять съ половиною вершковъ, красною краскою по черному грунту изображена полуодѣтая женщина, которая защищается противъ двухъ мущинъ; мущина, стоящій по лѣвую сторону, въ фригійской шапкѣ и съ крыльями на ногахъ; мущина направо въ шлемѣ. На задней сторонѣ, двѣ одѣтыя фигуры, одна противъ другой. Богатыя украшенія находятся по краямъ и по сторонамъ фигуръ.

7. На лицевой сторонѣ вазы, въ шесть вершковъ, на черномъ полѣ красною краскою изображенъ раненый мущина, сидящій на землѣ съ опущенною головой, покрытый щитомъ воина, стоящаго по лѣвую сторону, и устраняющаго ударъ другаго воина, который съ поднятымъ мечомъ нападаетъ съ правой стороны на раненаго.

На задней сторонѣ, двѣ стоящія фигуры въ длинной одеждѣ, изъ-подъ которой лѣвая вынимаетъ руку, а правая держитъ бурдючный мѣхъ. Арабески находятся по краямъ, и также вверху и внизу фигуръ.

8. На лицевой сторонѣ вазы, въ четыре вершка и три четверти, по черному полю красною краскою, съ украшеніями по сторонамъ, изображены двѣ стоящія одна противъ другой фигуры; лѣвая держитъ факелъ, правая опускаетъ руку. На задней сторонѣ одна фигура съ факеломъ, идущая вправо. Всѣ три фигуры въ длинной одеждѣ.

9. На лицевой сторонѣ вазы, въ восемь вершковъ, съ двумя ушками, по черному полю красною краской, съ арабесками по ушкамъ, по краямъ и вокругъ фигуръ, изображено слѣдующее: женскую фигуру, въ богатомъ головномъ уборѣ, везетъ лебедь; геніи съ факелами летятъ по обѣимъ сторонамъ. На задней сторонѣ, три одѣтыя фигуры, изъ которыхъ двѣ обращены вправо, и одна влѣво и идетъ на встрѣчу имъ. Всѣ трое заняты жертвоприношеніемъ.

10. Наконецъ упомяну еще о вазѣ, въ семь вершковъ въ вышину, на лицевой сторонѣ которой по черному полю красною краскою изображена четверка лошадей, обращенная влѣво, которою правитъ одѣтая женщина, стоящая на двух-колесной колесницѣ; первая и третья лошадь отъ зрителя бѣлыя, вторая и четвертая — красныя. На задней сторонѣ стоятъ три богато одѣтыя фигуры, изъ которыхъ двѣ обращены направо, а одна налѣво. По краямъ вазы, надъ изображеніемъ и подъ нимъ кайма, а подъ ушками — арабески.

Кромѣ этихъ вазъ, почти совершенно сохранившихся, у г. Бѣгичева находится еще много обломковъ, отдѣльные куски которыхъ, если будутъ склеены, то, безъ сомнѣнія, привлекутъ въ разныхъ отношеніяхъ вниманіе зрителя. Я теперь о нихъ не буду говорить, тѣмъ болѣе, что вышеприведенныя подробности, можетъ-быть, уже утомили читателя. Мнѣ остается только пожелать, чтобы мое стараніе составить полное описаніе извинило эти подробности, и чтобы мнѣ удалось въ моемъ очеркѣ представить далеко живущимъ любителямъ древности наглядное понятіе о сокровищахъ, которыя ежегодно открываются въ классической почвѣ Пантикапеи, и которыя уже съ давнихъ временъ возбуждаютъ любопытство просвѣщенной публики.

—

II.

Островъ Тамань. Берега Таманскаго лимана. Городъ Тамань. Тузлы. Сѣнная. Фонтанъ.

Чѣмъ обширнѣе было мое описаніе древностей Керчи, тѣмъ кратче я буду говорить о Тамани. Она также заслуживаетъ вниманія каждаго путешественника, и на обозрѣніе ея я употребилъ цѣлую недѣлю. Сдѣлалъ я это обозрѣніе въ сообществѣ г. Бѣгичева, пріятнѣйшаго товарища и лучшаго руководителя въ этомъ случаѣ, потому что раскопки въ Тамани производятся подъ его же надзоромъ и управленіемъ; слѣдовательно ему совершенно извѣстно все, что̀ касается до острова. И такъ я имѣлъ и довольно времени, чтобы объѣздить во всѣхъ направленіяхъ эту страну, занимательную во многихъ отношеніяхъ, и удобный случай собрать свѣдѣнія о всемъ, что̀ видѣлъ. Читателямъ можетъ показаться страннымъ, почему я не стану распространяться о Тамани. Но не соразмѣрность описаній, какъ они тотчасъ увидятъ, зависитъ отъ того, что древности Пантикапеи находятся или въ Керчи, или въ окружностяхъ ея, между тѣмъ какъ древности Тамани разсѣяны по цѣлому острову и не могутъ быть описаны съ точностію безъ карты и рисунковъ. Не имѣя намѣренія прилагать здѣсь ни того, ни другаго, я принужденъ ограничиться обозрѣніемъ однихъ береговъ таманскаго лимана, тѣмъ болѣе, что всѣ раскопки въ текущемъ году, исключая раскопокъ около Фонтана, производились въ этой полосѣ. Но при описаніи и этого небольшаго пространства, я отказываюсь отъ изслѣдованій по части древней географіи. Въ этомъ отношеніи Тамань представляетъ разительный контрастъ съ Керчью: существованіе древней Пантикапеи на мѣстѣ теперешней Керчи и ея окрестностей ни кѣмъ не оспаривается, между тѣмъ какъ о положеніи древнихъ поселеній Боспорскаго царства на азіятскомъ берегу существуютъ между учеными мнѣнія самыя противуположныя. Въ другое время я разберу подробно эти различныя мнѣнія и, руководствуясь знаніемъ мѣстностей, постараюсь объяснить свидѣтельства древнихъ.

Сообщеніе между европейскою и азіятскою сторонами весьма облегчено теперь посредствомъ парохода, ежедневно плавающаго

между Керчью и Таманью; я воспользовался имъ, чтобы не быть въ зависимости отъ вѣтра и погоды. Плаваніе продолжается четыре часа и запимательно потому, что вы не теряете изъ виду береговъ и видите въ разныхъ направленіяхъ мѣста, или уже вамъ знакомыя, или тѣ, съ которыми вы въ скоромъ времени познакомитесь. Вниманіе ваше привлекаетъ сначала съ правой стороны материкъ Крыма, на которомъ къ югу, за мысомъ Акъ-буруномъ, вы ясно различаете Павловскую батарею, старый карантинъ и мысъ Камышъ-бурунъ; на лѣвой сторонѣ, за карантиннымъ мысомъ, вамъ представляются бѣлые домики Еникале и проливъ въ Азовское море; на сѣверовостокѣ вы видите сѣверную косу, которая лежитъ насупротивъ Еникале и вдается въ проливъ, ведущій въ Азовское море. Сѣверная коса составляетъ часть острова, называемаго у Дюбуа Киммерійскимъ, который граничитъ къ сѣверу Азовскимъ моремъ, къ западу Керченскимъ проливомъ, къ югу Таманскимъ лиманомъ, къ востоку же отдѣляется отъ прочихъ частей Тамани древнимъ валомъ. На Киммерійскомъ островѣ бросается въ глаза прежде прочихъ возвышеній Куку-оба (горѣлая могила), которая, по мнѣнію Дюбуа (к. V. 36.), есть надгробный памятникъ царя Сатира. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ холма Куку-оба лежитъ деревня Фонтанъ. Обращаясь теперь въ противоположную сторону, вы видите къ западу южную косу, которая тянется въ Керченскомъ проливѣ на протяженіи десяти верстъ, начиная къ сѣверовосточной оконечности Фанагорійскаго острова (этимъ именемъ отличаетъ Дюбуа остальную часть Тамани отъ Киммерійскаго острова). Коса эта гораздо уже сѣверной, возвышается только на нѣсколько футовъ надъ уровнемъ моря и образовалась, кажется, въ позднѣйшее время. Вы обозрѣваете косу на всемъ протяженіи до точки, гдѣ она соединяется съ материкомъ Тамани, возвышающимся въ этомъ мѣстѣ на нѣсколько саженей, и потомъ огибаете южный берегъ Таманскаго лимана. На сѣверовосточной оконечности острова расположены домики кордона надъ небольшимъ соленымъ озеромъ Тузлами; за ними городокъ Тамань; немного далѣе къ востоку лежитъ крѣпость Фанагорія, основанная Суворовымъ; еще далѣе на востокъ идетъ къ самому лиману полоса многочисленныхъ кургановъ, опоясывающая станцію Сѣнную.

Между тѣмъ какъ мы обозрѣвали важнѣйшіе пункты, пароходъ присталъ къ Тамани. Я сошелъ съ него и тотчасъ отправился къ мѣсту, гдѣ производились новѣйшія раскопки, которыя тогда еще продолжались. Дорога идетъ по самому берегу, въ направленіи къ

западу, оставляя пристань въ правой сторонѣ. Представьте себѣ здѣсь узкую полосу земли, шириною въ нѣсколько саженей, которая граничитъ по одну сторону съ лиманомъ, а по другую съ обрывомъ, вышиною въ пять или шесть саженей, — полосу, которая въ полноводіе омывается волнами лимана, часто выбрасывающими на нее древнія монеты. Полоса эта, по всѣмъ мною сдѣланнымъ справкамъ, прежде была гораздо шире, и берегъ вмѣсто того, чтобы выступать впередъ отъ морскихъ наносовъ, какъ это бываетъ въ другихъ мѣстахъ, здѣсь ежегодно убываетъ отъ дѣйствія волнъ, которыя мало-по-малу отмываютъ землю. По крайней мѣрѣ, таманскіе сторожилы увѣряли меня, что они помнятъ еще очень хорошо, когда описанная полоса имѣла въ ширину болѣе сорока саженей, и когда на ней стояло нѣсколько построекъ. По дорогѣ, я достигъ до древняго колодезя, о которомъ говоритъ Дюбуа (кн. V. 87, 90). Онъ огороженъ нѣсколькими кусками мрамора безъ рельефовъ и надписей. Прошедши еще съ четверть версты, я поднялся на высокій берегъ къ мѣсту, гдѣ, близь Лысой горы, находилось турецкое укрѣпленіе. Здѣсь берегъ вдвое выше берега таманской пристани; но это не дѣло природы. Турецкое укрѣпленіе, которое возвышалось надъ всею страною, было выстроено на искусственной почвѣ. На материкѣ берега, вышиною въ четыре или пять саженей, на столько же было насыпано земли, такъ что вслѣдствіе того берегъ сталъ здѣсь на десять саженей выше уровня моря. Раскопки, сдѣланныя въ этой насыпи нѣкіимъ Пуленцовымъ, привели, восемь лѣтъ тому назадъ, къ открытію драгоцѣннѣйшихъ пантикапейскихъ золотыхъ монетъ (Ашикъ Боспор. цар. II, 18 § 15), которыя красотою своею превосходятъ всѣ доселѣ найденные экземпляры. Эта находка, вѣроятно, была причиною мнѣнія, что турецкое укрѣпленіе выстроено на развалинахъ древняго города. Полагая, что подъ насыпью хранятся остатки греческихъ древностей, въ этомъ году начали раскопки на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла турецкая крѣпость. Снявъ землю на пространствѣ 15-ти саженей въ длину, 10-ти въ ширину и отъ 6-ти до 7-ми саженей въ глубину, достигли до материка, но, несмотря на всѣ труды и издержки, не нашли нечего замѣчательнаго. Въ верхнихъ слояхъ вырыты были обломки турецкихъ глиняныхъ сосудовъ и нѣсколько турецкихъ кувшиновъ; глубже найдена нижняя часть мраморной статуи въ облаченіи, работы довольно грубой; наконецъ дошли до камней, которые лежали слоями, но не принадлежали ни къ какому зданію и попали подъ насыпь, не вѣсть по какой причинѣ.

Удачнѣе была находка, сдѣланная позади этой раскопки, въ пятидесяти саженяхъ отъ моря. Жители Тамани обыкновенно добываютъ матеріялъ, нужный для каменныхъ построекъ, въ насыпи, которая тянется по берегу моря, потому что кругомъ нѣтъ камня, а доставка изъ Керчи дорога. Такъ, найдены были старинныя стѣны, которыя, мнѣ кажется, принадлежатъ къ турецкимъ временамъ. Стѣны выстроены въ квадратъ, имѣютъ со стороны моря четыре сажени и два аршина въ длину, а по бокамъ по пяти саженей и одному аршину, и сложены на извести, которая отъ времени получила крѣпость дикаря. Мнѣніе мое о турецкомъ происхожденіи этой постройки основывается на томъ, что канава, шедшая въ турецкія времена къ морю изъ бассейна, которымъ мы сейчасъ займемся, находится, кажется, въ связи съ вновь-открытыми подъ землею развалинами.

Этотъ бассейнъ, о которомъ Дюбуа (V. 82) говоритъ подробно, лежитъ непосредственно за насыпью турецкаго укрѣпленія, былъ овальной формы и теперь такъ засыпанъ пескомъ, что нельзя почти себѣ представить, какимъ образомъ могла помѣщаться въ немъ большая масса воды. Но это дѣйствительно было такъ, и Дюбуа видѣлъ еще въ немъ воду, что̀ подверждается словами всѣхъ таманскихъ старожиловъ, изъ которыхъ одинъ мнѣ разсказывалъ, будто онъ хорошо помнитъ, какъ лишняя вода, уходя изъ бассейна черезъ вышеупомянутую канаву въ море, приводила въ движеніе двѣ турецкія мельницы. Наносы песка увеличились, частію, по справедливому замѣчанію Дюбуа, вслѣдствіе того, что въ турецкія времена вся эта страна была покрыта деревьями, которыя не дозволяли сильнымъ вѣтрамъ сносить сыпучій песокъ; съ другой стороны, эти наносы можно объяснить тѣмъ, что между Таманью и Фанагоріею находится песчаная яма, которая, имѣя почти версту въ окружности, была покрыта въ то время или травою или тонкимъ слоемъ камня, а теперь служитъ, повидимому, главнымъ источникомъ, откуда берется весь песокъ, приносимый вѣтромъ на Тамань. Когда стали брать камень на постройки въ Фанагорію и пускать скотъ на мѣста, покрытыя травою, открылся свободный выходъ песку, который имѣлъ столь вредное вліяніе на Тамань. Мѣста ближайшія къ ямѣ болѣе всего страдаютъ отъ наносовъ, а потому неудивительно, что они не заселены. Прежде стоявшія тамъ зданія перенесены въ мѣста, менѣе подверженныя наносамъ песка. Удержалась только одна церковь, на дворѣ коей, во времена Дюбуа, сохранялись нѣкоторыя чрезвычайно любопытныя древности; но по обѣимъ сторонамъ каменной стѣны двора песку

нанесло больше чѣмъ на сажень, такъ что теперь, не входя въ ворота, можно ходить чрезъ стѣну. На дворѣ напрасно вы будете искать древностей, которыя видѣлъ Дюбуа; теперь кромѣ нѣкоторыхъ камней съ неясными надписями, вдѣланныхъ въ стѣны церкви, и нѣсколькихъ обломковъ разбитыхъ мраморныхъ коллонъ, вы не встрѣтите ничего замѣчательнаго. И внутри церкви также нѣтъ ничего любопытнаго. Извѣстный камень съ надписью, въ которой говорится, что здѣсь князь Глѣбъ въ 1065 году мѣрилъ море по льду на разстояніи отъ Тмутаракани до Керчи, отправленъ въ Петербургъ, а въ церкви остался только снимокъ на бумагѣ, хранящійся подъ стекломъ.

О прочихъ древностяхъ Тамани мнѣ нечего сказать. Всѣ мои старанія разузнать о вновь открытыхъ камняхъ съ надписями и о другихъ остаткахъ древностей остались тщетными. Несмотря на то, и камни съ турецкими надписями, которыхъ много въ городѣ, и куски мрамору, то употребленные на пороги, то разставленные по дворамъ, доказываютъ, что теперешнее жалкое мѣстечко Тамань, въ древнія времена было богатымъ и красивымъ городомъ. Напрасно искалъ я и вновь открытыхъ монетъ; немногія, которыя мнѣ удалось видѣть, были изъ числа самыхъ обыкновенныхъ пантикапейскихъ монетъ и не заслуживаютъ описанія. Изъ всѣхъ одна только мѣдная монета, отлично сохранившаяся, привлекла мое вниманіе, именно слѣдующая:

ΒΑϹΙΛΕΩϹ ΜΙΘΡΑΔΑ (του). Голова царя Митридита III, въ діадемѣ, вправо. Χ ΒΑϹΙΛΙϹϹΗϹΓΝΠΑΙΠΥΡΕΩϹ. Голова царицы Гепепирисы, въ діадемѣ, вправо передъ головою на правой сторонѣ ΙΒ. Æ $5^1/_2$.

Надписи, отлично сохранившіяся на обѣихъ сторонахъ, не только доказываютъ вѣрность мнѣнія Міоннэ (Suppl. IV. 494) и невѣрность сомнѣній г. Спасскаго (Прибавленіе къ сочиненію подъ заглавіемъ Боспоръ Кимерійскій, стр. 17) о томъ, что настоящее имя боспорской царицы, которая называлась то Пепепирисою, то Гепепирисою, есть именно Гепепириса, но и подтверждаютъ, что эта Гепепириса есть дѣйствительно жена Митридата III, а не Савромата I, какъ думали прежде.

Теперь обратимся къ раскопкамъ, сдѣланнымъ весною этого года на южной косѣ не подалеку отъ Тузловъ. Мы подходимъ къ этимъ раскопкамъ, держась берега въ направленіи къ западу. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ кордона, въ Тузлахъ, близъ берега, который возвышается здѣсь на четыре или пять саженей надъ моремъ, находятся многіе значительные курганы. Изъ нихъ г. Бѣ-

гичевъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ разрылъ до двадцати. Находки, ограничившіяся нѣсколькими амфорами съ двумя ручками изъ простой глины и двумя надгробными камнями изъ песчанника, не соотвѣтствовали ожиданіямъ. На одной изъ амфоръ, вышиною въ одинъ аршинъ съ вершкомъ, на горлышкѣ была двухстрочная надпись, которой нельзя разобрать; это должно быть просто имя фабриканта, и отъ этого имени въ первой строкѣ я прочиталъ ΦΙΛΟΥ. Что касается до двухъ надгробныхъ камней, то они были найдены въ различныхъ могилахъ; одинъ изъ нихъ разбитъ и въ теперешнемъ видѣ имѣетъ 14 вершковъ въ вышину и $9^1/_2$ въ ширину. На лицевой сторонѣ въ верхней ея части, обведенной каймою въ $1^1/_2$ вершка, изображена въ грубомъ рельефѣ мужская фигура, на лошади, пущенной въ галопъ. На лицевой сторонѣ втораго надгробнаго камня, вышиною въ одинъ аршинъ, а шириною въ 11 вершковъ, находится крышеобразное украшеніе, и на немъ была трехстрочная надпись, въ которой первая строка совершенно изгладилась; изъ буквъ второй можно только разобрать пять первыхъ ΟΣΤΡΑ, а остальныя двѣ или три буквы стерлись; въ третьей строкѣ ясно читаемъ имя ΑΠΟΛΛΟΝΙΟΥ. Работа обоихъ надгробныхъ камней гораздо грубѣе работы на камняхъ, найденныхъ въ Керчи.

Безчисленные курганы, лежащіе на противоположной сторонѣ у станціи Сѣнной, гораздо важнѣе кургановъ, находящихся вблизи Тузловъ; сдѣлаемъ имъ обозрѣніе. Возвратясь въ Тамань, отправимся по почтовой дорогѣ вдоль берега лимана въ направленіи къ востоку. Этотъ путь приведетъ насъ въ Фанагорію, лежащую въ двухъ верстахъ отъ Тамани, гдѣ, по упраздненіи крѣпости, только военный госпиталь заслуживаетъ вниманія. По правую сторону отъ насъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ почтовой дороги, подвигается небольшой кряжъ горъ, гдѣ находятся извѣстныя грязныя сопки; а по лѣвую сторону тянется Таманскій лиманъ, на противуположной сторонѣ котораго величественно возвышается, на Киммерійскомъ островѣ, Куку-оба. На 16-й верстѣ мѣстоположеніе окрестностей перемѣняется. Здѣсь начинается двойная цѣпь кургановъ, между которыми извивается почтовая дорога, такъ что сѣверная цѣпь остается у насъ влѣво, а южная вправо. Первая идетъ по берегу лимана и, коснувшись его въ разныхъ мѣстахъ нѣкоторыми курганами, тянется почти въ прямой линіи къ станціи Сѣнной; тутъ поворачиваетъ влѣво, огибая восточную бухту вышеупомянутаго лимана; здѣсь сѣверная цѣпь, тянувшаяся на шесть

или семь верстъ, прерывается версты на двѣ, а потомъ, отъ хутора Артюхова, идетъ снова до самаго древняго вала, отдѣляющаго такъ-называемый Киммерiйскiй островъ отъ Фанагорiйскаго. Другая цѣпь, идущая по южной сторонѣ почтовой дороги, тянется также до самой станцiи Сѣнной; тутъ поворачиваетъ вправо и кончается у восточной бухты Ахтанизовскаго лимана. Замѣчательна также насыпь, начинающаяся за двѣ съ половиною версты отъ станцiи Сѣнной и идущая до самой станцiи, вдоль по берегу Таманскаго лимана. Она въ иныхъ мѣстахъ имѣетъ отъ семи до восьми сажень вышины; поверхность ея совершенно гладка, на ней нѣтъ нигдѣ древнихъ построекъ, но въ самой насыпи безпрестанно встрѣчаются камни фундамента и камни отдѣльно лежащiе. Вотъ почему она служитъ вмѣсто каменоломни, и въ ней добываютъ весь камень, нужный на новѣйшiя постройки.

Хотя мое описанiе мѣстностей у станцiи Сѣнной можетъ-быть и неполно, но я думаю, изъ него читатели уже видятъ, что на всемъ островѣ Тамани нѣтъ точки важнѣе для разрытiй, какъ именно окрестности упомянутой станцiи. Однако раскопки, уже давно тутъ производящiяся, не привели ни къ какому важному выводу, потому что высокiе курганы, по большей части, были разрыты уже прежде, и въ настоящее время преимущественно разрывались маленькiе. Бѣдность находокъ не прерываетъ однакоже работъ, и я увѣренъ, что такое постоянство со временемъ увѣнчается важными открытiями. Тѣмъ болѣе можно ожидать успѣшныхъ результатовъ, что въ этомъ году убѣдились, что курганы съ углубленiемъ наверху, прежде почитавшiеся уже обысканными, вѣроятно еще не были тронуты. По крайней мѣрѣ курганъ, съ углубленiемъ наверху, который былъ открытъ при мнѣ, доказываетъ, что эти углубленiя вовсе не суть слѣдствiе прежняго разрытiя, но происходятъ отъ обрушившейся внутри кургана деревянной постройки. Можетъ-быть, углубленiя и на всѣхъ другихъ курганахъ происходятъ отъ той же причины, а допустивши это, мы можемъ ожидать находокъ.

Для раскапыванiй въ этомъ году избрали въ южной цѣпи нѣсколько большихъ кургановъ, близь которыхъ въ прошедшемъ году найдена мраморная крышка саркофага. Она была открыта въ могилѣ, варварски ограбленной. Обезображенная крышка, которая одна была оставлена въ могилѣ, не только свидѣтельствовала о прежнемъ богатствѣ могилы, но наводила еще на мысль, что тутъ было кладбище людей богатыхъ и знатныхъ. Вслѣдствiе того начаты были

работы въ трехъ, не далеко одинъ отъ другаго стоящихъ курганахъ, въ одной верстѣ къ югу надъ хуторомъ г. Семеняки. Всѣ замѣчательныя находки были сдѣланы именно въ томъ изъ трехъ кургановъ, который меньше всѣхъ обѣщалъ, и на вершинѣ коего было углубленіе. Когда начали срѣзывать вершину и сняли землю на четыре сажени, то дошли до двухъ кирпичныхъ стѣнъ, которыя стояли параллельно въ разстояніи полуторы сажени [1]). Надъ этими стѣнами лежали горизонтально балки, которыя сгнили и провалились, и вотъ отъ чего образовалось верхнее углубленіе. Мѣсто между стѣнами, вслѣдствіе обвала балокъ, все наполнилось землею, и когда ее выкинули, то нашли остатки двухъ, одинъ около другаго стоящихъ деревянныхъ гробовъ. Доски такъ сгнили, что нельзя было судить ни объ ихъ величинѣ, ни объ ихъ наружномъ видѣ. Остались только однѣ деревянныя, обитыя металломъ ножки, на которыхъ стояли гробы. Въ одномъ изъ гробовъ была погребена женщина, а въ другомъ мущина; оба лежали головою на востокъ. Кромѣ хрупкой бѣлой массы, въ гробѣ женщины ничего не сохранилось изъ костей. Въ немъ найдены слѣдующія вещи:

1. Двѣ змѣеобразныя вещицы изъ массивнаго золота, съ двумя пирамидальными концами, украшенными маленькими шариками. По формѣ онѣ совершенно схожи съ двумя другими экземплярами, отысканными въ этомъ году въ Керчи. Такъ какъ онѣ найдены были въ головахъ, то можно думать, что онѣ составляли часть головнаго убора.

2. Восемь продолговатыхъ украшеній изъ дутаго золота, на подобіе сережекъ, съ дырочками наверху.

3. Нѣсколько маленькихъ пустыхъ шариковъ, тоже дутаго золота съ дырочками. Эти шарики вмѣстѣ съ украшеніями, упомянутыми подъ вторымъ нумеромъ, составляли, кажется, ожерелье.

4. Разныя золотыя, легкія, но съ большимъ вкусомъ сдѣланныя украшенія для платья. Изъ нихъ въ особенности мнѣ понравились двѣ птички, нѣсколько жуковъ и двѣ лежащія козы. Въ гробѣ мущины золота не найдено; за то нашли множество мѣдныхъ и желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлъ, совершенно перержавѣвшій желѣзный панцырь съ мѣдными связями въ видѣ листковъ, желѣзный мечъ и копье. Всѣ эти вещи такъ переѣдены ржавчиною, что ломались при малѣйшемъ прикосновеніи, а изъ кусковъ нельзя было

[1]) Кирпичъ попадался въ окрестностяхъ Сѣнной еще и прежде. Въ странахъ, гдѣ нѣтъ камня, въ древности, какъ и въ наше время, употреблялся кирпичъ, высушенный на солнцѣ.

составить ничего цѣлаго. Такъ какъ эти два гроба находились не въ материкѣ, то разрытіе въ насыпи продолжалось, и на глубинѣ полуторы сажени нашли третій гробъ, при открытіи котораго я не присутствовалъ, и въ которомъ найдено было, по полученнымъ мною свѣдѣніямъ, множество оконечниковъ стрѣлъ.

Кромѣ раскопокъ въ Тузлахъ, въ Тамани и у Сѣнной, въ этомъ году начаты были работы въ большомъ курганѣ, на Киммерійскомъ островѣ, при деревнѣ Фонтанѣ. Этотъ курганъ пытались разрыть уже и прежде, но не успѣли. До времени моего посѣщенія найдена только одна мѣдная монета Рескупориса II:

Голова Рескупориса вправо, съ монограммою: ΒΑΡ за головою и съ буквами ΙΕ ниже лица; точки по каемкамъ. Χ ΓΑΙΟΥ ΚΑΙϹΑΡΟϹ ΓΕΡΜΑΝΙΚΟΥ. Голова Калигулы вправо. Æ 6.

Монета и извѣстна и нерѣдка. Но такъ какъ она найдена въ насыпи на двухъ саженяхъ глубины, то относительно опредѣленія древности кургана она безъ сомнѣнія не безъ важности.

Заключаю свое обозрѣніе разрытій этого года въ Тамани искреннимъ желаніемъ, чтобы работы, начатыя съ такою ревностію и съ такимъ знаніемъ дѣла, довели до пріобрѣтенія точнѣйшихъ свѣдѣній о странѣ, которая, какъ главнѣйшая часть Боспорскаго царства, играла такую важную роль въ древности и безчисленными своими курганами говоритъ намъ и теперь о прошломъ величіи.

Павелъ Беккеръ.

Одесса, декабрь 1852 года.

СОБРАНІЕ ДРЕВНОСТЕЙ

Г. МОНФЕРРАНА.

—

Конечно, всякому, кто въ Россіи интересуется искусствомъ, хорошо знакомо имя соорудителя храма св. Исаакія, г. Монферрана, знаменитаго архитектора, который извлекъ изъ земли большой царь-колоколъ въ Москвѣ и утвердилъ на прочномъ основаніи нерушимый памятникъ русской славы, Александрову колонну въ С.-Петербургѣ.

Но вѣроятно, не многимъ въ Россіи и не всѣмъ даже въ Петербургѣ извѣстно, что г. Монферранъ не менѣе ловкій собиратель и знатокъ искусствъ, какъ и художникъ, и что ему удалось составить такія коллекціи художественныхъ произведеній, какія рѣдки у частныхъ людей и за границею, и какихъ вовсе нѣтъ у насъ въ Россіи, гдѣ вообще гораздо труднѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ Европы, соединить значительное число художественныхъ произведеній большаго объема. Правда, по части картинъ наша сѣверная столица владѣетъ большими сокровищами, и частныя собранія графовъ Нессельроде, Строганова, Кушелева, Кушелева-Безбородко, Перовскаго, Уварова, кн. Бѣлозерскихъ, г. Прянишникова, богаты замѣчательными произведеніями живописи. Но по этой части г. Монферранъ не имѣлъ намѣренія собирать, и хотя въ его галлереѣ имена Джуліо-Романо, Пальма-Веккіо, Теньеръ и др. представлены хорошими картинами, однакожъ главное вниманіе его было обращено на скуль-

птуру. Зато по этой отрасли искусства ему удалось составить собраніе, которое въ Россіи, послѣ Императорскаго, не имѣетъ себѣ равнаго и можетъ поспорить съ подобными частными собраніями сѣвера Европы.

Размѣщеніе большихъ изваяній представляетъ для частныхъ людей много трудностей при недостаткѣ отдѣльныхъ заловъ, которые было бы можно устроить именно для музея. Надобно такъ разставить произведенія искусства, чтобы они служили и украшеніемъ для комнатъ и въ то же время были доступны со всѣхъ сторонъ глазу любителя. Эта трудная задача никому не удавалась въ большей степени, какъ г. Монферрану, который съ большимъ вкусомъ и вѣрнымъ тактомъ воспользовался для этой цѣли образцами Италіи и ловко побѣдилъ препятствія нашего сѣвернаго климата.

Въ его небольшомъ красивомъ домѣ каждый уголокъ удачно употребленъ въ пользу и художественно убранъ. Вступая въ него, мы проходимъ, черезъ сѣни, украшенныя живописью и изваяніями, древними и новыми, въ первый дворъ, и тутъ уже мы какъ-будто перенесены въ Италію. Лѣвый фасадъ, съ такъ-называемою флорентинскою крышей, богато декорированъ выступающими изъ люнетъ изображеніями великихъ архитекторовъ и древними и новыми рельефами. На дворѣ направо стоятъ драгоцѣнные саркофаги, ниже подробно описанные, а помѣщающіеся между ними статуи, бюсты и цвѣты вызываютъ въ памяти всю прелесть итальянскихъ виллъ. Узкія стѣны представляютъ, одна — написанное аль-фреско тріумфальное шествіе Карла V, копія съ Рубенса, другая — гальваническое повтореніе Мадонны съ Младенцемъ, работы Витали, подарокъ въ Бозѣ почивающаго Герцога Лейхтенбергскаго. Середина двора занята пластическими произведеніями большаго размѣра; между ними первое мѣсто принадлежитъ колоссальному Цезарю изъ бронзы, замѣчательнѣйшей и древнѣйшей изо всѣхъ *историческихъ* колоссальныхъ бронзовыхъ статуй, дошедшихъ до нашего времени (см. табл. 1 № 1-й на приложенныхъ здѣсь рисункахъ). Кромѣ античныхъ изваяній здѣсь расположены превосходныя бронзовыя копіи Гужонова подножія канделабра съ тремя мальчиками, Пилонова памятника Генриха II, короля французскаго, съ тремя граціями, Версальской Діаны, группы Лаокоона, копія замѣчательная, которую Крозатье сдѣлалъ для Людовика XVIII, — всѣ копіи въ величину оригиналовъ, — и наконецъ извѣстная группа Лемуана — Медея, по умерщвленіи дѣтей обращающаяся въ бѣгство, безспорно одно изъ лучшихъ мраморныхъ произведеній нашего

времени. Налѣво передъ дверью, ведущею въ покой владѣльца дома, стоитъ исполненное также изъ бронзы граціозное произведеніе Кроватье — мальчикъ, держащій лебедя.

Крытый переходъ, который ведетъ изъ этого перваго двора во второй, составляетъ, можно сказать, самъ по себѣ маленькій музей. Здѣсь вдѣланы въ стѣны древніе и новые рельефы; здѣсь же разставлены бюсты и саркофаги (именно оба большіе египетскіе саркофага). Кромѣ античныхъ предметовъ, о которыхъ будетъ говорено подробнѣе ниже, вы найдете здѣсь круглый мраморный рельефъ Луки делла-Роббья, изобрѣтателя особеннаго, по его имени названнаго, рода фаянсовой работы, того самаго художника, который исполнилъ превосходныхъ бронзовыхъ животныхъ въ ризницѣ флорентинскаго собора. Принадлежащій г. Монферрану рельефъ представляетъ Святую Дѣву съ Младенцемъ между двумя ангелами и, судя по стилю, можетъ быть отнесенъ къ раннимъ произведеніямъ мастера. Интересенъ также, къ сожалѣнію нѣсколько пострадавшій, рельефъ западно-германской или нидерландской работы со многими сценами изъ жизни св. Губерта.

Во второмъ дворѣ, также украшенномъ живописью и рельефами, стоитъ въ нишѣ статуя Музы, изображенная на приложенныхъ здѣсь рисункахъ (подъ № 3 на I табл.), превосходное мраморное изваяніе самаго благороднаго стиля.

Если со двора вступимъ мы въ самый домъ, то здѣсь внизу въ нѣсколькихъ комнатахъ мы найдемъ одно изъ самыхъ полныхъ собраній старыхъ и новыхъ вещей изъ маіолики, фаянса и фарфора. Сначала нѣсколько блюдъ испанско-арабскаго искусства, процвѣтавшаго на Балеарскихъ островахъ и въ королевствѣ Гренадскомъ. Они покрыты украшеніями красноватаго, металлически-блестящаго цвѣта по бѣлому или пестрому полю. Имъ подражали древнѣйшія италіянскія фабрики въ Фаэнцѣ, Губбіо, Кастель-Дурантино и др.; но на произведеніяхъ этихъ фабрикъ находятся уже по большей части грудныя изображенія съ надписями. Потомъ мы замѣчаемъ вліяніе школы Рафаэля и вновь распространившагося уваженія къ сокровищамъ классической древности: на этихъ тарелкахъ, блюдахъ, парадныхъ сосудахъ попадаются повторенія композицій Рафаэля и Джуліо Романо, а на одномъ — изображена найденная въ 1506 году въ термахъ Тита группа Лаокоона, еще до ея реставраціи по моделямъ Джіованни Аньоло. Нѣтъ недостатка и въ превосходной посудѣ съ рельефами Бернарда Палиси и его школы; большое блюдо съ пресмыкающимися и рыбами Сены находится здѣсь въ прево-

сходномъ экземплярѣ. Не менѣе полонъ рядъ красивыхъ французскихъ, нюренбергскихъ и мейссенскихъ фарфоровыхъ фигуръ; далѣе вазы и другія вещи знаменитой Севрской фабрики изъ самаго блистательнаго ея времени и т. д. Многочисленное собраніе китайскихъ и японскихъ фарфоровыхъ вещей, между которыми есть экземпляры особенной рѣдкости съ отличною позолотой и рельефами, помѣщено въ одной изъ залъ верхняго этажа. Вообще же это собраніе европейской и восточной посуды изъ фаянса и фарфора заключаетъ въ себѣ отъ 550 до 600 отборныхъ предметовъ.

Множествомъ драгоцѣнностей всякаго рода наполненъ кабинетъ владѣльца дома. Здѣсь находятся кромѣ богатаго собранія книгъ, преимущественно по искусству и его исторіи, античныя греческія, римскія и египетскія мелкія вещи изъ мрамора и бронзы; между прочимъ голова молодаго Египтянина въ половину естественной величины, превосходно исполненная изъ мрамора и расписанная, — весьма интересный и рѣдкій остатокъ искусства этой страны. Красивые мраморные рельефы, въ стилѣ Фьяминго и французскихъ художниковъ, расположены въ деревянной обдѣлкѣ стѣнъ. Между ними размѣщены на консоляхъ статуэтты изъ бронзы, древней и новой работы, и другія такія же изъ буковаго дерева, нѣмецкихъ и итальянскихъ мастеровъ, наконецъ старинныя миніятюры и акварели и бронзовые медальйоны XV и XVI столѣтій. Нельзя не упомянуть особенно объ увѣнчанной лавромъ головѣ Генриха IV, мраморномъ изваяніи Іоанна изъ Дуэ (Douay) во Фландріи, извѣстнаго подъ именемъ Іоанна Болонскаго, Giovanni da Bologna, произведеніи мастерскомъ, можетъ-быть принадлежавшемъ къ модели статуи великаго короля, нѣкогда украшавшей Новый-Мостъ (Pont neuf) въ Парижѣ; далѣе о превосходномъ бюстѣ сатира работы Донателло и о желѣзномъ сѣдалищѣ съ извѣстнымъ шифромъ французскаго короля Генриха II.

Въ небольшомъ боковомъ кабинетѣ вы найдете богатое собраніе индійскихъ и китайскихъ бронзовыхъ фигуръ, отчасти богато-позолоченныхъ, далѣе греческія и римскія вещицы изъ бронзы и египетскія фигурки изъ жженой глины, наконецъ нѣсколько античныхъ мраморныхъ фрагментовъ и между ними колоссальную ногу. Все это помѣщается въ большомъ рѣзномъ шкафѣ италіянской работы XVI вѣка.

Въ верхнемъ этажѣ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе превосходная статуя Аполлона, о которой мы подробно говоримъ ниже (табл. 1 № 2). Она стоитъ, окруженная цвѣтами и зеленью,

въ изящномъ переходѣ, и можетъ быть удобно разсматриваема со всѣхъ сторонъ.

Слѣдующій изъ залъ, образцовый по вкусу и богатству украшеній, представляетъ нашимъ глазамъ стиль Фонтенбло̀. Каминъ и нѣкоторыя другія скульптуры происходятъ изъ извѣстнаго венеціянскаго дворца Гриньяни-Гримальди. Матеріяломъ для камина служилъ истрійскій камень; исполненіе показываетъ стиль Сансовино; каминъ украшаютъ два фавна, исполняющіе должность теламоновъ, а на вершинѣ стоятъ двѣ прекрасныя чаши изъ шведскаго порфира. Превосходный рельефъ изъ жженой глины занимаетъ среднее мѣсто пространства надъ каминомъ. Это произведеніе, замѣчательное и по рѣдкости и по прекрасному сохраненію, изображаетъ сидящую Богоматерь съ Младенцемъ, окруженную богатымъ вѣнкомъ изъ цвѣтовъ и плодовъ. Почетное мѣсто зала отдано драгоцѣнной маленькой картинѣ одной высокой руки.

Послѣдній большой залъ вводитъ насъ въ одинъ изъ римскихъ палаццо; мебель здѣсь вся старинная рѣзная; столы выложены дорогимъ камнемъ и слоновою костью. По срединѣ зала стоятъ хорошія копіи съ знаменитой присѣвшей Венеры, Venus accroupie (въ Неаполѣ), и съ Гебы Кановы (работы Трискорни въ Римѣ) и исполненный изъ цвѣтныхъ русскихъ мраморовъ бюстъ домовладѣльца, работы художниковъ и мастеровъ, занятыхъ въ Исакіевскомъ соборѣ, стиля италіянскихъ скульптуръ XVI столѣтія. На стѣнахъ красуются, кромѣ нѣсколькихъ античныхъ изваяній, пятнадцать колоссальныхъ бюстовъ римскихъ императоровъ и императрицъ, всѣ съ одеждами изъ цвѣтнаго мрамора, и изъ второй половины XVI вѣка.

На столахъ расположено составленное со вкусомъ собраніе бронзовыхъ произведеній, которому едва ли найдется подобное. Здѣсь мы видимъ сидящую статую папы Иннокентія работы Александро Альгарди, Славу и Меркурія Антона Куазво (Coyzevox), модели конныхъ статуй Генриха IV (работы Іоанна Болонскаго), Людвига XIV (стоявшей нѣкогда на place des Victoires въ Парижѣ), великаго курфирста Фридриха Вильгельма (находящейся въ Берлинѣ, работы Андрея Шлютера), далѣе Петра Великаго и Екатерины II, наконецъ группы и отдѣльныя фигуры по античнымъ моделямъ, по Челлини, Ангье и др. Но особенно замѣчательна маленькая мраморная статуэтта лежащаго Геркулеса, въ которой знатоки видятъ произведеніе Микель-Анджело.

Небольшая капелла подлѣ этого зала также заключаетъ въ себѣ нѣсколько художественныхъ произведеній, колоссальный бронзовый

бюстъ Государя Императора, прекрасную старинную оконную живопись на стеклѣ и деревянное распятіе португальской работы, на которомъ раны Спасителя обозначены маленькими рубинами.

Въ другомъ кабинетѣ одинъ большой стеклянный шкафъ содержитъ многочисленное собраніе старинныхъ произведеній изъ слоновой кости и серебряныхъ кубковъ, изъ которыхъ въ иные вставлены монеты. Послѣдніе по большей части нѣмецкой работы нюренбергскихъ, аугсбургскихъ, регенсбургскихъ и др. фабрикъ. Въ другомъ шкафѣ находятся драгоцѣнные камеи и рѣзные камни, миніятюры и эмаль на золотѣ. Словомъ, нѣтъ рода художественныхъ произведеній и рѣдкостей, который не находился бы въ хорошихъ образцахъ въ домѣ г. Монферрана.

Мы имѣемъ въ виду изо всего этого богатства спеціяльно заняться однѣми только античными скульптурами, и потому ограничиваемся сдѣланнымъ нами краткимъ описаніемъ остальныхъ частей этого замѣчательнаго собранія. Число античныхъ скульптуръ восходитъ до 110, изъ которыхъ 73 могутъ быть названы замѣчательными [1]). Ежели присоединить къ этимъ 110-ти предметамъ античной пластики около 130 или 140 средневѣковыхъ и новѣйшихъ большихъ и малыхъ скульптуръ изъ мрамора и бронзы, далѣе отъ 300 до 400 маленькихъ античныхъ и новѣйшихъ, восточныхъ и западныхъ, предметовъ изъ слоновой кости, серебра, бронзы, глины, дерева, наконецъ до 600 нумеровъ отборныхъ вещей изъ фаянса и фарфора, то мы получимъ общій итогъ художественныхъ сокровищъ, которыя удалось собрать г. Монферрану. Такъ какъ во всемъ этомъ множествѣ предметовъ нѣтъ ничего посредственнаго, не говоримъ уже плохаго, то нельзя не удивляться вкусу, ловкости и болѣе нежели тридцатилѣтнему прилежанію художника, обладающаго такими сокровищами.

Предметы древней скульптуры Монферрановскаго собранія происходятъ по большой части изъ коллекцій покойнаго принца Александра Виртембергскаго, брата Императрицы Маріи; другіе были куплены частію въ Петербургѣ и Москвѣ, частію за границею, въ Парижѣ, Римѣ, Тріэстѣ и др. мѣстахъ. За исключеніемъ статуи Юлія Цезаря, главной пьесы собранія, почти всѣ предметы, о ко-

[1]) Всѣ эти 73 предмета подробно описаны въ нашей статьѣ о собраніи г. Монферрана, помѣщенной въ VI-мъ томѣ Мемуаровъ Императорскаго археологическаго общества. Въ теперешней статьѣ мы остановимся только на самыхъ достопримѣчательныхъ изъ нихъ.

торыхъ мы будемъ говорить, изъ мрамора; мы опишемъ главнѣйшіе изъ нихъ, каждый отдѣльно, въ слѣдующемъ порядкѣ:

A. Предметы греческаго и римскаго искусства.

I. Статуи.

II. Бюсты.

III. Рельефы.

B. Предметы египетскіе.

—

I. СТАТУИ.

1. Цезарь, колоссальная статуя изъ бронзы (табл. I рис. 1). Юлій Цезарь изображенъ стоя, съ легкой бородой и въ лавровомъ вѣнкѣ. Свернутая хламида, лежащая на лѣвомъ плечѣ, обернута около лѣвой руки. Обувь составляютъ *крепиды*, украшенныя въ верху небольшою маской, переходящею въ раковину, ее увѣнчивающую. Поднятою выше головы правою рукой Цезарь опирался, вѣроятно, на копье. Вышина статуи 3 аршина $2^1/_4$ вершка.

Это первоклассное произведеніе древняго искусства есть единственная бронзовая статуя Цезаря, дошедшая до нашего времени; она была открыта въ Римѣ во время папы Пія VII въ одномъ виноградникѣ, не подалеку отъ св. Іоанна Латеранскаго, при раскопахъ, произведенныхъ съ разрѣшенія папы Н. Н. Демидовымъ. Ее нашли посрединѣ одной раскопанной комнаты, сброшенную съ пьедестала и разбитую въ куски. Изъ опасенія, чтобы дирекція папскихъ музеевъ, обративъ вниманіе на важность открытія, не воспользовалась своимъ правомъ пріобрѣсти этотъ прекрасный памятникъ, ее поспѣшили отправить въ кускахъ во Флоренцію, гдѣ куски были собраны однимъ ловкимъ художникомъ, и весьма не многія недостающія части замѣщены мастикой, которой приданъ цвѣтъ бронзы. До 1848 года статуя оставалась во Флоренціи и была предметомъ удивленія любителей и знатоковъ искусства, для которыхъ былъ открытъ домъ г. Демидова. Сынъ перваго владѣльца, г. А. Н. Демидовъ, подарилъ ее г. Монферрану.

Для оцѣнки этого произведенія надобно замѣтить, что статуи Цезаря вообще очень рѣдки и, за исключеніемъ этой, всѣ изъ мрамора; къ тому же онѣ не могутъ сравниться съ ней по изяществу работы; стиль большей части изъ нихъ показываетъ рѣзецъ худож-

никовъ, жившихъ гораздо позже Цезаря, между тѣмъ какъ статуя, принадлежащая г. Монферрану, относится безъ всякаго сомнѣнія къ его эпохѣ [1]).

Это впрочемъ не та статуя, облеченная въ кирасу, о которой говоритъ Плиній [2]), которую Цезарь позволилъ поставить въ свою честь на форумѣ, и къ пьедесталу которой былъ, вѣроятно, однажды приклеенъ пасквиль: Brutus quia reges ejecit Consul primus factus est; Hic, quia consules ejecit, Rex postremo factus est [3]). Она и не изъ тѣхъ статуй, которыя были посвящены Цезарю послѣ его смерти, какъ показываетъ легкая борода, замѣчаемая на ней. Эта борода находится, повидимому, въ противорѣчіи съ описаніемъ наружности диктатора, которое даетъ намъ Светоній [4]) въ слѣдующихъ словахъ: «онъ былъ высокаго роста, имѣлъ кожу бѣлую, тѣлосложеніе тонкое, лицо довольно полное; глаза у него были живые и черные: здоровье хорошее; онъ очень заботился о своей наружности, съ

[1]) Вотъ всѣ достовѣрныя статуи Цезаря. Одна, въ костюмѣ жреческомъ и сильно реставрированная, находится въ Римѣ въ коллекціи Маттеи (Clarac Musée des sculptures, V, pl. 910. № 2,318 C.); другая, въ той же коллекціи, представляетъ диктатора нагимъ (ibid. № 2,318 B.); эта статуя изъ разряда тѣхъ, которыя, по Плинію (N. H. XXXIV, 10, 5), назывались ахилловскими и изображали особу нагою съ копьемъ въ рукѣ; шаръ въ рукѣ этой статуи есть придѣлка новѣйшаго реставратора. Статуи музея Капитолинскаго въ Римѣ (Clarac, pl. 912. № 2,418 A.) и музея Бурбонскаго въ Неаполѣ (ibid. pl. 916 № 2,418 D) представляютъ Цезаря въ кирасѣ, украшенной двумя грифонами, и въ палудаментѣ; статуя, находящаяся въ Неаполѣ, держитъ въ рукѣ мечь съ заостренною оконечностью, которому Монжесъ и другіе антикваріи даютъ имя *паразонія*, parazonium, означающее мечь, посимый на поясѣ; но мечь, который употребляли для команды римскіе императоры, былъ на столько тяжелъ, что его, вѣроятно, вѣшали на перевязи, и потому его нельзя называть паразоніемъ. Замѣчаемъ объ этомъ потому, что подобный мечь, конечно, держала въ рукахъ и наша статуя; онъ былъ не изъ бронзы, а изъ другаго болѣе драгоцѣннаго матеріяла, разрушеннаго временемъ или пострадавшаго отъ другой какой-нибудь причины. — Бюсты Цезаря неменѣе рѣдки. Висконти приводитъ одинъ колоссальный въ Неаполѣ и одинъ изъ базальта, находившійся въ С.-Клу (Iconographie romaine, pl. 17, 18); въ Берлинскомъ музеѣ естъ два, изъ которыхъ одинъ, изъ коллекціи Полиньяка, наставленъ на торсъ статуи въ тогѣ, statua togata, отрытой въ 1824 году въ Колоннѣ близь Рима (Tieck Verzeichniss der antiken Bildhauerwerke des königlichen Museums zu Berlin № 167, 169); пятый, сильно реставрированный, находится въ новомъ Эрмитажѣ въ С.-Петербургѣ; шестой, въ костюмѣ верховнаго жреца, въ Луврѣ. — Не горимъ о другихъ мраморахъ, приписываемыхъ основателю Римской имперіи, но достовѣрность которыхъ подлежитъ сомнѣнію.

[2]) N. H. XXXIV, § 10.

[3]) Sueton. 80.

[4]) Sueton. 45.

тщательностію подстригалъ себѣ волосы, брился и даже завивался.» Извѣстно, что цезарь употреблялъ много времени на свой туалетъ: но, конечно, это бывало только во время мира; въ кампаніяхъ Цезарь бывалъ принужденъ оставлять на время свои привычки. Светоній самъ сообщаетъ намъ въ другомъ мѣстѣ, что, по пораженіи Титурія, Цезарь далъ обѣтъ не касаться своихъ волосъ, пока не отомститъ за своего генерала [1]).

Есть еще одинъ не менѣе подлинный памятникъ, на которомъ Цезарь также изображенъ съ бородою. Это бронзовая медаль, битая въ Галліи при Августѣ. Сообщаемъ здѣсь ея лицевую сторону съ оригинала, находящагося въ превосходномъ собраніи г. Сабатье.

Она представляетъ бюстъ Цезаря въ лавровомъ вѣнкѣ и съ легкою бородой, обращенный вправо и окруженный надписью DIVOS JULIUS; на оборотѣ изображена голова Августа, тоже съ легкою бородой и въ лавровомъ вѣнкѣ, обращенная вправо, съ надписью: CAESAR. DIVI. F(ilius). Не вѣроятно ли, что гальскій граверъ изобразилъ Цезаря такимъ, какимъ онъ видалъ его во время его кампаній, и что онъ придалъ и его преемнику черты, близко подходящія къ чертамъ дѣда?

Ни одна мраморная статуя не представляетъ намъ Цезаря въ лавровомъ вѣнкѣ, какимъ мы его видимъ въ бронзовой статуѣ г. Монферрана и на большей части медалей. Это показываетъ, можетъ-быть, что за исключеніемъ статуи коллекціи Маттеи въ Римѣ, которая изображаетъ Цезаря въ жреческомъ одѣяніи, всѣ онѣ происходятъ изъ позднѣйшей эпохи, ибо извѣстно, что Цезарь весьма дорожилъ даннымъ ему отъ сената правомъ всегда ходить въ лавровомъ вѣнкѣ, который дѣлалъ незамѣтнымъ его недостатокъ во-

[1]) Sueton. 67.

лосъ [1]). Монеты римскихъ фамилій въ самомъ дѣлѣ всегда представляютъ бюстъ Цезаря, украшенный лавровымъ вѣнскомъ [2]).

Замѣтимъ еще, что наша статуя изображаетъ Цезаря, какъ *героя*, побѣдителя вселенной; онъ не имѣетъ на себѣ ни тоги консула, ни костюма и эмблемъ верховнаго жреца. Его костюмъ составляетъ греческая *хламида*, которая одна приличествуетъ для героическаго изображенія; обувь—не калиги римскихъ солдатъ, caligae, состоявшія въ простой толстой подошвѣ, привязанной ремнями, закрѣплявшимися надъ лодыжками: эти калиги, по которымъ римскіе солдаты назывались milites caligati, были очень грубы и подбиты острыми гвоздями, тогда какъ обувь нашей статуи очень щеголевата. Кажется, что это скорѣе греческія крепиды, соотвѣтствующія хламидѣ и приличныя героической статуѣ. Работана была наша статуя, вѣроятно, однимъ изъ греческихъ художниковъ, поселившихся въ Римѣ, гдѣ артистическія прихоти знатныхъ людей давали имъ много занятій. Плиній и другіе писатели приводятъ много именъ этихъ артистовъ [3]), но скудныя свѣдѣнія, которыя мы объ нихъ имѣемъ, не даютъ возможности дѣлать заключеній о томъ, кому изъ нихъ можетъ быть приписана наша статуя. Во всякомъ случаѣ мы считаемъ несомнѣннымъ, что она работана во время Цезаря, и полагаемъ, что ее слѣдуетъ отнести къ послѣднимъ годамъ его жизни; Цезарь имѣетъ въ ней около 55 лѣтъ; онъ изображенъ побѣдителемъ не только Галліи, но вѣроятно и Помпея, изображенъ, какъ его привыкла видѣть армія, въ лавровомъ вѣнкѣ и съ легкою бородой.

Всѣмъ извѣстна необыкновенная рѣдкость большихъ предметовъ античной бронзы, которые, уже по цѣнности матеріала, были болѣе подвержены разрушенію, нежели вещи изъ мрамора. Много бронзы было переплавлено варварами, наводнившими Италію съ IV вѣка;

[1]) Sueton. 45: ex omnibus decretis sibi a senatu populoque honoribus, non aliud aut recepit aut usurpavit libentius, quam jus laureae perpetuo gestandae.

[2]) Sueton. 80.

[3]) Plin. N. H. XXXVI, 4, 10, 12. Cp. Müller Hdb. d. Arch. §. 196, 2.

еще болѣе погибло благодаря варварству средневѣковыхъ Италіянцевъ [1]). Небольшое количество античныхъ предметовъ изъ бронзы, находящееся въ музеяхъ Европы, происходитъ почти все изъ раскоповъ новѣйшаго времени, начиная со второй половины XVII вѣка; и въ этомъ небольшомъ количествѣ наша статуя занимаетъ неоспоримо одно изъ первыхъ мѣстъ. Бронза на ней превосходная, очень тонкая, покрытая превосходною патиной; она была надломлена въ разныхъ мѣстахъ, на груди, спинѣ и бедрахъ, но, какъ сказано, очень ловко составлена.

2. Аполлонъ Киѳаредъ, статуя изъ паросскаго мрамора (табл. I рис. 2). Она представляетъ Аполлона стоящимъ, съ волосами, зачесанными въ большой узелъ, называвшійся у Грековъ кробилосомъ; лѣвая нога заложена спереди за правую и только пальцами касается земли; на правой покоится слегка склоненное напередъ туловище бога. Приподнятою лѣвою рукой Аполлонъ поддерживаетъ лиру, на которой онъ другою рукой бряцаетъ. Его верхнее платье, небрежно наброшенное на лѣвое плечо, спускается до земли и прикрываетъ своими складками гуся, сидящаго у ногъ бога и держащаго въ клювѣ край его драпировки. Вышина 2 арш. $6^3/_8$ верш.

Мѣсто открытія этого прекраснаго памятника неизвѣстно. Прежде сего онъ находился въ галлереѣ маркиза Капони во Флоренціи, по смерти маркиза и распродажѣ галлереи въ 1817 году былъ купленъ г-ми Мора и Марешалемъ, отъ нихъ поступилъ въ собственность графа А. Г. въ Москвѣ, переходилъ послѣ смерти графа черезъ нѣсколько рукъ и попалъ наконецъ въ извѣстный московскій магазинъ г. Волкова, который уступилъ его г. Монферрану. Сохранился онъ весьма хорошо. Голова не была отдѣлена отъ туловища, какъ у большей части античныхъ статуй; реставрированныя части суть: кробилосъ волосъ, носъ, восемь пальцевъ на рукахъ, часть лѣваго плеча, небольшая часть праваго бедра, большой палецъ правой ноги и части половыя. Остальное все античное, и хотя статуя была къ сожалѣнію разбита на куски, но реставрація сдѣлана такъ удачно, что пострадавшія мѣста едва можно замѣтить.

Мы не сомнѣваясь относимъ ее къ лучшимъ временамъ греческаго искусства. Ея стиль, легкій, нѣжный, граціозный, указываетъ именно на вторую эпоху процвѣтанія греческаго ваянія, на такъ

[1]) Извѣстенъ каламбуръ: Quod non fecerunt barbari, fecerunt Barberini, относящійся къ похищенію бронзовыхъ украшеній Пантеона.

называемую эпоху реставраціи, къ которой между прочимъ относится Венера Мидичейская, произведеніе Клеомена сына Аполлодорова. Какъ эта Венера, по словамъ Винкельмана, есть роза раскрывающаяся, такъ въ нашемъ Аполлонѣ представленъ возрастъ юношескій въ его лучшей красотѣ. Грація и простота позы, чистота очертаній, благородство и выразительность головы, все заставляетъ причислить эту статую къ замѣчательнымъ античнымъ изваяніямъ изъ пощаженныхъ рукою времени. При всей нѣжности тѣлосложенія нѣтъ однако же недостатка и въ выраженіи юношеской силы и бодрости: туловище высоко и гибко, лядвеи упруги, бедра удлиннены. Красивый овалъ лица еще увеличивается іонійскимъ узломъ волосъ (κρωβύλος, σκορπίος), увѣнчивающимъ голову. Лира, находящаяся въ рукахъ бога, сдѣлана изъ бронзы и новѣйшей работы, но нѣтъ сомнѣнія, что античный оригиналъ былъ тоже изъ металла, покрытаго, можетъ-быть, позолотой. Лира составляетъ главный аттрибутъ нашей статуи и показываетъ, что мы имѣемъ передъ собою Аполлона, покровителя музыки, хотя и нельзя назвать его пиѳійскимъ агонистомъ: пиѳійскій Аполлонъ всегда изображается въ столѣ и съ очень большою лирой (формингой) въ рукахъ. Положеніе на нашей статуѣ лиры и лѣвой руки, ее поддерживающей, заставляетъ предполагать, что Аполлонъ опирается на какой-нибудь древесный стволъ; но этотъ аксессоаръ опущенъ художникомъ по той вольности, слѣды которой часто встрѣчаются на античныхъ произведеніяхъ [1]). Птица, находящаяся у ногъ фигуры, имѣетъ повидимому только значеніе подпоры, какъ дельфинъ, сопровождающій Венеру Медичейскую. На нашей статуѣ она похожа болѣе на гуся, нежели на лебедя, котораго мы ожидали бы вблизи Аполлона. Можно было бы думать, что голова и короткая шея этой птицы есть дѣло новѣйшаго неловкаго реставратора, но вся фигура птицы совершенно хорошо сохранилась и не представляетъ никакихъ слѣдовъ позднѣйшей переработки. Связь Аполлона съ лебедемъ общеизвѣстна: на колесницѣ, украшенной лебедиными крыльями, прибывалъ сынъ Латоны изъ страны Гипербореевъ въ Дельфы при началѣ жатвы, и лебедь принесъ его также на островъ Делосъ; пеанъ Алкея [2]), античныя картины [3]), монеты Хал-

[1]) Такъ напримѣръ на античныхъ картинахъ и рельефахъ нерѣдко встрѣчается, что у героевъ съ боку виситъ мечь, а перевязи, на которой онъ виситъ, не видно.

[2]) См. фрагментъ въ прозѣ у Гимерія 14, 10.

[3]) Tischbein IV, pl. 8. Laborde II, pl. 26.

кедона биѳинскаго [1]) и другіе памятники изображаютъ Аполлона въ этомъ его явленіи (ἐπιφανία). Но ни одинъ древній писатель не упоминаетъ объ отношеніяхъ Аполлона къ гусю. Не есть ли нашъ гусь только другая форма лебедя? Виргилій, по крайней мѣрѣ, называетъ Юпитера, преобразившагося въ лебедя, чтобы приблизиться къ Ледѣ, Anseramyclaeus [2]).

Извѣстно нѣсколько статуй, похожихъ на нашу, — обстоятельство, показывающее, что всѣ онѣ должны быть копіи съ весьма знаменитаго въ древности изваянія. Одна изъ нихъ (Clarac III, pl. 479 № 918) находится въ музеумѣ Бурбонскомъ въ Неаполѣ, и представляетъ Аполлона совершенно въ такомъ же положеніи, только съ головою, обращенною влѣво, и съ ясно видимымъ лебедемъ у ногъ. Другая (Clarac pl. 483, № 928 A.), въ музеѣ Капитолинскомъ въ Римѣ, изображаетъ тотъ же сюжетъ, но съ орломъ вмѣсто лебедя; эта статуя довольно реставрирована, голова на ней новая, лиры нѣтъ, но орелъ античный, и это показываетъ, что заказыватели статуй позволяли себѣ по произволу замѣнять лебедя первоначальнаго оригинала: такъ на нашей статуѣ мы видимъ гуся, а на капитолинской Римлянинъ велѣлъ изваять орла, побѣдоносный символъ своей республики. Третья статуя сохраняется въ Версальскомъ паркѣ близь Парижа (Clarac pl. 489. № 948 A.); она работы плохой; птицы у ногъ вовсе нѣтъ, и вмѣсто лиры, по ошибкѣ новѣйшаго реставратора, находится въ правой рукѣ Аполлона колчанъ, изъ котораго лѣвою рукою онъ вынимаетъ стрѣлу. Наконецъ четвертая статуя, опять въ музеѣ Капитолинскомъ (Clarac pl. 490 № 954 A.), представляетъ Аполлона въ томъ же положеніи, но безъ кробилоса; въ лѣвой рукѣ Аполлона форминга, опирающаяся на столбъ, въ правой plectrum; верхнее одѣяніе лежитъ на столбѣ и закрываетъ большую его часть; птицы нѣтъ. Эта статуя отличается отъ другихъ тѣмъ, что на ней лира античная, значительной величины и изъ мрамора; кромѣ того она показываетъ намъ столбъ, котораго нѣтъ на остальныхъ четырехъ статуяхъ, и который надобно однакоже предполагать позади птицы подъ спускающимся до земли верхнимъ одѣяніемъ, чтобы объяснить склоненную налѣво позу фигуры.

Между всѣми этими статуями наша статуя не только самая лучшая, но и самая древняя и наилучшимъ образомъ сохранившаяся.

[1]) Eckhel D. N. V. II, p. 412,

[2]) Virg. Cirris 488 c. not. Wagn.

3. **Муза**, статуя изъ греческаго мрамора (табл. I рис. 3). Передъ нами Эвтерпа въ длинномъ хитонѣ, χίτων ποδήρης, съ короткими рукавами и въ верхнемъ одѣяніи (ἀμπεχόνιον?), окружающемъ среднюю часть фигуры. Голова, украшенная *сфендоной*, наставлена; руки, въ которыхъ флейты, новѣйшей работы; на ногахъ нѣчто въ родѣ *сокковъ*. В. 2 арш. 11 в.

По характеру работы мы относимъ это превосходное изваяніе къ послѣднему времени римской республики. Такъ какъ аттрибуты суть дѣло новѣйшей реставраціи, то довольно трудно опредѣлить, какую музу мы имѣемъ передъ нами въ этой статуѣ. Та же поза и та же драпировка встрѣчаются на многихъ другихъ фигурахъ, именно на одной музѣ въ Ватиканѣ (Clarac pl. 507. № 1015) и на одной изъ коллекціи Весковали въ Римѣ (ibid. 530. № 1102). Этихъ послѣднихъ называютъ Эвтерпою и Ураніею, но ихъ отличительные аттрибуты также новѣйшей работы. Третья подобная статуя, называемая Кліо (Clarac pl. 500 № 987), находится въ королевскомъ музеѣ въ Стокгольмѣ, но на ней голова наставлена, а руки аттрибуты новѣйшей работы. Наша муза не можетъ быть принята ни за Ѳалію, ни за Мелпомену, а равно и не за Терпсихору или Эрату. Позы этихъ музъ, условливаемыя ихъ аттрибутами, отличны отъ позы нашей статуи. Полимнія обыкновенно изображается въ раздумьѣ, почти всегда закутанная въ свой *пеплосъ*. Въ изображеніяхъ Ураніи и Калліопы, руки, въ которыхъ находятся аттрибуты, бываютъ ближе одна къ другой, нежели античныя части рукъ нашей статуи. Остаются такимъ образомъ только Кліо и Эвтерпа, и изъ этихъ двухъ, по нашему мнѣнію, скорѣе можно избрать Эвтерпу, вмѣстѣ съ опытнымъ и разсудительнымъ художникомъ, весьма удачно раставрировавшимъ эту статую. Голова ея, какъ уже сказано, наставленная, имѣетъ пріятное выраженіе и представляетъ, вѣроятно, портретъ какой-нибудь римской дамы.

4. **Венера** (табл. I рис. 4). Длинное одѣяніе обернуто около нижнихъ оконечностей и оставляетъ нагою всю верхнюю часть туловища. Фигура стоитъ на правой ногѣ, прислоненной къ сосуду, на которомъ лежитъ другой кусокъ одежды, украшенной бахрамою. Голова, съ волосами, заплетенными въ *коримбосъ*, наставлена; по плечамъ разсыпаются двѣ пряди волосъ. Рукъ нѣтъ; нѣкоторыя части лядвій и драпировки реставрированы. В. 2 арш. 13 в.

Въ этомъ граціозномъ изваяніи, пріобрѣтенномъ въ Римѣ чрезъ посредство французскаго скульптора г. Лемуана, мы имѣемъ передъ собою повтореніе одной знаменитой древней статуи, копіи съ ко-

торой встрѣчаются часто, то въ видѣ Венеры, то въ видѣ нимфъ, стоящихъ передъ бассейномъ. Изъ статуй Венеры наиболѣе подходятъ къ нашей статуѣ находящіяся въ Римѣ въ музеѣ Кьярамонти (Венера изъ Габій, Clarac pl. 600 № 1324) въ виллѣ Альбани (ibid. pl. 602 № 1332 A.), въ собраніи Джустиніани (ibid. pl. 606 № 1338), также въ музеѣ Дрезденскомъ (ibid. № 1337). Но на такихъ статуяхъ рѣдко встрѣчается сосудъ съ ароматами, стоящій подлѣ Венеры. Чаще этотъ сосудъ составляетъ аксессоаръ статуй нагой Венеры, какова напр. знаменитая Венера Капитолинская (Clarac pl. 626 B. № 1383 D. см. Пропилеи кн. I. отд. 1 стр. 131). Нерѣдко изображаются въ такомъ положеніи нимфы, или стоящія передъ бассейномъ, какъ граціозная фигура коллекціи графа Нессельроде, или держащія сосудъ съ водою, по большей части въ формѣ раковины, какъ въ музеѣ Піо-Клементинскомъ и въ коллекціи Энсонъ въ Англіи (Clarac pl. 754 № 1838 A. 1839, 1840; pl. 760, № 1856). Обыкновенно такимъ статуямъ даютъ имя Данаидъ, но по нашему мнѣнію едва ли вѣрно, потому что выраженія раскаянія или горести на нихъ вовсе не видно. Висконти, основываясь на двухъ мѣстахъ Овидіева «Искусства Любить», полагалъ, что такія фигуры стояли на форумѣ Цезаря и носили имя Аппіадъ, но эти мѣста Овидія слишкомъ темны, и ни одинъ писатель древности не объясняетъ загадочнаго наименованія «Аппіады». Что такія фигуры употреблялись въ древности для украшенія фонтановъ, видно изъ множества рельефовъ, на которыхъ онѣ изображены, или отдѣльно, или въ соединеніи съ другими божествами, и притомъ съ надписями, обозначающими ихъ, какъ фонтанныхъ нимфъ [1]).

5. Адріанъ (таб. I рис. 5). Императоръ изображенъ въ кирасѣ, придерживаемой поясомъ, въ *paludamentum* и сандаліяхъ; въ лѣвой рукѣ у него мечь, котораго перевязь надѣта сверхъ кирасы; предметъ, который онъ держалъ въ правой рукѣ, отбитъ; вѣроятно, это было копье; съ правой стороны статую поддерживаетъ древесный стволъ. Голова наставлена; затылокъ, носъ и одна рука реставрированы. В. 2 арш. $13^3/_4$ в.

Сходство съ Адріаномъ очень велико. Чтобъ облегчить сравненіе,

[1]) Millin gall myth. pl. LXXX № 529, 530, pl. LXXXI № 476, pl. CXXVII № 475, etc. etc., и неизданный рельефъ Эрмитажа, даръ нимфамъ, принесенный Фоліей, дочерью Героса.

прилагаемъ здѣсь изображеніе одной прекрасной золотой монеты этого императора, чеканенной въ Египтѣ.

Волосы на головѣ и бородѣ нашего бюста работаны буравомъ, но этотъ техническій пріемъ не можетъ служить къ опредѣленію эпохи, потому что его стали уже употреблять въ послѣднее время республики. Впрочемъ стиль статуи ясно показываетъ, что она исполнена около половины III вѣка по Р. Х. Она была, можетъ-быть, воздвигнута въ знакъ благодарности императору какимъ-нибудь городомъ или колоніею; кираса говоритъ, какъ кажется, за колонію. Пьедесталъ, на нашемъ рисункѣ не представленный по недостатку мѣста, состоитъ изъ трехъ рельефовъ. На переднемъ рельефѣ изображены два крылатые генія, одною рукой держащіе находящійся между ними большой лавровый вѣнокъ, а другою рукой концы ленты, которою этотъ вѣнокъ перевязанъ; рельефъ, находящійся съ правой стороны статуи, представляетъ стоящаго сатира, обращеннаго направо; онъ одѣтъ въ *небриду*, держитъ въ лѣвой рукѣ посохъ, *pedum*, и смотритъ изъ-подъ правой руки вдаль [1]); наконецъ на третьемъ рельефѣ мы видимъ сатира, идущаго влѣво съ двумя флейтами въ рукахъ; обращенная въ сторону голова его увѣнчана. Три стороны послѣдняго рельефа украшены бордюромъ, составленнымъ изъ остроконечныхъ листьевъ. В. 1 арш. $3^1/_8$ в., ширина передней стороны 1 арш. 4 в., правой стороны $11^1/_8$ в., лѣвой стороны $6^1/_8$ в.

6. Муниципальная статуя (табл. I рис. 6). Римскій сановникъ съ коротко-остриженными волосами на головѣ и бородѣ, одѣтый въ тунику и тогу, держитъ въ правой рукѣ свертокъ, а лѣвою придерживаетъ тогу на груди; обувь составляютъ такъ-называемые *socci;* у ногъ стоитъ съ правой стороны круглый цилиндръ, *modius*, наполненный плодами В. 2 арш. $8^1/_2$ в.

Работа этой фигуры соотвѣтствуетъ времени Северовъ; сюжетъ вѣроятно представляетъ одного изъ сановниковъ, раздѣлявшихъ на-

[1]) Это слѣдовательно πανόπτης, см. Gerhard, Lichtgottheiten. Taf. I, 1; III, 3; IV, 5; etc.

роду хлѣбъ. Муниципальныя статуи въ подобномъ положеніи и костюмѣ не рѣдки: V-й томъ изданія графа Кларака представляетъ большое количество ихъ, по большей части изъ времени Антониновъ и Северовъ; но ни на одной изъ этихъ статуй нѣтъ эмблемы продовольствія, модіуса. Эта эмблема встрѣчается часто на монетахъ римскихъ императоровъ, гдѣ модіусъ нерѣдко помѣщается подлѣ Цереры [1]); иногда мы находимъ на нихъ и самую Аннону, богиню годичнаго урожая. На монетахъ римскихъ фамилій напротивъ модіусъ попадается очень рѣдко [2]).

Кромѣ описанныхъ статуй упомянемъ еще: объ отдыхающемъ Аполлонѣ Киѳаредѣ, изъ греческаго мрамора, какъ кажется времени Антониновъ; о Флорѣ, статуѣ превосходной по исполненію, въ полной драпировкѣ и съ дѣвственными формами, перешедшей сюда изъ дома г. Рибопьера въ Петербургѣ; о красивой молящейся греческой дѣвѣ, въ длинномъ хитонѣ и верхнемъ одѣяніи, замѣчательной по рѣдкости этого сюжета, и наконецъ о статуэттѣ, представляющей отдыхающаго фавна съ флейтой въ рукѣ, обыкновенно называемаго праксителевскимъ. Послѣдняя, единственная *статуэтта*, изображающая этотъ предметъ, даетъ намъ поводъ упомянуть о превосходной статуѣ Эрмитажа, одной изъ пяти античныхъ копій этого знаменитаго въ древности оригинала, находящихся тамъ. Статуя, о которой мы говоримъ, по изяществу концепціи и исполненія, далеко оставляетъ за собою всѣ многочисленныя повторенія этого оригинала, находящіяся въ музеяхъ Европы, и по прелести мотива, конечно, памятныя всѣмъ путешественникамъ.

II. БЮСТЫ.

Этотъ отдѣлъ представляетъ значительное собраніе изображеній боговъ: маленькій Юпитеръ, увѣнчанный лавромъ, изъ травертина, фрагментъ статуэтты изъ времени Северовъ; Юпитеръ дожденосный, *Jupiter Pluvius*, съ смоченными волосами [3]), фрагментъ большой ком-

[1]) Eckhel Doctrina nummorum veterum VI, p. 268.

[2]) Таковъ напр. денарій С. Ливинея Регула, одного изъ римскихъ префектовъ продовольствія 708 г. (45 до Р. Х.), см. Riccio, Monete delle famiglie rom. p. 126, pl. XXVIII, № 3.

[3]) Смоченные волосы приличны также Нептуну, но черты лица указываютъ въ нашемъ бюстѣ на Юпитера. Памятники, изображающіе римскаго Jupiter Pluvius, по гречески Ζεὺς ὄμβριος, рѣдки. Большою извѣстностью пользуется изображеніе, находящееся на колоннѣ Марка Аврелія въ Римѣ, воздвигнутой Коммодомъ въ память отцу; Юпитеръ изображенъ, какъ онъ ниспосылаетъ страждущимъ отъ безводія Римлянамъ благодѣтельный дождь и въ то же время

позиціи; Минерва, колоссальный бюстъ, фрагментъ статуи, съ головами барановъ на аттическомъ шлемѣ[1]; Венера, бюстъ изъ греческаго мрамора, съ головой, нѣсколько обращенною влѣво, и выраженіемъ лица весьма граціознымъ, также обломокъ древней статуи Венеры, вѣроятно, изъ времени реставраціи[2]; Амуръ, античное, но позднѣйшее повтореніе головы Амура, приписываемаго Праксителю (подражанія которому находятся во многихъ музеяхъ, напр. въ Римѣ, въ Неаполѣ, въ Эрмитажѣ, изъ которыхъ одно подарокъ папы Пія IX Государю Императору, другое поступило туда изъ коллекціи графини Лаваль, превосходной работы, но сильно реставрированное); Гермесъ, архаистическій бюстъ замѣчательной работы[3]).

Мы остановимся на слѣдующихъ бюстахъ:

1. Муза (табл. I. рис. 11). Прекрасный фрагментъ колоссальной статуи изъ паросскаго мрамора. Голова, украшенная лавровымъ вѣнкомъ, наставлена на бюстъ хорошей работы XVI вѣка съ дра-

низвергаетъ губительный градъ на ихъ непріятелей, Маркоманновъ; онъ представленъ съ крыльями, вода течетъ съ его головы и распростертыхъ рукъ.

[1]) Двѣ головы барановъ, изображенныя на шлемѣ, относятся или къ принесенію барановъ въ жертву Минервѣ, или еще вѣроятнѣе, къ воинственному ея значенію (такъ думаетъ Мюллеръ Archaelogie der Kunst, § 369, 2), ибо таранъ (aries) былъ орудіемъ, употреблявшимся въ древности для взятія стѣнъ. Тѣ же бараньи головы находятся на шлемѣ другаго бюста Паллады, найденнаго въ развалинахъ виллы Адріана близь Рима и сохраняемаго нынѣ въ музеѣ Капитолинскомъ. Третій памятникъ, представляющій голову барана въ связи съ Минервой, есть черный ясписъ коллекціи барона Штоша, теперь въ Берлинскомъ музеѣ; здѣсь мы видимъ сову, сидящую на бараньей головѣ; у ней во рту колосъ; подъ ногами совы, военное знамя (Tölken, Verzeichniss der vertieft geschnittenen Steine des Königl. Museums zu Berlin, стр. 128 № 351). Изъ этого видна рѣдкость бараньей головы, какъ аттрибута Минервы, и важность нашего памятника, который замѣчателенъ и по работѣ, и можетъ быть отнесенъ къ эпохѣ преемниковъ Александра. Полагаютъ, что къ той же статуѣ, на которой стоялъ нашъ бюстъ, принадлежалъ и фрагментъ колоссальной правой ступни, облеченной въ сандалію. Мраморъ и стиль этого фрагмента въ самомъ дѣлѣ подходятъ къ бюсту. Оба предмета находились прежде въ коллекціи покойнаго принца Александра Виртембергскаго и были имъ пріобрѣтены въ Италіи.

[2]) Подобный бюстъ превосходной работы находится въ Эрмитажѣ, но передняя сторона его нѣсколько повреждена дѣйствіемъ дождя и воздуха; вѣроятно, это тотъ самый бюстъ, который Винкельманнъ и Мюллеръ цитуютъ какъ Ніобу Царскаго Села, но въ немъ вовсе назамѣтно выраженіе скорби.

[3]) Волосы расположены спереди въ трехъ рядахъ круглыхъ завитковъ; широкая повязка, *taenia*, образующая надъ висками два узла, обвязана около головы выше этихъ завитковъ; на затылкѣ длинные волосы ниспадаютъ на шею; борода длинная и конической формы. Гермесъ изображенъ въ этомъ бюстѣ, какъ его изображали на т. н. *гермахъ* (см. Пропилеи Т. I. отд. I. стр. 7).

пировкой изъ восточнаго алебастра. Носъ реставрированъ. В. головы $6^1/_4$ в., съ бюстомъ 1 арш. 6 в.

Благородное и вдохновенное выраженіе головы, а равно и превосходное исполненіе показываютъ, что она принадлежитъ прекрасной эпохѣ греческаго искусства, вѣроятно, времени преемниковъ Александра В. Тогда уже давно стали изображать девять музъ вмѣсто прежнихъ трехъ, бывшихъ сюжетомъ изваяній Агелада аргосскаго, Канаха сикіонскаго и другихъ скульпторовъ до Перикла. Лисиппъ, Стронгиліонъ и другіе великіе скульпторы славились за свои статуи музъ [1]), и наша голова, можетъ-быть, принадлежала къ одной изъ группъ знаменитыхъ въ древности. Лавровый вѣнокъ составляетъ одну изъ самыхъ обыкновенныхъ принадлежностей этихъ существъ, общую имъ съ Аполлономъ Мусагетомъ. На знаменитыхъ картинахъ геркуланскихъ всѣ музы украшены этимъ вѣнкомъ; но особенно часто онъ встрѣчается на Кліо, Эвтерпѣ и Терпсихорѣ, рѣже на Мелпоменѣ и Эрато. Другимъ богинямъ, ни даже самымъ богинямъ побѣды, древніе не имѣли обыкновенія давать лавровый вѣнокъ; исключенія изъ этого правила очень рѣдки. Изображенія, на которыхъ музы имѣютъ на головѣ перья сиренъ, въ знакъ побѣды, одержанной ими надъ этими существами, относятся всѣ къ времени римскихъ императоровъ.

2. Клавдій (табл. I. рис. 9). Бюстъ императора въ лавровомъ вѣнкѣ изъ краснаго порфира съ бѣлыми пятнышками. В. $9^1/_2$ в. Этотъ прекрасный бюстъ, волосы котораго не кончены, есть драгоцѣнное изваяніе, не только потому, что изображенія этого императора изъ камня вообще очень рѣдки; но въ особенности потому, что оно единственное извѣстное изображеніе изъ порфира. Этотъ драгоцѣнный матеріялъ доставлялся въ Римъ по большей части изъ Аравіи и Египта, преимущественно же изъ каменоломней, находившихся на берегахъ Чермнаго моря. Зеленый видъ его употреблялся рѣдко, а для фигуръ вовсе не употреблялся; красный, *лептосефъ* [2]) древнихъ, былъ въ Египтѣ въ употребленіи съ давняго времени [3]), а греческіе художники стали употреблять его со времени Птоломеевъ для драпировки статуй, нагія части которыхъ исполнялись изъ

[1]) См. Müller Hdb. § 393 n. 2.

[2]) Плиній N. H. XXXVI, 11, 3. Ферновъ въ прим. къ Винкельману, III, стр. 360 n. 446. Clarac. I, p. 184. Это какъ кажется тотъ же камень, что и сіенитъ и пиропекилъ Плинія I. c. 13.

[3]) Winckelmann III, стр. 361, n. 451.

бѣлаго мрамора [1]). Въ Италіи изваянія изъ этого матеріяла были неизвѣстны до времени Клавдія, которому Витразій Полліонъ прислалъ изъ Египта нѣсколько порфировыхъ изваяній [2]), но эти скульптуры не имѣли успѣха въ Римѣ, какъ полагаетъ графъ Кларакъ [3]) — отъ того, что Полліонъ вѣроятно велѣлъ исполнить изъ этого матеріяла и головы, а равно и другія нагія части тѣла. Въ послѣдствіи порфиръ остался въ употребленіи для драпировокъ и оружія, гдѣ онъ производилъ хорошій эффектъ, а равно и для саркофаговъ, пепельныхъ цистъ, колоннъ и другихъ архитектурныхъ орнаментовъ. Особенно любилъ употреблять его Константинъ В.

Подлинность нашего бюста не подлежитъ сомнѣнію; онъ происходитъ изъ коллекціи принца Александра Виртембергскаго и есть самое древнее римское изваяніе изъ порфира, такъ какъ Винкельманъ и Висконти доказали, что бюсты предшествовавшихъ императоровъ и даже Веспасіана суть произведенія новѣйшаго времени. Прибавимъ, что нашъ бюстъ превосходно показываетъ безсмысленныя и тупыя черты уже старческаго лица этого цезаря, коротко знакомаго читателямъ «Пропилеевъ» изъ статей г. Кудрявцева.

3. Вителлій (табл. I. рис. 8). Бюстъ императора въ кирасѣ и *paludamentum* съ круглой запанкой на правомъ плечѣ. Драпировка хорошей новой работы. В. головы $6\frac{7}{8}$ в., съ бюстомъ 15 в. Висконти замѣчаетъ [4]), что бюсты, обыкновенно приписываемые этому императору, не соотвѣтствуютъ подлиннымъ портретамъ его на медаляхъ. Они представляютъ, по мнѣнію знаменитаго археолога, условный портретъ, который былъ приписанъ Вителлію художниками XV вѣка. Нашъ бюстъ, напротивъ того, несомнѣнно подлинный; онъ происходитъ изъ дворца Гриньяни-Гримальди въ Венеціи и представляетъ всѣ черты этого императора, ту же форму головы, тотъ же носъ, тотъ же подбородокъ, какъ и на монетахъ. Въ подтвержденіе этого мы представляемъ здѣсь рисунокъ лицевой стороны прекрасной бронзовой медали изъ собранія г. Сабатье въ Петербургѣ [5]).

[1]) Winckelmann l. c. стр. 128 и стр. 361 n. 453.

[2]) Plinius N. H. XXXVI, 10.

[3]) Clarac I. 172, 181 etc.

[4]) Iconogr. II, 280.

[5]) Iconogr. pl. XIV, № 21, на оборотѣ: PAX AUGUSTI; императоръ и воинъ.

Это сходство придаетъ большой интересъ нашему бюсту. Къ нему близко подходитъ Вителлій Луврскаго музея, который однакожь ниже его по работѣ [1]); бюстъ Берлинскаго музея изъ коллекціи кардинала князя Полиньяка, изъ чернаго мрамора, также уступаетъ нашему бюсту [2]); четвертый подобный находится въ Глиптотекѣ въ Мюнхенѣ [3]) и наконецъ пятый въ Капитолинскомъ музеѣ [4]): но между ними нашъ бюстъ долженъ занимать первое мѣсто, какъ по превосходному исполненію, такъ и по хорошему сохраненію. Онъ показываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ характеръ римскаго искусства въ 69 году по Р. Х.: извѣстно, что Вителлій былъ провозглашенъ императоромъ легіонами нижней Германіи въ первыхъ числахъ этого года и убитъ солдатами Веспасіана 18-го декабря того же года. Въ чертахъ бюста мы видимъ отпечатокъ характера человѣка слабаго душей и грубо чувственнаго, прославившагося лишь обжорствомъ и бражничаньемъ.

4. **Маркъ Аврелій** (табл. I, рис. 7). Вотъ едва ли не самый лучшій изъ извѣстныхъ бюстовъ Марка Аврелія! Императоръ представленъ въ цвѣтущемъ возрастѣ, съ легкими усами; голова немного обращена влѣво; плечи покрываетъ туника. В. $10^1/_2$ в. Этотъ превосходный бюстъ происходитъ изъ коллекціи покойнаго принца Александра Виртембергскаго, который его пріобрѣлъ въ Италіи. Судя по медалямъ, онъ долженъ изображать императора около 150 или 151 года, между временемъ бракосочетанія съ Фаустиной младшей (дочерью Антонина и Фаустины старшей) и смертію Антонина. Бракосочетаніе, по не совсѣмъ опредѣленному выраженію Юлія Капито-

[1]) Visconti, iconographie romaine, cont. par Mongez II, p 280. — Clarac, VI, pl. 1106: № 3,280 A.

[2]) Tieck, Verzeichniss der antiken Bildhauerwerke des Berliner Museums, стр. 27 № 179.

[3]) Schorn, Déscription de la glyptothèque, p. 147 № 246.

[4]) Mus. Cap. II, 21. Статуя въ Неаполѣ, Clarac pl. 916 № 2,398 C.

лина [1]), имѣло мѣсто около 146 г., приблизительно за годъ до перваго полученія Маркомъ Авреліемъ трибунской власти (въ 147). Мы представляемъ здѣсь для сравненія лицевую сторону прекраснаго медальйона собранія г. Сабатье, относящагося по надписи на оборотѣ (TR. POT. VIII. COS. II.) къ 155 году, и представляющаго лицо нѣсколько болѣе старое, нежели нашъ бюстъ [2]).

Эпоха, къ которой мы относимъ нашъ бюстъ, была самая счастливая изо всего царствованія этого императора; миръ господствовалъ вездѣ; справедливые законы и доброжелательное управленіе распространили счастіе даже по провинціямъ, изъ которыхъ состояла обширная Имперія; науки и искусства, покровительствуемыя императоромъ и его зятемъ, приняли полетъ, послѣдній передъ упадкомъ, быстро наступившимъ по пресѣченіи дома Антониновъ.

Портреты Марка Аврелія не рѣдки. Послѣ смерти любимаго императора, всѣ граждане желали имѣть портретъ его, и Капитолинъ называетъ даже *преступными* (sacrilegi) тѣхъ, у кого не было его бюста. Но конечно въ этихъ бюстахъ изображали Марка Аврелія такимъ, какимъ онъ былъ въ послѣдніе годы своей жизни. Вслѣдствіе этого портреты, подобные нашему, и представляющіе его въ молодыхъ лѣтахъ, встрѣчаются рѣже. Между статуями разныхъ коллекцій, сообщенными Кларакомъ, многія, судя по гравюрамъ, представляютъ скорѣе молодаго человѣка, похожаго на Марка Аврелія, нежели его самаго. Это можно сказать о героическихъ статуяхъ Флорентинскаго (Clarac pl. 951 № 2,444) и Дрезденскаго (ibid. pl. 951 № 2,445) музеевъ, а еще болѣе о статуѣ коллекціи Пемброкъ въ Англіи (ibid. pl. 958 № 2,446 A.). Въ статуяхъ, представляющихъ Марка Аврелія въ кирасѣ, голова этого

[1]) Ср. Monges, Iconographie romaine, III, p. 98.

[2]) Sabatier, Iconogr. pl. 41 № 15 и De Rauch, Mém. II, p. 94.

императора по большей части наставлена на туловище, принадлежащее прежнему времени, по извѣстному обычаю позднѣйшихъ Римлянъ замѣнять статую умершаго императора статуею нововступившаго на престолъ. Два бюста Марка Аврелія въ молодыхъ лѣтахъ находятся въ Капитолинскомъ музеѣ [1]).

5. Коммодъ (табл. I. рис. 10). Бюстъ молодаго Коммода съ грудью и драпировкой реставрированными. В. головы 6 в., съ бюстомъ $15^7/_{16}$ в. Красивый юношественный бюстъ, представляющій этого недостойнаго сына Марка Аврелія въ возрастѣ отъ 16 до 18 лѣтъ, съ чертами лица совершенно тѣми же, какъ на медаляхъ чеканенныхъ между 177-мъ и 179-мъ г. Извѣстно, что Коммодъ былъ хорошъ собою, но всматриваясь въ нашъ бюстъ, можно замѣтить въ чертахъ лица, а въ особенности въ глазахъ, нѣкоторое выраженіе злости и жестокосердія, видныхъ во всѣхъ дѣйствіяхъ этого императора, который свирѣпствовалъ противъ своего семейства и, по увѣреніямъ современниковъ, даже отравилъ своего отца [2]). Коммодъ царствовалъ 12 лѣтъ и былъ умерщвленъ въ 1 день 193 года, послѣ чего сенатъ опредѣлилъ разрушить его изображенія [3]). Отсюда рѣдкость мраморныхъ портретовъ Коммода. Между статуями, ему приписываемыми, многія на него нисколько не похожи, на другихъ головы новой работы. Одинъ бюстъ, сходный съ нашимъ, находится въ Капитолинскомъ музеѣ (II, 48); бюсты, изображающіе Коммода болѣе пожилымъ, есть въ Капитоліи (на дворѣ дворца консерваторовъ), въ Луврѣ, въ Эрмитажѣ и въ другихъ мѣстахъ.

Есть еще въ собраніи г. Монферрана хорошій бюстъ Септимія Севера, пароскаго мрамора, не нашедшій мѣста въ нашихъ рисункахъ. Онъ изображаетъ императора въ кирасѣ и paludamentum и былъ пріобрѣтенъ въ Римѣ въ 1849 г. чрезъ посредство г. Лемуана. Мы должны были пожертвовать имъ, чтобы подѣлиться съ читателями изображеніемъ слѣдующей головки:

6. Молодая римская дѣвушка (табл. I. рис. 12). Этотъ бюстъ, облеченный въ тунику и увѣнчанный розами, есть одинъ изъ самыхъ граціозныхъ остатковъ эпохи первыхъ императоровъ. Голова полна выраженія, наивности и благородства. Дѣвушкѣ лѣтъ 15 или 16; вѣроятно, она принадлежала къ одной изъ знатныхъ фамилій Рима. Розы на ея головѣ составляютъ рѣдкое украшеніе на античныхъ женскихъ фигурахъ; мы ихъ находимъ на музахъ, именно

1) Mus. Cap. I, 26; II, 40.

2) Dion. Cass. LXXI, 33.

3) Herodian I, 10, 18.

на Эвтерпѣ, Θаліи и Полимніи [1]); но нашъ бюстъ очевидно портретъ. Голова наставлена; носъ, уши, нѣсколько цвѣтовъ, а равно и правое плечо и кусокъ туники удачно реставрированы. В. $10^3/_4$ в.

Отличимъ еще между остальными бюстами двѣ-три головы неизвѣстныхъ Римлянъ и, какъ вещь особенно замѣчательную, — женскую голову, составляющую фрагментъ статуи изъ древнѣйшей эпохи греческаго искусства. Глаза имѣютъ форму эллиптическую, волосы образуютъ спереди четыре ряда круглыхъ завитковъ, а по сторонамъ двѣ косы, соединяющіяся ниже затылка. Носъ реставрированъ. По стилю эта фигура близка къ Эгинетамъ. В. $5^1/_2$ в.

III. РЕЛЬЕФЫ.

1. **Два бюста** (табл. III). Это лицевая сторона надгробнаго памятника, найденнаго въ окрестностяхъ Рима въ одной болотистой низменности и пріобрѣтеннаго въ 1846 году г. Лемуаномъ. Мы видимъ грудныя портретныя изображенія двухъ Римлянъ, одѣтыхъ въ тунику и тогу, какъ кажется, съ *латиклавіемъ* (широкою пурпуровою полосою, принадлежностію сенаторскаго сана). Портреты находятся въ четвероугольной рамкѣ, украшенной снизу легкою базой, а сверху малымъ карнизомъ, состоящимъ изъ такъ-называемыхъ іонійскихъ яицъ съ астрагаломъ. В. 15 в., дл. 1 ар. $9^3/_4$ в. По стилю мы относимъ этотъ рельефъ ко времени Северовъ; драпировка только эбоширована, но головы очень хорошей работы и превосходно сохранились; мраморъ италіянскій.

2. **Двѣ Викторіи, саркофагъ** (тамъ же). Этотъ памятникъ стоитъ на предшествующемъ и кромѣ того поддерживается двумя красивыми бронзовыми ножками; составленными изъ львиныхъ бюстовъ и исполненными по античной модели барономъ Клодтомъ. Лицевая сторона саркофага представляетъ круглый щитъ безъ надписи, поддерживаемый двумя крылатыми Викторіями въ развѣвающихся дорійскихъ хитонахъ; пониже щита пѣтухъ, бьющій клевомъ курицу, и два рога изобилія, наполненные плодами; по бокамъ рельефа, за летящими фигурами Викторій, съ каждой стороны по группѣ Амура и Психеи. Таково изображеніе лицевой стороны саркофага. По бокамъ изваяны, также въ рельефѣ, два грифона, обращенные лицемъ къ лицевой сторонѣ. Сверху всего этого идетъ

[1]) Clarac pl. 508 № 103, 509 № 1027, 527 № 1092 A, 538 A № 1122 D.

фризъ, состоящій изъ летящихъ Амуровъ и граціозно лежащихъ нимфъ; ихъ числомъ четыре; онѣ одѣты въ хитонъ и пеплосъ; у каждой въ рукѣ по корзинѣ съ плодами, къ которой подлетаетъ маленькій Амуръ, — сюжетъ, встрѣчающійся на многихъ другихъ рельефахъ. Углы фриза украшены трагическими масками. В. $7^3/_4$ в., дл. 2 ар. $3^1/_2$ в., шир. 10 в. В. фриза 2 и $^3/_8$ в., дл. 2 ар. 4 в. Памятникъ пріобрѣтенъ въ Римѣ въ 1846 г. г. Лемуаномъ.

3. Меркурій, саркофагъ (таб. II. рис. 1). Въ среднемъ компартиментѣ мы видимъ растворенную дверь, изъ которой выходитъ Меркурій, одѣтый въ хламиду, съ обычнымъ кадуцеемъ и кошелькомъ въ рукахъ, съ небольшими крыльями на головѣ. Створы двери состоятъ каждый изъ пяти квадратовъ, съ изображеніями Медузиной головы во второмъ квадратѣ сверху и головѣ льва въ четвертомъ. Дверь помѣщается въ портикѣ изъ двухъ композитныхъ римскихъ колоннъ, поддерживающихъ фронтонъ, украшенный въ серединѣ лавровымъ вѣнкомъ съ развѣвающимися около него лентами. Между акротеріями фронтона изображены два Тритона съ веслами въ рукахъ, преслѣдуемые двумя фантастическими морскими животными. Въ правомъ компартиментѣ внутри четвероугольной рамки изображено одно изъ двухъ лицъ, для которыхъ эта гробница была назначена; это воинъ въ кирасѣ и плащѣ съ военными крепидами на ногахъ; въ лѣвой рукѣ у него копье, въ правой чаша, изъ которой онъ дѣлаетъ возліяніе на находящійся возлѣ малый жертвенникъ, оригинальной формы, ибо ножкою его служитъ маленькая крылатая Викторія въ длинномъ хитонѣ съ руками, заложенными за спину. На doскѣ жертвенника лежатъ плоды. Широкая завѣса составляетъ фонъ сцены. — Слѣва въ подобной же рамкѣ и передъ такою же завѣсой стоитъ женщина въ длинномъ хитонѣ и пеплосѣ, покрывающемъ у ней голову: она также приносила жертву возліянія изъ чаши, которую несомнѣнно держала въ правой рукѣ, но эта рука отбита; въ сохранившейся лѣвой рукѣ находится какой-то предметъ, не ясный, вслѣдствіе поврежденій, произведенныхъ временемъ. Маленькій жертвенникъ направо отъ женщины состоитъ изъ круглой доски или диска, лежащаго на головѣ Амура; на дискѣ видны также плоды. — Справа и слѣва этотъ памятникъ ограничиваютъ двѣ колонны съ римскими композитными капителями, а снизу торусъ изъ лавровыхъ листьевъ, перевитыхъ лентой. В, 1 ар. $6^3/_8$ в., дл. 3 ар. $^3/_4$ в.

Судя по стилю, этотъ интересный памятникъ долженъ происходить изъ половины 3-го вѣка по Р. Х. Онъ былъ назначенъ, въ-

роятно, для какого-нибудь римскаго военнаго трибуна и его жены, но на немъ нѣтъ, къ сожалѣнію, надписи, которая бы обозначала ихъ имена. Меркурій, котораго мы видимъ здѣсь, безъ сомнѣнія, извѣстный Меркурій водитель душъ, *психопомпъ;* это сюжетъ довольно рѣдкій. Подобный нашему саркофагъ находится во Флоренціи на дворѣ дворца Риккарди. Нашъ саркофагъ купленъ въ Римѣ чрезъ посредство г. Лемуана у знаменитаго Шатобріана, бывшаго тогда посланникомъ въ Римѣ; онъ мрамора пентелическаго и происходитъ изъ Греціи. Реставрированы въ немъ правая рука отъ локтя у мущины и обѣ руки у женщины.

4. Охота, саркофагъ (табл. II. рис. 8). Этотъ рельефъ, приблизительно изъ времени Константина Великаго, представляетъ одну изъ сценъ охоты, занятія любимаго въ то время. Охотникъ верхомъ на конѣ, обращенный вправо, бросаетъ дротикъ въ приближающагося льва. Вѣроятно, это то лицо, останки котораго саркофагъ долженъ былъ сохранять. Одѣяніе его составляютъ хитонъ и хламида, развѣвающаяся по вѣтру. Сзади подбѣгаетъ къ нему женщина въ каскѣ, въ хламидѣ и короткомъ хитонѣ, оставляющемъ незакрытою правую часть груди; на ней сапожки, употребительные въ то время у охотниковъ и дѣлавшіеся изъ бычачьей кожи (καρβατῖναι, ἐνδρομίδες); оружіе состоитъ изъ дротика и круглаго щита. Главному охотнику, которому на помощь она приходитъ, помогаетъ еще одинъ товарищъ, также на конѣ, одѣтый въ хламидѣ и вооруженный мечемъ. Предметъ охоты составляетъ большой левъ, съ раскрытою пастью; онъ бросается прямо на своего главнаго противника и уже ниспровергъ одного изъ охотниковъ, который лежитъ въ хитонѣ и съ кинжаломъ въ рукѣ между ногъ лошади главнаго лица сцены; возлѣ ниспровергнутаго стоитъ собака и отступаетъ назадъ передъ страшнымъ животнымъ. Направо позади льва видны еще два охотника въ хитонахъ и хламидахъ; одинъ, верхняя часть котораго реставрирована, бросаетъ, какъ кажется, во льва большой камень, который онъ держитъ обѣими руками; другой охотникъ отступаетъ передъ львомъ, въ лѣвой рукѣ у него копье, сапожки составляютъ его обувь. Олень, пораженный копьемъ, и умерщвленный быкъ означаютъ первые успѣхи охоты. — Съ лѣвой стороны за главнымъ лицомъ изваяны три другіе охотника, одѣтые подобно первымъ, но пѣшіе. Одинъ, вооруженный мечемъ и круглымъ щитомъ, выдерживаетъ нападеніе могодаго медвѣдя, поднявшагося на заднія лапы и раскрывшаго свою пасть. Два другіе, изъ которыхъ одинъ вооруженъ палицей, а дру-

гой копьемъ и овальнымъ щитомъ, нападаютъ на вепря; подлѣ нихъ двѣ собаки въ ошейникахъ. Направо, подлѣ охотника на конѣ, удаляющійся медвѣдь. — На фонѣ видно нѣсколько кустовъ лавровыхъ.— Рельефы, подобные нашему и представляющіе также женщину въ каскѣ подлѣ главнаго охотника, находятся въ нѣкоторыхъ музеяхъ Рима и въ Луврѣ [1]). Эту женщину принимали за богиню города Рима, Dea Roma, а лицо, ею защищаемое, за императора. Но костюмъ охотника, слишкомъ простой для императора, не допускаетъ, по нашему мнѣнію, такого предположенія; такъ какъ всѣ памятники, изображающіе эту сцену, ясно показываютъ свое погребальное назначеніе, то гораздо естественнѣе видѣть въ главномъ охотникѣ то лицо, въ честь котораго памятникъ былъ изваянъ; женщина же, сопутствующая ему, по всему своему виду, не Амазонка, или какая нибудь вторая Аталанта, а скорѣе имѣетъ аллегорическое значеніе; намъ кажется, это Минерва, эмблема храбрости главнаго лица. — Красивая группировка фигуръ приводитъ на мысль, что позднѣйшій художникъ, исполнявшій нашъ рельефъ, воспользовался мотивами какого-нибудь изваянія болѣе древняго. По крайней мѣрѣ исполненіе здѣсь нисколько не соотвѣтствуетъ композиціи. В. $14^7/_8$ в., дл. 2 ар. $15^5/_8$ в.

5. Саркофагъ византійскій (табл. II. рис. 2). Въ медальйонѣ, кругломъ и вогнутомъ, изображенъ бюстъ лица, погребеннаго въ саркофагѣ; ему лѣтъ тридцать; ниспадающіе на плеча волосы увѣнчаны *тимпаніемъ*, имѣющимъ видъ красивой діадемы о 9 зубцахъ; костюмъ состоитъ изъ туники и паллія; въ лѣвой рукѣ свертокъ, на который указываетъ правая рука. Медальйонъ держатъ два погребальные генія въ хламидахъ и съ кольцами на ногахъ; пантера и баранъ лежатъ у ихъ ногъ. Подъ медальйономъ два рога изобилія, наполненные цвѣтами и плодами, положенные крестъ-на-крестъ и связанные лентой. Направо отъ этого изображенія и отдѣленный отъ него дубовымъ деревомъ стоитъ геній охоты, въ туникѣ, хламидѣ и эндромидахъ съ двумя птицами въ правой рукѣ, и посохомъ въ лѣвой; у ногъ его лежитъ коза; подъ деревомъ сидитъ маленькій геній, протягивающій руки къ опрокинутой корзинѣ съ плодами. Налѣво изображено лавровое дерево, у корня котораго сидитъ ребенокъ, играющій съ корзиной плодовъ и смотрящій на четвертаго большаго генія, который одѣтъ, какъ предыдущій, и

[1]) Santo-Bartoli Admiranda Romae. Clarac, III, pl. 151 № 423, 2, p. 476.

держитъ въ рукахъ ѳирсъ, украшенный повязками, и убитаго кролика; у его ногъ лежащій баранъ.

Костюмъ бюста, особенно же тимпаній, указываетъ на время Юстина перваго или Юстиніана перваго. Тимпаній мы видимъ на многихъ памятникахъ, между прочимъ на знаменитой мозаикѣ св. Виталія въ Равеннѣ, гдѣ на Юстиніанѣ и извѣстной женѣ его Ѳеодо́рѣ точно такія же діадемы, какъ на нашемъ саркофагѣ [1]). Трудно впрочемъ сказать, мущинѣ ли, или женщинѣ онъ принадлежалъ. Формы тѣла склоняютъ болѣе къ послѣднему мнѣнію; но свертокъ и въ особенности геній охоты заставляютъ предполагать, что это былъ мущина. Впрочемъ свертки, составляющіе на монетахъ обычную принадлежность византійскихъ императоровъ, находятся однакоже иногда и при женщинахъ, напр. на памятникѣ Клавдіи Италіи въ Луврѣ [2]) и на монетахъ многихъ императрицъ.

Композиція рельефа относится къ времени древнѣйшему, нежели его исполненіе. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ былъ изваянъ, когда христіанство уже господствовало; но очень можетъ быть, что онъ назначался для язычника. На немъ нѣтъ ни одной христіанской эмблемы, а пантера и ѳирсъ указываютъ на поклоненіе Бахусу, державшееся еще болѣе вѣка послѣ Константина; хотя съ другой стороны есть много памятниковъ неоспоримо христіянскаго происхожденія, украшенныхъ миѳологическими сюжетами [3]). В. $15^3/_7$ в., дл. 1 ар. $14^1/_3$ в.

Близокъ къ этому византійскому саркофагу другой, болѣе древній, **римскій саркофагъ** этого же собранія. Два парящіе крылатые генія держатъ круглый медальйонъ, на которомъ изображенъ бюстъ молодаго человѣка еще безъ бороды, въ туникѣ и тогѣ. Внизу подъ медальйономъ стоитъ наполненная плодами корзина между аллегорическими фигурами Моря и Земли. Море представлено въ образѣ старца бородатаго, лежащаго на землѣ и только до половины покрытаго хитономъ; верхнее одѣяніе, придерживаемое лѣвою рукой, развѣвается надъ нимъ; въ правой рукѣ у него морской тростникъ; передъ нимъ морское чудовище съ головою грифона. Земля,

1) См. Revue archéologique, VII année, I, p. 351. pl. 145, 146. Такая діадема была въ употребленіи до временъ Палеологовъ, см. Du Cange, hist. Byz. p. 233.

2) Clarac, II, pl. 147, № 330.

3) Напримѣръ pixis, изображенная въ атласѣ у Du Sommerard, 1-ère série pl. II, № 3; порфировая урна, съ бакхическими сценами, дочери Константина Великаго Констанціи, находящаяся въ Ватиканѣ (Mus. P.-Cl. VII, 19, pl. II. 12); Müller Hdb. d. Arch. § 214, 2.

занимающая лѣвую сторону, изображена какъ лежащая женщина, въ такомъ же одѣяніи, какъ фигура Моря; въ лѣвой рукѣ у нея рогъ изобилія; передъ ней лежитъ коза. — Края лицевой стороны заняты двумя группами Амура и Психеи обнимающихся, сюжетъ весьма обыкновенный на саркофагахъ и указывающій на соединеніе души съ небесною любовью послѣ ея освобожденія изъ темницы тѣла. — На боковыхъ сторонахъ саркофага изваяны сидящіе грифоны, обращенные къ лицевой сторонѣ. — Этотъ памятникъ, замѣчательный въ особенности по соединенному изображенію Моря и Земли и относящійся, какъ кажется, къ послѣднимъ годамъ 3-го вѣка по Р. Х., былъ также купленъ въ Римѣ въ 1846 г. чрезъ посредство г. Лемуана. В. 11 в., дл. 2 ар. $13^7/_8$ в., шир. $11^5/_8$ в.

6. Обломокъ бакхическаго рельефа (табл. II. рис. 4). Посѣщеніе Діонисомъ Икарія и его дочери Эригоны. Діонисъ въ подобныхъ памятникахъ изображается возвращающимся изъ Индіи и имѣетъ костюмъ такъ-называемаго индійскаго Діониса, — длинный хитонъ и длинные волосы на головѣ и бородѣ, совершенно какъ на знаменитой ватиканской статуѣ Сарданапала. Уставшаго бога поддерживаетъ молодой сатиръ, а другой снимаетъ обувь съ правой его ноги. За Діонисомъ слѣдуютъ сатиръ и Силенъ. Цѣлію посѣщенія было дарованіе Икарію виноградной лозы и наставленіе въ винодѣліи; но даръ Діониса имѣлъ роковыя послѣдствія: пастыри аттическіе, которыхъ Икарій надѣлилъ виномъ, сочли себя отравленными и умертвили Икарія. Эригона, приведенная вѣрною собакой Мойрой на гробницу отца, съ отчаянія повѣсилась на соснѣ. За смерть Икарія Аттика была наказана язвой и безплодіемъ; на аттическихъ женъ напала тоска, и многія изъ нихъ кончили жизнь свою, какъ Эригона. Бѣдствія прекратились, только когда, по волѣ оракула, убійцы Икарія были наказаны, и въ память его дочери учреждены праздники, *эоры* или *алетиды*, во время которыхъ качались на качеляхъ, напоминая движеніемъ въ воздухѣ образъ Эригониной смерти. Икарія же, дочь его и вѣрную ихъ собаку, сострадательные боги перенесли на небесную твердь и сдѣлали созвѣздіями, Икарія Арктуромъ, или Боотомъ, Эригону Дѣвой, а собаку Мойру Прокіономъ. Посѣщеніе Діониса, бывшее причиною разсказанныхъ нами миѳическихъ событій, изображалось очень часто на памятникахъ образовательнаго художества. На нашемъ обломкѣ мы видимъ только небольшую часть обычнаго изображенія. Отъ фигуры юноши, обыкновенно слѣдующаго за Діонисомъ, остались одни только ноги. Вполнѣ уцѣлѣлъ идущій за юношею Силенъ; онъ

играетъ на свирѣли и покрытъ хламидой. Ему сопутствуетъ сатиръ въ шкурѣ леопарда съ поднятою правою рукой; онъ смотритъ на женщину, упившуюся виномъ и несущую мѣхъ съ бакхическимъ напиткомъ. Эту женщину поддерживаетъ другой Силенъ, волосы котораго обвиты повязкой. В. $9^3/_8$ в. дл. 10 в.

7. Бакхъ и сатиръ (табл. II. рис. 10). Направо на утесѣ сидитъ Бакхъ, обращенный влѣво; длинное одѣяніе покрываетъ только нижнюю часть фигуры; въ правой рукѣ у него ѳирсъ, лѣвою онъ опирается на скалу. Съ боку сидитъ пантера, и смотритъ на своего властителя. За Бакхомъ видна Аріадна или вакханка, протягивающая руки къ сатиру, находящемуся передъ Бакхомъ и приводящему козу. Прекрасный рельефъ греческой работы хорошаго времени, можетъ-быть, конца II вѣка до Р. Х. Онъ былъ расколотъ на двое, но удачно реставрированъ. В. 5 в., дл. 7 в. [1]).

8. Поэтъ и музы (табл. II. рис. 7). Поэтъ въ туникѣ и тогѣ, съ короткими волосами, сидитъ съ вдохновеннымъ выраженіемъ лица; глаза его подняты кверху; въ лѣвой рукѣ развернутый свертокъ, а правая протянута впередъ. За поэтомъ стоятъ двѣ музы съ перьями сиренъ. У той изъ нихъ, которая направо, въ правой рукѣ трагическая маска, которую она держитъ надъ головою поэта; это Мелпомена. Стоящая налѣво муза есть Полимнія. Изъ присутствія этихъ двухъ музъ мы заключаемъ, что нашъ памятникъ былъ посвященъ трагическому поэту. Музы вообще очень часто окружаютъ поэтовъ и философовъ на памятникахъ образовательнаго художества. Обыкновенно ихъ бываетъ или девять, какъ на *апоѳеозѣ Гомера*, знаменитомъ рельефѣ Ватиканскаго музея [2]), или три, какъ на рельефѣ въ Луврѣ [3]), — число, которое, можетъ

[1]) Упомянемъ еще о двухъ обломкахъ рельефовъ бакхическаго содержанія:

1. Два крылатые генія съ посохами и гроздіями въ рукахъ стоятъ въ жомѣ, наполненномъ виноградомъ. По сторонамъ были изображены фигуры, подсыпающія виноградъ въ жомъ, но отъ нихъ осталось немного, именно руки, держащія корзину съ виноградомъ, отъ правой фигуры, и нога съ какимъ-то неяснымъ предметомъ отъ лѣвой. Работа римская, конца II или начала III вѣка по Р. Х. В. 5 в., ш. 9 в.

2. Двѣ женщины, сидящія другъ противъ друга. Одна изъ нихъ подаетъ большую сосновую шишку нагому ребенку, смотрящему на Амура. Отбиты голова и часть туловища Амура и верхняя часть женщины съ сосновой шишкой. Отъ другой сидящей женщины, уцѣлѣла только ступня лѣвой ноги. Плохая римская работа III-го вѣка. В. 6 в., ш. $8^5/_8$ в.

[2]) Гальваническая копія этого памятника издана теперь Брауномъ; изображенія см. Mus. P.-Cl. 1, tav. d'agg. 13. Millin G. M. pl. 148, № 548.

[3]) Clarac II, pl. 119, № 48.

быть, было первоначально и на нашемъ памятникѣ [1]. Перья сиренъ почти всегда находятся на головахъ музъ и указываютъ на побѣду музъ надъ сиренами, изображенную между прочимъ на погребальной вазѣ, бывшей коллекціи Лаваль, перешедшей теперь въ Императорскій Эрмитажъ. В. 1 ар. $7^1/_4$ в. ш. $9^1/_4$ в.

9. **Тритонъ и Нереида, обломокъ** (табл. II, рис. 3). Тритонъ изображенъ въ видѣ морскаго кентавра (Ἰχθυοκένταυρος) съ передними ногами лошади (правая отломлена) и съ нижнею оконечностію морской змѣи; на головѣ у него клещи морскаго рака; въ правой рукѣ онъ держитъ за шею морскую змѣю, которая, навостривъ уши и раскрывши снабженную зубами пасть, приближается къ головѣ Тритона. На змѣиной спинѣ Тритона сидитъ Нереида; она обращена къ нему и его обнимаетъ; волосы ея сдерживаются тонкою повязкой; верхняя часть ея туловища обнажена, ноги покрыты хитономъ; верхнее одѣяніе ниспадаетъ съ лѣваго плеча на змѣиный хвостъ Тритона. Два ребенка дополняютъ эту группу; одинъ изъ нихъ, направо, поднимается изъ воды, опираясь на спину небольшаго морскаго змія; его товарищъ выплываетъ головою впередъ изъ кольца, образуемаго змѣинымъ кольцомъ Тритона. Этотъ рельефъ, къ сожалѣнію, не болѣе какъ обломокъ: лѣвая рука, лежащая на хвостѣ Тритона позади сидящей на немъ Нереиды, принадлежала третьей большой фигурѣ, теперь недостающей. Сравнивая его съ другими весьма многочисленными группами Тритоновъ и Нереидъ, въ особенности съ большою композиціей Луврскаго музея (Clarac pl. 206 № 194), можно узнать въ немъ сцену рожденія или торжества Венеры, возникающей изъ водъ, такъ называемой Анадіомены. Но нашъ рельефъ принадлежавшій прежде Кановѣ и высоко цѣнимый этимъ знаменитымъ скульпторомъ, отличается превосходнымъ исполненіемъ, между тѣмъ какъ парижскій рельефъ, по сужденію **графа Кларака**, исполненъ плохо и относится, вѣроятно, къ III вѣку нашей эры. Въ обоихъ нельзя не видѣть подражанія какому-нибудь знаменитому изваянію древняго греческаго художника. Съ перваго взгляда можно принять

[1]) Одна изъ музъ изображена еще на слѣдующемъ обломкѣ рельефа. Муза въ длинномъ хитонѣ и *гиматіи* сидитъ въ углубленіи ниши на ложѣ, *клине*, покрытомъ подушкою, въ правой рукѣ у нея *плектронъ*, въ лѣвой лира, стоящая на столбѣ. Это стало-быть Терпсихора или Эрато, изображенная точно такъ же, только безъ столба, въ превосходной статуѣ Эрмитажа изъ Демидовскаго собранія (Clarac pl. 521 № 1070). Налѣво въ такой же нишѣ нагой юноша, влѣво; судить о сюжетѣ нельзя по причинѣ поврежденія рельефа. Работа римская приблизительно изъ времени Траяна. В. $^6/_8$ в., ш. $^5/_8$ в.

Тритона, изображеннаго на нашемъ фрагментѣ, за Астака сына Посидона и нимфы Ольбіи, названнаго по имени морскаго рака и основавшаго въ Виѳиніи соименный ему городъ, на монетахъ котораго встрѣчается изображеніе морскаго рака. Этого Астака г. Панофка узналъ въ одной помпейской картинѣ [1]), представляющей Тритона, туловище котораго оканчивается тѣломъ и хвостомъ большаго рака; Тритонъ правитъ морскимъ конемъ и держитъ въ лѣвой рукѣ трубу изъ раковины. Другая картина совершенно подобная этой сохраняется въ музеѣ въ Портичи; только Тритонъ трубить въ раковину, которую держитъ въ лѣвой рукѣ [2]). Одинъ черный агатъ, по мнѣнію того же археолога, представляетъ также Астака, сидящаго на ракѣ, съ трезубцемъ, обращеннымъ внизъ, и поднятымъ рулемъ въ рукахъ; на головѣ клещи краба или морскаго рака [3]). Г. Панофка относитъ руль къ происхожденію Астака отъ Ольбіи, которая по имени однозначительна съ греческою Тихой и римскою Фортуной, имѣющею руль своею обыкновенною эмблемой. Такая же юношественная голова съ морскимъ ракомъ вмѣсто шлема встрѣчается и на разныхъ камняхъ, напр. на сердоликѣ Императорскаго Эрмитажа, сообщаемаго нами здѣсь въ политипажѣ,

а равно и на монетахъ Бруттіевъ [4]). Винкельманъ [5]) принималъ эту голову за Амфитриту; Эккель [6]) также называетъ ее женскою головой, но внимательное разсмотрѣніе побуждаетъ насъ противорѣчить мнѣнію этихъ ученыхъ и признать ее за голову юноши. Это также Астакъ или лицо подобное ему, занимавшее, вѣроятно, важное мѣсто въ миѳологіи Бруттіевъ. Сходство этихъ фи-

[1]) Panofka Von dem Einfluss der Gottheiten auf die Ortsnamen, S. 15. Taf. 1, № 22.

[2]) Clarac, II, p. 191.

[3]) Impronte gemm. dell' Instituto archeol., Cent. V, № 69.

[4]) Eckhel Doctrina Numorum veterum 1, p. 167.

[5]) Werke II, 5. 505 cp. Monumenti inediti p. 52.

[6]) l. c.

гуръ съ нашимъ Тритономъ приводитъ къ предположенію, что всѣ онѣ изображаютъ одно и то же миѳологическое лицо, можетъ-быть Астака. Но на упомянутомъ выше луврскомъ рельефѣ мы видимъ не одного, а *двухъ* Тритоновъ, во всемъ похожихъ на нашего, а это показываетъ, что и на нашемъ фрагментѣ морское чудовище не Астакъ, а Тритонъ, не имѣющій особеннаго имени. Въ самомъ дѣлѣ клещи рака не могутъ принадлежать одному Астаку уже потому, что онѣ встрѣчаются и на другихъ морскихъ божествахъ, напр. на вискахъ Океана на жертвенникѣ Діаны Люциферы въ Луврѣ [1]), и на головѣ Ѳалассы, на знаменитомъ рельефѣ виллы Боргезе, изображающемъ паденіе Фаэтона [2]). В. 1 ар. 5 в., ш. $10^1/_2$ до 13 в. [3])

10. **Геній одного изъ временъ года** (табл. II, рис. 6.) Фрагментъ хорошаго стиля. Стоящій крылатый геній съ головою, обращенною влѣво, въ хламидѣ, отброшенной за спину, держитъ въ правой рукѣ плетёнку съ плодами, а въ лѣвой кисть винограда, показывающую, что это геній осени. Подобныя фигуры встрѣчаются часто, то на обломкахъ то на большихъ композиціяхъ бакхическаго характера; геніевъ обыкновенно бываетъ четыре; они держатъ въ рукахъ цвѣты, плоды, дичь — указанія на разныя времена года. Этотъ сюжетъ особенно былъ употребителенъ во второмъ вѣкѣ Римской имперіи. В. 1 ар. $9^3/_4$ в., шир. 12 в.

11. **Аллегорія** (табл. II, рис. 5). Старецъ съ крыльями на спинѣ и на ногахъ держитъ въ лѣвой рукѣ шаръ, на верху котораго находится шестиугольная звѣзда, а надъ нею коромысло вѣсовъ; правою рукой онъ опускаетъ чашку вѣсовъ. Передъ нимъ стоитъ

[1]) Clarac II, pl. 170 № 74.

[2]) Winckelmann, Monum. Ined. 45. Millin G. M. pl. 26, № 83.

[3]) Считаемъ нужнымъ упомянуть здѣзь объ одномъ саркофагѣ собранія г. Монферрана, также изображающемъ Тритона (см. табл. 14 № 6 въ Мемуарахъ И. А. О.). Голова Тритона изображена спереди, и какъ кажется, плыветъ по водѣ: она большихъ размѣровъ, на бородѣ видна рыбья чешуя, справа Амуръ верхомъ на морскомъ грифонѣ, слѣва тоже Амуръ и также верхомъ, но на морской пантерѣ; у обоихъ въ лѣвой рукѣ возжи, въ правой рукѣ бичь. — Этотъ красивый небольшой памятникъ, по видимому, изъ начала 3-го столѣтія по Р. Х., замѣчателенъ своимъ матеріяломъ: онъ сдѣланъ изъ очень рѣдкаго мрамора, бѣлаго, весьма матоваго цвѣта и очень рыхлаго, извѣстнаго въ Италіи подъ именемъ palombino. Этотъ камень получался въ Малой Азіи и употреблялся для мозаикъ, изваяній изъ него очень мало, и всѣ они размѣровъ меньшихъ, нежели нашъ памятникъ. Винкельманъ (томъ VI, стр. 255) цитуетъ рельефъ, съ портретомъ, какъ полагаютъ, поэта Персія; въ Ватиканѣ есть только одна небольшая ваза и одна погребальная циста изъ этого матеріяла. Нашъ драгоцѣнный саркофагъ пріобрѣтенъ въ Римѣ чрезъ посредство г. Лемуана. В. $6^1/_2$ в., дл. 1 ар. $7^3/_4$ в., шир. $7^1/_2$ в.

нѣчто въ родѣ Панөея — гермообразная фигура, стоящая въ сосудѣ съ огнемъ; на головѣ у ней шлемъ; уста открыты, руки распростерты, и на лѣвой рукѣ виситъ Геркулесова львиная шкура. Сосудъ относится, вѣроятно, къ Вестѣ, шлемъ къ Марсу, распростертыя руки указываютъ на культъ Бакха. Крылатый старецъ, безъ сомнѣнія, Кроносъ-Сатурнъ, въ томъ мистическомъ видѣ, который ему былъ приданъ въ послѣднее время язычества. Сюжеты этого рода рѣдки. Нашъ памятникъ долженъ относиться ко второй половинѣ втораго вѣка по Р. Х., первой эпохѣ гностицизма. Мы пользуемся этимъ случаемъ, чтобы издать другой сюжетъ панөеическій, изображенный на красномъ ясписѣ, пріобрѣтенномъ нами въ Пуццоли въ 1844 г.

Здѣсь видны шлемъ Паллады, колосья Цереры, крылья Викторіи и кормило Фортуны Возвратной, Fortuna redux. Подобный Панөей, у Гори [1]), имѣетъ еще рогъ изобилія Фортуны и звѣзду какой-нибудь богини свѣта. Оба послѣдніе памятника представляютъ соединеніе эмблемъ однихъ только женскихъ божествъ. В. $13\frac{5}{8}$ в., шир. $9\frac{3}{4}$ в.

12. Амазонки (табл. II рис. 9). На этомъ небольшомъ рельефѣ изъ паросскаго мрамора изображены двѣ стоящія Амазонки въ короткихъ хитонахъ и сапожкахъ-эндромидахъ. Первая изъ нихъ стоитъ подлѣ коня и держитъ въ одной рукѣ поводъ, въ другой двойную сѣкиру, bipennis. Ея подруга вооружена щитомъ. Этотъ красивый памятникъ греческаго стиля, къ сожалѣнію, сильно потерпѣлъ отъ времени. Подобныхъ изображеній сохранилось много. Самое знаменитое между ними — это изящные рельефы, снятые съ храма Артемиды Левкофрины въ Магнесіи и находящіеся теперь въ Луврѣ [2]). Винкельманъ издалъ одинъ рельефъ съ группой весьма похожей на нашу, и съ изображеніемъ Пенөесилеи, сходящей съ коня и протягивающей руку Пріаму [3]). Очень можетъ быть, что и нашъ рельефъ представлялъ прибытіе Пенөесилеи на помощь Троянамъ. В. $5\frac{1}{4}$ в., ш. $5\frac{1}{2}$ в.

Кромѣ этихъ рельефовъ, сообщенныхъ нами въ рисункахъ, заслуживаютъ еще упоминанія:

Прекрасная голова Юпитера въ горельефѣ, въ три четверти; римская работа 2-го в. по Р. Х. В. $3\frac{3}{4}$ в.

[1]) Gemmae astriferae, p. 125. Müller u. Oesterley D. d. A. K. Taf. 77 № 408.

[2]) Clarac II, pl. 117.

[3]) Monum Ined. № 137. Millin G. M. pl. 161 № 592. Объ Амазонкахъ см. сказанное нами въ Мемуарахъ Археологическаго Общества, Т I, стр. 25 и слѣд.

Жертвоприношеніе, приносимое двумя Римлянами, мущиной и женщиной. В. 2 ар., ш. 1 ар. 10 в.

Голова Медузы, рельефъ, круглой формы, пріобрѣтенный въ Римѣ въ 1846 г. г-мъ Лемуаномъ.

Птицы въ нишѣ, одна противъ другой въ раковикѣ; вокругъ цвѣты и листья, группированные со вкусомъ. В. $6^1/_2$ в., ш. $5^3/_4$ в.

Погребальный рельефъ Валеріи Леиты. Женщина въ одѣяніи матроны и въ уборѣ волосъ времени Марка Аврелія. Стоящая сзади дѣвочка подаетъ ей плодъ. Фронтонъ занятъ щитомъ съ надписью: ΟΥΑ || ΛΕΡΙ || ΑΛΕΙ || ΤΗ.

Наконецъ цѣлый рядъ пеплохранительницъ, съ надписями: D. M || D. AEMILI. D. ƆƆƆ || LIB. ADIECTI || ROMANUS. CONLIB, т. е. Манамъ Децима Эмилія отпущенника Адъектова Романъ соотпущенникъ (что̀ значатъ знаки ƆƆƆ, мы не можемъ себѣ обяснить); D· CINERAR· M || AEMILIAE· FORTUNATAE· S || L· T· MESSIAE VALERIANAE || ET MESSI EUTYCHI; — D· M || M· PONTI VICTORIS || L· JULIUS MEMORP || AMICO OPTIMO ET || DIGNISSIMO; D—M || C' DOMICIO' PRIMA' || DOMITIA' SPUDE' || CONJUGI' BENE' || MERENTI' FECIT, и нѣсколько пеплохранительницъ съ рельефами, но безъ надписей.

Замѣтимъ еще слѣдующій христіанскій саркофагъ. По серединѣ лицевой стороны углубленный греческій крестъ съ надписью: . . MNAETRE | Q VALERIO | MARON JUN | QUI. VIXIT | ANNIS. IIII. | MENSIBUS. V. | DIEBUS. VII. Первая строчка ошибочно реставрирована и потому непонятна; изъ остальной части надписи оказывается, что эта гробница заключала въ себѣ прахъ ребенка Квинта Валерія Марона Младшаго, жившаго 4 года 5 мѣсяцевъ и 7 дней. Крестъ окруженъ канелюрами, очень часто встрѣчающимися на саркофагахъ, преимущественно христіянскихъ. В. $7^1/_4$ в. дл. 2 ар. [1]).

Большая часть этихъ памятниковъ пріобрѣтены въ Римѣ чрезъ посредство г. Лемуана [2]).

[1]) Подобный камень, только безъ надписи, есть въ Луврѣ. Clarac II, pl. 256 № 624.

[2]) Мы столько разъ упоминали имя этого художника, что считаемъ умѣстнымъ сказать о немъ нѣсколько словъ. Рожденный въ Парижѣ 31-го декабря 1783 г., онъ рано посвятилъ себя скульптурѣ, и по полученіи золотой медали отъ Института переселился въ 1810 г. въ Римъ. Изваянія его имѣли большой успѣхъ; они находятся по большей части въ Парижѣ и его окрестностяхъ и въ Римѣ. Одно изъ самыхъ лучшихъ — Медея, по умерщвленіи дѣтей обращающаяся въ бѣгство, — составляетъ честь коллекціи г. Монферрана. Эта группа была предметомъ удивленія на парижской выставкѣ 1837 г. и доставила художнику вступленіе во французскій Институтъ и въ академіи Св. Луки и Петербургскую. Она была издана въ 1850 г. ея теперешнимъ владѣльцемъ.

Въ заключеніе обзора греческихъ и римскихъ предметовъ коллекціи г. Монферрана нельзя не упомянуть о двухъ мраморныхъ канделабрахъ, относящихся приблизительно ко II вѣку нашей эры, и пріобрѣтенныхъ отъ г. Хитрова, посѣтившаго Италію по особенному порученію Императора Александра, и еще о слѣдующемъ превосходномъ обломкѣ:

Рука Бакха съ кистью винограда изъ коллекціи принца Александра Виртемберскаго; исполненіе этого фрагмента превосходное, мраморъ паросскій. Дл. $10^1/_2$ в.

В. ПРЕДМЕТЫ ЕГИПЕТСКАГО ИСКУССТВА.

Описываемое нами собраніе довольно богато египетскими вещами. Мы упомянемъ изъ нихъ только о самыхъ примѣчательныхъ. Объясненіемъ гіероглифовъ мы обязаны учености г. Эмануила Руже, почетнаго хранителя луврскаго египетскаго музея.

1. Саркофагъ Таму (таб. IV рис. 1, 2). Этотъ красивый саркофагъ изъ очень тонкаго известняка относится, по мнѣнію г. Руже, къ эпохѣ саитской, начавшейся съ Псамметиха, перваго царя 26-й династіи. Вертикальная гіероглифическая колонна представляетъ слѣдующую надпись: «Поклоненіе Осирису подземному, богу великому, властителю Абидоса. Да даруетъ онъ блага усопшихъ, хлѣбъ и напитки, гусей, быковъ, тканей, благовоній, смолы, возліяній и всего пріятнаго и чистаго, Осирису вѣщателю и царскому грамматею Таму, оправданному, сыну Нефрепахта оправданнаго. Навсегда.» Абидосъ, древняя столица Мемнона, былъ мѣстомъ знаменитаго поклоненія Осирису. Имя лица, для котораго былъ назначенъ саркофагъ, необыкновенно; г. Руже не ручается за вѣрность транскрипціи Таму. Осирисомъ онъ называется, какъ всякій умершій оправданный.

2. Саркофагъ Имготепа (табл. IV рис. 3). Этотъ памятникъ, во всемъ похожій на предшествующій, сдѣланъ изъ таковаго же известняка и относится къ той же саитской эпохѣ; только вмѣсто одной гіероглифической колонны, на немъ ихъ три. Г. Руже читаетъ ихъ такъ: «Говоритъ Осирисъ царскій грамматей, пророкъ боговъ Гóра и Θóθа, Имготепъ оправданный, сынъ Іеннофреи: слава тебѣ, владыка Аментія, господинъ вѣковъ, царь вѣчности! Я прихожу къ тебѣ, даруй мнѣ явиться свѣту,... даруй мнѣ видѣть бога Ра, когда онъ сіяетъ при своемъ восхожденіи, бога Тумъ, когда онъ заходитъ; да соединюсь я съ свѣтомъ, который въ сферѣ неба пребываетъ неизмѣнный и безсмертный. Навсегда.» Точками означено мѣсто,

котораго смыслъ сомнителенъ; г. Руже читаетъ его: *въ праздникъ Сокарисъ съ душами, съ добродѣтельными.* Г. Руже присовокупляетъ: «Имготепъ есть имя бога, называемаго по-гречески Имуѳесъ и отождествляемаго съ Эскулапомъ. Этотъ небольшой текстъ отличается слогомъ довольно литературнымъ. Вообще древняя тема о послѣдней судьбѣ души, которая проситъ о своемъ поглощеніи въ вѣчномъ божественномъ свѣтѣ, какъ о высшей наградѣ, эта древняя тема разнообразится до безконечности въ погребальныхъ надписяхъ, — предметъ, который еще не былъ, можетъ-быть, такъ изложенъ, какъ онъ заслуживаетъ. Египтяне часто находили прекрасныя выраженія для своихъ идей о безсмертіи души; это была одна изъ ихъ любимыхъ темъ, какъ можно видѣть и изъ заимствованій, которыя сдѣланы Платономъ, употребившимъ въ пользу уроки геліопольскихъ жрецовъ.» Аментій, упоминаемый въ надписи, есть египетскій адъ; Ра — солнце восходящее, Тумъ — солнце заходящее; Сокарій — одно изъ именъ бога Фта. Бороды на обоихъ саркоѳагахъ приставныя; онѣ подвязаны лентами, какъ часто на египетскихъ памятникахъ. Обычай носить фальшивыя бороды былъ распространенъ у этого народа, который придавалъ бородѣ большое значеніе, но отъ природы былъ почти лишенъ этого украшенія. В. 2 ар. $11^1/_4$ в.

Оба эти саркофага перешли изъ собранія Фонтана на Тріестѣ.

3. Статуэтта женщины (табл. IV рис. 6). Мы видимъ нагую женщину въ искусственномъ головномъ уборѣ съ опущенными внизъ и тѣсно прижатыми къ туловищу руками. Матеріялъ — сіенитъ. В. 1 ар. $1^3/_4$ в.

4. Паштъ и Фта (табл. IV рис. 5). Львиная голова стоящей направо богини Паштъ увѣнчана кругомъ, polos, съ обычнымъ василискомъ, ureus; въ правой рукѣ у нея такъ называемый ключь Нила, la croix ansée, въ лѣвой трость. Голова Фта покрыта узкою, круглою шапочкой; въ рукахъ у него трость, оканчивающаяся сверху нилометромъ, а снизу полумѣсяцемъ; борода приставная. Статуя Паштъ, подобная нашей, изъ гранита, находится въ Ватиканѣ, гдѣ есть и сидящая статуя той же богини только безъ трости (Clarac pl. 984. B. №№ 2,540 и 2, 539). Въ обоихъ памятникахъ василискъ не довольно ясенъ. Лѣвая фигура, судя по нилометру, должна быть Фта; приставная борода не противорѣчитъ этому мнѣнію: она встрѣчается на изображеніяхъ Аммона и Осириса и не составляетъ принадлежности простыхъ смертныхъ людей. Горельефныя группы очень рѣдки между египетскими памятниками. Нашъ рельефъ изъ діорита. В. $12^3/_8$ в.

5. Бюстъ мущины (табл. IV рис. 4). Этотъ красивый бюстъ, также изъ діорита, есть фрагментъ статуи и представляетъ молодаго человѣка съ скуфьей на головѣ. Гіероглифическая надпись заключаетъ въ себѣ только начало его титуловъ. «Первый титулъ, говоритъ г. Руже, обыкновенно дается важнымъ лицамъ касты жрецовъ и воиновъ; его переводятъ *юный предводитель*; по значенію, онъ соотвѣтствуетъ нашему *благородный*. Начало второй строки обозначаетъ его какъ *завѣдывающаго водами*. Остальное очень повреждено и не допускаетъ объясненія. Стиль знаковъ очень хорошъ, но образчикъ такъ коротокъ, что не позволяетъ дѣлать заключенія объ эпохѣ.»

6. Жертвоприношеніе Ра (табл. IV рис. 7). Этотъ рельефъ есть углубленный рельефъ, что̀ Французы называютъ relief en creux, по гречески κοιλαναγλυφή. Слѣва мы видимъ бога солнца, Ра, Ре или Фре, съ головою коршуна (ἱερακόμορφος) и солнечнымъ дискомъ на головѣ; онъ обращенъ вправо; въ правой рукѣ у него крестъ съ рукояткой; въ лѣвой жезлъ съ крючкомъ наверху и полумѣсяцемъ внизу. Передъ нимъ жертвенникъ съ приношеніями, а за жертвенникомъ поклоняющаяся женщина въ хитонѣ и синдонѣ съ руками поднятыми вверхъ по обычаю молящихся. В. $12^3/_8$ в., дл. $8^9/_{16}$ в.

7. Поклоненіе Осирису (табл. IV рис. 8). Этотъ рельефъ раздѣленъ на три полосы. Въ верхней изображенъ Осирисъ, сидящій на тронѣ, вправо, съ бичомъ и загнутымъ жезломъ въ рукѣ, съ египетскимъ *пшендомъ* на головѣ; за нимъ мужское божество, также въ пшендѣ, и женское въ синдонѣ; это, вѣроятно, боги сопрестольные Осирису. Передъ группой трехъ боговъ стоятъ двѣ молящіяся женщины, которыя, вѣроятно, по освобожденіи отъ временнаго жилища (κατάλυσις) предстаютъ предъ Осириса, чтобы войдти въ обиталище вѣчное. Обѣ нижнія полосы представляютъ каждая по четыре колѣнопреклоненныхъ, съ руками, поднятыми къ верху; изъ нихъ семь женщинъ и одинъ мущина. Это, конечно, родственники умершихъ. В. $12^1/_2$ в., дл. $10^5/_8$ в.

Оба послѣдніе рельефа сдѣланы изъ известняка. На обоихъ есть гіероглифическія надписи, объясняющія ихъ сюжеты. Мы надѣемся въ послѣдствіи сообщить ученыя толкованія этихъ надписей г. Руже.

Б. Кёне.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

СВѢДѢНІЯ О ТРУДАХЪ НОВѢЙШИХЪ УЧЕНЫХЪ ПО ЧАСТИ КЛАССИЧЕСКОЙ ДРЕВНОСТИ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГРЕЦІЯ.

ВРЕМЯ ДО ПЕРСИДСКИХЪ ВОЙНЪ.

Начало достовѣрной исторіи. Геллада и Геллены. Два средоточія исторіи этого періода: Спарта и Аѳины.

Grote A History of Greece. II. Historical Greece. 2d edition. London, Murray, 1851.

Гдѣ крайній предѣлъ миѳологіи и начало достовѣрной исторіи? какъ перейдти отъ первой къ послѣдней? — вотъ два вопроса, которые должны были представляться всѣмъ, кто только принимался за исторію какого бы то ни было древняго народа. Относительно греческой исторіи на первый изъ этихъ вопросовъ отвѣчать легче, нежели на второй. Особенно въ наше время не можетъ быть сомнѣнія въ отвѣтъ, потому что едва ли теперь найдется кто-нибудь, кто сталъ бы утверждать, что объ исторіи Греческаго народа есть достовѣрныя свидѣтельства, восходящія за годъ первой записанной олимпіады, т. е. за 776 г. до Р. Х. Событія, предшествовавшія этой эпохѣ, переданы намъ въ свидѣтельствахъ, не удовлетворяющихъ требованіямъ исторической критики; многія изъ этихъ событій *могли* совершиться въ томъ видѣ, въ какомъ повѣствуютъ о нихъ древніе логографы и историки, но всѣ эти повѣствованія, прежде нежели ихъ записала историческая литература, были достояніемъ народной молвы и поэзіи, и кто въ состояніи поручиться, что эта среда, черезъ которую они прошли, не измѣнила

ихъ вида смѣшеніемъ дѣйствительности и вымысла, столько обыкновеннымъ въ народныхъ сказаніяхъ? Не надобно ходить далеко за наблюденіемъ, что народная молва не способна сохранить ни непрерывную нить исторіи, ни истинную мѣру значенія историческихъ событій особенной важности. Наименѣе поэтическіе народы, каковы напр. въ древней исторіи Римляне, не остались свободными отъ всеобщаго обычая народныхъ сказаній — обобщать и поэтизировать событія отдаленной древности, а такой поэтическій, такою сильною и живою фантазіей одаренный народъ, какъ Греки, на сколько менѣе достовѣрнымъ свидѣтелемъ онъ становится, по самой игривости своихъ способностей и неисчерпаемому обилію сказаній? Можно ли давать вѣсъ историческаго свидѣтельства сколько бы то ни было вѣроятному преданію, дошедшему до насъ не помимо стоустой молвы такого народа? А къ такого рода преданіямъ относятся всѣ свидѣтельства о событіяхъ, предшествовавшихъ первой записанной олимпіадѣ. Мы упоминали уже въ статьѣ «Миѳическая Греція», помѣщенной во II томѣ этого Сборника, о приводимой Гротомъ замѣчательной аналогіи сказаній, относящихся къ Карлу Великому. Если историческій обликъ и дѣянія такого лица, какъ Карлъ Великій, могли быть до такой степени измѣнены народною молвой времени вполнѣ историческаго, то какихъ измѣненій нельзя ожидать отъ сказаній, относящихся къ X или XII вѣку до Р. X.?

Итакъ, не можетъ быть спору, что достовѣрныя свидѣтельства объ исторіи Греческаго народа могутъ начинаться только съ тѣхъ поръ, когда, на ряду съ народнымъ сказаніемъ, является другой источникъ, заслуживающій бо́льшаго довѣрія, именно современное записываніе событій. Вмѣстѣ съ этимъ первый вопросъ о началѣ достовѣрной греческой исторіи рѣшенъ въ пользу времени первой записанной олимпіады, и рѣшенъ окончательно. Но при самомъ рѣшеніи этого вопроса возникаетъ другой, какъ уже замѣчено выше, гораздо болѣе трудный вопросъ. Что́ же дѣлать историку съ миѳологіей? въ какое отношеніе должна стать къ ней достовѣрная исторія, и какой переходъ можетъ быть найденъ отъ миѳической эпохи къ исторической? Долженъ ли осмотрительный историкъ, по выраженію моряковъ, выбросить за бортъ своего корабля все это обиліе миѳическихъ сказаній, или есть возможность спасти изъ нихъ хотя что-нибудь для достовѣрной исторіи? Всего вѣрнѣе было бы первое, но такой рѣшительный поступокъ можетъ казаться и въ самомъ дѣлѣ казался непозволительнымъ и невозможнымъ относительно греческой миѳологіи. Ея несравненная прелесть вынуждала снисходительность, и историки новѣй-

шаго времени, вполнѣ признавая законность требованій исторической критики, нашлись однакоже принужденными стараться о спасеніи изъ-подъ критическаго ножа хоть чего-нибудь, даже самаго малаго, изъ этого прекраснаго міра. Можетъ-быть, кромѣ того участвовала въ этомъ стараніи и заманчивость запутанныхъ и неудоборазрѣшимыхъ вопросовъ, дѣйствующихъ обаятельно на умъ человѣческій и отвлекающихъ иногда цѣлыя поколѣнія ученыхъ дѣятелей отъ болѣе благодарныхъ трудовъ. Присоединялась наконецъ извѣстная трудность освободиться на практикѣ отъ воззрѣній, господствовавшихъ нѣсколько тысячелѣтій, хотя эти воззрѣнія и отвергаются въ теоріи. Миѳологія была вовлечена въ исторію еще древними логографами и съ тѣхъ поръ успѣла совершенно сростись съ нею; ее разсматривали, какъ нѣчто однородное съ исторіей, и старались все болѣе и болѣе приводить съ нею въ связь. Этимъ объясняется, какимъ образомъ такъ долго не могли найдти себѣ приложенія въ древнѣйшемъ періодѣ греческой исторіи простые законы исторической критики. Миѳы плохо выдерживали испытующій ножъ ея, и въ исторіи собственно такъ-называемой получали съ каждымъ днемъ все менѣе и менѣе завидное мѣсто. Но сколько ни поколебала критика ихъ историческое значеніе, тѣмъ не менѣе ихъ обрабатывали, какъ одинъ изъ источниковъ и одно изъ свидѣтельствъ на ряду съ другими. Смотря безпристрастно, нельзя не замѣтить, что такой образъ дѣйствія былъ не совсѣмъ послѣдователенъ и запутывалъ въ противорѣчіяхъ. Критическій ножъ не выходилъ изъ рукъ изслѣдователя; прежнее довѣріе логографовъ и историковъ древности, не отличавшихъ миѳа отъ историческаго свидѣтельства, было совершенно потеряно; всякій ученый чувствовалъ себя въ правѣ подвергать миѳы разнаго рода критическимъ операціямъ и самопроизвольно управляться съ ними: но тѣмъ не менѣе при критической обработкѣ миѳическихъ сказаній все-таки имѣлось въ виду извлекать изъ миѳовъ достовѣрные факты и преобразовывать ихъ въ исторію. Однимъ словомъ, искали историческихъ свидѣтельствъ тамъ, гдѣ по законамъ критики, признаваемымъ самими ищущими, не могло быть достовѣрныхъ историческихъ свидѣтельствъ. Плодомъ этой непослѣдовательности было то странное явленіе, что всякій изслѣдователь строилъ по своему древнѣйшую эпоху греческой исторіи, и то, что̀ повидимому было особеннымъ побужденіемъ къ ошибкѣ — неподражаемое изящество греческой миѳологіи — стало едва замѣтнымъ въ новыхъ редакціяхъ миѳическаго періода; на мѣстѣ поэтической миѳологіи явились системы, очень мало на нее похожія; сочиненія ученыхъ занимавшихся этою частію, были какъ будто назначены для того, чтобы

заставить забыть миѳологію и изгладить изъ памяти изящный подлинный видъ ея. Древняя народная молва, при всемъ разнообразіи и противорѣчіи сказаній, была согласна во многомъ; теперь, сколько ученыхъ, столько, можно сказать, было различныхъ мнѣній, и, что еще хуже, разногласіе было такого рода, и такъ мало было твердыхъ пунктовъ, что нельзя было предвидѣть соглашенія — пока изслѣдованіе будетъ идти по тому же пути.

Историческая критика не была однакоже нисколько виновна въ такомъ очевидно ошибочномъ направленіи изслѣдованій; оно коренилось напротивъ въ недостаточномъ приложеніи ея законовъ, вызванномъ желаніемъ сохранить миѳологію. Нельзя также не замѣтить, что и самое это желаніе было справедливо въ своемъ основаніи. Такая привлекательная и многозначительная область, какъ миѳологія, не должна была пропасть для исторіи, и историки были въ правѣ дорожить ею. Имъ только слѣдовало иначе съ нею обращаться и не того искать въ ней, чего въ ней обыкновенно искали. Колумбово яйцо заключалось здѣсь въ томъ, что въ миѳахъ передана намъ исторія совершенно другаго рода, нежели та исторія, которую мы узнаемъ изъ другихъ историческихъ свидѣтельствъ. Между тѣмъ какъ всѣ послѣднія говорятъ намъ о внѣшнихъ событіяхъ, въ миѳахъ напротивъ того преимущественно повѣствуется о внутренней исторіи, о тѣхъ ощущеніяхъ и представленіяхъ, которыми опредѣляется духовная физіономія народа и весь рядъ событій внѣшней его исторіи. Это совершенно другая область, изъ которой внѣшняго перехода въ исторію не можетъ быть найдено. — Въ критической обработкѣ миѳологіи повторилось то же самое, что̀ такъ часто встрѣчается въ исторіи наукъ: въ миѳахъ искали того, что̀ изъ нихъ не можетъ быть узнано, потому что не довольно ясно понимали, что̀ составляетъ ихъ сущность. Новое подтвержденіе старой истины, что въ наукѣ труднѣе всего вѣрно поставить вопросъ, и что успѣхъ ученыхъ изслѣдованій болѣе всего зависитъ отъ того, съ какимъ вопросомъ изслѣдователь подходитъ къ испытуемому предмету.

Одна изъ самыхъ безспорныхъ заслугъ Грота состоитъ въ томъ, что онъ рѣшился положить совершенное разграниченіе миѳической и исторической эпохи въ основу своей «Исторіи Греціи». Его здравому смыслу удалось освободиться отъ той непослѣдовательности, противъ которой не могла устоять даже несомнѣнно большая геніальность Оттфрида Мюллера, не говоря уже о второстепенныхъ нѣмецкихъ ученыхъ, имѣющихъ обыкновенно особенную слабость къ запутаннымъ изысканіямъ. Интересно замѣтить по этому поводу своеобразное участіе различныхъ

національностей въ исторіи наукъ. Никто столько не занимался греческою исторіей, какъ Нѣмцы, но англійскому ученому было суждено первому приложить къ ней въ полной мѣрѣ законы исторической критики и допустить всѣ послѣдствія этого приложенія. «Исторія» Грота пожала плоды такой здравой рѣшительности. Выдѣливъ изъ достовѣрной исторіи Греческаго народа всю область миѳическихъ сказаній и поставивъ ея почти необозримое содержаніе какъ отдѣльное цѣлое, запечатлѣнное своимъ особеннымъ характеромъ, Гротъ нашелъ для себя возможность освободиться отъ чарующей силы этой въ другомъ отношеніи драгоцѣнной области и счастливо обойти тотъ камень преткновенія, котораго не могли избѣгнуть нѣмецкіе ученые, продолжавшіе заботиться о приведеніи во внѣшнюю связь этихъ двухъ совершенно разнородныхъ областей. Однимъ рѣшительнымъ ударомъ онъ разорвалъ искусственную ткань нитей, крѣпость которыхъ могла основываться на отрицаніи, хотя и не высказавшемся, существеннаго и очевиднаго различія миѳической и исторической эпохи. Но съ другой стороны, успѣшно освободивъ миѳологію отъ тяжкихъ для нея узъ, насильственно связывавшихъ ее съ внѣшнею исторіей, Гротъ не пошелъ въ миѳическомъ отдѣлѣ далѣе голаго изложенія миѳовъ и бѣглаго обозрѣнія ихъ внѣшней литературной исторіи. Чтобы проникнуть глубже въ значеніе миѳологіи, для этого, видно, было нужно опять таки нѣмецкое глубокомысліе. Простой здравый взглядъ на дѣло оказался для того недостаточнымъ.

Но если миѳологіи пріемъ, избранный Гротомъ, принесъ только отрицательную пользу, то собственная исторія получила отъ него самую положительную выгоду. Это бросается въ глаза въ первыхъ главахъ «Исторіи Греціи». Благодаря этому пріему, Гротъ могъ совершенно очистить факты, выдерживающіе всю строгость исторической критики, отъ примѣси извѣстій недостовѣрныхъ или полудостовѣрныхъ и начать свою «Историческую Грецію» съ такихъ данныхъ, достовѣрность которыхъ не подлежитъ никакому сомнѣнію Всѣ предшествующія событія внѣшней исторіи Греческаго народа онъ оставилъ въ томъ туманѣ, которымъ ихъ окружило самое время ихъ происхожденія. «Историческая Греція» отправляется отъ твердыхъ пунктовъ, которыхъ не имѣетъ основанія колебать самая взыскательная критика, и которые всѣми должны быть приняты за твердые. И надобно сказать, что эти немногіе пункты у Грота осматриваются со всѣхъ сторонъ при свѣтѣ позднѣйшей исторіи и обсуживаются съ такою осмотрительностью, что и самымъ сужденіямъ автора едва ли можетъ найдтись много противорѣчій. Такимъ образомъ древнѣйшій періодъ греческой исторіи осво-

бождается отъ разногласія, въ немъ господствующаго, и остается чистъ отъ гипотезъ, столько заманчивыхъ при другихъ способахъ изложенія. Онъ сокращается правда въ объемѣ, но зато пріобрѣтаетъ тотъ характеръ точности, сравнительно съ которымъ, съ точки зрѣнія строгой науки, обиліе фактовъ недостаточно подтвержденныхъ не имѣетъ никакой цѣны.

Естественно было начать обзоръ достовѣрнаго съ тѣхъ данныхъ, которыя представляетъ мѣстность, служившая театромъ греческой исторіи [1]). Въ разсмотрѣніи и оцѣнкѣ этихъ данныхъ видна та же осмотрительность, которая и въ другихъ случаяхъ не позволила Гроту преувеличивать значеніе историческихъ элементовъ и событій. Онъ остался свободенъ отъ того ограниченнаго увлеченія географическими разысканіями, которое, объясняя исторію географіей, пытается низшимъ объяснять высшее. Вообще весьма осторожный въ теоретическихъ сужденіяхъ, онъ и здѣсь только указываетъ на соотвѣтствіе характера мѣстности съ національнымъ характеромъ и историческимъ бытомъ народа, обитавшаго въ ней въ древности, и не позволяетъ себѣ никакихъ дальнѣйшихъ заключеній. Изъ этого соотвѣтствія, скажемъ мимоходомъ, иные выводили совершенно ложную теорію, будто духовная физіономія народа опредѣляется преимущественно географическими условіями [2]), но само по себѣ оно дѣйствительно неоспоримо. Бросьте самый бѣглый взглядъ на карту и припомните себѣ самыя извѣстныя географическія свѣдѣнія, и вы тотчасъ замѣтите всю силу различія Греціи отъ странъ, которыя были заняты народами, предшествовавшими Грекамъ въ общемъ ходѣ древней исторіи. Греція, очевидно, превосходитъ ихъ всѣ своимъ до безконечности простирающимся разнообразіемъ и какъ бы приготовле-

[1]) Главныя сочиненія о древней географіи Греціи: Kruse Hellas Lpz. 1825—27. Cramer Geographie des alten Griechenlands. Curtius Peloponnesos. Bd. 1. Gotha. 1851. Изъ путешествій самыя важныя: Leake Travels in Northern Greece и Travels in Morea и Ross Kleinasien, Reisen u. Reiserouten durch Griechenland и особенно Reisen auf den griechischen Inseln des aegaeischen Meers. Четвертый томикъ послѣдняго сочиненія вышелъ въ 1852 г. подъ заглавіемъ Reisen nach Kos, Halikarnassos, Rhodos und der Insel Cypern.

[2]) Сомнѣвающихся относительно этого спорнаго вопроса, котораго мы имѣли въ виду только коснуться, мы просимъ сравнить древнихъ обитателей всѣхъ историческихъ странъ съ ихъ теперешними жителями, напр. Гелленовъ съ нынѣшними Ромеями, Италіянцевъ, народъ художественный, но отнюдь не энергическій, съ ихъ предками Римлянами, суровыми властелинами вселенной, или наконецъ несчастныхъ Феллаховъ, едва лѣпящихъ свои бѣдныя хижины около коллоннъ древнихъ храмовъ своей страны, съ этимъ великимъ египетскимъ народомъ, который оставилъ намъ древнѣйшую въ мірѣ исторію и памятники, еще болѣе поражающіе своею внутреннею, нежели внѣшнею, колоссальностію.

на именно для историческаго разнообразія греческой жизни. Страны, окружающія ее съ востока и юга, имѣютъ каждая свой особенный, односторонній характеръ. Месопотамія — не болѣе какъ равнина, весьма плодоносная, орошаемая двумя многоводными рѣками, но не знающая ни горъ, ни даже холмовъ, и лишенная лѣса и камня. Въ Персіи наоборотъ нѣтъ рѣкъ и земли, удобной для земледѣлія и, можно сказать, нѣтъ морскаго берега, потому что Персидскій заливъ безполезенъ для Персіи, отдѣленный отъ тѣхъ горныхъ террассъ, которыя были мѣстомъ культуры, широкою полосою песковъ, составляющихъ продолженіе песковъ Сиріи. Сирія — песчаная пустыня, покрытая кое-гдѣ цвѣтущими оазисами; ограничивающій ее на западѣ Ханаанъ силенъ близостью моря и богатъ горами и лѣсомъ, но онъ однообразенъ въ своемъ раздробленіи на короткія долины небольшихъ ручейковъ и крайне бѣденъ землей, годною для земледѣлія. Въ Египтѣ мы находимъ гораздо болѣе соединенныхъ вмѣстѣ условій культуры: это плодоносная долина, допускающая земледѣліе, орошаемая большою судоходною рѣкой, ограниченная высокими горами, соприкасающаяся съ моремъ посредствомъ Дельты, и вообще представляющая самыя разнообразныя климатическія явленія. Съ этимъ согласно, что эта страна, снабженная извѣстною полнотою географическихъ явленій, отличается во внѣшней исторіи болѣе продолжительною и разнообразною жизнію, а въ религіозномъ развитіи — первою полною миѳологіей, т. е. такою, въ которой для каждаго греческаго бога можно найдти соотвѣтствующее ему существо: но разнообразіе Египта можно назвать изолированнымъ и подавленнымъ разнообразіемъ; долина, имѣющая до 700 верстъ въ длину и не болѣе 15 верстъ въ ширину, соприкасающаяся съ моремъ только узкою своею стороною и притомъ лишенная корабельнаго лѣса, естественно налагала на своихъ жителей нѣкоторую изолированность; кромѣ того, при всѣмъ разнообразіи египетской мѣстности, въ Египтѣ есть одно явленіе, которое видимо превышаетъ всѣ прочія; это рѣка Нилъ, съ его длиннымъ теченіемъ, съ его періодическими и почти чудесными разлитіями, отъ которыхъ совершенно зависитъ плодоносіе не знающей дождя долины, — «дѣятельная рѣка», которой «даромъ» Геродотъ называетъ цѣлый Египетъ. Одна Греція показываетъ самое полное разнообразіе и вмѣстѣ съ тѣмъ доступна со всѣхъ сторонъ и не подавлена никакимъ однимъ явленіемъ. Здѣсь есть и снѣжныя вершины Олимпа, и плодоноснѣйшія долины, равнины и поморья, есть лѣса, доставляющіе матеріялъ для кораблестроенія, рудники, довольно богатые металлами; цѣлыя горы мрамора, самаго благороднаго, призывающія къ сооруженію памятниковъ искусства, но

нѣтъ ни большой рѣки, которая опредѣляла бы характеръ страны, ни хребта горъ, который тянулся бы на значительномъ протяженіи и вносилъ бы въ страну однообразіе. Для лучшаго удержанія въ памяти можно и даже должно приводить въ систематическій порядокъ орографію Геллады и группировать ея многочисленныя горы въ извѣстные хребты и центры, но въ натурѣ столько развѣтвленій и отдѣльныхъ вершинъ, такое необъятное множество холмовъ и утесовъ разной величины и вышины, что наши системы всегда останутся только у насъ въ головѣ и на картѣ. Даже рѣки Греціи не поддаются системѣ. Обильный дождь падаетъ въ осеннее и зимнее время; онъ сильно смачиваетъ страну и образуетъ стремительные потоки, но голый извѣстнякъ большей части горъ мало всасываетъ и сохраняетъ въ себѣ влагу, и потому многія рѣки совершенно высыхаютъ еще прежде окончанія лѣта; греческій языкъ имѣетъ для такихъ рѣкъ особое названіе χειμάῤῥους, которому изо всѣхъ извѣстныхъ языковъ соотвѣтствуетъ только арабское слово *вади*. Во всей собственной Греціи не только мало пространныхъ равнинъ, но мало даже долинъ съ достаточнымъ протяженіемъ. Изъ 47,600,000 греческихъ стремъ, заключающихся въ теперешнемъ Греческомъ королевствѣ, 26,500,000 идутъ на горы, утесы, рѣки, озера и лѣса, и только 21 милліонъ на землю годную для обработки, хотя въ настоящее время еще не вполнѣ обработанную [1]). Плодоносіемъ славились въ древности и славятся еще и теперь низменныя мѣста Ѳессальской равнины, долина Кефиса и берегъ озера Копаиды въ Беотіи, западная часть Элиды, равнина Стратоса на границѣ Акарнаніи и Этоліи и низовья Памиса въ Мессеніи. Въ остальныхъ частяхъ Греціи, и именно въ странахъ наиболѣе знаменитыхъ въ исторіи, преобладаетъ голый извѣстнякъ, по замѣчанію Росса [2]), какъ бы отъ природы предназначенный для *киклопическихъ* построеній; онѣ характеризуются множествомъ обрывистыхъ утесовъ, частыхъ, но короткихъ долинъ и изолированныхъ бассейновъ, составляющихъ особенность греческой почвы. Греція очень богата лежащими между горъ котловинами, на днѣ которыхъ скопляется дождевая вода и образуетъ, смотря по времени года, то озера, то болота. Изъ нѣкоторыхъ стоячія воды находятъ себѣ истокъ черезъ подземныя расщелины, называющіяся у новыхъ Грековъ *катавоѳрами* и соотвѣт-

[1]) Strong Statist. of Greece, p. 2. London, 1842.

[2]) Ross Reisen auf den griech. Inseln Th. 1. S. 15. Вообще о геологическомъ строеніи Греціи главное сочиненіе: Fiedler Reise durch alle Theile des Königreichs Griechenland. Lpz. 1841. О турецкихъ частяхъ сѣверной Греціи: Grisebach Reise durch Rumelien und nach Brussa. Gött. 1841.

ствующія тому, что у насъ въ Сибири носитъ имя *воронокъ*. Отсюда — значительное число рѣкъ, скрывающихся подъ землею, или, какъ говорили древніе, поглощаемыхъ, καταπινόμενοι, и потомъ опять выходящихъ изъ утесовъ — явленіе, пользовавшееся особеннымъ вниманіемъ древнихъ наблюдателей природы.

Изъ такого своенравнаго построенія мѣстности сама собою слѣдуетъ трудность внутреннихъ сообщеній [1]) и раздробленность страны, а вмѣстѣ съ тѣмъ и невиданное въ другихъ земляхъ разнообразіе климатическихъ явленій. Знаменитый путешественникъ Джелль [2]) нашелъ въ мартѣ мѣсяцѣ лѣто въ низменной равнинѣ Мессеніи, весну въ Лаконикѣ и зиму въ Аркадіи. Сама природа желала, кажется, поддержать разъединеніе и разнообразіе греческаго населенія, устроивъ въ весьма небольшой странѣ столько географическихъ преградъ и климатическихъ контрастовъ [3]). Но съ другой стороны, именно изъ этихъ географическихъ условій должно было произойдти первое побужденіе къ внутреннимъ сношеніямъ. Различіе въ климатѣ и температурѣ между нагорными возвышенностями и низменными мѣстами такъ велико, что въ послѣднихъ жатва бываетъ уже убрана и вся растительность сожжена солнцемъ, когда на горахъ хлѣбъ еще зеленъ и луга представляютъ обильный подножный кормъ. А это повело къ обычаю — столько же древнему, какъ Одиссея — пасти стада поперемѣнно то на горахъ, то въ равнинахъ. Такимъ образомъ само собою происходило сообщеніе горныхъ странъ съ низменными равнинами.

Другимъ и еще болѣе сильнымъ побужденіемъ ко взаимнымъ сношеніямъ была близость моря и необыкновенно развитая — сравнительно съ пространствомъ страны — береговая линія. Разнообразное очертаніе морскаго берега есть особенность Греціи не менѣе характеристическая, чѣмъ разнообразіе ея горъ и долинъ. Благодаря этимъ многочисленнымъ заливамъ, глубоко врѣзывающимся во внутренность материка, почти всѣ части Греціи были доступны съ моря. Видъ Пелопоннеса съ его тремя заливами, Арголическимъ, Мессенскимъ и Ла-

[1]) Въ 1833 г. не было ни одной экипажной дороги во всемъ королевствѣ; въ цѣлой странѣ не было ни одной телѣги; тяжести перевозили на лодкахъ или посредствомъ вьючныхъ животныхъ. Это впрочемъ показываетъ большой шагъ назадъ въ цивилизаціи страны даже сравнительно съ гомерическимъ временемъ: Телемахъ ѣздилъ въ колесницѣ изъ Пилоса въ Спарту. См. Strong. p. 33.

[2]) Gell Journey in Greece p. 355—359.

[3]) Горные жители Этоліи, еще въ наше время, не могутъ сойдти въ болотистую равнину Врахори, не подвергаясь черезъ нѣсколько дней болѣзни. Fiedler Bd. 1. S. 184.

конскимъ, еще древніе уподобляли листу платана; Ксенофонтъ хвалитъ двойное море, омывающее Аттику, Эфоръ — тройное море, дѣлающее Беотію доступною съ сѣвера, запада и юга, а значеніе заливовъ Коринѳскаго и Сароническаго, сдѣлавшее Коринѳъ общимъ рынкомъ Италіи и Малой Азіи, такъ очевидно, что не требуетъ даже похвалы. Въ греческой литературѣ есть нѣсколько такъ-называемыхъ *периплов*ъ, то-есть описаній береговаго плаванія; авторы этихъ сочиненій, ограничиваясь описаніемъ морскаго берега, упоминаютъ однакоже о всѣхъ племенахъ Греціи, за исключеніемъ обитателей Аркадіи, дорійскаго Тетраполя и высотъ Пинда и Тимфреста, а Скилаксъ называетъ даже и Аркадію, потому что въ его время приморскій городъ Лепреонъ отдѣлился отъ Элиды и присоединился къ Аркадіи. Таково было значеніе моря для самаго материка Греціи, для этой *непрерывной* Геллады, Ἕλλας ἡ συνεχής, [1]), какъ ее называли Греки, но нужно ли прибавлять, что эта собственная Греція составляла только незначительную часть всего гелленскаго міра историческаго времени? Непрерывная Геллада была окружена множествомъ острововъ и еще болѣе многочисленными колоніями по берегамъ Чернаго, Эгейскаго, Средиземнаго и Адріатическаго морей, и занимала вѣтвями своими огромное пространство, опредѣляемое промежуткомъ между Трапезундомъ и Марселью.

Всѣ эти безчисленные города, связанные моремъ, носили въ историческое время одно общее имя Геллады [2]); всѣ гордились своею гелленскою кровью, народностью и религіей. Кто зналъ ихъ во время процвѣтанія Греціи, тотъ легко могъ замѣтить въ ихъ племенныхъ отношеніяхъ тѣ же особенности, которыя составляютъ характеръ небольшой страны, бывшей ихъ первоначальнымъ отечествомъ,— удивительное, не поддающееся никакой системѣ, разнообразіе и въ то же время единство на столько сильное, что они были между собою несравненно ближе, нежели съ народами, ихъ окружавшими. Родство по крови и языку, общіе боги и праздники и сходство въ главныхъ обычаяхъ и наклонностяхъ—вотъ тѣ узы, которыя соединяли всѣхъ историческихъ Грековъ въ одинъ народъ, и отъ которыхъ отказаться, по словамъ Аѳинянъ, сказаннымъ во время персидскаго нашествія,

[1]) Dicaearch. 31. p. 460 ed. Fuhr. Scyl. c. 35.

[2]) Собственная Геллада, ἡ συνεχής, нѣсколько менѣе Португальскаго королевства, но было бы неосновательно настаивать для какихъ-нибудь любимыхъ мыслей на этой ограниченности страны и упускать изъ виду развѣтвленіе греческихъ колоній. Послѣднее въ состояніи поднять древнюю Грецію даже въ глазахъ одностороннихъ цѣнителей пространственныхъ отношеній.

было бы для Грека позорно: «всѣ Геллены однокровны и одноязычны, и святилища, и жертвы у нихъ общія, и обычаи одинакіе; стать предателями всего этого Аѳинянамъ не хорошо будетъ» [1]).

Но эти четыре главныя связи соединяли въ одинъ народъ — удивительное и почти необозримое разнообразіе частныхъ явленій? Какъ горы Греціи или ея острова могутъ быть приведены въ систему лишь на бумагѣ, а отнюдь не подчиняются ей въ натурѣ, такъ точно и великое множество діалектовъ греческаго языка. Позднѣйшіе ученые раздѣляли ихъ на четыре главные діалекта: іонійскій, дорическій, эолійскій и аттическій; но эта классификація представляетъ только кажущійся видъ правильности, которой на самомъ дѣлѣ вовсе не было, ибо у каждаго городка, у каждаго подраздѣленія гелленскаго имени были свои мѣстныя діалектическія особенности. Что языкъ племени, называвшагося іонійскими Греками, нисколько не былъ похожъ на одинъ діалектъ, это мы узнаемъ изъ несомнѣннаго свидѣтельства Геродота, который говоритъ намъ о существованіи четырехъ главныхъ діалектическихъ различій въ 12-ти азіятскихъ городахъ, называвшихся іонійскими [2]). Іонійскій діалектъ позднѣйшихъ грамматиковъ былъ извлеченъ изъ Гомера, Гекатея, Геродота, Гиппократа и другихъ, точно такъ же, какъ Сапфо и Алкей на Лесбосѣ, Миртисъ и Коринна въ Беотіи—послужили источниками для указанія лесбійскихъ и беотійскихъ отступленій отъ эолійскаго діалекта. Древніе грамматики обращали вниманіе только на тѣ діалекты, которые употреблялись писателями, и оставили насъ безъ свѣдѣній о живомъ языкѣ греческихъ племенъ. Мы узнаемъ о его разнообразіи только изъ замѣчаній, сдѣланныхъ мимоходомъ разными писателями, да изъ надписей, и можемъ ожидать пополненія теперешнихъ свѣдѣній по этому предмету развѣ лишь отъ тщательнаго изученія оттѣнковъ народнаго новогреческаго языка, въ которомъ, какъ позволяютъ уже предполагать наблюденія Росса [3]), сохранилось много остатковъ отъ діалектовъ древняго времени. Впрочемъ нѣтъ сомнѣнія, что, за исключеніемъ самыхъ рѣдкихъ случаевъ, діалектическія уклоненія не доходили до той степени различія, на которой они дѣлали бы невозможнымъ пониманіе одного Грека другимъ. Какъ все множество племенъ греческихъ соединялось общимъ единствомъ народа, такъ и разнообразнѣйшіе діалекты были не

[1]) Герод. VIII, 144.

[2]) Герод. I, 142.

[3]) См. особенно Reisen auf den Inseln, Bd. III, S. 155. Bd. IV. S. 209.

болѣе, какъ діалекты одного и того же языка — обстоятельство весьма важное и даже удивительное, если взять въ разсчетъ, что греческіе колонисты не брали съ собою женщинъ и женились на не-Гречанкахъ.

Бытъ историческаго времени представляетъ подобные же контрасты и на ряду съ ними весьма важныя общія всѣмъ Грекамъ черты обычая. Свойство страны, во многихъ отношеніяхъ подобной Швейцаріи, содѣйствовало разъединенію ея частей и питало то стремленіе къ обособленію, подъ вліяніемъ котораго каждая самая незначительная городская община старалась организоваться какъ самостоятельное политическое цѣлое. Это стремленіе къ обособленію было общимъ характеромъ участвовавшей въ древней исторіи Европы. Оно отличаетъ эту «многообразную» [1]) Европу отъ ея исторической предшественницы — Азіи и равно встрѣчается въ Италіи и Испаніи, въ Галліи и Сициліи. Но нигдѣ оно не проявилось съ такою силой, какъ въ Греціи. Здѣсь оно доходило до степени почти непонятной для насъ, привыкшихъ къ большимъ политическимъ массамъ. На такихъ крошечныхъ островахъ, каковы Пепареѳъ или Аморгъ, было по двѣ и даже по три общины со всѣми существенными признаками независимыхъ государствъ. Нѣтъ почти нужды говорить объ исторической важности такой децентрализаціи. Только при этой дробности было возможно широкое развитіе городской жизни, внесшее столько важныхъ пріобрѣтеній въ историческое достояніе человѣчества. Ограничиваясь одною теоретическою областью, нельзя не замѣтить, что размышленіе о законахъ, управляющихъ человѣческими обществами,—одно изъ основаній славы греческихъ философовъ — само собою возникало среди этого разнообразія независимыхъ городовъ, тѣснившихся на пространствѣ весьма небольшой страны.

Древніе философы и законодатели глубоко чувствовали различіе между сухопутнымъ и приморскимъ городомъ: въ первомъ находили они простоту и однообразіе жизни, твердую привязанность къ старымъ обычаямъ и отвращеніе отъ новизны и всего иностраннаго, бо́льшую силу исключительныхъ симпатій и тѣсное поприще для движенія мысли; въ послѣднемъ — смѣну и новизну ощущеній, широкое развитіе воображенія, терпимость, а по временамъ и пристрастіе къ иностраннымъ обычаямъ, вообще бо́льшую подвижность и измѣняемость быта. Жители Аркадіи могутъ быть выставлены какъ типъ деревенскаго Грека, не испытавшаго на себѣ никакого иностраннаго вліянія: ихъ деревенскіе необразованные обычаи, ихъ пища изъ сладкихъ каштановъ,

[1]) Πολυσχημονεστάτη въ замѣчательномъ мѣстѣ Страбона II, стр. 121.

ячменныхъ лепешекъ и свинины, ихъ храбрость и постоянство, и всегдашній страхъ передъ лакедемонскими властями, безплодность ихъ ума и воображенія и вялость въ предпріятіяхъ, наконецъ грубыя понятія о богахъ и еще болѣе грубые обряды — они бичевали своего Пана, когда возвращались съ охоты съ пустыми руками, — вотъ черты греческаго селянина, котораго не коснулись благодѣянія моря. Совершенный контрастъ составляетъ Грекъ-морякъ, какъ мы видимъ его напримѣръ въ обитателѣ малоазіятской Фокеи или Милета: корыстолюбивый и дѣятельный, ловкій и смѣлый на морѣ, но на сухомъ пути далекій отъ аркадскаго безстрашнаго мужества, человѣкъ съ впечатлительнымъ воображеніемъ и непостояннымъ характеромъ, любящій роскошь и охотно расточающій свои богатства на праздники эфесской Артемиды или Аполлона въ Бранхидахъ, вообще человѣкъ съ большею наклонностію къ разнообразному проявленію своей силы и утончающему вліянію цивилизаціи. Жители Пелопоннеса и въ особенности Лакедемоняне приближались къ аркадскому типу, между тѣмъ какъ Аѳиняне V столѣтія до Р. Х. стояли во главѣ втораго; но они присоединили къ нему нѣжность вкуса и наклонность къ умственнымъ наслажденіямъ, которыя, какъ кажется, были ихъ особенною принадлежностію.

Между этими двумя крайними предѣлами аркадскаго и малоазіятскаго типа располагаются безчисленные оттѣнки и степени, принадлежащіе разнымъ подраздѣленіямъ Греческаго народа. Разнообразіе въ общественныхъ учрежденіяхъ, нравахъ и обычаяхъ было, можно сказать, безконечное. Но ежели сличить весь этотъ разнообразнѣйшій аггрегатъ сельскихъ и городскихъ общинъ, носящій имя Геллады, съ окрестными странами, нельзя будетъ однакоже не признать его за одно цѣлое. Обычаи какой-нибудь аркадской Кинеѳы и утонченныхъ Аѳинянъ находились между собою въ самомъ рѣзкомъ контрастѣ; но тѣмъ не менѣе Кинеѳянинъ имѣлъ основаніе называть себя Гелленомъ и обозначать именемъ варваровъ обитателей другихъ странъ, имѣя въ виду не одинъ непонятный языкъ ихъ, но и обычаи, противорѣчившіе греческимъ понятіямъ. Мы находимъ нѣсколько весьма важныхъ отрицательныхъ признаковъ, общихъ всѣмъ Грекамъ историческаго времени. Нигдѣ въ Греціи не приносились публично человѣческія жертвы, не допускалось добровольнаго членовредительства въ угодность богамъ, не отрѣзывались руки, ноги, носы, уши и, что̀ еще важнѣе, не совершалось оскопленій; нигдѣ родители не продавали дѣтей своихъ въ рабство; нигдѣ не было многоженства; наконецъ нигдѣ не господствовала ѳеократія или вообще восточная форма государственнаго устройства. Обычай обнажаться при гимнастическихъ состязаніяхъ сдѣлался также

всеобщимъ въ Греціи: Θукидидъ и Геродотъ замѣчаютъ, что это не только не было въ употребленіи, но и считалось неприличнымъ у не-гелленскихъ народовъ. Нельзя указать большаго числа подобныхъ обычаевъ, принадлежащихъ исключительно Грекамъ, но столько мы видимъ, чтобы убѣдиться въ дѣйствительномъ существованіи общихъ гелленскихъ убѣжденій, связывавшихъ въ одно цѣлое Греческій народъ, повидимому, такъ непрочно соединенный.

Ежели обратить вниманіе на части Греціи, принимавшія дѣятельное участіе въ исторіи, то нельзя не замѣтить еще одной важной черты, общей всѣмъ имъ и состоявшей въ нѣкоторомъ отступленіи отъ того быта, который сохранился неизмѣннымъ въ горныхъ и отдаленныхъ областяхъ греческой территоріи. Это отступленіе состояло въ томъ, что городская жизнь получила въ историческую эпоху рѣшительное преобладаніе надъ жизнью въ слободахъ. Самый важный политическій успѣхъ той полуминθической и полуисторической эпохи, которая предшествовала собственному историческому времени, и изъ которой мы не имѣемъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ, состоялъ въ соединеніи слободъ въ города. Прежде этого соединенія, по понятіямъ Грековъ, предки ихъ вели жизнь почти варварскую. Это были времена всеобщей бѣдности и отсутствія мирныхъ сношеній, когда войны и разбои принуждали всѣхъ ходить безпрестанно вооруженными, когда безконечныя странствованія не давали возможности привязаться къ осѣдлой жизни. Только городская жизнь, полагали Греки, принесла съ собою необходимыя условія общественнаго порядка, безопасности и достойнаго существованія. Какъ былъ многозначителенъ въ ихъ глазахъ переходъ отъ разрозненности слободъ къ единству города, видно изъ множества праздниковъ, которыми въ разныхъ городахъ Греціи увѣковѣчивалось политическое соединеніе ихъ изъ отдѣльныхъ слободъ. Нельзя было ничѣмъ на столько повредить политическому значенію какой-нибудь греческой страны, какъ насильственнымъ разрѣшеніемъ ея городовъ на слободы. Мы видимъ напримѣръ, что Агесилай принуждаетъ жителей Мантинеи къ разселенію по слободамъ, изъ соединенія которыхъ этотъ городъ первоначально образовался. Но какъ скоро Спарта теряетъ политическій перевѣсъ, эта насильственная мѣра тотчасъ же устраняется, и великій Эпаминондъ не только возстановляетъ Мантинею, но и основываетъ въ южной Аркадіи еще одинъ новый городъ— Мегалополь, «великій городъ». Племена, которыя и въ историческое время не пользовались благодѣяніями городской жизни, Локры-Озолы, Этолы, Акарнаны, Эпироты, стояли очень низко во мнѣніи остальныхъ Грековъ. Когда жители Писатской области, гдѣ лежала Олимпія, имѣв-

шіе нѣкогда почетное право управленія олимпійскимъ праздникомъ и лишенные потомъ этого права болѣе могущественными Элеями, сдѣлали попытку возстановленія его, то ихъ притязанія были отстранены только на томъ основаніи, что они, живя въ слободахъ по древнему обычаю Геллады, и не имѣя учрежденій, связанныхъ съ городскою жизнію, недостойны такого великаго преимущества. Жизнь въ слободахъ не представляетъ, по понятіямъ Грековъ, ни одного изъ существенныхъ условій, необходимыхъ для человѣческаго благосостоянія. Жители слободъ не знаютъ безопасности, доставляемой твердыми стѣнами; въ случаѣ непріятельскаго нападенія они принуждены бѣжать въ лѣса и горы; жизнь ихъ лишена того разнообразія, которое возможно только при соединеніи значительнаго числа жителей въ одномъ мѣстѣ; у нихъ нѣтъ ни священныхъ акрополей, ни государственныхъ площадей, нѣтъ изящно украшенныхъ храмовъ и портиковъ, сохраняющихъ приношенія слѣдовавшихъ одно за другимъ поколѣній, нѣтъ ни театра для музыки или драмы, ни гимнасія для тѣлесныхъ упражненій, нѣтъ ни одного изъ тѣхъ постоянныхъ учрежденій, которыя греческій гражданинъ считалъ существенно необходимыми для правильной и достойной жизни [1]). Слобода – это не болѣе, какъ дробь отсутствующаго цѣлаго, нѣчто по природѣ своей несовершенное и предназначенное для подчиненія высшему городскому единству.

Но съ другой стороны городъ и государство въ мысли Грека — одно и то же. Соединеніе меньшее, нежели городъ, не въ состояніи удовлетворить требованіямъ человѣка, въ которомъ пробуждена духовная жизнь, но городъ есть нѣчто полное и достигающее цѣли [2]). Грекъ неохотно соглашался искать политическаго авторитета внѣ стѣнъ своего города. Отношенія одного города къ другому были международныя отношенія. За нѣсколько верстъ отъ своего города Аѳинянинъ находился въ области другаго государства, въ которомъ онъ былъ чужой, хотя было бы неправильно назвать его иностранцемъ, упуская изъ виду общія связи Греческаго народа. Аѳинянинъ былъ не такъ далекъ отъ Коринѳянина, какъ отъ Перса или Карѳагенянина; но Аѳины и Коринѳъ находились тѣмъ не менѣе въ отношеніяхъ

[1]) Сомнѣваясь, можно ли назвать фокійскій Панопей городомъ, Павсаній говоритъ, X, 4, 1: *εἴγε ὀνομάσαι τις πόλιν καὶ τούτους, οἷς γε οὐκ ἀρχεῖα, οὐ γυμνάσιόν ἐστιν, οὐ θέατρον, οὐκ ἀγορὰν ἔχουσιν, οὐχ ὕδωρ κατερχόμενον ἐς κρήνην, ἀλλὰ ἐν στέγαις κοίλαις κατὰ τὰς καλύβας μάλιστα τὰς ἐν τοῖς ὄρεσιν, ἐνταῦθα οἰκοῦσιν ἐπὶ χαράδρᾳ.*

[2]) Аристот. Полит. 1, 1, 8: *ἡ δ' ἐκ πλειόνων κωμῶν κοινωνία τέλειος πόλις, ἡ δὴ πάσης ἔχουσα πέρας τῆς αὐταρκείας.*

международныхъ. И то же самое слѣдуетъ сказать обо всѣхъ городскихъ общинахъ древней Грецiи. Каждый городокъ, угнѣздившiйся гдѣ-нибудь на небольшой площадкѣ между горами, имѣлъ природное стремленiе къ самостоятельности и своеобразному развитiю учрежденiй. Каждый имѣлъ свой особенный характеръ, и Греки находили большое удовольствiе въ томъ, чтобы подмѣчать особенности сосѣднихъ городовъ. Такъ, по словамъ Дикеарха [1]), у каждаго изъ городовъ Беотiи были свои особенныя, не только физическiя, но и нравственныя и политическiя качества; Спарта, Аргосъ, Коринѳъ и Сикiонъ, хотя носили одно общее имя дорiйскихъ городовъ, отличались однакожъ и по дiалекту и по особенностямъ быта и государственныхъ учрежденiй, и еще большее различiе имѣло мѣсто между iонiйскими городами.

При столь сильной наклонности къ обособленiю, внѣшнiя узы, соединявшiя греческie города, не могли имѣть того характера сглаживающей разнообразiе централизацiи, который составляетъ большее или меньшее отличiе другихъ историческихъ странъ. Эти связи были произвольныя, добровольно допускаемыя отдѣльными городами, и не имѣли въ себѣ ничего внѣшнимъ образомъ твердаго и охраняемаго силой. Это опредѣлялось уже тѣмъ, что соединенiя носили болѣе религiозный, нежели политическiй характеръ. Уже въ гомерическихъ пѣсняхъ много говорится объ общихъ богахъ и посвященныхъ имъ мѣстностяхъ. Гесiодъ изображаетъ ѳеогонiю, какъ нѣчто установившееся, всѣми признаваемое. Историческое время отличается правда тѣмъ, что въ каждомъ городѣ были свои особенно почитаемые боги, но всѣ эти боги отдѣльныхъ городовъ признавались и остальными городами и были членами одного Олимпа, верховный властитель котораго, «мыслитель» Зевсъ, былъ главнымъ богомъ для всѣхъ Гелленовъ. Поэтому обряды поклоненiя, не только публичные, но даже и тайные, были постоянно доступны для всѣхъ Грековъ, и городскiя празднества привлекали къ себѣ все болѣе и болѣе посѣтителей изъ окрестныхъ частей Геллады. Сосѣднiе города сходились на общiя празднества, посылали другъ къ другу праздничныя депутацiи, или такъ называемыя *ѳеорiи*, и нерѣдко соглашались между собою относительно расходовъ по содержанiю общихъ хра-

[1]) Вотъ это достопримѣчательное мѣсто (фрагм. стр. 145 ed. Fuhr): *Ἱστοροῦσι δ' οἱ Βοιωτοὶ τὰ κατ' αὐτοὺς ὑπάρχοντα ἴδια ἀκληρήματα λέγοντες ταῦτα — τὴν μὲν αἰσχροκέρδειαν κατοικεῖν ἐν Ὠρώπῳ, τὸν δὲ φθόνον ἐν Τανάγρᾳ, τὴν φιλονεικίαν ἐν Θήβαις, τὴν πλεονεξίαν ἐν Ἀνθηδόνι, τὴν περιεργίαν ἐν Κορωνείᾳ, ἐν Πλαταίαις τὴν ἀλαζονείαν, τὸν πυρετὸν ἐν Ὀγχήστῳ τὴν ἀναισθησίαν ἐν Ἁλιάρτῳ.*

мовъ и святилищъ. Этотъ обычай взаимнаго посѣщенія праздниковъ и и участія въ содержаніи храмовъ привелъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Греціи къ учрежденію соединеній, приближающихся къ союзамъ, но однакоже все-таки по преимуществу религіозныхъ. Таковы были *амфиктіоніи*, довольно распространенныя въ древнѣйшее время: амфиктіонія Посидонова храма на священномъ островѣ Калавріи у восточнаго берега Пелопоннеса, состоявшая изъ семи городовъ, въ числѣ которыхъ были Аѳины и беотійскій Орхоменъ; амфиктіонія беотійская, имѣвшая своимъ средоточіемъ рощу и храмъ Посидона въ Онхестѣ; подобное же тому соединеніе Трифиліи — страны, лежащей между Писатидой и Мессеніей на западномъ берегу Пелопоннеса,—имѣвшее центромъ храмъ Посидона на мысѣ Самикѣ; наконецъ болѣе другихъ знаменитая амфиктіонія ѳермопильская, которая пріобрѣла съ теченіемъ времени такой перевѣсъ надъ всѣми прочими, что стала называться амфиктіоніей по преимуществу и могла быть разсматриваема, по недоразумѣнію, даже какъ нѣчто въ родѣ общаго греческаго сейма. Члены ея собирались каждые шесть мѣсяцевъ, одинъ разъ въ Ѳермопилахъ, другой въ Дельфахъ; но есть много указаній на то, что первоначальнымъ мѣстомъ учрежденія этой амфиктіоніи были Ѳермопилы, этотъ знаменитый въ исторіи и весьма важный въ военномъ отношеніи проходъ, составляющій ворота въ среднюю Гелладу. Здѣсь были храмы амфиктіонійской Деметры и Амфиктіона, миѳическаго представителя амфиктіоній; по имени Ѳермопилъ и самая сходка амфиктіоновъ называлась *пилейскою*, и это имя было въ употребленіи не только для ѳермопильской сходки, но и для другаго обычнаго собранія тѣхъ же амфиктіоновъ въ Дельфахъ. Кромѣ того Ѳермопилы составляютъ центральный пунктъ для тѣхъ 12-ти племенъ, которыя были членами этой амфиктіоніи. Имена этихъ племенъ — Ѳессалы, Беоты, Доряне, Іоняне, Перребы, Магнеты, Локры, Этеи, Ахеи, Фокіи, Долопы и Маліи [1])—указываютъ на глубокую древность амфиктіонійскаго союза. Они участвуютъ въ немъ еще какъ племена: города, какъ видно, не имѣли въ то время своего позднѣйшаго значенія. Сверхъ того мы знаемъ, что каждое изъ упомянутыхъ племенъ имѣло въ амфиктіоніи равный голосъ и равное вліяніе. Могущественныя Аѳины участвовали только какъ одинъ изъ іонійскихъ городовъ и не имѣли ни малѣйшаго

[1]) Древніе сообщили намъ несогласные списки членовъ дельфійской амфиктіоніи. Имена, приводимыя въ текстѣ, основаны на анализѣ этихъ списковъ, который сдѣланъ Титтманномъ въ его сочиненіи Ueber den Aphiktyonischen Bund. На русскомъ языкѣ объ амфиктіоніяхъ и вообще о союзахъ древней Греціи см. Бибикова «Очеркъ международнаго права въ древней Греціи», М. 1855.

преимущества передъ самыми незначительными іонійскими городами. Такое же незначительное мѣсто занимала Спарта между Дорянами и Ѳивы между Беотами — явное указаніе на то отдаленное время, когда еще ни Аѳины, ни Спарта, ни Ѳивы не возвысились до своего позднѣйшаго могущества. Съ другой стороны Перребы, Магнеты, Маліи и Долопы, племена, которыя послѣ находились въ зависимости отъ Ѳессаловъ, имѣли въ амфиктіоніи голосъ одинакій съ послѣдними, а это заставляетъ заключить, что союзъ образовался прежде переселеній, давшихъ Греціи ея историческій видъ. Древняя простота клятвы и условій, которыя принимали на себя члены союза, также обличаетъ отдаленное время. «Мы не будемъ разрушать ни одного амфиктіонійскаго города, не будемъ ни одного амфиктіонійскаго города лишать текучей воды» [1]): живое указаніе, замѣчаетъ Гротъ, на простѣйшій бытъ отдаленной древности, когда дочери какого-нибудь элевсинскаго царя Келея еще ходили за ворота своего города съ сосудами на головѣ за водою. Въ историческое время, сколько мы знаемъ, главнымъ назначеніемъ амфиктіонійскаго совѣта было заботиться о безопасности, выгодѣ и сокровищахъ дельфійскаго храма. «Когда кто-либо похититъ имущество бога, или будетъ знать о похищеніи, или составитъ преступные замыслы на храмовыя вещи, мы будемъ противодѣйствовать ему ногою, рукою и голосомъ и всякимъ средствомъ, находящимся въ нашей власти» [2]). Дельфійскій храмъ и въ особенности пиѳійскія игры обязаны значительною частію своего блеска перенесенію въ Дельфы одного изъ двухъ ежегодныхъ собраній амфиктіонійскаго союза, а сама амфиктіонія получила черезъ то болѣе гелленскій характеръ. Мы знаемъ о нѣкоторыхъ патріотическихъ мѣрахъ, принятыхъ ею во время персидскаго нашествія. Такъ амфиктіоны назначаютъ цѣну за голову Эфіальта, предателя Греціи при Ѳермопилахъ; они же ставятъ столбы въ память Леонида и Грековъ, павшихъ съ нимъ [3]). Въ этихъ поступкахъ нельзя не видѣть патріотическаго направленія, хотя съ другой стороны никакъ нельзя приписывать амфиктіонамъ политическаго участія въ дѣлахъ всей Греціи. Ѳермопило-дельфійская амфиктіонія осталась до позднѣйшаго времени союзомъ, преимущественно религіознымъ, тѣхъ 12-ти племенъ, которыя составляли ее съ самаго перваго времени ея образованія. Миніи, Дріопы, Этолы, жители Аркадіи, Элиды и Писатиды не принимали въ ней никакого участія, хотя всѣ при-

[1]) Эсхинъ о недобросов. посольствѣ гл. 35.

[2]) Эсхинъ тамъ же.

[3]) Герод. VII, 213—228.

знавали ихъ за настоящихъ Гелленовъ. Общегелленскимъ учрежденіемъ не была и эта амфиктіонія. Какъ союзъ, облеченный въ извѣстныя формальности, хотя и не стѣснительныя, но все-таки внѣшнимъ образомъ опредѣленныя, она не могла привлечь къ себѣ симпатіи Греческаго народа.

Гораздо болѣе обширное значеніе пріобрѣли со временемъ праздники и игры (*агоны*), не находившіеся въ связи съ замкнутыми союзами и безо всякихъ обязательствъ сдѣлавшіеся общими для всѣхъ Грековъ. Ихъ не даромъ вошло въ обычай называть *національными* греческими учрежденіями. Всѣ Греки дорожили ими, прославляли ихъ и возвеличивали: это были такіе органы національнаго единства, которые пришлись совершенно по душѣ Греку, потому что не могли ни въ комъ возбуждать ни зависти, ни опасенія. Они такъ характеризуютъ древнюю Грецію, что на нихъ нельзя не остановиться нѣсколько долѣе.

Еще въ гомерическихъ пѣсняхъ и у Гесіода говорится объ играхъ, которыя празднуютъ вожди въ память своихъ родителей и друзей. Эти игры имѣютъ уже публичный характеръ: въ нихъ участвуютъ люди изъ разныхъ частей Греціи, и побѣдители получаютъ драгоцѣнные призы. Но эти игры устроивались на частный счетъ, и мы не находимъ ни у Гомера, ни у Гесіода никакихъ указаній на общественные праздники, учреждаемые городами. Только нѣсколько позднѣе Гомера встрѣчается первое упоминаніе о празднествахъ послѣдняго рода. Гомерическій гимнъ къ делосскому Аполлону, относящійся несомнѣнно къ VII вѣку до Р. Х., описываетъ яркими красками и съ видимымъ увлеченіемъ большой праздникъ, совершавшійся каждые четыре года на островѣ Делосѣ въ честь Аполлона и Артемиды. «Тамъ собираются Іоняне длиннохитонные съ своими дѣтьми и почтенными женами. Устроивая состязаніе, они тѣшатъ великаго бога кулачнымъ боемъ, плясками и пѣніемъ, и кто увидитъ ихъ въ такомъ сборищѣ, тотъ непремѣнно самъ въ себѣ скажетъ, что они безсмертны и не подвержены старости; во всѣхъ онъ увидитъ любезную ловкость и порадуется въ духѣ, смотря на мужей и на прекрасно-подпоясанныхъ женъ, на быстрые корабли и на богатства жителей. Кромѣ того тамъ есть великое диво, коего слава никогда не погибнетъ, — это дѣвы делосскія, меткаго стрѣлка служанки: сначала Аполлона прославивши пѣснью, послѣ же и Латону и Артемиду, радующуюся стрѣламъ, вспоминая, онѣ поютъ гимны древнихъ мужей и женъ и услаждаютъ племена человѣческія» [1]. Пока воз-

[1]) Гомерич. гимнъ къ Аполлону ст. 150 сл.

вышеніе Персіи не нанесло рѣшительнаго удара благосостоянію іонійскихъ городовъ, делосскій праздникъ превосходилъ своимъ блескомъ, можетъ-быть, самыя олимпійскія игры. Его особенностью, сравнительно съ послѣдними, были два обстоятельства, заслуживающія вниманія: вопервыхъ, въ немъ были не только гимнастическія, но и музыкальныя и поэтическія состязанія; вовторыхъ, въ немъ допускались безъ различія мущины, жены и дѣти. Эти обѣ особенности даютъ понятіе о богатомъ и свободномъ развитіи іонійской жизни того времени. Но дальнѣйшая судьба Іонянъ не дала этому празднику достигнуть того значенія, которое онъ могъ бы получить для всѣхъ Грековъ по своему блистательному началу. Во время персидскаго господства онъ совершенно упалъ, и когда Аѳиняне, достигнувъ могущества въ Эгейскомъ морѣ, возстановили его, ему уже не удалось пріобрѣсть себѣ всеобщее уваженіе и привлекать посѣтителей изо всей Греціи.

Совершенно иную исторію имѣлъ праздникъ, совершавшійся на берегахъ Алфея въ западномъ Пелопоннесѣ, вблизи древняго оракула и храма олимпійскаго Зевса [1]). У Гомера этотъ праздникъ еще не упоминается, но достовѣрныя свидѣтельства о его существованіи относятся уже къ VIII вѣку до Р. Х., а его слава пережила греческую независимость, и окончательное уничтоженіе было слѣдствіемъ декрета христіанскаго императора Ѳеодосія въ 494-мъ году нашей эры. Первоначальное учрежденіе олимпійскихъ игръ состояло только въ состязаній людей, бѣгавшихъ по отмѣренному пространству, называвшемуся *стадіей* [2]). Съ 776 года до Р. Х. Элеи, имѣвшіе предсѣдательство въ играхъ, стали записывать имена побѣдителей, и этотъ обычай записыванья сохранялся во все дальнѣйшее время и далъ возможность хронологическимъ изслѣдователямъ III вѣка до Р. Х. воспользоваться олимпіадами для лѣтосчисленія. Первымъ записаннымъ именемъ было имя Элея Кореба; 776 годъ до Р. Х., годъ Коребовой побѣды, былъ принятъ за первую олимпіаду; слѣдовавшій за нимъ черезъ четыре года праздникъ — за вторую, и такъ далѣе черезъ каждое четырехлѣтіе. Въ исторіи игръ 7-я ол. ознаменована тѣмъ, что, начиная съ нея, единственною наградою побѣдителя сдѣлался вѣнокъ, сорванный съ священнаго масличнаго дерева олимпійской рощи: нашли, что честь

[1]) Объ играхъ вообще см. Corsini Dissertationes agonisticae. Объ олимпіяхъ Krause Olympia oder Darstellung der grossen olympischen Spiele. Wien. 1838. На русскомъ языкѣ въ моей книгѣ «О поклоненіи Зевсу», стр. 296—341.

[2]) Въ олимпійской стадіи, употреблявшейся потомъ во всей Греціи для измѣренія длины, было 600 олимпійскихъ футовъ, а въ олимпійскомъ футѣ — 136,66 пар. лин. или 12,1372 англ. и русскаго дюйма.

быть объявлену побѣдителемъ достаточна уже сама по себѣ безъ присоединенія денежной награды. Съ 14-й ол. начинается бо́льшее разнообразіе состязаній, бѣгъ въ двойной стадіи, бѣгъ въ семь стадій, борьба и такъ называемый *пентаѳлъ*, или соединеніе пяти игръ, кулачный бой, а съ 25-й ол. (680 до Р. Х.) бѣгъ на колесницѣ, запряженной четырьмя конями. Это послѣднее прибавленіе имѣло особенную важность въ исторіи игръ, потому что только послѣ него могли принимать участіе въ состязаніяхъ богатые люди (и даже женщины), имѣвшіе лучшихъ коней и бывшіе въ состояніи нанять самыхъ ловкихъ возницъ, но не отличавшіеся сами личными качествами или сильнымъ тѣлеснымъ развитіемъ. Послѣдними по времени прибавленіями были *панкратіи*, или соединеніе кулачнаго боя и борьбы, и скачка на верховой лошади. За предѣлы тѣлесныхъ упражненій олимпійскія состязанія никогда не переходили, и этимъ они отличаются отъ остальныхъ трехъ національныхъ игръ, организовавшихся въ позднѣйшее время и допускавшихъ музыкальныя состязанія.

На ряду съ этимъ расширеніемъ состязаній интересно прослѣдить постепенное расширеніе участія въ олимпійскихъ играхъ со стороны Грековъ. Первые одиннадцать побѣдителей были всѣ изъ восточнаго и южнаго Пелопоннеса; потомъ являются побѣдители изъ Коринѳа, Мегары и Эпидавра, еще послѣ изъ Аѳинъ, и только въ 41-ю ол. изъ Ѳивъ. Вопросъ, когда олимпійскія игры получили общегелленское значеніе, рѣшается извѣстіемъ, что Солонъ назначилъ награду въ 500 драхмъ каждому Аѳинянину, который получитъ вѣнокъ въ Олимпіи. Изъ этого видно, что во время Солона олимпіи разсматривались уже какъ общегреческое учрежденіе и пользовались большою славой. Но высшей степени блеска достигли эти игры только съ 77-й ол., когда праздникъ, оканчивавшійся до того въ одинъ день, былъ распространенъ на пять дней, и замѣчательно, что эта 77-я олимпіада непосредственно слѣдуетъ за счастливымъ отраженіемъ Персовъ; легко понять, что тогда было самое приличное время увеличить блескъ главнаго національнаго празднества.

Такимъ образомъ мы можемъ открыть рядъ степеней, по которымъ праздникъ олимпійскаго Зевса въ Писатидѣ въ продолженіе двухъ столѣтій, слѣдовавшихъ за 776-мъ годомъ, постепенно переходилъ отъ мѣстнаго характера къ національному и пріобрѣталъ ту привлекательную силу, которая могла соединить на время собраній представителей всѣхъ разсѣянныхъ частей Геллады отъ Трапезунта до Марсели.

Въ VI вѣкѣ до Р. Х. получили подобное же національное значеніе одинъ за другимъ три другіе первоначально мѣстные праздника —

пиѳійскій вблизи Дельфъ, исѳмійскій вблизи Коринѳа и немейскій близь Клеонъ между Сикіономъ и Аргосомъ [1]).

Основаніе дельфійскаго храма Аполлона восходитъ далеко за предѣлы историческихъ свѣдѣній и составляетъ одно изъ самыхъ древнихъ учрежденій Геллады. «Утесистую Пиѳо» знаетъ уже Иліада какъ мѣсто священное и знаменитое сокровищами; самыя древнѣйшія колоніи, выведенныя Греками въ Сицилію и Италію въ VIII столѣтіи, были основаны, какъ единогласно увѣряютъ Греки, по волѣ дельфійскаго бога. Слава оракула простиралась и за предѣлы Греціи; Лидіяне, Фригійцы, Этруски, Римляне и другіе варварскіе народы, не только посылали въ Дельфы дары свои, какъ знакъ уваженія, но и получали оттуда отвѣты на свои вопросы: оракулъ не былъ учрежденіемъ исключительно гелленскимъ. Съ другой стороны въ самой Греціи пиѳійскій праздникъ имѣлъ сначала только частное значеніе и получилъ характеръ національнаго греческаго праздника не ранѣе 48-й ол. или 585-го года до Р. X., — обстоятельство, показывающее, что обычай многолюдныхъ періодическихъ сходокъ очень медленно распространялся въ греческомъ мірѣ. Съ 585-го года праздникъ поступилъ подъ надзоръ амфиктіоновъ, и къ состязаніямъ, состоявшимъ первоначально изъ однихъ гимновъ въ славу Аполлона, присоединились гимнастическія игры и бѣгъ на колесницѣ. Съ тѣхъ поръ пиѳійскія игры сдѣлались «общимъ агономъ всѣхъ Грековъ», какъ ихъ называетъ Демосѳенъ [2]). Онѣ праздновались, какъ олимпіи, каждые четыре года.

Немеи и исѳміи не достигали никогда славы игръ олимпійскихъ и пиѳійскихъ; онѣ отличались отъ нихъ еще и тѣмъ, что бывали каждые два года. Первая историческая немеада относится къ 52-й или 53-й ол. (572 — 568 до Р. X.), — только нѣсколько лѣтъ послѣ окончательнаго устройства пиѳій. Праздникъ совершался въ честь немейскаго Зевса въ долинѣ Немейской; предсѣдательствовали сначала жители Клеонъ, съ 460 года Аргивяне. — Объ исѳмійскомъ праздникѣ мы имѣемъ нѣсколько болѣе древнія историческія свидѣтельства, потому что Солонъ назначилъ побѣдителю въ исѳміяхъ награду въ сто драхмъ. Совершался этотъ праздикъ въ честь Посидона на Коринѳскомъ перешейкѣ (Ἰσθμός, отсюда и имя праздника), подъ предсѣдательствомъ Корин-

[1]) Объ этихъ праздникахъ главное сочиненіе Krause die Pythien Nemeen und Isthmien. Lpz. 1841. О немеяхъ см. также «О поклоненіи Зевсу» стр. 290. О дельфійскомъ оракулѣ Götte das delphische Orakel. Leipzig, 1833.

[2]) Demost. Philipp. III, p. 119.

ѳянъ; есть указанія на его зависимость отъ Аѳинъ и связь съ аѳинскою миѳологіей [1]).

Замѣчательно, что всѣ эти четыре праздника совершались или въ самомъ Пелопоннесѣ или вблизи его и такимъ образомъ находились въ большей или меньшей связи съ этимъ средоточіемъ перваго періода греческой исторіи. Надобно однакоже полагать, что ихъ національное значеніе было признано общимъ согласіемъ всѣхъ Грековъ. Каждый годъ, переживаемый Греческимъ народомъ, былъ украшенъ однимъ изъ этихъ четырехъ праздниковъ; ихъ совокупность въ продолженіе одного четырехлѣтія называлась «періодомъ» священныхъ игръ, и самою большою славою было для Грека заслужить имя *періодоника*, т. е. побѣдителя во всѣхъ четырехъ національныхъ играхъ. Знаменитѣйшіе изъ греческихъ гражданъ, гордые члены владѣтельныхъ и царственныхъ родовъ, принимали участіе въ состязаніяхъ. Килонъ, который мечталъ объ аѳинскомъ скипетрѣ, и Александръ, сынъ Аминта, государь Македоніи, не считали ниже своего достоинства бѣгать въ олимпійскомъ стадіи передъ собравшимся Греческимъ народомъ; знаменитый домъ родосскихъ Діагоритовъ далъ цѣлый рядъ счастливыхъ кулачныхъ бойцовъ и панкратіастовъ; оды Пиндара, писанныя только для богатыхъ, свидѣтельствуютъ также о пристрастіи знатныхъ и богатыхъ людей къ играмъ. Совершенная популярность и сближеніе лицъ разныхъ состояній составляютъ замѣчательную черту этихъ великихъ празднествъ, и не менѣе замѣчательно въ нихъ точное сохраненіе установленнаго порядка и добровольное подчиненіе несмѣтной толпы немногимъ полицейскимъ служителямъ.

Ограничиваемся извлеченіемъ изъ разныхъ мѣстъ сочиненія Грота этихъ данныхъ относительно національнаго значенія четырехъ главныхъ праздниковъ древней Греціи. Гротъ, какъ изслѣдователь преимущественно политической исторіи, не имѣлъ въ виду изобразить эти праздники со всѣхъ сторонъ и въ связи съ безчисленными другими, совершавшимися по всей Греціи. Мы также не возьмемся за эту трудную задачу. Греческіе праздники и игры представляютъ такое необычайное и не повторившееся въ исторіи явленіе, что достойно изобразить ихъ могло бы только необыкновенно искусное перо. Ни одинъ народъ не цѣнилъ такъ высоко праздничной радости и не достигалъ въ такой мѣрѣ способности праздновать, какъ древніе Греки. То, что̀ мы называемъ

[1]) Исѳміи основаны, по одному сказанію, Ѳесеемъ; аѳинскіе ѳеоры имѣли на нихъ привилегированное мѣсто; Солонъ награждаетъ только побѣдителей на олимпійскихъ и исѳмійскихъ играхъ. Вотъ основанія упомянутаго въ текстѣ предположенія.

олимпійскими, пиѳійскими, исѳмійскими и немейскими *играми*, было для Грековъ не простымъ дѣломъ забавы и развлеченія, а религіознымъ актомъ поклоненія богамъ. Вождями и именодателями въ играхъ были для нихъ боги [1]); пиры и хоры они устраивали съ тою мыслію, что въ нихъ принимаютъ участіе не одни люди, но и боги, *сопразднователи и сочлены людскихъ сонмищъ* [2]). Праздничные дни были, по ихъ понятіямъ, какъ бы днями общенія боговъ и людей [3]), когда люди, освобождая духъ свой отъ житейскихъ заботъ, сближаются съ Олимпійцами и живутъ ихъ жизнію. Съ этой точки зрѣнія смотря на праздники, древніе Греки необыкновенно какъ дорожили ими и ставили ихъ выше всякаго серіознаго, но буднишняго дѣла,— воззрѣніе, показывающее съ самой оригинальной стороны это удивительное племя людей, которое, можно сказать, именно за тѣмъ является на сценѣ исторіи, чтобы безпримѣрнымъ образомъ отпраздновать свое явленіе.

О множествѣ праздничныхъ состязаній и игръ въ древней Греціи лучше всего даютъ понятіе такія извѣстія, какъ о знаменитомъ атлетѣ Ѳеагенѣ, который, по однимъ, получилъ въ свою жизнь 1,200 вѣнковъ побѣдителя, по другимъ — 1,400. Если онъ участвовалъ въ состязаніяхъ въ продолженіи пятидесяти лѣтъ — больше чего предполагать было бы крайне невѣроятно — то на каждый годъ будетъ приходиться отъ 24 до 28 побѣдъ, т. е. болѣе нежели по двѣ въ мѣсяцъ, а нельзя же не допустить, что въ его жизни бывали и времена отдыха, и что онъ одерживалъ побѣды не во всѣхъ состязаніяхъ, въ которыхъ принималъ участіе. Открывается перспектива такого множества игръ, что мы невольно приходимъ въ удивленіе. Припомнимъ почетъ, которымъ пользовались побѣдители въ своемъ отечественномъ городѣ, гдѣ разламывали городскія стѣны для ихъ торжественнаго въѣзда и гордились ими какъ лучшею своей славой; не забудемъ Горацієва выраженія, что слава побѣды въ ристалищѣ возноситъ людей до боговъ; представимъ себѣ наконецъ торжественную обстановку игръ — священный миръ, возвѣщаемый въ Гелладѣ, стеченіе несмѣтныхъ пол-

[1]) Dionys. Halicarn. Rhetor. c. 1: Θεὸς μὲν γέ που πάντως πάσης ἡστινοσοῦν πανηγύρεως ἡγεμὼν καὶ ἐπώνυμος.

[2]) Аполлон, Музы и Діонисъ называются въ гомерическомъ гимнѣ къ Аполлону, ст. 146, ξυνεορτασταὶ καὶ ξυγχορευταί.

[3]) Liv. II, 36. Se, ut conscelerатos contaminatosque, ab ludis, festis diebus, *coetu quodammodo hominum deorumque*, abactos esse. Это говорится еще относительно Римлянъ и Волсковъ, а не о Грекахъ, для которыхъ это воззрѣніе имѣетъ гораздо бо́льщую силу. «Хорошо сказано, говоритъ Страбонъ, X, 3, что человѣкъ особенно подобится богамъ, когда благодѣтельствуетъ, но еще лучше сказать: когда блаженствуетъ, т. е. радуется, празднуетъ, философствуетъ, предается музыкѣ».

чищъ народа, блескъ городскихъ посольствъ, пышность жертвоприношеній и пиршествъ — и мы будемъ на пути къ тому, чтобы оцѣнить важное значеніе игръ и праздниковъ въ греческой жизни. Но, какъ уже сказано, мы не беремся начертать полную картину этой стороны гелленизма. Возвращаясь къ политической точкѣ зрѣнія, позволяемъ себѣ только прибавить въ видѣ вопроса: не глубоко ли знаменательно то обстоятельство, что чувство народнаго единства находило себѣ у Грековъ выраженіе преимущественно въ національныхъ праздникахъ, что Грекъ былъ Грекомъ, только когда праздновалъ, а въ будни хотѣлъ оставаться гражданиномъ того города, къ которому принадлежалъ? Не знаменовалось ли этимъ, что чувство національнаго единства, сознаніе себя Гелленомъ, не должно соединяться ни съ какою буднишнею мыслію и ни съ какимъ труднымъ дѣломъ?

Останавливаясь здѣсь, чтобы сообразить сказанное, мы находимъ, что узы, соединявшія Грековъ въ одинъ народъ, — языкъ, общіе обычаи, боги и праздники — были такого рода, что ими нисколько не стѣснялось самостоятельное развитіе отдѣльныхъ членовъ. Національное единство не выражалось ни въ какомъ внѣшнемъ учрежденіи. Греки высоко цѣнили свою національность и рѣзко отличали себя отъ варваровъ, но эта противоположность не основывалась на внѣшнихъ узахъ, и средою, въ которой жило національное чувство, была не сфера политической жизни, а глубина сознанія каждаго Грека. Единая внутренно, Греція представляла снаружи аггрегатъ самостоятельныхъ и внѣшнимъ образомъ нисколько не зависящихъ другъ отъ друга членовъ. Греки не искали такого единства, которое обыкновенно составляетъ предметъ, если не обладанія, то желаній народовъ. Единство, которымъ они дорожили, можетъ быть скорѣе сравнено съ тѣми могущественными, но не нуждающимися во внѣшнемъ обнаруженіи узами, которыми связываются всѣ народы въ общее цѣлое рода человѣческаго. Грецію можно назвать, не боясь ошибки, во всѣхъ отношеніяхъ маленькимъ человѣчествомъ. Необыкновенно счастливо одаренная, она успѣла совершенно освободиться отъ односторонностей народнаго партикуляризма. Но вслѣдствіе этого самаго, Грекамъ, какъ народу между народами, было суждено лишь кратковременное существованіе. *Маленькое человѣчество* принуждено было почувствовать силу большаго человѣчества, искавшаго и для себя исторіи. Греческая образованность, при первомъ своемъ расширеніи за узкіе предѣлы Греческаго народа, воспитала себѣ въ Македоніи безжалостнаго врага. Условленная въ своемъ происхожденіи счастливыми *природными* дарованіями одного народа, она оказалась неспособною къ распространенію, и не будучи

однакоже въ состоянiи замкнуться навсегда, должна была сдѣлаться въ чужихъ рукахъ орудiемъ противъ самой себя.

Но не предупреждая развитiя, которое мы надѣемся въ продолженiе ряда нѣсколькихъ лѣтъ прослѣдить передъ читателями этого Сборника, возвратимся покамѣсть къ тѣмъ временамъ греческой исторiи, которыя составляютъ предметъ теперешней статьи. Ежели взять въ разсмотрѣнiе два столѣтiя, которыя протекли между первою записанною олимпiадой и временемъ Креса и Писистрата, то ходъ событiй показываетъ большее стремленiе къ политическому раздробленiю Грецiи и отчужденiю ея частей другъ отъ друга, нежели къ ихъ политическому сближенiю. Каждый городъ живетъ отдѣльною жизнiю, и время все болѣе и болѣе накопляетъ массу мѣстныхъ воспоминанiй и интересовъ. Частныя связи, которыми соединялись общины, теряютъ постепенно свою силу. Греки начинаютъ менѣе дорожить племенными узами; дорiйскому, iонiйскому, эолiйскому происхожденiю придается меньшее значенiе, нежели прежде; амфиктiонiи также ослабѣваютъ. Рядомъ съ этимъ ослабленiемъ временныхъ и мѣстныхъ связей идетъ политическое обособленiе городовъ и общинъ, но что̀ особенно замѣчательно, вмѣстѣ съ тѣмъ съ другой стороны замѣчается видимое возрастанiе общихъ нацiональныхъ симпатiй, основанныхъ на единствѣ религiи, языка, сказанiй, наклонностей и обычаевъ, на одинаковой умственной воспрiимчивости и вкусѣ къ художественности и общественнымъ увеселенiямъ. Убѣжденiе, что Геллены стоятъ выше иностранцевъ, видимо растетъ и подкрѣпляется выказывающимися понемногу успѣхами греческаго ума и художественнаго творчества. Сознанiе нацiональнаго превосходства все болѣе и болѣе крѣпнетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ крѣпнетъ симпатiя Грека къ его соотечественникамъ. Но эта симпатiя остается въ сферѣ такихъ связей, которыя могутъ существовать между людьми, не признающими одного общаго политическаго авторитета, и въ политическомъ мiрѣ все болѣе и болѣе находитъ себѣ мѣсто самое полное обособленiе. До 560 до Р. Х. (эпохи Креса въ Малой Азiи и Писистрата въ Аѳинахъ) греческая исторiя вовсе лишена собирательнаго характера; движенiя частей греческаго мiра начинаются и оканчиваются отдѣльно и разрозненно. Разоренiе Криссы амфиктiонами единственное историческое событiе этого времени, въ которомъ виденъ характеръ общаго гелленскаго предпрiятiя. Лишь около 560 года происходятъ измѣненiя, которыя централизуютъ прежнюю хаотическую дробность разъединенныхъ явленiй. Вопервыхъ, покоренiе азiятскихъ Грековъ Лидiйцами и Персами и сопротивленiе, вызванное этимъ покоренiемъ, вовлекаетъ европейскихъ Грековъ въ столкновенiе съ Азiей

Вовторыхъ, возросшее могущество Спарты дѣлаетъ это государство способнымъ стать во главѣ движенія, направленнаго противъ Азіи. Такимъ образомъ одна общая цѣль и признанное первенство одного государства соединяютъ Грецію и придаютъ ея исторіи единство, котораго прежде не было. Приготовляется великая эпоха персидскихъ войнъ и слѣдовавшій за тѣмъ споръ Аѳинъ со Спартою о предводительствѣ Гелленами, или о такъ называемой *гегемоніи*.

Въ то время, съ котораго начинается достовѣрная исторія, подобныхъ поводовъ къ политическому соединенію еще не было, и самое чувство національности, возраставшее понемногу, еще не достигало полнаго своего развитія. Греція представляла видъ аггрегата городскихъ и сельскихъ общинъ, совершенно независимыхъ одна отъ другой, болѣе связанныхъ племенными отношеніями и сосѣдствомъ, нежели общею національностью, и еще не довольно рѣзко отдѣленныхъ отъ родственныхъ Грекамъ сосѣднихъ народовъ ѳрако-пеласгійскаго происхожденія. Гелленизмъ еще не опредѣлился, племена, на которыя раздѣлялся Греческій народъ, играли еще важную роль, но независимость частей на столько уже выработалась, что дробность и обособленіе составляли главный политическій характеръ страны. Это обособленіе достовѣрная исторія застаетъ какъ фактъ, образовавшійся прежде ея начала. Она отправляется отъ него, какъ отъ первой своей основы, происхожденіе которой она не въ состояніи объяснить и описать, по недостатку свѣдѣній.

Изъ какихъ элементовъ сложился аггрегатъ греческихъ племенъ, городовъ и слободъ, и какія обстоятельства опредѣлили собою его происхожденіе, — эти вопросы, весьма важные и любопытные, не могутъ быть разрѣшены исторіей, потому что у ней нѣтъ свидѣтельствъ, выдерживающихъ пробу исторической критики. Древніе называютъ намъ нѣсколько именъ, которыя, какъ они утверждаютъ, означали до-гелленскихъ обитателей разныхъ частей Греціи. Но эти имена — Пеласги, Лелеги, Куреты, Кавконы, Аоны, Теммики, Гіанты, Тельхины, беотійскіе Ѳракійцы, Телебои, Эфиры, Флегіи и др. — принадлежатъ миѳической, а не исторической Греціи. Они извлечены, какъ замѣчаетъ Гротъ, логографами и позднѣйшими историками изъ множества противорѣчившихъ одна другой легендъ и извлечены въ такое время, которое еще не было знакомо съ исторической критикой. «Очень возможно (говоритъ онъ), что этими именами обозначались дѣйствительныя племена, но на этомъ и оканчивается наше знаніе.» Въ историческое время Геродотъ зналъ Пелазговъ только внѣ предѣловъ собственной Геллады, въ городахъ Плакіи и Скилакѣ вблизи Кизика на Пропонтидѣ, и въ

городѣ Крестонѣ, лежавшемъ у Өермейскаго залива. Карійскій историкъ Филиппъ зналъ въ свое время Лелеговъ, какъ племя, порабощенное Каріями [1]). Но на основаніи этихъ двухъ свидѣтельствъ Гротъ не считаетъ возможнымъ сказать ничего положительнаго о гораздо болѣе распространенныхъ миөическихъ Пеласгахъ и Лелегахъ. О финикійскихъ и египетскихъ колоніяхъ, по его мнѣнію, мы также только можемъ сказать, что нѣтъ достаточнаго основанія отвергать ихъ, но мы не въ состояніи опредѣлить обстоятельства ихъ выведенія. Самое происхожденіе имени Гелленовъ покрыто не меньшимъ мракомъ, потому что Аристотель выводитъ это имя изъ окрестностей Додоны, а общее мнѣніе Грековъ — изъ той же части Өессаліи, которая называлась Ахаіей Фѳіотійской. И еще менѣе можетъ быть объяснено, какимъ образомъ Греки сдѣлались извѣстны Римлянамъ подъ именемъ Грековъ или Грайевъ, а не Гелленовъ.

Всѣхъ этихъ вопросовъ Гротъ касается какъ бы нарочно съ необыкновенною краткостію; онъ даже не упоминаетъ о множествѣ изслѣдованій, имѣвшихъ цѣлію разъяснить древнія племенныя отношенія Греческаго народа. Побужденіе его понятно — онъ историкъ, ищущій достовѣрнаго; нельзя однакоже не замѣтить, что онъ можетъ-быть пошелъ слишкомъ далеко наперекоръ нѣмецкимъ ученымъ, и изъ антипатіи къ ихъ гипотезамъ не вполнѣ воспользовался путями изслѣдованія, не противорѣчащими законамъ исторической критики. Такъ напр. относительно Пеласговъ можно было бы составить полное собраніе мѣстъ древнихъ писателей, говорящихъ объ этомъ загадочномъ племени, и подвергнуть эти мѣста, начиная съ Гомера и до Геродота, критическому разбору, изъ котораго должно было бы оказаться болѣе несомнѣнныхъ данныхъ, нежели сколько Гротъ даетъ своимъ читателямъ. Вопросъ о выведенныхъ въ Грецію колоніяхъ изъ Финикіи, Египта и Малой Азіи требовалъ также болѣе подробнаго разсмотрѣнія. Этотъ вопросъ сильно занимаетъ современную науку греческой древности. О. Мюллеръ отвергалъ возможность финикійскихъ и египетскихъ колоній, между тѣмъ какъ новѣйшія изслѣдованія, въ особенности Росса, говорятъ болѣе въ ихъ пользу. Здѣсь археологія искусства приходитъ на помощь исторіи и имѣетъ на то полное право, ибо художественные памятники составляютъ источникъ, критическая удовлетворительность котораго не можетъ подлежать сомнѣнію. Но Гротъ очевидно спѣшилъ къ тому времени, относительно котораго можно черпать историческія извѣстія полною рукой, и принебрегъ такъ-называемыми *инкунабулами* до-

[1]) Геродотъ 1, 57; Филиппъ у Аөенея VI, стр. 271.

стовѣрной исторіи. — Замѣчаемъ объ этомъ мимоходомъ и возвращаемся къ его изложенію.

Не только происхожденіе племенъ греческихъ закрыто отъ насъ непроницаемымъ мракомъ, но даже и послѣ 1-й олимпіады, или 776 г. до Р. Х., историческія свидѣтельства доходятъ до насъ въ такомъ скудномъ числѣ, что не позволяютъ приводить событія въ послѣдовательную непрерывную связь. Во все продолженіе двухъ столѣтій между временемъ 1-й олимп. и эпохою Креса и Писистрата, мы не имѣемъ рѣшительно ни одного извѣстія о Грекахъ, жившихъ на сѣверъ отъ Аттики. На основаніи тѣхъ источниковъ, которые сохранились отъ древности, можно только, и то отчасти, возстановить рядъ событій, относящихся къ основанію дорійскихъ государствъ Пелопоннеса и усиленію Спарты, равно какъ и къ исторіи Аѳинъ начиная со времени Драконова законодательства. Кромѣ того можно собрать нѣсколько извѣстій о періодѣ процвѣтанія Эвбеи и малоазійскихъ колоній передъ царствованіемъ Креса. Дѣлать заключенія объ исторіи другихъ частей Геллады въ этотъ періодъ можно только по наведенію, сравнивая извѣстное намъ позднѣйшее состояніе ихъ съ одной стороны съ состояніемъ частей Греціи, исторія которыхъ болѣе богата достовѣрными данными, а съ другой съ бытомъ героическаго времени, извѣстнымъ изъ Гомера, и дѣлая отсюда выводы о происшествіяхъ, наполнявшихъ собою время, изъ котораго не дошло до насъ никакихъ свидѣтельствъ. Знакомство съ политическимъ развитіемъ главныхъ государствъ даетъ возможность составить себѣ приблизительное понятіе о главныхъ фазахъ политической исторіи второстепенныхъ государствъ. Такимъ образомъ можно проникнуть во внутреннюю жизнь мелкихъ гражданствъ Геллады и объяснить себѣ измѣненія образа правленія, совершившіяся въ нихъ. Весьма также замѣчательно удивительное распространеніе колоній, относящееся къ этому же періоду, и наконецъ обращаютъ на себя вниманіе успѣхи умственной жизни, лирическая поэзія и мудрость мыслителей. Вотъ тѣ пункты, которые извѣстны намъ изъ перваго періода греческой достовѣрной исторіи, и которые Гротъ разсматриваетъ въ своемъ сочиненіи.

Изъ этихъ пяти пунктовъ (исторія Спарты, исторія Аѳинъ, исторія политическихъ измѣненій, происшедшихъ въ другихъ государствахъ, распространеніе колоній, успѣхи умственной жизни) мы остановимся въ этой статьѣ на двухъ первыхъ, на исторіи Спарты и Аѳинъ, и начнемъ со Спарты.

Путешественникъ, который, во время молодости Геродота и Θукидида, отправлялся изъ Беотіи въ Пелопоннесъ, находилъ на пути своемъ цѣлый рядъ могущественныхъ дорійскихъ государствъ. Прежде всего онъ вступалъ въ Мегару, простиравшуюся на югъ отъ Беотіи отъ моря до моря, т. е. отъ Коринθскаго до Сароническаго залива; за нею слѣдовалъ на перешейкѣ Коринθъ съ его твердымъ и знаменитымъ акрополемъ; западнѣе отъ Коринθа на берегу Коринθскаго залива лежалъ Сикіонъ въ небольшой, необыкновенно плодоносной равнинѣ; на югъ и юговостокъ отъ обоихъ, за небольшими областями Флiунта и Клеонъ, спускались къ Эгейскому морю владѣнія Аргоса, занимавшаго большую часть низменнаго поморья во внутреннемъ изгибѣ Арголическаго залива. Арголическій полуостровъ былъ раздѣленъ между Аргосомъ, дорійскими городами Эпидавромъ и Трезеномъ и дріопскою Герміоной, помѣстившеюся на югозападной оконечности этого полуострова. Слѣдуя далѣе на югъ по берегу залива и перешедши чрезъ небольшую рѣчку Таносъ, путешественникъ вступалъ въ область Спарты, обнимавшую всю южную часть Пелопоннеса отъ восточнаго до западнаго моря. Переступивъ чрезъ горный гребень Парнона и спустившись къ долинѣ Эвротаса, онъ находилъ въ средней части этой долины, въ большомъ отдаленіи отъ моря, тѣ пять слободъ, не защищенныхъ стѣнами, которые носили грозное имя Спарты. Вся страна отъ верхняго теченія Эвротаса до мысовъ Малеи на юговостокѣ и Акрита на югозападѣ повиновалась власти этого государства. Хребетъ Таигетъ, оканчивающійся Тенарскимъ мысомъ, раздѣлялъ эту область на двѣ половины — собственную Лаконику на востокѣ и Мессенію на западѣ. Послѣдняя отличалась самою обильною почвой во всемъ полуостровѣ и принуждена была отдавать Спартѣ богатыя произведенія своихъ полей. Она граничила на востокѣ съ Лаконикой, на сѣверѣ съ Аркадіей и Трифиліей, уже не подлежавшими власти Дорянъ. Только здѣсь, именно перейдя рѣчку Неду, составлявшую сѣверную границу Мессеніи, посѣтитель Пелопоннеса выходилъ изъ дорійскихъ земель, и только на сѣверѣ отъ этой рѣчки, въ первый разъ послѣ выѣзда изъ Беотіи, онъ находилъ страны, занятыя другими племенами: Трифилію, Писатиду и Элиду по западному берегу Пелопоннеса, Ахаію на сѣверномъ берегу и Аркадію — въ самой внутренности полуострова, между Ахаіей и Сикіономъ на сѣверѣ и областью Спарты на югѣ.

Таково было состояніе Пелопоннеса во время персидскаго нашествія и первой половины слѣдовавшаго за тѣмъ столѣтія. Но сами жители Пелопоннеса не признавили его за древнее состояніе полуострова. Оно было результатомъ цѣлаго ряда событій, отчасти восходящихъ за 776-й

годъ — крайній предѣлъ греческой достовѣрной исторіи. Изо всѣхъ племенъ, которыя зналъ Геродотъ въ Пелопоннесѣ, только три, по его мнѣнію, были древними обитателями страны — Аркадійцы, Ахеи и Кинуріи[1]). Первые занимали, какъ уже сказано, центральную внутренность полуострова и жили въ разрозненныхъ слободахъ и городахъ, отчасти сохраняя простоту самыхъ древнихъ обычаевъ; слободы преобладали въ западной, города въ восточной части Аркадіи. Кинуріи занимали бо́льшую часть Арголиды и были подданными Аргивянъ. Они имѣли то общаго съ Аркадійцами, что остались въ историческое время на своихъ старыхъ мѣстахъ. Ахеи напротивъ того были вытѣснены Дорянами изъ древнихъ своихъ обиталищъ въ юговосточной части Пелопоннеса, и заняли его сѣверозападную часть (получившую по нимъ имя Ахаіи), вытѣснивъ изъ нея Іонянъ, ея прежнихъ жителей.

Доряне были пришельцы въ Пелопоннесъ, не только по мнѣнію Геродота, но и по убѣжденію всего греческаго міра[2]). То же самое

[1]) Геродъ. VIII, 73.

[2]) Исторически достовѣрно, что Доряне до переселенія къ Пелопоннесѣ обитали въ странѣ, лежавшей между горами Этой и Парнассомъ и навсегда удержавшей за собою имя Дориды или дорійскаго Тетраполя. Небольшая часть дорійскаго племени оставалась на этихъ мѣстахъ во все продолженіе историческаго времени, и здѣсь же, по миѳическому сказанію, жилъ Доросъ, сынъ Геллена, родоначальникъ дорійскаго племени. Собственно Доридою, въ тѣсномъ смыслѣ, называется долина Пинда, одного изъ горныхъ притоковъ Кефисса (главной рѣки Фокиды и Беотіи, текущей съ Парнасса и отдѣляющей эту горную группу отъ Эты). Но Доряне не удовольствовались одною этою узкою долиной; не только въ древнее время, но еще и въ эпоху персидскаго нашествія они жили далѣе на востокъ почти до Малійскаго залива и Ѳермопилъ. Эти мѣста прежде были заняты Дріопами, племенемъ, принужденнымъ уступить ихъ своимъ сосѣдямъ, Дорянамъ. Дріопы, по Аристотелю родственные съ Аркадійцами, поклонники Деметры хѳонической, Коры Мелибеи и Гадеса Климена, не устояли противъ напора сосѣднихъ имъ Дорянъ и должны были покориться побѣдоносному ихъ богу Аполлону. По его велѣнію, они оставили родину и отправились на югъ, гдѣ нашли пристанище на восточномъ берегу Пелопоннеса, въ Арголидѣ, и на островахъ Эвбеѣ, Киѳносѣ и Киѳерѣ, отчасти на берегу Малой Азіи, въ Кизикѣ. При дельфійскомъ храмѣ были сказанія, по которымъ всѣ Дріопы разсматривались, какъ племя, принадлежащее Аполлону, какъ его храмовая собственность. Часть ихъ осталась при храмѣ, подъ именемъ Кравгаллидовъ, остальные были высланы оракуломъ въ качествѣ колонистовъ. Въ Пелопоннесѣ они были предшественниками Дорянъ, изъ тѣхъ же самыхъ горныхъ долинъ между Этою и Парнассомъ, откуда потомъ отправились Доряне Географическое положеніе дріопскихъ колоній дѣлаетъ несомнѣннымъ, что Дріопы прибыли по морю. Это — выводъ, сдѣланный О. Мюллеромъ, и Гротъ соглашается съ нимъ. Но относительно болѣе древней исторіи дорійскаго племени нашъ авторъ не рѣшается допустить заключеній О. Мюллера. Послѣдній, основываясь на мѣстѣ Геродота 1, 56, принимаетъ за самую древнюю отчизну Дорянъ ту часть Ѳессаліи, лежащую вблизи Олимпа, которая об[illegible]

должно быть сказано объ Этолахъ въ Элидѣ, о Трифиліяхъ и о Дріопахъ [1]). Но описаніе переселеній, которыми были приведены эти племена въ Пелопоннесъ, относятся всѣ къ области легендъ. Что̀ происходило постепенно и было слѣдствіемъ продолжительнаго ряда событій, изображается въ этихъ легендахъ — подъ вліяніемъ закона обобщенія, господствующаго вообще въ народныхъ сказаніяхъ, — какъ одно великое и славное дѣло, совершенное въ короткій промежутокъ времени подъ предводительствомъ нѣсколькихъ миѳическихъ лицъ. Особенно знаменито въ греческомъ легендарномъ мірѣ завоеваніе Пелопоннеса Дорянами или такъ называемое возвращеніе Гераклидовъ, ἡ τῶν Ἡρακλειδῶν κάθοδος. Пелопоннесъ, по этому сказанію, принадлежалъ издавна Гераклидамъ, и завоеваніе его есть не болѣе какъ возвращеніе Дорянъ въ эту страну по повелѣнію дельфійскаго бога. Одна дружина и одинъ походъ были достаточны для этого великаго событія. Три брата, прямые потомки Геркулеса, заняли почти весь полуостровъ, покорили прежнихъ его жителей и раздѣлили его точно такъ, какъ онъ былъ раздѣленъ въ историческое время. Народному сказанію очень хорошо извѣстны подробности завоеванія, но, что̀ замѣчательно, какъ скоро завоеваніе окончено, всѣ извѣстія прекращаются, и болѣе 300 лѣтъ протекаетъ послѣ предполагаемаго возвращенія Гераклидовъ до 776 года почти безъ всякихъ событій. Уже одно это обстоятельство обличаетъ легендарный характеръ извѣстій о покореніи Пелопоннеса Дорянами. Кромѣ того мы достовѣрно знаемъ, что на дѣлѣ завоеваніе совершилось вовсе не такъ быстро, какъ въ сказаніи, и что первоначальное распредѣленіе земель между дорійскими городами было совсѣмъ не то, которое сообщаетъ легенда.

Гестіэотидой. Съ Геродотомъ согласны Страбонъ и нѣсколько схоліастовъ, слова которыхъ показываютъ, что это было общенародное мнѣніе. Къ этимъ же мѣстамъ жительства Дорянъ относится сказаніе о борьбѣ Эгимія, древнѣйшаго ихъ вождя, съ Лапиѳами, миѳическими обитателями Ѳессальской равнины. Изъ этихъ-то обиталищъ около священной горы Олимпа, по мнѣнію Мюллера, отправились Доряне, занявшіе сѣверовосточный берегъ Крита, гдѣ они извѣстны уже поэту Одиссеи (19, 174) — мнѣніе, которое опирается на свидѣтельства древнихъ и подтверждается сходствомъ критскаго поклоненія Аполлону съ поклоненіемъ темпейскимъ (въ знаменитой Темпейской долинѣ, лежащей между Олимпомъ и Оссой). Другіе Доряне переселились отсюда же въ земли Дріоповъ между Этой и Парнассомъ; на Олимпѣ остался слѣдъ ихъ лишь въ святилищѣ Аполлона. Таково мнѣніе Мюллера, изложенное въ первыхъ главахъ его «Дорянъ». Гротъ считаетъ не достаточно достовѣрными свидѣтельства древнихъ, на которыхъ оно основано.

[1]) О Дріопахъ говорено въ предшествующемъ примѣчаніи; Этолы прибыли въ Элиду вмѣстѣ съ Дорянами; Трифиліи — племя, сложившееся изъ трехъ, какъ показываетъ ихъ имя; они занимали страну, носившую ихъ имя, но прежде нихъ ея обитателями были Эпеи, Парореаты и Кавконы.

Гротъ имѣлъ полное право не давать вѣры легендѣ о возвращеніи Гераклидовъ. Хотя онъ пошелъ въ этомъ недовѣріи далѣе другихъ ученыхъ, въ томъ числѣ и Карла Отфрида Миллера, тѣмъ не менѣе его никакъ нельзя упрекнуть въ излишнемъ скептицизмѣ. Онъ былъ очевидно руководимъ не одностороннимъ желаніемъ колебать преданіе, а законною осмотрительностью, ищущею въ исторіи достовѣрнаго и только для открытія достовѣрнаго устраняющею недостовѣрное. Поэтому-то, отвергая сказаніе, онъ не упустилъ изъ виду болѣе достовѣрныхъ, но менѣе замѣченныхъ предшествовавшими ему учеными данныхъ, съ помощію которыхъ ему удалось наполнить пробѣлъ, оставшійся на мѣстѣ отвергнутаго имъ сказанія, нѣсколькими положеніями о ходѣ дорійскаго завоеванія, въ высшей степени интересными.

Въ небольшомъ отдаленіи отъ Аргоса, и именно между этимъ городомъ и моремъ, стоялъ совершенно отдѣльный холмъ, по имени Теменіонъ, о которомъ упоминаютъ Страбонъ и Павсаній [1]). На немъ лежала небольшая слобода, которая была обязана и именемъ и извѣстностію гробницѣ героя Темена, которому Доряне тамъ поклонялись. Павсанію разсказывали мѣстные жители, что Теменъ съ Дорянами, вторгнувшимися подъ его предводительствомъ въ Арголиду, занялъ прежде всего этотъ утесъ и отсюда уже направлялъ свои военныя дѣйствія противъ Тисамена и подвластныхъ ему Ахеевъ. Это извѣстіе пріобрѣтаетъ право на вниманіе особенно потому, что совершенно подобное ему извѣстіе передавалось и относительно холма Солигея, лежавшаго близь Коринѳа. Этотъ холмъ, разсказывали, былъ также занятъ Дорянами и служилъ имъ какъ твердый постъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ прежнихъ обитателей коринѳской земли. Какъ Теменіонъ находился на берегу Арголическаго залива, такъ Солигей лежалъ на берегу залива Сароническаго. Такіе два пункта были конечно выбраны не случайно, и ихъ положеніе на берегу моря сдѣлалось для Грота основаніемъ весьма важныхъ заключеній. Нельзя не согласиться съ нимъ, что и тотъ и другой пунктъ могли быть заняты только завоевателями, пришедшими съ моря. Въ пелопоннесскую войну, мы дѣйствительно видимъ, что Никій, приставъ съ аѳинскимъ флотомъ къ коринѳскому берегу, прежде всего позаботился занять Солигей. А если такое заключеніе относительно двухъ пунктовъ, первоначально занятыхъ дорійскими завоевателями Аргоса и Коринѳа, справедливо, то оно само собою наводитъ на предположеніе, что нападеніе Дорянъ на эти два города было сдѣлано съ моря, а не

[1]) Страб. VIII, стр. 368. Павс. II, 38, 1.

съ сухаго пути, какъ повѣствуетъ сказаніе. Такимъ образомъ открывается одна весьма важная черта событія, совершенно забытая легендою, и мы принуждены предположить вмѣстѣ съ Гротомъ, что Аргосъ и Коринѳъ были заняты Дорянами совершенно другимъ образомъ, нежели Спарта и Мессенія, и независимо отъ завоеванія послѣднихъ. Единственнымъ возраженіемъ противъ этого предположенія можетъ быть невѣроятность давняго знакомства Дорянъ съ мореплаваніемъ. Но это возраженіе теряетъ силу, ежели обратить вниманіе на повѣствованіе, упоминаемое Аристотелемъ, о плаваніи Гиппота, отца Алетова, по Малійскому заливу для выведенія колоній [1]), на упоминаніе Одиссеею Дорянъ на островѣ Критѣ, куда они могли зайдти не иначе, какъ на корабляхъ, и въ особенности ежели обратить вниманіе на переселеніе Дріоповъ изъ ихъ прежнихъ жилищъ у горы Эты — изъ того самаго мѣста, откуда послѣ отправились и Доряне, покорившіе Пелопоннесъ — въ города, занятые ими на берегу Арголическаго полуострова и на сосѣднихъ островахъ. Дріопы были вытѣснены изъ своей родины Дорянами и могли выселиться въ свои новыя обиталища только при помощи мореплаванія. Они отправились на корабляхъ изъ Малійскаго залива къ берегамъ Арголиды, и ежели они могли совершить этотъ путь, то почему то же самое было бы невозможно, нѣсколько времени спустя послѣ того, для Дорянъ, при ихъ переселеніи изъ тѣхъ же самыхъ странъ, вблизи Малійскаго залива, въ Коринѳъ и Аргосъ?

Предположеніе о занятіи Аргоса и Коринѳа особымъ отрядомъ, отправившимся изъ Дориды по морю, независимо отъ дружины, завоевавшей Мессенію и Лаконику, удивительно какъ подтверждается и взаимными отношеніями дорійскихъ государствъ, извѣстными изъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ. Аргосъ былъ относительно сосѣднихъ ему дорійскихъ городовъ — Фліунта, Клеонъ, Сикіона, Эпидавра, Трезена и Эгины — тѣмъ же, чѣмъ Ѳивы между городами Беотіи. Всѣ эти города находились въ союзѣ съ Аргосомъ или въ подчиненіи ему. Аполлонъ Пиѳаэй былъ главнымъ богомъ союза, и центральное святилище его находилось въ Ларисcѣ или акрополѣ (укрѣпленномъ вышгородѣ) Аргоса. Аргосъ стоялъ во главѣ этихъ городовъ и пользовался преобладаніемъ, которое хотя и ослабѣло въ послѣдствіи, но давало однакожь ему право даже еще въ 514 году до Р. Х. наложить на Сикіонъ и Эгину денежный штрафъ въ 500 талантовъ за ихъ содѣйствіе спартанскому царю Клеомену при его вторженіи въ область Аргоса. Эгинеты

[1]) Аристотель въ Prov. Vatic. IV, 4.

не хотѣли платить, но Сикіонъ спорилъ не о правѣ Аргоса наложить штрафъ, а только объ уменьшеніи штрафа, и предлагалъ 100 талантовъ.

Вообще чѣмъ далѣе мы восходимъ въ древнюю эпоху греческой исторіи, тѣмъ болѣе находимъ слѣдовъ могущества Аргоса и его совершенной самостоятельности относительно Спарты. Можно даже сказать, что Аргосъ занималъ тогда первое мѣсто между дорійскими государствами Пелопоннеса, и что его отношенія къ Спартѣ были болѣе враждебныя, нежели братскія. Извѣстія, которыя мы имѣемъ о могуществѣ и образѣ дѣйствій аргосскаго царя Фидона, лучше всего показываютъ это.

Легенда повѣствуетъ, что Доряне предприняли походъ въ Пелопоннесъ подъ предводительствомъ трехъ братьевъ Гераклидовъ, Темена, Кресфонта и Аристодема, сыновей Аристомаха, внуковъ Клеодема и правнуковъ Гилла, сына Геркулесова. Аристоденъ умеръ въ самомъ началѣ похода и оставилъ двухъ сыновей близнецовъ, Эврисѳена и Прокла. По завоеваніи страны цари Гераклиды раздѣлили ее между собою, такъ что старшій сынъ Теменъ получилъ Аргосъ, второй Кресфонтъ—Мессенію, а дѣти третьяго—Лаконику. Отъ этого-то Темена происходилъ въ прямой линіи Фидонъ, по Эфору у Страбона десятый, по Ѳеопомпу шестой потомокъ его. Царская власть ослабѣла тогда въ Аргосѣ, и государство не имѣло уже прежняго своего могущества. Фидонъ возстановилъ и то и другое. Города, составлявшіе аргосскій союзъ, почти распавшійся въ его время, онъ привелъ въ прежнюю зависимость отъ Аргоса. Своимъ могуществомъ онъ воспользовался и для покоренія Коринѳа и пошелъ такъ далеко въ честолюбіи, что объявилъ притязаніе на предсѣдательство при празднованіи олимпійскихъ игръ. Призванный жителями Писатиды, онъ двинулся, какъ разсказываетъ Павсаній[1]), во время 8-й ол. (747 г. до Р. Х.) съ аргос-

[1]) Павс. VI, 22, 2. Гротъ слѣдуетъ этому мѣсту Павсанія, полагая, что такое положительное свидѣтельство, основанное на документахъ олимпійскаго храма, заслуживаетъ болѣе довѣрія, нежели извѣстія историковъ, противорѣчащія ему. Эфоръ у Страбона, VIII стр. 358, подтверждаетъ это извѣстіе, не обозначая однакоже олимпіады, отпразднованной Фидономъ и Писатами, но въ другомъ мѣстѣ, также цитованномъ у Страбона VIII, 355, повидимому не признаетъ этой олимпіады за 8-ю, говоря, что отъ 1-й ол. и до 26-й Элеи имѣли предсѣдательство въ олимпійскихъ играхъ. Это побудило Вейссенборна, написавшаго большое изслѣдованіе о Фидонѣ (см. Weissenborn's Hellen. Beiträge zur griechischen Alterthumskunde. Jena. 1844. S. 1—86), предложить исправленіе Павсаніева текста и читать вмѣсто «8 ол.» — «28 ол.» По этой эмендаціи текста Павсаніева Фидонъ жилъ бы около 660 г. до Р. Х. Вейссенборнъ ссылается въ подкрѣпленіе своего предположенія на извѣстіе Геродота, IV, 127, по которому оказывается, что сынъ Фидона, предсѣдательствовавшаго въ Олимпіи, былъ современникъ сикіон-

скимъ войскомъ въ Олимпію и отпраздновалъ въ соединеніи съ Писатами, какъ прямой потомокъ Геркулеса, учредителя олимпій, священныя игры этой олимпіады. Элеи, принужденные уступить силѣ, отказались однакоже въ послѣдствіи внести 8-ю олимпіаду въ свой списокъ (они отнесли ее къ такъ называемымъ ἀνολυμπιάδες) и обратились за помощію къ Спартѣ. Послѣдняя приняла ихъ сторону противъ Аргоса, и споръ окончился пораженіемъ Фидона.

Уже призваніе Фидона Писатами и союзъ Спарты съ Элеями противъ него свидѣтельствуетъ о высокомъ мѣстѣ Аргоса между тогдашними государствами Пелопоннеса, а равно и о взаимной антипатіи Аргоса и Спарты. Еще болѣе замѣчательнымъ дѣломъ Фидона было то, что онъ первый въ Греціи сталъ чеканить мѣдную и серебряную монету и ввелъ постоянныя единицы мѣры и вѣса. Обширныя и драгоцѣнныя изслѣдованія, сдѣланныя Бекомъ въ его сочиненіи о метрологіи, пролили новый свѣтъ и на эту систему монеты и вѣса. Изъ нихъ оказывается между прочимъ, что Фидонъ долженъ былъ заимствовать введенную имъ систему вѣсовъ у Финикіянъ, которые въ свою очередь получили ее изъ Вавилоніи [1]).

Если мы взвѣсимъ, какъ слѣдуетъ, немногія, но въ высшей степени замѣчательныя дѣла Фидона, память которыхъ сохранилась отъ древности, а достовѣрность не подлежитъ сомнѣнію, мы будемъ вве-

скаго тиранна Кипсела, о которомъ извѣстно, что онъ получилъ вѣнокъ побѣдителя во вторую пиѳіаду, т. е. весною 588 до Р. Х. Другіе ученые, чтобы согласить это извѣстіе Геродота съ свидѣтельствомъ Павсанія, предполагаютъ существованіе двухъ Фидоновъ, царей аргивскихъ, одного во время 8-й олимп., другаго около 650 г. до Р. Х. Таково мнѣніе О. Мюллера во второмъ томѣ его «Дорянъ» (въ первомъ томѣ и въ сочиненіи Aegineticorum liber онъ признавалъ еще одного Фидона) и Пласса въ его «Греческой Исторіи» т. 2, стр. 177. Въ недавнемъ сочиненіи своемъ: Die Tyrannis. Bremen. 1852. T. I, стр. 169, послѣдній старается подкрѣпить это мнѣніе новыми доводами. Трудно однакоже согласиться съ нимъ, и ежели непремѣнно надобно согласить Геродота съ Павсаніемъ, то, кажется, путь, избранный Вейссенборномъ, проще и вѣрнѣе ведетъ къ цѣли. Но и предположеніе Вейссенборна не устраняетъ всѣхъ противорѣчій — между спискомъ олимпійскихъ побѣдителей, сохранившимся у Евсевія (Chron 1 p. 24. Scalig.; Eus. Arm. ed. Zohr. p. 145), Эфоромъ и Павсаніемъ. Вѣрно одно, что исторія этихъ временъ крайне недостовѣрна.

[1]) Въ древней Греціи были въ употребленіи три системы вѣса: фидоновская, называемая обыкновенно *эгинскою* и господствовавшая преимущественно въ Пелопоннесѣ и у Дорянъ, *эвбейская*, употребительная у Іонянъ, и *аттическая*, введенная Солономъ, только въ монетной системѣ. Первая относилась ко второй, какъ 6: 5, а къ третьей, какъ 5: 3. Во всѣхъ трехъ талантъ раздѣлялся на 60 минъ, а мина (μνᾶ) на 100 драхмъ. Нѣсколько болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ можно найти въ «Отеч. Зап.» 1852 № 7-й, въ отдѣлѣ критики, по поводу разбора «Изслѣдованій» графа А. Уварова.

дены въ древнее историческое состояніе Пелопоннеса, весьма отличное отъ того, которое было принесено слѣдующимъ столѣтіемъ. Введеніе новой системы вѣса, мѣры и монеты, и принятіе ея во всемъ Пелопоннесѣ достаточно показываютъ рѣшительный перевѣсъ Аргоса надъ всѣмъ полуостровомъ. Мы получаемъ довѣріе къ свидѣтельству Геродота, что весь восточный берегъ Лаконіи нѣкогда принадлежалъ этому государству. Можно полагать, что аргосскіе города покрывали весь берегъ Сароническаго и Арголическаго заливовъ отъ о. Киѳеры до о. Эгины, принявшей дорійскихъ колонистовъ также изъ Аргоса. Дорійскія колоніи на южныхъ островахъ Эгейскаго моря и въ югозападномъ углу Малой Азіи — Критъ, Косъ, Родосъ, Галикарнасъ, Книдъ и др. — приводятся также въ связь съ Аргосомъ: многія изъ нихъ основаны Теменидомъ Альѳеменомъ, вышедшимъ изъ Аргоса. Ихъ часто называютъ *смѣшанными* колоніями Аргоса, Трезена и Эпидавра. Всѣ онѣ, безъ сомнѣнія, древнѣе Фидона, и мы можемъ видѣть въ нихъ новое доказательство ранняго процвѣтанія Аргоса, и его важности, какъ центральнаго пункта для морскихъ сношеній. Калаврійская амфиктіонія свидѣтельствуетъ о такомъ же значеніи этихъ береговъ въ раннее время греческой исторіи. Перевѣсъ Аргоса, какъ главы пелопоннесскихъ и метрополіи азіятскихъ Дорянъ, дѣлаетъ понятнымъ успѣхъ нововведеній Фидона и объясняетъ, почему его метрологическая система была принята именно Дорянами. Съ другой стороны связь Аргоса съ малоазіятскими дорійскими колоніями указываетъ на путь, по которому Фидонъ могъ получить введенную имъ систему. Посредствующимъ звѣномъ между ними и Финикіей, откуда онъ заимствовалъ вѣсъ, были безъ сомнѣнія эти колоніи, точно такъ, какъ эвбейская система, по всему вѣроятію, перешла къ Грекамъ изъ Лидіи черезъ іонійскіе города Малой Азіи.

Какимъ образомъ Фидонъ палъ, и какъ Аргивяне потеряли первенство, объ этомъ мы не имѣемъ точныхъ извѣстій. Можно объяснить себѣ этотъ новый оборотъ дѣлъ съ одной стороны изъ устройства аргосскаго союза, состоявшаго изъ многихъ городовъ, не всегда согласныхъ между собою, и распадавшагося на свои составныя части, какъ скоро во главѣ Аргоса не было лица, подобнаго Фидону. Съ другой стороны, паденіе Аргоса объясняется постепеннымъ возрастаніемъ Спарты въ продолженіе трехъ столѣтій, слѣдовавшихъ за введеніемъ узаконеній Ликурга.

Дорійское государство Спарты, равно какъ и сосѣдняя ему дорійская Мессенія обязаны своимъ происхожденіемъ завоеванію другаго рода, нежели Коринѳъ и Аргосъ. И Спарта и Стениклеръ, главный

городъ Мессеніи, лежатъ глубоко внутри полуострова. Спарта почти недоступна со стороны моря, Стениклеръ по крайней мѣрѣ не легко доступенъ. Эти оба города могли быть взяты только съ сухаго пути; поэтому очень вѣроятно, что ихъ завоеваніе совершилось именно такъ, какъ описываетъ легенда о возвращеніи Гераклидовъ. Изъ верхнихъ долинъ Тетраполя дорійская дружина спустилаеь вѣроятно черезъ горный проходъ вблизи теперешняго селенія Граница въ долину того Пинда, который течетъ съ южнаго склона Парнасса на югъ къ Коринѳскому заливу. Слѣдуя по теченію этой рѣки, Доряне достигли гавани Навпакта (нынѣ Лепанто) и оттуда, какъ повѣствуетъ легенда, на плотахъ переплыли узкій проливъ, отдѣляющій Коринѳскій заливъ отъ Іонійскаго моря и Этолію отъ Пелопоннеса. Этотъ переѣздъ былъ возможенъ только при содѣйствіи Этоловъ, и дѣйствительно легенда говоритъ, что вождемъ дорійской дружины былъ «треглазый» Оксилъ, царь Этоловъ, и что часть Этоловъ подъ его предводительствомъ присоединилась къ Дорянамъ и по переходѣ въ Пелопоннесъ заняла ближайшую къ мѣсту переправы часть полуострова, Элиду. Эта последняя страна, «божественная Элида, гдѣ Эпеи господствуютъ,» какъ говоритъ Одиссея, въ самомъ дѣлѣ находится въ историческое время подъ владычествомъ Элеевъ, племени, признававшаго свое родство съ Этоламиⁱ[1]) и очевидно проникшаго въ Элиду не иначе какъ черезъ Коринѳскій заливъ. Что̀ касается до Дорянъ, отправившихся далѣе во внутренность полуострова, то и здѣсь, относительно Лаконики и Мессеніи, легенда подтверждается мѣстностью. Одинъ изъ первыхъ знатоковъ греческой топографіи, полковникъ Ликъ [2]), сообщаетъ, что единственная удобная дорога, ведущая къ Спартѣ, идетъ изъ Элиды черезъ долину Алфея и его притока Ѳейоса, откуда она потомъ спускается въ долину Эвротаса. Положеніе Стениклера и Анданіи, первоначальныхъ дорійскихъ поселеній въ Мессеніи, вблизи Аркадіи и очень недалеко отъ теченія Алфея, говоритъ въ пользу того, что путь черезъ Элиду былъ избранъ и тѣмъ отрядомъ Дорянъ, который завоевалъ Мессенію. Поэтому можно, не опасаясь упрека въ излишнемъ довѣріи къ легендѣ, принять за истину, что два отряда Дорянъ, завоевавшихъ Мессенію и Лаконику, перешли въ Пелопоннесъ вмѣстѣ съ Этолами, помогли имъ при завоеваніи Элиды и пошли потомъ далѣе вверхъ по теченію Алфея искать жилищъ для себя, одинъ въ Лаконику, другой въ Мессенію.

[1]) Страб. X. стр. 479.

[2]) Travels in Morea III, стр. 29.

Среди мрака, который покрываетъ эти первоначальныя поселенія, можно однакоже различить какъ бы специяльныя обстоятельства, опредѣлившія характеръ этихъ завоеваній. Относительно Спарты, повѣствуется, что она была предана Дорянамъ измѣною какого-то Филонома; кромѣ того разсказывается, что Амиклы, несмотря на то, что онѣ лежали не болѣе какъ въ четырехъ верстахъ отъ Спарты, еще долго сохраняли независимость и были покорены только въ царствованіе Телекла, за одно поколѣніе до 1-й ол.; ко времени того же царя относится кромѣ того и завоеваніе Фариса и Геронѳръ, другихъ двухъ городовъ Лаконики. Мессенскіе Доряне были обязаны своимъ успѣхомъ также содѣйствію туземцевъ; Кресфонтъ, ихъ предводитель, вступилъ въ бракъ съ дочерью аркадскаго царя Кипсела и имѣлъ отъ этого брака сына Эпита, по имени котораго, весьма знаменитому въ аркадскихъ героическихъ генеалогіяхъ, всѣ дорійскіе цари Мессеніи, потомки Кресфонта, назывались Эпитидами. Нѣкоторыя части Мессеніи сохраняли свою независимость даже послѣ времени спартанскаго царя Телекла, именно во время первой мессенской войны, и одинъ житель Короны былъ записанъ въ числѣ побѣдителей 11-й ол. не какъ Мессеніецъ, а какъ Короніецъ, чего не могло бы быть, еслибы Корона была въ то время подчинена Мессеніи.

Эти данныя показываютъ, что мессенскіе и спартанскіе Доряне явились въ Пелопоннесѣ вовсе не съ такимъ могуществомъ, какое предполагаетъ легенда, и что для завоеванія южнаго Пелопоннеса, несмотря на пособіе нѣкоторыхъ туземцевъ, имъ были нужны усилія цѣлыхъ столѣтій.

Эфоръ, одинъ изъ ученѣйшихъ древнихъ историковъ, пытался однакоже согласить приведенныя выше обстоятельства съ легендою. Какъ онъ смотрѣлъ на дѣло, видно изъ двухъ его отрывковъ, сохраненныхъ Страбономъ (VIII, p. 361 — 65). По его словамъ, первые дорійскіе завоеватели дѣйствительно покорили всю Лаконику и Мессенію и разселились по всему пространству этихъ двухъ земель. Покоренные туземцы, продолжаетъ онъ, сохранили большія права и стояли почти наравнѣ съ завоевателями; отношенія между двумя сторонами были дружескія, и такое состояніе продолжалось до уступки, сдѣланной въ послѣдствіи царями требованіямъ Дорянъ. Тогда начались съ одной стороны угнетенія и съ другой возстанія; Доряне должны были оставить страну, по которой они было разселились, и сосредоточить свои силы въ немногихъ пунктахъ. Эфоръ говоритъ это именно о Мессеніи: сначала Доряне жили тамъ въ пяти городахъ, потомъ, когда у туземцевъ были отняты ихъ права, оставили страну и соединились всѣ въ одномъ го-

родѣ Стениклерѣ. Нельзя, кажется, отрицать, что это изложеніе дѣла имѣетъ видъ позднѣйшей выдумки, цѣлью которой было — согласить противорѣчіе въ извѣстіяхъ. Замѣтимъ однакоже, что нѣмецкій рецензентъ Грота, г. Кампе (въ Neue Jahrbücher für Philologie und Paedagogik Bd. 59.) защищаетъ извѣстіе Эфора [1]).

Нельзя съ точностью опредѣлить время перваго занятія Спарты и Стениклера: для этого нѣтъ нужныхъ средствъ. Но что между спартанской и мессенской дружиной были первоначально нѣкоторыя братственныя связи, которыхъ не существовало между Лекедемономъ и Аргосомъ, на это указываетъ храмъ Артемиды лимнатской на границѣ Лаконіи и Мессеніи, священный для обѣихъ странъ, и общія жертвы, которыя при немъ совершались, и въ которыхъ, по словамъ Павсанія, участвовали изъ всѣхъ Дорійцевъ только Лакедемоняне и Мессенійцы. Даже къ Элидѣ Спартанцы имѣли болѣе симпатіи, нежели къ Аргосу. Мы уже видѣли это изъ извѣстій о помощи, оказанной Спартанцами Элеямъ противъ Фидона.

Первое опредѣлимое событіе внутренней исторіи Спарты было введеніе Ликурговыхъ узаконеній, событіе несомнѣнное, потому что на немъ основана вся послѣдующая исторія Спарты, но извѣстное намъ болѣе по своему многозначительному содержанію, нежели со стороны обстоятельствъ, его окружавшихъ [2]). Плутархъ начинаетъ свое жизне-

[1]) Вотъ какъ говоритъ объ этомъ г. Кампе: «За дорійскимъ переселеніемъ послѣдовало очевидно большое потрясеніе Греціи; судя по дѣйствію о причинѣ, нельзя полагать, чтобы это переселеніе состояло лишь въ появленіи небольшой дружины среди непріятельской страны. Къ этому присоединяется весьма опредѣленное повѣствованіе Эфора, что Доряне, при первомъ завоеваніи, въ Мессеніи, равно какъ и въ Лаконикѣ, разсѣялись по всей странѣ, подобно тому, какъ это было сдѣлано ихъ соплеменниками въ Арголидѣ и Беотами. Потомъ они опять сосредоточились въ одномъ городѣ. Такое повѣствованіе не можетъ быть взято изъ воздуха. Мы видимъ, что побѣдители желали соединиться съ побѣжденными, какъ Этолы въ Элидѣ, въ одинъ народъ. Это вызвало сильное сопротивленіе, безъ сомнѣнія, съ обѣихъ сторонъ. Побѣжденные хотѣли освободиться изъ-подъ власти завоевателей, а эти послѣдніе хотѣли одни пользоваться плодомъ своей побѣды. Отсюда — раздоры и борьба въ обѣихъ странахъ. Спартанцы не хотѣли признаватъ первыхъ царей за основателей государства и чтили память царей втораго поколѣнія, которые снова скрѣпили доризмъ. То же разсказывается о Мессеніи. Ежели это было дѣйствительно такъ, то понятно, какимъ образомъ Доряне должны были еще разъ завоевывать то, что̀ имъ сначала досталось такъ легко. Укажу при этомъ случаѣ на отрывки изъ Константиновыхъ эксцерптовъ περὶ ἐπιβουλῶν, недавно найденные въ Эскуріалѣ. Они изданы въ Миллеровомъ собраніи отрывковъ греческихъ историковъ; взяты они изъ Діодора и Николая Дамасскаго. Въ особенности послѣдній (III p. 376) дополняетъ сообщенія Страбона и Павсанія.»

[2]) Главныя новѣйшія сочиненія, въ которыхъ находятся изслѣдованія о Ликурговомъ законодательствѣ: Manso Sparta Lpz. 1800—05. K. O. Müller

описаніе Ликурга слѣдующими словами дурнаго предзнаменованія: «О законодателѣ Ликургѣ нельзя сказать рѣшительно ничего, что̀ не было бы оспариваемо: о его рожденіи, путешествіяхъ, смерти, а равно и о его политическихъ и законодательныхъ дѣйствіяхъ ходятъ различныя сказанія, и наименѣе всѣ согласны относительно времени, въ которое онъ жилъ». Новѣйшій ученый, особенно прославившійся изслѣдованіемъ всего, что̀ только извѣстно о Дорянахъ, Отфридъ Мюллеръ, пришелъ къ тому же заключенію. «О Ликургѣ (говоритъ онъ), какъ объ индивидуальномъ лицѣ, почти рѣшительно нѣтъ никакихъ извѣстій». Геродотъ описываетъ Ликурга какъ дядю и опекуна спартанскаго царя Лабота, время котораго, по обыкновенной хронологіи, относится приблизительно къ 220 году до 1-й ол., или къ 996 году до Р. Х. Симонидъ напротивъ называлъ его сыномъ Притана, Діэвтихидъ внукомъ Притана и сыномъ Эвнома, дядею и опекуномъ царя Харилая. Это послѣднее извѣстіе было принято Аристотелемъ. На его основаніи время Ликурга относилось бы къ 880 году до Р. Х., за одно столѣтіе до 1-й ол. Эратосѳенъ и Аполлодоръ помѣщали его лишь нѣсколькими годами ранѣе 1-й ол., а Тимей наконецъ, для избѣжанія противорѣчій, прибѣгнулъ къ отчаянной, но весьма употребительной въ древности мѣрѣ, къ предположенію двухъ лицъ, носившихъ имя Ликурга [1]). Изъ этого мы видимъ, что уже въ 3-мъ столѣтіи до Р. Х. нельзя было найдти ничего достовѣрнаго ни о времени, ни о родствѣ этого законодателя. По мнѣнію Грота, наибольшаго вѣроятія заслуживаетъ извѣстіе Ѳукидида, который, не называя Ликурга по имени, говоритъ, что за 400 лѣтъ и нѣсколько болѣе до конца пелопоннесской войны Спартанцы вышли изъ прежняго состоянія безнадежныхъ внутреннихъ безпорядковъ и приняли «ихъ теперешнюю форму правленія» [2]). О внутреннихъ безпорядкахъ почти то же самое узнаемъ мы и отъ Геродота и Исократа [3]). Состояніе законности, «эвноміи», олицетворенной въ Эвномѣ, отцѣ Ликурговомъ по Эвтихиду, и добрый порядокъ, который принесли съ собою новыя узаконенія, изображается у Ѳукидида какъ главное основаніе счастливыхъ внѣшнихъ успѣховъ, поприще которыхъ открывается со времени царя Телекла. Такое толкованіе весьма вѣ-

die Dorier. 2 Bde. 1824. 2-te Ausg. 1844. Lachmann die spartanische Staatsverfassung. Bresl. 1836. Schömann de comitiis Lacedaemoniorum. Gryphisw. 1834. C. Fr. Hermann Antiquitatum Laconicarum libri IV. Marb. 1841. Copstadt de rerum Laconicarum constitutionis Lycurgeae origine et indole. Gryphiae. 1849. Старыя сочиненія: Cragius de republ. Lacon. Meursius Resp. Lacon.

[1]) Герод. 1, 65. Плут. Лик. 1. Аристот. Полит. II. 7, 1.

[2]) Ѳукид. 1, 18.

[3]) Геродот. 1, 65. Исократъ Панаѳ. 177.

роятно. Введеніе Ликурговыхъ узаконеній будетъ поэтому относиться ко времени между 830 и 820 годомъ до Р. Х., и надобно будетъ принять, что ему предшествовали важныя внутреннія смуты. Этимъ ограничивается все, что̀ можетъ быть сказано правдоподобнаго о Ликургѣ. Лицо этого знаменитаго законодателя, о которомъ дельфійская пиѳія сомнѣвалась, назвать ли его богомъ или человѣкомъ, которому въ Спартѣ приносились ежегодныя жертвы и было устроено особое святилище, котораго отецъ Эвномъ—благой законъ, а сынъ Эвкосмъ —благой порядокъ, его лицо сдѣлалось полнымъ достояніемъ народныхъ сказаній. Его заставляли посѣщать не только Критъ, но и Іонію, Египетъ, Ливію, Иберію и даже Индію; его даже дѣлали собесѣдникомъ Гомера. Но съ другой стороны, Гелланикъ, одинъ изъ предшественниковъ Геродота, не только не упоминалъ о Ликургѣ, но даже признавалъ спартанское устройство за дѣло первыхъ царей Эврисѳена и Прокла [1]), а Пиндаръ прославлялъ Спартанцевъ за то, что они твердо стоятъ на дорійскихъ законахъ Эгимія [2]). Изъ этого видно, что въ древности не всѣ приписывали Ликургу то значеніе, которое дано ему господствующимъ сказаніемъ. Если нѣтъ достаточнаго основанія отрицать дѣйствительность его существованія, то однакоже неоспоримо и то, что все, сообщаемое намъ о Ликургѣ, относится не къ дѣйствительно бывшему, а къ миѳическому Ликургу. Сказаніе обыкновенно дѣлаетъ одно лицо представителемъ цѣлаго направленія; подъ вліяніемъ этого общаго закона миѳическихъ сказаній, на Ликурга перенесено все, что относится къ установленію спартанскаго государственнаго устройства. Поэтому интересъ повѣствованій о Ликургѣ заключается не въ возможности извлечь изъ нихъ вѣрныя свѣдѣнія о жизни Ликурга, а въ томъ, что они показываютъ взглядъ самихъ Спартанцевъ, среди которыхъ эти повѣствованія произошли, на происхожденіе спартанскихъ учрежденій. Гротъ не разбираетъ сказаній о Ликургѣ съ этой стороны. О. Мюллеръ отличаетъ въ нихъ два существенные пункта: связь съ дельфійскимъ оракуломъ, который былъ въ то время главнымъ руководителемъ всего дорійскаго племени, и съ Критомъ, гдѣ дорійскія племенныя особенности получили развитіе прежде, нежели въ другихъ мѣстахъ. Этотъ національный взглядъ заслуживаетъ вниманія. Критъ былъ, въ самомъ дѣлѣ та единственная страна Геллады, гдѣ господствовалъ бытъ, во многихъ отношеніяхъ близкій къ спартанскому, между тѣмъ какъ отъ всѣхъ другихъ частей Греціи Спарта рѣзко отличалась. Равнымъ обра-

[1]) См. ссылку на Гелланика и на Эфора, его порицающаго, у Страбона VII p. 366

[2]) Пиндаръ. Пиѳ. 1, 120.

зомъ извѣстно, что на дельфійскій оракулъ Спартанцы смотрѣли какъ на священный источникъ ихъ узаконеній; они съ гордостью называли ихъ νόμοι πυθόχρηστοι [1]).

Интересенъ вопросъ объ отношеніи Ликурговыхъ постановленій къ племеннымъ обычаямъ дорійскаго племени. То, что̀ утверждено Ликургомъ и сдѣлалось потомъ національною принадлежностью Спарты, сохранявшеюся неизмѣнно въ продолженіи цѣлаго ряда столѣтій, составляетъ ли плодъ личныхъ размышленій Ликурга о состояніи и потребностяхъ его народа, или коренилось въ древнихъ обычаяхъ дорійскаго племени и было только закрѣплено его законодательствомъ? О. Мюллеръ и вслѣдъ за нимъ большая часть новѣйшихъ изслѣдователей принимаютъ послѣднее. Мюллеръ указываетъ на слова Пиндара, уже приведенныя выше, что «потомки Памфила и Геракла, живущіе на склонахъ Таигета (т. е. Спартанцы), хотятъ твердо стоять на дорійскихъ законоположеніяхъ Эгимія». Эгимій былъ миѳическій праотецъ дорійскаго племени, и его законоположенія не что иное, какъ древніе племенные обычаи Дорянъ. Имѣя это въ виду, Мюллеръ выводитъ изъ словъ Пиндара, вопервыхъ, что спартанское устройство было племенное дорійское, и вовторыхъ, что его происхожденіе совпадало съ происхожденіемъ самаго племени. Ликургъ былъ, по мнѣнію Мюллера, только возстановителемъ древняго племеннаго быта, потрясеннаго тѣми смутами, которыя, по Геродоту и Ѳукидиду, предшествовали Ликургову законодательству. Съ этой точки зрѣнія, Мюллеръ находитъ совершенно понятнымъ, что Гелланикъ, древнѣйшій писатель о спартанскомъ устройствѣ, всѣ Ликурговы учрежденія приписывалъ первымъ спартанскимъ царямъ и о Ликургѣ не упоминалъ ни однимъ словомъ.

Гротъ самымъ рѣшительнымъ образомъ высказывается противъ этого взгляда. Ликурговы учрежденія, говоритъ онъ, были не дорійскія, а спартанскія. Отъ учрежденій другихъ дорійскихъ земель, Коринѳа, Мегары, Сикіона, Аргоса, они были столько же отличны, сколько отъ аѳинскихъ или беотійскихъ. Аналогія есть только между Спартой и Критомъ, но и на островѣ Критѣ самыя существенныя черты спартанскаго законодательства—военная дисциплина и строгость частной жизни—далеко не встрѣчаются въ такой силѣ, какъ въ Спартѣ, и кромѣ того нѣтъ основанія полагать, что учрежденія, подходящія къ спартанскимъ, принадлежали критскимъ Дорянамъ болѣе, нежели другимъ жителямъ этого острова. Гротъ настаиваетъ на томъ, что Ликургово законодательство было совершенно оригинальное и отличало Спартанцевъ отъ всѣхъ про-

[1]) Ксеноф. Лак. госуд. 8, 5.

чихъ Дорянъ. Онъ ссылается на ясныя свидѣтельства о томъ весьма многихъ древнихъ писателей.

Къ этимъ доводамъ Грота можно прибавить еще одинъ, какъ кажется довольно сильно говорящій противъ Мюллерова воззрѣнія. Ежели Ликургово законодательство было лишь возстановленіемъ древнихъ дорійскихъ учрежденій, то какъ объяснить, что тѣ же самыя учрежденія, которыя сдѣлались столь твердыми и неизмѣнными, послѣ того какъ были возстановлены Ликургомъ, до этого возстановленія могли подвергаться самымъ сильнымъ колебаніямъ [1])?

Чтобы составить себѣ опредѣленное мнѣніе объ этомъ спорномъ вопросѣ, припомнимъ главныя черты гомерическаго государства и сличимъ ихъ съ спартанскимъ устройствомъ, которое называется Ликурговымъ: это сравненіе можетъ много пособить намъ, ибо что̀ между ними найдется общаго, то очевидно не можетъ быть исключительною принадлежностью древняго дорійскаго быта. И такъ, какія власти мы находимъ у Гомера и какое раздѣленіе состояній? Во главѣ народовъ и въ Иліадѣ и въ Одиссеѣ стоятъ цари, сильные духомъ и тѣломъ, любимцы и питомцы Зевса, и господствуютъ почти полновластно. Когда что-нибудь важное предпринимается, они собираютъ народъ и въ его присутствіи совѣщаются съ именитыми людьми, которые и сами часто называются царями. Эти вожди составляютъ думу царя; они разсуждаютъ о предпріятіи, спорятъ между собою и воодушевляютъ народъ своими рѣчами. Народъ не принимаетъ участія въ совѣщаніяхъ и только слушаетъ рѣчи героевъ. Вѣче уже существуетъ, но голосовъ на немъ не собирается. Мы видимъ однакоже три власти, хотя и въ зародышѣ — царь, дума и вѣче — и нѣчто въ родѣ двухъ сословій — героевъ и простыхъ людей, λαοί.

Теперь спрашивается, что̀ было учреждено въ Спартѣ законодательствомъ Ликурга?

Первымъ дѣломъ его, говорятъ древніе, было установить думу, или сенатъ, состоявшій изъ 28 старцевъ и двухъ царей, всего изъ 30 лицъ, и называвшійся *герусіей* [2]), собраніемъ старцевъ. Вмѣстѣ съ

[1]) На этотъ вопросъ, но въ другомъ смыслѣ, написалъ особое разсужденіе К. Фр. Германъ, теперь проф. въ Гёттингенѣ. См. Antiquitatum Laconicarum libelli IV. Disp. 1 de statu Lacedaemoniorum ante Lycurgum. Mnrb. 1840. Гротъ повидимому не пользовался этимъ важнымъ сочиненіемъ, о которомъ мы будемъ имѣть случай нѣсколько разъ говорить ниже. Германъ въ главномъ придерживается воззрѣнія Мюллерова, хотя видоизмѣняетъ его. Канштадъ совершенно удаляется отъ Мюллера.

[2]) Собственно по спартанскому выговору герогіей, γερωΐα.

этимъ были установлены періодическія собранія спартанскаго народа подъ открытымъ небомъ между ручьемъ Кнакіономъ и мостомъ Бабикой, съ правомъ принятія или устраненія безъ всякихъ преній того, что̀ было опредѣлено въ герусіи. Таково было устройство государственныхъ властей, освященное Ликурговыми завѣтами, *ретрами*, которыя были принесены имъ изъ Дельфъ и утверждены клятвою всего спартанскаго народа — вѣчно сохранять ихъ [1]).

Однимъ столѣтіемъ позже, при царяхъ Полидорѣ и Ѳеопомпѣ, въ этомъ устройствѣ сдѣланы два важныя измѣненія: къ древнимъ Ликурговымъ ретрамъ было прибавлено, что «если народъ приметъ кривое рѣшеніе, то старцы и цари могутъ отступиться отъ него», — и въ то же время, какъ бы въ вознагражденіе народному собранію, была учреждена коммиссія, или директорія, изъ пяти членовъ, называвшихся эфорами. Въ эту коммиссію могъ быть избранъ каждый спартанскій гражданинъ, и она была такъ постановлена въ государствѣ, что въ ея руки перешла вся внутренняя администрація, а за царями осталось

[1]) Ликурговы ретры были въ недавнее время предметомъ ученаго спора между Гётлингомъ и Урлихсомъ. Первый напечаталъ въ Запискахъ Саксонскаго Общества Наукъ разсужденіе Ueber die vier Lykurgischen Rhetren (Томъ IV), гдѣ старался возстановить древній текстъ Ликурговыхъ законовъ, выходя отъ той мысли, что они были написаны гекзаметрами. При этомъ не обошлось безъ большихъ произвольностей, на которыя и указалъ Урлихсъ въ статьѣ, носящей заглавіе Ueber die Lykurgischen Rhetren и напечатанной въ Neues Rhein. Mus. f. Philol. 1847. Heft. 2. Въ 1851 г. Гётлингъ, издавая собраніе своихъ мелкихъ сочиненій, перепечаталъ и статью о ретрахъ, прибавивъ къ ней нѣсколько замѣчаній въ защиту отъ Урлихса. Нельзя отрицать, что предпріятіе Гётлинга есть болѣе игра остроумія, нежели дѣло серіозной критики. Текстъ Ликурговыхъ ретръ, какъ мы его имѣемъ теперь, основанъ на единственномъ мѣстѣ Плутарха въ жизни Ликурга, которое еще притомъ испорчено. Приведемъ это мѣсто, допуская только тѣ исправленія противъ рукописей, которыя кажутся достовѣрными: *Διὸς συλανίου καὶ Ἀθηνᾶς συλλανίας* (испорч.; обыкновенное исправленіе — Δ. *Ἑλλανίου καὶ Ἀθανᾶς Ἑλλανίας*; испр. Урлихса — Δ. Βουλαίου καὶ Ἀθ Βουλαίας) *ἱερὸν ἱδρυσάμενον, φυλὰς φυλάξαντα καὶ ὠβὰς ὠβάξαντα, τριάκοντα πρεσβυγενέας σὺν ἀρχαγέταις γερουσίαν καταστήσαντα, οὕτως ὥρας ἐξ ὥρας ἀπελλάζειν μεταξὺ Βαβύκας τε καὶ Κνακιῶνος· εἰσφέρειν τε καὶ ἀφίστασθαι· δάμῳ δὲ κυρίαν* (или *ἀγορὰν*) *ἦμεν καὶ κράτος*. Гётлингъ дѣлаетъ изъ этого слѣдующіе стихи:

Σκυλλαίου Διὸς ἱρὸν ἱδρυσάμενον καὶ Ἀθήνης
Φυλὰς φυλάξαντα καὶ ὠβὰς ὠβάξαντα
Θεῖναι μὲν βουλῆς ἀρχηγέτεας βασιλῆας,
Πρεσβυγενεῖς δὲ γέροντας, ἀπελλάζειν, ἐσενέγκειν,
Δήμου δὲ πλήθει νίκην καὶ κάρτος ἀφεῖναι.

Три малыя ретры Гётлингъ возстановляетъ такъ:

β′. Μὴ πολλοῖς χρῆσθαι μηδ' ἐγγράπτοισι νόμοισι.
γ′. Οἴκων τὰς ὀροφὰς ἀπὸ πρίονος ἐργάζεσθαι
Καὶ πελέκει μούνῳ τὰ θυρώματα, μηδενὶ δ' ἄλλῳ.
δ′. Μὴ πολεμεῖν ἐπὶ τοὺς αὐτοὺς πολλαῖσι στρατείαις.

только предводительство военною силой. Геродота, правда, Спартанцы увѣряли, что коллегія эфоровъ была также учреждена Ликургомъ, но Аристотель, заслуживающій въ этомъ дѣлѣ бо́льшаго довѣрія, свидѣтельствуетъ о ея позднѣйшемъ происхожденіи; то же самое говоритъ и Плутархъ. Поэтому, какъ государственныя власти, принятыя Ликургомъ, мы можемъ разсматривать только царей, сенатъ и народное собраніе, а это именно тѣ органы государственной жизни, которые упоминаются еще въ гомерическихъ пѣсняхъ. Ликурговы нововведенія могли состоять только въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, касавшихся сената и народнаго собранія, въ опредѣленіи числа, возраста и пожизненности сенаторовъ, назначеніи мѣста для народнаго собранія и точномъ установленіи его правъ. Относительно государственныхъ властей онъ не сдѣлалъ ничего, кромѣ болѣе правильнаго и точнаго опредѣленія древнихъ основаній политическаго устройства героическаго времени.

Изъ этого само собою слѣдуетъ, что въ Ликурговомъ учрежденіи государственныхъ властей не было ничего собственно дорійскаго; это были власти героическаго времени, столько же ахейскія, сколько дорійскія, только болѣе опредѣленныя въ своихъ правахъ.

Въ отношеніяхъ состояній напротивъ того замѣчается большое различіе между Спартой и героическимъ обществомъ. Послѣднее характеризуется противоположностью героевъ, сражающихся съ колесницъ и простыхъ людей пѣхотинцевъ. Въ Спартѣ напротивъ всѣ воины были равны между собою и сражались съ копьемъ въ рукѣ въ сомкнутыхъ рядахъ. И, что̀ еще болѣе, рѣшительно нѣтъ никакихъ извѣстій, чтобы тамъ издревле существовало какое-нибудь различіе между гражданами; всѣ граждане вмѣстѣ составляли аристократію относительно подчиненнаго имъ народонаселенія, но между собою они были на правахъ демократіи. Надобно полагать, что этотъ составъ общества былъ принесенъ Дорянами изъ ихъ прежняго отечества; по крайней мѣрѣ, никто не говоритъ намъ, чтобъ онъ былъ введенъ Ликургомъ. Законодатель нашелъ его существующимъ и оставилъ въ полной силѣ.

Этими простыми соображеніями опредѣляется, по нашему мнѣнію, отношеніе Ликургова политическаго законодательства къ древнему политическому быту Дорянъ.

Но Спартанцы не могли сохранить гомерическую простоту этого дорійскаго быта на своемъ новомъ мѣстѣ жительства, въ покоренной ими Лаконикѣ. Здѣсь отношенія осложнились вслѣдствіе завоеванія. Дорійская дружина, поселившаяся посреди прежнихъ обитателей страны, должна была, такъ или иначе, опредѣлить свои отношенія къ побѣжденнымъ. Это была новая задача, которая могла быть рѣшена не

иначе, какъ подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій; ея рѣшеніе долженствовало быть чисто *спартанское*, а не *дорійское*. Мы дѣйствительно видимъ, что дорійскіе завоеватели вступили въ разныхъ странахъ въ различныя отношенія къ покореннымъ туземцамъ, и что на этомъ различіи основывалась оригинальность отдѣльныхъ дорійскихъ государствъ. Особенности спартанскаго устройства опредѣлились болѣе всего тѣмъ оригинальнымъ положеніемъ, которое приняли Спартанцы относительно туземцевъ, ими покоренныхъ.

Гротъ не входитъ въ разсмотрѣніе политическаго состоянія Спарты прежде Ликургова законодательства. Причина этого, конечно, заключается въ томъ, что онъ считалъ невозможнымъ достигнуть здѣсь какихъ-нибудь положительныхъ результатовъ. Но, сколько намъ кажется, его критическій пуританизмъ на этотъ разъ пошелъ уже слишкомъ далеко. Во всякомъ случаѣ попытка разъяснить это время, сдѣланная К. Фр. Германомъ, заслуживала по крайней мѣрѣ упоминанія.

Въ сочиненіи Antiquitatum Laconicarum libelli IV, этотъ ученый собралъ извѣстія древнихъ о состояніи дорійскихъ государствъ въ первыя времена по завоеваніи Пелопоннеса и подвергъ эти извѣстія критическому анализу. Всѣ они согласны въ томъ, что эти времена были эпохою смутъ, происходившихъ отъ неопредѣленности отношеній дорійскихъ побѣдителей къ покореннымъ туземцамъ. Сначала, какъ кажется, дорійскія дружины, недовольно довѣрявшія своей силѣ, старались сблизить съ собою побѣжденныхъ и уступили имъ нѣкоторыя важныя права. Есть основанія полагать, что въ Спартѣ особенно цари принимали сторону побѣжденныхъ и пользовались ими, какъ орудіемъ усиленія своей власти. Спартанскіе Гераклиды гордились своимъ ахейскимъ происхожденіемъ, которое сближало ихъ съ туземными жителями. Они и въ послѣдствіи стояли къ нимъ въ особенномъ отношеніи, экономическомъ и религіозномъ. Царямъ платили періэки — такъ назывались покорившіеся Спартанцамъ мѣстные жители — свою подать; смерть царей они должны были оплакивать по особо-установленному церемоніалу. Очень вѣроятно, что спартанскіе цари пытались опираться на періэковъ, чтобы ограничить права потомковъ дорійской дружины. Эфоръ, какъ мы знаемъ изъ Страбона, упоминалъ о принятіи многихъ иностранцевъ въ число гражданъ — извѣстіе, которое подтверждается Аристотелемъ и можетъ относиться лишь къ покореннымъ туземцамъ [1]). Такой образъ дѣйствія долженъ былъ возбудить неудовольствіе въ Дорянахъ; начались смуты, которыя въ Спартѣ были сильнѣе.

[1]) Страб. VIII, стр. 366. Аристот. Полит. II, 6, 12.

нежели въ другихъ земляхъ, занятыхъ Дорянами. Дѣло шло о томъ, чтобы защитить права завоевателей, провести рѣзкую границу между ними и покоренными туземцами и на основаніи этого раздѣленія сызнова устроить государство.

Такова была задача, которую взялъ на себя и исполнилъ Ликургъ. Его законодательство дѣйствительно можетъ быть въ нѣкоторомъ смыслѣ разсматриваемо, какъ возстановленіе дорійской національности, потому что его цѣлію было предотвратить слитіе Дорянъ съ Ахеями и и удержать за первыми навсегда характеръ завоевателей. Доряне должны были остаться Дорянами среди покоренныхъ ими туземцевъ. Но съ другой стороны это самое намѣреніе было неисполнимо безъ важныхъ нововведеній. Въ странѣ покоренной Доряне не могли уже жить, какъ они жили въ Доридѣ; они имѣли около себя естественныхъ непріятелей, противъ которыхъ надобно было постоянно находиться на стражѣ. Не хотѣть соединиться съ побѣжденными въ одно гражданское общество значило то же, что хотѣть навсегда оставить за собою устройство дружины и жить лагерною, а не гражданскою жизнію. Ликургъ былъ осуществителемъ этого желанія, оставшагося не осуществленнымъ въ другихъ дорійскихъ государствахъ. Въ этомъ отношеніи Гротъ правъ, что Ликургово устройство принадлежитъ одной Спартѣ и отличаетъ ее отъ всѣхъ прочихъ Дорянъ. Но съ другой стороны спартанское законодательство есть не что иное какъ доризмъ, воскресшій съ новою силой послѣ тяжелыхъ испытаній, и Спарта остается все-таки представительницею дорійскаго племени, осуществительницею его главныхъ стремленій. Спартанское законодательство все-таки дорійское законодательство, хотя не въ томъ смыслѣ, чтобы оно существовало у Дорянъ гдѣ-нибудь прежде Ликурга, но въ томъ смыслѣ, что именно въ Спартѣ, подъ вліяніемъ мѣстныхъ обстоятельствъ, доризмъ достигъ самаго полнаго своего развитія.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній разсмотримъ съ нѣкоторою подробностью спартанское устройство.

Во главѣ государства стояли цари, производившіе свой родъ отъ Геркулеса, самаго знаменитаго изъ греческихъ героевъ. Ихъ было всегда по два, изъ двухъ линій царственнаго рода. Сказаніе объясняетъ эту двойственность тѣмъ, что у Аристодема, на долю котораго досталась Лаконика, было двое сыновей, Проклъ и Эврисѳенъ, отъ которыхъ произошли двѣ царственныя линіи. Онѣ назывались впрочемъ не по сыновьямъ, а по внукамъ Аристодема, Агиѳу и Эврипонту, Агидами и Эврипонтидами. Это объясняли неудовольствіемъ Дорянъ противъ двухъ первыхъ спартанскихъ царей за ихъ чрезмѣрное по-

кровительство покореннымъ туземцамъ. Но какъ бы то ни было, одновременное царствованіе двухъ Гераклидовъ было важною особенностью Спарты. Они имѣли совершенно равную власть и обыкновенно дѣйствовали наперекоръ другъ другу. Отъ этого не рѣдко терпѣли общественныя дѣла, но съ другой стороны такое устройство полагало преграду честолюбивымъ замысламъ и сильно ручалось за неизмѣняемость учрежденій [1]). Къ этому ограниченію, случайно образовавшемуся въ незапамятное время и находящемуся въ аналогіи съ подобнымъ же ограниченіемъ консульской власти въ Римѣ двойственностью консуловъ, присоединилось въ послѣдствіи другое еще болѣе важное — упомянутая уже выше коллегія эфоровъ, которая отчасти соотвѣтствуетъ римскому трибунату [2]). Эти сановники, избираемые изо всѣхъ гражданъ какимъ-то неизвѣстнымъ, но по словамъ Аристотеля ребяческимъ способомъ [3]), уже съ самаго начала, какъ полагаетъ Гротъ, имѣли значеніе представителей народнаго собранія относительно царей и сената [4]). Доказатель-

[1]) Платонъ высоко цѣнитъ эту выгоду: *θεός οἶμαι κηδόμενος ἡμῶν τις, ὅς τὰ μέλλοντα προορῶν δίδυμον ἡμῖν φυτεύσας τὴν τῶν βασιλέων γένεσιν ἐκ μονογενοῦς ἐς τὸ μέτριον μᾶλλον συνέστειλε.* Leg. III, p. 691. 8. *σωτηρίαν ἐνόμιζον τῇ πόλει τὸ στασιάζειν τοὺς βασιλέας.* Арист. Полит. II, 6, 20.

[2]) Ciceron. de Rep. fragm. II, 33: Ut contra consulare imperium tribuni plebis, sic illi (ephori) contra vim regiam constituti.

[3]) Полит. II, 6, 16: *παιδαριώδης λίαν.* Достовѣрно впрочемъ, что они выбирались не по жребію, потому что жребій вовсе не употреблялся въ Спартѣ.

[4]) Эфоратъ не былъ саномъ, исключительно принадлежавшимъ Спартѣ. Эфоры упоминаются въ дорійской колоніи Киренѣ (въ Африкѣ) и на островѣ Θерѣ, колоніи Спарты и метрополіи Кирены. Въ Киренѣ они наказывали ябедниковъ. Основываясь на этомъ, Мюллеръ полагаетъ, что и въ Спартѣ они имѣли первоначально судебный кругъ дѣйствія, а такъ какъ Аристотель приписываетъ уголовное судопроизводство спартанскому сенату (герусіи), а эфорамъ — судъ по обязательствамъ, то Мюллеръ и пришелъ къ заключенію, что эфоры были первоначально судьями въ гражданскихъ дѣлахъ и надзирателями за порядкомъ при куплѣ и продажѣ на рынкѣ. Характеръ ихъ сана былъ очевидно демократическій, на это указываетъ ихъ число (пять) и то, что они выбирались изо всѣхъ Спартанцевъ (*οἱ τυχόντες*, какъ говоритъ Аристотель). Распространеніе ихъ власти шло, какъ полагаетъ Мюллеръ, слѣдующимъ образомъ. Сначала они расширили свою юридикцію и начали разбиратъ отчеты чиновниковъ, не исключая и царей, но кромѣ сенаторовъ. Это случилось уже прежде персидскихъ войнъ, потому что Клеоменъ судился у нихъ за лихоимство (*δωροδοκία*). Еще важнѣе было то, что эфоры вступили въ тѣсную связь съ народнымъ собраніемъ, начали его созывать и предлагать въ немъ законы, сносились, какъ его представители, съ посланниками иностранныхъ государствъ. Мюллеръ догадывается, что это расширеніе круга дѣйствія эфоровъ было сдѣлано эфоромъ Астеропомъ, которому приписывается увеличеніе власти эфоровъ; онъ жилъ, какъ полагаетъ Мюллеръ, незадолго до Хилона (мудреца и эфора, умершаго въ 576 г. до Р. Х.). Вскорѣ послѣ этого времени усилилось внѣшнее вліяніе Спарты; въ Ликурговомъ законодательствѣ не было предусмотрѣно такое направленіе государственныхъ дѣлъ; явились новыя занятія, для которыхъ не было особыхъ сановниковъ,

ствомъ такого ихъ мѣста въ государствѣ можетъ служить присяга, которою цари и эфоры ежемѣсячно обмѣнивались; царь присягалъ, что будетъ дѣйствовать согласно съ существующими законами, эфоры — что власть ацрей останется неприкосновенною, ἀστυφέλικτος [1]). Эта обоюдная присяга сдѣлалась пустою формальностью въ позднѣйшее время, когда вся власть фактически перешла въ руки эфоровъ, но ея происхожденіе можетъ относиться только къ тому времени, когда спартанскіе цари стояли еще въ самомъ дѣлѣ во главѣ государства, а эфоры отъ лица народа принимали отъ нихъ и съ своей стороны давали имъ присягу въ неприкосновенности спартанскихъ учрежденій. Въ послѣдствіи времени мы находимъ, правда, совершенно обратное отношеніе: первое мѣсто занимали тогда эфоры, и Полибій въ числѣ обязанностей царей приводитъ обязанность уважать эфоровъ какъ отцовъ [2]). Коллегія эфоровъ сдѣлалась исполнительною директоріей для внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ и верховнымъ политическимъ судомъ въ государствѣ [3]). Вся собственно такъ-называемая власть была въ ихъ рукахъ; къ нимъ всѣ обращались за приказаніями; всѣ распоряженія зависѣли отъ нихъ; сами же они не были ни передъ кѣмъ отвѣтственны и даже позволяли себѣ нарушать спартанскій образъ жизни. Эфоры, говоритъ Аристотель [4]), проводили годъ своей власти въ неумѣренныхъ удовольствіяхъ, своевольно освобождая себя отъ военныхъ упражненій и умѣреннаго общаго стола, обязательнаго для бѣдныхъ и богатыхъ. Когда эфоры получили такое чрезмѣрное преобладаніе, за царями остались только религіозныя почетныя права, а въ политическомъ отношеніи, кромѣ надзора за семейнымъ правомъ — усыновленіями и наслѣдствами, переходившими, по не-

и которыя эфорамъ было легко присвоить себѣ. Значеніе финансовъ также поднялось вмѣстѣ съ увеличившимися предпріятіями государства. Все вело къ усиленію того сана, который по самому своему происхожденію былъ изворотливѣе и притязательнѣе другихъ. Таковъ вкратцѣ взглядъ Мюллера на исторію эфората. — Гротъ не вдается въ такія подробности, но въ главномъ согласенъ съ Мюллеромъ. Онъ удаляется отъ него лишь въ томъ, что считаетъ связь эфоровъ съ народнымъ собраніемъ за первоначальную принадлежность эфората. Упомянутая въ текстѣ присяга, которую цари и эфоры давали другъ другу, говоритъ въ пользу этого мнѣнія. Гражданское судопроизводство и значеніе представителей народнаго собранія должны быть поэтому признаны за существенныя права, принадлежавшія эфорамъ съ давняго времени. Эти два права могли тѣмъ легче соединиться въ рукахъ эфоровъ, что, какъ показываетъ самъ Мюллеръ, гражданскіе суды имѣли въ Греціи преимущественно демократическій характеръ и стояли вездѣ въ связи съ народнымъ собраніемъ, между тѣмъ какъ уголовный судъ принадлежалъ сенату.

1) Ксеноф. Лакед. госуд. 15.

2) Полиб. 24, 8.

3) Ἀρχὴ λίαν μεγάλη καὶ ἰσοτύραννος, Арист. Пол. II, 6, 14.

4) Полит. II, 6, 14. δίαιτα τῶν ἐφόρων — — ἀνειμένη λίαν.

имѣнію сыновей, къ дочерямъ, и за дорогами, какъ предметомъ важнымъ въ военномъ отношеніи, одно предводительство войскомъ. Переступая границу, царь становился, по древнимъ законамъ, полновластнымъ полководцемъ, *στρατηγὸς αὐτοκράτωρ* [1]). Онъ получалъ право на жизнь и смерть и казнилъ безъ суда, *ἐν χειρὸς νόμῳ*. Всѣ стратегическія движенія и финансовыя мѣры зависѣли отъ него одного. Но и здѣсь въ послѣдствіи его власть была стѣснена вліяніемъ 10 совѣтниковъ, которые ему сопутствовали (съ 417 г. до Р. Х.), и двухъ эфоровъ, постоянно находившихся при войскѣ. По возвращеніи, его ожидала обязанность дать отчетъ во всѣхъ дѣйствіяхъ, и это приводило царей еще въ большую зависимость отъ эфоровъ. Одинъ разъ даже упоминается, что эфоры по собственному усмотрѣнію налагаютъ на царя Агесилая денежный штрафъ за исканіе популярности, и, что̀ еще болѣе, Ксенофонтъ говоритъ намъ, что во власти эфоровъ было подвергнуть тюремному заключенію царя, подозрѣваемаго въ измѣнѣ.

При такомъ положеніи дѣлъ два Гераклида, называвшіеся именемъ царей, были не болѣе, какъ первые изъ Спартанцевъ, предсѣдательствовавшіе въ герусіи — ея *архагеты*—и пользовавшіеся всеобщимъ уваженіемъ по исторической знаменитости и жреческимъ качествамъ своего рода, издревле любезнаго отцу боговъ [2]). Они были очень богаты [3]) и владѣли довольно большими помѣстьями, получали подать съ періэковъ, *βασιλικὸς φόρος*, и значительные доходы отъ своего права на кожу всѣхъ животныхъ, приносившихся въ Спартѣ въ жертву, *δερματικόν*. [3]) Они были представителями государства въ его отношеніяхъ къ богамъ, какъ совершители жертвъ, склоняющихъ боговъ въ пользу Спартанскаго народа, и наслѣдственные жрецы Зевса Лакедемона и Зевса

[1]) Герод. VI, 56. Онъ говорить даже, что объявленіе войны по древнимъ законамъ зависѣло отъ одного царя.

[2]) Самое право на Пелопоннесъ Доряне получили черезъ своихъ царей; Зевсъ покровительствовалъ занятію полуострова, дабы потомкамъ Геракла была возвращена ихъ родовая собственностъ. Тиртей Отр. 1:

Αὐτὸς γὰρ Κρονίων καλλιστεφάνου πόσις Ἥρης
Ζεὺς Ἡρακλείδαις τήν δε δέδωκε πόλιν.
Οἶσιν ἅμα προλιπόντες Ἐρίνεον ἠνεμόεντα
Εὐρεῖαν Πέλοπος νῆσον ἀφικόμεθα.

Эриней — городъ въ Доридѣ, на склонѣ Парнасса.

[3]) На царя Агиса хотѣли наложить шрафъ во 100,000 драхмъ, Такъ какъ эти драхмы безъ сомнѣнія эгинскія, то штрафъ составлялъ почти 45 пудовъ серебра. Өукид 5, 63. Состояніе младшаго Агиса, сына Эвдамидова, заключалось въ 600 талантахъ, т. е. около 1,600 пудовъ серебра. Плут. Аг. 9.

[4]) Ксеноф. Лакед. гос. 15: *καὶ γῆν δὲ ἐν πολλαῖς τῶν περιοίκων πόλεων ἀπέδειξεν ἐξαίρετον τοιαύτην, ὥστε μήτε δεῖσθαι τῶν μετρίων μήτε πλούτῳ ὑπερφέρειν.* Плат. Алкиб. 1: *ὁ βασιλικὸς φόρος οὐκ ὀλίγος.*

Уранія. Во время войны ихъ жреческія права еще болѣе увеличивались; они получали, кромѣ кожи, часть спины жертвенныхъ животныхъ и имѣли право приносить жертвы такъ часто, какъ только хотѣли. Они были военные предводители народа и военные жрецы, какъ Агамемнонъ у Гомера. Вообще въ ихъ правахъ сохранилось кое-что изъ временъ наивной древности. Они обѣдали за общимъ столомъ и получали двойную порцію; былъ обычай приглашать ихъ на всѣ пиршества и также угощать вдвое противъ другихъ гостей. Въ первое и седьмое число каждаго мѣсяца они получали по медимну пшеницы, по лаконской четверти вина и по одному жертвенному животному. Кромѣ того есть основаніе думать, что двѣ царственныя фамиліи, которыя, какъ Гераклиды, считали сами себя не за Дорянъ, а за Ахеевъ, служили великою связью между дорійскими побѣдителями и туземнымъ населеніемъ Лаконіи. На это указываютъ, кромѣ царской подати, которую періэки платили царямъ, какъ своимъ властителямъ, замѣчательныя траурныя церемоніи, совершавшіяся при ихъ смерти. Когда одинъ изъ спартанскихъ царей умиралъ, и печальная вѣсть разносилась по всей Лаконикѣ офиціяльными вѣстниками, каждый домъ въ странѣ былъ обязанъ послать отъ себя двухъ членовъ для присутствія при погребеніи. Тысячи покоренныхъ туземцевъ стекались въ Спарту, облекшись въ траурныя вретища и посыпавъ голову пепломъ, что̀ придавало 10-ти дневному плачу по царѣ безпримѣрную торжественность, стоявшую въ большомъ контрастѣ съ обычною простотою спартанскихъ нравовъ. Ежели царь падалъ въ битвѣ, то къ этому присоединялось выставленіе его подобія на почетномъ ложѣ: обычай, близко подходящій къ почестямъ, которыми пользовались герои. Наконецъ при исчисленіи преимуществъ спартанскихъ царей нельзя пропустить и того, что они поддерживали связь государства съ дельфійскимъ оракуломъ избирали пиѳіевъ (ποίϑιοι на лаконскомъ діалектѣ), посылаемыхъ въ Дельфы, и вмѣстѣ съ ними читали и хранили изреченія Аполлона. Это было очень важное право при томъ уваженіи, которымъ пользовался дельфійскій оракулъ.

Вообще особа царей Гераклидовъ была окружена какимъ-то священнымъ блескомъ; граждане питали къ нимъ патріархальное благоговѣніе. Но вліяніе ихъ на политическія дѣла было крайне ограниченно и возрастало только при особенныхъ дарованіяхъ какого-нибудь спартанскаго царя, чему примѣромъ можетъ служить Агесилай. Обыкновенно же во главѣ государства стояли не цари, а эфоры. По имени одного изъ нихъ получили года офиціяльное обозначеніе; коллегія эфоровъ была настоящимъ правительствомъ; она втайнѣ подготовляла

государственныя мѣры и разрѣшала непредвидѣнныя законами затрудненія. Страшное могущество ея смягчалось лишь ежегодною смѣною эфоровъ [1]).

Война и миръ въ большей части случаевъ, если не во всѣхъ, зависѣли, какъ кажется, отъ сената и народнаго собранія. Въ послѣднемъ — оно называлось *галія* (ἁλία) — участвовали всѣ Спартанцы 30 лѣтъ отъ роду. Безъ его согласія не могъ быть изданъ никакой законъ, но въ него вносилось только то, что̀ было предварительно разсмотрѣно въ сенатѣ. Говорить къ народу можно было не иначе, какъ съ особаго разрѣшенія сановниковъ, и обычай требовалъ при томъ краткости; предварительное сочиненіе рѣчей не было въ употребленіи, по крайней мѣрѣ до времени Лисандра, который первый говорилъ рѣчь, заранѣе написанную, но и то не имъ, а Клеономъ Галикарнасскимъ. Голоса подавались посредствомъ крика [2]); ихъ никогда не считали, и потому рѣшеніе зависѣло не менѣе отъ силы восклицаній, чѣмъ отъ ихъ числа. Это рѣшеніе впрочемъ могло только состоять или въ принятіи или въ устраненіи представленныхъ предложеній. Измѣнять что либо — дѣлать амендементы — не было дозволено, а напротивъ, по ретрѣ царей Θеопомпа и Полидора, цари и сенатъ имѣли право отступиться отъ народныхъ рѣшеній, ежели находили, что они «кривы». Поэтому на дѣлѣ участіе народнаго собранія въ государственныхъ дѣлахъ было почти неболѣе какъ формальностью. Спартанскіе граждане не могли находить привлекательнымъ посѣщеніе такого собранія, и изъ изображенія Ксенофонта можно заключить, что въ его время собраніе состояло изъ небольшаго числа почетныхъ людей [3]), получавшихъ вмѣстѣ съ сенатомъ особенное приглашеніе и отличавшихся отъ прочихъ гражданъ именемъ *отборныхъ* — такъ называемая «малая экклесія» въ противоположность большому народному собранію *галіи*. При такомъ незначительномъ участіи въ дѣлахъ, всѣ права народнаго собранія перешли въ руки коллегіи эфоровъ, которая, сначала какъ бы его комитетъ или бюро, потомъ совершенно замѣнила его, и всемогущество этой демократической олигархіи ограничивалось только сенатомъ, который, съ царями во главѣ, при пожизненности и неотвѣт-

[1]) Кромѣ царей и эфоровъ въ Спартѣ были еще нѣкоторые другіе сановники, какъ напр. педономы, бидеи, гармосины, но о нихъ мало извѣстно.

[2]) Βοῇ καὶ οὐ ψήφῳ. Θукид. 1, 87.

[3]) Гротъ называетъ ихъ *нотаблями*. Ихъ же разумѣетъ, сколько намъ кажется, Аристотель, говоря, что именитые люди (γνώριμοι) могутъ въ Спартѣ дѣлать все, что̀ хотятъ. Полит. V, 6, 7. Германъ (Ant. Lac. p. 123) менѣе правдоподобно отождествляетъ ихъ съ «*равными*», о которыхъ см. ниже.

ственности своихъ членовъ, могъ оказывать эфорамъ значительное сопротивленіе.

Уже въ гомерическомъ государствѣ дума старцевъ, βουλὴ γερόντων или γερουσία занимаетъ важное мѣсто. Она состоитъ изъ знатныхъ людей и вмѣстѣ съ царями, которые и сами въ Одиссеѣ (20, 21) причисляются къ геронтамъ, завѣдываетъ общественными дѣлами и судомъ, дѣйствуя въ важныхъ случаяхъ въ присутствіи народнаго вѣча, но не болѣе какъ въ присутствіи. Въ этой гомерической думѣ лежитъ зародышъ спартанской *герусіи* или, правильнѣе по спартанскому выговору, *герогіи*. Національный спартанскій взглядъ давалъ въ политическихъ дѣлахъ высокое значеніе старческой опытности. «Юношамъ и мужамъ, говоритъ Пиндаръ, — отличаться копьемъ, хоромъ, музою и блескомъ ловкости; думы принадлежатъ старцамъ.» Изъ этого взгляда вытекало, что къ сану думнаго человѣка (геронта) допускались въ Спартѣ только люди, имѣвшіе не менѣе 60 лѣтъ. Санъ ихъ былъ даромъ личной доблести и общественнаго уваженія; его получали люди почетныхъ фамилій, неукоризненной жизни и истиннаго достоинства. Такъ какъ должность сенатора была пожизненная, то каждый разъ приходилось выбирать на мѣсто умершаго одного новаго сенатора, и на выборъ этого одного могло сосредоточиваться вниманіе цѣлаго народа. Выборы происходили въ народномъ собраніи, аристократически, изъ οἱ καλοὶ κἀγαθοί, какъ говоритъ Аристотель, но какимъ образомъ — неизвѣстно; избираемый долженъ былъ предварительно объявить, что желаетъ быть сенаторомъ. Однажды выдержавъ испытаніе народнаго мнѣнія, сенаторъ не подлежалъ уже никакому отчету въ своихъ дѣйствіяхъ и долженъ былъ слѣдовать одной своей совѣсти. Отъ *лучшихъ* изъ народа, говоритъ Мюллеръ, съ довѣріемъ ожидали, что ими тверже будутъ соблюдены право и выгоды государства, нежели писанными законами, которыхъ вовсе не было въ Спартѣ. Въ своихъ рѣшеніяхъ герусія слѣдовала законамъ отцевъ, жившимъ въ сердцахъ Спартанцевъ, ἄγραφα νόμιμα, πάτριοι νόμοι. Эти рѣшенія относились къ дѣламъ управленія и судебнымъ. Сенатъ разсматривалъ важныя мѣры, которыя должны были поступить на рѣшеніе вѣча, имѣвшаго право принять ихъ или отвергнуть; въ уголовныхъ дѣлахъ, которыя исключительно подлежали его вѣдѣнію, онъ могъ приговаривать къ безчестію и смерти; онъ имѣлъ также верховный надзоръ за нравами гражданъ и въ этомъ отношеніи былъ близко подобенъ древне-аттическому судилищу Ареопага. Какъ всякій старецъ имѣлъ въ Спартѣ право строго порицать нравы каждаго юноши, такъ всѣ граждане считали себя какъ бы юношами передъ этими сѣдыми отцами своего государства. Аттическіе ора-

торы находили въ высокомъ значеніи спартанскаго сената опасное политическое учрежденіе, и дѣйствительно, перенесенное Лисандромъ въ Аѳины, это учрежденіе принесло большой вредъ. Но въ Спартѣ, по крайней мѣрѣ въ хорошія времена государства, сенатъ не употреблялъ во зло своей неотвѣтственности, и даже самая порча спартанскаго государства была причинена тѣмъ, что эфоры увеличили свою власть насчетъ царей и сената и прежнюю аристократическую форму правленія измѣнили въ олигархическую или, точнѣе, въ демократо-олигархическую [1]).

Вообще спартанскія учрежденія имѣли въ Спартѣ значеніе не сами по себѣ, а по тому духу, который господствовалъ въ цѣломъ обществѣ и былъ сильнѣе учрежденій. Этотъ духъ скромной умѣренности и любви къ космосу, т. е. порядку и чину, прекрасно выраженъ въ словахъ царя Архидама, сохраненныхъ Ѳукидидомъ (2, 11): «вотъ въ чемъ самое прекрасное и прочное, — чтобы многочисленный народъ являлся служащимъ космосу.» Духъ космоса составляетъ существенную принадлежность Спарты и былъ даромъ не учрежденій, а народныхъ нравовъ. Ему обязано и самое государственное устройство своею безпримѣрною стойкостью, главнымъ основаніемъ могущества Спарты. Въ продолженіе 4-хъ или 5-ти столѣтій, среди потрясеній, которымъ болѣе или менѣе подвергались всѣ греческія государства, Спарта осталась свободною не только отъ важныхъ переворотовъ, но и отъ замѣтныхъ измѣненій въ государственномъ устройствѣ. Въ этой-то неизмѣнности формы правленія надобно искать разгадки необыкновеннаго вліянія Спарты на греческія дѣла, не смотря на то, что ея государственные люди, говоря вообще, не отличались высшими государственными способностями.

Переходимъ къ сословіямъ, на которыя раздѣлялось народонаселеніе страны. Такихъ сословій было три: Спартанцы, періэки, гелоты.

[1]) Чрезмѣрная и почти тиранническая власть эфоровъ, говоритъ Аристотель, исказила государственное устройство: изъ аристократіи произошла демократія.» Полит. II. 6 Порицая чрезмѣрность власти эфоровъ, ихъ неотвѣтственность и избираемость даже изъ самыхъ бѣдныхъ (и «потому не рѣдко подкупныхъ») людей, Аристотель указываетъ однакожь на важное мѣсто, занимаемое этимъ институтомъ въ цѣлой машинѣ государства: «демосъ, имѣя право на такой санъ, остается въ спокойствіи.» *Συνέχει μὲν οὖν τὴν πολιτείαν τὸ ἀρχεῖον τοῦτο· ἡσυχάζει γὰρ ὁ δῆμος διὰ τὸ μετέχειν τῆς μεγίστης ἀρχῆς· ὥστ᾽ εἴτε διὰ τὸν νομοθέτην, εἴτε διὰ τύχην τοῦτο συμπέπτωκε, συμφερόντως ἔχει τοῖς πράγμασι. Δεῖ γὰρ τὴν πολιτείαν τὴν μέλλουσαν σώζεσθαι πάντα βούλεσθαι τὰ μέρη τῆς πόλεως εἶναι καὶ διαμένειν ταὐτά. Οἱ μὲν οὖν βασιλεῖς διὰ τὴν αὐτῶν τίμην οὕτως ἔχουσιν· οἱ δὲ καλοὶ κἀγαθοὶ διὰ τὴν γερουσίαν· ἆθλον γὰρ ἡ ἀρχὴ αὕτη τῆς ἀρετῆς ἐστιν· ὁ δὲ δῆμος διὰ τὴν ἐφορείαν· καθίσταται γὰρ ἐξ ἁπάντων.*

Первые были племя господствующее и организованное Ликургомъ для господства. Происходили они по большей части отъ дорійскихъ завоевателей и, какъ всѣ Доряне, вѣроятно раздѣлялись на три колѣна *(филы)* — Гиллеевъ, Димановъ и Памфиловъ. Подраздѣленіями колѣнъ были *обы*, упоминаемыя и въ ретрахъ Ликурга и въ надписяхъ римскаго времени, но сколько ихъ было — неизвѣстно [1]). Съ теченіемъ времени однакожь на ряду съ этимъ колѣннымъ раздѣленіемъ образовалось мѣстное — на четыре или на пять кварталовъ; во время Геродота оно было уже въ полномъ употребленіи, и обыкновенное обозначеніе Спартанца бралось отъ этихъ кварталовъ, а не отъ колѣнъ. Спартанцы одни пользовались правомъ полнаго гражданства и избираемости въ почетныя государственныя должности. Они всѣ жили въ четырехъ или пяти слободахъ, называвшихся общимъ именемъ Спарты, должны были въ строгости соблюдать требованія введеннаго Ликургомъ образа жизни, обѣдать за общимъ столомъ и вносить для того опредѣленное количество хлѣба и денегъ. Отъ исполненія этихъ условій зависѣло сохраненіе ихъ правъ на гражданство. Вообще Ликургово законодательство отличалось отъ всѣхъ другихъ тѣмъ, что какъ условіе гражданства постановляло не рожденіе, а воспитаніе и образъ жизни. Молодые люди, происходившіе отъ гелотянокъ, но воспитанные по-спартански, такъ называемые *моθоны* или *маθаки* пользовались всѣми правами и достигали высшихъ сановъ и почестей (примѣромъ могутъ служить Гилиппъ, Лисандръ, Калликратидъ), между тѣмъ какъ урожденные Спартанцы, уклонявшіеся отъ дисциплины, теряли полноту правъ и равенство съ согражданами [2]). «Равными» между собою считались только тѣ Спартанцы, которые получили одинакое воспитаніе и вели одинакій образъ жизни.

[1]) Бёкъ и Мюллеръ принимаютъ, что въ Спартѣ было 30 объ (C. I. p. 609. Dorier. III, 5, 3—7.), но это основано на интерпункціи Ликурговой ретры, отвергаемой Урлихсомъ (N. Rhein. Mus. 1847. S. 204) и Гротомъ. Впрочемъ Гротъ соглашается, что число 30 сенаторовъ мого находиться въ соотношенія съ 3 колѣнами: изъ каждаго колѣна было по 10 сенаторовъ.

[2]) Ксеноф. Лак. гос. 10: *ἐπέθηκε δὲ καὶ τὴν ἀνυπόστατον ἀνάγκην, ἀσκεῖν ἅπασαν πολιτικὴν ἀρετήν· τοῖς μὲν γαρ τὰ νόμιμα ἐκτελοῦσιν ὁμοίως ἅπασι τὴν πόλιν οἰκείαν ἐποίησε καὶ οὐδὲν ὑπελογίσατο οὔτε σωμάτων οὔτε χρημάτων ἀσθένειαν· εἰ δέ τις ἀποδειλιάσειε τοῦ τὰ νόμιμα διαπονεῖσθαι, τοῦτον ἐκεῖ ἀπέδειξε μηδε νομίζεσθαι ἔτι τῶν ὁμοίων εἶναι.* Эліанъ Разн. Истор. 12, 43: *ὁ δὲ Λυκοῦργος τοῖς ἐμμείνασι τῇ τῶν παίδων ἀγωγῇ πολιτείας Λακωνικῆς μεταλαγχάνει.* Ср. Плутарха Учр. Лак. стр. 252 Hutt: *ἔνιοι δ' ἔφασαν ὅτι καὶ τῶν ξένων ὃς ἂν ὑπομείνῃ ταύτην τὴν ἄσκησιν τῆς πολιτείας κατὰ τὸ βούλημα τοῦ Λυκούργου μετεῖχε.* Ксен. Гелл. 5, 3, 9: *ξένοι τῶν τροφίμων καλουμένων καὶ νόθοι τῶν Σπαρτιατῶν — — τῶν ἐν τῇ πόλει καλῶν οὐκ ἄπειροι.*

У насъ вовсе нѣтъ свѣдѣній о состояніи привилегированнаго класса спартанскихъ гражданъ въ древнѣйшее время; все, что мы знаемъ объ этомъ классѣ, относится къ поздней эпохѣ, въ которую жили Ксенофонтъ и Аристотель. Изъ извѣстій этихъ писателей открывается, что тогда между Спартанцами были большія различія въ правахъ: съ одной стороны мы видимъ «равныхъ», ὅμοιοι, которыхъ Аристотель называетъ еще и καλοὶ κἀγαθοί (словомъ непереводимымъ на новые языки и собственно означающимъ «красивые и добрые»), съ другой — демосъ. Изъ первыхъ выбирались сенаторы, изъ втораго эфоры. Конечно на основаніи однихъ этихъ извѣстій, нельзя заключать, что различіе, упоминаемое въ нихъ, существовало издревле, но спрашивается, изъ какихъ элементовъ могъ возникнуть спартанскій демосъ времени Ксенофонта и Аристотеля, и какія преимущества передъ нимъ имѣли «равные», ему противополагаемые? Объ этомъ господствуютъ разныя мнѣнія между учеными. Нѣкоторые полагаютъ, что спартанскіе граждане издревле раздѣлялись на знатныхъ и простыхъ людей [1]), но это предположеніе, какъ показалъ К. Фр. Германъ, находится въ противорѣчіи съ характеромъ спартанскаго государства и не подтверждается никакими положительными данными, ибо, кромѣ царственнаго рода Гераклидовъ и не-дорійскаго рода Эгидовъ, въ Спартѣ не упоминается знатныхъ родовъ. Общее направленіе Ликургова законодательства состояло въ томъ, чтобы сдѣлать всѣхъ Спартанцевъ аристократіей въ странѣ, ими занимаемой, и притомъ аристократіей сколько можно единодушной; допустить же между ними свою особенную аристократію значило бы дать поводъ къ несогласіямъ и разъединенію, которымъ могли воспользоваться покоренные туземцы. Ликургово устройство, клонившееся къ тому, чтобы какъ можно болѣе сравнить и сблизить между собою Спартанцевъ и образовать изъ нихъ одну сплошную массу, способную удержать въ повиновеніи враждебное населеніе спартанской государственной области, никакъ не могло допустить раздѣленія Спартанцевъ на знатныхъ, и незнатныхъ, и дѣйствительно нѣтъ никакихъ извѣстій, которыя побуждали бы сдѣлать подобное предположеніе. Тѣ, которые прибѣгли къ нему, имѣли только въ виду объяснить, что та-

[1]) Между другими Лахманъ (его слѣдуетъ отличать отъ знаменитаго берлинскаго профессора Лахмана), мнѣнія котораго совершенно опровергнуты Германномъ въ рецензіи, помѣщенной въ Jahrbücher f. wiss. Kritik на 1847 годъ, замѣтельной еще въ томъ отношеніи, что въ ней говорено вообще о неосмотрительныхъ подражателяхъ Нибуру, О. Мюллеру и другимъ великимъ изслѣдователямъ, употребляющихъ во зло критическіе пріемы, введенные послѣдними. О самомъ вопросѣ см. также Antiqu. Lacon. стр. 116 и слѣдд.

кое демосъ, упоминаемый въ Спартѣ Аристотелемъ, вопросъ, который и Нибуръ въ Лекціяхъ о древней исторіи (Т. I. стр. 311) приводитъ какъ доказательство, что въ спартанскомъ государственномъ устройствѣ еще многое не разъяснено и непонятно. Самый удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ далъ, по нашему мнѣнію, К. Фр. Германъ, посвятившій въ сочиненіи, нѣсколько разъ уже цитованномъ, особое разсужденіе вопросу о спартанскихъ «равныхъ». Это мы можемъ сказать съ тѣмъ большею увѣренностью, что Гротъ, не упоминающій о Германѣ, пришелъ къ тому же мнѣнію. Спартанскій демосъ временъ Аристотеля, говоритъ Германъ, произошелъ постепенно изъ числа тѣхъ Спартанцевъ, которые не получали національнаго воспитанія и не соблюдали національнаго образа жизни. Эти люди теряли, по Ликургову законодательству, полноту своихъ правъ, и число ихъ должно было постепенно возрастать съ умноженіемъ бѣдныхъ, которые не были въ состояніи вносить извѣстное количество хлѣба и денегъ, требовавшееся для участія въ сисситіяхъ или общихъ столахъ [1]). Такимъ образомъ увеличивалось число гражданъ, не допускаемыхъ къ высшимъ санамъ и къ должности сенатора, и сословіе гражданъ раздѣлилось на полноправныхъ, которые были *равны* между собою (перы), и на гражданъ, имѣвшихъ меньшія права [2]), хотя и не совершенно потерявшихъ гражданство: эти послѣдніе продолжали быть избирателями сенаторовъ и избираемыми въ санъ эфора.

Такъ какъ воспитаніе составляло главное условіе гражданства, то взрослые иностранцы не могли быть принимаемы въ число гражданъ, и дѣйствительно, за исключеніемъ музыкантовъ и поэтовъ, никогда не принимались. Равнымъ образомъ не могли дѣлаться полными гражданами и вольноотпущенные изъ класса гелотовъ: они образовали нисшую степень гражданства подъ именемъ неодамодовъ, и только ихъ дѣти, если получали спартанское воспитаніе и были въ состояніи дѣлать установленный взносъ на общій столъ, поступали въ число «равныхъ». Мы знаемъ, что въ Спартѣ было много именъ для обозначенія оттѣнковъ между нисшими степенями гражданства [3]).

[1]) Именно это и говоритъ Аристотель, Полит. 2. 6, 21: *παρὰ δὲ τοῖς Λακεδαιμονίοις ἕκαστον δεῖ φέρειν, καὶ σφόδρα πενήτων ἐνίων ὄνθων καὶ τοῦτο τὸ ἀνάλωμα οὐ δυναμένων δαπανᾶν — — μετέχειν οὐ ῥάδιον τοῖς λίαν πένησιν, ὅρος δὲ τῆς πολιτείας οὗτός ἐστιν αὐτοῖς ὁ πάτριος, τὸν μὴ δυνάμενον τοῦτο τὸ τέλος φέρειν μὴ μετέχειν αὐτοῖς.*

[2]) Ихъ-то вѣроятно называетъ *ὑπομείονες* Ксенофонтъ въ Геллен. III, 3, 6: *αὐτοὶ μέντοι πᾶσιν ἔφασαν ξυνειδέναι καὶ εἵλωσι καὶ νεοδαμώδεσι καὶ τοῖς ὑπομείοσι καὶ τοῖς περιοίκοις.* Это говорится о заговорѣ Кинадона.

[3]) Миронъ у Аѳенея 6, 102: *πολλάκις ἐλευθέρωσαν Λακεδαιμόνιοι δούλους καὶ οὓς μὲν ἀφέτας ἐκάλεσαν, οὓς δὲ ἀδεσπότους, οὓς δὲ ἐρυκτῆρας, δεσποσιοναύτας δ'*

Остальное населеніе страны состояло изъ покоренныхъ, которые раздѣлялись на два класса, значительно отличавшіеся другъ отъ друга; періэки были свободные горожане покоренныхъ городовъ Лаконіи, гелоты — сельскіе жители, и находились въ состояніи недалекомъ отъ рабства. Это различіе въ правахъ Гротъ весьма остроумно объясняетъ изъ образа жизни тѣхъ и другихъ: горожанинъ, даже и покоренный, находился въ лучшемъ положеніи, нежели селянинъ, и порабощался не такъ легко. Еслибы когда случилось, говоритъ Гротъ, чтобы Спартанцы покорили Аркадію, то города Тегея и Мантинея сдѣлались бы періэками, а Меналіи, Паррасіи и другіе жители слободъ были бы обращены въ гелотовъ.

Надобно полагать, что положеніе періэковъ (περίοικοι) было довольно благопріятно. Въ ихъ рукахъ была вся торговля и промышленность. Они обрабатывали рудники, занимались земледѣліемъ и мореплаваніемъ и не находили ни въ одномъ изъ этихъ занятій соперничества со стороны Спартанцевъ. Въ этомъ отношеніи сто городовъ Лаконіи — таково было число городовъ періэковъ около времени персидскихъ войнъ — пользовались лучшимъ положеніемъ, нежели города, зависѣвшіе отъ Аргоса. Но въ политическихъ дѣлахъ періэки лишены были всякой самостоятельности и находились въ униженіи. Они платили подать спартанскимъ царямъ (какую, неизвѣстно), обязаны были совершеннымъ повиновеніемъ спартанскимъ чиновникамъ, и эфоры, по свидѣтельству Исократа, имѣли право казнить ихъ безъ предварительнаго изслѣдованія. Можно впрочемъ думать, что въ образѣ дѣйствій Спартанцевъ относительно разныхъ періэковъ было различіе. Такъ напр. между Спартанцами и жителями многолюдныхъ Амиклъ было гораздо болѣе сношеній, нежели съ другими періэками. Кромѣ того амиклейскіе храмы и праздники пользовались у Спартанцевъ особымъ уваженіемъ, а это не могло остаться безъ вліянія на отношенія спартанскихъ властей къ жителямъ этого города. Гротъ указываетъ на нѣкоторые почтительные отзывы объ амиклейскихъ тяжеловооруженныхъ, свидѣтельствующіе объ уваженіи къ нимъ со стороны Спартанцевъ, какимъ другіе періэки, можетъ быть, не пользовались. Впрочемъ и вообще исторія Спарты показываетъ, что періэки нерѣдко защищали выгоды государства столько же храбро, какъ и сами Спартанцы. Въ платейскомъ сраженіи было въ строю 5,000 тяжеловооруженныхъ Спартанцевъ и столько же періэковъ, также тяжеловооруженныхъ; на ост-

ἄλλους, οὓς εἰς τοὺς στόλους κατέτασσαν, ἄλλους δὲ νεοδαμώδεις, ἑτέρους ὄντας τῶν εἱλότων.

ровѣ Сфактеріи во время пелопонеской войны взято въ плѣнъ 172 Спартанца и 120 періэковъ, и всѣ показали при томъ самое удивительное мужество. Царь Демаратъ говоритъ у Геродота (7,234), что «въ Спартѣ 8,000 Спартанцевъ, которые всѣ равны между собою по храбрости; другіе Лакедемоняне въ окрестныхъ городахъ стоятъ ниже ихъ въ этомъ отношеніи, но тоже мужественны». Очень интересенъ вопросъ, къ какому племени принадлежали періэки, происходили ли они всѣ изъ покоренныхъ туземцевъ ахейскаго племени, или между ними были люди дорійскаго происхожденія? Первое очень вѣроятно съ перваго взгляда, и еслибы не было никакихъ свидѣтельствъ, то нельзя было бы предполагать ничего другаго. Поэтому неудивительно, что многіе новѣйшіе ученые, и именно Отфридъ Мюллеръ, принимаютъ это рѣшеніе вопроса, но изъ обстоятельствъ, приведенныхъ Гротомъ, оказывается, что въ дѣйствительности не было такого рѣзкаго племеннаго различія между Спартанцами и періэками, какое мы наклонны предполагать. Несомнѣнно, что между періэками было много Дорянъ, а между Спартанцами довольно много знатныхъ родовъ ахейскаго происхожденія. Спартанцы и періэки были такъ мало далеки другъ отъ друга, что носили одно общее имя Лаконянъ или Лакедемонянъ. Спартанца дѣлало Спартанцемъ и отличало отъ періэковъ не столько его происхожденіе, сколько воспитаніе и образъ жизни. Періэки были — дѣти страны, Спартанцы — дѣти воспитанія.

Гелоты (εἵλωτες) составляли крестьянское населеніе. Они жили въ небольшихъ слободахъ или отдѣльными дворами, вокругъ Спарты, а равно и около періэкскихъ городовъ. Нельзя сомнѣваться, что дорійское завоеваніе не создало этого класса сельскихъ жителей, а нашло его уже существующимъ. Но были ли они подчинены прежнимъ ахейскимъ владѣльцамъ, или нѣтъ, — на этотъ вопросъ мы не имѣемъ средствъ отвѣчать. Неизвѣстно также, какимъ образомъ произошло имя гелотовъ: Эфоръ производилъ его отъ города Гелоса (лежавшаго на южномъ берегу Лаконики), покусившагося на возстаніе противъ Спарты и взятаго послѣ упорнаго сопротивленія, вслѣдствіе чего плѣнные были подвергнуты тяжкой участи. Но такъ какъ есть много основаній сомнѣваться въ этомъ разсказѣ, то гораздо вѣроятнѣе другое словопроизводство, по которому *гелотъ* и *плѣнный* — синонимы, хотя и оно не вполнѣ убѣдительно. Гелоты жили въ селахъ и были прикрѣплены къ землѣ подобно колонамъ послѣднихъ временъ Римской имперіи. Они обрабатывали свои поля и платили оброкъ господамъ, жившимъ въ Спартѣ, пользовались однакожь преимуществомъ домашняго очага, имѣли женъ, семейства и взаимныя сосѣдническія

симпатіи. Считались они подвластными не столько лицу своего господина, сколько цѣлому спартанскому гражданству, которое требовало отъ нихъ военной службы и награждало ихъ за мужество или дѣятельность дарованіемъ свободы. Ихъ вѣроятно вовсе нельзя было продавать; достовѣрно извѣстно, что ихъ не позволялось продавать за предѣлы спартанскаго государства. Они были въ извѣстныхъ границахъ способны пріобрѣтать имущество, и многіе изъ нихъ, по крайней мѣрѣ въ позднѣйшее время, имѣли порядочное состояніе. Когда Клеоменъ III, чтобы пособить большому денежному затрудненію, въ которомъ находилось государство, предложилъ свободу каждому гелоту, могущему внести за себя пять аттическихъ минъ, т. е. 5 ф. 32 зол. серебра, онъ собралъ такимъ образомъ 500 талантовъ, изъ чего мы заключаемъ, что 6,000 гелотовъ были въ состояніи внести за себя выкупъ, довольно значительный по тогдашнему времени. Это уже показываетъ, что гелоты стояли на степени несравненно высшей, нежели рабы въ Аѳинахъ или Хіосѣ. Послѣдніе были кромѣ того иностранцы, между тѣмъ какъ гелоты имѣли сознаніе, что они — греческаго происхожденія и говорятъ греческимъ языкомъ. Въ Спартѣ, какъ кажется, было очень мало или даже вовсе не было рабовъ. Домашнюю службу исправляли люди изъ класса гелотовъ, хотя дворовыя занятія не составляли главнаго занятія этого класса, и большинство гелотовъ состояло изъ поселянъ. Въ обращеніи съ ними видно менѣе жестокости, нежели презрѣнія — чувство естественное у гражданъ, такъ дорожившихъ своимъ тѣснымъ соединеніемъ въ замкнутое братство. Спартанцы пользовались однакожь ихъ военною службой, знали ихъ храбрость и постоянное недовольство своимъ положеніемъ, и потому всегда опасались ихъ. Лагерь устроивался такъ, что Спартанцы могли противостоять неожиданному возстанію этихъ легковооруженныхъ своихъ спутниковъ, и даже во время мира Спартанецъ имѣлъ обыкновеніе отнимать рукоять отъ своего щита, чтобы предотвратить похищеніе его гелотомъ. Въ самыя лучшія времена своего могущества Спарта находилась въ постоянномъ страхѣ относительно гелотовъ, и не разъ ихъ возстанія повергали ее въ серіозную опасность. Ея гордость нисходила даже до того, что въ трактатахъ съ Аѳинами эфоры выговаривали себѣ помощь на такой случай. Но кромѣ того, для предотвращенія или подавленія опасности, эфоры позволяли себѣ прибѣгать иногда къ самымъ ужаснымъ мѣрамъ, въ которыхъ хитрость соединялась съ жестокостью, можно сказать, безпримѣрнымъ въ исторіи образомъ. Такъ въ осьмой годъ пелопоннесской войны эфоры были въ особенномъ страхѣ, видя, сколько Спарта была

обязана непомѣрнымъ военнымъ усиліямъ класса гелотовъ. Въ благодарность за эти усилія они сдѣлали прокламацію, что каждый гелотъ, оказавшій особенныя заслуги, можетъ явиться въ Спарту и просить о свободѣ. Весьма многіе предъявили свои права и болѣе 2,000 человѣкъ найдены заслуживающими награду. Они были объявлены свободными; въ торжественной процессіи, съ вѣнками на головахъ, ихъ водили по городскимъ храмамъ, какъ вступающихъ въ новую жизнь свободныхъ людей. Но предательскій вѣнокъ служилъ знакомъ обреченія на жертву: послѣ процессіи ихъ никто уже болѣе не видѣлъ; всѣ они погибли, но какъ это случилось — осталось глубочайшею тайной. Объ этомъ мрачномъ дѣлѣ разсказываетъ Ѳукидидъ, какъ о происшествіи, случившемся въ его время, и о которомъ онъ самъ развѣдывалъ. Несмотря на всѣ старанія, онъ не могъ узнать объ образѣ смерти ни одного изъ несчастныхъ: онъ говоритъ, что никто не знаетъ о томъ. И между тѣмъ при умерщвленіи столькихъ храбрыхъ нужно было принять довольно сложныя мѣры и допустить много участниковъ въ заговорѣ. Мы видимъ, замѣчаетъ Гротъ, что эфоры вполнѣ располагали не только волею и рукою, но и языкомъ своихъ спартанскихъ подданныхъ, и находили средства облечь свои дѣйствія такою непроницаемою тайной, что самый венеціянскій судъ Десяти, имѣвшій въ своихъ рукахъ особенныя мѣстныя удобства для ночнаго утопленія, не можетъ поравняться съ ними.

Въ подобномъ же духѣ, какъ это событіе, разсказанное Ѳукидидомъ, были задуманы, говорятъ намъ другіе писатели, тѣ обыкновенныя мѣры предосторожности противъ гелотовъ, которыя носили имя *криптіи*, *κρυπτεία*. Однимъ изъ учрежденій Ликурга, какъ сообщаетъ Плутархъ, увѣряющій, что это извѣстіе онъ заимствовалъ изъ Аристотеля, была ежегодная война, которую эфоры объявляли противъ гелотовъ; молодые Спартанцы, вооруженные кинжалами, разсылались по Лаконіи, чтобы изподтишка или ночью умерщвлять гелотовъ, внушавшихъ особенное опасеніе. Такъ описываетъ криптію Плутархъ, но есть основаніе сомнѣваться въ вѣрности Плутархова сообщенія. Нельзя повѣрить, чтобы ежегодное умерщвленіе гелотовъ могло достигать той цѣли, съ которою оно, по словамъ Плутарха, совершалось; кромѣ того можно усомниться, что Аристотель въ самомъ дѣлѣ говорилъ объ этой мѣрѣ въ такомъ видѣ, какъ передаетъ Плутархъ: ибо въ Политикѣ Аристотеля, дошедшей до нашего времени, и довольно подробно разбирающей спартанское устройство, такая оригинальная и важная мѣра непремѣнно была бы упомянута, а между тѣмъ мы въ ней не находимъ ни одного слова о криптіи. Этимъ однакоже не отвергается существованіе криптіи, какъ

дѣйствительнаго спартанскаго обычая; только вѣроятно она состояла не въ періодически объявляемой войнѣ противъ гелотовъ, а въ разсылкѣ тайныхъ агентовъ (κρυπτοί) изъ молодыхъ дѣятельныхъ гражданъ, чрезъ посредство которыхъ эфоры содержали по всей Лаконіи неусыпный тайный надзоръ. Очень можетъ быть, что иногда такіе тайные агенты позволяли себѣ умерщвлять гелотовъ, и что эти убійства оставались ненаказанными, и отсюда-то могъ произойдти поводъ къ тому изображенію криптіи, которое мы находимъ у Плутарха. Это изображеніе ошибочно еще и въ томъ отношеніи, что приписываетъ учрежденіе криптіи Ликургу, тогда какъ во время этого законодателя еще не было причины прибѣгать къ жестокимъ мѣрамъ: онѣ были вызваны позднѣйшими событіями, именно мессенскими войнами и уменьшеніемъ числа гражданъ Спарты.

Таково было раздѣленіе обитателей Спартанскаго государства, лежащее въ основаніи Ликургова законодательства. Уже самъ Плутархъ такъ говоритъ объ этомъ раздѣленіи, что, по его словамъ, оно выходитъ не дѣломъ Ликурга, а образовалось прежде него. Нѣтъ сомнѣнія, что Ликургъ не произвелъ никакихъ измѣненій въ отношеніяхъ, существовавшихъ между сословіями. Онъ даже не могъ здѣсь сдѣлать того, что̀ было имъ сдѣлано относительно распредѣленія государственныхъ властей — облечь въ опредѣленныя формы и освятить авторитетомъ дельфійскаго бога современное ему состояніе: отношенія сословій такъ чувствительны къ перемѣнамъ, приносимымъ исторіей, что ихъ менѣе всего можно заковать въ неизмѣнныя формы. Итакъ, какой выводъ мы сдѣлаемъ изъ обзора политическихъ учрежденій спартанскаго государства? Государственныя власти, мы видѣли, за исключеніемъ эфоровъ, присоединенныхъ впослѣдствіи, были въ Спартѣ тѣ же, что̀ и въ гомерическихъ государствахъ [1]. Здѣсь не видно ничего исключительно дорійскаго; Ликургу можетъ быть приписано лишь опредѣленіе нѣкоторыхъ подробностей относительно сената и народнаго собранія. Что̀ касается до другаго важнаго пункта во всякомъ государствѣ, до распредѣленія обитателей по сословіямъ, то, за исключеніемъ политическаго равенства между Спартанцами, оно опредѣлилось не дорійскимъ происхожденіемъ Спартанцевъ, а образованіемъ Спартанскаго государства чрезъ завоеваніе, и встрѣчается почти въ томъ же самомъ видѣ и въ другихъ странахъ, имѣвшихъ ту же судьбу, на-

[1]) Имѣя это въ виду, Шлоссеръ (Univ.-histor. Uebers. 1, 1, стр. 371) даже утверждалъ, что дорійскія учрежденія въ сущности не что иное, какъ «рыцарскіе» нравы героическаго времени.

примѣръ въ Θессаліи, гдѣ также были періэки и пенесты-гелоты. Что̀ сдѣлало Спарту Спартою, это ея нравы и особенная, нигдѣ въ иномъ мѣстѣ не встрѣчающаяся организація общественной жизни, безъ всякаго сомнѣнія происшедшая подъ вліяніемъ мѣстныхъ спартанскихъ условій, хотя и выразившая въ себѣ духъ дорійскаго племени и сохранившая нѣкоторыя дорійскія или вообще древне-греческія учрежденія [1]). Этотъ-то строгій и суровый бытъ, отличающій Спартанцевъ не только отъ другихъ Грековъ, но и отъ соплеменныхъ Дорянъ, слѣдуетъ признать за учрежденіе Ликурга, если только вмѣстѣ съ самими Спартанцами и всѣми древними приписывать Ликургу главныя черты устройства, сдѣлавшагося національнымъ въ Спартѣ.

Однимъ изъ самыхъ важныхъ установленій, которыя Плутархъ приписываетъ Ликургу, были общіе столы, или *сисситіи* (по-спартански *фидитіи*), введеніе которыхъ встрѣтило сначала такое сопротивленіе, что Ликургъ потерялъ даже одинъ глазъ отъ руки юноши Алькандра [2]). Установленіе состояло въ томъ, что граждане должны были ежедневно обѣдать за общими столами. Каждый вносилъ для того извѣстную долю ячной муки, вина, сыра и смоквы и небольшое количество денегъ [3]); дичь добывалась на охотахъ въ государственныхъ лѣсахъ; кромѣ того каждый былъ обязанъ давать своимъ застольникамъ часть животнаго, приносимаго имъ въ жертву богамъ. Члены каждаго стола были постоянные, и для вступленія требовалось единогласное избраніе членами застольнаго общества. Право гражданства условливалось участіемъ въ одномъ изъ этихъ обществъ. Каждый Спартанецъ, если хотѣлъ сохранять права свои, былъ обязанъ отъ молодости до глубокой старости довольствоваться скромнымъ обѣдомъ, который онъ получалъ въ своемъ застольномъ обществѣ. Обѣдъ приготовлялся наслѣдственными поварами, по обычаямъ предковъ, и былъ одинъ для всѣхъ; исключенія допускались только въ пользу людей, оказавшихъ особенныя заслуги отечеству. По-

[1]) См. слѣдующее примѣчаніе о сисситіяхъ.

[2]) Это извѣстіе Плутарха даетъ поводъ заключить, что до Ликурга общихъ столовъ не было. Такъ и смотритъ на дѣло Гротъ. Но есть много основаній предполагать вмѣстѣ съ Мюллеромъ (Dorier II, 3, 1), что учрежденіе Ликургомъ сисситій или фидитій, какъ ихъ еще иначе называли въ Спартѣ, было только возстановленіемъ древняго обычая. Иначе нельзя было бы объяснить, что сисситіи были въ употребленіи, кромѣ Спарты, въ Критѣ, Мегарѣ (во время Θеогнида), Коринѳѣ (до Періандра) и даже въ Аркадіи (въ Фигаліи) и у италійскихъ Энотровъ (племени пеласгическаго). Спартанскіе общіе столы отличались отъ критскихъ тѣмъ, что въ Спартѣ обѣдающіе возлежали, между тѣмъ какъ въ Критѣ обѣдали сидя, по европейскому обычаю, какъ у Римлянъ. Кромѣ того въ Спартѣ общій столъ устраивался на взносы членовъ сисситій, въ Критѣ — на общественныя деньги.

[3]) О мѣрѣ взноса см. Müller Dorier II, 10, 6.

слѣ обѣда члены сисситій могли угощать своихъ товарищей лакомствами, ἐπάϊκλα, но покупать лакомства было запрещено. Вино пили пополамъ съ водою. Оживленіемъ и украшеніемъ застольной бесѣды было пѣніе.

Эти публичныя сисситіи состояли въ завѣдываніи полемарховъ, то есть военачальниковъ. Онѣ находились въ связи съ военнымъ дѣленіемъ народа, съ постоянными гимнастическими упражненіями и суровою дисциплиной. Съ ранняго возраста семи лѣтъ спартанскій гражданинъ велъ публичную жизнь, то самъ упражняясь въ ученьи, гимнастическомъ или военномъ, то смотря, какъ критикъ, на упражненія другихъ,—постоянно стѣсненный строгимъ соблюденіемъ полувоенныхъ и полуаскетическихъ правилъ національнаго образа жизни, не зная самостоятельности домашняго хозяйства, тайкомъ посѣщая свою жену въ первые годы послѣ бракосочетанія и почти не видя дѣтей. Всю свою жизнь онъ находился подъ надзоромъ своихъ начальниковъ и согражданъ. День проводилъ онъ въ публичныхъ упражненіяхъ или за публичнымъ столомъ, ночь—въ общественной будкѣ, къ которой принадлежалъ. Кромѣ особенныхъ военныхъ экзерцицій, въ которыхъ онъ выучивался сложнымъ полевымъ движеніямъ лакедемонскихъ гоплитовъ (тяжеловооруженныхъ), онъ былъ подчиненъ суровой тѣлесной дисциплинѣ, имѣвшей цѣлію образовать изъ него сильнаго, дѣятельнаго и способнаго къ перенесенію тяжкихъ трудовъ воина. Недвижно выдерживать величайшую тѣлесную боль, переносить голодъ и жажду, жаръ, холодъ и усталость, ходить босикомъ по самой неудобной землѣ, зиму и лѣто носить одно платье, подавлять въ себѣ обнаруженіе всякаго личнаго влеченія и безусловно повиноваться старшему, умѣть говорить мало, но мѣтко, и во всякой опасности сохранять присутствіе духа и спартанскую находчивость, а когда не требуется дѣятельности, представлять собою нѣчто подобное безмолвной и неподвижной статуѣ,—вотъ что̀ считалось качествами вполнѣ образованнаго спартанскаго юноши [1]). По временамъ составлялись изъ молодыхъ Спартанцевъ дружины, которыя вступали въ борьбу на площади, называвшейся Платанистомъ; это происходило подъ надзоромъ сановниковъ и, неємотря на то, что оружія не было, борьба доходила до крайней степени ожесточенія: сражающіеся кусались, выбивали другъ другу глаза. Не меньшее упорство показывали молодые Спартанцы въ молчаливомъ перенесеніи же-

[1]) Καρτερία — πειθαρχία — ἀγχίνοια — βραχυλογία (лаконисмы) — ὁμόνοια — σωφροσύνη — ἄτολμον. Εὐεξία — тѣлесное здоровье.

сточайшаго бичеванія (διαμαστίγωσις) передъ жертвенникомъ Артемиды Орѳіи, при чемъ иногда случалось, что бичуемые испускали духъ, не издавая звука. Кромѣ различныхъ родовъ гимнастическихъ состязаній, юноши упражнялись въ хорическихъ пляскахъ, употреблявшихся на праздникахъ боговъ; черезъ это они пріобрѣтали навыкъ въ методическихъ и гармоническихъ движеніяхъ. Охота въ горахъ и лѣсахъ Лаконіи поощрялась какъ средство пріучаться къ утомленію и лишеніямъ. Пища давалась молодымъ Спартанцамъ въ недостаточномъ количествѣ и недостатокъ позволялось пополнять не только охотой, но и кражей, только такъ, чтобы ихъ нельзя было поймать; въ противномъ случаѣ они подвергались строгому тѣлесному наказанію [1]). Въ видахъ тѣлеснаго совершенства такое воспитаніе было превосходно; и надобно замѣтить, что Спартанцы избѣжали важной ошибки, уменьшавшей въ Ѳивахъ и другихъ городахъ Греціи полезныя дѣйствія гимнастическихъ упражненій: гимнастика у Спартанцевъ никогда не доходила до той утонченной искусственности, которая прилична атлету, а не воину и гражданину.

Самая неясная для насъ сторона этой общины гражданъ — положеніе и характеръ спартанской женщины. Аристотель [2]) говоритъ, что Спартанки жили въ его время невоздержно и расточительно и въ случаѣ общественной опасности болѣе вредили, нежели приносили пользу. Онѣ имѣли большое вліяніе на мужей и даже на ходъ государственныхъ дѣлъ: почти половина недвижимой собственности находилась въ ихъ рукахъ. Надзора за ними не было, и это составляло въ глазахъ философа рѣзкій контрастъ съ строгимъ контролемъ, которому были подчинены мущины, и вообще съ положеніемъ женщинъ въ другихъ греческихъ городахъ, гдѣ онѣ вели домашнюю жизнь и рѣдко показывались публично. Между тѣмъ какъ мужья въ Спартѣ довольствовались умѣреннымъ общимъ столомъ, ихъ жены, судя по словамъ Аристотеля, содержали обширное и разорительное хозяйство, и необходимость доставлять средства для этихъ расходовъ должна была возбуждать ту корысть, которая сдѣлалась въ послѣднее время главнымъ порокомъ Спартанцевъ. Въ объясненіе такой противоположности въ обращеніи съ двумя полами Аристотелю сообщали, что Ликургъ пытался было подчинить и мущинъ и женщинъ одной дисциплинѣ, но что сильное сопротивленіе послѣднихъ заставило его отказаться отъ этого намѣренія.

[1]) Ксеноф. Анабас. IV, 6, 14; Лак. Госуд. 2, 6. Вѣроятное объясненіе этого позволенія въ хорошую сторону см. у Мюллера IV, 5, 6.

[2]) Полит. II, 6, 5.

Это изображеніе положенія женщинъ въ Спартѣ, заслуживающее большаго вниманія по авторитету философа, которымъ оно сдѣлано, находится въ совершенномъ противорѣчіи съ тѣмъ, что мы узнаемъ отъ Ксенофонта и Плутарха [1]. Эти писатели изображаютъ спартанскихъ женщинъ совершенно съ другой стороны и представляютъ ихъ какъ достойныхъ спутницъ суровой жизни ихъ мужей. Ликургова система, говорятъ эти авторы, состояла въ томъ, чтобы смотрѣть на женщинъ какъ на членовъ государства, а не семейства. Великая цѣль законодателя—поддержаніе крѣпкаго поколѣнія гражданъ—опредѣлила образъ жизни, предписанный имъ и для спартанскихъ женщинъ. Дочери Спартанцевъ получали такое же физическое воспитаніе, какъ и ихъ сыновья. Онѣ упражняли свои тѣлесныя силы и состязались между собою въ бѣгѣ, борьбѣ и кулачномъ бою. Присутствіе юношей и даже царей при этихъ упражненіяхъ придавало имъ болѣе жизни. Равнымъ образомъ спартанскія дѣвушки участвовали въ религіозныхъ процессіяхъ, пѣли и плясали на празднествахъ и присутствовали, какъ зрительницы, при гимнастическихъ упражненіяхъ юношей. Мы знаемъ также, что самый ихъ костюмъ показывалъ ихъ мужественность. Онѣ носили легкій хитонъ изъ двухъ не сшитыхъ по сторонамъ полотнищъ, такъ что ихъ члены были полуоткрыты и мало защищены одѣяніемъ [2].

Чтобы согласить эти два противоположныя изображенія спартанской женщины — суровое гимнастическое воспитаніе, о которомъ говорятъ Ксенофонтъ и Плутархъ, и неограниченное своеволіе, уклоняющееся отъ строгости спартанскихъ обычаевъ, которое приписываетъ Спартанкамъ Аристотель — неизбѣжно, кажется, предположеніе, что во время послѣдняго богатымъ Спартанкамъ удалось освободиться отъ общей дисциплины, и что этихъ-то эманципировавшихся женщинъ Аристотель и имѣетъ въ виду. Въ Спартѣ, говоритъ онъ, было много дочерей, единственныхъ наслѣдницъ своего отца; приданое давалось вообще большое, и отцы въ завѣщаніяхъ дѣлали предпочтеніе дочерямъ передъ сыновьями. Впрочемъ, даже получая равное наслѣдство съ братьями, женщины въ Спартѣ должны были сдѣлаться богаче, нежели въ другихъ странахъ, потому что спартанскіе мущины по самому устройству общества не могли дѣлать новыхъ пріобрѣтеній, увеличивающихъ въ другихъ странахъ число богатствъ, принадлежащихъ мужескому полу. Раздѣленіе богатствъ между двумя полами

[1]) Ксеноф. Лак. Госуд. 1. 3—4 Плут. Ликургъ. 13—14.

[2]) Отсюда ихъ эпитетъ φαινομηρίδες, столь древній какъ поэтъ Ибикъ. Юлій Полидевкъ VII, 55.

должно было основываться въ Спартѣ на числѣ рожденій, а оно бываетъ почти одинаково въ томъ и другомъ полѣ. Такимъ образомъ Спартанки богатѣли, а уступчивость относительно женщинъ, лежавшая въ воинственномъ спартанскомъ характерѣ—Аристотель поясняетъ эту черту миѳомъ о бракѣ Ареса съ Афродитой—могла снисходительно смотрѣть на противозаконное употребленіе, которое онѣ начинали дѣлать изъ своихъ богатствъ. Къ тому же снисходительность къ женщинамъ не приносила видимаго вреда государству, такъ какъ онѣ не несли, подобно мущинамъ, военной службы [1]).

Красота лакедемонскихъ женщинъ славилась во всей Гелладѣ. Ихъ любовь къ отечеству составляетъ не менѣе всеобщій предметъ похвалы. «Возвратись или со щитомъ или на щитѣ» — было наставленіе, которое Спартанки давали сыновьямъ, отправлявшимся на войну. Вступали онѣ въ бракъ поздно [2]), въ томъ возрастѣ, когда женщина можетъ дать хорошее потомство. Рожденіе сильныхъ дѣтей, будущихъ защитниковъ отечества, было главною цѣлію брака. Языческая неразборчивость въ средствахъ допускала съ этою цѣлію даже брачную связь съ нѣсколькими мужьями, между тѣмъ какъ многоженство строго было воспрещено [3]). За то тайныя интриги, увѣряютъ писатели, были неизвѣстны въ Спартѣ. Брачное согласіе и даже взаимная нѣжность супруговъ были тамъ, кажется, обыкновеннѣе, нежели въ Аѳинахъ. Ревность, въ Аѳинахъ почти не знавшая мѣры, была совершенно чужда спартанскимъ нравамъ [4]).

Мы исчислили главныя стороны Ликурговой дисциплины. Дѣйствіе ея на Спартанцевъ усиливалось вслѣдствіе отсутствія сообщеній съ иностранцами. Ни одинъ Спартанецъ не могъ безъ позволенія переступить границу; граждане другихъ городовъ не имѣли права надолго оставаться въ Спартѣ; имъ позволяли пріѣзжать на время, но и то только изъ снисхожденія, и негостепріимная *ксенеласія* — изгнаніе иностранныхъ гостей — могла быть всегда объявлена.

[1]) Такъ объясняетъ Гротъ свидѣтельство Аристотеля о своевольной жизни спартанскихъ женщинъ. Можно привести еще въ объясненіе возможности этого явленія прекрасную мысль К. Ф. Германа: неженское воспитаніе и мужской образъ жизни Спартанокъ должны были убить въ нихъ женственность, а это не могло не отозваться рано или поздно. См. Lehrb. § 17 n. 20.

[2]) Обрядъ состоялъ въ похищеніи, съ согласія отца. Въ первые годы браки свиданія бывали въ домѣ свахи, νυμφευτρία. Жениться на иностранкахъ было запрещено; поэтому спартанскіе цари не вступали въ свойство съ знатными фамиліями окрестныхъ земель.

[3]) Ксеноф. Лак. Госуд. I, 9; ср. Геродот. V, 40.

[4]) О спартанскихъ женщинахъ вообще см. Müller Dorier. IV, 4, 1—5.

Ликургъ (или лицо другаго имени, бывшее виновникомъ этой системы) былъ болѣе основателемъ военнаго братства, нежели законодателемъ политическаго общества. Члены этого братства жили, по выраженію Плутарха, какъ пчелы въ ульѣ, зная только интересы общины, которой они были преданы душею и тѣломъ, и лишенные сладости семейной и личной жизни. Лучшую параллель къ Ликурговымъ учрежденіямъ представляетъ республика Платона, съ тѣмъ однакоже важнымъ различіемъ, что типъ Спартанца—суроваго до грубости, болѣе сильнаго тѣломъ, нежели духомъ, скуднаго высокими помыслами, кромѣ односторонней привязанности къ отечеству, даже мало знакомаго съ азбукой, способнаго побѣждать, но безсильнаго пользоваться побѣдою и примирить съ собою побѣжденныхъ—гораздо ниже, нежели начертанный Платономъ образъ его филантропическихъ воиновъ-стражей. Въ сферѣ политической Ликургъ не произвелъ ничего новаго. Онъ такъ мало смотрѣлъ на себя, какъ на законодателя въ собственномъ смыслѣ этого слова, что въ одной изъ трехъ первоначальныхъ его ретръ заключалось даже запрещеніе письменныхъ законовъ: въ случаѣ возникновенія вопросовъ или споровъ, дѣло должны были рѣшать сановники по собственному усмотрѣнію, при чемъ единственнымъ ручательствомъ, что они рѣшатъ въ дѣло пользу государства, должно было служить полученное ими спартанское воспитаніе. Ликургъ былъ болѣе воспитателемъ, нежели законодателемъ своего народа, и надобно прибавить—военнымъ воспитателемъ. Платонъ и Аристотель, которые во многомъ болѣе, нежели сколько слѣдуетъ, одобряютъ Ликурга и вообще мало признаютъ права личности, замѣчаютъ однако съ сожалѣніемъ, что спартанское воспитаніе одностороннее, и что Спартанскій народъ менѣе похожъ на гражданское общество, нежели на гарнизонъ, постоянно упражняющійся и всегда готовый двинуться противъ гелотовъ или иностранныхъ непріятелей. Такое направленіе объясняется только особенностію положенія Спарты во времена Ликурга. «Насъ мало—и мы владычествуемъ надъ многими; намъ можно держаться только войной и побѣдой». Эти слова Брасида, сказанныя во время пелопоннесской войны [1]), еще гораздо болѣе шли къ положенію Спартанцевъ за четыре столѣтія до Брасида, когда небольшая дружина дорійскихъ завоевателей была окружена со всѣхъ сторонъ еще непокоренными ахейскими городами и дома должна была ежедневно ожидать опасности отъ гелотовъ, еще не привыкшихъ переносить рабство. При этихъ обстоятельствахъ легко понять исключительность цѣли, предположенной

[1]) Өукид. IV, 126.

Ликургомъ, но что̀ дѣйствительно не можетъ не удивить и остается для насъ необъясненнымъ, это успѣхъ его мѣръ, несмотря на всю ихъ рѣшительность и крутость. Онъ осуществилъ планъ—въ осьми или девяти тысячахъ людей создать въ непримѣрной силѣ привычки послушанія, неустрашимости и самоотверженія, совершеннаго подчиненія личныхъ стремленій общественнымъ требованіямъ и непомѣрнаго честолюбія въ исполненіи своихъ обязанностей. Какія силы и обстоятельства заставили Спартанцевъ того времени согласиться на принятіе такой суровой и стѣснительной дисциплины, этого не сообщаютъ дошедшія до насъ извѣстія. Необходимость стоять на стражѣ противъ покоренныхъ туземцевъ болѣе всего должна была участвовать въ рѣшимости Спартанскаго народа; но надобно признаться, что ни эта необходимость, ни высокое значеніе Ликурга, какъ Гераклида, подкрѣпляемаго въ своихъ начинаніяхъ могущественнымъ содѣйствіемъ дельфійскаго бога, не въ состояніи достаточно объяснить это удивительное явленіе, не имѣющее себѣ подобнаго въ исторіи человѣчества.

Остается одинъ проблематическій пунктъ Ликургова законодательства, требующій особенно внимательнаго разсмотрѣнія — экономическія мѣры, принятыя Ликургомъ. Плутархъ разсказываетъ намъ, что одною изъ главныхъ причинъ безпорядковъ, нарушавшихъ спокойствіе Спарты во время Ликурга, было страшное неравенство въ раздѣленіи поземельной собственности, безбожное корыстолюбіе богатыхъ, захватившихъ въ свои руки большую часть страны, и многочисленность бѣдныхъ, находившихся въ состояніи безнадежной нищеты и униженія. Чтобы помочь этому бѣдствію своего отечества, Ликургъ, какъ говоритъ Плутархъ, сдѣлалъ новое распредѣленіе поземельной собственности. Область Спарты онъ раздѣлилъ на 9000 равныхъ участковъ, по одному на каждаго Спартанца; остальную часть Лаконіи—на 30,000 также равныхъ участковъ, предоставленныхъ періэкамъ. Онъ хотѣлъ поступить точно также и съ движимою собственностью, но увидѣлъ неисполнимость этого плана и ограничился изгнаніемъ золотой и серебряной монеты, допустивъ обращеніе кусковъ желѣза, затруднявшихъ своимъ объемомъ и тяжестью скопленіе денегъ въ однѣхъ рукахъ.—Въ этомъ повѣствованіи Плутарха есть черты очевидно ошибочныя. Такъ напримѣръ, при раздѣленіи страны на участки, предполагается, что вся Лаконія была покорена Спартанцами уже во время Ликурга, между тѣмъ какъ достовѣрно извѣстно противное. Золотая и серебряная монета также не могла быть изгнана изъ Спарты, потому что ее первый началъ чеканить въ цѣлой Греціи Фидонъ, жившій около ста лѣтъ послѣ Ликурга. Но что сказать о раздѣленіи поземельной собственности на равные уча-

стки? Многіе ученые новѣйшаго времени принимаютъ вѣрность этого показанія Плутархова. Манзо и Отфридъ Мюллеръ—два ученые спеціяльно занимавшіеся исторіею Спарты — признаютъ это извѣстіе Плутарха за истинное, и только весьма немного видоизмѣняютъ его, Манзо — предположеніемъ, что равенство участковъ существовало издревле, было потомъ по злоупотребленію нарушено и опять возстановлено Ликургомъ, если не вполнѣ, то по крайней мѣрѣ приблизительно, Мюллеръ— замѣчаніемъ, что полное число 9000 участковъ не могло быть нарѣзано прежде мессенской войны, и что равенство участковъ состояло не въ одинаковой мѣрѣ ихъ, а въ приблизительномъ равенствѣ средняго урожая. Изслѣдователи греческихъ государственныхъ древностей, Титманъ, Ваксмутъ, К. Фр. Германнъ и Шёманъ, смотрятъ на равенство поземельной собственности, какъ на существенную принадлежность Спартанскаго государства. Тэрльваль, англійскій историкъ, отвергая главную черту Плутархова разсказа — равенство участковъ, полагаетъ, что Ликургъ имѣлъ въ виду только приблизиться къ равному распредѣленію земель и не предпринималъ насильственной мѣры всеобщаго новаго раздѣла, а только отобралъ у богатыхъ поля, которыя они незаконно присвоили себѣ отъ покоренныхъ Ахеевъ, и надѣлилъ ими бѣдныхъ гражданъ и періэковъ. Наконецъ Кортюмъ и Лахманъ сомнѣвались въ исторической достовѣрности извѣстій о равномъ раздѣлѣ земель между Спартанцами, но соединяли свои сомнѣнія съ совершенно ложною теоріей существованія въ Спартѣ различія между знатью и простыми гражданами [1]). Всѣ эти ораниченія и видоизмѣненія показаній Плутарха совершенно шатки и произвольны, и уже одно ихъ взаимное разногласіе достаточно свидѣтельствовало, что этотъ вопросъ требуетъ новаго критическаго пересмотра, начиная съ самыхъ своихъ основаній. Эту задачу взялъ на себя Гротъ и, какъ мы твердо убѣждены, исполнилъ ее съ полнымъ успѣхомъ.

Манзо и Мюллеръ согласны въ томъ, что равенство участковъ, учрежденное будто бы Ликургомъ, неизмѣнно сохранялось отъ времени этого законодателя до конца пелопоннесской войны. Они оба сознаются, что не могутъ понять, какими установленіями поддерживалась

[1]) Manso Sparta 1, S. 110—121. Müller Dorier III, 3, 6; 10, 2. Tittmann griech. Staatsverfassungen, S. 588—596. Wachsmuth Hell. Alterthumsk. V, 4, 42. Hermann Lehrb. der griech. Staatsalterthümer § 28. Schömann Antiqu. jur. publ. Graec. IV, 1, 7. Thirlwall History of Greece vol. 1 ch. VIII, p. 344. Kortüm Wesen und Schicksal der dorisch-Lakonischen Ackergesetzgebung въ Schlosser u. Bericht Archiv für Geschichte u. Literatur Bd. IV (1833), S. 133—180. Lachmann Spart. Staatsverfassung S. 168—178.

эта продолжительная неизмѣнность, сама по себѣ столько невѣроятная и безпримѣрная въ исторіи человѣчества. Они нашли только два закона, на которые могли указать въ объясненіе этого явленія, но и существованіе этихъ законовъ, какъ несомнѣнно показалъ Гротъ, не можетъ быть доказано. Манзо и Мюллеръ полагаютъ, что въ Спартѣ было запрещено раздробленіе участковъ. Они ссылаются на одно мѣсто сочиненія, приписываемаго Гераклиду Понтійскому, гдѣ вульгата (общепринятое чтеніе) представляетъ слѣдующій смыслъ: «у Лакедемонянъ считается позорнымъ продавать землю, а изъ древняго участка не позволяется и дробить землю.» Но новый пересмотръ текста этого сочиненія, сдѣланный Шнейдевиномъ и основанный на болѣе полномъ сличеніи существующихъ рукописей, представляетъ въ этомъ мѣстѣ важное измѣненіе текста, по которому выходитъ совершенно другой смыслъ, а именно: «у Лакедемонянъ считается позорнымъ продавать землю, а изъ древняго участка это вовсе не дозволено». Такимъ образомъ исправленное мѣсто Гераклида Понтійскаго не можетъ уже служить доказательствомъ недробимости поземельныхъ участковъ, а говоритъ только о запрещеніи продавать древніе участки. Вмѣстѣ съ этимъ мнѣніе Манзо и Мюллера, что въ Спартѣ поземельные участки по смерти гражданина, владѣвшаго ими, не раздроблялись между его сыновьями, а переходили къ старшему изъ нихъ, теряетъ всякое основаніе [1]). Второй законъ, на который указываетъ Манзо, запрещалъ, по его мнѣнію, давать дочерямъ приданое, за исключеніемъ того случая, когда дочь была единственною наслѣдницею своего отца. Онъ ссылается на Плутарха, Юстина и Эліана, которые въ самомъ дѣлѣ говорятъ о существованіи такого постановленія, но имъ рѣшительно противорѣчитъ

[1]) К. Ф. Германъ въ Antiquitatum Laconicarum l. IV-a de causis turbatae agrorum æqualitatis pag. 176 отвергалъ еще прежде существованіе въ Спартѣ майоратовъ, какъ учрежденія неслыханнаго въ древности и не упоминаемаго ни однимъ изъ древнихъ писателей. Но онъ также утверждалъ, что участки были недробимы и оставались въ общемъ владѣніи сыновей. Это мнѣніе, о которомъ Гротъ не упоминаетъ, также теряетъ свое главное основаніе вмѣстѣ съ исправленіемъ Гераклидова текста. Замѣтимъ впрочемъ, что взглядъ Германа отличается большою обдуманностію. Участки были, говоритъ онъ, недробимы; если оставалось нѣсколько братьевъ, они жили вмѣстѣ, пользовались однимъ участкомъ, и спартанскіе нравы облегчали имъ жизнь позволеніемъ имѣть одну жену (это основано на Полибіи въ эксцерптахъ, изданныхъ Маи XII, 6); если оставалась дочь, она дѣлалась наслѣдницей, но на ней могъ жениться только человѣкъ, не имѣющій своего особеннаго участка; если не оставалось прямыхъ наслѣдниковъ, участокъ давался тому изъ родичей, у котораго не было своего участка; соединеніе двухъ участковъ въ рукахъ одного лица не допускалось. Нельзя отрицать, что все это весьма правдоподобно, но несомнѣнно и то, что вѣрныхъ доказательствъ для этой хорошо обдуманной системы, послѣ исправленія Герклидова текста, нѣтъ.

Аристотель, свидѣтель гораздо болѣе достовѣрный, сообщающій намъ, что въ Спартѣ существовало обыкновеніе давать за дочерьми даже очень большое приданое. Кромѣ того запрещеніе надѣлять дочерей поземельною собственностію вело бы къ предполагаемой цѣли — сохраненію равенства участковъ — лишь въ томъ случаѣ, еслибы существовалъ законъ о нераздробленіи участковъ при наслѣдствѣ между сыновьями. Но такъ какъ этого закона не было, то и законъ о приданомъ не могъ имѣть цѣли.

Итакъ мы не находимъ въ Спартѣ законовъ, охраняющихъ равенство участковъ. Какъ скоро допускалось раздробленіе наслѣдства между сыновьями и награжденіе приданымъ дочерей, то первоначальное равенство участковъ, ежели оно и было когда-нибудь, могло удержаться лишь въ продолженіе весьма короткаго времени. Въ однѣхъ фамиліяхъ, по многочисленности сыновей, участки дробились; въ другихъ они увеличивались посредствомъ приданаго и наслѣдствъ, и кромѣ того еще посредствомъ дарствованія, если дѣйствительно, что̀ весьма вѣроятно, дарить участки не запрещалось. Въ послѣднемъ случаѣ нерѣдко должно было случаться и то, что подъ видомъ дара скрывалась продажа. Такимъ образомъ и въ этой завѣтной Спартѣ само собою появлялось съ одной стороны богатство, а съ другой бѣдность — и предположеніе Манзо и Мюллера, что всѣ Спартанцы были равно богаты землею даже до конца пелопоннесской войны, становится крайне невѣроятнымъ. Но Гротъ не довольствуется показаніемъ невѣроятности этого предположенія и окончательно опровергаетъ его многими мѣстами писателей, въ которыхъ говорится о существованіи въ Спартѣ богатыхъ людей гораздо прежде пелопоннесской войны. Еще около 600 года, какъ видно изъ отрывковъ Алкея [1]), Спартанцы говаривали: «имѣніе дѣлаетъ человѣкомъ; бѣдняка не считаютъ честнымъ и не уважаютъ.» А надобно замѣтить, что въ Спартѣ богатство заключалось преимущественно въ недвижимой собственности, такъ какъ промыслы были гражданамъ запрещены, и самая монетная система — желѣзныя деньги — не допускала накопленія денежныхъ капиталовъ [2]). Взявъ все это въ соображеніе, становится рѣшительно невозможнымъ предполагать, что равенство недвижимой собственности, установленное, какъ говорятъ, Ликургомъ, сохранялось въ продолженіе долгаго времени.

Но Гротъ не останавливается и на этомъ выводѣ и идетъ еще далѣе.

[1]) Алк. стр. 41: Χρήματ' ανήρ· πενιχρὸς δ'οὐδεὶς πέλετ' ἐσθλὸς οὐδὲ τίμιος.

[2]) Если на это не обращать вниманія, то мѣста, приведенныя Гротомъ, могутъ быть отнесены къ движимымъ богатствамъ, какъ ихъ обыкновенно и понимали. Надобно полагать, что Гротъ слѣдуетъ, объясненію, предложенному въ текстѣ, хотя онъ и не выражаетъ опредѣленно своего мнѣнія.

Онъ показываетъ до послѣдней степени убѣдительности, что Ликургъ никогда и не принималъ трудной мѣры раздѣленія поровну поземельной собственности. Въ самомъ дѣлѣ, кто говоритъ намъ объ этой мѣрѣ, кромѣ Плутарха? Среди множества писателей, изъ которыхъ мы почерпаемъ наши свѣдѣнія о спартанскомъ законодательствѣ, самый древній, упоминающій о томъ, есть Полибій, писатель II вѣка до Р. Х. Онъ говоритъ, правда, о раздѣленіи Ликургомъ земли на равные участки, какъ о событіи, не подлежащемъ сомнѣнію, но вмѣстѣ съ тѣмъ самъ сообщаетъ извѣстіе, очень интересное для насъ, что къ крайнему его удивленію никто изъ болѣе древнихъ и самыхъ основательныхъ писателей, ни Платонъ, ни Ксенофонтъ, ни Эфоръ, ни Каллисѳенъ, не обращаютъ вниманія на эту мѣру [1]). Онъ не понимаетъ, какъ они могли сравнивать критское государственное устройство съ спартанскимъ, между тѣмъ какъ въ самыхъ главныхъ чертахъ между ними было такое большое различіе, и указываетъ между прочимъ на равенство имуществъ въ Спартѣ и большое неравенство на островѣ Критѣ. Полибій обвиняетъ приводимыхъ имъ «основательныхъ» писателей; но въ этомъ мы не можемъ видѣть ничего болѣе, какъ его личное мнѣніе, за которымъ скрывается важный фактъ, что всѣ «основательные» писатели древнѣйшаго времени находились въ противорѣчіи съ позднѣйшими, относительно Ликурговыхъ поземельныхъ распоряженій. Этотъ фактъ, сообщенный Полибіемъ, подтверждается и тѣми обломками греческой литературы, которые сохранились до нашего времени.

Геродотъ, который въ VI изъ своихъ девяти «Музъ» оставилъ намъ краткое описаніе поразившихъ его особенностей въ спартанскихъ учрежденіяхъ, не говоритъ ни слова о новомъ раздѣлѣ земли Ликургомъ [2]). Ѳукидидъ также умалчиваетъ объ этой мѣрѣ, говоря объ одинаковомъ образѣ жизни, который вели всѣ Лакедемоняне, богатые и бѣдные [3]). Подобное этому мнѣніе мы находимъ и у Ксенофонта. По его словамъ [4]), богатые Спартанцы имѣли мало выгоды отъ своего богатства относительно

[1]) Полиб. VI, 45—48.

[2]) Герод. VI, 51—60. Особенно замѣчательно это мѣсто тѣмъ, что власть царей изображается въ немъ еще весьма значительною (цари сами объявляютъ войну, и противорѣчащій имъ подвергается проклятію; вступая на престолъ, они прощаютъ всѣ недоимки какъ царской, такъ и государственной казны); это заставляетъ заключить, что паденіе царской власти должно относиться къ промежутку времени между Геродотомъ и Аристотелемъ.

[3]) Ѳукид. 1, 6.

[4]) Ксеноф. Лакед. гос. 7.

удобствъ жизни. Платонъ [1]), указывая на великія выгоды хорошаго распредѣленія поземельной собственности, сдѣланнаго Дорянами непосредственно послѣ завоеванія Пелопоннеса, не дѣлаетъ однакоже ни малѣйшаго намека на то, что первоначальное распредѣленіе въ послѣдствіи исказилось и было возстановлено Ликургомъ. Наконецъ очевидно, что Аристотель не полагалъ, чтобы Ликургъ сдѣлалъ новый раздѣлъ земли. Вопервыхъ онъ извѣщаетъ насъ, что въ Лаконіи и Критѣ законодатель обобщилъ употребленіе имуществъ учрежденіемъ сисситій [2]). Такъ какъ это онъ говоритъ по поводу опроверженія общей собственности, предложенной Платономъ въ его Республикѣ, то въ сдѣланномъ имъ замѣчаніи было бы сказано слишкомъ мало, еслибы, по его мнѣнію, Ликургъ уравнялъ всю частную поземельную собственность; кромѣ того въ такомъ случаѣ Аристотель не могъ бы поставить рядомъ лакедемонскаго и критскаго законодателя, ибо никто не утверждалъ, чтобы въ Критѣ когда-нибудь существовало равенство имуществъ. Аристотель долго останавливается въ своей «Политикѣ» на современномъ ему дурномъ распредѣленіи имуществъ въ Спартѣ и видитъ въ немъ важное общественное зло, но нигдѣ не говоритъ объ этомъ неравенствѣ, какъ о слѣдствіи нарушенія первоначальнаго устройства. Сверхъ того онъ прямо называетъ халкедонскаго Фалеаса первымъ составителемъ плана касательно уравненія имуществъ [3]) и такимъ образомъ косвенно высказываетъ противное о Ликургѣ. Одно неупоминаніе Аристотелемъ Ликурга въ томъ мѣстѣ «Политики», гдѣ оспаривается польза и возможность равенства собственности, есть сильное отрицательное доказательство того, что Ликургъ, по мнѣнію Аристотеля, не установлялъ равенства поземельныхъ участковъ. Исократъ [4]) также говоритъ многое въ похвалу и въ осужденіе Спарты, упоминаетъ, что Ликургъ учредилъ политическое устройство, похожее на то, которое было въ Аѳинахъ въ прежнія времена, хвалитъ гимнасіи и дисциплину и между прочимъ прославляетъ Спартанцевъ за то, что они прожили много столѣтій безъ насильственныхъ переворотовъ, всеобщаго банкротства и новаго раздѣленія земли— этихъ неисцѣлимыхъ золъ, какъ онъ ихъ называетъ. Еслибы онъ смотрѣлъ на Ликур-

[1]) Плат. Зак. III, стр. 684.

[2]) Полит. II, 10. *ὡς τὰ περὶ τὰς κτήσεις ἐν Λακεδαίμονι καὶ Κρήτῃ τοῖς συσσιτίοις ὁ νομοθέτης ἐκοίνωσε.* Вообще о спартанскомъ и критскомъ государствѣ, II, 6 и 7.

[3]) Полит. II, 4, 1.

[4]) Исокр. Панаѳ. XII, стр. 266, 270, 286.

га какъ на виновника вторичнаго раздѣла земель, едва ли бы онъ не упомянулъ о томъ по этому поводу.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что ни одинъ авторъ до времени Аристотеля включительно не приписывалъ Ликургу новаго надѣла землею Спартанцевъ и періэковъ. Относящіяся сюда извѣстія Плутарха, излагающія дѣло съ большою подробностію и съ приведеніемъ цифръ, должны быть заимствованы изъ какого-нибудь писателя, болѣе поздняго, нежели Аристотель, и Гротъ полагаетъ, что есть возможность указать на источникъ этихъ извѣстій, ежели только изучать Плутархово жизнеописаніе Ликурга въ связи съ его же біографіями Агиса и Клеомена. Извѣстно, что число спартанскихъ гражданъ, доходившее по счисленію Геродота, во время персидскаго нашествія до 8000 человѣкъ, во время Аристотеля не превышало уже 1000, а при Агисѣ III въ половинѣ III вѣка до Р. Х. уменьшилось до 700, изъ которыхъ только 100 человѣкъ владѣли землею. Для такого юнаго энтузіаста, какимъ былъ царь Агисъ, и для многихъ горячихъ людей изъ его современниковъ было невыносимо видѣть такое униженіе отечества. Ихъ мысли были обращены къ древней Спартѣ, славной и могущественной, которую они желали бы перенести въ свое время, но размышляя объ осуществленіи этой мечты, они не находили никакого пути къ возстановленію прежняго величія и благосостоянія своего отечества, кромѣ новаго снабженія землею бѣдныхъ гражданъ. Извѣстно, что царь Агисъ дѣйствительно предпринялъ исполненіе этого проекта. Онъ умѣлъ возбудить такой энтузіазмъ, что даже богатые не сопротивлялись плану, въ высшей степени революціонному, и не только народное собраніе, но и сенатъ ему содѣйствовали. Тотъ фактъ, что его собственное имущество вмѣстѣ съ имуществами его свойственниковъ поступило первою жертвою въ общественную казну, вполнѣ свидѣтельствуетъ о его благонамѣренности, но мы знаемъ, что не всѣ его помощники были равно безкорыстны, и что Агисъ палъ, не осуществивъ своей мечты. Впрочемъ настроеніе умовъ осталось то же, и преемникъ Агиса, Клеоменъ III, послѣдній изъ Гераклидовъ и сынъ царя Леонида, врага Агисова, повинуясь какой-то судьбѣ, сдѣлался продолжателемъ начинаній своего предшественника, но уже менѣе осмотрительнымъ въ выборѣ мѣръ [1]). Извѣстно, что ему удалось его предпріятіе, но что иностранное вмѣшательство вскорѣ ниспровергло и

[1]) Клеоменъ имѣлъ тѣ же убѣжденія, что̀ Агисъ, ἀλλὰ κέντρον τι θυμοῦ τῇ φύσει προσέκειτο. Плут. Клеом. 1. Онъ умеръ въ Египтѣ въ 219 г. до Р. Х.

его самого и его учрежденія. Спарта пала окончательно, и мечты о ея возрожденіи не сбылись.

Подъ вліяніемъ этихъ-то мечтаній и чувствъ, внушившихъ Агису и Клеомену ихъ планы, произошла, полагаетъ Гротъ, историческая фантазія объ абсолютномъ равенствѣ имуществъ, какъ о первоначальномъ учрежденіи Ликурга. Характеръ Ликургова законодательства, устранявшаго всякое личное неравенство въ образѣ жизни, въ удовольствіяхъ и обычаяхъ, придавалъ этой фантазіи большую вѣроятность и сдѣлалъ возможнымъ, что пламенныя желанія современниковъ Агиса и Клеомена приняли видъ историческихъ воспоминаній. Очень можетъ быть, говоритъ Гротъ, что философъ Сферосъ, другъ и спутникъ Клеомена, ученикъ стоика Зенона и авторъ утратившихся сочиненій о Ликургѣ, Сократѣ и спартанскомъ государственномъ устройствѣ, былъ однимъ изъ первыхъ, пустившихъ въ ходъ эту гипотезу. Однажды высказанная, она легко могла найдти себѣ вѣру при тогдашнемъ настроеніи умовъ. Ее стали повторять какъ фактъ, не подлежащій сомнѣнію, въ разныхъ историческихъ сочиненіяхъ, и эти-то сочиненія послужили источникомъ для Плутарха.

Происхожденіе всякой исторической фикціи можно объяснять двоякимъ образомъ. Можно видѣть въ ней преувеличеніе или искаженіе дѣйствительнаго, но гораздо менѣе важнаго и обширнаго историческаго факта и задавать себѣ вопросъ о первоначальномъ видѣ этого факта. Или можно разсматривать ее отъ начала до конца, какъ фикцію, какъ выраженіе какой-нибудь великой идеи или чувства, дѣйствовавшаго столь могущественно на духъ людей даннаго времени, что они удѣлили ей мѣсто между дѣйствительными событіями отдаленнаго прошедшаго. Гротъ замѣчаетъ, что въ настоящемъ случаѣ послѣднее предположеніе болѣе вѣроятно, потому что вполнѣ соотвѣтствуетъ достовѣрно извѣстному намъ настроенію умовъ времени Агиса III. Восьмая глава въ Плутарховомъ жизнеописаніи Ликурга описываетъ сонъ Агиса III, юношественнаго царя, душу котораго наполняли два чувства — скорбный стыдъ за тогдашнее состояніе его отечества и въ то же время благоговѣніе къ его прежней славѣ и къ великому законодателю, учрежденіямъ котораго оно обязано было тѣмъ, что эта слава возсіяла. Погруженный въ это двойное чувство, царь Агисъ видитъ въ сновидѣніи то состояніе Спарты, которое было найдено Ликургомъ. Онъ видитъ въ духѣ своемъ то же зло и тѣ же безпорядки, которые помрачаютъ его бодрствующее зрѣніе, — немногихъ богатыхъ людей неумѣренныхъ въ своей роскоши, великое множество раздраженныхъ и несчастныхъ нищихъ и самую сильную ненависть между тѣми и дру-

гими. Въ средину этого непокорнаго и испорченнаго общества вступаетъ Ликургъ, достопочтенный вѣстникъ воли дельфійскаго бога; какимъ-то чудомъ онъ внушаетъ людямъ новыя побужденія и нетерпѣливое желаніе сбросить съ общества прежнее разстройство, и убѣждаетъ богатыхъ добровольно пожертвовать своими временными преимуществами и съ радостію встрѣтить систему, въ которой не должно быть различій между людьми, кромѣ различія добрыхъ или дурныхъ качествъ. Возродивши такимъ образомъ духъ Спартанцевъ, онъ раздѣляетъ Лаконію на равные участки, не оставляя ни за кѣмъ болѣе того, что̀ дано другому. Тогда братское согласіе воцаряется на долгіе вѣки. — Такова была картина, которою ослѣпилъ воображеніе патріотическаго Агиса «пагубныя мысли внушающій богъ сновидѣній»; онъ нашепнулъ ему предательскую вѣсть, что боги и теперь обѣщаютъ успѣхъ подобному предпріятію, и завлекъ его на несчастный путь, который привелъ его самого, его мать и сѣдую бабку въ тюрьму и къ петлѣ палача.

Что этотъ золотой сонъ имѣлъ въ то время власть надъ умомъ не одного Агиса, а многихъ Спартанцевъ, это очень вѣроятно и подтверждается Плутархомъ, — но, какъ говоритъ Гротъ, что онъ не снился никому прежде времени Агиса, это также не подлежитъ сомнѣнію. Никто изъ писателей, болѣе близкихъ ко времени Ликургова законодательства, не упоминаетъ о раздѣленіи земель, которое будто бы сдѣлалъ Ликургъ, и ихъ молчаніе имѣетъ здѣсь тѣмъ большую силу, что ежели бы эта мѣра дѣйствительно была принята Ликургомъ, она была бы самымъ труднымъ и важнымъ его дѣломъ и не могла бы не быть упомянута писателями, говорящими о спартанскомъ устройствѣ[1]).

Итакъ, чтобы составить себѣ вѣрное понятіе о Ликурговой системѣ, сколько позволяютъ это темнота и недостатокъ въ свидѣтельствахъ, необходимо устранить два весьма распространенные ложные взгляда. Одинъ изъ нихъ заключается въ томъ, что Ликургово законодательство состоялось въ то время, когда Спартанцы обладали уже всей Лаконикой, между тѣмъ какъ въ самомъ дѣлѣ именно оно было причиною ея успѣшнаго покоренія. Другой ошибочный взглядъ состоитъ въ томъ, что Ликургово законодательство заключало въ себѣ систему новаго распредѣленія поземельной собственности, основанную на началѣ полнаго или приблизительнаго равенства, и принимали мѣры къ предотвращенію раздробленія или соединенія въ однѣхъ рукахъ новорозданныхъ участ-

[1]) Непонятно, какимъ образомъ г. Рославскій, несмотря на доказательства, приведенныя Гротомъ, остался при старомъ мнѣніи въ отношеніи этого важнаго пункта. См. Обозрѣніе Исторіи древняго міра. Вып. 2. (Харьковъ, 1852) стр. 121.

ковъ. Эти два предположенія надобно оставить въ сторонѣ, чтобы вѣрно оцѣнить Ликурга. Это былъ законодатель, имѣвшій въ виду будущность дорійскихъ завоевателей Лаконики и старавшійся сдѣлать ихъ народомъ воинственнымъ, способнымъ удержать за собою свое завоеваніе. Ликургъ не пытался сдѣлать бѣдныхъ богатыми или богатыхъ бѣдными, но наложилъ на тѣхъ и на другихъ тяжелое ярмо суровой лагерной жизни, обязанность употреблять одинакую пищу, носить одинакое одѣяніе и равно переносить всѣ возможные труды и лишенія. Его экономоческія распоряженія касались не богатства гражданъ, а употребленія, какое можетъ быть сдѣлано изъ богатства. То распредѣленіе имуществъ, которое было въ его время, онъ оставилъ, не коснувшись его никакою насильственною мѣрою, но его законодательство клонилось къ тому, чтобы сдѣлать богатство безполезнымъ, πλοῦτον ἄπλουτον ἀπεργάσασθαι, τῇ κοινότητι τῶν δείπνων, καὶ τῇ περὶ τὴν δίαιταν εὐτελείᾳ, какъ говоритъ Θеофрастъ [1]). Результаты этихъ распоряженій находятся передъ нашими глазами — наружная строгость и суровость быта, но вмѣстѣ съ тѣмъ сѣмена самаго страшнаго корыстолюбія, къ какому только Грекъ былъ способенъ.

Переходимъ теперь къ продолженію обзора спартанской исторіи.

Какъ далеко простирались владѣнія Спарты въ то время, когда было введено Ликургово законодательство, мы подробно не знаемъ. Извѣстно, что въ самой долинѣ Эвротаса они были весьма ограниченны, ибо сосѣднія Спартѣ Амиклы пользовались еще независимостью. Гротъ считаетъ весьма вѣроятнымъ, что въ то время періэковъ еще вовсе не было; были только Спартанцы-побѣдители, и ихъ подданные — гелоты. Введенный Ликургомъ образъ жизни имѣлъ цѣлію дать первымъ неизмѣримое превосходство надъ послѣдними, и исторія показываетъ, что эта цѣль была вполнѣ достигнута. Прежнія внутреннія несогласія между Спартанцами навсегда прекратились; весь народъ составилъ одну сплошную массу, передъ стройнымъ единствомъ которой окрестные жители рано или поздно должны были преклоняться. Рядъ завоеваній, начавшійся со времени царя Телекла, тотчасъ по введеніи Ликургова законодательства, продолжался неослабно въ теченіе почти трехъ столѣтій, такъ что во время Θукидида, и еще нѣсколько прежде, Спартанцы обладали двумя пятыми долями Пелопоннеса.

Первымъ военнымъ успѣхомъ было покореніе Амиклъ, увѣковѣченное Спартанцами сооруженіемъ памятника Зевсу Тропею. Фарисъ и Геронθры сдались почти безъ сопротивленія, испуганныя судьбою бо-

[1]) У Плутарха Лик. 10.

лѣе сильныхъ Амиклъ. Все это случилось въ царствованіе Телекла. При его сынѣ Алкаменѣ былъ покоренъ и совершенно порабощенъ приморской городъ Гелосъ, возставшій было противъ спартанскаго владычества. По его имени, какъ разсказываютъ древніе, получили въ послѣдствіи названіе гелотовъ всѣ порабощенные туземцы. Счастливое сопротивленіе Спарты замысламъ Фидона агривскаго относится къ этому же времени. Но самымъ важнымъ и труднымъ дѣломъ была для обновленнаго государства начавшаяся вскорѣ борьба съ Мессеніей.

Объ этой борьбѣ мы находимъ подробныя извѣстія лишь у Павсанія, который заимствовалъ ихъ изъ писателей, жившихъ въ позднее время, именно изъ Ріана, поэта критскаго, который, около 220 года до Р. Х., написалъ поэму о второй мессенской войнѣ, и изъ Мирона, родомъ изъ Пріены, іонійской колоніи Малой Азіи, время жизни котораго неизвѣстно, но который несомнѣнно принадлежитъ александрійской эпохѣ греческой литературы. Не входя въ разбирательство способности этихъ писателей вѣрно передавать историческія извѣстія, мы можемъ съ достовѣрностію сказать объ нихъ одно, что и при наибольшей способности быть хорошими историческими свидѣтелями они не имѣли для того необходимыхъ внѣшнихъ условій, потому что при недостаткѣ древнихъ источниковъ черпали свои повѣствованія изъ народныхъ мессенскихъ сказаній. Гротъ замѣчаетъ, что еслибы Мессенія не была возстановлена Эпаминондомъ, до насъ вѣроятно не дошло бы никакихъ повѣствованій о войнахъ Спарты съ Мессеніей, кромѣ пѣсней Тиртея, современныхъ этимъ событіямъ. Возрожденіе Мессеніи оживило мѣстный патріотизмъ; когда на горѣ Иѳомѣ основывали новый городъ Мессену, тогда въ торжественныхъ молитвахъ были призываемы боги и герои мессенскаго племени, въ особенности великій національный герой Аристоменъ; у всѣхъ на устахъ была древняя слава Мессеніи и сильныя сопротивленія, нѣкогда оказанныя ею ея врагамъ Спартанцамъ. Ненависть къ послѣднимъ и ревность патріотизма много способствовали къ размноженію «преданій», какъ ихъ называли, о славныхъ мессенскихъ войнахъ. Нѣсколько событій, извѣстныхъ изъ того времени, были тогда распространены въ разнообразную и подробную исторію, которую потомъ стали обрабатывать поэты. Самое ясное доказательство, что эти мессенскія повѣствованія не имѣли основы въ преданіи, заключается въ противорѣчіяхъ относительно первенствующаго героя Аристомена, котораго одни, именно Миронъ и Діодоръ, заставляли дѣйствовать въ первую, другіе, вмѣстѣ съ Ріаномъ и Павсаніемъ, во вторую мессенскую войну. Поэтому мы не можемъ признать источники Павсанія за исторически-достовѣрные; тѣмъ болѣе, что ему, изобража-

ющему дѣло съ мессенской точки зрѣнія, совершенно противорѣчитъ спартанское повѣствованіе о тѣхъ же событіяхъ, сохраненное Исократомъ. Единственнымъ достовѣрнымъ источникомъ остаются дошедшіе до насъ отрывки стихотвореній Тиртея, который самъ принималъ важное участіе во второй мессенской войнѣ.

По Павсанію [1]), первая мессенская война продолжалась отъ 743 до 724, вторая отъ 685 до 668 г. до Р. Х. Тиртей подтверждаетъ двадцатилѣтнее продолженіе первой войны, но промежутокъ времени между первою и второю означаетъ неопредѣленно, говоря (во время второй войны): «отцы нашихъ отцевъ покорили Мессену» — слова, которыя предполагаютъ однакоже бо́льшій промежутокъ времени между первою и второю войною, нежели сообщенный Павсаніемъ [2]).

Уже прежде было упомянуто, что Лакедемоняне и Мессенійцы имѣли общій храмъ Артемиды лимнатской. Оба повѣствованія, и спартанское и мессенское, соглашались въ томъ, что споръ начался при одномъ изъ жертвоприношеній, совершавшихся въ этомъ пограничномъ святилищѣ. Но дальнѣйшій ходъ борьбы неизвѣстенъ. Тиртей только говоритъ, что она продолжалась двадцать лѣтъ, что спартанскій царь Ѳеопомпъ прославился въ ней, и что она окончилась взятіемъ Иѳомы и порабощеніемъ Мессенійцевъ. «Какъ ослы, подавленные тяжкою ношей, они несли господамъ половину урожая въ слезной неволѣ и рыдали вмѣстѣ съ своими женами о смерти властителей [3]).

Возстаніе ихъ потомковъ извѣстно подъ именемъ второй мессенской войны. Какъ уже сказано, поэтъ Тиртей былъ ея современникомъ. Онъ происходилъ изъ Афидnъ, небольшаго городка, лежащаго въ Аттикѣ и извѣстнаго своимъ поклоненіемъ Діоскурамъ. Во время второй мессенской войны, когда Спартанцы находились въ крайней опасности, не только внѣшней, но и внутренней, дельфійскій оракулъ указалъ имъ на хромаго поэта, какъ на необходимаго для нихъ союзника въ трудной борьбѣ. И дѣйствительно, говоритъ преданіе, Тиртею удалось возстановить своими стихами духъ Спартанцевъ и прекратить раздоры. Его пѣснь, которую онъ назвалъ Эвномія, т. е. законный чинъ, имѣла благодѣтельное вліяніе на умы, и воодушевленіе, произведенное ею, повело къ счастливому окончанію мессенской войны и вторичному покоренію Мессеніи. Изъ немногихъ отрывковъ Тиртеевыхъ элегій и анапестовъ мы узнаемъ, что борьба была упорная и опасная для обѣихъ сторонъ, и что

[1]) Павсан. 4, 4—24.

[2]) По Юстину (3, 5) между первою и второю войною протекло восемдесятъ лѣтъ.

[3]) Тиртей Отр. 3—6. Шнейд. Впрочемъ можно усомниться, относятся ли отрывки 5 и 6 къ первой войнѣ, какъ принимаетъ Гротъ.

многія сосѣднія племена стояли на сторонѣ Мессеніи. Писаты и Трифиліи были, безъ сомнѣнія, ревностными союзниками Мессеніи. Ихъ царь Панталеонъ, воспользовавшись тѣмъ, что Спартанцы, занятые войною съ Мессеніей, не могли, какъ прежде, придти къ Элеямъ на помощь, отложился отъ Элиды, занялъ Олимпію и отпраздновалъ безъ содѣйствія Элеевъ 34-ю олимпіаду (644 г. по Р. Х.), которую, какъ и 8-ю, отпразднованную Фидономъ, Элеи исключали изъ своего списка. Гротъ согласенъ съ Мюллеромъ, что этотъ временный успѣхъ Писатовъ долженъ стоять въ связи со второю мессенскою войной, и потому полагаетъ, что она началась около 33 олимпіады или 648 года до Р. Х., черезъ 70 или 80 лѣтъ по окончаніи первой. Продолжалась она по Павсанію 17, по Плутарху болѣе нежели 20 лѣтъ. Достовѣрно то, что она окончилась совершеннымъ порабощеніемъ Мессеніи. Въ послѣдствіи вся страна на югъ отъ рѣки Неды была подвластна Спартѣ, и жители ея находились на правахъ отчасти періэковъ, отчасти гелотовъ. Новое покушеніе къ возстанію случилось не ранѣе, какъ черезъ 150 лѣтъ, но было скоро подавлено, и лишь побѣда при Левктрахъ возвратила Мессеніи свободу.

Обезопасивши себя со стороны Мессеніи, Спартанцы могли начать рядъ своихъ успѣшныхъ дѣйствій противъ другихъ сосѣдей. Геродотъ даже разсказываетъ, что около 600 года спартанскіе цари Леонтъ и Гесиклъ имѣли въ виду не менѣе, какъ покореніе цѣлой Аркадіи, и были удержаны отъ этого предпріятія лишь оракуломъ пиѳіи, которая дала совѣтъ сначала попробовать счастія противъ одной Тегеи. Они послѣдовали этому совѣту, но первое нападеніе было неудачно, и только при ихъ преемникахъ Анаксандридѣ и Аристонѣ (около 650 г. до Р. Х.), когда въ Спарту былъ перенесенъ прахъ Ореста, сына Агамемнонова, счастіе перемѣнилось, и надъ Тегеатами было одержано нѣсколько важныхъ побѣдъ. Тегея признала первенство Спарты, но осталась впрочемъ независимою. Результатомъ войны было новое практическое доказательство военнаго превосходства Спарты.

Гораздо болѣе дѣла было спартанскому оружію на восточной и сѣверовосточной границѣ. Во время Ликурга весь восточный берегъ находился въ рукахъ Ахеевъ; но когда Кресово посольство прибыло въ Грецію просить помощи (около 547 г. до Р. Х.), эта полоса была уже совершенно подвластна Спартанцамъ. Въ какое время и въ слѣдствіе какихъ войнъ совершилось ея покореніе, этого мы не знаемъ. Намъ извѣстна только послѣдняя изъ войнъ съ Аргосомъ за участокъ Кинурію, раздѣлявшій владѣнія обоихъ государствъ. Около 557 г. до Р. Х. Аргивяне сдѣлали попытку возвратить себѣ

этотъ участокъ отъ Спарты, и это повело къ сраженію, которое долго прославлялось въ лѣтописяхъ греческаго героизма. Обѣ враждующія стороны условились, что вопросъ о владѣніи участкомъ будетъ рѣшенъ битвою трехсотъ отборныхъ воиновъ съ каждой стороны; войска должны были отступить, чтобы оставить свободнымъ поле битвы. Это дѣйствительно было исполнено: два отряда спартанскихъ и аргивянскихъ воиновъ вступили въ бой, и оба показали такое отчаянное мужество, что только трое изъ сражавшихся остались въ живыхъ — Алкеноръ и Хромій изъ Аргивянъ, и Оѳріадъ изъ Спартанцевъ. Аргивскіе воины, считая себя побѣдителями, поспѣшили къ своимъ, а Оѳріадъ остался на полѣ битвы и отнесъ оружіе убитыхъ непріятелей въ спартанскій лагерь: онъ также считалъ себя побѣдителемъ. Ни Аргосъ, ни Спарта не могли отказаться отъ славы побѣды, и дѣло было рѣшено общимъ сраженіемъ, въ которомъ послѣ страшнаго кровопролитія Спартанцы одержали верхъ. Оѳріадъ остался въ живыхъ, но не хотѣлъ возвратиться въ Спарту и бросился на полѣ битвы на свой собственный мечъ. Пораженіе Аргивянъ окончательно рѣшило вопросъ объ обладаніи Кинуріей.

Это было послѣднее пріобрѣтеніе, сдѣланное Спартой. Съ тѣхъ поръ это государство обладало всею южною частью Пелопоннеса отъ Кинуріи на востокѣ до рѣки Неды на западѣ. Все это пространство непрекословно повиновалось одному городу; на немъ не осталось ни одной общины, которая сохранила бы какую-нибудь самостоятельность; слободы гелотовъ и города періэковъ смотрѣли на себя, какъ на подданныхъ. Правда, это были подданные недовольные, отчасти даже ненавидѣвшіе господъ своихъ и ожидавшіе удобнаго случая для возстанія, но ни одинъ городъ и ни одинъ округъ не былъ самъ по себѣ довольно силенъ для этого, а бдительность лакедемонскихъ властей и ихъ мѣры, не останавливавшіяся, какъ мы уже видѣли, ни передъ какою жестокостію, держали ихъ въ постоянномъ разъединеніи. Спарта была не только самымъ большимъ и многолюднымъ изъ греческихъ государствъ, но и самымъ централизованнымъ. Ни одно государство не могло и подумать о томъ, чтобы съ нею равняться, и когда ходъ событій привелъ съ собою вопросъ о первенствѣ, никто въ Греціи не могъ его оспаривать у Спарты. Уже въ концѣ періода, насъ занимающаго, мы увидимъ, по поводу аѳинскихъ дѣлъ, что Спарта собираетъ войска всего Пелопоннеса и ведетъ ихъ въ походъ, цѣль котораго остается для нихъ неизвѣстною; въ эпоху же персидскихъ войнъ она выступаетъ, какъ предводительница *цѣлой* Греціи.

«Гелладу можно назвать чудомъ физической организацiи; каждая часть ея получила отдѣльное назначенiе и свой особенный характеръ; это какъ бы тѣло, состоящее изъ разнообразныхъ, но необходимыхъ во взаимной связи членовъ. Сѣверныя земли вверхъ до Өессалiи служатъ питающими органами и доставляютъ отъ времени до времени новые соки; жизнь вырабатывается и разнообразится, тѣмъ болѣе, чѣмъ далѣе на югъ; Аттика и острова суть подвижныя на внѣшнее дѣйствiе обращенныя оконечности; Пелопоннесъ напротивъ того устроенъ для замкнутой, округленной и сосредоточенной жизни, для жизни болѣе напряженной въ самой себѣ, нежели распространяющейся въ ширину. Такъ какъ передъ нимъ ничего болѣе не лежитъ, то стремленiе находитъ здѣсь въ нѣкоторомъ смыслѣ цѣль для себя и переходитъ въ постоянное, твердое, заключительное состоянiе. Греки по праву считали Пелопоннесъ за внутренность Грецiи и за ея акрополь, а тѣхъ, которые владѣютъ имъ, признавали, по крайней мѣрѣ въ старое время, первыми въ Грецiи».

Этими словами характеризуетъ Мюллеръ значенiе Пелопоннеса, какъ члена Геллады. Въ самомъ дѣлѣ это та часть Грецiи, гдѣ историческое движенiе находитъ задержку и, останавливаясь, организуется въ стройномъ чинѣ спартанскаго быта, не допускающемъ никакого преобразованiя въ себѣ. Но Мюллеръ не правъ въ томъ, что онъ приписываетъ Пелопоннесу значенiе самой внутренней и къ сосредоточенiю предустроенной части Грецiи, какъ бы въ противоположность къ Аттикѣ, «лишь на внѣшнее дѣйствiе обращенной». Не можетъ быть сомнѣнiя, что не Пелопоннесъ, а Аттика есть истинное средоточiе исторической жизни и географическiй центръ разнообразнаго развѣтвленiя Геллады (въ томъ смыслѣ какъ Великобританiя центръ всего населеннаго полушарiя). Пелопоннесъ напротивъ того имѣетъ характеръ убѣжища, правда замкнутаго и внутренняго, но устроеннаго не для управленiя движенiемъ, а для уединенiя отъ него. Точно такъ и въ спартанскомъ стройномъ порядкѣ мы находимъ, какъ существенную черту, суровую настойчивость на своемъ исключительномъ господствѣ, неспособность къ движенiю и непризнаванiе за будущимъ его правъ. Безъ всякаго предубѣжденiя противъ Спарты можно сказать, что ея жизнь была не столько процессъ, сколько храненiе даннаго его продукта — стройный кристаллъ, существующiй на томъ условiи, что въ немъ жизнь застыла и отвердѣла. Южный Пелопоннесъ совершенно соотвѣтствуетъ этому характеру: Спарта дѣйствительно не могла найдти себѣ мѣста болѣе по душѣ.

Смотря на карту Грецiи, глазъ какъ бы видитъ первоначальное

движеніе массъ, окрѣпнувшихъ въ послѣдствіи. Вслѣдъ за направленіемъ горъ взоръ невольно спѣшитъ съ сѣвера на югъ; чѣмъ далѣе отъ сѣвернаго корня, тѣмъ болѣе горы развѣтвляются и вступаютъ въ борьбу съ моремъ. Онѣ вонзаются въ него, но вмѣстѣ съ тѣмъ открываютъ и ему доступъ въ свою средину и даютъ мѣсто глубокимъ заливамъ, изъ которыхъ два самые большіе имѣютъ направленіе противное господствующему направленію горъ. Это заливы Коринѳскій и Сароническій, отдѣляющіе собственную Гелладу отъ Пелопоннеса. Здѣсь вражда моря съ сушею достигаетъ высшей степени, и здѣсь-то въ той полосѣ, гдѣ не меньше воды, чѣмъ материка, лежитъ Аттическій полуостровъ, отдѣляющійся отъ Геллады на востокъ, чтобы углубиться въ море, усѣянное множествомъ острововъ. Одною своею стороной онъ примыкаетъ къ греческому материку, двумя другими соприкасается съ моремъ и черезъ него съ берегами всѣхъ окрестныхъ острововъ и странъ. Выгоды континента соединены здѣсь съ преимуществами островнаго положенія. Аттика не одно только перепутье между сосѣдними землями; это страна, могущая имѣть собственную самостоятельную жизнь и принужденная дѣятельно участвовать въ исторіи материка. Море дѣлаетъ ее центромъ Греціи, но оно не въ состояніи обезопасить ее отъ нападенія съ суши: она должна быть всегда наготовѣ защищаться. Въ Греціи нѣтъ страны, которая была бы болѣе способна и даже, можно сказать, принуждена сдѣлаться дѣятельнымъ средоточіемъ историческаго движенія.

Сѣверозападную границу Аттики отъ Беотіи составляетъ Киѳеронъ, эта знаменитая гора музъ, утесистая и мало доступная, покрытая въ древности и теперь сосновымъ лѣсомъ, На сѣверной подошвѣ Киѳерона, обращенной къ Беотіи, лежатъ Платеи; на югъ и юговостокъ внизу его разстилается плодоносная равнина элевсинская, гдѣ, по аттическому сказанію, впервые на землѣ плугъ взрылъ почву, и былъ посѣянъ хлѣбъ; эта равнина орошается ручьемъ, текущимъ съ Киѳерона и носящимъ имя ручья садовъ, «Кефиссъ». Съ восточной стороны примыкаетъ къ Киѳерону и, можно сказать, составляетъ его продолженіе Парнеѳъ, котораго вершина, увѣнчанная въ древности жертвенникомъ Зевса, поднимается выше прочихъ горъ Аттики, а отлогіе склоны достигаютъ Эвбейскаго моря. На сѣверъ отъ него лежитъ Оропъ, городъ полу-аттическій и полу-беотійскій, а подъ юговосточнымъ, болѣе обрывистымъ, его спускомъ нашла себѣ небольшое мѣсто мараѳонская равнина, по которой протекаетъ съ Парнеѳа ручей, впадающій въ Мараѳонскій заливъ посреди береговаго болота. Эта знаменитая въ исторіи равнина такъ не велика, что ее можно назвать глубокимъ гор-

нымъ ущельемъ, открывающимся къ морю. На сѣверѣ, какъ мы уже сказали, надъ нею поднимаются высоты Парнеѳа; югозападную ея стѣну образуетъ гора Пентеликъ. Эта гора, славная своимъ мраморомъ, простирается на югъ отъ Парнеѳа и очень богата ключами; одна ея часть носила имя Брилесса, что̀ значитъ, по мнѣнію Форхгаммера, гора источниковъ. Ея южные отроги соприкасаются съ голыми утесами каменистаго Гиметта, «горы пурпуровой», какъ ее называли поэты, потому что во время захожденія солнца она принимаетъ для смотрящаго изъ Аѳинъ такой темно-пурпуровый цвѣтъ, что, по словамъ путешественниковъ, онъ показался бы неестественнымъ, еслибы живописецъ изобразилъ его на картинѣ. Гиметтъ имѣетъ двѣ вершины, изъ которыхъ одна называлась Анидромъ, то-есть безвлажною, потому что ни облака, ни источники не освѣжаютъ ее. Вообще Гиметтъ бѣденъ водою и лѣсомъ, но за то травы, на немъ растущія, отличаются благоуханностію, и потому медъ съ горы Гиметта особенно славился въ древности. Горы, которыя тянутся на югъ отъ Гиметта, наполняютъ собою южную оконечность треугольника Аттики, и оканчиваются мысомъ Суніономъ, нынѣ Капъ-Колонъ, спускающимся въ море. Здѣсь, не подалеку отъ этого мыса, лежали знаменитые лаврійскіе серебряные рудники, которые были въ старое время однимъ изъ главныхъ основаній богатства Аттики и ея значенія между сосѣдними греческими государствами.

Холмистая часть полуострова, лежащая на югъ отъ Гиметта, оканчивающаяся мысомъ Сунійскимъ и омываемая съ двухъ сторонъ моремъ, была неудобна для земледѣлія, но за то вызывала жителей къ торговлѣ и мореплаванію. Она носила въ древности имя Параліи, и мы встрѣтимъ во время Солона и Писистрата ея жителей подъ именемъ паралівъ, какъ одну изъ партій въ Аѳинскомъ государствѣ.

Горное пространство между Гиметтомъ на югѣ и Парнеѳомъ на сѣверѣ и весь восточный берегъ, лежащій насупротивъ Эвбеи и образуемый спускомъ горъ къ морю, составляли часть Аттики, имѣвшую свой особенный характеръ и называвшуюся Діакріей или Гиперакріей. Это была страна пастушеской жизни, и жители ея — діакріи — были самымъ бѣднымъ классомъ въ Аттикѣ; съ ними мы встрѣтимся въ послѣдствіи, какъ съ приверженцами Писистрата.

Лучшая часть Аттики, ея «равнина», τὸ πεδίον, мѣсто жительства аристократическихъ педіэевъ, лежитъ на югъ отъ Парнеѳа и на западъ отъ Пентелика и Гиметта. На сѣверозападѣ эта равнина Кекропсова — какъ ее называли — отдѣлялась отъ элевсинской равнины небольшими возвышеніями Коридалла и Эгалея, островное продолже-

ніе которыхъ составляютъ высоты Саламина. Съ трехъ сторонъ ограниченная горами, она съ четвертой стороны спускается къ морю, омывающему ее съ югозапада. Природа особенно благопріятствовала этой благословенной странѣ, «любимому созданію боговъ», какъ говорили Аѳиняне. Видѣвшіе ее отзываются съ удивленіемъ о граціи линій, опредѣляющихъ очертаніе ея холмовъ, и объ игрѣ самыхъ теплыхъ и живыхъ красокъ, представляемой аттическими холмами въ ясномъ и прозрачномъ воздухѣ. Горы, лежащія на востокѣ, не такъ высоки, чтобы задерживать лучи солнца ко вреду физической жизни, между тѣмъ какъ отъ сѣвера эту равнину Аѳинъ охраняетъ довольно массивный хребетъ Парнеѳа, высоты котораго въ состояніи значительно ослабить силу Борея, «стремительно несущагося изъ Ѳракіи». Совершенно же беззащитна она лишь съ той стороны, откуда дуетъ Зефиръ, самый пріятный изъ вѣтровъ и такъ много прославляемый въ древней поэзіи,—кроткій и юношественный красавецъ, какъ онъ изображенъ въ одномъ изъ рельефовъ на аѳинской «башнѣ вѣтровъ», съ раскрытою грудью, цвѣтами въ рукахъ и дружественною благосклонностію во взорѣ. Главная рѣка этой равнины, питаемая водами Парнеѳа и Пентелика, называется, какъ и элевсинская рѣка, «рѣкою садовъ», Кефиссомъ. Зимою она разливается, какъ и всѣ греческія рѣки, но ея разлитія при правильномъ отводѣ не могутъ причинить вреда земледѣлію и садоводству. Раннею весной Кефиссъ возвращается въ свое русло, и увлаженная почва начинаетъ пользоваться прикосновеніемъ живительнаго аттическаго воздуха. Поэтому уже второй мѣсяцъ послѣ зимняго солнцестоянія называется мѣсяцемъ цвѣтовъ, анѳестеріономъ. Воздушная влага не осѣдаетъ болѣе на горахъ въ видѣ снѣга, и въ равнинѣ разрѣшается не дождемъ, а росою. Ячмень поспѣваетъ здѣсь 35-ю днями ранѣе, нежели въ Пелопоннесѣ, и даже значительно ранѣе, нежели въ близкомъ къ Аттикѣ и болѣе южномъ Саламинѣ. Но съ другой стороны аттическая почва далеко не такъ тучна, и воздухъ не такъ влаженъ и густъ, какъ въ Беотіи. Климатъ не располагаетъ здѣсь человѣка къ тучности и развитію мышцъ. Умѣренное плодоносіе почвы и живительная чистота и свѣжесть атмосферы, которою не могутъ нахвалиться путешественники, побуждаютъ къ дѣятельности и облегчаютъ ее. Народонаселеніе аттической равнины отличалось легкостію и гибкостью тѣлосложенія и тонкимъ развитіемъ чувствъ. Это «Эрехѳиды, среди блещущаго эѳира легко ходящіе», какъ говоритъ Эврипидъ. «Девять святыхъ Піэринянокъ (то-есть музъ) вызвали здѣсь золотую гармонію, и Киприда, въ вѣнкѣ изъ благоуханныхъ розъ, черпая вол-

ны прекраснотекущаго Кефисса, распространила по странѣ тихое вѣяніе волнующагося вѣтра, и съ мудростію сочетала любовь» [1]).

Древняя исторія этой страны не знаетъ потрясеній, подобныхъ тому, какимъ было въ Пелопоннесѣ дорійское завоеваніе. Аттика была такъ счастлива, что осталась свободною отъ переворотовъ, отрывающихъ исторію отъ ея корня. Аѳинскій народъ отличался подвижностію, но движеніе происходило здѣсь на почвѣ, болѣе твердой, нежели въ другихъ странахъ Греціи. «Едва ли въ какомъ-либо другомъ греческомъ обществѣ была такъ крѣпка сила прошедшаго, сила, противодѣйствующая новому, какъ въ аѳинскихъ демахъ. Безчисленныя нити преданій опутывали весь корень аѳинской жизни и уходили вмѣстѣ съ нимъ въ самую темную глубь пеласгическаго міра; эти изящныя, свѣтлыя Аѳины, стоящія впереди греческаго міра, — формація самая гелленская изъ всего гелленскаго — не теряли однако связи съ пеласгическими эпохами и чувствовали свои темные корни» [2]).

Приведемъ въ подтвержденіе этихъ словъ нѣсколько извѣстій объ обычаяхъ, сохранявшихся съ незапамятныхъ временъ, какъ неприкосновенная святыня, въ древнѣйшихъ и знаменитѣйшихъ изъ аѳинскихъ родовъ. Мы обязаны этими извѣстіями аѳинскимъ ораторамъ и грамматикамъ, ихъ объяснявшимъ; они собраны въ особенности двумя учеными, Босслеромъ и Мейеромъ, изъ которыхъ послѣдній составилъ списокъ 72 аѳинскихъ родовъ. Многіе изъ нихъ уже самыми именами, странными и очевидно религіозными, свидѣтельствуютъ о своей глубокой древности. Мы находимъ цѣлый рядъ родовъ, объявлявшихъ себя незапамятными обитателями страны, ἰθαγενεῖς, — напр. Эгиротомовъ, то-есть рубителей какого-то древняго священнаго тополя; Гесихидовъ, то-есть въ священномъ молчаніи поклонявшихся великимъ богинямъ Деметрѣ и Персефонѣ; Ѳавлонидовъ, сохранявшихъ древнее право убивать, въ праздникъ буфоній, жертвеннаго быка, котораго Кентріады, другой родъ, пригоняли бичами къ жертвеннику, а Детры разрѣзывали на части; Кефисіэевъ, носящихъ имя рѣки Кефисса; Кериковъ, то-есть священныхъ глашатаевъ элевсинскаго храма, а равно и ареопага въ Аѳинахъ (пользовавшихся религіознымъ почетомъ и внѣ границъ Аттики, именно на островѣ Делосѣ, гдѣ двое

[1]) Медея р. 820. — Предшествующее изображеніе Аттики сдѣлано по Мюллеру въ Энциклопедіи Эрша и Грубера подъ словомъ Attika (Отд. 1. Томъ 6 стр. 215) и Форхгаммеру въ его Hellenica (Berlin. 1837), гдѣ находится превосходная характеристика Аттики, Беотіи и долины Сперхея.

[2]) Слова г. Каткова, см. Очерки греческой философіи. Пропилеи. Томъ I, Отдѣл. I. стр. 348.

изъ нихъ бывали ежегодно храмовыми параситами [1]), —и наряду съ ними другіе роды, еще болѣе знаменитые, но не считавшіе нужнымъ утверждать своего автохѳонизма. Одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ между этими родами занимали Эвмолпиды, то-есть прекрасно поющіе, наслѣдственные гіерофанты элевсинскаго храма, удержавшіе за собою до послѣднихъ временъ право судить, въ собраніи родичей, тѣхъ Аѳинянъ, которые были обвиняемы въ нечестіи. Не меньшею славою пользовались Ликомиды, которые пѣли въ элевсинскихъ мистеріяхъ древніе гимны Мусея къ Деметрѣ и, по пресѣченіи дома Калліевъ и Гиппонниковъ (изъ рода Кериковъ), получали право на санъ дадуха, то-есть держателя факела въ элевсинскихъ мистеріяхъ, родъ, также преимущественно поклонявшійся Деметрѣ и прославленный Ѳемистокломъ, который произошелъ изъ него. Къ этому же религіозному кругу принадлежали Памфиды, производившіе себя отъ древняго пѣвца Памфа; Фиталиды, добрые хранители священной смоковницы, у которыхъ Деметра нашла радушный пріемъ, а Ѳесей — очищеніе послѣ убіенія Синиса; Филиды, изъ рода которыхъ избиралась жрица, посвящавшая въ элевсинскія мистеріи; Эвданемы, изъ которыхъ брались въ мистеріяхъ какіе-то священные вѣстники. У этихъ элевсинскихъ священныхъ родовъ оспаривали первенство древніе собственно-аѳинскіе роды, стоявшіе въ связи съ поклоненіемъ Палладѣ Аѳинѣ. Самымъ знаменитымъ не только между ними, но и вообще въ Аттикѣ признавался по общему согласію родъ Бутадовъ, или Этеобутадовъ, дававшій жрицъ Аѳинѣ Поліадѣ и жрецовъ Посидону Эрехѳею, божествамъ соединеннымъ вмѣстѣ въ Эрехѳеонѣ, древнѣйшемъ и священнѣйшемъ храмѣ аѳинскаго акрополя. Знатность этого рода была такъ велика, что его имя въ пословицахъ употреблялось какъ нарицательное и имѣло значеніе *самый знатный*, и даже фратрія, къ которой онъ принадлежалъ, считалась болѣе почетною нежели другія, а между тѣмъ его имя не значитъ ничего болѣе какъ *пастухи быковъ*. Не далекъ отъ него по значенію родъ Бузиговъ, т. е. запрягающихъ быка для земледѣльческаго труда, члены котораго ежегодно совершали въ Аѳинахъ обрядъ священнаго паханія, а праотецъ Бузигъ, древній обуздатель быковъ, проповѣдалъ нѣкогда смягченіе нравовъ, сопряженное съ земледѣліемъ, и изрекъ великія проклятія, Βουζύγειοι ἀραί, повторявшіяся потомъ при родовыхъ священнодѣйствіяхъ Бузиговъ: «прокляты да будутъ отка-

[1]) Кромѣ того автохѳоническими родами называли себя Діогениды, Зевксантиды, Кодіи, Коллиды, Колліеи, Спевсандриды. Ср. выше въ статьѣ г. Куторги Отд. 1 стр. 184, гдѣ впрочемъ Керики опущены.

зывающіе другому въ водѣ и огнѣ, не указывающіе пути заблудившемуся и оставляющіе непогребенными мертвыхъ.» Нельзя не замѣтить, что изъ этого рода проповѣдниковъ дружелюбія происходилъ величайшій государственный мужъ процвѣтающихъ Аѳинъ, руководитель Аѳинянъ въ лучшее время ихъ исторической жизни, Периклъ. Также въ связи съ поклоненіемъ Палладѣ стояли Праксіэргиды, облекавшіе ежегодно ея идолъ, находившійся въ Эрехѳеонѣ, новымъ пеплосомъ, чему предшествовало омовеніе идола, соединенное съ тайными священнодѣйствіями, ὄργια ἀπόρρητα, во время которыхъ на всѣхъ очагахъ въ Аѳинахъ гасился огонь, и Аѳиняне не принимались ни за какое дѣло. Были кромѣ того роды, которые хотя не имѣли такого жреческаго значенія, но даже въ эпоху полнаго господства демократіи оставались вѣрными древнему началу, совершенно побѣжденному въ политической жизни общества, и сохранили свои наслѣдственныя занятія: таковы Дедалиды, производившіе свой родъ отъ Дедала, миѳическаго представителя ваянія, и продолжавшіе заниматься этимъ искусствомъ даже во время Сократа, который принадлежалъ къ этому роду, былъ сынъ ваятеля и самъ по ремеслу—ваятель: сюда же слѣдуетъ, кажется, отнести роды Фреориховъ, копателей колодцевъ, и Халкидовъ, то-есть мѣдниковъ. Въ другихъ родахъ твердо хранились религіозныя представленія, отъ которыхъ главная масса Аѳинскаго народа давно освободилась. Гефестиды оставались вѣрными своему Гефесту, одному изъ древнѣйшихъ между богами, поклоненіе которому пришло въ Аттикѣ въ такое забвеніе, что Павсаній нашелъ въ Аѳинахъ одинъ только храмъ этого бога, между тѣмъ какъ въ древности цѣлое колѣно, то-есть четвертая часть народа, носило, по преданію, его имя. Гефиреи, происходившіе, по Геродоту, отъ Финикіянъ, совершали священнодѣйствія, къ которымъ остальные Аѳиняне даже не имѣли доступа, но и сами, какъ говоритъ Геродотъ, не были допускаемы къ нѣкоторымъ правамъ, хотя, по словамъ историка, и не весьма важнымъ. Былъ также цѣлый родъ Финикіянъ, Φοίνικες, которые какимъ-то особеннымъ образомъ покланялись Посидону, этому древнему страшному богу бурнаго моря, который многими былъ отождествляемъ съ Вааломъ, главнымъ богомъ финикійскаго племени [1]), и въ Аттикѣ былъ побѣжденъ Палладой Аѳиной. Многіе роды наконецъ производили себя отъ героевъ, бывшихъ представи-

[1]) Прибавимъ здѣсь кстати слѣдующее замѣчаніе. Одну изъ наименѣе объясненныхъ сторонъ въ значеніи Посидона составляетъ, что онъ называется у Геродота богомъ, заимствованнымъ Греками у Ливійцевъ. Въ подтвержденіе этому свидѣтельству Гергардъ, въ мемуарѣ, читанномъ въ берлинской Академіи 8-го августа 1850-го года и напечатанномъ въ томѣ Abhandlungen, вышедшемъ въ 1852-мъ году, указываетъ на негреческій харак-

телями древнихъ степеней въ развитіи не только аѳинскаго, но и всего Греческаго народа: Персиды или Перриды отъ Персея, Переѳиды отъ Периѳоя, Эвниды, музыкальный родъ священныхъ глашатаевъ и плясуновъ, отъ лемносскаго Эвнея, сына Іасона и Гипсипилы, Пеониды отъ мессенскаго Пеона, а Эврисакиды, изъ которыхъ произошелъ Алкибіадъ, и Филаиды, къ которымъ принадлежали Писистратъ, Милтіадъ, Кимонъ, Ѳукидидъ историкъ и Эпикуръ, — отъ двухъ сыновей саламинскаго Эанта [1]).

Мы нарочно распространились о знаменитыхъ аѳинскихъ родахъ, потому что въ ихъ обычаяхъ и преданіяхъ видны древнѣйшіе остатки до-исторической жизни племени, населявшаго Аттику. Но для историческаго изслѣдователя имѣютъ интересъ не только отдѣльные аѳинскіе роды съ ихъ миѳами и обрядами, восходящими въ глубокую древность: на ряду съ этимъ значеніемъ аѳинскіе роды имѣютъ важность и въ цѣломъ, какъ соціяльный институтъ. Естественно предполагать, что родъ былъ въ Аттикѣ, какъ и вообще въ Греціи и вездѣ, древнѣйшею общественною связью. Мы можемъ такъ заключать на основаніи всеобщей исторической аналогіи, но имѣемъ въ этомъ случаѣ за себя и то весьма важное обстоятельство, что такое значеніе рода не укрывалось и отъ самихъ древнихъ. Въ этомъ убѣждаетъ замѣчательное мѣсто одного изъ учениковъ Аристотелевыхъ, Дикеарха, о древнихъ раздѣленіяхъ Греческаго народа, сохранившееся въ лексиконѣ Стефана Византійскаго подъ словомъ: πάτρα. Оно такъ важно, что мы переведемъ его вполнѣ.

«*Патра* есть одинъ изъ трехъ употребительныхъ у Гелленовъ видовъ соединенія людей, какъ то: *патра*, *фратрія* и *фила*. *Патрою* называлось соединеніе сродниковъ (συγγένεια), перешедшее во второе колѣно, а прежде того состоявшее въ связи, проистекающей изъ брака отдѣльнаго мущины съ отдѣльными женщинами [2]); называлось

теръ этого бога, который стоитъ на Олимпѣ какъ бы особнякомъ и почти не имѣетъ потомства. Послѣднее не подлежитъ сомнѣнію, но еще не объясняетъ, почему Посидона выводили именно изъ Либіи. Эта часть задачи, по нашему мнѣнію, совершенно удачно рѣшена Штаркомъ, который въ сочиненіи Forschungen zur Geschichte und Alterthumskunde des hellenistischen Orients Bd. I. Gaza und die philistäische Küste (Jena, 1852) стр. 274—294 показалъ, что этотъ либійскій Посидонъ, есть не кто иной, какъ извѣстный Баалъ, или Кроносъ, или Тифонъ Семитовъ, поклоненіе которому, какъ положительно извѣстно, было распространено по всему сѣверному берегу Африки.

[1]) Всѣ подробности, приведенныя нами объ аѳинскихъ родахъ замствованы изъ сочиненій: Bossler de gentibus et familiis Atticæ sacerdotalibus. Darmst. 1833. и Meier de gentilitate attica. Halis. 1835.

[2]) Инаго значенія не можетъ имѣть необыкновенно краткое греческое выраженіе: ἡ κατὰ μόνας ἑκάστῳ πρότερον οὖσα.

оно по имени старшаго и наиболѣе сильнаго въ родѣ, какъ напримѣръ мы говоримъ Эакиды или Пелопиды. Имя *фатріи* или *фратріи* произошло, когда нѣкоторые выдали своихъ дочерей замужъ въ чужую патру, ибо вышедшая замужъ переставала участвовать въ священнодѣйствіяхъ своей патры и принадлежала къ патрѣ своего мужа; такъ что, между тѣмъ какъ прежде браки заключались между братьями и сестрами, теперь установилось новое соединеніе для общенія въ священнодѣйствіяхъ, получившее названіе фратріи, и какъ патра произошла изъ родства родителей съ дѣтьми и дѣтей съ родителями, такъ фратрія изъ родства братьевъ. *Фила* же и *филеты* (колѣно) образовались послѣ соединенія людей въ города и такъ-называемыя племена, ибо каждая изъ соединившихся частей называлась колѣномъ (φῦλον)» [1].

Это мѣсто Дикеарха было предметомъ толкованій многихъ ученыхъ, изъ которыхъ, по нашему крайнему разумѣнію, болѣе всѣхъ приближается къ истинѣ мнѣніе Бутмана, изложенное въ его обширномъ разсужденіи о фратріи [2]. Знаменитый гелленистъ пришелъ къ тому заключенію, что Дикеархъ въ этомъ мѣстѣ имѣлъ въ виду двѣ цѣли: вопервыхъ, показать постепенное происхожденіе человѣческихъ обществъ вообще, и вовторыхъ, объяснить дѣйствительно существовавшее нѣкогда раздѣленіе аѳинскаго народа. Бутманъ старается доказать, что Дикеарховы филы, фратріи и патры совершенно соотвѣтствуютъ извѣстнымъ изъ исторіи аѳинскимъ раздѣленіямъ народа — фратрѣ, филѣ и роду. Основанія, приведенныя имъ въ подтвержденіе этого положенія, такъ убѣдительны, что мы не видимъ въ этомъ случаѣ возможности раздѣлять противное Бутманову мнѣніе нашего русскаго ученаго, г. Куторги. Слѣдуя правилу упоминать въ этихъ стать-

[1]) Считаемъ нужнымъ выписать и греческій текстъ этого спораго мѣста: Πάτρα ἓν τῶν τριῶν τῶν παρ' Ἕλλησι κοινωνίας εἰδῶν, ἃ δὴ καλοῦμεν Πάτραν, Φρατρίαν, Φυλήν.

Ἐκλήθη δὲ πάτρα μὲν εἰς τὴν δευτέραν μετάβασιν ἐλθόντων ἡ κατὰ μόνας ἑκάστῳ πρότερον οὖσα συγγένεια, ἀπὸ τοῦ πρεσβυτάτου τε καὶ μάλιστα ἰσχύσαντος ἐν τῷ γένει τὴν ἐπωνυμίαν ἔχουσα, ὃν ἂν τρόπον Αἰακίδας ἢ Πελοπίδας εἴποι τις ἄν.

Φατρίαν δὲ συνέβη λέγεσθαι καὶ φρατρίαν, ἐπειδή τινες εἰς ἑτέραν πάτραν ἐδίδοσαν θυγατέρας ἑαυτῶν. Οὐ γὰρ ἔτι τῶν πατριωτικῶν ἱερῶν εἶχε κοινωνίαν ἡ δοθεῖσα, ἀλλ' εἰς τὴν τοῦ λαβόντος αὐτὴν συνετέλει πάτραν. Ὥστε πρότερον πόθῳ τῆς συνόδου γενομένης ἀδελφαῖς σὺν ἀδελφῷ, ἑτέρα τις ἱερῶν ἐτέθη κοινωνικὴ σύνοδος, ἣν δὴ φρατρίαν ὠνόμαζον καὶ πάλιν ὥστε πάτρα μὲν ὄνπερ εἴπομεν ἐκ τῆς συγγενείας τρόπον ἐγένετο μάλιστα τῆς γονέων σὺν τέκνοις καὶ τέκνων σὺν γονεῦσι, φρατρία δὲ ἐκ τῆς τῶν ἀδελφῶν. Φυλὴ δὲ καὶ φυλέται πρότερον ὠνομάσθησαν ἐκ τῆς εἰς τὰς πόλεις καὶ τὰ καλούμενα ἔθνη συνόδου γιγνομένης, ἕκαστον γὰρ τῶν συνελθόντων φῦλον ἐλέγετο εἶναι.

[2]) См. Mythologus. Band. II, Seite 306 folg.

яхъ о всѣхъ важнѣйшихъ сочиненіяхъ, иностранныхъ и, преимущественно, русскихъ, касающихся предметовъ, разсматриваемыхъ Гротомъ, мы считаемъ необходимымъ и въ этомъ случаѣ остановиться эпизодически на мнѣніи г. Куторги. Нашъ почтенный ученый, въ разсужденіи, напечатанномъ въ «Бюллетенѣ» Академіи Наукъ [1]), высказалъ мнѣніе, что Дикеархъ изображаетъ въ этомъ мѣстѣ происхожденіе всего рода человѣческаго отъ одной пары и называетъ патрою первое семейство, а фратріею брачное соединеніе сыновей съ дочерьми, необходимое въ первомъ семействѣ. Отъ этого двоякаго соединенія, говоритъ г. Куторга, происходитъ, по мысли Дикеарха, размноженіе рода человѣческаго, которое повело къ образованію родовъ и потомъ къ соединенію родовъ въ фратріи (являющіяся здѣсь во второй разъ уже въ ихъ обиходномъ греческомъ значеніи) и фратрій въ филы, послужившія основою для города или, что̀ однозначительно, для государства. Таково вкратцѣ толкованіе Дикеархова мѣста, предложенное г. Куторгою. Но противъ него возникаютъ многія соображенія, которыя мы не видимъ возможности согласить съ нимъ. Вопервыхъ, коренное правило филологическаго толкованія предписываетъ понимать, если это только возможно, каждое мѣсто прежде всего такъ, какъ оно само говоритъ о себѣ, а всякій видитъ, что у Стефана Византійскаго патры, фратріи и филы съ совершенною ясностію изображаются какъ соединенія, *непосредственно переходящія одно въ другое:* изъ соединенія патръ образуются фратріи, изъ соединенія фратрій филы; мѣсто Стефана Византійскаго не подаетъ прямаго повода предполагать двойственное значеніе слова *фратрія*, къ тому же неизвѣстное въ греческомъ языкѣ, и это предположеніе можетъ получить вѣроятность лишь въ томъ случаѣ, когда безъ него какія-либо выраженія мѣста остались бы непонятными. Трудныя выраженія въ самомъ дѣлѣ встрѣчаются въ этомъ мѣстѣ, но и для ихъ объясненія прежде всего надобно искать указаній въ самомъ мѣстѣ, а мы находимъ, вовторыхъ, что въ самомъ началѣ мѣста его авторъ выражаетъ свое намѣреніе говорить о трехъ видахъ соединенія людей, *употребительныхъ въ Греціи*, и слѣдовательно заставляетъ насъ ожидать, что будетъ употреблять слова патра, фратрія и фила въ ихъ обыкновенномъ, а не въ какомъ-нибудь особенномъ смыслѣ. Намѣреніе автора выражено такъ ясно, что мы только въ крайнемъ случаѣ можемъ прибѣгнуть къ предположенію, что послѣ такого вступленія будетъ говориться не о греческихъ патрахъ, фратріяхъ и родахъ. Основываясь на этомъ и зная,

[1]) Томъ VIII, № 5, 1850 года.

что малоупотребительное слово *патра* въ греческомъ языкѣ означаетъ иногда родъ, напримѣръ у Пиндара, а иногда не означаетъ семейства, выраженія же фратрія и фила также имѣли у Грековъ совершенно опредѣленное значеніе, — мы естественно предрасположены къ заключенію, что Дикеархова патра скорѣе родъ (мнѣніе Бутмана) нежели первое семейство (мнѣніе г. Куторги), и фратрія скорѣе совокупность родовъ, и часть филы, нежели брачное соединеніе братьевъ съ сестрами въ первомъ семействѣ. Остаются слѣдовательно самыя слова Дикеарха о патрѣ, фратріи и филѣ, слова, правда, темныя и обличающія неловкость сокращателя, но не заключающія въ себѣ ничего, что̀ по необходимости относилось бы къ первой парѣ людей. Напротивъ, и это мы замѣтимъ втретьихъ, во множествомъ числѣ, употребленномъ о женщинахъ въ патрѣ (κατὰ μόνας), мы находимъ указаніе на то, что авторъ не могъ имѣть въ виду *одной* пары, а въ замѣчаніи о соединеніи, бывшемъ прежде (πρότερον) патры, — на то, что патра въ его мысли не можетъ быть *первою* парой. Простой смыслъ всего того, что̀ онъ говоритъ о патрѣ, если взять все вмѣстѣ, совершенно ясенъ: онъ хочетъ отличить патру, какъ соединеніе, составляемое потомствомъ семьи (т. е. родъ), отъ семьи, которая предшествуетъ патрѣ и состоитъ изъ соединенія мужа, жены и дѣтей, или, какъ онъ говоритъ, изъ связи, проистекающей изъ каждаго брака, «отъ каждаго мущины черезъ женъ». Это постоянное отличіе рода отъ семьи, повторяющееся при каждомъ происхожденіи отдѣльныхъ родовъ изъ семей, и есть то, что очевидно имѣетъ въ виду обозначить авторъ. А какъ скоро патра есть родъ, то и фратрія будетъ по необходимости соединеніе родовъ, т. е. то самое, что̀ этимъ именемъ обозначалось во всей Греціи, еще со временъ Гомера [1]).

Впрочемъ, утверждая вмѣстѣ съ Бутманомъ, что Дикеарховы патры, фратріи и филы въ мысли самого Дикеарха совершенно тождественны съ аѳинскими родами, фратріями и филами, мы однакоже далеки отъ того мнѣнія, что дѣйствительно существовавшія въ исторіи подраздѣленія аѳинскаго народа произошли точно такъ, какъ описываетъ Дикеархъ. Въ его словахъ мы видимъ лишь теорію, имъ самимъ составленную для объясненія явленій, найденныхъ имъ въ Аѳинахъ и вѣроятно въ большей части греческихъ городовъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что родъ, это разросшееся семейство, былъ древнѣйшимъ, сколько-нибудь обширнымъ соединеніемъ людей, и первымъ проявленіемъ человѣческой общежительности (естественно рож-

[1]) Фратрія, какъ часть филы, въ Иліадѣ II, 362.

дающагося государства). Всѣ дальнѣйшія соединенія, а слѣдовательно и греческія фратріи и филы, должны были въ своемъ первомъ происхожденіи образоваться изъ родовъ, и въ этомъ отношеніи нельзя не согласиться, что теорія Дикеарха имѣетъ за себя не только историческое правдоподобіе, но и логическую необходимость. Но это относится только къ первично-происшедшимъ фратріямъ и филамъ, а не къ тѣмъ фратріямъ и филамъ, учрежденіямъ политическимъ, которыя застаетъ въ Аѳинахъ исторія. Эти послѣднія, очевидно, лишь составлены по образцу первоначальныхъ фратрій и филъ, но отнюдь не тождественны съ ними. Одинъ взглядъ на филы, фратріи и роды, которыя мы находимъ въ Аѳинахъ, вполнѣ убѣдитъ въ этомъ.

Древніе согласны въ томъ, что до переворота, произведеннаго Клисѳеномъ въ 529 году до Р. Х., Аѳиняне раздѣлялись на четыре филы, носившія имена: гелеонтовъ [1]), гоплетовъ, эгикореевъ и аргадеевъ. Эти имена сами Аѳиняне производили отъ сыновей Іона и самыя филы называли іонійскими. Есть положительныя доказательства, что онѣ существовали не въ однѣхъ Аѳинахъ, но и въ другихъ іонійскихъ городахъ, и были общею принадлежностію іонійскаго племени, подобно тому какъ тройственное раздѣленіе на гиллеевъ, памфиловъ и димановъ вездѣ сопутствовало Дорянамъ. Каждая изъ этихъ четырехъ филъ раздѣлялась на три фратріи, которыхъ было 12, и наконецъ каждая фратрія заключала въ себѣ 30 родовъ. Эти соединенія сохранили до позднѣйшаго времени свой религіозный характеръ. Во главѣ каждой филы стоялъ особенный начальникъ, имѣвшій обязанность жреца и носившій имя *филобасилея*, то-есть царя филы; изъ одной надписи, въ которой упоминается Зевсъ Гелеонтъ [2]), можно заключить, что каждая фила имѣла свое божество, которому особенно покланялась; общимъ божествомъ филъ былъ Апполонъ Патрой, который связывалъ ихъ вмѣстѣ. Фратріи также имѣли значеніе религіозныхъ соединеній; у нихъ были свои святилища, которыя назывались *фратріонами*, и

[1]) Для слова гелеонты есть варіантъ — телеонты, защищаемый Мюллеромъ и Бёкомъ, но форма гелеонты гораздо лучше засвидѣтельствована, и мы не обинуясь признаемъ ее вслѣдъ за Готфридомъ Германомъ (Præfat. ad Euripidis Ion. pag. XXI, изд. 1827 г.) за единственно вѣрную, тѣмъ болѣе, что она подтверждена надписью съ именемъ Зевса Гелеонта, найденною въ послѣдствіи и приведенною нами въ слѣдующемъ примѣчаніи. Гротъ также предпочитаетъ эту форму

[2]) Gerhard's Arch. Zeitung. 1844. № 15. Ross die Demen von Attica. Halle. 1846 p. VII—X. Сюда относятся слѣдующія слова шестой строчки:

ΚΑΙΔΙΟΣΓΕΛΕΟΝΤΟΣΙΕΡΟΚΗΡΥΞΤΙΤΟΣΚΟΠΩΝΙΟΣΜΑΞΙ-
ΜΟΣΑΓΝΟΣΙΟΣΕΙΠΕΝ

въ которыхъ приносили жертвы или общимъ богамъ всѣхъ фратрій, Зевсу и Аѳинѣ, или частному богу каждой фратріи, какъ напримѣръ Аполлону Седмичному (Гебдомею) во фратріи Ахніадовъ [1]); въ этихъ святилищахъ фраторы собирались нѣсколько разъ въ году подъ предсѣдательствомъ фратріарха. Главнымъ праздникомъ, общимъ для всѣхъ фратрій, были апатуріи, продолжавшіяся въ Аѳинахъ три дня: въ первый день, Δορπία или Δόρπεια, фраторы сходились вечеромъ на общее пиршество, при которомъ, по какому-то древнему законоположенію, не должно было бывать собакъ; во второй день, Ἀνάῤῥυσις, приносилась жертва богамъ апатурій, Зевсу, Аѳинѣ и, какъ кажется, Бакху; въ третій день наконецъ, Κουρεῶτις, члены фратрій приносили дѣтей, рожденныхъ въ продолженіе года, и приводили тѣхъ, которыхъ хотѣли усыновить; каждый долженъ былъ притомъ принести въ жертву овцу или козу, и голоса фраторовъ о принятіи представляемаго ко внесенію въ списокъ собирались, когда эта жертва горѣла; ежели большинство было въ пользу принятія, то имя тотчасъ же вписывалось въ такъ называемый κοινὸν или φρατορικὸν γραμματεῖον; въ противномъ случаѣ можно было перенести дѣло на судъ народнаго собранія. Кромѣ того каждый фраторъ, женившись, обязанъ былъ давать о томъ знать своимъ софраторамъ и дѣлать угощеніе для тѣхъ изъ нихъ, которые были къ нему близки. Наконецъ въ случаѣ убійства фраторы должны были принимать участіе въ дѣйствіяхъ родственниковъ убитаго по судебному преслѣдованію убійцы, а если убійство было ненамѣренное и у убитаго не было родственниковъ, то мириться съ убійцей и освобождать его отъ проклятія. Дальнѣйшія подраздѣленія фратрій — роды — имѣли также своихъ начальниковъ или архонтовъ, свои религіозные обряды, святилища, или по крайней мѣрѣ жертвенники, и, какъ кажется, особенныя мѣста для сходокъ, такъ называемыя *лесхи*; до Солона у родичей было право наслѣдства послѣ членовъ своего рода, не оставлявшихъ потомства; наконецъ родичи имѣли одно общее имя и считали одного какого-нибудь героя своимъ общимъ родоначальникомъ. Но, какъ единогласно прибавляютъ грамматики, они не находились между собою ни въ ка-

[1]) Böckh Corpus Inscriptionum n. 463:

. . ΕΡΟΝ	(Ἱ)ερὸν
. ΠΟΛΛΩΝΟΣ	(Ἀ)πόλλωνος)
ΕΒΔΟΜΕΙΟ	Ἑβδομείο(υ)
ΦΡΑΤΡΙΑΣ	φρατρίας
ΑΧΝΙΑΔΩΝ	Ἀχνιαδῶν

комъ кровномъ родствѣ: аѳинскіе роды были политическія и религіозныя соединенія, не имѣвшія ничего общаго съ узами кровнаго родства. Это послѣднее извѣстіе чрезвычайно важно и объясняетъ возможность сообщаемаго намъ круглаго числа аѳинскихъ родовъ. Аналогію къ этому можно найдти въ устройствѣ общины римскихъ патриціевъ, которые раздѣлялись на 3 трибы, 10 курій и 300 декадъ (т. е. безъ сомнѣнія родовъ), — числа, которыя одни уже показываютъ, что и римскіе роды произошли не черезъ естественное нарожденіе, и прекрасно объясняютъ, почему Цицеронъ, съ особенною тщательностію отыскивая въ «Топикѣ» [1]) всѣ возможныя опредѣленія римскаго родича, не упоминаетъ о кровномъ родствѣ между родичами [2]).

Надобно полагать, что эти формы общественной жизни—родъ, фратрія и фила, какъ говорили Греки, или родъ, курія и триба, какъ говорили Римляне, — возникли первоначально на основѣ естественнаго родоваго быта. Нѣсколько родовъ, изъ которыхъ каждый состоялъ изъ родичей, находившихся между собою въ кровномъ родствѣ, могли сблизиться одинъ съ другимъ, *побрататься* между собою и составить *фратрію*, то-есть братственное соединеніе нѣсколькихъ родовъ. Изъ нѣсколькихъ фратрій могло, далѣе, произойдти колѣно, *фила* или триба. Такимъ образомъ должны были возникнуть эти формы общественной жизни во времена незапамятной древности; но не можетъ подлежать сомнѣнію, что уже въ весьма отдаленное время должны были образоваться соединенія людей, основанныя только отчасти на кровномъ родствѣ и наряду съ этою древнѣйшею связію обязанныя своимъ происхожденіемъ произвольному желанію нѣсколькихъ людей жить и дѣйствовать вмѣстѣ. Въ такихъ соединеніяхъ высказывалось уже другое начало, которое противоположно кровному и въ своемъ полномъ явленіи можетъ быть выразительно названо *дружиннымъ*. Впрочемъ, такъ какъ эта новая сила начинала дѣйствовать среди быта, формы котораго были опредѣлены началомъ кровнаго родства, и въ такое время, когда не было извѣстно другихъ соединеній кромѣ родовыхъ, то несмотря на ея противополож-

[1]) Topic. 6.

[2]) Доказательства всему сказанному объ аѳинскихъ филахъ, фратріяхъ и родахъ см. у Мейера, de gentilitate attica. Замѣтимъ еще, что Гротъ считаетъ невѣроятнымъ круглое число аѳинскихъ родовъ, о которомъ намъ говорятъ грамматики. Оно дѣйствительно невѣроятно по нашимъ понятіямъ, но какъ объяснить, что подобныя круглыя числа сообщаются намъ и о Римѣ и о средневѣковыхъ общинахъ? У Суліотовъ была, правда, 31 фара, число не круглое, но въ Кёльнѣ было 45 родовъ, въ Дитмарсенѣ 30, во Флоренціи 72. См. Niebuhrs Römische Gesch. 1, стр. 335 (4-го изд.).

ность кровному или родовому началу, ея продукты принимали по необходимости формы древнихъ, исключительно кровныхъ соединеній. Поэтому, какъ только составлялись товарищества или дружины изъ лицъ, принадлежавшихъ равнымъ родамъ и колѣнамъ, то эти новыя группы людей тотчасъ же по своемъ составленіи чувствовали потребность устроиться точно такъ, какъ были устроены племена, среди которыхъ онѣ происходили. Такимъ образомъ должны были явиться колѣна, фратріи и роды, состоявшія изъ людей, не находившихся между собою ни въ какомъ родствѣ — явленіе, примѣръ которому можно найдти почти даже въ наше время [1]). Эти новыя формы отличаются отъ древнихъ, какъ искусственныя отъ естественныхъ, и легко замѣтить, что онѣ имѣютъ уже въ нѣкоторой степени политическій характеръ. Таково-то именно и было по нашему мнѣнію значеніе филъ, фратрій и родовъ, находимыхъ нами въ древней Греціи, а равно и трибъ, курій и родовъ, на которые раздѣлялись римскіе патриціи. Это были искусственныя политическія формы, составленныя по образцу естественныхъ родовыхъ.

Пойдемъ теперь далѣе въ этомъ вопросѣ, на которомъ мы считали нужнымъ остановиться подолѣе, потому что онъ соприкасается съ теоретическимъ вопросомъ о родовомъ бытѣ и его формахъ, получившимъ съ нѣкотораго времени привилегированное право гражданства въ нашей ученой литературѣ.

Одна изъ самыхъ важныхъ заслугъ Нибура состоитъ во введеніи сравнительнаго метода въ историческія разысканія. Въ вопросѣ, насъ занимающемъ, Нибуръ на пути историческаго наведенія пришелъ къ тому заключенію, что роды и родовыя колѣна вездѣ составляютъ принадлежность патриціянскихъ общинъ и ихъ отличіе отъ плебеевъ или демотовъ. Въ старыхъ нѣмецкихъ городахъ роды (Geschlechter отсюда италіянское schiatta и, какъ кажется, польское *шляхта*) дѣйствительно противополагались цехамъ, точно такъ, какъ въ Римѣ патриціи отличали себя отъ плебеевъ именно тѣмъ, что у плебеевъ нѣтъ патриціянскихъ родовъ. Поэтому когда демократія торжествовала, то родовыя колѣна замѣнялись мѣстными,—явленіе, которое мы видимъ въ Аѳинахъ, точно такъ же какъ въ Римѣ. Основываясь на этихъ данныхъ, Нибуръ полагалъ, что іонійскія филы въ Аѳинахъ заключали въ себѣ только тамошнихъ патриціевъ, или эвпатридовъ, и что плебеи, или демоты, стояли внѣ этихъ филъ; Клисѳенъ потомъ раз-

[1]) Иначе нельзя объяснить происхожденія *фаръ* у Суліотовъ; см. Куторга, Колѣна и Сословія Аттическія, стр. 25.

дѣлилъ всѣхъ Аѳинянъ, и эвпатридовъ и демотовъ, на 10 мѣстныхъ филъ, и только съ тѣхъ поръ демоты сдѣлались настоящими гражданами. Это мнѣніе Нибура нашло себѣ въ русской ученой литературѣ представителя въ г. Куторгѣ, ученомъ, съ именемъ котораго мы встрѣчаемся почти при каждомъ интересномъ вопросѣ аѳинской исторіи. Г. Куторга изложилъ и развилъ свое мнѣніе въ сочиненіи: Колѣна и Сословія Аттическія (СПБ. 1838), а отчасти и въ статьѣ о Клисѳенѣ, помѣщенной въ этомъ томѣ нашего Сборника.

Но при всей важности сравнительнаго метода вообще въ эмпирическихъ, а слѣдовательно и историческихъ наукахъ, несомнѣнно и то, что его должно употреблять съ большою осторожностію. Сравненіе сроднаго помогаетъ замѣтить и объяснить многія черты историческихъ явленій, которыя безъ того не обратили бы на себя вниманія или остались бы не понятыми; но съ другой стороны справедлива и французская поговорка, что сравненіе еще не доказательство, comparaison n'est pas raison. Намъ кажется, что эта истина особенно приложима къ вопросу объ аѳинскихъ іонійскихъ филахъ.

Представьте себѣ племя, издревле живущее на однихъ мѣстахъ и раздѣленное на нѣсколько колѣнъ, занимающихъ особенные участки, подобно напримѣръ греческимъ Маліямъ, жившимъ близъ Ѳермопилъ и раздѣлявшимся на три филы, параліевъ, гіэріевъ и трахиніевъ. Съ теченіемъ времени между родами, на которые подраздѣлялись эти филы, могли и даже должны были возникнуть многія различія, неизбѣжныя въ человѣческомъ обществѣ по неравенству физическихъ и нравственныхъ силъ, которое тотчасъ оказывается, какъ скоро люди начинаютъ дѣйствовать. Хотя филы такого племени и оставались древними родовыми филами, но изъ числа родовъ, ихъ составлявшихъ, должно было выдѣлиться нѣсколько предводительственныхъ родовъ, которые отличались отъ другихъ большимъ благородствомъ и, пока не находили сопротивленія, были въ обладаніи власти. Такимъ образомъ члены колѣнъ распадались на родичей благородныхъ, эвпатридовъ, и на родичей неблагородныхъ. Потомъ, когда послѣдніе почувствовали свою силу, къ чему также сама собою ведетъ исторія, они должны были сблизиться между собою, образовать одно политическое цѣлое и начать общую борьбу съ эвпатридами за уравненіе правъ. Греки не могли бы дать имъ другаго имени, кромѣ демотовъ, и непремѣнно повѣствовали бы о борьбѣ въ племени Маліевъ между демотами и эвпатридами, хотя и тѣ и другіе принадлежали къ древнимъ родовымъ филамъ и раздѣлялись на роды. Очевидно, что такой ходъ историческаго развитія весьма возможенъ, и что мы имѣемъ право

предполагать его въ тѣхъ частяхъ Греціи, исторія которыхъ легче объясняется этимъ предположеніемъ, нежели всякимъ другимъ. Напротивъ того раздѣленіе свободныхъ жителей какого-нибудь государства на двѣ части, изъ которыхъ одна состоитъ изъ родовыхъ филъ, а другая находится совершенно внѣ этихъ соединеній, — раздѣленіе, несомнѣнно имѣвшее мѣсто въ Римѣ — могло существовать только какъ слѣдствіе завоеванія или совершенно особеннаго происхожденія государства (какъ напримѣръ въ древнемъ Римѣ, гдѣ патриціи были первоначально единственными жителями города, въ которомъ въ послѣдствіи времени собралось по разнымъ обстоятельствамъ много переселенцевъ, сдѣлавшихся плебеями и естественно стоявшихъ внѣ патриціянскихъ трибъ, курій и родовъ). Но въ странахъ, не претерпѣвшихъ завоеваній и не находившихся въ исключительномъ положеніи древняго города Рима, такого раздѣленія свободныхъ жителей на два класса не могло быть, и гдѣ были незнатные, они не могли стоять внѣ родовыхъ филъ *своего* собственнаго племени. Таковы общія заключенія, какія мы имѣемъ право сдѣлать a priori.

Посмотримъ теперь на древнія Аѳины. Здѣсь, правда, миѳы [1]) говорятъ о пришествіи Іона (т. е. Іонянъ), или отца его Ксуѳа, о занятіи ими страны и о ихъ воцареніи въ ней, но легко замѣтить, что самые миѳы не даютъ этому событію особеннаго значенія и совершенно далеки отъ того, чтобы равнять его напримѣръ съ покореніемъ Пелопоннеса Дорянами. Кромѣ того эти миѳы не находятся въ связи ни съ обрядами поклоненія, ни съ какимъ-либо учрежденіемъ страны (кромѣ объясняемаго ими учрежденія филъ), и весьма нетрудно указать даже поводъ ихъ составленія. Жители Аттики относили сами себя и были относимы всѣми Греками къ іонійскому племени и, какъ Іоняне, признавали своимъ родоначальникомъ Іона: но они считали себя въ то же время и за Гелленовъ и потому называли своего Іона внукомъ Геллена. Какъ скоро эта генеалогія нетолько укоренилась, но и была принята за историческій фактъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ оказалась необходимость выводить Іона, для оправданія генеалогіи, изъ предполагавшейся родины Геллена, и утверждать, что, отправившись оттуда, онъ нѣкогда занялъ Аттику. Это само собою слѣдовало изъ пониманія миѳической генеалогіи Іона, какъ историческаго свидѣтельства. Между тѣмъ очевидно, что первоначальный смыслъ этой генеалогіи заключался лишь въ томъ, что Іоняне такіе же потомки Геллена, то-есть такіе же Геллены, какъ Эолы, Ахеи или Доряне. Ничего другаго и ничего болѣе не высказыва-

[1]) Эврипидовъ Іонъ passim. Страбонъ, VIII, 7, стр. 383. Павсаній VII, 1, 2.

лось въ ней, и потому она, по своей существенной мысли, сниколько не находилась въ противорѣчіи съ убѣжденіемъ, что Іоняне обитали въ Аттикѣ съ незапамятныхъ временъ: Аѳиняне могли считать Іона, своего родоначальника, за внука Гелленова и въ то же время оставаться при своей увѣренности, что они древніе туземцы въ своей странѣ или, какъ говорили древніе, автохѳоны,— увѣренность, которая составляла, какъ кажется, одно изъ коренныхъ убѣжденій аѳинскаго народа и была раздѣляема не только аѳинскими писателями, какъ напримѣръ Ѳукидидомъ и Платономъ [1]), но и Дорянами, между которыми можно указать на Геродота, уроженца дорійскаго Галикарнасса [2]). Но если между генеалогіей Іона и этимъ національнымъ убѣжденіемъ не было противорѣчія, то когда произошло объяснительное (какъ мы полагаемъ) сказаніе о пришествіи въ Аттику Іона (т. е. Іонянъ, имъ представляемыхъ), оно должно было стать въ прямое противорѣчіе съ убѣжденіемъ въ автохѳонисмѣ аттическихъ Іонянъ. Тогда Аѳиняне должны были выбирать между тѣмъ и другимъ, ибо принимать и то и другое было нельзя. Какъ они поступили въ этомъ случаѣ, мы можемъ видѣть изъ ясныхъ увѣреній большинства писателей, что Аѳиняне автохѳоны. У Аѳинянъ стало-быть сказаніе о пришествіи Іона и занятіи имъ Аттики, древнее населеніе которой было, по этому сказанію, не іонійское, не пустило корней. Историческій изслѣдователь нашего времени находится относительно этихъ двухъ мнѣній, исключающихъ одно другое, въ такой же необходимости принять одно изъ двухъ и отвергнуть другое, но само собой разумѣется, онъ долженъ сдѣлать выборъ, руководствуясь правилами исторической критики. Его заключенія въ пользу одного изъ двухъ мнѣній или сказаній будутъ только въ такомъ случаѣ правдоподобны, когда онъ будетъ въ состояніи объяснить происхожденіе мнѣнія или сказанія, имъ отвергаемаго,— и эта-то обязанность, намъ кажется, можетъ стать на этотъ разъ путеводною звѣздой изслѣдованія. Въ самомъ дѣлѣ едва ли кто будетъ отрицать, что убѣжденіе въ автохѳонисмѣ можетъ произойдти и распространиться только въ странѣ, не представляющей никакихъ видимыхъ слѣдовъ завоеванія; въ Пелопоннесѣ напримѣръ мнѣніе объ автохѳонисмѣ Дорянъ не могло бы найдти себѣ вѣры, и мы знаемъ, что тамъ его дѣйствительно не было. Если въ Аттикѣ оно пустило напротивъ того глубокіе корни, значитъ въ отношеніяхъ жителей Аттики

[1]) Ѳукид. 1, 2: *τὴν γοῦν Ἀττικὴν ἐκ τοῦ ἐπὶ πλεῖστον διὰ τὸ λεπτόγεων ἀστασίαστον οὖσαν ἄνθρωποι ᾤκουν οἱ αὐτοὶ ἀεί.* Ср. Плат. Менекс. стр. 273 В.

[2]) Геродот. VII, 161: *μοῦνοι ἐόντες οὐ μετανάσται Ἑλλήνων*, объ Аѳинахъ. Ср. 1, 56: *τὸ μὲν οὐδαμῇ κω ἐξεχώρησε*, объ іонійскомъ племени, населявшемъ Аттику.

не было ничего такого, что указывало бы на завоеваніе, или другими словами, значитъ это убѣжденіе имѣло достаточное основаніе. Совершенно другое дѣло — сказаніе о пришествіи Іона. Мы видѣли, что оно вытекало само собою изъ извѣстнаго ошибочнаго, но весьма обыкновеннаго относительно миѳическихъ сказаній пониманія генеалогіи Іона, какъ историческаго воспоминанія, и кромѣ того мы находимъ, что оно даже не пустило корней въ аѳинской публикѣ. Передъ нами слѣдовательно съ одной стороны національное убѣжденіе, которое, еслибы оно не имѣло за себя достаточныхъ основаній, не могло бы ни возникнуть, ни распространиться въ народѣ, съ другой стороны сказаніе, находящееся въ противорѣчіи съ этимъ убѣжденіемъ, не получившее никакой популярности, и при томъ сказаніе такого рода, что его происхожденіе весьма легко можетъ быть объяснено изъ взгляда на миѳы, несомнѣнно господствовавшаго въ древности. Спрашивается, есть ли какая-нибудь возможность сомнѣваться, въ пользу какой стороны видимо склоняются вѣсы исторической критики?

Новѣйшіе ученые едвали были бы несогласны относительно этого пункта, еслибы Страбонъ не сообщилъ намъ одного извѣстія, которое, по своей правдоподобной наружности и подъ эгидою Страбонова авторитета, можетъ казаться заслуживающимъ довѣрія. Это извѣстіе [1]) — Страбонъ не говоритъ, откуда онъ взялъ его — заключается въ томъ, что Ксуѳъ, сынъ Геллена и отецъ Іона, занялъ сѣверную часть Аттики, называвшуюся Тетраполемъ, и основалъ въ ней четыре города: Энею, Мараѳонъ, Пробалинѳъ и Трикориѳъ. Ученые, увлеченные опредѣленностью и обстоятельностью этого извѣстія и принимавшіе его за историческое свидѣтельство, находили въ немъ указаніе на постепенное распространеніе іонійскаго владычества съ сѣвера Аттики. Они полагали, что первоначальное населеніе страны было пеласгическое, и что оно было покорено пришедшими съ сѣвера Іонянами, вслѣдствіе чего Аттика сдѣлалась іонійскою страной. Но не предрасположенный критикъ легко замѣтитъ, что извѣстіе, переданное намъ Страбономъ, не можетъ имѣть значенія историческаго свидѣтельства уже потому, что относится къ миѳическому лицу Іона. Кромѣ того весьма важно, что и самъ Страбонъ не пользуется имъ для доказательства, что Аттика была *завоевана* Іонянами. Передавая его, онъ говоритъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что Ксуѳъ вступилъ въ обладаніе Аттикою по дружелюбному соглашенію съ Эрехѳеемъ, царемъ аѳинскимъ, дочь котораго, Креуса, сдѣлалась супругою Ксуѳа, а нѣсколькими строками выше онъ даже

[1]) Страбонъ стр. 383.

сообщаетъ, какъ нѣчто положительное, что всѣ Іоняне (т. е. не только малоазіятскіе, но и тѣ, которые обитали въ Ахаіи прежде занятія этой части Пелопоннеса Ахеями во время возвращенія Гераклидовъ) были родомъ изъ Аѳинъ, слѣдовательно признаетъ Аѳины за самое древнее извѣстное ему мѣсто жительства Іонянъ. Мы показали выше необходимость — съ точки зрѣнія генеалоговъ — составленія миѳа о занятіи Аттики пришельцемъ Іономъ. Изъ словъ Страбона мы теперь въ правѣ заключить, что самые составители этого миѳа считали нужнымъ какъ можно болѣе смягчить свое повѣствованіе и дать занятію Аттики Іономъ самый дружелюбный видъ. Отфридъ Мюллеръ [1]), правда, производитъ эту смягченную форму миѳа отъ Эврипида и приписываетъ ее желанію трагика польстить Аѳинянамъ, но такое объясненіе, какъ гипотетическое, не доказательно. Достовѣрно только то, что мы имѣемъ передъ собою извѣстіе, которое, еслибы и было признано за вѣрное, не доказывало *завоеванія* Аттики Іонянами, и, сколько мы знаемъ, не было понимаемо въ такомъ смыслѣ, ни составителями его, ни Страбономъ, авторомъ, сообщающимъ его намъ. Но далѣе достовѣрно еще и то, что это извѣстіе, имѣющее лишь одинъ видъ историческаго свидѣтельства, стоитъ въ критическомъ отношеніи нисколько не выше другихъ народныхъ сказаній. Само по себѣ оно не даетъ права ни къ какимъ вѣрнымъ выводамъ и можетъ получить значеніе хорошаго историческаго свидѣтельства, по общему критическому канону, лишь въ томъ случаѣ, когда будетъ подтверждено какими нибудь болѣе достовѣрными данными. Пока такихъ данныхъ нѣтъ, оно только показываетъ взглядъ людей, которые его составили и повторяли, а такъ какъ выразившійся въ немъ взглядъ находится въ противорѣчіи со взглядомъ большинства народа, то оно и съ этой стороны имѣетъ гораздо меньшую цѣну для критическаго изслѣдователя, нежели мнѣніе Геродота, раздѣляемое и самими Аѳинянами, — что Іоняне были Пеласги и жили въ Аттикѣ съ незапамятныхъ временъ.

Единственное подтвержденіе, которое Мюллеръ могъ найдти для сказанія о завоеваніи Аттики Іонянами, или лучше, то обстоятельство, которое именно и побудило его къ ревностной защитѣ этого сказанія, заключается въ связи іонійскихъ родовыхъ филъ и фратрій съ поклоненіемъ Аполлону Патрою. Одно изъ самыхъ любимыхъ мнѣній Мюллера состояло въ томъ, что Аполлонъ былъ богъ, совершенно чуждый Пеласгамъ, и что онъ тѣсно соединенъ съ Дорянами, въ которыхъ Мюллеръ видѣлъ представителей гелленисма. Гдѣ только онъ

[1]) Orchomenos — passim.

находилъ Аполлона, вездѣ онъ искалъ и племенныхъ элементовъ, противоположныхъ Пеласгамъ и родственныхъ съ Дорянами. Такимъ образомъ и въ Аттикѣ іонійскія филы, чествовавшія Аполлона Патроя, должны были представиться Мюллеру учрежденіемъ гелленскимъ и Іоняне — племенемъ, болѣе близкимъ къ доризму, нежели къ Пеласгамъ, съ которыми ихъ отождествляетъ Геродотъ. Этимъ объясняется, почему Мюллеръ придалъ такое значеніе сказанію о занятіи Аттики Іономъ: оно служило для него подтвержденіемъ его главнаго взгляда на поклоненіе Аполлону. Но смотря на дѣло безъ предубѣжденія, нельзя не замѣтить, что это сказаніе не можетъ ни для чего служить доказательствомъ, а напротивъ само требуетъ подтвержденія для себя. Его судьба зависитъ отъ судьбы Мюллерова взгляда на Аполлона, а такъ какъ послѣдняя теперь совершенно рѣшена, то и оно теряетъ свою единственную опору. Односторонность взгляда Мюллера на племенное дорійское значеніе Аполлона не подлежитъ сомнѣнію. Есть положительныя доказательства, что Аполлонъ, хотя и представитель главныхъ стремленій доризма, не былъ исключительно-дорійскимъ богомъ. Ему покланялись Пеласги [1]) и онъ даже родился на іонійскомъ островѣ Делосѣ. Іонянъ, покланявшихся ему, нѣтъ никакого основанія противопоставлять Пеласгамъ, а напротивъ отецъ исторіи, не усумнившійся назвать ихъ Пеласгами, оказывается и въ этомъ случаѣ, какъ во многихъ другихъ, такимъ свидѣтелемъ, показанія котораго тѣмъ болѣе подтверждаются, чѣмъ далѣе идетъ изслѣдованіе. Сличеніе всѣхъ историческихъ данныхъ, касающихся Іонянъ, приводитъ къ тому заключенію, что это племя не только одно изъ самыхъ древнихъ гелленскихъ племенъ, но что оно составляло общую пеласгическую основу, на которой возникали другія гелленскія племена [2]). А изъ этого

[1]) Пеласгическое значеніе Аполлона показано многими миѳологами. Укажемъ на Гергарда въ разныхъ мѣстахъ текста къ его Auserlesene Vasenbilder, въ 1-мъ томѣ.

[2]) Восточные народы называли всѣхъ Грековъ Яванами, то есть Іонянами; Пелопоннесъ носилъ въ древнее время имя Аргоса іонійскаго (Ἄργος ἰάσιον); эпическая поэзія Грековъ принадлежитъ Іонянамъ; въ іонійскомъ діалектѣ наиболѣе сохранилась древняя полнота гласныхъ; наконецъ древній Посидонъ, бурный потрясатель земли и владыка горькаго моря, близкій къ Кроносу и Баалу, былъ главнымъ богомъ іонійскаго племени. Весьма замѣчательно, что между тѣмъ какъ Эолъ и Доръ называются сыновьями Геллена, Ахей и Іонъ признаются за его внуковъ и сыновей Ксуѳа и черезъ то сближаются между собою. Въ самомъ дѣлѣ Ахеи изо всѣхъ племенъ имѣютъ наиболѣе общегреческій характеръ, и этотъ характеръ остается за ними во все продолженіе ихъ исторіи; см. О поклоненіи Зевсу, стр. 198—220 — О значеніи іонійской философіи, подтверждающемъ изложенный нами взглядъ на іонійское племя, см. статью г. Каткова въ 1-мъ томѣ Пропилеевъ (Отд. I. стр. 336 и слѣд.) и отдѣльные оттиски подъ заглавіемъ: Очерки древнѣйшаго періода греческой философіи стр. 32 и слѣд.

взгляда на іонійское племя само собою слѣдуетъ, что и Доряне должны были нѣкогда выдѣлиться изъ него, и этимъ превосходно объясняется тотъ миѳологическій фактъ, что сказанія о рожденіи главнаго дорійскаго бога Аполлона были мѣстными сказаніями на іонійскомъ островѣ Делосѣ. Но въ высшей степени замѣчательно, что іонійскимъ племенемъ рожденіе этого бога ощущалось какъ преждевременное: онъ родился, «пробывши только семь мѣсяцевъ въ чревѣ Латоны.» Состояніе греческаго міра было еще не таково, чтобы онъ могъ закрѣпнуть въ стройной и свѣтлой организаціи, темныя силы прошедшаго еще должны были дѣйствовать и лучшія сѣмена прозябать, прежде нежели могъ настать свѣтлый день греческой исторіи и раскрыться лучшій цвѣтъ ея. Іонійское развитіе дѣйствительно продолжалось, послѣ того какъ на іонійскомъ островѣ родился Аполлонъ, и Доряне выдѣлились изъ общей массы Греческаго народа,—и плодомъ этого іонійскаго развитія были Аѳины, истинное средоточіе греческаго міра. Такимъ образомъ совершенно удовлетворительно объясняется, что Аполлонъ могъ принадлежать безъ всякаго посторонняго вліянія Іонянамъ, стоять въ связи съ іонійскими филами и однакоже не остаться въ Аттикѣ главнымъ богомъ. Было время, когда іонійское племя подвергалось аполлоническимъ наитіямъ; это было въ эпоху рожденія доризма, и къ этой эпохѣ относится связь Аполлона съ іонійскими филами: но между тѣмъ какъ аполлоническое начало сдѣлалось центральнымъ и навсегда возобладало въ дорійскомъ племени, аттическіе Іоняне продолжали свое развитіе, освободились отъ аполлонической исключительности [1]) и, сохранивъ нѣкоторыя связи съ Аполлономъ, дали у себя первенствуещее мѣсто въ публичной религіи глубокомысленной дѣвѣ Аѳинѣ, а въ мистеріяхъ мягкосердечному Діонису.

Но какъ скоро доказано, что поклоненіе Аполлону въ іонійскихъ филахъ не требуетъ гипотезы о завоеваніи пеласгическихъ туземцевъ

[1]) Не знаемъ писателя, которому бы удалось такъ превосходно выразить характеръ Аполлона, какъ г. Каткову, слова котораго не можемъ не повторить здѣсь. — «Рожденный отъ Летò или Леѳò (Латоны), своимъ именемъ знаменующей забвеніе, представитель новаго гелленскаго духа, порвавшій всякую связь съ движущеюся основою развитія, побѣдитель древнихъ чудовищъ, гордый противникъ дочерей ночи, блюститель изящества и мѣры, но при всей ясности своей природы такъ часто мрачный, карательный и гнѣвный, при всей юности и идеальной красотѣ своего образа такъ суровый и непреклонный, богъ, признающій только общее, доступный только городамъ и государствамъ, недоступный и холодный для личнаго существованія, Аполлонъ есть въ сущности то же самое, что и дорійское начало, во всемъ ему подобное и такъ же, какъ сестра его, безплодное.» См. Проп. Т. I. Отд. I. стр. 318 и въ отдѣльной книгѣ: Очерки древнѣйшаго періода греческой философіи, стр. 14.

іонійскими завоевателями, то послѣднее основаніе теоріи завоеванія падаетъ, и она должна получить мѣсто въ ряду ни чѣмъ не подтвержденныхъ предположеній. Изъ этого однакожь еще не слѣдовала бы ея невѣроятность (недоказанность не есть еще невѣроятность), еслибы не было соображеній, находящихся съ нею въ противорѣчіи и болѣе нежели она доказанныхъ. Афористическія указанія, которыя мы теперь сдѣлаемъ, покажутъ, что она даже и невѣроятна.

Извѣстно, что въ историческое время Аѳиняне стояли, какъ представители іонійскаго племени, противъ Спартанцевъ, первыхъ между Дорянами. Но еслибы Іоняне были дѣйствительно завоевателями Аттики, и еслибы они внесли въ эту страну, какъ полагаетъ Мюллеръ, дорійскіе элементы, тогда демократическій характеръ Аѳинянъ историческаго времени слѣдовало бы признать за результатъ реакціи пеласгическихъ туземцевъ-демотовъ противъ іонійскихъ завоевателей (эвпатридовъ). Какимъ же образомъ могли бы тогда древніе приписывать этимъ демократическимъ Аѳинамъ, въ противоположность дорійской Спартѣ, именно іонійскій характеръ?

Далѣе, Ѳукидидъ (1, 6) разсказываетъ намъ—и нельзя отрицать, что онъ могъ очень хорошо это знать—что въ древнее время Аѳиняне вели очень изнѣженную жизнь, и что суровые обычаи и умѣренный образъ жизни, удаляющійся отъ іонійскаго, были введены не задолго передъ нимъ. Изъ словъ Ѳукидида ясно, что это могло случиться не иначе, какъ въ то позднее, близкое къ Ѳукидиду время, когда, по мнѣнію Мюллера, произошла демократическая реакція древнихъ туземцевъ противъ іонійскихъ эвпатридовъ. Но засвидѣтельствованное Ѳукидидомъ сближеніе съ доризмомъ было бы совершенно непонятно во время такого оборота дѣлъ, между тѣмъ какъ все само собою объясняется, ежели допустить аѳинское національное убѣжденіе, что Іоняне были древними туземцами страны, то-есть, употребляя Геродотовъ способъ выраженія, что они-то именно и были Пеласги. Пока въ Аѳинахъ не произошло сближенія съ дорійскими нравами, богатые Аѳиняне вели іонійскій изнѣженный образъ жизни и, *какъ Іоняне*, оставались чуждыми тѣмъ измѣненіямъ въ бытѣ, которыя, по словамъ Ѳукидида, совершились впервые у Спартанцевъ.

Наконецъ, и это рѣшительнѣе всего, мы знаемъ много аѳинскихъ родовъ, изъ числа которыхъ большая часть принадлежали, вѣроятно, къ эвпатридамъ. Мы встрѣчаемъ между ними 11 родовъ, которые прямо называютъ себя туземными, и не находимъ *ни одного*, который можно было бы назвать іонійскимъ въ Нибуровомъ и Мюллеровомъ смыслѣ. Неужели это случай? и неужели случайно также

и то, что знаменитѣйшіе роды находятся въ связи съ служеніемъ элевсинскимъ богинямъ и Аѳинѣ, и неизвѣстно *ни одного* рода, который бы особенно покланялся Аполлону? Немногія черты, которыя мы собрали выше, чтобы характеризовать аѳинскіе знатные роды, какъ хранилища священныхъ воспоминаній изъ самой глубокой древности, оказываютъ намъ въ теперешнемъ вопросѣ важную службу, ибо онѣ дѣлаютъ несомнѣннымъ, что если гдѣ-нибудь въ Аѳинахъ сохранились остатки отъ древняго пеласгическаго времени, то это именно въ родахъ, а слѣдовательно и въ іонійскихъ филахъ, къ которымъ всѣ эти роды принадлежали.

Итакъ, какое заключеніе слѣдуетъ вывести изъ нашего длиннаго разсмотрѣнія гипотезы Нибура, что іонійскія филы заключали въ себѣ только эвпатридовъ, происходившихъ отъ іонійскихъ завоевателей Аттики? Мы старались показать, вопервыхъ, что существованіе знатныхъ родовъ не заставляетъ уже a priori предполагать завоеваніе. Далѣе, переходя къ историческимъ даннымъ, мы подвергли критическому анализу всѣ основанія, приведенныя доселѣ въ подтвержденіе гипотезы, что Аттика была завоевана Іонянами. Изъ этого разбора оказалось, что предполагаемое завоеваніе Аттики Іонянами не только не подтверждается никакими историческими свидѣтельствами, но напротивъ находится въ противорѣчіи съ тѣми немногими достовѣрными данными древнѣйшей аѳинской исторіи, которыя еще извѣстны намъ. Окончательный выводъ изъ всего этого оказывается самъ собою. Мы можемъ выразить его въ слѣдующихъ словахъ: аттическіе Іоняне должны быть признаны за древнее (пеласгическое, автохѳоническое) населеніе страны и іонійскія филы за древнее раздѣленіе этого іонійскаго населенія. Этотъ выводъ намъ кажется несомнѣннымъ, какъ скоро отвергнута теорія завоеванія.

Читатели вѣроятно замѣтили, что мы, забывъ на время о Гротѣ, старались по возможности исчерпать вопросъ, который разсматривали. Но предѣлы этой статьи заставляли все-таки ограничиваться главнымъ и не позволяли доходить до всѣхъ подробностей [1]). Поэтому для уясненія этого кореннаго вопроса аѳинской исторіи было бы весьма желательно, чтобы ученые, придерживающіеся противнаго мнѣнія, высказали свое сужденіе о представленныхъ нами доводахъ. Полемическое разсмотрѣніе дѣла, безъ сомнѣнія, приблизило бы его къ окончательному рѣшенію.

[1]) Впрочемъ въ продолженіи настоящей статьи будетъ еще нѣсколько разъ случай возвращаться къ этому вопросу, по поводу измѣненій, происходившихъ въ аѳинскомъ государственномъ устройствѣ. Эти замѣчанія, какъ увидятъ читатели, также послужатъ къ подтвержденію принятаго нами взгляда.

Объ остальныхъ вопросахъ, касающихся іонійскихъ филъ, мы будемъ говорить уже весьма кратко.

Прежде всего обращаютъ на себя вниманіе имена этихъ филъ. Одно изъ нихъ — гоплеты — очевидно означаетъ воиновъ (ибо ὅπλητες только другая форма употребительнаго слова ὁπλίται, войны); изъ остальныхъ трехъ именъ эгикореи повидимому значитъ пастухи овецъ, а аргадеи — работники или ремесленники. Совершенно двусмысленно напротивъ того имя геллеонтовъ, которое можетъ быть произведено или отъ слова γῆ земля или отъ устарѣлаго глагола γελεῖν, объясняемаго у Гесихія словами λάμπειν, ἀνθεῖν, что̀ значитъ блестѣть, цвѣсти; въ послѣднемъ случаѣ оно подходило бы къ сословію жрецовъ, и мы имѣли бы въ именахъ четырехъ іонійскихъ филъ указаніе на занятія, принадлежавшія каждой изъ нихъ: жрецы, воины, пастыри, ремесленники [1]). Это побудило нѣкоторыхъ изслѣдователей предполагать, что во времена глубокой древности въ Аттикѣ существовало нѣчто въ родѣ восточныхъ кастъ. Нибуръ въ лекціяхъ о древней исторіи говоритъ, что онъ самъ прежде раздѣлялъ это мнѣніе, но что потомъ, убѣжденный доводами Готфрида Германа (въ упомянутомъ уже выше предисловіи къ изданію Эврипидова Іона), совершенно отказался отъ него. Г. Куторга также опровергаетъ это мнѣніе (Кол. и Сосл. стр. 57 — 78). Въ самомъ дѣлѣ извѣстія древнихъ о существованіи въ Аттикѣ раздѣленія людей по занятіямъ весьма сбивчивы и показываютъ, что уже у древнихъ не было ни ясныхъ доказательствъ, ни вѣрныхъ свѣдѣній, а имена іонійскихъ филъ, которыя могли бы сами служить доказательствомъ, за исключеніемъ гоплетовъ, двусмысленны и допускаютъ разныя толкованія. Поэтому, мы полагаемъ, вѣрнѣе всего остановиться на томъ, что̀ сказалъ объ этомъ вопросѣ Гротъ. Весьма вѣроятно, что іонійскія филы получили имена по занятіямъ, которыя преобладали въ каждой изъ нихъ; очень можетъ быть, что эти занятія сохранялись наслѣдственно, какъ занятія нѣкоторыхъ извѣстныхъ намъ родовъ, и въ Аѳинахъ, и въ Спартѣ; но во всякомъ случаѣ различіе по занятіямъ перестало существовать между филами задолго до начала достовѣрной исторіи.

Вовторыхъ, четыре іонійскія филы подаютъ поводъ къ вопросу,

[1]) Замѣчаемъ, въ предупрежденіе недоразумѣній, что все это сказано нами проблематически. Гдѣ нѣтъ одного достовѣрнаго объясненія, тамъ можетъ быть много разныхъ объясненій равно вѣроятныхъ. То толкованіе именъ, которое сообщено въ текстѣ, нисколько не болѣе вѣроятно, нежели другое, исключающее жрецовъ и находящее въ четырехъ колѣнахъ — земледѣльцевъ, ремесленниковъ, пастуховъ и вооруженныхъ. См. Hermann Lehrb. d. gr. Staatsalt. § 94.

въ какомъ отношеніи находятся онѣ къ другимъ четверичнымъ дѣленіямъ Аттики и Аѳинянъ, сообщаемымъ древними. У грамматика Полидевка (полатинѣ: Поллукса) мы находимъ извѣстіе, что во время Кекропса было четыре филы: Κεκροπίς, Αὐτόχθων, Ἀκταία, Παραλία, которыя потомъ при Кранаѣ перемѣнили свои имена и стали называться: Κραναΐς, Ἀτθίς, Μεσόγαια, Διακρίς, а при Эрихѳоніи: Διάς, Ἀθηναΐς, Ποσειδωνιάς, Ἡφαιστιάς. Въ этомъ мѣстѣ очевидно перемѣшаны имена разнаго значенія, и потому г. Куторга привелъ ихъ въ слѣдующій порядокъ:

Κεκροπίς, Αὐτόχθων, Κραναΐς, Ἀτθίς.
Ἀκταία, Παραλία, Μεσόγαια, Διακρίς.
Διάς, Ἀθηναΐς, Ποσειδωνιάς, Ἡφαιστιάς.

Не останавливаясь на первой группѣ, г. Куторга [1]) считаетъ возможнымъ сблизить двѣ вторыя группы, какъ между собою, такъ и съ четырьмя іонійскими филами. По его мнѣнію, эти имена не что иное какъ нарицательныя названія іонійскихъ филъ: имена второй группы обозначаютъ эти филы въ географическомъ отношеніи, имена третьей — въ религіозномъ. Такимъ образомъ г. Куторга составляетъ слѣдующую таблицу:

	Географич. имя.	Религіозн. имя.	Политич. имя.
1-я Фила	Ἀκταία	Διάς	Γελέοντες
2-я —	Παραλία	Ἀθηναΐς	Αἰγικόρεις
3-я —	Μεσόγαια	Ποσειδωνιάς	Ἀργάδεις
4-я —	Διακρίς	Ἡφαιστιάς	Ὅπλητες

Въ этомъ сближеніи достовѣрно подтверждена связь именъ Διάς и Γελέοντες, доказательство заключается въ надписи, приведенной выше на стр. 97. Сближеніе именъ Διάς, и Ἀκταία болѣе сомнительно, потому что оно основано на упоминаніи поклоненія Актейскому Зевсу, которое могло не стоять въ связи ни съ какою филой. Еще болѣе сомнительно сближеніе именъ Αἰγικόρεις и Ἀθηναΐς, опирающееся на стихѣ Эврипида, производящаго первое имя отъ Аѳининой эгиды (Іонъ ст. 1580, 1581 ed. Didot). Всѣ остальныя сближенія сдѣланы но наведенію, которое дѣйствительно привело бы къ неожиданному объясненію непонятныхъ именъ, сообщаемыхъ Поллуксомъ, но вѣроятность котораго зависитъ отъ рѣшенія вопроса, имѣли ли іонійскія филы мѣстное значеніе. Г. Куторга вмѣстѣ со многими другими уче-

[1]) Въ сочиненіи: Колѣна и Сословія Аттическія. СПБ. 1838 и въ Бюллетенѣ Академіи Наукъ Т. VIII. № 6. См. также г. Стасюлевича въ Москвитянинѣ 1851 № 4. и противъ г. Куторги замѣчанія г. Рославскаго въ Обозрѣніи исторіи древняго міра. Выпускъ II стр. 21—23. Указаніе на діакріевъ особенно важно въ доводахъ г. Рославскаго и рѣшительно ниспровергаетъ систему г. Куторги.

ными отвѣчаетъ на этотъ вопросъ положительно; но есть основанія, заставляющія сильно сомнѣваться въ этомъ. Вопервыхъ, іонійскія филы называются родовыми именно въ противоположность къ мѣстнымъ филамъ, и это уже располагаетъ къ предположенію, что онѣ не имѣли мѣстнаго характера. Вовторыхъ, іонійскія филы раздѣлялись на фратріи, которыя также должны быть мѣстными раздѣленіями, если филы имѣли мѣстное значеніе. Число фратрій было 12, и у насъ есть извѣстіе, что Аттика раздѣлялась нѣкогда на 12 частей. Это могло бы служить подкрѣпленіемъ для гипотезы, о которой идетъ рѣчь, если бы можно было доказать, что 12 фратрій соотвѣтствовали 12-ти частямъ Аттики. Но единственное изъ именъ фратрій, извѣстное намъ, именно названіе Ахніады, не имѣетъ мѣстнаго значенія и ясно свидѣтельствуетъ, что такого соотвѣтствія между фратріями и 12-ю частями Аттики не было. Наконецъ основаніе, приводимое г. Куторгою въ пользу принимаемаго имъ мнѣнія и состоящее въ томъ, что у іонійскихъ филъ было по два политическихъ имени, совершенно не доказательно. Онъ ссылался на двѣ формы политическаго имени второй филы, основанныя на одномъ мѣстѣ у Стефана Византійскаго, гдѣ рядомъ съ формой Αἰγικόρεις приводится форма Αἰγικροίς Первое означаетъ, по мнѣнію г. Куторги, членовъ филы, второе — мѣстность, ею занимаемую. Но еслибы это чтеніе и было вѣрно, въ противность мнѣнію опытнаго филолога, въ последній разъ издавшаго Стефановъ Лексиконъ, г-на Мейнеке, то изъ него слѣдовало бы немного. Подобныя формы на ις встрѣчаются въ именахъ мѣстныхъ филъ, учрежденныхъ Клисѳеномъ, и если г. Куторга видитъ даже и въ этомъ обстоятельствѣ подтвержденіе для своей мысли, то противъ него надобно замѣтить, что десять Клисѳеновскихъ филъ не занимали непрерывныхъ участковъ Аттики, и что хотя онѣ и были мѣстныя, имъ однакоже не соотвѣтствовало раздѣленіе аттической территоріи на 10 частей. Объ этомъ мы будемъ говорить ниже, вслѣдъ за Гротомъ.

Третій вопросъ относится къ сословіямъ, которыя, какъ разсказываетъ Плутархъ [1]), были учреждены Ѳесеемъ. Этихъ сословій, ἔθνη, было три: эвпатриды, геоморы и деміурги. Первые были знатные люди, жившіе въ самыхъ Аѳинахъ и участвовавшіе въ правленіи. Вторые по своему имени, встрѣчающемуся и въ другихъ странахъ Греціи, должны быть признаны за землевладѣльцевъ. Третьи были очевидно ремесленники. Теперь спрашивается: въ какомъ отношеніи эти три сословія стояли къ четыремъ іонійскимъ филамъ? Нибуръ и ученые, ему слѣ-

[1]) Жизнь Ѳесея, 24 и 25. Выше Отд. I, стр. 154, прим. 2.

довавшіе, должны были полагать, что четыре филы заключали въ себѣ однихъ эвпатридовъ, и что два низшія сословія геоморовъ и деміурговъ стояли внѣ филъ и образовали потомъ демосъ, вступившій въ борьбу съ эвпатридами за уравненіе правъ [1]). Но съ нашей точки зрѣнія нѣтъ нужды прибѣгать къ этой гипотезѣ. Мы можемъ принимать вмѣстѣ съ Гротомъ, что эвпатридами назывались люди, принадлежавшіе къ знатнымъ родамъ или даже, можетъ-быть, къ знатнымъ фамиліямъ нѣкоторыхъ родовъ во всѣхъ четырехъ филахъ [2]), и что на геоморовъ и деміурговъ дѣлились остальные филеты.

Наконецъ слѣдуетъ упомянуть о финансовомъ раздѣленіи іонійскихъ филъ, каждой на 3 триттіи и на 12-ть навкрарій. Послѣднія, которыхъ общее число было 48, были органами финансоваго управленія и имѣли своихъ начальниковъ, называвшихся пританами навкраровъ и надзиравшихъ за сборомъ податей и исправленіемъ военной службы. Это было дѣленіе совершенно независимое отъ дѣленія на фратріи и роды.

Такова была организація древнихъ аттическихъ филъ. Каждая изъ нихъ раздѣлялась въ одномъ развѣтвленіи на фратріи и роды, а въ другомъ — на триттіи и навкраріи, и, вѣроятно, каждая заключала въ себѣ людей трехъ сословій, ἔθνη, эвпатридовъ, геоморовъ и деміурговъ [3]). Большинство аѳинскаго народонаселенія (всѣ коренные жители

[1]) Это мнѣніе читатели найдутъ развитымъ въ статьѣ г. Куторги, помѣщенной въ этой книгѣ нашего Сборника, см. выше, Отд. I, стр. 153 и слѣд. Мы согласны, что геоморы и деміурги составили демосъ въ противоположность къ эвпатридамъ, но не согласны, что они находились внѣ филъ. Мѣста древнихъ, приводимыя г. Куторгою, нисколько не противорѣчатъ нашему мнѣнію, если только оставить ихъ безъ конъектуральныхъ исправленіи. См. третье прим. на этой стр.

[2]) Сюда можетъ быть слѣдуетъ отнести извѣстіе Филохора о *тридцати* родахъ, Свид. подъ слов. γεννῆται (стр. 41 Сибел.). Что эвпатриды были во всѣхъ филахъ, это видно изъ того, что филобасилеи избирались изъ эвпатридовъ: Полл. VIII, 111.

[3]) Упомянемъ, что этотъ взглядъ на троякое раздѣленіе каждой филы, основанный на отрицаніи теоріи завоеванія (и патриціанскаго значенія филъ), имѣетъ за себя величайшій во всей древности авторитетъ Аристотеля. См. Гарпократіона подъ словомъ τριττύς: τριττύς ἐστι τὸ τρίτον μέρος τῆς φυλῆς· αὕτη γαρ διῄρεται εἰς τρία μέρη· τριττῦς καὶ ἔθνη καὶ φρατρίας. Изъ новыхъ такъ смотрѣлъ уже Сомезъ: Salmasius misc. defens. L. B. 1645. Въ наше время особенно Ваксмутъ de tribuum quatuor Atticarum triplici partitione. Kil. 1825. Г. Куторга долженъ предполагать, что Гарпократіонъ не хорошо понялъ Аристотеля; но въ такомъ случаѣ то же самое должно быть предположено и о Поллуксѣ, VIII, 111 (который, какъ извѣстно, пользовался Аристотелемъ) и о Платоновомъ схоліастѣ Аксіох. стр. 465 (253) говорящемъ что демоты (τὸ πλῆθος) по Аристотелю раздѣлялись на геоморовъ и деміурговъ (см. выше, стр. 153 прим. 4) но присовокупляющемъ, что *они же* дѣлились на четыре филы. Ничего другаго не сказано и у Мерида (тамъ же прим. 5), слова котораго по несвязности не заслуживаютъ впрочемъ большаго вниманія.

Аттики) было распредѣлено въ этихъ филахъ, хотя само собою разумѣется, что съ теченіемъ времени должно было накопляться число пришельцевъ, не имѣвшихъ участія въ филахъ. Послѣдніе назывались въ Аттикѣ метеками (μέτοικοι).

Мы обращаемся теперь къ исторіи Аттики, при чемъ будемъ опять ближе придерживаться изложенія Грота.

Отъ Кекропса до Ѳесея, говоритъ Ѳукидидъ [1]), въ Аттикѣ было много разныхъ городовъ, изъ которыхъ каждый былъ независимъ; только въ случаяхъ общей опасности они совѣщались между собою подъ предсѣдательствомъ аѳинскихъ царей, городъ которыхъ лежалъ тогда весь на небольшемъ утесѣ, носившемъ въ послѣдствіи имя акрополя. Ѳесею приписывалъ Ѳукидидъ тотъ важный переворотъ, вслѣдствіе котораго вся Аттика получила одно правительство, и Аѳины были признаны за главный городъ. Мѣстные сановники и мѣстныя думы перестали существовать, и ихъ власть перешла въ руки аѳинскаго сената. Это важное измѣненіе повело за собою значительное распространеніе главнаго города, въ который тогда, вѣроятно, переселились эвпатриды разныхъ мѣстечекъ, и память объ этомъ событіи поддерживалась во все продолженіе историческаго времени праздникомъ синекій (συνοίκια), совершавшимся въ честь Аѳины. Филохоръ, писатель III вѣка до Р. Х., сообщалъ даже число городовъ или общинъ, изъ которыхъ сложилось Аѳинское государство, именно двѣнадцать, и имена ихъ, изъ которыхъ въ рукописяхъ Страбона, сохранившаго намъ Филохоровы слова, читается съ достовѣрностью одинадцать именъ — Кекропія, Тетраполь, Эпакрія, Деколея, Элевсинъ, Афидны, Ѳорикъ, Бравронъ, Киѳеръ, Сфеттъ и Кефисія [2]). Многія изъ этихъ именъ, какъ замѣчаетъ Гротъ, представляютъ вѣроятные признаки прежней независимости. Таковы Кекропія, или страна около аѳинскаго акрополя; Тетраполь, или четыреградіе, состоявшее изъ городовъ — Энеи, Грикориѳа, Пробалинѳа и Мараѳона; Афинды и Декелія, стоявшія въ

[1]) Ѳукид. III, 15.

[2]) См. Страбона IX, I, 20. стр. 397. Сказанное въ текстѣ о рукописяхъ основано на заключеніи новѣйшаго издателя Страбона Крамера. Въ вульгатѣ читалось, какъ двѣнадцатое, имя Фалера, находящееся въ одной только изъ хорошихъ рукописей (B), между тѣмъ какъ въ другихъ оно опущено. Нельзя не упомянуть, что Гротъ, не знавшій о Крамеровомъ исправленіи текста, уже сомнѣвался относительно Фалера съ точки зрѣнія исторической критики (Vol. III, p. 94, 2-го изд.; въ нѣм. пер. Bd. II, S. 57). Въ этомъ случаѣ историческая критика встрѣтилась съ дипломатическою; но только послѣдняя могла освободить Филохора отъ обвиненія въ невѣроятности его показаній. Гротъ удивляется, что Ахарны, самый многолюдный изъ аттическихъ демовъ, не упомянуты у Филохора; очень можетъ быть, что Ахарны именно и были приведены какъ двѣнадцатый городъ.

особенныхъ миѳическихъ связяхъ съ Спартой, и наконецъ Элевсинъ, упоминаемый въ гомерическомъ гимнѣ къ Деметрѣ безъ малѣйшаго указанія на его тогдашнюю зависимость отъ Аѳинъ. Вообще достовѣрно, что слѣды древняго разъединенія Аттики сохранялись и до позднѣйшаго времени во взаимныхъ антипатіяхъ разныхъ мѣстечекъ; такъ напримѣръ у жителей Паллены были запрещены браки съ Агнусіями и наоборотъ. Мы не имѣемъ поэтому основанія отвергать, что Аѳинское государство сложилось именно такъ, какъ сообщаетъ Ѳукидидъ [1]).

О древнѣйшей исторіи Аѳинъ извѣстно весьма мало. Сынъ царя Кодра Медонтъ, и 12 преемниковъ Медонта были всѣ пожизненными архонтами. Но во второй годъ правленія послѣдняго изъ нихъ — Алкмеона (752 до Р. X.), достоинство архонта сдѣлалось дѣсятилѣтнимъ, оставаясь впрочемъ въ родѣ Медонтидовъ или потомковъ Медонта и Кодра до 714-го года до Р. X., когда всѣ эвпатриды получили къ нему доступъ. Наконецъ съ 683-го года до Р. X. власть архонтовъ не только была ограничена однимъ годомъ, но и раздѣлена между девятью лицами, которыя продолжали быть избираемы изъ эвпатридовъ.

Съ этихъ поръ устройство государственныхъ властей въ Аѳинахъ было слѣдующее. Въ главѣ государства стояли 9 архонтовъ, изъ которыхъ носили особенныя титла — *архонтъ, эпонимъ, или* просто *архонтъ, архонтъ басилей* или просто *басилей*, то есть царь, и *полемархъ*. Первый судилъ въ семейныхъ тяжбахъ, въ дѣлахъ фратрій и родовъ, и былъ законнымъ покровителемъ вдовъ и сиротъ; его именемъ обозначался годъ его власти. Второй имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи

[1]) Здѣсь случай, во исполненіе обѣщанія, возвратиться къ вопросу о филахъ. Учрежденіе этихъ филъ, и по миѳу, и по общему мнѣнію ученыхъ, должно было предшествовать соединенію Аттики въ одно государство. Іонъ древнѣе Ѳесея, отецъ его Ксуѳъ помогаетъ Эрехѳею въ войнѣ съ Эвмолпомъ, царемъ еще независимаго Элевсина. Если это такъ, то въ каждомъ изъ мѣстечекъ, составлявшихъ Аттику, должны были находиться іонійскія филы; двѣнадцать независимыхъ общинъ, ежели только онѣ независимы, не могутъ раздѣляться всѣ вмѣстѣ на четыре колѣна, но каждая должна состоять изъ своихъ колѣнъ. Эти колѣна могутъ быть одни и тѣ же во всѣхъ, если всѣ общины принадлежатъ одному племени, что̀ и было въ Аттикѣ, и потому весьма вѣроятно, что каждая изъ двѣнадцати, или сколько ихъ ни было, доѳесеевскихъ общинъ раздѣлялась на четыре іонійскія филы. Оттого-то и нѣтъ возможности отыскать мѣстное значеніе этихъ филъ: во всѣхъ частяхъ Аттики жили люди всѣхъ четырехъ филъ. Высказываемъ это не какъ положительный фактъ, но утверждаемъ, что это самое вѣроятное изъ того, что̀ можетъ быть сказано объ отношеніи Ѳесеевой реформы къ іонійскимъ филамъ. Интересно видѣть, что происхожденіе сословій (эвпатридовъ, геоморовъ и деміурговъ) также приписывается Ѳесею.

смертоубійства и преступленія противъ религіи. Третій предводительствовалъ военными силами и разбиралъ споры между гражданами и иностранцами. Остальные шесть архонтовъ назывались ѳесмоѳетами и судили во всѣхъ дѣлахъ, не подлежавшихъ компетенціи трехъ первыхъ. Всѣ они избирались изъ эвпатридовъ. На ряду съ ними стояла дума или сенатъ, въ который поступали архонты по истеченіи своего служебнаго года, если только представляли удовлетворительный отчетъ. Этотъ сенатъ, который слѣдовательно также состоялъ изъ однихъ эвпатридовъ, собирался на холмѣ Ареса, Ареопагѣ. Поэтому когда былъ учрежденъ Солономъ другой сенатъ, то въ отличіе отъ него этотъ древній сенатъ сталъ называться сенатомъ Ареопага, но прежде того онъ, вѣроятно, просто носилъ имя думы, βουλή (этимъ объясняется, что имя Ареопага вовсе не было упоминаемо въ законахъ Драконта). Нѣкоторые древніе утверждали, что и сенатъ Ареопага былъ учрежденъ Солономъ, но Гротъ замѣчаетъ, что это столько же невѣроятно, какъ и мнѣніе, будто Ликургъ учредилъ спартанскую герусію. Ареопагъ, очевидно, былъ въ древнемъ аѳинскомъ государственномъ устройствѣ тѣмъ же, чѣмъ дума старцевъ въ героическомъ обществѣ, изображаемомъ у Гомера, между тѣмъ какъ власть гомерическихъ царей перешла въ Аѳинахъ въ руки архонтовъ. Не можетъ быть сомнѣнія, что въ Аѳинахъ съ давнихъ поръ существовало также народное вѣче — съ такимъ же формальнымъ и страдательнымъ характеромъ, какъ гомерическая *агора*.

Позднѣйшаго раздѣленія властей въ то отдаленное время еще не было. Архонты производили слѣдствія, чинили судъ и принимали разныя правительственныя мѣры. Они были вѣроятно, отвѣтственны передъ сенатомъ Ареопага. Очень вѣроятно, что права послѣдняго были также мало опредѣлены, и что столько же неопредѣленны были занятія пританов навкрарныхъ. Всѣ эти лица выбирались изъ эвпатридовъ, и безо всякаго сомнѣнія дѣйствовали эгоистически въ интересахъ своего класса. Что это было дѣйствительно такъ, и что общественное недовольство возрасло наконецъ до значительной степени, видно изъ того, что въ 624-мъ году до Р. Х. на ѳесмоѳета Драконта была возложена обязанность составить письменныя законоположенія [1]), которыя бы могли «быть видимы» и извѣстны народу.

[1]) Θεσμοί — древнее священное реченіе для понятія законъ, употреблявшееся впрочемъ и о законахъ Солона. Драконтъ не касался политическаго устройства. Аристот. Пол. II. 9, 9. Δράκοντος δὲ νόμοι μέν εἰσι, πολιτείᾳ δὲ ὑπαρχούσῃ τοὺς νόμους ἔθηκεν· ἴδιον δ'ἐν τοῖς νόμοις οὐδέν ἐστιν, ὅ τι καὶ μνείας ἄξιον, πλὴν ἡ χαλεπότης διὰ τὸ τῆς ζημίας μέγεθος.

Законы Драконта получили въ послѣдствіи славу необыкновенной строгости. Аристотелю они казались невыносимыми, но Гротъ замѣчаетъ, что ни они, ни нѣсколько болѣе древніе законы локрійскаго Залевка не были строже понятій своего вѣка. Напротивъ того, немногіе дошедшіе отрывки и извѣстія показываютъ, что Драконтъ ввелъ даже смягченіе въ наказаніяхъ за смертоубійство, смотря по обстоятельствамъ, уменьшающимъ вину. Онъ учредилъ судилище, состоявшее изъ 51 человѣка судей, называвшихся эфетами [1]) и засѣдавшихъ для суда по смертоубійствамъ въ трехъ разныхъ мѣстахъ, смотря по свойству случая, подлежавшаго разсмотрѣнію. Когда обвиненная сторона сознавалась въ дѣлѣ, но отрицала преступное намѣреніе и приписывала убійство случаю, тогда эфеты засѣдали въ Палладіонѣ и приговаривали убійцу къ временному изгнанію, пока онъ не помирится съ родственниками убитаго, но оставляли имущество его неприкосновеннымъ. Ежели обвиненный, сознаваясь въ преступленіи, ссылался на законную причину убійства, напримѣръ на самосохраненіе, тогда дѣло разсматривалось въ святилищѣ Аполлона и Артемиды, называвшемся Дельфиніономъ. Особенное мѣсто, Фреаттисъ, на морскомъ берегу, было назначено для суда преступниковъ, которые подверглись уже однажды изгнанію и не имѣли права вступить на аѳинскую землю; они ожидали приговора въ лодкѣ, стоявшей у берега. Наконецъ филобасилеи, или цари колѣнъ, собирались въ домѣ аѳинскаго правительства, *пританеѣ*, для изслѣдованія неодушевленныхъ предметовъ, причинившихъ кому-нибудь смерть, и выпроваживали ихъ потомъ съ извѣстными церемоніями за предѣлы страны. Прежде Драконта единственнымъ судилищемъ былъ сенатъ Ареопага, и Гротъ предполагаетъ, что съ самымъ мѣстомъ его собраній были связаны какія-нибудь сказанія, церемоніи или религіозныя ощущенія, которыя принуждали его членовъ произносить одинакій приговоръ надъ всякимъ смертоубійцей, не обращая вниманія на облегчающія или оправдывающія обстоятельства. Что Драконтъ, избралъ три разныя мѣста для суда надъ тремя видами убійства, это показываетъ, какое великое значеніе имѣла мѣстность, посвященная тому и другому богу, на сужденія объ убійствѣ. Чтобы смягчить неумолимость приговоровъ

[1]) Главное мѣсто — Полидевкъ VIII, 124: *ἐφέται τὸν μὲν ἀριθμὸν εἷς καὶ πεντήκοντα, Δράκων δ'αὐτοὺς κατέστησεν ἀριστίνδην αἱρεθέντας, ἐδίκαζον δὲ τοῖς ἐφ' αἵματι διωκομένοις ἐν τοῖς πέντε δικαστηρίοις.* Имя эфетъ означаетъ, какъ кажется, апелляціоннаго судью: *Ἐφέτης, πρὸς ὃν ἐφίεται,* ср. Hermann. Lehrb. § 103. n. 12. Пять судилищъ, упоминаемыхъ у Полидевка, должны быть Ареопагъ, Палладіонъ, Делфиніонъ, Фреаттисъ, Пританей

Ареопага, Драконтъ долженъ былъ найдти такія священныя мѣста, въ которыхъ самая религіозная атмосфера допускала болѣе снисходительный взглядъ на извѣстные виды убійства.

Вскорѣ за введеніемъ Дракontовыхъ законовъ послѣдовало событіе, нанесшее значительный ударъ государству: демократическихъ стремленій тогда еще не было, и правительство эвпатридовъ получило первую тяжкую рану отъ руки одного честолюбиваго эвпатрида. Килонъ, который къ своему происхожденію изъ знатнаго семейства присоединялъ личную знаменитость побѣдителя въ олимпійскихъ играхъ, и былъ женатъ на дочери Ѳеагена, властвовавшаго въ сосѣдней Аѳинамъ Мегарѣ, составилъ замыселъ овладѣть акрополемъ. Задумавъ такое дѣло, онъ прежде всего, какъ благочестивый Грекъ, обратился къ дельфійскому оракулу за совѣтомъ, какъ ему дѣйствовать, и получилъ въ отвѣтъ приказаніе воспользоваться «великимъ праздникомъ Зевса». Ему не могло придти въ голову, что оракулъ говорилъ не объ олимпіяхъ, и потому въ первый послѣ того олимпійскій праздникъ онъ образовалъ отрядъ изъ своихъ приверженцевъ и людей Ѳеагеновыхъ и, увѣренный въ помощи боговъ, сдѣлалъ нападеніе на акрополь. Предпріятіе спачала удалось ему, но народъ явился въ большомъ числѣ на помощь архонтамъ и пританамъ навкраровъ. Акрополь, занятый Килономъ, былъ осажденъ, и недостатокъ въ пищѣ и водѣ сдѣлалъ невозможнымъ сопротивленіе. Самъ Килонъ успѣлъ бѣжать; многіе изъ приверженцевъ его умерли голодною смертью, и это принудило остальныхъ къ сдачѣ. Архонтъ Мегаклъ изъ знаменитаго дома Алкмеонидовъ, вступивши въ акрополь, нашелъ ихъ сидящихъ около священныхъ жертвенниковъ и просящихъ защиты. Но политическое ожесточеніе ослѣпило Мегакла. Сдавшихся убѣдили удалиться отъ жертвенниковъ и потомъ вѣроломно казнили. Нѣкоторые изъ нихъ успѣли убѣжать изъ акрополя къ жертвеннику «почтенныхъ богинь» (Эвменидъ), находившемуся подлѣ Ареопага, но и великія карательницы нарушителей правды не спасли несчастныхъ отъ смерти.

Заговоръ былъ подавленъ, но оставилъ по себѣ ожесточенныя политическія антипатіи, соединенныя на этотъ разъ съ глубокими угрызеніями религіозной совѣсти. Весь городъ былъ оскверненъ преступнымъ дѣломъ Мегакла, призывавшимъ на него гнѣвъ боговъ; надъ родомъ Алкмеонидовъ тяготѣло неотвратимое проклятіе, и чтобъ Аѳины остались свободными отъ него, общее мнѣніе было, что Алкмеониды должны идти въ изгнаніе. Такъ какъ Алкмеониды сопротивлялись, то сильная распря началась въ нѣдрахъ аристократіи и

угрожала большими волненіями, еслибы Солону, который тогда уже былъ извѣстенъ мудростью и любовью къ отечеству, не удалось уговорить Алкмеонидовъ добровольно подчиниться суду. Дѣло кончилось тѣмъ, что въ чрезвычайномъ судилищѣ 300 эвпатридовъ, собранномъ по этому случаю, состоялся приговоръ, обрекавшій Алкмеонидовъ на изгнаніе: живущіе должны были оставить Аттику; кости мертвыхъ были вывезены за предѣлы страны.

Душевное настроеніе тогдашняго аѳинскаго общества очень ясно выказывается по поводу этой исторіи. Страхъ проклятія былъ такъ глубоко вкорененъ въ сердцахъ Аѳинянъ, что самое изгнаніе Алкмеонидовъ казалось недостаточнымъ очищеніемъ. Городъ былъ одержимъ, говоритъ Плутархъ, страхомъ привидѣній, и домашніе вѣщіе люди и прорицатели не были въ силахъ помочь ему. Наконецъ его посѣтила моровая язва. Тогда Аѳиняне обратились къ дельфійскому оракулу, и по его указанію призвали къ себѣ изъ Крита знаменитаго очистителя и мудреца Эпименида [1]). Древніе говорятъ, что мѣры, принятыя этимъ любимцемъ критскаго Зевса, и церемоніи, совершенныя имъ, имѣли полный успѣхъ и повели къ возстановленію физическаго здоровья и душевнаго мира Аѳинянъ. Онъ пустилъ изъ Ареопага по городу нѣсколько бѣлыхъ и черныхъ овецъ и на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ лягутъ, велѣлъ устроить жертвенники; учредилъ разныя религіозныя церемоніи и положилъ предѣлъ неумѣренному проявленію религіозныхъ ощущеній у женщинъ, сознаніе которыхъ было тогда особенно потрясено и разстроено; вообще онъ такъ сильно подѣйствовалъ на религіозныя чувства народа, что Аѳиняне почувствовали себя исцѣленными. Замѣчая это, какъ характеристическую черту тогдашнихъ Аѳинянъ, мы не имѣемъ права предполагать притворства и въ самомъ Эпименидѣ. Онъ былъ однимъ изъ выразителей ощущавшейся тогда по всей Греціи потребности очищеній и посвященій, и его истинная мудрость видна въ томъ, что онъ вступилъ въ Аѳинахъ въ связь съ Солономъ и своимъ вліяніемъ содѣйствовалъ возрастанію этого великаго человѣка, отъ котораго было тогда уже не далеко предназначенное ему обширное поприще политической дѣятельности.

Мы приблизились теперь къ новой эрѣ греческой исторіи, первому, какъ говоритъ Гротъ, извѣстному намъ примѣру обширной и безкорыстной политической реформы.

[1]) Объ Эпименидѣ и его отношеніи къ поклоненію критскому Зевсу см. О поклоненіи Зевсу стр. 156, слѣд.

Солонъ, сынъ Эксекестида [1]), былъ эвпатридъ съ умѣреннымъ состояніемъ, но самой аристократической крови. Онъ принадлежалъ къ роду Кодридовъ и Нелеидовъ, производившему себя черезъ многихъ героевъ отъ бога Посидона. Его отецъ, говорятъ, потерялъ состояніе отъ расточительности, и это заставило Солона прибѣгнуть въ юности къ торговлѣ, занятія которою привели его къ посѣщенію многихъ частей Греціи и Азіи. Это дало ему возможность расширить кругъ своихъ наблюденій и собрать матеріялъ для мышленія и поэзіи. Стихотворческій талантъ развился у него въ равномъ возрастѣ и былъ направленъ сначала па незначительные, пстомъ на болѣе серіозные предметы. Это было время, когда прозою еще не писали, и всѣ пріобрѣтенія и изліянія ума, даже въ самой простой формѣ, укладывались не между точками и запятыми, а между началомъ и концемъ гексаметра или пентамера; Гротъ замѣчаетъ, что стихи Солона не имѣли притязанія на болѣе высокое дѣйствіе, нежели то, которое въ наше время бываетъ соединено съ прозаическимъ изложеніемъ, имѣющимъ цѣлію сильно подѣйствовать на чувство или на умъ. Совѣты и сообщенія, съ которыми онъ часто обращался къ своимъ соотечественникамъ, были писаны въ размѣрѣ, безъ сомнѣнія гораздо болѣе легкомъ, нежели искусственная проза позднѣйшихъ писателей и ораторовъ, Ѳукидида, Исократа или Демосѳена. Греція, въ которой стихи Солона и его слава скоро распространились, удивлялась въ Солонѣ не поэтическому дарованію, а его мудрости, и пріобщила его къ тому созвѣздію народныхъ мыслителей, которое потомъ сдѣлалось извѣстно подъ именемъ семи мудрецовъ.

Первое событіе, въ которомъ Солонъ принялъ политическое участіе, былъ споръ между Аѳинами и Мегарой, за обладаніе сосѣднимъ Аттикѣ островомъ Саламиномъ. Въ то время, когда Солонъ началъ свое поприще, Мегаряне укрѣпились на Саламинѣ, и Аѳиняне потерпѣли такія значительныя потери въ борьбѣ съ ними, что формально запретили кому-либо изъ гражданъ заводить рѣчь о возвращеніи Саламина. Это унизительное для народной гордости рѣшеніе глубоко оскорбило Солона, и онъ рѣшился поднять духъ своего отечественнаго города. Принявъ видъ экстатическаго состоянія, въ костюмѣ больнаго [2]) онъ

[1]) Изъ древнихъ, кромѣ собственныхъ стихотвореній Солона, главными источниками служатъ жизнеописанія Солона, сдѣланныя Плутархомъ (отдѣльное изданіе Вестермана, Brunsv. 1840) и Діогеномъ Лаэртіемъ (45—67.) Изъ новѣйшихъ главнымъ сочиненіемъ остается до сего времени: Mersius Solon, s. de ejus vita, legibus dictis et scriptis liber singularis. Hafniæ. 1632. 4.

[2]) Плут. Сол. 8. *ἐσκήψατο μὲν ἔκστασιν τῶν λογισμῶν, καὶ λόγος εἰς τὴν πόλιν*

явился на народной площади и съ того камня, на которомъ обыкновенно стоялъ офиціяльный глашатай, прочелъ народу небольшое элегическое стихотвореніе [1]). Онъ укорялъ Аѳинянъ въ постыдной робости, и такъ сильно подѣйствовалъ на ихъ чувство, что не только былъ уничтоженъ законъ, запрещавшій говорить о Саламинѣ, но и начата война, и онъ самъ выбранъ предводителемъ. Счастіе продолжало и тутъ благопріятствовать Солону; островъ Саламинъ былъ занятъ, и Солонъ соорудилъ на мѣстѣ Скирадіонъ храмъ Эніалію, богу войны, а третейскій судъ Спарты, согласно съ духомъ тогдашняго времени, на основаніи гомерическаго каталога кораблей и дельфійскихъ оракуловъ, называвшихъ Саламинъ іонійскимъ, призналъ Аѳинянъ законными владѣтелями острова.

Кромѣ завоеванія Саламина, Солонъ увеличилъ свою славу еще тѣмъ, что принялъ участіе въ дѣлѣ дельфійскаго храма противъ жителей Кирры; этимъ онъ пріобрѣлъ благосклонность оракула, и пиѳія ободряла его благопріятными предсказаніями, когда ему пришлось вступить на законодательное поприще.

По поводу Солонова законодательства древніе сообщаютъ намъ нѣсколько извѣстій, дающихъ возможность бросить первый взглядъ — но къ сожалѣнію не болѣе какъ одинъ взглядъ — на тогдашнее состояніе Аттики и ея обитателей, состояніе плачевное, представляющее политическія несогласія въ соединеніи съ страданіями частныхъ людей.

Страшные раздоры господствовали тогда между жителями Аттики, распавшимися на три партіи: на *педіэевъ*, или людей равнины, жившихъ въ окрестностяхъ Аѳинъ и Элевсина и по большей части богатыхъ; на горныхъ обитателей восточной и сѣверной Аттики, называвшихся *діакріями* и составлявшихъ самую бѣдную изъ партій; и на *параліевъ*, или поморянъ южной части Аттики, занимавшихъ въ экономическомъ отношеніи среднее мѣсто между тѣми и другими. Чтó составляло собственный предметъ раздоровъ, объ этомъ извѣстій нѣтъ. Плутархъ приписываетъ періэямъ олигарическія стремленія, а діакріевъ дѣлаетъ представителями демократіи: но онъ очевидно пере-

ἐκ τῆς οἰκίας διεδόθη παρακινητικῶς ἔχειν αὐτόν. ἐλεγεῖα δὲ κρύφα συνθεὶς καὶ μελετήσας, ὥστε λέγειν ἀπὸ στόματος, ἐξεπήδησεν εἰς τὴν ἀγορὰν ἄφνω πιλίδιον περιθέμενος. Πιλίδιον — колпакъ больныхъ, см. прим. Вестермана.

[1]) Въ немъ было сто стиховъ. Плутархъ называетъ его *χαριέντως πάνυ πεποιημένον*. Оно начиналось стихами:

Αὐτὸς κῆρυξ ἦλθον ἀφ' ἱμερτῆς Σαλαμῖνος
Κόσμον ἐπέων ᾠδὴν ἀντ' ἀγορῆς θέμενος.

Писистратъ содѣйствовалъ Солону, какъ при убѣжденіи Аѳинянъ, такъ и при самой войнѣ.

носитъ на древнее время позднѣйшія понятія, ибо едва ли можно сказать, что въ эпоху Солона уже существовали демократическія притязанія. Достовѣрно только то, что партіи педіэевъ, параліевъ и діакріевъ не составляли исключительной особенности Солонова времени, но существовали и прежде него, а равно явились и въ послѣдствіи при Писистратѣ, который выступилъ на сцену исторіи, какъ политическій предводитель и защитникъ діакріевъ.

Но эти внутренніе раздоры усиливались во времена Солона отъ присоединившихся экономическихъ затрудненій. Все бѣдное народонаселеніе страны было въ полномъ возстаніи противъ богатыхъ. Страшная нищета съ одной стороны и жестокосердое угнетеніе съ другой дѣлали состояніе общества самымъ жалкимъ и невыносимымъ. «Не по судьбѣ Зевсовой (говорилъ Солонъ Аѳинянамъ) погибнетъ нашъ городъ и не по мысли блаженныхъ боговъ безсмертныхъ; у насъ есть великая хранительница, дщерь могучаго отца, Паллада Аѳина, держащая надъ нимъ руку. Но сами хотятъ погубить великій городъ своимъ безуміемъ граждане.» «Злочестивы мысли первыхъ въ народѣ, и не далеки отъ нихъ великія бѣды за нарушеніе мѣры; они не умѣютъ сдерживать надменную волю и украшать умѣренную жизнь мирною радостью; нѣтъ у нихъ страха ни передъ достояніемъ боговъ, ни передъ имуществомъ государства; все расхищается розно, и не блюдутся достопочтенныя уложенія правды.» «Скоро дойдетъ до того, что многолюбезный городъ будетъ терзаемъ во враждебныхъ схваткахъ.» «Изъ бѣдняковъ многіе идутъ въ чужую землю. продаваемые въ рабство, обремененные незаслуженными оковами» [1]). Причиною этихъ несчастій были строгія постановленія о долговыхъ обязательствахъ, господствовавшія въ Аѳинахъ, какъ почти вездѣ въ древнемъ мірѣ. Несостоятельный должникъ могъ быть судебнымъ порядкомъ объявленъ рабомъ своего заимодавца и оставался въ рабствѣ до тѣхъ поръ, пока находилъ средства или уплатить или заработать долгъ. Кромѣ того занимающій имѣлъ право закабалить себя своему кредитору, и законъ позволялъ кабалить не только себя, но и молодыхъ сыновей, незамужнихъ дочерей и даже сестеръ. Бѣдные люди занимали деньги, какъ говорилось въ Греціи, подъ залогъ своего тѣла и тѣла другихъ лицъ своего семейства, и эти контракты исполнялись съ такою строгостію, что многіе должники въ Аттикѣ изъ состоянія свободныхъ людей поступили въ рабы къ своимъ заимодавцамъ, многіе другіе были проданы за предѣлы страны, еще другіе

[1]) Изъ разныхъ мѣстъ 2-го отрывка (по изд. Солоновыхъ стиховъ Шнейдевина).

сохранили свою свободу продажею дѣтей, и наконецъ нѣкоторые оставили родину, чтобы укрыться отъ судебнаго преслѣдованія. На иныхъ пала эта жалкая участь вслѣдствіе противозаконнаго приговора подкупленныхъ судей. Кромѣ того бо́льшая часть мелкихъ помѣстьевъ была въ залогѣ, и это обозначалось, по аттическому обычаю, который оставался въ силѣ во все историческое время, постановленіемъ на заложенныхъ участкахъ каменныхъ столбовъ, ὅροι, съ означеніемъ имени заимодавца и суммы займа. Владѣльцы такихъ участковъ, въ случаѣ несчастнаго для нихъ оборота дѣлъ, имѣли въ виду неотвратимое рабство для себя и для своихъ семействъ. Вся масса мелкихъ землевладѣльцевъ была въ долгу у богатыхъ, которые уже находились въ обладаніи почти всею поземельною собственностію въ государствѣ.

Въ этомъ положеніи дѣлъ, въ Аѳинахъ, какъ и вездѣ, по мѣткому замѣчанію Аристотеля, какой-нибудь незначительный поводъ могъ сдѣлаться причиною великихъ событій. Подробности хода происшествій въ Аттикѣ намъ неизвѣстны; но въ 594 году до Р. Х. дѣло дошло до того, что управляющая государствомъ олигархія эвпатридовъ была уже не въ силахъ вынудить уплату долговъ и удержать въ повиновеніи массу народа. Олигархи увидѣли себя принужденными обратиться къ мудрости и правдивости Солона, несмотря на то, что онъ уже показалъ въ своихъ стихотвореніяхъ сочувствіе къ положенію несостоятельныхъ должниковъ. Они надѣялись, что онъ окажетъ имъ такую помощь, какая только возможна по обстоятельствамъ, и избрали его въ архонты, съ властію въ сущности диктаторскою. Это случилось въ 594-мъ году до Р. Х.

Въ подобномъ положеніи и до Солона и послѣ него находились многіе греческіе государственные люди; но по большей части, побуждаемые честолюбіемъ, они обращали въ свою пользу несогласія партій [1]). Весьма поучительно изъ собственныхъ словъ Солона узнать, съ какими мыслями смотрѣли на его избраніе его сограждане и въ особенности его друзья. Отъ него требовали, чтобы онъ окружилъ себя приверженцами и завладѣлъ верховною властію; его порицали и называли безумцемъ за то, что онъ не хотѣлъ притянуть къ себѣ концы сѣти, въ которой рыбы уже находились. Что Солонъ

[1]) Онъ самъ говоритъ о себѣ съ ироніей:

Οὐκ ἔφυ Σόλων βαθύφρων οὐδὲ βουλήεις ἀνήρ.
Ἐσθλὰ γὰρ θεοῦ διδόντος αὐτὸς οὐκ ἐδέξατο.

легко могъ это сдѣлать, это не подлежитъ сомнѣнію, и хотя онъ могъ видѣть, по окружавшимъ его примѣрамъ, что такое положеніе было соединено со многими опасностями; однако и сохранить власть было бы для него, до введенія его законодательства, гораздо легче, нежели для Писистрата послѣ этого законодательства. Къ удивленію всѣхъ и огорченію своихъ друзей, среди равнаго неудовольствія и даже ожесточенія противъ него [1]) всѣхъ партій, объявлявшихъ неумѣренныя требованія, онъ приступилъ къ честному рѣшенію задачи, ему предложенной.

Самаго неотлагательнаго врачеванія требовало положеніе должниковъ, и потому первымъ его дѣломъ была мѣра, которая должна была «стряхнуть бѣду съ Аѳинскаго народа», — знаменитая *сисахѳія*, *σεισάχθεια*. Ею была подана бѣдному классу полная и, что́ было еще важнѣе въ тогдашнихъ обстоятельствахъ, мгновенная помощь. Она уничтожила всѣ контракты, по которымъ личность или поземельные участки служили залогомъ; она очистила всю аѳинскую землю отъ многочисленныхъ долговыхъ столбовъ и освободила отъ рабства всѣхъ, приговоренныхъ къ нему за долги; Солонъ нашелъ даже возможность выкупить и возвратить отечеству тѣхъ гражданъ, которые были проданы за границу [2]). Къ этимъ временнымъ мѣрамъ сисахѳія присое-

Περιβαλὼν δ'ἄγραν ἀγασθεὶς οὐκ ἐπέσπασεν μέγα
Δίκτυον, θυμοῦ θ'ἁμαρτῇ καὶ φρενῶν ἀποσφαλείς.

И въ другомъ отрывкѣ отвѣчаетъ на этотъ упрекъ:

Δείξει δὴ μανίην μὲν ἐμὴν βαιὸς χρόνος ἀστοῖς,
Δείξει ἀληθίης ἐς μέσον ἐρχομένης.

Онъ говаривалъ: *καλὸν μὲν εἶναι τὴν τυραννίδα χωρίον, οὐκ ἔχειν δὲ ἀπόβασιν.* Плут. Сол. 14. Приведемъ еще отрывокъ изъ его ямбовъ: «Имѣя въ рукахъ бичь, какъ я, другой мужъ дурныхъ помысловъ не сдержалъ бы своего духа и не остановился бы, не помутивъ молока и не снявъ сливокъ.»

Κέντρον δ'ἄλλος ὡς ἐγὼ λαβὼν
Κακοφραδής τε καὶ φιλοκτήμων ἀνὴρ
Οὔτ' ἂν κατέσχε θυμὸν οὔτ' ἐπαύσατο,
Πρὶν ἂν ταράξας πῖαρ ἐξέλῃ γάλα.

[1]) Отр. 29 Шнейд., по исправленію Лобека:

Τῶν οὔνεκ' ὀργῇ πάντοθεν κυκλεύμενος ὡς ἐν κυσὶν πολλαῖσιν ἐστράφην λύκος.

[2]) Онъ самъ говоритъ о себѣ, обращаясь къ освобожденной имъ землѣ, богинѣ Геѣ:

Συμμαρτυροίη ταῦτ' ἂν ἐν δίκῃ Κρόνου
Μήτηρ, μεγίστη δαιμόνων 'Ολυμπίων,
Ἄριστα, Γῆ μέλαινα, τῆς ἐγώ ποτε
Ὅρους ἀνεῖλον πολλαχῆ πεπηγότας,
Πρόσθεν δὲ δουλεύουσα νῦν ἐλευθέρα.
Πολλοὺς δ'Ἀθήνας πατρίδ'ἐς θεόκτιτον

диняла запрещеніе на будущее время займовъ, по которымъ личность должника служила залогомъ [1]), а равно и продажи въ рабство дѣтей и незамужнихъ сестеръ, за исключеніемъ того случая, когда сестра или дочь будетъ найдена виновною въ нецѣломудріи.

Этою обширною мѣрой всѣ несостоятельные должники были освобождены отъ бѣды и опасности. Но кромѣ ихъ въ государствѣ конечно были и другіе должники. Заимодавцы, потерявшіе свои деньги вслѣдствіе сисахѳіи, могли и сами быть должны, и вслѣдствіе потерь, нанесенныхъ имъ этою мѣрой, нуждаться въ облегченіи при исполненіи своихъ обязательствъ. Въ пользу этихъ, болѣе богатыхъ, должниковъ, личность которыхъ не находилась въ опасности, Солонъ произвелъ измѣненіе въ монетной системѣ. Онъ уменьшилъ металлическое содержаніе драхмы почти на 27 процентовъ, оставивъ за нею ея имя, такъ что сто драхмъ новой монеты заключали въ себѣ не болѣе серебра, нежели 73 прежнихъ, или сто старыхъ драхмъ равнялись 130 новыхъ. Вслѣдствіе этого измѣненія и состоятельные должники получили облегченіе, равнявшееся 27 процентамъ долговой суммы.

Наконецъ, втретьихъ, Солонъ опредѣлилъ, что всѣ, приговоренные архонтами къ безчестью (атиміи), должны опять получить полныя гражданскія права — амнестія, изъ которой были исключены только осужденные эфетами, ареопагомъ и филобасилеями за убійство и измѣну, и которая заставляетъ предполагать, что приговоры прежнихъ архонтовъ были чрезмѣрно жестоки [2]).

Таковы были облегчительныя мѣры, которыя Солонъ противопоста-

Ἀνήγαγον πραθέντας, ἄλλον ἐκδίκως,
Ἄλλον δικαίως, τοὺς δ᾽ἀναγκαίης ὕπο
Χρησμὸν λέγοντας γλῶσσαν οὐκέτ᾽ Ἀττικὴν
Ἱέντας, ὡς ἂν πολλαχῇ πλανωμένους,
Τοὺς δ᾽ἐνθαδ᾽ αὐτοῦ δουλίην ἀεικέα
Ἔχοντας ἤδη δεσπότας τρομευμένους
Ἐλευθέρους ἔθηκα.

Изгнанники, «занимающіеся прорицаніями на языкѣ не аттическомъ», скитались конечно по Греціи и добывали себѣ хлѣбъ предсказаніями: это было вообще время странствующихъ заклинателей гадателей и очистителей. Приведенный отрывокъ, изъ котораго мы выписали выше нѣсколько стиховъ, см. вполнѣ у Шнейдевина Delectus poësis Græcorum elegiacæ, iambicæ, melicæ (Gott. 1838) подъ нум. 28.

[1]) Ἐπὶ τοῖς σώμασι μηδένα δανείζειν. Плут. Сол. 15. Зато проценты были Солономъ разрѣшены безъ взякаго ограниченія, Лисій прот. Ѳеомнеста, 18; τὸ ἀργύριον στάσιμον εἶναι ἐφ᾽ ὅσον ἂν βούληται ὁ δανείζων. Это очень важно и показываетъ, на сколько Солонъ былъ выше понятій своего времени о незаконности роста.

[2]) Плут. Сол. 19.

вилъ господствовавшему тогда всеобщему недовольству. Онѣ должны были уменьшить состояніе многихъ и ожесточить ихъ противъ Солона; но зато онѣ даровали многочисленному классу бѣдныхъ гражданъ все, что̀ только могло быть для него сдѣлано, и раздоры, которыми было обуреваемо государство, должны были прекратиться. Мы узнаемъ въ самомъ дѣлѣ, что, послѣ короткаго промежутка времени, сисахѳія получила въ общественномъ мнѣніи чрезвычайную популярность: всѣ сословія нашли въ ней средство къ примиренію и приносили за нее благодарственныя жертвы.

Писатели позднѣйшей древности и нашего времени сильно затруднялись нравственною оцѣнкой этой мѣры. Глубокое уваженіе, которымъ пользовалось лице Солона, заставляло нѣкоторыхъ утверждать, что отъ сисахѳіи не пострадало ни одно право. Но такого мнѣнія никакъ нельзя допустить: потери кредиторовъ отъ уничтоженія контрактовъ и уменьшенія цѣнности монеты составляютъ фактъ, котораго не можетъ скрыть никакое объясненіе. Солонова сисахѳія была безъ всякаго сомнѣнія мѣра несправедливая, по скольку она уничтожала законно-заключенныя обязательства, но въ то же время она была въ высшей степени благодѣтельна по своимъ послѣдствіямъ и находитъ оправданіе себѣ въ томъ, что только съ ея помощію можно было поддержать въ Аттикѣ разрывавшуюся государственную связь и облегчить сдѣлавшееся невыносимымъ положеніе большей части гражданъ. Съ такой точки зрѣнія Гротъ смотритъ на сисахѳію, и это сужденіе несомнѣнно самое вѣрное и справедливое, которое можно о ней сдѣлать. Никакое средство, удерживающееся въ предѣлахъ законности, не могло пособить тогдашнему отчаянному положенію государства; только цѣною рѣшительной мѣры могло быть возстановлено общественное спокойствіе, и люди, избиравшіе Солона, давали ему диктаторскую власть, конечно не съ тѣмъ, чтобы онъ управлялъ государствомъ по прежнимъ законамъ, которыхъ послѣдствія, при всей ихъ формальной справедливости, сдѣлались невыносимы для государства. Чтобы вѣрно оцѣнить Солонову сисахѳію, надобно обратить вниманіе на то, что нарушенные ею законы о долговыхъ обязательствахъ не клонились къ пользѣ обѣихъ сторонъ, единственному прочному основанію общественнаго уваженія къ контрактамъ. Эти законы были по самому началу своему вредны для общества и полезны одной олигархіи, которая пользовалась ими, пока это было возможно. Но во время Солона обстоятельства измѣнились, — и то, чего сама олигархія не могла сохранить для себя, могъ ли и долженъ ли былъ стараться сохранить для нея Солонъ, избранный для врачеванія *цѣлаго* государства?

Особеннаго вниманія заслуживаетъ, что спорный вопросъ былъ рѣшенъ Солономъ окончательно и навсегда. Въ продолженіе всей послѣдующей аѳинской исторіи не слышно, чтобы законы о долговыхъ обязательствахъ подавали поводъ къ нарушенію спокойствія. Не только аѳинская демократія не прибѣгала къ общему банкротству или уменьшенію цѣнности монеты, но даже въ торжественную клятву, которую давали многочисленные члены аѳинскаго суда присяжныхъ, называвшагося *гелісей*, на ряду съ обѣтомъ сохранить неприкосновеннымъ государственное устройство, входило обѣщаніе не допускать ни уничтоженія долговъ, ни новаго раздѣленія поземельной собственности. Общественный кредитъ, основанный на довѣріи къ средствамъ должниковъ, находился въ Аѳинахъ въ наилучшемъ состояніи, и вообще святость контрактовъ и неприкосновенность монетной системы были въ Аѳинахъ строже соблюдаемы, нежели въ Римѣ, послѣдняя, прибавляетъ Гротъ, строже, нежели въ Англійской и Французской монархіяхъ.

Принятыя Солономъ облегчительныя мѣры имѣли такой успѣхъ, что превозошли самыя большія его ожиданія. Довѣріе и благодарность, которыя онъ внушилъ своимъ согражданамъ, были такъ велики, что они обратилились къ нему съ просьбою дать Аѳинамъ новое законодательство.

Выше уже было подробно говорено о томъ раздѣленіи аѳинскихъ гражданъ, которое существовало до Солона. Основу дѣленія составляли четыре іонійскія колѣна, которыя въ одномъ развѣтвленіи содержали въ себѣ фратріи и роды, а въ другомъ триттіи и навкраріи. Солонъ оставилъ это дѣленіе въ его силѣ, но на ряду съ нимъ ввелъ раздѣленіе, основанное на новомъ началѣ, до него еще неизвѣстномъ. Это — то начало, которое въ Греціи называлось тимократическимъ, а теперь въ Европѣ носитъ имя начала ценза. Солонъ раздѣлилъ гражданъ всѣхъ колѣнъ, не обращая вниманія на роды и фратріи, на четыре класса τέλη или τιμήματα, по величинѣ ихъ состоянія, которое, по его распоряженію, было оцѣнено и записано въ публичный списокъ. Имѣвшіе ежегоднаго дохода 500 медимновъ или драхмъ и болѣе того, были отнесены къ первому классу; получавшіе между 500 и 300 медимнами или драхмами образовали второй классъ, а тѣ, доходъ которыхъ простиралея отъ 200 до 300, — третій. Четвертый многочисленнѣйшій классъ обнималъ наконецъ гражданъ, земля которыхъ приносила менѣе 200 медимновъ [1]). Только *пен-*

[1]) Таковы цифры, сообщаемыя Плутархомъ, Сол. 18. Бёкъ (Staatshaushaltung I, 647 2-го изд. 1851 г. или II, 32 1-го изд.) весьма вѣроятно пред-

такосеомедимны, люди перваго класса, имѣли право избираемости въ санъ архонта и во всѣ другіе саны; члены втораго класса назывались *всадниками* государства, потому что были въ состояніи являться на конѣ на военную службу: *зевгиты*, третій классъ, составляли тяжелую пѣхоту и были обязаны служить въ тяжеломъ вооруженіи. Всѣ члены этихъ трехъ классовъ были внесены въ публичные регистры, какъ владѣльцы имуществъ, подлежащихъ подати, и всякій изъ нихъ платилъ государству въ случаѣ нужды окладъ, соотвѣтственный той суммѣ, которая была за нимъ записана. Для самаго богатаго класса капиталъ, подлежащій подати, высчитывался черезъ умноженіе ежегоднаго дохода на 12; у всадниковъ доходъ помножался на 10, а въ классѣ зевгитовъ — на 5. Такимъ образомъ у пентакосіомедимна, получавшаго 500 драхмъ, то-есть наименьшій доходъ своего класса, капиталъ, подлежащій платѣ податей, былъ оцѣненъ въ 6000 драхмъ, или въ одинъ талантъ, то-есть въ 12 разъ болѣе его дохода. Напротивъ того гиппей, или всадникъ, членъ втораго класса, получавшій доходу 300 драхмъ, былъ обязанъ платить подать съ 3000 драхмъ, или съ суммы, только въ 10 разъ бо́льшей его дохода, а зевгитъ, доходъ котораго былъ въ 200 драхмъ, записывался въ податные списки съ капиталомъ въ 1000 драхмъ, то-есть не болѣе, какъ въ пятеро большимъ, нежели его доходъ. Соотвѣтственно капитальнымъ суммамъ, которыя были такимъ образомъ вычислены, были взимаемы прямые налоги. Когда государство имѣло нужду въ подати, равнявшейся одному проценту, то самый бѣдный пентакосіомедимнъ платилъ 60, самый бѣдный гиппей — 30 и самый бѣдный зевгитъ — 10 драхмъ подати, то-есть подать перваго была въ 6 разъ болѣе, нежели подать послѣдняго, хотя имущества ихъ относились не какъ 6: 1, а какъ 5: 2. Поэтому Солонова система налоговъ можетъ быть названа *однообразною* относительно членовъ одного и того же класса и *прогрессивною* относительно трехъ классовъ [2]).

Всѣ лица въ государствѣ, ежегодный доходъ которыхъ не доходилъ до 200 медимновъ или драхмъ, были отнесены къ четвертому классу. Они составляли большинство гражданъ и были совершенно освобождены отъ платы прямыхъ податей; въ военной службѣ они

полагаетъ, на основаніи одного мѣста Демосѳенова, подлинныя цифры были: 500, 300, 150. Гротъ защищаетъ Плутарховы цифры.

¹) Плутархъ, Аристидъ, I.

²) Все сказанное объ этой системѣ налоговъ основано на блистательныхъ изслѣдованіяхъ Бёка въ Staatshaushaltung der Athener I, 643—662, 2-го изд. 1851 г., или II, 28—45 1-го изд. До изслѣдованій Бёка надъ этими вопросами лежалъ непроницаемый мракъ.

служили, какъ легковооруженные. Не избираемые ни въ какія должности [1]), они однакоже имѣли, по Солонову законодательству, важное значеніе, какъ члены народнаго собранія. Они участвовали въ избраніи ежегодныхъ архонтовъ изъ класса пентакосіомедимновъ и, что еще болѣе, архонты и другіе сановники были сдѣланы отвѣтственными, по истеченіи должностнаго года, не передъ сенатомъ Ареопага, а передъ народнымъ собраніемъ: всякій могъ ихъ обвинять въ злоупотребленіяхъ, и они должны были защищаться передъ народнымъ собраніемъ; въ случаѣ вины, ихъ можно было подвергать штрафу и лишить чести вступленія въ Ареопагъ. Въ «Политикѣ» Аристотеля замѣчено, что этимъ послѣднимъ правомъ было положено основаніе демократіи [2]).

Но еслибы Солонъ, призвавъ народное собраніе къ столь важной дѣятельности, оставилъ его безъ помощи и руководства, то безъ всякаго сомнѣнія архонты были бы отвѣтственны лишь на словахъ закона. Солонъ сдѣлалъ эту отвѣтственность дѣйствительною посредствомъ одного новаго учрежденія, которое потомъ имѣло важное участіе въ политическомъ развитіи Аѳинскаго государства. Уже нѣсколько разъ было упоминаемо, что до Солона въ Аѳинахъ былъ сенатъ, соотвѣтствовавшій гомерической думѣ старцевъ и спартанской герусіи и собиравшійся на Аресовомъ холмѣ (Ареопагѣ). Этотъ сенатъ Солонъ оставилъ неприкосновеннымъ, но на ряду съ нимъ установилъ другую думу, которая находилась въ тѣсной связи съ народнымъ собраніемъ и была, можно сказать, его постояннымъ комитетомъ или бюро. Эта дума предварительно разсматривала предметы преній, созывала народное собраніе и управляла имъ и наконецъ наблюдала за исполненіемъ его опредѣленій; она состояла, по учрежденію Солона, изъ четырехъ сотъ членовъ, которые брались, какъ говоритъ Плутархъ [3]), поровну

[1]) Санъ архонта и связанное съ этимъ саномъ вступленіе въ Ареопагъ, остались за одними пентакосіомедимнами; но второй и третій классы имѣли доступъ къ другимъ санамъ. Арист. Пол. II, 9: *τὰς δὲ ἀρχὰς ἐκ τῶν γνωρίμων καὶ τῶν εὐπόρων κατέστησε πάσας, ἐκ τῶν πεντακοσιομεδίμνων καὶ ζευγιτῶν καὶ τρίτου τέλους τῆς καλουμένης ἱππάδος, τὸ δὲ τέταρτον θετικὸν, οἷς οὐδεμιᾶς ἀρχῆς μετῆν.* Солоновскіе классы исчисляются здѣсь не въ настоящемъ порядкѣ; сличи слѣд. примѣч.

[2]) Вотъ это мѣсто Полит. II, 9: *ἔοικε δὲ Σόλων ἐκεῖνα μὲν ὑπάρχοντα πρότερον οὐ καταλῦσαι, τήν τε (ἐν Ἀρείῳ πάγῳ) βουλὴν καὶ τὴν τῶν ἀρχῶν αἵρεσιν, τὸν δὲ δῆμον καταστῆσαι τὰ δικαστήρια ποιήσας ἐκ πάντων. — — ἐπεὶ Σόλων γε ἔοικε τὴν ἀναγκαιοτάτην ἀποδιδόναι τῷ δήμῳ δύναμιν, τὸ τὰς ἀρχὰς αἱρεῖσθαι, καὶ εὐθύνειν· μηδὲ γὰρ τούτων κύριος ὢν ὁ δῆμος δοῦλος ἂν εἴη καὶ πονέμος.* Надобно впрочемъ замѣтить, что вся эта глава по всему вѣроятію написана не самимъ Аристотелемъ (см. примѣч. Гёттлинга въ его изданіи «Политики» стр. 345), что однакожь не уменьшаетъ справедливости выписанныхъ нами словъ.

[3]) Сол. 16: *δευτέραν προσκατένειμε βουλὴν, ἀπὸ φυλῆς ἑκάστης, τεττάρων οὐσῶν*

изъ четырехъ колѣнъ и были избираемы безъ всякаго сомнѣнія не по жребію, какъ въ послѣдствіи, а также точно такъ, какъ тогда избирались архонты, при чемъ лица четвертаго или самаго бѣднаго класса были избирателями, но не избираемыми. Духъ Солонова законодательства болѣе всего опредѣляется тѣмъ, что учредивъ эту новую думу, какъ подпору народнаго собранія, Солонъ не только остался свободнымъ отъ всякой враждебности къ сенату Ареопага, но напротивъ того еще болѣе увеличилъ его власть, расширивъ его надзоръ за исполненіемъ законовъ и подчинивъ образъ жизни и занятія гражданъ его нравственной цензурѣ. Онъ самъ принадлежалъ, какъ бывшій архонтъ, къ этому старому сенату и былъ того мнѣнія, что Аѳинское государство будетъ имѣть въ своихъ двухъ думахъ два якоря, которые охранятъ его во всѣхъ буряхъ [1]. Общее направленіе своего законодательства онъ самъ превосходно выражаетъ въ слѣдующихъ словахъ: «Я далъ демосу (говоритъ онъ въ одномъ отрывкѣ) столько силы, сколько ему достаточно, и не отнялъ у него и не надбавилъ его достоинства, а которые имѣли власть и были первые по богатству, и за тѣми по моему слову должно было остаться все уваженіе. Я стоялъ, распростерши крѣпкій щитъ надъ тѣми и надъ другими, и не дозволялъ ни однимъ неправедной побѣды» [2]. И въ самомъ дѣлѣ, Солонъ оставилъ существенную силу еще въ рукахъ немногихъ. Борьба партій, возникшая черезъ тридцать лѣтъ послѣ его законодательства и окончившаяся владычествомъ Писистрата, носитъ еще чисто олигархическій характеръ. Но олигархія, которую основалъ Солонъ, была весьма отлична отъ той необузданной олигархіи, которую онъ нашелъ въ Аѳинахъ. Онъ далъ гражданамъ средняго состоянія, равно какъ и всей массѣ ихъ, твердую основу, locum standi, на

ἑκατὸν ἄνδρας ἐπιλεξάμενος, οὓς προβουλεύειν ἔταξε τοῦ δήμου καὶ μηδὲν ἐᾷν ἀπροβούλευτον εἰς ἐκκλησίαν εἰςφέρεσθαι. Это учрежденіе сдѣлало въ Аѳинахъ ненужнымъ санъ, подобный спартанскимъ эфорамъ или римскимъ плебейскимъ трибунамъ. Ея обыкновенное имя — *ἡ βουλὴ τῶν Φ*, или просто *ἡ τῶν Φ*. Члены думы должны были имѣть по крайней мѣрѣ 30 лѣтъ отъ роду.

[1]) *Τὴν δὲ ἄνω βουλὴν ἐπίσκοπον πάντων καὶ φύλακα τῶν νόμων ἐκάθισεν, οἰόμενος ἐπὶ δυσὶ βουλαῖς ὥσπερ ἀγκύραις ὁρμοῦσαν ἧττον ἐν σάλῳ τὴν πόλιν ἔσεσθαι, καὶ μᾶλλον ἀτρεμοῦντα τὸν δῆμον παρέξειν.* Плут. Сол. 19.

[2]) Отр. 3 Шнейд.:

Δήμῳ μὲν γὰρ ἔδωκα τόσον κράτος ὅσσον ἐπαρκεῖ,
Τιμῆς οὔτ' ἀφελὼν οὔτ' ἐπορεξάμενος.
Οἳ δ' εἶχον δύναμιν καὶ χρήμασιν ἦσαν ἀγητοί,
Καὶ τοῖς ἐφρασάμην μηδὲν ἀεικὲς ἔχειν.
Ἔστην δ' ἀμφιβαλὼν κρατερὸν σάκος ἀμφοτέροισι
Νικᾶν δ' οὐκ εἴασ' οὐδετέρους ἀδίκως.

Сохраненіемъ этого прекраснаго отрывка мы обязаны Плутарху, Сол. 18.

которой они могли устоять противъ эвпатридовъ; снабдивъ ихъ законными средствами къ защитѣ, онъ сдружилъ ихъ съ мыслію, что ихъ права могутъ быть охраняемы мирными и законными дѣйствіями.

Гротъ особенно указываетъ на то, что весьма важно дѣлать строгое различіе между Солоновымъ государственнымъ устройствомъ и позднѣйшею аѳинскою демократіею. Многіе изъ Солоновыхъ законовъ, о которыхъ мы будемъ тотчасъ говорить, сохранились въ дѣйствіи до конца Аѳинской республики; но его политическія учрежденія потерпѣли коренное измѣненіе, не менѣе полное и не менѣе замѣчательное, нежели то, которое произошло и вообще съ характеромъ аѳинскаго народа. Избираніе архонтовъ и другихъ сановниковъ, равно какъ и членовъ думы, по жребію, и распредѣленіе также жребіемъ присяжныхъ судей по нѣсколькимъ судилищамъ или, какъ ихъ называли Аѳиняне, *дикастеріямъ*, никакъ не могло произойдти во время Солона. Эти нововведенія, какъ показываетъ самый ихъ духъ, безъ всякаго сомнѣнія произошли гораздо позже, и Гротъ, по нашему мнѣнію, имѣетъ полное право полемизировать противъ писателей (между другими противъ Терльваля), которые вслѣдъ за аѳинскими ораторами приписываютъ Солону то, что̀ было плодомъ самаго рѣшительнаго демократическаго направленія. Извѣстно, что жребій есть всегдашній признакъ крайней демократіи, и едва ли можно не согласиться съ Гротомъ, что позднѣйшее устройство аѳинскихъ судилищъ было возможно только при назначеніи судьямъ жалованья, а это случилось не ранѣе Периклова времени. Гротъ полагаетъ, что устроенное Солономъ народное собраніе занимало въ государствѣ важное, но отнюдь не первостепенное мѣсто, и что архонты-ѳесмоѳеты удержали еще за собою право суда въ тѣхъ дѣлахъ, которыя въ послѣдствіи времени, когда ѳесмоѳеты сдѣлались не болѣе какъ предсѣдателями народныхъ дикастерій, подлежали вѣдѣнію этихъ послѣднихъ и были ѳесмоѳетами только предварительно изслѣдуемы и подготовляемы къ докладу.

Не легко опредѣлить, какое политическое значеніе Солонъ оставилъ за древними родами и фратріями. Солонова дума состояла изъ 400 человѣкъ, по 100 изъ каждаго колѣна, а такъ какъ колѣна состояли изъ фратрій и родовъ, и никто, не принадлежавшій къ какой-либо фратріи или къ какому-либо роду, не могъ быть членомъ колѣна, то люди, стоявшіе внѣ родовъ и фратрій, не могли вступать въ думу. Условія избираемости въ архонты, и само собою разумѣется также и въ Ареопагъ, были тѣ же. Поэтому люди, не бывшіе членами древнихъ іонійскихъ колѣнъ, еслибы по цензу и принадлежали къ первому классу, не могли участвовать въ думѣ Ареопага или достигать

сана архонта. Гротъ полагаетъ, что они участвовали однакоже въ народномъ собраніи, хотя и стояли относительно политическихъ правъ на одномъ уровнѣ съ четвертымъ или самымъ бѣднымъ классомъ солоновскаго ценза. Гротъ замѣчаетъ, что число такихъ людей было вѣроятно весьма значительно, и что устраненіе ихъ отъ доступа къ государственнымъ властямъ могло быть одною изъ причинъ слабости аѳинскаго правительства въ столкновеніи съ Писистратомъ. Но смотря ближе, можно найдти важное основаніе для сомнѣнія, дѣйствительно ли участвовали въ народномъ собраніи люди, находившіеся внѣ филъ. Въ Римѣ это въ самомъ дѣлѣ было: мы знаемъ, что законодательство Сервія Туллія соединило въ классахъ и центуріяхъ членовъ патриціанскихъ трибъ съ находившимися внѣ этихъ трибъ плебеями. Но въ Римѣ были учреждены особыя комиціи, центуріатныя, чтобы сдѣлать народное собраніе доступнымъ и для не участвовавшихъ въ патриціянскихъ трибахъ. Между тѣмъ мы видимъ, что въ Аѳинахъ ничего подобнаго не было сдѣлано Солономъ. Его классы устроены для финансовыхъ и политическихъ цѣлей, но имъ не было дано организаціи, нужной, чтобы они могли сдѣлаться основаніемъ для собраній народа, и кромѣ того у насъ нѣтъ ни одного извѣстія, чтобы въ Аѳинахъ были когда-нибудь народныя собранія по классамъ. Единственная извѣстная въ Аѳинахъ форма вѣча есть собраніе по филамъ, 4 іонійскимъ до Клисѳена, 10 мѣстнымъ послѣ него. Люди, приписанные по имуществу къ первому классу, но неучаствовавшіе въ филахъ, не имѣли мѣста, гдѣ бы имъ можно было подавать голоса, такъ какъ голоса подавались по филамъ. Въ этомъ отношеніи, надобно полагать, они стояли даже ниже филетовъ четвертаго класса, у которыхъ была своя фила.

Но ежели этотъ пунктъ не ясенъ, то тѣмъ достовѣрнѣе, что Солоновы классы произвели важное измѣненіе внутри филъ, замѣнивъ собою прежнее раздѣленіе на три сословія: эвпатридовъ, геоморовъ и деміурговъ. До Солона санъ архонта и ареопагита былъ исключительною принадлежностью эвпатридовъ; теперь получили къ нему доступъ всѣ богатые люди изъ трехъ сословій, на которыя раздѣлялись филеты. Это былъ важный шагъ впередъ, ибо сословіе эвпатридовъ было имъ уничтожено [1]).

[1]) Нибуръ, вѣрный своей системѣ, видѣлъ однакоже, что Солоновы классы стояли въ тѣсной связи съ филами. Поэтому онъ пришелъ къ странному заключенію, что Солонъ раздѣлилъ на четыре класса однихъ эвпатридовъ. См. Röm. Gesch. II, S. 346. Такая мѣра была бы совершенно непонятна, и можно сказать, что она не имѣла бы цѣли. Надобно было увеличить, а не уменьшить число людей, имѣющихъ доступъ къ высшему сану. Противъ доводовъ Нибура см. замѣчаніе Мейера de gentil. att. p. 6 not. 50. Г. Ку-

Для вѣрной оцѣнки учрежденной Солономъ тимократіи (государственнаго устройства, основаннаго на цензѣ) необходимо обращать вниманіе на то важное обстоятельство, что движимое имущество не входило въ цензъ. Коренное условіе греческаго гражданства, о которомъ такъ полно говорено въ статьѣ г. Куторги (см. выше отд. 1. стр. 159 — 171), — владѣніе землею — было во всей силѣ удержано Солономъ, и самый богатый капиталистъ оставался по его законодательству въ низшемъ классѣ *ѳетовъ*, пока не пріобрѣталъ поземельной собственности. Крайне жалѣть надобно о томъ, что мы почти ничего не знаемъ о мѣрахъ, принятыхъ Солономъ, касательно перехода поземельной собственности изъ рукъ въ руки. Несомнѣнно, что этимъ переходомъ условливалились измѣненія въ правахъ и переходъ гражданъ изъ одного класса въ другой, и есть основанія полагать, что Солонъ постановилъ по этому предмету нѣкоторыя ограниченія [1]).

Исчислимъ теперь самые достопримѣчательные изъ дошедшихъ до нашего времени, отдѣльныхъ законовъ Солона. Вообще надобно замѣтить, что Солоново законодательство относилось, какъ кажется, ко всѣмъ областямъ человѣческихъ обязанностей. Мы находимъ законы политическіе, религіозные, предписанія, касающіяся общественной и частной жизни, гражданскія, уголовныя, торговыя, относящіяся къ земледѣлію, употребленію доходовъ и наконецъ къ благочинію. Но состояніе нашихъ свѣдѣній не позволяетъ привести ихъ въ систему. То, что̀ мы знаемъ изъ нихъ, какъ замѣчаетъ Гротъ, болѣе интересно по своей оригинальности, нежели важно.

Законы были написаны на деревянныхъ цилиндрахъ и треугольныхъ доскахъ. Образъ писанія былъ *бустрофедонъ*, то-есть строки шли по очереди то отъ лѣвой руки къ правой, то отъ правой къ лѣвой, какъ плугъ быка, пашущаго ниву (отъ этого сравненія и самое имя) Треугольныя доски назывались *кирбіями*, и на нихъ были написаны. религіозные законы; столбы или цилиндры, *аксоны*, числомъ по край-

торга полагаетъ, что Солонъ раздѣлилъ на классы весь народъ, и эвпатридовъ и демотовъ, изъ которыхъ первые были раздѣлены на филы, вторые стояли внѣ филъ, см. Кол. и Сосл. стр. 99. Но спрашивается, какимъ образомъ граждане втораго и третьяго класса (г. Куторга неизвѣстно на какомъ основаніи полагаетъ, что ѳеты, или члены четвертаго класса, не участвовали въ народномъ собраніи), не принадлежавшіе къ филамъ, могли участвовать въ народномъ собраніи, которое прежде Клисѳена не могло подавать голосовъ иначе какъ по филамъ и фратріямъ? Повторяемъ, еслибы Солонъ учредилъ, подобно Сервію Туллію, собранія по классамъ, онъ долженъ былъ бы подраздѣлить классы на центуріи, и кромѣ того мы непремѣнно имѣли бы хотя какой-нибудь намекъ на народныя собранія по классамъ.

[1]) Загадочное извѣстіе у Аристот. «Политик.» II, 4, 4: Солонъ запретилъ κτᾶσθαι γῆν ὁπόσην ἂν βούληταί τις.

ней мѣрѣ 12, содержали въ себѣ свѣтскія постановленія. Сохранялись и тѣ и другіе сначала въ аѳинскомъ акрополѣ, потомъ въ зданіи, гдѣ собирались пританы; Плутархъ еще видѣлъ ихъ въ этомъ послѣднемъ.

Первый столбъ заключалъ въ себѣ постановленія относительно вывоза товаровъ. Запрещенъ былъ вывозъ всѣхъ сырыхъ произведеній аттической почвы, за исключеніемъ оливковаго масла; нарушитель подвергался проклятію, которое долженъ былъ торжественно произносить архонтъ.

Далѣе запрещено было дарованіе права гражданства переселявшимся иностранцамъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые навсегда селились въ Аѳинахъ и заводили какое-нибудь ремесло.

Ежели отецъ не выучилъ своего сына какому-нибудь ремеслу или искусству, сынъ не обязанъ кормить его въ старости.

Ареопагъ обязанъ смотрѣть за тѣмъ, чтобы всякій гражданинъ имѣлъ какое-нибудь занятіе. — Всѣ эти четыре закона очевидно клонились къ поощренію ремесленной дѣятельности.

Граждане, не имѣющіе дѣтей, имѣютъ право дѣлать завѣщаніе. Сыновья наслѣдуютъ поровну, но обязаны сестеръ выдать замужъ и снабдить приданымъ. Когда нѣтъ сыновей, все наслѣдство переходитъ къ дочерямъ, но отецъ можетъ въ завѣщаніи назначить имъ жениховъ; если онъ этого не сдѣлалъ, то ближайшіе родственники имѣютъ право искать руки дочерей-наслѣдницъ судебнымъ порядкомъ.

За насиліе, сдѣланное женщинѣ, 100 драхмъ пени, за обольщеніе—20 драхмъ.

Запрещено женщинамъ неумѣренное выраженіе горести и пѣніе при похоронахъ плачевныхъ пѣсенъ.

Запрещена излишняя роскошь жертвоприношеній и устроеніе пиршествъ при погребеніяхъ.

Запрещено злословить мертвыхъ или о живыхъ говорить дурное, въ храмѣ, передъ судьями или архонтами, или во время общественныхъ празднествъ; штрафъ — три драхмы оскорбленному и двѣ въ общественную казну.

За пойманнаго волка награды 5 драхмъ и одна драхма за волчонка.

Отмѣнена смертная казнь за воровство, назначенная Дракономъ, и назначено возвращеніе похищеннаго вдвойнѣ.

Изъ всѣхъ законовъ Солона, кажется, ни одинъ не обращалъ на себя столько вниманія, какъ тотъ, который объявлялъ безчестнымъ и лишеннымъ права гражданства человѣка, не стоявшаго ни на какой сторонѣ во время народнаго возстанія. Солонъ требовалъ, чтобы каждый гражданинъ принималъ участіе въ борьбѣ, а не ожидалъ, пока не-

многіе борющіеся рѣшатъ между собою судьбу государства. Такое постановленіе очевидно было вызвано соображеніемъ, что ничто не могло быть такъ опасно для небольшой гражданской общины, каковы были Аѳины, какъ равнодушіе, и ничто не могло столько служить къ обузданію аѳинскихъ честолюбцевъ, какъ увѣренность, что въ случаѣ возстанія, ими произведеннаго, каждый гражданинъ, не принадлежащій къ ихъ партіи, возьметъ оружіе противъ нихъ. Но съ другой стороны этотъ законъ Солона свидѣтельствуетъ о замѣчательномъ фактѣ, что самъ законодатель не считалъ правительства, имъ учрежденнаго, имѣющимъ право на безусловное повиновеніе. Онъ смотрѣлъ на него, какъ на одну изъ партій, и требовалъ отъ хорошаго гражданина не содѣйствія ему, а только рѣшительнаго объявленія, за него онъ или противъ него. Мы видимъ, что во время Солона въ политическомъ мірѣ не было еще ничего, признаваемаго за неоспоримое. Предметомъ обязанности считается не вѣрность какимъ-нибудь твердо установившимся учрежденіямъ, а положительное и своевременное дѣйствованіе. Эта неутральность къ учрежденіямъ въ послѣдствіи совершенно исчезла, и Аѳиняне связывали другъ друга самыми торжественными и священными клятвами сохранять и защищать именно то государственное устройство, которое у нихъ существовало. Гротъ особенно любитъ указывать на такія различія въ понятіяхъ и чувствахъ двухъ эпохъ.

Вѣкъ Солона былъ временемъ броженія, когда не выработалось еще ничего твердаго и положительнаго, такого, чего бы граждане считали себя обязанными держаться во всѣхъ обстоятельствахъ. Государственное единство было еще такъ слабо въ сравненіи съ силою партій, что ихъ предводители, когда только такіе находились, были гораздо могущественнѣе, нежели правительство. Солоново законодательство имѣло цѣлію навести тогдашнія аѳинскія партіи на путь примиренія и дать государству такое устройство, которымъ всѣ болѣе или менѣе могли бы быть довольны. Но несмотря на успѣхъ своего законодательства, несмотря на одобренія, полученныя имъ и отъ согражданъ, и отъ дельфійскаго бога, самъ Солонъ не считалъ его прочнымъ и связалъ Аѳинянъ клятвою сохранить его лишь въ продолженіе десяти лѣтъ, а на случай будущихъ смутъ, которыхъ онъ не могъ не ожидать, наложилъ на всѣхъ гражданъ обязанность принимать въ нихъ дѣятельное участіе, чтобы затруднить по крайней мѣрѣ осуществленіе совершенно эгоистическихъ видовъ. Онъ не утверждалъ, что его законы были самые лучшіе, какіе онъ могъ вымыслить, но лучшіе изъ тѣхъ, къ принятію которыхъ онъ могъ склонить народъ.

Сенатъ и архонты дали клятву сохранять ихъ въ продолженіи де-

сяти лѣтъ подъ обязательствомъ въ случаѣ неисполненія клятвы пожертвовать въ Дельфы золотую статую въ ростъ человѣка. Но несмотря на то, что законы были приняты безъ сопротивленія, пониманіе и исполненіе ихъ оказалось сопряженнымъ съ большими трудностями. Каждый день обращались къ Солону то съ порицаніемъ и похвалой, то съ предложеніемъ исправленій, то съ требованіями объясненія. Наконецъ, утомившись нескончаемыми разсужденіями, онъ обратился къ своимъ согражданамъ съ просьбою о позволеніи оставить Аѳины на десять лѣтъ, полагая, что въ это время они привыкнутъ къ его законамъ. Онъ оставилъ отечество въ полной увѣренности, что его законы будутъ сохранены, потому, говоритъ Геродотъ, что Аѳиняне никакъ не могли измѣнить ихъ, будучи связаны «клятвами великими» пользоваться ими въ продолженіи десяти лѣтъ. Такъ велика была, по тогдашнимъ понятіямъ, сила клятвы.

По своемъ отъѣздѣ изъ Аѳинъ, Солонъ посѣтилъ Египетъ, гдѣ жрецы Псенофисъ въ Геліополѣ и Сонхисъ въ Саисѣ сообщили ему разныя извѣстія о древнѣйшихъ греческихъ генеалогіяхъ, объ островѣ Атлантидѣ, поглощенномъ нѣкогда водою, и о войнѣ, которую за 9000 лѣтъ передъ тѣмъ вели противъ нихъ предки Аѳинянъ; Солонъ началъ было объ этомъ событіи эпическую поэму, но она осталась неоконченною, и время не сохранило изъ нея отрывковъ. Изъ Египта Солонъ отправился въ Кипръ, гдѣ онъ посѣтилъ между прочимъ городокъ Эпею, управляемый тогда тиранномъ Филокипромъ, о высокихъ достоинствахъ котораго Солонъ говоритъ съ большою похвалою въ своихъ стихотвореніяхъ. Этотъ городокъ лежалъ тогда въ горахъ на безопасномъ, по весьма неудобномъ мѣстѣ. Солонъ убѣдилъ Филокипра перенести его въ плодоносную долину, лежащую подъ горами, и самъ, какъ экистъ (вождь переселенія), участвовалъ въ основаніи новаго города и его гражданскомъ устройствѣ. Успѣхъ былъ такъ великъ, что этотъ новый городъ въ благодарность къ Солону принялъ имя Солы. О его учрежденіяхъ мы, къ сожалѣнію, ничего не знаемъ.

Къ этому же времени, въ мысли Геродота, должно относиться и посѣщеніе Солономъ Креса, царя лидійскаго, о которомъ этотъ историкъ сообщилъ намъ, въ первой книгѣ своей исторіи, прекрасный разсказъ, составляющій едва ли не самый поэтическій эпизодъ въ его «Девяти Музахъ.» Но хронологическія соображенія, съ полною ясностію изложенныя Гротомъ, дѣлаютъ совершенно невѣроятнымъ, чтобы свиданіе Солона съ Кресомъ могло происходить такъ, какъ о немъ разсказываетъ Геродотъ. Еще Нибуръ [1]) замѣтилъ, что Геродотъ ошиб-

[1]) Röm. Gesch. 1, 5. 579.

ся на 10 олимпіадъ или на 40 лѣтъ. Законодательство Солона относится къ 594 году до Р. Х. и его путешествіе къ непосредственно слѣдующимъ 10 годамъ. Между тѣмъ Кресъ родился въ 595 году до Р. Х., въ 560-мъ наслѣдовалъ своему отцу и былъ низверженъ Киромъ въ 546-мъ году. Во время Солонова путешествія онъ былъ еще ребенкомъ.

Нельзя достаточно сожалѣть о томъ, что у насъ нѣтъ никакихъ извѣстій о событіяхъ, слѣдовавшихъ за введеніемъ Солонова законодательства. Первое, что̀ мы узнаемъ, относится къ времени, непосредственно предшествовавшему первой счастливой попыткѣ Писистрата захватить въ свои руки власть. Древніе говорятъ намъ, что не задолго до 560 года, въ Аттикѣ опять господствовала борьба партій, существовавшихъ еще до Солонова законодательства. Каждая партія имѣла своего предводителя; во главѣ педіэевъ находился Ликургъ, параліи стояли за Мегакла, а Писистратъ былъ вождемъ діакріевъ, самаго бѣднаго класса жителей Аттики. По разсказу Плутарха, Солонъ, возвратившись изъ путешествія, нашелъ въ полномъ разгарѣ вражду этихъ партій. Онъ былъ принятъ всѣми партіями съ большимъ уваженіемъ, старался всѣми силами утишить волненіе и въ особенности положить преграду честолюбію Писистрата, намѣренія котораго отъ него не укрылись, но совѣты и старанія старца остались тщетными. Писистратъ занималъ тогда уже высокое мѣсто въ государствѣ. Онъ прославился завоеваніемъ Нисеи въ войнѣ съ Мегарою и опирался на самую многочисленную изъ партій, которую умѣлъ привязать къ себѣ популярностію обращенія и обнаруженіемъ симпатіи къ бѣднымъ. Солонъ имѣлъ сначала совѣщанія съ нимъ самимъ; когда они оказались безплодными, онъ обратился къ народу и въ особенномъ стихотвореніи раскрылъ всѣ планы честолюбца. Но и это не принесло пользы. Вскорѣ случилось, что Писистратъ прикинулся преслѣдуемымъ своими врагами и пріѣхалъ на Аѳинскую народную площадь, весь израненный, на колесницѣ, запряженной также израненными лошаками, и просилъ у народа помощи и защиты. Это необыкновенное явленіе произвело такое впечатлѣніе на аѳинскій народъ, что никто еще не успѣлъ подумать о подлогѣ, когда по предложенію какого-то Аристона и съ согласія думы, состоявшей изъ приверженцевъ Писистрата, Аѳиняне дали Писистрату позволеніе окружить себя ротою 50-ти тѣлохранителей и право вооружить ихъ дубинами. Солонъ сильно противился этому предложенію, но большинство голосовъ оказалось противъ него, и его даже обвиняли въ старческомъ безсмысліи. Онъ могъ утѣшать себя только изрече-

ніемъ, что былъ болѣе мудръ, нежели бѣдные, и болѣе рѣшителенъ, нежели богатые изъ Аѳинянъ.

Полученіе стражи было рѣшительнымъ шагомъ къ возвышенію Писистрата. Число тѣлохранителей, безъ сомнѣнія, очень скоро перешло за 50 человѣкъ, ихъ дубины замѣнены болѣе острымъ оружіемъ, и Писистратъ нашелъ себя довольно сильнымъ, чтобы сбросить личину и завладѣть акрополемъ. Предводители противныхъ партій тотчасъ же бѣжали изъ города, и дѣйствовать противъ похитителя досталось одному Солону. Маститый старецъ явился публично на общественной площади, употреблялъ всякаго рода увѣщанія и упреки, чтобы пробудить духъ народа; «было бы легко (говорилъ онъ) остановить приближеніе насилія; сбросить его труднѣе, но зато въ этомъ болѣе свѣтлой славы»; но всѣ рѣчи его были напрасны, и тѣ, которые въ самомъ дѣлѣ не были расположены въ пользу Писистрата, оставались въ бездѣйствіи подъ вліяніемъ страха. Никто не присоединился къ Солону даже тогда, когда онъ, несмотря на глубокою старость, надѣлъ оружіе и сталъ, какъ воинъ, у дверей своего дома. «Я исполнилъ свою обязанность (сказалъ онъ потомъ народу, по своему обыкновенію, конечно въ одномъ изъ стихотвореній), я всѣми моими силами защищалъ мое отечество и его законы» [1]). Затѣмъ онъ оставилъ надежду на сопротивленіе, не рѣшившись однакожь оставить отечество, какъ ему совѣтовали его друзья. На чью защиту полагаешься ты, спрашивали они его, и онъ отвѣчалъ: «на мою старость». Онъ не считалъ также нужнымъ подавлять въ себѣ внушенія своей музы: сохранилось нѣсколько стиховъ, въ которыхъ онъ обращается къ своимъ соотечественникамъ, когда они начали уже чувствовать тяжесть новой власти. «Когда вы терпите горькое по своей низости, то не возлагайте вины на боговъ; вы сами этихъ людей возвысили, давъ имъ въ руки добычу, и зато теперь несете тяжкое рабство. Вы на языкъ глядите и на рѣчи льстиваго мужа, а на дѣло совершающееся вовсе не смотрите: каждый изъ васъ ходитъ путями лисицы, а у всѣхъ у васъ вмѣстѣ пустой умъ» [2]).—Утѣшительно прибавить, что Писистратъ не рѣшился сдѣлать насилія неустрашимому старцу. Солонъ остался въ Аѳинахъ до своей смерти. Какъ долго пережилъ онъ практическое ниспроверженіе своихъ учрежденій, мы не можемъ съ достовѣрностію опредѣлить. По наиболѣе правдоподобнымъ извѣстіямъ, онъ умеръ въ слѣдующемъ же году, имѣя 80 лѣтъ отъ роду.

[1]) Это изреченіе сохранено въ прозѣ у Плутарха. Сол. 30.

[2]) Отрыв. 9. Шнейд.

Писистратъ употреблялъ власть умѣренно и касался существующаго, лишь по скольку это было необходимо для упроченія его господства. Тѣмъ не менѣе, какъ видно уже изъ приведеннаго выше Солонова отрывка, многіе были недовольны его возвышеніемъ. Не прошло много времени, какъ Мегаклъ и Ликургъ соединились противъ него, и сила, образовавшаяся вслѣдствіе этого соединенія, была такъ велика, что Писистратъ не могъ противостоять ей и принужденъ былъ пойдти въ изгнаніе. О времени, когда это случилось, мы не имѣемъ свѣдѣній, а равно неизвѣстно и то, послѣ какого промежутка времени Мегаклъ, поссорившись съ Ликургомъ, самъ обратился къ Писистрату, приглашая его возвратиться въ Аѳины. Какъ условіе своей помощи, Мегаклъ требовалъ, чтобы Писистратъ женился на его дочери. Это условіе было принято, и между двумя вождями было рѣшено, что Писистратъ сдѣлается снова властителемъ Аѳинскаго народа. Мы видимъ, какъ много значили въ тѣ времена личныя отношенія двухъ вождей. Дѣло было совершенно кончено между двумя лицами, Мегакломъ и Писистратомъ, и на Аѳинскій народъ было обращено вниманіе только въ томъ отношеніи, что они должны были придумать хитрость, которая могла бы его сдѣлать невольнымъ исполнителемъ ихъ рѣшенія. Къ ранамъ и бѣгству на агору, подъ защиту народа, нельзя было прибѣгнуть во второй разъ; надобно было изобрѣсти что-нибудь совершенно неожиданное. Два заговорщика поступили слѣдующимъ образомъ. Они нашли одну высокую женщину, имѣвшую, какъ говорятъ, 6 футовъ въ вышину, по имени Фію, надѣли на нее одежду и оружіе богини Аѳины и повезли Писистрата въ городъ, поставивши ее рядомъ съ нимъ на колесницѣ. Шествію сопутствовали приверженцы Писистрата; впереди шли глашатаи и кричали народу: «Аѳиняне! примите радушно Писистрата, котораго Аѳина честитъ выше другихъ смертныхъ, и теперь сама везетъ къ вамъ въ акрополь». Маскарадъ удался вполнѣ. Аѳинскій народъ принялъ мнимую богиню съ безусловною вѣрою, и Писистратъ безъ всякаго сопротивленія въѣхалъ въ акрополь и вторично завладѣлъ правленіемъ.

Согласно съ предварительнымъ договоромъ, дочь Мегаклона сдѣлалась женой Писистрата, но имѣя дѣтей отъ перваго брака, онъ не хотѣлъ, чтобы она стала матерью. Это вновь вооружило Мегакла и заставило его возобновить союзъ съ третьею партіей, предводителемъ которой былъ Ликургъ. Тогда Писистратъ былъ принужденъ вторично оставить Аттику. Онъ удалился въ Эретрію, городъ, лежавшій на островѣ Эвбеѣ, гдѣ пробылъ не менѣе 10 лѣтъ. Но даже въ изгнаніи у него были большія средства, обстоятельство, какъ замѣчаетъ

Гротъ; непонятное для насъ. Онъ помогъ Лигдаму сдѣлаться тиранномъ на островѣ Наксосѣ и оказалъ какія-то важныя услуги разнымъ городамъ Греціи и въ особенности Ѳивамъ. За это ему посылали значительныя денежныя пособія, которыя и дали ему возможность, черезъ 10 лѣтъ послѣ изгнанія, нанять въ Аргосѣ войско и при содѣйствіи отряда, присланнаго Лигдамомъ, высадиться въ Аттикѣ. Мараѳонъ былъ занятъ имъ безъ всякаго сопротивленія, и ему дали время собрать около себя своихъ приверженцевъ изъ окрестностей и даже изъ самыхъ Аѳинъ. Люди, управлявшіе государствомъ, отправились противъ него, только когда онъ двинулся изъ Мараѳона, но онъ нашелъ средство неожиданно напасть на ихъ войско и одержать рѣшительную побѣду. Побѣжденные, по его приказанію, немедленно разошлись по домамъ, что̀ также очень странно, а самъ онъ двинулся на Аѳины и въ третій разъ получилъ въ свои руки государство.

Теперь онъ принялъ уже болѣе рѣшительныя мѣры, чтобы упрочить свою власть. Алкмеониды и ихъ приверженцы должны были отправиться въ изгнаніе; у тѣхъ, которые хотя и были оставлены въ отечествѣ, но возбуждали недовѣріе, были взяты дѣти и отправлены, какъ заложники, на островъ Наксосъ, подъ надзоръ Лигдама; кромѣ того Писистратъ окружилъ себя сильнымъ отрядомъ ѳракійскихъ наемниковъ. Чтобы придать своему владычеству религіозное освященіе, онъ предпринялъ очистить островъ Делосъ: всѣ погребенныя тѣла были вырыты и удалены изъ близости храма Аполлонова. Религіозный блескъ правленія не мало былъ возвышенъ учрежденіемъ большаго панаѳенейскаго праздника, который со временъ Писистрата совершался въ Аѳинахъ каждые четыре года и былъ однимъ изъ самыхъ важныхъ и торжественныхъ аѳинскихъ праздниковъ. Въ связи съ великими панаѳенеями стояли рецитаціи гомерическихъ рапсодій, текстъ которыхъ Писистратъ старался возстановить въ болѣе полномъ и правильномъ видѣ. Онъ собиралъ также произведенія другихъ поэтовъ, откуда произошло въ послѣдствіи мнѣніе, что онъ устроилъ даже публичную библіотеку. Колоссальные размѣры его предпріятій болѣе всего видны изъ начатаго имъ храма, олимпійскаго Зевса. Этотъ храмъ, для котораго онъ избралъ мѣсто на юговостокъ отъ акрополя, на краю города, подлѣ источника Каллирреи, также богато украшеннаго имъ, былъ гораздо больше Парѳенона и Эрехѳеона, сооруженныхъ въ то время, когда Аѳины находились на верху своего могущества. Писистратъ впрочемъ не успѣлъ его окончить, и онъ оставался недостроеннымъ до римскаго императора Адріана, который довершилъ его въ новомъ видѣ и въ коринѳ-

скомъ чинѣ, употребительномъ въ это время. Отъ него стоятъ еще теперь 16 коринѳскихъ колоннъ.

Писистратъ управлялъ на этотъ разъ Аѳинами до своей смерти въ 527 году до Р. Х. Правленіе его было, говорятъ, такъ мягко, что онъ даже позволилъ Ареопагу позвать себя на судъ. Но эта похвала, какъ замѣчаетъ Гротъ, должна быть принимаема въ ограниченномъ смыслѣ, ибо извѣстно, что онъ содержалъ ѳракійскихъ наемныхъ солдатъ, дабы обезопасить себя противъ возстанія. Ѳукидидъ говоритъ, что какъ онъ, такъ и его сыновья, до убіенія Гиппарха, управляли мудро и добродѣтельно,—похвала, которая имѣла бы для насъ высокій авторитетъ, еслибы мы не знали, что благосклонность Ѳукидида къ Писистратидамъ могла отчасти основываться на томъ обстоятельствѣ, что великій историкъ происходилъ изъ одного рода съ ними. Впрочемъ нельзя умолчать, что и Геродотъ отзывается выгодно о Писистратѣ. Аристотель говоритъ объ немъ хорошо, но не безусловно; онъ полагаетъ, что огромныя предпріятія Писистрата клонились къ тому, чтобы отчасти занять, отчасти истощить Аѳинянъ.

Писистратъ оставилъ послѣ себя трехъ законныхъ сыновей: Гиппія, Гиппарха и Ѳессала. Старшимъ изъ нихъ былъ Гиппій, хотя уже во время Ѳукидида общее мнѣніе въ Аѳинахъ принимало за старшаго не его, а Гиппарха, убитаго Гармодіемъ и Аристогитономъ. Это можетъ служить однимъ изъ самыхъ убѣдительныхъ примѣровъ, какъ легко въ народной молвѣ измѣняется внѣшняя форма событій. Когда имена Гармодія и Аристогитона получили высшую степень популярности, и дѣло ихъ прославлялось, какъ освобожденіе Аѳинъ; тогда народное мнѣніе, преувеличивъ историческое значеніе ихъ поступка, должно было преувеличить и значеніе Гиппарха, умерщвленнаго ими. Его сдѣлали старшимъ сыномъ и наслѣдникомъ Писистрата, ибо иначе его смерть не имѣла бы большой важности. Ѳукидидъ, имѣвшій возможность знать совершенно вѣрно все, что̀ относилось къ Писистратидамъ, говоритъ положительно, что Гиппій, а не Гиппархъ былъ старшимъ сыномъ Писистрата и слѣдовательно его наслѣдникомъ. Гармодій и Аристогитонъ, хотя и были лично оскорблены Гиппархомъ, но хотѣли, по словамъ Ѳукидида, умертвить обоихъ Писистратидовъ и даже сначала покусились на жизнь не Гиппарха, а Гиппія. Только устрашенные тѣмъ, что, въ условленную минуту нападенія, во время большихъ панаѳенеевъ, они увидѣли подлѣ Гиппія одного изъ своихъ соумышленниковъ, дружелюбно разговаривающаго съ нимъ, они оставили свое намѣреніе и поспѣшили по крайней мѣрѣ исполнить месть на Гиппархѣ. Это былъ единственный день въ году, когда Аѳиняне всѣ являлись въ

полномъ вооруженіи для участія въ торжественной панаѳенейской процессіи, и такъ какъ между ними было нѣсколько соучастниковъ въ заговорѣ, то Гиппій находился въ большой опасности. Но присутствіе духа спасло его. Получивъ прежде другихъ извѣстіе объ умерщвленіи Гиппарха, онъ отдалъ собравшемуся народу приказаніе сложить оружіе, и, когда это было исполнено безъ сопротивленія, потому что никто не подозрѣвалъ повода къ приказанію, всѣ Аѳиняне находились въ его власти, и ему было легко принять нужныя мѣры.

Это случилось въ 514 году до Р. Х. Съ тѣхъ поръ, по единогласному свидѣтельству Ѳукидида и Геродота, характеръ правленія совершенно измѣнился. Гиппій казнилъ многихъ гражданъ, другихъ подвергнулъ страшнымъ пыткамъ, и не только увеличилъ число наемныхъ тѣлохранителей, но даже искалъ поддержки у персидскаго царя Дарія и у лампсакскаго тиранна Эантида. Но эти мѣры были слѣдствіемъ боязни, а въ боязни лежало сознаніе слабости, и это не могло укрыться отъ нѣкоторыхъ изъ Аѳинянъ. Особенно изгнанники, которыхъ Писистратъ принудилъ оставить Аѳины, должны были со вниманіемъ слѣдить за этимъ ходомъ дѣлъ, и мы въ самомъ дѣлѣ видимъ, что, вскорѣ послѣ умерщвленія Гиппарха и измѣненія политики Гиппія, Алкмеониды дѣлаютъ первую попытку вторгнуться въ Аттику. Подъ предводительствомъ Клисѳена, сына Мегаклова отъ Агаристы, дочери сикіонскаго тиранна Клисѳена, они заняли одну возвышенность, лежавшую у подошвы Парнеѳа и называвшуюся Липсидріемъ. Это было мѣсто не совсѣмъ удобное, но оно находилось, какъ замѣтилъ г. Куторга [1]), въ округѣ Пеоніи, гдѣ были помѣстья Пеонидовъ, древней аристократической фамиліи, происходившей вмѣстѣ съ Алкмеонидами отъ Нелея и Нестора. Клисѳенъ вѣроятно надѣялся на помощь Пеонидовъ и очень можетъ быть, что и самъ владѣлъ здѣсь помѣстьями. Скорость, съ которою Липсидрій былъ укрѣпленъ, дѣлаетъ это правдоподобнымъ. Но эта крѣпостца не устояла противъ Гиппія. Ему удалось одержать надъ Алкмеонидами рѣшительную побѣду, разрушить Липсидрій и изгнать ихъ изъ Аттики. Его сила была тогда велика и господство могло казаться твердымъ. Лакедемоняне стояли съ нимъ на дружественной ногѣ, и Аминтъ, царь Македоніи, а равно и Ѳессалы были его союзниками. Но Алкмеонидамъ удался совершенно неожиданный маневръ.

[1]) Исторія Аѳинской республики отъ убіенія Иппарха до смерти Мильтіада СПБ. 1848, стр. 16.

Въ 548 году до Р. X. сгорѣлъ въ Дельфахъ храмъ Аполлона. Возобновленіе его было предметомъ заботы всей Греціи, но издержки были такъ велики, что долгое время не могли собрать требовавшейся суммы денегъ. Амфиктіоны опредѣлили, что городъ Дельфы долженъ нести четвертую долю издержекъ. Это заставило Дельфійцевъ разослать повѣренныхъ, которые ходили изъ города въ городъ и собирали приношенія. Благотворитель Дельфійцевъ Кресъ не могъ болѣе помогать имъ, но за то между даятелями упоминается египетскій царь Амасисъ. Наконецъ былъ составленъ капиталъ въ 300 талантовъ, соотвѣтствовавшій смѣтѣ, сдѣланной архитекторомъ Коринѳяниномъ Спинѳоромъ, и амфиктіоны стали искать подрядчиковъ. Этимъ воспользовались Алкмеониды, взяли на себя подрядъ и исполнили его лучше, нежели какъ было опредѣлено въ контрактѣ. Они обязались построить храмъ изъ мѣстнаго пароскаго камня и сверхъ условія возвели передній фасадъ изъ паросскаго мрамора. Такое великодушіе доставило имъ необыкновенную славу во всемъ греческомъ мірѣ, и внушило Дельфійцамъ глубокую благодарность къ нимъ. Отчасти подъ вліяніемъ такого расположенія умовъ, отчасти въ слѣдствіе подкуповъ, пиѳія сдѣлалась тогда послушнымъ орудіемъ для замысловъ Клисѳена. Такъ какъ самымъ сильнымъ государствомъ въ Греціи была тогда Спарта, и отъ нея можно было всего скорѣе ожидать успѣшнаго содѣйствія, еслибы только она была привлечена на сторону Алкмеонидовъ, то пиѳія, по совѣту Клисѳена, обратила на Спартанцевъ страшно могущественное въ тѣ времена оружіе своего авторитета. Когда только являлся какой бы то ни было Спартанецъ за оракуломъ, все равно, по частному ли или по общественному дѣлу, — отвѣтъ пиѳіи былъ одинъ: «Аѳины должны быть освобождены.» Столь настойчивое повтореніе повелѣнія оказало наконецъ свое дѣйствіе, и благочестивые Лакедемоняне рѣшили начать войну противъ Писистратидовъ, хотя прежде того были расположены къ нимъ.

Первая попытка, подъ предводительствомъ Анхимолія, не имѣла успѣха: Спартанцы, высадившіеся въ аѳинской гавани Фалерѣ, были отбиты ѳессалійскими всадниками, и самъ Анхимолій убитъ. Но этотъ неуспѣхъ только раздражилъ спартанскую военную честь и принудилъ ихъ къ болѣе серіозному предпріятію. Царь Клеоменъ собралъ большое войско и отправился въ Аттику сухимъ путемъ. Его встрѣтила ѳессалійская конница Гиппія, но онъ опрокинулъ ее, и она, съ обычнымъ ѳессалійскимъ вѣроломствомъ, поспѣшила отправиться въ Ѳессалію, оставивъ Гиппія на произволъ судьбы. Клеоменъ не встрѣчалъ болѣе сопротивленія и занялъ Аѳины, между тѣмъ какъ Гиппій заперся въ пеласгійскомъ замкѣ, который онъ заранѣе укрѣпилъ и снаб-

дилъ запасами [1]). Онъ могъ бы выдержать здѣсь продолжительную осаду, но неблагопріятная судьба внушила ему мысль отправить оттуда тайкомъ своихъ дѣтей. Дѣти были схвачены, и Гиппій принужденъ согласиться на все, чего отъ него требовали. Онъ очистилъ въ пять дней Аѳины и удалился въ Сигей, въ Троадѣ (городъ, занятый Аѳинянами еще прежде Солона, и гдѣ Писистратъ поставилъ тиранномъ своего побочнаго сына, Гегесистрата).

Такимъ образомъ пали Писистратиды въ 510 году до Р. Х., черезъ 50 лѣтъ послѣ перваго похищенія власти Писистратомъ. Они были низвергнуты посредствомъ иностраннаго вмѣшательства, но, какъ замѣчаетъ Гротъ, дальнѣйшій ходъ дѣлъ показываетъ, что ихъ власть уже не имѣла болѣе твердаго основанія въ Аѳинахъ, и что изгнаніе Гиппія было принято съ радостію огромнымъ большинствомъ аѳинскаго народа. Его фамилія и главные изъ его приверженцевъ отправились въ изгнаніе, и на акрополѣ былъ воздвигнутъ жертвенникъ съ надписью возлѣ него, въ которой исчислялись противозаконныя дѣла Писистратидовъ и поименовывались члены этого дома. Къ этому же времени относится сооруженіе статуй и святилища въ честь Гармодія и Аристогитона и дарованіе свободы отъ податей всѣмъ ихъ потомкамъ.

Вмѣстѣ съ Гиппіемъ исчезъ и наемный ѳракійскій гарнизонъ, и когда Клеоменъ удалился съ своимъ войскомъ, то Аѳиняне были предоставлены своему собственному произволу. Формы солоновскаго государственнаго устройства, которыя были подавлены, но не отмѣнены Писистратидами, пришли опять въ дѣйствіе, и въ то же время, чего Аттика не видала въ продолженіе 30 лѣтъ, опять явились политическія партіи. Исагоръ, сынъ Тисандра, стоялъ во главѣ одной изъ нихъ, между тѣмъ какъ Алкмеонидъ Клисѳенъ предводительствовалъ другою. Но времена уже на столько измѣнились, что Клисѳенъ въ борьбѣ съ Исагоромъ принужденъ былъ, какъ говоритъ Геродотъ [2]), «принять къ себѣ въ партію аѳинскій народъ, прежде того отстраненный отъ всего». Это соединеніе Клисѳена съ демосомъ сдѣлалось первымъ основаніемъ аѳинской демократіи, ибо Клисѳеново законодательство послужило почвою для ея дальнѣйшаго развитія.

Глава, въ которой Гротъ говоритъ о Клисѳенѣ, принадлежитъ къ лучшимъ въ его сочиненіи. Боясь нашимъ извлеченіемъ ослабить значе-

[1]) Объ этомъ замкѣ см. изслѣдованіе Гётлинга въ Neues Rheinisches Museum für Philologie IV. 1846. S. 321, и теперь въ его Gesammelte Abhandlungen Bd. I. (Halle, 1851) S. 68 съ двумя прибавленіями. См. также Исторію Аѳинской республики г. Куторги стр. 24.

[2]) См. вообще Герод. V. 66—69.

ніи словъ англійскаго писателя, мы принуждены указать на эту главу какъ на заслуживающую особеннаго вниманія, и ограничиться самыми существенными замѣчаніями, причемъ мы постараемся привести наше изложеніе въ связь съ статьею г. Куторги, помѣщенною въ этой книжкѣ нашего Сборника.

Солонъ не ввелъ никого въ филы и не увеличилъ числа филетовъ, но только раздѣлилъ филетовъ, и можетъ-быть людей, стоявшихъ внѣ филъ, по имуществу на четыре класса, не давъ однако послѣднимъ никакого политическаго значенія. Принадлежать къ филѣ было существеннымъ условіемъ права гражданства и послѣ Солона, и только филеты были граждане. Солоново законодательство измѣнило отношенія между эвпатридами и геоморами, но не коснулось іонійскихъ филъ и не увеличило правъ тѣхъ жителей Аттики, которые не принадлежали къ филамъ. Число этихъ послѣднихъ, вѣроятно, возрастало, а господство Писистратидовъ, которое ограничивало права всѣхъ, должно было поравнять не-филетовъ съ филетами. Очень можетъ быть, что многіе изъ діакріевъ, стоявшихъ за Писистрата, принадлежали къ классу людей, не пользовавшихся правами гражданства, и въ такомъ случаѣ надобно предполагать, что Писистратъ сдѣлалъ что-нибудь для улучшенія ихъ гражданскаго положенія. По удаленіи Писистратидовъ, когда государственныя дѣла опять перешли въ руки филетовъ, не-филеты конечно уже не такъ легко, какъ прежде, переносили свое исключеніе изъ народнаго собранія. Явились притязанія, которыхъ при Солонѣ не было, и новый законодатель принужденъ былъ обратить на нихъ вниманіе. Чтобы удовлетворить этой новой потребности своего времени, Клисѳенъ сдѣлалъ многихъ не-филетовъ гражданами, то-есть филетами, но вмѣстѣ съ тѣмъ произвелъ важное измѣненіе въ самыхъ филахъ. Онъ отмѣнилъ старыя четыре филы и устроилъ десять новыхъ филъ, не находившихся съ старыми ни въ какомъ отношеніи. Мы должны остановиться на этой мѣрѣ и постараться яснѣе выразумѣть ея значеніе.

Въ исторіи народовъ ощущается повременамъ потребность перемѣнить прежнее раздѣленіе государства на новое. Такія перемѣны даже не всегда сопровождаются увеличеніемъ числа гражданъ или расширеніемъ предѣловъ страны. Примѣромъ тому можетъ служить происшедшее въ неизвѣстное намъ время раздѣленіе Спартанцевъ на четыре или на пять мѣстныхъ филъ, которымъ было вытѣснено раздѣленіе тѣхъ же самыхъ Спартанцевъ на три родовыхъ колѣна, а равно и раздѣленіе Франціи на департаменты, границы которыхъ не совпадаютъ съ границами прежнихъ провинцій. Устарѣвшія раздѣленія жителей и страны замѣняются иногда новыми для обновле-

нія государственной жизни. Подобное тому побужденіе могло имѣть мѣсто и при раздѣленіи Аѳинянъ Клисѳеномъ вмѣсто прежнихъ четырехъ родовыхъ колѣнъ на десять мѣстныхъ. Люди, принадлежавшіе прежде къ одному колѣну и дѣйствовавшіе, можетъ-быть, менѣе въ интересахъ государства, нежели подъ вліяніемъ частныхъ стремленій и преданій своего колѣна, были раздѣлены Клисѳеномъ по новымъ филамъ, которыя, уже по одной своей новизнѣ, не могли быть опасны для государственнаго единства. Онѣ не заслоняли собою государства и сравнительно съ нимъ не имѣли никакой самостоятельности [1]).

Имена новыхъ филъ, по офиціальному порядку ихъ старшинства, были: Эрехѳеида, Эгеида, Пандіонида, Леонтида, Акамантида, Энеида, (Oeneis), Кекропида, Гиппоѳоонтида, Эантида, Антіохида, имена, взятыя по большей части отъ уважаемыхъ въ Аттикѣ мѣстныхъ героевъ. Каждая новая фила имѣла своего миѳическаго представителя, эпонима; на аѳинской государственной площади, агорѣ, были поставлены изображенія этихъ представителей. У каждой былъ свой начальникъ, ἐπιμελητής. Подраздѣленіемъ филъ были демы, число которыхъ во время Полемона (въ III стол. до Р. Х.) восходило до 174 [2]); въ демахъ начальствовали демархи, получившіе часть занятій притановъ навкрарныхъ. Достовѣрно извѣстно, что демы, принадлежавшіе къ одной филѣ, не лежали рядомъ. Такъ напр. изъ четырехъ сосѣднихъ демовъ, Пирея, Фалера, Ксипеты и Ѳиметадъ, составлявшихъ особенное соединеніе для праздниковъ и другихъ цѣлей, первый и четвертый принадлежали къ Гиппоѳоонтидѣ, второй къ Эантидѣ, третій къ Кекропидѣ; пять демовъ, на которые раздѣлялся самый городъ, были отнесены къ пяти разнымъ филамъ. Въ этомъ очевидно намѣреніе законодателя предотвратить возможность партій, основанныхъ на сосѣдствѣ,— намѣреніе, вполнѣ удавшееся, потому что послѣ Клисѳена ничего болѣе не слышно о мѣстныхъ партіяхъ педіэевъ, параліевъ и діакріевъ.

Но кромѣ этого побужденія, Клисѳенъ, конечно, имѣлъ въ виду бо́льшую легкость допустить новыхъ филетовъ въ ново-учрежденныя мѣстныя филы, нежели въ древнія родовыя. Доступъ въ послѣднія

[1]) Аристот. Полит. IV, 2, 11: ὅπως ἂν ὅτι μάλιστα ἀναμιχθῶσι πάντες ἀλλήλοις αἱ δὲ συνήθειαι διαζευχθῶσιν αἱ πρότερον.

[2]) Герод. V, 69: δέκα δὲ καὶ τοὺς δήμους κατένεμε ἐς τὰς φυλάς. Это мѣсто понимали такъ, что δέκα относили къ δήμους; такимъ образомъ выходило 100 демовъ. Гротъ находитъ невѣроятнымъ, чтобы безъ увеличенія области число демовъ могло возрасти въ 250 лѣтъ изо 100 до 174, и предлагаетъ относить слово δέκα къ φυλάς. — О демахъ главное сочиненіе: Ross die Demen von Attica. Halle, 1846, и Saupре de demis urbanis Athenarum. Weimar, 1846.

былъ затруденъ не только политическими, но и религіозными учрежденіями, ибо религіозныя понятія того времени не дозволяли, чтобы посторонніе люди вступали въ общеніе священнодѣйствій, принадлежавшихъ какому бы то ни было замкнутому обществу.

Геродотъ, говоря объ учрежденіи новыхъ филъ Клисѳеномъ, не упоминаетъ о томъ, какіе люди были вновь приняты въ нихъ. Единственнымъ мѣстомъ, откуда мы узнаемъ объ этомъ, мы обязаны Аристотелю, который, въ третьей книгѣ «Политики», сказалъ мимоходомъ замѣчательныя слова, уже извѣстныя читателямъ изъ статьи г. Куторги Аристотель сообщаетъ намъ, что Клисѳенъ допустилъ въ свои филы, ἐφυλέτευσε, многихъ рабовъ-метёковъ и иностранцевъ-метёковъ. Читатели найдутъ въ упомянутой статьѣ толкованіе этихъ словъ, которое, по нашему мнѣнію, безъ всякаго сомнѣнія, даетъ единственно вѣрный смыслъ ихъ. Гротъ былъ близокъ къ этому объясненію: такъ же какъ г. Куторга, онъ того мнѣнія, что мѣсто Аристотеля требуетъ не исправленія [1]), а болѣе удовлетворительнаго толкованія; но ему не удалось попасть на специяльный смыслъ выраженія: *метёки-рабы*, показанный г. Куторгою съ такою убѣдительностію, которая только возможна въ подобнаго рода изслѣдованіяхъ. Было бы излишне повторять здѣсь основанія, приведенныя г. Куторгою; скажемъ только, что изъ его разысканій оказывается существованіе въ Аѳинахъ до Клисѳена класса людей, находившихся въ личной зависимости (близкой къ рабству) отъ богатыхъ гражданъ, и называвшихся метёками, μέτοικοι. Это были домашніе метёки, метёки-рабы, δοῦλοι μέτοικοι [2]), отличные отъ иностранныхъ переселен-

[1]) См. Grote Vol. IV, p. 171 въ примѣчаніи (2-го изд.) или въ нѣмецкомъ переводѣ Т. II, стр. 426. Гротъ ограничивается тѣмъ, что называетъ освобожденныхъ Клисѳеномъ метёковъ «some of the superior order of slaves» (нѣкоторые изъ высшихъ разрядовъ рабовъ), при чемъ остается необъясненнымъ, какимъ образомъ и почему эти высшіе разряды рабовъ могли называться метёками. Напротивъ того при объясненіи г. Куторги становится совершенно понятнымъ имя метёковъ. Греческіе метёки соотвѣтствуютъ во всемъ римскимъ кліентамъ, а этихъ послѣднихъ Діонисій Галикарнасскій сближаетъ съ ѳессалійскими пенестами, которые были въ Ѳессаліи то же самое, что въ Аѳинахъ, по объясненію г. Куторги, метёки-рабы. См. Dion. Hal. Ant. II, 9. 10. Древне-аттическіе пелаты (кліенты), эпигеоморы и гектеморіи суть виды того же класса, къ которому принадлежали метёки-рабы. См. Hüllmann Ursprünge der röm. Verfassung. Bonn. 1836. S. 40. Вообще взглядъ Гюльмана въ сущности тотъ же, что и г-на Куторги.

[2]) Какъ произошелъ этотъ классъ людей, остается совершенно неизвѣстнымъ. Г. Куторга предполагаетъ: вслѣдствіе притѣсненія эвпатридовъ, завоевателей страны. Что притѣсненія бывали не рѣдки, это не подлежитъ сомнѣнію; но нѣтъ никакой необходимости приводить ихъ въ связь съ пред-

цевъ, поступавшихъ также въ классъ метёковъ и называвшихся метёками-иностранцами, ξένοι μέτοικοι. И тѣ и другіе были освобождены Клисѳеномъ отъ обязательной зависимости, въ которой они находились, введены въ число филетовъ, то-есть полноправныхъ гражданъ. Съ этихъ поръ они пользовались равными правами съ прежними филетами, и если имѣли поземельную собственность, вступали даже въ классъ пентакосіомедимновъ, изъ котораго избирались архонты.

Метеки упоминаются въ Аѳинскомъ государствѣ и послѣ Клисѳена, но только метеки-иностранцы, потому что вновь прибывшіе переселенцы не пользовались уже благодѣяніями Клисѳеновой мѣры, между тѣмъ какъ о домашнихъ метекахъ, или о метекахъ-рабахъ, никто изъ древнихъ не говоритъ ничего послѣ времени Клисѳена. Поэтому надобно полагать, что существованіе этого класса подчиненныхъ людей совершенно прекратилось въ Аттикѣ. Это былъ важный переворотъ въ общественной жизни, слѣдствія котораго не замедлили явиться въ наступившемъ вскорѣ всеобщемъ благосостояніи.

Кромѣ мётековъ-рабовъ и метёковъ иностранцевъ Клисѳенъ, вѣроятно, не ввелъ вновь никого въ число филетовъ. По крайней мѣрѣ мы не находимъ никакихъ извѣстій о томъ у древнихъ — новое доказательство защищаемой нами теоріи, что всѣ граждане, и эвпатриды и геоморы и деміурги, участвовали издревле въ іонійскихъ филахъ, и что внѣ филъ, изъ свободныхъ людей, стояли только метеки [1]. Клисѳенъ не сдѣлалъ замѣчательнаго измѣненія въ относительныхъ правахъ деміурговъ: владѣніе землею осталось и послѣ него условіемъ полноты правъ и доступа въ три высшіе класса; люди, не имѣвшіе недвижимой собственности, какъ бы богаты они ни были, занимали послѣднее мѣсто въ государствѣ и были всѣ причислены къ классу *ѳетовъ*. Только послѣ персидскихъ войнъ, по предложенію Аристида, они были сравнены съ остальными гражданами [2].

полагаемымъ завоеваніемъ Аттики Іонянами. Мы знаемъ, что классъ людей крѣпкихъ землѣ образовывался во многихъ странахъ, гдѣ о завоеваніи нѣтъ и помину.

[1]) Дѣлаемъ еще одно замѣчаніе въ пользу нашей теоріи объ іонійскихъ филахъ. Извѣстно, что фратріи стояли въ тѣсной связи съ іонійскими филами и не находились ни въ какомъ отношеніи къ мѣстнымъ филамъ и демамъ; но извѣстно также, что фратріи играютъ очень важную роль еще во время ораторовъ и имѣютъ къ Аѳинскомъ государствѣ этого времени значеніе, гораздо большее, нежели римскія куріи въ соотвѣтствующую эпоху римской исторіи. Послѣднее не могло бы имѣть мѣста, еслибы въ фратріяхъ участвовали одни эвпатриды, то-есть лишь весьма небольшая часть Аѳинскаго народа.

[2]) Согласно съ нашимъ взглядомъ на іонійскія филы общій выводъ, сдѣланный г. Куторгою выше на стр. 187, измѣняется слѣдующимъ образомъ:

Посмотримъ теперь, какія измѣненія произвелъ Клисѳенъ въ распредѣленіи и устройствѣ государственныхъ властей.

Прежде всего долженъ былъ подвергнуться преобразованію сенатъ четырехъсотъ, состоявшій въ связи съ четырьмя іонійскими филами. Онъ былъ распространенъ тѣмъ, что каждая изъ десяти новыхъ филъ получила право избирать въ него по пятидесяти членовъ. Такимъ образомъ число сенаторовъ возрасло до 500. Число многихъ сановниковъ также измѣнилось: съ этихъ поръ финансовое управленіе поступило въ руки 10 аподектовъ, военное — въ руки 10 стратеговъ, и вліяніе этихъ новыхъ сановниковъ постепенно возрастало, потому что они пользовались большою популярностью. Сенатъ Ареопага долженъ былъ потерять часть своего авторитета: онъ состоялъ изъ архонтовъ, отслужившихъ свой годъ, а во время Писистрата и Гиппія архонты принадлежали конечно къ партіи Писистратидовъ и по низверженіи ихъ владычества не могли не возбуждать подозрѣнія и враждебныхъ чувствъ. Между тѣмъ какъ аристократическая дума такимъ образомъ упала въ народномъ мнѣніи, противоположное направленіе пріобрѣтало большую силу чрезъ растяженіе круга дѣйствій народнаго собранія, которое на ряду съ политическимъ значеніемъ получило характеръ судилища. Гротъ дѣлаетъ замѣчаніе, что нельзя относить къ времени Клисѳена той сложной системы дикастерій, которую мы находимъ послѣ Перикла, но, по его мнѣнію, основаніе для этой системы — учрежденіе обширнаго судилища *геліеи*, состоявшаго изъ 6000 присяжныхъ гражданъ, имѣющихъ болѣе 30 лѣтъ отъ роду, — было положено Клисѳеномъ. Этому же законодателю приписываютъ всѣ древнія учрежденія особой формы суда, называвшейся судомъ черепковъ, или остракизмомъ, и дававшей народному собранію право, въ случаѣ государственной необходимости, заранѣе признанной сенатомъ, приговаривать къ изгнанію, большинствомъ не менѣе 6000 человѣкъ, людей, кажущихся опасными для общественнаго спокойствія. Это право клонилось къ тому, чтобы устранить возможность насильственнаго нарушенія порядка; оно было окружено гарантіями, ручавшимися за его употреб-

Во 1-хъ, предъ законодательствомъ Солона свободное народонаселеніе Аѳинской республики состояло изъ двухъ классовъ, филетовъ и метёковъ; первые раздѣлялись на сословія эвпатридовъ, геоморовъ и деміурговъ; вторые на метёковъ туземныхъ и на метёковъ иностранцевъ.

И во 2-хъ, законами Солона геоморы были уравнены съ эвпатридами; Клисѳенъ сдѣлалъ филетами многихъ метёковъ, вслѣдствіе чего землевладѣльцы-метёки сравнялись въ правахъ съ эвпатридами и геоморами, а метёки-деміурги поступили въ классъ ѳетовъ; наконецъ, по предложенію Аристида, была дана и ѳетамъ полнота правъ политическихъ.

леніе въ видахъ государственной пользы. Въ каждую шестую пританію года [1]) сенатъ и народное собраніе разсматривали вопросъ, настоитъ ли необходимость прибѣгнуть къ этому крайнему средству. Если оказывалось, что да, то созывалось народное собраніе, и всякій Аѳинянинъ тайно на своемъ черепкѣ означалъ имя гражданина, котораго считалъ опаснымъ для государства. Гротъ обращаетъ вниманіе на то, что предводители партій не могли прибѣгать къ остракизму, какъ средству для своего возвышенія и устраненія своихъ противниковъ: остракизмъ былъ орудіе обоюдуострое, ибо прежде исхода роковаго дня никто не зналъ, кому придется оставить отечество. Напротивъ, какъ замѣчаетъ Гротъ, опасность подвергнуться остракизму должна была сдерживать честолюбивыя притязанія. Это было учрежденіе охранительно необходимое при такомъ слабомъ правительствѣ, какое всегда было въ Аѳинахъ, и гораздо болѣе дѣйствительное, нежели законъ Солона, что каждый долженъ участвовать въ борьбѣ партій. Судъ остракизма былъ также не что иное, какъ борьба партій, въ которой участвовали всѣ Аѳиняне, но борьба гражданская, рѣшавшаяся не оружіемъ, а законнымъ порядкомъ, посредствомъ мирной подачи голосовъ и, сколько возможно, обезпеченная противъ вліянія случайностей. Хотя никто прежде Грота не смотрѣлъ на остракизмъ съ этой точки зрѣнія, тѣмъ не менѣе самое дѣло говоритъ за ея вѣрность. Исторія дѣйствительно показываетъ, что со времени Клисѳена Аѳиняне все болѣе и болѣе привыкаютъ къ употребленію законныхъ средствъ при политическихъ распряхъ и къ повиновенію власти, законно существующей, въ чьихъ бы рукахъ она ни находилась: партіи продолжаютъ бороться, но общественное спокойствіе болѣе не нарушается. Гротъ, по своему обыкновенію, напоминаетъ читателямъ, что такого господства гражданской нравственности не было замѣтно въ Аѳинахъ до времени Клисѳена [2]).

[1]) Аѳинскій гражданскій годъ былъ раздѣленъ Клисѳеномъ на 10 пританій, изъ которыхъ шесть состояли изъ 35 и четыре изъ 36 дней. Это дѣленіе соотвѣтствовало дѣленію сената пятисотъ на десять частей, по десяти филамъ. Каждая часть сената имѣла въ своихъ рукахъ государственныя дѣла въ продолженіе одной пританіи; въ это время ея члены назывались *пританами* и собирались ежедневно въ *пританеѣ*.

[2]) Очень важенъ вопросъ, въ какой мѣрѣ Клисѳеново законодательство допустило жребій, какъ средство избранія властей. Большая часть ученыхъ полагаютъ, что жребій былъ введенъ Клисѳеномъ въ выборахъ не только 500 сенаторовъ, но и архонтовъ. Гротъ того мнѣнія, что архонты еще долго послѣ Клисѳена выбирались по прежнему, поднятіемъ рукъ, хиротоніею. Онъ спрашиваетъ: какую цѣль могло имѣть введеніе жребія при назначеніи архонтовъ, пока этотъ санъ оставался доступнымъ для однихъ пентакосіоме-

Важное значеніе этого законодательства въ исторіи Аѳинъ не было достаточно оцѣнено древними, потому вѣроятно, что большинство писателей принадлежало противной партіи, отчасти и потому, что въ немъ видѣли продолженіе дѣла, начатаго Солономъ. Подобное явленіе мы находимъ и въ римской исторіи, гдѣ значеніе Лициніева законодательства укрывалось отъ историковъ, прежде нежели показалъ его Нибуръ. Въ аѳинской исторіи честь возстановленія славы Клисѳена принадлежитъ Гроту, и нельзя не согласиться, что все соединяется въ пользу Гротова благопріятнаго сужденія о немъ. Плоды мѣръ, принятыхъ Клисѳеномъ, тотчасъ же оказались. Предводитель враждебной партіи, Исагоръ, не могъ уже разсчитывать на Аѳинянъ, какъ на орудіе, по-прежнему послушное для осуществленія эгоистическихъ цѣлей. Желая низвергнуть Клисѳена и разрушить его дѣло, онъ нашелся въ необходимости прибѣгнуть къ иностранному вмѣшательству. По его убѣжденію Спарта, смотрѣвшая неблагопріятно на Клисѳеновы нововведенія, обратилась въ Аѳины съ требованіемъ, чтобы люди, «подверженные проклятію», были изгнаны. Это относилось къ Алкмеонидамъ, и время было еще таково, что Клисѳенъ счелъ за нужное добровольно послѣдовать требованію и удалиться изъ Аѳинъ. Тогда спартанскій царь Клеоменъ, находившійся въ близкихъ отношеніяхъ съ женою Исагора, отправился противъ Аѳинъ съ войскомъ, чтобы измѣнить тамошнее правленіе и отдать власть въ руки Исагора. Аѳинское правительство показало и при этомъ случаѣ свою слабость. Клеоменъ занялъ Аѳины безъ сопротивленія, но государственныя власти и народонаселеніе были уже болѣе проникнуты привязанностью къ своимъ учрежденіемъ, нежели при Писистратѣ. Сенатъ пятисотъ не послѣдовалъ приказанію разойдтись, и народъ въ массахъ стекался въ Аѳины для сопротивленія незванымъ гостямъ. Клеоменъ и Исагоръ заперлись въ акрополѣ, но уже черезъ два дня, по недостатку въ провіантѣ, принуждены были капитули-

димновъ? Дѣйствительно нельзя не согласиться съ нимъ, что введеніе жребія въ этомъ случаѣ не увеличило бы вліянія народнаго собранія, но уменьшило бы его. Назначеніе архонтовъ по жребію, по мнѣнію Грота, тѣсно связано съ двумя позднѣйшими измѣненіями государственнаго устройства: во 1-хъ, съ общедоступностію этого сана для всѣхъ гражданъ и, во 2-хъ, уменьшеніемъ его значенія. Только при этихъ двухъ условіяхъ жребій могъ быть введенъ безъ ущерба для демократіи и для государства. Гротъ дѣлаетъ однако же догадку, что Клисѳенъ сдѣлалъ санъ архонта доступнымъ для трехъ высшихъ классовъ, его побудило къ тому извѣстіе, что Аристидъ, человѣкъ бѣдный, былъ архонтомъ, прежде нежели былъ имъ изданъ законъ о допущеніи всѣхъ гражданъ къ сану архонта. Другое объясненіе Аристидова архонтства см. ниже въ статьѣ г. Грановскаго стр. 170.

ровать. Аѳиняне дозволили лакедемонскому войску съ Исагоромъ удалиться въ Спарту; но аѳинскіе граждане, взятые въ плѣнъ въ акрополѣ, были казнены.

Клисѳенъ и семьсотъ фамилій, изгнанныхъ Исагоромъ въ короткое время его владычества, возвратились въ отечество; но страхъ опасности былъ такъ великъ, что Клисѳенъ рѣшился искать поддержки въ персидской помощи. Онъ отправилъ пословъ къ Артаферну, персидскому сатрапу въ Сардахъ (въ Лидіи), съ просьбою о принятіи Аѳинянъ въ персидскій союзъ. Геродотъ разсказываетъ, что Артафернъ, разспросивъ у нихъ, что̀ за люди Аѳиняне, и гдѣ они обитаютъ, объявилъ, что они могутъ вступить въ союзъ, когда дадутъ «царю» землю и воду. Страхъ Спарты заставилъ пословъ согласиться даже на это условіе, но оно было съ негодованіемъ отвергнуто Аѳинянами.

Къ этому же времени относится первый союзъ Аѳинянъ съ Платеями. Выше было упомянуто о положеніи этого города на границахъ Аттики и Беотіи, на сѣверномъ склонѣ Киѳерона. Онъ былъ основанъ Беотами и составлялъ часть беотійскаго союза, но занималъ въ немъ низкое и невыгодное мѣсто. Когда Клеоменъ возвращался изъ Аттики, жители Платей просили его принять ихъ подъ владычество Спарты, но получили отъ него хитрый совѣтъ обратиться лучше къ Аѳинянамъ: Спартанецъ надѣялся поссорить Аѳины съ Беотіей, и эта надежда дѣйствительно оправдалась. Выждавъ время общественныхъ жертвоприношеній, Платейцы отправили въ Аѳины пословъ, которые, принявъ видъ просящихъ защиты, сѣли на ступени священныхъ жертвенниковъ и молили Аѳинянъ принять ихъ подъ свое покровительство. Религія не позволяла отказать въ этой просьбѣ, и Аѳиняне поневолѣ сдѣлались врагами Беотіи. Началась война, которая сначала была счастлива для Аѳинъ, но дала Клеомену новыхъ союзниковъ. Спартанскій царь между тѣмъ замышлялъ отмстить Аѳинамъ за свою неудачу. Онъ условился съ Беотійцами и Халкидянами (аристократическими обладателями лучшей части острова Эвбеи) начать одновременно враждебныя дѣйствія, собралъ войска пелопоннесскихъ государствъ — первый примѣръ предводительства Спарты во всемъ Пелопоннесѣ — и двинулся на Аттику. Союзное войско достигло уже Элевсина на дорогѣ въ Аѳины, когда союзники, догадавшись о цѣли похода, не хотѣли продолжать пути, и самъ царь Демаратъ возвратился въ Спарту. Предпріятіе Клеомена не удалось во второй разъ, и Аѳиняне могли собрать силы, чтобы отразить сначала Беотовъ, надъ которыми они одержали блистательную побѣду, потомъ Халки-

дянъ, которые были примѣрно наказаны. Оковы, въ которыхъ были приведены въ Аѳины беотійскіе и халкидскіе плѣнные, хранились въ аѳинскомъ акрополѣ, и Геродотъ еще видѣлъ ихъ [1]). Изъ добычи и выкупа была употреблена десятина на сооруженіе четырехконной колесницы, которая, какъ тропей, была воздвигнута въ аѳинскомъ акрополѣ. Слѣдующая надпись увѣковѣчивала побѣду:

Ἔθνεα Βοιωτῶν καὶ Χαλκιδέων δαμάσαντες
παῖδες Ἀθηναίων ἔργμασιν ἐν πολέμου,
δεσμῷ ἐν ἀχλυόεντι σιδηρέῳ ἔσβεσαν ὕβριν·
τῶν ἵππους δεκάτην Παλλάδι τάσδ' ἔθεσαν.

Часть богатыхъ полей халкидскихъ была раздѣлена между 4000 бѣдными аѳинскими гражданами, которые, получивъ эти участки, не переставали быть гражданами въ Аѳинахъ,—мѣра, имѣвшая своимъ послѣдствіемъ, для Аѳинъ — увеличеніе числа землевладѣльцевъ, а слѣдовательно и умноженіе гражданъ трехъ высшихъ классовъ, а для Халкиды — совершенное уничтоженіе ея самостоятельности. У Аѳинянъ остались такимъ образомъ два врага, не покинувшіе еще мысли отплатить за свое пораженіе, Ѳивы и Спарта. И тѣ и другіе искали новыхъ союзниковъ. Ѳивы привлекли на свою сторону Эгину, которая начала съ Аѳинами войну, продолжавшуюся около 20 лѣтъ и окончившуюся покореніемъ этого богатаго острова; Спарта рѣшилась соединить свое дѣло съ притязаніями Гиппія. Но по поводу этого замысла Спарты высказался съ полною силою новый духъ, явившійся въ Греціи къ концу періода, разсматриваемаго нами. Опытъ показалъ Клеомену, что безполезно собирать войско пелопонесскихъ государствъ, не удостовѣрившись въ желаніи ихъ содѣйствовать намѣреніямъ Спарты. Поэтому, когда Гиппій по его приглашенію прибылъ въ Спарту, были созваны туда же посланники пелопоннесскихъ государствъ, и открыты совѣщанія пелопоннесскаго союза, первыя въ греческой исторіи. На этихъ-то достопамятныхъ совѣщаніяхъ выразилось неожиданно для Спарты и Клеомена новое направленіе общественнаго мнѣнія въ Греціи. Геродотъ сообщаетъ намъ рѣчи коринѳскаго посланника Сосикла, который въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ протестовалъ противъ намѣренія насильственно возвратить въ Аѳины Гиппія. «Небо и земля перемѣнятъ свое мѣсто, рыбы выйдутъ изъ воды и поселятся на сушѣ, а люди пойдутъ обитать въ глубину моря, когда вы, Спартанцы, рѣшитесь на дѣло, самое несправедливое между людьми и самое ненавистное богамъ.» «Общи-

[1]) Геродотъ V, 77.

ми богами Геллады умоляемъ васъ: откажитесь отъ своего намѣренія. Если же вы будете настаивать на немъ, то знайте, что Коринѳяне не будутъ вашими союзниками» [1]). Воодушевленные этою рѣчью, послы другихъ городовъ соединились съ Сосикломъ, и всѣ вмѣстѣ просили Спартанцевъ не предпринимать ничего новаго противъ одного изъ городовъ Геллады.

Такимъ образомъ замыслы Клеомена не осуществились и въ третій разъ, и государственное устройство, введенное Клисѳеномъ, окончательно спаслось отъ угрожавшей ему опасности.

П. Леонтьевъ.

[1]) Герод. V, 90—93.

ЧТЕНІЕ НИБУРА О ДРЕВНЕЙ ИСТОРІИ.

B. G. Niebuhr Vorträge über alte Geschichte an der Universität zu Bonn gehalten. 3 Bde. Berlin, 1847 — 1851.

Изданіе историческихъ и филологическихъ лекцій, читанныхъ Нибуромъ въ Бонскомъ университетѣ, предпринятое его сыномъ, наконецъ приближается къ концу. Чисто-историческій отдѣлъ уже весь готовъ. Семь вышедшихъ до сихъ поръ томовъ содержатъ въ себѣ курсы древней этнографіи, древней исторіи (Востокъ и Грецію) и римской исторіи. Курсы эти составлены бо́льшею частію по запискамъ бывшихъ слушателей Нибура, потому что въ его собственныхъ бумагахъ оказалось мало пособій для издателей. Въ теченіи двадцати лѣтъ, прошедшихъ со смерти великаго историка, идеи, высказанныя имъ съ каѳедры Бонскаго университета, находились въ исключительномъ обладаніи его слушателей. Многое было пущено въ ходъ не только подъ чужимъ именемъ, но даже въ искаженномъ видѣ. Теперь лекціи напечатаны, и любознательные читатели могутъ сами оцѣнить бо́льшую или меньшую степень добросовѣстности и умѣнья, съ какими пользовались этимъ богатымъ источникомъ тѣ немногіе, которые имѣли къ нему доступъ. Но кромѣ ихъ общаго значенія въ наукѣ, лекціи Нибура представляютъ для насъ занимательность другаго рода. Мы знали автора «Римской Исторіи» какъ геніяльнаго критика и глубокомысленнаго изслѣдователя; теперь онъ является намъ съ новой стороны, превосходнымъ повѣствователемъ, мужемъ живаго, увлекательнаго слова. Читая лекціи Нибура, можно понять вполнѣ глубокое впечатлѣніе, ко-

торое онѣ производили на его аудиторію. У него не найдемъ того обдуманнаго, академическаго краснорѣчія, которымъ отличаются чтенія знаменитыхъ французскихъ профессоровъ, напр. Гизо или Вильмена; его рѣчь проста и чужда всякихъ риторическихъ украшеній, но въ ней есть теплота и сила, происходящая изъ сознанія преподавателя, что предметъ, имъ излагаемый, находится совершенно въ его власти, вполнѣ ему покоренъ. Нибуръ былъ одаренъ необыкновенною способностію переноситься въ прошедшее не только воображеніемъ, но личнымъ участіемъ. Въ этомъ заключается творческая, чисто-поэтическая сторона его таланта. Когда онъ начиналъ говорить о какомъ-либо значительномъ лицѣ греческой или римской исторіи, онъ тотчасъ извлекалъ изъ своей изумительной памяти всю современную обстановку, припоминая малѣйшія подробности и отношенія, и становился самъ въ ряды горячихъ приверженцевъ или враговъ описываемаго лица. О немъ можно безъ преувеличенія сказать, что онъ пережилъ сердцемъ борьбы всѣхъ великихъ партій Греціи и Рима. Уличить Нибура въ пристрастіи не трудно, тѣмъ болѣе, что онъ не находилъ нужнымъ скрывать своихъ личныхъ мнѣній и считалъ себя въ правѣ произносить рѣшительные приговоры надъ величайшими дѣятелями и событіями всеобщей исторіи; но самые рѣзкіе и несправедливые изъ этихъ приговоровъ поучительны для мыслящаго читателя, потому что въ ихъ основаніи почти всегда лежитъ какой-нибудь ускользнувшій отъ вниманія другихъ историковъ фактъ или оскорбленное нравственное чувство. Такой способъ изложенія исторіи конечно не можетъ служить образцомъ или примѣромъ для другихъ. Онъ былъ по плечу Нибуру. Но обыкновенный преподаватель, который вздумаетъ идти по его слѣдамъ и позволитъ себѣ такія частыя сближенія явленій древней и новой исторіи, такой смѣлый языкъ относительно лицъ и событій, неизбѣжно навлечетъ на себя заслуженный упрекъ въ смѣшной самонадѣянности и произволѣ.

Изъ трехъ выше названныхъ нами курсовъ первое мѣсто принадлежитъ безъ всякаго сомнѣнія чтеніямъ о древней исторіи, въ особенности послѣдней части, которая содержитъ въ себѣ изложеніе судебъ Греціи отъ начала македонскаго владычества до смѣны его римскимъ. Нибуръ, какъ видно изъ его переписки, много занимался этимъ временемъ, бѣднымъ историками и печальнымъ по содержанію, но весьма важнымъ для римской исторіи. Онъ читалъ древнюю исторію въ Бонскомъ университетѣ два раза: лѣтомъ 1826 года и въ зимнемъ семестрѣ 1829 — 30. Сверхъ того издатели пользовались въ видѣ дополненій лекціями 1825 года, объемлющими исключительно періодъ

отъ херонейской битвы до паденія Коринѳа. Въ порядкѣ разсказа Нибуръ слѣдовалъ всѣмъ извѣстному извлеченію, составленному Юстиномъ изъ утраченнаго сочиненія Трога Помпея.

Исторіи древняго Востока, или лучше сказать семитическихъ и зендскихъ племенъ, потому что Китай не входитъ вовсе, а Индія только эпизодически, въ составъ разсматриваемыхъ нами чтеній, Нибуръ посвятилъ самую малую часть своего курса, главное содержаніе котораго составляетъ греческая исторія. Вообще первыя 18 лекцій не могутъ вполнѣ удовлетворить читателя, знакомаго съ великими открытіями и трудами, совершенными съ 1830 года на поприщѣ восточныхъ древностей, но нельзя также не подивиться вѣрности взгляда, которымъ Нибуръ смотрѣлъ на настоящее состояніе и будущія судьбы своей науки. «Мы стоимъ, говоритъ онъ, на порогѣ новой эры для древней исторіи. Прошедшіе вѣка Ниневіи, Вавилоніи и Персіи выступятъ наружу, и древнѣйшія времена подымутся изъ мрака совершенно ясными и опредѣленными въ своихъ частностяхъ. Конечно у этихъ народовъ нѣтъ индивидуальнаго, собственно человѣческаго, того, чтò есть у Грековъ, Римлянъ и новыхъ народовъ, но ихъ бытъ и его измѣненія уяснятся совершенно. Новое настоящее наступитъ для древняго міра, и черезъ пятьдесятъ лѣтъ появятся такія изслѣдованія объ исторіи упомянутыхъ народовъ, въ сравненіи съ которыми наши теперешнія знанія будутъ тѣмъ же, чѣмъ была химія сто лѣтъ тому назадъ въ сравненіи съ химіею Берселіуса» (I. 74). Не забудемъ, что эти слова были сказаны съ каѳедры Бонскаго университета въ 1829 году, когда ни Ботта, ни Лейярдъ не думали начинать своихъ разысканій, и полковникъ Ровлинсонъ еще не думалъ приступать къ разбору клинообразныхъ надписей.

При всей относительной краткости и неполнотѣ своей, отдѣлъ «Чтеній о древней исторіи», посвященный Востоку, содержитъ въ себѣ много прекрасныхъ и поучительныхъ страницъ. Надобно при этомъ вспомнить, что Нибуру былъ извѣстенъ не одинъ только древній Востокъ, и что знанія его не были исключительно почерпнуты изъ книгъ. Еще въ ранней молодости онъ составилъ себѣ весьма живыя и подробныя представленія о странахъ и народахъ Азіи, по разсказамъ отца своего, знаменитаго путешественника Карстена Нибура. Въ послѣдствіи эти свѣдѣнія были дополнены обширною начитанностію и личными сношеніями съ путешественниками всякаго рода, которыхъ Нибуръ любилъ разспрашивать обо всемъ, на что не находилъ удовлетворительнаго отвѣта въ книгахъ. Собранные такимъ образомъ и очищенные критикою матеріялы служили ему пособіемъ для повѣрки древнихъ

свидѣтельствъ. Такія сличенія привели его къ слѣдующему сужденію о степени достовѣрности Геродота относительно исторіи азіятскихъ народовъ. Нибуръ полагаетъ, что отецъ исторіи странствовалъ въ качествѣ купца, подобно другимъ Грекамъ того времени, которыхъ любознательность и врожденная цѣлому народу предпріимчивость влекли за предѣлы греческаго міра. Эти странствующіе торговцы, удовлетворяя двоякой потребности — знанія и корысти, заходили глубоко въ Азію съ произведеніями своей родины и другими товарами, купленными или вымѣненными на дорогѣ. По мнѣнію Нибура, свѣдѣнія, сообщаемыя намъ Геродотомъ, не всѣ равнаго достоинства. Такъ напр. Ассирія и Вавилонія изображены превосходно, потому что историкъ былъ самъ въ тѣхъ краяхъ, вѣроятно разумѣлъ тамошніе языки и собралъ на мѣстѣ, изъ хорошихъ источниковъ, нужныя ему свѣдѣнія; но Мидію онъ зналъ плохо, по чужимъ разсказамъ, вслѣдствіе чего его собственное изложеніе сбивчиво и исполнено противорѣчій. То же замѣчаніе можно сдѣлать относительно Египта. Природныя свойства страны и ея историческія судьбы съ царствованія Псамметиха, т. е. съ того времени, когда начинаются точныя и достовѣрныя преданія, описаны какъ нельзя лучше; но тамъ, гдѣ у Геродота не было средствъ къ собственному изслѣдованію фактовъ, онъ принималъ ихъ на вѣру и повторялъ безъ повѣрки все слышанное имъ отъ жрецовъ о египетской древности. Чисто-гелленская ясность ума и мѣткая наблюдательность Геродота обнаруживаются преимущественно при изображеніи народныхъ свойствъ и особенностей. Въ этомъ отношеніи, онъ едва ли имѣетъ себѣ равныхъ между древними, за исключеніемъ одного Тацита. Замѣченное Геродотомъ родство между Колхидянами и Египтянами, противъ котораго возстаетъ большая часть новыхъ ученыхъ, нашло въ Нибурѣ сильнаго заступника. Но еще съ бо́льшимъ жаромъ защищаетъ онъ сказанія греческаго историка о племенахъ восточной Европы противъ нападокъ Шлецера. «Показанія Геродота, говоритъ онъ, часто подвергаются насмѣшкамъ со стороны людей довольно ученыхъ, но неосновательныхъ въ своихъ сужденіяхъ. Таковъ былъ Шлецеръ. У него не было вкуса, хотя онъ могъ бы оказать великія заслуги исторіи, еслибы подъ конецъ не опустился и не облѣнился, вдавшись въ несчастную полипрагматію, въ которой запутался. Онъ хотѣлъ быть политикомъ, дабы получить бо́льшее значеніе, не заботился о приращеніи своихъ свѣдѣній, и такъ какъ онъ былъ весьма живой человѣкъ, то писалъ горячо и заносчиво. Противъ древнихъ, всего классическаго и въ особенности противъ Геродота, онъ питалъ рѣшительную ненависть. Вообще онъ настоящій варваръ. Онъ занялъ

бы высокое мѣсто въ наукѣ и оставилъ бы по себѣ великую память, еслибы не помрачилъ ее самъ. Ему кажется смѣшнымъ Геродотъ, утверждающій положительно, что Сѣверъ богатъ золотомъ, а теперь вниманіе цѣлой Европы обращено на уральскіе золотые рудники. Слѣдовательно Геродотъ и скандинавскіе жители, говорящіе о пермскомъ золотѣ и также осмѣянные Шлёцеромъ, правы. Эти рудники перестали разрабатываться или были преданы забвенію вслѣдствіе невѣжества монгольскихъ племенъ. Золото древняго міра добывалось частію изъ этихъ странъ, преимущественно изъ Урала, частію изъ Лидіи, Ѳракіи и Македоніи; потомъ изъ гальскихъ рудниковъ, частію съ границъ Египта и Нубіи; небольшое количество приходило изъ Аравіи и чрезъ Карѳагенъ изъ внутренней Африки. Изъ этихъ источниковъ древніе получали такъ много золота, что оно относительно было дешевле, чѣмъ теперь, и сравнительная его цѣнность съ серебромъ была ниже. Аѳинскій золотой статеръ, который у древнихъ равнялся 20 драхмамъ, въ настоящее время стоитъ 32 драхмы серебра» (I. 135). Мы нарочно привели характеристическій отзывъ Нибура о Шлецерѣ. Русскимъ читателямъ конечно покажется страннымъ упрекъ въ лѣности и легкомысліи, обращенный къ автору изслѣдованій о Несторѣ.

Возвратимся къ Геродоту. Четвертая книга его творенія даетъ нашему автору поводъ къ слѣдующимъ соображеніямъ.

Геродотъ оставилъ намъ до того удавшееся ему описаніе Скиѳовъ, что тотъ, кто не ослѣпленъ предразсудками, не только можетъ узнать этотъ народъ въ его настоящемъ видѣ, но даже опредѣлить породу, къ которой онъ принадлежалъ. Съ этимъ описаніемъ согласно и прекрасное, не уступающее Геродотову, изображеніе того же народа Гиппократомъ въ сочиненіи de aëre, aquis et locis. Мнѣніе людей, которые въ новѣйшія времена вообразили себѣ, что Скиѳы, видѣнные Геродотомъ, не составляли опредѣленнаго народа, но что онъ подъ этимъ именемъ разумѣлъ вообще кочевыхъ жителей украинскихъ степей, непонятно и свидѣтельствуетъ о большомъ легкомысліи. Безспорно, что позднѣйшіе писатели, уже съ Плинія и Мелы, приходили въ затрудненіе отъ этого имени и называли имъ всѣхъ жителей Украйны безъ разбора. Въ послѣдствіи этотъ обычай распространился далѣе. Источники III столѣтія называютъ Скиѳами германскія племена, жившія въ тѣхъ странахъ. Готы, Герулы и т. д. носятъ въ изящномъ, литературномъ языкѣ имя Скиѳовъ; такимъ образомъ Дексиппъ далъ своей исторіи готскихъ нашествій названіе Σκυθικά.... Изъ словъ Геродота и еще болѣе изъ словъ Гиппократа видно, что Скиѳы были монгольское племя. Послѣдній говоритъ, что они были мясисты и

жирны съ весьма мало обозначенными суставами и сочлененіями мускуловъ и костей. Это поразительная особенность монгольскихъ народовъ. У нихъ круглое лицо, круглый черепъ, странный разрѣзъ глазъ; но замѣчательнѣе всего то, что мускуловъ и костей почти невидно. Они какъ будто исчезаютъ. Опредѣленность формъ теряется подъ толстою и жирною кожей. При сравненіи народовъ южной Европы съ сѣверными, мы найдемъ между ними рѣзкое различіе: у южныхъ жителей, у Итальянцевъ, у Грековъ и еще въ бо̀льшей степени у настоящихъ Азіятцевъ и у Барбаресковъ очертаніе мускуловъ на рукахъ и ногахъ бросается въ глаза. Этого вовсе нѣтъ у Египтянъ, что имѣло величайшее вліяніе на ихъ ваяніе. У другихъ названныхъ мною южныхъ племенъ мускулы въ такой необыкновенной степени развиты и обозначены, что я понялъ, почему древніе ваятели и художники не нуждались въ анатоміи. Ваятель могъ изучить на живомъ тѣлѣ все, что ему было нужно знать изъ анатоміи: мертвая наука не нужна была тому, кто могъ прослѣдить на живомъ тѣлѣ всю игру мускуловъ. Прекрасно натянутая кожа не скрывала ихъ. Великое различіе между статуями древнихъ и новыхъ художниковъ заключается слѣдовательно не въ лицахъ, хотя оно обнаруживается и здѣсь, потому что новые ваятели облегчаютъ себѣ дѣло, давая лицамъ одно общее выраженіе, а въ игрѣ мускуловъ. Для того чтобы вполнѣ уяснить себѣ это различіе, надобно сравнивать древнія и новыя статуи при факельномъ освѣщеніи. Такое изученіе доставляетъ большое удовольствіе. Древнія статуи оживаютъ и представляютъ на поверхности своей безконечное богатство, все разнообразіе живыхъ мускуловъ; наоборотъ, въ новыхъ мы не находимъ этой прозрачности: онѣ совершенно гладки; въ нихъ не видно жизни и движенія. Даже произведенія великихъ мастеровъ кажутся мертвыми. Барельефы Торвальдсена можно поставить на ряду съ древними, но не статуи его. У Египтянъ мускулы крѣпки, но имъ недостаетъ живости и развитія: этотъ недостатокъ въ произведеніяхъ египетскаго ваянія происходитъ частію отъ свойства массы, которую они употребляли для статуй, ибо они держались несчастной мысли, что надобно выбирать самые крѣпкіе, жесткіе матеріялы. На сколько племена германскія и сарматскія стоятъ въ этомъ отношеніи ниже южныхъ Европейцевъ, на столько превосходятъ они Монголовъ. Въ описаніи Геродота мы узнаемъ послѣднихъ. Дальнѣйшимъ доказательствомъ монгольскаго происхожденія Скиѳовъ служатъ отдѣльныя черты ихъ быта. У нихъ между прочимъ были паровыя бани, въ которыхъ они доводили себя до опьяненія, посыпая на раскаленные камни въ закрытыхъ палаткахъ одуряющія зелья. Такой же

обычай существовалъ прежде у Камчадаловъ. Наконецъ нельзя не узнать Монголовъ по неопрятности, страсти къ пьянству и войлочнымъ палаткамъ (I, 179 — 181).

Приведенныя нами слова показываютъ, къ какимъ разнообразнымъ соображеніямъ подавали Нибуру поводъ свидѣтельства древнихъ писателей.

Персидская исторія занимаетъ въ «Чтеніяхъ» болѣе мѣста, нежели исторія другихъ народовъ Востока. Любопытно мнѣніе Нибура о національномъ характерѣ Персовъ. Несмотря на владычество чуждыхъ народовъ, несмотря на внутренніе перевороты и смѣшенія съ другими племенами, черты древнихъ Персовъ сохранились у поклонниковъ огня въ Іездѣ и Керманѣ. Черты эти гораздо жестче, чѣмъ у Персовъ-магометанъ. Это столь же странно, какъ и великое различіе, существующее между Коптами христіянами и магометанскими жителями Египта, хотя послѣдніе, должно быть, такіе же потомки Египтянъ, принявшихъ исламъ. Отсюда видно, что національныя черты измѣняются не однѣми внѣшними причинами, какъ напримѣръ, климатомъ, но подвержены вмѣстѣ съ характеромъ народа вліянію религіи и образа жизни. Къ особенностямъ Персовъ всѣхъ вѣковъ принадлежатъ доведенныя до высочайшей степени раболѣпіе и низость. Персъ никогда не былъ свободнымъ и гордымъ человѣкомъ; въ этомъ отношеніи онъ не только рѣзко отличается отъ Араба, но даже отъ соплеменнаго ему Курда. Курдъ гордъ, прямодушенъ, не поддается гнету и предпочитаетъ всему приволье жизни подъ шатромъ: Персіянинъ напротивъ рабъ въ полномъ смыслѣ слова; у него притомъ много дарованій, ума, и онъ умѣетъ облекать свои пороки въ пріятную и красивую форму. Для него не существуетъ другихъ понятій, кромѣ шаха и раба. Характеръ Персовъ рѣзко выдается въ Геродотовомъ разсказѣ о Прексаспѣ и Камбисѣ. Камбисъ, поразивъ Прексаспова сына стрѣлою въ сердце, спросилъ у отца, похожъ ли онъ теперь на пьянаго *). Прексаспъ отвѣчалъ ему: сами боги не могли бы удачнѣе выстрѣлить. Этотъ отвѣтъ отца надъ трупомъ сына совершенно въ персидскомъ духѣ и каждый персидскій вельможа отвѣчалъ бы такимъ же образомъ. — Къ тому же Персы чрезвычайно жестоки, что̀ видно въ изобрѣтенныхъ ими казняхъ и утонченныхъ пыткахъ, напримѣръ въ жизни Артаксеркса. Это свойство сохранилось у нихъ до нынѣшняго времени… Востокъ рано развратился, и нигдѣ не найдемъ мы такой нравствен-

[1]) Прексаспъ передалъ Камбису отзывы Персовъ, которые обвиняли Кирова сына въ излишней склонности къ вину. Герод. III. 34—35.

ной порчи, какая проходитъ черезъ всю исторію древняго Востока. Отъ Средиземнаго моря до Китая и Японіи азіатскіе народы испорчены и нравственно развращены: исправить ихъ можетъ только европейское владычество (1, 153). Несмотря на всѣ недостатки, ошибки и неудачи Англичанъ, ихъ иго, по мнѣнію Нибура, полезно и благотворно для Индіи. Эту мысль онъ высказываетъ нѣсколько разъ.

Въ немногихъ страницахъ, посвященныхъ Дарію Истаспу, показано вполнѣ важное значеніе его царствованія. Дарію безспорно обязано государство, случайно сложившееся изъ завоеваній его предшественниковъ, возможностію двухсотълѣтняго существованія. Его учрежденія не только сохранились до временъ македонскаго владычества, но проникли даже въ Индію, гдѣ ихъ застали Европейцы. Индѣйскія субы соотвѣтствуютъ вполнѣ персидскимъ сатрапіямъ, и положеніе субадаря, относительно ввѣренной ему области и верховной власти, представляетъ поразительное сходство съ положеніемъ сатраповъ. Самыя войны Дарія носятъ на себѣ другой характеръ, нежели войны Кира и Камбиса. Видно, что онѣ были предприняты съ цѣлію придвинуть государство къ естественнымъ границамъ. На югозападѣ такою границей сдѣлался Индъ. При послѣдующихъ персидскихъ царяхъ народы пятирѣчія (Пенджаба) свергли съ себя иноземное владычество, и Александръ долженъ былъ воевать въ странахъ, нѣкогда покоренныхъ Даріемъ. Геродотъ говоритъ, что кромѣ Индусовъ Арабы повиновались сыну Истаспа. Въ настоящее время невозможно опредѣлить ни объемъ, ни степень персидскаго владычества въ Аравійскомъ полуостровѣ, но стоитъ замѣтить, что одно изъ послѣднихъ предпріятій, задуманныхъ Александромъ, было направлено противъ Аравіи. Можно предположить, что македонскій завоеватель имѣлъ въ виду возстановленіе на востокѣ границъ, данныхъ Даріемъ своему государству. Знаменитый походъ Дарія противъ Скиѳовъ объясняется двоякою цѣлію. Съ одной стороны надобно было однажды навсегда обезпечить сѣверныя области персидской монархіи отъ набѣговъ кочевыхъ хищниковъ, покорить или отбросить далѣе въ ихъ степи эти безпокойныя племена. Съ другой стороны, надобно было овладѣть всѣми берегами Чернаго моря и обратить его въ персидское озеро. Мы уже видѣли, какую важность имѣли для древняго міра земли, лежавшія на сѣверъ отъ Понта Эвксинскаго. Кромѣ золота, шедшаго изъ далекой Скиѳіи черезъ упомянутое море въ Грецію, послѣдняя получала отъ черноморскихъ колоній значительную часть произведеній, которыя ей нужны были для удовлетворенія самыхъ необходимыхъ потребностей ея населенія. Оттуда получала она всякаго рода соленую и вяленую рыбу, составлявшую, какъ извѣстно, главную

пищу Грековъ. Значительное количество потреблявшагося въ Греціи хлѣба получалось тѣмъ же путемъ. Предметы вывоза изъ Греціи далеко не равнялись цѣною съ предметами ввоза. Аѳины, находясь на высшей степени богатства и промышленной дѣятельности, постоянно отправляли въ черноморскія колоніи много денегъ, кромѣ товаровъ, такъ что торговый балансъ склонялся, по выраженію Нибура, на сторону колоній.

Мы не послѣдуемъ за великимъ историкомъ въ его изслѣдованіяхъ объ источникахъ греческой исторіи, составляющихъ довольно обширное и поучительное введеніе къ самой исторіи. Намъ еще не разъ придется приводить въ послѣдствіи мнѣнія Нибура объ отдѣльныхъ писателяхъ греческой древности. Скажемъ однако напередъ, что, при всей геніяльности своей, при необычайной способности сводить въ одно цѣлое разсѣянные по разнымъ памятникамъ отрывки изъ утраченныхъ нами писателей, Нибуръ не всегда оставался вѣренъ собственному требованію осторожной критики. Увлекаясь творческимъ воображеніемъ, онъ, на основаніи немногихъ сохранившихся строкъ, произносилъ приговоръ надъ цѣлымъ твореніемъ и опредѣлялъ его бо́льшую или меньшую для насъ важность. Чтенія, посвященныя имъ началу греческой исторіи, содержатъ въ себѣ много остроумныхъ, обличающихъ глубокаго знатока, замѣчаній и намековъ, но въ цѣломъ не представляютъ особенной занимательности читателю, знакомому съ позднѣйшими трудами по этой части. Любопытно бы было впрочемъ прослѣдить въ частностяхъ вліяніе Нибуровыхъ идей и предположеній на современное состояніе науки. Мы предоставляемъ такой трудъ ученымъ, исключительно посвятившимъ себя изученію древности. Книга Грота, извѣстная читателямъ «Пропилеевъ» изъ подробнаго и основательнаго разбора, составляемаго профессоромъ Леонтьевымъ, содержитъ въ себѣ между прочимъ явныя доказательства того вліянія, о которомъ мы упомянули. Взглядъ Грота на развитіе аѳинской исторіи и на характеръ Аѳинскаго народа, навлекшій автору обвиненіе въ пристрастіи, представляетъ удивительное сходство съ тѣмъ, что Нибуръ сказалъ о томъ же предметѣ за много лѣтъ до выхода въ свѣтъ перваго тома «Греческой Исторіи». Здѣсь, разумѣется, рѣчь идетъ не о простомъ заимствованіи чужихъ мыслей, а о томъ законномъ и неизбѣжномъ дѣйствіи, которое геніяльные умы обнаруживаютъ на дальнѣйшія судьбы своей науки. Не доказанныя ими предположенія, ихъ бѣглые намеки составляютъ обильное наслѣдіе для послѣдующихъ поколѣній и опредѣляютъ надолго въ ту или другую сторону дѣятельность этихъ поколѣній.

Глубокое сочувствіе Нибура къ Аѳинамъ и главнымъ личностямъ аѳинской исторіи высказывается на каждой страницѣ. Аѳины стоятъ у него по праву на первомъ планѣ при изображеніи великой борьбы Греціи съ Персами. Изложенію этихъ событій предшествуетъ общая оцѣнка греческой жизни до V столѣтія до Р. Х.

«Къ существенно характеристическимъ чертамъ отдѣльныхъ эпохъ принадлежитъ особенно чрезвычайное различіе въ болѣе или менѣе быстромъ движеніи жизни, которая въ извѣстной эпохѣ движется съ неимовѣрною скоростію, въ другія же времена тянется медленно и незамѣтно, такъ что цѣлыя поколѣнія проходятъ безъ всякихъ видимыхъ перемѣнъ. Я уже указалъ на этотъ разнообразный ходъ исторіи въ моихъ чтеніяхъ объ новѣйшей исторіи. Такого рода соображенія вносятъ дѣйствительную жизнь въ древнюю исторію и ставятъ ее рядомъ съ современною, переживаемою нами исторію. Неудивительно, что на нее вообще смотрятъ, какъ на нѣчто такое, чего въ дѣйствительности никогда не было: обыкновенно ея не понимаютъ, и при сужденіи о событіяхъ древности прилагаютъ совсѣмъ не тѣ законы, какіе прилагаются къ новой исторіи, которая въ свою очередь совсѣмъ не такъ понимаема, какъ бы должно понимать ее. Упомянутое нами различіе въ болѣе или менѣе ускоренномъ ходѣ событій въ особенности поразительно въ греческой исторіи. Уже къ началу персидскихъ войнъ обнаруживается усиленное движеніе жизни; съ этого времени до конца пелопоннесской войны, въ продолженіи 80-ти лѣтъ, развитіе совершается съ такою быстротою, что народъ проходитъ, можно сказать, всѣ крайности добра и зла, всѣ возможныя измѣненія въ литературѣ и всемъ бытѣ и переходитъ съ неудержимою скоростію отъ увядающей юности къ совершенной зрѣлости. Нѣчто подобное видѣли мы въ новѣйшей исторіи Германіи отъ вступленія на престолъ Фридриха II въ 1740 году до конца прошедшаго столѣтія. Такія времена обозначаются обыкновенно именемъ одного лица, какъ напр. вѣкъ Перикла, Людвига XIV, Фридриха Великаго. Но эти лица, именами которыхъ обозначаются извѣстныя эпохи, суть сами произведенія своего времени и не столько независимые дѣятели, сколько его органы... Иногда же проходятъ цѣлыя столѣтія безъ всякихъ великихъ и существенныхъ измѣненій. Такое однообразіе жизни находимъ мы въ Италіи въ XI, XII и XIII столѣтіяхъ; такое же время представляютъ намъ первый и второй вѣкъ римской исторіи, въ особенности же второй и третій.»

«Конечно, въ до-писистратовской Греціи не было совершеннаго застоя, было даже много жизни, но эта жизнь въ сущности вращалась

на одномъ мѣстѣ и не подвигалась впередъ. Въ такія эпохи медленнаго развитія мало обнаруживается внѣшней дѣятельности, люди почти не живутъ въ современности, зависятъ отъ прошедшаго и обращаютъ свои мысли болѣе къ послѣднему, назадъ, нежели впередъ, къ будущему. Тамъ, гдѣ подобное состояніе народа есть здоровое, оно обличаетъ юную, готовую къ великому развитію жизнь: таково было напр. въ англійской литературѣ время, предшествовавшее Шекспиру, въ италіянской—время передъ Дантомъ, то-есть XIII столѣтіе. Но бываютъ также періоды, когда такой застой не предвѣщаетъ никакого развитія, а только представляетъ продолженіе стараго, существующаго безъ внутренней жизни, безъ способныхъ развернуться въ будущемъ зародышей, и потому обреченнаго на неизбѣжную смерть. Такимъ образомъ во Флоренціи литература XV столѣтія продолжала свое существованіе до XVIII. Въ эпохи юности, когда въ тишинѣ созрѣваетъ великое—причемъ конечно можетъ случиться и то, что самыя значительныя явленія уже совершились и замкнули собою періодъ предшествовавшаго развитія — въ такія эпохи исторія представляетъ намъ нѣчто особенное. Человѣкъ погруженъ всею своею дѣятельностію въ гражданскую жизнь, исполняетъ свой долгъ, но событія, около него совершающіяся, теряютъ для него занимательность тотчасъ по совершеніи. Такъ напр. изъ первой миланской хроники XI столѣтія видно, что тогдашніе люди не приписывали ни себѣ, ни современникамъ своимъ никакого значенія, и что ихъ вниманіе исключительно было обращено на прошлое. Германцы XI столѣтія также считали себя и своихъ современниковъ за самыхъ обыкновенныхъ людей. Вообще та эпоха не гордится собою, не считаетъ себя героическою, и только личности, принадлежащія прошедшему, привлекаютъ къ себѣ ея участіе. Въ подобномъ состояніи находилась Греція почти до самыхъ персидскихъ войнъ; этимъ объясняется, почему тогда не было исторіи и даже прозы вообще, почему мало заботились о настоящемъ и о только что минувшемъ: вниманіе было обращено къ героическому періоду, какъ къ чему-то высшему. Этотъ періодъ составлялъ живой міръ, въ которомъ Греки какъ потомки героевъ видѣли самихъ себя, въ которомъ они жили и дѣйствовали. Отсюда происходитъ и то, что древнѣйшіе эпическіе поэты почти до 60-й олимпіады заимствуютъ содержаніе своихъ пѣсень изъ однихъ источниковъ съ Гомеромъ, который представилъ героическій періодъ во всей его красотѣ. Но по мѣрѣ того, какъ исчезало могущество и обаяніе прошедшаго, какъ усиливалась занимательность и содержаніе настоящаго, это настоящее, уже значительно развитое, самодовольно сознававшее свое достоинство,

стало переносить поэзію отъ прошедшаго къ себѣ самому и такимъ образомъ образовался поэтическій разсказъ. Но такъ какъ въ *настоящемъ* было много такого, чего нельзя было передать стихами, то за поэтическимъ разсказомъ послѣдовалъ историческій, въ которомъ событія удобнѣе сохранялись для памяти. Прежде другихъ выступилъ Гекатей и разсказалъ о томъ, чтò въ его время случилось, что онъ самъ видѣлъ въ своихъ путешествіяхъ, и чтò слышалъ о различныхъ народахъ. За повѣствованіями этого рода слѣдуетъ прагматическая исторія.» (I, 361 — 363.)

Нибуръ подвергаетъ строгой, но едва ли вполнѣ справедливой критикѣ, сказанія Геродота о персидской войнѣ. Нельзя напримѣръ никакъ согласиться, что у Геродота не было предшественниковъ, и что онъ пользовался только одними преданіями, да твореніемъ эпическаго поэта Херила. Самое сравненіе разсказовъ, ходившихъ въ Греціи въ послѣдней половинѣ V столѣтія о Ксерксовомъ походѣ, съ разсказами, живущими въ устахъ египетскихъ Арабовъ о французской экспедиціи 1799 года, никакъ не можетъ, по нашему мнѣнію, быть допущено. Ни въ народномъ характерѣ, ни въ степени образованности, на которой стояли Геродотовы современники, не было ничего общаго съ египетскими Арабами въ концѣ прошлаго столѣтія. Извѣстно, какъ сильно воображеніе восточныхъ народовъ дѣйствуетъ на историческое изложеніе ближайшихъ событій. Это явленіе объясняется самымъ свойствомъ восточной исторіи, состояніемъ тамошней науки и всѣмъ складомъ мысли, составляющимъ характеристическое отличіе Азіятца отъ Европейца. Бонапартъ явился въ Египтѣ существомъ высшаго рода и произвелъ на умы поклонниковъ пророка впечатлѣніе до того сильное, что оно наложило особенную печать чудеснаго на всѣ событія, связанныя съ исторіею французской экспедиціи. Подобный процессъ рѣшительно не могъ совершиться въ ясномъ и отчетливомъ умѣ Грека; въ противномъ случаѣ намъ пришлось бы отказаться отъ утвержденнаго вѣками критической разработки довѣрія къ источникамъ греческой исторіи вообще. Невозможно также предположить, что до Геродота никто не далъ себѣ труда записать подробности борьбы, рѣшившей споръ между греческимъ и варварскимъ міромъ, особливо если примемъ мнѣніе самого Нибура, утверждающаго, что Геродотъ началъ писать свое твореніе въ первое десятилѣтіе пелопоннесской войны, слѣдовательно около 70-ти лѣтъ послѣ мараѳонской битвы и около 60-ти послѣ платейской. Впрочемъ въ лекціяхъ своихъ 1826 ода Нибуръ упоминалъ о Харонѣ лампсакскомъ, который написалъ двѣ не дошедшія до насъ книги о персидскихъ войнахъ и былъ пред-

шественникомъ Геродота. Предположеніе Нибура о подложности этого сочиненія, которое могло, по его словамъ, появиться вмѣстѣ съ безчисленнымъ множествомъ подобныхъ произведеній въ александрійскую эпоху, не имѣетъ рѣшительно основанія. Мы не имѣемъ также никакого права принимать утраченную поэму Херила Самосскаго за одинъ изъ источниковъ Геродота. Херилъ, какъ доказано всѣми новѣйшими изслѣдованіями, былъ моложе отца исторіи, могъ отъ него заимствовать историческія данныя для задуманнаго поэтическаго труда и никакъ не могъ служить образцомъ или путеводителемъ Геродоту.

Трудно также сказать, почему именно Нибуръ думаетъ, что находящееся въ VII книгѣ Геродота исчисленіе племенъ, составлявшихъ войско Ксеркса, и описаніе ихъ оружія заимствованы историкомъ цѣликомъ у Херила. Скорѣе можно сдѣлать обратное заключеніе. Описаніе оружія въ особенности кажется Нибуру нелѣпымъ и вовсе несогласнымъ съ тѣмъ, что̀ мы знаемъ о древней Азіи. Смѣемъ думать, что великій творецъ «Римской Исторіи» произнесъ это обвиненіе на Геродота въ минуту критическаго увлеченія, если позволено такъ выразиться. Пестрый составъ персидскаго войска, въ которое входили дружины почти всѣхъ азіятскихъ и нѣкоторыхъ африканскихъ народовъ объясняетъ разнообразіе оружій. На Мараѳонскомъ полѣ найдены были стрѣлы съ завостренными камнями въ родѣ тѣхъ, какія употребляютъ дикари Тихаго океана. Стрѣлы эти лежали въ землѣ рядомъ съ металлическимъ оружіемъ, обличавшимъ совсѣмъ другую степень цивилизаціи. Если между падшими при Мараѳонѣ ратниками Датиса и Артаферна находились дикари, незнакомые съ употребленіемъ металловъ, то какъ можемъ мы удивиться разнообразію одеждъ и вооруженій въ войскѣ Ксеркса, которое далеко превосходило и числомъ и составомъ войско, бывшее подъ Мараѳономъ? По словамъ Геродота, въ ополченіи, которому Ксерксъ дѣлалъ смотръ на Дорискской долинѣ, было 46 различныхъ племенъ. Безпристрастный читатель найдетъ въ наружномъ описаніи этихъ племенъ много любопытнаго, очень мало неправдоподобнаго и ничего безобразно-нелѣпаго (fratzenhaftes). Напротивъ самое разнообразіе одежды и оружія превосходно характеризуетъ не только войско, но самое государство, которому служили рядомъ Ливіецъ, употреблявшій вмѣсто копья обожженный съ конца колъ, кочевой Сагартъ, вооруженный однимъ кинжаломъ, да арканомъ въ родѣ южно-американскаго лассо, и мало-азіятскій Грекъ, облеченный въ блестящій, но тяжелый доспѣхъ, котораго отдѣлка могла быть достаточнымъ доказательствомъ его умственнаго превосходства надъ другими соратниками. Мы оставимъ въ сторонѣ вопросъ о недостовѣрности

Геродотовыхъ извѣстій относительно числа Ксерксовыхъ воиновъ; вопросъ этотъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, надъ которыми историку не зачѣмъ долго останавливаться. Ясно, что цифры Геродотовы невѣрны, но какое средство поправить его ошибку? Өукидидъ, едва ли не самый точный и положительный историкъ древняго міра, былъ не въ состояніи опредѣлить число Грековъ, сражавшихся при Мантинеѣ. Какъ же можно требовать вѣрныхъ цифръ отъ Геродота, особливо когда дѣло идетъ о войскѣ, число котораго, вѣроятно, не было извѣстно самому персидскому царю? Греческому историку не оставалось ничего другаго, какъ только собрать слухи, ходившіе о безчисленномъ множествѣ враговъ, и внести собранныя имъ извѣстія въ свою книгу. Вообще Востокъ мало дорожитъ вѣрностью въ статистическихъ данныхъ и мало объ нихъ заботится; едва ли когда-либо была съ точностію опредѣлена числительная сила большой азіятской арміи. Гротъ приводитъ по этому же поводу весьма любопытное мѣсто изъ записокъ барона Тота. Во время войны Русскихъ съ Турками въ 1770 году, когда турецкая армія стояла у Бабадага, близъ Балканскихъ горъ, великій визирь потребовалъ къ себѣ барона Тота и спросилъ у него: какъ велика числомъ турецкая армія? Тотъ отвѣчалъ, что не знаетъ, и что въ случаѣ надобности онъ самъ бы обратился къ визирю съ этимъ вопросомъ. Визирь сказалъ прямо, что ему совершенно неизвѣстно число ввѣренныхъ ему войскъ. —Откуда же мнѣ знать то, что̀ вамъ неизвѣстно? отвѣчалъ Тотъ.—Изъ австрійскихъ газетъ; вѣдь вы ихъ читаете, — сказалъ великій визирь.

Съ другой стороны нельзя не согласиться, что въ Геродотовыхъ разсказахъ о Ксерксовомъ походѣ есть многое, чего теперь, при недостаткѣ другихъ свидѣтельствъ, невозможно понять или объяснить. Огромное превосходство персидскаго флота надъ греческимъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Почему же Ксерксъ не отрядилъ часть этого флота для разоренія береговъ пелопоннесскихъ? Выгоды такой мѣры были очевидны и не требовали глубокихъ соображеній. Вообще во всѣхъ дѣйствіяхъ персидскаго флота есть что-то непонятное; онъ рѣшительно не пользуется своимъ числительнымъ перевѣсомъ и сражается съ Греками при постоянно-неблагопріятныхъ для себя условіяхъ, въ узкихъ проливахъ, гдѣ Греки не могли быть обойдены съ фланговъ, а Персамъ невозможно было развернуть всей своей боевой линіи. То же самое можно замѣтить и о сухопутномъ войскѣ Ксеркса. Оно дѣйствуетъ съ какою-то осторожностію, похожею на робость, непостижимую при такихъ силахъ. Разоривъ Аѳины, Персы оставили въ покоѣ Элевсинъ, лежащій отъ Аѳинъ на разстояніи какихъ-нибудь че-

тырехъ нѣмецкихъ миль. Конница персидская, составлявшая, по всей вѣроятности, лучшую часть арміи, и которой нечего было бояться встрѣчи съ врагами, потому что у Грековъ почти вовсе не было конницы, не предпринимаетъ однако ничего рѣшительнаго и не ходитъ далѣе Ѳріасійскаго поля, сколько намъ извѣстно. На Мегару, граничащую съ Аттикой, Персы не сдѣлали даже и покушенія. Какимъ образомъ все населеніе Аттики могло найдти пристанище и достаточное продовольствіе на небольшомъ островѣ Саламинѣ и въ Трезенѣ? Всѣ эти вопросы, предложенные Нибуромъ, остаются и, вѣроятно, навсегда останутся нерѣшенными. Многое, но не все, объясняется робкимъ характеромъ Ксеркса и его неопытностію въ военномъ дѣлѣ.

Превосходно характеризуетъ Нибуръ дѣятельность Ѳемистокла, который, по его справедливому замѣчанію, не оцѣненъ еще надлежащимъ образомъ. Онъ является намъ не съ столь опредѣленными чертами, какъ напримѣръ Периклъ или Демосѳенъ. Но Ѳукидидъ питалъ къ нему глубочайшее уваженіе и вполнѣ сознавалъ важность совершенныхъ имъ подвиговъ и оказанныхъ заслугъ. Кому, какъ не Ѳемистоклу, обязаны Аѳины флотомъ, укрѣпленіемъ гавани и города, успѣшнымъ исходомъ персидской войны и главными основами своего будущаго величія? Къ сожалѣнію, не всѣ планы Ѳемистокла были исполнены. По отступленіи Персовъ, онъ хотѣлъ оставить совершенно разоренныя ими Аѳины и выстроить новый городъ въ Піреѣ. Новыя, придвинутыя къ самому морю, Аѳины представили бы болѣе удобствъ торговому населенію, и легче была бы защита противъ врага. Аѳиняне изъ благоговѣйной привязанности къ мѣсту, гдѣ жили ихъ предки, гдѣ стоялъ храмъ Аѳины-Поліады и Эрехѳея и т. д., отвергли совѣтъ Ѳемистокла и, конечно, горько каялись въ этомъ, когда Лисандръ явился передъ ихъ городомъ. Ѳемистоклъ опредѣлилъ отношенія иностранцевъ въ Аѳинахъ, доставилъ метёкамъ не только выгодное и болѣе прочное положеніе, но даже открылъ имъ возможность къ достиженію гражданства въ Аѳинахъ. Еслибы его идеи получили дальнѣйшее развитіе въ эпоху аѳинской гегемоніи, то, конечно, союзники не поддались бы такъ легко обѣщаніямъ Спарты. Главною причиной ихъ отложенія была политическая исключительность Аѳинянъ, не хотѣвшихъ дѣлиться съ союзными городами своимъ гражданствомъ. Это было уже замѣчено и древними. Мѣра, принятая Ѳемистокломъ относительно метёковъ, доставила опустошенному городу въ самомъ скоромъ времени населеніе, далеко превышавшее то, которое во время персидскаго нашествія принуждено было искать убѣжища на островѣ Саламинѣ.

«Обыкновенно, продолжаетъ Нибуръ, Ѳемистоклу противопостав-

ляютъ Аристида, какъ мужа добродѣтельнаго человѣку искусному и ловкому, чрезъ что у послѣдняго нѣкоторымъ образомъ отрицаеття добродѣтель, и онъ самъ является какимъ-то грѣшникомъ. Настоящая причина этого мнѣнія заключается въ необычайномъ величіи Θемистокла, вызвавшемъ зависть. Согласно съ исходящимъ изъ сущности полиθеисма воззрѣніемъ (τὸ θεῖον φθονερόν), самые боги завистливыми глазами смотрѣли на счастіе Поликрата. Это понятно. Греческіе боги смотрятъ недовѣрчиво на возвышенныя стремленія человѣчества, потому что эти стремленія слишкомъ приближаютъ къ нимъ человѣка. Такая идея лежитъ въ основѣ полиθеисма и античныхъ воззрѣній на прошедшее и настоящее. φθόνος, недоброжелательство боговъ къ человѣку, проходитъ черезъ всю исторію.

«Большинство съ трудомъ выноситъ все великое и прекрасное и, чтобы отдѣлаться отъ этого тяжелаго для него чувства, оно заботливо ищетъ слабостей и недостатковъ великихъ людей. Не изъ искренняго уваженія къ добродѣтели, а для того, чтобы унизить умственное величіе, мелкія души противопоставляютъ великому мужу, не лишенному впрочемъ нравственной чистоты, другаго, у котораго эта нравственная чистота является дѣйствительнымъ, но притомъ исключительнымъ свойствомъ. Рѣдко оправдываются слова Горація: virtutem incolumem odimus, sublatam ex oculis quaerimus invidi; обыкновенно ограниченная честность и отрѣшенная отъ генія нравственность высоко цѣнятся даже послѣ смерти, какъ будто только подъ такимъ условіемъ могутъ существовать эти качества во всей полнотѣ своей. Люди, въ которыхъ нѣтъ ничего чистаго, радуются возможности славить добродѣтель, именно тамъ, гдѣ она не опирается на высокій разумъ. Такая зависть имѣла большое вліяніе на сужденіе о Θемистоклѣ и Аристидѣ. Я прошу не обвинять меня въ намѣреніи снять съ Аристида вѣнецъ его славы. Я вѣрю всѣмъ похваламъ, которыя ему воздаются; я вѣрю, что его добродѣтель вполнѣ заслужила то уваженіе, которое питала къ нему древность; но я возражаю противъ тѣхъ сравненій, въ которыхъ онъ почти всегда возвышается на счетъ Θемистокла. Θемистоклъ выше. Для друзей Аристида, для всѣхъ, его видѣвшихъ и знавшихъ чистоту его мнѣній, жизнь его имѣла безконечное значеніе, но Θемистоклъ несравненно болѣе сдѣлалъ для спасенія и величія родины. — Вообще объ Аристидѣ думаютъ, что онъ былъ очень бѣденъ, но это несправедливо. Уже Димитрій Фалерскій основательно замѣтилъ, что Аристидъ никакъ не могъ быть бѣденъ, потому что онъ былъ архонтомъ эпонимомъ, слѣдовательно принадлежалъ къ самому богатому классу гражданъ, то-есть къ πεντακοσιομέδιμνοι, потому что въ его время эту

должность могли занимать только пентакосіомедимны, которые всѣ были эвпатриды; это былъ еще листокъ изъ вѣнца эвпатридовъ. Всѣ толки о бѣдности Аристида произошли отъ того, что по смерти его республика дала приданое его дочери. Мы видимъ здѣсь то же самое отношеніе, какъ и при общественныхъ погребеніяхъ великихъ Римлянъ, напримѣръ Валерія Публиколы: отсюда также вывели заключеніе, что люди, которыхъ погребали на свой счетъ *plebes*, а иногда *plebes* и *curiae* вмѣстѣ, умирали въ крайней бѣдности. Новые писатели пошли еще далѣе: они вообразили себѣ, что Валерій Публикола умеръ нѣкоторымъ образомъ въ богадѣльнѣ. Такое участіе республики было не бездѣлица, потому что въ Римѣ большія похороны обходились очень дорого, и когда сенатъ и народъ принимали на себя издержки, то они оказывали почесть покойнику и услугу его наслѣдникамъ.

«Нельзя при этомъ случаѣ не отдать должной справедливости благородной воспріемлемости Аѳинскаго народа ко всѣмъ великимъ и патріотическимъ идеямъ. Когда Ѳемистоклъ предложилъ употребить на постройку флота принадлежавшіе всѣмъ гражданамъ доходы съ серебряныхъ рудниковъ, предложеніе его было тотчасъ принято. А между тѣмъ бо́льшая часть тогдашнихъ Аѳинянъ едва добывали себѣ насущный хлѣбъ и, конечно, лишались многаго, жертвуя государству своею скромною долей доходовъ съ рудниковъ. Впрочемъ такія черты не рѣдки въ аѳинской исторіи! величайшіе люди Аѳинъ — Ѳемистоклъ, Периклъ и Демосѳенъ — хорошо знали эту сторону національнаго характера и умѣли на нее дѣйствовать въ видахъ общей пользы.»

Нибуръ вполнѣ убѣжденъ въ совершенной невинности Ѳемистокла. Онъ приписываетъ его изгнаніе ненависти Спарты, которая не могла ему простить аѳинскихъ укрѣпленій и вообще заслугъ его Аѳинамъ; къ тому же въ самихъ Аѳинахъ противъ Ѳемистокла образовалась сильная аристократическая партія, во главѣ которой стоялъ сынъ Мильтіада, Кимонъ, временно затмившій Ѳемистокла, который не былъ полководцемъ, славою своихъ воинскихъ подвиговъ, въ особенности побѣдою при Эвримедонтѣ. Трудно себѣ представить, какихъ цѣлей могъ достигнуть Ѳемистоклъ, участвуя въ преступныхъ замыслахъ Павсанія, раскрывшаго впервые предъ лицемъ всей Греціи темную сторону спартанскаго характера. Извѣстно, какіе слухи ходили въ древности о самоубійствѣ Ѳемистокла и о причинахъ, побудившихъ его къ такому поступку. Въ время Аристофана уже господствовало убѣжденіе, что Ѳемистоклъ предалъ себя смерти, дабы избавиться отъ необходимости служить персидскому царю, осыпавшему его благодѣяніями, противъ своихъ соотечественниковъ: слѣдовательно мнѣніе ближайшаго потом-

ства уже было на сторонѣ великаго гражданина, падшаго жертвою несправедливости современниковъ. Самый родъ смерти, избранный Ѳемистокломъ и вызвавшій справедливое сомнѣніе, объясняется слѣдующимъ образомъ Нибуромъ. «Конечно, говоритъ онъ, Ѳемистоклъ не могъ отравить себя бычачьею кровью, потому что кровь четвероногихъ не ядовита. Но сто лѣтъ тому назадъ синильная кислота добывалась у насъ изъ крови. Почему же не допустить, что древніе, о химическихъ свѣдѣніяхъ которыхъ мы слишкомъ низко думаемъ, знали, хотя и не вполнѣ, средство извлекать изъ крови самый смертельный изъ всѣхъ ядовъ? Если у этого препарата не было никакого особеннаго имени, то его могли за-просто называть бычачьею кровью.» Вообще Нибуръ безпрестанно нападаетъ на господствующее еще въ наше время представленіе о состояніи отдѣльныхъ наукъ и искусствъ въ древнемъ мірѣ. Приводимъ слѣдующія слова, сказанныя по поводу Кимоновыхъ побѣдъ надъ Персами. «Я давно уже замѣтилъ, что мореплаваніе, морская тактика древнихъ и устройство ихъ галеръ подвергаются слишкомъ презрительнымъ отзывамъ. Галеры должно представлять себѣ, какъ нѣчто, соотвѣтствующее нашимъ пароходамъ. Главная цѣль была одна и та же: возможность независимаго отъ вѣтра плаванія. Устройство древней галеры весьма было похоже на устройство пароходовъ; мѣсто нынѣшнихъ машинъ занимали человѣческія руки, которыя сообщали судну силу, необходимую для плаванія противъ вѣтровъ и теченій. Галеры были весьма легкія суда, назначенныя для скораго бѣга, съ какъ можно меньшею массою, дабы движущая сила находилась какъ можно въ бо́льшемъ отношеніи къ этой массѣ. Въ своемъ родѣ онѣ представляли нѣчто ужасное. На случай благопріятнаго вѣтра, на нихъ, какъ и на пароходахъ, имѣлось небольшое число парусовъ.»

Жалобы, вызванныя гегемоніею Аѳинъ, были отчасти справедливы. Нигдѣ эти отношенія не изложены съ такимъ высокимъ безпристрастіемъ и съ такою вѣрностію, какъ у Ѳукидида. Но Ѳукидидъ не во всемъ оправдываетъ союзниковъ, почти добровольно, въ слѣдствіе собственнаго равнодушія къ общему дѣлу Греціи, подпавшихъ подъ владычество Аѳинъ. Требованія ихъ не всегда были справедливы, ибо большею частію основаны были на ариѳметическомъ расчетѣ. Жители Наксоса и Пароса разсуждали напримѣръ такимъ образомъ: «Въ Аѳинахъ 20,000 гражданъ, у насъ 5,000, наши отношенія слѣдовательно какъ 4 : 1; за то если у всѣхъ союзниковъ 100,000 гражданъ, то Аѳинамъ принадлежитъ только пятая часть власти.» Нибуръ справедливо вооружается противъ такого чисто внѣшняго и, по его словамъ, презрѣннаго способа опредѣлять взаимныя отношенія членовъ политиче-

скаго союза. Не числомъ своихъ граждапъ и не однимъ флотомъ завоевали Аѳины то высокое положеніе, которое онъ занимали въ Греціи, и котораго законность не оспариваетъ у нихъ всеобщая исторія.

Самыя гордыя надежды Ѳемистокла на будущее величіе роднаго города были не только оправданы, но и превзойдены въ эпоху Перикла. Мы смѣло можемъ назвать эту эпоху самымъ свѣтлымъ пунктомъ древней исторіи. Да и вообще едва ли какой народъ достигалъ такого гармоническаго и всесторонняго развитія своихъ силъ, какого достигли тогда Аѳиняне. Образованность, которая обыкновенно бываетъ принадлежностію немногихъ, поставленныхъ въ особенно выгодное положеніе, гражданъ, была въ Аѳинахъ доступна всѣмъ и каждому и сдѣлалась общимъ достояніемъ. Воспитаніе Аѳинянина совершалось жизнію, а не въ школѣ. Онъ могъ обойдтись безъ грамотности и, несмотря на то, стать на ряду съ самыми просвѣщенными людьми своего времени, потому что жилъ въ такой умственной средѣ, которой вліяніе было неотразимо. Гласъ его привыкалъ съ дѣтства къ изящнымъ формамъ пластической красоты, его со всѣхъ сторонъ окружавшей въ памятникахъ искусства; сужденіе его изощрялось постояннымъ участіемъ въ судебныхъ и политическихъ преніяхъ, въ которыхъ расточали свое краснорѣчіе величайшіе ораторы Греціи; происходившія подъ открытымъ небомъ, приглашавшія всѣхъ къ участію, бесѣды философовъ, непрерывные толки объ искусствѣ, составлявшемъ одинъ изъ главныхъ интересовъ общественной жизни, наконецъ дѣйствія драматическихъ представленій, которыя имѣли цѣлію не простую забаву, а соединенное съ эстетическимъ наслажденіемъ назиданіе, довершали умственное развитіе Аѳинянина, которому обстоятельства отказали въ возможности учиться въ молодости. Одна способность чувствовать красоты Эсхиловыхъ или Софокловыхъ трагедій свидѣтельствуетъ о высокомъ просвѣщеніи и строгомъ вкусѣ Аѳинянъ того времени. Имъ не нужно было сложной завязки, хитро веденной интриги, однимъ словомъ тѣхъ средствъ, къ которымъ принуждены бываютъ прибѣгать величайшіе драматическіе писатели для возбужденія любопытства въ своихъ зрителяхъ. Ко всему сказанному, къ необыкновенной воспріемлемости богато одареннаго природою южнаго племени, надобно прибавить историческія обстоятельства, въ высшей степени благопріятныя. Аѳины были торговое и промышленное государство; ихъ жители предавались самой разнообразной дѣятельности, но въ итогѣ у аѳинскаго гражданина было несравненно болѣе досуга, нежели у живущаго такимъ же трудомъ человѣка нашего времени. Причина этого явленія заключается въ условіяхъ частной жизни, далеко на столь сложной, какъ наша. Жена и рабы снимали съ аѳин-

скаго гражданина бо́льшую часть домашнихъ заботъ. Дома онъ жилъ мало. Вся его дѣятельность, какъ общественная, такъ и частная, проходила подъ открытымъ небомъ, въ постоянномъ обмѣнѣ мыслей и впечатлѣній съ другими согражданами. Такой бытъ неминуемо усиливалъ вліяніе значительныхъ личностей, которыя со всѣхъ концовъ греческаго міра собирались въ Аѳины. Со временъ Перикла Аѳины дѣлаются средоточіемъ гелленской умственной жизни. Остальная Греція обѣдняла великими художниками, которые шли за вѣнцами своими въ единственный городъ, который давалъ и утверждалъ права на славу. Въ Коринѳѣ еще процвѣтала техническая часть искусства; но высшее, духовное начало развивалось въ Аѳинахъ, по словамъ Нибура. Богатство, естественное слѣдствіе торговли и промышленности, еще не находило приложенія къ цѣлямъ частной жизни, сохранившей до Пелопоннесской войны прежнюю простоту свою. За то аѳинскіе богачи гордились красотою оснащенныхъ ими на свой счетъ государственныхъ галеръ, великолѣпіемъ хоровъ, выставленныхъ ими для драматическихъ представленій, и другими обязательными приношеніями (λειτουργίαι), которыя въ эпоху, нами описываемую, еще не считались тягостными, но служили доказательствомъ почетнаго положенія въ республикѣ.

Конечно, не Периклъ вызвалъ къ жизни всѣ изящныя и великія явленія, которыя въ совокупности означаются его именемъ, но онъ стоялъ въ средоточіи этихъ явленій, и болѣе нежели кто-либо сознавалъ ихъ значеніе. Власть его основана была на безпримѣрномъ дарѣ сообщать свои убѣжденія другимъ и на дѣйствительныхъ дарованіяхъ государственнаго мужа. По образованію, по объему идей, онъ стоитъ даже выше Ѳемистокла.

Отдавая справедливость великимъ качествамъ Перикла, Нибуръ произноситъ довольно строгій приговоръ надъ нѣкоторыми измѣненіями, которыя онъ произвелъ въ системѣ аѳинскихъ государственныхъ учрежденій. Система эта намъ далеко не вполнѣ извѣстна. Къ числу самыхъ темныхъ вопросовъ принадлежитъ вопросъ о значеніи ареопага. Что власть ареопаха не была опредѣлена положительно, это не подлежитъ сомнѣнію. Быть-можетъ законодатель съ намѣреніемъ допустилъ такую неопредѣленность, дабы не внушая излишнихъ опасеній усиливавшемуся демосу, сохранить въ государствѣ сильное, на охранительномъ началѣ основанное, учрежденіе, которое могло оказать великія услуги въ критическія минуты народной жизни. Нибуръ полагаетъ, что во время персидскихъ войнъ ареопагъ пользовался неограниченною властію, соотвѣтствовавшею римской диктатурѣ. Мы оставляемъ это мнѣніе на отвѣтственности великаго историка. Извѣстно, что при Периклѣ, по предложенію друга

его Эфіалта, судебная власть ареопага была значительно ограничена. Но въ чемъ собственно состояло это ограниченіе, мы достовѣрно не знаемъ.

«Периклъ и Эфіалтъ заботились объ усиленіи народнаго собранія. Объ нихъ обоихъ можно сказать, что они не знали, что̀ дѣлали, потому что они безспорно повредили республикѣ. Гдѣ обращеніе крови совершается съ такою быстротою, какъ въ Аѳинскомъ народѣ, тамъ не для чего ускорять пульсъ; лучше внести какія-нибудь замедленія въ ходъ дѣлъ, потому что застоя нечего бояться. Эѳіалтъ былъ, безъ сомнѣнія, вполнѣ честный человѣкъ, его нельзя упрекнуть ни въ эгоизмѣ, ни въ честолюбіи; но, по моему мнѣнію, такое обвиненіе падаетъ на Перикла, котораго я ни въ какомъ случаѣ не могу оправдать. Периклъ сознавалъ свое вліяніе на народъ, который жилъ его жизнію; его убѣжденія, высказанныя имъ умно и съ жаромъ, проникали въ душу народа. Всѣ его предложенія принимались. Отношеніе его къ ареопагу было совсѣмъ другое. Слово Перикла не имѣло бы такого могущества, еслибы ему пришлось говорить предъ ограниченнымъ, по числу членовъ, собраніемъ ареопага. Онъ вообще не имѣлъ возможности высказать передъ ареопагомъ своего мнѣнія, потому что не засѣдалъ въ немъ и не имѣлъ надежды вступить въ него съ тѣхъ поръ, какъ званіе архонта перестало быть избирательнымъ. Еслибы нововводители не замѣнили избранія жребіемъ, то Периклъ могъ бы сдѣлаться эпонимомъ, вступить въ ареопагъ и даже подчинить его себѣ. Теперь ему пришлось употребить другія средства.—Ареопагъ представляетъ замѣчательный примѣръ того, что̀ называется esprit de corps, въ лучшемъ смыслѣ этого выраженія. Такой esprit de corps существовалъ до Французской революціи, въ парижскомъ парламентѣ, котораго члены передавали другъ другу достоинство и независимость, отражавшіяся на всемъ ихъ образѣ жизни. Легкомысленный членъ парламента былъ презираемъ даже такими людьми, которые охотно мирились съ легкомысліемъ всего остальнаго міра. Такимъ же наслѣдственно передающимся духомъ отличаются члены извѣстныхъ фамилій въ Англіи; онъ составляетъ сущность, основу, на которой держатся государственныя учрежденія, замѣняя внутреннимъ побужденіемъ отсутствіе прекратившагося внѣшняго принужденія. Въ такихъ государствахъ, какъ Англія, политическія мнѣнія существуютъ неизмѣнно въ отдѣльныхъ семействахъ въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій. Какой-нибудь Россель, измѣнившій вигамъ и перешедшій на сторону торизма, былъ бы чудовищнымъ явленіемъ. Это настоящая и благотворная аристократія. У ареопага былъ также свой духъ: легкомысленный, презрѣнный человѣкъ, по словамъ, сказаннымъ Исократомъ въ эпоху общаго разло-

женія, вступая въ ареопагъ, долженъ по необходимости измѣниться, принять другой образъ мысли. Поэтому ареопагъ былъ превосходнымъ учрежденіемъ. Онъ состоялъ изъ выбывшихъ изъ должности архонтовъ, которые засѣдали въ немъ во все продолженіе остальной жизни своей. Но такъ какъ ареопагъ былъ представителемъ охранительныхъ началъ, выраженіемъ разума въ республикѣ, то поступленію въ него должно было предшествовать испытаніе, особливо съ тѣхъ поръ, какъ архонты стали избираться по жребію; иначе онъ обратился бы во вздорное учрежденіе. Всякій, избранный по жребію, архонтъ обязанъ былъ выдержать испытаніе въ чистотѣ жизни (δοκιμασία) предъ вступленіемъ въ должность; потомъ, сложивъ съ себя званіе архонта, при переходѣ въ ареопагъ онъ подвергался вторичному испытанію. Такъ поступали италіянскіе города среднихъ вѣковъ съ своими подеста̀. Периклъ и Эфіалтъ унизили могущество этого судилища, по словамъ Аристотеля, глубочайшаго знатока отдѣльныхъ государственныхъ учрежденій.» (II, стр, 29 — 32).

Трудно впрочемъ предположить, чтобы судилище, пополнявшееся, какъ видимъ, по жребію, а не по избранію, могло быть проникнуто до такой степени однимъ и тѣмъ же духомъ, какъ говоритъ Нибуръ. Случай могъ ввести въ ареопагъ членовъ недостойныхъ, которые никакъ не получили бы доступа къ нему, еслибы прежнее избраніе осталось въ силѣ. Съ другой стороны, непонятно, почему Периклъ долженъ былъ отказаться отъ надежды быть архонтомъ и потомъ членомъ ареопага. Еслибы онъ дѣйствительно домогался этихъ почестей, то, вѣроятно, достигъ бы ихъ и по жребію. Преобразованіе ареопага представляло болѣе трудностей.

Справедливѣе намъ кажутся другія замѣчанія Нибура. Онъ оправдываетъ Перикла въ допущеніи бѣдныхъ классовъ Аѳинскаго народа къ участію въ богатствахъ республики, достигнувшей высшей степени благосостоянія и получавшей огромные доходы. Не хорошъ былъ, по мнѣнію Нибура, только способъ, употребленный Перикломъ, то-есть плата за участіе въ народныхъ и судебныхъ собраніяхъ. Но здѣсь, кажется, у Перикла была еще другая цѣль: онъ хотѣлъ доставить бѣднѣйшему Аѳинянину возможность пользоваться своими правами и воспитать его для жизни вполнѣ гражданской. Въ этомъ заключается различіе между законами Перикла и римскими leges frumentariae, которыя Нибуръ съ ними сравниваетъ. Вождь аѳинскаго демоса имѣлъ въ виду не одно утоленіе голода бѣдныхъ классовъ, но и умственное ихъ развитіе. Его мѣры нѣкоторымъ образомъ соотвѣтствовали мѣрамъ новыхъ правительствъ касательно народнаго просвѣщенія. Впрочемъ

при избыткѣ населенія, которымъ уже начинали страдать Аттика и вся остальная Греція, при закрывшейся возможности высылать колоніи въ прежнихъ размѣрахъ, Периклъ могъ еще имѣть въ виду предупрежденіе государственныхъ переворотовъ.

Пелопоннесскою войной кончилось кратковременное, но принесшее плодъ для всей дальнѣйшей исторіи человѣчества, процвѣтаніе греческой жизни. Война эта носитъ на себѣ особенный характеръ разрушенія: у враждовавшихъ сторонъ не было опредѣленной, ясно обозначенной цѣли. Споръ могъ слѣдовательно кончиться только совершенною побѣдою одной и уничтоженіемъ другой. Но и побѣдителямъ дорого обошлось торжество: proprium periculum fecerunt, qui vicerunt.

«Цвѣтущее состояніе Греціи предъ Пелопоннесскою войной относится къ послѣдующему временита, къ какъ Германія предъ Тридцатилѣтнею войною — къ Германіи послѣ Тридцатилѣтней войны, или Италія до нашествія Французовъ при Карлѣ VIII — къ Италіи послѣ этого нашествія. Это можно сказать не только о нравственныхъ и духовныхъ отношеніяхъ, но и о разореніи страны, хотя съ этой стороны Греція менѣе пострадала (?). Юношескій возрастъ Греціи кончился рано, вмѣстѣ съ эпическими и первыми лирическими поэтами; Пелопоннесскою войною замыкается свѣжая пора зрѣлаго возраста. Сравнивая даже Демосѳена, одного изъ величайшихъ умовъ, являвшихся въ исторіи, почти одиноко стоящаго между своими современниками, съ людьми, жившими до Пелопоннесской войны, мы найдемъ, что поэзія уже исчезла. Она не долго сохранилась въ жизни послѣ паденія Аѳинъ, какъ отраженный горами блескъ заходящаго солнца. Въ вѣкъ Августа люди, которыхъ молодость совпадаетъ съ междоусобными войнами и битвою при Акціумѣ, совершили, по водвореніи относительной тишины и спокойствія, безсмертные труды, но труды эти, по происхожденію своему, принадлежатъ прошедшему. То же самое можно сказать о Пелопоннесской войнѣ, въ приложеніи ко всей литературѣ и къ цѣлому складу жизни. За движеніемъ, вызваннымъ Пелопоннесскою войною, слѣдуетъ общая усталость; какъ во Франціи черезъ 10-ть лѣтъ послѣ начала революціи прекращаются всѣ стремленія къ созданію новыхъ формъ, останавливаются умственная производительность и предпріимчивость, такъ и въ Греціи все было утомлено и хило. Мечтанія и надежды были истощены и изношены. Война началась съ большею свѣжестію силъ; многое въ жизни и искусствѣ уже достигло высшей степени развитія; многое приближалось къ этой степени. Трагедія еще до войны стояла такъ высоко, что не могла уже выше подняться; значительнѣйшія драмы явились, правда, въ самые годы войны, но онѣ

суть плоды предыдущаго развитія. Въ комедіи было много безыменныхъ мастеровъ: величайшій между ними Аристофанъ. Но въ трагедіи съ Софокломъ некого сравнить. Ходъ образовательныхъ искусствъ былъ другой: они шли впередъ и во время войны и послѣ, и достигли такой оконченности, тонкости и красоты, о которыхъ прежде не имѣли понятія. Къ тому же времени принадлежитъ образованіе и развитіе прозы, которая дотолѣ не существовала, какъ искусство. Могущество и богатство Греціи были истреблены войною. До 431 года Греція была цвѣтущею страной, но богатство ея истощилось и даже области, не испытавшія разоренія, потерпѣли сильные удары вслѣдствіе напряженій и поборовъ Спарты. Къ этому присоединилось глубокое нравственное огрубѣніе, общее разложеніе; чувства ненависти и озлобленія окрѣпли; чувства довѣрія и расположенія къ ближнимъ вымерли. Вмѣстѣ съ ними погибло невозвратно юношеское воззрѣніе на будущее время. Люди несли жизнь, какъ долгъ; жили безъ радостей, безъ надеждъ на нѣчто лучшее, свѣтлое, на исполненіе мечтаній и замысловъ.»

«Пелопоннесская война есть самая безсмертная изъ всѣхъ войнъ, потому что она обрѣла величайшаго историка изъ всѣхъ, доселѣ существовавшихъ. Ѳукидидъ достигнулъ высшаго доступнаго историку совершенства, касательно твердости, ясности и живаго изложенія. Въ послѣднемъ отношеніи съ нимъ, можетъ-быть, сравнился бы Тацитъ, еслибы до насъ дошли утраченныя книги его исторіи: въ тѣхъ, которыя сохранились, онъ еще не является намъ очевидцемъ и участникомъ въ событіяхъ, подобно Ѳукидиду. У Тацита нѣтъ такой непринужденности и наглядности. Ѳукидидъ пишетъ такъ, какъ будто онъ еще присутствуетъ при описываемомъ и видитъ его своими глазами. Въ этомъ онъ неподражаемъ; вѣроятно въ послѣднихъ книгахъ Ливія была такая же наглядность, хотя въ другомъ родѣ. Мы находимъ ее также въ рѣчахъ у Саллюстія. Можетъ-быть, она была и въ утраченныхъ книгахъ его. Прежнія порицанія Ѳукидида безсмысленны: у него и у Демосѳена каждое слово тяжело вѣситъ.» О Ксенофонтѣ Нибуръ отзывается очень строго: онъ находитъ, что Ксенофонтъ относится къ Ѳукидиду, какъ Глеймъ къ Гёте. «Его исторія никуда не годится: она написана лживо, нерадиво, на скорую руку.» Не безъ причины удивляется Нибуръ Ксенофонтову пристрастію къ Спартѣ въ виду несчастій, которыя ея гегемонія навлекла на Грецію.

Прекрасно характеризуетъ Нибуръ послѣдніе годы Перикловой жизни, совпадающей съ началомъ Пелопоннесской войны. «Достовѣрно, говоритъ онъ, что Периклъ сдѣлался предметомъ многочисленныхъ нападеній; это объясняется обстоятельствами. По происхожденію онъ

принадлежалъ къ аристократіи; по наклонностямъ и убѣжденію онъ стоялъ за демосъ и старался укрѣпить его. Но такъ какъ онъ окончательно разорвалъ прежнія, еще до него ослабленныя, связи, существовавшія въ государствѣ, то порядокъ вещей, имъ созданный, не могъ быть органическимъ. Его правленіе не было творческое, органически развивающее, но чисто личное: благоденствіе и вліяніе Аѳинъ зависѣли отъ его лица; это была счастливая анархія подъ вліяніемъ великаго человѣка. Для будущаго не было создано ничего крѣпкаго. Но кто знаетъ, падетъ ли вина такого опущенія на великаго мужа? кто можетъ утвердительно сказать, что въ этомъ ходѣ вещей не было необходимости? Часто за счастливѣйшею эпохою слѣдуетъ неизбѣжно время упадка; счастіе отдѣльныхъ лицъ или поколѣній ведетъ за собою упадокъ цѣлаго. При Периклѣ выступила наружу въ Аѳинахъ личность во всей силѣ своей. Покорность исчезла въ народѣ. Въ молодости Перикла государствомъ правили Ѳемистоклъ и Аристидъ, потомъ Ѳемистоклъ и Кимонъ, Кимонъ одинъ, наконецъ самъ Периклъ съ нѣсколько старшимъ его годами Кимономъ, и еще позже съ Ѳукидидомъ Алопекскимъ. Они составляли совокупность великихъ аѳинскихъ государственныхъ мужей. Но въ послѣдніе годы Перикла выступаетъ на сцену толпа даровитыхъ людей, которые хотятъ управлять государствомъ. У нихъ было знаніе государственнаго дѣла и извѣстная степень образованности, въ особенности риторической, которая въ молодости Перикла была исключительною принадлежностію немногихъ, подобно ему, замѣчательныхъ людей, и которою Периклъ самъ, можетъ-быть, обладалъ не въ такой высокой степени, какъ его молодые соперники. Ни у кого изъ этой толпы не было впрочемъ укрѣпленной на прочномъ основаніи системы. Весьма немногіе изъ нихъ (Алкибіадъ былъ еще очень молодъ) хотѣли вызвать къ жизни тѣни древней аристократіи; большая часть состояла изъ демагоговъ, людей честолюбивыхъ, смотрѣвшихъ на Перикла, какъ на устарѣвшаго, заслонявшаго имъ дорогу, человѣка, высокое положеніе котораго составляло предметъ желаній каждаго изъ нихъ. Такъ возникли нападки противъ Перикла, по печальному, но совершенно естественному ходу человѣческой жизни, который также повторяется въ литературѣ и наукѣ. Великіе люди пробиваютъ новые пути, но тѣ, которые обязаны имъ всѣмъ своимъ значеніемъ и существованіемъ, смотрятъ на нихъ, особливо въ смутныя времена, какъ на препятствія, мѣшающія ихъ собственному ходу. Гдѣ пульсъ народной жизни бьется медленнѣе, тамъ могутъ быть отношенія другаго рода» (II, стр. 54).

Нелѣпые толки о личныхъ причинахъ, будто бы побудившихъ Пе-

рикла къ начатію войны, не заслуживаютъ опроверженія. Оправданіе аѳинскаго государственнаго мужа находится въ безпристрастномъ разсказѣ Ѳукидида, который отнюдь не принадлежалъ къ числу его безусловныхъ почитателей. Пелопоннесская война была дѣломъ необходимости. Столкновеніе между Спартою и Аѳинами было неизбѣжно: происшествія въ Корцирѣ служили только внѣшнимъ поводомъ. Но начало войны было несчастливо для Аѳинянъ. Они, очевидно, не ожидали разоренія, которому подверглась Аттика со стороны Пелопоннесцевъ, истреблявшихъ оливковыя деревья, виноградники и вообще собственность земледѣльческаго класса. Праздное, заключенное въ стѣнахъ великаго города, населеніе смотрѣло издали на эти опустошенія и, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, сваливало вину на людей, стоявшихъ во главѣ правительства, въ особенности на Перикла. Эти жалобы усились съ появленіемъ страшнаго мора въ Аѳинахъ. Замѣчательно, что зараза, съ такою силою дѣйствовавшая въ Аттикѣ, весьма слабо обнаружилась въ Пелопоннесѣ. Извѣстно, что Нибуръ приписываетъ заразительнымъ болѣзнямъ большое историческое значеніе. По его мнѣнію, великія заразы почти всегда совпадаютъ съ эпохами упадка цивилизацій. Онѣ служатъ рубежами между отходящимъ, вымирающимъ порядкомъ вещей и зараждающимся новымъ. Читатели наши найдутъ въ «Чтеніяхъ о древней исторіи» много относящихся къ этому предмету остроумныхъ, хотя не вполнѣ доказанныхъ предположеній. Могучимъ органомъ поднявшейся противъ Перикла оппозиціи была комедія, игравшая въ общественномъ мнѣніи такую же роль, какую играютъ въ новой Европѣ политическіе журналы. Изъ комедій Аристофана видно, какія средства употребляли комическіе поэты для достиженія своихъ цѣлей. Пользуясь безграничною свободою, они не щадили ни лицъ, ни учрежденій. Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе производили на массу зрителей эти смѣлыя до цинизма выходки противъ мужей, занимавшихъ высшія должности въ республикѣ, эти недоказанныя обвиненія или, лучше сказать, клеветы, поднятыя въ грязи площадныхъ толковъ и облагороженныя изящною поэтическою формой. Аристофанъ былъ безспорно величайшій комическій поэтъ всѣхъ вѣковъ, но ссылаться на его мнѣнія о современныхъ ему дѣятеляхъ аѳинской исторіи безразсудно. Въ немъ съ особенною силой и, можно сказать, съ ожесточеніемъ отразилось мнѣніе извѣстной политической партіи, и въ этомъ смыслѣ, а не въ какомъ другомъ, его творенія могутъ служить историческимъ источникомъ.

Мы уже замѣтили выше любовь Нибура къ Аѳинамъ. Это чувство

высказывается почти на каждой страницѣ его разсказа о Пелопонесской войнѣ. Къ Спартѣ онъ рѣшительно не расположенъ, и мы вполнѣ сочувствуемъ великому историку. Спартанцы первые сообщили войнѣ тотъ жестокій характеръ, которымъ она отличается отъ всѣхъ предыдущихъ междоусобій, происходившихъ на греческой почвѣ. Прибавимъ къ этому, что жестокость Спарты была обдуманная, холодная; она истекала изъ политическаго разсчета, между тѣмъ какъ самыя темныя дѣла аѳинскаго демоса совершены были подъ вліяніемъ минутнаго увлеченія и не рѣдко вели за собою раскаяніе. Спартанцамъ вмѣняютъ въ особенное достоинство ихъ снисхожденіе къ провинившимся военачальникамъ. Строгость, которую обнаруживали Аѳиняне въ подобныхъ обстоятельствахъ, часто называютъ неблагодарностью. Но Спарта не менѣе была строга, когда дѣло шло объ упущеніи ея собственныхъ выгодъ. Она была снисходительна только въ тѣхъ случаяхъ, когда вина обращалась ко вреду другихъ. Исторія представляетъ много примѣровъ безнаказаннаго нарушенія договоровъ и оскорбленій всякаго рода, нанесенныхъ союзникамъ со стороны спартанскихъ сановниковъ. Въ доказательство того, какъ мало можно полагаться на разсказы, пущенные въ ходъ недоброжелателями Аѳинъ, Нибуръ приводитъ слѣдующій любопытный фактъ. Аѳинскій полководецъ Пахесъ оказалъ республикѣ важную услугу покореніемъ возставшей Митилены. Вмѣсто награды онъ былъ преданъ суду и предупредилъ грозившій ему приговоръ добровольною смертію. Въ такомъ видѣ дошли эти происшествія до потомства. Примѣръ Пахеса служитъ, говорятъ, разительнымъ доказательствомъ легкомыслія и несправедливости Аѳинянъ. Но въ греческой анѳологіи сохранилось стихотвореніе, показывающее совсѣмъ съ другой стороны все это дѣло. При взятіи Митилены, Пахесъ изнасиловалъ двухъ тамошнихъ благородныхъ женъ, которыя потомъ принесли на него жалобу его соотечественникамъ. Побѣдоносный полководецъ могъ разсчитывать на ненависть Аѳинянъ противъ глубоко ихъ оскорбившихъ Митиленцевъ, но чувства правды и сожалѣнія къ несчастнымъ жертвамъ взяли верхъ надъ народнымъ озлобленіемъ. Пахесъ долженъ былъ умереть. Спартанскимъ начальникамъ сходили съ рукъ и не такіе поступки. Единственный Спартанецъ той эпохи, внушающій къ своей личности глубокое сочувствіе и уваженіе, — Брасидъ. Къ сожалѣнію, онъ погибъ въ цвѣтѣ лѣтъ. Кромѣ великихъ дарованій, онъ отличался благородствомъ и возвышеннымъ, рѣдкимъ между его соотечественниками, воззрѣніемъ на обще-греческія дѣла.

Относительно Клеона, Нибуръ раздѣляетъ господствующее и едва ли справедливое мнѣніе. Въ VI томѣ Гротовой «Исторіи Греціи» находится превосходная и, по нашему мнѣнію, вѣрная оцѣнка дѣятельности и характера Клеона. Этому человѣку пришлось заступить мѣсто Перикла среди самыхъ трудныхъ обстоятельствъ, требовавшихъ геніяльныхъ дарованій, которыхъ, конечно, у Клеона не было. Но съ другой стороны едва ли возможно допустить, чтобы человѣкъ дотого жалкій и ничтожный, какимъ Клеона изображаютъ Ѳукидидъ и Аристофанъ, могъ выдвинуться впередъ изъ толпы образовавшихся въ блестящую эпоху Периклова владычества государственныхъ людей. Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ Клеонъ заслоняетъ всѣхъ своихъ соперниковъ, пользуется постояннымъ вліяніемъ на народъ и обнаруживаетъ въ отдѣльныхъ, пристрастно противъ него переданныхъ намъ, случаяхъ ясный и здравый взглядъ на современныя событія. Примѣромъ можетъ служить дѣло о взятіи острова Сфактеріи, подробно и обстоятельно разобранное Гротомъ. Оно приноситъ большую честь Клеону. Несчастіе его заключается въ непріязни, которую къ нему питали величайшій поэтъ и величайшій историкъ того времени. Ѳукидидъ, обыкновенно столь безпристрастный и спокойный цѣнитель людей, очевидно не любитъ Клеона. Онъ сообщаетъ намъ всѣ ошибки послѣдняго и едва намекаетъ на обстоятельства, которыми эти ошибки въ нѣкоторой степени оправдываются. Ѳукидидъ между прочимъ строго осуждаетъ Клеона за жестокія мѣры, предложенныя имъ противъ жителей Митилены и Скіоне. Зачѣмъ же умалчиваетъ онъ имя оратора, предложившаго еще худшія, болѣе несправедливыя мѣры противъ Мелійцевъ, и не произноситъ надъ нимъ такого же приговора? Безразсудно было со стороны Аѳинянъ отправленіе Клеона во Ѳракію, гдѣ онъ долженъ былъ встрѣтиться съ геніяльнымъ Брасидомъ и защищать противъ него важнѣйшія колоніи республики, отъ которыхъ зависѣло въ то время рѣшеніе войны. Но самое это довѣріе показываетъ, что Клеонъ не былъ въ глазахъ своихъ согражданъ тѣмъ презрѣннымъ шутомъ, какимъ намъ его представляютъ.

Смерть Брасида была несчастіемъ для цѣлой Греціи. Онъ одинъ могъ примирить враждебныя стороны на условіяхъ разумныхъ и умѣренныхъ. Значительныя личности Алкибіада и Лисандра, опредѣляющія ходъ происшествій во второй половинѣ Пелопоннесской войны, далеко ниже Брасида въ безкорыстіи и чистотѣ намѣреній.

Имя Алкибіада, говоритъ Нибуръ, принадлежитъ къ числу самыхъ

громкихъ именъ древняго міра; объ немъ много толкуютъ, не показывая обыкновенно его характеристическихъ, отличительныхъ свойствъ. Большею частію говорятъ о его красотѣ, о его любезности, забывая то, что̀ въ немъ главное, что̀ составляетъ его значеніе. Его внѣшнія качества до такой степени бросались въ глаза, что вредили ему, заслоняя собою его блестящія дарованія. Мы вообще представляемъ себѣ Алкибіада, какъ человѣка, любующагося собственною красотою, выше всего ставящаго безумныя забавы, и упускаемъ изъ виду ту сторону его характера, которую намъ раскрыла исторія. Весьма немногіе понимаютъ его настоящимъ образомъ; новые писатели часто отзываются о немъ не только непріязненно, но даже съ пренебреженіемъ; весьма извѣстныя сочиненія содержатъ въ себѣ непростительно опрометчивыя, даже презрительныя сужденія объ Алкибіадѣ. По мнѣнію древнихъ, онъ былъ человѣкъ необыкновенный и принадлежалъ къ числу тѣхъ демоническихъ явленій, которыя иногда показываются въ исторіи, опредѣляя участь цѣлыхъ народовъ и странъ, и перевѣшивая вліяніемъ одной своей личности счастіе и политику цѣлыхъ государствъ. Ѳукидидъ, котораго нельзя заподозрить въ излишнемъ пристрастіи къ Алкибіаду, говоритъ положительно, что отъ него зависѣла судьба Аѳинъ, и что еслибы Алкибіадъ не отдѣлилъ сначала, поневолѣ, потомъ добровольно, своей участи отъ участи роднаго города, то ходъ Пелопоннесской войны принялъ бы совсѣмъ другой оборотъ, и что одно это лицо могло рѣшить споръ въ пользу Аѳинянъ. Это господствующее мнѣніе всей древности; всѣ значительные писатели древняго міра смотрѣли на Алкибіада съ этой точки зрѣнія. Только новые писатели думаютъ объ немъ иначе и говорятъ объ немъ, какъ о безумномъ гулякѣ, котораго никакъ нельзя поставить на ряду съ великими государственными мужами древности. Аристофанъ, который по уму не уступаетъ Ѳукидиду, но безконечно расходится съ нимъ во всемъ остальномъ, выразилъ свое сужденіе объ Алкибіадѣ въ «Лягушкахъ» въ видѣ шутки, но въ такое время, когда Алкибіада надобно было снова поднять въ общественномъ мнѣніи. Это сужденіе содержитъ въ себѣ все, что̀ можно сказать объ Алкибіадѣ. По словамъ Аристофана, появленіе такого чудовищнаго, демоническаго существа въ республикѣ составляетъ, конечно, несчастіе и опасность, но тамъ, гдѣ есть подобное существо, надобно ему подчиниться и не оказывать ему безполезнаго сопротивленія. У Алкибіада совсѣмъ особенный характеръ. Во всей древней исторіи я не знаю никого, съ кѣмъ бы его можно было сравнить. Правда, мнѣ приходилъ Цезарь въ голову.

Онъ также рано началъ позволять себѣ политическія вольности, нарушавшія строгую, обычную законность; но въ немъ есть нѣчто другое; онъ несравненно разсудительнѣе Алкибіада. У Алкибіада была (въ этомъ всѣ согласны) не политическая, а тиранническая натура, φύσις τυραννική. Онъ не могъ никакъ принаровиться къ государству и законамъ, не могъ спокойно довольствоваться тѣмъ положеніемъ, которое отведено ему было политическими учрежденіями его родины. Цезарь былъ не таковъ. Онъ, конечно, также иногда уклонялся отъ законности и стремился выше, но это стремленіе у него было прикрыто, стояло на второмъ планѣ, до извѣстной поры его жизни; вообще онъ до самаго своего консульства былъ гражданиномъ республики. Къ тому же Цезарь былъ практическій человѣкъ, дѣйствовавшій въ формахъ даннаго государства. У Алкибіада напротивъ не было смысла для такой дѣятельности: онъ былъ страшный эгоистъ, заботился только о себѣ и о своей власти; республика должна была повиноваться. Аѳины вынесли отъ него много такого, чего не стерпѣли бы отъ другаго гражданина, но дѣлать было нечего, — только при такихъ условіяхъ можно было разсчитывать на Алкибіада. Нельзя впрочемъ не признать, что съ лѣтами онъ становился значительно лучше, и что въ послѣдніе годы его жизни, послѣ его вторичнаго разрыва съ родиною, въ немъ обнаружились патріотическія чувства, показывающія, что въ зрѣломъ возрастѣ онъ сталъ несравненно лучшимъ гражданиномъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что онъ съ самой ранней юности наглымъ образомъ обнаружилъ притязаніе на ту же власть и то же положеніе въ государствѣ, какими пользовался его опекунъ, — Периклъ. Всѣ сознавали, что онъ былъ великій полководецъ и великій государственный человѣкъ, но онъ не любилъ ничего, что требовало тщательной работы, строгой добросовѣстности и постоянства. Въ этомъ отношеніи онъ былъ безсовѣстенъ; но тамъ, гдѣ надобно было дѣйствовать на сердца, въ Аѳинахъ или внѣ Аѳинъ, тамъ гдѣ надобно было запугать или убѣдить народъ, направить къ своимъ цѣлямъ политику другихъ государствъ или начальствовать надъ войсками, тамъ онъ былъ великій художникъ. Въ войскѣ онъ не имѣлъ себѣ равнаго; онъ былъ рѣшительно великій полководецъ. Въ личности его было нѣчто въ самомъ дѣлѣ очаровательное, подчинявшее ему все, что̀ его окружало. Онъ сознавалъ эту власть и пользовался ею, какъ хотѣлъ. Такія истинно демоническія натуры рѣдко употребляютъ свое могущество на добро. Ничто имъ не противится, всѣ сознаютъ ихъ превосходство надъ собою: онѣ же не признаютъ надъ собою ни божественнаго,

ни человѣческаго закона; порою онѣ добровольно подчиняются этимъ законамъ, являются благородными, великодушными, исполненными любви, но при первомъ требованіи эгоизма сбрасываютъ съ себя принужденіе. Тогда люди кажутся имъ насѣкомыми, которыхъ они ставятъ ни во что. Таковъ былъ Алкибіадъ. Въ новѣйшія времена подобнымъ могуществомъ обладалъ въ большей степени Мирабо, въ меньшей Фоксъ. Они причаровывали къ себѣ все, что̀ къ нимъ приближалось, но оба уступали Алкибіаду. Наполеонъ былъ слишкомъ практическій человѣкъ. Такая же, сохранившая свою чистоту, натура была у Демосѳена: это высшее въ исторіи, но тотчасъ является зависть и начинаетъ грызть. Впрочемъ подобныя лица рѣдко остаются чистыми; большею частію они отдаются дьяволу. Катилина былъ человѣкъ въ этомъ родѣ, а не дюжинный злодѣй.» (II, стр. 106 — 111.)

Страшная участь аѳинскаго флота и сухопутныхъ войскъ подъ Сиракузами опредѣлила позднѣйшія мнѣнія о предпріятіяхъ Аѳинянъ въ Сициліи. Мы привыкли смотрѣть на сиракузскую экспедицію только чрезъ развязку ея, нанесшую Аѳинамъ ударъ, отъ котораго онѣ не могли оправиться. Нибуръ не повторяетъ обвиненій, которыя обыкновенно по этому поводу возводятся на Аѳины и въ особенности на Алкибіада. Мысль о завоеваніи Сициліи могла придти въ голову истинно государственному человѣку и легко могла быть осуществлена при тогдашнихъ средствахъ Аѳинской республики и при постоянныхъ междоусобицахъ сицилійскихъ городовъ. О выгодахъ такого завоеванія можно составить себѣ понятіе уже изъ того обстоятельства, что Сицилія снабжала хлѣбомъ Пелопоннесъ. Цвѣтущее состояніе острова, на которомъ въ послѣдствіи сошлись, споря о владычествѣ надъ историческимъ міромъ, Римъ и Карѳагенъ, великолѣпіе его городовъ и обширная торговля этихъ городовъ явствуетъ изъ всѣхъ древнихъ свидѣтельствъ. Въ Сициліи, по геніяльной мысли Алкибіада, должна была рѣшиться Пелопоннесская война. Что̀ могли противопоставить отрѣзанные отъ своей житницы Спарта и ея союзники Аѳинамъ, усиленнымъ всѣми богатствами Сициліи? Аѳиняне не сомнѣвались въ успѣхѣ задуманнаго ими предпріятія. Мало того, они думали о распространеніи своихъ владѣній на западъ, о покореніи Сардиніи и самого Карѳагена. Въ надеждахъ этихъ не было ничего преувеличеннаго и несбыточнаго: войны Діонисія и Агаѳокла обличаютъ внутреннюю слабость тогдашняго Карѳагена. А между тѣмъ, могущество сиракузскихъ вождей никакъ не могло выдержать сравненія съ могуществомъ Аѳинъ, не говоря о геніи Алкибіада, передъ которымъ ничтожны и Діонисій и Агаѳоклъ.

Нибуръ прекрасно сравниваетъ по этому поводу характеръ римскихъ и аѳинскихъ войнъ. Римляне воевали потому, что безъ войнъ или внутреннихъ смутъ имъ было нечего дѣлать: скука одолѣвала цѣлый народъ. Аѳиняне также скучали праздностію, но отъ избытка внутреннихъ силъ, отъ жажды новыхъ ощущеній и великихъ событій. Впрочемъ Аѳинянину было хорошо и дома. «У пего были великіе праздники, поэты и воспреемлемость для всего прекраснаго. Аттическіе поэты по преимуществу заслуживаютъ названія благотворительныхъ мужей; ихъ звуки, какъ лира Амфіона, укрощали дикія страсти толпы и занимали ее собою. Когда сердца были преисполнены пѣсень и дивныхъ трагедій, тогда въ Аѳинахъ всѣ были счастливы и веселы, никто не чувствовалъ своей бѣдности, не искалъ сильныхъ душевныхъ потрясеній.» Но именно при такомъ настроеніи народа онъ легко поддавался на великія, представленныя ему съ поэтической стороны, предпріятія. Римлянинъ имѣлъ въ виду практическую цѣль, результатъ войны; Аѳинянинъ находилъ наслажденіе въ подвигѣ, хотя и онъ далеко не былъ чуждъ политическаго разсчета. При содѣйствіи Алкибіада, успѣхъ сицилійской экспедиціи почти не подлежалъ сомнѣнію. Даже первыя дѣйствія Никія были довольно удачны, но мнительность и робкая осторожность этого несчастнаго полководца дали дѣлу другой оборотъ. Никій не воспользовался первымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ прибытіемъ Аѳинянъ въ Сиракузы, пропустилъ драгоцѣнное время и далъ Алкибіаду возможность принять изъ Спарты тѣ мѣры, конечнымъ слѣдствіемъ которыхъ было паденіе Аѳинъ.

Роковой геній Алкибіада раскрылся во всей полнотѣ своей въ эпоху его изгнанія. Алкибіадъ открылъ Спартанцамъ глаза на опасность, которая имъ грозила, и былъ виновникомъ новой, болѣе рѣшительной системы войны. Вмѣсто ежегодныхъ вторженій въ Аттику, Пелопоннесцы заняли, по его совѣту, на разстояніи трехъ нѣмецкихъ миль отъ Аѳинъ небольшой городокъ Декелею, укрѣпили его и непрерывными разореніями не давали оправиться сельскому населенію. На помощь Сиракузамъ былъ отправленъ Гилиппъ, настоящій представитель тогдашняго спартанскаго характера, соединявшій съ достоинствами искуснаго полководца совершенное отсутствіе политической чести или, лучше сказать, честности. Алкибіаду же были обязаны Аѳины вмѣшательствомъ Персіи въ Пелопоннесскую войну и отпаденіемъ значительной части своихъ прежнихъ союзниковъ. Персидскій флотъ пришелъ на помощь къ Спартанцамъ, которые сверхъ того получали отъ персидскаго царя значительное денежное пособіе. Узкая,

антинаціональная политика Спарты обнаружилась гораздо прежде Анталкидова мира: уже во время Пелопоннесской войны, Спарта продала Персамъ независимость своихъ мало-азіятскихъ соплеменниковъ. Еслибы Алкибіадъ не остановился вовремя и не употребилъ той же дѣятельности, какую онъ обнаружилъ ко вреду Аѳинъ, въ ихъ пользу, то участь послѣднихъ рѣшилась бы нѣсколькими годами ранѣе. Тѣ самые сатрапы, которыхъ онъ убѣдилъ оказать пособіе Спартѣ, дѣлались орудіями его совершенно измѣнившихся намѣреній.

Предѣлы нашей статьи не позволяютъ намъ познакомить читателей со всѣми подробностями Нибурова изложенія послѣднихъ годовъ Пелопоннесской войны. По нашему мнѣнію, это — одинъ изъ самыхъ удачныхъ отдѣловъ въ «Чтеніяхъ о древней исторіи». Заживо затронутая событіями, отдѣленными отъ насъ разстояніемъ двадцати двухъ вѣковъ, личность историка высказывается въ каждомъ сужденіи, имъ произносимомъ. Не всѣ эти сужденія справедливы; о многихъ мы даже рѣшительно не знаемъ, на какихъ данныхъ они основаны, но едвали найдется мыслящій читатель, способный устоять противъ впечатлѣнія этихъ горячихъ, дышащихъ чувствомъ современника, страницъ.

Несчастія, испытанныя Аѳинами, привели многихъ гражданъ къ убѣжденію въ необходимости внутреннихъ преобразованій. Политическія формы Перикловой эпохи, установившіяся подъ вліяніемъ исключительно демократическихъ идей, не могли соотвѣтствовать требованіямъ республики, нуждавшейся въ крѣпкой, способной сосредоточить въ своихъ рукахъ всѣ государственныя силы, власти. Нибуръ справедливо замѣчаетъ, что въ тогдашнихъ Аѳинахъ не было правительства въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Личное вліяніе Перикла замѣняло отчасти недостатокъ учрежденій; Периклъ стоялъ во главѣ народа и сообщалъ рѣшеніямъ народныхъ собраній нѣкоторую послѣдовательность и единство: у него не было преемниковъ: Алкибіадъ выдавался впередъ только въ тѣхъ случаяхъ, которые его особенно занимали, но онъ не имѣлъ того цѣльнаго значенія въ республикѣ, какое принадлежало его опекуну. Короче, Аѳинамъ въ эпоху, о которой теперь идетъ рѣчь, нуженъ былъ диктаторъ, а политическіе реформаторы, о которыхъ мы упомянули выше, заботились только объ установленіи прочнаго аристократическаго элемента. Попытки эти оказались, какъ и слѣдовало ожидать, неудачными.

Въ числѣ лицъ, игравшихъ въ то время значительную роль, есть одно, надъ которымъ нельзя не задуматься историку. Мы говоримъ

о Ѳераменѣ. Мужественная кончина въ періодъ владычества 30-ти тиранновъ, къ числу которыхъ онъ самъ принадлежалъ, доставила Ѳерамену незаслуженную славу героическаго характера. Разбирая подробно его предыдущую жизнь, нѣкоторые новые историки пришли къ заключенію совсѣмъ другаго рода. Шлоссеръ въ своей Древней Исторіи (Т. I, отд. II) называетъ Ѳерамена предателемъ и вообще произноситъ надъ нимъ самый жестокій приговоръ. Мнѣніе Нибура кажется намъ достойнѣе истиннаго историка, умѣющаго цѣнить вліяніе времени и обстоятельствъ на дѣйствія отдѣльныхъ людей.

«Ѳераменъ принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ характеровъ древней исторіи; я когда-нибудь буду писать о немъ. Онъ былъ отличный полководецъ, счастливъ, неутомимъ, искусенъ; онъ обладалъ необыкновеннымъ, быть-можетъ необработаннымъ наукою, но могучимъ краснорѣчіемъ. Притомъ онъ былъ, чего наименѣе можно было ожидать, человѣкъ благонамѣренный и справедливый; его огорчала всякая неправда и все неразумное, но такъ какъ онъ жилъ только въ настоящемъ, въ текущемъ мгновеніи, то онъ не заботился ни о прошедшемъ, ни о будущемъ. Этимъ объясняются его внезапные переходы отъ одной партіи къ другой, когда та, къ которой онъ принадлежалъ, его болѣе не удовлетворяла или не принимала его справедливыхъ совѣтовъ. Такимъ же образомъ отставалъ онъ отъ новой партіи, когда былъ ею недоволенъ, или когда старая обращалась къ нему съ разумными предложеніями. Такая измѣнчивость доставила ему прозваніе котурна. Сандаліи дѣлались на одну ногу, котурнъ на обѣ, такъ что его можно было надѣвать по произволу на правую и на лѣвую ногу. Ѳераменъ часто мѣнялъ партіи. О немъ много было писано, но тѣ немногіе новые историки, которые имъ занимались, не справились съ нимъ. Я понимаю его совершенно, и думаю, что характеръ его можно изобразить вполнѣ. Несмотря на всѣ его заблужденія и грѣхи, я не могу его не любить: онъ тяжело искупилъ свои проступки. Человѣкъ, которому угрожаетъ паденіе, и падающій вслѣдствіе похвальныхъ побужденій, лучше того, кто остался чистымъ по неспособности и отсутствію соблазновъ. Поэтому Ѳераменъ меня не отталкиваетъ отъ себя; напротивъ я раздѣляю чувство, которое онъ вообще внушалъ въ древности. Цицеронъ его любитъ, хотя онъ, безъ сомнѣнія, оцѣнилъ отдѣльные поступки его жизни и вовсе не былъ намѣренъ ихъ защищать. У него есть, конечно, дѣла, которыхъ нельзя оправдывать, но которыя можно извинить, потому что за ними слѣдуетъ всегда прекрасное обращеніе въ лучшему и желаніе загладить дурное; сердце у него было

самое открытое, которое не боялось признаться въ собственной винѣ и ревностно стремилось къ ея исправленію. Онъ принадлежалъ къ числу людей, которые смотрѣли на тогдашнюю порчу аѳинской демократіи, какъ на нѣчто, чему надлежало положить конецъ, которые желали перемѣны учрежденій и надѣялись этою перемѣною водворить въ Греціи міръ» (II, 168). Далѣе говоритъ объ немъ Нибуръ: «Веселость, съ которою онъ выпилъ за здоровье Критія чашу съ цикутою, обличаетъ спокойствіе человѣка необычайныхъ силъ, но утомленнаго жизнію, отъ которой онъ хочетъ отдѣлаться, какъ отъ тяжкой ноши» (II, 202). Къ сожалѣнію, до насъ не дошло превосходное сочиненіе, написанное Ѳераменомъ въ оправданіе себя. У Лисія (Contra Eratosch. p. 127. Reisk.) находятся подлинныя мѣста. Рѣчь, которую Ксенофонтъ влагаетъ въ уста Ѳерамену, по мнѣнію Нибура, поддѣльная и написана самимъ историкомъ. Вообще Нибуръ, какъ мы уже показали выше, не любитъ Ксенофонта и говоритъ тутъ же (201), что всѣ его рѣчи на одинъ ладъ; Ѳракійцы, Персы, Аѳиняне, люди всѣхъ партій говорятъ у него однимъ и тѣмъ же языкомъ, то-есть нѣсколько распущеннымъ (etwas liederliche Manier) языкомъ самого Ксенофонта.

Смуты, предшествовавшія изгнанію 30-ти тиранновъ и возстановленію аѳинской независимости, подали поводъ Нибуру къ слѣдующимъ словамъ, которыя съ одной стороны характеризуютъ его лично, съ другой могутъ служить превосходнымъ образцомъ истиннаго воззрѣнія на людей, призванныхъ дѣйствовать въ смутныя времена исторіи.

«Эти событія представляютъ намъ поучительное доказательство того, что не должно судить о нравственномъ достоинствѣ человѣка по цвѣту политической партіи, къ которой онъ принадлежалъ, и что нельзя сказать: такой-то принадлежитъ къ такой-то партіи, слѣдовательно онъ дурной человѣкъ, или наоборотъ хорошій. Подобныя сужденія составляются безъ труда, но въ нихъ нѣтъ истины; исторія учитъ насъ другому, лучшему: часто подъ знаменами самаго благороднаго дѣла стоятъ самые порочные люди, и наоборотъ въ рядахъ дурной партіи мы не рѣдко встрѣчаемъ благороднѣйшихъ людей, воображающихъ, что они дѣлаютъ добро, тогда какъ поступки ихъ вредны и неразумны, потому что они ошиблись въ цѣли или недальновидны. Это явленіе повторилось и въ Аѳинахъ. Ѳрасибулъ былъ отличный, безукоризненный гражданинъ; но съ нимъ вмѣстѣ, въ числѣ начальниковъ, стоялъ за правое дѣло и участвовалъ въ возстановленіи прежняго порядка Анитъ, въ послѣдствіи обви-

нитель Сократа. Обвинитель Сократа, виновникъ его погибели едва ли могъ быть хорошимъ и добрымъ человѣкомъ: онъ былъ религіозный лицемѣръ. Наоборотъ, между находившимися въ городѣ противниками Θрасибула были вѣроятно превосходные люди. Самъ Сократъ и безъ сомнѣнія большая часть его друзей оставались въ городѣ [1]). Я навѣрно былъ бы въ Пиреѣ или въ Филѣ, но никакъ не бросилъ бы камня въ того, кто остался въ Аѳинахъ, а только пожалѣлъ бы о немъ» (II, 211).

Въ слѣдующей статьѣ мы отдадимъ читателямъ Пропилеевъ отчетъ въ содержаніи остальныхъ «Чтеній о древней исторіи», посвященныхъ печальнымъ, но поучительнымъ временамъ упадка греческой жизни.

Т. Грановскій.

[1]) Надобно при этомъ вспомнить, что Θрасибулъ и его партія держались въ Пиреѣ, а олигархи съ своими приверженцами въ самомъ городѣ.

АВГУСТЪ БЁКЪ[1].

Августъ Бёкъ одинъ изъ тѣхъ уроженцевъ югозападной Германіи, которые, переселившись въ Пруссію, прославили свое новое отечество. Онъ родился въ Карльсруэ 24 ноября 1785 года. Его отецъ, сынъ пастора, былъ совѣтникомъ по счетной части и секретаремъ баденскаго правительства; онъ умеръ, оставивъ своего сына Августа трехлѣтнимъ ребенкомъ. Воспитаніе осиротѣвшаго не было поспѣшно, развитіе его способностей только позднѣе пошло съ быстротою. По шестому году его отдали въ гимназію въ Карльсруэ, гдѣ онъ оставался до 18 лѣтъ. Здѣсь онъ былъ обучаемъ, начиная съ азбуки, всѣмъ предметамъ обыкновеннаго гимназическаго ученья и многимъ такимъ, которые не преподаются въ другихъ гимназіяхъ. Чистая математика и многія части прикладной, физика, химія, зоологія, ботаника и минералогія преподавались здѣсь хорошими учителями; языки греческій и латинскій составляли, какъ обыкновенно, средоточіе занятій. Философію преподавалъ Титтель, одинъ изъ менѣе извѣстныхъ противниковъ Канта; подъ его же руководствомъ вырабатывались въ высшихъ классахъ латинскія рѣчи, и читались творенія Тацита. Послѣднее занятіе сопровождалось большимъ успѣхомъ и имѣло вліяніе на развитіе и направленіе юноши. Для нравственнаго образованія было особенно плодотворно короткое знакомство съ преподавателемъ еврейскаго языка и догматики, Гебелемъ, въ послѣдствіи прелатомъ, человѣкомъ любезнаго обращенія и тонкой образованности; Бёкъ посѣщалъ его уроки, потому что родственники предназначали его для духовнаго званія. Изъ положительныхъ наукъ особенно привлекали его

[1] См. Lebensbilder berühmter Humanisten, herausgegeben von S. F. W. Hoffmann. Erste Reihe. Lpz. 1837. S. 29. A. Böckhs Biographie, verfasst von R. H. Klausen.

математика, въ которой онъ дѣлалъ самые блистательные успѣхи, и ботаника. Ботаническія экскурсіи, которыя имѣли благопріятное вліяніе и на его тѣлесное развитіе, очень занимали его.

Получивъ такимъ образомъ замѣчательное для своего времени гимназическое образованіе, Бёкъ перешелъ въ 1803 году къ университетскому ученію. Ему было суждено и здѣсь не меньшее счастіе. По совѣту своего учителя Зандера, онъ отправился въ галльскій университетъ, чтобы, занимаясь богословіемъ, получить въ то же время прочное филологическое образованіе подъ руководствомъ знаменитаго тогда филолога Фридриха Августа Вольфа. Въ первомъ полугодіи своей университетской жизни Бёкъ слушалъ у Фатера лекціи о восточныхъ языкахъ, съ которыми онъ отчасти познакомился уже въ гимназіи, и у Нёссельта эксегезу Св. Писанія и исторію церкви. Но вліяніе Вольфа одержало верхъ и породило въ Бёкѣ исключительную преданность филологіи, въ началѣ даже съ пренебреженіемъ другихъ наукъ. Конечно, при многостороннемъ гимназическомъ образованіи, это пренебреженіе не могло долго оставаться въ силѣ, но оно имѣло то выгодное послѣдствіе, что Бёкъ строго сосредоточилъ свои занятія. Во все дальнѣйшее время университетскаго ученія онъ соединялъ съ филологическими занятіями одни только философскія. Главная дѣятельность его была обращена на греческихъ трагиковъ и на Платона. Эти писатели составляли тогда предметъ его изученія преимущественно съ грамматической и критической стороны. Прибытіе въ Галле Стеффенса и Шлейермахера было весьма благодѣтельно для развитія юнаго студента. Онъ приходилъ въ восторгъ отъ лекцій Стеффенса о философіи природы; Шлейермахеръ произвелъ на него впечатлѣніе въ особенности чтеніями объ этикѣ и герменевтикѣ. Вообще вліяніе этихъ двухъ профессоровъ было весьма живительно и богато послѣдствіями. Личное знакомство съ Шлейермахеромъ ограничило исключительное поклоненіе Вольфу, не нарушивъ однакоже почтительныхъ отношеній ученика къ учителю. Бёкъ продолжалъ посѣщать лекціи Вольфа, былъ принятъ имъ въ филологическій семинарій и пользовался особеннымъ и постоянно возраставшимъ его расположеніемъ. Вольфъ убѣдилъ его издать кое-что изъ его критическихъ изслѣдованій о Платонѣ, на что молодой человѣкъ долго не рѣшался. Первое его сочиненіе: in Platonis Minoëm et tres priores libros de Legibus, посвящено Вольфу и выработано подъ его руководствомъ. Оно появилось въ началѣ 1806 года, когда Бёку былъ 21 годъ отъ роду. Къ этому же послѣднему времени университетскаго ученія относятся первыя занятія Бёка греческою музыкой, поводомъ къ которымъ былъ Платоновъ Тимей.

Весною 1806 года, по окончаніи обыкновеннаго въ Германіи трехлѣтняго университетскаго курса, Бёкъ отправился въ Берлинъ, гдѣ Шлейермахеръ доставилъ ему мѣсто въ семинаріи для гимназій (т. е. въ педагогическомъ институтѣ, гдѣ приготовлялись учители гимназій), находившемся подъ начальствомъ Беллермана. Въ Берлинѣ онъ сошелся съ Гейндорфомъ и Бутманомъ и прожилъ съ ними цѣлый годъ на одной квартирѣ. Къ этому маленькому кружку скоро присоединились Шпальдингъ, Иделеръ и Фердинандъ Дельбрюкъ. Самыя живыя отношенія были у Бёка съ Гейндорфомъ, издававшимъ въ то время разговоры Платона; съ Дельбрюкомъ Бёкъ читалъ этого же философа. Въ семинаріи онъ училъ въ нисшихъ классахъ, sexta и quinta, т. е. по нашему въ 1-мъ и 2-мъ; эти уроки не могли особенно привлекать его.

Занятіе Пруссіи Французами побудило Бёка возвратиться въ 1807 году въ Баденъ. Онъ поселился въ Гейдельбергѣ, и хотя былъ принятъ съ равнымъ радушіемъ и Крейцеромъ и Фоссомъ, двумя гейдельбергскими учеными, находившимися въ литературной враждѣ, но особенно сблизился съ кружкомъ, образовавшимся около Крейцера и сходившимся въ его домѣ. Гёрресъ, Брентано, Ахимъ фонъ Арнимъ и профессоры партіи, соединившейся противъ Фосса, были членами этого кружка; въ немъ обсуждались современные спорные вопросы, миѳологическіе и эстетическіе. Веселая жизнь Гейдельберга приносила свое къ оживленію этого кружка. Осенью 1809 года, на 22 году жизни, Бёкъ былъ сдѣланъ экстраординарнымъ профессоромъ гейдельбергскаго университета. Съ ревностію принялся онъ за эту новую и обширную дѣятельность, читалъ каждый семестръ по нѣскольку эксегетическихъ лекцій о греческихъ и латинскихъ писателяхъ и по одному реальному предмету классической филологіи, и успѣвалъ кромѣ того доставлять рецензіи въ іенскій и гейдельбергскій журналы (Jenaer Literaturzeitung и Heidelberger Jahrbücher) и участвовать нѣкоторое время въ редакціи послѣдняго. Рецензіи его относились преимущественно къ сочиненіямъ о Платонѣ и о греческой музыкѣ и метрикѣ. Но онъ не оставлялъ и занятій греческими трагиками. Вообще онъ продолжалъ весьма систематически всѣ тѣ занятія, которыми былъ заинтересованъ во время своего студенчества въ Галле, и не отставая отъ избранныхъ однажды писателей, все съ большимъ и большимъ усиліемъ углублялся въ ихъ пониманіе. Этому благоразумному сосредоточенію своей дѣятельности на немногихъ предметахъ Бёкъ обязанъ конечно тѣмъ, что такъ рано могъ сдѣлаться замѣчательнымъ преподавателемъ и издать нѣсколько важныхъ

сочиненій. Труды большаго объема, изданные имъ въ первый годъ его профессорства, относятся къ Платону и трагикамъ. Въ 3-мъ томѣ изданія Дауба и Крейцера, выходившаго подъ заглавіемъ «Studien», онъ помѣстилъ большое разсужденіе «объ образованіи души міра въ Платоновомъ Тимеѣ»; въ то же время издалъ отдѣльною брошюрой «Specimen editionis Timaei Platonis dialogi» (Heidelb. 1807. 4.), и вскорѣ послѣ того обширное сочиненіе: «Graecae tragoediae principum, Aeschyli, Sophoclis, Euripidis, num ea quae supersunt, et genuina omnia sunt et forma primitiva servata, an eorum familiis aliquid debeat ex iis tribui» (Heidelb. 1808, 8.), которое имѣло большое вліяніе на критическую разработку греческихъ трагиковъ.

Но такое средоточеніе занятій на немногихъ вопросахъ не повело Бёка къ ограниченности. Напротивъ самая замѣчательная сторона ученой дѣятельности его состоитъ въ томъ, что онъ, не оставляя и не предавая забвенію однажды предпринятыхъ трудовъ, съ самыхъ раннихъ поръ постоянно заботился о ихъ расширеніи. Желая изучить вполнѣ и съ разныхъ сторонъ избранный специяльный предметъ изслѣдованія, онъ обращался всегда къ смежнымъ областямъ и старался соединить въ своемъ запасѣ знаній какъ можно болѣе данныхъ для уразумѣнія своего специяльнаго предмета. Такимъ образомъ ему всегда удавалось соединять самымъ счастливымъ образомъ специяльность и универсальность, и можно сказать съ увѣренностью, что эти два главныя условія успѣшной ученой дѣятельности не могутъ быть соединены иначе, какъ тѣмъ способомъ, которымъ соединялъ ихъ Бёкъ. Нерѣдко случается, что молодые ученые, увлекаемые жаждою универсальности, переходятъ отъ одного предмета къ другому или занимаются въ одно время самыми разнородными предметами, не успѣвая глубже вникнуть ни въ одинъ. Черезъ это теряются силы, развлекается вниманіе, и занимающійся не успѣваетъ проникнуть до той глубокой основы, которая связываетъ одинъ предметъ съ другимъ. Голова загромождается познаніями, которыя не поддерживаютъ, а тѣснятъ другъ друга, и ежели вслѣдствіе продолжительныхъ трудовъ достигается извѣстнаго рода универсальность, то это по большей части бываетъ универсальность внѣшняя, состоящая въ одномъ аггрегатѣ знаній, и неспособная къ производительности. Напротивъ того другіе, видя безплодность такой разсѣянной любознательности, ограничиваютъ кругъ своихъ занятій тѣсными предѣлами и стараются монографически разрабатывать одинъ какой-нибудь частный предметъ, обращая на него всѣ свои силы и употребляя все свое время на его изслѣдованіе до самыхъ малѣйшихъ подробностей. Нельзя отрицать, что для науки такая мономанія бываетъ

очень часто весьма полезна, ибо съ неимовѣрною тщательностію собираетъ со всѣхъ сторонъ матеріялъ, нужный для рѣшенія вопроса, но самое рѣшеніе такимъ изслѣдователемъ не можетъ быть достигнуто: предметъ, произвольно выдѣленный изъ общей связи, въ которой совершалась его дѣйствительная жизнь, утрачиваетъ свою живую сторону, и изслѣдованіе по необходимости становится машинальнымъ. Бёкъ былъ такъ счастливъ, что съ самой ранней молодости избѣгъ обѣихъ крайностей. Монографическое изученіе, начинавшееся у него съ внѣшнихъ подробностей, именно, какъ мы уже упомянули, съ грамматическаго и критическаго разбора словъ текста писателей, имъ избранныхъ, проникало все глубже и глубже въ самое содержаніе и не замыкалось въ тѣсныхъ предѣлахъ монографіи, но охотно переходило въ смежныя области. Чѣмъ дальше двигалось изученіе, тѣмъ болѣе оно углублялось въ свой предметъ и расширялось на окрестныя сферы. Спеціяльность начала обезпечивала основательность изслѣдованія, а дѣятельная мысль возбуждала новые вопросы и не позволяла, заключившись въ извѣстномъ кругѣ, потерять изъ виду живую связь одного вопроса съ другимъ. Поэтому мы видимъ въ ученой дѣятельности Бёка, что одно спеціяльное изслѣдованіе всегда раждаетъ другія и нерѣдко заставляетъ изслѣдователя переходить къ предметамъ, весьма далекимъ отъ его первоначальнаго изученія. Конечно, нельзя не замѣтить, что въ этомъ образѣ занятій значительно участвовало довѣріе къ своимъ силамъ, безъ котораго нельзя было бы рѣшиться на перенесеніе самыхъ спеціяльныхъ изслѣдованій изъ одной области въ другія, иногда весьма далекія отъ ней. Бёкъ долженъ былъ имѣть увѣренность, что вникнувъ въ подробности одного какого-нибудь дѣла и совершенно покоривъ его своему изслѣдованію, онъ не потеряетъ его изъ своей власти, когда оставитъ его на время въ сторонѣ и перейдетъ къ другимъ изслѣдованіямъ, отъ которыхъ есть надежда получить для него новый свѣтъ. Безъ увѣренности, что достанетъ силъ не потеряться въ разнородныхъ изслѣдованіяхъ, такіе переходы невозможны.

При изученіи Платона и трагиковъ, съ котораго Бёкъ началъ свое ученое поприще, его болѣе всего привлекала художественная форма ихъ произведеній. Съ особенною любовію онъ слѣдилъ за удивительнымъ соотвѣтствіемъ формы и содержанія, за этимъ самообладаніемъ творческаго вдохновенія, которое составляетъ лучшее достоинство первоклассныхъ произведеній греческой литературы. Онъ не щадилъ труда отыскивать съ филологическою тщательностію самые микроскопическіе слѣды проявленій этого качества. Ему доставляли удоволь-

ствіе многосложнѣйшія изслѣдованія, которыя давали возможность открыть какую-нибудь черту для опредѣленія законовъ греческаго художественнаго творчества. Такъ, изслѣдуя начало мѣры и числа, проникавшее всю греческую жизнь, онъ былъ наведенъ на цѣлый рядъ копотливыхъ разысканій о значеніи, которое имѣли для Грековъ, начиная отъ Пиѳагора, числовыя отношенія. Но таковъ былъ характеръ его изслѣдованій, что эти частныя разысканія тотчасъ же расширились и имѣли своимъ плодомъ съ одной стороны объясненіе Платоновой міровой гармоніи, а съ другой цѣлую новую систему греческой метрики, въ связи съ которою стояло и возстановленіе для нашего времени Пиндаровой поэзіи.

Въ Платонѣ привлекало Бёка содержаніе его философіи, преимущественно съ той стороны, которою оно находится въ связи съ пиѳагорейскою системою чиселъ; но всего болѣе любовь къ Платону основывалась на несравненной художественности его изложенія, умѣющаго выразить въ подвижномъ разнообразіи своихъ формъ всѣ переходы и оттѣнки философской мысли. Отсюда восторженное удивленіе Бёка къ Шлейермахеру, который первый показалъ въ Платонѣ художника. Въ рецензіи Шлейермахерова Платона, помѣщенной въ Heidelberger Jahrbücher. 1808, I, радостное ощущеніе, произведенное въ Бёкѣ появленіемъ этого труда, высказалось въ такой привлекательной формѣ, что ее нельзя читать безъ удовольствія. Къ этому же кругу занятій относится нѣсколько программъ гейдельбергскаго университета, написанныхъ въ 1809 и 1810 годахъ, по полученіи ординарной каѳедры краснорѣчія и древней литературы, которая была ему дана, чтобы удержать его въ этомъ университетѣ, послѣ того какъ онъ получилъ приглашеніе перейдти въ Кёнигсбергъ. Изслѣдованія о метрикѣ и Пиндарѣ подали поводъ къ изданію разсужденія: Ueber die Versmaasse des Pindaros (Berlin 1809, а равно и во второмъ томѣ Вольфова и Бутманова Museum der Alterthumswissenschaft) и двухъ программъ, заключавшихъ въ себѣ критическія замѣчанія къ Пиндару. Эти изслѣдованія продолжались и послѣ того, какъ весною 1811 года Бёкъ былъ приглашенъ, въ качествѣ ординарнаго профессора краснорѣчія и древней литературы, въ новоучрежденный тогда берлинскій университетъ; въ продолженіе слѣдующей же зимы онъ успѣлъ приготовить къ изданію обширное сочиненіе: De metris Pindari, которое сдѣлало эру въ исторіи понятій о греческой метрикѣ.

Греческіе грамматики позднѣйшаго времени оставили намъ метрическую систему, по которой строфы хорической лирики были разорваны, по большей части по счету слоговъ, на стихи, состоявшіе изъ

стопъ, или вымышленныхъ, или дурно понятыхъ. Эту систему, построенную на произволѣ и незнаніи, разрушилъ прежде Бёка уже Готфридъ Германнъ[1]), продолжившій новый путь для объясненія риѳмическаго отношенія стопъ, употреблявшихся въ древности. Это открытіе, какъ и все, которыми Германъ обогатилъ науку, было принято Бёкомъ съ самымъ живымъ интересомъ и поведено далѣе. Прежде всего Бёкъ замѣтилъ, что надобно освободить Германнову метрику въ самомъ ея основаніи отъ односторонней философской теоріи, подводившей все ея развитіе подъ категорію виновловности. Далѣе Бёкъ обратилъ вниманіе на то, что риѳмика у Грековъ составляла часть музыки, и что объясненія для нея надобно искать въ послѣдней. Его музыкальное образованіе дало ему возможность успѣшно заняться основаніями греческой музыки и, сколько было можно по состоянію источниковъ, возстановить ея теорію. Эти изслѣдованія, обширныя и совершенно самостоятельныя, пролили новый свѣтъ на законы греческой метрики и послужили однимъ изъ основаній Бёковой системы греческихъ метровъ. Другимъ основаніемъ для этой системы было изученіе метрическихъ произведеній древности. Для цѣли, предположенной Бёкомъ, были особенно неоцѣненны оды Пиндара, потому что въ каждой изъ нихъ одинъ и тотъ же метръ повторяется по нѣскольку разъ и такимъ образомъ открывается возможность вѣрнѣе, нежели въ другихъ поэтическихъ произведеніяхъ древности, представляющихъ сложные метры, рѣшать сомнѣнія, происходящія отъ ошибокъ переписчиковъ или отъ двусмысленнаго положенія слоговъ. Поэтому задача объяснить греческую метрику, вызванная желаніемъ понимать греческую поэзію до послѣднихъ подробностей ея формы, и уже приведшая Бёка къ возстановленію греческой музыки, направила его съ другой стороны на изслѣдованія о Пиндарѣ. Здѣсь не могло не обратить на себя вниманія, что высокая слава, которою пользовался Пиндаръ у древнихъ, являлась въ весьма сомнительномъ свѣтѣ, когда смотрѣли на его метры; что простота и правильность, составляющія характеръ древней поэзіи, слишкомъ часто повидимому погибали въ запутанномъ хаосѣ оживленныхъ, но нерѣдко далекихъ отъ всякой гармоніи риѳмовъ. Бёкъ увидѣлъ необходимость кореннаго преобразованія Пиндаровой метрики. Первою его заботою было отыскать вѣрные признаки раздѣленія стиховъ; для этого послужили ему многія средства: зіяніе (hiatus), слоги двоякаго значенія (ancipites) и отчасти знаки препинанія, и когда, при помощи этихъ

[1]) См. Проп. Т. 2. Отд. 2. стр. 209 и слѣд.

указаній, строфы Пиндара были раздѣлены на стихи достовѣрнѣе, нежели прежде, Бёкъ самъ былъ удивленъ результами этого раздѣленія. Оказалась такая правильность въ построеніи строфъ, какой никто прежде не ожидалъ; стихи по большей части вышли длиннѣе, нежели какъ принималось до Бёка, но между длинными стихами были вставлены короткіе, и эти послѣдніе производили на своемъ мѣстѣ удивительный эффектъ; можно было понять строфу со всѣмъ разнообразіемъ стиховъ, ее составляющихъ, какъ органическое цѣлое. Но такъ какъ при этомъ взглядѣ каждый стихъ имѣлъ значеніе самостоятельной части въ организмѣ строфы, то должно было казаться крайне невѣроятнымъ, чтобы самостоятельность стиховъ была разрушена самимъ поэтомъ чрезъ допускавшееся прежде Бёка раздѣленіе одного слова между двумя стихами. Это повело къ открытію другаго закона Пиндаровой метрики, что конецъ слова долженъ совпадать съ концемъ стиха и не можетъ переходить въ слѣдующій стихъ. Бёкъ доказалъ чисто эмпирически, что достовѣрное распредѣленіе Пиндаровыхъ строфъ на стихи, по упомянутымъ выше признакамъ, совершенно подтверждаетъ этотъ законъ. Потомъ онъ успѣлъ приложить его и къ другимъ произведеніямъ хорической лирики Грековъ.

Второю частію изслѣдованія о метрахъ Пиндара было возстановленіе Пиндаровыхъ одъ. Объясненіе подробностей ихъ внѣшней формы не могло не повести и къ болѣе глубокому пониманію ихъ внутренняго строенія, при чемъ собственная наклонность и призваніе Бёка проникать въ тайны художественной композиціи нашли себѣ обильную пищу. Какъ Шлейермахеръ въ Платонѣ, такъ Бёкъ старался въ Пиндарѣ объяснить единство частей и отношеніе отступленій къ главной мысли или къ главному настроенію души поэта. Бёкъ убѣдился въ совершенной неосновательности обыкновеннаго мнѣнія, что фантазія Пиндара не подчинялась никакимъ законамъ и переходила отъ одного образа къ другому подъ вліяніемъ своевольнаго вдохновенія. Напротивъ того онъ подмѣтилъ въ Пиндарѣ тѣ общія качества греческой поэзіи, которыя были всегда для Бёка особенно дороги и привлекательны. Онъ открылъ постоянную и поразительную правильность въ выборѣ всѣхъ подробностей какъ содержанія, такъ и метрической формы и даже діалектическихъ оттѣнковъ языка. Совершенное самообладаніе при самомъ возвышенномъ полетѣ поэтической мысли, отсутствіе страстнаго, неяснаго и смутно-фантастическаго оказались главными признаками Пиндаровой поэзіи. Пиндаръ былъ совершенно освобожденъ отъ упрека въ чрезмѣрно частомъ и однообразномъ употребленіи миѳовъ: Бёку удалось найдти законъ, которому Пиндаръ слѣдовалъ въ

этомъ отношеніи. Онъ замѣтилъ, что Пиндаръ пользовался миѳами, какъ средствомъ для выраженія своей поэтической мысли, и что изложеніе миѳовъ всегда имѣетъ у него не эпическій, а лирическій характеръ. Какъ ни часто обращался онъ въ своихъ одахъ къ одному и тому же миѳу, но каждый разъ онъ извлекалъ изъ него съ удивительною ловкостію особенное значеніе, соотвѣтствовавшее цѣли стихотворенія, и умѣлъ найдти новую сторону въ его разнообразномъ содержаніи. Четвертая пиѳійская ода послужила для Бёка самымъ яснымъ указаніемъ на методу Пиндара лирически обрабатывать миѳы, или лучше на его методу воплощать въ миѳахъ поэтическую мысль и заставлять ихъ говорить за поэта; между тѣмъ какъ вторая пиѳійская ода, составлявшая прежде основаніе для упрековъ въ чрезмѣрномъ множествѣ отступленій, послѣ того какъ была удачно объяснена, сдѣлалась доказательствомъ Пиндарова искусства выражать въ разнообразнѣйшихъ миѳахъ внутреннее единство главной темы стихотворенія. Отъ Бёка не укрылись важныя различія между одами Пиндара относительно теченія мыслей и характера изложенія: въ однѣхъ преобладаетъ правильная стройность и болѣе спокойный ходъ изложенія; въ другихъ поэтическій полетъ свободнѣе и смѣлѣе, и мысли смѣняются неожиданнѣе. Но Бёкъ въ то же время замѣтилъ, что для первыхъ была избрана дорійская гармонія, и что все въ нихъ отличается спокойствіемъ и умѣренностію: и риѳмъ, и мелодія, и языкъ, и діалектъ; тогда какъ въ одахъ, отличающихся смѣлыми контрастами и вообще болѣе живымъ теченіемъ мыслей, употреблена эолійская гармонія и вмѣстѣ съ нею особенный строй языка, на что уже прежде было обращено вниманіе **Германномъ**. Какъ пластически и знаменательно поступаетъ греческое искусство въ отдѣлкѣ самыхъ мельчайшихъ подробностей, показали Бёковы изслѣдованія объ осьмомъ стихѣ каждой строфы и антистрофы первой олимпійской оды, гдѣ въ поставленныхъ рядомъ семи короткихъ слогахъ каждый разъ выраженъ смыслъ, соотвѣтствующій летучему движенію метра.

Въ греческихъ трагикахъ, къ которымъ Бёкъ тотчасъ же приложилъ законы метрическаго изображенія, открытые на Пиндарѣ, онъ нашелъ подтвержденіе для своей теоріи. Съ особенною любовію онъ занимался Софокломъ, какъ поэтомъ, который болѣе другихъ отличался изяществомъ мѣры и самообладанія въ поэтическомъ творчествѣ. Изъ трагедій великаго драматурга преимущественно привлекала къ себѣ Бёка Антигона, которую онъ часто объяснялъ на лекціяхъ. Между тѣмъ занятія Платономъ шли также своимъ чередомъ и рѣдко проходилъ годъ, когда бы одинъ изъ разговоровъ Платоновыхъ не былъ объясняемъ или на лекціяхъ или въ филологическомъ семинаріи. Не

были забыты и пиѳагорейцы съ ихъ гармоніею чиселъ: въ 1819 году вышло сочиненіе о Филолаѣ, которое было вызвано высказанными Шлейермахеромъ сомнѣніями о подлинности его отрывковъ.

Читатели видятъ, съ какою удивительною стройностію подвигались впередъ ученыя занятія Бёка. Начались они съ совершенно спеціяльныхъ трудовъ надъ немногими предметами и нѣкоторое время заключались въ такихъ тѣсныхъ предѣлахъ, что Бёкъ казался самому себѣ одностороннимъ. Потомъ они постепенно расширялись и, не теряя спеціяльности, переходили къ другимъ областямъ, въ которыя Бёкъ каждый разъ на столько углублялся, сколько это было возможно по состоянію источниковъ. Каковы были результаты такой методы, оказавшіеся уже въ самомъ скоромъ времени, читатели видѣли изъ сказаннаго нами до сихъ поръ. Нельзя еще разъ не припомнить того, въ какихъ молодыхъ лѣтахъ Бёкъ успѣлъ довести до извѣстнаго окончанія нѣкоторые изъ своихъ трудовъ. Мы уже упомянули, что сочиненіе о трагикахъ вышло въ свѣтъ въ 1808 году, а нѣмецкое разсужденіе о метрахъ Пиндара въ 1809: первое было издано 23-лѣтнимъ, второе 24-лѣтнимъ ученымъ. Двадцати четырехъ лѣтъ Бёкъ получилъ каѳедру ординарнаго профессора въ гейдельбергскомъ университетѣ, а двадцати шести — почетное призваніе на одну изъ первыхъ каѳедръ берлинскаго университета, и въ этотъ же годъ вышелъ первый томъ его большаго изданія Пиндара. Какъ рано онъ достигъ твердаго обладанія цѣлымъ составомъ своей науки, видно изъ того, что уже въ нѣмецкомъ разсужденіи о метрахъ Пиндара, когда ему было 24 года отъ роду, онъ высказалъ намѣреніе изобразить духъ гелленской жизни въ обширномъ сочиненіи, которому хотѣлъ дать національное имя «Гелленъ». Всѣ занятія должны были сосредоточиться около этой цѣли; большой трудъ былъ такъ задуманъ, что всѣ его части должны были основываться на самыхъ точныхъ изслѣдованіяхъ: гдѣ труды прежнихъ ученыхъ оказывались недостаточными, тамъ Бёкъ думалъ самъ предпринять спеціяльныя разысканія. Только такой планъ могъ казаться привлекательнымъ его точному филологическому уму, и, хотя время заставило его отказаться отъ намѣренія издать въ свѣтъ «Гелленъ» въ видѣ книги, однако же наука обязана этому предпріятію важными приращеніями.

При всеобъемлющемъ изученіи разныхъ сторонъ жизни классическихъ народовъ, однимъ изъ самыхъ существенныхъ недостатковъ въ познаніяхъ о древности оказалось неудовлетворительное пониманіе финансоваго устройства древнихъ государствъ и преимущественно Аѳинъ. Этотъ пунктъ, правда, долженъ былъ занять одно изъ второстепен-

ныхъ мѣстъ въ общемъ составѣ предполагаемаго «Геллена»; но при своемъ солидномъ, строго-добросовѣстномъ направленіи Бёкъ не могъ пройдти мимо него, не рѣшившись тотчасъ же подвергнуть его обстоятельному изслѣдованію. Такимъ образомъ произошли разысканія о государственномъ хозяйствѣ Аѳинянъ, которыя начались съ 1813 года и были изложены въ обширномъ сочиненіи: Die Staatshaushaltung der Athener, вышедшемъ въ 1817 году. Мы упоминали уже въ статьѣ о Гротѣ, помѣщенной выше, о блистательныхъ результатахъ этихъ разысканій относительно классовъ, учрежденныхъ Солономъ. Въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ мы надѣемся помѣстить полное извлеченіе изъ этого важнаго сочиненія, сдѣланное специялистомъ по части финансоваго права.

Однимъ изъ главныхъ источниковъ, при изслѣдованіи аѳинскихъ финансовъ, были для Бёка надписи, имѣвшія въ древности отчасти то же значеніе, что̀ у насъ грамоты. Къ сочиненію о государственномъ хозяйствѣ Аѳинянъ Бёкъ приложилъ небольшой фоліантъ, въ которомъ напечатано 17 надписей большаго объема. Новымъ поводомъ къ изученію этого чрезвычайно важнаго отдѣла памятниковъ было для Бёка порученіе, сдѣланное ему Берлинскою академіей наукъ, составить полное собраніе сохранившихся до нашего времени греческихъ надписей, Corpus Inscriptionum Graecarum. Въ знаменитое ученое сословіе, основанное по мысли Лейбница, Бёкъ вступилъ въ 1814 году. Многіе изъ членовъ академіи, въ особенности Нибуръ и Бутманъ, уже прежде отчасти интересовались, отчасти и занимались греческими надписями. Вступленіе въ академію такого специялиста, какъ Бёкъ, подало мысль предпринять отъ лица академіи полное собраніе надписей и поручить Бёку главные труды по этой части. Заинтересованный уже прежде по поводу своихъ финансовыхъ изслѣдованій этимъ разрядомъ источниковъ, Бёкъ охотно принялъ порученіе академіи и съ ревностію взялся за новый трудъ. Продолженіе большаго изданія Пиндара, окончившагося въ 1821 году, нѣсколько времени не позволяло ему исключительно заняться Собраніемъ Надписей, но дѣло шло на столько успѣшно, что, несмотря на огромность предпріятія, Corpus Inscriptionum началъ выходить съ 1824 года, и послѣдній третій выпускъ 1-го тома былъ изданъ въ 1828 году. Планъ изданія состоялъ въ томъ, что въ него должны были войдти всѣ греческія надписи, не исключая и непонятныхъ отрывковъ, за единственнымъ исключеніемъ надписей на монетахъ, тѣхъ надписей на рѣзныхъ камняхъ, вазахъ и печатяхъ, которыя кромѣ шрифта не имѣютъ никакого значенія, и наконецъ документовъ, сохранившихся у древнихъ писателей и подлежащихъ

обработкѣ другаго рода [1]). Всѣ допущенныя надписи были распредѣлены географически, а въ самомъ началѣ собраны въ одномъ мѣстѣ тѣ изъ надписей, которыя отличаются древностію и особеннымъ шрифтомъ.

Между тѣмъ, какъ эти обширные, можно сказать превышающіе силы одного человѣка, труды надъ греческими надписями понемногу подвигались впередъ, раскупка всѣхъ экземпляровъ сочиненія Die Staatshaushaltung der Athener, заставила Бёка подумать о его новомъ изданіи и возвратиться къ прежнимъ изслѣдованіямъ объ аѳинскихъ финансахъ. Ученый характеръ Бёка выказался и здѣсь съ извѣстной уже намъ стороны. При пересмотрѣ своего сочиненія, онъ былъ увлеченъ новыми изслѣдованіями о господствовавшихъ въ Греціи системахъ мѣры и вѣса, и эти изслѣдованія такъ приковали его къ себѣ, что, какъ онъ самъ говоритъ, у него выросла подъ руками особенная книга: Metrologische Untersuchungen über Gewichte, Münzfüsse und Masse des Alterthums in ihrem Zusammenhange, вышедшая въ 1838 году. Вопросы о метрологіи древнихъ были весьма запутаны, и чѣмъ болѣе велика была ихъ запутанность и сложность, тѣмъ неожиданнѣе и блистательнѣе были результаты изслѣдованій Бёка. Безъ преувеличенія можно назвать ихъ геніальными. Въ хаосѣ извѣстій, въ половину непонятныхъ и находящихся въ совершенномъ противорѣчіи между собою, съ вѣсами въ рукѣ тщательно изслѣдуя вѣсъ греческихъ монетъ и не менѣе тщательно взвѣшивая смыслъ сбивчивыхъ показаній древнихъ писателей и сличая между собою то и другое въ самыхъ утомительныхъ и, повидимому, безжизненныхъ изслѣдованіяхъ, Бёкъ открылъ удивившій историковъ фактъ, что всѣ употребительныя въ древности, у Грековъ, Римлянъ, Египтянъ, Сиріянъ, Финикіянъ, Евреевъ, Персовъ и Вавилонянъ, единицы вѣса и мѣры находятся въ связи между собою и происходятъ изъ Вавилона, по всей вѣроятности отъ халдейскихъ жрецовъ.

Къ слѣдующимъ за тѣмъ годамъ относится вмѣстѣ съ продолженіемъ Собранія Надписей, второй томъ котораго оконченъ въ 1843 году, весьма сложное изслѣдованіе о Манеѳонѣ и египетской хронологіи: Manetho und die Hundsternsperiode, ein Beitrag zur Geschichte der Pharaonen, помѣщенное въ Zeitschrift für Geschichte v. Ad. Schmidt. (B. II, 1844, S. 385 — 556.) Еще нѣсколько прежде того привлекла къ себѣ вниманіе Бёка богатая находка надписей, сдѣланная въ 1835 году

[1]) Впрочемъ большая адулитанская надпись нашла мѣсто въ Corpus Inscriptionum.

Россомъ въ пирейской гавани Аѳинъ, находка, которая, какъ сказалъ самъ Бёкъ, провела передъ нашими глазами весь аѳинскій флотъ и арсеналъ. Изготовленные Россомъ оттиски съ надписей были уступлены имъ Бёку и изданы послѣднимъ подъ заглавіемъ: Urkunden über das Seewesen des Attischen Staates (Berlin 1840). Съ 1845 года Бёкъ началъ разработку надписей, изданныхъ греческимъ ученымъ Рангави и относящихся къ аѳинскимъ финансамъ, и наконецъ, по окончаніи этой предварительной работы, приступилъ ко второму изданію своей Staatshaushaltung, которое и вышло въ 1850 году, значительно измѣненное и умноженное противъ прежняго.

Но и среди этихъ занятій трагики и Платонъ не были забыты. Въ 1843 году появилось изданіе Софокловой Антигоны съ нѣмецкимъ переводомъ въ размѣрахъ подлинника и двумя разсужденіями объ этой трагедіи въ цѣломъ и объ отдѣльныхъ частяхъ ея, и маленькая брошюрка о той же трагедіи, по поводу ея представленія на лейпцигской, потсдамской и берлинской сценахъ въ 1842 году. Наконецъ въ прошломъ году вышла въ свѣтъ книжка, посвященная опять Платону: Untersuchungen über das kosmische System des Platon, mit Bezug auf Hrn. Gruppe's kosmische Systeme der Griechen, ein Sendschreiben an Hrn. Alexander v. Humboldt von August Böckh. Такъ вѣренъ самъ себѣ остался Бёкъ во все продолженіе своего ученаго поприща. Всегда проникать до подробностей изучаемаго предмета, не останавливаться передъ необходимостію перенести изслѣдованіе на смежныя области, каждый разъ съ полнымъ увлеченіемъ предаваться предмету изученія, особенно охотно избирая трудные и сложные вопросы и не оставляя ихъ, пока не найдено удовлетворительнаго рѣшенія, и потомъ всегда опять возвращаться къ прежнимъ занятіямъ, чтобы вести ихъ далѣе при пособіи новонайденныхъ данныхъ—вотъ въ чемъ, можно сказать, залючается ученый девизъ Бёка и талисманъ его великихъ успѣховъ въ наукѣ.

Остается сказать объ его дѣятельности, какъ университетскаго преподавателя. Съ 1807 до 1811 года онъ преподавалъ въ Гейдельбергскомъ университетѣ и каждое полугодіе объяснялъ по нѣскольку писателей греческихъ и латинскихъ и читалъ по одному систематическому курсу о классической древности. По переходѣ въ Берлинъ, онъ продолжалъ преподаваніе въ такомъ же объемѣ до 1826 года: каждое полугодіе читалъ по три курса, одинъ о греческомъ писателѣ, одинъ—о латинскомъ и одинъ систематическій курсъ, всего отъ 12 до 14 часовъ въ недѣлю. Начиная съ зимы 1826 года, вслѣдствіе умножившихся занятій, онъ уменьшилъ объемъ своихъ чтеній и

сталъ читать по два курса, одинъ, состоявшій въ толкованіи какого нибудь писателя, по преимуществу греческаго, и другой систематическій. Изъ греческихъ писателей онъ чаще всего избиралъ Платона, Софокла, Гомера и Демосѳена; изъ римскихъ—Цицерона, Плавта, Теренція и Тацита. Всегда объясненію предпосылалось обширное введеніе о литературномъ характерѣ писателя, о его отношеніи къ своему народу, своимъ предшественникамъ и своему времени. Систематическія лекціи относились къ метрикѣ, исторіи греческой и римской литературы, исторіи древней философіи, греческимъ древностямъ и энциклопедіи филологіи. Послѣднюю онъ признаетъ самъ за самое важное и строго научное свое произведеніе. Чтеніямъ о ней было предоставлено изобразить мысль задуманнаго прежде «Геллена» въ научной систематикѣ. Всѣ стороны жизни двухъ классическихъ народовъ разсматриваются въ этихъ лекціяхъ въ полной системѣ и въ связи между собою, какъ выраженіе національнаго характера Грековъ и Римлянъ.

Здѣсь было бы неумѣстно входить въ подробное разсмотрѣніе этого систематическаго обзора исторіи классической древности. Скажемъ только, что въ этихъ лекціяхъ безспорно заключается образецъ того, какъ должна быть современемъ обработана исторія всѣхъ народовъ и эпохъ: въ настоящее время политическая исторія еще почти исключительно занимаетъ вниманіе историковъ, и разказъ событій въ тонѣ повѣствованія еще преобладаетъ надъ систематическимъ изображеніемъ всѣхъ проявленій жизни, практической и теоретической, даннаго народа; но не можетъ быть сомнѣнія, что эта односторонность будетъ когда-нибудь устранена, и обработка всѣхъ другихъ отдѣловъ исторіи человѣчества приблизится по характеру къ такъ называемымъ реальнымъ наукамъ классической филологіи. Тогда въ полный курсъ исторіи будетъ входить, вмѣстѣ съ повѣствованіемъ о внѣшней политической исторіи, не только исторія государственныхъ учрежденій и домашней жизни, но и исторія вѣрованій, языка, искусствъ и наукъ, и систематическій образъ изложенія получитъ верхъ надъ повѣствованіемъ. Первый опытъ подобной научной систематики относительно классической древности былъ сдѣланъ Фр. Авг. Вольфомъ въ его лекціяхъ объ энциклопедіи классической филологіи; но это было только внѣшнее обозрѣніе матеріяла: между тѣмъ какъ Бёку удалось не только построить систему, но и твердо связать ея части единствомъ главнаго воззрѣнія.

Вмѣстѣ съ этою заслугою Бёковы лекціи объ энциклопедіи филологіи установили навсегда и самое понятіе филологіи, — на основаніи первоначальнаго значенія этого слова и существа филологическихъ за-

нятій. Мы намѣрены когда-нибудь въ послѣдствіи поговорить подробно объ этомъ предметѣ, и потому сдѣлаемъ здѣсь только нѣсколько намековъ, которые, надѣемся, дадутъ однакоже общее понятіе о существенной мысли Бёка.

Всѣ эмпирическія науки основаны на впечатлѣніяхъ, производимыхъ внѣшними предметами и событіями на внѣшнія чувства человѣка. Но двѣ главныя отрасли эмпирическихъ наукъ, познаніе природы (въ обширномъ смыслѣ, со включеніемъ человѣка) и познаніе исторіи человѣчества, существенно отличаются одна отъ другой тѣмъ, что въ первой изъ этихъ отраслей возможно непосредственное наблюденіе и опытъ, между тѣмъ какъ во второй исключительнымъ источникомъ нашихъ эмпирическихъ познаній служатъ свидѣтельства другихъ людей, оставленныя во всякаго рода памятникахъ, словесныхъ и несловесныхъ. Поэтому ежели дѣятельность испытателя природы вся обращена на наблюденія и опыты, относящіеся прямо къ предметамъ вѣдѣнія, то историческое изслѣдованіе имѣетъ дѣло не непосредственно съ своимъ предметомъ, а съ памятниками, о немъ свидѣтельствующими. Отсюда открывается совершенное различіе въ образѣ занятій натуралиста и историка: съ одной стороны наблюденіе непосредственно даннаго въ мірѣ, съ другой трудъ надъ вѣрнымъ пониманіемъ и оцѣнкой свидѣтельствъ, заключенныхъ въ памятникахъ прошедшихъ эпохъ. Эта-то послѣдняя *дѣятельность, имѣющая цѣлію вѣрно понять и оцѣнить то, что уже однажды прошло черезъ сознаніе людей, и есть,* по опредѣленію Бёка, *филологія.* У филологіи есть такъ же точно свои правила и пріемы, какъ у естествовѣдѣнія, и эти правила и пріемы должны быть ясно сознаны, чтобы былъ возможенъ успѣхъ. Въ естественныхъ наукахъ давно признано, что главное качество изслѣдователя состоитъ въ умѣньи и ловкости наблюдать и дѣлать опыты. Дѣло историка гораздо сложнѣе и еще болѣе нуждается въ осмотрительности и искусствѣ и не можетъ обойтись безъ особеннаго канона. Поэтому въ первой части энциклопедіи филологіи Бёкъ излагаетъ канонъ филологической дѣятельности, состоящей: а) въ собственномъ пониманіи памятника (герменевтика) и б) въ оцѣнивающемъ сравненіи его со всѣмъ кромѣ него достовѣрнымъ (критика), а въ лекціяхъ о древнихъ писателяхъ и въ филологическомъ семинаріи старается упражнять слушателей въ практическомъ приложеніи этого канона. Во второй же части энциклопедіи, гдѣ онъ дѣлаетъ обзоръ всѣхъ реальныхъ наукъ классической филологіи, и въ отдѣльныхъ лекціяхъ о нѣкоторыхъ изъ реальныхъ наукъ онъ передаетъ результаты фило-

логическаго труда ученыхъ надъ памятниками, оставшимися отъ классической древности; это уже собственно не филологія, а ея результатъ, исторія.

Какъ всѣ главныя истины необыкновенно просты, но имѣютъ нескончаемое поприще для своего приложенія, такъ и это опредѣленіе филологіи. Оно вводитъ, можно сказать, во внутренній механизмъ того огромнаго отдѣла человѣческаго вѣдѣнія, который мы называемъ исторіей, и открываетъ тѣсную связь или лучше тождество дѣла филолога съ дѣломъ историка. Только зрѣлая филологія могла придти къ столь ясному и простому пониманію своей задачи, которое объясняетъ всю исторію самой филологіи, сохраняетъ существенное въ направленіяхъ, господствовавшихъ въ ней, и въ то же время окончательно примиряетъ филологію съ исторіей, ибо показываетъ ихъ тѣснѣйшую связь, какъ коренное условіе самаго ихъ существованія.

Эта зрѣлость филологіи, ея самообладаніе, основанное на ясномъ сознаніи своей цѣли и своихъ предѣловъ, видны, можно сказать, и вообще во всемъ характерѣ ученой дѣятельности Бёка, какъ филолога. Онъ не отличается Германовскою [1]) живописью и пылкостью; манера его преподаванія далеко не такъ увлекательна: но когда дѣло идетъ объ обдуманности сужденій, объ убѣдительности представляемыхъ доводовъ, объ обширности наведеній и соображеній, тамъ Бёкъ находится въ своей собственной сферѣ и тамъ онъ непревосходимъ. Самообладаніе и чувство мѣры, которое для него такъ дорого въ Грекахъ, есть и его собственное главное качество.

П. Леонтьевъ.

[1]) Мы говоримъ о Готфридѣ Германѣ, біографія котораго помѣщена во второй книгѣ этого Сборника.

ЗАМѢЧАНІЯ

НА РЕЦЕНЗІЮ «ОЧЕРКОВЪ ДРЕВНѢЙШАГО ПЕРІОДА ГРЕЧЕСКОЙ ФИЛОСОФІИ»,

ПОМѢЩЕННУЮ ВЪ № 10 МОСКОВИТЯНИНА.

Въ № 10 Москвитянина напечатана обширная критическяя статья о моемъ сочиненіи: «Очерки древнѣйшаго періода греческой философіи». Доселѣ появлялись въ нашихъ журналахъ лишь краткіе и большею частію голословные отзывы объ этомъ сочиненіи: тѣмъ пріятнѣе было мнѣ узнать о появленіи статьи, обѣщавшей, уже одною своею обширностію, подробный критическій разборъ моихъ «Очерковъ» черезъ полтора года по ихъ обнародованіи. Интересъ мой усилился, когда я прочелъ первыя страницы этой статьи. Она начинается строгими замѣчаніями на легкомысліе, съ какимъ пишутся у насъ рецензіи; авторъ статьи говоритъ тономъ убѣжденія, съ горечью и негодованіемъ, о людяхъ, берущихся безъ всякаго призванія судить о дѣлѣ, имъ чуждомъ и незнакомомъ. Рѣшительными ударами поражаетъ онъ рецензента «Отечественныхъ Записокъ», который голословно расхвалилъ мое сочиненіе. — Дѣйствительно, голословныя похвалы, такъ же какъ и подобныя порицанія не приносятъ никакой пользы ни автору, ни публикѣ, ни дѣлу. Кто дѣйствуетъ на какомъ бы то ни было общественномъ поприщѣ, тотъ долженъ быть совершенно нечувствителенъ и глухъ къ голословнымъ толкамъ. Итакъ, я съ усиленнымъ интересомъ продолжалъ чтеніе статьи, открывшейся такими дѣльными замѣчаніями. Окончивъ чтеніе, я, вопреки моему правилу — не отвѣчать на журнальныя статьи, въ которыхъ идетъ, въ какомъ-либо отношеніи, рѣчь обо мнѣ, взялся за перо и счелъ своею обязанностью кое-что замѣтить о моемъ неизвѣстномъ критикѣ и объ его статьѣ.

Да не подумаютъ, чтобы къ этому побуждало меня авторское самолюбіе. «Послѣ голословнаго одобренія *Очерковъ* (говоритъ мой

критикъ, обращаясь къ расхвалившему меня рецензенту), показать «въ нихъ какіе-нибудь недостатки, это требуетъ знанія предмета, «о которомъ разсуждаетъ авторъ *Очерковъ*, да и не всегда без-«опасно : вѣдь писатели, особенно ученые — народъ щекотливый, они «часто печатаютъ замѣчанія на рецензіи и уличаютъ рецензентовъ «въ такихъ недостаткахъ, въ которыхъ никто не захочетъ при-«знаться передъ публикою. Легче и безопаснѣе всего хвалить.» Могу увѣрить моего критика, что я не принадлежу къ числу такихъ щекотливыхъ людей, — да и къ чему, впрочемъ, буду я увѣрять его, когда уже самимъ дѣломъ достаточно доказалъ это? Мои «Очерки» встрѣтили не однѣ похвалы, но также и порицанія голословныя. Въ одной газетѣ, вскорѣ за появленіемъ въ свѣтъ моего сочиненія, было сказано объ немъ нѣсколько весьма неблагопріятныхъ и рѣзкихъ словъ, но я, какъ вѣроятно и никто, не обратилъ на эти слова ни малѣйшаго вниманія. — Назадъ тому лѣтъ восемь или девять, сочиненіе мое «Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка» было встрѣчено, вмѣстѣ съ благопріятными отзывами, также и однимъ весьма неблагопріятнымъ, изъ котораго можно было заключить лишь о недостаткахъ моей книги. Тогда я былъ моложе и, конечно, болѣе могъ страдать авторскимъ самолюбіемъ, нежели нынѣ; но и тогда ни обнаружилъ я не однимъ словомъ моего самолюбія и ничего не отвѣчалъ моему рецензенту. Къ тому же нынѣшній мой критикъ, при всей рѣшительности и строгости приговоровъ, высказываетъ въ заключеніи своей статьи много весьма лестнаго и о моихъ талантахъ и о нѣкоторыхъ достоинствахъ моего труда, что̀ могло бы достаточно успокоить авторское самолюбіе, еслибы затронуто было оно, а не другія болѣе уважительныя струны.

Критикъ мой скрылъ свое имя. Не имѣю никакого права входить въ причины, побудившія его къ тому; но думаю, что скрывая отъ публики свое имя, онъ даетъ мнѣ этимъ самымъ право говорить откровеннѣе, и все, что въ моихъ объясненіяхъ съ нимъ потребуетъ названія, называть безъ околичностей собственнымъ именемъ. Особа моего критика, благодаря его предосторожности, остается въ сторонѣ, и если повстрѣчается ему какая-нибудь невзгода, если будутъ уличать его въ такихъ недостаткахъ, *въ которыхъ никто не захочетъ признаться передъ публикою*, — онъ останется неизвѣстнымъ для публики, и покраснѣть придется ему только въ кругу своихъ пріятелей, и въ числѣ ихъ передъ тѣмъ, остроумное замѣчаніе котораго, вмѣстѣ со многими учеными цитатами, приводитъ онъ для удовольствія публики и въ назиданіе мнѣ

Итакъ, за устраненіемъ всякихъ личностей, остается интересъ дѣла. Въ томъ еще нѣтъ большой бѣды, что въ молодой литературѣ, какова наша, встрѣчаются въ журналахъ голословные или несоотвѣтствующіе предмету отзывы объ ученыхъ сочиненіяхъ. Дѣло ни мало не пострадаетъ отъ того, что какой-нибудь балагуръ наговоритъ съ три короба всякихъ пустяковъ по поводу книги, которой не читалъ и которая даетъ ему только случай развернуть свое остроуміе и какъ-нибудь занять досугъ читателя. Такого рода болтовня не можетъ вводить публику въ заблужденіе. Несравненно хуже, если непризванный критикъ захочетъ разбирать самое дѣло, если съ незнаніемъ предмета онъ будетъ соединять притязанія на отчетливое, основательное, добросовѣстное знаніе онаго. Мнѣ очень пріятно прервать здѣсь собственную рѣчь и дать самому г-ну N, моему послѣднему критику, говорить за меня: «О журналисты! о рецензенты! (восклицаетъ онъ) когда же, наконецъ, вы будете уважать «публику и самихъ себя? Весьма хорошо было бы, еслибы нѣсколько «человѣкъ образованныхъ и добросовѣстныхъ, приняли на себя трудъ «отмѣчать и обличать всякую ложь, которая встрѣчается въ нашихъ «журналахъ и касается болѣе или менѣе важныхъ предметовъ науки «или жизни. Не можемъ не привести по этому случаю замѣчательныхъ словъ Веруламскаго Бэкона, строгаго и правдиваго обличителя лжи въ области знанія: Гнуснѣйшее зло въ наукѣ, говоритъ «онъ, — это ложь и обманъ: оно заражаетъ самую природу, душу, «знаніе, которое есть не что иное, какъ образъ истины.... Зло это «является въ двухъ видахъ — въ обманѣ и легковѣріи.... первый «происходитъ отъ хитрости, послѣднее отъ излишней простоты.... «Но результатъ обоихъ одинъ и тотъ же.... ибо кто легко вѣритъ, «тотъ охотно и обманываетъ.»

Конечно, было бы весьма хорошо, еслибы нѣсколько образованныхъ и добросовѣстныхъ людей взялись за трудъ обличать всякую ложь, которая касается важныхъ предметовъ науки и жизни; но какъ такіе не выискиваются, то обличителями должны служить сами авторы: вотъ почему я теперь беру на себя непріятную обязанность нѣсколько разоблачить моего критика, и выставить его передъ публикою въ истинномъ свѣтѣ.

Г. N съ чувствомъ самодовольства прямо высказываетъ, что онъ довольно знакомъ съ предметомъ; но этого мало — собственному его сознанію публика могла бы и не повѣрить — отъ перваго до послѣдняго слова старался онъ соблюсти тонъ и пріемы человѣка, самостоятельно изучавшаго предметъ и изъ своихъ изученій вы-

несшаго основательныя и твердыя убѣжденія. Надобно отдать ему справедливость: онъ довольно ловко носитъ эту маску. Выраженія его представляютъ нѣкоторые внѣшніе признаки зрѣлости и обнаруживаютъ въ немъ человѣка, навыкшаго разговаривать «о матерьяхъ важныхъ»; онъ пишетъ гладко и связно, и умѣетъ пользоваться общими мѣстами и готовыми фразами, которыя не задерживаютъ докучливо и придирчиво вниманія читателя. Человѣкъ, не лишенный общаго образованія, но не специяльно знакомый съ предметомъ, и не читавшій моего сочиненія, легко можетъ повѣрить знаніямъ моего критика, а критику его счесть за основательную и добросовѣстную. Г. N сыплетъ ссылками не только на различныя сочиненія по исторіи философіи, но и на источники. То и дѣло встрѣчаете вы у него, напримѣръ, *у Бека Филолай, фрагментъ такой-то;* съ Аристотелемъ онъ за панибрата; онъ выписываетъ изъ него цѣлыя мѣста, даже приводитъ нѣсколько греческихъ словъ, правда безъ нужды, но не безъ цѣли произвести эффектъ. Словомъ статья г-на N, на поверхностный взглядъ, явленіе весьма отрадное. Какъ пріятно, подумаетъ читатель, встрѣтить подобную рецензію, писанную о спеціяльномъ сочиненіи знатокомъ дѣла: наша журналистика не пріучила насъ къ такимъ явленіямъ!

Прежде всего мы попросимъ г-на N снять съ себя заимствованный нарядъ знатока.

Вопервыхъ, онъ, такъ важно приводящій цѣлыя мѣста изъ Аристотеля, Порфирія, ссылающійся на источники, совершенно незнакомъ съ ними, и дѣлаетъ промахи, представляющіе въ весьма невыгодномъ свѣтѣ рецензента, который, при незнаніи, ими обличаемомъ, рѣшился принять тонъ знатока и судьи. Не нужно, кажется, доказывать, что только тотъ можетъ судить о какомъ-либо ученомъ изслѣдованіи, кто знакомъ съ его предметомъ по собственному изученію, знакомъ съ источниками. Простое чтеніе различныхъ сочиненій, писанныхъ по тому же предмету, достаточно болѣе или менѣе для общаго образованія, но никакъ не можетъ дать право суда и оцѣнки. Критикъ мой, какъ кажется, знаетъ это правило: вотъ почему онъ и старается показать, что самостоятельно изучалъ источники.

У моего критика нѣтъ ни одной ссылки на источники, которая бы принадлежала ему. Бо́льшая часть ихъ заимствована прямо изъ моего же сочиненія. Иногда, именно тамъ, гдѣ г. N приводитъ древняго автора въ моемъ переводѣ, онъ ссылается на меня, замѣчая тономъ знатока, что я весьма удачно передалъ выраженія

древнихъ мыслителей. Тамъ же, гдѣ онъ глухо на нихъ ссылается, онъ могъ обойдтись безъ ссылки на сочиненіе, изъ котораго выбиралъ свою ученость. Но

«Какихъ ни вымышляй пружинъ

.

«А истина должна открыться.»

Какъ онъ не подумалъ, что «шила въ мѣшкѣ не утаишь?» Что если заимствованныя имъ изъ чужаго сочиненія цитаты въ чемъ-нибудь невѣрны? Что если, въ томъ или другомъ мѣстѣ, не понятъ подлинникъ и переданъ неправильно? или случилась описка, опечатка?

Грѣхъ попуталъ его между прочимъ на самомъ видномъ мѣстѣ, въ самой капитальной его ссылкѣ, приводимой имъ съ особенною важностію, и при томъ въ ссылкѣ на такого древняго автора, въ незнаніи котораго не захотѣлъ бы быть уличенъ и простой дилеттантъ, именно на Аристотеля, котораго долженъ основательно и въ подлинникѣ знать всякій, спеціяльно занимающійся исторіею древней философіи, наконецъ на «Метафизику», на первую главу ея, въ которой каждое слово должно быть взвѣшено знатокомъ древней философіи.

Чтобы разоблачить нашего мистификатора, мы попросимъ его показаться передъ публикою въ этомъ мѣстѣ, гдѣ онъ, вѣроятно, не только считалъ себя совершенно безопаснымъ, но и надѣялся всего болѣе покрасоваться своимъ знаніемъ и ученостію. Выписываемъ вполнѣ это мѣсто:

«Чтобъ показать, какъ справедливо и глубоко понимали древніе писатели это восхожденіе мысли въ начальномъ періодѣ греческой философіи, — мы приводимъ два мѣста, сюда относящіяся,—одно изъ Аристотеля, а другое изъ Порфирія. Аристотель, передавая мнѣніе Платона о ступеняхъ познанія, говоритъ отъ его лица, что «кромѣ чувственнаго (αἰσθητά) и идеальнаго (τὰ εἴδη), и между ними находится въ вещахъ математическое, которое различается и отъ чувственнаго, поелику математическое *безконечно* (т.-е. невидимо) и неподвижно,—и отъ идей, поелику оно выражаетъ въ себѣ множество однороднаго, а идея, каждая сама по себѣ, есть единое.» (Arist. Met. 1, 6.) Порфирій въ жизни Пиѳагора, опредѣляя смыслъ и историческое значеніе его философіи, пишетъ: «Пиѳагоръ преподавалъ философію, имѣя въ виду освободить мысль отъ ея оковъ. Безъ мысли ничто не можетъ быть познаваемо; мысль слышитъ и видитъ все въ себѣ самой, а чувственное нѣмо и слѣпо. Къ достиженію своей цѣли Пиѳагоръ воспользовался математическимъ, поелику оно занимаетъ средину между чувственнымъ и мыслію (т.-е. сверхчувственнымъ), и есть какъ бы ступень къ тому, что существуетъ само въ себѣ и для себя.» (De vita Pythag. § 46.) Въ другомъ мѣстѣ: «Поелику пиѳагорейцы были еще неспособны ясно, въ формѣ чистой мысли, выразить абсолютное и первыя начала, то и воспользовались для ихъ обозначенія математическимъ.» (Ibid. § 48.) Смыслъ приведенныхъ мѣстъ изъ Аристотеля и Порфирія тотъ, что познающій разумъ, начиная отъ чувственнаго, отъ αἰσθητά восходитъ къ математическому и потомъ уже къ идеямъ.»

Кто бы могъ подумать, читая эти строки, что написавшій ихъ и въ глаза не видалъ не только Порфирія de vita Pythagorae, но и Аристотелевой «Метафизики»?

Какъ? Аристотель отличаетъ математическій элементъ отъ чувственнаго признакомъ *безконечнаго*, который будто бы значитъ то же, что̀ *невидимое?* Еслибъ я и не зналъ этого мѣста въ Аристотелевой «Метафизикѣ», то ужь одна нелѣпость, совершенно противорѣчащая всѣмъ понятіямъ древней философіи, и платоновской, и аристотелевской, будто *безконечное* (по древней терминологіи *безграничное, безпредѣльное*) есть признакъ, отличающій математическое отъ *чувственнаго,* должна была бы поразить меня. Напротивъ, по понятіямъ древней философіи, *τὸ ἄπειρον*, *безпредѣльное,* есть скорѣе отличительный признакъ чувственнаго; числа же представляютъ собою начало опредѣляющее; слѣдовательно совершенно наоборотъ. И что значитъ это поясненіе въ скобкахъ *(т.-е. невидимое)*? — Мы вспоминаемъ откуда взялъ эту часть своего ученаго костюма г. N.... Это только второе изданіе случайной ошибки, происшедшей въ Гегелевой «Исторіи Философіи». Г. N., перелистывая добытыя имъ для своей статьи книги, попалъ на это мѣсто въ Гегелевой «Исторіи Философіи» и прямо выписалъ его. Извѣстно, что «Исторія Философіи» (наименѣе обработанная часть сочиненій Гегеля) была издана, такъ же какъ и бо̀льшая часть другихъ частей полнаго собранія сочиненій этого философа, не имъ самимъ, а уже послѣ его смерти, учениками его, по своимъ университетскимъ тетрадямъ. Конечно, эта ошибка произошла при изданіи совершенно случайнымъ образомъ, по какому-нибудь недосмотру, можетъ-быть просто типогравскому, потому что г. Мишеле, издатель «Исторіи Философіи» безъ всякаго сомнѣнія знакомъ съ Аристотелемъ не такъ, какъ г. N. Особенно характеризуетъ моего рецензента еще то обстоятельство, что въ Гегелевой книгѣ приведенъ въ примѣчаніи греческій текстъ этого мѣста, текстъ совершенно, правильно напечатанный, въ которомъ нѣтъ и помину о *безконечномъ*. Вотъ это мѣсто: Metaph. I, 6: *τ῎Ει δὲ παρὰ τὰ αἰσθητὰ καὶ τὰ εἴδη τὰ μαθηματικὰ τῶν πραγμάτον εἶναι φησι μεταξὺ, διαφέροντα τῶν μὲν αἰσθητῶν τῶ αἴδια καὶ ἀκίνητα εἶναί, τῶν δ'εἰδῶν κτλ.* См. Гегеля Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie. I, стр. 238. Если г. N не имѣлъ подъ рукою «Метафизики» Аристотеля, и принужденъ былъ цитовать ее по чужому сочиненію, то какъ же онъ не обратилъ вниманія на греческій подлинникъ приведеннаго мѣста, на той же самой страницѣ? Для кого же и приводятся подлинныя мѣста, какъ не для того, кто хочетъ и можетъ читать съ толкомъ

ученое сочиненіе? Очевидно, что нашъ ученый не могъ и прочесть Аристотелева мѣста въ подлинникѣ, и поневолѣ предпочелъ передать его по-русски съ нѣмецкаго перевода, сохраняя съ дипломатическою точностію и случайный промахъ послѣдняго.

Оба мѣста изъ Порфирія выписаны г-мъ N въ томъ же самомъ порядкѣ, въ какомъ они приведены у Гегеля послѣ мѣста изъ Аристотеля, съ соблюденіемъ даже любимой формулы Гегеля: was an und für sich ist *(что существуетъ,* — какъ переводитъ г. N, — *само въ себѣ и для себя!)*.

Довольно пока и этого образчика учености моего рецензента. Ниже мы еще лучше увидимъ, какъ онъ знакомъ съ Аристотелемъ.

Но если г. N не можетъ назваться знатокомъ дѣла, то не имѣетъ ли онъ права по крайней мѣрѣ на титло добросовѣстнаго дилеттанта? Онъ не изучалъ самихъ философовъ: по крайней мѣрѣ не читалъ ли онъ ревностно и прилежно разныхъ руководствъ по исторіи древней философіи? Или наконецъ не обладаетъ ли замѣчательнымъ даромъ мышленія? Не обладаетъ ли «необыкновеннымъ историче-«скимъ ясновидѣніемъ, которое свойственно только людямъ геніяль-«нымъ, и по руководству котораго они безъ обширной учености мо-«гутъ глубоко проникать въ тайны народной и частной (даже частной!) жизни?» [1])

Какъ бы ему не быть основательно знакомымъ съ «великими и многоплоднѣйшими» трудами историковъ древней философіи, когда онъ и писалъ свою статью преимущественно съ цѣлію защитить ихъ отъ моей заносчивости и отъ «брани журнальныхъ борзописцевъ»? Къ сожалѣнію, при соображеніи всего, что сюда относится въ статьѣ моего рецензента, оказывается, что онъ болѣе перелистывалъ, нежели читалъ разныя руководства, и съ нѣкоторыми, какъ кажется, познакомился впервые въ то время, какъ задумалъ писать свою рецензію. Едва ли бы сами эти мнимыя жертвы были рады такому защитнику, не исключая, можетъ-быть, и «почтеннаго» Риттера, котораго такъ ревностно отстаиваетъ г. N. Кто не поскучаетъ прочесть до конца эти замѣчанія, тотъ согласится, что въ этихъ словахъ нѣтъ ничего преувеличеннаго. Теперь я представлю пока немногія указанія, которымъ можетъ-быть не нашлось бы мѣста въ связи дальнѣйшаго изложенія.

Еслибы г. N былъ дѣйствительно начитанъ въ сочиненіяхъ по части исторіи философіи, то его не могло бы привести въ затрудненіе

[1]) Этими словами выражаетъ г. N свое почтеніе къ Гегелю.

напримѣръ слѣдующее выраженіе: «Они (т.-е. пиѳагорейцы) отвлекали отъ стихійнаго значенія земли».... Г. N., выписывая это выраженіе изъ моей книги, замѣчаетъ въ скобкахъ: «Тутъ или опечатка или пропускъ какого-нибудь слова, а иначе выходитъ безсмыслица». Только человѣку, совершенно незнакомому съ философскою терминологіею, или даже вообще съ общепринятымъ ученымъ языкомъ, можетъ показаться непонятнымъ приведенное выраженіе. Г. N не знаетъ даже того, чему учитъ логика г. Рожественскаго; ему неизвѣстна принятая во всѣхъ языкахъ формула: abstrahere animum ab aliqua re; von etwas abstrahiren; faire abstraction de quelque chose. Въ «многоплоднѣйшихъ трудахъ» историковъ философіи онъ на каждомъ шагу могъ бы повстрѣчаться съ подобнымъ выраженіемъ: Sie abstrahirten von der materiellen Bedeutung der Erde; ils faisaient abstraction de la terre comme d'un elément materiel. Г. N могъ бы упрекнуть меня за употребленіе этой обыкновенной формулы, которая могла бы не понравиться ему; но предполагать въ ней опечатку или пропускъ какого-нибудь слова, не понять ея смысла, значитъ показать въ весьма невыгодномъ свѣтѣ свою начитанность въ сочиненіяхъ философскаго содержанія.

Всего же забавнѣе слѣдующій промахъ моего рецензента, какъ нельзя лучше обличающій его познанія въ исторіи древней философіи. Чтобы не оставить ничего въ моемъ сочиненіи безъ строгой критики, онъ обращаетъ вниманіе публики на недостатки слога. Для этой цѣли онъ выискалъ въ моемъ сочиненіи нѣсколько выраженій, нѣсколько словъ, которыя, будучи вырваны изъ связи и поставлены вмѣстѣ, дѣйствительно могли бы произвести на читателя невыгодное для меня впечатлѣніе, еслибы рецензентъ мой не позабылъ благоразумнаго правила, что лучше недосолъ, чѣмъ пересолъ, и въ излишней ревности не выставилъ мнѣ въ упрекъ такихъ реченій, какъ *космогонія*, *космографія*, *астральный*, *инстанція*, *реакція*, *спецификація*, *реальное*, и другія реченія, или уже принятыя въ русскій языкъ, и имѣющія значеніе терминовъ [1]), или болѣе характеристическія, чѣмъ соотвѣтственныя русскія слова, и прямо заим-

[1]) И, прибавимъ, употребляемыя самимъ рецензентомъ. Въ самомъ дѣлѣ, г. N тутъ же употребляетъ самъ такія выраженія: внутренняя *реальность*, *спекулятивная* вода, *спекулятивная* мысль, *предикатъ* жизни, *матерія*, *космологія*, *космологическія* представленія, *идеалистическая* метафизика. Впрочемъ да успокоится г. N: эти и подобныя выраженія можетъ употреблять онъ безъ зазрѣнія совѣсти, хотя реченій *спекулятивная* и *предикатъ* можно было бы избѣжать даже и при переводѣ съ нѣмецкаго.

ствованныя отъ предмета, реченія греческаго или латинскаго происхожденія, какъ *спорадическіе* (мыслители), *матеріализація, экстатическое* состояніе и т. п. Но каковы бы ни были эти реченія, дѣло теперь не въ нихъ. Г. N — какъ бы вы думали? — вмѣстѣ съ этими словами, выписанными въ укоръ мнѣ, приводитъ слово *сферосъ,* какъ будто это слово мое, какъ будто я сковалъ его для собственнаго употребленія. Невинный рецензентъ мой не знаетъ даже и того, что это необыкновенное слово (σφαίρος), вмѣсто *сферы,* сковано *Эмпедокломъ.* Объ этомъ могъ бы онъ узнать, даже не прибѣгая и къ источникамъ, изъ многихъ руководствъ, и всего ближе изъ моего сочиненія, въ которомъ слово это приводится при изложеніи системы Эмпедокла, какъ характеристическій терминъ этого мыслителя. Можно ли, по чистой совѣсти, судить о дѣлѣ съ такими объ немъ свѣдѣніями? И можно ли произносить приговоръ о сочиненіи, которое мы читали безъ должнаго вниманія? Г. N не досмотрѣлъ нарочно сдѣланнаго мною примѣчанія касательно этого реченія (см. Очерки, стр. 134, прим. 2). Какъ кажется, онъ вообще не любитъ заглядывать въ примѣчанія, гдѣ приводятся тексты подлинниковъ, и благоразумно сознаетъ, что это было бы и безполезно для него.

Мы сейчасъ увидимъ, какъ искусно и добросовѣстно пользовался мой рецензентъ плодами своихъ прогулокъ по руководствамъ исторіи древней философіи, и какъ въ то же время прогуливался по моему сочиненію.

Г. N начинаетъ свои критическія замѣчанія о моихъ «Очеркахъ» указаніемъ на «неосторожныя и несправедливыя» выходки, которыя будто бы я позволилъ себѣ противъ новѣйшихъ изслѣдователей по части древней греческой философіи (причемъ рецензентъ не упускаетъ намекнуть, что онъ близко знакомъ съ ихъ трудами).

Рѣшившись выступить передъ публикой съ этими объясненіями, я считаю не лишнимъ высказаться относительно нѣкоторыхъ пунктовъ въ моемъ сочиненіи, могущихъ показаться предосудительными въ глазахъ лицъ, не близко знакомыхъ съ предметомъ, а съ моимъ сочиненіемъ знакомыхъ только по рецензіи г-на N.

Мы оставимъ его на время въ сторонѣ, и будемъ обращаться прямо къ читателю.

Дѣйствительно, въ разныхъ мѣстахъ моего изслѣдованія, встрѣчается нѣсколько замѣчаній, направленныхъ на нѣкоторые предразсудки, господствующіе въ изложеніи исторіи древней философіи и препятствующіе ей, по моему убѣжденію, пріобрѣсти истинный видъ знанія. Вопросъ объ исторіи философіи, какъ о знаніи, возникъ,

можно сказать, лишь въ последнее время. Въ этой наукѣ, если только еще можно назвать исторію философіи наукой,—нѣтъ общепризнанныхъ авторитетовъ, нѣтъ точекъ зрѣнія, обязательныхъ для всѣхъ, нѣтъ твердыхъ началъ и направленій, возникшихъ раціонально, властвовавшихъ безспорно и долго надъ умами, почтенныхъ даже въ своей ошибочности, которая бы мало-по-малу исчезала сама собою, собственнымъ движеніемъ науки. Такихъ авторитетовъ, повторяемъ, нѣтъ въ исторіи философіи, какъ особой сферѣ знанія, хотя были и есть болѣе или менѣе замѣчательные мыслители, ученые и писатели, которые касались этой области, и принесли ей пользу каждый въ какомъ-либо отношеніи, преимущественно же въ критико-филологической разработкѣ матеріяловъ. Мы имѣемъ превосходныя изданія древнихъ философовъ, тщательно собранные и очищенные фрагменты и свидѣтельства; въ этомъ отношеніи, въ отношеніи собственно филологическомъ, мы съ уваженіемъ произносимъ многія имена, имѣющія всю силу авторитетовъ: таковы имена Беккера, Брандиса, Штальбаума, Бека, Лобека, Карстена, Штурца, также Шлейермахера, знаменитаго переводчика Платона, и нѣкоторыхъ другихъ ученыхъ, занимавшихся предметами исторіи древней философіи, какъ частями задачи филологической, или чисто исторической, очищавшихъ тексты и возстановлявшихъ правильное чтеніе.

Труды критиковъ-филологовъ имѣютъ величайшую важность; безъ трудовъ этихъ было бы невозможно и подумать объ исторіи философіи, какъ объ особомъ познаніи; но, предуготовляя это познаніе, они еще не составляютъ его, и филологическіе авторитеты не суть авторитеты для исторіи философіи, такъ точно, какъ напримѣръ анатомія не составляетъ еще физіологіи, хотя и предуготовляетъ ее, или какъ математика необходима для успѣховъ физики, но еще вовсе не есть физика. Вопросъ теперь состоитъ въ томъ, возможна или невозможна, нужна или ненужна наука исторіи философіи? Не за чѣмъ распространяться о томъ, что эта наука и возможна и нужна; ибо если есть предметъ для знанія, то должно быть и самое знаніе. Въ наше время сдѣлано было нѣсколько попытокъ найдти точку зрѣнія на развитіе философскаго мышленія, которая дала бы его исторіи истинный характеръ науки. Въ этихъ попыткахъ все начинается съ начала; каждый старается, по своему разумѣнію, положить основаніе дѣлу; рѣчь идетъ еще только объ основаніи. Прежде всего, и съ особенною благодарностію, должны мы упомянуть о Теннеманѣ. Если въ этой области есть чье-нибудь имя, приближающееся къ значенію авторитета, то, безъ сомнѣнія, имя Теннемана.

Огромный трудъ его, въ тринадцати томахъ, заслуживаетъ полнаго уваженія и благодарности. Еслибы кто-нибудь изъ приступающихъ къ изученію исторіи философіи, спросилъ у насъ совѣта, какимъ пользоваться руководствомъ, то, признаемся, мы были бы въ большомъ затрудненіи, и прежде всего посовѣтовали бы заняться дѣломъ, по возможности, безъ всякаго руководства, и изучать древнихъ философовъ въ нихъ самихъ; въ случаѣ же нужды, мы указали бы, кромѣ труда Брандиса, о которомъ скажемъ нѣсколько словъ ниже, преимущественно сочиненіе Теннемана, несмотря на то, что оно принадлежитъ къ числу старѣйшихъ по времени. (Geschichte der Philosophie Теннемана издана въ 1798—1819 г.)

Не угодно ли однако послушать теперь, какъ отзывается Гегель о Теннеманѣ? «Философскія системы описаны у него подробно, и новѣйшія изъ нихъ лучше, чѣмъ древнія. Философскія системы новаго времени изобразить легче: требуется только сдѣлать извлеченіе, или даже просто перевести; мысли, содержащіяся въ нихъ, ближе къ намъ. Совсѣмъ иное, когда рѣчь идетъ о древнихъ философахъ; они находятся въ сферѣ другихъ понятій, и потому уразумѣть ихъ труднѣе. Изучающій невольно превращаетъ древнюю мысль во что-нибудь болѣе ему обычное; это случилось и съ Теннеманомъ, здѣсь онъ почти никуда не годится. Напримѣръ, Аристотеля онъ до такой степени не понималъ, что подлагаетъ его словамъ смыслъ совершенно противоположный; понимайте въ обратномъ смыслѣ то, что̀ Теннеманъ выдаетъ за Ариститотелевское, и вы получите болѣе вѣрное представленіе философіи Аристотеля. Но Теннеманъ столь добросовѣстенъ, что подъ текстомъ приводитъ соотвѣтственное мѣсто изъ Аристотеля, такъ что оригиналъ и переводъ часто другъ другу противорѣчатъ. По мнѣнію Теннемана, необходимо, чтобъ историкъ не былъ философомъ. Онъ хвалится, что не имѣетъ никакой системы; въ самомъ же дѣлѣ онъ имѣетъ систему, — онъ критическій философъ. Онъ хвалитъ философовъ, ихъ любознательность, ихъ геній; въ концѣ же всѣ они подвергаются порицанію за одинъ недостатокъ, именно за то, что не принадлежали къ Кантовой школѣ, не изслѣдовали источника познанія, результатомъ чего было бы убѣжденіе, что истина не можетъ быть познана.» Такъ отзывается одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ философовъ новаго времени, самъ занимавшійся исторіею философіи, о Теннеманѣ, который, по всей справедливости, лишь одинъ въ этой наукѣ представляетъ нѣчто похожее на авторитетъ. Изъ новѣйшихъ трудовъ по этой части, трудъ самого Гегеля, являющій въ себѣ много блестящаго и

глубокомысленнаго, тѣмъ не менѣе, особенно по отношенію къ древней философіи, вовсе не почитается за авторитетъ. Мы могли бы привести отзывы объ исторіи философіи Гегеля, не болѣе благопріятные, чѣмъ собственный его отзывъ о Теннеманѣ, но находимъ подобныя выписки и скучными и неумѣстными. Изъ другихъ новѣйшихъ сочиненій по этой части, всѣхъ болѣе заслуживаетъ уваженія истинпопочтенный трудъ Брандиса (Handbuch der Geschichte der griechisch-römischen Philosophie). Онъ не философъ, не мыслитель, и трудъ его не улучшилъ положенія исторіи философіи какъ особаго познанія, какъ науки въ строжайшемъ смыслѣ этого слова; но Брандисъ, какъ опытный филологъ, превосходно собралъ и сгруппировалъ относящіеся сюда матеріялы. Онъ не даетъ началъ для познанія внутренней исторіи мыслящаго разума, и не имѣетъ на это никакихъ притязаній; его трудъ — простой сборникъ матеріяловъ, и излагаемыя имъ собственныя сужденія и объясненія, которымъ онъ и самъ не придаетъ, какъ кажется, большаго значенія, служатъ только нитью для связыванія матеріяловъ, равно какъ и принятая имъ при изложеніи система служитъ ему лишь по возможности удобнѣйшею рамкою для ихъ расположенія.

Другіе дѣятели, работавшіе въ послѣднее время по предмету исторіи древней философіи, развѣ только въ шутку могутъ быть произведены въ авторитеты, хотя нѣкоторые изъ нихъ, безспорно, отличаются многими уважительными достоинствами. Генрихъ Риттеръ пользуется болѣе прочихъ извѣстностью, и извѣстностью весьма заслуженною. Но онъ болѣе литераторъ, болѣе писатель, нежели мыслитель. Въ самомъ дѣлѣ, человѣку, сколько-нибудь знакомому съ философскимъ мышленіемъ, стоитъ лишь заглянуть въ исторію Риттера, чтобы убѣдиться, какъ не велики его права на титло истиннаго мыслителя. Трудъ его принадлежитъ болѣе къ разряду явленій литературныхъ, нежели философскихъ, болѣе удовлетворяетъ потребностямъ общаго образованія, нежели истиннаго знанія. Нельзя же образованному человѣку не имѣть никакого понятія о явленіяхъ такой важной и обширной области, какъ исторія мыслящаго разума: и вотъ книга Риттера, написанная гладко, легко, съ основательными фактическими свѣдѣніями, представляетъ весьма удобное къ тому средство. Читая его, вы ни на чемъ не запнетесь, мысль ваша не почувствуетъ никакого возбужденія, горизонтъ вашихъ понятій не расширится, они ни въ чемъ не измѣнятся, все у васъ останется и въ прежнемъ видѣ и на прежнемъ мѣстѣ; но вы узнаете изъ легкаго чтенія, что въ такія-то времена процвѣтали такіе-то философы, то-

то они думали; запомните нѣкоторыя изъ ихъ философемъ; можете потомъ, благодаря этому чтенію, украшать свою рѣчь или свой слогъ свѣдѣніями по этой части, употреблять кстати имя какого-нибудь древняго философа или какую-нибудь древнюю философему. Для этихъ цѣлей, если хотите софистическихъ, хотя и не заслуживающихъ той укоризны, какая отъ самого Риттера достается древнимъ софистамъ, весьма хорошо приспособлено сочиненіе этого писателя. Онъ беретъ матеріялъ (съ которымъ впрочемъ знакомъ какъ истинный ученый), и дѣлаетъ изъ него, по разнымъ своимъ планамъ, болѣе или менѣе замысловатыя постройки, повинуясь ни столько потребности проникнуть до истины, сколько желанію составить нѣчто удобочитаемое. Все это говоримъ мы не въ укоръ Риттеру: мы характеризуемъ дѣятельность, которой преданы многія болѣе или менѣе уважаемыя дарованія по различнымъ частямъ литературы, дѣятельность, повторяемъ, не безполезную и имѣющую свое значеніе; таковы, напримѣръ, многія изложенія всеобщей исторій, французскіе курсы исторіи литературы и т. п. За то, — надобно также признаться, — чтеніе Риттеровой исторіи философіи, и именно древнѣйшей (потому что послѣдующія части, гдѣ историкъ болѣе скрывается, и болѣе выступаютъ самыя системы, удовлетворительнѣе, какъ Гегель замѣчаетъ о Теннеманѣ), чтеніе это для человѣка мыслящаго очень тяжело, по самой своей легкости; передъ вашимъ умомъ, не касаясь его, въ гладкой рѣчи, ни на минуту не задерживающей вашего вниманія и вашей мысли, проносятся безъ слѣда цѣлыя системы: въ предметѣ чисто-умственномъ вашъ умъ остается празденъ и голоденъ.

Что̀ касается до другихъ изслѣдователей исторіи древней философіи, то каждый изъ нихъ отличается какимъ-нибудь своимъ достоинствомъ: кто болѣе или менѣе удачнымъ стремленіемъ внести въ эту область духъ знанія, кто частною разработкою фактовъ, кто остроуміемъ въ ихъ группированіи, кто болѣе или менѣе счастливымъ истолкованіемъ отдѣльныхъ явленій. Въ планъ моего изслѣдованія не входила критика ихъ трудовъ, и полемическія замѣчанія мои направлены лишь противъ общихъ предразсудковъ или ложныхъ понятій, препятствующихъ исторіи философіи принять истинный видъ мыслительнаго знанія. Нѣкоторые изъ новѣйшихъ дѣятелей высказываютъ то же самое и еще можетъ-быть сильнѣе, чѣмъ я. Я былъ радъ сойтись съ нѣкоторыми въ стремленіи къ этой цѣли, но въ своихъ изслѣдованіяхъ я шелъ отъ начала до конца своею дорогою. Попытки мыслительнаго воздѣлыванія исторіи философіи еще такъ

недавни, такъ необильны прочными и общепринятыми результатами, что мнѣ не было никакой нужды слѣдовать кому-нибудь изъ своихъ сотрудниковъ по общему дѣлу. Нѣтъ двухъ руководствъ по исторіи древней философіи, за исключеніемъ развѣ вышедшихъ изъ Гегелевой школы, которыя бы не разногласили между собою въ самыхъ существенныхъ вопросахъ. Къ тому же изученіе предмета въ въ немъ самомъ такъ само по себѣ привлекательно и живительно, что не захочешь отвлекаться отъ него, чтобы слѣдить за смутными и неясными отраженіями его въ чужихъ умахъ. Ни одного воззрѣнія, ни одной основной мысли не заимствовано изъ сочиненій другихъ по этой части; и каковы бы ни были мои изслѣдованія, дурны ли, хороши ли, они какъ въ цѣломъ, такъ и частностяхъ (кромѣ, разумѣется, одного и того же матеріяла), не представляютъ ничего общаго съ изслѣдованіями другихъ по предмету древнѣйшаго періода греческой философіи. Ограничивъ свой трудъ одною изъ самыхъ тѣсныхъ, скудныхъ и темныхъ частей науки, авторъ «Очерковъ древнѣйшаго періода греческой философіи», одушевляемый тѣмъ общимъ философскимъ воззрѣніемъ, которое даетъ жизнь его мысли и вынесено имъ изъ «Положительной Философіи» Шеллинга, старался сблизиться съ предметомъ и изучить его въ самой дѣйствительности.

Постиженіе дѣйствительности есть цѣль познающей мысли. Хотя мы живемъ среди дѣйствительности, но постигать ее можемъ не иначе, какъ восходя въ область мысли. Только мысль можетъ ставить насъ на ту возвышенность, съ которой открывается предметъ для постиженія. Злѣйшій врагъ познанія есть безмысліе, которое состоитъ не въ одномъ отсутствіи понятій, но также и въ замкнутомъ кругу затверженныхъ понятій, неизмѣнно входящихъ въ одни и тѣ же сочетанія. Произнесите слово *матерія* передъ вашимъ портнымъ (да простятъ намъ читатели тривіяльности примѣра!), и ему прежде всего представится понятіе о томъ, изъ чего дѣлаются *матерчатыя* платья. Возьмите другую сферу, высшую, — произнесите это слово химику: онъ будетъ прежде всего разумѣть подъ нимъ то, къ чему пріобыкла его мысль, вращаясь въ специяльномъ предметѣ его занятій. Наконецъ то же слово, въ человѣкѣ съ обыкновеннымъ, общимъ образованіемъ, возбудитъ неясное представленіе, осѣвшее въ его умѣ безсознательно: онъ будетъ прежде всего представлять себѣ нѣчто такое, что̀ можно схватить рукою или почувствовать какъ-нибудь внѣшнимъ образомъ. Когда мы читаемъ прагматическое изложеніе какого-нибудь событія или простое описаніе

чего-нибудь, то понятія въ нашемъ умѣ, слѣдуя теченію рѣчи, возникаютъ безъ измѣненія, какъ есть, и мы въ то время не мыслимъ, въ тѣснѣйшемъ значеніи этого слова. Мы мыслимъ, когда въ существѣ нашихъ понятій и въ ихъ связи происходитъ какое-либо измѣненіе; мышленіе есть дѣятельность, а не страдательное послѣдованіе понятій на призывъ словъ, по данному механизму, по привычнымъ путямъ.

Каждый предметъ, открывающійся для нашего мышленія, требуетъ, чтобы въ немъ, въ нашемъ мышленіи, произошло нѣчто особенное, соотвѣтственное предмету. Каждый особый предметъ знанія есть нѣчто болѣе или менѣе отъ всего прочаго отличное, нѣчто болѣе или менѣе оригинальное, и потому требуетъ особаго оборота умственной дѣятельности нашей, особыхъ понятій для своего постиженія.

Противъ безсмыслія въ исторіи философіи были преимущественно направлены полемическія замѣчанія въ «Очеркахъ». Авторъ «Очерковъ» начинаетъ свое сочиненіе указаніемъ на исторію философіи какъ на предметъ особый, требующій особаго мышленія. Авторъ отнюдь не думалъ, что впервые высказываетъ это требованіе; но онъ высказывалъ его съ своей точки зрѣнія, и по своему старался найдти тотъ особый оборотъ мышленія, который бы соотвѣтствовалъ предмету исторіи философіи.

Я очень сожалѣлъ о томъ, что по выходѣ первой части моихъ изслѣдованій въ «Пропилеяхъ», замѣчанія мои, внушенныя стремленіемъ къ истинѣ и любовію къ предмету, показались выраженіемъ заносчивости. Предыдущія объясненія показываютъ, что ни въ какомъ случаѣ не могло быть заносчивости тамъ, гдѣ нѣтъ авторитетовъ, и гдѣ дѣло, въ томъ духѣ, который можетъ создать авторитеты, едва начинается. Нѣкоторые изъ новѣйшихъ изслѣдователей по исторіи древней философіи, обнаружившіе стремленіе къ мыслительному познанію этого предмета, только что выступили передъ публику, и даже не имѣли времени высказаться и докончить предположенныхъ трудовъ.

Обратимся теперь къ моему рецензенту. Мы будемъ слѣдить за нимъ шагъ за шагомъ въ его критикѣ, оставляя впрочемъ въ сторонѣ все, что онъ говоритъ о рецензентѣ другаго журнала, писавшемъ объ Очеркахъ: до этого намъ нѣтъ ни малѣйшаго дѣла. Скажемъ только, что г. N думаетъ, будто авторъ «Очерковъ» былъ виною ошибочныхъ увлеченій этого рецензента своими неосторожными и несправедливыми замѣчаніями объ историко-философскихъ трудахъ новѣйшихъ изслѣдователей. Съ цѣлію показать мою вину г. N

прежде всего приводитъ тѣ мѣста изъ «Очерковъ», гдѣ сказано, что въ *различныхъ исторіяхъ философіи* характеристическими особенностями древнихъ системъ поставляется ученіе о той или другой стихіи, какъ основной сущности міра, и гдѣ авторъ старается показать, «какъ поверхностны обыкновенные толки о древнихъ физіологахъ, приписывающіе каждому изъ нихъ, какъ бы въ монополію одну стихію». Выписавъ эти мѣста, критикъ спрашиваетъ, на какія *различныя* исторіи указываетъ авторъ, и о какихъ *обыкновенныхъ толкахъ* говоритъ онъ? Если разумѣются старыя руководства, то авторъ (какъ находитъ г. N) правъ; но въ такомъ случаѣ какая была нужда (спрашиваетъ онъ) опровергать мнѣнія писателей, теперь уже забытыхъ?

Прервемъ на минуту нить аргументовъ критика, и спросимъ его въ свою очередь, на какомъ же основаніи онъ такъ рѣшительно обвиняетъ меня въ неосторожныхъ и несправедливыхъ замѣчаніяхъ о трудахъ новѣйшихъ изслѣдователей, когда онъ самъ недоумѣваетъ, къ кому относятся эти замѣчанія? Въ самомъ дѣлѣ «*различныя* исторіи» вовсе не значитъ «труды новѣйшихъ изслѣдователей», а «обыкновенные толки» могутъ даже вовсе не означать трудовъ какихъ бы то ни было изслѣдователей по части исторіи философіи, а относиться къ общему образованію. Если самъ критикъ недоумѣваетъ, къ кому относятся мои замѣчанія, то слѣдовало бы напротивъ упрекнуть ихъ въ излишней осторожности, нежели неосторожности; а если, по его собственному сужденію, замѣчанія мои, въ извѣстномъ случаѣ, справедливы, то почему же онъ за минуту предъ тѣмъ назвалъ ихъ такъ рѣшительно несправедливыми? Наконецъ, почему же они относятся къ новѣйшимъ изслѣдователямъ, когда могутъ относиться и къ старѣйшимъ, и даже вовсе ни къ какимъ изслѣдователямъ не относиться?

Рецензентъ мой запутался въ своей логикѣ; но пока онъ будетъ выпутываться изъ ней и соображать, почти на цѣлой страницѣ, къ кому относятся мои замѣчанія, — мы снова оставимъ его и обратимся съ новыми объясненіями къ читателю.

Прогрессъ всякаго знанія, какъ и всякаго дѣла, состоитъ преимущественно въ уничтоженіи всего двусмысленнаго, неопредѣленнаго, всего что̀ можетъ быть понимаемо и такъ и иначе. Ложь должна отдѣлиться отъ истины, и съ этимъ отдѣленіемъ уничтожается сомнительность дѣла, которая и есть не что̀ иное какъ вмѣстѣ скрытыя ложь и истина. Положительный полюсъ неразлученъ съ отрицательнымъ, и въ стремленіи къ раскрытію истины должно

быть и стремленіе обнаружить ложное. Логика учитъ о двухъ доказательствахъ, прямомъ и косвенномъ, и въ полномъ доказательствѣ должны соприсутствовать оба. Раскрывайте внутреннія основанія дѣла, но при этомъ не забывайте разсѣкать всякую двусмысленность въ понятіяхъ объ немъ, и уничтожать не только существующія нелѣпыя мнѣнія, но и самую возможность ихъ, обнаруживая ихъ нелѣпость. Никто не будетъ держаться нелѣпости, если она вполнѣ высказана; но умъ очень легко и незамѣтно подчиняется ей, если она тайно присутствуетъ въ немъ, подъ кровомъ какой-нибудь неопредѣленности мышленія, а неопредѣленность всегда будетъ въ немъ, если онъ не рѣшится представлять себѣ въ полной ясности того, чего не должно мыслить о данномъ предметѣ. Этотъ отрицательный, діалектическій моментъ въ мышленіи необходимъ для истиннаго разумѣнія; безъ этого момента въ понятіи всегда будетъ возможность лжи и, ненавистное знанію, двусмысліе. Видѣть въ такой діалектикѣ, стремящейся къ изобличенію возможной лжи, лишь притязаніе на остроуміе, значитъ не понимать интересовъ мышленія.

Полемическое замѣчаніе мое по вопросу о значеніи стихій въ системахъ древнѣйшихъ философовъ, было бы вовсе нелишнимъ даже и въ томъ случаѣ, если бъ ни въ новѣйшихъ, ни въ старѣйшихъ руководствахъ ничего ложнаго не высказывалось по этому вопросу, но еслибъ въ нихъ не была достаточно устранена возможность ложно понимать его. Допустимъ на минуту, что начиная отъ блаженной памяти Станлея и Брукера никто изъ историковъ философіи не объяснялъ значенія стихій въ древнѣйшихъ системахъ такъ, какъ не должно объяснять; но если малѣйшая возможность такого объясненія остается еще въ умахъ, то долгъ изслѣдователя, который вновь разсматриваетъ этотъ вопросъ, удалить по силамъ и самую тѣнь толкованія, признаваемаго имъ ложнымъ. Критикъ мой самъ долженъ былъ согласиться, что такое толкованіе велось по крайней мѣрѣ въ прежнихъ исторіяхъ философіи; оттуда, по необходимости, оно должно было перейдти въ кругъ понятій общаго образованія, и стать общимъ предразсудкомъ, противъ котораго новѣйшіе изслѣдователи должны дѣйствовать по мѣрѣ возможности. Мало того, что въ своихъ сочиненіяхъ они не будутъ повторять отъ себя этого предразсудка, — они должны опровергать его, и излагать болѣе вѣрное воззрѣніе на очищенномъ мѣстѣ: въ противномъ случаѣ новое воззрѣніе незамѣтно смѣшается въ умахъ съ старымъ, и выйдетъ ни то, ни сё.

Сказанный предразсудокъ завелся въ исторіи философіи весьма естественнымъ образомъ. Обозначеніе каждаго изъ іонійскихъ физіологовъ какими-либо особыми стихіями началось со словъ древнихъ авторовъ и преимущественно со словъ Аристотеля (Met. I, 3). Показанія Аристотеля, какъ и другихъ древнихъ авторовъ, должны быть принимаемы за матеріялъ для исторіи философіи, и намъ предстоитъ матеріялъ этотъ возводитъ въ знаніе. Прежніе историки о такомъ различіи между матеріяломъ для знанія и самимъ знаніемъ не помышляли, и передавали у себя въ сыромъ видѣ все, что находили въ древнихъ авторахъ. Въ новѣйшее время, когда мышленіе возобновилось и оживилось, возникла потребность разрабатывать матеріяльныя данныя, и теперь, конечно, при изложеніи системъ, не ограничиваются сопоставленіемъ свидѣтельствъ авторовъ, безъ всякой критики, но представляютъ болѣе или менѣе интересныя сужденія и соображенія; однако, несмотря на то, какъ упомянутый предразсудокъ, такъ и многіе другіе не только не искоренены изъ науки, но и доселѣ повторяются почти всѣми изслѣдователями исторіи древней философіи, и полемическое замѣчаніе въ «Очеркахъ» можетъ по всей справедливости относиться не только къ старымъ, но и къ новѣйшимъ сочиненіямъ по этой части. Однимъ изъ самыхъ характеристическихъ отличій между древнѣйшими іонійскими физіологами поставляется во всѣхъ, и притомъ въ самыхъ лучшихъ и замѣчательныхъ исторіяхъ древней философіи, именно ученіе о той или о другой стихіи какъ объ основной сущности міра.

Выпутался ли теперь мой ученый критикъ изъ своихъ соображеній? Посмотрите, какъ онъ бьется и хлопочетъ. «Гдѣ же эти толки, спрашиваетъ онъ, и въ какомъ смыслѣ называются они обыкновенными? Въ смыслѣ понятій *общихъ* и принятыхъ *всѣми* историками философіи, или по крайней мѣрѣ *большею* ихъ половиною?» Всѣми, г. N, хотя вы и утверждаете, что это несправедливо. Если бы г. N, вмѣсто того, чтобъ писать критическія статьи о дѣлѣ, ему чуждомъ, потрудился основательно прочитать разныя сочиненія по исторіи философіи, то не сталъ бы переливать изъ пустаго въ порожнее съ единственною цѣлію явить на мнѣ примѣръ критической строгости. — Читатели «Москвитянина» могутъ найдти въ статьѣ моего критика мѣсто, о которомъ зашла теперь рѣчь: выписывать его вполнѣ было бы скучно; но неизлишне передать вкратцѣ содержаніе его разсужденій. — Онъ утверждаетъ, «что существо дѣла состоитъ не въ томъ, какъ каждый физіологъ называлъ первое міровое начало, водою, воздухомъ или огнемъ, а въ

томъ особомъ значеніи, какое имъ (наименованіямъ стихій) усвоялось древними физіологами.» — Фраза эта можетъ служить примѣромъ, какъ ловко пользуется г. N стереотипными общими мѣстами: любопытно было бы знать, что разумѣетъ онъ подъ этимъ «особымъ значеніемъ»? Посмотримъ далѣе, не окажется ли это значеніе? Г. N думаетъ, что замѣчаніе мое было бы лишь въ томъ случаѣ справедливо, еслибъ историки философіи все движеніе древняго физіологическаго мышленія поставляли только въ перемѣнѣ названій одного и того же всеобщаго начала; но напр. у Риттера, говоритъ онъ, мы читаемъ слѣдующія слова: «Что Гераклитъ первое начало всѣхъ вещей называетъ огнемъ, это не составляетъ важнаго различія между его ученіемъ и ученіемъ прежнихъ физіологовъ.» За тѣмъ критикъ мой начинаетъ разсуждать, не то отъ лица Риттера, не то отъ самого себя, и наконецъ заключаетъ, что у каждаго физіолога тотъ самый стихійный элементъ (стихійный элементъ!), отъ котораго заимствовано названіе первой сущности, не смѣшивается съ этою сущностію, но отличается отъ ней, какъ одинъ изъ видовъ ея овеществленія, что древніе физіологи иногда замѣняли одно имя первой сущности другимъ, и что это не вносило въ ихъ ученіе никакого противорѣчія, никакой существенной перемѣны; но что у каждаго изъ нихъ было свое любимое, имъ преимущественно употребляемое наименованіе всеобщаго начала. Вслѣдъ за этими умозаключеніями, мой критикъ вдругъ бросается на меня, и выхватываетъ слѣдующее мѣсто изъ моего сочиненія: «Что та степень или тотъ видъ бытія первичной сущности, который характеризуется въ древней физіологіи водою или влажностію, есть условіе природы, условіе происхожденія вещей, это вовсе не есть ученіе, исключительно принадлежавшее Ѳалесу. Это представленіе лежало въ общей системѣ, всѣ въ этомъ отношеніи говорятъ то же самое». Въ этихъ словахъ моихъ критикъ видитъ ошибку или по крайней мѣрѣ значительную неточность выраженія. «У Ѳалеса, говоритъ онъ, вода есть не *степень*, не *видъ* бытія первичной сущности, но водою называется у него сама эта сущность, не *условіе*, но *всеобщее начало* происхожденія вещей», и въ доказательство этой великой истины нашъ ученый не преминулъ привести свидѣтельство Аристотеля, разумѣется, въ ужасающемъ видѣ: Met. I, 3. φησις ἀρχὴ πάντων. Не знаю, гдѣ послала ему фортуна эту цитату, но еслибъ мой критикъ самъ имѣлъ возможность прочесть 3-ю главу I-й книги «Метафизики», то навѣрное онъ привелъ бы что-нибудь другое, а еще вѣрнѣе вовсе бы ничего не сталъ приводить и не написалъ бы всей той путаницы,

которую сей-часъ мы изложили. Вѣроятно φησις произошло здѣсь вслѣдствіе опечатки, и должно читать φησι или φησιν. Всякій, сколько-нибудь смыслящій по гречески, легко пойметъ, какую нелѣпость критикъ мой влагаетъ въ уста Аристотелю. Безъ сомнѣнія, критикъ мой хотѣлъ, чтобъ Аристотель сказалъ слѣдующее: φησιν (Θαλῆς) ὕδωρ ἀρχὴν εἶναι πάντων, т.-е. Θалесъ говоритъ, что вода есть начало всѣхъ вещей. Это было бы правильно по-гречески, но бѣда въ томъ, что этой фразы нѣтъ у Аристотеля. Видно ужь такъ судьбѣ угодно, чтобъ этотъ строгій геній древняго мышленія всякій разъ являлся изобличителемъ и карателемъ г-на N, который вздумалъ хвастаться своимъ знакомствомъ съ нимъ и судить о предметахъ мысли, столь же чуждыхъ ему, какъ и суровый Стагиритъ. Въ самомъ дѣлѣ забавно: г. N приводитъ въ свидѣтели противъ меня Аристотеля, а тотъ только обличаетъ незаконнаго судью.

Въ 3-ей главѣ I-й книги «Метафизики» Аристотель полагаетъ, что основаніемъ ученію Θалеса о водѣ, какъ о первичной сущности, служитъ то, что все питается и живетъ влажнымъ; что сѣмена всего живущаго имѣютъ влажную природу, а вода есть начало природы всего влажнаго [1]). Нѣкоторые думаютъ, продолжаетъ Аристотель, что и древнѣйшіе люди, самые первые θеологи, такъ же разумѣли происхожденіе вещей: они полагали Океанъ и Теθисъ дѣятелями (отцами) происхожденія, и заставляли боговъ клясться водою, такъ называемымъ Стиксомъ.—Изъ соображенія всѣхъ этихъ словъ Аристотеля видно, что, по его мнѣнію, Θалесъ видѣлъ въ водѣ именно условіе природы, условіе происхожденія вещей и всякой жизни на землѣ (*земля*, говоритъ Θалесъ, какъ въ этомъ же мѣстѣ замѣчаетъ Аристотель, *земля на водѣ*, то-есть, предполагаетъ, какъ свое условіе, воду). То же самое въ сущности, какъ доказано въ моемъ сочиненіи, учитъ и Гераклитъ, говоря, что вода есть погасшій или умершій огонь, а земля умершая вода, и что всѣ вещи раждаются въ слѣдствіе смерти той первичной сущности, которую онъ обозначаетъ словомъ огонь, а также и словомъ душа. По духу Гераклитова мышленія, этотъ огонь враждебенъ происхожденію вещей, и лишь вода, какъ смерть его, служитъ переходомъ къ земному бытію, къ природѣ; онъ прямо называетъ, по свидѣтельству Климента Александрійскаго, воду *сѣменемъ міроздація:* [2]) не ясно ли,

[1]) τὸ δ'ὕδωρ ἀρχὴν τῆσ φύσεως εἶναι τοῖς ὑγροῖς.

[2]) τρέπεται εἰς ὑγρὸν τὸ ὡς σπέρμα τῆς διακοσμήσεως, ὃ κάλεῖ θάλασσαν. trom V, 4.

что космическое значеніе воды у Ѳалеса точно то же, какое и у Гераклита? Отъ Ѳалеса остались намъ лишь два, три слова, и то не въ подлинномъ видѣ, а въ чужихъ пересказахъ; по всему вѣроятію, и вся система его, отъ которой намъ осталось такъ мало, была далеко не такъ развита, не такъ высказана, какъ системы послѣдующихъ стихіологовъ, и преимущественно Гераклита. Но безъ сомнѣнія въ системѣ Ѳалеса огонь Гераклитовъ былъ бы тѣмъ же, чѣмъ онъ является у сего послѣдняго, и наоборотъ Ѳалесова вода имѣетъ то же значеніе, что̀ и вода (море) у Гераклита, то-есть значеніе начала природы, перехода къ земному бытію, къ органическому міру. Я въ настоящемъ случаѣ довольствуюсь только немногими данными, сообщаемыми въ одномъ этомъ мѣстѣ «Метафизики», на которое такъ невинно сослался мой критикъ. Но въ сочиненіи моемъ, на основаніи всѣхъ данныхъ, изложена вполнѣ, во всѣхъ главныхъ чертахъ своихъ, общая система космогоническаго мышленія, которая, по моему воззрѣнію, господствовала въ умахъ всѣхъ мыслителей древнѣйшаго періода греческой философіи. При развитіи этой общей системы, авторъ поступалъ по всѣмъ правиламъ строгаго анализа и наведенія. По мысли автора Очерковъ, характеристическое различіе между отдѣльными мыслителями этого періода состоитъ не въ томъ, что одинъ производилъ все изъ той стихіи, а другой изъ другой, или одинъ изъ одной, а другой изъ многихъ стихій; а въ томъ, что эти мыслители выражали опредѣленные моменты въ развитіи общей имъ всѣмъ космогонической системы. По моему убѣжденію, я достаточно доказалъ эту мысль; но критикъ можетъ быть другаго объ этомъ мнѣнія, и въ такомъ случаѣ онъ долженъ былъ начать свой разборъ опроверженіемъ моихъ доказательствъ. Пусть бы г. N потрудился разобрать все, что̀ высказано въ «Очеркахъ» для развитія общей космогонической системы!

Признаюсь, мнѣ даже совѣстно входить въ объясненія съ моимъ критикомъ. Трудно опредѣлить, что̀ ему хочется доказать: то ли, что я не вѣрно понялъ и изложилъ системы древнихъ мыслителей, или же то, что понявъ и изложивъ ихъ вѣрно, обвиняю несправедливо другихъ изслѣдователей, которые понимаютъ дѣло одинаково со мною. Онъ самъ этого не знаетъ; ему хотѣлось только помуштровать меня и покрасоваться въ судейской мантіи. — Однако зачѣмъ же онъ ограничился однимъ Риттеромъ, и не привелъ еще другихъ *новѣйшихъ* изслѣдователей, для уличенія меня въ несправедливости къ нимъ? Допустимъ, что къ Риттеру въ этомъ пунктѣ не могутъ относиться мои несправедливыя и неосторожныя замѣчанія; но вѣдь

о Риттерѣ въ этихъ замѣчаніяхъ не было упомянуто, сказано лишь о «различныхъ исторіяхъ философіи» и объ «обыкновенныхъ толкахъ». Не въ одномъ же Риттерѣ состоятъ всѣ *новѣйшіе изслѣдователи.* Вмѣсто того, чтобы переливать изъ пустаго въ порожнее, ему бы выписать, что̀ сказано объ этомъ какъ у Риттера, такъ и у другихъ, по крайней мѣрѣ у нѣкоторыхъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей. Не знаемъ, что̀ помѣшало ему исполнить это, и беремъ на себя ту обязанность, какую нашъ критикъ хотѣлъ было взять на себя.

Вотъ, слово въ слово, это «несправедливое и неосторожное замѣчаніе», приведенное для опроверженія моимъ критикомъ: «Въ различныхъ исторіяхъ философіи весьма легко и спокойно, однимъ характеристическимъ словомъ, показываются отличія древнихъ системъ. Въ чемъ напримѣръ заключается ученіе Ѳалеса? Въ томъ, отвѣчаютъ, что начало всего есть вода. Анаксимандръ признаетъ началомъ безпредѣльное. А за нимъ слѣдовавшій Анаксименъ во главу всего поставляетъ воздухъ. Гераклитъ производилъ всѣ вещи отъ огня. Эмпедоклъ полагалъ за основу всего не одну какую-либо стихію, но бралъ для этого всѣ четыре стихіи: огонь, землю, воду и воздухъ....» Не хочу теперь спорить о томъ, что̀ согласнѣе съ сущностію дѣла, такое ли воззрѣніе на системы древнѣйшихъ мыслителей, или то, которое изложено въ моихъ Очеркахъ; можетъ-быть такъ и нужно понимать дѣло, какъ говорится въ приведенномъ замѣчаніи; дѣло не въ этомъ, но въ томъ, что я имѣлъ полное право сдѣлать это замѣчаніе, и что сказанное мною есть сущая правда; мало того: оно могло бы относиться не только *къ различнымъ*, но, съ нѣкоторыми измѣненіями, и *ко всѣмъ* исторіямъ философіи.

Оставимъ въ сторонѣ Тиннемана и возьмемъ для примѣра такихъ историковъ, *новость* которыхъ не можетъ подлежать сомнѣнію. Начнемъ съ важнѣйшаго, съ Гегеля:

«Что вода есть начало, въ этомъ заключается вся философія Ѳа-«леса. Въ какой мѣрѣ это важно и умозрительно? Мы должны «умѣть забыть то, что мы привыкли къ богатому конктретному міру «мыслей. Здѣсь же міръ мыслей долженъ быть еще построенъ, «здѣсь еще нѣтъ чистаго единства. Человѣкъ имѣетъ предъ собою «природу: воду, воздухъ, звѣзды, небесный сводъ; этимъ ограни-«чивается горизонтъ его представленія. Правда, фантазія имѣетъ «боговъ; но содержаніе ихъ есть та же природа: солнце, земля, море. «Дальнѣйшее (какъ представленія Гомера) есть нѣчто такое, чѣмъ «мысль никакъ не можетъ удовольствоваться. При такой безсознатель-

«ности умственнаго міра, требовалась, конечно, великая смѣлость «ума, не оставаться при этой полнотѣ міра природы, но отводить все «къ простой сущности, пребывающей какъ простая сущность. Выра-«зить это пребывающее, невозникающее, непреходящее (и боги имѣ-«ютъ ѳеогонію, они дѣятельны, разнообразны, измѣнчивы) — есть от-«важное дѣло; эта сущность, говорится далѣе, есть вода. Вода легко «представляется какъ единое, по причинѣ своей нейтральности; да и «матеріяльность ея сильнѣе, нежели воздухъ.» — «Философскія мысли «Анаксимандра очень не обширны и мало развиты. Какъ начало и «стихію полагалъ онъ безконечное (неопредѣленное); это начало «опредѣляется у него, не какъ воздухъ, не какъ вода, не какъ иное «что-либо (по свидѣтельству Діогена Лаэртія). Опредѣленій этого «безконечнаго немного.» Слѣдуютъ выписки изъ Плутарха, Цице-«рона, Аристотеля и проч. — «Аристотель (продолжаетъ Гегель), го-«воря о различныхъ системахъ, упоминаетъ объ одномъ началѣ, ко-«торое не есть вода, не есть воздухъ, но плотнѣе воздуха и тонѣе «воды. Многіе относятъ это къ Анаксимандру; можетъ-быть это «опредѣленіе и дѣйствительно принадлежитъ ему. — Шагъ впередъ «въ опредѣленіи начала, какъ безконечнаго, состоитъ въ томъ, что «абсолютная сущность есть уже не простое, но отрицательное, есть «всеобщность, отрицаніе конечнаго. Безконечная всеполнота есть «болѣе, нежели если я скажу: начало есть единое и простое. При-«томъ, съ матеріяльной стороны, Анаксимандръ устраняетъ единич-«ность стихіи воды. Его предметное начало имѣетъ не матеріяльный «видъ, можетъ быть принято за мысль; впрочемъ же ясно, что онъ «разумѣлъ не что̀ иное какъ матерію,—всеобщую матерію. Плутархъ «упрекаетъ Анаксимандра въ томъ, что онъ не сказалъ, что̀ есть «его безконечное, воздухъ ли, вода ли, или земля. Ибо такъ какъ «начало его матеріяльно, то онъ отнимаетъ у него съ тѣмъ вмѣстѣ «качественность; матерія же, продолжаетъ Плутархъ, можетъ суще-«ствовать и имѣть дѣйствительность (εἶναι ἐνεργείᾳ), только лишь при «условіи качества. Но качество есть именно это измѣняющееся; ма-«терія, понимаемая какъ безконечное, есть это движеніе — полагать «опредѣленія и притомъ такъ, чтобы это раздвоеніе исчезало какъ «ничтожное. Въ этомъ должно полагать безконечное бытіе въ соб-«ственномъ смыслѣ,—а не въ отрицательной безграничности. Но эта «всеобщность, отрицательность, конечность и есть только наше дви-«женіе. При описаніи матеріи какъ безконечнаго, онъ едва ли ска-«залъ, что въ этомъ состояла ея безконечность. — Анаксименъ на «мѣсто неопредѣленной матеріи Анаксимандра снова постановилъ

«определенную стихію природы (абсолютное въ реальной формѣ), — «мѣсто Ѳалесовской воды — воздухъ. Онъ находилъ чувственное бытіе необходимымъ для матеріи, а воздухъ представляетъ ту выгоду, «что въ большей степени отличается безформностію. Воздухъ есть «менѣе тѣло, чѣмъ вода; мы не видимъ его, и только лишь осязаемъ его движеніе. Изъ воздуха, по ученію Анаксимена, все происходитъ и все въ него обращается. Анаксименъ называетъ воздухъ «также безконечнымъ. Этотъ мыслитель весьма хорошо поясняетъ «природу своей сущности душою; онъ какъ бы обозначаетъ переходъ философіи природы въ философію сознанія или отдаленіе отъ «предметнаго вида первичной сущности. И такъ мы видимъ, что «Ѳалесъ, Анаксимандръ и Анаксименъ полагали первичную сущность «въ формѣ матеріи: въ воздухѣ и водѣ, и также (если такъ надобно «понимать Анаксимандрову матерію) въ стихіи, тончайшей воды и «грубѣйшей воздуха. Гераклитъ, о которомъ будемъ говорить ниже, «первый опредѣлилъ ее какъ огонь.»

Мы передали здѣсь почти все, что высказано у Гегеля о Ѳалесѣ, Анаксимандрѣ и Анаксименѣ. Что̀ же касается до Гераклита, то объ немъ говорится, конечно, подробнѣе. Сказавъ, что въ ученіи Гераклита, вмѣсто бытія и небытія, провозглашено понятіе движенія и перехода (des Werdens), Гегель обращаетъ вниманіе на то, что это понятіе не могло у Гераклита оставаться при одной логической формѣ, и что онъ давалъ ему болѣе реальное значеніе. Въ этомъ отношеніи Гераклитъ принадлежитъ къ первымъ тремъ физіологамъ. «Но относительно реальной формы его начала авторы не соглашаются. Бо̀льшая часть ихъ утверждаетъ, что, по его системѣ, пребывающее существо есть огонь, другіе же полагаютъ, что это воздухъ, третьи— испареніе; даже время у Секста названо первымъ пребывающимъ существомъ». — Такъ какъ Гераклитъ не остался при логическомъ выраженіи понятія процесса, а далъ своему началу содержаніе сущаго, то ему прежде всего должна была представиться форма времени; ибо въ чувственномъ время есть первое, представляющееся какъ процессъ, оно есть первая форма перехода. Время есть чистое измѣненіе, чистое понятіе, оно есть простое, согласованное изъ абсолютно-противоположныхъ; сущность его — быть и не быть, и т. д. — Время есть процессъ абстрактный. Реальная форма процесса есть огонь. — Если мы захотимъ представить сущность времени въ реальной формѣ, то спрашивается: какое физическое существо можетъ соотвѣтствовать этому назначенію? Гераклитъ не могъ сказать, что первичная сущность есть воздухъ или вода и тому по-

добное, все это не есть процессъ, огонь же есть процессъ и т. д.»— Эмпедоклъ. «Общая мысль его, по свидѣтельству Аристотеля, состоитъ въ томъ, что Эмпедоклъ къ тѣмъ тремъ: огню, воздуху и водѣ, изъ коихъ каждое прежде было понимаемо тѣмъ или другимъ мыслителемъ какъ начало, присоединилъ еще землю, какъ четвертое, и т. д.»

Целлеръ слѣдуетъ, можно сказать, по пятамъ Гегеля: «Вся философія Ѳалеса (говоритъ онъ) возводится, по вѣрному воззрѣнію «Гегеля, къ двумъ пунктамъ: 1) отыскивается всеобщая сущность «бытія, и 2) таковая находится въ водѣ. Анаксимандръ къ этимъ «мыслямъ (?) своего предшественника присовокупляетъ три пункта: «1) На мѣсто *опредѣленнаго* вещества, которое Ѳалесъ полагалъ въ «основаніе всякому бытію, у Анаксимандра является отвлеченное «представленіе вещества вообще, ибо это-то самое и есть его ἄπειρον, «то-есть неограниченная въ пространствѣ матерія. 2) Между тѣмъ «какъ Ѳалесъ, какъ кажется, оставался при созерцаніи матеріяльнаго «субстрата, ничего не высказывая касательно движущаго начала,— «преемникъ его описываетъ первоначальное вещество, какъ оживленное и движимое, такъ однако, что движущая сила присуща самому «веществу, а не отдѣляется отъ него какъ второе начало. 3) О «происхожденіи вещей изъ первичнаго вещества началъ впервые «изыскивать Анаксимандръ. Словомъ успѣхъ, который оказала философія, благодаря Анаксимандру, состоитъ въ томъ, что первое «основаніе, которое Ѳалесъ представлялъ себѣ совершенно неопредѣленно, и вслѣдствіе того видѣлъ непосредственно въ чувственномъ веществѣ, получило ближайшее опредѣленіе всеобщей сущности и живой причины явленія. Въ этомъ же самомъ опредѣленіи «заключается и недостатокъ этого воззрѣнія. Начало полагается какъ «всеобщее, какъ безконечная матерія; но съ тѣмъ вмѣстѣ изъ этого «всеобщаго должно произойдти особенное, а изъ неопредѣленной «всеобщности не можетъ произойдти никакая конкретная вещь. Это «признаетъ и самъ Анаксимандръ, представляя какъ начало міроզданія выдѣленіе темнаго и холоднаго, сухаго и влажнаго изъ «безконечнаго. Но какъ можетъ быть это мыслимо, если въ самомъ «безконечномъ нѣтъ никакой противоположности, никакого качественнаго различія? Здѣсь Анаксимандрова система представляетъ «пробѣлъ, который требовалось восполнить; потому-то къ этому «пункту и примыкаетъ дальнѣйшее развитіе іонійской философіи въ «Анаксименѣ. Если Анаксимандръ поставилъ началомъ абстрактъ «матеріи, то Анаксименъ чувствуетъ необходимость производить яв-

«ленія изъ опредѣленнаго вещества, и потому онъ возвращается къ «Θалесу,—но при этомъ удерживается онъ, вмѣстѣ съ Анаксимандромъ, на томъ, что первое вещество есть всеобщее начало, и что «оно должно быть основою жизни и движенія; поэтому онъ выискиваетъ между опредѣленными веществами такое, которому принадлежали бы эти качества. Первичное вещество есть для него, какъ и «для Θалеса, опредѣленная матерія; но съ тѣмъ вмѣстѣ оно есть «безконечное и божественное, какъ для Анаксимандра; оба эти опредѣленія находитъ онъ соединенными въ воздухѣ, ибо воздухъ есть «всеобъемлющее. Эта же самая стихія обладаетъ еще другимъ свойствомъ, котораго Анаксимандръ требуетъ отъ начала, — оживляющею и движущею силою; воздухъ есть всеобщее начало жизни въ «природѣ, и на этомъ-то самомъ основаніи Анаксименъ сравниваетъ отношеніе воздуха къ міру съ отношеніемъ души къ отдѣльному человѣку. Но Анаксименъ является въ такомъ же точно отношеніи къ обоимъ старѣйшимъ философамъ также и по ученію «своему объ образованіи міра. Онъ отступаетъ отъ Анаксимандра «въ ученіи о происхожденіи вещей изъ первичнаго начала,—происхожденіи, которое описывается Анаксимандромъ неопредѣленно, подъ «видомъ выдѣленія, и согласно съ ученіемъ своимъ о воздухѣ, какъ «первомъ началѣ, объясняетъ это происхожденіе разрѣшеніемъ и «сгущеніемъ; но съ другой стороны онъ сходится съ Анаксимандромъ въ опредѣленіи первоначальныхъ противоположностей (тепла «и холода), въ представленіи о происхожденіи земли и звѣздъ, и о «натурѣ послѣднихъ, въ ученіи о будущемъ сожженіи міра, въ различеніи единаго божественнаго отъ происшедшихъ боговъ. Поэтому «не правъ Риттеръ, по словамъ котораго будто бы незамѣтно, чтобы «Анаксименъ, кромѣ какихъ-нибудь незначительныхъ подробностей, «могъ что-нибудь пріобрѣсти для своихъ изслѣдованій отъ Анаксимандра: это значитъ, что Риттеръ не досмотрѣлъ несомнѣнныхъ «пунктовъ соприкосновенія между ними. Истинно то, что Анаксименъ во всѣхъ отношеніяхъ соединяетъ въ себѣ воззрѣніе своихъ «предшественниковъ въ равныхъ доляхъ.»

О Гераклитѣ говорится и у Целлера, какъ у Гегеля, подробнѣе, чѣмъ о трехъ первыхъ мыслителяхъ. Для полноты мы должны коснуться и характеристики Гераклита, представленной Целлеромъ. Онъ предполагаетъ ученіе этого мыслителя уже извѣстнымъ, и старается опредѣлить лишь его отношенія къ другимъ системамъ, которыя, по его мнѣнію, предшествовали Гераклиту. Мы обратимъ вниманіе преимущественно на то, какъ Целлеръ характеризуетъ отношеніе Ге-

раклита къ тремъ первымъ іонійскимъ мыслителямъ. Целлеръ утверждаетъ, что огонь у Гераклита не есть «покоящееся бытіе», какъ у тѣхъ трехъ физіологовъ, не есть вещество, изъ котораго состоятъ вещи, какъ «по ученію древнѣйшей физики все состоитъ изъ воды или воздуха», но огонь какъ гераклитовское начало есть «сила, лежащая въ основаніи всей жизни міра; въ слѣдствіе этого, если древнѣйшая физика признавала вещество за пребывающую сущность явленія, то Гераклитъ видѣлъ это пребывающее только во всеобщемъ законѣ, въ мѣрѣ и отношеніи, которыми опредѣляются формы и степени статія (des Werdens)». Почему древнѣйшіе іонійцы видѣли въ своей первоначальной сущности какое-то «покоящееся бытіе», когда у Анаксимандра и вслѣдъ за нимъ у Анаксимена, первоначальная сущность, какъ учитъ самъ же Целлеръ, есть «живая причина явленія»: это мы оставляемъ на совѣсти автора, который въ обсужденіи древнихъ философскихъ системъ показалъ преимущественно, что изучалъ Гегелеву логику, твердо знаетъ ея формулы, и умѣетъ различать термины Sein, Dasein, Werden и проч. Такъ заслуга Гераклита, говоря словами Целлера, состоитъ въ томъ, что онъ созналъ, dass das reine Sein am Dasein seine Wirklichkeit habe, dass mithin das absolute Princip nicht das abstracte Sein sei, sondern nur das sich zum Dasein heraussetzende Sein oder das Werden. — Отношеніе Эмпедокла къ древнѣйшимъ іонійцамъ Целлеръ опредѣляетъ такъ: «Между тѣмъ какъ первые довольствовались объясненіемъ явленій изъ одного, и притомъ матеріяльнаго начала, — Эмпедоклъ полагаетъ въ основаніе четыре матеріяльныя начала и два движущія (дружбу и вражду).» Эти четыре матеріяльныя начала Эмпедокла онъ сближаетъ съ системою Парменида и высказываетъ по этому случаю много не соотвѣтствующаго дѣлу и для насъ не интереснаго.

Коснемся теперь Риттера по отношенію къ занимающему насъ вопросу. Риттеръ при изложеніи древнѣйшихъ системъ, извѣстныхъ подъ именемъ іонійской физіологіи, или физики, отступаетъ отъ общепринятаго порядка. Онъ раздѣляетъ относящихся сюда мыслителей на два разряда: динамиковъ и механиковъ. Динамиками называетъ онъ тѣхъ, которые, по его воззрѣнію, объясняютъ происхожденіе вещей посредствомъ измѣненія или превращенія одного начала; механиками же тѣхъ, которые представляютъ всѣ элементы существующими отъ начала въ смѣшеніи или въ безконечномъ, и выдѣляющимися оттуда вслѣдствіе движенія, безъ всякаго внутренняго измѣненія. Къ динамическимъ физикамъ Риттеръ относитъ Ѳалеса, Анак-

симена, Діогена Аполлонійскаго и Гераклита; къ механикамъ — Анаксимандра, Анаксагора и Архелая. Основанія, представляемыя Риттеромъ для такого распорядка, не только не приняты ни однимъ изъ прочихъ изслѣдователей, но напротивъ опровергаются всѣми. Дѣйствительно, основанія эти не выдерживаютъ критики; но благодаря этому дѣленію, Риттеръ успѣлъ составить довольно казистое построеніе, если не удовлетворяющее потребностямъ знанія, то по крайней мѣрѣ послужившее ему средствомъ для занимательнаго и легкаго изложенія данныхъ. Очевидно, что вслѣдствіе такого расположенія, и самая характеристика отдѣльныхъ мыслителей должна была выйдти у него нѣсколько иначе, чѣмъ у другихъ. При этомъ надобно отдать ему справедливость, что въ ученіи о стихіяхъ онъ нѣсколько свободнѣе отъ того общаго предразсудка, о которомъ говорили мы выше. Есть нѣсколько мѣстъ въ тѣхъ главахъ его книги, которыя посвящены такъ называемымъ у него динамикамъ, особенно въ главѣ о Гераклитѣ, которыя какъ будто даже направлены противъ этого предразсудка. Но не говоря о томъ, что въ основаніи его собственнаго воззрѣнія оказывается большая неопредѣленность подъ громкими фразами «дыханіе жизни», «совершенной жизни» и т. п., которыми онъ означаетъ первичную сущность іонійскихъ мыслителей,—не говоря объ этомъ, мы не можемъ не указать на то, что Риттеръ, вслѣдствіе самой этой неопредѣленности, снова входитъ въ прежнюю колею, и въ сущности говоритъ то же самое, что̀ и другіе. И у него все также приписываются разнымъ мыслителямъ разныя стихіи: Ѳалесу вода, Анаксимену и Діогену воздухъ, Гераклиту огонь и т. д. Что̀ касается до огня и воздуха, то онъ еще не прочь, уступая слишкомъ разительнымъ свидѣтельствамъ о Гераклитовомъ ученіи, признать различіе между ними несущественнымъ; но за то вода остается твердо за Ѳалесомъ, и говоря о древнѣйшихъ іонійцахъ, онъ выражается между прочимъ такъ: «они отправлялись отъ того мнѣнія, что одна какая-либо изъ четырехъ стихій послужила для образованія міра, мнѣнія весьма близкаго къ грубой физикѣ. Но когда они доискивались основаній, почему та или другая стихія удобнѣе (geschickter) для образованія міра, — стихія становилась у нихъ почти только символическимъ означеніемъ чего-то совершенно другаго (вотъ откуда родилось *особое значеніе* моего критика, см. выше), и стихія, отъ которой это другое получаетъ свое имя, представлялось имъ уже какъ производное явленіе силы, образующей міръ». Не имѣемъ нужды разбирать, основательно ли такое воззрѣніе, представляющее мыслителей сначала преданными грубой физикѣ, а потомъ

при дальнѣйшихъ изысканіяхъ открывающими нѣчто другое; дѣло, однакожь, остается все при тѣхъ же стихіяхъ, а это нѣчто другое является лишь какъ таинственный x. Правда у Риттера мы читаемъ слѣдующія слова, проводимыя моимъ критикомъ: «Что Гераклитъ первое основаніе всѣхъ вещей называлъ огнемъ, въ этомъ еще не заключается большаго различія между его ученіемъ и разсмотрѣнными выше». Посмотримъ же, въ чемъ заключается большое различіе между ними. «Есть другой пунктъ въ системѣ Гераклита, со«вершенно выводящій его изъ ряду прочихъ іонійцевъ. Эти послѣд«ніе имѣли въ своихъ изысканіяхъ цѣлію найдти основу отдѣльныхъ «явленій и силъ природы, которыхъ самостоятельность предполага«лась; Гераклитъ же, напротивъ, не заботясь объ этомъ предположе«ніи, искалъ только уловить понятіе высочайшей и совершеннѣйшей «жизненной силы, которая оказываетъ и открываетъ себя во всѣхъ «явленіяхъ.» Это мѣсто можетъ служить образчикомъ мыслительности нашего историка, а между тѣмъ оно хорошо сходитъ съ рукъ и читается безъ запинки. Но пойдемъ далѣе. «Почему Гераклитъ первую основу всякаго явленія, представляя ее себѣ физически, находилъ въ огнѣ (слѣдовательно Гераклитъ все-таки находилъ эту основу въ огнѣ!), объясняется очень просто изъ подвижности огня, которая могла означать (слѣдовательно могла и не означать) для него чистую жизнь и движеніе въ ихъ сущности. Не видно, чтобы Гераклитъ старался доказывать предположеніе объ огнѣ какъ основѣ вещей, между тѣмъ какъ прочіе іонійцы *тщательно искали доказать свое ученіе объ основной стихіи*».— «*Не невѣроятно*, продолжаетъ Риттеръ, что огонь, какъ основу всѣхъ явленій, Гераклитъ представлялъ себѣ совершенно иначе, нежели ту стихію, которую мы зовемъ огнемъ, и которая принадлежитъ лишь къ явленіямъ. Если это такъ, то онъ, конечно болѣе прочихъ іонійцевъ сознавалъ, что фигурально выражался о первичной сущности. Это согласовалось бы съ обычнымъ ему фигуральнымъ способомъ выраженія. Соображая все это, мы поневолѣ придаемъ *нѣкоторое вѣроятіе* той догадкѣ, что Гераклитъ въ своемъ ученіи о первичной сущности довольствовался тою идеею, что въ основаніи всѣхъ явленій природы должна находиться всеобщая и совершенная жизнь и что эта жизнь преимущественно открывается въ жизни огня и разумной душѣ, которую почитаетъ онъ равною огню; въ другихъ же явленіяхъ, хотя тоже есть совершенная жизнь, но не такъ явственно выступаетъ». Дѣльны или нѣтъ всѣ эти соображенія и догадки Риттера объ ученіи Гераклита; что̀ такое эта совершенная жизнь, находящаяся въ основѣ

всѣхъ явленій, символически именуемая огнемъ и преимущественно открывающаяся въ жизни огня, и какъ все это относится къ выразительному ученію эфесскаго мудреца, что все живетъ смертію первичнаго огня, который называется у него еще душою, и что всѣ вещи является замѣною этого невещественнаго начала, въ нихъ умершаго? Эти и подобные вопросы оставляемъ мы въ сторонѣ. Такъ или иначе разнится Гераклитъ, по воззрѣнію Риттера, отъ прочихъ іонійцевъ, — очевидно однако существенное различіе между этимъ воззрѣніемъ и другимъ, которое изложено въ моихъ «Очеркахъ», и также очевидно, что я, съ моей точки зрѣнія, имѣлъ полное право высказать то замѣчаніе, которое послужило для моего критика камнемъ преткновенія. Читатели повѣрятъ мнѣ теперь на-слово, что оно можетъ относиться и ко всѣмъ прочимъ исторіямъ древней философіи: дальнѣйшія выписки растянули бы статью мою далеко за предѣлъ.

Перейдемъ теперь къ другимъ обвинительнымъ пунктамъ.

«Въ *Очеркахъ* (говоритъ мой рецензентъ) встрѣчается не мало «другихъ мѣстъ, допущенныхъ, думаемъ, по неосторожности, кото-«рыя однакожь могутъ дать поводъ подозрѣвать автора въ неуваже-«ніи ко всѣмъ другимъ изслѣдователямъ древней греческой философіи «и въ притязаніяхъ на новость взгляда и догматическую рѣшитель-«ность приговоровъ.» Но что ему за дѣло, оказываю я или нѣтъ уваженіе кому бы то ни было? Что за странная критика, которая, оставляя въ сторонѣ разбираемое сочиненіе, хлопочетъ прежде всего о томъ — оказываетъ или не оказываетъ авторъ уваженіе къ другимъ? Критикъ прежде всего долженъ былъ бы войдти въ разсмотрѣніе особенностей разбираемаго сочиненія, и лишь потомъ, и при случаѣ, указывать на отношенія его къ другимъ сочиненіямъ по тому же предмету. Но дѣлать нечего, послѣдуемъ за нашимъ критикомъ. Въ доказательство вышеприведенныхъ словъ своихъ, критикъ выписываетъ изъ моего сочиненія то мѣсто, гдѣ говорится объ ограниченности мышленія, которое не можетъ выйдти изъ круга привычныхъ понятій, чтобы вникнуть въ смыслъ философскихъ идей. Всякій школьникъ (сказано въ этомъ мѣстѣ) готовъ издѣваться надъ древними невѣждами, которые толкуютъ объ огнѣ какъ о какой-то силѣ, о чемъ-то само по себѣ существующемъ, тогда какъ огонь есть только феноменъ горѣнія. — Это очень прогнѣвило моего критика. Къ чему, говоритъ онъ, опровергать мнѣнія школьниковъ? Мало ли что̀ они думаютъ и говорятъ? Наукѣ какое дѣло до ихъ толковъ? Глубокомысленный и правдивый критикъ мой не догады-

вался, выставляя эти вопросы, что школьники о такихъ предметахъ, какъ системы древнихъ философовъ, сами собою ничего не выдумываютъ, и если что-либо говорятъ объ нихъ, то со словъ другихъ. Опроверженіе подобныхъ толковъ есть дѣло гораздо бо̀льшей важности, нежели какъ представляетъ себѣ г. N. Можно ли утверждать, что подобныхъ мнѣній не ходитъ въ сферѣ общаго образованія? Разверните любое сочиненіе по физическимъ наукамъ, въ которомъ сообщаются историческія свѣдѣнія о томъ, какъ въ различныя времена были понимаемы предметы этихъ наукъ, и при этомъ говорится о древнѣйшихъ греческихъ мыслителяхъ, — и вы убѣдитесь, что подобныя мнѣнія дѣйствительно существуютъ, и если ужь школьники повторяютъ ихъ, то значитъ, что мнѣнія эти пользуются всею силою авторитета въ общемъ образованіи. Ученые по части естественныхъ наукъ, какъ учители, такъ и школьники, не виноваты въ томъ, что повторяютъ ошибочныя мнѣнія; виноваты же ученые, занимающіеся спеціяльно тѣми предметами, къ которымъ эти мнѣнія относятся, и не искоренившіе ихъ. Сію минуту привели мы изъ книги Риттера сужденіе его объ огнѣ Гераклита: «*Не невѣроятно*, говоритъ онъ, что огонь, какъ основа явленій у Гераклита, не есть та стихія, которую мы зовемъ огнемъ». — Что̀ извлекутъ себѣ читатели изъ этого *не невѣроятно*, а также и изъ той «совершенной жизни, которая находитъ себѣ лучшее выраженіе въ жизни огня (уже стихійнаго)», какъ это значится у того же историка? Нѣсколько ниже увидимъ мы, что одинъ изъ новѣйшихъ историковъ, именно Целлеръ, прямо называетъ предметы мышленія древнѣйшихъ философовъ чувственными. Подождемъ, не скажетъ ли того же самаго и г. N, изслѣдователь еще болѣе новый. — Критикъ мой возвращается послѣ не разъ къ этому совершенно невинному выраженію «школьники»; очень горячится по этому поводу, придаетъ этому слову какую-то особенную важность; подумаешь, что онъ принимаетъ это слово за личное для себя оскорбленіе: можемъ увѣрить его, что слово это не только ни къ кому не относится, но и употреблено безъ всякаго обиднаго смысла для школьниковъ вообще. Дѣльный школьникъ, даже и тогда, когда повторяетъ утвердившіяся въ наукѣ ошибочныя мнѣнія, за которыя не лежитъ на немъ отвѣтственность, гораздо предпочтительнѣе и достойнѣе уваженія, чѣмъ человѣкъ, берущійся учить другихъ, смысля дѣло менѣе всякаго порядочнаго школьника.

Во всякомъ случаѣ, какое же однако въ этомъ замѣчаніи о школьникахъ высказано неуваженіе ко всѣмъ другимъ изслѣдователямъ

древней философіи? Ужь не думаетъ ли проницательный г. N, что я подъ этимъ словомъ разумѣлъ историковъ философіи? Дѣйствительно, онъ ввертываетъ въ скобкахъ нѣсколько коварныхъ намековъ въ этомъ смыслѣ. Но какъ онъ не подумалъ, что мнѣ не было никакой нужды прибѣгать къ такимъ страннымъ околичностямъ для того, чтобы сказать что-нибудь противъ историковъ?

Вслѣдъ за этимъ критикъ мой говоритъ: «Но въ другомъ мѣстѣ, «къ удивленію своему, встрѣчаемъ еще болѣе странную выходку, уже «не противъ школьниковъ, а противъ изслѣдователей философіи». Наконецъ-то! Но зачѣмъ же было и не начать прямо съ этой выходки? Въ этой выходкѣ сказано у меня: Знакомому съ литературою исторіи философіи извѣстно, что не рѣдко провозглашали Пиѳагора и его послѣдователей за ученыхъ, которые съ успѣхомъ разрабатывали науки математическія и астрономію. Это положеніе развито у меня съ нѣкоторымъ комическимъ оттѣнкомъ, но впрочемъ такъ, что еслибъ снять этотъ оттѣнокъ, къ которому авторъ прибѣгъ съ умысломъ, и сказать то же самое въ выраженіяхъ нѣсколько измѣненныхъ, то весьма многіе, и въ томъ числѣ можетъ-быть и самъ критикъ, охотно бы признали это мнѣніе за свое собственное. Авторъ «Очерковъ», приводя это мнѣніе съ полемическою цѣлію, имѣлъ въ виду выставить всю скрытую въ немъ нелѣпость; онъ высказывалъ его не отъ себя, а потому, естественно, тономъ не серіознымъ. Критикъ же нашъ, выписавъ слова мои, восклицаетъ: «Почему г. Катковъ не «указалъ, гдѣ онъ нашелъ такое сужденіе о пиѳагорейцахъ? По крайней мѣрѣ изъ новѣйшихъ историковъ философіи (а противъ старыхъ «оставленныхъ мнѣній пусть ратуютъ школьники) никто и никогда «не говорилъ о нихъ такъ положительно-глупо, какъ представляетъ «это г. Катковъ. Зачѣмъ же въ ученомъ разсужденіи давать столько «мѣста своему воображенію и остроумію? Развѣ только для собственнаго упражненія въ діалектическомъ искусствѣ или для того, чтобъ «показать, какъ легко можно бы опровергнуть это нелѣпое мнѣніе, «еслибы таковое дѣйствительно нашлось гдѣ-либо?»

Но что̀ ему дались эти новѣйшіе историки? Не сказано ли у меня просто и даже въ прошедшемъ времени: *знакомому съ литературою исторіи философіи извѣстно — не рѣдко провозглашали?* Виноватъ ли, я, что критикъ мой не знакомъ съ этою литературою? Онъ не рѣшился сказать прямо, что подобное мнѣніе не высказывалось вовсе: въ самомъ дѣлѣ, по чему знать, можетъ-быть, кто-нибудь и говорилъ нѣчто подобное, и потому не худо было оговориться въ скобкахъ, что противъ старыхъ, оставленныхъ мнѣній,

ратуютъ школьники. Жаль только, что г. N не смѣкнулъ при этомъ, что добраться до старыхъ оставленныхъ мнѣній менѣе всего могутъ школьники. Чтобы знать мнѣнія, уже не существующія, надобна болѣе или менѣе обширная ученость, а эти господа могутъ ратовать только противъ того, что у нихъ передъ глазами, хотя бы то было нѣчто совершенно недоступное для ихъ мышленія.

И такъ г. N думаетъ, что мнѣніе, о пиѳагорейцахъ, высказанное мною иронически, есть чистая выдумка. Но что, если мы, хотя бы для упражненія въ діалектикѣ, докажемъ ему, что, онъ самъ, такъ рѣзко заклеймившій это бѣдное мнѣніе, въ сущности раздѣляетъ его?

Дѣло въ дѣлѣ, а не въ словахъ. Одну и ту же мысль можно выразить различнымъ образомъ: подробно и сжато, положительнымъ или ироническимъ тономъ. Въ чемъ состоитъ сущность этого мнѣнія о пиѳагорейцахъ, приведеннаго мною съ ироническою цѣлію? Въ томъ, что они составляли общество, занимавшееся разными науками: все остальное есть только развитіе этой мысли. Дадимъ этому развитію положительный тонъ: Пиѳагорейцы занимались математикою, астрономіею и другими науками; благодаря особому устройству своего союза и другимъ обстоятельствамъ, они во многихъ отношеніяхъ достигли результатовъ, заслуживающихъ уваженія. Пиѳагоръ предупредилъ Коперника, впервые провозгласивъ ту истину, что земля обращается около своей оси. Конечно, какъ эти, такъ и другія истины, въ умѣ Пиѳагора и его учениковъ, не могли имѣть той силы и чистоты, какія пріобрѣтены ими въ новѣйшее время, по возрожденіи наукъ. Пиѳагорейцы были дѣтьми своего времени; къ тому же ученое направленіе ихъ соединялось тѣсно съ религіознымъ, то-есть съ миѳологіей и т. д. — Спрашивается, что̀ въ этомъ мнѣніи критикъ мой нашелъ поразительнаго и неслыханнаго? Я нахожу это мнѣніе ошибочнымъ; но критикъ объявляетъ его нестерпимо-глупымъ, небывалымъ, невозможнымъ. Укажемъ оговорку, высказанную критикомъ на всякій случай въ скобкахъ, и оставимъ въ ихъ пыли мнѣнія и Мейнерса, и Тидемана, и даже Теннемана; заглянемъ въ автора новѣйшаго, особенно любимаго и защищаемаго критикомъ.

«Союзъ пиѳагорейцевъ (говоритъ Риттеръ, т. I, стр. 367. Изд. «1836 года) созрѣлъ до самостоятельнаго ученаго (или, если угодно, «наукообразнаго, wissenschaftlichen) развитія. Къ какимъ предме-«тамъ относилось это развитіе, уже замѣчено выше, когда шла рѣчь «о познаніяхъ Пиѳагора. Главною связующею нитью было религіоз-«ное настроеніе; главные же предметы ученыхъ занятій были ма-

42*

«тематика и музыка, которые такъ переплелись (verzweigten sich) «съ цѣлымъ ихъ воззрѣніемъ на науку, что не безъ основанія можно «сказать, что математикою и музыкою связуется все ихъ ученіе. «Что къ религіозному настроенію, коль скоро оно встрѣчается съ «наукообразнымъ стремленіемъ, примыкаютъ и философскія изыска-«нія, — это весьма естественно, а потому мы можемъ предполагать «уже къ самомъ Пиѳагорѣ нѣкоторое философское развитіе.» (Стр. 376). «Значительное вліяніе ихъ (пиѳагорейцевъ) на жизнь и науку «ихъ времени явствуетъ особенно изъ того, что разсказывается намъ «объ Архитѣ. Какъ темна ихъ исторія, видно изъ того, что объ «этомъ знаменитомъ государственномъ мужѣ и *ученомъ* нельзя ска-«зать ничего связнаго.... При своихъ домашнихъ и общественныхъ «занятіяхъ онъ находилъ время для важныхъ ученыхъ открытій и «для писанія многихъ сочиненій. Открытія его касаются особенно «математики и соединенныхъ съ нею наукъ. Онъ занимался не только «теоретическою, но также и практическою механикою, и открытія, «сдѣланныя имъ въ этой наукѣ, заставляютъ догадываться о вели-«комъ преуспѣяніи оной. Сверхъ того онъ писалъ о земледѣліи.»

Вотъ вамъ пиѳагорейцы, составляющіе цѣлый физико-математическій факультетъ! Неужели и мнѣніе Риттера, «почтеннаго» Риттера, рѣшится заклеймить г. N названіемъ *нестерпимо-глупаго?* А между тѣмъ оно совершенно совпадаетъ съ тѣмъ, что̀ было сказано мною въ ироническомъ тонѣ. Такой-то вы защитникъ г. N! Бѣдный геттингенскій профессоръ! какъ должна быть пріятна ему эта услуга! Но увы! мы сильно опасаемся, чтобы нашъ критикъ сгоряча не зашибъ и себя своимъ булыжникомъ.

Вопросъ состоитъ въ томъ: допускаете ли вы, что пиѳагорейцы занимались различными науками, какъ-то: математикой, механикой и т. д.? Коль скоро вы это допускаете, то этимъ самымъ допускаете и все прочее, что̀ высказано иронически въ «Очеркахъ» и положительно у Риттера. Составляя одно общество, и занимаясь науками, они, разумѣется, сообщали другъ другу результаты своихъ изученій, свои наблюденія и открытія; естественно, что при добросовѣстности и отчетливости своихъ занятій, они могли достигать весьма уважительныхъ результатовъ, каково, напримѣръ, ученіе о вращеніи земли около оси.

Еслибы г. N. былъ нѣсколько посильнѣе въ діалектическомъ искусствѣ и могъ отдавать себѣ отчетъ въ своихъ мысляхъ, то онъ бы поостерегся такъ рѣзко отзываться о мнѣніи, будто бы выдуманномъ мною. Я съ этимъ мнѣніемъ не согласенъ, но не браню

его, а только показываю что̀ въ немъ содержится; критикъ же мой ругаетъ его, не сообразивъ того, что оно можетъ послужить зеркаломъ и для него самого.

Вслѣдъ за выписанными выше энергическими вопрошеніями, критикъ самъ продолжаетъ: «Считая дѣйствительно нужнымъ рас«крыть нелѣпость этого мнѣнія, г. Катковъ, между прочимъ, гово«ритъ: *Мы убѣждены, что пиѳагорейцы не могли заниматься ма«тематикою, по той весьма уважительной причинѣ, что матема«тика, какъ особая наука, извѣстная намъ подъ этимъ именемъ, «въ ихъ время вовсе не существовала.* Поздравляемъ г. Каткова съ «этимъ убѣжденіемъ. Но въ настоящемъ случаѣ оно не приноситъ «ему никакой пользы. И философія, *какъ особая наука, намъ из«вѣстная подъ этимъ именемъ,* во время пиѳагорейцевъ не суще«ствовала. Надобно ли поэтому питать въ себѣ убѣжденіе, что они «не могли заниматься философіей?»

Что же г. N хочетъ сказать этою патетическою выходкой? Или она не имѣетъ никакого смысла, или въ основаніи ея заключается мнѣніе, что все-таки пиѳагорейцы занимались разными науками, какъ-то: математикою, философіею и другими. О чемъ же хлопоталъ онъ передъ этимъ и за что же обругалъ то мнѣніе, которое въ сущности совпадаетъ съ его собственнымъ? Критикъ мой — удивительный мыслитель!

Однако, во всякомъ случаѣ, выходка г. N не имѣетъ смысла. Изъ словъ его выходитъ, что пиѳагорейцы занимались этими науками, а между тѣмъ онъ соглашается, что онѣ не существовали въ то время.

Г. N хотѣлъ блеснуть своею діалектикою и озадачить меня. Пиѳагоръ разсматривается въ исторіи философіи, — слѣдовательно, заключаетъ г. N, онъ занимался философіей, хотя она, какъ особая наука, въ то время не существовала; слѣдовательно, заключаетъ онъ далѣе, пиѳагорейцы могли точно также заниматься и математикой и другими науками, хотя онѣ тогда и не существовали какъ особыя науки.

Еслибъ г. N, отложивъ въ сторону свои притязанія на критику, съ толкомъ и основательно прочелъ мое изслѣдованіе, онъ употребилъ бы свое время съ большею для себя пользою, и не сталъ бы понапрасну утруждать вниманіе читателей. — Зачѣмъ же онъ не прочиталъ вполнѣ того мѣста въ «Очеркахъ», изъ котораго выписалъ приведенныя выше строки? Мы просимъ у читателей позволенія привести вполнѣ это мѣсто изъ моего сочиненія. Выписка эта по-

служитъ къ уясненію вопроса, и дастъ новое доказательство критическихъ способностей и добросовѣстности моего рецензента:

.... Замѣчаемый всѣми, математическій характеръ пиѳагорейской системы, отнюдь не есть слѣдствіе того, что пиѳагорейцы занимались преимущественно математикой, или даже сколько-нибудь ею занимались. Напротивъ, мы убѣждены, что они не могли ею заниматься, по той весьма уважительной причинѣ, что математика, какъ особая наука, извѣстная намъ подъ этимъ именемъ, въ ихъ время вовсе не существовала. Какъ у пиѳагорейцевъ, такъ и въ другихъ системахъ древности, напримѣръ у платониковъ, математическіе элементы являются въ такихъ сочетаніяхъ, въ такой связи, въ такомъ смыслѣ, которыя не имѣютъ ничего общаго съ математикою. Постараемся объясниться какъ можно вразумительнѣе. Реченія одного и того же языка могутъ служить къ выраженію всевозможныхъ представленій, къ выраженію мыслей самыхъ разнородныхъ. Вотъ двѣ рѣчи, два смысла, самые разнородные: разорвите связь реченій, отъ которой зависитъ опредѣленный смыслъ, данный имъ въ рѣчи,—и вы получите неопредѣленные элементы, готовые войдти въ любое сочетаніе, принять всякій смыслъ и духъ. Одно и то же слово, употребленное въ различныхъ или противоположныхъ сочетаніяхъ, оказываетъ различную и противоположную силу. Термины математическіе, прежде чѣмъ образовалась особая наука, носящая это именованіе, не могутъ имѣть той связи, того смысла и духа, какой имѣютъ они въ этой наукѣ. Тѣ представленія, изъ которыхъ развивалась область особаго вѣдѣнія математики, существовали прежде этого вѣдѣнія, — а потому требуется, чтобы критикъ, изучающій отдаленное мышленіе, смотрѣлъ на эти термины не какъ на термины изъ математики взятые; требуется, чтобы онъ умѣлъ отвлечься отъ того специяльнаго значенія, отъ того духа, какой имѣютъ они въ математикѣ, какъ специяльной наукѣ, онъ долженъ перенестись въ то созерцаніе, которое существовало прежде всякой специяльной науки. Слово «число», или «единица», или «двоица» и т. д., употреблялось пиѳагорейцами совсѣмъ въ иномъ духѣ, нежели въ математикѣ, и никакъ не должно соблазняться тѣмъ, что тѣ же слова служатъ собственно математическими терминами; въ противномъ случаѣ неминуемо произойдутъ нелѣпости въ родѣ тѣхъ, какія привели мы выше для образца: математическая точка, вдыхающая въ себя безграничное и пустое пространство и т. п.

Если г. N прочиталъ все это мѣсто, кажется, довольно ясное, то къ чему же онъ такъ горячился и выходилъ изъ себя? — Древніе волхвователи собирали травы, видя въ нихъ присутствіе особыхъ таинственныхъ силъ: значитъ ли это, что они занимались ботаникою и гербаризировали? Нѣкоторые народы, повинуясь внушеніямъ дикой религіи, закалали людей и разнимали ихъ трупы: значитъ ли, что они занимались анатоміей? Приверженцы сабизма покланялись звѣзднымъ силамъ и небесному круговращенію: значитъ ли, что они занимались астрономіей? А вѣдь очень нерѣдко въ исторіяхъ этимъ поклонникамъ сабизма, дѣйствительно, приписывается основаніе астрономіи, какъ науки, не говоря уже о Халдеяхъ, которые, безъ всякихъ околичностей, считаются астрономами, или объ египетскихъ

жрецахъ. — Благодаря этимъ увеличительнымъ стекламъ, ясно ли стало моему критику, что̀ хотѣлъ я устранить въ области той науки, которой посвящено мое изслѣдованіе?

Въ строгомъ смыслѣ нелѣпо сказать даже и то, что пиѳагорейцы занимались философіею, именно въ томъ смыслѣ, въ какомъ было бы полезно моему критику заняться ею, если онъ вздумаетъ впредь писать критическія статьи о сочиненіяхъ, принадлежащихъ по своему предмету или характеру къ философіи. Хотя то мышленіе, которое развивалось въ первоначальный періодъ, мы называемъ философіею, но называемъ его этимъ именемъ далеко не въ томъ значеніи, въ какомъ говоримъ въ наше время о занятіи философіею. Въ тотъ періодъ она еще только творилась, а заниматься можно лишь тѣмъ, что̀ предлагаетъ намъ себя какъ нѣчто готовое. Всѣ направленія (сказано въ самомъ началѣ «Очерковъ»), всѣ роды мышленія находятся здѣсь въ первомъ непосредственномъ синтезѣ, въ этой первой философіи, гдѣ собственно философское не пришло къ своему самосознанію и не умѣло отличить себя отъ всего нефилософскаго.

Далѣе г. N упрекаетъ меня за несправедливость къ Риттеру. Г. N утверждаетъ, что я питаю какое-то непріязненное чувство къ этому ученому, — какъ будто можно питать какое-либо чувство къ человѣку, съ которымъ мы не находились ни въ какихъ практическихъ отношеніяхъ. Если я не соглашаюсь съ воззрѣніями Риттера, то тутъ еще нѣтъ никакого непріязненнаго чувства; позволяю себѣ думать, что и г. N писалъ свою критику на мою книгу безъ всякаго непріязненнаго чувства ко мнѣ лично.

Въ томъ самомъ мѣстѣ моего сочиненія, гдѣ идетъ рѣчь о пиѳагорейцахъ, я выписалъ изъ Риттера нѣсколько строкъ, казавшихся мнѣ лучшимъ образчикомъ той неправильности въ воззрѣніи на предметъ, которую я хотѣлъ по силамъ устранить въ своемъ изслѣдованіи. Напрасно г. N старается заподозрить меня во мнѣніи читателей, будто бы я искажалъ мысли Риттера. «Читателямъ не мѣшаетъ знать (говоритъ онъ), что г. Катковъ, приводя слова Риттера, пропускаетъ многія мѣста, весьма нужныя для разумѣнія его рѣчи.» Это совершенная неправда, и г. N, теперь, когда, вѣроятно, уже прошелъ пароксизмъ его горячки, самъ устыдится этой клеветы. Какъ въ этой, такъ и во всѣхъ прочихъ выпискахъ, я поступалъ вполнѣ добросовѣстно. Я выбралъ у Риттера изъ главы о пиѳагорейскомъ ученіи то, что̀ относится къ странному смѣшенію математическихъ и метафизическихъ представленій. Я не имѣлъ цѣлію знакомить моихъ читателей съ цѣлою этою главою; мнѣ было нужно

одно мѣсто въ ней, и это мѣсто передалъ я со всею добросовѣстностію, не позволяя себѣ искаженія ни въ одномъ словѣ. Если это мѣсто вышло не красиво, то вина не моя.

Но что̀ же сдѣлалъ мой критикъ? Онъ объявляетъ читателямъ, что хочетъ предоставить Риттера и меня ихъ собственному суду. «Г. Катковъ (говоритъ критикъ) даетъ намъ случай привести его «собственное толкованіе этой философіи, дабы читатели могли сравнить одно съ другимъ и судить объ относительномъ достоинствѣ «каждаго изъ нихъ. Приведемъ прежде слова Риттера, какъ они переданы авторомъ «Очерковъ.»

И какъ вы думаете, — приводитъ все то, что̀ я выписалъ изъ Риттера? — Нѣтъ: то, что въ этой выпискѣ было особенно рѣзкаго, онъ выпустилъ, и оставилъ лишь нѣсколько дополнительныхъ строкъ, къ которымъ присовокупилъ еще нѣсколько строкъ, имъ самимъ переведенныхъ и не относящихся къ тому предмету, для поясненія котораго была сдѣлана мною эта выписка.

Затѣмъ критикъ говоритъ: «Теперь соберемъ всѣ черты, которыми г. Катковъ характеризуетъ пиѳагорейское ученіе, — соберемъ «потому, что у самого автора онѣ, вслѣдствіе страннаго изложенія «Очерковъ, разбросаны по разнымъ мѣстамъ.»

А по заключеніи этой выписки, онъ снова обращается къ читателямъ съ слѣдующими словами: «Мы выписали все, что̀ сказано въ «Очеркахъ» о пиѳагорейской философіи: выписка очень длинна; но «пусть никто не говоритъ, что мы скрываемъ мысли г. Каткова, «какъ онъ скрываетъ мысли поносимыхъ (!) имъ историковъ философіи, и пусть читатели видятъ, что мы старались облегчить для «нихъ трудъ разумѣнія всѣхъ его понятій о пиѳагорейской школѣ.»

Не правда ли, какъ все это звучитъ справедливостію и добросовѣстностію? Кто изъ читателей станетъ повѣрять дѣйствительно ли такъ поступилъ критикъ, какъ самъ онъ говоритъ? Дѣло сдѣлано, и критикъ доволенъ.

Но какъ ни низко наше мнѣніе о его способностяхъ въ дѣлѣ, за которое онъ такъ опрометчиво взялся, — мы все же думаемъ, что въ спокойную минуту онъ и самъ не одобритъ своего поступка, когда пойметъ все его значеніе.

Если г. N хотѣлъ ознакомить читателей съ понятіями моими о пиѳагорейскомъ ученіи, то зачѣмъ же было ему утруждать себя перелистываніемъ моей книги, и выбирать эти понятія изъ разныхъ мѣстъ, когда въ «Очеркахъ» есть особое мѣсто, собственно посвящен-

ное пиѳагорейскому ученію? Не лучше ли бъ было выписать все это мѣсто? Не ясно ли, что понятія мои объ этомъ предметѣ тамъ только и могутъ находиться, гдѣ собственно объ этомъ предметѣ говорится? Въ другихъ мѣстахъ моего сочиненія, правда, тоже упоминается о пиѳагорейцахъ и приводятся пиѳагорейскія изреченія, но не съ тою цѣлію, чтобы истолковать значеніе ихъ системы, а для того, чтобы посредствомъ этихъ изреченій, въ связи со множествомъ другихъ данныхъ, развить общую систему, которая не была исключительною принадлежностію пиѳагорейцевъ, а, по моему предположенію, находилась въ основѣ всѣхъ представленій; съ этою цѣлію я пользовался не одними собственно философскими данными, но и ѳеологическими, орфическими и даже миѳологическими. Г. N, чтобъ ознакомить читателей съ моими понятіями о пиѳагорейскомъ мышленіи, выхватываетъ все, что при перелистываніи случайно попадалось ему на глаза съ именемъ пиѳагорейцевъ. Весьма часто онъ не давалъ себѣ даже труда дописывать до полнаго смысла выхваченныя имъ строки и отдѣльныя фразы. Этого мало: вмѣстѣ съ моими словами, онъ смѣшалъ въ одну кашу изреченія самихъ мыслителей, приводимыя въ разныхъ мѣстахъ и въ разнообразной связи. Эти отрывочныя мѣста, лишенныя всякаго смысла, вырванныя изъ связи, относящіяся къ разнымъ предметамъ, онъ сбилъ вмѣстѣ подъ видомъ моихъ понятій о пиѳагорейской школѣ. Наконецъ и этого мало: онъ позволилъ себѣ просто искажать мои слова, давать имъ противоположный смыслъ, или лучше, лишать ихъ всякаго смысла, и вопросительнымъ знакомъ, поставленнымъ въ скобкахъ, выражать свое удивленіе нелѣпицѣ, полученной такою честною операціей.

У меня сказано («Очерк.», стр. 90): «Здѣсь высказывается *противоположность безграничнаго и опредѣляющаго*, *какъ противоположность абсолютная*.» Въ выпискѣ же критика моего слова эти читаются такъ: «Здѣсь высказывается противоположность безграничнаго, *но* опредѣляющаго, какъ противоположность абсолютная», и для означенія нелѣпости этихъ словъ поставлено (?). — Къ чему подобная продѣлка? И съ какимъ духомъ г. N, отправляясь на убійство чужихъ мыслей, за минуту предъ тѣмъ, укорялъ меня за мнимое искаженіе мысли Риттера, которая, напротивъ, передана мною во всей полнотѣ, со всею бережностію и добросовѣстностію, что̀ призналъ бы и самъ Риттеръ, еслибъ его поставить судьей дѣла.

Есть всему мѣра; но этотъ поступокъ моего критика выходитъ за предѣлы всѣхъ приличій....

Вся эта несчастная выписка изъ моего сочиненія испещрена вопросительными и восклицательными знаками, замѣчаніями въ скобкахъ и подъ текстомъ; а изъ собственной характеристики пиѳагорейскаго ученія, приведенной въ безобразныхъ клочкахъ, выпущены главнѣйшія черты, въ которыхъ заключительно сосредоточивается весь смыслъ этого ученія. — Но довольно объ этомъ. Добросовѣстные читатели, безъ сомнѣнія, при видѣ этой выписки и сами догадались, какъ она сдѣлана критикомъ.

Казнивъ меня такимъ образомъ, г. N снова обращается къ рецензенту «Отечественныхъ Записокъ», и пускается въ продолжительные счеты съ нимъ. Но мало-по-малу переходитъ онъ ко мнѣ, съ тѣмъ чтобы окончательно сосредоточить на мнѣ свои удары.

Желая показать особенности моего труда, упомянутый рецензентъ замѣтилъ, что другіе изслѣдователи древнѣйшей греческой философіи «не поняли, что она была философіею природы», и что будто я первый доказалъ это несомнѣнно. Это легкомысленное замѣчаніе, къ которому я не подавалъ ни малѣйшаго повода, послужило г-ну N основаніемъ для осужденія меня. Привязавшись къ этимъ похвальнымъ словамъ о моемъ трудѣ, которыя для меня нисколько не лучше порицаній, потому что обнаруживаютъ почти такое же неразумѣніе дѣла, какъ и выходка г-на N, сей послѣдній пускается въ длинныя разсужденія о томъ, что честь открытія философіи природы вовсе не принадлежитъ мнѣ. Сначала, впрочемъ, онъ какъ будто не хочетъ подвергать меня отвѣтственности за присвоеніе мнѣ этой чести; дѣйствительно, онъ находитъ въ моемъ же сочиненіи мѣста, изъ которыхъ видно, что еще древніе писатели обозначали характеръ перваго періода греческой философіи однимъ общимъ именемъ физіологическаго. Изъ Теннемана и Риттера выписываетъ по нѣскольку строкъ для доказательства, что и новѣйшіе историки того же мнѣнія.

«Но, говоритъ онъ, опредѣляя общій духъ начальнаго періода греческой философіи согласно съ поименованными и другими новѣйшими историками философіи, г. Катковъ расходится со многими изъ нихъ въ понятіяхъ о видовыхъ характеристическихъ отличіяхъ школъ и о частномъ направленіи отдѣльныхъ мыслителей этого періода.»

Главнѣйшее различіе, усмотрѣнное критикомъ между моимъ воззрѣніемъ и воззрѣніемъ, принятымъ бо́льшею частію историковъ, состоитъ въ томъ, что я будто бы называю *всѣхъ мыслителей, отъ Ѳалеса до Анаксагора включительно, физіологами въ строгомъ смыслѣ*, тогда какъ, замѣчаетъ критикъ, по общепринятому воз-

зрѣнію только іонійская школа занималась собственно и исключительно изслѣдованіемъ физіологическаго или космологическаго процесса природы; школа пиѳагорейская подчиняетъ эти изслѣдованія частію опредѣленіямъ математическимъ, а частію нравственному міросозерцанію; въ мышленіи элеатовъ философія стремится возвыситься надъ прежними опредѣленіями бытія и обнять начало сущаго въ формѣ чистой мысли, — почему въ этой школѣ находятъ первые скудные опыты логическихъ и діалектическихъ изслѣдованій, первые начатки идеалистической метафизики. Такъ опредѣляютъ (продолжаетъ г. N) характеристическія особенности древнѣйшихъ школъ Греціи Теннеманъ, Астъ, Рикснеръ, Бранисъ, Гегель, Германъ, и въ особенности Зигвартъ, Риттеръ, Шлейермахеръ и Брандисъ.

Итакъ мнѣ принадлежитъ по крайней мѣрѣ та слава, что я первый назвалъ всѣхъ мыслителей, отъ Ѳалеса до Анаксагора включичельно, физіологами въ строгомъ смыслѣ. Увы! жестокій критикъ отнимаетъ у меня и эту славу.

«Это воззрѣніе на мыслителей начальнаго періода греческой фи-«лософіи принадлежитъ ли собственно г. Каткову? Онъ ли первый «высказалъ его, вопреки мнѣнію *всѣхъ* новѣйшихъ изслѣдователей «этого періода? Впрочемъ, истина заставляетъ насъ отвѣчать на «этотъ вопросъ отрицательно. Еще въ 1844 году, въ Тибингенѣ, «вышла книга подъ заглавіемъ: *Философія Грековъ*, въ которой «сочинитель, Эдуардъ Целлеръ, раскрылъ тѣ же самыя понятія о «значеніи физіологическаго процесса въ до-сократической философіи, «какихъ держится и г. Катковъ, — и раскрылъ, надобно сказать «правду, короче, но яснѣе и съ большею основательностію, нежели «какъ это мы видимъ у автора «Очерковъ». Мы полагаемъ, что г. «Катковъ долженъ былъ указать на трудъ Целлера, потому что въ «глазахъ людей, знающихъ дѣло, говоря пословицею: *шила въ мѣш-«кѣ не утаишь*, да и не для чего таить, а не знающіе безъ этого «указанія могутъ ошибочно принять взглядъ автора «Очерковъ» за но-«вый, прежде неизвѣстный въ историко-философской литературѣ.»

Этою выходкою г. N достойно увѣнчиваетъ свою критику, и блистательно доказываетъ, какъ понялъ онъ разбираемое сочиненіе и какъ основательно изучалъ прочія сочиненія по тому же предмету. Онъ обвиняетъ меня въ похищеніи у Целлера его воззрѣнія, тогда какъ я совершенно чуждъ этому воззрѣнію, и расхожусь съ Целлеромъ въ сущности, можетъ-быть, еще болѣе, чѣмъ съ какимъ-либо другимъ изъ историковъ древнѣйшей греческой философіи.

Никогда не называлъ я древнѣйшихъ греческихъ мыслителей, отъ Ѳалеса до Анаксагора включительно, физіологами въ строгомъ смыслѣ. Самое развитіе древнѣйшей философіи начинается у меня не съ Ѳалеса, какъ знаетъ и критикъ мой, и оканчивается не Анаксагоромъ. Физіологами я называю ихъ, не придавая никакого исключительнаго смысла этому слову; оно завѣщано древностію, и даже не совсѣмъ вѣрно выражаетъ мысль, принятую мною за основаніе. Но мысль эта для всякаго, читавшаго съ толкомъ мое сочиненіе, не могла оставаться сомнительною и неясною. Я могъ бы избѣжать названія физіологовъ, и вовсе не упоминать о философіи природы, — и мысль моя отъ этого не потеряла бы ничего, а можетъ быть еще выиграла бы.

Целлеръ, разбирая мнѣнія другихъ историковъ, находитъ, что не должно, какъ думаютъ нѣкоторые (*), видѣть въ іонійцахъ, пиѳагорейцахъ и элеатахъ одностороннихъ представителей физики, эѳики и діалектики, равно какъ не должно, подобно Бранису, проводить въ этихъ древнихъ школахъ различіе дорійскаго, или италійскаго, и іонійскаго характера. Отвергая эти воззрѣнія, Целлеръ въ объясненіи и послѣдованіи системъ держится однако такъ близко Гегеля, что между его воззрѣніемъ и воззрѣніемъ этого философа нѣтъ никакого существеннаго различія. А по словамъ моего критика выходитъ, будто бы въ 1844 году, въ Тюбингенѣ, Эдуардомъ Целлеромъ высказана была, вопреки мнѣнію всѣхъ новѣйшихъ изслѣдователей, и въ томъ числѣ Гегеля, мысль объ относительномъ значеніи древнѣйшихъ системъ, и будто я воспользовался этою тюбингенскою мыслію и втихомолку основалъ на ней свое изслѣдованіе. Повторяю, между воззрѣніемъ Гегеля и воззрѣніемъ Целлера на древнѣйшія системы нѣтъ никакого существеннаго различія, — въ чемъ соглашается и самъ Целлеръ: онъ лишь развиваетъ, пополняетъ и досказываетъ Гегелево воззрѣніе; такъ ужь лучше бы отправить меня за похищеніемъ мысли къ Гегелю, лекціи котораго объ исторіи философіи вышли слишкомъ десятью годами прежде книги Целлера. — Впрочемъ, читателямъ уже достаточно извѣстно, какъ основательно изучалъ мой критикъ «великіе и многоплоднѣйшіе труды» новѣйшихъ изслѣдователей древнѣйшей философіи, и но-

*) Не всѣ, какъ вообразилъ себѣ г. N, выписавъ цѣлый рядъ именъ, изъ коихъ навѣрное большая часть—для него пустые звуки. Бранисъ, Астъ, а также и Гегель, вовсе не такъ толкуютъ о различіи древнихъ школъ, какъ Шлейермахеръ и Риттеръ.

вое доказательство его свѣдѣній по этой части не удивитъ ихъ. Считаемъ однако нужнымъ сказать кое-что въ поясненіе этого пункта.

Г. N, перелистывая книгу Целлера, которую онъ видно такъ же хорошо понялъ, какъ и мою, встрѣтилъ тамъ выраженіе — философія природы; это же выраженіе встрѣчено было имъ разъ и въ моемъ сочиненіи: изъ этихъ двухъ встрѣчъ онъ составилъ свой выводъ о тождествѣ моего воззрѣнія съ воззрѣніемъ Целлера. Съ торжествомъ провозгласилъ онъ этотъ выводъ, и обвиняя меня въ плагіатѣ, съ достоинствомъ замѣтилъ, что шила въ мѣшкѣ отъ людей знающихъ не утаишь.

Целлеръ, отвергая различеніе древнихъ школъ на основаніи дѣленія философскихъ наукъ (физики, нравоученія и діалектики), впалъ въ противоположную крайность, и рѣзко обозначилъ всю древнѣйшую философію, какъ исключительную физику, или философію природы. Что̀ же касается до моего воззрѣнія, то съ одной стороны, не допуская въ этомъ періодѣ никакой возможности раздѣльныхъ частныхъ знаній, я, съ другой стороны, отнюдь не могъ полагать, чтобы древнѣйшая философія была однимъ изъ числа такихъ раздѣльныхъ знаній. Именно въ строгомъ-то смыслѣ и нельзя назвать эту древнѣйшую философію философіею природы. Если въ самомъ началѣ моего сочиненія, въ первой части его, я употребилъ выраженіе «философія природы», то, какъ тутъ же видно, а еще болѣе видно во второй части, совсѣмъ не въ такомъ исключительномъ смыслѣ, какъ оно употреблено у Целлера, и даже вовсе не въ томъ смыслѣ. Приступая къ разсмотрѣнію древнѣйшаго періода греческой философіи, я долженъ былъ обратить вниманіе на названіе физиковъ и физіологовъ, которымъ еще въ древности обозначались мыслители (и преимущественно нѣкоторые изъ нихъ, именно такъ называемые іонійцы), и старался объяснить это названіе. Я хотѣлъ показать не то, что древняя философія была физикою, а собственно то, что «древняя физика должна быть разсматриваема какъ философія, изучаема и судима съ философской точки зрѣнія.» При этомъ я нашелъ нужнымъ указать на то значеніе, какое должно быть соединяемо съ словомъ природа, когда хотимъ передавать имъ греческое φύσις, которое происходя «отъ глагола φύ-ειν, родственнаго этимологически съ нашимъ *быть*, собственно означаетъ процессъ происхожденія и почти равносильно слову γένεσις.» Сверхъ того, высказывая эти замѣчанія, я вовсе не находилъ, чтобы это, такъ называемое физіологическое мышленіе исключительно наполняло тотъ періодъ. «Отчасти прежде и отчасти рядомъ съ физіологіею (сказано у меня

вслѣдъ за приведеннымъ выше замѣчаніемъ о понятіи природы, въ смыслѣ греческаго φύσις), существовалъ особый родъ мышленія, который Греки называли ѳеологіею.» Это ѳеологическое мышленіе указывается мною у многихъ мыслителей, у пиѳагорейцевъ, у Гераклита.

Но въ первой части моего изслѣдованія рѣчь идетъ о характеристикѣ мыслителей, а не мышленія. Разсмотрѣнію внутренняго развитія системъ посвящена вторая часть моего сочиненія. Здѣсь для всякаго добросовѣстнаго и разумѣющаго читателя не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія касательно смысла, въ какомъ употребляется у меня названіе физіологовъ и физіологическаго мышленія. Г. N, въ подтвержденіе своего обвиненія, будто бы всѣхъ мыслителей отъ Ѳалеса до Анаксагора назвалъ я физіологами въ строгомъ смыслѣ, и именно въ томъ смыслѣ, въ какомъ разумѣетъ этихъ мыслителей Целлеръ, имѣлъ духъ выписать нѣсколько выраженій изъ той самой страницы, которая уже одна могла бы показать ему, что между *Очерками* и *Философіею Грековъ* Целлера въ этомъ отношеніи нѣтъ ничего общаго. При большей добросовѣстности и большей понятливости, г. N не могъ бы не увидѣть здѣсь причины, почему я удерживаю это старинное названіе физіологовъ, и какъ мало совпадаетъ оно не только съ тѣмъ спеціяльнымъ значеніемъ, какое принадлежитъ этому слову въ нашемъ естествознаніи, но и съ значеніемъ философіи природы, какое имѣетъ это слово у историковъ философіи и въ томъ числѣ у Целлера. «Мы удер-«жимъ (сказано въ «Очеркахъ» на стр. 63) за этимъ процессомъ назва-«ніе, которымъ онъ характеризуется въ самыхъ системахъ и вообще «въ древности, названіе физіологическаго и физическаго (*). Мы мо-«жемъ назвать его также космогоническимъ, не дѣлая строгаго разли-«чія между нимъ и ѳеогоническимъ, который развивался въ миѳоло-«гическомъ сознаніи древняго человѣчества.»

Слово физическій и физіологическій, какъ объясняется на этой же страницѣ далѣе, употребляется для предупрежденія какихъ-нибудь претыканій и ложныхъ толкованій. «Идея физическаго процесса плѣ-«нила умы древнихъ мыслителей; въ ней они вращались, переходя отъ «одного пункта къ другому, и не имѣя силы надъ нею возвыситься.... «Объятые сами физическимъ процессомъ (ибо ѳеогоническій процессъ, «о которомъ мы упомянули, по своей сущности есть не что иное, какъ «подчиненіе человѣческаго сознанія физическимъ или космическимъ «силамъ), они пробудились къ мышленію, заключенному въ его пре-

[1]) Писанія философовъ этого періода, и въ томъ числѣ Филолая, носятъ названіе περὶ φύσεως, о природѣ, или точнѣе о происхожденіи, рожденіи вещей.

«дѣлахъ. Хотя и въ языческомъ сознаніи сохранилось смутное пред-«ставленіе о Творцѣ и твореніи; но твореніе заслонялось для нихъ «природою, и космогонія была для нихъ физіологией». Для человѣка добросовѣстнаго должно быть ясно, почему въ «Очеркахъ» такъ часто употребляются термины физіологія и физіологическій процессъ. Термины эти несравненно менѣе соотвѣтствуютъ основной мысли «Очерковъ», нежели слова космогонія и космогоническій процессъ. Собственно вездѣ, вмѣсто первыхъ, должны бы быть употребляемы эти послѣдніе термины; но писатель, при употребленіи выраженій, долженъ часто сообразоваться, кромѣ своей мысли, еще со многими обстоятельствами. Выраженіе: космогоническій процессъ, слишкомъ громко, и частое употребленіе онаго могло бы возбуждать нѣкоторыя несоотвѣтственныя представленія, которыя гораздо болѣе мутили бы дѣло, нежели тѣ, которыя соединяются съ словомъ «физіологія», особенно когда строго показано, въ какомъ смыслѣ должно понимать это последнее слово.

Такъ какъ ужъ зашла рѣчь объ этомъ предметѣ, то не будетъ излишнимъ сказать еще нѣсколько пояснительныхъ словъ, которыя критикъ мой можетъ, впрочемъ, и не читать, потому что они пишутся не для него.

Представленія, возникавшія въ религіозномъ или миѳологическомъ сознаніи древняго языческаго человѣчества, раждались въ немъ подъ видомъ боговъ; это ѳеогонія. Въ древнѣйшемъ философскомъ сознаніи ѳеогонія уступила мѣсто космогоніи: здѣсь раждаются не боги, а раждается міръ. Тѣ же самыя представленія, которыя тамъ являются какъ начала, властвующія надъ человѣческимъ духомъ, какъ боги, — въ философскомъ сознаніи не имѣютъ такой преобладающей силы и притомъ такъ, что чѣмъ далѣе развивается мышленіе, тѣмъ менѣе оказывается въ нихъ эта преобладающая сила; наоборотъ, чѣмъ древнѣе система, и чѣмъ, слѣдовательно, она ближе къ ѳеогоническому состоянію сознанія, тѣмъ болѣе и самая космогонія, въ ней развиваемая, приближается къ ѳеогоніи. Астральныя начала пиѳагорейцевъ имѣли для нихъ божественное значеніе; все исполнено боговъ, восклицаетъ Ѳалесъ; войдите сюда, и здѣсь боги, говоритъ Гераклитъ; первородный воздухъ, или лучше духъ, какъ основа космоса, называется у Анаксимена божествомъ, изъ котораго происходятъ и всѣ боги; но вотъ у Анаксагора астральныя силы являются уже простыми массами, камнями, и Демокритъ смотритъ на міръ какъ на природу въ нашемъ смыслѣ, съ разсуждающимъ и спокойнымъ духомъ, забывъ не только о ѳеогоніи, но

даже и о космогоніи. Вотъ воззрѣніе, на которомъ основано мое изслѣдованіе.

Теперь выпишемъ изъ Целлера тѣ строки, въ которыхъ онъ характеризуетъ общее свое воззрѣніе на первый періодъ греческой философіи. Сказавъ, что «философія перваго періода носитъ характеръ объективности (der Objectivität), что мышленіе переходитъ здѣсь не отъ понятія къ бытію, а отъ бытія къ понятію», и разсмотрѣвъ эту философію по ея предмету, результатамъ и методѣ, Целлеръ говоритъ:

Если соберемъ всѣ эти черты вмѣстѣ, то общимъ характеромъ перваго періода окажется преданность мышленія міру непосредственнаго, чувственнаго существованія, то, что міръ явленій принимается за абсолютную дѣйствительность, а изслѣдованіе онаго за высочайшую задачу философіи, и мышленіе занимается этою задачею совершенно наивно и непосредственно, прямо приступаетъ къ предмету, не отдавая себѣ предварительнаго отчета касательно законности такого поступанія. Словомъ, философія этого періода есть философія непосредственнаго воззрѣнія (der unmittelbaren Anschauung); ибо хотя она и не остается при отдѣльныхъ чувственныхъ вещахъ и при чувственномъ разсматриваніи оныхъ, однако все же она остается при совокупности міра явленій: различіе духа и природы, идеи и явленія еще не признано здѣсь какъ основное положеніе, специфическая особенность мыслящаго познанія еще не выступала въ противоположности съ чувственнымъ, и даже духовное поставляется подъ натуральное опредѣленіе, и разсматривается одинаково съ чувственнымъ. Погруженіе духа въ природу, мышленія въ его объектъ, эта отличительная особенность древней философіи, является здѣсь еще въ самомъ рѣзкомъ видѣ, ибо предметъ, которому мышленіе предается, какъ своей истинѣ, есть предметъ чувственный, то-есть совокупность чувственнаго міра; только послѣдующій періодъ противопоставилъ чувственному явленію идеальную объективность понятія, какъ высшее, и только третій перенесъ самую эту идеальную объективность понятія въ самосознаніе, какъ ея источникъ. Согласно съ этимъ воззрѣніемъ, мы должны три философскія школы перваго времени, іонійскую (при которой однако здѣсь можетъ идти рѣчь лишь о древнѣйшихъ іонійцахъ: Ѳалесѣ, Анаксимандрѣ и Анаксименѣ), пиѳагорейскую и элеатскую, болѣе сблизить, чѣмъ обыкновенно водится. Вопросъ, общій этимъ тремъ философіямъ, есть вопросъ о всеобщей сущности бытія, т.-е., согласно съ предыдущимъ, натуральнаго бытія, міра явленій, и на вопросъ этотъ всѣ три даютъ постольку одинаковый отвѣтъ, поскольку всѣ онѣ находятъ эту сущность въ чемъ-либо непосредственно сущемъ, въ покоящейся субстанціи,—іонійцы въ матеріи, пиѳагорейцы въ числѣ, элеаты въ чистомъ бытіи. Различаются же онѣ между собою ближайшимъ опредѣленіемъ этого бытія: у іонійцевъ оно есть матеріяльная субстанція, у пиѳагорейцевъ математическая, у элеатовъ матафизическая субстанція; но и эти послѣдніе видятъ въ своемъ началѣ *субстанцію*, а не простую *форму*, какъ это уже показано вообще, а въ частностяхъ показано будетъ ниже. Посему эти три системы могутъ быть названы философіей бытія: всѣ онѣ имѣютъ своимъ началомъ бытіе, первичную сущность; но бытіе это въ іонійской школѣ есть матеріяльное бытіе первоначальнаго вещества, въ элеатской чистое бытіе мысли, между тѣмъ какъ пиѳагорейцы съ своею теоріею чиселъ находятся между ними, и имѣютъ своимъ началомъ

матерію, которая опредѣлена мыслію, или, что̀ то же, мысль, существующую въ формѣ матеріяльнаго бытія, то-есть математическое.

Спрашиваемъ теперь, можетъ ли литературная недобросовѣстность простираться далѣе тѣхъ предѣловъ, до которыхъ дошелъ нашъ г. N, сближая мое изслѣдованіе съ Целлеровымъ? Пусть каждый объясняетъ какъ хочетъ этотъ поступокъ: распространяться объ немъ далѣе было бы скучно.

Читателямъ и вообще должны уже казаться скучными эти длинныя объясненія о предметахъ отвлеченныхъ, по поводу статьи, основанной, какъ теперь можетъ всякій видѣть, на тѣхъ самыхъ добрыхъ качествахъ, которыя авторъ этой статьи, въ началѣ ея, постарался заклеймить съ помощью Бакона Веруламскаго. Мы поспѣшимъ окончить наши объясненія, которыя подъ перомъ приняли гораздо большіе размѣры, чѣмъ предполагали мы сами.

Сдѣлавъ мнѣ строгій выговоръ за похищеніе мысли у Целлера и за то, что я не подвергнулъ критикѣ другихъ изслѣдователей, для оправданія этой мысли, г. N приводитъ слова мои, которыми я, какъ выражается онъ, «силился обозначить отличительныя особенности трехъ главныхъ направленій древнѣйшаго греческаго мышленія.» Онъ выписываетъ нѣсколько строкъ изъ того, что̀ говорится у меня о значеніи пиѳагорейцевъ, такъ-называемыхъ іонійцевъ и элеатовъ, не упуская ввертывать свои замѣчанія съ восклицаніями и вопрошеніями. Читатели, безъ сомнѣнія, догадываются каковы должны быть эти замѣчанія. У меня сказано: «Представленіе без«граничнаго бытія, духа, полагаемаго въ основу космосу, непосред«ственно вело къ представленію безчисленнаго множества силъ, на«полняющихъ небо, и т. д.» Критикъ глубокомысленно, послѣ слова *полагаемаго*, замѣчаетъ въ скобкахъ *кѣмъ?* а выраженіе, *непосредственно вело*, сопровождаетъ обширною выноскою, въ которой говоритъ слѣдующее: «Какъ будто представленіе безграничнаго бытія «существовало гдѣ-то прежде чѣмъ оно привело пиѳагорейцевъ къ по«нятіямъ, ими раскрытымъ. Это представленіе лежало въ основѣ пи«ѳагорейской системы.» Спрашивается, какое отношеніе имѣетъ это замѣчаніе къ моимъ словамъ? развѣ у меня отрицается присутствіе этого представленія въ пиѳагорейской системѣ? Далѣе, въ этой выноскѣ, г. N замѣчаетъ, что я долженъ былъ объяснить, откуда въ пиѳагорейской системѣ возникло это представленіе, а не ссылаться на общую систему, мною же самимъ составленную. Какъ это умно и справедливо! Изложеніе общей системы было главною моею задачею. Въ ней находилъ я ключъ къ значенію каждаго изъ фрагментарныхъ

мыслителей; лишь въ развитіи общей системы я и могъ показывать происхожденіе и связь главныхъ представленій, раскрываемыхъ частными системами. Въ изложеніи представленій, общихъ всѣмъ отдѣльнымъ школамъ, я старался совершенно скрываться и до мельчайшей подробности характеризовалъ все собственными выраженіями древняго мышленія, предпочитая лучше оставлять нѣкоторые пункты неясными, нежели освѣщать ихъ чуждымъ свѣтомъ. Въ какой мѣрѣ это удалось мнѣ, судить я не могу; но очевидно, что сколько-нибудь основательная критика должна была бы преимущественно сосредоточиться на этой части моего труда. Не упомянувъ прежде ничего объ этой общей системѣ, г. N бросаетъ объ ней косвенный намекъ въ выноскѣ, замѣчая, что она составлена мною самимъ. Конечно, она составлена мною самимъ; но что же — хорошо это или худо? Въ концѣ своей статьи г. N, считая нужнымъ, послѣ строгихъ выговоровъ и обвиненій, также и погладить меня по головкѣ, находитъ въ этомъ отношеніи «немаловажную заслугу» со стороны автора «Очерковъ», и какъ кажется почти совершенно доволенъ этою частію моего изслѣдованія. Впрочемъ, мы постоянно видѣли, что подъ всѣми фразами моего критика скрывается или нуль или величина отрицательная, и потому слишкомъ придираться къ нему не сто́итъ. — Далѣе, въ слѣдующихъ моихъ словахъ: «Непрерывныя и неизмѣнныя движенія небесныхъ сферъ были исключительнымъ предметомъ пиѳагорейской мудрости», г. N подчеркнулъ слово: *исключительнымъ*, и поставилъ за нимъ знакъ вопроса въ скобкахъ. Не знаю, что̀ ему не понравилось въ этомъ словѣ: считаетъ ли несправедливою мысль или неловкимъ выраженіе — не догадываюсь. Выписывая изъ «Очерковъ» слѣдующія слова: «Въ пиѳагорейскомъ мышленіи основное бытіе вращается въ «пустотѣ безграничности, въ миріадахъ астральныхъ силъ», г. N замѣчаетъ въ скобкахъ: «гдѣ вращаются миріады силъ, тамъ уже нѣтъ пустоты безграничности». Сознаюсь, что выраженіе, употребленное мною, можетъ показаться неяснымъ и неловкимъ; но оно не выдумано мною, а все, что̀ въ немъ высказывается, принадлежитъ самому древнему мышленію. Замѣчаніе, которымъ г. N сопровождаетъ эти слова, могло бы быть сдѣлано мнѣ какимъ-нибудь стилистомъ безъ отношенія къ смыслу; но критикъ, выдающій себя за знатока дѣла, не сталъ бы къ нимъ придираться. Пустота, безграничность и миріады движущихся силъ суть классическія выраженія древнѣйшей греческой философіи; представленіемъ пустоты условливается въ ней возможность движенія и раздѣльность безчисленныхъ силъ; только въ пустотѣ и могутъ они вращаться; реченія пустота,

пустое, соотвѣтствуетъ нашему термину: пространство, и безграничная пустота значитъ безграничное пространство. — Но вотъ наконецъ мы приближаемся къ капитальному замѣчанію критика. У меня сказано: «Въ мышленіи іонійцевъ совершается матеріялизація «космической субстанціи». Г. N замѣчаетъ въ скобкахъ: «А у пиѳагорейцевъ этого нѣтъ? развѣ пиѳагорейскій олимпъ, къ которому, «по словамъ г. Каткова, примыкаютъ низшія области планетъ, луны «и земли, не есть матеріялизація безграничнаго бытія пиѳагорейцевъ?» Какъ ни пріучилъ насъ г. N къ своему невѣдѣнію судимаго имъ дѣла, но мы не можемъ вновь не улыбнуться при этомъ замѣчаніи. Олимпомъ у пиѳагорейцевъ называется бытіе чистое, свободное отъ стихійныхъ измѣненій и смѣшеній; это верхняя область; это та самая область, о которой г. N, нѣсколько ниже, со большимъ чувствомъ говоритъ слѣдующее: «Чтò выше, пиѳагорейское ли созерцаніе неизмѣннаго, вѣчнаго, невещественнаго, божественнаго бытія, области, въ которой царствуетъ вѣчно движущаяся душа, владычествующій всѣмъ разумъ, — или іонійское представленіе стихійныхъ переходовъ міровой сущности?» Добрый г. N! онъ не зналъ, что вѣдь эта-то самая область, которую онъ постарался такъ изящно расписать и противоположить стихійнымъ переходамъ іонійцевъ, и есть олимпъ пиѳагорейскій, который онъ выдвинулъ противъ меня, какъ матеріялизацію безграничнаго бытія пиѳагорейцевъ! Пробѣгая мелькомъ мои страницы, онъ наткнулся на одно мѣсто, гдѣ сказано, что къ олимпу примыкаютъ планеты, солнце, луна, земля, — и подумалъ, что здѣсь дѣло идетъ о матеріялизаціи, и что олимпъ, къ которому всѣ эти вещи примыкаютъ, и есть матеріялизація! Едва ли можно въ столь немногихъ словахъ представить столь много доказательствъ своего легкомыслія и незнанія дѣла, какъ удалось это г-ну N?

Далѣе критикъ не дѣлаетъ никакихъ примѣчаній къ моимъ словамъ, какъ бы чувствуя, что уже высказался весьма довольно, хотя и кратко.

Въ остальной части своей статьи г. N пускается въ пространныя и широковѣщательныя разсужденія о порядкѣ послѣдованія древнѣйшихъ системъ. Онъ находитъ невѣрнымъ принятый у меня порядокъ, въ которомъ первое мѣсто дано пиѳагорейской школѣ; громитъ мои доводы, по которымъ я счелъ нужнымъ отступить отъ общепринятаго порядка, и начать послѣдованіе системъ не съ Ѳалеса, а съ Пиѳагора. Читатели, я надѣюсь, уволятъ меня отъ серіознаго пренія съ такимъ противникомъ, каковъ г. N. Жаль

разсуждать о дѣлѣ, которымъ занимался съ участіемъ и добросовѣстно, по слѣдамъ такого мыслителя и ученаго, какимъ оказался нашъ критикъ.

Справедливость требуетъ однако сказать, что г. N умѣлъ придать этимъ разсужденіямъ своимъ, какъ уже и замѣчено выше, наружные признаки зрѣлаго и основательнаго воззрѣнія на предметъ; слогъ его здѣсь становится особенно гладокъ и плавенъ; фразы закругляются съ большою важностію и достоинствомъ, и для людей, которые будутъ читать ихъ, не повѣряя собственною мыслію и знаніемъ, покажутся весьма дѣльными. Но какъ вообще, такъ и здѣсь, подъ наборомъ фразъ моего критика скрываются качества, тѣмъ болѣе заслуживающія осужденія, чѣмъ разительнѣе контрастъ между ними и ихъ нарядомъ. Онъ не хотѣлъ или не могъ понять тѣхъ мыслей, противъ которыхъ ратуетъ, и не умѣлъ справиться съ тѣми, которыя нахваталъ съ разныхъ сторонъ, готовясь къ своему критическому подвигу.

Мѣсто, данное мною Пиѳагору въ послѣдованіи системъ, опредѣляется многими соображеніями, которыхъ критикъ мой не умѣлъ взвѣсить. При всей неточности хронологическихъ данныхъ, несомнѣнно однако то, что Пиѳагоръ жилъ въ началѣ до-сократовскаго періода греческой философіи. Если онъ не предшествовалъ милетскимъ мыслителямъ (Ѳалесу, Анаксимандру, Анаксимену), то безспорно по крайней мѣрѣ то, что онъ былъ ихъ современникомъ. Въ этомъ всѣ изслѣдователи безъ исключенія согласны. Но Аристотель, разбирая въ первой книгѣ своей «Метафизики» ученія предшествовавшихъ ему мыслителей, случайно началъ съ Ѳалеса, — и вотъ съ тѣхъ поръ установился обычай начинать исторію философіи этимъ мудрецомъ. Прежде велся этотъ обычай по просту безъ затѣй, безъ всякихъ разсужденій. Въ послѣдствіи же, когда возникла потребность раціональнаго метода въ изслѣдованіи исторіи философіи, старались, не входя въ собственный источникъ этого обычая, объяснять его, какъ непреложный фактъ, разными болѣе или менѣе остроумными построеніями. Случись такъ, что Аристотель заговорилъ бы прежде о Пиѳагорѣ, — завелся бы точно такъ же обычай начинать исторію философіи съ Пиѳагора, и въ послѣдствіи точно такъ же старались бы объяснять этотъ фактъ не менѣе замысловатыми построеніями: Пиѳагоръ могъ бы представлять собою философію des Seins, Элеаты des Seins und Nichtseins, а Іонійцы der Ineinsbildung der beiden Gegensätze oder des Werdens, и т. д.

Что Аристотель начинаетъ съ Θалеса случайно, не соединяя съ этимъ никакого значенія, — это несомнѣнно для каждаго, кто знаетъ «Метафизику» Аристотеля не по наслышкѣ, какъ мой критикъ, а по собственному изученію. Θалесъ выставляется первоначальникомъ только извѣстной группы мыслителей, которую Аристотель отличаетъ особыми признаками. Разсмотрѣвъ философемы Θалеса и другихъ философовъ, вовсе не слѣдуя хронологическому порядку, Аристотель обращается къ группѣ мыслителей пиθагорейскихъ, и начинаетъ слѣдующими словами рѣчь свою объ нихъ: «*Современно* съ этими мыслителями и *прежде* нихъ такъ-называемые пиθагорейцы» и т. д. Что подъ *этими* мыслителями, которымъ такимъ образомъ Аристотель противополагаетъ пиθагорейцевъ, должно разумѣть такъ-называемыхъ іонійцевъ, начиная съ Θалеса, это очевидно изъ продолженія рѣчи. «Пиθагорейцы, продолжаетъ Аристотель, видѣли въ числахъ большое подобіе съ сущимъ и происходящимъ, нежели въ огнѣ, землѣ и водѣ.» Итакъ пиθагорейцы самимъ Аристотелемъ отчасти поставляются прежде іонійцевъ. Но у Аристотеля рѣчь идетъ еще только о такъ-называемыхъ пиθагорейцахъ. О самомъ Пиθагорѣ онъ не говоритъ, и вообще когда у Аристотеля заходитъ рѣчь о философахъ, носящихъ названіе пиθагорейскихъ, онъ говоритъ не о Пиθагорѣ, а почти постоянно о *такъ-называемыхъ пиθагорейцахъ* или *мужахъ пиθагорейскихъ*. Лицо самого Пиθагора уже и для Аристотеля имѣетъ болѣе миθическій, нежели собственно историческій характеръ. Подъ именемъ Пиθагора можно разумѣть столько же идею, сколько лицо. Пиθагоръ представляетъ собою θеологическую мудрость. Онъ θеологъ и мистагогъ, и пиθагорейская мудрость слыла въ древности болѣе подъ именемъ θеологуменовъ, нежели философемъ. Въ изслѣдованіи моемъ доказано, какое значеніе имѣлъ пиθагорейскій союзъ въ своемъ началѣ, доказано его θеократическое направленіе.

Дѣйствительно, многое въ пиθагорейской мудрости, многіе θеологумены, которые передавались отъ поколѣнія въ поколѣніе *мужами пиθагорейцами*, содержаніемъ своимъ не только богаче философствованія другихъ мыслителей древнѣйшаго періода, но даже превосходятъ полнѣйшія системы греческой философіи. Можно безъ преувеличенія сказать, что даже мышленіемъ Платона и Аристотеля не исчерпано все богатство, содержащееся въ θеологическихъ сказаніяхъ, запечатлѣнныхъ между прочимъ именемъ Пиθагора. Въ позднѣйшее время греческой философіи, когда мышленіе силилось преодолѣть тѣ предѣлы, которые были поставлены ему въ древнемъ мірѣ, оно съ

особеннымъ предпочтеніемъ обращалось къ Пиѳагору, и отъ него вело золотую аполлоновскую цѣпь разумѣнія. Такое значеніе Пиѳагора нельзя объяснять тѣмъ, что онъ воспользовался результатами *изслѣдованій* Ѳалеса съ товарищами, въ *чувственной* формѣ, какъ думаетъ мой критикъ. Такія скудныя данныя никакъ не могли предуготовить ту ѳеологическую мудрость, передъ которою благоговѣла древность; тѣмъ болѣе, что милетскіе мыслители жили и учили если не позднѣе Пиѳагора, то современно съ нимъ. За чѣмъ Пиѳагору нужно было знать философемы Ѳалеса и Анаксимена, напримѣръ для своего ученія о *діадѣ*, объ *элевсинѣ*, о *гестіи*, этомъ *престолѣ* и *жертвенникѣ Дія*, о *матери боговъ*, и для другихъ подобныхъ ѳеологуменовъ. А между тѣмъ въ нихъ состояло богатство сказаній, неисчерпанное философіею греческою и могущее стать предметомъ яснаго разумѣнія лишь въ наше время, въ связи съ тѣми источниками, изъ которыхъ произошли эти сказанія, въ связи съ миѳологіею.

Весьма знаменательно то, что первое начало свое философія имѣетъ въ глубинѣ религіознаго сознанія. Въ пиѳагорейскомъ союзѣ, основанномъ на ѳеократическихъ началахъ и имѣвшемъ преимущественно религіозное значеніе, возникло и то настроеніе мысли, изъ котораго родилась философія, или по крайней мѣрѣ первые начатки оной. Пиѳагоръ съ одной стороны замыкалъ собою великую и многосложную исторію сознанія, съ другой открывалъ собою новый родъ сознанія и начиналъ его развитіе. Соприсутствіе двухъ разнородныхъ сферъ сознанія въ одномъ человѣкѣ есть дѣло весьма возможное и даже весьма обыкновенное. Если мы глубже и наблюдательнѣе вникнемъ въ самихъ себя, то найдемъ, что очень нерѣдко подъ одною формою сознанія живутъ въ насъ такія идеи, которыя не имѣютъ ничего себѣ подобнаго въ другихъ формахъ нашего сознанія; такъ напримѣръ, человѣкъ, преданный всею силою своей души осуществленію какой-либо идеи, часто въ своихъ понятіяхъ не имѣетъ, такъ сказать, для нея мѣста, и готовъ даже отрицать ее, когда бы она вдругъ предстала ему въ формѣ сужденій. Но мы должны вспомнить, что вопросъ о пиѳагорейскомъ сознаніи не ограничивается однимъ миѳическимъ лицомъ Пиѳагора, а простирается на весь такъ-называемый пиѳагорейскій союзъ. То, что̀ могло бы показаться неяснымъ, еслибы дѣло шло объ одномъ человѣкѣ, становится совершенно понятнымъ, когда дѣло идетъ о цѣломъ союзѣ людей, продолжавшемся въ преобразованномъ видѣ черезъ многія поколѣнія до позднѣйшаго времени древности. Съ одной стороны пиѳагорейцы бережно передавали изъ

поколѣнія въ поколѣніе завѣтъ древности, ѳеологумены, часто для нихъ самихъ непонятныя; съ другой они были самостоятельными мыслителями. «Пиѳагорейцы (сказано въ «Очеркахъ» стр. 110) непо-«средственно соприкасались съ мистеріями и ѳеологическими сказа-«ніями. Вотъ почему умозрѣніе ихъ по своему содержанію превос-«ходитъ ту точку зрѣнія, на которой могли они находиться какъ «мыслители. Многія положенія, встрѣчаемыя въ пиѳагорейскихъ «фрагментахъ и уже знакомыя нашимъ читателямъ, не составляютъ «исключительной принадлежности пиѳагорейской школы. Надобно от-«личать общій смыслъ этихъ положеній отъ того особеннаго, соб-«ственно пиѳагорейскаго характера, какой принимаютъ они у этихъ «мыслителей, и весьма часто общее значеніе этихъ положеній, ихъ «первоначальное содержаніе, находится въ совершенномъ разладѣ съ «этимъ особымъ примѣненіемъ.» Можемъ еще присовокупить къ этому, что положенія эти различно были понимаемы и толкуемы различными пиѳагорейцами. «Намъ весьма часто приводилось говорить «о преобладающей склонности пиѳагорейцевъ давать всему астраль-«ное (не говоримъ астрономическое, во избѣжаніе недоразумѣній) «значеніе. Довольно припомнить то значеніе, какое получила у нихъ «идея центральнаго единства, центральнаго огня. Въ самомъ дѣлѣ, «эта идея, явно почерпнутая изъ ѳеологическихъ сказаній, не мо-«жетъ никакъ, по своему первоначальному смыслу, согласоваться «съ тѣмъ примѣненіемъ, въ какомъ встрѣчается у Филолая. Вотъ «это-то особенное значеніе и надобно слѣдить для уясненія особен-«наго значенія пиѳагорейской мысли, и достаточно весьма легкаго «наведенія, чтобы оно обнаружилось само собою.»

И такъ ѳеологическую часть пиѳагорейской мудрости отнюдь не должно смѣшивать съ философіею пиѳагорейскою. Въ изложеніи главныхъ началъ общей системы, я пользовался многими ѳеологуменами, какъ пиѳагорейскими, такъ и другими, даже отчасти миѳологіей, но я не позволялъ себѣ развивать ихъ; для соблюденія объективной вѣрности исторіи, я всѣ черты системы обозначалъ словами самой древности. Лучше казалось мнѣ оставить нѣкоторые пункты не совсѣмъ ясными, нежели излагать ихъ отъ себя. По общему плану исторіи философіи, какъ онъ представляется мнѣ, послѣдующимъ періодомъ долженъ быть дополняемъ и уясняемъ предыдущій; надобно, чтобъ не историкъ философіи объяснялъ ея содержаніе, а чтобъ она сама, въ своемъ движеніи, излагала себя постепенно все въ большей и большей ясности. Понимаемая въ такомъ смыслѣ, исторія философіи становится истинною наукою философіи.

Но тамъ, гдѣ нужно было обратить вниманіе на значеніе пиѳагореизма, какъ школы собственно философской въ ряду другихъ школъ, я долженъ былъ тщательно отдѣлить это значеніе отъ всякаго другаго.

Первымъ указаніемъ на отличительный признакъ пиѳагорейской философіи служитъ то значеніе, которое получали у нихъ самыя разнородныя представленія. Все переводили они на языкъ, чиселъ и все вносили въ созерцаніе безграничнаго пространства и безчисленныхъ движеній, которымъ оно даетъ мѣсто. Это созерцаніе было для пиѳагорейскаго мышленія главною основою, и представленія, проистекающія изъ этого созерцанія, были сильнѣйшими. «Подлунная область», земля, какъ поприще природы, рожденія, измѣненія, не привлекала ихъ къ себѣ, потому что мыслительныя силы ихъ сосредоточивались на представленіяхъ астральнаго созерцанія. Слѣдовательно пиѳагорейская школа въ общей космогонической системѣ выражаетъ именно тотъ моментъ ея, который соотвѣтствуетъ этому созерцанію.

При объясненіи преемства школъ не должно прибѣгать ни къ какимъ искусственнымъ предположеніямъ. Различныя школы могутъ существовать современно и не знать другъ о другѣ. Поставляя систему милетскихъ мудрецовъ послѣ пиѳагорейской, мы не должны представлять себѣ ихъ отношеніе такимъ образомъ, что прежде необходимо было развиться астрологіи пиѳагорейской и лишь потомъ могла начаться стихіологія іонійская. Обѣ школы могли возникнуть независимо одна отъ другой, и изъ общей космогонической системы, присутствовавшей во всѣхъ умахъ, одна, по свойству своего мышленія, сосредоточилась на одномъ моментѣ космогоніи, другая на другомъ; пиѳагорейцы удержались преимущественно на моментѣ, ближайшемъ къ космогоническому началу, іонійцы — на моментѣ послѣдующемъ; въ мышленіи первыхъ наибольшую силу имѣло представленіе астральнаго, въ мышленіи послѣднихъ — представленіе стихійнаго. Для пиѳагорейцевъ весь міръ былъ миріадами круговращающихся сферъ, а потому весьма естественно возникаетъ у нихъ ученіе о круговращеніи земли, ученіе, котораго нѣтъ не только у современныхъ имъ, но и у позднѣйшихъ мыслителей. До представленія этого могли они дойти не въ слѣдствіе ученія Ѳалеса, которое, будучи занято преимущественно стихійными переходами, видѣло въ землѣ ея стихійное, а не астральное значеніе; пиѳагорейцы были вынуждены къ этому представленію особеннымъ настроеніемъ своего

мышленія, тѣмъ моментомъ общей системы, которому они служили выразителями.

Названіе фрагментарныхъ, которое можно придавать мыслителямъ древнѣйшаго періода, приличествуетъ имъ не по одному тому обстоятельству, что отъ нихъ сохранились лишь отрывки, но также и по существенному свойству ихъ мышленія. Они не обозрѣвали всей системы, къ которой мышленіе ихъ относилось; каждый мыслитель или каждая особая группа мыслителей выражали ее по частямъ. Космогонія разбилась на отдѣльные моменты, изъ коихъ каждый выражался въ особомъ ученіи.

Г. N спрашиваетъ, что выше: пиѳагорейское ли созерцаніе области неизмѣннаго, невещественнаго бытія, или іонійское представленіе переходовъ міровой сущности? — Но когда рѣчь идетъ о послѣдованіи системъ, то вопросъ не въ томъ, что̀ выше и что̀ ниже, а что̀ ближе къ началу космогоніи и что ближе къ концу ея. Г. N думаетъ, что, по естественному ходу развитія человѣческаго разума, пиѳагорейскій олимпъ (*) не могъ и не долженствовалъ быть предметомъ его мысли прежде, нежели міръ бытія низшаго, физическаго, съ его преходящими явленіями. Но ходъ развитія человѣческаго разума и есть то, что̀ требуется доказать; всякій можетъ составить себѣ свое понятіе о ходѣ человѣческаго разума, и лишь исторіи философіи предлежитъ показать, какъ въ дѣйствительности свершался этотъ ходъ. Если мы послѣдуемъ вкусу г-на N для различенія высшаго предмета мысли отъ низшаго, и согласно съ этимъ различеніемъ будемъ опредѣлять, что̀ могло и долженствовало быть прежде, то придется уже совсѣмъ перевернуть исторію философіи. Ѳалесъ съ Анаксимандромъ ближе были къ олимпу пиѳагорейскому, нежели Анаксагоръ и Демокритъ; и эти послѣдніе гораздо болѣе милетскихъ физіологовъ занимались тѣмъ, что̀ критикъ называетъ низшимъ бытіемъ: такъ ужь не лучше ли съ Демокрита начать исторію греческой философіи, и показать естественный ходъ человѣческаго разума на его извращенной исторіи? Въ самомъ дѣлѣ, если г. N умѣетъ быть послѣдовательнымъ, то онъ долженъ подарить насъ изслѣдованіемъ древней философіи, въ которомъ будетъ представлено, какъ мысль человѣческая изъ матеріяльнаго воззрѣнія Демокрита мало-по-малу возвышалась до области пиѳагорейскаго олимпа, переходя отъ низшаго бытія къ высшему.

[1]) Г. N. уже забылъ, что олимпъ пиѳагорейскій былъ недавно поставленъ имъ на ряду съ стихіями іонійскими.

Стихійные переходы милетскихъ мудрецовъ и Гераклита суть въ космогоніи моментъ дальнѣйшій, нежели представленіе безграничнаго пространства съ его вѣчными движеніями и гармоніею его чиселъ, — и мысль, послѣдовавшая за тѣми переходами, отошла далѣе отъ начала, нежели та, которая лишь издали смотрѣла на область природы и жизни, какъ на царство мрака и смутъ, непонятное для мысли и чуждое для разума. Смѣшно было бы и замѣчать, что пиѳагорейцы, какъ и всѣ люди, живя среди природы, знали ея явленія; но въ своемъ философскомъ созерцаніи они чуждались природы, въ немъ не было для нея мѣста, а потому, говоритъ Филолай, мудрость относится къ верхней области.

Ходъ мысли въ занимающій насъ періодъ оказывается въ томъ, что она мало-по-малу освобождалась отъ представленій, надъ нею преобладавшихъ. Матеріялизація космогонической сущности, происходя въ философскомъ созерцаніи, сопровождается измѣненіемъ самого мышленія, и есть его развитіе. То, что̀ прежде превосходило мысль и какъ бы подавляло ее, мало-по-малу понижается передъ нею, совлекается божественнаго характера, и становится тѣмъ, чѣмъ должно быть — природой; какъ мы замѣчали выше, мысль человѣческая, въ концѣ древнѣйшаго періода, стала въ нормальное отношеніе къ міру, сохраняя передъ его силами свое спокойствіе и ясность (ἀταραξία).

Поговоривъ о предметѣ пиѳагорейскаго мышленія, критикъ мой замѣчаетъ за тѣмъ, что не предметъ мышленія отличаетъ пиѳагорейцевъ отъ другихъ древнихъ мыслителей. Ихъ историческое значеніе, говоритъ онъ, было бы очень не велико, еслибъ оно состояло единственно въ томъ, что пиѳагорейцы занимались созерцаніемъ неизмѣнныхъ движеній звѣзднаго міра; не то-де особенно важно, что они разсматривали *этотъ* міръ, а то, *какъ* они разсматривали его. — Весьма любопытно знать, *какъ* они разсматривали *этотъ* міръ. Какъ же? — Ученый критикъ привелъ два мѣста изъ «Метафизики» и одно изъ Филолая; глубокомысленно согласилъ ихъ, и вывелъ слѣдующее заключеніе: «Теорія чиселъ составляетъ основный «пунктъ и математическое міросозерцаніе служитъ отличительною «чертою пиѳагорейской системы. Прилагая это міросозерцаніе къ «различнымъ предметамъ, пиѳагорейцы естественно могли придти «къ нѣкоторымъ ариѳметическимъ и геометрическимъ опредѣленіямъ «(хотя никто не говоритъ, что въ то время была ариѳметика и гео«метрія какъ особыя науки), къ понятіямъ объ отношеніи различ«ныхъ тоновъ музыки и къ созерцанію астрономическому, которое,

«по словамъ самого автора «Очерковъ», въ сущности совпадаетъ съ «созерцаніемъ математическимъ.»

Не далеко же мы ушли съ вами, ученый и глубокомысленный критикъ. Вы сказали, что созерцаніе звѣзднаго міра далеко не составляетъ всего значенія этихъ мыслителей; повели было насъ куда то, — должно быть весьма далеко, — въ мірозозерцаніе математическое, да потомъ вдругъ и согласились, что оба эти созерцанія въ сущности совпадаютъ. Вы хотѣли пошутить надъ нами, хитрый г. N: мы все-таки остались при созерцаніи звѣзднаго міра, въ которомъ, говорите вы, далеко не состоитъ все значеніе пиѳагорейской школы. Впрочемъ справедливость требуетъ присовокупить, что экспедиція, предпринятая критикомъ, для открытія полнаго значенія этой школы, хотя и возвратилась, подобно кругосвѣтнымъ путешествіямъ, къ тому же пункту, отъ котораго отправилась, однако присовокупила еще кое-что къ значенію пиѳагорейцевъ: «нѣкоторыя ариѳметическія и геометрическія опредѣленія» и «понятія о различныхъ тонахъ музыки».

Но мы виноваты: поиски для открытія полнаго значенія пиѳагорейской школы еще не кончены; снаряжается новая экспедиція, въ «Метафизику» Аристотеля и къ Филолаю у Бека, результатомъ которой оказывается, что есть еще «другое болѣе возвышенное значеніе» этой школы. Это понятіе о гармоніи. Но ужь вы открыли, что пиѳагорейцы опредѣляли тоны музыки и занимались числами: къ чему же эти новые сборы для открытія понятія о гармоніи? И зачѣмъ г. N ходилъ такъ далеко за этимъ понятіемъ? въ моемъ сочиненіи могъ бы онъ прочесть слѣдующія строки:

«Теорія чиселъ и гармоника находили здѣсь (въ движеніяхъ небесныхъ сферъ) себѣ ближайшее примѣненіе. Пиѳагорейцы опредѣляли отношенія и взаимную зависимость небесныхъ сферъ интервалами своей музыкальной гармоніи. Астральныя кругообращенія производятъ, — какъ пиѳагорейцы были убѣждены, — звуки, гармонію, — и если мы не слышимъ этой гармоніи, прибавляли они, то это потому, что мы постоянно и непрерывно, отъ самой колыбели, ее слышимъ.»

Далѣе сказано у меня, на основаніи Филолая: «Существа подлунной области подчинены движенію астральныхъ существъ.» Изъ этихъ словъ, какъ и изъ многихъ другихъ данныхъ, можно видѣть, что астральныя отношенія, какъ понимали ихъ пиѳагорейцы, были какъ бы прототипами, которыми вносился нѣкоторый порядокъ и смыслъ въ такъ-называемый у пиѳагорейцевъ подлунный міръ. Въ этомъ

отношеніи теорія (созерцаніе) чиселъ у пиѳагорейцевъ есть въ сущности одно и то же съ теоріею верхней области. «Слово: *космосъ*, въ смыслѣ стройной цѣлости всего сущаго, говоритъ г. N, впервые было употреблено Пиѳагоромъ, — и такъ какъ онъ шагу не можетъ ступить безъ свидѣтельствъ древнихъ авторовъ, то находитъ нужнымъ подкрѣпить это положеніе ссылкою на Плутарха Decreta physicorum. Но ученый нашъ да не посѣтуетъ на насъ, если мы осмѣлимся напомнить ему, что словомъ космосъ у Филолая называется исключительно его верхняя область, или олимпъ; все прочее есть не космосъ, а напротивъ безпорядокъ (ἀταξία), потому и идея «внутренней гармоніи» или идея «внутренняго огня», или, еще яснѣе, идея «внутренняго духа», какимъ является въ цѣломъ мірѣ по преимуществу человѣкъ, примѣшавшись сюда изъ мышленія совсѣмъ инаго порядка, именно ѳеологическаго, не имѣетъ никакихъ послѣдствій въ философской системѣ пиѳагорейцевъ, и принимая эту идею, они не знаютъ куда ее дѣть, и даютъ ей такъ же какъ и всему астральное значеніе, представляя этотъ внутренній огонь центромъ, кокругъ котораго обращаются планеты и земля.

Можно бы еще многое сказать о пиѳагорейцахъ; но надобно знать мѣру, и не слишкомъ злоупотреблять вниманіемъ читателей. Считаю однако нужнымъ прибавить еще нѣсколько словъ объ этомъ предметѣ.

Ясно ли теперь моему критику, въ чемъ я поставляю неподвижность пиѳагорейскаго ученія, и почему, въ то же время, я различаю въ немъ не одно направленіе? Неподвижность эта относится къ ѳеологической части ихъ ученія; что же касается до мышленія частныхъ лицъ, носившихъ общее названіе пиѳагорейцевъ, то послѣ паденія ѳеократическаго союза, основаннаго Пиѳагоромъ, они хотя и сохраняли нѣкоторую связь между собою, но тѣмъ не менѣе жили и мыслили въ различныхъ обстоятельствахъ и при различныхъ вліяніяхъ. Имъ были общи нѣкоторыя правила жизни, — откуда такъназываемая пиѳагорейская жизнь, — нѣкоторые ѳеологумены и нѣкоторое настроеніе мысли, что все, однако, не препятствовало имъ сверхъ того имѣть разныя другія представленія и мысли: пиѳагорейская жизнь и названіе пиѳагорейцевъ не ограничиваются одною древнею эпохою, но простираются черезъ всю древность до позднѣйшаго времени. Парменидъ элеатъ восхваляется за свою пиѳагорейскую жизнь. Знаменитый Эпаминондъ былъ тоже пиѳагореецъ. Самъ Платонъ хотя и не принадлежалъ къ пиѳагорейскому союзу, однако можетъ быть отчасти названъ пиѳагорейцемъ, представляя

много пунктовъ соприкосновенія съ ними, и вслѣдствіе того оказывая обратное вліяніе и на умы пиѳагорейцевъ. Позднѣйшіе пиѳагорейцы могутъ служить къ раскрытію общей системы, но лишь при помощи строгой и разборчивой критики годятся для опредѣленія особеннаго характера собственно пиѳагорейской философіи, развившейся въ древнѣйшемъ періодѣ.

Еще одинъ пунктъ: что математическое и астрономическое созерцаніе могутъ и должны предшествовать въ развитіи разумѣнія и знанія инымъ родамъ созерцанія, это доказывается намъ въ другой сферѣ, гдѣ термины: математическое и астрономическое, имѣютъ уже тѣснѣйшее, спеціяльное значеніе, — въ сферѣ новаго знанія. Съ чего началось развитіе спеціяльныхъ наукъ новѣйшаго времени? Не математика ли, не механика ли, не астрономія ли являются первымъ звеномъ въ этой новой цѣпи, а Коперники, Кеплеры, Галилеи и Ньютоны первыми именами новѣйшаго знанія? Даже собственно-философскія системы, принадлежащія къ эпохѣ возрожденія наукъ, открывающей новую исторію знанія и разумѣнія, не представляютъ ли въ себѣ преимущественно того же характера? Сто́итъ только назвать имена Декарта, Лейбница, Спинозы, чтобъ отвѣчать на этотъ вопросъ положительно. Физика, химія и весь міръ земнаго бытія, органической природы, выступаетъ въ развитіи науки позднѣе и въ строгой постепенности.

Мой критикъ все ли еще будетъ съ прежнимъ паѳосомъ утверждать, что «никакимъ образомъ нельзя доказать, рѣшительно несо-«образно съ закономъ естественнаго развитія человѣческаго сознанія «предположить, что впервые пробудившаяся къ философствованію «мысль Грека предалась математическому міросозерцанію, и могла «вдругъ возвыситься до понятія о логическомъ космосѣ»?

Не зачѣмъ и трудиться для доказательства того, что̀ не требуетъ никакихъ доказательствъ. Что Пиѳагоръ относится къ древнѣйшей эпохѣ, что онъ самъ и образованіе союза его по крайней мѣрѣ совпадаютъ по времени съ древнѣйшими іонійскими ученіями, это внѣ всякаго спора и сомнѣнія. Вопросъ только можетъ состоять въ томъ, съ чего удобнѣе или раціональнѣе начать изложеніе исторіи.

Г. N полагаетъ, что раціональнѣе начать съ іонійской школы, которая представляетъ собою элементъ *чувственный;* потомъ должна слѣдовать школа пиѳагорейская, въ которой выразилось математическое *міросозерцаніе,* служащее переходомъ отъ чувственнаго къ чистой мысли; наконецъ слѣдуеть элеатская школа, которая возвысилась къ идеямъ, къ чистой мысли.

Прежде всего мы спросимъ критика, за чѣмъ же онъ такъ горячился, утверждая что никто не думалъ и думать не могъ, чтобы представленія іонійскихъ мыслителей относились къ чему-нибудь чувственному? Не находилъ ли онъ, что только школьники могутъ воображать, будто огонь, вода, воздухъ, о которыхъ говорится въ іонійскихъ системахъ, суть тѣ чувственныя явленія, которыя мы называемъ этими именами, и что противъ школьниковъ спорить не сто̀итъ? — И вотъ въ той же самой статьѣ, не успѣвъ, можетъ-быть, перемѣнить пера, онъ самъ теперь утверждаетъ, съ такимъ же жаромъ, что главное и существенное отличіе іонійской школы состоитъ въ томъ, что она представляла все въ чувственномъ видѣ. Онъ ужь и забылъ когда-то упомянутое имъ «особое значеніе» стихій въ физіологіи іонійской. Тогда онъ видѣлъ въ обозначеніяхъ: огонь, воздухъ, — только о́бразныя, фигуральныя выраженія, нѣчто несущественное: «существо дѣла, говорилъ онъ, состоитъ вовсе не въ этихъ наименованіяхъ, а въ томъ особомъ значеніи, какое имъ усвоялось древними физіологами». Теперь оказывается, что въ этихъ-то наименованіяхъ и состоитъ все существо дѣла, а «особое значеніе» уже успѣло испариться. Тогда критикъ выписывалъ изъ Риттера, — теперь лежитъ передъ нимъ Целлеръ. Читатели помнятъ сдѣланную нами выписку изъ Целлера. Г. N обвинялъ меня въ присвоеніи мысли этого ученаго, и вотъ, какъ ничего не бывало, выставляетъ теперь противъ меня Целлерово воззрѣніе, упрекая, зачѣмъ я не принялъ его въ основаніе для своего изложенія.

Но г. N такъ же плохо усвоилъ себѣ мысль Целлера, какъ плохо понялъ мою. Поучая меня, какъ бы слѣдовало расположить школы древняго періода, онъ забылъ объясниться, что̀ разумѣетъ подъ іонійскою школою. Такъ, Гераклита онъ относитъ къ іонійской школѣ; говоря, въ концѣ своей статьи, о нѣкоторыхъ достоинствахъ моего сочиненія, критикъ находитъ, что «ученіе Гераклита изложено у меня лучше *другихъ іонійцевъ»;* но Гераклитъ, Гегелемъ, Целлеромъ и нѣкоторыми другими историками разсматривается не только послѣ пиѳагорейской школы, а даже и послѣ элеатовъ. Между тѣмъ Гераклитъ, какъ у меня доказано и не опровергнуто критикомъ, представляетъ своимъ мышленіемъ тотъ же самый моментъ общей космогонической системы, какой и милетскіе мудрецы.

Критикъ свидѣтельствуетъ особенное почтеніе «идеѣ всеобщаго разума», провозглашенной Анаксагоромъ, и судитъ, что изъ моихъ «Очерковъ» «нельзя понять, какъ совершилось это развитіе мысли въ древнихъ школахъ, какъ мало-по-малу оно восходило отъ строго

(какъ строго!) физіологическихъ представленій міровой сущности до умозрительнаго понятія объ этомъ всеобщемъ разумѣ Анаксагора.»

Положимъ, что всего этого нельзя понять изъ моихъ «Очерковъ», — но откуда же вдругъ взялся у критика Анаксагоръ, или лучше, куда онъ его дѣнетъ? Въ какую онъ посадитъ его школу? Анаксагоръ, какъ видно, долженъ стоять и дальше и выше всѣхъ. Прекрасно! но какой же элементъ дадимъ мы ему въ удѣлъ: чувственный, или математическій, или же чистую мысль? Увы! всѣ эти элементы мы уже роздали! — А Демокритъ, а Діогенъ, а Эмпедоклъ, — этимъ что̀ дадимъ и куда ихъ дѣнемъ?

«Доселѣ историки философіи (говоритъ г. N) обыкновенно полагали и полагаютъ, что развитіе философіи греческой идетъ отъ Ѳалеса, или вообще отъ школы іонійской, и что пиѳагорейцы выражаютъ собою второй моментъ, а элеаты третій моментъ въ ходѣ этого развитія.» И онъ упрекаетъ меня за отступленіе отъ такого порядка, будто за ересь; но разсуждая такимъ образомъ, онъ, самъ того не замѣчая, даетъ еще новое доказательство своихъ свѣдѣній по этой части.

Почти каждый изъ новѣйшихъ историковъ измѣняетъ по своему порядокъ въ послѣдованіи школъ и отдѣльныхъ мыслителей. Такъ, напримѣръ, Брандисъ разсматриваетъ прежде іонійцевъ, но къ іонійцамъ относитъ, кромѣ Ѳалеса, Анаксимандра, Анаксимена и Гераклита, — также Эмпедокла, Діогена, Анаксагора, Демокрита; потомъ идутъ у него элеаты; уже наконецъ слѣдуетъ пиѳагорейская школа. О дѣленіи Риттера мы говорили выше. Не только Ѳалесъ, не только Гераклитъ, но и Діогенъ и Анаксагоръ помѣщаются у него прежде пиѳагорейцевъ. У Браниса пиѳагорейцы и элеаты подъ именемъ италійскихъ или дорійскихъ философовъ идутъ параллельно съ іонійскими; каждый мыслитель въ ряду іонійцевъ имѣетъ себѣ соотвѣтственную антитезу въ противоположномъ ряду, и т. д.

Коснусь въ заключеніе еще одного пункта, чтобы ничего не оставить необъясненнымъ. Помудрствовавъ надъ пиѳагорейцами, критикъ мой обращается къ элеатамъ, и тоже упрекаетъ меня въ неправильномъ указаніи смысла и историческаго значенія ихъ школы. Критикъ утверждаетъ, что я вижу въ этой школѣ возвратъ къ прежнимъ представленіямъ, надъ которыми мысль уже возвысилась. «Какимъ образомъ», говоритъ онъ, «философствующій разумъ уже «послѣ того, какъ его сознанію сдѣлались доступны всѣ стихійные «переходы бытія въ ихъ физической и логической необходимости, «и открылись нѣкоторыя стороны міра логическаго, могъ опять и

«притомъ съ энтузіазмомъ, обратиться къ смутному представле-«нію орфиковъ о космическомъ яйцѣ?» Критикъ хочетъ, чтобъ до послѣдней минуты мы удивлялись его способностямъ и добросовѣстности. Отнюдь не сказано у меня, чтобъ элеаты *возвратились* къ смутному представленію орфиковъ о космическомъ яйцѣ; сказано только, что это господствующее представленіе элеатской школы соотвѣтствуетъ тому, что въ другомъ порядкѣ мышленія, именно орфическомъ, представлялось подъ видомъ «космическаго яйца». Такъ точно Анаксагорово понятіе разума, или Платонова теорія идей соотвѣтствуетъ Ферекидову понятію, которое онъ именуетъ миѳологически Зевсомъ: значитъ ли это, что Анаксагоръ и Платонъ возвратились къ смутной ѳеокосмогоніи этого сирскаго ѳеолога? Тоже самое содержаніе развивалось тамъ совершенно иначе, въ другомъ смыслѣ и духѣ: но аналогія между ѳеогоническими и философскими представленіями существуетъ неоспоримо.

Чтобы не оставлять мѣста сомнѣнію, прошу читателей обратить вниманіе на ту часть «Очерковъ», гдѣ рѣчь идетъ о внутреннемъ значеніи элеатской школы (выше стр. 131).

Парменидово ученіе о единой сущности, взятое отвлеченно, внѣ связи съ другими представленіями, потеряетъ всякій цвѣтъ и всякое историческое значеніе. Тѣ же самыя черты, какими Элеатъ характеризуетъ эту сущность, могутъ быть встрѣчены вездѣ, въ самыхъ противоположныхъ философіяхъ. Въ системѣ мыслимаго есть не одинъ пунктъ, къ которому могутъ относиться эти черты. Точно также Анаксимандръ характеризуетъ свое «начало»: оно также является у него «негибнущимъ», «нестарѣющимъ», и это начало есть то же самое, что̀ и Парменидово «сущее», только иначе представляющееся мысли, въ иномъ моментѣ, въ иномъ пунктѣ. Многія черты у Парменида, вырванныя изъ связи, прямо совпадаютъ съ субстанціей Спинозы. Но если мы будемъ такимъ образомъ выхватывать философемы изъ ихъ окруженія, то тутъ-то, напротивъ, и утратится ихъ историческій смыслъ. А потому историкъ долженъ обратить пристальное вниманіе на всѣ тѣ черты, которыя исключительно принадлежатъ изучаемому мыслителю, и даютъ опредѣленный цвѣтъ и историческое положеніе его ученію. Откуда у Парменида, съ общими опредѣленіями единаго и сущаго, являются понятія «о цѣпяхъ предѣла, въ которыхъ необходимость держитъ эту сущность»? Мой критикъ — любитель безконечнаго, почему не скандализуется этою «опредѣленностію» единаго (τὸ ἓν πεπεράσμενον)? Неужели онъ думаетъ, что надобно скрыть, а не поставить на видъ

тѣ выраженія элеатскихъ мыслителей о единомъ (напримѣръ *шаровидное, подобное круглой сферѣ*), которыя сближаютъ его съ космическою сущностію іонійскихъ физіологовъ, этихъ мыслителей, съ которыми соединила ихъ исторія? Критикъ, далѣе, наткнулся на важное затрудненіе, возникающее для изслѣдователя, желающаго связать обѣ части Парменидова ученія, ту часть, въ которой отрицается всякая возможность движенія и измѣненія, съ тою, гдѣ, несмотря на это, излагается однако представленіе объ измѣненіяхъ и переходахъ, подобное іонійской стихіологіи. Критикъ говоритъ, что я мало занялся этимъ пунктомъ, и начинаетъ самъ всячески хлопотать для объясненія его, хватается за Аристотеля, потомъ за Целлера, и кончаетъ ничѣмъ: «Ясно, говоритъ онъ, что охраняя чистоту и цѣльность своего понятія о единомъ, и представляя единое въ радикальной противоположности съ многообразіемъ измѣняющихся вещей, они не могли ни возвыситься надъ этою противоположностію, ни рѣшительно отринуть бытіе міра дѣйствительнаго.» Конечно, очень ясно и очень удовлетворительно.

У Гераклита борются два враждебныя между собою начала, изъ коихъ одно противится происхожденію вещей, другое есть сама эта сила происхожденія. Мысль элеата сосредоточивается на томъ изъ двухъ представляемыхъ началъ, которое противится производительному движенію, и предается этому началу. Какимъ представляется ей это начало, такою является и сама она, — и сама отрицаетъ всякую множественность, раздѣльность, движеніе. Однако, вынуждаемая дѣйствительностію, она должна уступить, и хотя съ отвращеніемъ, хотя какъ ложь и призракъ, должна допустить, что̀ такъ упорно отрицала. Сила происхожденія и рожденія являлась Пармениду какъ нѣчто мерзостное и гнусное, и проклиная ее, онъ какъ бы хочетъ этимъ сохранить вѣрность своему исключительному началу.

И такъ позволяю себѣ остаться убѣжденнымъ, что связь между двумя частями Парменидова ученія можетъ быть понята и объяснена только съ помощію того воззрѣнія, которое изложено въ «Очеркахъ». По крайней мѣрѣ, вопреки голословному обвиненію критика, что я слишкомъ мало занялся этимъ пунктомъ, могу сказать, что я занялся имъ болѣе (хотя, можетъ-быть, и хуже) прочихъ изслѣдователей.

Послѣ всего, читатели могутъ теперь судить, какой вѣры заслуживаютъ приговоры г-на N. Радуюсь за него, что онъ скрылъ свое имя, и смѣю «питать убѣжденіе», что какова бы ни была его статья, онъ самъ гораздо лучше ея, и потому въ душѣ своей отречется отъ

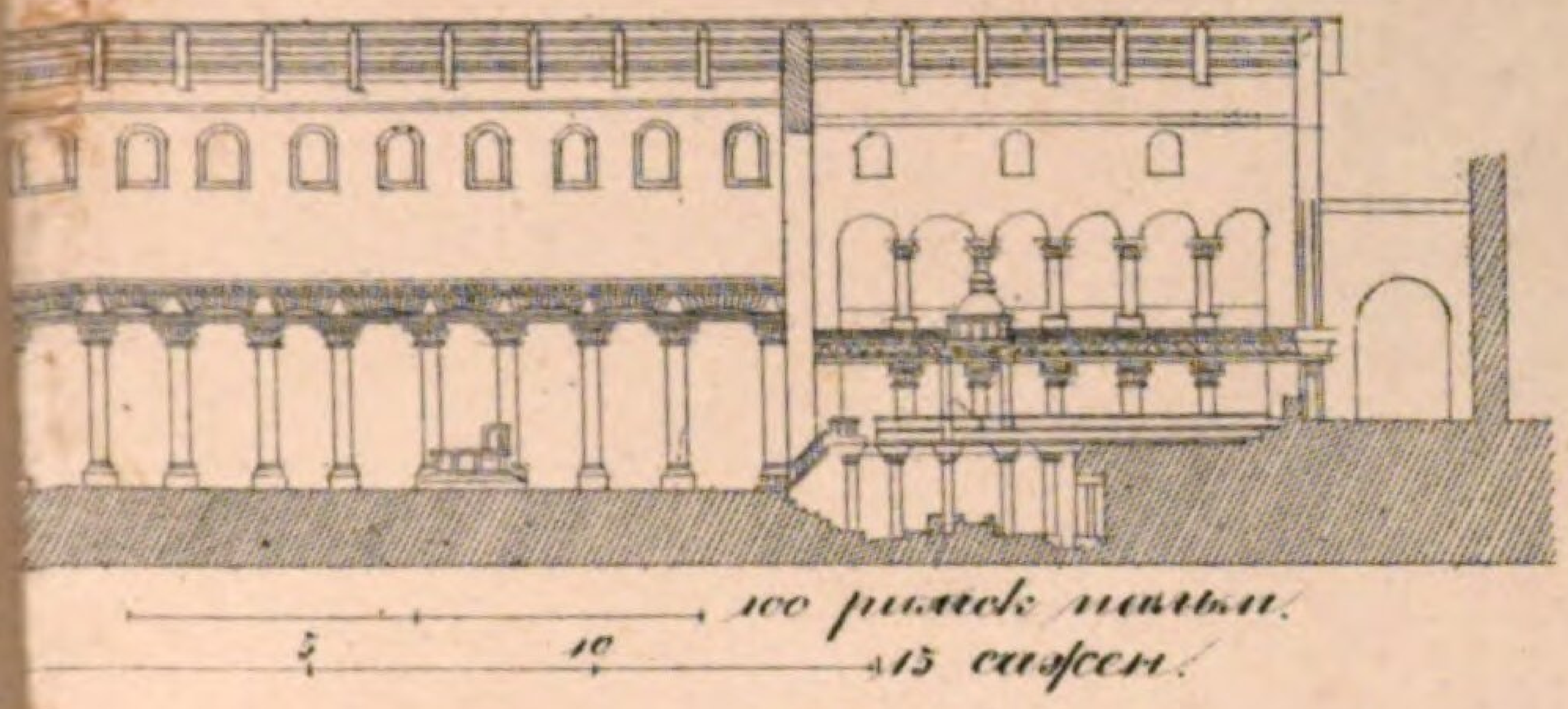
Bayerische Staatsbibliothek München

ней и осудитъ ее самъ. — Что касается до его похвальныхъ словъ о моихъ талантахъ и моемъ трудѣ, то я не могу принять ихъ отъ такого цѣнителя. Есть ли какія-нибудь достоинства въ моемъ трудѣ, или нѣтъ, мой рецензентъ также мало могъ усмотрѣть и оцѣнить ихъ, какъ и недостатки этого труда. Эти недостатки я вижу и знаю, и если мнѣ придется когда-нибудь писать о томъ же предметѣ, то трудъ мой во многомъ можетъ быть улучшенъ и исправленъ, а въ чемъ именно, то осталось тайною для моего критика.

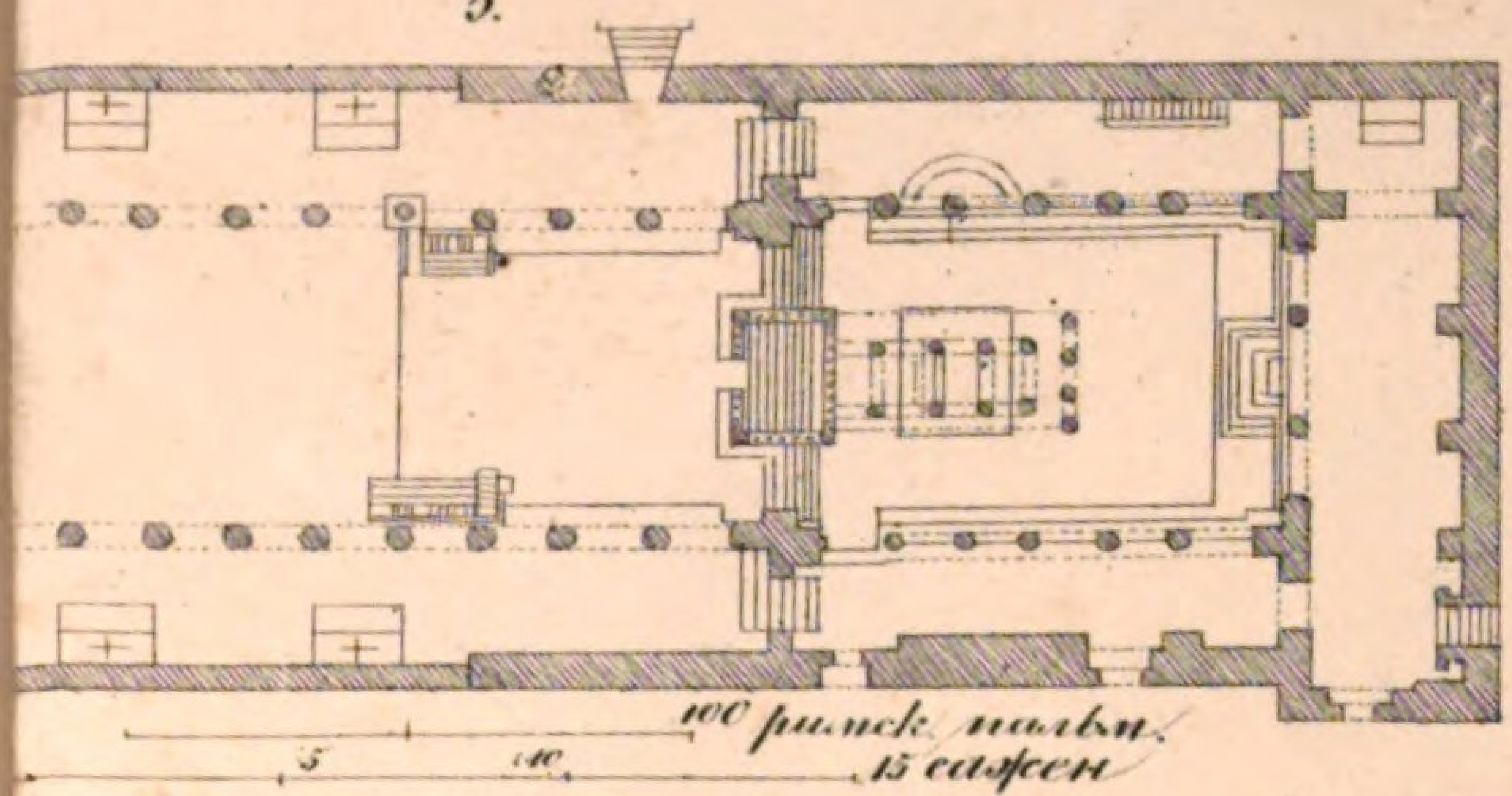
М. КАТКОВЪ.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

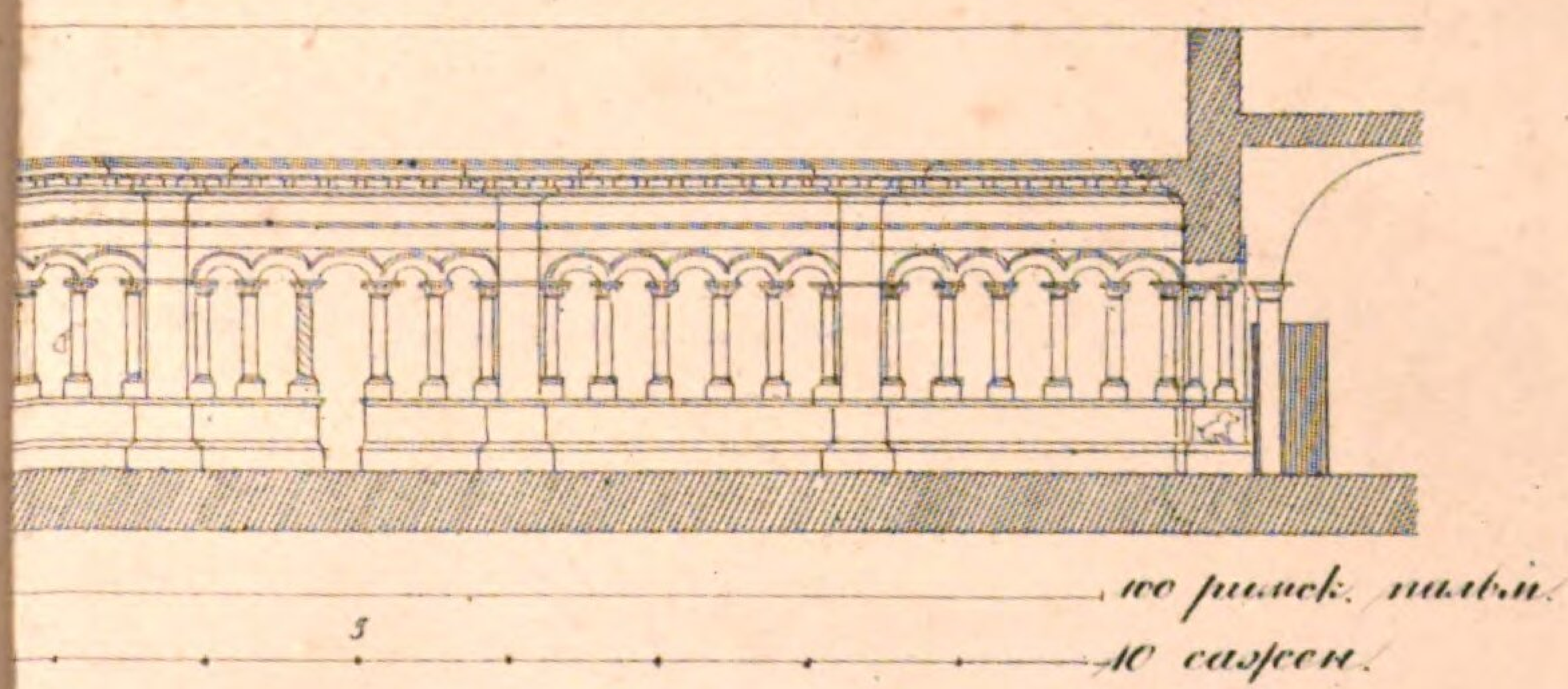
4.

100 римск. пальм.
5 10 15 сажен.

5.

100 римск. пальм.
5 10 15 сажен

6.

100 римск. пальм.
5 10 сажен.

7.

III.

2

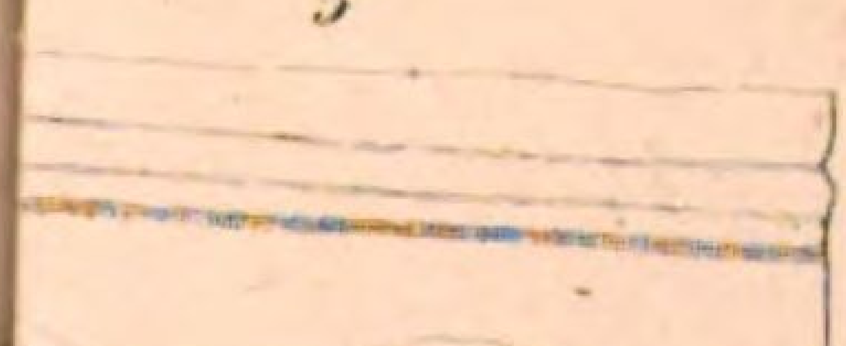
II.

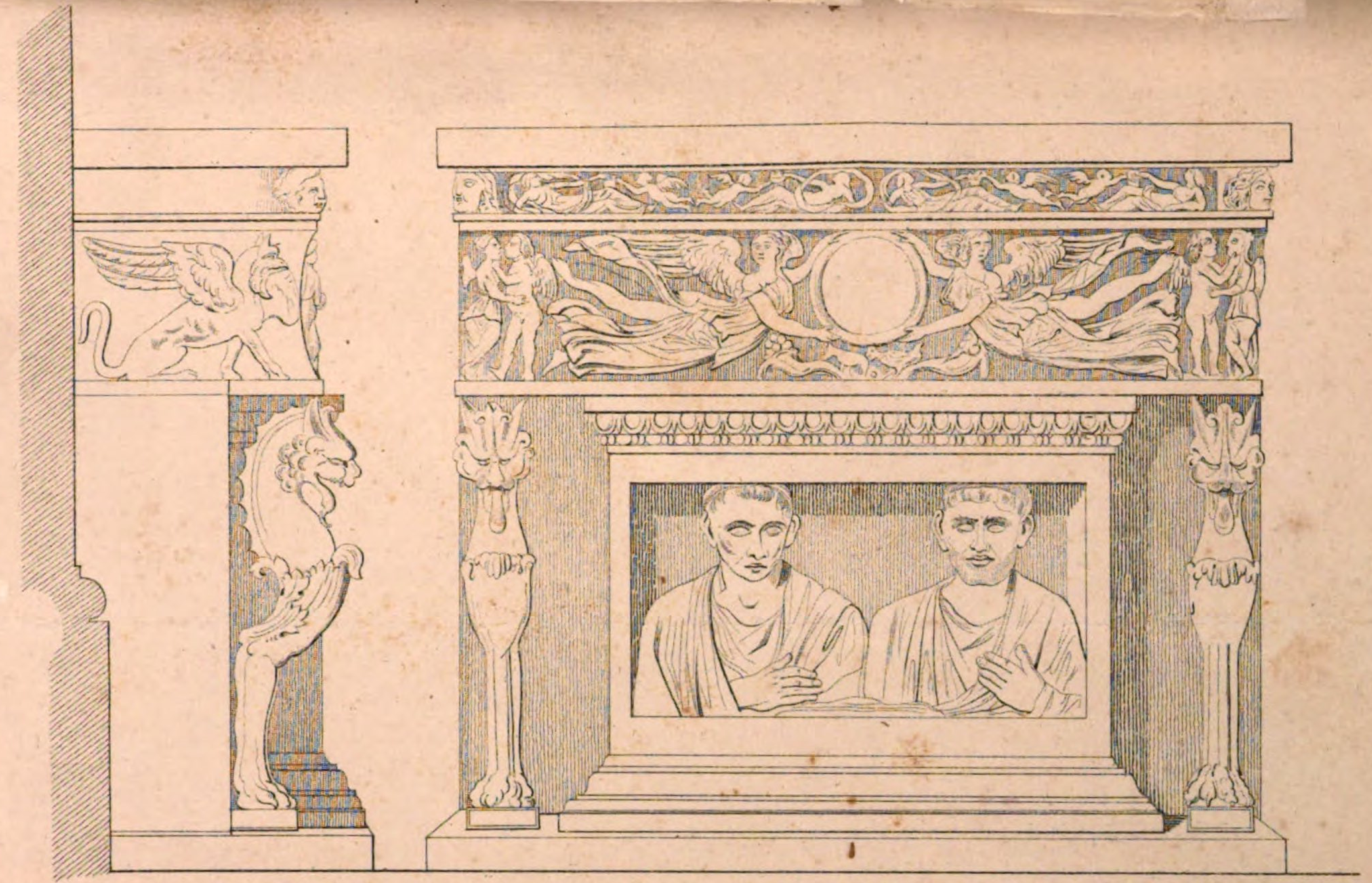
7

5

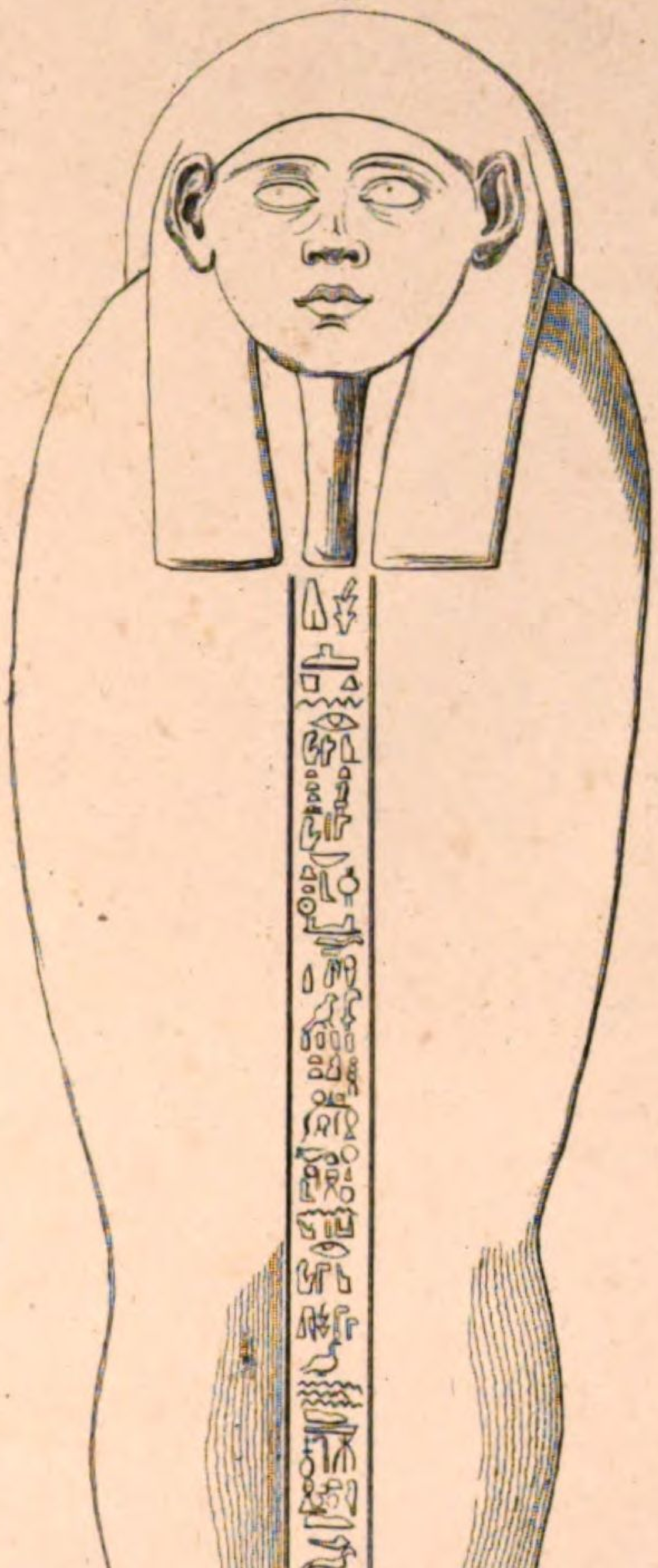

III.

IV.

2.

5.

6.

ИЗДАНІЕ

книгопродавца

В. Ф. ОКОРОКОВА.

Цѣна въ Москвѣ и Петербургѣ 4 руб. 50 к. сер.

BSB Bayerische StaatsBibliothek
MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Propilei sbornik statej po klassičeskoj drevnosti

Bd.: 3. 1858

Moskva 1858

H.ant. 439 t-3
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10433204-0